

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRML H

Изъ Библиотеки

С. ЛУРЪЕ.

Отд. ....

№ *229*

Библиотека „Иврія“

№ *43*

отд. № *229*

**Jewish
Cultural Reconstruction**

Hoernd

1888

5-8

Е 499

ГОДЪ

1888

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

V—VI

Май—Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1888.

Книга 5—6-я.—МАЙ—ИЮНЬ, 1888 г.

I. ЛЕГЕНДА О РАБИ БЕНЪ-ЛЕВИ. (Изъ Г. В. Лонгфелло). Стихотвореніе. Ф. Волховскаго	3
II. ИСААКЪ ДЖЕМЪ. Быль эпохи возрожденія, рассказанная книжнымъ червякомъ. (Окончаніе). Н. Ру—кина	7
III. ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. (Окончаніе). М. Г. Моргулса	25
IV. МИРТАЛА. Историческая повѣсть. Элизы Оржешко. (Продолженіе). Переводъ съ польскаго. А. Н. Онуфровича	43
V. ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ. Стихотвореніе. Н. Тагера	110
VI. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА. Жизнь и дѣятельность Израиля Бешта. С. М. Дубнова	113
VII. ЖИВОЕ ДѢЛО. Разсказъ. М. Рашковича	142
VIII. ЕВРЕИ ПОДЪ ВЛАСТЬЮ РИМА. Л. Рускина	178
IX. СПИНОЗА. Стихотвореніе. Константина Льдова	194
X. КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ. По поводу второго изданія изслѣдованія Н. Д. Градовскаго: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ». П. А. Лякуба	198
XI. ДАЛЬ МОРСКАЯ ВЪ МРАКѢ ТОНЕТЪ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга	208
XII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга . Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIII. ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ НЬЮ-ЮРКЪ. І. Петриковскаго	1
XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ПАРАЛЛЕЛИ ИЗЪ ЖИЗНИ. (Полн. назв.: <i>Дѣя крайности</i> . Романъ изъ современной еврейской жизни. Р. А. Браудеса . Въ двухъ частяхъ. Варшава, 1888. Изданіе книжнаго магазина Л. И. Шапиро). Критикуса	21

(См. 3 стр. обертки).

Е 499

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

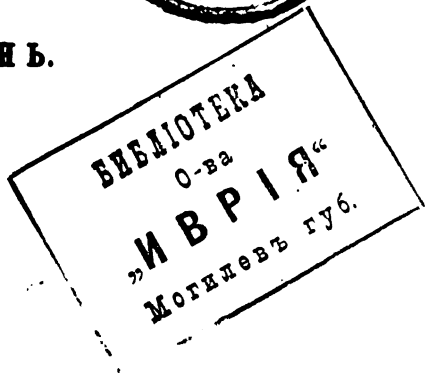
~~№ 2362~~

ЖУРНАЛЪ 21e

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

М а й — І ю н ь .

Ииб - 2362
Сиб - 950.
В. 78.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1886.

1
KSF 458. (1888
-5-8)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 A 2

ЛЕГЕНДА О РАБИ БЕН-ЛЕВИ:

(Изъ Г. В. Лонгфелло) *.

Уже свѣтило дня сходило съ небосклона,
Когда сѣдой старикъ сидѣлъ въ дому своемъ,
Въ одну изъ субботъ, надъ книгою закона,
И вдругъ былъ пораженъ прочитаннымъ стихомъ:
„Никто же отъ людей, въ лицо взглянувши Богу,
Не будетъ больше жить, но тотчасъ же умереть“...
И внигнувъ въ смыслъ стиха суровый, понемногу
Бен-Левн, мужъ святой, съ сѣдалища встаетъ
И молитъ пламенно Всевышняго Владыку,

* Генри Вортсвортъ Лонгфелло извѣстенъ у насъ по прекраснымъ переводамъ такихъ его произведеній, какъ „Евангеліе“, „Пѣсня о Гаяваті“, „Пѣсни о невольничествѣ“, носящихъ специально американскій колоритъ. Но въ его поэзіи есть еще иная струя—та, которая заставила одного нѣмецкаго критика сказать, что Лонгфелло, хотя писалъ по англійски, болѣе нѣмецкій поэтъ, чѣмъ американскій. Дѣйствительно, Лонгфелло большой мастеръ, взявъ сюжетъ изъ жизни чуждаго ему народа, разработать его въ духѣ этого послѣдняго. Предлагаемая „Легенда о раби Бен-Левн“ написана въ духѣ сказаній еврейскаго народа. „Легенда“ эта, представляя вполне самостоятельное цѣлое, связана въ подлинникѣ одной общей завязкой, подъ именемъ „Разказовъ постоялаго двора“ (Tales of the wayside inn) съ шестью другими стихотвореніями: собравшіеся случайно у каміна проѣзжіе и мѣстные посѣтители гостиницы разказываютъ для общаго развлеченія, что знаютъ, или что могутъ выдумать. „Легенду“ разказываетъ еврей, поясняя, что почерпнулъ ее изъ талмуда, „этой книги драгоцѣнныхъ камней и чистаго золота, полной множества разнообразныхъ чудесъ“. Написано стихотвореніе пятистопнымъ ямбомъ.

Переводчикъ.

Чтобъ вѣрному рабу Онъ показалъ Свой ликъ
 И все-жъ оставилъ жить. Затѣмъ, взявъ снова книгу,
 Съдою головой надъ нею онъ поникъ.
 Но что за чудо? Вдругъ надъ ветхими листами
 Ложится изъ тѣней причудливый узоръ...
 И раби подналъ свой ослабленный годами,
 Ослабленный трудомъ, ужъ полумутный взоръ...
 О, ужасъ!—Передъ нимъ стоитъ съ мечомъ въ десницѣ
 Самъ ангелъ смерти, тотъ, чей слѣдъ—ряды могилъ!
 И дрогнула рука невольно на страницѣ,
 И мощный духъ на мигъ Бен-Леви измѣнилъ.
 „Что нужно здѣсь тебѣ?“—промолвилъ онъ въ волненьи.
 И ангелъ отвѣчалъ: „Старикъ, твой близокъ часъ
 И Богъ отцовъ твоихъ въ своемъ благоволеньи
 Рѣшилъ: пока въ тебѣ огонь жизни не угасъ—
 Что хочешь, пожелай, и будетъ по желанью“.
 И рекъ святой мудрецъ: „Желалъ бы видѣть я
 То мѣсто въ неземной странѣ обѣтованья,
 Что уготовилъ мнѣ Всевышній Судя“.
 —„Тогда пойдемъ со мной“,—промолвилъ небожитель.
 „Постой,—сказалъ старикъ;—чтобъ ты не могъ пресѣчь
 Нить дней моихъ, идя въ небесную обитель,—
 Дай мечъ“. Безплотный духъ съ улыбкой отдалъ мечъ,
 И такъ они пошли вплоть до ограды рая.
 Тутъ ангелъ на нее поставилъ старина,
 Чтобъ съ высоты стѣны, еще не умирая,
 Бен-Леви видѣть могъ весь рай издалека.
 Тогда въ небесный градъ, въ обитель упованья

Бен-Левии вдругъ съ мечомъ проворно соскочилъ,
И вотъ по улицамъ тотчасъ прошло дыханье
Невѣдомое тамъ—дыханье смертныхъ силъ!

Не смѣя въ рай войти, духъ гибели суровый
Бричалъ межъ тѣмъ: „Назадъ! Назадъ скорѣй ступай!“
Но раби отвѣчалъ: „Клянуся Иеговой,
„Что больше съ этихъ поръ я не покину рай“.
Тогда хоръ ангеловъ воскликнулъ: „Вседержитель!
Смирн мятежника и дерзкому отищи!

Смотри: ворвался онъ въ небесную обитель
И именемъ Твоимъ клянется не уйти!“
— „О, ангелы мои, смирите вашу ярость,—
Отвѣтствовалъ Господь;—онъ вѣрный мой слуга;
Ужли-жъ ему теперь, свою позора старость,
Нарушить клятву?—Нѣтъ! Ужъ разъ его нога
Ступила въ небеса, въ безсмертія обитель,—
Не трогайте его, онъ больше не уйдетъ:
По праву онъ въ рай; законный небожитель,
Онъ мой увидать ликъ, и все же не умереть“.

За вѣщиною стѣной услышавъ голосъ Бога,
Дрожащимъ голосомъ духъ смерти провизнесъ:
„Отдай мой мечъ, и я пойду своею дорогой“.
— „Нѣтъ,—раби отвѣчалъ,—довольно горькихъ слезъ
Онъ пролилъ на землѣ и причинилъ страданья“...
Но не успѣлъ старикъ еще окончить рѣчь,
Какъ рай былъ потрясенъ съ вершинъ до основанья
Глаголомъ Бога силъ: „Отдай владѣльцу мечъ“!
Въ безмолвномъ трепетѣ и пламенной молитвѣ

Бен-Леви опустилъ тутъ голову свою,
Но молвилъ, мужество храня въ безкровной битвѣ
Со смертью: „Поклянись—и мечъ я отдаю—
Что съ этихъ поръ, когда, согласно вышней волѣ
Ты будешь душу брать у трепетныхъ людей,—
Никто изъ нихъ тебя ужъ не увидитъ болѣ,
Ни занесеннаго меча въ рукѣ твоей!“...

И ангелъ клятву далъ, взялъ мечъ, и съ этихъ поръ
Онъ ходитъ по землѣ, не ужасая взоръ. .

●. Волховскій.

ИСААКЪ ДЖЕМЪ.

БЫЛЬ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ, РАЗСКАЗАННАЯ КНИЖНЫМЪ
ЧЕРВЯКОМЪ *.

VIII.

Страданія человека, открывшаго истину.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Исаакъ Джемъ, когда-то извѣстный докторъ и ученый, превратился въ деревенскаго лекаря. Жилищемъ ему служила убогая хижина; крестьяне считали себѣ за честь доставлять ему пищу и питье. Докторъ, по цѣлымъ днямъ, молчаливый и печальный, ходилъ по скаламъ и ущельямъ, собирая цвѣты и разныя травы, изъ которыхъ приготовлялъ лекарства. На его лицѣ рѣзкими чертами были написаны страданіе и тоска; волосы посѣдѣли, станъ согнулся. Прежній молодой, полный жизни и силы Исаакъ Джемъ исчезъ навѣки, превратившись преждевременно въ старика. Деревенскіе жители уважали и боялись его. Онъ былъ молчаливъ и никогда не говорилъ о своемъ прошломъ. Кто онъ, откуда онъ—никто не зналъ. Всѣ считали его немного помѣшаннымъ, но это было помѣшательство тихое, безобидное. Онъ на много верстъ вокругъ славился, какъ хорошій лекарь и колдунъ. Изъ окрестныхъ селеній стекались къ нему разные больные за помощью. Онъ всѣмъ давалъ лекарства и совѣты. При видѣ больныхъ онъ оживлялся, и въ глубокихъ глазахъ загорался огонекъ.

Въ этой глуши, среди темныхъ и простыхъ людей, онъ

* См. „Восходъ“, кн. IV.

былъ не менѣе необходимъ и полезенъ своими знаніями и искусствомъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ; быть можетъ, здѣсь онъ былъ еще полезнѣе, потому что объ этихъ людяхъ никто не заботился.

Умъ Исаака Джемъ мало-по-малу прояснялся, но черная туча по прежнему застилала въ его сознаніи страшныя картины прошлаго. Большой папа, смерть сыновей, далекій гетто, бѣдная Лія, Римъ,—ничего этого Джемъ не помнилъ. Они не существовали въ его сознаніи; ему некуда было идти, некуда стремиться. Только по временамъ имъ овладѣвало какое-то безпокойство и побуждало снова пуститься въ путь. Но это состояніе скоро проходило, уступая мѣсто тихой грусти, и Исаакъ Джемъ снова возвращался въ деревню.

Онъ жилъ среди крестьянъ, ничего не замѣчая, ничѣмъ не интересуясь, кромѣ своей науки и своего искусства. Онъ по прежнему предавался имъ съ жаромъ и увлеченіемъ, оживая только у кровати больного или за приготовленіемъ лекарства. Это была единственная связь съ остальнымъ міромъ; все прочее для него словно не существовало.

Безумный Исаакъ Джемъ не сдѣлаетъ ничего новаго для науки, но его жизнь не проходитъ для людей безслѣдно. Исаакъ Джемъ и безумный приносятъ ту долю пользы и добра, которую онъ можетъ принести.

Наступилъ 1495 годъ. Весеннее солнце блистало на небѣ весело и привѣтливо. Снѣгъ таялъ. Тамъ и сямъ изъ-подъ бѣлаго покрова зеленѣла трава и качали своими пестрыми головками ранніе весенніе цвѣточки.

Исаакъ Джемъ ходилъ по утесамъ и собиралъ цѣлебныя растенія. Онъ былъ закутанъ въ теплый крестьянскій плащъ, на головѣ была надѣта широкополая шляпа.

Онъ далеко ушелъ изъ деревни. Ему доставляло большое удовольствіе сидѣть гдѣ либо на скалѣ, вдали отъ людей. Скала, нависшая надъ дорогой, была любимымъ его уголкомъ. Дорога едва замѣтною лентой вилась внизъ, перебѣгая съ холма на холмъ, то исчезая, то появляясь изъ-за утесовъ и скалъ.

И въ этотъ день, какъ всегда, Исаакъ Джемъ помѣстился въ углубленіи скалы и началъ разбирать свои травы.

Но онъ скоро бросилъ свои занятія и началъ прислушиваться. Какой-то необычайный въ этихъ мѣстахъ звукъ привлекъ его вниманіе.

Это былъ звукъ военной трубы.

Исаакъ Джемъ посмотрѣлъ внизъ на дорогу. Тамъ, въ синеватой дали, извилась какая-то черная змѣйка. Она ползла все ближе и ближе, прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Исаакъ Джемъ. До него долетали какой-то неясный гулъ, крики, ржанье лошадей, бряцанье оружія. Огромная толпа вооруженныхъ людей двигалась по дорогѣ. Лошади выбивались изъ силъ, стараясь втащить на гору повозки, нагруженныя разными запасами, и двѣ длинныя пушки. Солнечные лучи играли на блестящемъ вооруженіи солдатъ, на ихъ копьяхъ и алебардахъ, на позолоченныхъ латахъ военачальниковъ. Солдаты были одѣты въ куртки разныхъ цвѣтовъ, плотно прилегающія къ тѣлу; кромѣ копья или алебарды, они имѣли короткія шпаги; нѣкоторые же несли тяжелые арбалеты (самострѣлы).

Исаакъ Джемъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту картину. Онъ уже пять лѣтъ не видѣлъ никого, кромѣ бѣдно одѣтыхъ крестьянъ. Эти знамена, эти пестрыя платья, эти роскошныя одежды нѣкоторыхъ всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ впереди другихъ, ихъ шляпы съ перьями,—вся эта картина пробудила въ немъ какія-то неясныя воспоминанія.

Всадники его замѣтили. Они дѣлали ему какіе-то знаки и кричали на непонятномъ для него языкѣ. Но, погруженный въ свои воспоминанія, онъ сидѣлъ, не двигаясь... Черная туча, скрывавшая отъ него прошлое, какъ будто бы начала измѣнять свой цвѣтъ...

Нѣсколько человѣкъ всарабались съ дороги къ нему на скалу. Не получивъ отвѣта на свои вопросы, эти люди схватили его за руки и за плечи и свели внизъ, на дорогу. Тамъ, верхомъ на лошади, сидѣлъ красивый, но суровый рыцарь, одѣтый въ золоченныя латы, въ шляпѣ съ перомъ. На его плечи былъ накинутъ теплый мѣховой плащъ, а сѣдло его лошади расшито золотомъ.

Рыцарь что-то сказалъ, обращаясь къ Исааку, но докторъ не понималъ его языка. Тогда, по знаку рыцаря, къ нимъ

подошелъ одинъ изъ солдатъ и на ломаномъ итальянскомъ языкѣ началъ разспрашивать о деревнѣ, которая находилась по близости, о дорогѣ въ долину, о разстояніи до ближайшаго города. Исаакъ Джемъ собрался съ мыслями и сообщилъ все необходимое.

— Ты долженъ служить намъ проводникомъ,—сказалъ, обращаясь къ нему, рыцарь.

Переводчикъ перевелъ это приказаніе Исааку Джему, который слушалъ молчаливо и неподвижно.

Въ это время къ рыцарю подъѣхалъ какой-то всадникъ, богато одѣтый, молодой и красивый.

— До ближайшей деревни далеко, мы должны сдѣлать остановку,—сказалъ новоприбывшій на латинскомъ языкѣ.

При звукахъ латинской рѣчи Исаакъ Джемъ вдрогнулъ. Въ его головѣ промелькнуло воспоминаніе чего-то прошлаго.

— Кто вы такіе? Зачѣмъ вы сюда пришли?—обратился онъ тоже по латыни къ рыцарямъ.

Рыцари съ удивленіемъ смотрѣли на него. Чистѣйшая латинская рѣчь въ устахъ этого сгорбленнаго, жалкаго старика казалась имъ чѣмъ-то невѣроятнымъ. Они въ свою очередь засыпали Исаака вопросами—кто онъ. Но старикъ не слушалъ ихъ и повторялъ свой вопросъ. И рыцарь отвѣчалъ ему:

— Мы подданные и слуги его величества Карла VIII, короля французскаго. Мы перешли Альпы, чтобы наказать неполютанскаго короля и Римъ. Я—рыцарь де-Торси, предводитель одного изъ отрядовъ французскаго войска.

Исаакъ былъ блѣденъ и дрожалъ отъ волненія.

Французы настойчиво требовали объясненій—кто онъ такой. Но Исаакъ молчалъ. Мѣшокъ съ травами, висѣвшій у него на плечахъ, наводитъ ихъ на мысль, что предъ ними стоитъ докторъ или колдунъ. Не добившись отъ него отвѣта, они остановились на этомъ предположеніи и велѣли вести себя въ деревню. Старикъ казался имъ подозрительнымъ, они зорко слѣдили за нимъ.

Французскій отрядъ снова двинулся въ путь и пришелъ черезъ нѣсколько часовъ въ деревню. Разказы жителей объ искусствѣ Исаака Джема очень скоро разогнали подозрительность

инземцевъ. Рыцарь де-Торси приказалъ привести его къ себѣ, въ домъ деревенскаго старшины.

Низкая комната была погружена въ полумракъ; на полу было разбросано дорогое оружіе; за столомъ сидѣли рыцари и военачальники въ богатыхъ одеждахъ, освѣщенные колеблющимися отблесками пылающаго очага.

— Слушай, старикъ,—обратился къ Исааку Дjemu на латинскомъ языкѣ рыцарь де-Торси, — кто бы ты ни былъ родомъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Но ты искусный лекарь, а мы нуждаемся въ лекаряхъ. Хочешь-ли ты идти вмѣстѣ съ нами въ Римъ?

При этихъ словахъ Исаакъ словно остолебенѣлъ. Онъ судорожно сжималъ полы своего плаща; его лицо начинало подергиваться.

— Если ты хорошо исполнишь свое дѣло, то будешь награжденъ,—продолжалъ рыцарь,—и вмѣстѣ съ нами будешь имѣть удовольствіе выселять папу изъ Ватиканскаго дворца.

Римъ... Ватиканскій дворецъ... Мраморныя залы, наполненныя блестящей и праздною толпою... Блѣдный и неподвижный Иннокентій VIII, лежащій на атласныхъ подушкахъ... Операція переливанія крови.. Охлаждающіе трупы сыновей.. Цѣлый рядъ картинъ промелькнулъ въ умѣ Исаака Джима со всею ихъ страшною дѣйствительностью. Черная туча разсыялась. Прошлое ожило въ памяти. Исаакъ Джемъ застоналъ, схватился за голову, судорожно сжалъ ее, и какъ снопъ упалъ на полъ.

IX.

Какое правоученіе вынесъ Исаакъ Джемъ изъ своихъ страданій.

Французскія войска, перейдя Альпы, вступили въ Ломбардію. Они безпрепятственно двигались впередъ. Горожане выходили къ нимъ на встрѣчу; мелкіе государи сѣверной Италіи присоединяли къ нимъ свои войска. Только Венеція стала на сторону Неаполя и папы. Карлъ VIII, во главѣ своей арміи,

окруженный блестящей свитою знатнѣйшихъ рыцарей, быстро приближался къ Риму.

Къ папѣ Александру VI Борджіа, заступившему мѣсто Иннокентія VIII, были отправлены французскіе послы, которые требовали, чтобы папа безпрепятственно пустилъ французское войско въ Римъ; они обѣщали именемъ короля, что папская власть не будетъ нарушена.

Александръ VI вынужденъ былъ согласиться.

Французскія войска, съ королемъ во главѣ, вступили въ вѣчный городъ. Король ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади, у которой, по французскому обычаю того времени, были обрѣзаны уши и хвостъ. Его окружали четыреста стрѣлковъ и конвой изъ дворянъ. За нимъ шли швейцарцы и нѣмцы въ узкихъ курткахъ, съ копьями, шпагами и алебардами. Первый рядъ каждаго батальона былъ въ латахъ; на предводителяхъ тоже были латы и шляпа съ перомъ.

За ними шель пятитысячный отрядъ гасконцевъ. Это были низкорослые, коренастые люди. На плечахъ они держали тяжелые арбалеты, а на поясѣ висѣли колчаны со стрѣлами.

Вслѣдъ за этимъ отрядомъ двигалась французская кавалерія; она поражала толпившійся по улицамъ народъ своею красотой и богатствомъ. Въ первыхъ рядахъ ѣхалъ знаменитый рыцарь «безъ страха и упрека» Баярдъ и другіе рыцари въ богатыхъ шелковыхъ плащахъ съ воротниками изъ золотой парчи. Ихъ вооруженіе блестяло золотомъ и драгоценными камнями; у пояса висѣли длинные мечи. За каждымъ рыцаремъ ѣхалъ оруженосецъ въ такомъ же вооруженіи, какъ его господинъ, и два конюха.

Въ концѣ арміи везли тридцать шесть пушекъ. Народъ смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Такихъ тяжелыхъ и большихъ орудій до того времени итальянцы еще не видѣли.

Всѣ улицы были покрыты народомъ. Въ окнахъ сидѣли изящныя дамы; онѣ махали платками и бросали цвѣты.

Шесть часовъ продолжалось шествіе. Войска непрерывною нитью тянулись черезъ городскія ворота, и только къ вечеру послѣдняя повозка обоза въѣхала въ Римъ.

На одной изъ повозокъ обоза сидѣлъ Исаакъ Джемъ. Онъ

еще болѣе постарѣлъ; волосы совсѣмъ посѣдѣли; глаза еще болѣе ввалились, но взглядъ ихъ былъ осмысленный, глубокой и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный. Разсудокъ вернулся къ Исааку Джемю. Онъ все вспомнилъ и все понялъ. Тамъ, въ альпійской деревушкѣ, къ нему возвратилось сознание, гдѣ онъ и что онъ; ему страстно захотѣлось идти въ Римъ, въ гетто, гдѣ, быть можетъ, плачетъ и надрывается бѣдная Лія. Ему захотѣлось опять замкнуться въ своей рабочей комнатѣ и, погружившись въ книги и опыты, забыть свое великое, ничѣмъ невознаградившее горе. Онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе рыцаря де-Торси и вмѣстѣ съ французскими войсками вѣхалъ въ Римъ.

Была пятница. Солнце уже близилось къ закату. Церковныя башни бросали длинныя косыя тѣни. Улицы были полны народомъ. Крестьяне окрестныхъ селъ и деревень во множествѣ стеклись въ Римъ, чтобы видѣть вступленіе въ вѣчный городъ иноземныхъ войскъ. Французскіе солдаты бродили по улицамъ, распѣвая пѣсни и бряцаая оружіемъ. Опасаясь грабежа, горожане заперли окна и двери.

Исаакъ Джемъ тихо пробирался въ толгѣ. Когда онъ подходилъ къ гетто, его сердце сильно билось. Онъ опять увидѣлъ эти узкія, грязныя улицы, переулки, болѣе похожіе на щели, неуклюжіе дома съ неправильными окнами и черепичными крышами. Тамъ и сямъ мелькали огни; изъ оконъ и дверей еврейскихъ домовъ выглядывали незнакомые люди въ праздничныхъ нарядахъ. На Исаака Джема смотрѣли съ удивленіемъ и недоумѣніемъ—откуда пришелъ этотъ слабый, сгорбленный старикъ! Кто онъ, куда идетъ, отчего у него такой взволнованный и страдальческій видъ, когда всѣ сыны Израиля спѣшать облачиться въ праздничныя одежды и мирно и весело встрѣтить субботу?

«Гдѣ Лія? Жива-ли она?»—Множество вопросовъ тѣснилось въ умѣ Исаака Джема, когда онъ, едва держась на ногахъ, подходилъ къ своему дому.

Тамъ, у дверей, ведущихъ на улицу, сидѣла сѣдая женщина, одѣтая въ бѣломъ; голова ея была опущена, а руки

лежали на колѣняхъ. Рядомъ съ женщиной старикъ, сѣдой, сгорбленный, похожій болѣе на скелеть.

Исаакъ Джемъ обѣими руками схватился за сердце: онъ узналъ ихъ,—этого старика и эту женщину, не смотря на всѣ перемѣны, которыя произвели въ нихъ время и страданія. Старикъ этотъ—равви Ааронъ; эта женщина—его Лія. Что она скажетъ ему? Какъ встрѣтитъ? Не прокляла-ли она его проклятіемъ матери, потерявшей своихъ дѣтей? Не скажетъ-ли она ему: «ты не долженъ былъ браться за операцію даже въ томъ случаѣ, если бы папа грозилъ тебѣ пыткой»? Какъ объяснить онъ ей, что не страхъ, а любовь къ истинѣ заставила его самого предложить операцію?

— Здравствуй, Лія!

Лія подняла голову и тихимъ голосомъ произнесла:

— Привѣтъ тебѣ, кто бы ты ни былъ.

Исаакъ Джемъ не могъ сказать ни слова отъ волненія. Онъ стоялъ, держась за стѣну дома.

— Исаакъ Джемъ! Ты-ли это? Исаакъ Джемъ!!

Отъ этого восклицанія равви Аарона Лія быстро встала. Теперь она узнала голосъ давно потеряннаго мужа. Она протянула руки въ ту сторону, откуда раздались эти слова. На ея лицо упалъ лучъ свѣта изъ оконъ сосѣдняго дома, гдѣ, по еврейскому обычаю, во всѣхъ комнатахъ горѣли свѣтильники...

Исаакъ, не сводившій съ нея взоровъ, блѣдный, окаменѣлый, увидѣлъ кроткое лицо, покрытое морщинами, и бѣлые, тусклые глаза.

— Слѣпая! Лія, радость моя! Свѣтъ очей моихъ! О, когда же придетъ конецъ испытаніямъ!

Исаакъ, рыдая, бросился къ ней. Лія протянула къ нему руки и безъ чувствъ упала на полъ. Равви Ааронъ стоялъ въ сторонѣ и плакалъ.

Изъ оконъ показались любопытныя лица; со всѣхъ сторонъ выходили разные люди, услышавшіе о возвращеніи давно пропавшаго Исаака Дজেма.

«Докторъ Исаакъ вернулся!» пронеслось по гетто. «Докторъ Исаакъ живъ!» переходило изъ устъ въ уста. Къ дому доктора со всѣхъ сторонъ шли помнившіе Исаака люди,—мужи, ста-

риги, женщины. Еврейскіе старѣйшины съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда старинный обычай позволить имъ оставить кругъ своего семейства и идти къ Джемю.

Потерявшую сознание Лію перенесли наверхъ въ знакомую уже намъ комнату. Лія скоро пришла въ себя, и первыя слова, съ которыми она обратилась къ Исааку Джемю, были словами ободренія и поддержки.

— Ты вернулся!—говорила она,—моя надежда исполнилась! Господь возвратилъ мнѣ мужа, котораго я ждала столько лѣтъ... Да будетъ благословенно имя Его во вѣкъ! Благъ Господь ко всѣмъ, и щедроты на всѣхъ дѣлахъ Его!

Исаакъ Джемъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ и плакалъ. Эти слезы были въ одно и то же время слезами счастья и печали. Онъ напелъ вновь свой домъ и свою жену, но домъ его былъ пустъ, а жена его—слѣпая!

Самыя противоположныя чувства тѣснились и боролись въ его душѣ. Но, видя жену, лицо которой выражало счастье, видя мѣста, гдѣ онъ провелъ столько хорошихъ дней, Исаакъ мало по малу успокоивался...

Буря утихала, волны вздымались все ниже и ниже....

Сидя на диванѣ рядомъ со своей женой, Джемъ рассказывалъ, что съ нимъ произошло въ эти пять лѣтъ, съ того момента, какъ его позвали въ Ватиканскій дворецъ. Онъ говорилъ объ успѣхѣ своей операціи, о впечатлѣніи, которое она произвела во дворцѣ; онъ со слезами на глазахъ рассказывалъ о томъ, какъ впервые увидѣлъ своихъ дѣтей, мертвыхъ и холодящихся; онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ сознание дѣйствительности исчезло въ немъ и вернулось только въ какой-то бѣдной деревушкѣ, въ хижинѣ крестьянина, у постели больного. Онъ говорилъ о черной тучѣ, скрывавшей отъ него страшное прошлое, говорилъ, какъ разсѣялась эта туча подъ впечатлѣніемъ, которое произвело на него появленіе французовъ среди той мирной и однообразной обстановки, въ которой онъ такъ долго жилъ... Онъ рассказывалъ свой походъ черезъ Италію вмѣстѣ съ французской арміей, подъ покровительствомъ рыцаря де-Торси. Во время разказа его голосъ дрожалъ: въ немъ слышались рыданія. На тусклыхъ глазахъ Ліи блестяли слезы.

Между тѣмъ комната наполнялась народомъ. Знакомые и незнакомые тѣснились, желая видѣть Исаака Джема. Пришли и еврейскіе старѣйшины и привѣтствовали его.

— Привѣтствуемъ тебя,—сказали они Исааку,—и да послужать въ испытанныя тобою страданія указаніемъ, что грозный Судія не терпитъ самонадѣянности и пренебреженія завѣтами и обычаями отцовъ.

Исаакъ молча слушалъ старѣйшинъ, а въ груди у него что-то заклокотало, забурлило; глаза загорѣлись, грудь стала вздыматься порывисто и высоко. Чувство, давно уже не испытанное, охватило его. Картины далекаго прошлаго ожили въ его умѣ. Онъ вспомнилъ, съ какою враждой относились эти люди къ его книгамъ, его занятіямъ; какъ они называли каждый его успѣхъ и открытіе—нарушеніемъ отцовскихъ завѣтовъ, cadaго любимаго имъ философа—язычникомъ и нечестивцемъ. Онъ вспомнилъ, сколько перенесъ отъ этихъ людей незаслуженныхъ упрековъ въ томъ, что онъ не сынъ своего племени, не внукъ своихъ дѣдовъ. Онъ вспомнилъ, какъ отвергали эти люди каждую мысль, каждое мнѣніе, даже очевидно справедливое, только потому, что оно было несогласно съ тѣми обычаями, обрядами и предразсудками, которые оставили имъ въ наслѣдство отцы и дѣды.... Онъ стоялъ, готовый отвѣчать, а старики говорили:

— Богъ наказалъ тебя. Покорись, преклони голову, обратись къ Нему съ мольбой и отрекись отъ своихъ прежнихъ заблужденій.

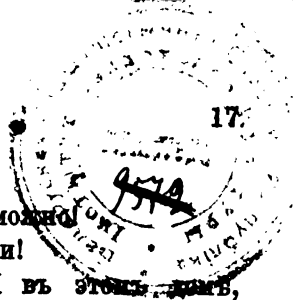
— Мнѣ не отъ чего отречься,—отвѣчалъ тихо, но твердо Исаакъ.

— Твои заблужденія привели тебя къ мысли дѣлать опыты и переливать кровь.

— Я для того-то и дѣлалъ опыты, чтобы узнать, заблуждаюсь я или нѣтъ.

— Твои опыты шли противъ Бога и разума.

— Неправда, они не могли идти противъ Бога и разума; потому что они дали мнѣ возможность сдѣлать открытіе, полезное людямъ. Они доказали мнѣ, что переливать кровь возможно.

— Но вѣдь твои сыновья умерли.
 — Да, умерли, но переливать кровь невозможно!
 — Безумецъ! Онъ не вѣритъ очевидности!
 — Нѣтъ, я ей вѣрю болѣе, чѣмъ вы. Я въ этомъ дѣлѣ, въ той комнатѣ, самъ, собственными руками дѣлалъ опыты и удачно переливалъ кровь, собственными глазами видѣлъ ихъ успѣхъ. Могу-ли я, не вѣря собственнымъ глазамъ, говорить, что переливанье крови невозможно?

Въ комнатѣ, полной народа, царилъ тинина. Исаакъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ передъ старѣйшинами и смотрѣлъ на нихъ блестящими, глубокими глазами. Старѣйшины съ видомъ сожалѣнія покачивали головами; одни воздѣвали глаза къ небу, другіе угрюмо морщили брови.

— Смертью дѣтей Богъ наказалъ тебя! — говорилъ сѣдой, сторбленный раввинъ, обращаясь къ Исааку Джемю.

— Богъ не могъ наказать меня за то, что я сдѣлалъ открытіе, полезное людямъ, — отвѣчалъ Исаакъ.

— Не въ томъ-ли и заключается твое открытіе, чтобы новымъ способомъ убивать людей? Ты не сдѣлалъ никакого открытія!

— Я сдѣлалъ его! Меня могутъ упрекать въ неудачной операци, но мое открытіе стоитъ выше сомнѣній и опроверженій! Пусть обвиняетъ, кто угодно, мои неискусныя руки, но не истину, которую я открылъ. Она выше всего!

— Ты говоришь хулы противъ Бога! Гнѣвъ его обрушится на тебя.

— Богъ никогда не наказываетъ человека за то, что онъ говоритъ истину.

— Богъ уже наказалъ тебя! Гдѣ твои сыновья? Они въ могилѣ! Посмотри на свою жену—она ослѣпла и погружена въ вѣчный мракъ! Посмотри на самого себя! Пять лѣтъ страданій состарили тебя на полжизни.

— Всѣ мои страданія не докажутъ мнѣ, что я заблуждаюсь, какъ не докажутъ того, что три больше десяти! Не докажутъ, настаиваете-ли, не докажутъ!—воскликнулъ, задыхаясь, Исаакъ.—Да, я страдалъ, дѣти умерли, жена ослѣпла... Да будетъ! Не кто посмѣетъ сказать, что если одинъ человекъ убилъ

другого топоромъ, такъ, значить, топоръ вредное орудіе? Моя неудача не могла убѣдить меня, что моя наука, знанія, опыты, мысль—лживы!

Всѣ присутствовавшіе въ комнатѣ заволновались, зашумѣли. Послышались возгласы:

— Это безумецъ! Это еретикъ! Несчастный!

— Слушайте вы всѣ, — продолжалъ громкимъ голосомъ Исаакъ, — слушайте, я повторю вамъ то, что говорилъ много лѣтъ назадъ. Я хочу истины, несомнѣнной, подтвержденной, доказанной истины!

— Даже послѣ столькихъ несчастій?

— Даже тогда!

— Даже передъ трупами дѣтей?

— Даже тогда! Всегда, понимаете-ли вы, темные люди, всегда, своею кровью, свою жизнью готовъ я заплатить за истину!

Всѣ присутствовавшіе заволновались и зашумѣли еще болѣе. Старѣйшины въ ужасѣ отступили. Они подняли руки къ небу и взывали:

— Богъ Авраама, Исаака и Иакова! Смягчи безуміе этого человѣка! Покори его душу! Разсѣй его заблужденія!

Толпа кричала, топала ногами, спорила. Кое-кто грозилъ Исааку Джемю кулаками, призывалъ громы небесныя на его главу. Исаакъ, блѣдный отъ волненія, пробрался черезъ толпу и вошелъ въ свою рабочую комнату.

Здѣсь, по еврейскому обычаю, тоже горѣли свѣтильники, освѣщая хорошо знакомые Исааку предметы. Все здѣсь было на прежнихъ мѣстахъ. На столахъ лежали толстыя книги въ кожаныхъ переплетахъ и свитки рукописей; на полочкахъ по прежнему виднѣлись пучки травъ и сосуды странной формы. Тотъ же глобусъ, тѣ же черепа, все то же, все на прежнихъ мѣстахъ...

Все то же. И Исаакъ Джемъ, ученый докторъ, знатокъ греческаго, арабскаго и другихъ языковъ, Исаакъ Джемъ — и онъ тотъ же. Его волоса посѣдѣли, станъ согнулся, лицо покрылось морщинами, глаза впали, но духъ его, — духъ былъ

прежній... Исаакъ Джемъ подошелъ къ окну и прикоснулся горячимъ лбомъ къ холодному стеклу.

А въ окно смотрѣлъ глубокой, хрустальный сводъ неба, усѣянный звѣздами. Серпъ луны блестѣлъ изъ-за прозрачныхъ легкихъ облаковъ. На темномъ фонѣ чернѣли башни далекихъ соборовъ и колоколни церквей.

И Исаакъ Джемъ вспомнилъ другой, такой же тихій, такой же прекрасный вечеръ, когда онъ, окончивъ съ успѣхомъ опыты, сидѣлъ въ этой комнатѣ и, согнувшись надъ столомъ, записывалъ свое открытіе... О, какъ онъ былъ тогда счастливъ, какъ счастливъ!.. Какъ онъ вѣрилъ, что совершить на своемъ вѣку много открытій, полезныхъ людямъ...

А теперь... Гдѣ его силы? Гдѣ тотъ огонекъ, который горѣлъ въ его душѣ?.. Пять лѣтъ жизни пропали безслѣдно для науки. Пять лѣтъ страданій вмѣсто пяти лѣтъ плодотворнаго труда во имя истины и справедливости...

Исаакъ Джемъ плакалъ. Но его слезы не были слезами сомнѣнія и раскаянія. Это были слезы сожалѣнія о томъ, что пять лѣтъ жизни прошли не такъ плодотворно, какъ должны бы были пройти.

Изъ сосѣдней комнаты въ полуотворенную дверь врывались крики и шумъ. Созерцая картины прошлаго, Исаакъ Джемъ слышалъ, какъ его родичи ругали его, смѣялись надъ нимъ и называли невѣрующимъ и отступникомъ.

— Темные люди! темные люди! — шептала Исаакъ и, открывъ рукопись Альгаццали, онъ отыскалъ то мѣсто, на которомъ были написаны слѣдующія слова:

«Моя цѣль—узнать истину, которая была бы сильнѣе всякихъ опроверженій и выше всякихъ сомнѣній. Волшебникъ, превращающій палку въ змѣя, не убѣдитъ меня, что три больше десяти. Я подивлюсь его искусству, но все-таки останусь при своемъ!»...

Х.

**За что принялся Исаакъ Джемъ послѣ своего возвращенія.
Заключеніе.**

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Къ Исааку Джемъ вернулось его счастье. Онъ снова по цѣлымъ днямъ просиживалъ у себя

въ кабинетѣ, дѣлая наблюденія и опыты и роясь въ книгахъ. Его здоровье мало-по-малу поправлялось; силы возвращались; въ груди появился прежній огонекъ, который разгораясь все больше и, не давая ни минуты покоя, заставлялъ работать его мысль, задавалъ вопросы, требовавшіе настоятельно отвѣта. Исаакъ Джемъ ожилъ, и, оживъ, еще болѣе погрузился въ свое дѣло.

Къ нему приходили больные; онъ страстно предавался ихъ леченію, дѣлалъ все, что только могъ, и пускалъ въ ходъ всё орудія искусства и науки.

И снова ожила слава о его опытности и знаніяхъ. Припомнили и удачное его леченіе папы Иннокентія VIII, отъ котораго отступились и доктора, и магики. «О, какъ много могутъ дѣлать знанія и наука!—говорили мыслящіе люди.—Значить, истина и справедливость на сторонѣ Исаака Джема, если послѣ всѣхъ несчастій и страданій онъ остался при своемъ... Только истина можетъ дать человѣку столько силы и стойкости!»...

И такія мысли приходили въ голову не одному, а многимъ людямъ. Несчастія и бѣды, перенесенныя Исаакомъ Джемомъ, привлекли къ нему вниманіе и многихъ заставили задуматься.

Услышавъ о возвращеніи Исаака Джема, пришли къ нему и старые его знакомые христіане, которые пользовались когда-то его книгами. Графъ Пико де-Мирандола прислалъ письмо и наконецъ самъ пріѣхалъ навѣстить ученаго еврея. Они встрѣтились, какъ друзья, и долго бесѣдовали о разныхъ философскихъ вопросахъ.

Между тѣмъ, въ Римѣ гремѣла кровавая слава Цезаря Борджіа,—сына папы Александра VI. Этотъ человѣкъ, для достиженія своихъ корыстныхъ и честолюбивыхъ цѣлей, не останавливался ни предъ какими средствами,—ядомъ, ложною присягой, кинжаломъ. Слуги Цезаря слѣдовали примѣру своего господина. Они повѣсили за руки двухъ стариковъ и восемь старухъ, и развели подъ ними огонь, чтобы узнать отъ нихъ, гдѣ спрятаны деньги. Несчастные умерли въ страшныхъ мученіяхъ.

Весь Римъ трепеталъ передъ Цезаремъ Борджіа.

Благоразумные люди качали головой и говорили: «Вотъ до чего дошло! Вотъ до чего дошло! Такой человѣкъ, какъ Цезарь Борджіа, живетъ и наслаждается, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ! Значитъ, вся жизнь требуетъ обновленія!»

Папа смотрѣлъ на всѣ несправедливости, которыя происходили вокругъ него, и ничего не дѣлалъ, чтобы прекратить ихъ. Даже напротивъ,—онъ самъ участвовалъ въ нихъ, стремясь къ личному наслажденію и удовлетворенію своихъ прихотей. Подобно Иннокентію VIII, онъ заботился больше о томъ, чтобы доставить своимъ родственникамъ титулы и богатства, чѣмъ о дѣлахъ церкви. Ученіе Христа было забыто. Продажа индульгенцій процвѣтала во всѣхъ католическихъ странахъ. Цѣлыя области отдавались на откупъ купцамъ и банкирамъ, которые и собирали деньги за отпущенные папою грѣхи...

И въ народѣ говорили, что «папа приготавливаетъ путь антихристу, что онъ мечтаетъ о водвореніи царства сатаны, а не царства небеснаго». Припоминали слова Яна Гуса, сказанныя имъ въ 1415 г. на кострѣ: «Черезъ сто лѣтъ, вы отвѣтите Богу и мнѣ». Припоминали и слова францисканскаго монаха Юганна Гильтена: «Въ 1511 году начнутъ падать сила и власть папы».

И сила и власть папы дѣйствительно падали. Изъ Италіи ученость распространялась въ Германіи, Англіи и другія страны. Французы, побѣдоносно пройдя всю Италію, заняли Неаполь, но вскорѣ послѣдно возвратились обратно. Владѣнія французскаго короля не увеличились отъ этого похода, но, вмѣстѣ съ французской арміей, перешли чрезъ Альпы итальянская ученость и любовь къ древности, — къ философіи, наукѣ и искусству; изъ одной страны просвѣщеніе сдѣлало шагъ въ другую; для человѣчества этотъ шагъ имѣлъ большую важность, чѣмъ военные успѣхи французскаго короля. Громче и громче раздавались голоса, требовавшіе истины и справедливости. Говорившихъ это людей жгли, вѣшали, пытали, но голоса не переставали твердить одно и то же.

И, странное дѣло,—и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ лю-

ди, стремясь къ истинѣ, во многомъ и многомъ сходились по убѣжденіямъ съ еврейскимъ докторомъ Исаакомъ Джемомъ.

Между тѣмъ они и не знали о его существованіи.

Исаакъ Джемъ былъ одинъ изъ солдатъ той великой арміи, которая силою истины и справедливости мало-по-малу завоевываеъ міръ.

Однажды вѣчеромъ, роаясь въ своихъ старыхъ книгахъ и запискахъ, докторъ нашелъ клочокъ пергамента. На этомъ клочкѣ его рукою было нацарапано нѣсколько словъ. Они гласили: «Нѣтъ ничего невозможнаго въ возвращеніи слѣпому зрѣнія, если онъ ослѣпъ оттого, что помутнѣла роговая (передняя) оболочка его глаза, или накопилась позади ея бѣлая непрозрачная влага». Затѣмъ слѣдовало краткое описаніе операціи. Когда эти слова были написаны,—Исаакъ не помнилъ. Онъ прочелъ ихъ и не могъ произнести ни слова отъ волненія. Такъ было съ нимъ и тогда, когда онъ собирался дѣлать опыты переливанія крови. А что, если возможно возвратитъ Ліи зрѣніе? Что, если искусная операція сниметъ бѣлую завѣсу съ ея глазъ?

. Онъ началъ ходить по комнатѣ, стараясь оживить свои знанія и умѣрить волненіе.

Его ли это мысль, или она заимствована изъ какой либо книги,—не все ли равно? Быть можетъ, такія операціи производились уже древними медиками, а быть можетъ, еще ни одинъ человѣкъ не отваживался на нихъ. Исаакъ Джемъ рѣшилъ попробовать.

Опять въ его комнатѣ появились животныя; онъ искусственно дѣлалъ ихъ глаза непрозрачными, а потомъ острымъ ножомъ снималъ помутнѣвшіе слои оболочки.

Онъ дѣлалъ эти опыты очень много разъ, дѣлалъ ихъ долго и внимательно. Продѣлывалъ онъ ихъ и надъ живыми животными, стараясь предусмотрѣть возможность всякой неудачи и сдѣлать свою руку еще болѣе живой и искусной.

Нѣсколько мѣсяцевъ онъ работалъ въ своей комнатѣ. Лія не знала, какой вопросъ интересуеъ ея мужа, и не догадывалась, какою цѣлью онъ задался.

Однажды утромъ Исаакъ Джемъ подошелъ къ своей женѣ и сказалъ:

— Лія, я могу возвратить тебѣ зрѣніе.

Рука Ліи задрожала въ его рукѣ. Она подумала, что ея мужъ или шутить, или къ нему возвращается прежнее безуміе.

— Да, Лія, — продолжалъ Исаакъ, — мои опыты доказали мнѣ, что я могу возвратить тебѣ зрѣніе. Я долго занимался ими и теперь убѣжденъ, что они научили меня всему необходимому для операциіи.

При этихъ словахъ Лія почувствовала, что мужъ ея говорить серьезно. Она привыкла вѣрить каждому его слову и знала, что ложь никогда не сходила съ его языка.

— О, господинъ мой! — сказала она, — я вѣрю тебѣ. Я рада все испытать, все перенести, чтобы снова увидѣть твое лицо! Но, господинъ мой...

Дальше она не могла говорить и заплакала. Исаакъ Джемъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну, полно, чего же ты плачешь? Ты должна радоваться, что снова увидишь и солнце, и небо, и зеленые луга, и рощи...

Но Лія плакала по прежнему.

И чрезъ ея рыданія едва можно было разслышать отрывочныя слова: «Увѣренъ-ли ты? Дѣти, бѣдныя дѣти!»

Исаакъ Джемъ поблѣднѣлъ. Онъ въ первый разъ слышалъ отъ Ліи напоминаніе о дѣтяхъ. Въ этихъ словахъ ея не было упрека, но они тяжело ударили его въ сердце. До тѣхъ поръ и онъ, и Лія, словно по взаимному соглашенію, старались избѣгать разговоровъ о страшномъ событіи.

— Не плачь, — повторилъ онъ, — я увѣренъ въ моемъ искусствѣ. Опыты не лгутъ. Въ моихъ рукахъ истина. Надъ собой, надъ тобой, надъ всѣми не побоюсь я испытать ее.

И Лія повиновалась ему и изъявила свое согласіе, и на другой день Исаакъ Джемъ приступилъ къ операциіи. Его рука не дрогнула, когда онъ острымъ ножомъ дотронулся до глаза своей жены.

И Лія ни разу не вскрикнула, ни разу не застонала. И операциія окончилась удачно..

Лія было возвращено зрѣніе. Она впервые послѣ долгой разлуки увидѣла мужа и протянула къ нему руки.

Но Исаакъ Джемъ не далъ ей встать съ постели. Онъ положилъ на глаза Ліи перевязку и не позволялъ ее снять въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Прошелъ мѣсяцъ,—и Лія совсѣмъ поправилась. Зрѣніе ея совершенно окрѣпло.

Слава Исаака возрасла еще болѣе и гремѣла въ Римѣ. Еврейскіе старѣйшины не знали, что и сказать объ этомъ отступникѣ и самонадѣянномъ человѣкѣ. А Исаакъ Джемъ еще съ бѣльшимъ усердіемъ занимался своими науками и книгами. Онъ повторилъ надъ животными опыты переливанія крови,—и удачно. Наконецъ, ему представился случай повторить тѣ же самые опыты надъ человѣкомъ: одинъ римскій гражданинъ былъ раненъ на улицѣ и упалъ, истекая кровью, на землю. Его принесли со слабыми признаками жизни въ домъ его матери. Эта женщина, помнившая исцѣленіе Джемомъ папы Иннокентія VIII, отправилась въ гетто и со слезами на глазахъ и на колѣняхъ умоляла еврейскаго доктора спасти ея сына, переливъ въ него ея материнскую кровь. И Исаакъ Джемъ согласился. Онъ приступилъ къ операціи и успѣшно окончилъ ее: и мать, и сынъ—оба остались живы...

Однажды, въ тихій лѣтній вечеръ, окончивъ свои дневныя занятія, Исаакъ Джемъ вмѣстѣ съ Ліей подошелъ къ открытому окну и, указывая на звѣзды, сказалъ:

— Посмотри, Лія, какъ прекрасно это глубокое небо, какъ хороши эти звѣздные узоры. Ты теперь можешь наслаждаться ими. Истина всегда истина... Ты понимаешь теперь, что моя увѣренность была не напрасна...

И, замѣтивъ тихую грусть, пробѣжавшую по лицу Ліи, онъ прибавилъ:

— А что касается до нашихъ страданій, то мы должны благословлять ихъ. Право, столько людей страдало и страдаетъ напрасно, что дай Богъ побольше такихъ страданій, какъ наши!

И. Ру—кинь.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИ- ЧЕСКОЙ ЭПОХИ *.

Ш. Р а б и А к и б а

(великомученикъ).

Акиба пользовался громкою извѣстностью въ средѣ не только евреевъ, но и не-евреевъ. Отчасти это мы уже видѣли изъ бѣсѣды его съ Тиніемъ-Руфомъ. Но изъ исторіи его путешествія извѣстно, что многіе пользовались его пребываніемъ въ чужой сторонѣ и обращались къ нему, какъ къ великому ученому, за совѣтомъ. Между прочимъ, одинъ эіопскій царь обратился къ нему съ страннымъ вопросомъ: долженъ-ли онъ считать жену свою измѣнницею въ супружеской вѣрности въ виду того, что у него дѣти бѣлаго цвѣта. Нисколько не смутившись, Акиба просилъ у него позволенія осмотрѣть спальную. Послѣ произведеннаго осмотра Акиба успокаивалъ царя насчетъ невѣрности жены. «Изъ чего же ты это выводилъ?» — спросилъ его эіопскій царь. — «Изъ того, — сказала Акиба, — что спальня уставлена бѣлыми мраморными статуями, которыя дѣйствуютъ на впечатлительность твоей жены» **. Царь былъ очень доволенъ отвѣтомъ Акибы, который уничтожилъ въ немъ мучительное чувство подозрѣнія жены въ невѣрности.

На поприщѣ практической общественной дѣятельности Акиба игралъ первенствующую роль. Хотя онъ утверждалъ, что наука важнѣе практики, но этотъ принципъ имъ былъ установленъ

* См. «Восходъ», кн. IV.

** שורן ישרון Erzählungen Jechuruns 77. J. Morgolis.

въ виду того, что, какъ онъ самъ говорилъ, наука неминуемо должна вести къ практической дѣятельности. На примѣрѣ Акибы можно провѣрить его принципъ. Утверждая, что наука выше практики, онъ, во имя этой теоріи, долженъ былъ оказывать помощь учащейся молодежи, на которую возлагалъ всѣ свои надежды. Товарищъ Акибы, р. Тарфонъ, разъ передалъ ему значительную сумму денегъ для покупки виноградника и другихъ земельныхъ участковъ, на доходы съ которыхъ можно было бы содержать и себя, и Акибу. Р. Тарфонъ хотѣлъ такимъ путемъ обезпечить себѣ и коллегѣ своему — Акибѣ беззаботное занятіе наукой. Акиба роздалъ всѣ деньги бѣднымъ молодымъ академистамъ и сказалъ Тарфону: «вотъ тѣ участки, которые я тебѣ купилъ». Тарфонъ ничего не имѣлъ противъ этого. Для народа же онъ былъ общественнымъ благодѣтелемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Популярность его въ народѣ въ этомъ отношеніи была настолько велика, что онъ прослылъ «рукою бѣдняковъ». Народное воззрѣніе приписываетъ Акибѣ случай, который характеризуетъ взглядъ его на общественную дѣятельность. Легенда рассказываетъ, что Акиба разъ встрѣтилъ на кладбищѣ челоуѣка голаго и чернаго какъ смоль, который былъ нагруженъ дровами и куда-то торопился. Акиба его остановилъ и спрашиваетъ: «Что это за тяжелый трудъ? Если ты рабъ, и господинъ твой жестокъ, я освобожу тебя; если ты бѣденъ, я помогу тебѣ». — «Прошу тебя не трогать меня, потому что поставленные надо мною еще разсердятся на меня, и хуже выйдетъ». — «Кто ты. — спрашиваетъ его Акиба, — и чѣмъ ты занимаешься?» — «Я мертвецъ, — былъ отвѣтъ, — и каждый день меня посылаютъ за дровами, на которыхъ меня сожигаютъ». — «Чѣмъ ты занимался въ землѣ?» — спрашиваетъ Акиба. — «Я былъ общественнымъ сборщикомъ налоговъ, относился снисходительно къ богачамъ и притѣснялъ бѣдняковъ» *. Не касаясь дальнѣйшей участи бѣдняги на томъ свѣтѣ и тѣхъ мѣръ, которыя по словамъ легенды, Акиба предпринималъ здѣсь для спасенія его души и, какъ видно, не безцѣльно, слѣдуетъ, однако, вывести изъ всего

---

* סדר הפרות.

этого разсказа одно, что Акиба считалъ тяжкимъ грѣхомъ нарушеніе общественнаго долга. Точно также, ставя знаніе закона выше всего, Акиба былъ убѣжденъ, что исполненіе его практически невысмыслимо безъ сознательнаго къ нему отношенія, которое превращаетъ законъ въ жизненный принципъ. Вотъ почему Акиба считалъ необходимымъ продолжать пропаганду изученія закона, несмотря на строгое воспрещеніе этого императорскими эдиктами. Ученіе, по мнѣнію Акибы, было тою жизненною сферою, внѣ которой казалась невысмыслимой народная жизнь. Большою популярностью пользуется его разсказъ о лисицѣ и рыбѣ, послѣдовавшей въ отвѣтъ товарищамъ его, оспаривавшимъ этотъ взглядъ. Окруженная неводомъ, рыба барахтается въ водѣ, чтобы избѣгнуть сѣтей. Стоящая на берегу лисица заманиваетъ ее на берегъ, суля ей пріютъ и защиту. Но рыба даетъ ей слѣдующій отвѣтъ: «если въ водѣ, составляющей стихію нашей жизни, такъ жутко стало, то что будетъ съ нами, когда мы выберемся на сушу». Жизненная стихія евреевъ—это ихъ ученіе, а внѣ ея—ихъ гибель.

При этихъ качествахъ Акиба отличался чрезвычайною скромностью. Уже тогда, когда всѣ стали признавать его авторитетъ, онъ продолжалъ утверждать, что такихъ Акибъ, какъ онъ, на улицѣ много. Онъ не гнушался услуживать своимъ ученикамъ во время болѣзни ихъ, считая это священною обязанностию своею. Какая рѣзкая разница между этою скромностью Акибы и высокомеріемъ Гамліэля, который только послѣ удаленія отъ должности президента отправился къ законовѣду Гошуа и тутъ только узналъ о крайней бѣдности выдающагося ученаго, будучи пораженъ тѣснотою его квартиры и тѣмъ, что стѣны ея были покрыты копотью тутъ же помѣщавшейся кузнечной мастерской! Акибѣ не приходилось услышать изъ устъ своихъ учениковъ то, что Гошуа тогда сказалъ Гамліэлю: «горе Израилю, когда у него такіе представители какъ ты!» И въ самомъ дѣлѣ, быть знакомымъ съ замѣчательнымъ ученымъ своего времени и, при своемъ богатствѣ, ни разу не полюбопытствовать узнать объ участи его,—такое поведеніе вполне заслуживаетъ упрекъ, сдѣланный Гамліэлю Гошуа. Акиба же первый являлся на помощь своимъ ученикамъ, предупреждая ихъ

нужду и лично помогая имъ въ случаѣ безпомощности, исполняя даже черныя работы. Скромность Акибы была причиною того, что онъ не сразу выдвинулся въ академіи. Среди академистовъ и академиковъ Акиба стоялъ особнякомъ: съ одной стороны онъ вышелъ изъ самой низшей сферы народа, не былъ родовитымъ ученымъ, а съ другой находился въ крайней бѣдности. Кромѣ того, онъ по отцу былъ происхожденіемъ язычникъ. Другіе же современные ему ученые были изъ аристократическаго рода, или богачи. Отсюда пренебрежительное къ нему отношеніе, отсюда и колкости, которыми стали преслѣдовать его, когда начали замѣчать нѣкоторую силу его ума. Въ особенности свысока относился къ нему учитель его Элизеръ. Но мало по малу Акиба сталъ выказывать превосходство своего ума: дошло разъ до того, что самъ Элизеръ былъ поставленъ въ тупикъ своимъ ученикомъ, который блестящей діалектикою и еще болѣе основательными доводами довелъ своего учителя до молчанія. Точно также и товарищи, которые прежде иронически отвѣчали на его методъ толкованія закона, впоследствии перешли на его сторону и даже находили, что слушая его, они черпаютъ познанія изъ живого источника. Такимъ образомъ, не смѣлостью, не происхожденіемъ, не состояніемъ, а единственно познаніями и умственными силами Акиба выдвинулся среди своихъ современниковъ и затмилъ ихъ своимъ величіемъ. Скромность только препятствовала ему проявить свои силы раньше, и она не менѣе величава, чѣмъ его умъ и его критическій анализъ галахи. Сходился онъ болѣе всего съ р. Тарфономъ, который ему все довѣрялъ, и съ нимъ онъ часто бесѣдовалъ о томъ, что если бы онъ засѣдалъ въ іерусалимскомъ синедріонѣ, то не было бы ни одного случая смертной казни. Протестъ Акибы противъ смертной казни вытекаетъ изъ его ученія о богоподобіи чело-вѣка. Въ устахъ Акибы, протестъ этотъ, по справедливому замѣчанію Франкля, не былъ такимъ теоретическимъ началомъ, какимъ онъ могъ быть у Тарфона *. Акиба собирался разгро-

---

* דברי המשנה стр. 118.

мнѣ Римъ и вновь создать самостоятельное государство, слѣдовательно, онъ думалъ свой принципъ провести въ жизнь.

Такимъ образомъ, Акиба былъ настолько же замѣчательнымъ галахистомъ, насколько и извѣстнымъ агадистомъ. Въ галахѣ онъ проводитъ новую дорогу. Хотя уже и раньше Гиллель, а во время Акибы учитель его Гамзу дали первый толчокъ галахѣ и даже указали способъ толкованія закона и развитія галахи, но Акиба сдѣлался истиннымъ ея выразителемъ, онъ обоживалъ ее, оживотворилъ и привелъ въ систему. Онъ первый группировалъ ея матеріалъ по отдѣльнымъ предметамъ, и сборникъ его галахи извѣстенъ подъ названіемъ «мишны р. Акибы». Его опытъ, по всей вѣроятности, служилъ образцомъ для дальнѣйшихъ сборниковъ галахи также подъ названіемъ мишны. Акиба далъ галахѣ свой методъ и свою систему и такъ укрѣпилъ ее, что о поворотѣ назадъ не могло уже быть никакой рѣчи, а оставалось только заботиться о дальнѣйшемъ ея развитіи. Въ агадѣ онъ тоже выдвинулся, какъ мы видѣли, такимъ образомъ, что былъ единственнымъ счастливецомъ, который, изъ области высшаго знанія могъ вернуться незатронутымъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. И въ этой сферѣ извѣстны такъ называемыя «буквы р. Акибы», въ которыхъ трактуется о величій Божіемъ, твореніи и воскресеніи, о сотвореніи земного и небеснаго міра и объ ихъ разрушеніи, о благодѣніяхъ Божіихъ, о возвышеніи бѣдныхъ, о будущемъ твореніи, о совокупности буквъ Божьяго имени, переданныхъ въ откровеніи Моисею, о многихъ ключахъ, которыхъ Богъ не довѣряетъ ни одному ангелу, о раскаяніи, о Иерусалимѣ и воскресеніи, о наградахъ въ будущемъ мірѣ, о радостяхъ благочестивыхъ въ раю, о человѣческихъ органахъ, о пѣснопѣніи буквъ предъ Всевышнимъ и возвышеніи ихъ до Его кроны, о душѣ, о страданіяхъ грѣшниковъ послѣ смерти, объ адѣ, Иерусалимѣ, храмѣ и Св. Писаніи, о величій Священнаго Писанія, о сотвореніи органовъ человѣческаго тѣла для прославленія Господа, о языкѣ человѣческомъ, о раѣ, показанномъ Богомъ Моисею, о миссіи Моисея, о поколѣніи во времена потопа и о смятеніи при Вавилонскомъ столпотвореніи, о наказаніяхъ безбожниковъ въ аду, о страстяхъ и смерти чело-

вѣка *. При чтеніи всего, что говорится Акибой, надобно имѣть въ виду не буквальный смыслъ изложеннаго, а внутренній, сокровенный, и главнѣе всего—цѣль. Такъ, въ галахѣ, которая служить земнымъ цѣлямъ, Акиба, имѣя въ виду облегченіе народу условій современной жизни, или связь новаго закона съ древнимъ, прибѣгаетъ часто къ такого рода объясненіямъ и развитію одной галахи изъ другой, или изъ разныхъ буквъ Св. Писанія, которыя носятъ на себѣ явные слѣды фикціи, при помощи которой достигаются благопріятные результаты. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью къ ученію его въ агадѣ, посвященной неземнымъ интересамъ, гдѣ ученый имѣетъ въ особенности въ виду скрывать свою мысль отъ людей, коимъ метафизика недоступна, и говорить поэтому намеками, ссылаясь сжато на указанія, смыслъ которыхъ понятенъ однимъ специалистамъ. Укажемъ, напр., на слѣдующее. Акиба утверждаетъ, что въ Пѣснѣ Пѣсней Соломона рѣчь идетъ о любви Іеговы къ своему народу, и, согласно съ этимъ основнымъ указаніемъ, всѣмъ понятіямъ и выраженіямъ этой эротической пѣсни дается совершенно не то значеніе, какое они имѣютъ въ устахъ возлюбленнаго. Такое примѣненіе идеи о любви Бога къ народу можетъ показаться немного страннымъ въ устахъ ученаго. Но дѣло разъяснится, когда будетъ указано, въ какое время и по какому поводу высказанъ былъ этотъ взглядъ Акибой. Рѣчь шла о томъ, что Пѣсню Пѣсней слѣдуетъ признать книгой апокрафической, подлежащей зарытію, а не причисленію къ книгамъ библейскимъ. Такая книга, которая толкуетъ о любви человѣческой, и еще въ такой эротической формѣ, не могла считаться внушенною духомъ Божіимъ, наравнѣ съ книгами Откровенія. Такому рѣдкому поэтическому произведенію, такому восхитительному и по формѣ изящному языку, на которомъ она написана, угрожала опасность потери, исчезновенія изъ національнаго литературнаго сборника. Кто же долженъ былъ заступиться за причисленіе Пѣсни Пѣсней къ листамъ Библии, какъ не Акиба, испытавшій на себѣ

---

* Talmud Babli, «Berachot», von d-r E. M. Pinner. Berlin 1842. Einleitung in den Talmud. 18.

очаровательное дѣйствіе любви своей возлюбленной Рахили, которая, какъ дочь небесъ, сошла на землю, чтобы согрѣть его душу неземнымъ огнемъ и воспламенить его, какъ совершенно переродившагося, ко всему хорошему и великому? Развѣ онъ не зналъ, что глубокая, проникающая весь тѣлесный и духовный организмъ любовь есть такое же напѣе свыше, какъ всякое другое, осѣняющее человѣка возвышенное чувство, и способна подвигнуть его на все великое и прекрасное не менѣе божественнаго закона и правилъ нравственности? И вотъ Акиба заступился за литературное произведеніе, которое было вѣрнымъ отраженіемъ его собственной любящей души, и заступился по своему, т. е. прилагая свой методъ, столь спасительный для достиженія добрыхъ цѣлей. Онъ нашелъ благотворную фикцію, которая устранила споръ, онъ нашелъ, что въ этомъ литературномъ произведеніи передаются чувства не любви мужчины къ женщинѣ, а Бога къ израильской общинѣ, и этимъ способомъ воскресилъ книгу, надъ которою собирались уже совершить похороны. Каждый изъ насъ проститъ добродушному, любящему Акибѣ эту хитроумную фикцію, благодаря которой человѣчество сохранило одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, не имѣющее себѣ равнаго въ другихъ литературахъ по прелести естественнаго до наивности выраженія любви, по изяществу формы и неподражаемости языка, дышащаго такою-же любовью, какою дышитъ самъ пѣвецъ роскошной идилліи. Отсюда видно, что внутренній смыслъ положеній, помощью которыхъ Акиба проводитъ ту, или другую идею, слѣдуетъ отыскивать не въ буквѣ ихъ, а въ существѣ условій того времени, къ которому само положеніе относится, которымъ оно вызывается.

Мы выяснили, насколько это было необходимо для цѣлей нашего очерка, положеніе Акибы, какъ ученаго законовѣда и общественнаго дѣятеля въ сферѣ внутренней жизни евреевъ. Но онъ выдвигается среди своихъ современниковъ еще крупною чертою, которая одна могла бы увѣковѣчить его память, независимо отъ его теоретическихъ познаній и практической дѣятельности. Акиба былъ народникомъ до мозга костей: онъ мечталъ не объ одномъ только поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня своего народа, онъ хотѣлъ

создать для него нѣчто высшее, нѣчто недостижимое по условіямъ того времени. Онъ желалъ пошатнуть римскій колоссъ и доставить своему народу политическую независимость. Освобожденіе отъ римскаго ига рисовалось ему въ самыхъ яркихъ краскахъ, какъ лучшій вѣнецъ его дѣятельности, и если въ развитіи закона онъ, по воззрѣніямъ современниковъ, шелъ далѣе Моисея, то развитіемъ политическаго духа народа и сверженіемъ ненавистнаго ига Рима онъ думалъ оказать народу услугу еще существеннѣе оказанной ему Моисеемъ посредствомъ освобожденія отъ египетскаго гнета. Если въ Египтѣ въ кабалѣ была плоть народа, стонавшаго подъ тяжкимъ трудомъ, то въ Римѣ замыслили угнетеніе духа его, подавленіе нравственныхъ началъ юдаизма. Для достиженія такой широкой задачи Акибѣ необходимо было предпринять цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ, необходимо было достаточно подготовить почву. Акиба чутьемъ угадалъ народное сознаніе и заранѣе зналъ, что найдетъ откликъ въ тайникѣ народныхъ чувствъ. Но въ средѣ ученыхъ мысль эта представлялась крайне опасною. Миролюбивый Гоннуа былъ того мнѣнія, что надобно благодарить Бога за то, что, очутившись въ пасти Рима, народъ вышелъ оттуда неповрежденнымъ. Этому Гоннуа преданіе приписываетъ басню о волкѣ, который обѣщаль большое вознагражденіе тому, кто вытащитъ засѣвшую у него въ горлѣ кость, и предоставилъ, однако, цанлѣ, исполнившей этотъ трудъ, довольствоваться тѣмъ, что она не осталась въ его пасти и можетъ убраться по добру, по здорову. Другой ученый, Элизверъ, учитель Акибы, предвѣрилъ его, что онъ умретъ неестественною смертію. Это не было, какъ думаютъ многіе, выраженіемъ недоброжелательства Элизвера Акибѣ за допущеніе этимъ послѣднимъ изгнанія его изъ академіи. Слова эти были сказаны предъ смертію Элизвера, а потому они имѣютъ скорѣе характеръ наставленія, которое и причисляется учителю. Элизверъ намекаетъ Акибѣ на то, что его предпріятіе опасное, рискованное, и, зная средства, къ которымъ прибѣгаетъ Римъ въ такихъ случаяхъ, Элизверъ вовсе не нуждался въ духѣ пророчества, чтобы предсказать, при такихъ обстоятельствахъ, смертную казнь Акибѣ. Другіе современники ему говорили, что скорѣе ланиты его поростутъ тра-

вой, чѣмъ наступитъ царство Мессіи. Этотъ страхъ за послѣдствія возмущенія, который высказывался намеками ученыхъ современниковъ, удерживалъ Акибу отъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Въ особенности-же Акиба стѣснялся приступить къ дѣлу при жизни Гошуа, который часто защащаль евреевъ при дворѣ римскомъ, гдѣ удовлетворялись его ходатайства объ облегченіи судьбы его единовѣрцевъ. Но лишь Гошуа закрылъ глаза, какъ Акиба взялся за дѣло. Теперь правда, устами другихъ, Акиба начинаетъ рассказывать о фактахъ, которые возбуждаютъ надежду на возобновленіе политической жизни. Онъ рассказываетъ, что одинъ ученый встрѣтился съ потомкомъ извѣстнаго семейства, котораго специальность заключалась въ приготовленіи курительныхъ травъ для еврейскаго храма. Никакіе иностранцы специалисты не въ состояніи были конкурировать съ нимъ на этомъ поприщѣ и въ особенности въ искусствѣ готовить травы, дымъ которыхъ подымался бы ровно, столбомъ вверхъ, не раздуваясь въ разныя стороны. Гуляя съ этимъ потомкомъ специалистовъ по лугу, ученый замѣтилъ на лицѣ его и слезы, и улыбку. — Что это означаетъ, спрашиваетъ ученый?—Я замѣтилъ на лугу, говоритъ потомокъ, одну изъ тѣхъ травъ, которыми предки мои пользовались для приготовленія куренія въ храмѣ. Отъ этой травки дымъ идетъ вверхъ столбомъ. Вотъ почему у меня показались слезы (т. е. выраженіе печали о разрушеніи храма). Улыбка-же оказалась отъ того, что, по всей вѣроятности, скоро вновь придется заняться этимъ дѣломъ (т. е. скоро можно надѣяться на возобновленіе храма) *. Такой рассказъ въ устахъ Акибы, скрывающій, правда, въ намекъ его чаяніе на будущее, съ одной стороны служитъ выраженіемъ испытанія народныхъ чувствъ, а съ другой возбуждаетъ общественную мысль и надежду народа на освобожденіе отъ ига. Идя вначалѣ ощупью, намеками, съ цѣлію изучить настроеніе народа, и, убѣдившись, что оно благоприятствуетъ его затаенному стремленію, Акиба въ дальнѣйшей своей дѣятельности долженъ былъ скрывать свои мысли не отъ своего народа, а отъ римскихъ шпионовъ, отъ римскаго

* Эрр'гу часть 2 стр. 104.

Восходъ, кн. 5.

намѣстника въ Иудеѣ—Тинія Руфа, долженъ былъ вести себя такъ осторожно, чтобы своимъ поведеніемъ не давать ни малѣйшаго повода предупредить возстаніе. Для этой цѣли онъ предпринимаетъ далекое путешествіе и всюду самымъ осторожнымъ образомъ подготавливаетъ народъ пламенными рѣчами и проповѣдями. Уже одинъ выборъ сюжета для проповѣди въ Ганзаѣ о страданіяхъ Іова указываетъ на цѣль ея. Въ страданіяхъ Іова онъ видѣлъ страданія своего народа, а въ излеченіи его отъ язвъ и полученномъ вознагражденіи за муки—надежду народа на свѣтлое будущее. Ораторское дарованіе Акибы по всей вѣроятности выставляло очень наглядно жгучее положеніе народа подъ римскою властію, а великій авторитетъ Акибы въ глазахъ народа былъ лучшимъ ручательствомъ того, что задуманный имъ планъ будетъ выполненъ успѣшно. Должно быть, Акиба собиралъ и значительныя средства, которыя понадобились для такого серьезнаго дѣла. Двадцать четыре тысячи учениковъ, которые ему приписываются, были, очевидно, не одними слушателями его аудиторіи, а скорѣе его союзниками въ народномъ дѣлѣ, которые агитировали вмѣстѣ съ нимъ и дѣйствовали по одному плану. Не было по силамъ одного человѣка, хотя бы и самаго даровитаго, устроить такую сложную пропаганду и такую систематическую организацію возстанія: оказалось, что въ теченіе опредѣленнаго времени приготовили оружіе, сдѣланы были запасы провіанта, евреи собирались въ различныхъ подземельяхъ и складывали тамъ все, что необходимо было для войны. Въ теченіе всего этого времени шла дѣятельная и глухая работа, которая изумила затѣмъ весь римскій міръ. Недоставало только предводителя, который принялъ бы въ свои руки все дѣло войны, войны противъ римскихъ легионовъ и испытанныхъ въ бою полководцевъ. Но онъ явился какъ *deus ex machina*, сильный и могучій, увѣренный въ своихъ силахъ и фанатикъ своего дѣла. Это былъ Баръ-Кохва, герой, которому народная фантазія приписываетъ неимоверную силу: о немъ говорятъ, что онъ мощнымъ колѣномъ отбрасывалъ назадъ метательные камни римскаго войска. Отъ каждаго, вступавшаго въ еврейскій военный лагерь, Баръ-Кохва требовалъ отсѣченія пальца руки,

какъ выраженія храбрости. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ добровольцы, готовые лечь костями за вѣру и отечество. Энтузіазмъ былъ всеобщій. Даже самаритяне, постоянные враги евреевъ, стали подъ знамя Баръ-Кохвы. Акиба, этотъ юный старецъ, увлекавшійся своею мечтою, далъ Баръ-Кохвѣ свое благословеніе и не стыдился сдѣлаться его оруженосцемъ. Такой шагъ со стороны преданнѣйшаго народу друга, со стороны лица, выше котораго по авторитету не было у евреевъ, поднялъ Баръ-Кохву на такую высоту, что народная вѣра въ него, въ его силы стала рости необычайно. Такимъ образомъ, увѣренность Баръ-Кохвы въ своихъ собственныхъ силахъ, бодрость его духа, благодаря нравственному авторитету Акибы и привязанность къ нему народа, придавали ему неослабную энергію для начатія борьбы. Тиній Руфъ—наиѣстникъ Іудей—былъ ошеломленъ первыми натисками Баръ-Кохвы, которые оказались совершенно неожиданными. Онъ ничего не могъ сдѣлать противъ 400,000-й арміи Баръ-Кохвы, въ которой какъ будто ожилъ духъ Маккавеевъ. Неудивительно, что Тиній Руфъ терялъ битву за битвой. А между тѣмъ, Адріанъ считалъ его войско совершенно достаточнымъ для того, чтобы справиться съ ничтожною Іудеей,—и когда до императора дошли первыя свѣдѣнія о возстаніи, онъ не придавалъ ему никакого значенія. Баръ-Кохва же шель къ цѣли вѣрно, отбирая крѣпость за крѣпостью, городъ за городомъ. Для Рима война становилась все болѣе и болѣе серьезною. Болѣе 50 крѣпостей и около 1,000 городовъ находилось уже во власти Баръ-Кохвы. Въ теченіе короткаго времени успѣхъ оружія не оставлялъ его; лучшіе римскіе полководцы, посланные на помощь Тинію-Руфу, очищали предъ нимъ поле сраженія. Слава Баръ-Кохвы росла, и онъ, воспользовавшись ею, провозгласилъ себя царемъ и въ память побѣдъ надъ римлянами отчеканилъ монеты съ изображеніемъ на ней символовъ еврейской народности. Въ рукахъ его находились уже Іудея, Самарія, Галлилея. Злобный Римъ началъ задумываться, Адріанъ сталъ принимать самыя серьезныя мѣры, чтобы положить конецъ побѣдоносной славѣ евреевъ, которая стала возбуждать умы римлянъ. Пришлось отозвать изъ Британіи опытнѣйшаго полководца, Юлія Севера. Подкрѣп-

ленный войсками, онъ прибылъ въ Иудею, но не рѣшался дать битву Баръ-Кохвѣ. Онъ принялъ другую тактику; отрѣзать Баръ-Кохвѣ путь къ полученію продовольствія, такимъ способомъ ослабить его войско и затѣмъ смять его своею конницею, въ которой у евреевъ былъ недостатокъ. Этотъ планъ удался Юлію Северу, и, отрѣсивъ Баръ-Кохву отъ пограничныхъ городовъ, онъ заставилъ его сосредоточиться въ Бетарѣ. Осада этой крѣпости, при помощи того же плана Юлія Севера, продолжалась цѣлый годъ. Римскій полководецъ уже думалъ удалиться оттуда во свояси, считая дальнѣйшую осаду безуспѣшной, — какъ на помощь ему явились самаритяне, которые, измѣнивъ евреямъ, указали римлянамъ на подземныя галереи, ведущія въ Бетаръ. Римское войско измѣннически ворвалось этимъ путемъ въ крѣпость и произвело такую безпощадную рѣзню, которая по жестокости своей превышаетъ всякое вѣроятіе. Историкъ Грець описываетъ ее такъ: «Кровь лилась рѣкою въ море на разстояніи около мили, унося съ собою на пути тяжелые камни. 300 дѣтскихъ череповъ найдены разможенными на одномъ утесѣ, а изъ всей молодежи, бывшей въ Бетарѣ, одинъ только сынъ патріарха спасся отъ смерти. Жены убитыхъ не могли ссылаться ни на одного живого мужчину, какъ на свидѣтеля, который могъ бы предъ судомъ удостовѣрить смерть ихъ мужей. Едва-ли можно дать вѣру страшному числу убитыхъ въ Баръ-Кохвѣйской войнѣ, а между тѣмъ, число это подтверждается какъ еврейскими, такъ и греческими историками. Не свободный отъ извѣстнаго внушенія греческій историкъ (Dio Cassius) говоритъ, что, кромѣ погибшихъ отъ голода и пламени, на войнѣ пало свыше полумилліона людей». Преданіе рассказываетъ, что виноградникъ Адріана, занимавшій 324 квадратныхъ мили, былъ огороженъ, вмѣсто частоколовъ, человѣческими трупами, поставленными вертикально, съ распростертыми руками, погребеніе которыхъ было строжайшимъ образомъ запрещено. Многіе бѣжали въ подземелья, гдѣ продолжали оставаться довольно долго, опасаясь встрѣчи съ римскими войсками и питаясь мясомъ отъ человѣческихъ труповъ.

Разъ, услышавъ шумъ въ подземельи отъ стука сандалій, отдававшійся эхомъ въ сводахъ его, и думая, что это римское

войско ворвалось съ цѣлюю нападенія, несчастные въ тѣсныхъ галлерейхъ, въ стремительномъ бѣгствѣ тысячами, смяли другъ друга на смерть, — а между тѣмъ омазалось, что это была партія такихъ же несчастныхъ бѣглецовъ, какъ они сами, которые желали укрыться отъ непріятели.

Таковъ былъ конецъ этой смѣлой попытки Акибы къ восстановленію самостоятельности народа, — конецъ печальный, но непредвидѣнный. Акиба смѣло могъ рассчитывать на успѣхъ, какъ видно изъ того, что 3½ года продолжалась народная война, а въ первые 2½ года судьба въ такой степени стала улыбаться Варь-Кохвѣ, что смѣло можно было думать, что дальнѣйшій успѣхъ обезпеченъ. Случайности измѣны со стороны самаритянъ нельзя было и предвидѣть, а не будь ея, Юлій Северъ, быть можетъ, оставилъ бы Іудею въ покоѣ, и царство Варь-Кохвы могло бы укрѣпиться и дать начало новой политической жизни евреевъ. Что эта война соединена была съ значительными потерями для римлянъ, видно изъ того, что Адрианъ, при извѣщеніи Сената о результатѣ войны, не употребилъ обычной формулы: «я и войско находимся въ добромъ здравіи», и что Сенатъ не установилъ въ честь императора никакого торжества по поводу еврейской войны, а ограничился чеканкою въ память ея монеты съ надписью: «*exercitus judaicus* *».

Эти ужасы барь-кохвѣйской войны были только началомъ дальнѣйшихъ жестокихъ преслѣдованій. Въ Римѣ, благодаря внушеніямъ нѣкоторыхъ отступниковъ еврейства, пришли къ заключенію, что, для окончательнаго искорененія всякой мысли о возмущеніи, необходимо запретить исполненіе религіозныхъ обрядовъ, занятіе изученіемъ закона, преподаваніе въ школахъ, рукоположеніе молодыхъ академистовъ и т. п. Грѣшный Римъ, однако, не рассчиталъ, что такое несмысленное посягательство на народную вѣру встрѣтитъ отпоръ со стороны, правда, немногочисленныхъ, но закаленныхъ въ борьбѣ законоучителей. Гоненіе на вѣру вызываетъ сильную, фанатическую къ ней привязанность и развиваетъ готовность къ самоотверженной борьбѣ за ея сохраненіе. Это и случилось въ Іудеѣ

* Graetz. Geschichte der Juden. IV, 164.

послѣ обнаруженія Адриановыхъ эдиктовъ. Несмотря на пытки и смертную казнь, угрожавшія за нарушение закона, обряды исполнялись тайкомъ, ученіе закона преподавалось на чердакахъ, въ ущельяхъ горъ и всюду, гдѣ только возможно было укрыться отъ аргусовыхъ глазъ римскихъ шпионовъ. Жестокости, которыя присоединялись къ смертной казни, какъ напр. обложеніе груди приговореннаго къ сожженію мокрою ватой для того, чтобы огонь горѣлъ медленнѣе и т. п., также не въ состояніи были удержать въ силѣ неприкосновенность эдиктовъ. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ законовѣдовъ, осужденный на казнь сожженіемъ, не хотѣлъ принять предложенія римскаго палача о снятіи ваты на томъ основаніи, что, облегчая такимъ путемъ казнь, онъ этимъ самымъ будто бы способствуетъ въ нѣкоторой степени самоубійству, которое считается тяжелымъ грѣхомъ. То же преданіе сообщаетъ далѣе, что палачъ, тронутый жестокостью казни и поведеніемъ казненаго, снялъ вату съ его груди и самъ бросился въ пламенный костеръ. Словомъ, жестокость усиливала ревность въ соблюденіи правилъ вѣры и обычаевъ предковъ, и Риму, для послѣдовательности, оставалось только множить казни и костры. Оставшіеся въ живыхъ законовѣды собрались, однако, на совѣщаніе о томъ, долженъ-ли народъ жертвовать жизнью во имя исполненія религіознаго закона, или долженъ подчиниться велѣніямъ эдиктовъ. Образовались два крайнихъ мнѣнія: одни утверждали, что законъ данъ для жизни, а потому, если исполненіе его ведетъ къ смерти, можно его не исполнять; другіе же полагали, что велѣніе Бога — выше всего и, слѣдовательно, самой жизни. Послѣ долгихъ преній примирились на слѣдующемъ: всѣ законы вѣры могутъ быть нарушены, если исполненіе ихъ влечетъ за собою смертную казнь, за исключеніемъ — перехода въ язычество, кровосмѣшенія и кровопролитія (убійство и самоубійство). Эти три закононарушенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы даже и тогда, когда несовершенство ихъ влечетъ за собою смертную казнь. Само собою разумѣется, что это положеніе было обязательно только для народа: законоучители же, даже тѣ изъ нихъ, которые утверждали, что законъ данъ для жизни и что можно нарушать всѣ религіозные законы, если

только исполненіе ихъ влечетъ за собою смертную казнь,— даже эти жертвовали своею жизнью, когда рѣчь шла о нарушеніи менѣе важнаго религіознаго закона. Такъ, Ханинабонъ-Терадіонъ за преподаваніе закона, былъ сожженъ на кострѣ, окутанный въ свитокъ закона и обложенный мокрою ватою. Такъ, за занятіе закономъ, публичному оратору Хуцпиту вырѣзали языкъ и отдали на съѣденіе собакамъ. Такъ, Ишмаэлю была отсѣчена голова за такія же занятія. Свидѣтелемъ такихъ и имъ подобныхъ жестокостей былъ Акиба, который, однако, не устранился и продолжалъ собирать кругомъ себя своихъ учениковъ и преподавать имъ слово Божіе. Напрасно Паппусъ предвѣщалъ его, что онъ попадетъ въ руки римлянъ, но Акиба ему привелъ упомянутый выше рассказъ о рыбѣ и лисицѣ, чтобы убѣдить его въ томъ, что бездѣйствіе въ этомъ отношеніи хуже смерти. Смерть отдѣльныхъ людей Акибѣ казалась не такъ страшна, какъ народное невѣжество, которое равносильно народному самоубійству. Очередь, такимъ образомъ, дошла и до него. Римскіе шпіоны нарыли его, и Тиній Руфъ распорядился заключить его въ тюрьму. Грець полагаетъ, что это было сдѣлано Тиніемъ Руфомъ для того, чтобы Акибу еще при жизни подвергать жестокимъ истязаніямъ. Франкль, съ своей стороны, полагаетъ, что Акиба былъ заключенъ въ тюрьму еще до Баръ-Кохвійской войны, какъ бунтовщикъ, къ которому должны были, однако, относиться съ уваженіемъ въ виду его авторитетности въ глазахъ народа. Но мнѣніе Франкля, намъ представляется ошибочнымъ, потому что, ибѣй римляне малѣйшее подозрѣніе въ бунтѣ, они предупредили бы войну, которая, однако, для нихъ явилась совершенно внезапно. Затѣмъ и взглядъ Греца ничѣмъ не подтверждается, потому что не сохранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Акиба подвергался въ тюрьмѣ какимъ-либо пыткамъ, или чтобы его заключеніе было обставлено строгостями, преграждавшими всякій доступъ къ нему. Скорѣе всего слѣдуетъ полагать, что, въ виду авторитетности Акибы, могла быть надежда, что въ Римѣ остановятъ казнь, къ которой онъ былъ приговоренъ. Мы видѣли, что сейчасъ послѣ разрушенія Бетара, когда жестокости были въ самомъ разгарѣ, нашли возмож-

нымъ оставить въ живыхъ сына президента академіи, а потому можно допустить и то, что Акиба, стоявшій выше всѣхъ своихъ современниковъ-законоучителей и пользовавшійся при этомъ славою лингвиста и математика, также вызывалъ особое отношеніе къ себѣ со стороны мѣстной власти, которая безъ разрѣшенія Рима не могла поступать самовластно. Вотъ почему и прошло нѣсколько времени между осужденіемъ Акибы и приведеніемъ приговора въ исполненіе. Попавъ въ тюрьму, Акиба уже нашель тамъ Паппуса, того самаго Паппуса, который удерживалъ его отъ преподаванія закона. При видѣ Акибы, Паппусъ вздохнулъ и сказалъ: «теперь я вижу, что ты правъ: ты попалъ сюда за святое дѣло, а я ни за что». Сидя въ тюрьмѣ, Акиба не забывалъ своихъ послѣдователей, которые ухищрялись различными способами добиваться отъ него отвѣта на сомнительные вопросы галахи. Такъ, Іохананъ, притворившись равносчикомъ товаровъ, явился предъ тюремной стѣною съ разными товарами, выкрикивая: «кто купить иголки, кто—вилки, что съ актомъ о расторженіи левиратскаго брака?» Акиба, понявъ намекъ, отвѣтилъ: «имѣешь-ли для продажи веретено, имѣешь *дѣйствительно!*?» Другіе изъ его послѣдователей проникали даже въ тюрьму и имѣли съ нимъ собесѣдованія о толкованіи закона. Они не уступали ему въ безстрашіи. Одному изъ учениковъ, Р. Шимону сыну Іехои, Акиба какъ бы стѣснялся давать наставленія въ законѣ, а тотъ настаивалъ. Со вздохомъ сказалъ ему Акиба: «сынъ мой, чѣмъ больше теленокъ сосеть, тѣмъ больше матери хочется его кормить». Акиба далъ ему понять, что ему еще болѣе, чѣмъ самому Шимону, хочется продолжать ученіе, но что, очевидно, невозможно это сдѣлать по причинамъ, которыя онъ не счелъ возможнымъ объявить. Но вскорѣ наступилъ роковой часъ для Акибы. Смертная казнь, исполненная въ присутствіи Тинія-Руфа, сопровождалась отодраніемъ кожи клещами. Эта жестокость не исторгла ни одного стога изъ груди мученика: напротивъ, онъ какъ бы съ наслажденіемъ произносилъ слова: «слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ—Господь единый!» На вопросъ Тинія-Руфа: «не чудесникъ-ли онъ, или, быть можетъ, ему желательно еще большей жестокости?» Акиба отвѣтилъ: «Я не чудесникъ, но

я радуюсь, что мнѣ пришлось исполнить то, что всегда у меня считалось высшимъ идеаломъ, а именно — заповѣдь: «люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою своею и всѣмъ твоимъ добромъ, т. е. если тебя даже лишатъ жизни». Последнее дыханіе Акибы закончилось словами: «Богъ единъ!» Преданіе говоритъ, что тутъ же послышался раздавшійся свыше голосъ: «благо тебѣ, Акиба, что последнее дыханіе твое остановилось на словахъ: «Богъ единъ!»; благо тебѣ, Акиба, что ты удостоился жить въ будущемъ мірѣ». Послѣ смерти Акибы тѣло его было тайно унесено его приверженцами и похоронено съ почестями. Позднѣйшее потомство говорило, что со смертью Акибы рушились столбы закона и засорились источники мудрости.

Такова величавая фигура Акибы! Онъ великъ своею любовью, онъ великъ своею скромностью, онъ великъ своею внутреннею борьбою, борьбою съ учителями и коллегами, онъ великъ въ обхожденіи съ учениками, онъ великъ своею общественною дѣятельностью, онъ великъ своей любовью къ народу, онъ великъ въ борьбѣ съ римлянами. Едва-ли какая-нибудь эпоха можетъ выставить такую колоссальную личность, которая отличалась бы такими разносторонними качествами ума и сердца, соединяла бы въ себѣ, какъ онъ, высшее знаніе съ широкою практическою дѣятельностью, зрѣлость ума съ юношескимъ воодушевленіемъ, высокій авторитетъ съ необычайною скромностью, миролюбіе съ самоотверженностью, мягкость сердца съ мужественною стойкостью. Всѣ эти разностороннія противоположности примирялись въ одной общей, основной идеѣ—любви къ народу. Эта любовь, которая совершенно срослась съ его нравственной личностью, развивала и поддерживала въ немъ всѣ тѣ умственные и нравственные силы, которыя оказались необходимыми для осуществленія народнаго блага. Онъ жилъ и дѣйствовалъ во имя той высшей, объединяющей силы, во имя того высшаго идеала совершенства, добра и любви, который составлялъ сущность всѣхъ его стремленій и виталъ надъ его угасающимъ взоромъ въ послѣднія минуты жизни. Не даромъ легенда окружила его такой славой, что самъ Богъ гордится имъ предъ первымъ челоукомъ, сами ангелы чувствуютъ къ нему ревность, самъ

Моисей склоняетъ предъ нимъ выю, современное ему поколѣніе величаетъ его самой галахой, а потомство—столбомъ закона и чистымъ источникомъ мудрости. Такое сложившееся въ народѣ о немъ воззрѣніе, пережившее тысячелѣтія и живо сохранившееся понынѣ, есть лучшій памятникъ его генія, который осынилъ своею силою духъ народа и обновилъ его свѣжею струею изъ чистаго источника мудрости и высшихъ идеаловъ.

М. Моргулисъ.

МИРТАЛА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Элизы Оржешко.

Переводъ съ польскаго.

VII *.

Вдругъ на скамьяхъ патриціевъ и во многихъ ложахъ сенаторовъ раздались громкія продолжительныя рукоплесканія, въ толпѣ же, шумѣвшей до этихъ поръ, водворилась тишина, а придворные окаменѣли. На вершинѣ высокихъ воротъ показался преторъ. Въ величественной бѣлой тогѣ, усѣянной золотыми пальмами, съ жезломъ въ одной рукѣ и бѣлымъ платкомъ въ другой, сильный, смѣлый Гельвидій Прискъ появился на вершинѣ воротъ, встрѣченный рукоплесканіями однихъ, и молчаливымъ ужасомъ другихъ.

— *Софосъ*, преторъ! Привѣтъ тебѣ, отважный! Желаемъ тебѣ здоровья, достойный!—загремѣли вверху голоса, полные воодушевленія.

Блѣдный, лысѣющій Домиціанъ бросалъ бѣшеные взгляды по направленію къ вершинѣ воротъ; кой-гдѣ изъ устъ людей, блестящихъ военной одеждой, раздались грубыя проклятія; толпа пришла въ себя и зашумѣла.

— Цезарь еще не прибылъ... цезаря еще нѣтъ... цезаря

---

* См. „Восходъ“ кн. IV.

еще нѣтъ... Въ отсутствіи цезаря! Возможно-ли это? возможно-ли это? возможно-ли это?

• Да, это было возможно. Преторъ положилъ одну руку на серебрянаго орла своего жезла, другую вытянулъ впередъ. Бѣлый платокъ, какъ большая бабочка, упалъ на зеленую арену. Въ это же мгновеніе невыразиме проническій голосъ Ламіи заглушилъ собою всѣ остальные голоса:

— Многая лѣта тебѣ, Гельвидій! многая лѣта, многая лѣта!

Фанія быстрымъ движеніемъ руки закрыла лицо серебристымъ покрываломъ; Артемидоръ, наклонившись къ ней, прошепталъ:

— Твой супругъ, домина, велѣлъ сказать тебѣ, что недостойнъ имѣть сына тотъ, кто не имѣетъ смѣлости удовлетворить требованіямъ справедливости и права.

Требованіямъ справедливости и права было удовлетворено. На вершинѣ воротъ раздалися бранные, триумфальные, протяжные звуки трубъ, легкія половины воротъ раскрылись настезь, и многотысячная толпа, затаявъ дыханіе въ груди, осталась безъ движенія.

Черезъ раскрытыя ворота на обширную зеленую арену медленно начали выѣзжать вооруженные всадники по четыре въ рядъ; впереди всѣхъ на еракійскихъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, небольшихъ лошадяхъ показались юноши, почти еще отроки, въ снѣжныхъ туникахъ, украшенныхъ пурпуромъ, съ зелеными вѣнками на обнаженныхъ головахъ, съ полными стрѣлъ колчанами за плечами и легкими, короткими дротиками въ рукахъ. Несмотря, однако, на свой юношескій возрастъ, эти тонкіе, гибкіе, полу-воины и полудѣти, крѣпко и ловко сдерживали на серебристыхъ поводахъ своихъ коней, которыя, выступая съ игривой граціей, казалось, не касались ногами травы арены.

За этими легковооруженными всадниками на бѣлыхъ лошадяхъ ѣхали воины, старше возрастомъ, въ болѣе тяжеломъ вооруженіи, на коняхъ золотистой масти, съ длинными острыми копьями въ рукахъ, сверкая небольшими щитами и плоскими, легкими шлемами.

За ними слѣдовали ряды съ незащищенными, на подобіе германцевъ, головами и грудью. Плечи ихъ и грудь были покрыты волчьими шкурами, толстая кожа покрывала также ихъ ноги; въ рукахъ они держали натянутые луки и тяжелыя, длинныя желѣзныя копья. Былъ тамъ еще отрядъ на легкихъ испанскихъ, со вздрагивающею кожею, лошадахъ, съ небольшими щитами и шлемами изъ искусно тисненой кожи, съ короткими, кривыми мечами у бедра и стальными копьями въ рукахъ; позади всѣхъ, на африканскихъ, черныхъ, какъ ночь, важно выступавшихъ коняхъ, ѣхали сильные, высокіе, глядѣвшіе исполинами, всадники, въ полномъ римскомъ вооруженіи: въ панцыряхъ, покрытыхъ бронзою съ рѣзными узорами, высокихъ съ орлиными крыльями шлемахъ, сандаляхъ, прикрѣпленныхъ къ ногамъ кожаными ремнями, обвивавшими ноги, съ огромными выпуклыми щитами, отъ плечъ доходившими до колѣнъ, и съ длинными, обоюдоострыми мечами въ золоченныхъ и рѣзныхъ ножнахъ. Каждый отрядъ имѣлъ своего предводителя, ѣхавшаго впереди. Лишь только тотъ, который командовалъ послѣднимъ отрядомъ, показался въ открытыхъ воротахъ, какъ амфитеатръ загудѣлъ, загремѣлъ, завылъ ураганомъ рукоплесканій и криковъ.

На черномъ конѣ, въ золотистомъ панцырѣ, съ лицомъ, полузакрытымъ шлемомъ, съ котораго взлеталъ, казалось, вверхъ золотой орелъ съ распущенными крыльями, держа въ рукѣ, какъ перышко, огромный щитъ съ изображеніемъ химеры съ львиной головой и хвостомъ змѣи, прямой, прекрасно сложенный, гордый, онъ, какъ молнія, пролетѣлъ передъ всадниками, которые вытанулись на аренѣ длинными рядами, и, ставъ впереди, поднялъ вверху длинное золотое копье свое. Это былъ Титъ.

Умѣренные внизу, болѣе страстные въ срединѣ, бѣшенѣе наверху крики и рукоплесканія еще продолжались, и громъ ихъ, казалось, потрясалъ зданіе амфитеатра и колебалъ чистый, все болѣе нагрѣвавшійся воздухъ, когда огромный вѣнецъ лошадей и всадни-

ковъ окружилъ арену. Золотое копье Тита снова блеснуло въ воздухъ, вѣнецъ разорвался, всадники выстроились въ колонну рядами и медленнымъ сначала, потомъ все болѣе ускоряющимся, но постоянно важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ колонна поплыла, извиваясь, по аренѣ.

Безъ малѣйшаго звука, почти безъ звона оружія, безъ топота лошадей, части колонны плыли на встрѣчу другъ другу, разбѣжались, поворачивали въ разныя стороны, образовывали круги и гирлянды; перекрещивались ленты молодыхъ головъ, украшенныхъ зелеными вѣнками, съ потоками бронзовыхъ шлемовъ, лѣсъ дротиковъ и копій съ чашей втянутыхъ луковъ. То легкіе и игривые, то сильные и грозные, ряды извивались по аренѣ и вокругъ другъ друга съ легкостью птицъ, гибкостью змѣй, съ такою прелестью, гармоніей и тишиной, какъ будто бы движенія ихъ согласовались съ чарующей безконечной пѣсней, которая слышалась изъ другого міра.

Рукоплесканія и крики смолкли; ихъ замѣнилъ шумъ, подобный шуму моря, который мало-по-малу стихалъ и, наконецъ, расплывшись въ воздухъ, превратился въ тишину, нарушавшуюся только горячимъ дыханіемъ многотысячной толпы. Любопытство, почтеніе къ древнимъ играмъ и тѣмъ людямъ, которые теперь принимали въ нихъ участіе, заставили всѣхъ замолчать и широко раскрыть воспаленные глаза. Съ сенаторскихъ и патриціанскихъ мѣстъ множество мужчинъ и женщинъ нагибалось надъ ареной, съ поблѣднѣвшими отъ волненія лицами, ища и преслѣдуя глазами въ толпѣ всадниковъ дорогихъ и близкихъ лицъ. Снаружи, внѣ амфитеатра, царствовала также гробовая тишина. Крыши портиковъ покрыты были толпами народа, которые, не будучи въ состояніи пробраться внутрь амфитеатра, галдѣли и шумѣли, но при звукѣ трубъ, возвѣстившихъ начало игры, погрузились въ торжественное молчаніе и стояли теперь на голубомъ фонѣ неба, подобно пестро изукрашеннымъ стѣнамъ, наклоненнымъ къ тому мѣсту, гдѣ происходили игры. Съ

голубого, тихаго неба, охлажденнаго плившими по немъ стадами бѣлыхъ облаковъ, тишина, теплота и обильный свѣтъ лились на траву, статуи и цвѣты Марсова поля. Слышны были величественный шумъ Тибра и тихое журчаніе фонтановъ; вокругъ Фламиніева цирка мѣдныя капители колоннъ горѣли пламеннымъ вѣнцомъ. На вершинѣ обелиска могучія формы божественнаго юноши обрисовывались совершенно ясно; его лира, вся въ искрахъ отъ заливавшаго ее свѣта, оживала, дрожала, мерцала, и стояло лишь, казалось, въ этой страстной и торжественной тишинѣ напрячь слухъ, чтобы вотъ, вотъ услышать, какъ Фебъ Аполлонъ на золотыхъ струнахъ играетъ въ тактъ героическихъ танцевъ, совершающихся въ честь его на зеленомъ днѣ огромной котловины.

Нѣсколько голосовъ прервало торжественную тишину восклицаніями:

— Энеида! Энеида! божественный *Виргилій!*

При звукѣ имени обожаемаго, давно уже скончавшагося поэта, множество зрителей, въ знакъ почтенія, встало съ своихъ мѣстъ. То, на что они смотрѣли, было вѣрнымъ изображеніемъ древняго увеселенія, которое величайшій изъ ихъ поэтовъ воспѣлъ въ своей эпопее. Строфа этой эпопеи развивалась передъ ихъ глазами. Отдаленнѣйшіе предки ихъ встали на минуту изъ гробовъ своихъ. Въ этой строфѣ и въ этой картинѣ потонули постороннія страсти и всякія мелкія чувства. Всѣ зрители, какъ одинъ человекъ, нагнулись къ аренѣ, вытянули впередъ руки, и изъ всѣхъ грудей вырвалось единодушное, потрясающее, короткое, страстное восклицаніе:

— Софось!

И опять всѣ смолкли, но зато дно котловины закипѣло движеніемъ, загремѣло стукомъ топоровъ, зазвенѣло бряцаніемъ оружія и щитовъ. Спокойныя и торжественныя ритмическія движенія смѣнились ускоренными, бранными, бурными. Вмѣсто того, чтобы въ тишинѣ гармонически сплетаться, раздѣжаться, ряды блеснули остриями копій, руки напрягли тетивы луковъ, груди и головы закрылись

щитами; они натянули поводья и понеслись навстрѣчу другъ другу, какъ бы опыяненные дыханіемъ бога войны. Вотъ они уже готовы столкнуться, какъ пламенные вихри, но одинъ отрядъ быстро поворачиваетъ коней и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Другіе, преслѣдуя его, рассыпаются также. Арену покрылъ рой всадниковъ, изъ которыхъ каждый съ быстротой молніи дѣлаетъ тысячи оборотовъ. Вѣяны еракійскія лошади, съ одѣтыми въ бѣлую одежду всадниками, кажутся стадомъ лебедей, разсыпаннымъ надъ муравой и не касающимися ея: Другіе похожи на желтыхъ львовъ, съ распущенными по вѣтру гривами преслѣдующихъ свою добычу; третьи на черныхъ могучихъ коняхъ разносятъ пожаръ бронзовыхъ панцирей и шлемовъ, надъ которыми выше всѣхъ взлетаетъ, распустивъ крылья, золотой орелъ Тита, и среди лѣса желѣзныхъ и стальныхъ копій его золотое копье поднимается выше всѣхъ головъ, которыя даже въ послѣднемъ и безумномъ бѣгствѣ и преслѣдованіи не теряютъ изъ виду его воздушныхъ движеній. И вотъ по знаку, данному этимъ копьемъ, всадники съ быстротой мысли собираются вмѣстѣ, выстраиваются, пятятся назадъ и среди арены образуютъ огромный четырехугольникъ, плотный, какъ стѣна, въ одно мгновеніе составившійся изъ лошадиныхъ головъ и покрытыхъ панцирями грудей всадниковъ. Эта стѣна вдругъ ошетибилась высокимъ, острымъ, мерцающимъ темными отблесками лѣсомъ желѣзныхъ и стальныхъ копій. Золотой орелъ съ распростертыми крыльями облетѣлъ вокругъ четырехугольника, и золотое копье снова забачалось на воздухѣ; стѣна четырехугольника распалась, лѣсъ блестящихъ острій разсѣялся; кожаные, стальные, бронзовые щиты подыались надъ головами, къ которымъ натянутые луки направили дождь стрѣлъ и дротиковъ.

Подобно проливному дождю, падающему на металлическую поверхность, зазвенѣли на щитахъ стрѣлы и дротики; густая ихъ туча затмила на минуту арену, и когда прояснилось опять, глазамъ зрителей представился вѣнецъ изъ лошадей и всадниковъ,

неподвижный, но, какъ радугой, игравшій мечомъ. Такъ въ греческой пирійской пляскѣ, отъ которой, быть можетъ, эти троянскія игры получили свое начало, дѣвушки играли цитрой, которую перебрасывали изъ рукъ въ руки.

Мужи и воины замѣнили цитру мечомъ. Широкой мечъ Тита, перебрасываемый, подхватываемый, передаваемый дальше, словно летѣлъ по воздуху, разсыпая изъ рукояти дождь кровавыхъ, зеленыхъ, голубыхъ искръ. Онъ пролетѣлъ огромный кругъ и ни разу не коснулся земли, не ранилъ ни одной руки, наконецъ, сынъ цезаря поднялъ его вверхъ на высоту орла на шлемѣ и по этому знаку вѣнецъ изъ воиновъ разорвался, зазвенѣли щиты, и опять еракійскія лошади, какъ бѣлые лебеди, неся, какъ бы не касаясь земли, одѣтыхъ въ бѣлую одежду всадниковъ, шли на встрѣчу чернымъ конямъ съ орлиными крыльями; испанскія лошади, нѣжныя и впечатлительныя, съ вздрагивающей кожей и раздутыми ноздрями, меча искры изъ глазъ, перекрещивались съ косматymi всадниками, одѣтыми въ волчьи шкуры, и гнѣдымъ отрядомъ, завоеваннымъ въ сталь. И снова въ тишинѣ, безъ криковъ и бряцанія оружія, почти безъ топота копытъ, всадники развѣзались, поворачивали лошадей въ разныя стороны, вились по аренѣ и одинъ вокругъ другого, съ такою прелестью, гармоніей и важностью, какъ будто бы ихъ движенія согласовались съ какой-то чарующей гнѣзью, которая слышалась изъ другого міра.

Такъ продолжалось долго. Прошелъ четвертый и пятый часъ утра, а воины и кони, безъ отдыха и не уставая, силой и ловкостью своей воздавали честь богу свѣта и красоты, къ собственной гордости и удовольствію народа.

Народъ забавлялся. Среди воиновъ узнавали знакомыя или дорогие лица, вызывали извѣстныя или знаменитыя имена; раздавались короткія, страстныя рукоплесканія, они умолкали, снова оглашали воздухъ, прерывались сразу, какъ бы перерѣзанныя ножомъ любовничества: что будетъ дальше? Не загремѣли они, какъ обыкно-

венно, при появленіи императора. Веспасіанъ прибылъ очень поздно; народъ почти не замѣтилъ его появленія, и только тогда лишь привѣтствовалъ его коротко, разсѣянно, когда Титъ движеніемъ копья выстроилъ всадниковъ и вмѣстѣ съ ними отдалъ честь отцу своему. Извѣстно было, что отецъ и сынъ любили другъ друга и оказывали взаимную помощь. Но многіе видѣли также ядовитые взгляды, бросавшіеся вторымъ сыномъ цезаря на своего старшаго брата.

Всѣмъ было извѣстно, что Домиціанъ ненавидѣлъ Тита, этого любимца природы и судьбы, который отъ нихъ получилъ все, чѣмъ только человекъ можетъ обладать: очаровательную красоту, силу, мужество, таланты, высочайшее положеніе въ государствѣ и безпредѣльную любовь солдатъ. Чего онъ могъ еще желать?

Быть можетъ, ему не доставало того, на что имѣетъ право всякій простой смертный: названія законной жены для любимой женщины и союза съ ней на всю жизнь?

На вершинѣ воротъ снова раздались бранные, триумфальные, громкіе звуки трубъ, возвѣщая объ окончаніи зрѣлища. У края арены, выстроившись въ колонну, всадники ѣхали важно, гордо, безъ всякаго признака усталости, такъ что лишь изрѣдка капли пота стекали изъ-подъ зеленыхъ вѣнковъ на юношескія чела, изрѣдка виднѣлась бѣлая пѣна на черной или золотистой шерсти коней, и не одна голова поднималась кверху, ища глазами знаковыхъ или дорогихъ лицъ, не одни уста изъ-подъ бронзоваго шлема посылали улыбки наклоненнымъ надъ ареной и вздрагивавшимъ отъ волненія женскимъ устамъ.

Титъ ѣхалъ впереди. Онъ снялъ шлемъ съ золотымъ орломъ и вмѣстѣ со щитомъ держалъ его въ одной рукѣ, едва прикасаясь другой къ свободно опущеннымъ поводьямъ. Теперь народъ могъ вдоволь наглядѣться на его лицо, красоту котораго стоустая молва разнесла отъ одного конца извѣстнаго тогда міра до другого.

Послѣ продолжительныхъ воинскихъ упражненій на немъ не появилось выраженіе торжества или веселости. Внимательный глазъ могъ бы прочесть на немъ задумчивость и безпокойствіе. Словно сросшійся съ чернымъ своимъ конемъ, прямой, спокойный и сильный, Титъ склонялъ однако смуглое чело свое, какъ будто подъ тяжестью жгучей, заботы. Вождь, побѣдитель въ столькихъ сраженіяхъ, одержать ли онъ сегодня побѣду, которой давно жаждало его и еще чье-то сердце? Побѣду надъ чѣмъ? Надъ волею отца, всегда для него снисходительнаго, но суроваго въ данномъ случаѣ, надъ гордостью патриціевъ, надъ недоброжелательствомъ философовъ и ихъ многочисленныхъ учениковъ, надъ прихотями толпы, которой онъ будетъ властелиномъ, но которая вѣсть съ тѣмъ властвовала надъ нимъ. Куда ведетъ онъ своихъ воиновъ? Онъ уже отдалъ честь передъ ложей цезаря и, согласно несомни установленному обычаю, передъ рядомъ свѣжныхъ сенаторскихъ тогъ.

Трубы продолжаютъ играть отступленіе; широкія ворота открыты настежь, но воины съ вождемъ своимъ во главѣ идутъ еще по аренѣ. Многотысячная толпа знаетъ хорошо, гдѣ вождь остановитъ своего коня. Въ теченіи нѣсколькихъ дней кто-то распространялъ въ столицѣ слухъ этотъ, который однихъ наполнялъ гнѣвомъ, въ другихъ возбуждалъ любопытство и сочувствіе. Наконецъ, черный конь остановился, какъ вкопанный. Титъ осадилъ его передъ трибуной Береники; за нимъ также остановились, какъ вкопанные, воины его.

Среди пурпурныхъ фестоновъ, съ подушекъ, вышитыхъ жемчужомъ и золотомъ, въ богатой одеждѣ, медленно, роскошнымъ и покорнымъ движеніемъ поднялась и во весь ростъ стала чародѣйка востока. Кто можетъ счесть томительныя думы, безпокойство, желанія, съ которыми она ожидала этой минуты? Кто отгадаетъ, любовь ли кивѣла въ ея жилахъ въ это мгновеніе, или гордость? По чудной груди ея, подъ вьющейся золотой цѣпью пробѣгала страстная дрожь; черныя косы, какъ змѣи, обвивали ея станъ;

на смугломъ лицѣ и пурпурныхъ губахъ рисовалось выраженіе упительнаго, полу-чувственнаго, полу-эстазнаго наслажденія. Голову, украшенную алмазами, она наклонила низко, покорно, подняла темныя вѣки, и изъ-подъ волнистыхъ, дрожащихъ рѣсницъ устремила взглядъ черныхъ, какъ ночь, ласкающихъ, покорныхъ глазъ на поднятые къ ней глаза возлюбленнаго.

Они смотрѣли съ минуту другъ на друга. Береника медленно, какъ бы въ сонномъ упоеніи, нагибалась надъ рѣзными перилами трибуны, робкимъ движеніемъ влюбленной невольницы протягивая наврочный вѣнецъ.

Конца этой сцены, которая, по слухамъ, должна была завершиться объявленіемъ брака сына цезаря съ царицей Халкиды, многотысячная публика ожидала съ затаеннымъ въ груди дыханіемъ, волнуемая разнообразными ощущеніями. Только здѣсь и тамъ, вверху и внизу, слышался глухой, но страстный шепотъ, подобно узкимъ ручьямъ, пересѣвавшій море тишины.

Вдругъ, какъ громъ, ниспадающій на землю, гдѣ-то въ верхнихъ ярусахъ амфитеатра раздался голосъ:

— Будь проклята, Береника, позоръ своего народа, измѣнница правому дѣлу, отравительница душъ іудейскихъ дочерей!..

Здѣсь хриплый голосъ, коверкавшій слова латинской рѣчи, но могучій силою, которую придаетъ необузданная страсть, оборвался на минуту, какъ будто бы уста говорившаго пыталась захватить чья-то рука. Но вдругъ, еще болѣе раздраженный и потому сильнѣе прежняго, онъ загремѣлъ снова:

— Проклятъ будь и ты также, раззоритель чужихъ земель, чудовище, предавшее пламени храмъ...

Теперь слышны были шумъ борющихся наверху тѣлъ, отрывочныя восклицанія и шаги вооруженныхъ людей. Но безумецъ гдѣ-то въ пестрой, тѣсной толпѣ, въ припадкѣ страстнаго гнѣва, хриплымъ и прерывающимся голосомъ продолжалъ кричать:

— Будьте прокляты вы всемогущимъ и страшнымъ Богомъ!

Будьте прокляты небомъ и землею! Будьте прокляты всѣми, служащими справедливости! Будьте прокляты всѣми высшими силами на небѣ и на землѣ. Проклятiе! проклятiе! проклятiе!..

Хриплый, прерывающійся, бѣшенный голосъ все удалялся и ослабѣвалъ, какъ будто бы того, изъ чьей груди онъ выходилъ, уводили все дальше и дальше. Въ трибунахъ, ложахъ и на многихъ скамьяхъ патрициевъ царствовало молчанiе, въ тысячу разъ болѣе выразительное, чѣмъ громкія рукоплесканiя. Молчанiе это было проникнуто злобной радостью, которая почти насильно прорывалась на лица. Все, что по какимъ бы то ни было причинамъ скрывало въ своемъ сердцѣ хоть каплю яда противъ тогдашняго порядка вещей въ Римѣ или его представителей; все, что, съ презрѣнiемъ глядя на чуждые народы, относилось презрительно къ украшенной алмазами представительницѣ того изъ нихъ, который особенно презирала; все, что было въ Римѣ чистаго, недовольнаго, гордаго, завистливаго или оскорбленнаго, съ равнодушиемъ, болѣе выразительнымъ, чѣмъ рукоплесканiя, приняло оскорбленiе, брошенное неизвѣстными устами въ лицо снну цезаря и его возлюбленной.

Всѣхъ съ окружающими молчалъ, бросая торжествующіе взгляды, Цестій, ненавидѣвшій иудеевъ, которыхъ онъ не могъ побѣдить и которые лишили его жены; въ молчанiи иронически улыбались свидѣтели въ ложѣ Эліа Ламіа, лицо котораго, покрытое маской веселости, любовныя похожденiя сына цезаря искажали отчаянiемъ и гнѣвомъ; мрачно и почти вслухъ сѣялись родственники и друзья Марціа Формиліа, оставленной Титомъ жены его. Но лицо Веспасіана, обыкновенно добродушное, грубое и солдатское, приняло мрачное и грозное выраженiе, а Домиціанъ, протянувъ впередъ руку, вспылчиво воскликнулъ:

— Цезарь, прикажи казнить завтра публично этого сѣльчака!

И въ то время, какъ рука и уста его грозили, глаза свѣтились злобною радостью, вызванною ударомъ, нанесеннымъ брату

его. Ударомъ для Тита были не столько проклятія неизвѣстнаго наглеца, сколько нѣкое одобреніе этого поступка большею частью тѣхъ именно, которыхъ онъ намѣренъ былъ сегодня плѣнить, удивить, завоевать для своихъ цѣлей. Однако, онъ не склонилъ голову; напротивъ, глаза его, которые минуто тому назадъ съ упоеніемъ встрѣчали взоръ возлюбленной, теперь загорѣлись огнемъ сильнаго гнѣва. Кроткій Титъ, котораго многіе называли уже „сладолюбъ челоуѣческаго рода“, вспыхнувъ гнѣвомъ, почувствовалъ себя любимымъ сыномъ властелина міра и кидаль вокругъ себя молніеносные взоры полубога. Береника исчезла среди свиты Агриппы, которая окружила ее и быстро скрыла отъ глазъ зрителей.

Но то, что происходило внизу, было лишь тихой идилліей въ сравненіи съ бурей, разразившейся въ верхнихъ ярусахъ амфитеатра. Тамъ находились солдаты, которые любили Тита, какъ вождя, водившаго ихъ неоднократно къ побѣдамъ, и народъ, ослѣпленный красотой его, силой, высокимъ положеніемъ и готовый воздвигать въ честь его алтари и помѣстить его въ ряду безсмертныхъ боговъ. Тамъ также глубочайшее презрѣніе и сильнѣйшая ненависть кипѣли противъ іудеевъ. А развѣ не былъ іудеемъ этотъ наглець, который бѣшенными словами своими оскорбилъ полубога и, что было самое важное, прервалъ веселое зрѣлище, помѣшалъ удовольствію жгучаго любопытства толпы? Правда, Береника также была еврейка. Но любовь сына императора вознесла ее выше всѣхъ смертныхъ женщинъ; чувственная красота ея ослѣпляла глаза, ее окружалъ привлекательный блескъ богатства. А этотъ оборванецъ, нищій, который занималъ мѣсто на скамьѣ, предназначенной для толпы, и коверкалъ по манеру іудейской черни латинскія слова, кто онъ такой?

— Это еврей, еврей, еврей!—громяко кричалъ Сильвій, владѣлецъ золотошвейной мастерской на Авентинѣ. — Пусть божественный Аполлонъ броситъ мнѣ на голову свою лиру съ обелиска,

если я не узналъ въ немъ одного изъ вышивальщиковъ, живущихъ за Тибромъ!...

— Нѣтъ, Сильвій, ты ошибаешься,—воскликала парфюмеръ Вентурій, стараясь перекричать своего друга.—Это дѣйствительно еврей, но не вышивальщикъ. Клянусь, что это одинъ изъ тѣхъ, которые за Тибромъ выдѣлываютъ духи...

Черезъ тѣсную толпу, топчя ноги и расталкивая всѣхъ могучими кулаками, пробивался огромнаго роста сотникъ, разгнѣванный и побуждаемый любопытствомъ, произнося грубыя проклятiя.

— Гдѣ онъ? куда онъ дѣвался?—вричалъ онъ. — Что, его уже схватили и связали? Я замѣтилъ его издали. Кто онъ? Я его уже когда-то видѣлъ, я его видѣлъ уже! Гдѣ я его видѣлъ?

Множество голосовъ говорило сразу:

— Его не схватили и не связали!

— Какой-то человекъ стоялъ сзади его и пытался зажать ему ротъ...

— Тоже какой-то еврей, одѣтый въ тогу...

— Привелъ съ собою много людей...

— Они протолкались среди насъ, какъ быки среди овецъ... и разсѣлись вокругъ него...

— Когда, раскрывъ ротъ, онъ выкрикивалъ свои глупыя проклятiя, они тащили его назадъ, но онъ сопротивлялся... Тотшій какъ перепелъ, который не ѣлъ три дня, а здоровый, какъ ты, Педанъ...

— Они окружили его такъ, что мы не могли достать кулаками его боковъ и сдѣлать вокругъ него цѣпь изъ нашихъ рукъ...

— Его тащили... защитили... увели...

— Гдѣ я видѣлъ, клянусь Геркулесомъ, гдѣ я видѣлъ уже когда-то эту бѣшеную рожу?—повторялъ сотникъ, ударяя себя по вспотѣвшему лбу огромнымъ кулакомъ.

Вдругъ ловко, какъ будто не имѣя костей, проскользнулъ изъ толпы и остановился передъ сотникомъ маленькій, едва достававшій ему до пояса, человекъ въ грязной краснаго цвѣта блузѣ. рывжій, съ лысиной на головѣ и остатками сандалій на босыхъ почти ногахъ. Устремивъ на толстое, огромное лицо великана свои желтые маленькіе пронизательные, какъ у кошки, глаза, онъ воскликнулъ:

— Гдѣ и когда ты видѣлъ эту бѣшеную морду, объ этомъ тебѣ скажетъ Силасъ, лектикарій изъ-за Тибра. Ты видѣлъ его во главѣ іудейскаго войска, возставшаго противъ цезаря... Онъ врагъ цезаря и боговъ, упорный іудей, который хотѣлъ бы изжарить тебя, Педанъ, и съѣсть за субботней трапезой. Онъ бѣглець, котораго давно уже ищутъ власти римскія...

— Помню!—воскликнулъ Педанъ,—клянусь Геркулесомъ, ты припомнилъ мнѣ все, лектикарій, похожій на глисту! Я видѣлъ его во главѣ проклятыхъ бунтовщиковъ рука-объ-руку съ Іоанномъ Гискалой... Всегда онъ былъ тамъ, всегда рядомъ съ этимъ азіатскимъ леонардомъ... самъ какъ леопардъ!..

— Проклятіе ему! — завывла толпа, — проклятіе мятежному племени его!

— Гдѣ онъ живетъ, лысая голова? гдѣ онъ скрывается, глιστα? Говори, оборванецъ! разинь свой грязный ротъ, сиріецъ! Веди насъ... мы его зарѣжемъ, какъ очитительную жертву, на алтарѣ Аполлона... Веди насъ!.. мы его связаннаго предадимъ въ мстительныя руки Тита...

Отвѣта не было. Маленькій, скорчившійся, ловкій какъ змѣя, Силасъ смѣшался съ пестрой, гадѣвшей, метавшейся толпой—и исчезъ.

VIII.

Насколько въ день праздника Аполлона улицы и рынки Рима лишены были населенія, которое сосредоточилось вокругъ Септовъ и

Фламиніева цирка, настолько по окончаніи игръ они кишѣли и греѣли миллионной толпой, нировавшей и забавлявшейся подъ открытымъ небомъ. На многочисленныхъ рынкахъ, носившихъ названія рысанаго, свиного, скотнаго, дровяного и т. п., огромные столы гнулись подъ тяжестью цѣлыхъ горъ грубыхъ печеній и варенаго или жаренаго мяса. Изъ металлическихъ кратеровъ, т. е. сосудовъ, въ которыхъ разводилось вино, множество ложекъ соотвѣтственной формы лило въ кувшины и чаши крѣпкой напитокъ, разбавленный жидкимъ медомъ и наполнявшій воздухъ острымъ запахомъ пряныхъ приправъ.

Къ столамъ этихъ, поставленнымъ по приказанію императора, котораго скудость и жадность исчезали въ виду необходимости забавлять и кормить народъ, подходили люди разныхъ званій. Только знатные и изящные люди праздновали этотъ день шумными пиршествами въ стѣнахъ своихъ домовъ и дворцовъ. На рынкахъ и улицахъ кишѣли толпы, состоявшія изъ многочисленныхъ кліентовъ знатныхъ домовъ, носившихъ общее названіе паразитовъ, изъ новыхъ вольноотпущенниковъ, которые еще не успѣли стряхнуть съ себя физическую и нравственную нищету рабства, изъ вольнонаемныхъ рабочихъ, употреблявшихся для различныхъ работъ въ фабрикахъ, магазинахъ, на улицахъ и пристани, изъ рабовъ, которымъ доброта ихъ господъ не запрещала рѣдкихъ увеселеній, изъ множества, наконецъ, солдатъ и сотниковъ, извѣстныхъ своей грубостью.

Толпу эту увеличивали еще многочисленные, носившія названіе коллегій, собранія ремесленниковъ: вышивальщиковъ, парфюмеровъ, булочниковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. д.; къ нимъ присоединялись также купцы, которымъ зажиточность не мѣшала искать умныхъ пировъ и развлеченій, адвокаты безъ практики, искавшіе здѣсь случая похвастаться своимъ краснорѣчіемъ и при посредствѣ его приобрести кліентовъ, эксплуатировавшіе любопытство и легковѣріе толпы гадатели, звѣздочеты, фокусники. Хотя въ

трехъ театрахъ одновременно давали въ этотъ день прелестныя пантомимы и веселыя *ателланты*, т. е. сценическіе фарсы, хотя тысячу людей любовались на Марсовомъ полѣ выставленными тамъ для публики рѣдкими животными и огромными змѣями, носорогами, танцующими слонами и т. д., на Сентахъ удивлялись силачамъ, акробатамъ, скороходамъ и разнымъ фокусникамъ, — тѣмъ не менѣе, однако, не было въ Римѣ улицы, по которой не проходили бы толпы мужчинъ и женщинъ, пресыщенныхъ ѣдой, пьяныхъ или, по меньшей мѣрѣ, на-веселѣ, съ зелеными вѣнками на головахъ, предшествуемые женщинами, игравшими на флейтахъ, уличными декламаторами, ораторами и шутами, которые, взбираясь на возвышенія, приковывали къ себѣ вниманіе толпы или возбуждали въ ней смѣхъ, подобный грому. Все это играло, пѣло, смѣялось и гудѣло въ душномъ воздухѣ, приводившимся лишь по временамъ въ движеніе удушливыми дуновеніями вѣтра, который вѣялъ съ юга, неся за собой тучи и грозу. Ключки сѣрыхъ, тяжелыхъ тучъ неслись по небу, закрывая ежеминутно солнце, но не уменьшая жары, жгучее дыханіе которой приносилъ Африкъ изъ знойныхъ пустынь юга.

Forum romanum пылало. Пламенное небо изливало блескъ свой на храмы, дворцы и курии этого рынка, носившаго собственно названіе *forum civile*, гражданскій рынокъ; въ солнечныхъ, наполнявшихъ его лучахъ еслѣпительно сіяли безчисленныя богатства, которыя тамъ, на искусно построенныхъ подмосткахъ, послужили матеріаломъ для выставки. Это была государственная казна, выставленная для обозрѣнія публики: собраніе трофеевъ, доставленныхъ побѣдоносными войнами, и драгоценности, накопленныя жадностью, расточительностью или артистическими склонностями предшествовавшихъ цезарей. Вверху надъ этими подмостками, равно какъ и воеругъ форума, у стѣнъ, воротъ и портиковъ, на военныхъ знаменахъ высоко возносились на воздухѣ орлы, звѣзды, сплетенныя змѣи и, точно грозившія громаднымъ рукамъ. Внизу

пестрая, разбитая на отдѣльныя кучки, толпа, поднявъ вверху головы, разсматривала накопленные богатства, которыя наполняли ее безпредѣльною гордостью. Сотни пламенныхъ глазъ устремлялись по очереди на столы, заставленные золотыми сосудами, усѣянными обильной росой драгоцѣнныхъ камней, на ложа со львами, лебедями и павлинами, украшенные слоновою костью, черепахой, серебромъ и алмазами, на шахматную доску, составленную изъ двухъ алмазныхъ таблицъ, которой пѣшки содержали въ себѣ пуды искусно выдѣланнаго золота, на вылитыя изъ серебра и золота статуи боговъ, цезарей и знаменитыхъ полководцевъ, на нѣсколько десятковъ коронъ, унизанныхъ жемчугомъ, на большую пещеру, словно обильной росой осыпанную жемчугомъ. въ особенности же на холмъ, который былъ дѣйствительно холмомъ, вылитымъ изъ золота, и на склонахъ котораго вились винныя лозы, росли яблони, покрытыя листьями и плодами, словно живые мчались львы, олени и преслѣдовавшія ихъ охотничьи собаки.

Эти и другія подобныя имъ рѣдкости и драгоцѣнности уже со времени Помпея и Цезаря, слѣдовательно, больше ста лѣтъ, накоплялись постепенно въ римской казнѣ и производили на римскій народъ свойственное имъ чарующее впечатлѣнiе. Но сегодня на форумѣ возвышались, среди прочихъ, подмостки, которые привлекали къ себѣ особенно многочисленныя толпы народа, потому что на нихъ были выставлены предметы менѣе всего извѣстные, нѣсколько лишь лѣтъ тому назадъ, послѣ громкой послѣдней побѣды, привезенные въ Римъ. Послѣдней громкой побѣдой было безусловное и окончательное покоренiе Иудей, давно уже находившейся въ условной зависимости отъ Рима. Подмостки, возбуждавшiе особенное любопытство, были покрыты трофеями, которые Титъ-побѣдитель нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезъ въ подарокъ Риму изъ разрушеннаго Иерусалима.

Нѣсколько уединенныя отъ другихъ, они возвышались вблизи

нагроможденныхъ мраморныхъ глыбъ, изъ которыхъ тогда строили триумфальную арку Тита.

Арка еще не была окончена, но о триумфѣ возлюбленнаго Береники ясно свидѣтельствовали передъ народомъ предметы, которые онъ разсматривалъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Это были предметы, которыми народъ, далеко-далеко жившій отъ Рима, въ теченіи долгихъ вѣковъ своего существованія въ длинномъ ряду поколѣній, съ любовью, почитаніемъ, милліонами трудовъ и надеждъ украшалъ и обогащалъ то, что было для него дороже и священнѣе всего: храмъ Бога своего, очагъ, къ которому стекались всѣ ручьи народной жизни. Тамъ были громадныя многоцвѣтныя пушистыя ковры, несказанной цѣны, искусно вышитыя покрывала со множествомъ драгоценныхъ застежекъ, дорогіе шѣа, выкрашенные пурпурной краской, огромный бассейнъ, составленный изъ металлическихъ зеркалъ, большой храмовой столъ изъ дорогого дерева съ тяжелой золотой рѣшеткой, свѣтильникъ, со сказочнымъ обиліемъ осыпанный золотыми лиліями и плодами... Надъ всѣмъ этимъ, на вершинѣ подмостковъ, освѣщенная солнечными лучами, возвышалась нарисованная яркими красками огромныхъ размѣровъ картина, изображавшая триумфальный въездъ Тита въ Римъ послѣ одержанной имъ побѣды. За колесницей триумфатора слѣдовали радостныя толпы, шли побѣдоносныя войска и военно-плѣнные, угнетенные, блѣдные, полунагіе, съ цѣпами на ногахъ и веревкою на шеѣ. Надъ картиной, на самомъ верху, горѣли золотыя буквы, составлявшія надпись: „Иудея побѣжденная, Иудея завоеванная“.

Люди, смотрѣвшіе на эту печальную выставку, были веселы. Толстыя пальцы поднимались вверхъ, указывая то или другое, языки прикасались къ нѣбу, производя звуки, похожіе на смакованіе вкуснаго блюда; подвижныя подростки прикладывали къ носу распростертые пальцы обѣихъ рукъ, выражая этимъ свое презрѣніе къ побѣжденному народу; Сильвій, вышивальщикъ изъ Авентина, обнималъ рукой шею парфюмера Вентурія, который былъ ниже

его ростомъ, и оба они сіяли радостью и раздувались отъ гордости. Ихъ растолкалъ пробивавшійся сквозь толпу сотникъ Педанъ.

— Ты чего лѣзешь, дубина, и разбиваешь народъ!—воскликнулъ оскорбленный Сильвій.

— Ахъ, ты молоть для разбиванія камней! Ты чуть не сло-налъ мнѣ руку своими плечами!—тонкимъ, разгнѣваннымъ голосомъ поддержалъ пріятеля своего завитой и благоухающій парфюмеръ.

За этими двумя восклицаніями раздалось много другихъ. За Педаномъ слѣдовали другіе сотники и простые рядовые, которые безжалостно топтали по ногамъ своими разукрашенными сандалями и сильными плечами нахально расталкивали спины и плечи толпы. Какой-то подростокъ, который минуту тому назадъ въ радости сердца своего посылалъ насмѣшливые жесты по направленію къ изображенной на картинѣ толпы военно-плѣнныхъ, схватился объими руками за ухо и съ громкимъ плачемъ упалъ на землю. Онъ не успѣлъ быстро посторониться, и одинъ изъ солдатъ шутя схватилъ его за ухо; у несчастнаго малаго отъ этой шутки потекла тонкой струей кровь. Ругательства и проклятія раздались въ толпѣ. Какая-то женщина, обвиняая раненаго подростка, пронзительнымъ голосомъ стала жаловаться на дерзость и грубость солдатъ, отнявшихъ недавно у мужа ея, огородника, зелень и фрукты, которые онъ везъ въ Римъ продавать, а теперь изранившихъ ея ребенка.

— Неужели на этихъ нахаловъ римскій гражданинъ не пайдетъ уже суда и наказанія?

— Меня осмѣлился толкнуть, меня, Сильвія, чьи издѣлія украшаютъ дворецъ самого цезаря!

— Спина моя, Педанъ, долго будетъ помнить твои кулаки, но, клянусь Геркулесомъ, завтра же я отнесу камергеру, вѣрнымъ кліентомъ котораго я состою, флаконъ духовъ изъ корицы и буду просить его, чтобы онъ представилъ божественному цезарю мою жалобу на тебя!

— Если ты это сдѣлаешь, Вентурій, то этимъ лишь дока-

жешь, что голова твоя вѣсить гораздо меньше, чѣмъ лоть корицы. Ты долженъ знать, что давно уже на вѣсахъ римскихъ судовъ сотникъ вѣсить сто пудовъ, а мирный гражданинъ одну сотую часть лота...

Какой-то серьезный, печальный и полный ироніи голосъ, заглушая другіе голоса, воскликнулъ:

— Неблагодарныя души!

Присутствующіе оглянулись. Человѣкъ, произнесшій эти два слова, было тонокъ и строенъ, но черты лица его трудно было разглядѣть, потому что ихъ закрывалъ глубокой капшонъ плаща. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Множество людей покрывало головы капшонами или шляпами съ широкими полями для защиты ихъ отъ знойныхъ лучей солнца.

— Что онъ тамъ квакаетъ? Говори дальше! Или, можетъ быть, мать научила тебя произносить лишь эти два слова? — сибѣлись въ толпѣ.

Человѣкъ въ капшонѣ повторилъ опять:

— Неблагодарныя души!

Педанъ взялся объяснить слова неизвѣстнаго. Онъ повернулся лицомъ къ присутствующимъ и вскочилъ на мраморную глыбу. Издали могло показаться, что громадная его фигура, съ прикрѣпленными къ ногамъ ремнями сандаляни, въ металлическомъ панцирѣ и съ короткимъ мечомъ у бедра, стояла на человѣческихъ головахъ. Поднявъ могучій кулакъ надъ этими головами, онъ воскликнулъ:

— Гражданинъ сказалъ правду. Вашими собачьими мордами лаютъ неблагодарныя души. Вы ругаете и жалуетесь на честнаго солдата, когда онъ вынетъ изъ горшка вашего горсть вареныхъ бобовъ или, проходя мимо, придавить кончикъ вашего нѣжнаго пальчика! Развѣ ни одинъ добрый геній, охраняющій умы чело-вѣческіе, не сказалъ вамъ никогда, что если бы не этотъ честный солдатъ, то вы не имѣли бы того, чѣмъ обладаете?

Въ толпѣ раздался смѣхъ и восклицанія:

— Да предасть меня Юпитеръ подземнымъ божествамъ, если я знаю, что у меня есть!

— У меня нѣтъ даже ни одного серебрянаго сосуда!

— Чѣмъ я обладаю, сотникъ? чѣмъ я обладаю?

— Покажи мнѣ мою собственность, сотникъ, и я готовъ запечатлѣть сыновній поцѣлуй на твоёмъ кулакѣ!

— Цѣлуй, слѣпой щенокъ! — заревѣлъ Педанъ. — Развѣ эти горы золота, жемчуга и алмазовъ, которые вы здѣсь видите, не ваша собственность? Они принадлежатъ Риму, а вы — граждане Рима, *ergo*, все это принадлежитъ вамъ!

— Хорошо! — засмѣялся кто-то въ толпѣ, — когда я буду голоденъ, то выкушу изумрудъ изъ этого вотъ стола и наѣмся имъ досыта, а когда моя Клея будетъ требовать отъ меня, чтобы я купилъ ей новое платье, то одѣну ее въ эту жемчужную пещеру...

— Подлая душа! — вскричалъ другой сотникъ, стоявшій рядомъ съ Педаномъ на меньшей глыбѣ мрамора, — развѣ ты не можешь насытиться и одѣться гордостью римлянина, которому всѣ народы міра принесли эту дань?

— Правда! Пуденсъ сказалъ правду! Всѣ народы міра принесли намъ эту дань. Это наша собственность! — раздалось множество голосовъ.

— И наша безсмертная слава!

— И наслажденіе глазъ вашихъ, которые въ праздничные дни могутъ насыщаться вдоволь видомъ этихъ сокровищъ!..

— Ты сказалъ, Педанъ! ты сказалъ, Пуденсъ! Да здравствуетъ цезарь, который позволяетъ намъ смотрѣть на нихъ!

Изъ груди Педана вырвался смѣхъ, отъ котораго, казалось, задрожали высокіе подмостки.

— Почему, баранье стадо, вы и намъ также не желаете здоровья и вѣчной жизни? Вѣдь цѣною нашего пота и крови нашей куплена эта ваша гордость и радость. Кто завладѣлъ ими, если

не наша храбрость? Кто повергъ къ вашимъ ногамъ азіатскихъ варваровъ, если не наши кулаки и мечи?

Полные воодушевленія крики раздались въ толпѣ. Всѣ утвердительно покачивали головами, обращая съ почтеніемъ и любовью еще минуту тому назадъ разгнѣванные глаза къ могучимъ фигурамъ сотниковъ. Сильвій протолкался къ Педану и, протянувъ руку, дружески и осторожно потянулъ его за край ушной раковины.

Вентурій вынулъ изъ-за платя фляконъ и вылилъ немного духовъ на голову одному изъ солдатъ; женщина, которая еще такъ недавно плакала надъ окровавленнымъ ухомъ сына, поднимала вверхъ сіяющіе глаза и улыбалась, показывая бѣлые зубы.

— Я не сержусь уже на васъ за то, что вы разграбили телѣжку моего мужа съ зеленью и плодами, — говорила она. — Если вы будете когда нибудь гулять за городомъ, то заходите къ огороднику Тацію. Жена его, Вальбія, угоститъ васъ прекраснымъ молокомъ, масломъ, сыромъ и виноградомъ изъ собственнаго виноградника...

— И изъ благодарности за то, что вы убиваете сыновъ всѣхъ въ мірѣ народовъ, съ роскошью позволить вамъ окровавить второе ухо своего сына! — громко проговорилъ опять тонкій и стройный человѣкъ, одѣтый въ плащъ съ капшономъ.

Однако, никто теперь не обратилъ вниманія на его слова. Въ толпѣ раздавалось:

— Молчать! молчать! сотникъ говоритъ!

Педанъ, дѣйствительно, говорилъ въ это время. Широко размахивая могучими руками, онъ постоянно указывалъ на подмостки, покрытые трофеями, привезенными изъ Іудеи, спрашивалъ о чемъ-то, что-то начиналъ рассказывать. Въ затихающемъ говорѣ подобно реву раздавались его слова:

— Если вы думаете, что это были лишь веселые танцы, то вы не болѣе, какъ стадо ословъ. Говорю вамъ, что они защища-

лись, какъ бѣшеные львы. Они портили и жгли тараны и бревна, которыми мы разбивали ихъ стѣны. Изъ трехсотъ машинъ они метали на насъ камни и дротики, осыпали насъ дождемъ стрѣлъ, завернутыхъ въ горящую паклю, обливали кипяткомъ и горячимъ масломъ... Все это они дѣлали, даже больше... нападали на насъ днемъ и ночью... не давали намъ ни минуты безопаснаго сна и отдыха... Да, если бы вы ихъ тогда видѣли!.. вы бы сдѣлали столько статуй, сколько было римскихъ солдатъ въ этой борьбѣ съ разъяренными быками и леопардами... Юаннъ Гискала не былъ человѣкомъ. Говорю вамъ, что онъ не былъ такимъ человѣкомъ, какъ вы, даже такимъ, какъ мы, то есть, наприимѣръ, я или Пуденсъ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ изъ головы его вылетало пламя и садилось на головы его солдатъ... Говорю вамъ, что это былъ колдунъ... Когда однажды они низринулись на насъ съ масляной горы подобно гнѣву лернейской гидры, даже Фульмината, слышите?—лучшій изъ четырехъ легионовъ Тита, въ которомъ сотниками состоятъ Педанъ и Пуденсъ, не устояла... въ порядкѣ, но отступила, и если бы не божественный Титъ, слыша голосъ котораго мы всегда переставали слышать самихъ себя... быть можетъ, вы не таращили бы теперь глазъ на эти трофеи и не раздвѣли ртовъ, слушая Педана... Проклятое племя! Всякій разъ при воспоминаніи объ этомъ злополучномъ днѣ, который на минуту затмилъ славу Фульминаты, я ощущаю страшное желаніе пожрать хоть одного изъ этихъ враговъ цезаря и Рима.

Такъ говорилъ Педанъ, и гнѣвъ и свирѣпость, все болѣе смѣнявшіе добродушное отъ природы выраженіе грубаго, большого лица его, быстро, какъ бы магнетически, сообщались слушавшей его толпѣ.

— Проклятое племя!—послышался тотъ самый голосъ, который прежде съ ироніей говорилъ, что въ случаѣ голода выкусить изумрудъ изъ іудейскаго стола и одвѣнуть жену Клелию въ жемчужную пещеру.—Проклятое племя! Я желалъ бы отомстить

за Фульминату и сокрушить въ зубахъ моихъ хоть одну его частицу!

Видно было, что воодушевленіе овладѣвало сразу даже людьми, настроенными болѣе скептически, чѣмъ другіе. Тѣ, которые стояли ближе Педана, смѣялись. По лицу сотника можно было замѣтить, что онъ началъ рассказывать что-то забавное. Всѣ направили слухъ. Если бы ктонибудь меньше былъ занятъ рассказомъ сотника, то могъ бы замѣтить, что чело стройнаго человѣка, одѣтаго въ плащъ съ кашпономъ, покрыто было густымъ румянцемъ, а въ темныхъ глазахъ его блеснули слезы.

— Говорю вамъ,—ораторствовалъ Педанъ,—что сами боги при видѣ этого зрѣлища держались бы за бока со смѣху. Дѣло было такъ: Титъ обратился къ намъ съ рѣчью... священное содроганіе пробѣжало по тѣламъ и душамъ нашимъ... Фульмината летитъ къ нимъ на встрѣчу... Вихрь никогда не былъ быстрѣе ея... Конница противъ конницы, мы бросаемся на нихъ и сталкиваемся лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, мечъ съ мечомъ... Трескъ, гулъ, крики, стоны, паденіе на землю лошадиныхъ и человѣческихъ тѣлъ—мы ничего не слышимъ... Насъ оглушаетъ вчерашній позоръ, бѣшенство являетъ намъ все въ красномъ цвѣтѣ... Лошади и лица враговъ, мечи ихъ, стоящія за ними стѣны осажденнаго города, небо, земля... все—красное... Говорю вамъ, что въ эту минуту боги окрасили для насъ весь міръ кровью. Не знаю, сколько лбовъ я разможилъ, сколько грудей пронзилъ, сколько головъ отрубилъ... Вдругъ чувствую, что со мной самимъ плохо... Одинъ изъ нихъ наступаетъ на меня съ адскимъ бѣшенствомъ и ловкостью. Сто разъ мечъ мой касался груди его, и сто разъ онъ отразилъ его и обратилъ противъ меня свой. Смотрю: муравей, или пантера? Маленькій, тонкій, тощій... (изнуренный голодомъ, потому что страшный голодъ свирѣпствовалъ уже въ стѣнахъ ихъ города), ростомъ не достааетъ мнѣ до плеча, настоящій муравей!.. Но, не смотря на то, сильный, разъяренный,

ловкій, прыгаетъ на меня со всѣхъ сторонъ, какъ пантера! *Eheu!* думаю себѣ, неужели я позволю съѣсть себя этому насѣнному? Боги вдохновили меня. Я перекинулъ мечъ въ лѣвую руку, а правую схватилъ его за ногу, и вы не успѣли бы произнести *Salve!*— какъ я стащилъ его съ лошади. Ну, и легко же онъ былъ! Моя рука чувствовала, что внутренности его были пусты. Тутъ они уже стали отступать передъ Фульминатой, и я, держа за ногу моего іудейскаго героя, поскакалъ съ нимъ во всю прыть къ Титу. Я мчался и размахивалъ моимъ плѣнникомъ по воздуху, какъ писецъ своимъ стилемъ. Всякій, кто посмотритъ, заливается смѣхомъ, но за то съ того времени никто не осмѣлится смѣяться надъ силой и кулакомъ Педана...

Слушатели смѣялись, но не надъ силою и кулаками Педана, которые были слишкомъ очевидны, а его описанію іудейскаго героя, которымъ римскій сотникъ, держа его за ногу, размахивалъ по воздуху, какъ писецъ своимъ стилемъ.

— Наглость ихъ не знала предѣловъ,—говорилъ столь же грубымъ, какъ Педанъ, голосомъ стоявшій нѣсколько ниже его Пуденсъ.—Пусть Педанъ подтвердитъ истину того, что я вамъ расскажу. Мы стояли противъ ихъ войска, ожидая сигнала къ сраженію. Двинуться съ мѣста нельзя... Пусть Педанъ скажетъ, какое мученіе стоять и не смѣть пошевелиться безъ команды и слушать въ бездѣйствіи нахальные вызовы ихъ и насмѣшки... Они вызывали и насмѣхались... насмѣхались надъ нами, что мы уже такъ долго осаждаемъ ихъ городъ и ничего не можемъ сдѣлать... Вдругъ одинъ изъ нихъ, тотъ, котораго мы всегда видѣли рядомъ съ предводителемъ ихъ Іоанномъ Гискалой, бросается впередъ. Высокій, худой, чернѣй, онъ изъ вздрагивающаго рта изрыгаетъ на войско наше градъ ругательства и вызываетъ... вызываетъ: „Пусть одинъ изъ васъ вступитъ со мной въ единоборство... Иди, иди, римлянинъ! сразись грудъ съ грудью съ іудеямъ... пусть хоть одного изъ васъ руками моими прижму къ

сердцу!“ Пусть Педанъ подтвердитъ, что онъ именно такъ вызывалъ. Слушаю, бѣшусь, но стою, какъ вкопанный. Дисциплина! никому нельзя пошевелиться безъ команды! Менѣ терпѣливъ и послушенъ былъ Прискъ, молоденькій сынъ сестры моей Сервиліи. Еще годъ не прошелъ съ того времени, какъ на него надѣли тогу зрѣлости... тотчасъ послѣ этого онъ сдѣлался солдатомъ... дитя! Пусть Педанъ подтвердитъ! Выскочилъ изъ рядовъ, не вытерпѣлъ... бросился на іудея... они встрѣтились, столкнулись, сражались не долго... Прискъ мой упалъ окровавленный, пробитый насквозь мечомъ іудея... Пусть Педанъ скажетъ, какъ бѣлъ и красивъ, какъ храбръ и добръ былъ сынъ моей Сервиліи... дитя! Я не женатъ... Служа Риму, я не имѣлъ времени свить себѣ гнѣздо... Я хотѣлъ усыновить Приска... У меня была одна только сестра... эта... Сервиліа... честная и милая женщина, которая, когда я былъ въ Римѣ, кормила меня прекрасными бобами, чинила мою одежду и вмѣстѣ со мной вспоминала о родителяхъ нашихъ... Съ горя послѣ смерти сына, она вскорѣ отошла въ область тѣней!.. Пусть Педанъ подтвердитъ...

Педанъ не подтверждалъ. Огромнымъ кулакомъ онъ отиралъ слезы, выступившія у него на глазахъ. Голосъ Пуденса, становившійся все жалобнѣе, и грубыя черты лица его, искривленныя въ слезливую гримасу, растрогали впечатлительныхъ слушателей.

— Если бы я была на мѣстѣ Сервиліи,—вскричала Вальбія, прижимая къ груди подростка съ окровавленнымъ ухомъ и показывая бѣлые зубы,—я искала бы между іудеями этого убійцу до тѣхъ поръ, пока не нашла бы его, не выколола ему глаза, не отрѣзала языкъ и не вырвала сердце ногтями!..

— А если бы ты, Вальбія, была матерью того іудея, котораго Педанъ, держа за ногу на воздухъ, несъ Титу, что бы ты сдѣлала?—громкимъ голосомъ спросилъ человекъ въ плащѣ съ капюшономъ.

Но никто не обратилъ вниманія на слова его. Толпа, слушавшая рассказы сотниковъ, волновалась.

— Какъ!—громче всѣхъ кричалъ выпивальщикъ Сильвій,— и никто изъ васъ не отомстилъ за бѣднаго Приска? Дерзость іудея осталась безнаказанной?..

— Отомстила за него стрѣла Пуденса,—возразилъ Педанъ.— Онъ пустилъ стрѣлу въ товарища Іоанна Гискалы... пораженный ею, онъ упалъ на землю...

— Мертвый!—съ чувствомъ какъ бы невыразимаго облегченія вздохнула толпа.

Пуденсъ сжалъ кулаки и съ отчаяннымъ жестомъ протянулъ впередъ руки.

— Пусть Педанъ подтвердитъ, что это племя кодуновъ! Убийца моего Приска упалъ, пораженный моею стрѣлой... однако, я видѣлъ его вчера!..

— Гдѣ? когда? говори!

— Вчера, на Септахъ... Это тотъ самый, который богохульными устами поносилъ божественнаго Тита и величественную Беренику... Это былъ онъ, тотъ самый... Пусть скажетъ Педанъ...

— Говорю вамъ, что это былъ тотъ самый...—подтвердилъ Педанъ.—Мы считали его мертвымъ, вчера онъ воскресъ... а сегодня, быть можетъ, опять гарпіи потащили его въ подземное царство...

— Онъ живъ!—тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ произнесъ кто-то въ толпѣ.

Человѣкъ въ плащѣ съ капюшономъ задрожалъ. Никто на него не смотрѣлъ. Общее вниманіе было обращено на человѣка, одѣтаго въ грязно-краснаго цвѣта блузу, съ лысой головой и торчавшими на ней рыжими волосами. Педанъ, глядя на него съ высоты, вскричалъ:

— Здравствуй, глиста! Вчера я уже разговаривалъ съ тобой. Онъ живъ, говоришь ты?

— Живъ!—отвѣчалъ Силась, поднявъ глаза на великана и моргая желтыми вѣками.

— Гдѣ онъ? гдѣ скрывается убійца моего Приска? Веди насъ туда, оборванецъ, а мы тебѣ подаримъ за это такую новую тунику, какой не видали отъ рожденія твои желтые глаза! — вскричалъ Педанъ.

Но Силась спрятался уже за широкой спиной Бабаса и гибкимъ тѣломъ повисшей на рукѣ силача смуглой, съ растрепанными волосами, украшенной серебряными обручами египтянки Хроміи.

Воспоминаніе о вчерашнемъ происшествіи на Септахъ было стрѣлой, завернутой въ зажженный горючій матеріалъ и пущенной въ толпу. Всѣ вдругъ припомнили себѣ эту обиду, всѣ разомъ заговорили, всѣ возмущались по поводу оскорбленія, нанесеннаго сыну цезаря и величественной Беренигѣ, всѣ запыхали гнѣвомъ на дерзость жалкаго чужеземца, оскорбившаго величіе римскаго народа.

Изъ группы, состоявшей изъ сирійцевъ, изъ которой выдавался громадный Бабасъ и которую оживлялъ ядовитый смѣхъ Хроміи, раздался снова тонкій голосъ:

— Зовутъ его Ионатаномъ!

Это была вторая стрѣла, завернутая въ зажженный горючій матеріалъ и пущенная въ толпу. Многимъ имя это напомнило множество вещей. Не одни уши слышали о немъ многократно, не одни глаза искали его и преслѣдовали по свѣту. Это былъ одинъ изъ вождей іудейскаго возстанія, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ противъ міровой власти императора и Рима. Это онъ, неоднократно раненный, всегда излечивался отъ ранъ своихъ и всегда опять рука объ руку съ Іоанномъ Гискалой сражался противъ римскихъ войскъ. Это онъ, будучи уже жалкимъ скитальцемъ, преслѣдуемымъ римлянами, собралъ въ Египтѣ нѣсколько тысячъ вооруженныхъ іудеевъ и произвелъ тамъ противъ

римскихъ властей бунтъ, правда—ничтожный и быстро потопленный въ крови бунтовщиковъ, но свидѣтельствующій о свирѣпой ненависти и необузданной дерзости этого чудовища. И это чудовище, этотъ колдунъ, съ которыми не совладали ни стрѣлы, ни массовыя убійства, ни бдительныя сторукія власти великаго государства, находится въ Римѣ и осмѣливается... осмѣливается... осмѣливается публично поносить величіе римскаго народа, прѣблнать любимаго народомъ и войскомъ сына цезаря и его возлюбленную... Сотники соскочили съ мраморныхъ глыбъ и, столпившись среди форума въ кучку, составленную изъ сверкающихъ великановъ, вели между собой страстный разговоръ. На мраморную глыбу взобрался Сильвій и, размахивая живописными складками своей тоги, жестикулируя бѣлой рукой, на которой блестялъ перстень, украшенный аметистомъ, долго ораторствовалъ среди криковъ и шума, пока наконецъ не обратилъ на себя общее вниманіе и водворилъ сравнительную тишину. Съ жестаи претора и миной дипломата, разбирающаго важные вопросы, онъ говорилъ:

— Разсудите, граждане, своимъ свѣтлымъ умомъ! Они одни такъ долго сопротивлялись могуществу нашему. Египетъ, Сирія, Малая Азія, Галлія, Испанія благодарятъ уже судьбу за то, что она соединила ихъ съ Римомъ; другіе ворчатъ, но поворачаются могуществу нашему и цивилизаци... разсудите, граждане, могуществу нашему и цивилизаци, слѣдовательно, моему, Вентурія и твоему также, Тацій, и твоему, Нигеръ, и твоему, Бальбія, и твоего маленькаго сына, Бальбія! Только они, ничтожные, такъ долго сопротивлялись намъ и теперь еще, побѣжденные, поносятъ боговъ нашихъ, цезаря и насъ... Но развѣ они въ самомъ дѣлѣ побѣждены? Разсудите, граждане, своимъ свѣтлымъ умомъ, побѣждены ли тѣ, которые вездѣ становятся намъ поперекъ дороги: въ гавани, на рынкахъ, въ портикахъ, и лишаютъ честныхъ римскихъ гражданъ плодовъ тяжелаго труда ихъ и возможности пропитанія своихъ семействъ...

Здѣсь, точно изъ-подъ крыла, изъ-подъ руки Сильвія показалась завитая голова Вентурія, который, разставивъ руки, воскликнулъ:

— Сильвій сказалъ правду! Съ того времени, какъ они размножились за Тибромъ, я не продаю и половины того количества духовъ, какое я продавалъ прежде.. Сильвій сказалъ правду!

— Правда, Сильвій, правда!—отвѣтило множество голосовъ, большинство которыхъ принадлежало рабочимъ, занимавшимся на фабрикахъ Сильвія и Вентурія. Подражая кліентамъ вельможъ и своимъ патронамъ, они осыпали даже рукоплесканіями рѣчи своихъ хозяевъ.

Кромѣ нихъ, впрочемъ, въ толпѣ находилось много другихъ рабочихъ, которые дѣйствительно имѣли видъ людей бѣдныхъ или даже нищихъ. Они при всякомъ случаѣ готовы были припомнить то, что ихъ больше всего занимало, и стали кричать, что за двѣнадцать ассовъ ежедневнаго заработка они не въ состояніи прокормиться и содержать семейства свои, и что хозяева должны были бы платить имъ больше.

— Какъ мы можемъ это сдѣлать,—съ жестомъ оратора, выражающаго отчаяніе, возразилъ Сильвій,—когда насъ самихъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ? Мало того, что патриціи сами ведутъ множество фабрикъ и что произведенія свои, сдѣланныя рабами, могутъ продавать дешевле нашихъ, нужно еще, чтобы въ собственной столицѣ мы не имѣли покоя отъ чужеземцевъ!.. Разсудите, граждане..

Потомъ сладкимъ, какъ медъ, нѣжнымъ голосомъ воскликнулъ:

—, Согласитесь-ли вы на то, граждане, чтобы честные римляне просили милостыню на мосту нищихъ, а чужеземцы возсѣдали съ богатствами своими во градѣ нашихъ предковъ?.. Разсудите это свѣтлымъ.

— Мосьтъ нищихъ! мосьтъ нищихъ!—изъ-подъ руки оратора.

закнаясь, прервала завитая голова парфюмера,—разсудите свѣтлыиъ уможь вашимиъ!

— Клянусь Касторомъ!—вскричалъ высокій, худой *мерцетарій*,—когда патроны наши на мосту нищихъ стануть просить милостыню, то намъ придется развѣ побросать дѣтей нашихъ въ Тибръ!..

— Если ихъ раньше того за субботней трапезой не съѣдятъ иудей!

Слова эти произнесъ человѣкъ, который все время въ молчаніи прислушивался ко всѣмъ рѣчамъ и разговорамъ. Онъ стоялъ у подножья *ростры*, публичной трибуны, опершись плечами объ одну изъ корабельныхъ носовыхъ частей, изъ которыхъ былъ сдѣланъ высокій пьедесталъ ея. Онъ былъ одѣтъ въ богатую одежду, лицо его выражало проицательность, дерзость и злорадство. свойственныя рабамъ знатныхъ господъ, исполняющимъ обязанности управляющихъ домами, льстедовъ, тайныхъ агентовъ въ темныхъ и часто опасныхъ дѣлахъ. Въ немъ узнали любимаго раба, управителя дома, льстеца и тайнаго уполномоченнаго Цестія, бывшаго предводителя римскихъ войскъ въ Иудеѣ и мужа прекрасной Флавіи.

Въ одно мгновеніе всѣ оставили Сильвію и обратили свое вниманіе на старшаго слугу знатнаго вельможи. Его окружало нѣсколько другихъ человѣкъ, которые говорили также, всѣ вмѣстѣ или поодиначкѣ, поддерживали своего начальника или дополняли смыслъ его словъ. Всѣ они были вмѣстѣ съ господиномъ своимъ въ Иудеѣ, знали хорошо эту страну и населяющій ее народъ. Они рассказывали такія вещи, отъ которыхъ слушатели блѣднѣли отъ ужаса, или дрожали отъ гнѣва. Какъ? они жарятъ тѣла чужеземцевъ и поѣдаютъ ихъ внутренности?! воздаютъ почитаніе ослиной головѣ, козлу и такому идолу, внутри котораго находится огонь? Въ этотъ огонь они бросаютъ въ жертву дѣтей! Идолъ этотъ называется Молохомъ. Они поклоняются также золотому тѣльцу. Они знаютъ колдовства и заклинанія, посредствомъ которыхъ обра-

паятъ чужеземцевъ въ свою вѣру. Въ Римѣ множество людей приняло ихъ вѣру. Неужели римскій народъ хладнокровно будетъ смотрѣть на покинутыя божества свои?.. Предшествующіе императоры не разъ уже защищали святыни Рима отъ этихъ азіатовъ. Клавдій изгналъ ихъ изъ Рима. Императоръ Веспасіанъ кротокъ, въ тому же онъ занятъ другими дѣлами, но ненавидитъ ихъ, и послѣ того, что произошло вчера на Септахъ, навѣрно дастъ имъ почувствовать всю тяжесть карающей десницы своей...

На форумѣ раздался голоса:

— Цезарь ихъ ненавидитъ! Слышите? Цезарь ненавидитъ ихъ! Слуга Цестія знаетъ, что говоритъ! Онъ говоритъ, что цезарь ихъ ненавидитъ!

Тонкій, стройный человекъ въ плащѣ съ капюшономъ быстро оставилъ теперь гражданскій рынокъ, блестяшій несмѣтными богатствами и гудѣвшій голосами волновавшейся толпы. Съ нѣкоторымъ трудомъ пробравшись сквозь густо заселенныя и застроенныя великолѣпными зданіями тускуланскія улицы, онъ миновалъ дровяной рынокъ, заполненный пьянствовавшей и веселившейся толпой, обошелъ большой циркъ, въ которомъ акробатъ, похожій на птицу съ ярко окрашеннымъ опереніемъ, цѣплялся за протянутую высоко веревку, и узкими, тихими улицами добрался до Авентина, гдѣ портикъ Цестія сверкалъ своей ажурной колоннадой и фризомъ, расписаннымъ Артемидоромъ.

Здѣсь было значительно тише, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. На перекрещивавшихся вокругъ портика улицахъ не стояли столы для пиршествъ и не шумѣлъ народъ, въ портикѣ же прохаживалось нѣсколько человекъ; у одного изъ нихъ, въ темномъ плащѣ нѣсколько выше ростомъ и сложенного сильнѣе другихъ, была сѣдѣющая борода, и спокойное, хотя изрытое морщинами лицо. Прохожій, шедшій съ форума, остановился и сталъ прислушиваться къ разговору прохаживавшихся въ портикѣ людей. Они вскорѣ остановились вблизи него. Молодой свѣжій голосъ спрашивалъ:

— А теперь, Музоній, скажи намъ, что такое храбрость?

Опершись спиною о колонну и скрестивъ на груди руки, стоишь отвѣчалъ:

— Храбрость, Эпиктетъ, есть добродѣтель, вооружившаяся для защиты справедливости. Это не чудовище, которое бросается въ порывѣ жадности и варварства для удовлетворенія страсти и гордости, но знаніе правъ человѣческихъ, научающее отличать то, что слѣдуетъ переносить, отъ того, чего не слѣдуетъ терпѣть. Сердце спартанца билось только для побѣдъ. То же происходитъ съ гордымъ. Онъ хочетъ быть первымъ, хочетъ быть единственнымъ, но не можетъ возвыситься надъ другими, не нарушивъ справедливости и не поправъ добра. Сражаясь съ такимъ человѣкомъ, ты будешь храбрымъ защитникомъ справедливости...

Съ минутою продолжалось молчаніе. Затѣмъ кто-то опять спросилъ:

— А что такое, учитель, въ сущности, добро?

— Оно состоитъ изъ четырехъ элементовъ: любви къ людямъ, любви къ правдѣ, любви къ свободѣ и любви къ гармоніи.

Стройный прохожій, который, поставивъ одну ногу на подножье колонны, опершись локтемъ о колѣно слушалъ разговоръ, поднялъ голову и воскликнулъ:

— Слова твои, учитель, подобно небесной музыкѣ звучать въ тиши этого портика и подобно цѣлительному бальзаму текутъ среди шума, которымъ наполненъ сегодня этотъ городъ. Но въ то время, Музоній, когда ты здѣсь обучаешь этихъ благородныхъ юношей любви къ людямъ и правдѣ, тамъ, на форумѣ, волеи и змѣи вливаютъ въ душу римскаго народа ядъ гордости и ненависти!

Музоній и окружавшіе его юноши оглянулись, но прохожій, произнесшій эти слова прекраснымъ латинскимъ языкомъ, въ которомъ слегка лишь слышалось чужеземное произношеніе, быстро сворачивалъ уже въ одну изъ улицъ, ведущихъ къ Тибру. Послѣ

минутнаго молчанія, въ группѣ, стоявшей въ тѣни портика, раздался юношескій голосъ, въ которомъ слышались иронія и пылая горечь:

— Кто бы ни былъ этотъ прохожій, слова котораго мы сейчасъ слышали, но онъ сказалъ правду. Оглянись вокругъ, Музоній. Въ то время, когда мы въ прохладной тиши пьемъ виѣсть съ тобой божественный напитокъ философіи, кругомъ насъ кипятъ животныя страсти, народъ объѣдается, пьянствуетъ, и громкими восклицаніями воздастъ хвалу тѣмъ, которые превращаютъ его въ стадо свиней и волковъ. Горечь и негодованіе завладѣли моими мыслями, и я спрашиваю тебя, учитель: почему такъ узокъ и немногочисленъ тотъ путь, по которому мы слѣдуемъ за тобою?

Музоній кроткимъ взглядомъ окинулъ сомнѣвающагося юпошу, и голосомъ, въ которомъ чувствовалась кроткая улыбка души, произнесъ:

— Она высока, Ювеналь, и безсмертна. Объятій гнѣвомъ на преступленія и глупость людскую, знай, что родъ человѣческій не оканчивается съ нами и что его движенія впередъ не остановитъ этотъ вѣгъ. Изъ небесныхъ областей свѣта и мира философія бросаетъ сѣмена своихъ истинъ въ немногія избранныя души, которыя медленно и съ трудомъ разносятъ ее въ пространства и времени. Мы—ея жрецы и распространители. Бъ намъ слѣдуетъ отнести слова Энія: „Пусть никто не проливаетъ слезы на могилахъ нашихъ, ибо мы живемъ вѣчно, переходя изъ души въ душу“. Въ то время, когда страсти кипятъ, насиліе угнетаетъ, глупость бѣснуется, мы не должны оставлять рядовъ борцовъ за правду и добро, но, словно опираясь на высокую и безсмертную скалу, взирая въ будущее міра, подставляя головы подъ удары громовъ и волнъ, будете стоять при нашихъ началахъ!..

Среди отдаленнаго шума, который, вырываясь изъ рынковъ и улицъ, словно таранами ударялъ въ знойный воздухъ, слова Му-

звонія дѣйствительно звучали подобно небесной музыкѣ въ ти-
хомя и прохладномъ портикѣ, цѣлительнымъ бальзамомъ лились,
казалось, на шумъ и безумства земли. Юный Ювеналь поднесъ
къ губамъ, съ которыхъ исчезла саркастическая и горькая улыбка,
край плаща любимаго учителя; въ глубокихъ глазахъ Эпиктета,
въ которыхъ выражалось страданіе, сверкнулъ огонь вдохновенія;
Тацій, съ задумчивымъ челомя и энергическими чертами лица,
воскликнулъ:

— Пойдемъ, учитель, на форумъ, чтобы собственными гла-
зами убѣдиться въ справедливости того, что говорилъ намъ этотъ
прохожій!

Но къ разговаривавшимъ подошелъ поспѣшно молодой строй-
ный мужчина въ бѣлой туникѣ и съ серебряной повязкой на чер-
ныхъ волосахъ. Это былъ Артеמידоръ. Съ глубокимъ почтеніемъ
поклонился онъ Музонію, а ровесниковъ окинулъ дружественнымъ
взглядомъ.

— Гельвидій и Фанія просятъ тебя, учитель,—сказалъ онъ,—
чтобы ты возможно скорѣе прибылъ въ домъ ихъ, въ которомъ
черезъ часъ ихъ посѣтитъ Домиціанъ, сынъ цезаря.

Глаза стояка заблестѣли, какъ у воина, вызваннаго на бой;
черезъ минуту, однако, на его высокомя челѣ вздрогнули и еще
болѣе углубились морщины. Онъ поднялъ нѣсколько руки, глаза
устремилъ кверху.

— Домиціанъ въ домѣ дочери Тразеа... лицомъ къ лицу съ
Гельвидіемъ...

Здѣсь, позволивъ увлечь себя пламенному характеру своему,
который укрощала философія, не будучи, однако, въ состояніи
охладить его, онъ воскликнулъ:

— Есть-ли хоть одинъ день, который мы могли бы въ спо-
койствіи и безопасности посвятить великимъ мыслямъ и размыш-
леніямъ? Будемъ готовы, друзья, будемъ готовы на то, что каж-
дый часъ можетъ сдѣлаться злополучнымъ для многихъ изъ насъ.

Они ушли.

Прохожій, который минуто тому назадъ обратился съ рѣчью къ Музонію, также былъ уже далеко. Улицей, которая вела отъ Остійскихъ воротъ къ Тибру, сошелъ онъ съ Авентина, прошелъ подъ тѣнистыми и покрытыми барельефами сводами арки Германика, миновалъ мостъ и очутился въ еврейской-сирійскомъ кварталѣ Затибрія. Здѣсь царствовала глубокая тишина. Сирійское населеніе отправилось въ городъ, чтобы принять участіе въ уличныхъ увеселеніяхъ и пиршествахъ; евреи прекратили, повидимому, свои обычныя занятія. Можно было подумать, что, почувствовавъ приближеніе бури или опасности, они принакли къ землѣ, затаивъ даже дыханіе въ груди. Кварталь имѣлъ такой видъ, какъ будто бы все населеніе его вдругъ вымерло. Луки и кучи мусора тѣсныхъ, обезлюдѣвшихъ въ этотъ день рынковъ и улицъ купались въ лучахъ яркаго, предвѣщавшаго грозу солнца; сгущенный зловонный воздухъ мутнымъ туманомъ заволакивалъ сѣрые дома, окна съ пузырями вмѣсто стеколъ, террасы, окруженныя низкими рѣшетками, на которыхъ здѣсь и тамъ изъ треугольныхъ пристроекъ глухо раздавался говоръ запальчивыхъ голосовъ. Въ тѣсныхъ комнатахъ, заключавшихся въ этихъ крошечныхъ этажахъ, еврейское населеніе обыкновенно собиралось и совѣщалось въ важнѣйшихъ случаяхъ бурной своей жизни. Тамъ никто не могъ видѣть ихъ, застать врасплохъ или подслушать съ улицы.

Комната, находившаяся на крышѣ дома Менахима, была полна людей, которые въ водненіи шагали по полу, сдѣланному изъ глины, извести и золы, и чалмами почти касались перекладинъ потолка. Ихъ было немного, однако, въ комнатѣ было такъ тѣсно, что они толкались и наступали другъ другу на ноги. Сквозь пузырь въ окнѣ проникалъ лишь слабый свѣтъ, воздуху не хватало также; потъ струями стекалъ изъ-подъ турбановъ на покрытыя морщинами, взволнованныя, испуганныя лица.

Прохожій, прибывшій съ форума, быстро взбѣжалъ по узкой

лѣстницѣ на террасу и вошелъ въ комнатку. Войдя, онъ тотчасъ же сбросилъ съ плечъ на полъ свой плащъ съ капюшономъ; изъ-подъ него показалась изящная римская одежда, отъ которой мрачный Симеонъ и нѣкоторые другіе отвернулись съ отвращеніемъ. Но Менахимъ бросился къ вошедшему и хотѣлъ облобызать его руки.

— Юсть! спаситель моего Ионатана...

Онъ не далъ ему докончить. Не обращая вниманія ни на полныя благодарности привѣтствія Менахима, ни на подозрительные взгляды другихъ, секретарь Агриппы быстро-быстро началъ рассказывать обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ городѣ, а также о томъ, что узналъ въ домѣ своего начальника. Грозная буря висѣла надъ скитальческой общиной. Цезарь и сыновья его, еврейская аристократія и часть римскаго патриціата, солдаты, купцы, народъ — все это закипѣло противъ пришельцевъ гнѣвомъ и ненавистью, которые никогда не потухали, но теперь, воспламененные и ободренные, могли произвести взрывъ.

Какъ страшны могъ быть такой взрывъ—о томъ свидѣтельствовали эдикты предшествующихъ цезарей, предававшіе поголовному изгнанію все еврейское населеніе Рима, и недавніе ужасы убійствъ и пожаровъ, которые уже послѣ паденія Иерусалима наполняли не разъ Антиохію, Александрію, Цезарею. Въ особенности же опасность угрожаетъ жизни Ионатана. Всѣ уже знаютъ, что онъ живъ и гдѣ находится. Но спокойствіе и безопасность всей общины также висятъ на волосѣ, разорвать который старается много рукъ.

Для собравшихся въ комнатѣ людей извѣстія эти не были уже новыми. Кромѣ Юста, у нихъ были въ богатыхъ кварталахъ города свои друзья, которые уже съ равнаго утра приносили имъ грозные слухи о броженіи среди пировавшей и пьянствовавшей въ тотъ день черни, о томъ, что возвышавшаяся на форумѣ статуя Александра Тиверія, правителя Египта, еврея-отступника, тѣмъ

не менѣе все-таки—еврея, до восхода солнца была уже облита нечистотами, что толпы народа, даже патриціевъ, собравшихся передъ дворцомъ Монабаза, съ бѣшенными криками требовали у еврейскаго банкира возврата денегъ, которыя онъ выжалъ изъ римскихъ гражданъ. Юсть прибавилъ, что Иосифъ Флавій былъ раннимъ утромъ потребованъ къ императору и долго съ нимъ бесѣдовалъ, послѣ чего вернулся во дворецъ Агриппы, плача и жалуясь на неизлечимое безуміе еврейской черни, а во дворцѣ Агриппы, также съ ранняго утра, находился Титъ наединѣ съ Береникой, разгнѣванной, доведенной до отчаянія и менѣе чѣмъ когда либо склонной взять подъ свою защиту дѣло своего народа.

Присутствующіе повернули свои блѣдныя и вздрагивавшія лица къ Ионатану, стоявшему все время неподвижно у окна. Онъ стоялъ, опершись плечомъ о стѣну, и профиль исхудалаго лица его, густо обросшаго волосами, рѣзко и иррационально рисовался на фонѣ позолоченнаго солнечными лучами оконнаго пузыря. Менахимъ сѣлъ, согнувшись, въ углу комнатки и закрылъ лицо руками. Другіе спрашивали:

— Зачѣмъ Ионатанъ сдѣлалъ то, что подвергло опасности всю общину? Зачѣмъ онъ разбудилъ стада дремлющихъ коршуновъ и львовъ? Почему онъ молчитъ со вчерашняго дня, какъ будто бы на уста его Господь наложилъ свою печать? Почему онъ смотритъ постоянно въ землю, какъ бы подъ бременемъ стыда,—онъ, смотрѣвшій прежде смѣлымъ взглядомъ героя въ лицо своего народа?

Юсть, стоя возлѣ него, кротко убѣждалъ его оправдать свой поступокъ передъ тѣми, которые за него могутъ подвергнуться суровой отвѣтственности и наказанію.

Ионатанъ молчалъ, какъ могила. На лицѣ его выраженіе гордости и вспыльчивости, которое было свойственно ему прежде, замѣнилось выраженіемъ глубокаго униженія. Даже самый пе-

проницательный глаз могъ бы прочесть на немъ тяжелое, гнетущее ощущеніе стыда. Тѣ, которые обращались къ нему съ многочисленными вопросами, не смѣли, однако, оскорбить его какими-нибудь словомъ или жестомъ. Развѣ онъ не былъ однимъ изъ непоколебимѣйшихъ защитниковъ отечества ихъ и храма, другомъ Іоанна Гискалы, мученикомъ за святое дѣло? Но, подѣ влияніемъ страха, въ ихъ раздраженной груди влокоталъ гнѣвъ. Мрачный Симеонъ, протягивая руку по направленію къ Юсту и указывая на его римскую одежду, вскричалъ:

— Это измѣнникъ! Если мы хотимъ, чтобы Господь сжался надъ нами, то мы должны изгнать изъ среды своей тѣхъ, которые надѣли на себя шкуру эдомитянъ. Прочь изъ собранія вѣрныхъ!

Юстъ поблѣднѣлъ сначала, а потомъ лицо его облилось пурпуромъ. Но онъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ между нимъ и Симеономъ бросился Горій. Блѣдное лицо гиллелиста горѣло огнемъ негодованія.

— За что ты поносишь этого юношу, который не разъ уже былъ намъ полезенъ своими совѣтами и помощью, а вчера спасъ отъ враговъ защитника Сіона?—вскричалъ онъ.

— Я слышалъ собственными ушами,—возразилъ Симеонъ,—какъ онъ говорилъ, что въ греческихъ и римскихъ наукахъ заключается много великихъ истинъ, и что мы нехорошо поступаемъ, удаляясь отъ нихъ...

— Быть можетъ, онъ былъ правъ...—робко вмѣшался въ споръ кто-то изъ болѣе молодыхъ въ толпѣ.

Споръ закипѣлъ. Въ пылу его замѣтно обнаружился два теченія, пересѣвавшія это море несчастья. Одно изъ нихъ характеризовалось безграничною ненавистью, другое — печалью великою, но не гасившею свѣтильника разума.

— Я послѣдователь Шаммаи и горжусь этимъ! — кричалъ Симеонъ. — Я послѣдователь Шаммаи, который ожесточился до бѣ-

инетства противъ чужихъ народовъ, и для котораго все греческое и римское—собачья падаль, заражающая виноградникъ Господа. Я почитаю тѣхъ изъ мудрецовъ нашихъ въ Габне, которые говорятъ: „Изъ каждой буквы извлечь мѣру правилъ, а изъ этихъ правилъ воздвигнуть заборъ, который оградилъ бы Израиля отъ другихъ народовъ“.

Въ пылу спора тюрбанъ Горія сдвинулся на затылокъ, а изъ-подъ него выбились рыжеватые волосы, ниспадавшіе на вспотѣвшій лобъ. Онъ смѣялся съ ироніей, которая не шла къ кроткому лицу его и голубымъ глазамъ.

— Благодаря мудрецамъ нашимъ,—говорилъ онъ,—которые по цѣлымъ днямъ и ночамъ думаютъ о томъ, что сдѣлать для насъ чистымъ, а что нечистымъ, чужіе народы имѣютъ основаніе смѣяться надъ нами, говоря, что вскорѣ мы захотимъ очистить само солнце, чтобы быть въ состояніи смотрѣть на него безъ грѣха!..

— Измѣна! вѣроломство! расколъ! Измѣна! измѣна!—кричало нѣсколько голосовъ.

— Горе тебѣ, народъ мой!—раздался у окна молодой громкій голосъ, покрывая собою весь этотъ шумъ;—раздраженный и подозрительный, ты будешь отнынѣ клеймить страшнымъ именемъ измѣнника cadaго изъ сыновъ твоихъ, который поднесетъ тебѣ каплю свѣжаго напитка въ новомъ сосудѣ, или попытается наставленіемъ направить тебя на надлежащій путь!

Это былъ голосъ Юста. Въ одно мгновеніе тяжело вздымавшіяся груди окружили его плотной стѣной, больше десятка рукъ грозно протянулось къ нему.

Произошелъ неописанный беспорядокъ. Людей этихъ, забывшихъ о непосредственно грозившей имъ опасности, сожигала вѣчная лихорадка несчастныхъ.

— Прочь изъ собранія вѣрныхъ, холопъ Агриппы! Метла

едомитянь! Проваза на тѣлѣ Израиля! Дерзкій повоеватель сватыни нашей! Прочь отсюда! прочь!

Нѣсколько дрожащихъ, но сильныхъ рукъ хватало его за плечи и разрывало на немъ тонкую ткань римской тунники; одна темная рука съ судорожно сжимавшимися пальцами, рука Симона, котораго черные глаза горѣли дикимъ огнемъ фанатизма, приближалась уже къ его обнаженному горлу. Еще секунда, и безуміе, порожденное несчастіемъ, повело бы къ преступленію. Но въ то же мгновение Ионатанъ проснулся, какъ бы отъ сна. Это было пробужденіе льва. Подобно льву бросился онъ къ Юсту и закрылъ его передъ нападающими своей грудью и распростертыми руками. На угнетенномъ и пристыженномъ лицѣ его появились снова гордость и мужество. Глаза метали молніи, побѣлѣвшія губы дрожали.

— Прочь, прочь отъ него!—закричалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались звуки военной команды;—я человѣкъ дѣла, а не слова... Въ сраженіяхъ и страданіяхъ я забылъ, что чисто, а что нечисто... и о мудрецахъ вашихъ въ Габне мнѣ ничего не говорили вѣтры пустынь и волны морей, по которымъ я странствовалъ... Я знаю только, что люблю Іудею, а ноющія раны мои говорятъ мнѣ, что этотъ человѣкъ также любитъ ее... Онъ братъ мой... добрый!

И онъ обнялъ съ удивительною мягкостью руками своими Юста, а пылающіе глаза его, устремленные на друга, подернулись выраженіемъ такой нѣжности, съ какою, быть можетъ, нѣкогда, въ дни невиннаго отрочества, смотрѣли они на лазурь неба или пурпурный цвѣтокъ розы, которую онъ приносилъ изъ сада цезаря для Мирталы.

— Добрый...—повторилъ онъ тихо.—Я не знаю, кто изъ этихъ людей правъ, а кто неправъ... мнѣ нѣтъ дѣла до ихъ споровъ. Я знаю только, что ты другъ мнѣ съ дѣтства, и что я не позволю обидѣть тебя...

— Не позволю!—повторилъ онъ еще разъ, но глядя уже на

Симона и его единомышленниковъ, и голосъ его раздался снова въ тѣсныхъ стѣнахъ подобно военной командѣ.

Присутствующіе остолбенѣли сначала, потомъ отступили. Никто не смѣлъ и не хотѣлъ оскорблять этого героя и мученика. Одни со стыдомъ потупили головы, другіе ворчали еще, борясь съ гнѣвомъ. Горій плакалъ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ; Менахимъ, согнувшись въ углу, усталымъ и тревожнымъ взоромъ смотрѣлъ на двоихъ друзей, фигуры которыхъ, покрытыя тѣнью, сливались въ одно. Среди черныхъ, какъ ночь, бороды и усовъ, бѣлые зубы Ионатана все еще сверкали грозно.

Вдругъ, среди минутной тишины, изъ угла раздался старый, мягкій и просящій голосъ:

— Позвольте, братья, сказать слово бѣднѣйшему и покорнѣйшему изъ васъ, но старѣйшему годами.

Эти слова произнесъ Аронъ, престарѣлый дѣдъ блѣдной и печальной Эли, лучшей подруги Мирталы. Еще недавно онъ разносилъ по городу духи, выдѣлывавшіеся на фабрикѣ Горія, и вмѣстѣ съ Мирталой продавалъ товаръ свой въ портикѣ Цестія. Теперь же сильное ослабленіе сообщило восковой цвѣтъ его съжившемуся страдальческому лицу, окаймленному бѣлою, какъ снѣгъ, бородою. Онъ не въ состояніи былъ уже носить тюрбанъ на головѣ; снѣжные волосы ниспадали изъ-подъ круглой шапочки на исхудалую шею и покрытый морщинами лобъ. У ногъ его лежала суковатая палка; положивъ на нее маленькія дрожащія руки, нагнувшись и вытянувъ шею, онъ обвелъ слезившимися глазами собраніе и началъ говорить:

— Когда я слушалъ вашъ споръ, Предвѣчный напомнилъ мнѣ притчу, записанную въ одной изъ священныхъ книгъ нашихъ...

Всѣ замолкли и слушали. На желтыхъ, узкихъ губахъ Арона заиграла хитрая улыбка. Онъ поднялъ слегка руки и, считая медленно на пальцахъ, продолжалъ:

— Есть на землѣ четыре рода существъ—малыхъ, но мудрѣе

самых мудрых. Муравьи, народъ слабый, которые въ страду приготавливаютъ запасъ на зиму; зайчики, община не могущественная, которые, однако, дѣлаютъ въ скалахъ для себя логовица; саранча, не имѣющая царя, но всегда ходящая строемъ; пауки, ничтожныя существа, живущіе, однако, въ царскихъ чертогахъ.

Онъ замолчалъ и загадочно, хитро улыбаясь, окидывалъ присутствующихъ умнымъ взглядомъ изъ-подъ красныхъ вѣкъ. Тѣ смотрѣли на него вопросительно. Черезъ минуту, медленно еще чѣмъ прежде, съ глубокимъ раздумьемъ въ голосѣ и движеніяхъ головы, онъ докончилъ:

— Споры, равно какъ и наслажденія, приличествуютъ сильнымъ міра сего. Народъ слабый долженъ, подобно муравьямъ, заботливо копить для себя пищу, чтобы имѣть силы для жизни; пусть, какъ зайцы, неутомимымъ трудомъ дѣлаютъ онъ въ твердыхъ скалахъ безопасныя для себя убѣжища. Не имѣя, подобно саранчѣ, родины и царя, пусть ходитъ сомкнутымъ строемъ. Пусть, какъ гадкій и презираемый паукъ, раскидываетъ онъ повсюду свою паутину, чтобы имѣть за что зацѣпиться въ этомъ царскомъ чертогѣ, который Предвѣчный воздвигъ для всѣхъ народовъ—сильныхъ и слабыхъ.

— Да будетъ такъ!—торжественнымъ хоромъ отвѣтили присутствующіе, и тихая торжественность освѣтила всѣ эти лица, усталыя и пылающія, передъ которыми слова старца поставили призракъ долгой, трудной, кровавой будущности.

Но у Арона было еще кое-что поразсказать. Онъ былъ очень старъ и помнилъ многое, помнилъ злополучный день, когда, по повелѣнію императора Клавдія, изгнаны были изъ Рима всѣ евреи. Онъ разсказывалъ о бѣдствіяхъ и отчаяніи этого страшнаго времени. Кто пойметъ отчаяніе муравьевъ, когда тяжелое колесо проѣзжающей телѣги разрушить ихъ муравейникъ и разсѣять мелкій народецъ во всѣ стороны? Никто не въ состояніи измѣрить бѣд-

ствій и горестей, которыя уносятъ съ собою рой человѣческій, гонимый изъ своихъ жилищъ въ широкій свѣтъ...

Быть можетъ, подъ тяжелыми турбанами волосы вставали дыбомъ на головахъ у присутствующихъ. Во время разсказа Арона движенія ихъ становились безпорядочными, колѣни и руки дрожали, слова путались на поблѣднвшихъ губахъ. Воязнь начинала уже проникать въ кровь тѣхъ, въ сердца которыхъ несчастіе и обиды вливали ненависть и подозрительность, отуманивая мозгъ ихъ дымомъ мистическихъ мечтаній.

— Созвать всѣхъ старѣйшинъ общины! совѣщаться! Къ кому обратиться за покровительствомъ и помощью? Какъ отвратить гнѣвъ цесаря и римлянъ? Что дѣлать?

Оъ такими восклицаніями и вопросами они выходили изъ комнатки, словно ихъ преслѣдовала уже коса смерти; торопясь, они наступали другъ другу на ноги. Монахи въ потащили за ними; Аронъ, опираясь на суковатую палку, вышелъ послѣднимъ.

Юсть и Ионатанъ остались одни. Секретарь Агриппин схватилъ друга своего за руки и закидалъ его вопросами.

— У чужихъ народовъ, Ионатанъ, бывають иногда великіе мужи, которые высказываютъ великія слова. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Любовь къ отечеству такъ велика, что мы измѣряемъ ее не продолжительностью нашей жизни, но заботливостью объ его существованіи“. Это она тебя опьянила! Увлеченный ею, ты не измѣрялъ ее продолжительностью твоей жизни и жизни близкихъ тебѣ людей.

Ионатанъ слушалъ, отвернувъ лицо, наконецъ вспыхливо признась:

— Перестань, Юсть, не усугубляй стыда моего! Въ первый разъ я измѣнилъ святому дѣду! Прости, Іудея! въ первый разъ я поклонился идолу собственныхъ страстей!

Онъ прижался лбомъ къ стѣнѣ, кусалъ до крови блѣдныя губы, тихо и мрачно, съ угнетающею покорностью, шепталъ:

— Слабъ человекъ, рожденный женщиной...

Потомъ, не измѣняя положенія, быстро началъ говорить:

— Могъ-ли я сказать имъ, что поступилъ такъ изъ ненависти къ врагамъ, тогда какъ уста мои отверзла любовь къ женщинамъ? Долженъ-ли я былъ подло обманывать ихъ, или открытъ предъ ними тайну паденія моего?.. Въ тотъ день, когда я прибылъ сюда, я видѣлъ поздней вечерней порой дѣвушку рука-об-руку съ римляниномъ, съ которымъ она вела тихій разговоръ... Я увидѣлъ ее въ домѣ отца нашего, глаза мои устремились къ ней, словно къ вратамъ райа, но я тотчасъ же почувствовалъ отъ нея, Юсть, зловоніе Эдома. Она отворачивала отъ меня свои голубинные глаза и думала... о немъ. Когда я держалъ ее за руку, она вырывалась и думала о немъ. Въ Моаде-Эль она не подошла ко мнѣ вибствъ съ другими, но стояла ноодадь, поглядѣвши отъ ужаса... Она, Юсть, питаетъ отвращеніе къ проявленіямъ нашего несчастія и купаетъ свои мысли въ проклятыхъ наслажденіяхъ Рима. Выйдя изъ Моаде-Эль, я всю ночь, не снѣкая глазъ, смѣтрѣлъ на небо, прося Предвѣчнаго открыть мнѣ загадку моихъ мученій... Изъ сирійскихъ харчевенъ въ тихомъ воздухѣ доносилось безпрестанно до ушей моихъ имя Береники... О, отравительница!.. предъ разсвѣтомъ я былъ уже за Тибромъ. Я шелъ не одинъ. Меня несъ какой-то духъ. Я не зналъ, что сдѣлаю. Въ головѣ моей не было ничего, кромѣ гудѣвшаго безпрестанно возгласа: горе! Я не думалъ объ Иудѣ, не думалъ о поправной хвалѣ Предвѣчнаго... я думалъ объ этой моей... милой... не моей!.. Когда та... какъ змѣя, покрытая золотой чешуей, поднялась на встрѣчу своему эдомскому возлюбленному, я не видѣлъ ея... не видѣлъ ея... передъ глазами моими стояла моя... и къ римлянину своему протягивала руки... Тогда я закричалъ... моя грудь была переполнена стонами и проклятіями... Юсть... причиной поступка моего была любовь не къ отечеству, а къ женщинамъ!

Онъ громко рыдалъ, закрывъ пылавшее лицо руками, изъ-подъ

которыхъ текли обильныя слезы; наконецъ подвинулись колѣни его и, почти прикасаясь лбомъ къ полу, онъ быстро-быстро началъ шептать:

— Слабъ человекъ, рожденный женщиной... Прости, Иуда! не гаси, Предвѣчный, огненного столба, за которымъ я слѣдовалъ до сихъ поръ по кровавому пути моему!

Съ печалью и снисходительностью слушалъ Юстъ признанія друга, и въ глазахъ его вдругъ блеснула искра восхищенія. Душа Ионатана открывалась предъ нимъ настоль; онъ видѣлъ въ ней отчаянiе и стыдъ, возбужденныя сознаниемъ того, что онъ позволилъ себѣ на минуту дѣйствовать подъ влiянiемъ личныхъ ощущенiй и желанiй. Онъ ласково положилъ свою руку на низко склонившуюся голову и тихо началъ говорить. Онъ говорилъ, что всю ночь провелъ въ приготовленiяхъ къ побѣгу того, кто сегодня, сейчасъ даже, можетъ быть пойманъ, что въ пристани стоитъ судно, готовое отплыть въ Остию, гдѣ друзья, предупрежденные обо всемъ, примутъ его и помѣстятъ на первомъ кораблѣ, готовящемся къ отплытiю изъ порта...

— На море! на море!—воскликнулъ онъ наконецъ, — на новыя странствованiя и бѣдствiя... но другого способа спасенiя нѣтъ!

Ионатанъ всталъ и выпрямился.

— Нѣтъ!—рѣшительно возразилъ онъ, — я не уйду изъ этого дома самъ.

— Какъ? Въ такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ ты хочешь увести съ собой дѣвушку?

— Я хочу ее взять отсюда, какъ жену свою.

Напрасны были всѣ доводы Юста.

— Ты погибнешь, — говорилъ онъ.

— Вмѣстѣ съ ней! — мрачно отвѣтилъ Ионатанъ.

— Иди и садись въ лодку!

— А она?

— Невозможно!

— Следовательно, Юсть, ты советуешь мнѣ предоставить ее ласкамъ римлянина?

Онъ долго и горько смѣлся.

Юсть заломилъ руки, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и въ нижней комнатѣ закричалъ нѣсколько разъ:

— Миртала! Миртала!

Онъ хотѣлъ, вѣроятно, говорить съ ней, хотѣлъ умолять ее, чтобы каплею успокоенія она излечила безуміе несчастнаго, чтобы просьбы свои присоединила къ его просьбамъ. Открывая узкія двери, ведшія на улицу, онъ повторялъ еще:

— Миртала! Миртала!

Напрасно. Та, которую онъ звалъ, была далеко.

IX.

Она была на вершинѣ Авентинскаго холма, на которой, вблизи храма Юноны, стоялъ домъ претора, сверкавшій хрустальными стеклами въ окнахъ верхняго этажа и окруженный снѣжно-бѣлою колоннадой:

Не безъ труда совершила она свой путь, потому что проходившія по улицамъ веселыя полупьяныя толпы задерживали ее и приставали къ ней съ нахальными жестами и словами. Но такъ какъ она молчала и поспѣшно сторонилась, то ей нѣчто не сдѣлалъ никакого зла. Впрочемъ, молоденькая ея головка и стройный станъ защищены были отъ зноя и толпы бѣлыми льнянымъ покрываломъ, какія иногда употребляли іудейскія женщины. Она не ощущала страха. Мысли ея вовсе не были заняты опасностями, которыя могли ей встрѣтиться. Въ головѣ ея безпрестанно раздавались слова, которыя она постоянно слышала съ самаго утра: „Куда обратиться за защитою и помощью? Что дѣлать?“ Нѣчто этого не зналъ, но она знала. Искать защиты и помощи шла она къ этимъ знатымъ, добрымъ, мудрымъ... Развѣ они сами

также не страдать? Сколько разъ она видѣла блѣдность гнѣва и страданія на лицѣ претора? Сколько разъ въ ея присутствіи изъ глазъ Фаніи на чело маленькаго ея сына падали слезы! Музоній такъ неопредѣленно, но такъ странно похожъ на Менахима! А онъ? Онъ также навѣрно тамъ... Онъ заступится за нее и за народъ... Она увидитъ его! Какъ? она увидитъ его? сегодня! сейчасъ! О, солнце счастья, выглядывающее изъ-за сумрака мрачной ночи! Она не видѣла его уже такъ давно! Быть можетъ, слова, какъ нѣкогда, чудный голосъ его подобно пѣснѣ раздастся въ ея ухахъ. Быть можетъ, какъ нѣкогда, возьметъ онъ ее за руку и поведетъ въ зеленый садъ, или станетъ ходить съ нею отъ картины къ картинѣ, отъ статуи къ статуѣ, словно добрый гений въ свѣтломъ царствѣ искусства. Она оставляла за собою адъ, передъ ней былъ рай. Она дрожала подъ бѣлымъ покрываломъ, на которомъ блестяли серебряныя вышивки... Она летѣла, а за ней летѣлъ на крыльяхъ блага покрывала рой серебряныхъ искръ.

Передъ дверью дома претера она остановилась. Неожиданно для себя она тамъ встрѣтила толпу и шумъ. Нѣсколько десятковъ могучихъ черныхъ нумидійцевъ, съ золотыми украшениями на тѣлѣ, стояло тамъ, подобно статуямъ, въ мрачной неподвижности, держа на плечахъ носилки, похожія на небольшіе позолоченные, украшенные слоновою костью и пурпуромъ, дома. Вокругъ носилокъ толпилось множество слугъ разныхъ степеней, исполнявшихъ различныя обязанности, въ бѣлыхъ одеждахъ, вышитыхъ золотомъ; они сокращали время шумными разговорами и играми на скорую руку. Нѣкоторые изъ нихъ, усѣвшись на панели, бросали монеты, на одной сторонѣ которыхъ изображена была голова царствовавшего императора, а на другой носъ корабля. „Голова, или корабль?“ раздавались голоса, и монеты съ металлическимъ звономъ падали на базальтовые плиты панели. Другіе, стоя посреди улицы, забавлялись отгадываніемъ загадокъ или преслѣдовали игривыми шутками проходившихъ мимо женщинъ. Изъ сосѣдней, извѣстно по-

строеной харчевни выбѣжала молодая красивая гречанка въ желтомъ платьѣ, высоко подвязанной красныи носемъ, и, ставъ между іоническими колоннами и откинувъ назадъ густые каштановые волосы, манила къ себѣ царскихъ слугъ своей живописной носой, роскошной улыбкой и блестящей амфорой, которую она держала въ рукѣ на высотѣ головы.

Всѣмъ было извѣстно, что бѣлья, шитыя золотомъ туннги составляли ливрею императорскаго двора, употреблять которую не имѣлъ права никто въ Римѣ, кромѣ императора и его сыновей. Еще недавно разсказывали о томъ, какъ сильно обидѣлся Домиціанъ, когда Сальвидіонъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ тогдашнихъ щеголей и племянникъ одного изъ предшествовавшихъ императоровъ, осмѣлился одѣть въ нее своихъ слугъ. Домиціанъ-то и посѣтилъ теперь Гельвидія. Это были его, извѣстные своей силой, нумидійцы, которые подобно чернымъ колоннамъ держали на плечахъ своихъ богатыя носилки; это его слуги, наряженные въ расшитыя золотомъ одежды, наполнили улицу; это его многочисленная, нарядная свита наполняла часть передняго двора дома и половину *atrium*, то-есть первой отъ входа залы, которой широкая и разукрашенная дверь была въ эту минуту открыта настѣжъ.

Въ эту минуту *atrium* представляло величественную картину. Черезъ нѣсколько рядовъ легкихъ колоннадъ, надъ которыми въ видѣ тяжелыхъ фестоновъ висѣли цвѣтные ковры, взоръ могъ проникнуть въ слѣдующія комнаты, въ которыхъ свѣтъ и тѣни перекрещивались на дорогой утвари, на мозаиковомъ полу, на открытыхъ живописью стѣнахъ, на длинныхъ рядахъ статуй, изображавшихъ героевъ и боговъ. Въ концѣ этой перспективы, въ видѣ длинной открытой галлерей, простирался наполненный цвѣтами перистиль, заменутый рядомъ желтыхъ колоннъ, которыя, подобно огненнымъ столбамъ, горѣли на солицѣ, на фонѣ изъ густой зелени сада. Въ обширной залѣ, освѣщаемой только четырехугольнымъ отверстіемъ въ крышѣ, которая носила названіе *atrium*, цар-

отвѣчалъ полуиракъ. Бассейнъ, наполненный водою, стальной поверхностью своей сверкала посрединѣ въ вѣнкѣ изъ зелени и словно игривныхъ въ ней бронзовыхъ амуровъ. За нимъ, въ глубинѣ залы, на мраморномъ жертвенникѣ медленно горѣла связка благовоннаго дерева, а кругомъ колебавшихся и выдѣлявшихъ благоухающій дымъ язычковъ пламени стояли различной величины статуи, изображавшія домашнія божества, покровителей и покровительницъ различныхъ дѣлъ и семейныхъ чувствъ. Вокругъ этого домашнего жертвенника, у подножья божествъ воссѣдало семейство претора и столпились друзья его. Это было довольно многочисленное общество, среди котораго прежде всего бросалась въ глаза мрачная фигура старой Аріи, подъ чернымъ покрываломъ сидѣвшей неподвижно на высокомъ креслѣ. Насупротивъ нея Фанія разсѣянно гладила рукой черные волосы сидѣвшаго у ногъ ея маленькаго сына. Вблизи отъ этихъ двухъ женщинъ, на темномъ фонѣ коричневыхъ тогъ кліентовъ дома, стоялъ Музоній, окруженный своими учениками; Артемидоръ обнималъ рукой шею саркастически улыбавшагося Ювенала; молоденькій Тацитъ съ мрачно сдвинутыми бровями всматривался въ толпу, наполнявшую противоположную половину залы, туда же обращалъ печальный взглядъ глубокихъ глазъ своихъ блѣдный и тихій Эпикететъ, недавно еще освобожденный изъ рабства.

Противоположную половину залы наполнялъ дворъ Домиціана: военные сановники въ блестящихъ одеждахъ, камергеры въ придворной одеждѣ, сыновья сенаторовъ и патриціевъ съ извѣщенными лицами и завитыми волосами, надушенные, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, похожіе на кокетливыхъ женщинъ. Тамъ былъ мрачный всегда Цестій, старавшійся прикриты свои военные пораженія благосклонностью молодого цезаря; былъ также съ вѣнкомъ изъ свѣжихъ розъ на головѣ красивый Стелла, при всякомъ удобномъ случаѣ цитировавшій стихи извѣстныхъ поэтовъ; были еще гордый гуляка и щеголь, племянникъ императора Оттона, Сальвидіентъ, и

любимецъ Домиціана Метій Каръ, и много еще другихъ людей, которые извѣстны были всему Риму своими пирами и оргіями, дерзостью излишествъ и странностью изнѣженныхъ одеждъ.

Они стояли тамъ въ разнообразныхъ позахъ: нѣкто селонная увѣнчанныя головы на плечи друзей, покрытыя шелкомъ, лѣнливо опираясь обѣ колонны, перекидываясь шепотомъ короткими разговорами и обмѣниваясь улыбками. Стелла показывала Цестію свои бѣлые пальцы, жалуясь, что кольца, которыми онъ украсилъ ихъ, слишкомъ тяжелы въ такой жаркій день; Сальвидіенъ, приближая свои чувственные губы къ уху молодого префекта преторіанцевъ, съ циническимъ блескомъ глазъ указывала ему стоявшаго за господиномъ своего прелестнаго грека Геліаса, но префектъ не могъ оторвать глазъ отъ черной фигуры Аріи, возбуждавшей въ немъ, повидимому, суевѣрную боязнь, и говорилъ тихо одному изъ камергеровъ, что предпочелъ бы лучше встрѣтиться съ толпой дикихъ Каттовъ, чѣмъ съ этой трагической женщиной; камергеръ, отвѣчая ему, мрачно шептала, что его мучитъ дурное предчувствіе, потому что, выходя сегодня изъ дому, онъ задѣлъ за порогъ ногою, съ которой уронилъ сандалію. Впрочемъ, большая часть этихъ людей стояла неподвижно, слѣдя за каждымъ движеніемъ своего повелителя; лишь изрѣдка среди военныхъ звенѣла сталь, или лучъ солнца, пробившись сквозь отверстіе въ крышѣ, сіялъ въ бронзовыхъ панцыряхъ и золотилъ вѣнки изъ розъ.

Между этими двумя группами, нѣсколько отдѣлившись отъ другихъ, стояли другъ противъ друга два человѣка: преторъ и сынъ императора.

Высокій и сильный Гельвидій превосходилъ значительно ростомъ Домиціана, котораго небольшую, но стройную фигуру живописно охватывала пурпурная греческая хламида. Лицо его, покрытое болѣзненною блѣдностью, имѣло двойственное выраженіе. При взглядѣ спереди оно имѣло прекрасныя мягкія черты, въ профиль же напоминало хищную птицу. Голова его лишена уже была по-

ловнымъ волосъ; онъ имѣлъ скромный видъ и льстивую улыбку на тонкихъ губахъ.

Свѣлое лицо претора казалось вылитымъ изъ бронзы, до того неподвижны были энергическія черты его въ ту минуту, когда онъ встрѣчалъ гостя, о прибытіи котораго былъ извѣщенъ еще утромъ, черезъ придворнаго гонца.

— Привѣтствую тебя, Домиціанъ! Чѣмъ прикажешь служить себѣ, достойный гость мой?

Фанія поднялась съ мѣста и, не выпуская руки сына своего, привѣтливо поклонилась гостю. Потомъ тотчасъ же сѣла опять, спокойная, и только по легкому дрожанію руки ея, которую она положила на пурпурную туняку маленькаго сына, можно было отгадать искусно скрытое волненіе.

Скромно опутивъ глаза и съ улыбкой на устахъ, Домиціанъ уважалъ на стоявшаго за нимъ Метія Кара и мягкимъ, тихимъ голосомъ произнесъ:

— Если благоволишь, знаменитый Гельвидій, бросить свой взглядъ на этого друга моего, то легко отгадаешь цѣль моего посѣщенія. Я пришелъ сюда, чтобы лично просить тебя о благопріятномъ для него приговорѣ по дѣлу его съ Поліей Аргентаріей, вдовой негоднаго бунтовщика Луканія. Прошу тебя, достойный, не колебаться въ выборѣ между лучшимъ моимъ другомъ и семействомъ того, чье имя съ отвращеніемъ произносить каждый честный гражданинъ Рима.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, только однажды незамѣтная почти дрожь пробѣжала по челу претора. Высшій въ государствѣ судья, рѣшенія котораго пытались публично запутать, съ неподвижными чертами лица, привѣтливымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Прошу тебя не говорить больше о Луканіѣ. То, что ты сказалъ бы о немъ, не было бы мнѣ пріятнымъ; мои же слова о немъ оскорбили бы тебя. Другу твоему, Кару, Гельвидій Прискъ желаетъ счастья, но преторъ не помнитъ именъ и отношеній чело-

вѣческихъ. Приговоръ по дѣлу Кара и Аргентаріи произнесутъ устами моиѣ законы отечества нашего и справедливости.

Лицо сына императора покрылось блѣднымъ румянцемъ. За нимъ, въ свитѣ его, шептали:

— Мы предсказывали божественному Домиціану отказъ этого наглеца. Онъ сказалъ: „стоя лицомъ къ лицу со мной, онъ потеряетъ свою смѣлость“...

Но Домиціанъ все время сохранялъ скромный видъ, а улыбка его приняла почти нѣжное выраженіе.

— Въ чемъ я провинился предъ тобой, достойный и знаменитый, что ты такъ сурово поступаешь со мной и моиѣ друзьями?—жалобно вскричалъ онъ.

Въ свитѣ слышался сдержанный смѣхъ:

— Блѣнусъ головой Горгоны! Отъ такого вопроса можно окаменѣть! Сынъ цезаря спрашиваетъ о винѣ своей того, которому во смѣ и на яву мерещатся еще времена республики!

Префектъ преторіанцевъ, храбрый солдатъ и ловкій придворный, почти громко сказалъ:

— Нужно спросить объ этой винѣ философа Музонія... Съ какою нѣжностью рассказывалъ онъ недавно о прежнихъ диктаторахъ, которые передавали власть свою въ руки народа всякій разъ, какъ только этотъ милый народъ пожелалъ лишиться ихъ этой власти!

Домиціанъ продолжалъ:

— Я молодъ еще и знаю, что скромность приличествуетъ незначительнымъ еще моиѣ заслугамъ. Со скромностью и сыновнимъ почтеніемъ пришелъ я къ тебѣ, украшеніе Рима, а ты отказываешь мнѣ въ моеѣ просьбѣ!

Съ тѣмъ же привѣтливимъ спокойствіемъ Гельвидій возразилъ:

— Если бы желаніе твое, Домиціанъ, было справедливо, я исполнилъ бы его охотно; но, требуя нарушенія справедливости

отъ того, кто долженъ охранять ее, ты требуешь вещи, противной богамъ, равно какъ и людямъ...

Доминианъ поднялъ вверхъ бѣлыя руки, которыя, обнажившись, освободились изъ подъ пурпурныхъ складокъ хламиды, и жалобнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Боги да будутъ свидѣтелями, какъ несправедливо обижаютъ меня достойнѣйшіе граждане моего отечества! Я вижу, Гельвидій, что вовсе не пользуюсь твоей благосклонностью. Ты даже не признаешь меня достойнымъ титула цезаря, который принадлежитъ мнѣ, какъ сыну божественнаго отца моего. Какъ няня налаго ребенка, ты называешь меня по имени и учишь, какъ наставникъ подростка, что противно богамъ и людямъ. Я желалъ бы, достойный, чтобы ты больше любилъ меня и не отказывалъ мнѣ въ томъ, что принадлежитъ мнѣ по праву. Но я кротокъ и охотно забываю нанесенныя мнѣ оскорбленія. Я могу отнести къ себѣ слова безсмертнаго Гомера...

Здѣсь онъ съ прекрасной риторической выдержкой продекламировалъ по гречески:

— „Кровь не кипитъ во мнѣ вѣдъ напрасно, гнѣвомъ разумно владѣю“...

И, сіяя отъ наслажденія, которое доставила ему собственная его декламация, онъ прибавилъ тише:

— Я не перестану любить тебя, Гельвидій, и не буду убѣждать отца моего, чтобы онъ божественной подписью своей санкционировалъ эдиктъ, принуждающій тебя разстаться съ Римомъ или... съ жизнью; но подумай—и приговоромъ своимъ оставшееся послѣ смерти гнуснаго Луканія имущество передай изъ рукъ Аргентаріи въ руки моего друга!

При послѣднихъ словахъ острые и саркастическіе тоны послышались въ мягкой еще рѣчи его, румянецъ на лицѣ его увеличился, но онъ сохранилъ еще скромный видъ. Какъ бы въ покор-

ночь ожиданіи отвѣта, онъ скрестилъ на груди руки и наклонилъ голову. Отвѣта ждалъ онъ недолго.

Сдвинувъ черныя брови, однако, спокойный Гельвидій повторилъ:

— Приговоръ этотъ, Домиціанъ, произнесутъ устами моиими законы отечества нашего и справедливости.

Столкновеніе этихъ двухъ людей съ желѣзной волей должно было вызвать острый и грозный протестъ; онъ поспышался прежде всего въ придворной свитѣ, которая заволихалась какъ бы отъ вѣтра. Послышалось бряцаніе стали. Лѣнивый Стелла, возвысивъ голосъ, громко продекламировалъ стихъ изъ Одиссеи:

„Молча мы ждемъ твоего приказанья“.

Кто-то подхватилъ энергичнѣе:

„Тю порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ.“

Другой иронически засмѣялся и бросилъ одно лишь слово:

— Безумецъ!

Но Домиціанъ ииѣлъ уже теперь совершенно иной видъ, чѣмъ прежде. Кровавый, темный румянецъ облялъ не только лобъ его и щеки, но спустился на обнаженную шею и окрасилъ блѣдную руку, гордо протягивавшуюся изъ подъ складокъ хламиды, стяннутой застежкой съ радужнымъ опаломъ. Глаза его искрились сильнѣе опала, грудь вздымалась отъ волненія; онъ сбросилъ маску съ своей безумной гордости. Послѣ минутнаго молчанія гордый и насмѣшливый голосъ его раздался въ стѣнахъ залы:

— Грудному младенцу позавидуй, Гельвидій, въ разсудительности и проицательности. Ты собрался воевать съ богами, и только благодаря особенной снисходительности моего отца, ты не сдѣлался еще до сихъ поръ жертвой подземныхъ божествъ. Это ты ораторствовалъ въ сенатѣ, чтобы возвращающемуся въ Римъ Веспасіану оказать возможно меньше почестей, потому-де, что униженность вызываетъ тиранію. Ты краснорѣчиво научалъ сенаторовъ, что они должны законнымъ путемъ поставить предѣлъ расходамъ властелина

міра. Ты, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, будучи посланъ сенатомъ встрѣтить его, осмѣлился сказать ему: „Веспасіанъ!“ А что сдѣлалъ ты въ священный день Аполлона? Ты велѣлъ начать игры въ отсутствіи всемогущаго! На тебѣ тяготеютъ многократныя преступленія противъ величества—самыя тяжелья преступленія на землѣ. А какъ ты меня принялъ сегодня въ этихъ стѣнахъ? Гдѣ цвѣты и благоуханія, музыканты и пѣвцы, которые выразили бы предо мною твою радость и благодарность? Дерзкій отказъ—вотъ все, что я получалъ отъ тебя, я, который былъ покоренъ тебѣ, какъ агненокъ льву. Мудры были предшественники моего отца, и я готовъ каждую минуту приносить жертвы на алтарѣ Тиберія, Клавдія и Нерона. которые отъ такихъ, какъ ты, ядовитыхъ, плевалъ очищали землю...

Гельвидій, все болѣе блѣднѣя и сжавъ губы, выслушивалъ наносимыя ему оскорбленія. Онъ рѣшился, повидимому, молчать. Вѣдь не разъ его упрекали, и онъ самъ себя упрекалъ въ излишней вспыльчивости. Онъ молчалъ поэтому, но молчаніе это было для него, видно, такимъ мученіемъ, что онъ поднималъ вопросительный, умоляющій взглядъ на Музонія, какъ бы прося помощи или совѣта у представителя высокихъ идей человѣчества. Стоякъ, завернутый въ плащъ, устремилъ въ свою очередь на него огненный взоръ, и когда Домиціанъ замолчалъ, въ обширной затихшей залѣ раздался голосъ Музонія, не менѣе громкій, въ которомъ слышалась какъ бы торжествующая улыбка. Глядя на Гельвидія, стоякъ говорилъ:

— Если тебѣ скажутъ: „Закую тебя въ оковы!“ а ты считаешь только свою добродѣтель, то отвѣтъ: „Закуй; въ оковахъ твоихъ я буду все таки свободенъ.“

Послѣдніе слова утонули въ шумѣ, который поднялся въ придворной свитѣ. Глаза загорѣлись, уста разразились извѣтельнымъ смѣхомъ, пальцы протягивались впередъ, указывая на философа, который безъ тѣни безпокойства окидывалъ наносившихъ оскорбле-

нiя и грозившихъ ему людей болѣе сострадательнымъ, чѣмъ прерзительнымъ взглядомъ. Вдругъ всѣ замолчали, всѣ глаза обратились на одну точку, лучше сказать, на одну черную линiю, которая обрисовалась на золотистомъ фонѣ пламени, надъ окружавшимъ его вѣнцомъ домашнихъ божествъ.

Съ кресла своего медленно поднялась Ариа и, ставъ на подножъѣ, которое еще больше увеличивало ея высокiй ростъ, вся въ черномъ, прямая, протянула руку по направленiю къ Домициану. Голосомъ, который слышали даже стоявшiе поодаль, она проговорила:

— Мертвые привѣтствуютъ тебѣ, сынъ цезаря!

Она сама имѣла такой видъ, какъ будто бы явилась изъ области тѣней. Что-то похожее на суевѣрный страхъ помutilо, при видѣ ея, расширенные глаза Домициана и закрыло дрожавшiя отъ гнѣва губы его. Чѣмъ-то трагическимъ повѣяло отъ этой женщины, впалые глаза которой изъ-подъ сѣдыхъ насупленныхъ бровей горѣли, какъ погребальныя факелы.

— Мертвые привѣтствуютъ тебя моими устами, сынъ цезаря! — повторила она. — Ты знаешь хорошо ту, которая говоритъ теперь съ тобою. Когда ты былъ ребенкомъ, няни твои навѣрно пугали тебя исторiей моего рода. Видишь-ли за мной гекатомбу, воздвигнутую изъ крови и костей дражайшихъ сердцу моему тѣми, которыхъ ты осмѣлился прославлять въ этомъ домѣ?

Мрачныя черты ея лица вздрогнули, но она тотчасъ же блѣдными руками собрала на груди черное покрывало и воскликнула:

— Я не буду плакать передъ тобою, молодой цезарь. Я не доставлю тебѣ наслажденiя смотрѣть на слезы достойной римской матроны. Но съ престола страданiй моихъ я скажу тебѣ, чтобы ты оставилъ домъ этотъ, который ты оскорбляешь своимъ присутствiемъ. Ты пришелъ сюда не съ миромъ, а съ оскорбленiями и угрозами. Уйди!..

Поднялся шумъ. Одни изъ придворныхъ грозили, другiе трезвонно шептали, что нужно спросить авгуровъ, какимъ предсказа-

нѣмъ служить для молодого цезаря сегодняшняя встрѣча съ этой мрачной старой женщиной.

— Злые гениі помутили умъ ея...

— Даешь, какъ Гекуба, превратившаяся послѣ потери дѣтей своихъ въ суку!

— Она выглядитъ такъ, какъ будто сегодня ночью явилась изъ области ада!

Префектъ преторіанцевъ схватился за мечъ свой.

— Клянусь Геркулесомъ! неужели карканья одной бабы достаточно, чтобы наполнить суевѣрнымъ страхомъ сердца нвши?

Да, этого было достаточно. Домиціанъ дрожалъ подъ складками своей хламиды. Сколько въ дрожи этой было гнѣва и сколько страха, знали только тѣ, которые близко были съ нимъ знакомы. Онъ былъ кровожаденъ и трусливъ. Дрожа, онъ однако злобно смѣялся, и обрывавшимся въ груди голосомъ воскликнулъ:

— Прощайся со свѣтомъ, преторъ, потому что не долго уже будешь смотрѣть на него! Прощайся съ Римомъ, Музоній, обезьяна Минервы, потому что завтра изгонить тебя изъ него адиктъ императора! Прощайте навсегда, оставленные богами!

Какъ бурная разлившаяся рѣка, дворъ сына цезаря, съ повелителемъ своимъ во главѣ, покидалъ домъ претора, какъ вдругъ у выхода изъ входнаго двора преградила ему путь толпа разряженныхъ женщинъ и мужчинъ. Вела ее благоухающая, живая, вся въ цвѣтахъ, шитьѣ и драгоценныхъ камняхъ Кал Марція. Она держала за руку мальчика съ красивымъ, нѣжнымъ скучающимъ лицомъ, съ висѣвшимъ на шеѣ на дорогой цѣпочкѣ, золотымъ шарикомъ. Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ Домиціаномъ, римская вѣтренница бросила къ ногамъ императорскаго сына крокусы и лиліи, которыя она держала въ рукахъ, и, ставъ съ изяществомъ на колѣни на цвѣтахъ и поднявъ къ небу прекрасные глаза, воскликнула:

— Благодарю тебя, Ювона, что взаи́мъ золотого сердца съ

прекраснѣйшимъ изумруломъ монимъ, которое я принесла въ жертву въ храмъ твою, ты выслушала мою просьбу. Давно уже, божественный Домиціанъ, я желала посмотрѣть вблизи на сіяніе лица твоего. Я увидѣла носилки твои передъ домою претора, и боги вдохновили меня исполнить сегодня это желаніе мое. Будь прославляемъ, безсмертный, и окажи мнѣ милость, о которой я буду умолять тебя. Вотъ сынъ мой, Гортензіи, дитя, которому еще не сняли золотого шарика съ шеи...

Въ свитѣ раздался тихій смѣхъ.

— Который изъ четырехъ мужей ея оставилъ ей на память этого маленькаго Ганимеда?

— Чего она хочетъ отъ божественнаго Домиціана для этого мальчика?

— Она хороша еще, и клянусь Венерой, я не испугался бы ея, если бы она попала мнѣ гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ...

Кая не слышала ничего. Вся душа ея сосредоточилась въ глазахъ, устремленныхъ ею на лицо Домиціана, котораго обязанности ему почести успокоили и прояснили. Съ движеніями изыщнаго свѣтскаго чловѣка онъ поднялъ красивую женщину и покровительственно положилъ свою руку на плечо ея малолѣтнаго сына.

— Изъ Гортензіи моего, божественный цезарь, сдѣлай себѣ слугу и раба!—со слезами восторга на глазахъ говорила Кая;— пусть онъ наливаетъ тебѣ вино въ чаши и зажигаетъ огонь на жертвенникѣ твоихъ домашнихъ божествъ. Я приношу его въ жертву на твою алтарь...

Все болѣе сіяя, побуждаемый къ блаженнымъ улыбкамъ дномъ лести и прекрасными глазами Кая, Домиціанъ переступилъ черезъ порогъ двора, пригласивъ Каю жестомъ скромнаго щеголя слѣдовать за нимъ.

Они удалились. За спиной замыкавшихъ шестіе камергеровъ и пажей *ostiarii* заперъ двери дома, изъ-за которыхъ долго

еще доносился съ улицы топотъ и говоръ, подобный улетающему вѣтру.

Въ домѣ претора водворилась тишина. Арія, опершись на руку Фанія, выходила изъ *atrium*, блѣдными губами шепча слова своей таинственной поэмы:

— Вѣчно одно и то же! вѣчно одно и то же!

Клиенты и друзья дома, разсыпавшись между деревьями на дворѣ, сдержанно и печально разговаривали между собой; кучка молодыхъ людей въ разноцвѣтныхъ туникахъ, сѣвъ у одной изъ стѣнъ залы, съ мимолетными улыбками на губахъ слушала плавную, тихую рѣчь Ювенала, который, съ саркастическимъ выраженіемъ губъ и трагическимъ пламенемъ въ глазахъ, давалъ волю сатирическому вдохновенію, и въ словахъ его, которыми онъ осмѣивалъ Домиціана, придворныхъ, легкомысленныхъ женщинъ и бессмысленную чернь, слышались горечь и отвращеніе.

Гельвидій приблизился къ Музонію. Можно было замѣтить, какъ дрожь пробѣгала по его закаленному и сильному тѣлу.

— Учитель, — сказалъ онъ, — если и въ оковахъ я буду свободенъ, то этихъ я обязанъ ученію стоиковъ. Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ среди неслыханныхъ бѣдствій и угнетеній вы даете совѣты и утѣшаете справедливыхъ и независимыхъ. Мы живемъ согласно вашимъ указаніямъ, умираемъ, будучи утѣшаемы вами. Сегодня, Музоній, я увидѣлъ вблизи мой черный часъ. Все, что я люблю на землѣ великой любовью, вскорѣ долженъ буду оставить. Отечество... друзья, жена... дитя... О, учитель, душа моя смущена! Возьми ее и успокой духомъ философіи, чтобы она могла сохранить спокойствіе мудреца и твердость гражданина!

На сѣдыхъ рѣсницахъ Музонія блеснули слезы, но видъ его былъ спокоенъ, и тихій блескъ окружалъ покрытый морщинами лобъ его.

— Не тревожься о спокойствіи и твердости своей, — возразилъ онъ, — хотя человѣческія чувства въ торжественную минуту волну-

ють грудь твою. Сильная душа не должна быть холодной и безчувственной. Ученіе стонковъ не обязываетъ тебя быть равнодушнымъ; оно требуетъ только, чтобы добродѣтель побѣдила страданія и страхъ. Лебеди, Гельвидій, поютъ умирая, но не весело, а торжественно несется предсмертная пѣснь ихъ къ солнцу...

Они сѣли возлѣ пламени жертвенника и, нагнувшись другъ къ другу, начали долгій, тихій разговоръ.

Невдалекѣ отъ жертвенника стоялъ стройный юноша въ бѣлой туникѣ и съ серебряной повязкой на черныхъ волосахъ и обращалъ къ землѣ мрачный сначала взоръ. Но лишь только онъ поднималъ глаза, вся душа его сосредоточилась во взглядѣ, который онъ устремилъ на женскую фигуру, видѣвшуюся въ самомъ темномъ углу большой залы. Хотя она вся закуталась бѣлыми покрываломъ, однако онъ разглядѣлъ незакрытую часть лица ея. Глаза ихъ встрѣтились. Они издали улыбнулись другъ другу. Онъ позвалъ ее движеніемъ головы и тихо проговорилъ: „Иди за мной“!

Въ саду претора было одно мѣсто, куда не проникали ни отголоски уличнаго шума, ни знойные лучи солнца. Среди низкорослаго самшита и разросшихся миртовъ нѣсколько пальмъ высоко волносили свои зеленые вѣера, распространяя вокругъ живительную и прохладную тѣнь. Бусты, покрытые цвѣтущими розами, и мягкой коверъ изъ фіялокъ наполняли воздухъ употѣлнымъ ароматомъ; невдалекѣ шумѣлъ фонтанъ, осыпая брилліантовой росой розы и фіялки. Здѣсь господствовало полное уединеніе; тишину прерывали только шумъ фонтана и звуки двухъ голосовъ. Мужской звучный, пѣвучій голосъ говорилъ:

— Наконецъ я увидѣлъ тебя, моя Арахна! Гдѣ ты была такъ долго? Почему ты не пришла, когда я звалъ тебя? Я дышу бурей, а ты для меня, словно ясное небо.

Лежа на коврѣ изъ фіялокъ, опирая голову на руку, нѣжно ласкалъ онъ волосы сидѣвшей рядомъ съ нимъ дѣвушки и взоромъ

пилъ румянецъ счастья, который обливаль похудѣвшее и, какъ лепестокъ лиліи, бѣлое и нѣжное лицо ея.

— Давно, давно, давно я не видѣла тебя, царь мой, — начала она. — Братъ мой, котораго еще въ дѣтствѣ обручали со мной, хочеть взять меня изъ Рима навсегда... Всѣ наши цѣловали отвратительный мечъ, а теперъ плачуть, стонуть и очень боются... Но теперъ мнѣ кажется, что это былъ лишь тяжелый сонъ... Предвѣчный разбудилъ меня, и вотъ я опять съ тобою и смотрю на тебя... Артемидоръ!

Глаза ея наполнились слезами. Стосковавшаяся любовь ея наивно и страстно высказывалась во взглядѣ, улыбкѣ и словахъ. Въ волненіи, превосходившемъ ея силы, она наклонила пылающее чело свое и тутъ же, возлѣ груди его, погрузила въ холодную густоту фіалокъ. На нѣжныя плечи ея легли двѣ бѣлыя руки и движеніемъ, полнымъ ласки, приподняли ее надъ цвѣтами. Темныя глубокіе глаза художника наполнялись выраженіемъ упонительнаго наслажденія.

— Не опускай лица твоего къ землѣ, — началъ онъ тихо и медленно, — но смотри вверхъ, вокругъ и на меня... Какъ прекрасенъ міръ! Развѣ эта знойная лазурь существуетъ не для того, чтобы освѣщать человѣческое счастье? Развѣ роскошныя розы эти не суть свѣтильники, которые природа зажгла для того, чтобы они горѣли на алтарѣ любви?

Рой бабочекъ съ крыльями, осыпанными пурпуромъ и золотомъ, порхалъ надъ цвѣтами; въ самшитѣ и миртахъ пѣли птицы; фонтанъ, шума, осыпалъ траву брилліантовымъ дождемъ...

— Прислушайся къ шуму фонтана, Миртала! въ пѣсни его я слышу звуки чашъ, наполненныхъ виномъ, и шепотъ устъ, соединенныхъ въ поцѣлуй...

Райскимъ уголкемъ, упавшимъ на землю, казалось это мѣсто, а шедшій тамъ тихій разговоръ — отрывкомъ изъ идилліи, переплетающей собою стоны и плачъ жизненной трагедіи. Всѣми силами

своими эти два юныя и свѣжія существа вырывались изъ объятій трагедіи. Они не хотѣли страдать. Неизмѣримое счастье, безоблачное спокойствіе улибались имъ изъ красотъ природы и любовнаго пожатія ихъ рукъ. Онъ, воспитанный стонками, далеко былъ отъ грубыхъ увлеченій, которыми онъ могъ бы оскорбить и испугать ее. Изящный художникъ, онъ медленно хотѣлъ пить сладостный чай, и когда онъ взиралъ на молоденькую, непорочную, одаренную творчествомъ дѣвушку, въ мысляхъ его, почти безсознательно, роились мечтанія Платона о чистой и возвышенной любви душъ. Изъ-за широкихъ вѣровъ пальмъ солнечный лучъ упалъ на черные волосы ея и зажегъ искры въ серебряной повязкѣ. Онъ протягивалъ руку къ цвѣтущимъ деревьямъ и, срывая розы, покрывалъ ими голову ея, грудь и платье.

— Слушай, Миртала! никогда ни одна женщина не говорила со мной такъ, какъ ты. Не разъ овладѣвало мною любовное увлеченіе, но отъ пѣнящейся чаши я скоро, неудовлетворенный, отворачивалъ уста мои. Я не находилъ въ ней того, чего жалалъ; я стремился къ чистой и вдохновенной душѣ, какъ твоя, Миртала!

Тотъ самый пламень, который на головѣ его зажегъ серебряную повязку, въ вышивкахъ опадающаго покрывала ея засвѣтилъ рош искръ. Румянецъ щекъ ея спорилъ о первенствѣ съ розами; огненные волосы разсыпали на груди ея и плечахъ потоки золота. Онъ нагнулся, возложилъ вѣнокъ изъ розъ на эти прелестные волосы и слегка притянулъ ее къ себѣ.

Но она въ эту минуту вдругъ поблѣднѣла и, покорно наклоняя увѣнчанную свою голову, противилась притягивавшимъ ее рукамъ.

— Я уйду... — прошептала она, — дурной сонъ мой снова возвращается...

Онъ, склонившись надъ головой ея, медленно сталъ произносить стихи одного изъ римскихъ поэтовъ.

— Горе тебѣ, если ты будешь думать о кончинѣ, которую мнѣ или тебѣ предназначали боги! Будь мудрой! Пей вино и не

желай многого отъ короткой жизни. Въ то время, когда мы разговариваемъ съ тобой, завистливое время уходитъ. Лови минуту, какъ можно меньше надѣясь на будущее...

Она еще болѣе поблѣднѣла и пыталась освободить свои руки изъ его рукъ.

— *Care diem!* (лови день) — повторилъ онъ еще разъ, но уже тише и печальнѣе; онъ выпустилъ ея руки изъ своихъ и устремилъ въ пространство внезапно омрачившійся взоръ свой.

Напрасно, напрасно, какъ двѣ птички, стремящіяся къ солнечному свѣту, старались они уйти отъ тяжелыхъ и мрачныхъ тучъ. Тучи мчались за ними, вопли и плачь трагедіи врываются въ ихъ идиллію; они не принадлежали, видно, къ числу тѣхъ, которые долго могутъ засыпать на цвѣтахъ наслажденія среди окружающихъ ихъ призраковъ истребленія и бѣдствій.

— Я пойду... — вставая, сказала Миртала. И, поднося къ головѣ обѣ руки, какъ будто соннымъ голосомъ начала говорить:

— Да смалится надо мной Предвѣчный! Когда я тамъ, я умираю отъ того, что не могу быть здѣсь. Будучи здѣсь, я стремлюсь туда. Два могучихъ ангела разрываютъ мое сердце... что дѣлать мнѣ?

Выраженіе неизъяснимаго страданія отпечатлѣлось на поблѣднѣвшемъ лицѣ ея, но вдругъ, какъ бы отвѣчая на собственный вопросъ, она шепнула:

— Я уйду...

— Куда? — спросилъ Артеמידоръ.

— Я пришла къ могущественному претору, чтобы спросить его о помощи... и... несчастная, забыла!

Артеמידоръ, съ горькой улыбкой на устахъ, поднялся также.

— Ты пришла къ могущественному претору просить о помощи... но развѣ для него самого есть какое-нибудь спасеніе? Онъ самъ теперь не болѣе, какъ осужденный, по которому вскорѣ зальются слезами горя и бѣшенства глаза всѣхъ любящихъ его!

Въ эту минуту за ними раздавался мужественный, спокойный и почти веселый голосъ.

— Кто говоритъ здѣсь о преторѣ и считаетъ его лишнимъ уже всякой власти? Это ты, Артемидоръ? и ты также, милая дѣвочка! Чего желаете вы отъ меня? Чѣмъ буду я завтра, не знаю... Но сегодня я еще преторъ. Бога я долженъ спасать и отъ чего? Не тебя-ли, Артемидоръ, отъ стрѣлы Купидона? Или, быть можетъ, тебя, дѣвочка, отъ пламени, которымъ горятъ глаза этого избранника музъ?

Эти слова произнесъ Гельвидій, приближаясь къ молодой парѣ по дорожкѣ, которая вилась среди кустовъ самшита. Рядомъ съ нимъ шель Музоній также со спокойной улыбкой на устахъ. За ними слѣдовали Фанія и маленький Гельвидій, который, увидѣвъ Мирталу, подбѣжалъ къ ней, съ крикомъ радости повисъ у нея на шеѣ и началъ щебетать о томъ, что она такъ долго не приходила играть съ нимъ, что не видѣла еще его ласточки, сдѣланной изъ стали и серебра, которая, будеть пушена на воздухъ, летаетъ, какъ живая, совсѣмъ какъ живая; что недавно ему было очень скучно, потому что отецъ его съ молодымъ императоромъ разговаривалъ такъ странно какъ-то, такъ страшно... а мать, уйдя въ отдаленѣйшую часть дома, напрасно старалась скрыть слезы, которыя онъ замѣтилъ и осушилъ поцѣлуями; но теперь опять весело, очень весело; все по старому; сейчасъ онъ побѣжитъ за ласточкой своей, которую будеть виѣсть съ Мирталой пускать на воздухъ, чтобы она летѣла высоко, надъ самшитомъ и миртами, а можетъ быть даже выше пальмъ.

Дѣйствительно, все въ этомъ домѣ имѣло обыкновенный видъ, а спокойствіе, разлитое на лицахъ обитателей его, не позволяло даже подозрѣвать того, что было съ ними часъ тому назадъ и что ожидало ихъ на слѣдующій день. На смѣломъ и энергическомъ лицѣ претора не было уже и слѣда той душевной тревоги, на которую онъ жаловался своему учителю. Въ нѣкоторомъ отдаленіи,

возлѣ фонтана, кучка молодыхъ людей мелькала на солнцѣ цвѣтными туниками, а громкій разговоръ ихъ и оживленные жесты намолвляли садъ жизнью и движеніемъ. Одна лишь Фанія была молчалива и блѣдна; голову свою, въ черныхъ косахъ которой рубины дрожали подобно каплямъ крови, она склонила на плечо мужа и вся такъ прижалась къ нему, какъ будто опасалась, что вотъ, вотъ сейчасъ ее разлучатъ съ нимъ. Глядя на державшагося за млатъ Мирталы и щебетавшаго громко сына, она прошептала:

— Сирота!

Преторъ, вѣроятно, услышалъ это слово, потому что крѣпче обхватилъ рукой ея станъ, но не сказалъ ничего. Онъ внимательно слушалъ Артеидора, который тихо говорилъ ему что-то о Мирталѣ, семействѣ ея и народѣ, находившемся въ опасности. Музоній также слушалъ и сказалъ что-то о сценахъ, которыя разыгрывались въ этотъ день на форумѣ. Когда они кончили разговоръ, Гельвидій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Въ бесѣдѣ ожидаетъ насъ *prandium* (полдникъ). Прошу васъ, дорогіе, раздѣлить со мной трапезу. Тамъ мы выслушаемъ желанія дѣвочки и въ послѣдній, вѣроятно, разъ сообща совершившъ возліяніе Юпитеру-освободителю...

Въ бесѣдѣ, передъ полукруглой скамьей, называемою *hemicycle*, сдѣланной изъ искусно вырѣзаннаго мрамора, на большомъ столѣ, поддерживаемомъ громадными ногами слона, стояли на серебряныхъ блюдахъ свѣжіе и душистые фрукты, золотистые *кратеры*, наполненные виномъ, пирожное, распространявшее запахъ аттического меда, хрустальныя чаши съ замороженнымъ молокомъ, барвенны (рыбы), осипанныя зеленью оливою. Трое вношей съ волосами, распущенными на цвѣтныя платя, опираясь на пальмы, ожидали прибытія сотрапезниковъ, чтобы снять съ ногъ ихъ сандалии и изъ стройныхъ амфоръ въ чаши ихъ наливать розовыя и фіялковыя *pumil*.

Но Гельвидій молчаливымъ жестомъ приказалъ имъ удалиться

и вмѣстѣ съ семействомъ и гостями своими сѣлъ на *hemicyclum*. Миртала стала у входа въ бесѣдку. Возлѣ нея, также у входа, возвышалась громадная, артистически исполненная статуя Юпитера,—не того, который держалъ въ рукахъ своихъ угрозы и громы, но того, который былъ защитникомъ притѣсняемыхъ и обиженныхъ. Робость и волненіе заставили ее низко наклонить облитое румянцемъ чело, надъ которымъ горѣлъ вѣнокъ изъ розъ, сплетенный Артемидоромъ. Съ минуту она стояла неподвижная и молчаливая; она припоминала, что когда-то дорогія ей уста говорили ей отрывокъ изъ греческой поэмы, въ которой молящій гость становился на колѣни у гостепріимнаго очага. Поэтому она стала на колѣни и, поднявъ полныя слезъ глаза на лицо претора, руками обняла стопы бога свободы...

Перев. А. Окуфровичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ.

Съ заплаканными, грустными очами,
Увѣнчана колючими шипами,
Съ печальной пѣсней къ намъ весна пришла,
И чашу, полную скорбей и слезъ безсильныхъ,
Увитую вѣнкомъ цвѣтовъ могильныхъ,
Дрожащею рукой намъ поднесла.

Зачѣмъ, о, Господи, пустьѣть нива наша?
Иль кончены труды? Иль свѣжаго зерна
Созрѣли ужъ плоды? Иль роковая чаша
Ужъ нами выпита до дна?...

Давно-ли мнѣ Леванду схоронили?
Давно-ли искренней, горячею слезой

Мы гробъ его безвременный кропили?
А смерть опять пришла съ простертою рукою
За данью новою, за данью дорогой...

Усопшіе друзья! Вы не были бойцами,
Съ мечами наголо вы не вступали въ бой
За бѣдный нашъ народъ,—но братьями, друзьями
Вы были для него, и въ душевной тѣмѣ ночной
Какъ факелъ вѣстовой предъ нами вы блестяли,
Горѣли въ этой тѣмѣ—горѣли и сгорѣли!...

Усопшіе друзья! Надъ этими гробами,
Гдѣ спятъ могильнымъ сномъ родныя намъ сердца,
Съ разбитою душой рыдаю не надъ вами,
Но шлю мольбы къ стопамъ Небеснаго Отца:

Молю за свой народъ, страдающій, скорбящій,
За бѣдныхъ пасынковъ отчины дорогой,—
Чтобъ Онъ уврачевалъ недугъ ихъ роковой,
Чтобъ духъ ихъ, въ сумракѣ отчаянья бродящій,
Онъ укрѣпилъ своею живительной рукою...

Година страшная потерь неизгладимыхъ!
Какихъ еще ты жертвъ потребуешь себѣ?
Ты отняла у насъ друзей незамѣнимыхъ,—
Отдать намъ больше нечего тебѣ!...

И. Татеръ.

Апрѣль.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

I. Источники для жизнеописанія Бешта.

Время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ основатель хасидизма, Израиль Бештъ (1698—1760 г.), сравнительно не очень отдаленно отъ насъ, а между тѣмъ жизнь этого человѣка уже до такой степени затемнена многочисленными легендами и чудесными сказаніями, какъ если бы онъ жилъ лѣтъ за тысячу до насъ, въ отдаленную и темную историческую эпоху. Какой-то священный мракъ облекаетъ эту личность, густая ткань вымысловъ и мифовъ скрываетъ отъ насъ дѣйствительныя ея черты и окрашиваетъ ихъ въ причудливый, фантастическій цвѣтъ. Конечно, такова уже судьба многихъ основателей сектъ и творцовъ религіозныхъ ученій: восторженная фантазія послѣдователей облекаетъ жизнь такихъ людей въ покровъ тайны, наполняетъ ее легендами и сказками, способными дѣйствовать на религіозное чувство, и часто до такой степени перепутываетъ эти легенды съ событіями дѣйствительной жизни, что невозможно отличать правду отъ вымысла. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что такая судьба весьма рѣдко выпадала на долю вѣроучителей и основателей сектъ, жившихъ въ ближайшія къ намъ эпохи. Въ то время, напр., когда жизнь Бешта по своей легендарности напоминаетъ жизнь Магомета или Будды, біографія христіанскихъ вѣроучителей XVII и XVIII вѣковъ, въ родѣ Янсена, Шпенера, Веслея, заключаютъ въ себѣ весьма мало легендарнаго, мифическаго элемента. Такое различіе можетъ быть объяснено, конечно, лишь соотвѣтствующимъ различіемъ во внѣшнемъ положеніи этихъ дѣятелей и въ характерѣ ихъ дѣятельности

Основатели янсенизма, піэтизма, методизма—дѣйствовали среди націй, жившихъ самостоятельною политическою жизнью, публично и открыто, а потому и сами они учили и проповѣдывали открыто, en plein jour, и нерѣдко переплетали свои ученія съ политическими стремленіями тѣхъ или другихъ партій, такъ что вызванныя ихъ проповѣдью религіозныя движенія громко отзывались въ широкой области жизни общественной. Не то мы видимъ въ жизни польскихъ евреевъ первой половины XVIII вѣка. Тутъ передъ нами—строго замкнутая масса, совершенно изолированная въ бытовомъ и религіозномъ отношеніяхъ, масса, живущая въ тишинѣ, внѣ всякихъ шумныхъ политическихъ сферъ, и какъ бы укрывшаяся отъ контроля исторіи. Въ такой замкнутой средѣ всякое движеніе, какъ бы сильно оно ни было, остается внутреннимъ, домашнимъ событіемъ и не прорывается наружу. Основатель хасидизма жилъ и дѣйствовалъ подъ покровомъ ночи, той глубокой ночи, которая царила тогда въ жизни польскихъ евреевъ, навѣвавшая на нихъ крѣпкій сонъ со странными, мистическими сновидѣніями. Весьма естественно, поэтому, что жизнь Бешта окружена такою таинственностью и что современникамъ казалась рядомъ чудесъ жизнь того, въ чьемъ ученіи чудесное занимаетъ главное мѣсто и чья среда только и жаждала чудесъ, откровеній, знаменій.

Биографу Бешта, такимъ образомъ, предстоитъ весьма трудная задача—разгадать эту таинственную личность, высвободить ее изъ шелухи легенды и показать въ реальномъ, конкретномъ образѣ. Главный способъ разгадки такихъ личностей заключается въ психическомъ ихъ анализѣ на основаніи данныхъ, представляемыхъ преданіемъ и исторіей. Но такъ какъ данныя эти обыкновенно представляются въ формѣ крайне хаотической, въ видѣ смѣси дѣйствительности и вымысла, то необходима тщательная ихъ критика, оцѣнка ихъ достовѣрности; а для этой цѣли необходимо прежде всего внимательно рассмотреть тѣ источники, изъ которыхъ эти данныя почерпнуты.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ Бешта служить книга, впервые напечатанная въ 1815 году, т. е. спустя 55 лѣтъ послѣ смерти основателя хасидизма. Вотъ сокращенное заглавіе этой книги: «*Восхваленіе Бешта*: повѣсть о чудесахъ и

необыкновенных дѣяніяхъ, совершенныхъ свѣтлою Израиля, святымъ, на коемъ почилъ духъ Божій, вождемъ стана израильскаго, путеводителемъ заблудшихся, открывшимъ источникъ божественной мудрости (слѣдуетъ длинный рядъ другихъ похвальныхъ эпитетовъ, которые для краткости опускаемъ).. *Израилемъ Бештоомъ*, да сіяетъ ликъ его въ раю. Тутъ же повѣствуется и о святыхъ ученикахъ, пріютившихся въ сѣни его и слушавшихъ изъ его устъ слово Божіе... Все сіе записано и рассказано по правдѣ однимъ святымъ мужемъ *р. Довъ-Беромъ*, сыномъ *р. Самуила*, рѣзникомъ въ г. Линцѣ, зятемъ покойнаго *р. Александра Шохета*, состоявшаго писцомъ у Бешта въ продолженіи многихъ лѣтъ и затѣмъ занимавшаго мѣсто рѣзника въ Бѣлой Церкви, Бердичевѣ и Немировѣ* . Въ обширномъ предисловіи авторъ въ довольно безсвязныхъ выраженіяхъ объясняетъ, что побудило его собирать и записывать рассказы о дѣяніяхъ Бешта: оскуднѣніе вѣры въ людяхъ, происходящее вслѣдствіе отсутствія въ настоящее время крупныхъ чудесъ и знаменій, заставило его напомнить міру о чудесныхъ дѣяніяхъ святого мужа, Израиля Бешта. «И вотъ,—продолжаетъ онъ,—рѣшился я записать необыкновенные рассказы, слышанные мною отъ людей правдивыхъ, отмѣчая при каждомъ рассказѣ, отъ кого именно я его слышалъ, и такъ какъ Господь Богъ по благодати своей одарилъ меня сильною памятью, то я все слышанное запомнилъ, не убавлялъ и не прибавлялъ ничего, но все записалъ точно, безъ всякихъ перемѣнъ» **. За этимъ предис-

* שורשׁ חבשׁ «Печатано въ Бердичевѣ, Волынской губерніи, съ разрѣшенія цензора при виленской академіи, въ 5575 (1815) году». Это изданіе, которымъ мы пользуемся, содержитъ въ себѣ 38 листовъ in 4°, по четыре столбца въ каждомъ. Но существуетъ изданіе, появившееся хотя и въ томъ же году, но нѣсколькими мѣсяцами раньше; оно напечатано въ м. Коныцѣ, Могилевской губерніи, въ типографіи Израиля Яффы. (См. *Венякова* „Библиографическій Лексиконъ“, S. V., и жизнеописаніе Бешта, составленное *М. Родкинсономъ* подъ заглавіемъ „שורשׁ חבשׁ“, Кенигсбергъ, 1876, стр. 8. прим.). Бердичевское изданіе перепечатано уже съ коныцскаго, хотя и свѣрено съ рукописнымъ подлинникомъ, какъ это видно изъ предисланныхъ книгъ раввинскихъ одобреній, выданныхъ бердичевскому печатнику Самуилу раввинами городовъ: Острога, Зельва и Лубартова. Такимъ образомъ, на Литвѣ и на Волыни почти одновременно появилось жизнеописаніе Бешта, выдержавшее съ тѣхъ поръ безчисленное множество изданій и переведенное на разговорный жаргонъ.

** Въ библиографическомъ отношеніи имѣетъ большой интересъ приведенное

словіемъ слѣдуетъ (въ бердичевскомъ изданіи) приписка отъ имени сына «покойнаго» автора, Іегуды Лейбы, въ которой послѣдній заявляетъ, что отецъ, лежа на одрѣ смерти, завѣщалъ ему привести въ порядокъ всѣ его рукописи, надъ коими онъ трудился всю жизнь, и по возможности распространять ихъ въ народѣ. «Съ тѣхъ поръ,—говорится далѣе,—писанія эти обращались въ народъ во многихъ спискахъ, пока не были напечатаны, и мнѣ только приходится воздать хвалу Господу Богу за это, ибо хотя завѣтная мысль моего отца осуществилась не вполне, и въ моихъ рукахъ имѣется еще много рукописей, не приведенныхъ въ порядокъ и достойныхъ узрѣть свѣтъ, однако, спасибо издателю и за то, что хоть значительную часть этихъ рукописей онъ спасъ отъ забвенія и исчезновенія».

Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, мы осваиваемся уже съ мыслью, что авторомъ или, точнѣе, составителемъ «*Восхвалений Бешта*» былъ зять Бештова писца, линецкій рѣзникъ Довъ-Веръ. Но приступая къ чтенію самаго текста книги, мы убѣждаемся, что въ составленіи ея участвовала еще одна посторонняя рука. Непосредственно передъ началомъ текста находится слѣдующее «*замѣчаніе типографа*»: «Въ виду того, что въ рукопи-

---

Родкинсономъ (назв. соч. стр. 8—12, прим.) предисловіе кописскаго издателя „Восхвалений“, Израиля Яффы, человѣка ученаго, ревностнаго хасида, бывшаго, повидному, ученикомъ главы литовскихъ хасидовъ р. Залмана Лядийскаго. Въ этомъ предисловіи говорится (приводимъ его слова сокращенно): „Дошли до насъ священныя писанія о чудесахъ, совершенныхъ Богомъ черезъ посредство святыхъ его слугъ. Громадная польза, вытекающая изъ чтенія подобныхъ вещей, неоспорима, ибо самъ Бештъ сказалъ, что занимающіея прославленіемъ праведныхъ (цадииковъ) равны по заслугамъ человѣку, занимающемуся изысканіемъ высочайшихъ божественныхъ тайнъ... И хотя мы знаемъ, что рассказы, приведенные въ сихъ писаніяхъ, не составляютъ и тысячной доли того, что извѣстно о величіи Бешта, какъ мы это слышали изъ устъ покойнаго учителя нашего (т. е. р. Залмана Лядийскаго) и какъ сказано въ книгахъ святыхъ преемниковъ Бешта,—однако, принимая во вниманіе громадную пользу подобныхъ рассказовъ и также то, что доселѣ они обращаются въ многочисленныхъ спискахъ, вслѣдствіе чего отъ небрежности переписчиковъ можетъ современемъ накопиться очень много ошибокъ, которыя, пожалуй, затемнятъ и самый смыслъ текста,—мы рѣшились напечатать эти рукописи, проверивъ ихъ съ подлинниками какъ только было возможно“. Интересно сравнить это предисловіе *издателя* съ предисловіемъ *автора*, приведеннымъ нами въ текстѣ.

сяхъ, изъ коихъ я почерпалъ свѣдѣнія о сцѣвленіи событій въ жизни Бешта, рассказы расположены не въ надлежащемъ порядкѣ, между тѣмъ какъ отъ покойнаго моего учителя я слышалъ обо всемъ этомъ въ правильномъ (хронологическомъ) порядкѣ и съ точными поясненіями, — я рѣшилъ сначала излагать въ томъ порядкѣ, въ какомъ я слышалъ изъ святыхъ устъ его (учителя), о послѣдующемъ же буду писать такъ, какъ изложено въ упомянутыхъ рукописяхъ».

Замѣчаніе это можетъ поставить втупикъ читателей непосвященныхъ, а иныхъ можетъ даже ввести въ заблужденіе, такъ какъ оно повторяется во многихъ послѣдующихъ изданіяхъ книги и все отъ имени «типографа», не смотря на то, что книга печаталась много разъ въ равныхъ городахъ и у разныхъ типографовъ. Является вопросъ: кто же этотъ новый участникъ въ составленіи жизнеописанія Бешта и изъ какихъ именно источниковъ черпалъ онъ свои свѣдѣнія? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо принять во вниманіе, что первое изданіе «Восхваленій Бешта» было напечатано въ Копысѣ, въ типографіи Израіля Яффы, и что этотъ Яффа находился въ близкихъ сношеніяхъ съ главою литовскихъ хасидовъ знаменитымъ Залманомъ Шнеерсономъ изъ мѣстечка Ляды, Могилевской губерніи. Этотъ-то ученый издатель-типографъ и былъ, повидимому, составителемъ и редакторомъ первой части «Восхваленій», занимающей около четырехъ листовъ книги и повѣствующей въ нѣкоторомъ хронологическомъ порядкѣ (хотя и безъ точнаго указанія датъ) о жизни Бешта отъ его рожденія до 36-ти-лѣтняго возраста, когда, по окончаніи своихъ «тайныхъ приготовленій», онъ сталъ дѣйствовать открыто. Участіе издателя въ составленіи книги выразилось въ томъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя «рукописью» (т. е. спискомъ съ сочиненія упомянутаго Довъ-Бера изъ Лицца) и расположенныя безъ всякаго порядка, онъ свѣрилъ съ рассказами о томъ же предметѣ, слышанными имъ самимъ или другими отъ Залмана Лядыйскаго, который былъ ученикомъ непосредственнаго Бештова преемника, такъ называемаго «Межеричскаго проповѣдника», — и первую половину жизни Бешта изложилъ систематически на основаніи провѣренныхъ имъ данныхъ. Эти провѣренные свѣдѣнія составляютъ весьма цѣнный біографическій мате-

ріалъ и отличаются гораздо большею степенью достовѣрности, чѣмъ всѣ прочія свѣдѣнія о жизни Бешта, взятая изъ другихъ источниковъ, ибо извѣстно, что Лядыйскій цаднкъ былъ чело-вѣкъ трезвый, правдивый и мало склонный къ чудесному. Изло-женіе этихъ свѣдѣній занимаетъ, какъ мы уже сказали, первые четыре листа «Восхваленій» (въ первыхъ изданіяхъ) и оканчи-вается замѣчаніемъ издателя, что доселѣ онъ слѣдовалъ преда-ніямъ, сообщеннымъ ему отъ имени «покойнаго учителя», а въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ будетъ точно держаться имѣющихся у него рукописныхъ данныхъ. Эти данные и составляютъ, такъ сказать, главный корпусъ книги. Они заключаютъ въ себѣ мно-жество разказовъ, слуховъ, и преданій о дѣяніяхъ Бешта, расположенныхъ въ крайнемъ безпорядкѣ, безъ всякихъ хроноло-гическихкихъ указаній, хотя всегда съ указаніями лицъ, отъ кото-рыхъ составитель получалъ свои свѣдѣнія.

На основаніи всего вышезложеннаго мы приходимъ къ слѣ-дующимъ заключеніямъ относительно происхожденія и состава пер-ваго догматическаго жизнеописанія Бешта: 1) Еще при жизни Бешта, въ особенности же послѣ его смерти, въ народѣ ходило много разныхъ слуховъ о чудесныхъ дѣяніяхъ основателя хасидизма; преданія эти переходили изъ устъ въ уста, и въ своей совокупности составля-ли устное *догматическое жизнеописаніе Бешта* *.—2) Многія изъ этихъ преданій записывались, и однимъ изъ самыхъ ревностныхъ собирателей ихъ былъ рѣзникъ Довъ-Беръ изъ Линца, который слышался многихъ подобныхъ разказовъ отъ тестя своего, бывшего секретаря или писца Бешта, а также отъ разныхъ дру-гихъ его приближенныхъ.—3) Изъ этихъ разказовъ составила-сь обширная коллекція, которая долго ходила по рукамъ въ спис-кахъ, но такъ какъ спросъ на такіе списки все болѣе увеличи-вался, то книгоиздатели Волыни и Литвы почти одновременно приступили къ печатанію этихъ «священныхъ писаній», какъ ихъ

---

* См. שו"ת הכנה"ל въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ указаны источники разказовъ, а также предисловіе къ этой книгѣ конясскаго издателя; ср. *Родлинсона*, в. с. стр. 10, прим. Были, повидному, и спеціальныя разказчики Бештовыхъ чудесъ, игравшіе въ хасидскихъ кружкахъ роль малороссійскихъ кобзарей. *

тогда называли *.—4) Первым издателем «писаний» был копсский типографъ, который проверилъ и проредактировалъ описание первой половины жизни Бешта на основаніи рассказовъ Залмана Шнеерсона, главы литовскихъ хасидовъ, и выпустилъ все это въ свѣтъ въ 1815 году, подъ заглавіемъ «Восхваленія Бешта» **.

И такъ, дошедшее до насъ жизнеописаніе Бешта есть произведеніе коллективное и чисто-народное. Оно не было сочинено однимъ лицомъ, но составлено изъ массы устныхъ преданій, распространенныхъ въ народѣ. Въ этой книгѣ помѣщено все существенное, что народная память сохранила и что народная фантазія сочинила о жизни и дѣяніяхъ основателя хасидизма. И вѣрующая толпа осватила эту книгу, какъ и ея героя. Для вѣрующихъ хасидовъ «Восхваленія Бешта» — то же, что рассказы корана для послѣдователей ислама: они представляютъ себѣ своего вѣручителя такъ, какъ онъ изображенъ въ этой книгѣ, они ни минуты не сомнѣваются въ достовѣрности сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

Одного этого обстоятельства уже достаточно для того, чтобы мы съ полнымъ вниманіемъ отнеслись къ разсматриваемому нами источнику, какъ къ историческому документу. Намъ, людямъ непредубѣжденнымъ и привыкшимъ критически относиться къ дѣлу, позволительно сомнѣваться въ полной достовѣрности этого документа, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ, не должны пренебрегать имъ. Какъ ни легендарны сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія, но они въ высшей степени характерны какъ для тѣхъ, кто ихъ сочинилъ, такъ и для тѣхъ, кто имъ безусловно вѣритъ. Какъ ни мнѣнченъ образъ Бешта, нарисованный въ «Восхваленіяхъ», но

* Въ печать пошла, однако, не вся коллекція, а лишь часть ея, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія сѣна собирателя.

** Невѣрность предположенія *Юста* (*Geschichte des Judenthums u. s. Secten*, III, 185), будто „Восхваленія Бешта“ были составлены въ 1780 г. зятемъ Бешта, уже указана Грецомъ (*Gesch.*, XI, 592), но мнѣніе послѣдняго, будто авторомъ книги былъ зять Бештова сподвижникъ, Якова-Иосифа Когена, также оказывается невѣрнымъ, ибо на заглавномъ листѣ старинныхъ изданій прямо указывается, что тестемъ автора былъ Александръ Шохетъ, писецъ Бешта. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ книги имя автора совершенно отсутствуетъ. — Мнѣніе Родкинсона, будто первая часть „Восхваленій“ написана копсскимъ издателемъ (н. с. стр. 13), не точно: послѣдній былъ только редакторомъ, но не авторомъ этой части книги.

этотъ образъ, а не иной, постоянно носится передъ вѣрующимъ хасидомъ, какъ идеалъ святости и величія. Во всѣхъ этихъ чудесныхъ сказаніяхъ, необыкновенныхъ легендахъ и преданіяхъ, есть малая доля правды и большая доля вымысла: первая важна, какъ матеріалъ для изображенія *дѣйствительнаго* Бешта, но и вторая также важна, ибо она даетъ намъ представленіе о Бештѣ *воображаемомъ*, о Бештѣ, какъ о продуктѣ народнаго творчества, которое отражаетъ въ себѣ какъ въ зеркалѣ и бытъ, и духъ, и характеръ народа въ извѣстный историческій моментъ.

Вообще если насъ спросятъ о той исторической цѣнности, которую мы придаемъ такого рода документамъ, мы отвѣтимъ словами одного замѣчательнаго мыслителя, которому также приходилось имѣть дѣло съ подобными документами. Вотъ какъ онъ ихъ характеризуетъ: «Это — не біографія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выдуманная легенда: это легендарная біографія. Историческая правда въ нихъ тѣсно связана съ стремленіемъ представить образцы добродѣтели. Неточность, свойственная всѣмъ произведеніямъ народнаго творчества, даетъ себя тутъ особенно чувствовать. Предположите, — продолжаетъ далѣе авторъ, — что лѣтъ десять-двадцать тому назадъ три или четыре старыхъ солдата временъ первой имперіи принялись бы каждый описывать жизнь Наполеона на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ рассказы изобиловали-бы многими ошибками и даже порядочными противорѣчіями. Одинъ поставилъ бы Ваграмъ ранѣ Маренго; другой, нимало не думая, брявнулъ бы, что Наполеонъ разогналъ изъ Тюльери правительство Робеспьера; третій опустилъ бы въ своемъ разсказѣ самую замѣчательную экспедицію. Но изъ всѣхъ этихъ наивныхъ разсказовъ несомнѣнно вытекало бы одно общее, заключающее въ себѣ большую долю правды: это — характеръ героя, впечатлѣніе, которое онъ производилъ въ окружающей его средѣ. Въ этомъ смыслѣ такая простая популярная исторія стоить, пожалуй, многихъ торжественныхъ, официальныхъ исторій» *.

Этому существенному назначенію народныхъ книгъ вполне удовлетворяетъ и то коллективное, народное произведеніе, кото-

---

* Венан.

рое носить имя «Восхваленія Бешта». Характеръ основателя хасидизма, типическія черты его личности, общій характеръ его дѣятельности, особенности современнаго ему быта и настроеніе окружавшей его среды — все это явственно выступаетъ, прорывается наружу изъ толстой вѣры невѣроятныхъ и подчасъ нелѣпныхъ легендъ, которыми обставлена жизнь Бешта въ его догматической біографіи. Это, конечно, необработанный, а главное — недостаточный матеріалъ, но, можетъ быть, съ помощью внимательнаго психологическаго анализа намъ удастся изъ этого матеріала извлечь данныя для критическаго жизнеописанія Бешта; можетъ быть, наконецъ, другіе, второстепенные источники придутъ къ намъ на помощь и хоть отчасти облегчатъ наше затруднительное положеніе.

«Восхваленія Бешта» составляютъ, такъ сказать, *канонизованную*, официальную біографію творца хасидизма, но имѣются и многіе другіе рассказы о жизни и дѣяніяхъ Бешта, рассказы позднѣйшаго происхожденія, которые по извѣстной аналогіи можно назвать *апокрифическими*. Таковы многочисленныя рассказы о Бештѣ, помѣщенные въ разныхъ «житіяхъ святыхъ» хасидскаго толка, принадлежащіе безыменнымъ авторамъ и неизвѣстно когда составленныя *. Сборники эти заключаютъ въ себѣ много устныхъ, ходячихъ въ народѣ преданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ, очевидно, есть немало сочиненнаго, выдуманнаго самими составителями. Мы не находимъ въ большей части этихъ рассказовъ той простоты, наивности, характерности, какія отличаютъ рассмотрѣнный выше прототипъ ихъ. Часто встрѣчаются длиннѣйшіе рассказы, чуть-ли не цѣлыя романы, поражающіе своею несообразностью. Вотъ почему нужно крайне осторожно пользоваться этими источниками и прибѣгать къ нимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ,

* Особенно популярностью пользуются между хасидами слѣдующія изъ такого рода книгъ: 1) ספרתנו: Собраніе рассказовъ объ учителѣ нашемъ святомъ Бештѣ, не приведенныхъ въ „Восхваленіяхъ Бешта“, а также рассказы о святыхъ его ученикахъ“. S. 1. (Львовъ?), 1866; 2) „ספרתנו שׁוׁרׁ: Собраніе неизданныхъ рассказовъ о дѣяніяхъ Бешта и его учениковъ, а также изреченія и поученія сихъ святыхъ“. Дембергъ (безъ обозначенія года); 3) ספרתנו שלמה „Дѣянія Бешта и его преемниковъ“, S. 1. et s. a. (Львовъ или Варшава, печать новѣйшая).

гдѣ данныя ихъ болѣе или менѣе вѣроятны или подтверждаются данными другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ.

Къ послѣднимъ можно причислить книгу, вышедшую впервые во Львовѣ, въ 1865 г., и принадлежащую перу одного изъ позднѣйшихъ хасидскихъ ученыхъ *. Въ этой книгѣ, озаглавленной «Систематическая исторія учениковъ Бешта», излагается исторія развитія хасидизма въ связи съ характеристикю важнѣйшихъ его представителей, начиная со времени Бешта и кончая приблизительно первой четвертью этого столѣтія. О каждомъ изъ такихъ представителей даются болѣе или менѣе точныя и вѣроятныя свѣдѣнія; нѣсколько такихъ свѣдѣній находимъ мы и о Бештѣ и смотримъ на нихъ какъ на коррективы къ упомянутымъ выше, менѣе достовѣрнымъ источникамъ **.

Самымъ лучшимъ мѣриломъ достовѣрности сообщаемыхъ въ догматическихъ источникахъ разсказовъ были бы *свидѣтельства современниковъ*, не принадлежавшихъ къ числу послѣдователей Бешта. Къ сожалѣнню, такихъ свидѣтельствъ очень мало. Скудная свѣдѣнія, встрѣчающіяся по этой части въ нѣкоторыхъ современныхъ раввинскихъ книгахъ, относятся болѣе къ хасидизму и его послѣдователямъ, нежели къ личности его творца. Только у Соломона Маймона въ «Автобіографіи» находимъ мы нѣкоторый косвенный матеріалъ: нѣсколько бытовыхъ картинъ, согла-

* שו"ת מלמד יתרו: Систематическая исторія учениковъ Бешта и учениковъ его преемниковъ, съ присовокупленіемъ библиографическаго указателя ихъ произведеній. Лембергъ, 1865. Имя автора не значится на книгѣ, но извѣстно, что она принадлежитъ извѣстному хасидскому ученому *Менделю Бодеху*. Авторъ пользовался по большей части устными источниками; но, повидимому, пользовался ими съ большимъ разборомъ, поскольку способенъ на такое критическое отношеніе къ дѣлу вѣрующей хасиды.

** Слѣдуетъ еще упомянуть и объ одной справочной книгѣ по исторіи хасидизма. Мы говоримъ о біографическомъ и библиографическомъ Лексиконѣ варшавскаго книготорговца *Арона Вальдена*: שם הגדולים (Варшава, 1864, двѣ части). Мы находимъ тутъ краткія отмѣтки о разныхъ представителяхъ хасидизма и объ ихъ книгахъ,—отмѣтки догматическаго характера (авторъ—глубоко вѣрующій хасидъ), которымъ нельзя отказать въ извѣстной степени достовѣрности, но которыя составлены безъ толку и безъ всякихъ хронологическихъ указавій, особенно важныхъ въ справочной книгѣ. Главное мѣсто въ нихъ занимаютъ вельрѣчные титулы и эпитеты упоминаемыхъ лицъ, и зачастую такими эпитетами и ограничиваются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ.

сующихся съ данными догматическихъ источниковъ, нѣсколько строкъ о личности Бешта и довольно обстоятельную характеристику его дѣятельности. Кроме того, до насъ дошли отрывки изъ рукописи одного современника Бешта, находящейся въ оксфордской бодлейанской библиотекѣ и заключающей въ себѣ хотя скудна, но, повидимому, точныя данныя о личности и дѣятельности Бешта *.

Приступая теперь, послѣ обстоятельной критики источниковъ, къ самому жизнеописанію Бешта, мы должны сказать слѣдующее относительно *способа изложенія*, котораго мы будемъ держаться: мы считаемъ своимъ долгомъ представить не только Бешта дѣйствительности, но въ извѣстной степени и Бешта легенды. Вотъ почему намъ придется соединить догматическое изложеніе съ критическимъ изслѣдованіемъ, насколько послѣднее возможно въ данной области. И, во избѣжаніе разныхъ возраженій, мы считаемъ нужнымъ заключить наши вступительныя критическія замѣчанія слѣдующими авторитетными словами упомянутого уже нами выше мыслителя: «Я просилъ бы тѣхъ, которые упрекнуть меня въ излишнемъ довѣрїи къ рассказамъ, по большей части легендарнымъ, принять во вниманіе... что преданія, даже самыя ошибочныя, заключаютъ въ себѣ долю правды, которою исторія не можетъ пренебрегать» **.

II. Дѣтство и отрочество Бешта (1698—1712).

Рожденіе Бешта. — Легенда о его отцѣ. — Сирота. — Хедерная жизнь. — Побѣги изъ хедера и уединеніе въ гѣсу. — «Бегельферъ». — Сторожъ въ синагогѣ. — Ночныя бдѣнія.

Израиль Бештъ родился около 1698 года, въ мѣстечкѣ Окупѣ,

* Рукопись эта озаглавлена *הקשר בין בני* и принадлежитъ перу польскаго раввина *Давида изъ Махова* (города Ломжинской губ.), который написалъ ее въ послѣдній годъ своей жизни, въ 1792 г. Существенныя выдержки изъ этой книги присланы оксфордскимъ профессоромъ Нейбауэромъ историкъ Грену, и послѣдній приводитъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ XI-му тому своей „Исторіи“ (Gesch., XI, 594, 596—606). Рукопись имѣетъ, повидимому, главнымъ своимъ предметомъ исторію борьбы раввиновъ съ хасидскою сектою въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но мимоходомъ тамъ сообщаются кой-какія свѣдѣнія о Бештѣ, основанныя на личныхъ воспоминаніяхъ автора.

** Репан.

стоявшемъ тогда на границѣ Польши и Валахіи *. Народная фантазія разукрасила этотъ первый моментъ въ жизни Бешта слѣдующею легендою, героями которой являются его родители. Послѣдніе жили близъ польско-валахской границы, гдѣ часто случались набѣги сосѣднихъ полудивныхъ татаръ, сопровождавшіеся грабежомъ и уводомъ плѣнныхъ. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ попался въ плѣнъ и отецъ Бешта, Эліезеръ; матери удалось спастись, но, лишившись мужа, она впала въ бѣдность и, какъ за средство къ жизни, принялась за ремесло повивальной бабки. Эліезеръ же былъ увезенъ въ какую-то далекую землю и проданъ въ рабство. Долгое время онъ вѣрно служилъ своему господину, который поэтому также обходился съ нимъ ласково и позволялъ ему по субботамъ не работать. Однажды господинъ Эліезера, имѣвшій сношенія съ великимъ визиремъ, желая угодить послѣднему, подарилъ ему своего любимаго раба. Эліезеръ и на новомъ мѣстѣ успѣлъ приобрести расположеніе господина, и визирь сдѣлалъ его сначала своимъ лейбъ-кнехтомъ, а потомъ, замѣтивъ необыкновенныя умственные способности своего раба, — и своимъ совѣтникомъ. Въ качествѣ необыкновенно умнаго совѣтника, визирь представляетъ Эліезера султану, которому нашъ гербъ также

---

* Годъ рожденія Бешта можно опредѣлить лишь приблизительно. Въ одномъ изъ его писемъ отъ 1750 г. есть указаніе, что у него былъ въ то время взрослый внукъ; на этомъ основаніи относить годъ рожденія самого Бешта приблизительно къ концу XVII вѣка. Грецъ выбираетъ 1698 г.; почему именно этотъ годъ — неизвѣстно. Въ качествѣ приблизительной даты слѣдовало бы поставить 1700 годъ, но въ виду того, что введенная Грецомъ дата приобрѣла уже нѣкоторое право гражданства въ исторіи, мы ее оставляемъ безъ измѣненія. Еще труднѣе рѣшить въ точности вопросъ о мѣстѣ рожденія Бешта. Изъ «Восхваленій» мы только узнаемъ, что его родители жили на границѣ Валахіи и Польши, и что 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ въ Окупѣ (1, а, и 2, b.); а такъ какъ намъ извѣстно отсюда же, что до 14-ти лѣтъ онъ нигде не выѣзжалъ изъ роднаго города, то есть основаніе думать, что онъ родился въ Окупѣ. Всѣ, доселѣ писавшіе о Бештѣ, совершенно игнорируютъ этотъ вопросъ, кромѣ Родкинсона, который прямо, безъ всякихъ объясненій пишетъ, что «Бештъ родился въ Окупѣ, который тогда былъ большимъ городомъ въ Польшѣ, а теперь есть маленькое мѣстечко, стоящее на границѣ Австріи и Россіи, въ двухъ верстахъ отъ Жванца, Подольской губерніи, а также въ нѣсколькихъ верстахъ отъ молдавской (румынской) границы» (בֵּשֶׁט׳ אֲבִי, стр. 7). Мы искали м. Окупа въ самыхъ подробныхъ ландкартахъ, но, къ сожалѣнію, не нашли.

оказываетъ какія-то важныя услуги, во время одной войны, за что султанъ приближаетъ его къ себѣ и даетъ ему въ жены дочь одного изъ своихъ вельможъ. Набожный Эліезеръ не поддается, однако, искушенію и отказывается отъ всякихъ сношеній съ навязанной ему женой. По настоянію послѣдней, онъ открываетъ ей, что онъ еврей, а потому не можетъ съ нею жить. Жена проникается жалостью къ нему, даетъ ему много денегъ и драгоценностей и совѣтуетъ ему бѣжать. Послѣ разныхъ приключеній на дорогѣ, гдѣ пираты отнимаютъ у него всѣ его деньги, Эліезеръ наконецъ возвращается на родину. Передъ возвращеніемъ явился ему въ видѣніи пророкъ Ілія и возвѣстилъ, что за всѣ, перенесенныя имъ бѣдствія Богъ вскорѣ подаритъ ему, доселѣ бездѣтному, сына, который долженъ быть названъ Израилемъ и который откроетъ очи Израилю, во исполненіе сказаннаго пророкомъ: «Израиль, имъ же хвалюсь». Предсказаніе, конечно, сбылось. Прибыль Эліезеръ домой, засталъ свою жену въ живыхъ, и вскорѣ затѣмъ, когда они уже оба были въ преклонномъ возрастѣ, родился у нихъ сынъ, котораго они, по завѣту Ілія, назвали Израилемъ*.

Изъ всей этой невѣроятной легенды можно сдѣлать только слѣдующіе вѣроятныя фактическіе выводы: что родители Бешта были люди бѣдные, отецъ—средней руки «ученый», мать—повивальная бабка, и что сынъ родился у нихъ въ пожилыхъ лѣтахъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Израіля, отецъ его умеръ. Передъ смертью онъ взялъ своего маленькаго сына на руки и сказалъ ему: «Мнѣ не суждено было вырастить и воспитать тебя, но всегда помни, дорогой сынъ, что съ тобою постоянно и вездѣ Богъ, а потому тебѣ нечего бояться». Эти слова утѣшенія, произнесенныя умирающимъ старикомъ, глубоко запади въ душу малютки—и впослѣдствіи онъ часто повторялъ ихъ, какъ свой девизъ**.

Вскорѣ послѣ того умерла, повидимому, и его мать—и Израиль остался круглымъ сиротой. Какъ всѣ сироты, онъ сдѣлался ни-

* Мы привели эту легенду въ сокращеніи. Подробно см. «Восхваленія Бешта», лист. 1, столбцы а, б, с. Легенда эта очень популярна среди хасидовъ. Ср. שרר הרות הרר, стр. 5.

** „Восхваленія“, 1, с. Родкинсонъ (н. с. стр. 11) приводитъ болѣе подробное завѣщаніе, вѣдое, повидимому, изъ собственнаго воображенія.

томцемъ благотворительныхъ общественныхъ учреждений. Къ мальчику относились съ особеннымъ вниманіемъ въ виду ученыхъ заслугъ его отца. Когда наступилъ школьный возрастъ, который тогда начинался очень рано, на пятомъ году отъ роду *, Израиля отдали на общественный счетъ въ традиціонную школу—хедеръ. Достаточно вспомнить, чѣмъ былъ хедеръ въ недавнемъ прошломъ, даже чѣмъ онъ является теперь во многихъ глухихъ уголкахъ «черты осѣдлости», чтобы представить себѣ болѣе или менѣе вѣрную картину хедерной жизни въ началѣ прошлаго столѣтія. Это было, конечно, нѣчто въ родѣ того, что описываетъ въ своей «Автобіографіи» Соломонъ Маймонъ: «Школа обыкновенно помѣщается въ маленькой дымной избѣ, а дѣти разсыяны на скамьяхъ и на голомъ полу. Учитель сидитъ на столѣ въ грязной рубахѣ, между ногами держитъ чашу, геркулесовой палкой третъ въ ней табакъ и въ то же время управляетъ своимъ полкомъ. Помощники его управляются со своими отдѣленіями въ углу и управляютъ своими подчиненными такъ же деспотически, какъ и учитель самъ» **. Хедерный учитель представлялъ собою, вѣроятно, типъ воспитателя, изображеннаго тѣмъ же писателемъ: «Онъ былъ пугаломъ для всѣхъ молодыхъ людей; попасть къ нему было наказаніемъ Божиимъ; онъ обращался съ своими подчиненными съ неслыханною жестокостью, съѣлъ розгами до крови за малѣйшій проступокъ, нерѣдко обрывалъ уши, выбивалъ глаза. И когда послѣ этого родители потерпѣвшихъ приходили къ нему и требовали объясненій, то онъ, не обращая вниманія на личность, бросалъ въ нихъ камнями и вообще всѣмъ, что попадалось ему подъ руку, и со своей палкою гнался за ними по улицѣ до самаго ихъ дома» ***. Можно себѣ представить, что долженъ былъ вынести въ такой школѣ бѣдный мальчикъ, сирота, лишенный всякаго заступничества. Натура крайне впечатлительная, склонная къ мечтательности и тихой сосредоточенности, Израиль долженъ былъ особенно сильно страдать отъ этихъ жестокихъ порядковъ. Онъ встрѣчалъ суровый взглядъ

* См. Автобіографію С. Маймона, „Евр. Библи“, I, стр. 199.

** Тамъ же, стр. 203.

*** Тамъ же.

тамъ, гдѣ ждалъ сострадательнаго, ласковаго взора; онъ слышалъ гнѣвныя рѣчи, испытывалъ нравственныя оскорбленія тамъ, гдѣ онъ, одинокій и несчастный, искалъ слова утѣшенія и одобренія, гдѣ жаждалъ привязанности, любви. Могло-ли его удовлетворить хедерное ученіе, могъ-ли онъ хоть въ немъ топить свое горе, сосредоточиться и забыться? Конечно, нѣтъ, ибо то было ученіе сухое, суровое, насильно вбиваемое въ дѣтскій умъ и вовсе не соответствующее духовнымъ потребностямъ обыкновеннаго ребенка, а такого впечатлительнаго ребенка, каковымъ былъ Израиль,— и подавно. Въ то время какъ ему хотѣлось грезить и мечтать, въ его ухахъ безпрестанно раздавались головомыныя казуистическія словопренія, которыя онъ самъ долженъ былъ долбить и усвоивать изъ-подъ палки, подъ опасеніемъ всякихъ пытокъ и физическихъ мукъ...

Горячая натура ребенка не могла вынести такого положенія,— и вотъ онъ сталъ убѣгать изъ школы. «Поучится нѣкоторое время въ хедерѣ, а потомъ вдругъ пропадетъ на нѣсколько дней. Ищутъ его—и находятъ въ лѣсу одинокимъ, сосредоточеннымъ» *. Мальчика, конечно, возвращали и силою водворяли въ хедерѣ, воздавая ему при этомъ должное за «самовольную отлучку». Но побѣги изъ хедера повторялись. Думали, что это объясняется сиротствомъ мальчика, отсутствіемъ постояннаго надзора, дикостью природы; за бѣглецомъ усилили надзоръ, застрашали всякаго рода наказаніями.—но не помогло и это. Такъ шло довольно долго, побѣги въ лѣсъ отъ времени до времени повторялись, пока наконецъ опекуны Израиля не убѣдились въ окончательной его неисправности. Бѣднаго мальчика исключили изъ школы и предоставили самому себѣ. Израиль могъ теперь уединяться въ лѣсу и мечтать сколько ему угодно. Что тянуло въ лѣсъ, въ уединеніе, этого обездоленнаго маленькаго человѣка? Внутреннее страданіе, нравственное одиночество среди равнодушной толпы, бессознательное влеченіе къ природѣ, къ мечтательной сосредоточенности? Несомнѣнно, что такая потребность была въ душѣ ребенка и что лѣсное уединеніе, какъ удовлетвореніе этой потреб-

* „Восхваленія“, 1, с.

ности, играло немалую роль въ нравственномъ воспитаніи нашего героя.

Но, предоставленный самому себѣ нравственно, Израиль былъ предоставленъ себѣ и матеріально. Въ виду его «дикости» и неблагодарности, общество, на счетъ котораго онъ до сихъ поръ воспитывался, отказало ему въ помощи. Пришлось самому позаботиться о кровѣ и кускѣ хлѣба. И вотъ маленькій Израиль, которому тогда могло быть лѣтъ 11—12, занимается *бегельферомъ*. «Бегельферъ»—типъ нынѣ уже отжившій, но когда-то игравшій важную роль. Это—дѣтскій компаньонъ, на обязанности котораго лежало водить маленькихъ дѣтей въ хедеръ и изъ хедера, сопровождать ихъ въ синагогу и тамъ причучать ихъ къ произношенію «аминъ» и короткихъ молитвъ. Не нашедши сочувствія въ старшихъ, Израиль горячо привязался къ маленькимъ дѣтямъ, которыя способны были платить бессознательною любовью за любовь; въ этой сферѣ вѣнности и простоты онъ чувствовалъ себя привольно. Ревностно и любовно исполнялъ онъ свою обязанность «бегельфера» и,водя дѣтей въ синагогу, громко читалъ съ ними молитвы, придумывая къ нимъ особенно трогательныя мелодіи. Самъ онъ любилъ молиться горячо, вкладывать въ молитву всю свою душу—и эту любовь старался внушить дѣтямъ*.

Спустя нѣкоторое время, мы видимъ уже Израиля на другой должности: онъ сдѣлался сторожемъ въ синагогѣ, чѣмъ-то въ родѣ младшаго синагогальнаго служки. Ему было тогда около тринадцати лѣтъ. И тутъ, повидимому, онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Молитва, часы уединенія, когда синагога пустѣетъ, жизнь среди священныхъ книгъ, въ жилищѣ божественнаго духа—все это должно было нравиться ему. Людямъ его поведение казалось страннымъ. Днемъ и вечеромъ, когда въ синагогѣ всѣ учились, онъ спалъ или чаще притворялся спящимъ; по ночамъ же, когда синагога пустѣла и завсегдатая ея спали, онъ бодрствовалъ и пламенно молился, или читалъ душеспасительныя книги; какъ только приближалось утро, онъ опять ложился спать, скрывая та-

---

* Ibid., d. Тутъ же приводится легенда о томъ, какъ сатана хотѣлъ однажды искутить Иераная и обратился въ колдуна, а затѣмъ въ какого-то звѣря, котораго Израиль убилъ палкою, страстно распѣвая слова молитвы.

кимъ образомъ отъ людей свои таинственныя ночныя бдѣнія *. Окружающіе смотрѣли на него, какъ на чудака или полуумнаго, но онъ продолжалъ идти своею дорогою.

III. Тайныя приготовленія и подвижничество (1712—1735 г.).

Открытіе тайныхъ рукописей.—Уединеніе вдвоемъ; изученіе практической каббалы.—Первая женитьба; смерть жены.—Бештъ переѣзжаетъ въ мѣстечко близъ Бродъ и дѣлается меламедомъ.—Третьейскій судья.—Женитьба на сестрѣ раввина Гершона Кутонера.—Удивленіе въ горахъ.—Бѣдственное матеріальное положеніе.—Жизнь въ корчмѣ; уединеніе въ лѣсу на берегу Прута.—Меламедство въ Глухѣ и бѣдность.—Открывается по достиженіи 36-ти лѣтъ отъ роду.

Что именно изучалъ юный Израиль во время своихъ ночныхъ бдѣній, какія книги читалъ, во что углублялся—обо всемъ этомъ легендарное жизнеописаніе молчитъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сообщаетъ намъ нѣсколько сказаній, ясно указывающихъ на то, что Израиль занимался каббалю, преимущественно практическою, и не только по книгамъ, но и по рѣдкимъ, не всѣмъ доступнымъ рукописямъ.

Вотъ что гласитъ легенда. Въ нѣкоторой землѣ жилъ святой человѣкъ, чудодѣй, по имени Адамъ. Этотъ человѣкъ обладалъ таинственными рукописями по каббалѣ, найденными имъ въ одной пещерѣ **. Передъ смертію было ему видѣніе во снѣ, чтобы онъ передалъ имѣющіяся у него рукописи отроку Израилю сыну Эліезера изъ города Окупа. И вотъ, умирая, онъ наказываетъ сыну взять тайныя рукописи, поѣхать въ Окупъ, розыскать тамъ 14-ти-лѣтняго отрока Израіля сына Эліезера и передать ему тайнымъ образомъ эти рукописи, ибо только для него онѣ и предназначены. Отецъ умираетъ—и сынъ спѣшитъ исполнить его послѣднюю волю. Онъ пріѣзжаетъ въ Окупъ и останавливается въ домѣ представителя общины, которому сообщаетъ, что согласно завѣщанію отца онъ желаетъ поселиться въ этомъ городѣ и обзавестись тутъ своимъ домомъ. Такъ какъ пріѣзжій былъ человѣкъ богатый, то ему сейчасъ же сосватали невѣсту, дочь мѣстнаго богача, и вскорѣ женили. Ос-

* Тамъ же.

** Описывается множество невѣроятныхъ, фантастическихъ разсказовъ о чудесныхъ подвигахъ Адама; любопытные найдутъ ихъ въ „Воскваленіяхъ“, 2, а, в.

воившись нѣсколько въ новой обстановѣ, молодой человѣкъ сталъ разыскивать Израиля, сына Элизера, которому онъ долженъ былъ тайно передать священныя рукописи,—и къ своему удивленію нашелъ въ городѣ только одного человѣка подъ этимъ именемъ—въ лицѣ юнаго сторожа синагоги, пользовавшагося въ городѣ весьма плохую репутаціей. Онъ сталъ наблюдать за Израилемъ и наконецъ убѣдился, что этотъ юноша на самомъ дѣлѣ далеко не такой, какимъ онъ кажется, что онъ скрываетъ въ душѣ какую-то глубокую тайну. Желая сблизиться съ нимъ, молодой человѣкъ, съ дозволенія богатаго тестя, устраиваетъ себѣ особую комнатку при синагогѣ, какъ бы для того, чтобы предаться тамъ наединѣ изученію талмуда, и нанимаетъ себѣ, въ качествѣ прислужника, бѣднаго синагогальнаго сторожа. Тутъ онъ начинаетъ болѣе пристально наблюдать за Израилемъ и, замѣтивъ нѣсколько разъ его ночныя бдѣнія и таинственное поведеніе, окончательно убѣждается, что имѣеть дѣло съ невѣдомымъ міру святымъ, которому предстоитъ играть большую роль. Молодые люди знакомятся—и зять богача передаетъ бѣдному сторожу связку священныя рукописей, причемъ проситъ его, если возможно, посвятить и его въ тайну ихъ содержанія. Израиль соглашается, но съ тѣмъ, чтобы тотъ никому объ этихъ занятіяхъ не говорилъ, и чтобы передъ людьми между ними были прежнія отношенія господина и слуги. Такъ они учились вмѣстѣ довольно долгое время по ночамъ, никѣмъ не замѣченные. Но такъ какъ жизнь синагогальная часто нарушала ихъ уединеніе и мѣшала имъ заниматься, то товарищъ Израиля нанялъ себѣ особый домикъ за городомъ и взялъ къ себѣ туда Израиля, въ качествѣ какъ-бы компаньона. Тутъ они еще ревностнѣе стали заниматься библіею, талмудомъ и каббалою. Въ рукописяхъ, переданныхъ Бешту,—говоритъ преданіе,—находилось много свѣдѣній по теоретической и практической каббалѣ, и человѣкъ, посвященный въ тайны послѣдней, могъ совершать чудеса*.

Если весь этотъ рассказъ имѣеть какое либо фактическое осно-

---

* О нѣкоторыхъ такихъ чудесахъ сообщаетъ легендарное жизнеописаніе, 2, с. Сущность рассказа передается также однимъ довольно достовернымъ источникомъ—упомянутой уже книгой Бодека שדר הדרות וקח, стр. 6.

ваніе, — а въ немъ по существу такъ много вѣроятнаго, что въ такомъ основаніи трудно ему отказать, — то очевидно, что Бештъ ревностно упражнялся въ это время въ практической каббалѣ и что рукописи, открывшія ему столь многое, заключали въ себѣ каббалистическія свѣдѣнія. Но какого именно рода были эти рукописи, кто былъ ихъ авторомъ и какъ попали онѣ къ юному отшельнику изъ Окупа? Мы позволимъ себѣ высказать на этотъ счетъ одно весьма вѣроятное предположеніе, которое, — если оно оправдается, можетъ пролить много свѣта на происхожденіе религіознаго ученія Бешта. Известно, что вслѣдствіе саббатіанскаго движенія и разныхъ ересей, возникшихъ на основаніи практической каббалы, раввины XVII вѣка строго воспретили, подь страхомъ отлученія отъ синагоги, печатать рукописныя сочиненія творцовъ этой каббалы, Лурія, Витала и многочисленныхъ учениковъ ихъ. Но такъ какъ спросъ на эти сочиненія былъ очень великъ, то они обращались въ народѣ въ разныхъ спискахъ, которые по своей рѣдкости покупались почитателями на вѣсь золота *. Самыя крупныя изъ такого рода сочиненій стали впервые печататься въ Польшѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, когда необыкновенное возрастаніе хасидской секты вызвало усиленный спросъ на нихъ и когда издатели уже не боялись удовлетворять этому спросу **. Но въ юности Бешта, въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка, когда саббатіанская ересь, съ быстротою и силою эпидеміи, распростра-

---

* Труды Лурія и его школы такъ и назывались: „כְּתָבֵי לִוְרִי“, т. е. „рукописями Исаака Лурія“. Еще въ 1745 г. знаменитый раввинъ Исаакъ Ландау писалъ: „Предшественники наши давно уже постановили, подь угрозой великаго херема, чтобы ни одной буквы изъ священныхъ писаній Исаака Лурія не появилось въ печати; нынѣ же слѣдовало бы вновь подтвердить это постановленіе“. Ср. דָּוִד בֶּנ־דָּוִד Давида Когона (печатано въ „Гашахарѣ“ 1874 г.), стр. 557, прим. 5; того же: אִבְרָהָם בֶּנ־יִצְחָק (Вѣна, 1873), стр. 52; биографическій и библиографическій лексиконъ *Азулаи* „אֲזוּלַי לְפָנֵי הַשֵּׁם“ sub vocibus „Исаакъ Лурія“ „Ханимъ Виталь“ и „Эцъ Ханимъ“.

** Главный конпендіумъ практической каббалы, сочиненіе „Эцъ Ханимъ“ (Древо жизни) Витала, напечатано было впервые въ волынскомъ городѣ Корецѣ въ 1785 г., т. е. спустя слишкомъ 200 лѣтъ послѣ того, какъ оно было написано. Въ Корецѣ же и въ другихъ польскихъ мѣстечкахъ печатались впервые многія другія писанія луріанской школы и каббалистическія творенія отлученнаго М. Х. Луцката. Ср. Бенякоба: Лексиконъ, в. ч. „אֲזוּלַי לְפָנֵי הַשֵּׁם“, и *razzim*.

нилась по всему еврейскому міру, вооружая противъ себя и противъ луріанской мистики цѣлыя полчища раввиновъ, — въ это время не только не могло быть рѣчи о печатаніи сочиненій практическихъ каббалистовъ, но даже самыя рукописи такихъ сочиненій находились въ опалѣ, и обладатели такихъ рукописей должны были прятать ихъ, изъ опасенія быть заподозрѣнными въ саббатіанской ереси. Весьма возможно поэтому, что нѣкоторые изъ такихъ рѣдкихъ рукописей попали въ руки юнаго Израиля въ тотъ именно моментъ, когда онъ былъ уже нѣсколько подготовленъ къ ихъ пониманію, и что по своей склонности къ чудесному онъ узрѣлъ въ этомъ случаѣ особый перстъ Божій, указующій ему его призваніе. Въ такомъ смыслѣ онъ, повидимому, самъ объ этомъ впоследствии рассказывалъ, а еще позже, въ устахъ его послѣдователей, рассказъ этотъ разросся въ цѣлую легенду.

Сколько именно продолжались занятія Израиля каббалою въ загородномъ домикѣ, въ уединенія à deux съ товарищемъ, — объ этомъ мы не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ. Мы знаемъ только, что они продолжались довольно долго и что, благодаря имъ, нѣсколько измѣнилась репутація Израиля въ городѣ. Хотя никто еще не подозрѣвалъ, какія вещи творятся въ таинственномъ загородномъ домикѣ, однако, самый фактъ близости бѣднаго синагогальнаго сторожа къ зятю перваго богача внушалъ нѣкоторое уваженіе къ забытому юношѣ-чудаку: видѣли, что онъ изучаетъ талмудъ вмѣстѣ со своимъ «господиномъ», и полагали, что онъ образумился, сдѣлался степеньѣе, а потому пора его и женить, ибо по тогдашнимъ понятіямъ считалось большимъ грѣхомъ быть холостякомъ въ 17—18 лѣтъ. За невѣстою дѣло не стало: живо отыскали добрые люди подходящую особу и сочтали ее бракомъ съ Израилемъ. Недолго, однако, суждено было Израилю жить съ этою женою: вскорѣ послѣ свадьбы она заболѣла и умерла *.

Между тѣмъ подходилъ конецъ и каббалистическимъ занятіямъ Израиля въ загородномъ домикѣ. Преданіе рассказываетъ, что въ послѣднее время товарищъ Израиля, не довольствуясь теоретическими занятіями, упросилъ послѣдняго показать ему нѣкоторые каббалистическіе опыты, на что Израиль согласился. Сначала дѣло

* «Восхваленія», 2, с.

шло довольно хорошо, но потомъ совершили они одинъ очень трудный опытъ, который для Израиля прошелъ безвредно, но стоилъ жизни его непосвященному товарищу *. Лишившись, такимъ образомъ, и жены, и товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальной помощи, которую послѣдній ему оказывалъ, Израиль рѣшился оставить родной городъ и искать счастья гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Ему было тогда приблизительно лѣтъ 20 отъ роду. Онъ направился въ большой галиційскій городъ Броды и поселился неподалеку отъ города въ какомъ-то мѣстечкѣ. Здѣсь онъ взялся за ремесло, за которое берутся всѣ неудачники, не находящіе своего призванія: онъ сдѣлался учителемъ знѣшества—«меламедомъ». Надо полагать, что онъ не былъ изъ числа крупныхъ меламедовъ, въ школахъ которыхъ проходитъ высшій курсъ талмуда, такъ какъ по всѣмъ видимостямъ самъ Бештъ не былъ особенный дока въ талмудѣ **. Вѣроятно, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ меламедовъ, которые обучаютъ начинающихъ дѣтей чтенію, молитвамъ и переводу Пятикнижія. Не смотря на это скромное положеніе, онъ вскорѣ приобрѣлъ въ новомъ своемъ мѣстожительствѣ всеобщее расположеніе: кротость его нрава, честность и извѣстная житейская мудрость, приобретаемая часто безродными, заброшенными людьми, привлекли къ нему вниманіе окружающихъ. И часто случалось, что въ разныхъ тяжбахъ и препирательствахъ его выбирали третейскимъ судьей, какъ человека безпристрастнаго, мягкаго и не склоннаго къ рѣзкимъ рѣшеніямъ. Разъ какъ-то случилось, что въ числѣ тяжущихся былъ отецъ извѣстнаго бродскаго раввина Герсона Кутонера ***, Авраамъ. Мудрое рѣшеніе, постановленное Бештомъ по его дѣлу, такъ понравилось ему, что онъ разговорился съ молодымъ человекомъ о вопросахъ духовныхъ, ближе познакомился съ нимъ и, узнавъ что онъ вдовъ, предло-

* Подробности см. тамъ же, d.

** Хотя биографъ его (ibid.) утверждаетъ, что онъ былъ „очень ученый“, однако, мы имѣемъ основаніе думать иначе, что въ своемъ мѣстѣ докажемъ.

*** Гершонъ Кутонеръ (изъ города Кутова въ Галиціи) былъ однимъ изъ раввиновъ въ Бродахъ и пользовался большою извѣстностью, какъ талмудистъ и каббалистъ. Современные ему авторитетные раввины отзываются о немъ съ большимъ уваженіемъ. Въ концѣ своей жизни, приблизительно въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ переселился въ Палестину. Ср. *שם* *שמ*, стр. 500, прим. 6, и *מש* *שמ*, стр. 18, прим. 13.

жилъ ему въ спутницы жизни свою дочь, разведенную съ первымъ мужемъ. Преданіе говоритъ, что Авраамъ духомъ прозрѣлъ великую миссію Бешта и потому хотѣлъ породниться съ нимъ. Израиль согласился, но съ тѣмъ, чтобы бракъ былъ отложенъ на неопредѣленное время и чтобы о самихъ условіяхъ брака, которыя они тутъ же заключили между собою письменно, никто не зналъ до поры до времени. Вскорѣ послѣ того, Авраамъ, возвращаясь домой въ Броды, на дорогѣ заболѣлъ и скончался. Сынъ его, бродскій раввинъ, разбирая спустя нѣсколько дней бумаги покойнаго отца, нашелъ въ нихъ письменное условіе предстоящаго брака между его сестрою и нѣкимъ Израилемъ; удивленный такимъ неожиданнымъ документомъ, онъ сообщаетъ объ этомъ сестрѣ, но и та ничего не знаетъ,—и оба рѣшаютъ, что, вѣроятно, покойный отецъ выбралъ своей дочери кого нибудь въ мужа, но вслѣдствіе внезапной смерти не успѣлъ объ этомъ сообщить. Проходитъ нѣкоторое время—и вотъ въ одно прекрасное утро является въ домъ бродскаго раввина, Гершона Кутонера, человѣкъ съ очень простою наружностью, въ коротенькомъ тулупѣ, опоясанномъ широкимъ ремнемъ, и по своей фигурѣ напоминающій грубоватаго деревенскаго еврея. Человѣкъ этотъ вынимаетъ изъ кармана бумагу, подписанную покойнымъ Авраамомъ Кутонеромъ и заключающую въ себѣ предварительныя условія брака между дочерью подписавшаго и Израилемъ, сыномъ Эліезера. «Я—Израиль,—заявляетъ таинственный незнакомецъ раввину,—и теперь явился за тою, которая назначена быть моею женою». Раввинъ былъ пораженъ видомъ этого человѣка: онъ не ожидалъ, чтобы покойный отецъ выбралъ себѣ зятемъ такого «простака», какимъ казался ему Бештъ. Онъ призываетъ сестру и передаетъ ей печальную вѣсть. Сестра, послѣ нѣ котораго раздумья, отвѣчаетъ, что такъ какъ такова была послѣдняя воля ея покойнаго отца, то она считаетъ грѣхомъ противиться ей, и поэтому должна выйти за Израйля. Много скорбѣлъ гордый раввинъ о томъ, что ему приходится породниться съ такимъ плебеємъ и невѣждою (Бештъ нарочно прикидывался и тѣмъ и другимъ, какъ можетъ понять читатель), но дѣлать было нечего; пришлось согласиться и назначить день свадьбы. Предъ свадьбою Бештъ наединѣ объясняется со своею будущей женою и открывается ей виолифъ; взявъ съ нея

обѣщаніе никому ничего не говорить, онъ открываетъ ей свои тайныя стремленія, и спрашиваетъ ее, согласна ли она стать его женою, не смотря на то, что ей съ нимъ придется жить очень бѣдно. Женщина согласилась—и вскорѣ бракъ состоялся *.

Бродскій раввинъ никакъ, однако, не могъ примириться съ мыслию, чтобы шуринъ его былъ такой «амъ гаарецъ» и невѣжда, роняющій его честь въ глазахъ общества. Сначала онъ пытался пріохотить Израиля къ изученію талмуда, пробовалъ заниматься вмѣстѣ съ нимъ, но нашъ герой, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго нерасположенія къ раввинской мудрости, отчасти же вслѣдствіе зарока «скриваться» до поры до времени и не выдавать своихъ завѣтныхъ стремленій, оказался самымъ неспособнымъ ученикомъ. Тогда рабби Гершонъ обратился къ сестрѣ и предложилъ ей слѣдующую альтернативу: или развестись съ недостойнымъ мужемъ, или удалиться вмѣстѣ съ нимъ изъ Бродъ. На первое она, конечно, не хотѣла согласиться, но изъявила согласіе на отбѣздъ. Услужливый раввинъ купилъ для нихъ на свои деньги лошадь—и бѣдная чета пустилась въ путь, чтобы искать новаго мѣстожительства.

Послѣ долгихъ странствій, они поселились въ какой-то мѣстности—повидимому, въ деревнѣ—между городами *Кутовомъ* и *Касовомъ*, въ Галиціи **. Собственно жила въ деревнѣ постоянно только жена Бешта; самъ же онъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ жилъ пустынною среди высокихъ горъ, находящихся въ окрестностяхъ. Такъ какъ у бѣдныхъ супруговъ не было никакихъ средствъ къ существованію, то они рѣшились утилизировать единственное свое имущество — лошадь и повозку, подаренныя имъ раввиномъ. Раза два-три въ недѣлю бѣдная женщина запрягала лошадь въ повозку и отправлялась къ мужу въ горы; тутъ онъ копалъ и взваливалъ на возъ глину, а она возила эту глину въ городъ, продавала ее и на вырученныя деньги кое-какъ жила. Самъ Бештъ почти ни въ чемъ не нуждался, ибо по большей части постился, а когда ѣлъ, то употреблялъ въ пищу одинъ толь-

* „Восхваленія“, 3, а.

** Въ „Восхваленіяхъ“ не указывается въ точности эта мѣстность, но въ другомъ источникѣ имѣется указаніе на этотъ счетъ. См. *לחן חסידים*, стр. 6; ср. также *Родкинсона*, в. с. стр. 21.

во хлѣбъ, который онъ изготовлялъ самъ, помѣщая въ особенной ямѣ противъ солнца мѣсиво изъ воды и муки и предоставляя солнечной теплотѣ испечь изъ этого хлѣбъ.

Чтобы получить понятие о томъ, въ какомъ уголкѣ природы основатель хасидизма провелъ многіе лучшіе годы своей жизни, мы заимствуемъ изъ сочиненія одного современнаго географа общее описаніе интересующей насъ мѣстности. «Здѣсь (т. е. въ части Галиціи, примыкающей къ Буковинѣ),—говоритъ этотъ географъ,—Карпаты являются во всемъ своемъ величіи, съ ихъ обрывами и крутизнами, съ ихъ зеленѣющими пажитями и густыми лѣсами, составляющими рѣзкій контрастъ съ голою вершиною скалъ и бѣлыми полосами снѣга, который цѣлый годъ лежитъ на отлогостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу... Самое грандіозное зрѣлище въ этой системѣ горъ представляютъ восточные Карпаты, гдѣ склоны еще большею частью покрыты громадными лѣсами, изъ которыхъ тамъ и самъ выступаютъ бѣлыя стѣны скалъ. Буковина, въ гористой ея области, все еще заслуживаетъ свое славянское названіе, означающее «страну буковъ»... Дно долинъ, вдоль бѣгущихъ по нимъ рѣчекъ и ручьевъ, занято лугами и нивами, тогда какъ возвышенности по большей части покрыты еще густыми лѣсами, которые во многихъ округахъ до сихъ поръ сохранили свою первобытную красоту. Говорятъ, что Пустельницкій боръ, между Бродами и Жолкіевомъ, есть самый величественный изъ сосновыхъ лѣсовъ Европы» *.

✧ Въ этомъ дивномъ уголку земли, который лѣтъ полтораста тому назадъ былъ, конечно, дѣвственнѣе и грандіознѣе, чѣмъ нынѣ; въ этой чудной мѣстности, среди высокихъ горъ, глубокихъ долинъ и густыхъ, первобытныхъ лѣсовъ — жилъ тихою, соверцательною жизнью Израиль Бештъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, забытымъ среди людей, но здѣсь—едва-ли. Онъ, свѣкшійся съ ранняго дѣтства съ мыслью, что Богъ—единственный его защитникъ, какъ «отецъ сиротъ», постоянно сосредоточивая всѣ свои помыслы на Высшемъ Существѣ, къ которому чувствовалъ нѣчто въ родѣ горячей сыновней любви, — онъ не могъ чувствовать себя одинокимъ на лонѣ природы. Для него именно здѣсь присутствіе

* *Рекля.* Всеобщая географія, т. III, стр. 327. (Русскій переводъ, изд. Ильина, Спб. 1878 г.).

Божіе казалось болѣе очевиднымъ, нежели въ шумѣ городовъ, на базарѣ житейской суеты. Тамъ, гдѣ умолкалъ голосъ человѣческой, громко звучалъ въ его ухахъ могучій голосъ Бога. Онъ видѣлъ Его въ нѣмыхъ очертаніяхъ горныхъ громадъ и таинственныхъ долинъ, онъ слышалъ Его дыханіе въ шопотѣ лѣса, въ ростѣ травъ, въ шумѣ ручейка, журчавшаго на днѣ глубокой долины. То, что поэтъ воплотилъ-бы въ красивые образы нимфъ, дріадъ и горныхъ духовъ; то, что философъ выразилъ бы въ грандіозныхъ словахъ: «міровое движеніе, міровая жизнь, великое непознаваемое»,—все это онъ, человѣкъ пламенной вѣры, сосредоточилъ въ личности Бога, которымъ одухотворилъ все окружающее, котораго присутствіе ощущалъ вездѣ... И вотъ начало того восторженнаго, доведеннаго до крайности, *религіознаго пантеизма*, который составляетъ одну изъ существенныхъ чертъ выработаннаго впоследствии ученія Бешта. «Вся земля полна Богомъ!»—вотъ девизъ этого ученія. И человѣкъ, выработавшій такое міросоверпаніе, не только понималъ, но *чувствовалъ* или, точнѣе, *прочувствовалъ* его во всемъ его объемѣ, ибо оно было для него одновременно источникомъ познанія и источникомъ утѣшенія. ✕

Доходили-ли до Бешта, въ глушь его уединенія, отголоски изъ жизни общественной? Зналъ-ли онъ о тѣхъ мистическихъ движеніяхъ, которыя происходили въ духовной жизни польскихъ евреевъ въ тѣ годы, когда онъ, одинокій бродилъ по склонамъ и ущельямъ Карпатовъ? Вѣроятно, зналъ, ибо то время было слишкомъ смутное и необыкновенное. Тайная саббатіанская ересь все болѣе распространялась въ Подоли и Галиціи, переходя то въ крайнее религиозное отшельничество, то въ восторженную разнузданность. Изъ «Введенія» мы уже знаемъ, что въ 1722 г. объявленъ былъ первый, а въ 1725 г.—второй херемъ противъ тайныхъ саббатіанцевъ въ Подлшѣ. Высказывать открыто свои убѣжденія, хотя и не еретическія, но имѣющія какое либо отношеніе къ кабалѣ и мистицизму, стало тогда небезопаснымъ. Весьма возможно, поэтому, что и Бештъ во избѣжаніе подозрѣній, принужденъ былъ въ то время—въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда и происходило его уединеніе—скрывать свои завѣтныя убѣжденія, которыя хотя и не заключали въ себѣ ничего саббатіанскаго, но могли быть заподозрѣнными въ ереси, вслѣдствіе своего мистическаго характера.

И тутъ то, можетъ быть, кроется причина тѣхъ долгихъ тайныхъ приготовленій и многолѣтней уединенной жизни, которыя предшествовали открытой дѣятельности Бешта.

Въ этотъ моментъ своей жизни, Бештъ, повидному, былъ еще въ значительной степени приверженцемъ луріанской каббалы, — той каббалы, принципы которой онъ впоследствии совершенно измѣнилъ. Мы видѣли, что въ своемъ уединеніи онъ много постился и умерщвлялъ свою плоть. Подобно Магомету въ его приготовительный періодъ, онъ жилъ въ глубокой пещерѣ, находившейся въ горныхъ ущельяхъ. Ежедневно онъ совершалъ омовенія въ озерѣ, къ которому прилежала его пещера. «И пещера, и озеро, — говоритъ новѣйшій его биографъ, житель Галиціи, — донныѣ удѣляли, и всякій прохожій можетъ ихъ видѣть» *.

Преданіе говоритъ, что такой образъ жизни велъ Бештъ въ продолженіе семи лѣтъ **. Надо, конечно, полагать, что не непрерывно жилъ онъ въ уединеніи, въ своемъ горномъ ущельи, но часто прѣзжалъ домой, въ деревню, гдѣ жила его жена. Матеріальное положеніе ихъ было, повидному, очень бѣдственное, такъ какъ тяжелое ремесло глинокопа едва-ли могло удовлетворять даже ихъ скромнымъ насущнымъ потребностямъ. Наконецъ, когда уже не втерпѣжъ стала имъ эта безпріютная жизнь, они покинули свою деревню и отправились въ Броды, чтобы просить поддержки у своего брата и шурина, который такъ безжалостно, изъ мелкаго тщеславія, выжилъ ихъ изъ своего города. Суровый раввинъ встрѣтилъ ихъ сначала очень непривѣтливо, но услышавъ отъ сестры печальную повѣсть объ ихъ долгихъ бѣдствіяхъ и скитаніяхъ, съжалился надъ ними и поселилъ сестру въ скромномъ домикѣ, рядомъ съ своимъ жилищемъ, а Бешта взялъ къ себѣ въ качествѣ служителя. Но Бештъ и въ этой роли оказался совершенно негоднымъ. Чтобы хоть какъ-нибудь обезпечить сестру и виѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ при-

* לוררר לרר מ. בודעא, стр. 6.

** „Восхваленія“, 3, d. Какъ на любопытную историческую параллель, можно указать на то, что объ извѣстномъ творцѣ практической каббалы, Исаакѣ Лурье, жившемъ за полтора вѣка до Бешта, преданіе также рассказываетъ, что онъ уединялся сначала въ продолженіе семи лѣтъ. Ср. אהרן אבן שמש, стр. 3 (варшав. изд. 1875 г.).

существовiя вѣтя, рабби Гершонъ взялъ для нихъ въ аренду небольшую корчму съ постояннымъ дворомъ, неподалеку отъ Кутова, по теченiю рѣки Прута. Израиль съ женою поселились въ корчмѣ, и зажили новою жизнью.

Продолжительнымъ уединенiемъ въ горахъ Бештъ, повидимому, считалъ себя уже значительно приготовленнымъ къ своей будущей роли. Теперь надлежало лишь довершить эти приготовления, достигнуть еще большаго духовнаго совершенства, пока не настанетъ время выступить открыто. Поселившись въ корчмѣ, Бештъ устроился слѣдующимъ образомъ. Семейство свое * онъ водворилъ въ самой корчмѣ, гдѣ жена его хозяйничала, продавала водку, принимала заѣзжихъ, словомъ исполняла всѣ обязанности хозяйки постоялаго двора и шинка. Самъ же онъ построилъ себѣ особый домикъ въ близлежащемъ лѣсу, на самомъ берегу рѣки Прута, и въ этомъ новомъ уединенiи проводилъ въ молитвѣ, изученiи каббалы и ночныхъ бдѣнiяхъ большую часть своего времени **. Домой въ корчму являлся онъ только по субботамъ и по праздникамъ, а верѣдею также и въ будни, когда жена посылала за нимъ, чтобы прислуживать заѣзжимъ постояльцамъ. Въ такихъ случаяхъ, онъ исполнялъ всякiя работы и приказанiя, какъ настоящiй корчмарь, и ничѣмъ не выдавалъ своихъ завѣтныхъ стремленiй. Дѣла шли у него въ это время довольно хорошо, онъ порядочно зарабатывалъ отъ своего шинка и постоялаго двора, и семейство его жило не въ нуждѣ. Самъ Бештъ по буднямъ соблюдалъ величайшее воздержанiе, забирая съ собою въ лѣсной домикъ одну булку хлѣба на всю недѣлю; но за то по субботамъ и праздникамъ онъ одѣвался въ бѣлое платье и, возсѣдая во главѣ своей семьи, проводилъ время весело, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Во время большахъ осеннихъ праздни-

* Въ легендарномъ жизнеописанiи ничего не говорится о дѣтихъ Бешты въ это время, а между тѣмъ онъ уже тогда несомнѣнно имѣлъ дѣтей, сына и дочь, о коихъ говорится въ прочихъ мѣстахъ той же книги, а также въ *דבר ה' ודבר ה' ודבר ה'* стр. 6—7; ср. также Лексиконъ Вальдена *sub voce*.

** Еще одно любопытное сравненiе: объ Исаакѣ Лурье преданiе также рассказываетъ, что въ позднѣйшие годы онъ жилъ въ уединенiи въ одномъ домикѣ, построенномъ на берегу рѣки Нила, въ Египтѣ. Немножко возникаетъ мысль, что въ известное время своей жизни Бештъ считалъ основателя практической каббалы своимъ идеаломъ и старался ему подражать.

ковъ онъ жиѣ въ городѣ (повидимому, въ Кутовѣ) цѣлый мѣсяцъ *.

Какъ ни тщательно скрывалъ Бештъ отъ людей свои религіозныя стремленія, однако, случалось ему не разъ невольно выдавать себя. Такъ, однажды заѣхалъ къ нему въ корчму раввинъ, котораго случайныя обстоятельства задержали на постояломъ дворѣ нѣсколько дней. Сначала раввинъ обращался съ Бештомъ, какъ съ простымъ слугою; но когда настала суббота и гость замѣтилъ необычайно торжественное настроеніе Бешта, онъ сталъ слѣдить за нимъ и убѣдился, что имѣетъ дѣло не съ деревенскимъ невѣждою, а съ человѣкомъ, извѣдавшимъ всю глубину тайной мудрости. Наконецъ, послѣ долгихъ увертокъ, Бештъ вынужденъ былъ открыться гостю, но взялъ съ него клятву никому пока объ этомъ не говорить, ибо время открыться людямъ еще не настало.

Прежде, однако, чѣмъ Бештъ сталъ дѣйствовать открыто, ему пришлось еще разъ испытать непостоянство фортуны. Вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, онъ лишился своей корчемной аренды и вмѣстѣ съ нею своего кратковременнаго благосостоянія. Относительно слѣдующаго періода его жизни существуютъ двѣ версіи, приводимыя въ жизнеописаніи, какъ преданія, почерпнутыя изъ двухъ разныхъ источниковъ. Одинъ разсказъ гласитъ, будто послѣ того какъ онъ открылся гостю-раввину, его самого пригласили занять должность духовнаго пастыря въ одномъ близкомъ городѣ (въ Тлустѣ?). на что онъ и согласился. Согласно другому же разсказу, обстоятельства сложились вовсе не такъ благоприятно для Бешта, и ему пришлось пережить еще немало испытаній прежде, чѣмъ онъ достигъ своей громкой репутаціи вѣроучителя и Чудодѣя. Въ виду того, что разсказъ во второй версіи идетъ изъ источника, весьма близкаго къ Бешту (авторъ жизнеописанія слышалъ его отъ своего тестя, который вскорѣ послѣ описываемаго времени сблизился съ Бештомъ и сталъ у него писцомъ), да и самъ по себѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, то мы болѣе склонны соображаться въ своемъ повѣствованіи съ его данными.

И такъ, согласно этому разсказу, Бештъ, лишившись своей

* Въ „Восхваленіяхъ“ разсказъ о жизни Бешта въ корчмѣ изложенъ въ двухъ вариантахъ (3, d и 4, d), мало, впрочемъ, разнящихся другъ отъ друга. Мы выбрали наиболѣе достоверныя изъ того и другого, опустивъ массу нецѣльныхъ къ дѣлу легендъ.

корчмы, напаялся сначала домашнимъ учителемъ въ домѣ одного деревенскаго арендатора, дѣтей котораго обучалъ талмуду. Послѣ того онъ поселился въ маленькомъ галиційскомъ городѣ *Тлустъ* и тамъ взялся за свою старую профессію мелаеда. Профессія эта кормила его, повидимому, очень плохо, и преданіе намъ рассказываетъ, что онъ былъ до того бѣденъ, что «пальцы ногъ торчали у него постоянно изъ дырявыхъ сапогъ»*. Жилъ онъ среди людей по прежнему чудакомъ, молился большею частью наединѣ и съ необыкновеннымъ экстазомъ, совершалъ частыя омовенія передъ молитвою, даже въ морозные зимніе дни, и т. п. Мало по малу люди стали угадывать тайные мотивы его поступковъ, да и онъ самъ становился менѣе скрытенъ. Многіе узрѣли въ немъ истинно святаго человѣка, способнаго творить чудеса. Нѣсколько разъ къ его помощи прибѣгали больные съ просьбою объ излеченіи, но онъ отказывался лечить, ибо, какъ гласитъ преданіе, до 36-ти лѣтняго возраста запрещено было ему свыше «открыться міру». Но вотъ въ одно прекрасное утро Бештъ сосчиталъ свои лѣта и нашелъ, что ему уже минуло ровно 36 лѣтъ отъ роду. Тогда онъ оставилъ учительство и выступилъ открыто въ качествѣ религіознаго проповѣдника и чудодѣя. Конечно, фактически вѣроятнѣе будетъ, что онъ сосчиталъ свои лѣта не до, а послѣ своего «открытія», и что, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, случайный фактъ возведенъ былъ впоследствии на степень факта необходимаго, предвѣщаннаго **.

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Ibid. 5, а.

** Основывался на преданіи, Израилю Бешту было 36 лѣтъ, когда онъ открылся; слѣдовательно, это событіе слѣдуетъ отнести приблизительно къ 1735 г. Такимъ образомъ открытая дѣятельность Бешта продолжалась отъ 1735 до его смерти въ 1760 г. Напрасно, поэтому, Грець обвиняетъ въ «неточности» Юста, утверждающаго, что Бештъ дѣйствовалъ приблизительно между 1790 и 1760 годами: дата, предлагаемая Грецомъ (1747—59 г.), слишкомъ коротка и основана на документѣ, ничего подобнаго не доказывающемъ. Ср. Geschichte, XI, 597. Роджисонъ (в. с., стр. 26) ставитъ началомъ открытой дѣятельности Бешта 1732 г. вслѣдствіе недосмотра: онъ ошибочно пишетъ, будто Бештъ открылся, когда ему было 33 года отъ роду. Впрочемъ, совершенно точной даты никто не можетъ установить на основаніи имѣющихся данныхъ.

ЖИВОЕ ДѢЛО.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Маркъ Борисовичъ Прагеръ былъ уроженцемъ большого южнорусскаго города О., гдѣ выросъ въ весьма зажиточной еврейской семьѣ средняго круга. Отецъ его, Барухъ Прагеръ, былъ значительнымъ комиссіонеромъ, получавшимъ отъ своихъ комитентовъ-помѣщиковъ пшеницу, рожь и другіе зерновые продукты для продажи мѣстнымъ экспортерамъ, вывозившимъ русскій хлѣбъ за границу. Семья жила въ довольствѣ, даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Жена Баруха не имѣла недостатка ни въ шелковыхъ платьяхъ, ни въ брилліантовыхъ серьгахъ и кольцахъ, сыновья воспитывались въ гимназіи, дочери въ пансіонахъ. Самъ Барухъ одѣвался изысканно, нанималъ удобную, хотя и не очень роскошную, квартиру, лѣтомъ жилъ на дачѣ, держалъ крытыя дрожки и пару лошадей, по субботамъ бралъ для семьи ложу въ итальянской оперѣ и разъ въ недѣлю устраивалъ у себя дома вечера съ картами. Словомъ Прагеры, избѣгая большой роскоши и не задавая шику, умѣли устроить свою жизнь комфортно, пріятно и спокойно.

У Баруха, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ семейной жизни все шло благополучно. Онъ выработывалъ ежегодно до пятнадцати тысячъ рублей. Тысячъ десять проживали, а остальные шли на сбереженіе. Жена Баруха была добрая и довольно неглупая женщина. Дѣтьми онъ по справедливости гордился. Онъ далъ имъ превосходное образованіе и нѣкоторыхъ весьма удачно уже пристроилъ.

Старшій сынъ, Маркъ, окончилъ гимназію съ золотой медалью, потомъ поступилъ на юридическій факультетъ и по окончаніи его былъ награжденъ кандидатскою степенью за весьма талантливо написанную диссертацию. По выходѣ изъ университета онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, очень бѣдной, въ которую былъ влюбленъ еще студентомъ. Хотя Барухъ зналъ цѣну деньгамъ и очень не прочь былъ отъ того, чтобы сынъ взялъ богатое приданое, но такъ какъ онъ прежде всего желалъ счастья Марку и невѣста была къ тому же изъ хорошаго дома, то скоро утѣшился и полюбилъ свою невѣстку какъ родную дочь. Такою же привязанностью пользовалась молодая женщина со стороны всѣхъ членовъ семьи мужа. Дина, такъ звали жену Марка, была нѣжное, кроткое созданіе съ парюю чудныхъ голубыхъ глазъ, украшавшихъ ея овальное бѣломатовое личико, представлявшее по цвѣту восхитительный контрастъ съ тяжелой темнокаштановой косой, спускавшейся ниже пояса. У нея было очень доброе сердце и мягкій, спокойный, ровный и довольно пассивный характеръ.

Совсѣмъ другая натура была младшая сестра Марка, Эсеирь. Сила воли и твердость свѣтились въ ея умныхъ сѣрыхъ глазахъ, то загоравшихся огнемъ въ моменты сильныхъ душевныхъ ощущеній, то ласково и мягко прищуривавшихся, когда сердце дѣвушки было проникнуто нѣжнымъ чувствомъ любви, симпатіи или состраданія. Въ такія минуты Эсеирь была чудно хороша, не будучи вообще красавицей. Все лицо умной дѣвушки преобразалось подъ вліяніемъ движенія отзывчиваго сердца. Уста складывались въ восхитительную, чарующую улыбку, въ голосъ слышались ласковые, бодрящіе звуки. Отъ всей ея фигуры вѣяло и силой и кротостью, и энергіей и нѣжностью.

У Эсеири были рѣдкія способности ума и памяти. Окончивши одною изъ первыхъ женскую гимназію, она, при помощи брата, убѣдила отца отпустить ее учиться въ Парижъ. Баруху затѣя эта не совсѣмъ понравилась, но онъ такъ былъ убѣжденъ въ энергіи, трудолюбіи и настойчивости своей любимицы, что отпустилъ ее въ полной увѣренности, что она не

остановится на поль-пути и чрезъ нѣсколько лѣтъ вернется къ нему съ дипломомъ парижскаго университета.

Кромѣ Эсеири, у Марка была еще одна сестра, постарше. Та вышла замужъ за доктора Таузендфрейнда. Младшіе братья учились—нѣкоторые въ гимназіи, нѣкоторые въ университетѣ.

II.

По окончаніи курса, Маркъ возмимѣлъ большое желаніе остаться при университетѣ. Онъ пользовался уваженіемъ и любовью большинства профессоровъ, предсказывавшихъ ему блестящую будущность на научномъ поприщѣ. Диссертация его, появившись въ свѣтъ, сразу обратила на себя вниманіе образованной публики и серьезной печати. Одинъ очень строгій научный журналъ съ необыкновенной похвалой отозвался о работѣ Марка. Въ концѣ статьи говорилось, что общество ждетъ новыхъ работъ и новыхъ изслѣдованій молодого ученаго, которому предстоитъ занять видное мѣсто въ ряду современныхъ юристовъ. Критикъ горячо настаивалъ на необходимости привлеченія такихъ молодыхъ ученыхъ къ профессорской дѣятельности.

Маркъ съ бьющимся сердцемъ прислушивался къ этимъ отзывамъ, но всѣ его стремленія къ кафедрѣ на первыхъ же шагахъ встрѣтили непреодолимые преграды.

Послѣ долгой, утомительной борьбы и цѣлаго ряда унижительныхъ хлопотъ, онъ утратилъ энергію, вѣру въ свои силы, въ людей, въ заветные идеалы, въ свѣтлое будущее, и долженъ былъ, съ растерзанной душой и разбитымъ сердцемъ, распротиться съ своими юношескими мечтами и сложить покорно оружіе у стѣнъ крѣпости, оказавшейся неприступной. Университетъ для еврея Марка былъ заколдованный міръ. Туда онъ не могъ проникнуть.

Безплодная борьба и горькое разочарованіе прошли не безъ послѣдствій для молодого кандидата. Онъ сильно похудѣлъ, спалъ съ лица. Глаза, нѣкогда живые, умные, полные огня, какъ и глаза его сестры Эсеири, стали тусклыми, глядѣли апатично, вяло, безжизненно. По цѣлымъ днямъ онъ не выхо-

диль изъ дому. Ни жена, ни отецъ, ни мать, ни братья и сестры не могли развлечь его, не были въ состоянїи возвратить ему бодрость духа и съ болью въ сердцѣ глядѣли на его худую, мрачную фигуру, согнувшуюся въ креслѣ, или же шагавшую изъ угла въ уголь съ меланхолически поникшей головой.

Бывали, впрочемъ, моменты, когда онъ выходилъ изъ состоянїа апатїи и словно оживалъ. Это чаще всего случалось въ тѣ дни, когда приходили письма отъ Эсеири. Молодая дѣвушка, въ которой клокотала и кипѣла жизнь, будила энергію въ любимомъ братѣ, старалась всѣми силами излечить его больную душу ободряющимъ словомъ, вызвать его къ новой дѣятельности, не дать ему закинуть въ омутѣ тоски, отчаянїя, развѣдающей скуки и безплодной хандры.

Она требовала, чтобы онъ не оставался празднымъ, непременно чѣмъ нибудь занялся и немедленно, сейчасъ же. Она писала ему:

«Ничто такъ не гнететъ насъ въ минуты горькаго разочарованїа и тоски, какъ сознанїе своей бесполезности, безцѣльности нашей жизни, тщеты стремленїй, недосыгаемости идеаловъ. Надо чѣмъ нибудь занять мысль, наполнить душу, надо чему нибудь отдаться, надо бороться, надо терпѣть, даже страдать надо, если нельзя жить безъ страданїй, словомъ—надо работать и испытать всю сладость и горечь труда. Иначе жизнь не жизнь».

Она совѣтовала ему, прежде чѣмъ онъ найдетъ себѣ занятїе по душѣ, броситься на первую подходящую работу, чтобы какъ можно скорѣе стряхнуть съ себя апатїю, навѣянную жестокимъ разочарованїемъ. «Займись хоть адвокатурой»,—писала она ему, — «и въ этой отрасли труда можно сдѣлать много хорошаго и полезнаго».

Послѣ долгихъ колебанїй онъ, наконецъ, послушался и приписался къ адвокатскому цеху.

III.

Присяжный повѣренный Генрихъ Андреевичъ Сионовичъ, къ которому Маркъ приписался помощникомъ, пользовался

огромной популярностью въ городѣ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ юристовъ въ округѣ. Онъ состоялъ гласнымъ городской думы, наследовалъ отъ родителей значительное состояніе и былъ человѣкъ вполне свѣтскій, отличался изысканностью манеръ, говорилъ бѣгло по французски, по нѣмецки и даже по англійски, вращался въ высшихъ сферахъ, какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго общества, съ евреями былъ филосемитъ, на судѣ держался строго и важно, почти величественно, но за то въ домашнемъ кружкѣ отличался милой непринужденностью, чрезвычайно нравившеюся всѣмъ его знакомымъ. Одно, въ чемъ обвиняли его многіе, не исключая и нѣкоторыхъ друзей его, было—неукротимая страсть къ стяжанію, едва сдерживаемая правилами официальной честности и принятой въ свѣтѣ порядочности, и если онъ не бралъ завѣдомо грязныхъ дѣлъ, то только потому, что боялся изъ-за нихъ потерять то, что приобреталъ въ качествѣ такъ называемаго «честнаго дѣльца». Всегда и всюду онъ проповѣдывалъ точность, аккуратность, неумолимую твердость въ поступкахъ и намѣреніяхъ. Состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ коммерческимъ міромъ, онъ усвоилъ себѣ тѣ купеческіе принципы и понятія, которые были ему особенно удобны и не противорѣчили всему строю его жизни. Девизомъ его были: *time is money*, меньше словъ тамъ, гдѣ они бесполезны, и больше дѣла тамъ, гдѣ оно необходимо, быстрота и точность, энергія и трудолюбіе. Онъ былъ также большимъ ревнителемъ долга тамъ, гдѣ это не вредило его личнымъ интересамъ. Съ должниками своихъ клиентов онъ былъ неумолимо строгъ. Никто лучше Сіоновича и его клеветовъ-помощниковъ не могъ выжать изъ должника платежа до послѣдней копейки. Моднаго адвоката ничто не могло удерживать тутъ отъ «исполненія долга». Нерѣдко самъ довѣритель, движимый состраданіемъ, останавливалъ мстительную руку своего повѣреннаго, но тотъ выпускалъ изъ своихъ когтей жертву только послѣ уплаты условеннаго гонорара. За то въ думѣ, въ печати, въ обществѣ Генрихъ Андреевичъ былъ милѣйшій и либеральнѣйшій человѣкъ. Въ думѣ онъ горячо отстаивалъ городскіе интересы, въ газетѣ проливалъ слезы о меньшомъ братѣ, въ обществѣ считался благотворите-

лемъ и заступникомъ вдовъ и сиротъ. Вся блестящая, привлекательная, симпатичная сторона дѣятельности Генриха Андреевича была на виду. у всѣхъ и всѣ имъ восторгались, всѣ его любили и уважали. Про его же вампирскія наклонности знали только тѣ, чью кровь онъ пилъ, чью душу онъ повергалъ въ отчаяніе. Жалобы и стоны этихъ несчастныхъ не проникали въ тотъ кругъ, гдѣ роскошествовала юридическая знаменитость.

Всего этого Маркъ, конечно, не зналъ. Общество отзывалось о Сіоновичѣ съ лучшей стороны. Старикъ Пригеръ зналъ только, что Сіоновичъ самый видный въ городѣ адвокатъ, и просилъ сына приписаться къ нему...

Сіоновичъ принялъ Марка съ утонченной вѣжливостью, даже съ нѣкоторою подобострастностью, пожалѣлъ о его неудавшейся университетской карьерѣ, распространился о безотрадномъ положеніи евреевъ и еврейской интеллигенціи, два раза даже тяжело вздохнулъ, сказавъ, что нужно ждать, терпѣть и надеяться. Въ заключеніе онъ протянулъ своему гостю изящный, изъ слоновой кости, портсигаръ.

Отъ сигары Маркъ отказался и взялся за шляпу.

— Куда же вы такъ скоро?

— Вѣдь вы вѣрно заняты. У васъ много дѣла.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, безъ церемоніи. Теперь я отдыхаю. Всего какойнибудь часъ для отдыха, но чтожь дѣлать? Time is money.

Генрихъ Андреевичъ какъ-то презрительно ослабилъ, точно желая показать гостю, какъ онъ, собственно говоря, ненавидитъ эту дѣловую горячку, которою по волѣ обстоятельствъ былъ увлеченъ и охваченъ.

— Я попросилъ бы васъ дать мнѣ работу по возможности скорѣе.

— О, какъ вы прытки!

Маркъ насупился.

— При чемъ тутъ прыткость? Я дѣла ищу.

— Извольте, извольте, — быстро затараторилъ Генрихъ Андреевичъ. — Конечно, въ наше время нельзя сидѣть сложа руки. Вокругъ тебя все кипитъ и мечется. Но наше общество, знаетъ, теперь такъ измельчало и обезличилось, что о работѣ

сколько нибудь интересной въ нашей области труда не можетъ быть и рѣчи въ настоящее время. Тутъ дѣла—все мелочь, собственно не дѣла, а дѣлишки. Разныя, понимаете, тяжбишки, процессишки, выѣденнаго яйца не стоющіе. Васъ будутъ вызывать въ судъ для защиты. Тутъ большее поле дѣятельности. Можно обнаружить ораторскія способности.

— Ихъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ. Я хотѣлъ бы заняться гражданскими дѣлами.

— Нѣда, извольте, извольте. Хотя предупреждаю васъ, большихъ и интересныхъ дѣлъ у насъ теперь нѣтъ.

— Ну, все равно—какія есть.

Маркъ ушелъ отъ адвоката недовольный. Эта егозливость, угодливость, льстивость и приторная вѣжливость ему были не по вкусу. Онъ чувствовалъ, что все это дѣлано, что тутъ нѣтъ ни капли искренности. Его университетскія мытарства научили его цѣнить по достоинству эту свѣтскую ложь, облекаемую въ мишурное доброжелательство. Онъ въ тотъ же день написалъ Эсеири и передалъ ей въ письмѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ разговора съ адвокатомъ.

Эсеиръ поспѣшила успокоить брата. Она совѣтовала ему не судить о людяхъ по первому впечатлѣнію, запастись терпѣніемъ, быть снисходительнѣе къ людскимъ слабостямъ, если ихъ невозможно искоренить и если онѣ не вредятъ ближнимъ, торопила его заняться дѣломъ, чтобы извлечь изъ него пользу для другихъ и дать работу своимъ умственнымъ силамъ, требовавшимъ ее настойчиво, ибо правдность угнетаетъ душу.

IV.

Письмо прибыло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Маркъ рѣшилъ окончательно проститься съ карьерой практическаго юриста. Адвокатская дѣятельность въ томъ видѣ, какъ она практиковалась въ конторѣ Сіоновича, была совершенно не по немъ. Онъ писалъ сестрѣ:

«Дорогая Эсеиръ.

Ты, конечно, крайне будешь удивлена, когда узнаешь, что я только что отправилъ письмо Сіоновичу съ извѣщеніемъ о

выходѣ моемъ изъ числа его помощниковъ. Да, я рѣшилъ распротиться съ адвокатской дѣятельностью. Ты не можешь вообразить себѣ, дорогая, что я вынесъ, что я вытерпѣлъ въ эти десять дней въ этой нравственно-душной и смрадной атмосферѣ. Я думалъ, мнѣ поручена будетъ роль заступника и радѣтеля слабыхъ и угнетенныхъ; я думалъ по мѣрѣ силъ работать для облегченія бѣдняка и удрученнаго отъ тысячи матеріальныхъ и нравственныхъ путей, его связывающихъ; я хотѣлъ утереть хоть одну слезу, хотѣлъ облегчить страданія хоть одной души, хотѣло одно сердце хотѣло успокоить, а между тѣмъ вмѣсто всего этого я не сдѣлалъ ничего. А почему?—спросишь ты.—Потому, что я былъ поставленъ въ такое положеніе, что мнѣ предстояло или поступать противъ моей совѣсти, или сидѣть сложа руки. Теперь, надѣюсь, ты рада, что твой возлюбленный братъ не слишкомъ поторопился уйти въ работу. Порученіе, которое мнѣ было дано г. Сіоновичемъ послѣ осемидневнаго безцѣльнаго сидѣнія въ его конторѣ для ознакомленія съ дѣлами, состояло въ описи и продажѣ имущества одного маклера, задолжавшаго богатой торговой фирмѣ. Сіоновичъ увѣрилъ меня, что маклеръ негодяй, хитрый плутишка и что если на него порядкомъ приналець, то можно получить все до копѣйки. Я отправился съ приставомъ на квартиру маклера и былъ глубоко потрясенъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ и услышалъ. Хозяинъ квартиры, старикъ, лѣтъ шестидесяти, худой, сгорбленный, съ красными слезящимися глазами и трясущимися желтыми, сухими руками, робко встрѣтилъ насъ на порогѣ и, трусливо кланаясь, пропустилъ въ темныя сѣни. Въ маленькой квартиркѣ, состоявшей изъ трехъ сырыхъ, жалкихъ каморокъ, была наставлена довольно изрядная мебель, свидѣтельствовавшая о бывшемъ довольствѣ. Хозяинъ объяснилъ намъ, что онъ только десять дней тому назадъ сюда переѣхалъ, что его выселили изъ прежней квартиры за неплатежъ квартирныхъ денегъ. Дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы, сталъ онъ рассказывать о томъ, какъ тяжело жилось его семьѣ въ послѣдніе годы. Все, что можно было заложить и продать, перешло къ ростовщикамъ. Осталось кое-что изъ платья и мебели, и это должно было пойти на удовлетвореніе иска богатой

фирмы, которой несчастный маклеръ въ дни нужды и безработицы задолжалъ восемьсотъ рублей. Старикъ умолялъ насъ повременить немного, увѣрялъ, что оправится, станетъ на ноги и тогда уплатить все. Онъ говорилъ, что обращался къ Сіоновичу, но тотъ и слушать не хотѣлъ и грозилъ острогомъ. Обстановка жилья и сами жильцы своимъ внѣшнимъ видомъ краснорѣчиво подтверждали правдивость разсказа. Въ одной изъ каморокъ мы нашли въ постели больную, блѣдную старуху, жену ховяина. Молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати, сидѣвшая у окна, при нашемъ приближеніи быстро вскочила съ мѣста и, окинувъ насъ бѣшенымъ взглядомъ, какимъ только смотреть озлобленная нищета, унижаемая и оскорбляемая, поспѣшно вышла въ сѣни. Два мальчика-подростка въ потертыхъ гимназическихкихъ мундирахъ, молча и сумрачно глядя, сидѣли у печки. Ихъ за день передъ тѣмъ удалили изъ гимназіи за невность платы за право ученія. Мой спутникъ, приставъ, тоже былъ потрясенъ и смущенно глядѣлъ по сторонамъ. Я еле держался на ногахъ. Совѣсть грызла меня. Наконецъ, я заявилъ приставу, что не совсѣмъ здоровъ и хотѣлъ бы отложить опись. Онъ замѣтилъ мое безпокойство и, какъ мнѣ казалось, очень былъ радъ моему заявленію. Мы поторопились уйти. На лицѣ ховяина отразились радость и недоумѣніе. Поспѣшно сунувъ ему въ руку бывшіе въ моемъ карманѣ двадцать пять рублей, я вышелъ вонъ.

«И такъ, вотъ тебѣ описаніе моего дебюта въ роли практическаго адвоката. Ты видишь, дорогая, что, съ точки зрѣнія современныхъ служителей Фемиды, я актеръ изъ рукъ вонъ плохой, и Сіоновичъ безъ сожалѣнія исключитъ меня изъ своей труппы. Моему фiasco поспособствовало еще то, что я добился освобожденія несчастнаго маклера изъ когтей Сіоновича. Въ тотъ же день я отправился къ представителю фирмы, описалъ ему все видѣнное и уговорилъ его оставить должника въ покоѣ, покуда онъ не оправится. За право ученія мальчиковъ я внесъ слѣдующее, и они опять посѣщаютъ гимназію. Это—результаты моей «адвокатской» дѣятельности. Чтобы добиться ихъ, не требуется, конечно, ни кандидатскаго диплома, ни званія присяжнаго повѣреннаго. Но что же дѣлать съ тѣмъ и

другимъ? Какъ воспользоваться имъ на пользу ближнимъ? На эти вопросы я не получилъ еще отвѣта. Не разрѣшишь ли ты ихъ мнѣ, моя умница? Въ твоей золотой головкѣ родилась уже не одна свѣтлая мысль. Подумай, голубушка: какъ быть, на что рѣшиться? Ты видишь, я слушаюсь тебя во всемъ, и не я виноватъ, если уже второй мой блинъ свернулся комомъ».

Черезъ дня два по полученіи настоящаго письма Эсэиръ была крайне удивлена, увидѣвъ въ дверяхъ своей комнаты консьержа съ письмомъ въ рукахъ. Она получала письма изъ дому аккуратно разъ въ недѣлю. Другой переписки она не вела. Знакомый конвертъ и знакомый почеркъ свидѣтельствовали, что письмо было опять отъ брата.

— Вѣрно что нибудь необыкновенное случилось,—подумала дѣвушка, и, сильно взволнованная, дрожащими пальцами разорвала конвертъ.

Вотъ что она прочла:

«Дорогая Эсэиръ!

«Поздравь меня, голубушка. Эврика, эврика! Я, кажется, нашелъ настоящее дѣло. Не могу сказать, чтобы это дѣло могло удовлетворить меня совершенно и наполнить ту пустоту, которая образовалась въ моей душѣ послѣ утраты моихъ университетскихъ надеждъ и стремленій, но это занятіе все-таки не дастъ мнѣ уснуть, оно будетъ поддерживать во мнѣ энергію и бодрость духа, дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ обществу, въ особенности той части его, которая всего больше нуждается въ помощи и поддержкѣ. Ты, конечно, не подозреваешь, что это за дѣло, о которомъ я пишу тебѣ. Это, дорогая моя, дѣло очень скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно важное и значительное. Однако, довольно предисловія. Рѣчь идетъ о должности мирового судьи. Я вижу отсюда изумленіе, отразившееся на твоемъ лицѣ, моя милая сестричка. Но вотъ ты подумала, поразмыслила, и въ глазахъ твоихъ заблесталъ знакомый мнѣ радостный, ласковый огонекъ. Да, я не ошибся. Я вижу, что ты поняла меня, что ты радуешься вмѣстѣ со мной, что ты благословляешь меня. Но прежде чѣмъ выступить на новый жизненный путь, прежде чѣмъ взять въ руки

новое живое дѣло, я хотѣлъ бы услышать благословеніе изъ твоихъ устъ, пожать твою руку, хотѣлъ бы увидѣть тебя. Не правда-ли, ты одобряешь мое рѣшеніе? Черезъ двѣ недѣли я ѣду баллотироваться на должность мирового судьи въ N-скѣ. Недѣли черезъ три я буду опять дома. Твоего прѣзда мы всеждемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Мое избраніе почти обезпечено. Сейчасъ расскажу тебѣ—какъ и почему.

«Третьяго дня прибылъ сюда изъ N-ска мой университетскій товарищъ, Долотовъ. Ты знаешь, мы жили душа въ душу. Онъ—богатый помѣщикъ, наслѣдовалъ отъ отца одно изъ лучшихъ имѣній въ T-ой губерніи, теперь живетъ безвыѣздно въ деревнѣ, хозяйничаетъ, состоитъ земскимъ гласнымъ, сотрудникомъ какого-то агрономическаго журнала, сроднился съ землей, деревней и мужикомъ и совершенно счастливъ и доволенъ. Представь себѣ нашу встрѣчу. Онъ—свѣжій, здоровый тѣломъ и духомъ, живой, исполненный надеждъ, смѣло глядящій въ будущее, рисующееся ему ясными розовыми красками въ лазурной дали. Я—наоборотъ, состарившійся, хилый, одряхлѣвшій душевно подъ напоромъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, разочаровавшійся, утратившій вѣру въ человѣка и ничего отраднѣго не могущій прозрѣть въ грядущемъ, завѣшанномъ отъ глазъ моихъ чернымъ флеромъ. Въ такихъ случаяхъ люди, какъ онъ и я, поворачиваются другъ къ другу спиной и расходятся въ разныя стороны: одинъ—къ источнику свѣта и радости, другой—въ пучину ночи и тоски. Но съ нами было не такъ. Долотовъ нѣжно, заботливой рукой, какъ искусный врачъ, вынулъ изъ души моей глубоко засѣвшую занозу и теперь хлопочетъ о томъ, чтобы залечить наболѣвшее мѣсто. Какъ нѣжная мать, онъ вывѣдалъ отъ меня все, что было глубоко запрято во мнѣ и о чемъ знали только близко стоявшіе ко мнѣ люди. Послѣдніе не могли помочь мнѣ, а у него оказалось цѣлебное лекарство. «Тебѣ нужно живое дѣло, тебѣ нужна работа, —сказалъ онъ мнѣ; —безъ этого ты закинешь здѣсь совершенно». Ты видишь, милая, онъ просто повторилъ твою мысль, и почти дословно. Тутъ онъ сообщилъ мнѣ о томъ, что въ N-скѣ, находящемся въ двадцати пяти верстахъ отъ его имѣнія, освободилось мѣсто мирового судьи и что на-дняхъ

будутъ происходить выборы новаго судьи. Мои сомнѣнія относительно того, утвердятъ-ли это мѣсто за евреемъ, онъ разсѣялъ заявленіемъ, что вѣдь по закону евреямъ не возбраняется занимать должность мирового судьи. Что же касается до того—изберутъ-ли, то на этотъ счетъ можно быть вполне спокойнымъ, если принять во вниманіе то вліяніе и значеніе, которыми пользуется Долотовъ въ уѣздѣ. Черезъ двѣ недѣли я ѣду, и тогда все рѣшится. Въ успѣхѣ, кажется, нечего сомнѣваться. Прощай, моя дорогая. Цѣлую тебя крѣпко тысячу разъ.

«Твой Маркъ».

V.

Маленькій рѣчной пароходъ отчалилъ отъ N-ской деревянной пристани и вышелъ на середину рѣки. Былъ чудный августовскій денекъ. Съ безоблачнаго лазурнаго неба лились на рѣку потоки яркаго солнечнаго свѣта. Воздухъ былъ тихъ и мягокъ. Низкіе, желтые берега, мѣстами окутанные зелеными камышами и сочной травой, льнули къ водѣ. N-скъ медленно ушлывалъ изъ глазъ пассажировъ, утопая въ полупрозрачной дали. Маркъ, сидя на палубѣ, не отводилъ глазъ отъ маленькаго городка, который въ скоромъ времени долженъ былъ приютить его. Городокъ ему понравился, и онъ уже полюбилъ его, хотя внѣшность городка была крайне неказиста. Но это несколько не озабочивало Марка. Онъ даже не думалъ о неудобствахъ жизни въ провинціальной глуши. Напротивъ, ему казалось, что ничего нѣтъ лучше мирнаго уголка, гдѣ можно отдохнуть отъ городскихъ шумихи и сутолоки, подчасъ весьма тяжелыхъ и даже невыносимыхъ.

Онъ уже нанялъ тамъ квартиру—цѣлый домъ, состоявшій изъ осьми свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ. Въ трехъ комнатахъ будетъ помѣщаться камера, а въ остальныхъ—онъ самъ съ семьей. При домѣ оказался садъ, небольшой, впрочемъ, но это не бѣда. Его можно будетъ привести въ порядокъ,—думалъ Маркъ,—улучшить, посадить кое-какіе цвѣты и фруктовыя деревья—выйдетъ отлично. Жизнь въ N-скѣ очень дешева. Безъ особенныхъ затратъ и хлопотъ легко будетъ устроиться по-

удобнѣе. Мебель придется взять изъ дому, бібліотеку тоже перевезти, выписать газеты, журналы. Онъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи мирную, идиллическую жизнь въ этомъ благословенномъ уголкѣ. Какъ онъ хорошо заживетъ съ любимой женой и крошкой-сынишкой! Утромъ и до обѣда — занятія въ камерѣ; послѣ обѣда — въ семьѣ, прогулки, чтеніе, задушевный разговоръ; потомъ, часика два-три кабинетной работы, которую онъ не оставитъ, а вечеромъ придетъ ктонибудь, Долотовъ, напримѣръ, и другіе. За пріятельской бесѣдой не замѣтишь, куда вечеръ дѣлся. И такъ потечетъ новая жизнь, не безплодная, не тоскливая, какъ до сихъ поръ, а жизнь, полная смысла и значенія. Долотовъ сказалъ ему, что въ Н-скѣ не мало кулаковъ, держащихъ въ кабалѣ окрестное крестьянство, и что отъ мирового отчасти зависитъ укротить алчность этихъ акулъ. Маркъ рѣшилъ обратить все свое вниманіе на это зло и всѣми силами стараться противодѣйствовать ему.

Такъ мечталъ Маркъ, сидя на пароходной палубѣ и уходя взоромъ въ безконечную синь обширнаго горизонта.

Къ вечеру пришлось пересѣсть на морской пароходъ. Во все время плаванія разные планы и радужныя, свѣтлыя надежды рисовались въ его воображеніи. О чемъ онъ только не передумалъ въ эти часы? Онъ начертилъ себѣ программу чуть-ли не цѣлой жизни.

Погода стояла восхитительная. Пароходъ шелъ берегомъ, такъ что земля во все время плаванія не пропадала изъ виду и широкой розовой каймой тянулась съ одной стороны синяго моря. Съ противоположной стороны обширная водная пустыня стелилась на много сотенъ верстъ, уходя къ далекимъ анатолійскимъ берегамъ. Пароходъ острымъ носомъ проворно взрѣзывалъ голубой бархатъ моря, а огромныя колеса, ударяя по этому бархату съ страшной силой, вдругъ превращали его въ бѣлую клокочущую и ревущую пѣну. Пѣнистые валы яростно накидывались на колеса, но сейчасъ же бессильно соскакивали внизъ и разрушались съ ворчливымъ шипѣніемъ. Лазурная поверхность моря, освѣщенная солнцемъ, отливала червоннымъ золотомъ, въ которомъ стройно и величаво плыли, точно бѣлыя лебеди, отраженные въ тихой водѣ, атласныя облака.

Остроконечныя тѣни мачтъ, ложившіяся по одну сторону парохода, помятыя колебавшейся у бортовъ водой, быстро уносились назадъ. Вѣтеръ рѣзко задувалъ въ носъ судна и шаловливое игралъ водруженнымъ на кормѣ флагомъ. Природа и окружающее располагали къ мирнымъ мечтаніямъ, и Маркъ предался имъ вполнѣ.

Дома онъ засталъ Эсеирь. Она возвратилась наканунѣ его пріѣзда. Всѣ были очень рады его успѣху. Отецъ тоже былъ весьма доволенъ. Избраніе сына очень лестило его тщеславію. Одно ему не нравилось—Марку предстоялъ отъѣздъ, да еще въ дикую глушь. Не слишкомъ увлеченный моральнымъ значеніемъ новой дѣятельности сына и чрезвычайно хорошо знакомый съ условіями жизни въ маленькыхъ захолустьяхъ, старикъ Прагеръ не могъ, конечно, смотрѣть на поселеніе Марка въ Н-скѣ, какъ на особенное счастье, тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ доволенъ, уже потому, что это такъ радовало его любимого сына. Маркъ тотчасъ же сталъ готовиться къ отъѣзду. Ему хотѣлось поскорѣе приступить къ дѣлу. Дней черезъ десять сборы были окончены, и въ одно прекрасное августовское утро вся семья Прагеровъ отправилась къ пароходу проводить Марка и жену его.

Въ гавани стоялъ невообразимый шумъ и гамъ отъ сліянія людскихъ голосовъ, лошадиного ржанія, скрипа телѣгъ и дрожекъ, свиста локомотивовъ, пыхтѣнія пароходовъ. Эта пестрота, этотъ гамъ неприятно дѣйствовали на душу Марка. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ момента отплытія. Ему надоѣлъ шумный, людной городъ, роскошный и блестящій, бездушный и холодный, гдѣ каждый жилъ для себя и нисколько не заботился о томъ, какъ живетъ его сосѣду, гдѣ сырые, голодные и холодные умирали на глазахъ счастливецъ и баловней судьбы, умирали забытые, не вызывая сожалѣнія и участія даже въ своихъ же собратьяхъ-горемыкахъ, гдѣ каждый искалъ наслажденія и утѣхъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ для ихъ достиженія, гдѣ слова совѣсть, честь и правда произносились на всѣхъ перекресткахъ, но произносились людьми, не носившими въ груди ничего, кромѣ пороковъ и жадности.

Наоборотъ, Эсфирь, не извѣрившаяся въ людей, года два

прожившая въ шумной столицѣ міра и спокойно наблюдавшая жизнь въ этомъ колоссальномъ центрѣ всесторонней человѣческой дѣятельности, полюбила пестрый, суетливый большой городъ и теперь съ любопытствомъ смотрѣла на эффектную живую картину людской сутолоки и безконечнаго движенія.

Раздался третій звонокъ, и минуты двѣ спустя бѣлый двухтрубный пароходъ, взметавъ колесами зашнурившуюся воду, двинулся въ путь. Въ воздухѣ въ послѣдній разъ замелькали платки и шляпы. Прагеры возвратились домой. Маркъ съ облегченнымъ сердцемъ остался на палубѣ парохода подлѣ взволнованной сценой расставанья Дины, на глазахъ которой блистали еще невысохшія слезы.

Высоко на горѣ пробуждался красивый, изящный, какъ хорошенькая игрушка, кокетливый, улыбавшійся въ блескѣ яснаго утра, городъ, а впереди, скрываясь въ густую дымку тумана, тутъ и тамъ сверкали ослѣпительно яркія, трепещущія полосы моря. Гавани, заполненные судами, пристани, по которымъ двигались массы народа, вся пестрая приморская часть города, разсѣченная черной эстакадой, по которой, извиваясь какъ змѣя, шипя и выдыхая синеватый дымъ, ползъ желѣзнодорожный поѣздъ, спѣшившій изрыгнуть въ ненасытные трюмы пароходовъ десятки и сотни тысячъ четвертей хлѣба,—все это медленно уплывало изъ глазъ нашихъ путешественниковъ. Надъ этимъ шумнымъ, дѣятельнымъ, нервно двигавшимся, портомъ вытянулся на подобіе узорчатаго карниза приморскій бульваръ съ однообразной линіей высокихъ домовъ, блестящихъ зеркальными окнами, въ которыя солнце бросало огненные, палящіе лучи. Еще выше надъ этимъ величественнымъ карнизомъ домовъ высились главы церквей, и въ формѣ приплюснутаго съ круглыми скатами холма вырисовывалась крыша новаго строившагося театра.

Маркъ холодно и разсѣянно смотрѣлъ на эту эффектную картину. Онъ думалъ объ N—скѣ, о предстоящей ему новой дѣятельности.

Окончивъ устройство квартиры, Маркъ съ увлеченіемъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ. Съ утра до обѣда онъ проводилъ время въ камерѣ. Дѣлъ было не очень много, но

работы все-таки было достаточно. Дѣятельностью своей новый судья былъ очень доволенъ. Ему удалось примирить многихъ тяжущихся, удовлетворить нѣсколько справедливыхъ требований, избавить отъ рукъ звѣря-сапожника малолѣтняго ученика, обезпечить судьбу стараго дѣда, выгнаннаго на улицу богатымъ внукомъ. Словомъ, онъ чувствовалъ, что приноситъ пользу.

VI.

Населеніе N—ска было невелико. Всѣхъ жителей числилось около десяти тысячъ. Большая часть ихъ состояла изъ мѣщанъ, имущественное положеніе и занятія которыхъ были въ высшей степени разнообразны. Кроме мѣщанъ, въ N—скѣ жило еще нѣсколько помѣщичьихъ и купеческихъ семей. Жили, разумѣется, и чиновники, но ихъ было очень мало. Изъ окрестныхъ деревень являлись на заработки крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ большую часть года проводили въ городѣ.

Какъ хлѣбный рынокъ, N—скъ пользовался немаловажнымъ значеніемъ не только въ уѣздѣ, но даже во всей губерніи. Но Маркъ съ первыхъ же дней замѣтилъ, что городскому мѣщанству жилось всласть, между тѣмъ какъ крестьянство годъ отъ году бѣднѣло и разорялось, что черноземнаго мужика безпощадно пожираетъ его же братъ мужикъ, оторвавшійся отъ земли и поселившійся въ городѣ. Все это не могло, конечно, не быть замѣченнымъ мировымъ судьей, которому чуть-ли не каждый день приходилось разбирать жалобы мухъ на пауковъ, а очень часто и наоборотъ, пауковъ на мухъ.

Маркъ рѣшился бороться съ этимъ зломъ по мѣрѣ возможности на почвѣ закона и правосудія, хотя не скрывалъ отъ себя трудности борьбы и сомнительности побѣды.

Съ перваго раза какъ будто пошло хорошо. Но затѣмъ, по мѣрѣ учащенія дѣлъ между мужиками и мироѣдами, по мѣрѣ того, какъ крестьяне стали кланяться судѣ въ поясъ, кулаки уходили въ глубокомъ молчаніи, унося въ сердцѣ затаенную ненавѣсть и дикую злобу, отпечатлѣвавшуюся на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Маркъ видѣлъ только осчастливленныхъ имъ

мужиковъ и вовсе не замѣчалъ бѣшеныхъ взглядовъ, которыми окидывали его Н—скіе мироѣды, не замѣчалъ стиснутыхъ кулаковъ, которыми они гровили ему въ сѣняхъ и на улицѣ. Но однажды до ушей его донеслись громко произнесенныя въ сѣняхъ слова: «жидовскій судъ». Въ камерѣ, къ счастью, почти никого не было. Тѣмъ не менѣе, Маркъ вздрогнулъ и поникъ головой. Во весь этотъ день онъ былъ сильно разстроенъ, не ѣлъ, не пилъ и въ глубокомъ раздумьи просидѣлъ все послѣобѣденное время неподвижно въ своемъ кабинетѣ. Это былъ первый скверный день въ его новой жизни.

Вечеромъ пріѣхалъ Долотовъ. Маркъ рассказалъ ему про случившееся. Долотовъ посмѣялся надъ тревожнымъ состояніемъ друга, просилъ его не задумываться надъ подобными мелочами.

— Но во мнѣ,—возражалъ Маркъ,—со мной слитно находится и учрежденіе, которое я представляю. Разъ я не внушаю почтенія, то и весь судъ, куда я имъ заправляю, есть предметъ презрѣнія и недовѣрія.

— Право, дружище, твои выводы слишкомъ послѣшны. Ничего ужаснаго я во всемъ этомъ не вижу. Продолжай свое дѣло, и именно такъ, какъ ты его началъ. Увидишь—все будетъ хорошо. Ты вѣдь самъ говоришь, что симпатіи крестьянъ на твоей сторонѣ. Ну, чего же тебѣ еще? Ненависть какогонибудь Разуваева не принесетъ тебѣ никакого вреда и не испортитъ твоего дѣла. Будь покоенъ.

Долотовъ уѣхалъ, убѣжденный въ совершенной безосновательности тревогъ Марка. Однако, Маркъ не былъ вполне спокоенъ.

Во весь слѣдующій день не случилось ничего, что бы могло усилить или даже поддержать безпокойство Марка. Тѣмъ не менѣе, онъ началъ внимательно присматриваться къ тому, что творилось вокругъ него. Онъ пытливо вглядывался въ лица и движенія отвѣтника, истца, свидѣтелей, даже публики. Собственный сторожъ внушалъ ему подозрѣніе, и онъ послѣ каждого произнесеннаго рѣшенія не забывалъ окинуть этого служителя взоромъ, такимъ же, какимъ окидывалъ всю публику. По истеченіи нѣсколькихъ дней онъ немного успокоился.

признаковъ вражды или недовѣрія никѣмъ обнаружено не было.

Разумѣется, это спокойствіе могло продолжаться не долго. Разъ подозрительность его уже была возбуждена въ извѣстномъ направленіи, и матеріаль для поддержанія этой подозрительности существовалъ, то и душевное настроеніе, въ которомъ онъ находился нѣсколько дней тому назадъ, должно было вновь проявиться. И оно дѣйствительно проявилось, ибо Маркъ теперь уже не могъ не замѣтить блѣдныхъ, озлобленныхъ лицъ, яростныхъ взглядовъ, стиснутыхъ зубовъ, кривыхъ, ядовитыхъ усмѣшекъ.

Что было дѣлать? Какъ жить среди этихъ людей? Что предпринять? Какъ держаться на будущее время?

Маркъ рѣшилъ не смущаться этимъ змѣинымъ шипѣніемъ, не обращать вниманія на эту стаю разъяренныхъ волковъ и смѣло идти своей дорогой. Принявъ такое рѣшеніе, онъ нѣсколько приободрился и повеселѣлъ.

VII.

Дни шли за днями, а положеніе Марка не только не улучшилось, но даже стало гораздо хуже. Сцены въ судѣ, въ родѣ раньше описанныхъ, происходили почти ежедневно. Слова «мировой—жидъ» и «жидовскій судъ» раздавались безпрестанно на рынкѣ, въ трактирахъ и кабакахъ, даже въ гостиныхъ и клубѣ.

Марку и его женѣ не удалось приобрести въ городѣ ни одного знакомаго. Правда, Долотовъ познакомилъ ихъ съ нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ и друзей, но эти послѣдніе отнеслись къ нимъ съ такою дѣланною вѣжливостью, что новое знакомство скоро рушилось. Чиновники, съ которыми Маркъ знался по обязанностямъ службы, встрѣчали его холодно и недружелюбно. Ихъ жены и дочери, проходя мимо дома судьи, съ провинціальнымъ безцеремоннымъ любопытствомъ нахально заглядывали въ окна и при видѣ Дины громко заговаривали о ней по французски, воображая, по странной на-

ивности свѣтскихъ невѣждъ, что «жиды» не понимаютъ благороднаго французскаго діалекта.

Однажды какъ-то въ клубѣ былъ устроенъ концертъ съ благотворительной цѣлью. Марку были присланы билеты. Онъ уговорилъ жену отправиться въ концертъ, чтобы хоть нѣсколько развлечься: молодая женщина по цѣлымъ днямъ не выходила изъ дому.

Въ клубѣ ихъ встрѣтили презрительными взглядами. Дамы начали перешептываться и переглядываться. Мужчины поворачивались къ нимъ спиной.

Въ антрактѣ Маркъ и Дина услышали позади себя слѣдующій разговоръ:

— Право, хорошенькая жидовочка.

— Ну, вотъ еще! *Fi donc!* Какой у васъ вульгарный вкусъ, *monsieur* Вретиковъ.

— Ну да, въ сравненіи съ вами, *mademoiselle*.

— Ахъ, вы меня убиваете. *Laissez donc vos comparaisons.*

Разговоръ продолжался на ту же тему.

У Дины навернулись слезы на глазахъ. Маркъ подаль ей руку, и они немедленно удалились. Съ тѣхъ поръ молодая женщина окончательно заперлась въ своихъ комнатахъ, а Маркъ рѣшилъ прекратить всякія отношенія къ N—ской интеллигенціи и все досужее отъ занятій время посвящать женѣ и ребенку. Первая особенно въ этомъ нуждалась, ибо проводила дни въ полнѣйшемъ одиночествѣ и вела совершенно затворническую жизнь.

Увлеченный работой, Маркъ все-таки не могъ ощущать въ такой степени скуку и тоску по роднымъ мѣстамъ и роднымъ людямъ, какъ Дина, весь день сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, точно осужденная на заключеніе.

Письма изъ дому заставляли еще сильнѣе чувствовать тоску и тяжесть пребыванія въ N—скѣ.

Кромѣ того, молодую женщину въ сильнѣйшей степени стала беспокоить усиливавшаяся съ каждымъ днемъ меланхолія мужа. Изъ суда онъ возвращался мрачный, молчаливый. Молча садился къ столу, молча ѣлъ, молча уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ вмѣсто того, чтобы работать, сидѣлъ въ тяже-

ломъ раздумьѣ, или же медленно двигался взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ все рѣже и рѣже бесѣдовалъ съ женой, почти не обращалъ вниманія на ребенка. Лицо его осунулось и пожелтѣло, какъ въ дни университетскихъ разочарованій, глаза снова потускнѣли и приняли прежнее апатичное, вялое выраженіе, вся фигура какъ-то сгорблась и съежилась. Онъ словно постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Дина, глядя на него, украдкой лила горячія слезы.

Такъ прошла зима.

VIII.

Масляная недѣля ознаменовалась въ N—скѣ скандаломъ-монстръ, взволновавшимъ все городское общество. Скандалъ произошелъ въ клубѣ. Сынъ городского головы, негодяй, мотъ и кутила, любимецъ N—скихъ дамъ и дѣвицъ и гроза мирныхъ обывателей городка, порядкомъ подвыпивши, ворвался въ танцевальную залу и, подошедши безъ церемоніи къ первой танцовавшей въ кадрили парѣ, взялъ подъ руку даму и потащилъ ее за собой. Дама вырвалась съ крикомъ, а кавалеръ, возбужденный поведеніемъ провинціального льва, грозно подступилъ къ нему и потребовалъ, чтобы онъ извинился. Митенька (такъ звали N—скаго Донъ-Жуана) присвистнулъ и потомъ, важно мотнувши головой, громко отчеканилъ:

— Ахъ ты, дрянъ этакая!

— Кто дрянъ?—возмутился кавалеръ.

— Да ты. Чего еще спрашиваешь?

— Какъ вы смѣете?

— Стало быть смѣю, коли говорю. Ну, дрянъ — вотъ тебѣ еще разъ.

Родные и знакомые Митеньки, во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, поспѣшили увести его въ буфетъ, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ новыхъ возліаній, перебилъ посуду, зеркала, раскровавилъ буфетчика, опрокинулъ на него шипящій самоваръ и наконецъ, послѣ невѣроятныхъ трудовъ и усилій, былъ вынесенъ на улицу. Тамъ его закутали въ шубу, напялили ему на голову шапку, усадили въ сани и повезли домой. Скандалъ

этотъ прошесть бы для Митеньки безъ особенныхъ послѣдствій, если бы кавалеръ, у котораго Митенька вырвалъ даму, не вадумалъ подать на N—скаго безъуздаго савраса жалобу въ судъ. Дѣло приняло непріятный оборотъ.

Городской голова, которому сынъ причинялъ немало хлопотъ, пробовалъ сначала уговорить обиженнаго простить Митенькѣ, обѣщая ему чистосердечное раскаяніе послѣдняго; но упрямый кавалеръ, который оказался недавно поселившимся въ N—скѣ молодымъ врачомъ, не удовлетворился готовностью Митеньки раскаяться и клялся, что продержитъ повѣсу подъ замкомъ. Никакіе доводы, никакія просьбы не помогли. Голова попробовалъ даже дать врачу удовлетвореніе—не на пистоляхъ, конечно, а въ формѣ преподнесенія радужной асигнаціи, но и это оказалось недѣйствительнымъ. Радужная была съ презрѣніемъ отвергнута, и бѣдный голова ушелъ ни съ чѣмъ. Осталось одно средство—упросить судью.

Но на снисхожденіе судьи голова рассчитывалъ еще меньше, чѣмъ на милосердіе обиженнаго кавалера. Онъ очень сомнѣвался въ томъ, согласится-ли Маркъ оправдать Митеньку. Сомнѣнія эти были вызваны не честностью Марка, не безпристрастіемъ его, не тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ и справедливость были на сторонѣ противника, нѣтъ — N—скій голова имѣлъ самое смутное понятіе о правдѣ и законности, но за то очень хорошо зналъ, къ чему можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ повести желаніе мстить и пакостить. Онъ не забылъ про отношенія N—скаго общества къ новому судѣ, не забылъ, что самъ онъ очень часто оскорблялъ Марка, называя его, за глаза, конечно, «паршивымъ жидомъ», что Митенька довольно открыто проповѣдывалъ выбить стекла «жидовскому судѣ» и разметать его «жидовскую камеру», вспомнилъ и про то, что при встрѣчахъ съ Маркомъ онъ, голова, всегда отворачивался и глядѣлъ въ сторону, чего не могъ не замѣтить судья. Все это вмѣстѣ взятое, заставляло голову думать, что дѣло Митеньки обстоитъ плохо. Однако, послѣ нѣ котораго размышленія, онъ пріободрился. У него, какъ ему показалось, нашлись средства подкупить судью.

Хитрый старикъ явился къ Марку въ качествѣ добраго пріятеля, съ которымъ давно не видался.

— Здравствуйте, добрыйшій Маркъ Борисовичъ. Какъ поживать изволите? Все-ли у васъ благополучно? Всѣ-ли въ добромъ здоровьѣ? Супруга ваша, смѣю надѣяться...

— Здорова. Благодарю васъ. Чѣмъ могу служить?

— Лаской, сударь мой, лаской, батюшка. Запугали старичка, совсѣмъ запугали. Слыхали про Павла Ѳомича?

— Какого Павла Ѳомича?

— Не слыхали? Эхъ, батюшка, совсѣмъ вы нашихъ дѣлъ не знаете, а между тѣмъ если бы такихъ дѣятелей, какъ вы, побольше, наша матушка-дума разцвѣла-бы. Да-съ, настоящихъ людей намъ нужно, такихъ, какъ вы, Маркъ Борисовичъ, а между прочимъ этихъ людей у насъ нѣтъ. А почему? Потому что общество, изволите-ли видѣть, безъ глазъ, не видитъ, выбираетъ чортъ знаетъ кого, всякую шухеру облакаетъ довѣріемъ, дуракамъ и негодьямъ полномочіе даетъ, а чуть сунется порядочный человѣкъ, ему сейчасъ отпоръ. Не годится, моль, не подходит.— Да чѣмъ не подходит? Какъ чѣмъ, отвѣчаютъ, вѣдь вы знаете, онъ—еврей. Такъ что-жъ, что еврей, возражишь этимъ балбесамъ, развѣ тѣмъ онъ худъ, что еврей? Еврей—умный человѣкъ. Его всегда надо уважать, и мѣсто отводить ему слѣдуетъ промежъ всѣхъ гражданъ. Развѣ еврей не такой человѣкъ, какъ и всѣ? Ну, разумѣется, потолкуешь съ ними, вразумишь ихъ порядкомъ, они и поймутъ, что еврей—полезная сила въ государствѣ. Я вотъ, Маркъ Борисовичъ, всегда вотъ этимъ занимаюсь: долблю, долблю имъ...

— Что-жъ, видно, не особенно успѣшно долбите?

— Да, кремень-народъ. Покуда все это вобъешь имъ въ голову. Однако, могу сказать, что не вполнѣ безуспѣшно дѣйствую. Нынѣшнимъ лѣтомъ у насъ выборы, изволите знать?

— Знаю.

— Такъ я порѣшилъ кое-какихъ полезныхъ человѣковъ провести въ гласные.

Голова помолчалъ и поглядѣлъ на Марка въ ожиданіи вопроса, но такъ какъ вопроса не послѣдовало, то юркій старикъ продолжалъ:

— Да-съ, я намѣтилъ уже нѣкоторыхъ; по-истинѣ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей. Съ вами, Маркъ Борисовичъ, я буду откровененъ и не скрою именъ, но прошу васъ, чтобы это осталось между нами.

— Мнѣ, право, все равно; я не интересуюсь.

Голова сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ послѣднихъ словъ Марка и началъ снова.

— Во первыхъ, я намѣреваюсь васъ провести.

— Меня?

— Ну, да. Что же васъ такъ удивляетъ?

— У меня нѣтъ ценза, да я и не желаю.

— Цензъ, батюшка, пустяки. Это можно уладить, а вотъ, что не желаете, такъ это напрасно, совершенно напрасно.

— Покорно благодарю за честь, но у меня своего дѣла достаточно.

— Ну, что-жь, свое дѣло—своимъ порядкомъ. Дѣло-то вѣдь не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ. Нѣтъ, вы должны послужить обществу. Просимъ, просимъ, всепокорнѣйше просимъ-съ.

Голова поднялся съ мѣста и взялся за шляпу.

— Покорнѣйше прошу какънибудь къ намъ запросто на чашку чаю. Супружницу съ собой прихватите безпремѣнно-съ. Жена моя будетъ очень рада. Она уже давно ищетъ знакомства съ женой вашей и неоднократно выражала сожалѣніе о томъ, что случай не представился. Пожалуйста, Маркъ Борисовичъ, безъ церемоніи, милости просимъ-съ.

Маркъ холодно поклонился.

Голова крѣпко пожалъ ему руку и направился къ выходу. У порога онъ на минуту остановился, потеръ рукою лобъ, дѣлая видъ, что желаетъ что-то припомнить, и затѣмъ вдругъ быстро проговорилъ:

— Ахъ, да, совсѣмъ было-забылъ. У меня къ вамъ дѣльце маленькое. Сегодня мнѣ кто-то сказалъ, что къ вамъ поступила жалоба на сына моего. Какой-то Семгинъ будто бы оскорбленъ моимъ сыномъ. Я что-то не совсѣмъ знакомъ съ дѣломъ, но подозреваю, что тутъ кроется интрига, съ цѣлью очернить меня и сына. Я, разумѣется, убѣжденъ, что вы не отдадите

на поруганіе порядочныхъ людей и защитите насъ отъ нападеній какихъ-то проходимцевъ.

— Я разберу дѣло по совѣсти.

— Чувствительно вамъ благодаренъ. Вы уже ознакомились съ дѣломъ, не правда-ли?

— Я прочелъ жалобу, назначилъ разбирательство на субботу и разослалъ повѣстки.

— Въ субботу разбирательство?

— Въ субботу.

— Могу-ли я, милѣйшій Маркъ Борисовичъ, узнать ваше личное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ?

— Напередъ ничего не могу вамъ сказать. Пока я знаю не больше вашего. Дѣло въ томъ, что вашъ сынъ обвиняется въ нанесеніи оскорбленія словомъ господину Семгину въ публичномъ мѣстѣ, въ данномъ случаѣ—въ клубѣ. Если фактъ нанесенія оскорбленія подтвердится свидѣтельскими показаніями, и господинъ Семгинъ не будетъ склоненъ къ миру, то вашъ сынъ долженъ будетъ понести наказаніе.

Голова сконфузился и покраснѣлъ.

— Могу васъ увѣрить, что со стороны Семгина это—безсодѣйствійшая интрига, клевета.

— Отъ васъ зависитъ разоблачить ее.

— При вашемъ содѣйствіи?

— При моемъ содѣйствіи? Это что же такое? Извините, пожалуйста, вы, вѣроятно, недостаточно знакомы съ моими обязанностями.

— Нѣтъ-съ, я не то. Я, изволите видѣть, н-да, я, милѣйшій мой Маркъ Борисовичъ, думалъ, что вы взглянете на это дѣло, какъ на дерзкое покушеніе со стороны злонамѣренныхъ лицъ запятнать доброе имя мое и моего сына.

— Пока я не вижу причинъ смотрѣть на данное дѣло именно съ этой стороны. Повторяю вамъ, если обнаружится, что вашъ сынъ не виноватъ, будьте покойны—онъ будетъ оправданъ, а если г. Семгинъ, какъ вы говорите, клеветаетъ на васъ, то вы можете возбудить противъ него преслѣдованіе за клевету.

Голова увидѣлъ, что дѣло швахъ и попробовалъ перемѣнить тактику.

— Маркъ Борисовичъ, я буду съ вами говорить откровенно. Прошу васъ войти въ положеніе отца и принять во вниманіе то обстоятельство, что я вѣдь не какой нибудь мѣщаниншка городской. Я убѣжденъ, что этотъ Семгинъ нахаль и негодяй первостатейный. Это онъ самъ вызвалъ скандалъ, чтобы повредить моему семейству и пошатнуть довѣріе, коимъ я облеченъ отъ общества. Митя мой—человѣкъ горячій, темперамента пылакаго. Выведенный изъ терпѣнія насмѣшками и дерзостями господина Семгина, онъ, можетъ быть, и вымолвилъ слово покруче, а г. Семгину это и на руку было. И вотъ, сынъ мой за благородство его характера посаженъ на скамью подсудимыхъ по волѣ интригана и мошенника. Гдѣ-жъ тутъ правда, гдѣ справедливость?

— Правда и справедливость непремѣнно восторжествуютъ, и если только вашъ сынъ не виноватъ, то моею обязанностью будетъ признать его по суду оправданнымъ. Я уже сказалъ это вамъ нѣсколько разъ и больше ничего не имѣю прибавить.

По тону, которымъ были высказаны послѣднія слова, и по рѣшительному лицу Марка старый плутъ понялъ, что никакіе подходы тутъ не помогутъ и что всѣ дипломатическія ухищренія его не проложатъ пути къ обоюдному полюбовному соглашенію. «Добромъ ничего не подѣлаешь, — рѣшилъ онъ про себя.— Попробуемъ припугнуть молодца».

— Вамъ не безъизвѣстно, почтеннѣйшій Маркъ Борисовичъ, — не безъ ехидства началъ онъ, — что мировой судья у насъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ городского общества, потому что обществу онъ обязанъ своимъ избраніемъ.

— Съ этимъ возрѣніемъ я совершенно несогласенъ. Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до вашихъ взглядовъ?

— А такое дѣло, — возразилъ обоблившійся голова, — что вы отъ меня зависите. Захочу—будете судьей, а нѣтъ—пойдете туда, откуда пришли.

— Вы выражаетесь дерзко. Я не желаю больше съ вами разговаривать.

Голова рѣшилъ дѣйствовать напрямикъ и повелъ такую рѣчь:

— Вотъ что, сударь мой, оставимъ всю эту политику и будемъ говорить безъ обиняковъ. Я вижу, что вы относитесь ко мнѣ враждебно и, не смотря на мои старанія добиться вашего расположенія, мнѣ это не удалось. Оправдать моего сына во вѣдорнѣйшемъ и легчайшемъ проступкѣ, за который никогда нигдѣ не наказываютъ, вы не желаете, какъ я полагаю, изъ ненависти ко мнѣ. Хорошо-съ. Пусть будетъ такъ. Обвиняйте, осуждайте, выставляйте на поворъ честныхъ и благородныхъ людей, но знайте, сударь, что это вамъ не пройдетъ даромъ.

— Милостивый государь!

— Позвольте-съ, я сейчасъ кончу. Вотъ вамъ мое рѣшеніе, которое прошу принять къ свѣдѣнію. Оправдаете сына — мы останемся друзьями. Я вамъ худа не сдѣлаю, и будете вы у насъ жить по прежнему. Не оправдаете—тогда можете распротиться съ мѣстомъ. Ужъ я постараюсь, будьте покойны. Можетъ быть, еще похуже потери мѣста будетъ. Предоставляю вамъ выборъ-съ и затѣмъ имѣю честь кланяться.

Ультиматумъ свой голова произнесъ съ разстановкой, тяжело дыша и разводя въ воздухѣ руками, какъ плохой провинціальный трагикъ произноситъ на сценѣ раздирательный монологъ. Лицо его побагровѣло отъ злости, а глаза даже налились кровью. Онъ проворно напялилъ на голову мѣховую шапку и исчезъ въ дверяхъ.

IX.

Камера мирового судьи въ субботу не могла вмѣстить всю публику, явившуюся еще съ ранняго утра. Полицейскій приставъ снарядилъ двухъ городовыхъ, которые отгѣснили отъ судейскаго домика всю опоздавшую публику.

Явилась почти вся городская аристократія, все фешенебельное дамство. Семейства городского головы не было, но самъ онъ занялъ мѣсто на первой скамейкѣ и принялся бросать направо и налево молніеносные взгляды. На второй скамейкѣ помѣстилась жена исправника, полная пожилая дама съ крупными чертами лица и густыми сросшимися бровями, свидѣтельствовавшими о ея восточномъ происхожденіи. Рядомъ съ

ней усѣлась юркая, бѣлобрысая супруга помощника акцизнаго надзирателя. Обыихъ дамъ занимать разговоромъ Сеничка Ребровский, единственный сынъ перваго въ округѣ кабатчика, большой пріятель Митеньки, никогда съ нимъ ни расстававшійся и участвовавшій почти во всѣхъ дебошахъ, производимыхъ сыномъ головы. По странной случайности, удивившей весь городской beau monde, Сеничка остался нейтральнымъ въ послѣднемъ скандалѣ. Онъ очень сожалѣлъ о томъ, что Митенька попался въ бѣду, и далъ торжественное обѣщаніе «расквасить Семгину рожу» при первой возможности. Третью скамейку заняла казначейша съ пятью дочерьми въ шерстяныхъ платьяхъ небесно-голубого цвѣта, съ алыми бантами въ свѣтлыхъ льняныхъ волосахъ. У барышень оказалось только два кавалера, а именно: письмоводитель гимназической канцеляріи Меньшинскій, статный, румяный парень съ плутовскими сѣрыми глазами и безконечно долгой гривой, и секретарь городской управы Кроликовъ, чахоточный, низенькаго роста юноша, очень конфузливый и очень влюбчивый, писавшій восторженные оды всѣмъ барышнямъ въ дни ихъ именинъ и вѣчно въ тайнѣ вздыхавшій то по одной, то по другой изъ нихъ. Барышни знали это и очень часто спрашивали его въ обществѣ: «Кроликовъ, скажите, въ кого вы теперь влюблены?» На это бѣдный юноша, краснѣя и блаженно улыбаясь, отвѣчалъ: «это секретъ-съ моего сердца». Позади семейства казначея сѣли жены учителей, нѣсколько купчихъ съ тупыми, бессмысленными лицами, помѣщица Звонаркина, женщина гигантскаго роста и крайне свирѣпаго вида, двѣ хорошенькія поповны и нѣсколько незначительныхъ чиновниковъ.

Митенька явился въ судъ нѣсколько разстроенный и озабоченный. На немъ были черный сюртукъ и сѣрые брюки. Голубой шелковый галстухъ съ золотой булавкой закрывалъ крахмальную манишку и эффектно отгнѣнял модный стоячій воротничекъ. Дамы и дѣвицы окинули его восхищеннымъ взоромъ, а нѣкоторыя изъ нихъ улыбнулись ему самымъ приветливымъ образомъ.

Митенька скоро оправился, вставилъ въ глазъ монокль и, откинувъ назадъ голову, надменно принялся оглядывать каме-

ру. Это въ высшей степени понравилось дамамъ, и онѣ восторженно зашептали: «Comme il est brave, courageux! Quel caractère!» До ушей Митеньки донесся дамскій шепотъ, и это придало ему еще больше храбрости. Онъ сѣлъ рядо́мъ съ отцомъ на первую скамейку, переложилъ ногу за ногу и, сдавивъ объими, затянутыми въ сѣрые перчатки, руками поля щегольско-го цилиндра, откинулъ голову назадъ, презрительно сомкнулъ губы и нахально уставился въ лицо Марка, только что сѣвшаго въ судейское кресло. Семгинъ сѣлъ на противоположный конецъ той же скамейки. Судья приступилъ къ разбору дѣла.

Свидѣтели слово въ слово подтвердили жалобу Семгина, къ великой досадѣ головы, Митеньки и значительной части публики. Дѣло приняло скверный оборотъ.

Митенька заявилъ, что все—ложь отъ начала до конца, что свидѣтели подкуплены Семгинымъ и что имъ «ни одинъ порядочный человѣкъ не повѣритъ». Маркъ предложилъ ему успокоиться и привести въ свое оправданіе болѣе вѣскіе доводы. Тогда Митенька попросилъ допросить его свидѣтелей. Судья изъявилъ согласіе, и по его знаку были введены избитый и опшаренный Митенькой буфетчикъ и нѣкій Братушевичъ, товарищъ Митеньки по кутежамъ, который состоялъ «спеціальнымъ корреспондентомъ» одной газеты.

Къ сожалѣнію, «спеціальный корреспондентъ» былъ мертвецки пьянъ и понесъ такую чепуху, что самъ голова махнулъ на него безнадежно рукой, а судья, опшаровавъ его на три рубля, велѣлъ сторожу вывести его изъ камеры. Остался такимъ образомъ одинъ буфетчикъ, но и этому не удалось доказать невинность Митеньки. Глупый буфетчикъ забылъ, чему его научили друзья и доброжелатели Митеньки, и только утверждалъ, что «Митрій Петровичъ ни въ чемъ невинновны-сь». Потомъ онъ свернулъ на свою избитую морду и на опрокинутый самоваръ и замѣтилъ, что это — «пустое дѣло», что для барскаго удовольствія ему своей морды не жаль никогда, что за разбитую посуду ему до копѣйки заплачено, и кончилъ тѣмъ, что лучшаго барина, чѣмъ Митрій Петровичъ, онъ не видалъ и что онъ «никакой претензіи къ ихъ милости» не имѣеть.

Въ публикѣ поднялся смѣхъ. Голова закусила въ досадѣ

губы, Митенька сдѣлалъ гнѣвное движеніе въ сторону буфетчика, а тотъ, глупо улыбнувшись, подбоченился и окинулъ всѣхъ торжествующимъ взоромъ, какъ бы говорившимъ: «а что, каковъ я, тоже вѣдь не лыкомъ шить, умѣю съ начальствомъ разговаривать, да еще какъ!»

На предложеніе судьи помириться, Семгинъ отвѣтилъ отказомъ, причемъ замѣтилъ, что никакихъ извиненій не приметъ и требуетъ, чтобы виновный былъ наказанъ по закону. Теперь не оставалось сомнѣній, что Митенька будетъ обвиненъ. Однако, большинство публики думало иначе, полагая, что какойнибудь «жидь-судья» не посмѣетъ произнести приговоръ надъ такой персоной, какъ Митенька, отецъ котораго былъ городскимъ головой и самымъ богатымъ и вліятельнымъ человѣкомъ въ городѣ.

Маркъ сѣлъ писать рѣшеніе. Въ публикѣ воцарилось молчаніе. Всѣ ждали съ напряженнымъ любопытствомъ и не сводили глазъ съ писавшаго судьи и Митеньки. Послѣдній, хотя и не оставилъ небрежной и величественной позы, которую принялъ при входѣ въ камеру, все-таки былъ замѣтно взволнованъ. Сеничка не переставалъ ему дѣлать ободрительные знаки, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Голова мрачно смотрѣлъ въ уголь. Семгинъ, облокотившись на подоконникъ и подперши голову рукой, глядѣлъ въ упоръ на Митеньку. На лицѣ его играла мефистофелевская улыбка.

Наконецъ судья кончилъ и прочиталъ рѣшеніе. Митенька приговаривался къ аресту на семь дней.

Всѣ дамы ахнули. Голова побагровѣлъ отъ злости, а сынокъ въ сильнѣйшемъ волненіи вскочилъ съ мѣста и, насупившись, громко воскликнулъ:

— Это ни на что не похоже. Я недоволенъ.

— Покорнѣйше прошу васъ держаться въ предѣлахъ приличія, — дрожащимъ голосомъ произнесъ Маркъ.

— Я протестую, — гаркнулъ Сеничка.

Маркъ сильно поблѣднѣлъ и еле сдерживалъ волненіе. Въ воздухѣ запахло гровой. Онъ готовился всѣми зависѣвшими отъ него средствами отвести ее. Публика заколыхалась, зашумѣла. Дамы заговорили вслухъ. Сеничка принялъ угрожающую позу. Голова и Митенька не покидали своихъ мѣстъ.

Маркъ повзвонилъ въ колокольчикъ.

— Господа, я прошу васъ успокоиться и прекратить разговоры. Вы мѣшаете мнѣ заниматься дѣломъ.

Шумъ не прекращался.

— Господа, я принужденъ буду попросить васъ удалиться изъ камеры.

— Мы не желаемъ уходить,—заревѣлъ Сеничка.

— Милостивый государь, если вы не перестанете шумѣть, я васъ општрафую.

— Плевать мнѣ на васъ, вотъ что.

— За оскорбленіе суда и...

— Плевать, плевать, плевать, слышите! Мы васъ знать не знаемъ. Откуда вы взялись? Былъ судья Трифонъ Иванычъ, а вы кто такое будете? а-съ?

Сеничка нагнулся впередъ и, сдѣлавши гримасу, высунулъ языкъ.

Кровь бросилась въ лицо Марку. Онъ окинулъ Сеничку ужаснымъ взглядомъ, но тотчасъ овладѣлъ собой и, обратившись къ сторожу, спокойно, насколько позволяло ему взволнованное состояніе духа, проговорилъ:

— Иванъ, выведи этого господина.

— Кого вывести? Меня? меня? Прочь, не позволю. Подступись-ка, сейчасъ расквашу рожу.

— Иванъ, позови городского.

— Я тебѣ дамъ городского. Смотри ты у меня.

Явился городской.

Маркъ указалъ ему на Сеничку.

— Возьмите его въ полицію.

Городовой двинулся къ Сеничкѣ.

— Не смѣй!—остановилъ его Митенька,—не смѣй!

Маркъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Голова у него горѣла. Гнѣвъ и стыдъ душили его. Онъ еле держался на ногахъ. Публика продолжала шумѣть и волноваться. Онъ уже не пробовалъ ее успокоить, ибо видѣлъ, что это бесполезно. Въ его распоряженіи былъ сторожъ и городской, да и эти его не слушались, а стояли въ недоумѣніи, бессмысленно вытаращивъ глаза.

Храбрость Сенички и удачный ходъ скандала одрили Ми-

теньку, совсѣмъ-было растерявагося послѣ объявленія судебного рѣшенія.

— Я недоволенъ,—рявкнулъ онъ, что было мочи.

Въ публикѣ раздался хохотъ и крики: «браво! молодець, ай, да дѣтина!»

Маркъ стоялъ какъ ошеломленный, не зная, что сказать, что предпринять.

— Эй, вы, господинъ судья,—кричалъ Митенька.

— Замолчите, негодяй,—тяжело дыша, прохригѣлъ Маркъ.

— Ахъ ты жидъ этакій, паршивый жидъ лохматый, ты смѣешь со мной, съ дворяниномъ, такъ разговаривать! Да я тебѣ твою жидовскую образину въ муку сотру, я тебѣ разнесу твою жидовскую камеру въ щепы! Смѣешь ты меня своимъ жидовскимъ судомъ судить! погоди. Я тебя проучу! На вотъ!

И Митенька, размахнувшись, изо всей силы ударилъ Марка своей гигантской дланью.

— Ура!—закричалъ Сеничка.

Въ публикѣ поднялись торжествующій хохотъ и дикій ревъ восторга.

Маркъ пошатнулся. Митенька, Сеничка, голова, Семгинъ, городской, сторожъ, публика, столы, скамьи, потолокъ, стѣны, словомъ—вся камера, со всѣмъ находившимся въ ней людомъ, мигомъ смѣшалась въ его глазахъ въ одну большую темную, крайне безформенную, подвижную массу. Кровь прилила къ вискамъ его и съ страшной силой застучала въ нихъ. Въ ухахъ стоялъ глухой, странный, неопредѣленный—не то гулъ, не то стонъ. Голова отяжелѣла и бессильно запаталась на плечахъ. Онъ почувствовалъ сильное стѣсненіе въ груди, точно сердце вспухло и готово было вырваться наружу. Въ горлѣ дыханіе сперлось. Слова застыли на закоснѣвшемъ языкѣ, ноги подкосились. Онъ упалъ на землю.

Х.

Когда Маркъ окончательно пришелъ въ себя, зимній день уже близился къ концу. Солнце тонуло въ серебристыхъ облакахъ, расплывавшихся на горизонтѣ, и послѣдніе лучи его,

пробиваясь сквозь темнозеленую ткань занавѣски, блѣднымъ отблескомъ ложились на желтое, исхудалое лицо Марка.

Дина сидѣла у постели больного, глядя съ тоской на его закрытыя блѣднорозовыя вѣки, на тонкія, безкровныя губы, длинный, точно восковой носъ и впалыя щеки. Онъ сильно измѣнился за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ. Правда, онъ и прежде не пользовался цвѣтушимъ здоровьемъ, но все-таки его нельзя было считать больнымъ человѣкомъ, а теперь онъ скорѣе походилъ на умирающаго, чѣмъ на больного. Несчастный, что за страшный день пережилъ онъ! Это было слишкомъ. Рѣдко подобныя потрясенія выпадаютъ вдругъ на долю человѣка, столь мало способнаго сносить ихъ. Какъ онъ только живъ остался! Спасибо Семгину. Онъ растолкалъ толпу, взвалилъ его къ себѣ на плечи, перенесъ въ кабинетъ. Дины, къ счастью, дома не было. Она случайно ушла за покупками. Когда она возвратилась, Семгинъ осторожно подготовилъ ее, но все-таки она еле устояла на ногахъ, когда увидѣла мужа распростертымъ на постели, безъ чувствъ, безъ признаковъ жизни. Семгину удалось привести его въ чувство. Тяжелый обморокъ прекратился, но больной былъ еще очень слабъ, не могъ говорить, съ трудомъ узнавалъ окружающихъ, не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Только къ вечеру онъ совершенно очнулся. Семгинъ объявилъ, что опасность миновала, и, простившись съ Диной, удалился, боясь своимъ видомъ возбудить въ Маркѣ воспоминаніе о случившемся.

— Дина, ты здѣсь?—проговорилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Здѣсь, милый. Каково тебѣ?

— Ничего, голубушка, хорошо. А Миша, что съ нимъ стало? Онъ невредимъ?

— Онъ здоровъ. Не безпокойся.

— А мнѣ казалось, что тутъ погромъ былъ, какъ разъ такой, какъ въ О. нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я никогда не забуду этого погрома. На меня сильно тогда подѣйствовало. Я заболѣлъ. Сегодня опять и то же самое. Это очень тяжело.

— Милый мой, мы уѣдемъ отсюда.

— Да, уѣдемъ непременно, завтра уѣдемъ.

— Завтра или послѣ завтра, какъ только здоровье тебѣ позволитъ.

— Да, да.

— Ты бы съѣлъ чего нибудь. У тебя цѣлый день во рту ничего не было.

— Я не голоденъ. Развѣ чаю бы.

— Хорошо. Я сейчасъ.

Дина вышла.

Онъ почти успокоился и началъ припоминать подробности злополучнаго дня. Все стало ясно возникать въ его памяти. При воспоминаніи о понесенномъ оскорбленіи красная краска разлилась по его блѣдному лицу. Отвратительная сцена, совершившаяся въ камерѣ, въ мельчайшихъ деталяхъ представилась ему. Онъ припомнилъ разъяренную рожу Сенички, атлетическую, нахальную фигуру Митеньки съ перекосившимся отъ злобы лицомъ и поднятой пятерней, припомнилъ торжествующую ехидную фязіономію головы, насмѣшливыя улыбки женщинъ, выраженіе злорадства на лицахъ мужчинъ; вспомнилъ о томъ, какъ онъ стоялъ одинокій, беззащитный среди этой стаи, которая готова была растерзать его на части, и при воспоминаніи обо всемъ этомъ, при мысли о томъ ужасномъ моментѣ, сердце его наполнилось невыразимой жалостью къ самому себѣ, и въ глазахъ его засверкали горькія, жгучія слезы.

— О чемъ ты плачешь?—съ тревогой спросила вошедшая Дина, замѣтивъ слезы на его глазахъ.—Мы ѣдемъ, завтра ѣдемъ.

Она опустила на колѣни передъ его постелью и тихо прильнула губами къ его овлажненнымъ глазамъ.

— Да, ѣдемъ, ѣдемъ завтра,—прерывисто проговорилъ Маркъ, нѣжно прижимая ее къ груди.—Подальше отсюда, скорѣе, скорѣе.

Громкія, судорожныя рыданія, вырвавшіяся изъ груди его, пресѣкли его рѣчь.

Черезъ нѣсколько дней они возвратились въ О.

XI.

Здоровье Марка сильно пошатнулось. О новой дѣятельности и рѣчи не могло быть, да онъ и слушать не хотѣлъ о новой

дѣятельности. «Довольно поработать»,—отвѣтилъ онъ одному университетскому товарищу, вздумавшему спросить его о томъ, что онъ намѣренъ опять предпринять. Состояніе духа его было самое тяжелое и безотрадное. Онъ никого не хотѣлъ видѣть, по цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ не говорилъ и по прежнему проводилъ время въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Спалъ онъ очень плохо. Вставши утромъ, уходилъ въ кабинетъ, молча выпивалъ тамъ свой утренній чай и выходилъ въ общія комнаты только къ обѣду. За обѣдомъ онъ былъ мраченъ и нѣмъ, почти ничего не ѣлъ, и часто, не будучи въ состояніи дождаться конца обѣда, уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ принимался неутомимо ходить изъ угла въ уголъ. Вечерній чай ему приносили въ кабинетъ же. Нерѣдко принесенный стаканъ чаю съ сухарями оставался нетронутымъ. Меланхолія, овладѣвавшая Маркомъ въ дни тяжелыхъ испытаній, теперь, казалось, свила себѣ прочное и постоянное гнѣздо въ его душѣ. Нечего и говорить, что родные были совершенно убиты его болѣзнию, и домъ Прагеровъ превратился въ могильный склепъ. Прагеры перестали являться въ общество и никого не принимали у себя, точно были въ глубокомъ траурѣ.

Старый Прагеръ осторожно заговорилъ съ сыномъ о докторѣ и леченіи. Маркъ грустно усмѣхнулся и отвѣтилъ, что докторъ не поможетъ. Когда же отецъ сталъ просить принять доктора ради спокойствія семьи, Маркъ выразилъ согласіе и далъ даже обѣщаніе послѣдовать совѣту врача.

Докторъ явился. Старикъ сначала изложилъ ему краткую біографію сына, а затѣмъ рассказалъ про случай въ N—скѣ, о которомъ врачъ зналъ еще раньше. Его проводили къ Марку. Тотъ принялъ доктора холодно-вѣжливо и на вопросъ его о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ, заявилъ, что совершенно здоровъ и врядъ-ли нуждается въ медицинской помощи. Докторъ выслушалъ грудь, измѣрилъ температуру тѣла и распросился съ пациентомъ. Родителямъ онъ сказалъ, что поврежденій въ легкихъ не существуетъ, что общее состояніе здоровья пациента хотя и не вполне удовлетворительно, однако же и не внушаетъ опасеній. Къ меланхоліи онъ отнесся серьезно и замѣтилъ, что эту болѣзнь надо гнать всѣми зависящими сред-

ствами. Въ числѣ прочихъ, онъ предложилъ путешествіе и совѣтовалъ отправиться въ путь какъ можно скорѣе. Врачъ обнадежилъ родныхъ вполне и выразилъ увѣренность въ томъ, что Маркъ совершенно выздоровѣетъ. Родители благодарили его со слезами на глазахъ.

Рѣшено было, что Маркъ съ женой отправится немедленно за границу. Первымъ этапомъ ихъ странствованія назначена была Вѣна. Оттуда они черезъ Тироль проберутся въ Швейцарію и тамъ останутся до мая. Въ май уѣдутъ въ Парижъ, захватятъ Эсэиръ и съ нею вмѣстѣ объѣдутъ всю Европу.

Эсэиръ нѣсколько разъ писала брату, но не имѣла отъ него отвѣта. Дина и старики сообщали ей обо всемъ, что происходило въ домѣ, но этого ей было недостаточно. Она всѣми силами старалась втянуть Марка въ переписку, но это ей никакъ не удавалось. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ и настояній, Маркъ написалъ ей слѣдующія нѣсколько строкъ.

«Дорогая Эсэиръ!

«Я переживаю худшіе дни въ моей жизни. Ты просишь писемъ, но это для меня рѣшительно невозможно. Я не могу писать. Да и къ чему писать? О чемъ писать? Надо открыть душу, надо высказать все,—говоришь ты. Нечего больше высказывать, моя милая. Все, все высказано до послѣдняго словечка, до послѣдней буквы. Внутри ничего не осталось, кромѣ горечи, тоски и отчаянія, но эта горечь останется навѣки во мнѣ. Ее нельзя извлечь, нельзя изгнать, какъ невозможно наполнить бездонную бочку. Все кончено, моя дорогая. Все хорошее, свѣтлое, чистое—схоронено глубоко въ черной, мрачной могилѣ и передо мной беспросвѣтная темень, вѣчный туманъ, тяжелая, духъ захватывающая мгла. Моментами я готовъ думать, что я не живу больше, что я давно погребенъ, погибъ, исчезъ, уснулъ вѣчнымъ сномъ, и что все, что совершается вокругъ меня, есть неясный отблескъ дальняго міра, урывками и чуть замѣтно мелькающій въ глазахъ моихъ, что все, что я слышу—есть слабый отзвукъ того же надзвѣднаго міра, едва доносящійся до ушей моихъ. Да я и въ самомъ дѣлѣ умеръ. Развѣ весь міръ для меня не могила? Ахъ, какъ

хорошо уснуть, успокоиться, забыться навѣки, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать, ничего не чувствовать, чтобы стать никѣмъ и ничѣмъ. Я усталъ, разбитъ, я жажду отдыха, долгаго, вѣчнаго отдыха. О, жизнь, какъ ты тяжела, какъ ты несносна!»...

Приготовленія къ путешествію были окончены. Назначенный къ отъѣзду день наступилъ. Вещи были упакованы. Чемоданы, сундуки—отправлены на вокзалъ. Ручной багажъ отнесли въ кабинетъ. Послѣ обѣда Маркъ по обыкновенію удалился къ себѣ, а домашніе занялись послѣдними приготовленіями къ отъѣзду. Пришли родные прощаться. Они желали повидать Марка, но ихъ упросили отказаться отъ этого желанія, чтобы не разстроить больного. Въ семь часовъ старикъ Прагеръ направился къ дверямъ кабинета.

— Маркъ, пора!—крикнулъ онъ.—До отхода поѣзда осталось только сорокъ минутъ. Всѣ готовы.

Отвѣта не послѣдовало.

Старикъ толкнулъ дверь, переступилъ порогъ и, вдругъ, страшно поблѣднѣвъ, съ открытымъ ртомъ, остановился, какъ вкопанный.

Прямо противъ него, на противоположныхъ дверяхъ, ведущихъ въ спальню, синій, съ выкатившимися глазами, съ высунутымъ языкомъ, съ искаженнымъ лицомъ, висѣлъ Маркъ. Тонкая шея была туго стянута дорожнымъ ремнемъ.

На коврѣ валялась записка:

«Я долженъ былъ. Больше не могу. Силь нѣтъ. Простите всѣ».

М. Рашковичъ.

ЕВРЕИ ПОДЪ ВЛАСТЮ РИМА *.

I.

Передъ нами лежитъ первый томъ обширнаго труда, имѣющаго объять болѣе трехъ столѣтій жизни еврейскаго народа. «Не столько описаніе событій, сколько уясненіе причинъ, породившихъ эти событія и послѣдствій, порожденныхъ ими, составляетъ цѣль моей работы» говоритъ П. Манфринъ въ предисловіи. Вслѣдствіе такого характера задачи весь первый томъ можно назвать пространнымъ вступленіемъ въ исторію «Еврейскаго народа подъ римскимъ владычествомъ», вступленіемъ, которое само по себѣ представляетъ нѣчто цѣлое. Оно главнымъ образомъ посвящено а) критической оцѣнкѣ—съ точки зрѣнія достовѣрности—источниковъ еврейской исторіи (главы: *La Storia Ebraica, Origini degli Ebrei* **; б) разслѣдованію духа вѣрованій, господствовавшихъ въ древнѣйшей Іудеѣ, въ связи съ вѣрованіями другихъ древнихъ народовъ, вліянія еврейскихъ вѣрованій и ученія на развитіе новѣйшихъ религій и философскихъ системъ (*La regione degli Ebrei, L'Eterno Feminino Massoneria*) ***; уясненію культурныхъ и экономическихъ средствъ, которыми располагало еврейство во время паденія Іерусалима, и въ періодъ римскаго владычества,—для распространенія своего нравственнаго и матеріальнаго вліянія на цивилизацію (*Il governo agiocratico, Importanza delle donne ebraee nel culto e nel governo; Il sistema tributaria, Dispersione ed Ellenismo, le Colonie Giudaiche, Ricchezza degli Ebrei* †* и г) отношенію римскаго правительства къ Іудеѣ (*I Romani in Giudea*) †**, во время ея завоеванія.

* *Gli Ebrei sotto la Dominazione Romana*. P. Manfrin. Vol. I. 1888. Roma.

** Еврейская исторія, происхождение евреевъ.

*** Религія евреевъ, вѣчное—женственное, масонство.

†* Агиократія, значеніе еврейскихъ женщинъ въ культѣ и правительствѣ; расселеніе и влеченія; іудейскія колоніи; богатства евреевъ.

†** Римляне въ Іудеѣ.

Авторъ справедливо полагаетъ, что предварительное изслѣдованіе этихъ предметовъ значительно облегчитъ уясненіе смысла историческихъ событій описываемой имъ эпохи и вліяніе этихъ событій на дальнѣйшее развитіе Европы.

Съ нѣкоторыми положеніями и выводами автора можно не соглашаться, но въ общемъ нельзя не отдать справедливости тщательности, добросовѣстности и полному безпристрастію его изслѣдованій. «Считаю цѣлесообразнымъ присовокупить, пишетъ онъ въ предисловіи къ вышедшему I тому, что я не принадлежу ни къ одной изъ партій, именующихъ себя нынѣ «сеμίтами» или «антисеμίтами». Тотъ, кто въ моемъ трудѣ надѣется увидѣть сочиненіе направленное за которую либо изъ этихъ партій и *противъ* другой, разочаруется. Такому читателю я бы посоветовалъ закрыть книгу на первой же страницѣ... Это не значитъ, впрочемъ, чтобы я не позволялъ себѣ ни хвалы, ни хулы; такое воздержаніе затруднило бы для читателей, желающихъ отдѣлять доброе отъ злого, — осмысленную оцѣнку фактовъ. Да и возможно-ли напр., читая писанія мыслителей древности, воздерживаться отъ похвалъ лучшимъ сторонамъ іуданзма, которыя, въ связи съ эллинизмомъ, содѣйствовали цивилизованію рода человеческого... Я употребилъ всѣ усилія, чтобы моя книга была чужда пристрастія и увлеченія». Судя по I тому, авторъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Строго безпристрастный характеръ труда служитъ лучшей гарантіей того, что онъ будетъ прочтень съ пользою сторонниками обѣихъ «партій» «семитовъ и антисемитовъ», какъ называетъ ихъ г. Манфринъ, и, что результатомъ ознакомленія европейскаго общества съ трудомъ П. Манфрина будетъ справедливая оцѣнка пользы, принесенной іудейскимъ элементомъ европейской культурѣ.

Мы не будемъ разсматривать отдѣла, посвященнаго оцѣнкѣ достоверности источниковъ исторіи еврейскаго народа, и постараемся только указать на тѣ силы іуданзма, которыми, по мнѣнію автора, еврейскій народъ располагалъ для содѣйствія развитію цивилизаціи.

II.

Во первыхъ, П. Манфринъ придаетъ огромное значеніе распространенности, характерной организаціи и взаимнымъ между собою сношеніямъ еврейскихъ колоній. Филонъ, въ своемъ посланіи къ Агриппѣ (черезъ посредство Кассія), пишетъ между прочимъ: «Я прошу за мое отечество, и

полагаю, могу сказать въ видахъ его пользы, что Иерусалимъ — столица, не только Іудей, но и многихъ другихъ мѣстностей, колонизированныхъ іудеями, которые съ древнѣйшихъ временъ расселились повсюду, до предѣльныхъ областей Египта, въ Финикии, въ Сиріи, въ Памфилиі, въ Киликии, въ другихъ частяхъ Азіи, вплоть до Вифиніи; по побережьямъ далекаго Понта, въ Европѣ, въ Фессалии, Спартѣ, Македоніи, Атикѣ, Аргосѣ и въ Пелопонезѣ. Еврейскія колоніи изобилуютъ не только на континентѣ, но едва-ли не извѣстнѣйшія и не главнѣйшія изъ нихъ, находятся на островахъ, на Евбей, Кипрѣ, Критѣ. Я не упоминаю уже о заевфратскихъ».

Манфринъ доказываетъ, что Филонъ не только не преувеличиваетъ, но въ своемъ исчисленіи упускаетъ многое. Во времена Нерона были уже извѣстны значительныя еврейскія колоніи въ Галліи, весьма многочисленныя въ Италіи, особенно въ Лаціумѣ и Римѣ. Цицеронъ упоминаетъ объ еврейской колоніи въ Римѣ, «могущественной и весьма важной по своему богатству и финансовому значенію». Кроме того, въ западной Европѣ, на сколько можно судить по нѣбующимся въ рукахъ автора матеріаламъ, было не мало колоній, основанныхъ гораздо ранѣ завоеванія Іудей римлянами, между прочимъ въ Прагѣ. «Страбонъ не ошибается, замѣчаетъ Манфринъ, что въ его время не было населенной страны, въ которой не селились бы іудеи».

Мы опускаемъ изложеніе причинъ образованія колоній и взглядъ на этотъ предметъ Манфрина; взглядъ, который онъ считаетъ совершенно новымъ въ исторіи *. Это насъ завело бы слишкомъ далеко. Между прочимъ онъ доказываетъ: 1) что Юлій Цезарь покровительствовалъ и содѣйствовалъ образованію еврейскихъ колоній, видя въ нихъ большую пользу для своей имперіи; 2) что нѣкоторыя изъ нихъ были основаны при содѣйствіи римлянъ въ видахъ политическихъ, для усиленія партіи, оппозировавшей сенату; 3) что многія колоніи, о которыхъ, между прочимъ, упоминаютъ Ювеналъ и Овидій, были основаны самими іудеями съ торговыми, въ началѣ, часто весьма скромными, цѣлями. Первые два факта указываютъ на то, что римляне считали нужнымъ и полезнымъ расселеніе евреевъ въ имперіи. Несомнѣнно, что ко времени завоеванія Иерусалима сѣтъ еврейскихъ колоній какъ бы охватывала уже древній міръ. Этимъ объясняется, помимо причинъ, порожденныхъ самимъ завоеваніемъ и помимо сравнитель-

* Стр. 247—250.

наго превосходства приращенія населенія въ еврейскихъ общинахъ, многочисленность и многолюдность, которую онѣ представляли черезъ какія нибудь 14—15 лѣтъ послѣ паденія Иерусалима.

Типъ и исторія развитія всѣхъ этихъ колоній однородны. Около синагоги, какъ центра, группировались колонисты, единично и совместно заботившіеся сначала объ упроченіи и благоденствіи поселенія, а потомъ объ организаціи сношеній съ другими колоніями и съ Иерусалимомъ. Эти сношенія впоследствии играли весьма важную роль въ исторической жизни древняго міра. Первоначальная дѣль ихъ заключалась въ доставленіи въ Иерусалимъ въ опредѣленные сроки дани для храма. Эта дань въ теченіи многихъ вѣковъ поддерживала связь между «столицей» и потомками колонистовъ, родившимися въѣ Иудей. Вскорѣ же эти сношенія помимо того приняли дѣловой, торговый характеръ. Каждая колонія получала и доставляла свѣдѣнія, ей и другимъ необходимыя, съ аккуратностью, быстротой и точностью, превосходившими быстроту и точность государственныхъ римскихъ сообщеній. Дотогѣ сношенія между различными странами были исключительно официально-государственные, руководимыя римскимъ правительствомъ. Еврейская же, если можно такъ назвать, почта была первой попыткой этого рода, возникшей по частной инициативѣ; пункты, сносившіеся между собой, были густо раскинуты не только по всей римской имперіи, но и за ея предѣлами; способы сношеній установлены просто и практически, безъ бюрократическихъ и іерархическихъ усложненій и замедленій. Римляне изумлялись превосходству организаціи этого дѣла у евреевъ; не могли не признавать громадныхъ услугъ, которыя они оказывали, (въ связи съ богатствомъ и финансовой угѣлостью евреевъ, о чемъ будемъ говорить ниже) промышленности и торговлѣ; видѣли въ еврейскихъ колоніяхъ (начиная съ Юлія Цезаря)—элементъ полезный, граничавшій съ необходимымъ, и предоставляли евреямъ льготы и права въ колоніяхъ.

III.

Правда, чтобы приобрѣтать эти льготы, а тѣмъ болѣе, чтобы удерживать ихъ за собой при возникшемъ скорѣ недоброжелательствѣ иноплемennыхъ однопороджанъ, еврейскія общины и частныя лица должны были располагать большими денежными средствами. Привилегіи давались римскимъ правительствомъ, а римскія власти были въ то время и расточи-

тельны и алчны. По свидѣтельству Тита Ливія, Аристовулъ, дабы добыться отъ римлянъ благоприятнаго для него разрѣшенія распри съ Гарканомъ, уплатилъ 300 талантовъ Габонію, 400 т. М. Скаура, и самому Помпею поднесъ подарокъ—виноградную лозу изъ чистаго золота, стоимость котораго превышала милліонъ рублей. Иродъ издерживалъ баснословныя суммы на подарки и взятки сенаторамъ и Антонію, чтобы удержать за собою власть надъ Іудеей. Клавдій «Жадный», какъ называетъ его Тацитъ, вопреки стратегическимъ и государственнымъ интересамъ своей имперіи, продалъ Іудеѣ право возводить укрѣпленія, потому что ему были уплачены большія суммы. Одна изъ причинъ недоброжелательства къ евреямъ ихъ сосѣдей иноплеменниковъ, подпавшихъ тоже подъ власть Рима, заключалась въ томъ, что еврейскія общины въ колоніяхъ были богаче не-еврейскихъ. Евреи имѣли возможность откупаться отъ уничтоженія полученныхъ ими льготъ, тогда когда истощенные римскою алчностью иноплеменники уже ничѣмъ не могли задобрить латинскихъ правителей. Манфринъ энергично опровергаетъ мнѣніе Ренана, Гопарта и др., утверждающихъ, что еврейскій народъ и колоніи были очень бѣдны во время паденія Іерусалима, что разжились они только впоследствии. По мнѣнію автора, евреи, какъ нація, какъ общины, какъ отдѣльныя лица—обладали въ то время самыми крупными богатствами. Ихъ законъ и обычаи поощряли накопленіе богатствъ. Средства для этого накопленія не всегда соответствовали принципамъ этики нашего времени; но въ демократическомъ обществѣ, каковыми по преимуществу были колоніи — богатство, только богатство даетъ силу и власть, а самъ Юлій Цезарь говаривалъ: «что противузаконное дѣяніе нельзя порицать, если цѣль его заключается въ приобрѣтеніи права господства».

Манфринъ подтверждаетъ свое мнѣніе исчисленіемъ а) богатствъ храма Іерусалимскаго; б) огромными контрибуціями, уплаченными еврейскими колоніями безъ истощенія; в) колоссальными расходами отдѣльныхъ историческихъ личностей того времени. Въ храмѣ и башнѣ Антонія хранились неисчислимыя богатства. Оттого отчасти римляне стремились во что бы ни стало овладѣть храмомъ и башней. Завоевателями руководили при этомъ не только политическія и религіозныя соображенія, но и финансовыя. Правда, Помпей не разграбилъ богатствъ святилища, но Крассъ одними деньгами унесъ оттуда до 8 (?) талантовъ, не говоря о безчисленныхъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ предметахъ, драгоценныхъ тканяхъ и

одеждахъ, «дивныхъ по красотѣ и цѣнѣ»*. Елеазаръ, еще не зная намѣреній Красса, вѣроятно, желая поразить его сокровищами храма, указалъ ему на одну изъ балокъ храма, которая была вылита изъ чистаго золота; римлянинъ и балку взялъ. Не смотря на то, что и городъ Іерусалимъ и храмъ были опустошены Титомъ во время похода его въ Египетъ, имѣвшаго мѣсто много лѣтъ спустя, солдаты его войска, проходя черезъ Іерусалимъ, отканывали въ землѣ богатства, деньги и драгоценные предметы, сгоревшие побѣжденными. Значеніе всѣхъ этихъ фактовъ усиливается, если принять въ соображеніе, что, по изслѣдованіямъ Манфрина, іерусалимскій храмъ былъ ограбленъ еще Антиохомъ.

Войны и разграбленія не потрясли, однако, богатства евреевъ, какъ націи. Когда Цезарь восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ, евреи, какъ изъ самой Іудеи, такъ и изъ различныхъ колоній, прислали ему въ подарокъ драгоценныя золотыя вѣнцы, число которыхъ было весьма значительно. Въ то же самое время мало-азійскіе ихъ соплеменники доставили Коссу 800 талантовъ. По свидѣтельству Цицерона, Луцій, Флавій, правитель Малой Азіи, во время своей экспедиціи въ Іерусалимъ собралъ съ жителей мало-азійскихъ городовъ Апамеа и Лаодікеа около 120 фунтовъ золота. Только цифра, уплаченная этими городами, дошла до насъ; контрибуція была собрана и со всѣхъ остальныхъ еврейскихъ колоній. «Если,—говоритъ Манфринъ,—помножить этотъ капиталъ на число колоній, то мы получимъ цифру, которую я даже не смѣю изобразить». Всѣ эти контрибуціи уплачивались безъ затрудненій и въ самый короткій срокъ, какъ, напр., колоссальная сумма 800 талантовъ, собранная Кассіемъ.

Расходы нѣкоторыхъ лицъ, евреевъ, въ эту эпоху были неисчислимы. Роскошь и богатства еврейской колоніи въ императорскомъ Римѣ не подлежатъ сомнѣнію. Послѣ паденія Іерусалима пышность не уменьшилась, едва ли не возросла. Достаточно вспомнить, что (по свидѣтельству Іосифа Флавія) Иродъ окружалъ себя въ вѣчномъ городѣ блескомъ, затѣвавшій блескъ римскихъ патриціевъ и даже императорскаго двора; его сыновья, воспитывавшіеся въ Римѣ виѣстѣ съ сыновьями императора, издерживали баснословныя деньги. Между тѣмъ въ самомъ отечествѣ Иродъ тратилъ еще болѣе; во время продолжительнаго голода онъ содержалъ на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ Іудеи, онъ основалъ нѣсколько городовъ, возобновилъ храмъ іерусалимскій и возвелъ нѣсколько другихъ храмовъ.

* Историкъ Іосифъ Флавій.

«Правитель народа бѣднаго, безденежнаго, не могъ бы располагать такими средствами». Народъ же доставлялъ ему въ то же самое время значительныя средства для борьбы съ Антигономъ. Гирканъ, сынъ Иосифа (родившійся отъ Товіи и дочери первосвященника Овіа) изумлялъ дворъ Птолемея пышностью своей обстановки и цѣнностью своихъ подарковъ. Въ одно изъ празднествъ онъ издержалъ до 1,000 талантовъ.

Манфринъ подтверждаетъ свое мнѣніе обильными выписками изъ Иосифа Флавія, Тацита, Тита Ливія, Цицерона и др. Доказавъ, что евреи въ данную эпоху располагали громадными матеріальными средствами, автору не трудно доказать, что при густой сѣти колоній, разбросанной по Средиземному побережью, при практической и искусной системѣ сношеній колоній между собою и съ центрами римской власти и, наконецъ, благодаря прирожденнымъ способностямъ къ веденію финансовыхъ предпріятій (несомнѣнно признаваемымъ римлянами; въ финансовыхъ сферахъ Рима евреи господствовали, — говорить Цицеронъ *De prov. cons. v.*), — евреи, и едва-ли не исключительно евреи, двигали и развивали торговлю и промышленность. И слѣдовательно, по мнѣнію автора, несправедливо ставится имъ въ упрекъ, что они лично обогащались, что они являлись какъ бы паразитами.

Столь же несправедливымъ и неосновательнымъ находить Манфринъ господствующее въ исторіи мнѣніе, будто бы евреи въ рассматриваемую эпоху начинали быть ненавидимы за то, что они стремились быть и были откупщиками податей въ римскихъ провинціяхъ. Что представители римскаго правительства и самыя центральныя власти предпочитали отдавать на откупъ евреямъ сборъ податей — неопровержимо. Цицеронъ, съ отгѣнкомъ сомнѣнія, замѣчаетъ, что Габоніо подчинилъ на востокѣ еврейскимъ капиталистамъ римскихъ патриціевъ. Сами императоры лично отдавали преимущество евреямъ. И не одни римскіе императоры, ихъ наиѣстники и египетскіе Птолемеи также. Но правителями въ этомъ отношеніи руководили не одни корыстные расчеты, а нерѣдко искреннія заботы о благѣ населенія, часто же уваженіе къ личности, уму и, конечно, въ извѣстной степени и богатству и финансовымъ дарованіямъ даннаго лица. Птоломей, къ великому неудовольствію своихъ сановниковъ, торжественно разѣзжая по Александріи въ золотой колесницѣ, сажалъ рядомъ съ собой Иосифа (отца вышеупомянутаго Гиркана). Онъ уважалъ въ Иосифѣ друга. Когда наступилъ день, въ который должно было отдавать на откупъ городскія подати, — рассказываетъ Иосифъ Флавій, — явились капиталисты со всѣхъ сторонъ; за по-

дати Целезеріи, Финикии, Іудеи и Самаріи предлагали до 8 (?) талантовъ. Тогда выступилъ Іосифъ, посовѣтовалъ царю учредить конкурсъ и самъ предложилъ двойную противу остальныхъ состязающихся цифру... Царь присудилъ откупъ Іосифу и «*по дружбѣ*», которую питалъ къ нему, освободилъ его отъ взноса залога... Такимъ образомъ, довѣріе и дружба, которыя питали правители къ евреямъ-откупщикамъ, нерѣдко облегчали для послѣднихъ самую операцію. Ихъ предпочитали и потому, что они были искуснѣе римлянъ въ финансовомъ дѣлѣ; въ этомъ сознается и Цицеронъ. Будучи искуснѣе, они могли извлекать большую сумму податей при наименьшемъ истощеніи народа. Они несомнѣнно извлекали выгоды для себя; но они избѣгали разорять населеніе, дабы не изсякъ податной источникъ. Сборщики же римляне убивали гусыню съ золотыми яйцами, держась правила «*après nous le déluge*».

Нельзя отрицать, что еврейскихъ сборщиковъ податей и ихъ агентовъ населеніе не любило, ненавидѣло, пожалуй. Но населеніе ненавидѣло въ этомъ случаѣ не еврея, а откупщика—*publicane*

Время римскаго владычества въ Іудеѣ распадается на два періода. Сначала она непосредственно была подчинена Риму. Потомъ, при Иродѣ и его преемникахъ, страна пользовалась извѣстной автономіей, основанной на правахъ, предоставленныхъ ей римскимъ сенатомъ. Въ теченіи обоихъ періодовъ евреи уплачивали Риму дань, обычную для всѣхъ подчиненныхъ ему народовъ. Система сбора этой подати не имѣла ничего общаго съ системой собиранія мѣстныхъ древне-іудейскихъ налоговъ. Подать римлянамъ уплачивалась, правда, съ неудовольствіемъ; но она не была особенно обременительна. Самый порядокъ взиманія ея теоретически былъ менѣе стѣснительнъ для населенія, чѣмъ порядокъ взиманія мѣстныхъ податей. Римляне были искусные законодатели. Но въ ту пору, къ сожалѣнію, практика римскихъ властей не соответствовала теоріи ихъ законодательства. Благодаря злоупотребленіямъ и корыстолюбію второстепенныхъ агентовъ Рима, сборъ податей обращался въ истинную пытку для дайнаго народа. Сенатъ еще во время второй пунической войны постановилъ отдавать подати на откупъ, какъ прямыя—*vectigalia*, такъ и косвенныя—*portoria*. Откупщиками были въ началѣ исключительно знатные римскіе капиталисты. Завоеванія расширяли предѣлы Римской имперіи, время и обстоятельства возвышали налоги. Залоги, вносимые откупщиками, стали такъ крупны, что одному капиталисту, каковы бы ни были его средства, стало не подъ силу ихъ вносить. Тогда образовалось нѣсколько обществъ—

Societas Societa избирало главнаго—*magister* и нѣсколько товарищей *magister*'у, обязанныхъ жить въ Римѣ и сноситься по дѣламъ компаній съ сенатомъ. Завѣдываніе же сборами податей въ каждой провинціи возлагалось на *Sub-magister*, обязанныхъ жить на мѣстѣ и имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи чиновниковъ *portitores* и друг. Въ каждомъ городкѣ, въ каждой общинѣ, провинціи, были насажены эти *portitores*, въ свою очередь поручавшіе своимъ подчиненнымъ непосредственное взиманіе сборовъ съ жителей. Всѣ эти лица были истинными бичами для населенія, нѣчто въ родѣ саранчи. Ихъ болѣе, чѣмъ кого либо, справедливо приравнять паразитамъ. Предоставленные самимъ себѣ, алчные до наживы, почти всегда невѣжественные, они совершали злоупотребленія, были крайне несправедливы, руководились своими капризами, страстями и духомъ политическихъ (римскихъ) партій, за сторонниковъ которыхъ себя выдавали. Главный вредъ, наносимый ими, состоялъ въ томъ, что они грабили и въ корень разоряли податныя массы; что они по преимуществу упражнялись надъ низшими классами; что уничтожали всякую возможность сбереженій; подрѣзывали крылья у всякаго вновь возникающаго ремесла, убивали всякую промышленность. Тѣ, кто обладалъ малымъ, предпочиталъ ничего не имѣть, лишь бы избѣгнуть клеветы *publicane*. Ихъ ненавидѣли низшіе и презирали высшіе. Интеллигентные люди Рима считали ихъ большимъ зломъ. «*Flos equitum Romanorum, ornamentum civitatis, fir mamentum reipublicae!*»—восклицалъ Цицеронъ, но восклицалъ напрасно, ибо гангренозная язва впиалась слишкомъ глубоко въ государственную организацію. Ненависть, которую возбуждали *publicanes* среди подчиненныхъ имъ въ податномъ отношеніи странъ, не только завоеванныхъ Римомъ, но и собственно римскихъ, едва-ли не была одной изъ причинъ разложенія имперіи, ибо возбуждала негодованіе населенія противъ центральнаго правительства, которое пользовалось услугами этихъ кровопійцъ. Титъ Ливій говоритъ, что эти сборщики сплотились въ шайку, которая знать не хочетъ никакого добраго вліянія и даже законовъ; которая, когда ей нужно, умѣетъ добиться изданія выгодныхъ для себя эдиктовъ и приводитъ ихъ въ исполненіе съ безжалостнымъ корыстолюбіемъ. «*Ubi publicanus est ibi aut jus publicum vanum, aut libertas sociis nulla.*» Самъ Цицеронъ въ минуту искренности (*ad quint*) сознается, что лучшіе правители провинціи болѣе всего озабочены желаніемъ обуздать *publicane*, но что это желаніе практически совершенно неосуществимо. Одна изъ сторонъ древне-германскаго быта особенно похва-

Оно возбудило племенные распри, гоненія на евреевъ и задержало развитіе прогресса, стѣснивъ распространеніе идей еврейской этики и философіи. Между тѣмъ, эти идеи и ихъ практическое примѣненіе къ древней Іудеѣ были столь глубоки, столь плодотворны, что, какъ доказываетъ Манфринъ, не смотря на всѣ препоны, не смотря на уклоненіе представителей народа, ихъ носившаго, не только отъ сближенія съ иноплеменниками, но даже отъ всякой попытки прозелитизма, онѣ проникли таки сквозь цѣлыхъ два тысячелѣтія въ общественную, философскую и политическую науку нашего времени. Важное значеніе придаетъ авторъ *Eternit Fetinit* и возврѣніямъ древнихъ евреевъ на женщинъ. Объ этомъ предметѣ и связи его съ современной наукой и современнымъ, такъ сказать, женскимъ вопросомъ, мы упомянемъ ниже. Опускаемъ изслѣдованія автора о значеніи для древней цивилизаціи еврейской идеи монотеизма. Укажемъ только на упоминаемыя Манфриномъ попытки грековъ воспользоваться этими идеями. «Древнѣйшее произведеніе греческой литературы, такъ называемое подготовительное, было посвящено попыткѣ согласить ученіе Моисея съ языческой мѣологіей и философіей. Это сочиненіе іудеи приписываютъ Аристовулу, жившему около 160 лѣтъ ранѣе начала христіанской эры и занимавшему высокое положеніе при дворѣ Птоломеевъ. На эту тему было написано множество сочиненій, цѣлая библиотека, нынѣ утраченная, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ». По распоряженію Птоломеевъ, еврейскія книги были переведены на греческій языкъ; онѣ были включены въ составъ Александрійской библиотеки. Но такъ какъ сами евреи, за рѣдкими исключеніями, особенно оставшіеся въ Іудеѣ, не принимали участія въ этой работѣ, направленной къ распространенію принциповъ, носителями которыхъ былъ ихъ народъ, то естественно, что греческіе писатели ошибочно объясняли идейное сходство между греческой и іудейской философіей со своей, можно сказать, патристической точки зрѣнія, т. е. воспринятіемъ іудейскими мыслителями принциповъ Платона, Пифагора, Аристотеля и т. д. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ греки, воспринявъ многія основныя идеи этики іудейской, явились только ихъ популяризаторами, толкователями и проводниками; они выдавали ихъ (по большей части заблуждаясь, но заблуждаясь искренно) за чисто эллинскія. По мнѣнію Манфрина, человечество грекамъ обязано распространеніемъ идей, но основными принципами многихъ социальныхъ и философскихъ положеній сами греки были главнымъ образомъ обязаны іудазму. При этомъ Манфринъ доказываетъ, что собственно іудазмъ,

какъ социальное ученіе несравненно болѣе чистаго эллинизма, подходивъ ко вкусамъ и соответствовалъ пользамъ бѣднѣйшихъ и низшихъ классовъ народовъ. Одно изъ практическихъ, хотя относительно мелкихъ, доказательствъ этого положенія мы встрѣчаемъ въ сравненіи между институтомъ рабовъ у евреевъ и римлянъ, подчинившихся въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, греческому вліянію. Иго рабства было тяжело и у евреевъ, но оно было несравненно мягче у нихъ, чѣмъ у грековъ и римлянъ.

Вслѣдствіе того, что іудейскія идеи были болѣе справедливы, гуманны и болѣе примѣнимы къ улучшенію положенія массъ, чѣмъ чисто эллинскія, египетскія и латинскія, первыя, воспріятыя лучшими мыслителями Греціи и Рима, проникли въ культуру нашего времени. Въ нѣкоторыхъ появившихся слѣдующихъ томахъ «Еврейской Исторіи» Манфрина будетъ, между прочимъ, изложено вліяніе этихъ идей на ходъ историческихъ событій.

Въ самомъ католическомъ папствѣ авторъ видитъ воспріятіе идеи іерусалимскаго агіократизма, главенства первосвященника.

V.

Съ особенной тщательностію, подробностію и, можно сказать, любовью г. Манфринъ разсматриваетъ значеніе въ іудейскомъ культѣ, въ философіи и въ быту—женщины. Онъ придаетъ *Eternum Femininum* большой вѣсъ при оцѣнкѣ цивилизующаго вліянія іудейства, не только на римскій міръ, но и на возникшую на его обломкахъ организацію европейскихъ и мусульманскихъ государствъ.

«Первоначальный монотеизмъ на землѣ, говоритъ авторъ, былъ всюду монотеизмъ женственный (*Femininum*)». Подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается плодотворящая сила природы, которую въ видѣ женщины, въ той или другой формѣ, первоначально боготворили всѣ древніе народы. Предки іудеевъ едва ли не равнѣ другихъ; по мнѣнію автора, осмысленнѣе, послѣдовательнѣе и долѣе другихъ народовъ. Манфринъ опровергаетъ мнѣніе Ренана, что на *древнѣйшемъ* еврейскомъ языкѣ не было слова, соответствующаго выраженію *богиня*, и доказываетъ существованіе выраженія—*Владычицы неба*. Духъ Творца вселенной, согласно Книгѣ Бытія, носился надъ моремъ (море почти на всѣхъ древнѣйшихъ языкахъ женскаго рода), и изъ моря, какъ младенецъ изъ утробы матери, выз-

ванное Творцомъ, какъ факторомъ оплодотворяющимъ, появилось на землѣ живущее *. Культъ *Eternum Femininum*, какъ онъ ни искажался египетскими жрецами, языческими вѣроваіями Элады и Рима, не переставалъ жить въ народныхъ массахъ и всегда былъ особенно привлекателенъ для массъ. Въ ближайшія къ намъ времена, іезуиты, устрешенные нарожденіемъ схизматическихъ и протестанскихъ вѣроученій, видѣли въ возвелченіи Мадонны, и въ приданіи поклоненію ей особой торжественности, одно изъ спасительныхъ для римско-католической религіи средствъ. И по ивѣію Манфрина, благодаря этому средству, папамъ и іезуитамъ удалось доселѣ удержать въ своихъ рукахъ религіозное вліяніе на народныя массы, особенно на югѣ Европы въ Италіи и Испаніи.

Массоны заклятые враги іезуитизма и тапизма вообще, стоящіе, въ смыслѣ политическомъ и общественномъ, на концѣ діаметрально ивъ противоположномъ, основываютъ свои мистическія вѣроученія, (носящія явный древнееврейскій характеръ) на боготвореніи *Eternum Femininum*; они именуютъ себя сынами Великой Вдовицы, ярко сверкающей на небѣ, исповѣдуютъ основные принципы женственнаго монотензма, исходящіе изъ словъ Книги Бытія: плодитесь и множитесь*.

«Fuit semper etiam a saeculorum principio generatio et non creatio, ordo ab chaos.—Quae sit foemina? Ea est quae dat formam, jungit, adspersit et metit. и т. д.

Манфринъ проводитъ паралель между религіознымъ культомъ и эмблематизмомъ масонства (масонство не только существуетъ въ наши дни, но оно постоянно распространяется по сей день во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ) и приходитъ къ заключенію о тѣсномъ сродствѣ ихъ съ культомъ и эмблематизмомъ древне-еврейскими. Политическаго ученія масоновъ онъ впрочемъ не касается. Рамки нашей статьи не позволяютъ намъ подробно изложить и подвергнуть критическому обзору доказательствъ Манфрина о существованіи у древнихъ евреевъ культа *Eternum Femininum* **. Мы вынуждены ограничиться только указаніемъ на значеніе, которое онъ придаетъ этому доказанному по его ивѣію факту. Онъ подробно выясняетъ, что этотъ культъ существовалъ и у другихъ, едва-ли не у всѣхъ древнихъ народностей, но что только евреи являлись практиче-

*) Манфринъ замѣчаетъ, что школа дарвинистовъ, подобно Книгѣ Бытія, признаетъ что изъ океана возникло все на землѣ живущее.

** Стр. 117—203, т. I. *Ebrei sotto la dominazione Romana*.

скими и, такъ сказать, консервативными носителями плодотворной и великой идеи. Во всё вѣка и у всѣхъ народовъ она пользовалась особенной популярностью въ массахъ; она, прошедшая черезъ эллинизмъ, облеченная іезуитами въ обрядовую форму, служить доселѣ источникомъ религіознаго утѣшенія для 400.000.000 католиковъ; она господствуетъ въ вѣроученіи массовомъ, игравшихъ и продолжающихъ играть въ политическихъ движеніяхъ западной Европы (особенно въ Великобританіи и Италіи) гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ; она воодушевляла средневѣковыхъ рыцарей, она лежитъ въ основѣ женскаго вопроса XIX вѣка и особаго уваженія къ женщинѣ и ея правамъ въ сѣверныхъ штатахъ Америки. Незирая на то, что въ самомъ еврействѣ, уже во время римскаго владычества, женщина въ бытовомъ смыслѣ была сведена до нѣкоторой степени со своего древняго пьедестала, нынѣ, по мнѣнію автора, въ древнееврейскомъ культѣ, сумѣвшемъ сохранить до нашего времени жизненность своихъ основныхъ принциповъ, должно искать зародышъ того движенія, которое въ нашъ вѣкъ называется женскимъ вопросомъ. Не смотря на то, что въ древнееврейскомъ мірѣ допускалась полигамія, положеніе женщины въ іудеѣ было почетнѣе, чѣмъ у другихъ народностей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, она ставилась выше, чѣмъ даже мужчина, особенно въ отдаленныя времена, покуда монотеизмъ, принявшій болѣе или менѣе officialный характеръ, не скрылъ отъ глазъ позднѣйшихъ историческихъ изслѣдователей распространеннаго въ массахъ, живучаго и популярнаго культа *Eternum Femininum*.

«На первыхъ же страницахъ Книги Бытія,—говоритъ Манфринъ,—мы встрѣчаемся съ указаніемъ, что мужъ долженъ ради жены оставить отца и мать. У другихъ народовъ, не исключая и современныхъ намъ евреевъ, обычай къ этому предмету относится въ совершенно обратномъ смыслѣ. Это указаніе ставитъ женщину на одинъ уровень съ мужчиной. Даже, если принять въ соображеніе, что вовсе не сказано объ обязанности жены ради мужа оставлять родителей,—можно вывести заключеніе о превосходствѣ правъ, предоставленныхъ женщинѣ». «Особая упоминанія о женахъ патриарховъ, рассказъ о женѣ Лота, война, возникшая изъ-за женщинъ, и проч. придаютъ священнымъ книгамъ евреевъ характеръ совершенно отличный отъ священныхъ книгъ и сказаній другихъ народовъ древности». «Нѣкоторые описательные эпизоды библіи посвящены исключительно женщинамъ». Въ исторіи Руен, кромѣ Вооза, мы встрѣчаемся исключительно съ женщинами. Никакой греческой, никакой латинской пи-

сатель не посвятилъ бы своего творчества подобному сюжету. Приблизительно то же можно замѣтить и объ исторіи Сусанны. «Правительственная организація ханаанскихъ племенъ, по всей вѣроятности, была такова, что женщины допускались съ древнѣйшихъ временъ къ участию въ управленіи; этотъ обычай сохранился и послѣ занятія Іерусалима». Манфринъ ссылается на II книгу Самуила XX, 15 и говоритъ между прочимъ: «Когда городъ долженъ былъ пасть, кто явился спасти его и переговорить съ Іоавомъ?.. *Мудрая женщина*,—какъ говоритъ библейскій текстъ. Ея имя, правда, опущено, но самое это опущеніе доказываетъ, что участіе женщинъ въ государственныхъ дѣлахъ было явленіемъ не исключительнымъ, а обыкновеннымъ». «Рядомъ съ строго величавымъ образомъ Моисея, спасеннаго женщиной, возникаетъ неменѣе величавый образъ Миріамъ или Маріи. Марія оставила въ народѣ долгую память, сохранившуюся до III вѣка настоящей, христіанской, эры. О ея гробницѣ и празднествахъ въ честь ея упоминаетъ Іосифъ Флавій... Св. Іеронимъ говоритъ, что въ его время могилу Маріи указывали около Питра. Она была, если вѣрить преданію, погребена на возвышенномъ мѣстѣ, на горѣ, что было звокомъ особаго почета въ то время. О ней упоминается въ Коранѣ Магомета и, по изслѣдованіямъ современныхъ ученыхъ, ее доселѣ чтутъ арабы». «Священные книги неоднократно упоминаютъ иногда съ похвалой, иногда съ порицаніемъ о пророчицахъ, проповѣдывавшихъ въ храмѣ и имѣвшихъ вліяніе на народъ; пророчицы существовали вплоть до христіанской эры включительно» (Еванг. отъ Луки). «Одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ Книги Судей посвящено восхваленію торжества женщины—женщины судіи». Манфринъ доказываетъ, что слово Дебора не было собственнымъ именемъ, а обозначало общественное судейское званіе, которое предоставлялось женщинамъ, а также,—что женщины стояли иногда во главѣ городского управленія.

Значительность женскаго вліянія на государственное и общественное управленіе доказывается тѣмъ, что священные книги, упоминая о воцареніи новаго государя, почти всегда упоминаютъ о его матери. Вслѣдствіе многоженства, жена царя не могла быть царицей; но царицей бывала его мать; «хотя переводчики библии обыкновенно даютъ ей неосновательно титулъ *принцессы*». Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ даннымъ, значеніе царицы-матери въ Іудеѣ, по мнѣнію Манфрина, было важнѣе значенія матери султана, Валиде, въ современной намъ Турціи. Вліяніе власти Валиде ограничивается предѣлами двора и дворца, тогда какъ мать царя іудейскаго принимала официальное и непосредственное

части въ государственныхъ дѣлахъ... «Мы встрѣчаемъ въ библіи строгія порицанія Аталіи и Іезавели, но самое негодование писавшихъ эти книги служить доказательствомъ могущества этихъ царицъ и ихъ вліянія на народъ». «Лѣтописи Іосифа-историка даютъ намъ право заключить, что официальная власть царицъ не ослабѣвала, но усиливалась съ теченіемъ времени, особенно во времена асмонеевъ, когда право, установленное обычаемъ, является уже правомъ юридическимъ». «При Иродахъ Самоея, Маріамна, Иродіада, Береника—проявляютъ такое же могущественное вліяніе на судьбы народа, какое проявляли еврейскія женщины отдаленной древности. Всѣ историки того времени тщательно перечисляютъ всѣхъ женъ Ирода и почти забываютъ о его сыновьяхъ». «Все это, взятое вмѣстѣ, неопровержимо подтверждаетъ,—говоритъ Манфринъ,—фактъ женскаго вліянія въ Іерусалимѣ и указываетъ на существованіе совершенно особаго порядка вещей, слѣды котораго не могли быть уничтожены новыми, позднѣе возникшими, идеями, указанія на которыя не изгладились изъ древнихъ лѣтописей, не смотря на всѣ искаженія ихъ переписчиками, толкователями и переводчиками».

V.

Изъ бѣлаго очерка I тома «Еврейской Исторіи» читатели могутъ заключить о характерѣ предпринятаго П. Манфриномъ труда. Его существенная цѣль заключается въ томъ, чтобы объяснить вліяніе іудаизма, прошедшаго сквозь римское владычество, на судьбы древняго и средневѣковаго міра, на судьбы Европы и ея цивилизацію. При этомъ авторъ, признавая и доказывая, что евреи обладали могущественными, какъ матеріальными, такъ и идейными средствами, полагаетъ, что эти средства могли бы быть употреблены съ несравненно большей для человѣчества пользою, если бы, въ періодъ политическаго подчиненія Риму, евреи не избѣгали сближенія съ другими народностями и не уклонялись отъ пропаганды. Онъ объясняетъ эту сдержанность, породившую, по его мнѣнію, немало невзгодъ для самихъ евреевъ, и въ извѣстной степени оправдываетъ ее гордостью народа, имѣвшаго основаніе считать себя древнѣйшимъ на аренѣ исторической жизни, но все-таки видитъ въ ней «великое бѣдствіе» для цивилизаціи, которая была лишена возможности вполне и своевременно воспользоваться тѣми сокровищами, которыя древній іудаизмъ завѣщалъ вѣкамъ.

Д. Рускинъ.

СПИНОЗА*.

(Посв. А. Л. Флексеру).

Nec ridere, ne lacrimari, sed intelligere.
Spinoza.

Затмился день. Ночная мгла,
Какъ паутина, облегла
Всѣ очертанья... Амстердамъ
Безмолвенъ, пусть, какъ людный храмъ
Когда обѣдня отошла,—
И небо куполомъ надъ нимъ
Сіяеть блѣдно-голубымъ...

Съ террасы низкой въ темный садъ,
Глубокой думою объять,
Выходитъ юноша... Кругомъ
Льютъ гіацинты аромать,
Въ аллеяхъ тоноди шумять
И точно сыплютъ серебромъ...

---

* У амстердамскаго врача Фанъ-денъ Энде была дочь Олимпія—красивая дѣвушка, хорошо владѣвшая латинскимъ языкомъ. Сохранилась легенда, что Спиноза, пожелавъ научиться этому языку, одво время былъ ея ревностнымъ ученикомъ и... поклонникомъ. Смышленная дѣвушка, однако, предпочла стыдливому и робкому философу богатства молодого гамбургскаго купца Кергеринга, умѣвшаго подкрѣпить свои притязанія жемчужными ожерельями, кольцами и другими соблазнами. Г. Льдовъ воспроизвелъ эту легенду—естати сказать, опровергаемую новѣйшими біографами философа—почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она рассказана въ известномъ романѣ Ауэрбаха.

Ред.

Но блѣдный проша идетъ
 Такъ ровно, медленно впередъ—
 И, только выйдя изъ воротъ,
 Послѣднй взглядъ, прощальный взглядъ
 Бросаетъ горестно назадъ...

Какъ догорѣвшая звѣзда
 Съ зарею гаснетъ безъ слѣда,
 Такъ въ сердцѣ гаснетъ у него
 Святое чувство... Божество
 Само низвергнуло себя,
 Само алтарь разбило свой
 И, все минувшее губя,
 Слилось со тьмою вѣковой...
 Какъ обманулся онъ, любя!
 Предъ кѣмъ клонилъ свое чело!...
 Но солнце разума взомгло,
 И смогло сердце... Мощный умъ
 Разгонитъ тѣнь печальныхъ думъ,
 И свѣтъ обманчивый любви
 Въ сіяньѣ радостной зари
 Затмится скоро навсегда...
 Такъ догорѣвшая звѣзда
 Съ зарею гаснетъ безъ слѣда...

И бросилъ онъ послѣднй взглядъ
 На этотъ домъ, на этотъ садъ,
 Гдѣ столько радостныхъ минутъ
 Она доставила ему...

Какъ увлекалъ ихъ общій трудъ,
 Отрадный сердцу и уму!
 Какъ звученъ былъ въ ея устахъ
 Латинскій стихъ, пѣвучій стихъ!..
 Въ счасть, какъ небо голубыхъ,
 Сквозила мысль...

И онъ въ мечтахъ,

Въ мечтахъ полуночныхъ своихъ
 Ее такъ нѣжно называлъ—
 Своей подругой... Онъ мечталъ
 По жизни тѣсному пути
 Ее любовно повести,—
 Но счастья пѣнистый бокаль
 Изъ рукъ невыпитымъ упалъ...

Богачъ пустой, голландскій Брезъ,
 Плѣнился нѣжной красотой,—
 И дождь разсыпалъ золотой
 У ногъ прелестной,—какъ Зевесъ...
 И, какъ Даная смущена,
 Позорный даръ взяла она,—
 Какъ даръ, ниспосланный съ небесъ...

Невольный зритель, въ этотъ мигъ
 Онъ бездну горести постигъ,
 И все доступное уму
 Понятнымъ сдѣлалось ему...
 Безсильнымъ юношей входилъ
 Онъ такъ недавно въ этотъ домъ,—

Но вышелъ мыслящимъ бойцомъ
И взрослымъ мужемъ, полнымъ силъ...

И, взоръ глубокой отвративъ
Отъ стѣны, гдѣ юности весна
Навѣки имъ погребена,
Пошелъ онъ вдаль, какъ на призывъ
Незримыхъ геніевъ... и въ немъ,
Какъ будто выжжена огнемъ,
Влеснула мысль—и думалъ онъ:
— Къ чему безцѣльный, жалкій стонъ,
Къ чему безсилія печать
На тѣхъ, кто въ силахъ—*понимать!*

И тихо взоръ онъ опустилъ...
Онъ *понялъ* все—и все *простилъ*.

Константинъ Льдовъ.

Май 1888 г.

КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ.

По поводу второго изданія изслѣдованія, Н. Д. Градовскаго: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

I.

Судьбы евреевъ, послѣ уничтоженія ихъ политической самостоятельности, всегда были предметомъ изученія; но духъ и характеръ этого рода работъ всегда зависѣли отъ того, въ какой мѣрѣ и степени авторы придерживались тѣхъ или другихъ предубѣжденій и господствующихъ въ отношеніи евреевъ предрасудковъ. Покойный Градовскій начинаетъ свою объ нихъ статью «Судьбы еврейскаго народа» * такъ: «Съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрю я на народъ еврейскій: я вижу въ немъ звѣно, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго». Затѣмъ далѣе онъ же присовокупляетъ: «два тысячелѣтія тяжкихъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую евреевъ отъ человѣчества»... Съ того времени много было высказано у насъ и pro и contra о евреяхъ; но законодательные источники, въ собственномъ смыслѣ, почти не затрагивались: каждый поступалъ по своему вкусу и субъективнымъ наклонностямъ, приводя на выдержку тѣ или другіе законодательные акты, указы, правительственныя распоряженія и пр. Общаго, цѣльнаго изслѣдованія предмета не было. Поэтому весьма отрадное явленіе представляетъ изслѣдованіе г. Градовскаго, заглавіе котораго приведено выше. Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ первую часть предпринятаго авторомъ труда и обвиняетъ мѣры и постановленія, предшествовавшія нынѣ дѣйствующему законодательству о евреяхъ. Тщательно собранный въ этой части матеріалъ распределенъ въ систематическомъ порядкѣ и подвергнутъ

* Эта статья въ первый разъ была напечатана въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1836 годъ.

самой безпристрастной критикѣ. Можно смѣло сказать, что этотъ трудъ выдѣляется по своей обработанности и читается съ большимъ интересомъ. Онъ вполне свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ работалъ надъ нимъ, не спѣша и не оставляя въ сторонѣ никакихъ существенныхъ для уясненія истины фактовъ и логически-вытекающихъ изъ нихъ выводовъ. Вотъ почему нельзя никонимъ образомъ видѣть въ изслѣдованіи г. Градовскаго и тѣни тенденціозности въ пользу евреевъ: въ немъ вполне отсутствуетъ всякій произвольный подборъ актовъ и фактовъ, какъ это зачастую дѣлаютъ тѣ, у которыхъ не достаетъ искренняго желанія смотрѣть на такъ называемый еврейскій вопросъ съ надлежащей точки зрѣнія.

Вообще говоря, что ни пишется о евреяхъ и ихъ правахъ, принимается обыкновенно за излишній балластъ, какъ матеріалъ, касающійся рокового объ нихъ вопроса. Поэтому критика въ бѣльшей части случаевъ и относится къ произведеніямъ этого рода или индифферентно, или даже вовсе недоброжелательно, хотя бы они были основаны на серьезныхъ историческихъ данныхъ и документахъ. Можно сказать болѣе: неразрѣшенный у насъ доселѣ вопросъ о евреяхъ держитъ и самыхъ безпристрастныхъ людей въ какомъ-то неопредѣленномъ напряженіи... Но такъ какъ прошлое несомнѣнно служитъ уясненіемъ настоящаго, то всякій ученый трудъ, основанный на почвѣ исторической, долженъ имѣть цѣну и значеніе, въ особенности, если онъ касается элементовъ, входящихъ въ организмъ нашего обширнаго отечества. Уже а priori слѣдуетъ допустить, что такой трудъ о прошломъ и настоящемъ положеніи евреевъ и ихъ правахъ въ государствѣ, если онъ выполненъ добросовѣстно, составляетъ существенный вкладъ въ нашу, въ этомъ отношеніи, не особенно богатую юридическую литературу. Такія именно значеніе и важность, безспорно, имѣетъ изслѣдованіе г. Градовскаго. Угнѣло воспользовавшись историческимъ матеріаломъ, онъ на немъ—и только на немъ—основываетъ свои выводы относительно соціального, торговаго и вообще правоваго положенія евреевъ въ Россіи.

Изслѣдованіе свое г. Градовскій довелъ, пока, до царствованія императора Николая I. Оно содержитъ въ себѣ тщательнѣйшій обзоръ прежнихъ мѣръ и постановленій о евреяхъ въ связи съ общими основаніями, причѣмъ обращено особенное вниманіе на выясненіе побудительныхъ поводовъ дѣйствій правительства при принятіи той или другой мѣры относительно евреевъ. При этомъ авторъ задался также разрѣшеніемъ вопроса: въ какой степени принятія законодательствомъ основанія къ ограниченію правъ евреевъ оправдывались и оправдываются съ точки зрѣнія справед-

ливости и практическіи интересовъ государства въ экономическомъ, торговомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Ближайшее ознакомленіе съ мотивами, лежавшими въ основаніи прежнихъ мѣръ и постановленій о евреяхъ, по мнѣнію его, вполне необходимо для составленія себѣ правильнаго понятія относительно нынѣ дѣйствующаго объ нихъ въ имперіи законодательства. Способъ изложенія разсматриваемаго труда—*дѣловой*, заключающійся въ точнѣйшемъ, по возможности, изслѣдованіи предмета на основаніи не подлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ и официальныхъ документовъ.

Хотя трудъ г. Градовскаго и начинается временемъ царствованія Александра Михайловича, но въ немъ приводятся вкратцѣ нѣкоторые свѣдѣнія также о положеніи евреевъ въ самой древней Руси. Упоминая о томъ, что въ общезвѣстныхъ историческихъ источникахъ, содержащихся какъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», такъ и другихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ (напр., проф. Малышевскаго, въ «Трудахъ Киевск. Духовн. Академіи», въ «Трудахъ Императ. Археолог. Общ.» и др.), усматривается, что еще до принятія въ X столѣтіи славянами христіанства существовало осѣдлое населеніе евреевъ въ южной Руси и преимущественно въ Киевѣ, г. Градовскій замѣчаетъ, что эти евреи, вѣроятно, приводились сюда изъ областей хозарскихъ и изъ греческихъ колоній въ Крыму, въ качествѣ плѣнныхъ, и что они впоследствии даже участвовали въ битвахъ славянъ, отражая вмѣстѣ съ послѣдними вооруженною рукою непріятельскіе набѣги *. Эти замѣчанія совершенно вѣрны. У византійскаго хронографа Теофана, писавшаго въ половинѣ VII столѣтія, мы находимъ весьма цѣнное въ этомъ отношеніи указаніе на то, что евреи жили тогда среди другихъ народовъ на всемъ побережьи Чернаго моря. Покойный Грановскій утверждаетъ, на основаніи историческихъ документовъ, что евреи впервые явились въ Европѣ около ста лѣтъ до Р. Х., въ то время, когда Поппей овладѣлъ ихъ отечествомъ **. Несомнѣнно также, что при Владимірѣ и Ярославѣ въ Киевской Руси жило не мало евреевъ и что нѣкоторые изъ нихъ даже привинили христіанство и достигали въ церковной іерархіи высшаго сана (епископъ Лука Жидята). Кромѣ того, извѣстно, что Несторъ, описывая житіе Θεодосія Печерскаго, приводитъ, что онъ, въ качествѣ игумена, часто по ночамъ диспутировалъ съ евреями о Христвѣ.

* Акты, изданные Виленскою Археолог. Ком., т. V, стр. 173.

** См. „Судьбы еврейскаго народа“, т. I, соч. Грановскаго, изд. 1856 г., стр. 178.

Указавъ на источники, изъ которыхъ несомнѣнно, что евреи издревле обитали въ южной Руси въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ и что съ присоединеніемъ польскихъ владѣній къ Россіи число ихъ увеличилось до того, что явилась неизбежная потребность въ установленіи тѣхъ или другихъ мѣръ къ опредѣленію ихъ положенія въ государствѣ, г. Градовскій внимательно разсматриваетъ судьбы этого народа въ Россіи, начиная, какъ замѣчено выше, съ царствованія Алексѣя Михайловича. Посмотримъ же въ послѣдовательномъ порядкѣ, къ какимъ выводамъ и заключеніямъ привело автора изученіе историческихъ актовъ, затрагивающихъ въ разные періоды положеніе у насъ евреевъ. Но считаемъ не лишнимъ этому предпослать краткій обзоръ положенія жившихъ въ польскихъ владѣніяхъ евреевъ до формальнаго принятія ихъ въ русское подданство.

Потоки нѣкогда исключительно земледѣльческаго народа, польскіе евреи оказались совершенно иными, оказались, что называется—притчею во языцѣхъ... Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что въ древностию былъ народъ вполне чуждый даже торговыхъ предпріятій и денежныхъ операций. На это ясно указываетъ выработанный евреями кодексъ, запрещающій имъ ростовщичество, какъ дѣло *недостойное*. Безездное, гласное и публичное правосудіе*; совершенство административныхъ и другихъ учреждений, коимъ и новѣйшее время отдаетъ должную дань справедливости; полное уваженіе къ человѣческому достоинству; характеръ законодательства, стремившагося преимущественно къ равномерному распредѣленію земельной собственности: все это исчезло вмѣстѣ съ привязанностью евреевъ къ прирожденному имъ земледѣльческому труду... Да, кому неизвѣстны субботній и юбилейный годы, существовавшіе *de jure* у евреевъ? Каждая семья израильтянина имѣла свой опредѣленный участокъ земли. Въ субботній годъ, наступавшій чрезъ каждыя шесть лѣтъ, поля и виноградники «отдыхали» (не обрабатывались) и что само собой выросло—считалось достояніемъ общины; въ годъ же юбилейный, наступавшій чрезъ каждыя сорокъ девять лѣтъ, отчужденные участки *eo ipso* возвращались прежнимъ ихъ владѣльцамъ или ихъ наследникамъ. Отсюда очевидно, что на земледѣліе обращалось все вниманіе древнихъ евреевъ и что ничто не могло разорвать связи ихъ съ землей. Спрашивается: что же было причи-

* Объ этомъ предметѣ мы напечатали подробный очеркъ подъ заглавіемъ: „Уголовное судопроизводство у древнихъ евреевъ до уничтоженія ихъ политическаго самостоятельности“ См. «Восходъ» 1886 г. июль.

ною превращенія этого земледѣльческаго народа въ мелкихъ торгашей и ростовщиковъ въ Европѣ? Отвѣтъ ясенъ. Съ наступленіемъ мрачнаго періода среднихъ вѣковъ, съ яростью стали преслѣдовать евреевъ, особенно со времени учрежденія ордена іезуитовъ, не разбиравшаго средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Вообще тогдашніе представители западной церкви, за рѣдкими исключеніями, уклоняясь отъ прямого пути, стали преслѣдовать, главнымъ образомъ, свои личные выгоды и интересы. Евреевъ лишаютъ всякихъ человѣческихъ правъ, лишаютъ владѣнія поземельною собственностью, права заниматься ремеслами и солидною торговлею; имъ оставляется одно—взыманіе процентовъ по займамъ, что служило для нихъ единственнымъ средствомъ къ своему жалкому существованію. При помощи только денегъ они могли сколько нибудь смягчить ярость волнующей тамошнимъ духовенствомъ черни и наэлектризованную имъ непріязнь со стороны государственныхъ дѣятелей. Налоги падали въ то время на евреевъ исключительные, чрезвычные. Однимъ словомъ: феодальная знать и алчное западное духовенство въ теченіи цѣлой тысячи лѣтъ высасывали изъ нихъ послѣдніе соки, послѣднюю, можно сказать, кровь. Но какъ, вообще, ни ненавидѣли и ни преслѣдовали *ad libitum* евреевъ, ихъ все-таки тѣмъ не менѣе считали выгодною доходною статью. Итакъ іезуиты и инквизиція нанесли евреямъ самый тяжкій ударъ... Казалось-бы, что съ наступленіемъ реформаци, какъ эпохи возрожденія, религіозная нетерпимость какъ вообще, такъ и относительно евреевъ должна была нѣсколько смягчиться и отношенія христіанъ къ нимъ—измѣниться къ лучшему; но на дѣлѣ виднѣе далеко не то: насилія надъ ними то здѣсь, то тамъ еще долго, долго не прекращались во всѣхъ католическихъ и протестантскихъ государствахъ...

Какое же было положеніе евреевъ въ Польшѣ, гдѣ они впервые появились въ концѣ IX столѣтія? Достоинно вниманія, что они тогда просили только о дозволеніи заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и ремеслами *. Но имъ въ этомъ постоянно отказывали... Вплоть до XIII столѣтія положеніе евреевъ въ Польшѣ было до крайности незавидное. Только въ 1264 году они получили отъ польскаго герцога Болеслава Благо-

* См. журн. „Orient“ за 1849 г., № 31, а также „Опытъ исторіи евреевъ въ Польшѣ“ (Versuch einer Geschichte der Juden in Polen, Wien, 1860), журн. „Jüdisches Volksblatt“ за № 1860 г., № 28, и нашу статью въ журн. „Галармель“ за 1861 г., № 48, подъ рубрикой: „Нѣчто изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ“.

честванаго привилегію, благодаря которой положеніе ихъ нѣсколько улучшилось. Затѣмъ въ 1334 году Казиміръ Великій, по любви къ своей Эстеркѣ, даровалъ своимъ подданнымъ евреямъ разныя льготы, обезпечившія за ними на нѣкоторое время личную и имущественную безопасность. Грановскій, касаясь заслугъ этого польскаго короля, приводитъ чѣмъ своей статьѣ о судьбахъ еврейскаго народа, что онъ былъ даже крайн^о вѣротерпимъ и дозволялъ дочерямъ своимъ сохранить религію матери. Но съ XV столѣтія, съ водвореніемъ въ Польшѣ династіи Ягеллоновъ, положеніе здѣсь евреевъ, вслѣдствіе крайняго фанатизма католическаго духовенства и его козней, становится опять невыносимымъ. Казиміръ IV въ 1454 году отиѣнилъ прежнія привилегіи евреевъ, а при наследникахъ его, Іовниѣ и Александрѣ, положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось. Церковь, зачѣмъ Грановскій, громила тогда евреевъ своими проклятіями, а правительство польское презирало и грабило ихъ. Но лучъ полусвѣта блеснулъ удрученнымъ снова въ первой половинѣ XVI-го столѣтія при Сигизмундѣ I; тогда польскіе магнаты изъ своихъ выгодъ стояли за евреевъ, хотя въ то же время они обращались съ ними съ крайнимъ презрѣніемъ и высокоуміемъ. Въ первой же половинѣ XVII-го столѣтія, организмъ польскаго королевства сталъ видимо ослабѣвать: общая неурядица, панскій гнетъ и фанатизмъ духовенства поставили тогда евреевъ опять въ такое безвыходное положеніе, что они сдѣлались данниками духовенства и монастырей. Имя доминиканца Ричиволя, подобно имени Торквенады и ему равныхъ изуверовъ-палачей, записано кровавыми буквами въ исторіи евреевъ этой эпохи. Къ счастью, буйные порывы кровожаднаго Ричиволя были удержаны, вслѣдствіе ходатайства депутата Элкона, по распоряженію христіаннѣйшаго папы Григорія XI и набожнаго польскаго короля Людвигъ I Венгерскаго. Затѣмъ около половины того же XVII столѣтія, когда запорожецъ Богданъ Хмельницкій разбилъ польскую армію, евреевъ уже просто убивали тысячами за то, что они наравнѣ съ поляками защищали крѣпости своей родины. Въ самое короткое время было убито и изрѣзано 250.000 евреевъ! Оставшіеся въ живыхъ массаи бѣжали тогда изъ Польши, гдѣ разнузданная дикая чернь и своевольная шляхта преслѣдовали евреевъ огнемъ и мечемъ, не взирая на то, что они являлись защитниками отечества и усвоили себѣ языкъ и нравы поляковъ... Вообще и въ Польшѣ свѣтлыхъ дней евреи видѣли мало: они быстро снѣивались полвѣйшей тьмотой; въ самые лучшіе моменты они съ минуты на минуту ждали новыхъ грозъ, новыхъ несчастій и новыхъ безграничныхъ преслѣ-

доданій и говеній... Это, само собой, въ высшей степени гибельно вліяло на нравственный и экономическій ихъ бытъ. Хотя уже предъ самыми надевіемъ Польши и предположено было даровать евреямъ гражданскія права наравнѣ съ коренными жителями, но послѣдніе дни существованія Рѣчи-Посполитой были сочтены: наступило время разброда и разложенія ея...

Поэтому справедливо замѣчаетъ г. Градовскій, что польское правительство виновно тому, что въ Польшѣ, вслѣдствіе четырехвѣковаго гнета и тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя постоянно держали евреевъ въ зависимости отъ личнаго произвола польскихъ магнатовъ, шляхты, ксендзовъ и пр., выработался тотъ типъ еврея, который, будучи загнанъ и уничтоженъ до крайности, волей-неволей приучился къ скитальческой жизни, не имѣя опредѣленнаго рода занятій, прочной осѣдлости и увѣренности въ неприкосновенности правъ собственности.—типъ, который впоследствии на русской территоріи какъ-бы нагляднымъ образомъ подтверждалъ оставшееся о евреяхъ предубѣжденіе, что они ненавидятъ производительный трудъ и даже, будто бы, вовсе неспособны къ военной службѣ, требующей мужества и физическихъ силъ. Но это—одно лишь предубѣжденіе, что констатировано и ученымъ Грановскимъ въ упомянутомъ выше очеркѣ его о судьбахъ еврейскаго народа. Онъ отдаетъ полную справедливость мужеству евреевъ, которыми они всегда отличались при защитѣ независимости своихъ вѣрованій и политическаго быта.

Въ Россіи, гдѣ слѣпой фанатизмъ католическихъ странъ не свирѣпствовалъ, гдѣ господствовала значительнѣйшая, сравнительно съ католицизмомъ, вѣротерпимость,—на евреевъ смотрѣли какъ-то отрицательно. Здѣсь, говоритъ г. Градовскій, никогда не встрѣчались осязательные ужасы поголовнаго истребленія евреевъ огнемъ и мечемъ, безъ различія пола и возраста, какіе были пороженіемъ грубаго фанатизма въ католическихъ странахъ. При внимательномъ изученіи нашихъ законодательныхъ источниковъ, продолжаетъ авторъ, нельзя не видѣть, что Россія въ мрачныя времена инквизиціи и беззавѣрія относилась къ евреямъ болѣе гуманно, чѣмъ западъ, даже при высылкахъ ихъ за «рубежь»; ибо и въ этихъ немногихъ случаяхъ высылка эта не сопровождалась конфискаціею движимой собственности, за исключеніемъ развѣ золотой и серебряной монеты, съ уплатою итѣ за нее мѣдными деньгами *. Изъ этого видно, что евреи въ Россіи всегда пользовались, по крайней мѣрѣ, общечеловѣче-

* П. С. З., т. VII, № 5032 и 5063.

снѣиъ правотъ на жизнь и имуществонное достояніе, несмотря на то, что они въ тѣ поры еще вовсе не состояли въ русскомъ подданствѣ.

Слѣды политической терпимости по отношенію къ евреямъ со стороны русскихъ государей находимъ мы въ законодательныхъ актахъ, начиная съ царя Алексѣя Михайловича. Уложеніе 1649 года, составленное подъ непосредственнымъ руководствомъ патріарха и всего священнаго собора, свидѣтельствуеъ о томъ, что русскіе властители и «помѣстная» православная церковь были въ тѣ времена гораздо вѣротерпимѣе къ евреямъ, чѣмъ другія государства не только западныя, но и восточныя. Въ Московскомъ государствѣ, особенно со времени вступленія на престолъ дома Романовыхъ и упорядоченія русскаго государственнаго строя Уложеніемъ 1649 года, говоритъ г. Градовскій, евреи не подвергались никакимъ жестокостямъ и насиліямъ, не взирая на господство и у насъ религіозныхъ противъ нихъ предубѣжденій и предрасудковъ. Въ предѣлахъ Россіи евреи не нуждались въ т. н. *охранныхъ грамотахъ* (lettres patentes) и не была на нихъ наложена особая пошлина подъ названіемъ *охранныхъ денегъ* (Schutzgeld), какъ это было во Франціи и Германіи. Вообще, ни откуда не видно, чтобы въ давнее время въ Россіи устанавливались, путемъ законодательныхъ мѣръ и постановленій, какія-либо исключительныя ограниченія по отношенію къ правамъ жительства, торговли и промысловъ евреевъ, какъ жившихъ на земляхъ, отходившихъ къ Россіи отъ Польши, такъ и прїѣзжавшихъ для торговли на правѣ иностранныхъ гостей. Эти выводы вполне подтверждаются указани царя Алексѣя Михайловича отъ 30 іюля 1654 и 7 марта 1655 года. Въ первомъ изъ этихъ указовъ заключается удостовѣреніе о томъ, что евреямъ дозволялось торговать даже въ стольномъ градѣ Москвѣ. Вотъ подлинныя слова изъ этого указа: «на заставахъ спрашивать, кто котораго города и уѣзду, и какой человекъ и какія вѣры, и которые скажутся Мстиславскаго и иныхъ зарубѣжныхъ городовъ Литовскіе люди, католицкія смяцкія вѣры, и жиды и мурзы и всякіе некрещенные люди—и тѣхъ пропускать къ Москвѣ». Изъ содержанія же втораго указа видно, что плѣнныхъ литовскихъ евреевъ съ ихъ семьями велѣно заодно съ плѣнными христіанами отправить на жительство въ Нижній-Новгородъ, съ назначеніемъ всѣмъ, безъ различія вѣры, во время пути продовольствія въ одинаковыхъ размѣрахъ *. Далѣе, въ Андрусовскомъ договорѣ о перемиріи съ Польшею (1667 г.) не сдѣлано

* П. С. З., т. I, № 148.

также никакихъ исключеній относительно евреевъ; напротивъ, за тѣмъ изъ нихъ, которые остались на сторонѣ Россіи, признано было право повсемѣстнаго въ государствѣ поселенія. Въ 11 пунктѣ этого договора именно читаемъ: «также и жидовъ всѣхъ съ женами и съ дѣтми и съ животами (имуществомъ) ихъ, ни кого не тая и къ заставаию не принуждаючи, которые съ изъ нихъ похотѣли въ сторону его царскаго величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣть быть, а которые польскаго и ливонскаго народу женскій полъ и жидовки занужь за русскіиъ людей—и тѣмъ оставаться въ сторону его величества при мужѣхъ своихъ» *. Основываясь за симиъ также на именномъ указѣ царя Феодора Алексѣевича отъ 12 сентября 1676 года и двухъ трактатахъ съ Польшою, заключенныхъ ³/₁₃ августа 1678 года и 20 апрѣля (6 мая) 1686 года, г. Градовскій приходитъ къ несомнѣнному заключенію, что еврейне (такъ евреи названы въ указѣ 12 сентября 1676 г.) **, жившіе въ Россіи и пріѣзжавшіе изъ чужихъ земель, имѣли спокойное въ ней вездѣ пребываніе и свободный доступъ всюду, — до тѣхъ поръ, пока не воздвигнуты были на нихъ, поздиѣ, гоненія, начиная съ царствованія Екатерины I ***.

При Петрѣ Великомъ замѣчается стремленіе къ удержанію въ государствѣ евреевъ, какъ людей полезныхъ для развитія торговли и промышленности. Въ подтвержденіе этого факта г. Градовскій указываетъ на самыя достовѣрные историческіе памятники: 1) на *капитуляцію*, заключенную, по повелѣнію императора, 4-го іюля 1710 года генераль-фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ съ рижскимъ губернаторомъ графомъ Штрембергомъ, и 2) на такъ-называемыя *докладныя пункты* (1720 г.). Въ означенной капитуляціи заключается, между-прочимъ, свѣдѣніе о томъ, что рижскому еврею Гиршу разрѣшается оставить, по собственному желанію, Россію, причемъ присвокуплено, что прочимъ жителямъ, *какихъ они ни есть племенъ*, не давать свободнаго пропуска †*. Изъ докладныхъ же пунктовъ видно, что на возвращеніе императора былъ представленъ вопросъ о нѣкоторыхъ плѣнныхъ полякахъ еврейскаго происхожденія—не слѣдуетъ-ли ихъ

* Тамъ-же, № 398 (п. 11).

** Слово «еврей» впервые употреблено въ *платяхъ* (о правахъ бѣлорусскаго населенія), а потомъ въ городовомъ положеніи Екатерины II.

*** П. С. З., т. II, № 662.

†* Тамъ-же, т. IV, № 2277.

отдать (выслать) изъ Россіи? Но по этому предмету воспослѣдовала собственноручная резолюція императора: «не отдавать» *.

Что Петръ Великій, вообще, отличался терпимостью и высоко цѣнилъ таланты людей, безъ различія вѣроисповѣданія — это ясно усматривается изъ того, что одинъ изъ сподвижниковъ его, Шафировъ, былъ еврей **, Поэтому покойный нашъ историкъ Соловьевъ сильно погрѣшилъ противъ истины, представивъ отношенія Петра Великаго къ евреямъ, жившимъ въ Россіи, въ совершенно превратномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ онъ вовсе обошелъ достовѣрные историческіе факты, какъ это ясно доказано г. Градовскимъ (стр. 28 и слѣд.).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины I настало для жившихъ въ Россіи евреевъ самое тяжелое время, которое, однако, вскорѣ нѣсколько переѣнилось къ лучшему при императорѣ Петрѣ II. Хотя и этимъ послѣднимъ также запрещено было евреямъ жительство въ Россіи, но имъ дозволенъ былъ пріѣздъ на ярмарки для оптовой торговли ***. Это право торговли евреевъ было значительно расширено именными указами (отъ 31 іюля и 8 августа 1734 г. и 16 февраля 1486 года) императрицы Анны Іоанновны «для пользы обывательской» имъ разрѣшена была и торговля въ «раздробъ †. Затѣмъ изъ доклада сената, утвержденного кабинетъ-министрами императрицы Анны Іоанновны 18 августа 1736 года, видно, что въ данное время евреи жили въ Малороссіи, въ отписныхъ на государыню и въ владѣльческихъ маєткахъ (помѣстьяхъ), занимаясь здѣсь торговлею виномъ, пивомъ и медомъ; но въ 1740 году ихъ выселили отсюда за границу, «по силѣ прежнихъ указовъ», въ числѣ 573 душъ. Императрица Елисавета Петровна, какъ извѣстно, вовсе не хотѣла имѣть въ своихъ владѣніяхъ евреевъ, не желая *интересной* отъ нихъ прибыли. Но были и въ тѣ времена государственные дѣятели (напр., гетманъ войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Двѣпра, Апостолъ и главный начальникъ надъ слободскими полками, князь Шаховской), которые старались о смягченіи предпринятыхъ въ отношеніи евреевъ стѣснительныхъ мѣръ — и правительство часто дѣлало въ ихъ пользу уступки. Поэтому, не безъ основанія замѣчаетъ г. Градовскій, нѣтъ достаточнаго повода къ предположенію,

* Тамъ-же, т. VI. № 3604.

** См. Историческій очеркъ русскаго законодательства о евреяхъ Филиппова. Одесса, 1882 г., стр. 5.

*** П. С. З., т. VIII, №№ 5324 и 5852.

† П. С. З., т. IX, №№ 6610, 6614 и 6898.

чтобы иѣра безусловнаго закрытія евреевъ доступа въ Россію была вызвана какими-либо дѣйствительными въ ней потребностями даже со стороны церкви, такъ какъ они были чужды прозелитизма и занимались только торговлею и промышленностью. Вотъ почему побудительную причину къ закрытію Россіи для евреевъ при трехъ императрицахъ надо искать лишь въ общихъ предразсудкахъ того времени и религиозныхъ предубѣжденіяхъ противъ евреевъ. Строгость указовъ отъ 2 декабря 1742 и 16 декабря 1743 года относительно высылки въ данное время евреевъ за «рубежъ» вовсе не соответствовала, заключаетъ г. Градовскій, матеріальнымъ выгодамъ населенія и повела только къ обходу ихъ, вслѣдствіе чего не только въ пограничныхъ мѣстностяхъ, но и въ Малороссіи евреи продолжали появляться для торговли и промысловъ и имѣть тамъ даже пребываніе. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы со времени императрицы Елисаветы Петровны и до разрѣшенія еврейскъ Екатериною Великою, въ 1769 году, селиться въ Новороссійскомъ краѣ, въ составѣ русскаго населенія вовсе ихъ не было и чтобы всякія сношенія съ ними русскіихъ были прекращены. Это совершенно вѣрно. Ибо если бы евреи по первому повелѣнію были высланы изъ предѣловъ Россіи всѣ до одного, то не было бы надобности въ повторительныхъ указахъ объ ихъ высылкѣ подъ страхомъ «тяжчайшаго изнѣзавія», тѣмъ болѣе, что, по смыслу приведенныхъ выше указовъ императрицы Елисаветы Петровны, принятая ею иѣра касалась тѣхъ изъ нихъ, которые занимались въ великорусскіихъ и малороссійскіихъ городахъ и селахъ торговлею, содержаніемъ корчемъ и шинковъ *, а не тѣхъ, которые были приписаны, въ родѣ крѣпостныхъ людей, за владѣльцами большихъ помѣстій (графовъ фонъ-Миниховъ, Головкиныхъ, Толстыхъ, князей Трубецкихъ и др.), за разными военными и гражданскими чинами (обозными генералами, генеральными войсковыми судьями, бунчуковыми товарищами и сотниками), за лицами изъ блага духовенства, попами и протопопами, и даже за Кіево-Софійскимъ монастыремъ **.

При Екатеринѣ Великой, съ присоединеніемъ къ Россіи въ 1772 году Вѣлороссіи, евреи, впервые, формально признаны были русскими подданными.

П. Лякубъ.

* П. С. З., т. XI, № 8678.

** Тамъ же, т. XI, № 8169.

* * *

Даль морская въ мракъ тонеть.
Вѣтерокъ порой пахнетъ—
Чуть замѣтной зыбью тронеть
Гладь безмолвно спящихъ водъ,
Прошумитъ въ унылой хвоѣ,
Вѣтки тополя качнеть—
И опять въ нѣмомъ покоѣ
Все утихнеть и уснеть.
Скоро пологъ свой туманный
Ночь разстелеть надо мной...
Гдѣ-же ты, покой желанный,
Миръ души моеи больной?..

Нѣтъ покоя, нѣтъ забвенья,
Нѣтъ для сердца тишины!—
Тѣ-же мрачныя видѣнья,
И мучительные сны!...
Слушай! Слушай!.. Звонъ несется,
Съ Вавилонскихъ береговъ...
Кто-то плачетъ, кто-то бьется,
Вырываясь изъ оковъ...

Арфы стонуть... Съ дикой силой
 Вичь волотить по струнамъ...
 И кого-то задушило,
 И кого-то душисть тамъ...

О, проснись, душа больная!
 Сбрось оковы смутныхъ сновъ!—
 Это вѣтеръ, налетая,
 Ломить стебли тростниковъ.
 Это плескъ и шумъ прибоя...
 Но напрасно!—Надо мной
 Тѣхъ-же грезъ, угрюмо воя,
 Вьется дикій, злобный рой...
 Нѣтъ забвенья, нѣтъ покоя
 Для души моей больной!..

С. Фругъ.

ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Среди нищихъ, періодически шлифующихъ нью-іорскія улицы по направленію къ благотворительнымъ учрежденіямъ, вы рѣдко, очень рѣдко замѣтите сыновъ Израиля. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Не тѣмъ-ли, что бѣдность блистаетъ отсутствіемъ среди нью-іорскихъ евреевъ?

Вѣка преслѣдованія превратили еврейскую благотворительность въ религіозную обязанность, въ привычку, составившую вторую натуру евреевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ сталъ болѣе человѣчно относиться къ евреямъ, этотъ духъ благотворительности раздвинулъ узкія рамки свои, и дѣятельность, раньше направленная исключительно къ сохраненію расы, теперь приобрѣла болѣе широкій, обще-человѣческій характеръ.

Въ Нью-Іоркѣ многіе еврейскіе богачи удѣляютъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій 10% своихъ ежегодныхъ доходовъ. Одинъ изъ нихъ, членъ обширной банкирской фирмы, въ теченіи многихъ лѣтъ жертвуетъ ежегодно среднимъ числомъ до 50 тысячъ долларовъ, составляющихъ 10% его заработковъ. Во время эмиграціи русскихъ евреевъ въ 1881—83 годахъ банкиръ этотъ пожертвовалъ 20 тысячъ долларовъ на облегченіе участи переселенцевъ, а недавно—10 тысячъ долларовъ для расширенія «Агиляровской Свободной Библіотеки» («Aguilar Free Library»). Покойный докторъ Симеонъ Абраамсъ раздѣлилъ свое состояніе слѣдующимъ образомъ: «Госпиталь Синай» («Mount Sinai Hospital») и еврейскій сиротскій пріютъ («Hebrew Orphan Asylum») получили по 25 тысячъ долларовъ, остальные 250 тысячъ долла-

ровъ были поровну раздѣлены между 31 благотворительными учреждениями Нью-Йорка, христіанскими и еврейскими. Можно было бы привести еще много такихъ крупныхъ пожертвованій американскихъ евреевъ; напр. Иуда Туро оставилъ миллионъ долларовъ нью-орлеанскимъ приютамъ. Но въ виду громаднаго матеріала, который предстоитъ мнѣ втиснуть въ тѣсную рамку журнальной статьи, я этотъ перечень оставлю до другого раза, а скажу только, что среди жертвователей на различныя христіанскія благотворительныя учрежденія Америки, всегда и вездѣ встрѣчаются еврейскія имена въ весьма значительномъ количествѣ. Здѣшніе евреи отличаются рѣдкимъ въ нашъ меркантильный вѣкъ свойствомъ — дѣлать благотворительность интегральною частью своихъ удовольствій, семейной печали, а подчасъ и торговыхъ интересовъ. Венъяминъ Натанъ и Іосифъ Фетманъ, которымъ знаменитый госпиталь «Сіонъ» обязанъ своимъ существованіемъ, начиная много лѣтъ тому назадъ новую торговую спекуляцію, дали обѣтъ удѣлить 10% изъ ожидаемой прибыли вышеназванному учрежденію, которое тогда просто называлось «Еврейскимъ Госпиталемъ». Спекуляція удалась, и 20 тысячъ долларовъ были переданы госпитальному праіенію. Двадцать лѣтъ тому назадъ продажа мѣсть въ нововыстроенной синагогѣ «Ешапи-Еі» дала 650.000 долларовъ, которые почти цѣликомъ пошли на благотворительныя дѣла.

Многіе коммерсанты на склонѣ лѣтъ посвящаютъ весь остатокъ дней своихъ и капиталовъ благотворительнымъ дѣламъ. Соломонъ Зелигманъ, умершій три года назадъ, былъ однимъ изъ такихъ. Здѣсь встаетъ отмѣчу фактъ, иллюстрирующій еврейскую сострадательность. Единственный еврейскій коммодоръ, бывшій на службѣ въ американскомъ флотѣ, Урія Ливай (Uriah Levy) *первымъ* уничтожилъ тѣлесное наказаніе въ американскомъ флотѣ, о чемъ гласитъ надпись на его могилѣ на «кладбищѣ Кипарисовыхъ холмовъ» («Cypress Hills Cemetery»). Закончу это небольшое введеніе замѣчаніемъ одного остроумнаго американскаго раввина: «я не понимаю, какъ это евреи умудряются отдаваться широкой благотворительности, не будучи побуждаемы къ тому извѣстнымъ христіанскимъ воззрѣніемъ, что *благотворительность прикрываетъ собою большинство грѣховъ*».

Теперь перейду къ обстоятельному обзору наиболѣ выдающихся благотворительныхъ учреждений Нью-Іорка, который удачнѣ всего обрисовываетъ характеръ американскихъ евреевъ.

I. Соединенное общество вспомошествованія евреямъ (United Hebrew Charities).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Нью-Іоркѣ существовали только два еврейскихъ общества для вспомошествованія мѣстнымъ и новоприбывающимъ бѣднякамъ. Одно изъ нихъ, «Еврейское общество вспомошествованія топливомъ» (Hebrew Benevolent Fuel Society), существовало на средства, доставляемныя ежегодными балами, которые въ послѣднее время даются въ праздникъ Пуримъ; другая организація, «Сиротскій пріютъ» («Orphan Asylum Society») имѣла еженедѣльные собранія сообща съ представителями первой организаціи, на которыхъ обсуждался планъ будущихъ общихъ дѣйствій. Впослѣдствіи эти организаціи, убѣдившись, что покровительствуемые ими бѣдняки въ то же время получаютъ помощь отъ другихъ благотворительныхъ учреждений, пришли къ заключенію, что рациональнѣе соединить всѣ существующія организаціи въ одну. И вотъ, въ 1874 г. къ вышеупомянутымъ двумъ организаціямъ присоединились еще три слѣдующія: «Еврейское общество помощи» («Hebrew Relief Society»), «Еврейское женское общество» («Ladies' Hebrew Lying in Society») и «Конгрегація безылатныхъ похоронъ» («Congregation Daresch Ashmo Free Burial Fund Society»).

Общая контора этихъ обществъ помѣщается на St. Mark's Place, №58, и управляющимъ (superintendent) состоитъ мистеръ Гиршъ, принимающій просителей цѣлый день. Послѣ обѣда въ контору является одинъ изъ «Комитета шести», санкционирующій экстренныя вспомошествованія. Городъ раздѣленъ на 24 участка, въ каждомъ изъ нихъ помѣщается комитетъ, къ которому г. Гиршъ адресуется для провѣрки поданнаго ему просителемъ заявленія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Соед. Общество Вспомощ.»* начало было выдавать денежные займы лицамъ, изъявившимъ желаніе открыть торговое заведеніе или мастерскую. Невѣдко, однако, вслѣдствіе злоупотребленій, суммы въ 75 и 100

долларовъ попадали по нѣсколько разъ въ однѣ и тѣ же руки лицъ, изощрившихся пропускать займы въ трубу. Другія лица, употребивъ заемъ съ пользой, отказывались отъ возвращенія долга. По этой причинѣ система денежных займовъ была упразднена и изъ кассы Общества теперь рѣдко выдаются наличныя («cash») деньги, которыя замѣнены помощью «натурой». Расходы за прошлый годъ, закончившійся сентябрёмъ, простирались до 63,704 дол. и 90 сентовъ. Эта сумма не есть предѣльная, ибо Общество ни на шагъ не отступаетъ отъ своего девиза, который въ уставѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «дѣйствуй только послѣ строгаго изслѣдованія; облегчай истинную нужду немедленно и гуманно; гдѣ возможно, создай для нуждающагося независимость; не допускай дѣтей вырости нищими».

Главная забота Общества направлена къ уменьшенію числа нуждающихся, и достигается она *разсылкой* таковыхъ въ города, гдѣ ихъ ждетъ помощь родныхъ или работа, и *отправкой* неспособныхъ ни къ какому труду обратно въ Европу.

Въ теченіи прошлаго года 1496 эмигрантовъ были отправлены въ Старый Свѣтъ. Изъ нихъ 1082 имѣли даровой проѣздъ на грузовыхъ пароходахъ въ качествѣ рабочихъ, остальные получили билеты, по удешевленной цѣнѣ. Всего на обратную отправку и разсылку нищихъ по разнымъ американскимъ городамъ было потрачено 6790 дол. 27 сент.

«Рабочій комитетъ» Общества, заботящійся главнымъ образомъ о пріисканіи занятій кліентамъ, пристроилъ въ теченіи прошлаго года 2811 лицъ; снабдилъ столомъ и квартирой, до пріисканія занятія, 368 лицъ; одѣлъ и обулъ 309 чел., снабдилъ инструментами 160 лицъ и заплатилъ за проѣздъ 282 лицъ до мѣста найденной для нихъ работы. Всего было истрачено на эту статью 2136 дол. 60 сент., т. е. 76 сентовъ на каждого.

Въ тѣсной связи съ этимъ комитетомъ стоитъ ремесленная школа, помѣщаемая въ верхнихъ этажахъ зданія на st. Marc's place, составляющаго собственность Общества. Въ этой школѣ ежедневно, обыкновенно по окончаніи ученія въ публичныхъ школахъ, больше ста дѣвочекъ обучается шитью отъ 3 до 6 часовъ пополудни. Взрослыя дѣвушки обучаются въ отдѣльномъ классѣ отъ 9 до 4 часовъ и получаютъ въ полдень даровую закуску. Какъ скоро уче-

ницы научаются достаточно ловко владѣть иглой, для нихъ достаются мѣста на фабрикахъ и швейныхъ мастерскихъ.

Въ распоряженіи Общества имѣется: 24 врача, аптека и отрядъ дипломированныхъ акушеровъ и сидѣлокъ, наконецъ, громадное больничное учрежденіе «Госпиталь-Синай» и еще «Монтефіоровская обитель».

Въ главной конторѣ Общества, отъ 9 до 12 часовъ ежедневно, ждетъ человекъ, который, при полученіи извѣстія о смерти бѣдняка, спѣшитъ распорядиться похоронами, совершающимися по еврейскому ритуалу на Бейсайдскомъ кладбище (Boyside Cemetery).

Президентомъ Общества въ теченіи послѣднихъ 14 лѣтъ беспрерывно состоитъ Генри Рейсъ (Rice), глава громадной мануфактурной торговли въ С. Луи. Живя постоянно въ Нью-Йоркѣ, мистеръ Рейсъ безъ усталы работаетъ въ пользу страдающихъ собратьевъ и не чувствуетъ тяжести многочисленныхъ обязанностей, такъ какъ, кромѣ президентства надъ «Соед. Общ. вспомош.», почтенный дѣятель состоитъ вице-президентомъ «Еврейскаго Сиротскаго Приюта» и директоромъ «Еврейскаго Техническаго Института».

Вице-президентами «Соед. Общ. Вспом.» состоятъ Морисъ Тѣска (Tuska) и Веньяминъ Россевъ (Russak). Первый, бывший коммерсантъ, весь отдавшійся дѣлу благотворительности, состоитъ однимъ изъ управляющихъ «Еврейскаго Сиротскаго Приюта» и директоромъ «Еврейскаго Техническаго Института». Мистеръ Россекъ, членъ торговой фирмы «Harris and Russak», только недавно избранъ вице-президентомъ, а до того былъ членомъ-жертвователемъ. Кассиромъ состоитъ Джэмъ Гоффманъ, секретаремъ И. Айзиксъ, суперинтендентомъ Германъ Гиршъ и директорами: д-ръ М. Блументаль, А. Бенжаминъ, мистрисъ Когенъ, С. Ярмуловскій и еще 16 лицъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о «комитетѣ совѣта» Общества «Advisory Committee», состоящемъ исключительно изъ женщинъ, какъ напр: Блументаль, Тѣска, Луиза Натанъ и еще 8 другихъ.

II. Госпиталь Синай (Mount Sinai Hospital).

Въ 1850 г. С. Саймпсонъ, коммерсантъ-богачъ и въ тоже время эксцентричный холостякъ, переселился изъ города Йонкеръ въ

Нью-Йоркъ, нагруженный массой проектовъ объ улучшеніи положенія бѣднаго класса евреевъ. Одинъ изъ его проектовъ былъ реализованъ вскорѣ, а именно былъ основанъ еврейскій госпиталь. Эксцентрикъ подарилъ два участка на 27 и 28-й улицахъ, а Гершонъ Куршедтъ отправилъ письмо своему другу Іудѣ Туро, нью-орлеанскому миллионеру, который немедленно прислалъ 20 тысячъ долларовъ. Въ этой суммѣ было прибавлено нѣсколько тысячъ долларовъ, собранныхъ среди нью-іоркскихъ евреевъ, и госпиталь подъ названіемъ «Jewish Hospital» (Еврейскій госпиталь) былъ выстроенъ на подаренныхъ участкахъ, и въ 1852 г. гостеприимно, до извѣстнаго, впрочемъ, предѣла, открылъ свои двери для больныхъ, которыхъ могло помѣститься въ немъ только до 50.

Въ 1870 г. въ пользу госпиталя былъ устроенъ базаръ, который далъ чистой выручки около 100.000 долларовъ. Вмѣстѣ съ другими крупными пожертвованіями, сумма эта составила цѣлое состояніе, которое побудило распорядителей устроить болѣе обширный госпиталь. Громадный участокъ земли, между улицами: Лексингтонъ эвеню и 66-й (Jexinhton avenue и 66 street), былъ тотчасъ приобрѣтенъ и было приступлено къ сооруженію зданія. Въ 1872 г. новый госпиталь подъ теперешнимъ его именемъ былъ законченъ, обошедшися въ 600.000 дол. Въ слѣдующемъ году новый «базаръ» далъ чистой выручки 150.000 дол., которая пошла на улучшеніе обстановки. Неприкосновенный капиталъ госпиталя состоитъ изъ процентныхъ бумагъ на сумму 209.200 долларовъ. Изъ членскихъ взносов и частныхъ пожертвованій составляется въ теченіи года слишкомъ 45,000 дол. Не говоря о постоянныхъ пожертвованіяхъ двухъ ассоціаций «Субботнаго» и «Воскреснаго» госпиталей («The Hospital saturday» и «Sunxay Association»), которыя въ прошломъ году составили сумму въ 5754 дол. 48 сек., доходы госпиталя пополняются также изъ платежей нмущихъ пациентовъ, составившихъ въ прошломъ году 12,669 дол. Для такихъ пациентовъ въ госпиталѣ имѣется 12 комнатъ. Ежегодно расходы колеблются между 80 и 90 тысячами долл., а въ прошломъ году равнялись 85.488 дол. Госпитальное правленіе намѣрено вскорѣ пристроить флигель къ главному госпитальному корпусу, стоимостью въ 50.000 дол., такъ какъ госпиталь вмѣщаетъ въ себѣ теперь только 200 пациентовъ. Въ проектируемомъ фли-

гелѣ госпитальныя врачи будутъ оказывать бесплатную медицинскую помощь приходящимъ больнымъ.

Медицинскій и хирургическій составъ госпиталя состоитъ изъ: консультанта и трехъ врачей хирурговъ, консультанта и четырехъ врачей по внутр. болѣзнямъ. Кромѣ этихъ приходящихъ врачей, въ госпиталѣ живетъ восемь врачей. Процентъ смертности весьма малъ, въ прошломъ году равнялся 8,57%.

Въ госпиталѣ помѣщается школа сидѣлокъ, вмѣющихъ возможность тутъ же приложить получаемыя ими теоретическія познанія на практикѣ. Существующее при госпиталѣ «Общество женскихъ помощницъ» (Ladies' Auxiliary society) наблюдаетъ за чистотою въ госпиталѣ и за комфортомъ больныхъ. По понедѣльникамъ въ госпитальной залѣ «Общество Помощницъ» собирается для разсмотрѣнія пожертвованной одежды и постельныхъ принадлежностей, которыя отдаются для ремонта за хорошую плату бѣднымъ женщинамъ.

До реализаціи идеи устройства флигеля, въ которомъ будетъ помѣщаться амбулаторная лечебница (dispensar) въ госпиталѣ покажется имѣется пять «департаментовъ», въ каждомъ изъ нихъ присутствуетъ 4 врача, за исключеніемъ 3 и 5-го (гинекологическаго и глазно-ушнаго), въ которыхъ имѣется только по 2 врача. Для пользованія больныхъ на дому госпиталь имѣетъ кромѣ того спеціальныхъ врачей. Въ этихъ «департаментахъ» ежедневно происходитъ больше ста консультаций, а рецептовъ прописывается въ теченіи года отъ 42 до 45 тысячъ.

Госпиталю принадлежитъ честь перваго допущенія на службу женщинъ-врачей. Пionерка женскаго медицинскаго образованія миссъ Энгель (Angell) была принята въ 1872 г., а вскорѣ затѣмъ поступила д-ръ Мэри Путнамъ.

Президентомъ госпиталя въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ безсмѣнно состоитъ Гейманъ Блумъ, вице-президентомъ Исаакъ Валахъ, кассиромъ Самуэль Шеферъ, почетнымъ секретаремъ Дж. Зелигманъ, секретаремъ-ассистентомъ Иосифъ Шереръ, управляющимъ Теодоръ Гейдель, директорами Симонъ Ротшильдъ, Л. Стинсъ, Г. Гиттерманъ и проч.

Наконецъ, второе дамское общество «Миссія удовольствія дѣтей» («Children's Pleasure Mission»), устраивающее «базары» въ

пользу дѣтей пациентовъ госпиталя. Президентшей состоитъ дѣвица Флоренсъ Бенжаминъ.

III Монтефіоровская обитель («The Montefiore Home»)

Въ 1884 г. собраніе представителей «синагоги 19-ой улицы» («19 street Synagoge»), обсуждая способы чествованія 100 лѣтняго юбилея сэра Мозеса Монтефіоре, пришло къ заключенію, что устройство благотворительнаго учрежденія, которое давало бы пріютъ лицамъ, непринатымъ въ госпиталь «Синай» по неизлѣчимости ихъ болѣзни, было бы лучшимъ дѣломъ. Немедленно было собрано нѣсколько тысячъ долларовъ, на которые было приобретено старое зданіе на углу 84-ой улицы и аллен А (Avenue A). Ко дню рожденія сэра Монтефіоре, 26 октября 1884 г., перестроенное въ госпиталь зданіе было открыто для приема «неизлечимыхъ», которыхъ Монтефіоровская обитель сначала вмѣщала въ количествѣ 20, а затѣмъ, съ увеличеніемъ средствъ, стала вмѣщать и больше, такъ что прошлый годъ помѣщенія хватало на 57 лицъ. Ежемѣсячные расходы простираются до 2000 дол. Приходъ составляется отъ взносовъ 1080 членовъ, платящихъ по 10 дол. въ годъ и покровителей, платящихъ по 25 дол. въ годъ, а также отъ пожизненныхъ членовъ, платящихъ по 250 дол. одновременно, и частныхъ пожертвованій и пикинговъ. Еще со дня открытія обители дирекція сознавала недостаточность помѣщенія и стала запасаться солидными средствами для постройки новаго, болѣе обширнаго пріюта подъ тѣмъ же именемъ. Нѣсколько недѣль назадъ былъ приобретенъ участокъ земли въ 200 квадратныхъ футовъ за 45,000 дол. на углу 139-ой улицы и бульвара. Постройка зданія быстро подвигается впередъ и будетъ окончена въ октябрѣ; она обойдется въ 130,000 дол.

Почти всѣ деньги для новаго «Монтефіоровскаго пріюта» были собраны въ теченіи двухъ недѣль отъ «базара», устроеннаго по инициативѣ конгрегаціи «Temple Emanu-El». Базаръ открылся 6 декабря 1886 г. въ новомъ «Central Park Garden» и «стоялъ» двѣ недѣли. Всего было выручено 176,071 дол. 84 с., изъ которыхъ 158,090 дол. 11 сен. были переданы въ пользу новаго пріюта. Президентомъ обители состоитъ Яковъ Шиффъ, вице-президен-

тами Луи Гансъ и Адольфъ Саломонсъ, кассиромъ Изидоръ Штраусъ, секретаремъ Юліи Люнсъ, директорами: Яковъ Шиффъ, Адольфъ Саломонсъ, Исаакъ Эппангеръ, М. Мендель и еще 17 другихъ выдающихся лицъ.

VI. Приютъ для старыхъ и безсильныхъ евреевъ («The Home for aged and infirm hebrews»).

Учрежденіе это увидѣло свѣтъ 24 мая 1870 г. Въ теченіи десяти лѣтъ приютъ помѣщался въ наемномъ зданіи на углу 87-й улицы и аллен А, вмѣщая въ себѣ до 80 лицъ. Дружныя усилія покровителей приюта и особенно его перваго президента, госпожи Анны Лео, и сына ея д-ра Лео, пользовавшаго обитателей приюта,—дали возможность перенести учрежденіе въ собственное помѣщеніе на 105-й улицѣ, вблизи западной части 9-й аллен. Въ настоящее время въ комфортабельномъ приютѣ помѣщается 150 старыхъ лицъ обоого пола, средній возрастъ которыхъ за 60 лѣтъ. Ежегодные расходы приюта простираются до 27,000 дол., которые покрываются взносами 2,200 членовъ, раздѣляющихся на 3 класса: *членовъ* (members) со взносомъ 5 дол., *покровителей* (patrons)—10 дол. и *жертвователей* (donors)—25 дол. въ годъ. Президентомъ приюта состоитъ Чарль Бернгеймъ, кассиромъ Чарль Штербахъ, секретаремъ Яковъ Когенъ, управляющими мистеръ и миссисъ Гейне; директорами Яковъ Шелле, Г. Гитерманъ, Я. Ротшильдъ и еще 14 другихъ.

V. Еврейскій Сиротскій домъ. („The Hebrew Orphan Asylum“).

Это—дѣдушка еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ Нью-іоркѣ. Первый бѣдный еврей объявился въ 1820 г. Безъ сомнѣнія, не постигни болѣзнь, бѣднякъ этотъ, со свойственной Израилю энергіей, выбился бы какъ нибудь на путь безбѣднаго существованія; но онъ очутился въ городскомъ (христіанскомъ) госпиталѣ. Какъ только объ этомъ узнали его единовѣрцы, то они, не желая видѣть его въ такомъ жалкомъ положеніи, собрали нѣсколько сотъ долларовъ, наняли помѣщеніе въ частномъ домѣ, наскоро организовали больничку и тщательный медицинскій уходъ. Послѣ смерти этого *перваго бѣдняка* (отъ воспаления легкихъ),

остался фондъ въ 300 дол. Жертвователи подумали тогда, что не мѣшало бы эти деньги употребить на основаніе постоянного благотворительнаго еврейскаго общества. Въ 1822 г. такое общество дѣйствительно было создано, но оно не имѣло успѣха. Директоры его сходились регулярно, но за отсутствіемъ *дѣла* предавались, какъ гласитъ преданіе, переливанію изъ пустаго въ порожнее, а иногда даже и вина изъ бутылокъ въ бокалы, т. е. устраивали на своихъ собраніяхъ пирушечъ, такъ что благотворительное общество было скорѣе влубомъ или, по меньшей мѣрѣ спартанскимъ «общимъ столомъ». Съ усиленіемъ эмиграціи, стала являться нужда среди новопривывшихъ, и вотъ, наше веселое общество показало, что оно умѣетъ заниматься и *дѣломъ*, и скоро переродилось въ «Нѣмецко-Еврейское Благотворительное Общество» («German-Hebrew Benevolent Society»). Это случилось въ 1845 г. Четырнадцать лѣтъ спустя, оно основало «Сиротскій пріютъ» («The Orphan Asylum») на 29-й улицѣ, близъ 8-й аллеи. До этого Общество поддерживало 9 сиротъ, но съ открытіемъ новаго пріюта прибавилось еще 20 слишкомъ сиротъ, которыя, собственно говоря, не были нищими или круглыми сиротами, а поступали въ это учрежденіе по просьбѣ родныхъ или родителей, не бывшихъ въ состояніи дать имъ порядочное воспитаніе. Въ ноябрѣ 1863 г., благодаря все болѣе возрастающему вниманію нью-іоркскихъ евреевъ къ этому учрежденію, оно было переведено въ громадное зданіе на углу 77-й улицы и 3-й аллеи. Въ то время ежегодный доходъ Общества доходилъ до 30,000 дол., при 1,100 членахъ. Съ теченіемъ времени и это помѣщеніе оказалось недостаточнымъ, такъ какъ число сиротъ перешло за 300. Число членовъ возросло до 2,200, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число случайныхъ пожертвованій, и потому руководители пріюта нашли возможнымъ приступить къ постройкѣ болѣе обширнаго зданія, которое теперь величественно высится на западной части 10-й аллеи при 136-й улицѣ. Пріютъ занимаетъ два квартала, приобретенныхъ за 200,000 дол., зданіе обошлось въ 600 тысячъ долларовъ, вмѣстѣ съ внутреннимъ устройствомъ новый пріютъ обошелся въ 1.250,000 дол. Корпусъ зданія трехъ-этажный, заключаетъ во фронтѣ 285, а въ глубину 295 футовъ. По бокамъ имѣется два флигеля, потонувшіе въ зелени и цвѣтахъ. Пріютъ вмѣщаетъ 700 слишкомъ дѣтей. Къ

юго-западу, на разстояніи 100 ярдовъ, помѣщается сиротскій госпиталь, большое 3-хъ этажное каменное зданіе, въ которомъ имѣются помѣщенія для 60 пациентовъ, госпитальной прислуги и врачебнаго персонала. Въ теченіи прошлаго года въ госпиталѣ находилось на налѣченіи только трое дѣтей. Въ теченіи трехлѣтняго своего существованія госпиталь насчиталъ только три смертныхъ случая, хотя пациентовъ за этотъ періодъ времени находилось до 500. Д-ръ Давидъ Френменъ занимаетъ постъ госпитальнаго врача.

Кухня помѣщается въ особомъ зданіи, отапливаемомъ паромъ. Тутъ, въ просторныхъ залахъ, происходятъ митинги „женскаго швейнаго общества“ (Ladies of the sewing society), заботящагося о приготовленіи бѣлья и одежды для сиротъ. Общество это насчитываетъ 1200 членовъ, платящихъ по 5 дол. въ годъ. Деньги эти уходятъ на экшировку оставляющихъ окончательно пріютъ сиротъ для самостоятельной борьбы за существованіе. Такъ 20 дѣвушекъ, оставившихъ пріютъ, получили отъ «швейнаго общества»: 48 платьевъ, 29 фланелевыхъ фуфаякъ, 82 рубахи, 38 ночныхъ рубахъ, 44 пары чулокъ, 20 шляпокъ, башмаковъ и пр. Двадцать девять мальчиковъ получили 174 рубахи, 174 пары чулокъ, 58 костюмовъ, шапокъ, башмаковъ и пр. Президентомъ швейнаго общества состоитъ г-жа Букланъ, вице-президентшей Г. Герстле, кассиршей Ж. Франкъ, секретаремъ Л. Левенбургъ.

При пріютѣ существуютъ «рабочіе классы для дѣвушекъ», въ которыхъ учатъ шитью. Въ одномъ изъ классовъ, руководимомъ дѣвицей Маресь, насчитывается 175 (другихъ классовъ я не успѣлъ посѣтить) скромныхъ дѣвочекъ, встречающихъ носѣтителя сердечными привѣтствіями. «Рабочіе классы для мальчиковъ» помѣщаются въ сѣверномъ флигелѣ. Посреди обоихъ флигелей имѣется громадная обѣденная зала, позади ея комната, куда подаются блюда на подвижныхъ столикахъ изъ кухни, помѣщающейся въ нижнемъ этажѣ. Обѣдъ состоитъ изъ мясного супа, ростбифа, зелени, яблочнаго компота и печения. Нижній этажъ вмѣщаетъ въ себѣ кухню, прачешную, цехгаузы, купальни для дѣвушекъ и мальчиковъ, конечно отдѣльные, и пять большихъ комнатъ, въ которыхъ происходятъ зною игры, а разъ въ недѣлю военное

ученіе. Двѣсти мальчиковъ снабжены дѣйствительными ружьями, а 100—дѣтскими.

Двѣнца Шварцъ завѣдуетъ пріютскимъ «дѣтскимъ садомъ» (Kindergarten), въ которомъ воспитывается 32 сиротки 4 и 5 лѣтняго возраста. Ни въ какомъ изъ видѣнныхъ мною «дѣтскихъ садовъ» въ Европѣ я не встрѣчалъ такого стройнаго пѣнія малютокъ.

По окончаніи школьнаго образованія въ пріютѣ, сироты поступаютъ въ публичную «грамматическую школу» (grammar school). Д-ръ Германъ Бааръ, состоящій суперинтендентомъ пріютской школы, говорилъ мнѣ о продолженіи образованія сиротъ въ публичныхъ школахъ слѣдующее: «я всегда смотрѣлъ на наши публичныя школы, какъ на лучшихъ рассадниковъ національнаго воспитанія, культивирующихъ въ дѣтяхъ разумную любовь къ странѣ, въ которой они родились и живутъ. Кромѣ того, уничтожая узкій духъ сектаторства, публичныя училища, усаживающія рядомъ еврея и христіанина, вселяютъ въ нихъ духъ толерантности и взаимнаго уваженія.»

Изъ прошлогодняго отчета видно, что кромѣ 218 сиротъ, посѣщающихъ публичное училище, въ самомъ пріютѣ обучается 292; затѣмъ 10 посѣщаютъ «Еврейскій Техническій институтъ». Пріютъ, кромѣ того, продолжаетъ поддерживать двухъ бывшихъ воспитанниковъ въ Цинцинатской раввинской семинаріи и двухъ въ Нью-іоркскомъ колледжѣ.

Ежегодные отчеты пріюта заключаютъ въ себѣ отдѣлъ пожертвованій подъ названіемъ «Фондъ для удовольствій» (Pleasure fund), идущихъ на устройство гуляній или раздачу подарковъ «отличившимся» во время ежегоднаго торжественнаго публичнаго акта, который устраивается 2-го іюня—въ годовщину открытія «сиротскаго дома». Самое крупное пожертвованіе для этого фонда было сдѣлано Моисеемъ Брулемъ въ 1875 г., а именно 2500 дол., изъ которыхъ ежегодно выдаютъ по 50 дол. «лучшему» ученику и «лучшей» ученицѣ. Кромѣ того, въ теченіи уже 12 лѣтъ г. Бруль жертвуетъ на этотъ фондъ по 100 дол. ежегодно и на годичнои торжествѣ угощаетъ на свой счетъ весь пріютъ мороженымъ и сладостями. Слѣдующее затѣмъ крупное пожертвованіе было сдѣлано Н. Штраусомъ въ размѣрѣ 1500 дол. Кромѣ этихъ «двухъ брулевскихъ на-

градъ» ежегодно раздается еще 18 денежныхъ наградъ, которыя, вмѣстѣ съ другими денежными пожертвованіями посѣтителей, не отдаются дѣтямъ на руки, а помѣщаются въ банкъ и возвращаются дѣтямъ съ выросшими процентами по выходѣ ихъ изъ сиротскаго дома.

Расходы по веденію «сиротскаго дома» въ прошломъ году достигли 65.000 дол. Кромѣ того, изъ фондовъ его выдаво было: 20.000 дол. «Соединенному еврейскому обществу вспомошествованія», 3000 дол. «Еврейскому Техническому Институту» и 17.000 дол. употреблены для другихъ различныхъ учреждений. Отъ городского контролера и «управленія по дѣламъ просвѣщенія» сиротскій домъ получаетъ субсидіи слишкомъ 56.000 дол. (въ прошломъ году 56.027 дол. 65 сен.).

Президентомъ «Еврейскаго сиротскаго дома» состоитъ американскій Ротшильдъ—Джеси Зелигманъ, вице-президентомъ Генри Рейсъ, кассиромъ А. Вольфъ, секретаремъ Мееръ Штернъ, директорами: М. Госка, Яковъ Бамбергеръ и еще 15 другихъ.

VI. Еврейское общество охраненія бѣдныхъ дѣтей. (The Hebrew Sheltering and Guardian Society).

Благородная цѣль этого учрежденія заключается въ доставленіи пріюта и заботливаго ухода за дѣтьми нѣжнаго возраста отъ 2 до 5 лѣтъ вплоть до возмужалости. Основателями общества были: судья Филиппъ Іоахимсонъ съ женой. Во время своего путешествія въ Европѣ въ 1871 г. почтенные супруги посѣтили выдающіяся благотворительныя учрежденія Лондона, Парижа и Берлина и были особенно заинтересованы однимъ лондонскимъ учрежденіемъ, въ которомъ дѣти работниковъ проводили цѣлый день, получая пищу и обучаясь по Фребелевской системѣ, а къ вечеру возвращались въ родительскій домъ. По возвращеніи въ Нью-Іоркъ, г-жа Іоахимсонъ съ помощью другихъ благотворительницъ основала общество «Кормилицы Деборы» («Deborah Nursery») въ № 165 East Broadway, на подобіе видѣннаго ею въ Лондонѣ учрежденія. Однако, *временная* помощь дѣтямъ не удовлетворяла Іоахимсоновъ и они, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, успѣли, при содѣйствіи госпожъ М. Лаутербахъ, С. Теллеръ, Барнетъ и др.,

основать «Общество охраненія дѣтей» на углу 57-ой улицы и 1-ой эвеню (аллея), 6 сентября 1879 г. Годъ спустя, пришлось занять подъ пріютъ и сосѣдній домъ, затѣмъ третій и четвертый. Когда же освободилось зданіе, которое служило «пріютомъ старыхъ и безсильныхъ евреевъ», то оно тотчасъ же было занато женскимъ отдѣленіемъ «Общества охраненія дѣтей». Главный корпусъ зданія этого общества заключаетъ: въ нижнемъ этажѣ цехгаузъ и залы для игръ, двѣ ванны, двѣ кухни, прачешную. Во второмъ этажѣ находятся: конторы президента и вице-президентовъ и кассира и приемная доктора, аптека, экзаменаціонныя залы, столовая и синагога. Въ третьемъ этажѣ: приемныя залы и дѣтскія спальни.

Въ настоящее время въ учрежденіи этомъ находится 564 дѣтей, составляющихъ, однако, только сотую часть того количества, которое вмѣстилось бы въ этомъ колоссальномъ пріютѣ. Со дня основанія его, 663 дѣтей было выпущено, какъ не нуждающихся больше въ «охраненіи».

Какъ только ребенокъ начинаетъ ходить, все его свободное отъ сна и ѣды время употребляется на игру въ «дѣтскомъ саду». Болѣе взрослые посѣщаютъ публичныя училища, такъ, въ прошломъ октябрѣ училища эти посѣщались 175 мальчиками и 115 дѣвочками.

Въ пріютъ этотъ принимаются и нееврейскія дѣти, но чрезвычайно рѣдко и только послѣ того, какъ правленіе получаетъ обязательство, что впослѣдствіи не возникнетъ никакихъ «неудовольствій» по поводу ухода за дѣтьми.

Ежегодные расходы этого учрежденія простираются до 65,000 дол., изъ нихъ свыше 14,000 дол. покрываются членскими взносами и пожертвованіями. Остальное получается отъ магистратовъ и судовъ, платящихъ по 28 центовъ въ день за cadaго поступающаго ребенка. Въ прошломъ году эти субсидіи составили 50,666 дол. 59 сен.

Президентомъ «Евр. общ. охраненія дѣтей» состоитъ мистрисъ Іоахимсонъ, вице-президентомъ М. Лаутербахъ, кассиромъ Д. Теллеръ, секретаремъ мистеръ В. Майеръ. Комитетъ правителей состоитъ изъ Жени Липманъ, мистера Г. Лещинскаго, мистрисъ Д. Де-Лима, дѣвицы Р. Лещинской и др. Совѣтъ состоитъ

изъ предсѣдателя судьи Ф. Іоакимсона, членовъ Д. Де-Лима, М. Гудгарта и др.

Дѣвицы Анна Лепинская, Лилія Гинцбургъ и др. основали «Общество молодыхъ женщинъ-помощницъ», назначеніе котораго обучать воспитаницъ и образовывать изъ нихъ полевымъ сидѣльцамъ и ловкихъ помощницъ при уходѣ за дѣтьми и больными.

VII. „Учрежденіе Кормилицы Добрыхъ“ (The Deberal Nursery).

Какъ выше было сказано, учрежденіе это было основано г-жей Іоакимсонъ и другими дамами въ 1878 г., 4-го марта, на East Broadway; теперь-же, кромѣ двухъ домовъ на этой улицѣ, оно владѣетъ еще 5 домами на 83-й улицѣ. Въ пріютѣ содержатся 300 дѣтей, начиная съ 2-хъ лѣтнаго возраста и кончая 16 лѣтнимъ, расходъ составляетъ ежегодно 40.000 дол., которые почти цѣликомъ покрываются изъ городскихъ суммъ.

Кромѣ воспитанниковъ, пріютъ этотъ принимаетъ дѣтей подъ свой присмотръ на время ухода родителей на работу.

Президентомъ состоитъ М. Александръ, кассиромъ Г. Ливай, почетнымъ секретаремъ М. Лихтенбергъ, совѣтникомъ Дж. Соломонъ.

VIII. Еврейское Общество Доступныхъ училищъ. (The Hebrew Free school association).

Въ началѣ 1864 г. среди еврейскихъ ортодоксовъ Нью-Іорка поднялись вдругъ толки о томъ, что христіанскіе миссіонеры слишкомъ усердно вербуютъ прозелитовъ среди еврейскихъ дѣтей. Тогда стали подумывать о противоядіи, и въ іюнѣ того-же года было основано «Доступное училище», которое, какъ видно изъ названія, имѣло цѣлью какъ можно шире раскрывать свои двери для всѣхъ желающихъ учиться. Въ настоящее время такихъ училищъ-четыре съ 2700 учениками обоего пола съ 31 учителемъ: (въ № 206 East-Broadway, № 195 Division, № 624 Fifth street и № 244—52-й улицы). При двухъ училищахъ имѣются «дѣтскіе сады», въ которые принимаются и дѣти, не посѣщающія публичныхъ школъ. Въ доступныхъ училищахъ дѣти, кромѣ обычныхъ предметовъ, обучаются древнееврейскому языку и библіи,

а дѣвочки, кромѣ того, шитью. «Доступныя училища» открыты ежедневно, кромѣ субботы, отъ 4—6 часовъ пополудни, а по воскресеньямъ отъ 9 утра до 3 ч. пополудни съ часовымъ отдыхомъ. Въ настоящее время мальчики этихъ училищъ получаютъ подготовку въ ремесленномъ образованіи, облегчающую имъ поступленіе въ «Еврейскій Техническій Институтъ». Ассоціація доступныхъ училищъ насчитываетъ 1.400 членовъ, владѣетъ собственнымъ училищнымъ зданіемъ на 5-й улицѣ, 70.000-нымъ запаснымъ капиталомъ и расходуетъ ежегодно до 11.000 дол. Президентомъ Общества состоитъ М. Айзиксъ, вице-президентъ М. Германъ, кассиромъ Н. Ковенъ и секретаремъ В. Гроссманъ.

IX. Еврейскій техническій институтъ („The Hebrew Technical Institute“).

Слишкомъ четыре года тому назадъ «Соединенное еврейское общество вспоможенія» рѣшилось принять мѣры къ уменьшенію педдерства среди евреевъ и распространенію среди подрастающаго поколѣнія ремесленного образованія.

Въ 1884 г. были открыты пробныя ремесленныя классы подъ руководствомъ профессора Генри Лейпцигера. Успѣхъ былъ такой блестящій, что годъ спустя, было куплено два 4-хъ этажныхъ зданія на Stuyvesant-улицѣ, и въ нихъ былъ устроенъ «техническій институтъ» со всѣми приспособленіями для изученія ремеслъ. Несмотря на ежегодную субсидію въ 3,000 дол. отъ «Соед. Евр. Общ. Вспом.» и 2,000 дол. отъ «Общ. доступныхъ училищъ», институтъ имѣетъ 8,000 дол. ежегоднаго дефицита, который благотворители стараются погасить частными пожертвованіями и устройствомъ баловъ. Прошлагодній «нуримъ-балъ» доставилъ институту почти 11,000 дол., изъ которыхъ 6,000 пошли на погашеніе стараго долга; теперь имѣется дефицитъ въ 20,000 дол.

Надъ входомъ въ контору института виситъ таблица, на которой написано благородное талмудическое изреченіе «Labor is worship» («Трудъ-почетъ»). Обученіе ремесламъ ведется въ институтѣ на англійскихъ началахъ. Мальчики обучаются плотничному и столярному ремесламъ, выполненію моделей, рѣзбѣ на деревѣ, отливанію изъ металловъ, черченію, моделированію изъ глины, а

также математики и механики. Курсъ ученія 3-хъ лѣтній: за это время ученики изучаютъ свойства дерева и металловъ, приучаются владѣть инструментами, на третьемъ или второмъ году ученія (смотря по способности) въ мальчики обнаруживается опредѣленное стремленіе къ тому или другому роду ремесла, который онъ и начинаеть изучать до приобрѣтенія того совершенства, которое требуется на базарѣ житейской суеты. Ученики поступаютъ не моложе 12 лѣтъ, и къ 15 годамъ многіе изъ нихъ готовы начать борьбу за существованіе, будучи снабжены хорошо изученной профессіей. 35 окончившихъ институтъ работаютъ теперь на чугунно-литейныхъ заводахъ, въ конторахъ архитекторовъ и др. Число учениковъ въ настоящее время простирается до 90.

Учебный день состоитъ изъ шести часовъ въ зимнее время и 3 часовъ въ лѣтнее. Суббота соблюдается строго. Каникулы продолжаются двѣ недѣли: по одной въ іюль и августъ; во все остальное время, какъ сказано, работа въ институтѣ идетъ по три часа въ день; тѣмъ не менѣе, ученики, по своей охотѣ, остаются въ мастерскихъ дольше. Нѣтъ тяжелѣе наказанія для ученика, какъ недопущеніе въ мастерскую. При институтѣ тоже имѣется и «общество помощницъ», которое приняло на себя задачу снабжать учениковъ на свой счетъ ежедневнымъ обѣдомъ. Президентомъ института состоитъ Джемсъ Гоффманъ, вице-президентами: Д. Айнштейнъ и Отто Мозесъ, кассиромъ Л. Шлезингеръ, секретаремъ и директоромъ Генри Лейпцигеръ.

Х. Еврейская ассоціація молодыхъ людей („The Young Men's Hebrew Association“).

Она была организована 14 лѣтъ тому назадъ въ подражаніе такимъ же христіанскимъ ассоціаціямъ, стремящимся главнымъ образомъ къ укрѣпленію въ юношествахъ религіозныхъ началъ. Но когда вскорѣ среди членовъ «еврейской ассоціаціи» поднялись религіозные диспуты, и члены раздѣлились на ортодоксальную и реформированную партіи, рѣшено было отодвинуть религіозную тенденцію на задній планъ, и члены стали собираться только для «саморазвѣтія». Общество помѣщается теперь въ прекрасномъ зданіи на углу 58-й улицы и Лексингтонъ эвеню. М. Куршедь, изъ

вѣстный адвокатъ, (во время эмиграціи русскихъ евреевъ занимавшій постъ секретаря комитета «Hebrew emigrand aid Society») состоитъ президентомъ; членовъ насчитывается 900. Ассоціація имѣетъ библіотеку, состоящую изъ 7,000 томовъ, часть которыхъ находится въ библіотекѣ филиальной ассоціаціи, помѣщающейся въ нижней части города (down-town) на East-Broadway № 206 *.

Полтора года тому назадъ ассоціаціи эти вмѣстѣ съ обществомъ доступныхъ училищъ основали «Свободную Агиларовскую библіотеку»: первыя пожертвовали 7,000 томовъ, второе 3,000. Президентомъ библіотеки состоитъ З. Гринбаумъ.

XI. Еврейское вспомогательное общество (The Hebrew Relief Society).

Одна изъ старѣйшихъ нью-іоркскихъ конгрегацій, «Синагога 19-й улицы», образовала изъ своихъ членовъ фондъ, который идетъ на облегченіе положенія нуждающихся, въ которыхъ тотъ или другой членъ принимаетъ личное участіе. Президентомъ состоитъ Джеферсонъ Ливай, кассиромъ Ю. Натанъ.

XII. Еврейское общество снабженія топливомъ. (The Hebrew Benevolent Fuel Association).

Это тоже одно изъ старѣйшихъ нью-іоркскихъ благотворительныхъ учреждений; оно оказывало громадную помощь въ прошломъ, теперь же посылаетъ ежегодно 250 тоннъ угля въ «Соед. Евр. Общество Вспом.», для раздачи бѣднымъ. Президентомъ состоитъ І. Айзиксъ.

XIII. Еврейскіе ордены (Hebrew ordens).

Изъ многочисленныхъ такъ называемыхъ еврейскихъ орденовъ, самый крупный и вліятельный—«Вnei Brith» (Сыны союза). Существова около 50 лѣтъ, члены его рекрутированы изъ американ-

---

* Ассоціація эти очень симпатизируютъ русско-еврейской интеллигенціи и нѣсколько лѣтъ тому назадъ пригласили въ библіотекари кievскаго студента-эмигранта Н. Алейникова, а мы предоставили прочитать въ залѣ общества лекцію объ эмиграціи (честь, рѣдко выпадающая на долю лицъ, не принадлежащихъ къ обществу).

скихъ, нѣмецкихъ, португальскихъ и испанскихъ евреевъ. Остальные ордены, какъ, напр. «Keshet Shel Barsel», «Free Sons of Israel» («Свободные сыны Израиля»), «Sons of Abraham» («Сыны Авраама»), «Sons of Benjamin» («Сыны Веньямина») и мног. др. почти исключительно состоятъ изъ польскихъ евреевъ.

Главная цѣль существованія ордена «Bnei Brith» заключается «въ соединеніи евреевъ по пути гуманитарной дѣятельности, развитіи и защитѣ умственного и нравственного характера нашей расы; видреніе чистыхъ принциповъ филантропіи, чести и патриотизма; покровительство знанію, искусству; удовлетвореніи нуждъ бѣдныхъ; посѣщеніи и уходѣ за больными; спасеніи жертвъ преслѣдованія и защитѣ вдовъ и сиротъ умершихъ членовъ». Вотъ широкая подкладка, на которой орденъ этотъ горячо стремится держать свое знамя высоко и стойко. Орденъ этотъ насчитываетъ до 25,000 членовъ, раздѣленъ на семь дистриктовъ (округовъ), изъ которыхъ одинъ въ Германіи, и израсходуетъ ежегодно 2.225,000 дол. для благотворительныхъ и воспитательныхъ цѣлей преимущественно внутри ордена, а также и внѣ его. Благотворительный фондъ, назначенный для вдовъ и сиротъ умершихъ членовъ, простирается до 3¹/₂ милліоновъ долларовъ. Нью-Іоркскій округъ устроилъ: домъ для старыхъ и безсильныхъ членовъ своихъ и женъ ихъ, обошедшійся въ 150,000 дол., ежегодные расходы равняются 15,000 дол., число обитателей дома 60; «Маймонидскую бібліотеку» («The Maimonides Library») въ двухъ мѣстахъ: на 3-й эвеню и East-Broadway съ 30,000 томами. Ежегодное число читателей среднимъ числомъ не менѣе 50,000.

Округи ордена въ Цинцинати, Чикаго и Мемфисѣ общими силами устроили въ Клевландѣ, штатѣ Огіо, сиротскій домъ, который обошелся въ 350,000 дол. и откроется 9-го будущаго іюля. Кроме того, орденъ учредилъ: сиротскій домъ въ Атлантѣ, еврейскій госпиталь и Туровскій инвалидный домъ въ Нью-Орлеанѣ.

Со времени эмиграціи румынскихъ евреевъ орденъ сталъ обучать ихъ англійскому языку и знанію американскихъ законовъ и успѣлъ возложить теперь эту обязанность на правительство, которое учредило спеціальныя для нихъ училища съ русско-еврей-

скими учителями, которые успѣли уже, такъ сказать, обамериканизироваться.

Президентомъ ордена состоитъ Юлія Бинъ (въ Нью-Йоркѣ), вице-президентомъ—Юшіа Когенъ (въ Питсбургѣ), кассиромъ—Изадоръ Бушъ (въ Сентъ-Луи), секретаремъ—М. Талмесингеръ (въ Нью-Йоркѣ).

XIV. Пуримское общество (Purim Association).

Общество это состоитъ изъ тридцати еврейскихъ тузовъ. Имѣя много свободнаго времени, оно ежегодно устраиваетъ пуримъ-маскарадъ, въ послѣдніе годы замѣнившійся баломъ, на которомъ присутствуетъ еврейская финансовая знать. Чистая выручка отъ каждаго такого бала, простирающаяся обыкновенно до нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, назначается въ пользу какого нибудь благотворительнаго учрежденія. Кромѣ такихъ баловъ, общество это устраиваетъ базары, которые вмѣстѣ съ пуримъ-балами въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ доставили чистой выручки 240,000 дол. Президентомъ состоитъ М. Мозесъ, вице-президентомъ С. Шефферъ, секретаремъ І. Айзиевъ, кассиромъ С. Соломонъ.

Хорошо бы было, если бы наши братья въ Россіи взяли себѣ примѣръ изъ этой дѣятельности ихъ американскихъ единовѣрцевъ.

І. Петриковскій.

Луисвилъ, май 1888 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПАРАЛЛЕЛИ ИЗЪ ЖИЗНИ.

(мхрп чл: *Дѣя крайности*. Романъ изъ современной еврейской жизни Р. А. Браудеса. Въ двухъ частяхъ. Варшава, 1888. Изданіе книжнаго магазина Л. И. Шапиро).

Давно уже не доводилось намъ читать на древне-еврейскомъ языкѣ беллетристическаго произведенія, которое въ такой мѣрѣ заслуживало бы вниманія серьезной критики, какъ новый романъ г. Браудеса. Мы этигъ несколько не предопредѣляемъ безусловныхъ достоинствъ новаго романа, въ которомъ обстоятельный разборъ можетъ еще обнаружить наряду съ достоинствами и недостатки; мы только отмѣчаемъ отрадный фактъ, что появилось такое сочиненіе, съ которымъ критика можетъ считаться, какъ съ тѣмъ-то положительнымъ и солиднымъ, между тѣмъ какъ въ послѣдніе годы беллетристика наша съ каждымъ новымъ произведеніемъ предъявляла только новое свидѣтельство о своей бѣдности, а критикѣ оставалась только печальная задача регистраціи такихъ свидѣтельствъ.

Г. Браудесъ не новичокъ въ литературѣ. Его повѣсти и рассказы изъ еврейскаго быта печатались и печатаются въ разныхъ современныхъ изданіяхъ на древне-еврейскомъ языкѣ, начиная съ середины 70-тъ годовъ. Дѣтъ десять тому назадъ обратилъ на себя вниманіе публики и критики его большой романъ «Религія и жизнь», въ которомъ изображалась борьба искателей религиозныхъ реформъ въ еврействѣ съ раввинами и массою. Это былъ романъ крайне тенденціозный. Въ немъ привлекали не художественное построеніе—довольно слабое, кстати сказать,—а возвышенность идей и стремленій, подвижничество героя и пророческій паеосъ, съ которыми онъ проповѣдывалъ свои убѣжденія. Эта идейная сторона и снискала первому роману г. Браудеса въ свое время обширную популярность въ рядахъ переходнаго поколѣнія. Намъ очень памятно еще,

какъ восторженные юноши въ глуши провинціи зачитывались этии романоиъ, съ какимъ жаромъ читались въ неиъ длинныя, но живыя религиозныя споры, какъ очаровывалъ боецъ реформы Самуилъ (главный герой) всѣхъ этихъ забитыхъ и затертыхъ средоиъ молодыхъ людей, равнявшихся къ свѣту изъ душныхъ закоулковъ «черты» и вынужденныхъ скрывать отъ окружающихъ свои завѣтныя стремленія. Это было совсѣмъ недавно, къ концу нашего періода «бурныхъ стремленій», слишкомъ рано обшнвшагося, благодаря неожиданнымъ внѣшнимъ событіямъ, періодомъ тяжелой реакціи во внутренней, духовной жизни русскаго еврейства...

Новый романъ г. Браудеса такъ же мало похожъ на предыдущій его романъ, какъ настоящее десятилѣтіе на предыдущее. Въ немъ нѣтъ уже той рѣзкой социальной тенденціи, того юношескаго пыла и тѣхъ страстныхъ исканій, которыя такъ правились извѣстной части молодежи въ первомъ романѣ г. Браудеса. Въ новомъ своемъ романѣ авторъ задался гораздо болѣе спокойною и широкою задачею: изобразить объективно и сопоставить между собою разныя теченія еврейской жизни, созданныя недавнею просвѣтительною эпохою. Авторъ скинулъ съ себя тогу проповѣдника и взялъ въ руку кисть художника. Правда бытовая и психологическая стоитъ въ новомъ романѣ на первомъ планѣ; общественныя же и практическія идеи какъ-бы сами собою вытекаютъ изъ бытового описанія, а не навязываются ему. Въ художественной карьерѣ г. Браудеса это уже значительный шагъ впередъ, свидѣтельствующій о болѣе зрѣлости таланта и обещающій въ будущемъ еще болѣе широкое развитіе этого таланта.

Сюжетъ новаго романа, озаглавленнаго «Два ирайности», довольно оригиналенъ. Основная его мысль заключается въ параллели между влияніемъ, производимымъ старою жизнью на новаго человѣка и новою жизнью на человѣка стараго покроя. Соответственно этому, въ романѣ—два главныхъ героя. Одинъ изъ глухой провинціи попадаетъ въ большой городъ и, прельщаясь тамошнею внѣшнею цивилизаціею, шагъ за шагомъ преобразовывается, покидаетъ старыя привычки, нравы и понятія и становится членомъ новаго «культурнаго» общества; другой, уже готовый «культурный» человѣкъ, изъ большого города попадаетъ въ провинціальное закоустье «черты», плѣняется ровными и твердыми порядками старой жизни, долѣ ему невѣдомой, и чуть самъ не отрывается отъ своего культурнаго кодекса ради идиллическихъ прелестей первобытной, дѣдовской жизни. Въ этой антитезѣ—вся сила новаго романа.

Молодой человекъ, сынъ хасидовъ и самъ небожный хасидъ, покидаетъ свой родной городокъ Сукооть, свою любимую жену и дѣтей, и съ разрѣшенія своего падика уѣзжаетъ на короткое время въ Одессу для веденія тяжбы съ однимъ тамошнимъ кунцомъ. Хецронъ (такъ звали молодого человека) былъ сынъ богатыхъ родителей, которые къ началу нашего разсказа уже не были въ живыхъ. Его отецъ былъ родомъ изъ Литвы, и какъ большинство «дитваковъ» — зрѣй «иснагидъ»; но прїѣхавъ въ волыскій городокъ Сукооть и осѣвши тамъ, превратился въ столь же ревностнаго «хасида», за что и былъ проклятъ своимъ отцомъ, дѣдомъ нашего героя (Эти родословныя данныя надо видѣть въ виду для пониманія дальнѣйшаго хода разсказа). Молодой Хецронъ воспитывался въ правилахъ строгаго хасидства и, какъ мы уже говорили, былъ человекъ совершенно правовѣрный. Глубокая, легко воспламеняемая чувствительность и до известной степени экзальтированное настроеніе были основными чертами его характера, привитыми ему окружающею средою, въ которой вся религія сводится къ мистическому созерцанію и къ вѣрѣ въ чудеса «падивовъ», а религіозное чувство отождествляется съ возбужденнымъ, восторженнымъ настроеніемъ. Воспримчивая натура Хецрона была особенно чувствительна ко всему красивому, ласкающему взоръ или слухъ, къ блестящей внѣшности, въ красивой обстановкѣ, къ волнующимъ зрѣлищамъ, къ пѣнію и музыкѣ. Въ этой натурѣ не было той идейной отваги, той пожирющей жажды знанія, которая составляетъ отличительную черту съверядина-литовца (въ родѣ, напримѣръ, героя перваго романа г. Браудеса — Самуила); въ крѣпкой и цѣльной натурѣ Хецрона жажда полной физической жизни брала верхъ надъ стремленіями умственными. Этой жажды не могла утолять однообразная жизнь его родного заколустья, но жванъ большого города, въ который неожиданно попалъ Хецронъ, сразу открыла широкій просторъ удовлетворенію всѣхъ его стремленій и желаній. Въ Одессѣ, играющей цивилизаторскую роль столицы для южнорусскихъ евреевъ, Хецронъ увидѣлъ кругомъ себя новый міръ и совершенно новымъ для него формамъ жизни. Эти новыя формы поразили его и всецѣло овладѣли его существомъ, ибо у него не было настолько умственной пытливости, чтобы пропикнуть въ *содержаніе* этой блестящей жизни. Красивый видъ улицъ, грандіозные дома, нарядныя женщины и изящные кавалеры, наружно-красивыя манеры обращенія, разнообразныя удовольствія большого города, — все это сильно дѣйствовало на его воображеніе, которое всегда играло роль главнаго дѣятеля въ его духовномъ мірѣ. Сопоставляя эти блестящія

формы столичной жизни съ невзрачными формами жизни захолустной, Хецронъ мало по малу приходилъ къ заключенію, что настоящій, культурный человѣкъ долженъ усвоивать первыя и отбрасывать послѣднія. Другъ и чичерове нашего героя, адвокатъ, ведшій его тяжбу, по имени Юровъ, немало способствовалъ укрѣпленію въ немъ этого настроенія. Юровъ былъ изъ высшихъ «положительныхъ» людей, у которыхъ высшій лоскъ прикрываетъ полнѣешее умственное и нравственное убожество, сибаритъ, любящій пожить и постоянно проиизирающій надъ увлекающимися «идеалистами», словомъ,—типическій адвокатъ худшей пробы. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ руководителемъ молодого Хецрона въ похожденияхъ послѣдняго по Одессѣ. Услужливый адвокатъ не ограничился тѣмъ, что законилъ нашего героя съ общою жизнью большого города: онъ хотѣлъ его самого втащить въ эту жизнь и для этого позвакомилъ его съ однимъ «богатымъ» семействомъ, въ которомъ герой встрѣтилъ свою героиню—и романъ такимъ образомъ завязался.

Семейство, съ которымъ познакомился Хецронъ, состояло всего изъ отца и дочери—Гавриила и Лизи Ахитовыхъ. Гавриилъ Ахитовъ былъ почтенный старикъ, разбогатѣвшій на казенныхъ подрядахъ, но впоследствии значительно прогорѣвшій, такъ что ко времени нашего разсказа онъ только по старой памяти слылъ богачомъ, а на самомъ дѣлѣ находился наканунѣ банкротства. Дочь его Лиза была вполне благвоспитанная, но купеческими понятіями ея среды, дѣвушка, красивая, нарядная, свѣтская, со свѣтскою душою и свѣтскою нравственностью. Такой дѣвухѣ не мудро было очаровать простоватаго провинціального недѣда, какинъ былъ Хецронъ. Послѣдній чуть-ли не съ перваго раза влюбился въ нее. Замѣчательно, что прежде всего его плѣнила въ ней—что бы вы думали?—ея игра на фортепиано, воспитившая нашего героя благодаря сильно развитому въ немъ эстетическому чутью; затѣмъ уже очаровывали его блестящая наружность героини, ея изящныя пріемы, свѣтское кокетство,—все вещи, о которыхъ онъ раньше и понятія не имѣлъ. Невольно сравнивалъ онъ эту блестящую дѣвуху, любезную, откровенную, увлекающую, со своею женою-хасидкою, одѣтою въ безобразный традиціонный костюмъ, вѣчно озабоченною домашними дѣлами и спасеніемъ души, сти:ающею тяжкими грѣхомъ любезничать даже со своимъ законнымъ супругомъ и поднимать глаза на чужого мужчину,—и ему казалось, что Лиза несравненно выше и благороднѣе, несравненно болѣе достойна любви и можетъ дать любимому ея человѣку совсѣмъ иное счастье, чѣмъ то, которое онъ

до сихъ поръ испытывать въ супружеской жизни. И вотъ Хецронъ безъ памяти влюбляется въ Лизу, забываетъ свои дѣла и всекиннвается къ Одессѣ, все болѣе и болѣе сближался съ предметомъ своей страсти. Со стороны героини не встрѣчается никакихъ препятствій къ такому сближенію, ибо ей также нравится въ Хецронѣ, во первыхъ, его беззащитная любовь, во вторыхъ—его искренняя и честная натура, и третьихъ—его богатство. Надо замѣтить, что Лиза не недооцѣвала, что Хецронъ женатъ, ибо онъ изъ боязни потерять свое обаяніе въ глазахъ любимой дѣвушки невольно скрывалъ отъ нея этотъ фактъ; считая Хецрона холостнымъ, она мысленно рѣшила, что, при настоящихъ финансовыхъ затрудненіяхъ ее отца, это—не безвыгодная для нея партія. Правда, у нея былъ уже женихъ—студентъ юридическаго факультета *Барзилай*, но любовь къ нему нашей героини не была настолько сильна, чтобы устоять противъ соблазна богатой жизни, представлявшагося перспективою брака съ Хецрономъ. Старикъ Гавриилъ и его домашній адвокатъ Юровъ вслѣдствіи одобряютъ такому направленію мысли Лизы, ибо видятъ въ этомъ единственный способъ спастись отъ банкротства посредствомъ денегъ Хецрона. А нашъ герой между тѣмъ все болѣе и болѣе «дививавуется», входитъ во вкусъ столичной жизни, приобретаетъ необходимы въ свѣтскомъ обществѣ званія и, разучивается, все бредитъ любовью къ Лизѣ, которую онъ любилъ безъ заднихъ мыслей и безъ расчетовъ, горячо, беззащитно и забывавъ все на свѣтѣ. Какъ влюбленный, онъ то зорился, то восторгался, отчаявался, надѣялся, метался изъ стороны въ сторону, но мало думалъ о практическихъ послѣдствіяхъ своего рокового увлеченія. Но за него объ этомъ много думали старикъ Гавриилъ и Юровъ, думала и Лиза, которую практическіе доводы отца и его адвоката окончательно убѣдили въ выгоды и даже безусловной необходимости брака съ Хецрономъ. Гавриилу Ахитову предстояло въ очень скоромъ времени полное банкротство—и только неслыханнымъ бракомъ его дочери съ богатымъ Хецрономъ могъ спасти его отъ окончательнаго разоренія. И вотъ все устривается такъ, чтобы помелка Хецрона съ Лизой была совершена и объявлена по возможности скорѣе. Въ одинъ прекрасный вечеръ эта штука дѣйствительно совершается—и нашъ герой неожиданно для самого себя дѣлается публично женихомъ Лизы Ахитовой. Но тутъ-то происходитъ моментальная катастрофа. Оскорбленный отказомъ первый женихъ Лизы, Барзилай, желая истить и своей вѣроломной невѣстѣ, и своему сопернику Хецрону, наводитъ справки о послѣдней и, узнавъ, что у него на роднѣ—жена и двое дѣтей, немедленно

сообщаетъ объ этомъ Ливѣ, ея отцу и всей компаніи въ самой вечеръ пожеланъ. Происходить, конечно, страшный переколыхъ—и такъ хорошо наладившееся было дѣло проваливается. Этимъ эффектнымъ моментомъ заканчивается первая книга романа.

Во второй книгѣ выводятся на сцену совершенно новая лица, даже новые герой и героиня, и самое дѣйствіе переносится въ другое мѣсто. Это совершенно особый романъ, развивающійся параллельно съ первымъ. Дѣло происходитъ въ томъ самомъ городѣ Сукотѣ, откуда выѣзжалъ Хацронъ и гдѣ жило его семейство. Въ то время, когда «блудный сынъ» Хацронъ, покинувъ родной провъ, «цивилизовался» и занимался сердечными дѣлами въ Одессѣ, одинъ человекъ переѣхалъ изъ Одессы на временное жительство въ Сукотѣ. То былъ Соломонъ Ахитовъ, старшій сынъ Гавріила и братъ героини Ливы, жившій въ Одессѣ своимъ домомъ и поселившійся въ Сукотѣ на время, до окончанія большого казеннаго подряда, взятаго имъ въ этомъ городѣ. Соломонъ, по описанію автора, былъ человекъ совсѣмъ иного закама, чѣмъ Хацронъ. Сынъ богатого подрядчика, проведшій всю жизнь въ Одессѣ, Соломонъ получилъ обыкновенное воспитаніе еврейскихъ кувеческихъ символовъ въ большихъ городахъ, учился въ разныхъ школахъ, но изъ нихъ очень мало вынесъ для своего духовнаго развитія и не шелъ дальше средняго образованія. Избалованный невѣжественнымъ, якобы «современнымъ» домашнимъ воспитаніемъ, онъ въ юности оказался ни чѣмъ неспособнымъ вѣтрогонемъ, все свое время отдававшимъ кутежу и удовольствіямъ «золотой молодежи». Только не достигши нѣтъ зрѣлаго возраста, отецъ приставилъ его къ своимъ торговымъ дѣламъ и заставилъ жениться, разумеется—не расчету, на одной богатой свѣтской дѣвушкѣ, Розалии. Нечего говорить, что Соломонъ Ахитовъ не имѣлъ понятія ни о наредѣ, въ которую онъ по имени только принадлежалъ, ни о религій, которую онъ номинально исповѣдывалъ: это былъ въ духовномъ отношеніи *tabula rasa*, сосудъ безъ всякаго содержанія, человекъ *comme il faut* въ простѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И вотъ эта-то человекъ вдругъ очутился въ провинціальномъ недвѣжьемъ углу, среди своихъ братьевъ по вѣрѣ, жившихъ по старымъ традиціямъ, совсѣмъ непохожихъ на тѣ, въ которыхъ онъ привыкъ жить. Впервые увидѣлъ онъ настоящую жизнь еврейской массы, о которой онъ въ общій чертахъ зналъ только по наслышкѣ, и то съ самой невыгодной стороны. Онъ сталъ дѣлать наблюденія надъ этимъ новымъ для него складомъ жизни—и мало по малу, неожиданно для себя, началъ убѣждаться,

что далеко не все въ этомъ бытѣ такъ смирно, какъ онъ раньше думалъ, что въ немъ есть очень много хорошихъ сторонъ, съ которыми хваленныя выгоды культурной жизни не выдержатъ никакого сравненія. Особенно поражали его и привлекали существенныя черты стараго быта: крайняя простота отношеній, непосредственность чувствъ, глубокая вѣра окружающихъ его людей, опредѣленные и непоколебимыя формы, въ которыя выливается нѣ жизнь, и то величавое душевное спокойствіе, которое всегда сопровождаетъ этихъ людей на нѣхъ жизненномъ пути—устьянъли онъ розами или тервіями. Какъ неохотно, онъ даже склоненъ былъ преувеличивать достоинства наблюдаемаго нѣхъ быта и закрывать глаза на его недостатки.

Особенныя обстоятельства еще болѣе содѣйствовали этой склонности. Ахитовъ поселился въ Сукотѣ въ кварталѣ тестя Хепрона, старика Іерухина—крайне набожнаго хасида и довольно богатаго представителя нѣстной общины. Въ этомъ семействѣ нашъ герой знакомится съ дочерью ховянина—прекрасною молодой дѣвушкою *Шифрою*, въ которой онъ находитъ всѣ человѣческія и женскія добродѣтели. Это дѣйствительно очень симпатичное существо, сохранившее всѣ лучшія качества своей среды—простоту, дѣломудріе, непосредственность чувства, цѣльность натуры,—и не испорченное ни однимъ изъ его недостатковъ. Въ этомъ прекрасномъ женскомъ созданіи было любвеобильное сердце и таились возвышенныя стремленія къ лучшей, болѣе полной жизни. Тайкомъ отъ родителей Шифра училась и читала русскія книги, и въ этомъ дѣлѣ умственного усовершенствованія помогала ей одна молодая женщина, *Веніаминъ*, пламенный искатель просвѣщенія, который также тайнѣ отъ окружающихъ и даже отъ жены и дѣтей удовлетворялъ, насколько могъ, тайнѣшей его жаждѣ знанія и дѣлился своимъ знаніемъ съ Шифрою, которую въ душѣ любилъ, но силъ, однако, въ этомъ признаваться даже самому себѣ. Неудивительно поэтому, что Шифра произвела очень сильное, даже подавляющее впечатлѣніе на Ахитова. Вблизи его было существо, отъ котораго вѣяло здоровьемъ, любовью, обаяніемъ чистой юности, свѣжестью и непорочностью чувствъ. Онъ невольно сравнивалъ ее мысленно со всѣми дѣвушками и женщинами, которыхъ онъ зналъ въ Одессѣ, сравнивалъ со своею женою Розаліей—сутоливою модною дамою, поглощенною своимъ нарядомъ, увеселеніями, театромъ и кавалерами—и долженъ былъ придти къ мысли о неизвѣрномъ превосходствѣ надъ нею Шифры, долженъ былъ сознаться въ томъ, что впервые въ своей жизни увидѣлъ онъ настоящую идеаль-

ную женщину. И въ этомъ человѣкѣ, никогда не любившемъ серьезно, растратившемъ свои чувства по мелочамъ въ утѣхахъ юности—въ этомъ человѣкѣ проснулось чувство могучей, чарующей любви, какой онъ никогда не испытывалъ. Онъ полюбилъ Шифру и полюбилъ горячо. Все болѣе и болѣе сближаясь съ нею, онъ убѣдился, что и въ ея сердцѣ просыпается какое-то новое чувство, могущее перейти въ сильную любовь. И въ самомъ дѣлѣ, въ Ахитовѣ было немало такого, что могло привлечь къ нему неопытную провинціальную дѣвушку. Властную наружность, изящныя манеры, бойкость «свѣтскаго» человѣка, практическій умъ,—все то, чего она не находила въ молодыхъ людяхъ своего глухого, уголка забытыхъ, робкихъ и застѣнчивыхъ,—все это нашла она въ Ахитовѣ. Наконецъ, она съ тайною радостью видѣла, что лучшія стороны быта, въ которомъ она выросла, прельщаютъ и Ахитова, что онъ подъ вліяніемъ новой среды возвращается къ еврейству, изрѣдка посѣщаетъ синагогу, приобретаетъ сочувствіе къ себѣ въ средѣ окружающихъ и даже въ ея родителей, которые раньше косо смотрѣли на него, какъ на богобоязненна и хлыща,—и это опять-таки красило Ахитова въ ея глазахъ, внушало ей надежду, сулило смутное, но безконечное счастье въ будущемъ. И она полюбила его со всею силою нетронутаго, свѣжаго чувства, со всею страстью первой любви. Ахитовъ былъ безвѣрно счастливъ этою любовью—и, разумѣется, ни словомъ не обмолвился о томъ, что онъ женатъ; онъ былъ такъ счастливъ настоящимъ, что не думалъ ни о прошедшемъ, ни о будущемъ.

Не долго длится, однако, это безмятежное настроеніе нашего героя. Ясный горизонтъ омрачается грозными тучами—и вскорѣ разрушительная молнія сверкаетъ тамъ, гдѣ грѣло ясное солнце. Гроза надвигается сперва со стороны Одессы, гдѣ мы оставили перваго героя нашего, Хецрона, въ самомъ затруднительномъ положеніи, послѣ несчастныхъ разоблаченій въ вечеръ попойки. Въ то время какъ Хецронъ сидѣлъ въ Одессѣ и подъ разными предлогами все оттягивалъ свое возвращеніе домой, или вовсе не отвѣчалъ на письма родныхъ, тутъ, въ Сукотѣ, въ семействѣ его жены Сары и тестя Иерухина, шла все усиливающаяся тревога. Добрые люди смутно чувствовали, что недоброе что-то творится съ Хецрономъ въ Одессѣ; слушать, предположенія и страшать не было конца. Посылали въ Одессу письма за письмами, забрасывали своимъ знакомымъ письмами и Ахитовъ, который ничего не зналъ о томъ, что дѣлается въ Одессѣ, а только сочувствовалъ горю семейства, съ конемъ уже такъ сжился,—но долгое вре-

ня никакихъ свѣдѣній не приходило. Наконецъ, Ахитовъ первый узналъ страшную вѣсть о скандальной помолвкѣ Хецрона съ его, Ахитова, сестрою Лизой; въ то же самое время семейство Хецрона получило авенинное письмо изъ Одессы (авторомъ его былъ все тотъ же Барзилай, отвергнутый первый женихъ Лизы) съ подробными сообщеніями о похожденияхъ Хецрона. Къ довершенію переполоха, въ Сукотѣ фанатическіе хасиды поимали тайнаго еретика Веніамина, учителя Шифры, съ политичнымъ, т. е. съ русскою книжкою въ рукахъ, и мало по малу молва стала добираться до Шифры и до ея тщательнo скрываемихъ отношеній къ Ахитову... Словомъ, заварилась изрядная каша, все переишло и перепуталось до крайности и, казалось, не предвидѣлось никакого исхода.

Третья книга романа повѣствуетъ о непосредственныхъ послѣдствіяхъ, вызванныхъ этииъ всеобщимъ переполохомъ, — послѣдствіяхъ, которыя ни бѣгло отиѣтнмъ, не пускаясь въ лишнія подробности. Хецронъ, знавшій послѣ катастрофы въ вечеръ помолвки въ крайнее отчаяніе, продолжаетъ сидѣть въ Одессѣ и терзаться то страстью къ Лизѣ, то угрызёніями совѣсти при мысляхъ о покинутыхъ женѣ и дѣтяхъ. Слишкомъ слабохарактерный, чтобы овладѣть своими разнородными влеченіями и страстями, онъ подчиняется имъ и дѣлается ихъ игрушкой; подчиняется онъ и различнымъ виѣшнимъ вліяніямъ. Юровъ и Гавріаль, оправившись отъ перваго пораженія, не перестаютъ питать надежды на возможность поправить дѣло. Они видятъ спасительный исходъ въ томъ, чтобы Хецронъ развелся съ своею женою и немедленно затѣмъ женился на Лизѣ. Последняя тоже одобряетъ этотъ планъ и, по настоянію разсчетливаго отца и адвоката, соглашается вновь приблизить къ себѣ Хецрона, котораго послѣ скандала помолвки и видѣть не хотѣла. Хецронъ, поддавшій вліянію этихъ людей, съ болью въ сердцѣ соглашается на разводъ и уполномочиваетъ Юрона съѣздить въ Сукотъ и устроить это дѣло. Но Юрову, не смотря на всю его адвокатскую ловкость, не удается ничего сдѣлать: весь его планъ разбивается о неколебимое упорство жены и тестя Хецрона, которые и слышать не хотятъ о разводѣ и продолжаютъ гронить Хецрона раздражительными письмами, умоляя вернуться къ семьѣ. Въ затруднительномъ положеніи Іерухимъ рѣшается, по совѣту своего падика, обратиться къ посредству дѣда Хецрона, того самаго, который за соvrращеніе въ хасидство отрекся отъ своего сына и всего его семейства; жена Хецрона Сара отправляется въ Вильну съ тѣмъ, чтобы склонить старика употребить свое вліяніе для улаженія семейныхъ затрудненій.

Между тѣмъ романъ Ахитова съ Шифрою тоже подходитъ къ концу. Сначала родители дѣвушки, встревоженные дурною молвою объ ихъ дочери, выпроваживаютъ Ахитова изъ своего дома; затѣмъ платоническій обожатель Шифры Веніаминъ узнаетъ что Ахитовъ женатъ, и побуждаютъ послѣдняго врезаться въ этомъ несчастной увлеченной имъ дѣвушкѣ. На Шифру эта вѣсть производитъ дѣйствіе громоваго удара, и она съ гнѣвомъ прогоняетъ отъ себя Ахитова, не переставая любить его. Ахитовъ, гораздо менѣе потрясенный этимъ исходомъ дѣла, уѣзжаетъ въ Одессу, такъ какъ подрядъ его въ Сукотѣ уже подходилъ къ концу.

Въ четвертой книгѣ романа всѣ Гордіевы узлы, завязанные въ предыдущихъ книгахъ, благополучно развязываются, благодаря отчасти самому ходу вещей, отчасти же вѣщательству дѣда Хецрона, почтеннаго старика *Эмануила*. Онъ прѣзжаетъ въ Одессу вѣстѣ съ Сарою, женою Хецрона, и въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ временно присвоиваетъ себѣ чрезвычайную власть, въ качествѣ главы семейства. Хецрона онъ убѣжденіемъ и силою заставляетъ забыть свои увлеченія и вновь сойтись съ женою, которая по настоянію старика сдѣлала нѣкоторыя уступки времени, нарядилась по новому и тѣмъ привлекла къ себѣ бѣглеца-мужа. Хецронъ съ семействомъ, по совѣту старика, остаются на постоянное жительство въ Одессѣ. Въ то же время дѣла Гавріила и Лизы Ахитовыхъ также внезапно получаютъ счастливый оборотъ, ибо старикъ Эмануилъ оказывается... отцомъ Гавріила, который въ дѣтствѣ покинулъ родителей и послѣ долгихъ скитаній уже не могъ отыскать ихъ. Неожиданное воскресеніе отца оказало немалое вліяніе на дѣла Гавріила: богатый Эмануилъ помогъ ему значительною суммою денегъ и тѣмъ спасъ отъ банкротства. Вѣстѣ съ тѣмъ вѣсело состоялось сближеніе, и затѣмъ бракъ Лизы съ первымъ ея женихомъ Барзилаемъ. Наконецъ, нашла своего суженаго и несчастная, разочарованная Шифра,—и нашла въ лицѣ своего давнишняго бездомнаго обожателя Веніамина, который изъ-за исторіи съ русскою книжкою вынужденъ былъ развестись съ женою и поселился въ Одессѣ, получивъ должность у молодого Ахитова. Къ довершенію всей этой исторіи, авторъ надѣляетъ какими-то воскресшимъ отцомъ и бѣднаго Веніамина, который въ дѣтствѣ по разнымъ обстоятельствамъ тоже потерялъ отца, бросившаго семейство и убѣжавшаго учиться. Его отцомъ оказывается почтенный докторъ изъ Вильны—Гедалія, прѣзжавшій вѣстѣ съ Эмануиломъ въ Одессу и тутъ случайно встрѣтившійся со своимъ сыномъ. Такимъ об-

разомъ разсказъ кончается благополучно, къ удовольствію всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы нарочно соединили фактической пересказъ содержанія романа съ психологическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, для того, чтобы читатель, незнакомый съ романомъ г. Браудеса въ подлинникѣ, могъ самостоятельно судить о степени художественнаго построения романа и жизненности выведенныхъ въ немъ типовъ. Ознакомившись съ вышензложеннымъ, читатель съумѣетъ также провѣрить тѣ мнѣнія, которыя мы сейчасъ намѣрены высказать по поводу разбираемаго романа.

Относительно самой конструкціи романа мы должны сказать, что въ первыхъ трехъ книгахъ она очень удачна. Авторъ, повидимому, обладаетъ большою «выдумкою» и очень искусенъ въ завязываніи разныхъ романтическихъ узловъ, такъ, чтобы все выходило естественно и безъ всякой натяжки. Далеко не столь искуснымъ оказывается, однако, авторъ въ дѣлѣ развязыванія своихъ запутанныхъ узловъ, и въ этомъ дѣлѣ мы видимъ въ немъ только большого поклонника метода Александра Македонскаго, который разсѣкъ Гордіевъ узелъ вмѣсто того, чтобы распутать его. Радикальное приѣніе этого плохого метода,—даромъ, что онъ ведетъ свое начало отъ великаго человѣка,—мы видимъ въ послѣдней книгѣ романа г. Браудеса. Зачѣмъ, спрашивается, понадобилось автору вывести на сцену въ послѣдней книгѣ виленскаго дѣдушку Эмануила въ качествѣ рѣшителя судебъ всѣхъ героевъ и героинь, въ качествѣ *dei ex machina*? Зачѣмъ допустить слѣпой случай въ естественный ходъ событій? Почему бы не предоставить этимъ событіямъ идти своимъ естественнымъ путемъ, такъ, чтобы они могли въ концѣ концовъ разрешиться сами собою, безъ насильственнаго, посторонняго вмѣшательства? Вѣдь теперь читатель въ правѣ спросить: ну, а что, если бы никакого авторитетнаго виленскаго дѣдушки не было на свѣтѣ, что бы тогда случилось съ дѣйствующими лицами? Развѣ не правдивѣе было бы, еслибъ авторъ заставилъ, напримѣръ, Хепрона вернуться въ свою семью не по повелѣнію внезапно появляющагося дѣдушки, а вслѣдствіе естественнаго хода событій, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе разочарованія въ своей возлюбленной Лизѣ, которую онъ въ концѣ концовъ могъ бы раскусить и найти въ ней пустую, не стоящую вниманія дѣвушку, или же вслѣдствіе раскаянія и угрызения совѣсти при видѣ своего несчастнаго, покинутаго семейства? Вмѣсто той сцены, гдѣ дѣдушка выводитъ Сару, наряженную и расфуфыренную, и примиряетъ ее съ

Хедроновъ, авторъ могъ бы написать гораздо болѣе эффектную и виѣсть съ тѣмъ правдивую сцену, гдѣ не блескъ и мишура, а слезы и мольбы покинутой женщины тронули бы душу Хедрона и заставили бы его вернуться подъ семейный кровъ.

Еще болѣе тяжкій грѣхъ противъ художественнаго такта и жизненной правды совершилъ авторъ своимъ эпилогомъ о внезапно воскресшихъ отцахъ Гавріила и Веніамина. Тутъ авторъ совершенно покинулъ реальную почву и увлекся сенсационною белибердою старыхъ французскихъ романовъ. Легко сказать: Гавріиль бросилъ отца, а Веніамина бросилъ отецъ, цѣлые десяти лѣтъ не выдались, и думать перестали другъ о другѣ,—и вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ одинъ и тотъ же часъ, оба отца и оба сына встрѣчаются и открываются другъ другу, аки Юсіфъ братьямъ во Египтѣ! Какъ будто такія вещи случаются каждый день, какъ будто такія чудеса давно уже не отошли въ область сказки и сказочнаго романа! Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ автору понадобилось вставить эти два нелѣпные эпизода? Не для того-ли, чтобы потворствовать грубому вкусу невѣжественной публики, требующей шекотки нервовъ? Вѣдь ходъ разсказа нисколько не требовалъ этихъ эпизодовъ. Сердобольный авторъ, повидимому, боялся, чтобы Гавріиль какъ нибудь не обанкрутился, и для этого навязалъ его въ спасители чудомъ открывшагося отца; но вѣдь мало-ли людей на свѣтѣ банкротится, мало-ли прогорѣвшихъ подрядчиковъ? Почему же захотѣлось автору непременно спасти отъ разоренія именно этого подрядчика, и спасти такимъ чудеснымъ путемъ? А ужъ для Веніамина авторъ совсѣмъ напрасно потрудился соудать отца. Ни съ того, ни съ сего воскресшій докторъ ужъ ровно ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ Веніамина и ничего не переиъняетъ въ его судьбѣ. Шифра, послѣ своего несчастія, могла бы оцѣнить Веніамина и пошла бы за него помимо виѣшательства Провидѣнія, въ образѣ чудеснаго доктора. Зачѣмъ же портить романъ лишними сказочными эпизодами? Да и зачѣмъ весь этотъ пошлый, избитый эффектъ трехъ свадѣбъ въ концѣ? Неужели авторъ, подобно Гончаровской Марфинькѣ (въ «Обрывѣ»), любитъ, чтобы всякій романъ кончался непременно весело и непременно свадьбою? Какъ это художественное чутье не предоохранило автора отъ подобныхъ пошлостей и отъ сказочныхъ эпизодовъ, въ родѣ вышеприведенныхъ?

Признаться, мы съ глубокимъ огорченіемъ читали заключительную книгу романа. Намъ жалко было смотрѣть, какъ самъ авторъ изъ гнилыхъ, недоброкачественныхъ матеріаловъ достраиваетъ зданіе, столь прочное въ

своемъ фундаментѣ и въ своемъ остовѣ; какъ введеніемъ нѣсколькихъ фантастическихъ сценъ и лицъ онъ портитъ произведеніе, которое по существу такъ хорошо задумано и въ которомъ можно найти массу рѣдкихъ достоинствъ...

Достоинства романа заключаются въ живости и типичности большинства выведенныхъ въ немъ лицъ, въ правильномъ психологическомъ анализѣ этихъ лицъ, выражаемомъ не въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а въ самомъ ходѣ дѣйствія, въ положеніяхъ и поступкахъ героевъ. Лучшее же и оригинальнѣйшее его качество состоитъ въ *параллелизмѣ явленій*, въ сопоставленіи противоположныхъ типовъ, причемъ опять-таки сопоставленіе это не произвольное, искусственное, а вполне естественное, возбуждаемое самымъ ходомъ вещей. Для большей легкости и упрощенія сопоставленій, авторъ ставитъ противоположныхъ по своему характеру героевъ въ аналогичныя положенія, въ которыхъ дѣйствія ихъ сами напрашиваются на сравненіе. Возьмите, напримеръ, обѣ пары главныхъ героевъ и героинь — Хецрона съ Лизою и Ахитова съ Шифрою — и аппетита уже выступаетъ во всей яркости. Хецронъ и Ахитовъ, люди очевидно противоположные по воспитанію и складу мыслей, влюбляются въ двухъ дѣвушекъ также противоположнаго характера — и влюбляются несомнѣнно сильно, искренно, вслѣдствіе неодолимой *душевной* потребности! Потребность эта вызвана была тѣмъ, что оба они въ сущности раньше не *любили*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова: Хецронъ — вслѣдствіе присущаго ему средѣ презрительнаго отношенія къ любви и грубой прозѣ супружеской жизни; Ахитовъ — вслѣдствіе разгульной юности и пресыщенія чувствъ, растроченныхъ по мелочамъ. Далѣе, каждый изъ нихъ влюбляется въ свою противоположность, цѣнить въ возлюбленной то, чего ему самому недостаетъ: Хецронъ, провинціальныи медвѣдь и скромный хасидъ, слабохарактерный, но добрый и искренній, любить свѣтскую, изящную, гордую, но пустоватую и довольно черствую Лизу; Ахитовъ, «столичный» франтъ, безразличныи и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, жившій безъ думъ въ головѣ и безъ огня въ сердцѣ, этотъ «glatter Herr» (по выраженію Гейне), влюбляется безъ памяти въ дѣвушку полную жизни и огня, жаждущую любви, добра и званія, жившую самыми возвышенными идеалами — въ Шифру. И Хецрона, и Ахитова любовь охватываетъ почти съ одинаковою силою, но разстаются они со своею любовью не одинаково: Ахитовъ покидаетъ Шифру съ болью въ сердцѣ, но безъ особенныхъ терзаній, и вскорѣ, вѣроятно, забываетъ весь этотъ «эпизодъ»; въ сердцѣ же Хецрона

неудавшаяся любовь къ Лизѣ оставляетъ навсегда неизлечимую рану. Эту послѣднюю аналогію авторъ какъ бы вскользь отиѣтилъ, но не отиѣнилъ достаточно, а между тѣмъ она очень важна для сравнительной характеристики обоихъ героевъ.

Еще болѣе разительный контрастъ замѣчается между двумя героинями — Лизою и Шифрою; противоположность этихъ характеровъ несложна, и потому сейчасъ бросается въ глаза. Между Лизою и Шифрою нѣтъ никакихъ сходныхъ чертъ, несходныхъ же — масса. Лиза — типическая еврейская «барышня» большого города, хотя и не въ худшемъ смыслѣ этого слова; Шифра — типъ провинціальной еврейской дѣвушки, сохранившей всѣ лучшія стороны своей богато одаренной природы и облагораживающей ихъ смутнымъ стремленіемъ къ знанію, къ духовнымъ идеаламъ. Сердце, полное любви, и умъ, жаждущій познанія — вотъ Шифра; сердце холодное и подчиняющееся уму, наполненному суетнымъ свѣтскимъ знаніемъ — вотъ Лиза. Послѣдняя съ легкимъ сердцемъ бросаетъ Хецрона и идетъ за Барзилаемъ, довольная тѣмъ, что все-таки удалось кое-какъ «пристроиться»; Шифра же разстается съ любовью къ Ахитову мучительно, чувство ея къ любимому, хотя и недостойному человѣку умираетъ послѣ долгой, тяжелой агоніи, и, отдаваясь Веніамину, она прямо ему заявляетъ, что такъ любить, какъ она въ тотъ разъ любила, она уже не въ силахъ, и своему будущему мужу можетъ обѣдать только уваженіе и вѣрность.

Кстати о Веніаминѣ. Въ его лицѣ автору хотѣлось нарисовать типъ юноши, жаждущаго просвѣщенія, но окруженнаго и преслѣдуемаго врагами просвѣщенія; но этотъ типъ удался автору только отчасти. Это произошло отъ того, что авторъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на главныхъ герояхъ, удѣлилъ его слишкомъ уже мало Веніамину. Мы, наприѣръ, ничего почти не знаемъ о прошломъ этого человѣка, о тѣхъ мотивахъ, которые влекли его къ просвѣщенію, и только можемъ догадываться обо всемъ этомъ на основаніи прежде намъ знакомыхъ подобныхъ типовъ. Избита и тривиальна также сцена шумныхъ преслѣдованій, которыми подвергся Веніаминъ послѣ того какъ хасиды его накрыли въ дѣсу съ русской книгой въ рукахъ: подобныя сцены очень часто случались въ жизни и изображались въ романахъ дѣтъ 20 — 30 тому назадъ, но нынче онѣ рѣже встрѣчаются въ жизни, а въ романахъ, вслѣдствіе частыхъ повтореній, надѣли до тошноты. За то характеръ Веніамина въ его отношеніяхъ къ Шифрѣ, къ Ахитову и прочимъ окружающимъ лицамъ изображенъ съ поразительною психологическою вѣрностью. Вы видите предъ собою этого

робкого юношу, просвѣтителя и безмолвнаго обожателя Шифры, смиреннаго, молчаливаго, съ виду придурковатаго, но полнаго пламенныхъ думъ и затаянныхъ идеальныхъ стремленій. Богатая, бурная внутренняя жизнь и внѣшнее смиреніе—вотъ отличительныя черты его характера. Въ противоположность Хецрону, онъ—человѣкъ идейный, стонкъ и мыслитель по натурѣ, между тѣмъ какъ Хецронъ—человѣкъ чувства по преимуществу, эпикуреецъ и эстетикъ. Любовь Веніамина къ Шифрѣ сильна, но сознательна и сдержанна; любовь же Хецрона къ Лизѣ—порывистая, безотчетная, скорѣе—страсть, чѣмъ любовь. Въ высшей степени характерно отношеніе Веніамина къ Ахитову не какъ къ сопернику по любви къ Шифрѣ,—тутъ Веніаминъ бралъ однимъ смиреніемъ,—но какъ къ наблюдателю еврейской жизни. Мы видѣли, что Ахитовъ, наблюдая въ провинціи порядки еврейской жизни, которые до того были ему знакомы не болѣе китайскихъ, восторгался ими и даже одно время мечталъ о возвращеніи къ этимъ идиллическимъ порядкамъ, чему конечно никогда не суждено было сбыться. Веніаминъ же, отъ рожденія жившій въ этихъ порядкахъ, скормленный ими по рукамъ и по ногамъ, вынужденный жертвовать для нихъ свободой своей мысли и самыми завѣтными стремленіями,—Веніаминъ, напротивъ, пессимистически смотрѣлъ на еврейскую жизнь и склоненъ былъ видѣть во всеѣ отрицательную сторону, изъянку. Вотъ почему онъ съ удивленіемъ и горечью слушалъ разглагольствованія новичка Ахитова о святой простотѣ и добродѣтеляхъ еврейскаго быта. Онъ сперва не замѣчалъ, что все увлеченіе Ахитова происходитъ только отъ временной реакціи простого, близкаго къ природѣ быта противъ пустоты, пошлости и фальшивости культурной жизни; этой послѣдней жизни со всѣми ея пороками не зналъ Веніаминъ, а потому ему нечѣмъ было восторгаться въ окружающей жизни. Веніаминъ могъ смотрѣть на Ахитова, какъ мужикъ на интеллигентнаго человѣка, идущаго въ народъ и увлекающагося порядками мужицкой жизни, которые самъ мужикъ десять разъ на день проклинаятъ; крестьянинъ смотритъ на такихъ людей какъ-то странно, недоумѣвая и недовѣрчиво, иногда даже не безъ злой ироніи: чѣмъ тутъ, молъ, любоваться? Попробуй-ка самъ, бѣлоручка, пожить нашей жизнью—и тогда увидишь, сладка-ли она, или нѣтъ! Веніаминъ не былъ простолюдинъ, онъ былъ человѣкъ мыслящій, по духовному развитію стоявшій гораздо выше Ахитова, и поэтому онъ въ концѣ концовъ раскусилъ послѣдняго и тогда сталъ ему доказывать, что, какъ новичокъ, онъ видитъ вещи только поверхностно, что изъ наблюденій надъ личною и семейною жизнью

еврея (эта жизнь по своей простотѣ больше всего прельщала Ахитова) онъ выводитъ поспѣшное заключеніе объ ихъ общественной жизни и междучеловѣческихъ отношеніяхъ, въ которыя много и невѣжества, нетерпимости, деспотизма, своекорыстія; что подъ овечьими шкурами онъ часто не разглядываетъ волковъ (какъ, напримѣръ, въ случаѣ съ гнуснымъ ростовщикомъ Симономъ, который Ахитову показался съ перваго взгляда образцомъ кротости и добродѣтели); что нельзя судить о евреяхъ по еврейству, по привлекательнымъ особенностямъ ихъ религій и быта; что наконецъ, если онъ, Ахитовъ, чувствуетъ себя хорошо въ этихъ порядкахъ, то лишь потому, что они его ни къ чему не обязываютъ, что, какъ заѣзжій гость и гость богатый онъ живетъ своею жизнью и лишь со стороны наблюдаетъ; что живи онъ самъ въ Сукотѣ въ качествѣ члена истиннаго общества, онъ вскорѣ почувствовалъ бы на себѣ тяжелую длань деспотическаго обществяннаго мнѣнія (стр. 170, 254). Вениаминъ въ общемъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ, но и Ахитовъ по-своему также правъ: противъ его, Ахитова, пустой, безъидеальной свѣтской жизни—простая, проникнутая вѣрою жизнь еврейской массы, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, можетъ показаться дѣйствительно идеальною и благородною; но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна казаться такою же людямъ, въ родѣ Вениамина, — людямъ, имѣющимъ свои, выработанные собственною мыслью идеалы, свои духовныя стремленія, свое міросозерцаніе, подчасъ идущее въ разрѣзъ съ возрѣніями массы...

Еще одну весьма любопытную параллель можно найти въ романѣ: параллель между двумя женщинами — Розаліей, женою Ахитова, и Сарой, женою Хецрона, которыя относятся другъ къ другу приблизительно такъ же, какъ Лиза къ Шифрѣ. Розалія — типъ еврейской свѣтской дамы, легкомысленная, полагающая всю суть жизни въ нарядахъ и поклонникахъ, невѣрная жена и нелюбящая мать; она любитъ соваться въ разныя романческія интриги, даже сама завязываетъ ихъ, какъ въ примѣрѣ съ Лизой, ея невѣсткой, которую она сблизила съ Хецрономъ, не прочь на сторонѣ сама поиграть роль героини кратковременнаго романа, разумѣется такъ, чтобы все было шито и крыто; своего мужа Ахитова она не любила, да и онъ въ ея любви не нуждался, ибо женился на ней только для округленія своего довашняго хозяйства и торговаго инвентаря. Совершенною противоположностью этой «современной» дамѣ является Сара, жена Хецрона. Это—простая, невѣжественная, набожная еврейка хасидской среды, свято вѣрующая въ падику, исполняющая всѣ заповѣди Божіи и между

прочитай заповѣдь «прилѣпиться къ мужу» и «плодиться и множиться». Въ сущности она—глубоко любящая жена и мать, но любовь ея безсознательная, и въ своей любви къ мужу она бы не смѣла признаваться даже самой себѣ, ибо любовь сама по себѣ грѣховна въ ея глазахъ и должна служить лишь средствомъ къ исполненію заповѣди Божіей и бабушкиныхъ поученій. Не смотря на весь кажущійся цинизмъ такого взгляда на любовь, Сара въ высшей степени чиста, наивна и въ душѣ цѣломудрена; она только слѣдуетъ слѣпо священнымъ преданіямъ. Любовь такой женщины можетъ проявиться во всей силѣ только въ случаѣ внезапнаго несчастія. Такъ проявилась она у Сары въ тотъ моментъ, когда та узнала объ измѣнѣ мужа. Она терзалась, убивалась, плакала, но мужа не проклинала и о разводѣ даже слышать не хотѣла. Для сближенія съ мужемъ она рѣшается даже жертвовать тѣмъ, что почитала священнымъ, и по настоянію Эмануила надѣваетъ модное платье и парикъ вмѣсто прежнихъ кацавоекъ и безобразной повязки на головѣ. Сара, послѣ примиренія, осталась жить съ мужемъ въ Одессѣ. Тутъ, подъ влияніемъ новаго общества, она, вѣроятно, мало-по-малу войдетъ во вкусъ «культурной жизни», усвоитъ себѣ свѣтскіе обычаи, станетъ нѣсколько свободнѣе мыслить; но, освободившись отъ своихъ внѣшнихъ недостатковъ, не отброситъ-ли она вмѣстѣ съ ними внослѣдствіи и свои прежнія добродѣтели?

Правдиво и очень реально изображенъ въ романѣ адвокатъ Юровъ. Это—ограниченный матеріалистъ, не вѣрующій ни въ чистую любовь, ни въ правду, порицающій всякое проявленіе сердечности и чувства, какъ глупость или слабость, умѣющій обдѣлывать ловко всякія дѣла, не стѣсняясь нравственными препонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы казаться человѣкомъ вполне порядочнымъ, даже честнымъ. Онъ всякими мѣрами содѣйствуетъ скорѣйшему браку Хепрона съ Лизой для того только, чтобы поправить дѣла своего кліента Гавріила, опять-таки не изъ желанія добра послѣднему, а вслѣдствіе своихъ личныхъ, корыстныхъ расчетовъ. Онъ задумываетъ разводъ Хепрона съ женою и при исполненіи своего жестокаго плана остается глухимъ къ стонамъ и мольбамъ несчастной семьи Хепрона, умоляющей адвоката не лишить ихъ любимаго человѣка, мужа и отца. Только нецѣлѣбныя внѣшнія обстоятельства мѣшаютъ Юрову осуществить свой планъ. О любви Ахитова къ Шифрѣ Юровъ отзывается очень скептически и съ циническою откровенностью говоритъ самому Ахитову, что это, пожалуй, хорошая забава отъ скуки, особливо если «дѣвка» хороша, но придавать этому серьезное значеніе и увлекаться—отнюдь не слѣдуетъ.

Во всѣхъ поступкахъ Юрова видѣнъ грубый эпикуреецъ, чревоугодникъ, сибаритъ—и больше ничего.

Мимоходомъ въ романѣ г. Браудеса выведенъ типъ, по внѣшности родственннй Юрову, но въ сущности рѣзко отличающійся отъ него. Это—*Суровинъ*, учитель Хецрона, студентъ-юристъ, прозванный товарищами за свое хладнокровное отношеніе ко всему «англичаниномъ». Этотъ молодой человѣкъ тоже проповѣдуетъ крайній реализмъ, но въ отличіе отъ Юрова проповѣдуетъ его не вслѣдствіе чревоугодія и практической выгоды, а вслѣдствіе внутренняго убѣжденія. Невозмутимая ясность ума и сухой здравый смыслъ были его существенными качествами и его идеаломъ. Онъ былъ фанатическій поклонникъ трезваго *разсудка* и ярый врагъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ *чувства*, сердца. Онъ не любилъ поэзіи, осуждалъ горячую любовь къ женщинѣ, такъ какъ все это затеняетъ разсудокъ. Слабохарактерному, увлекающемуся Хецрону, Суровинъ рекомендуетъ энергію и хладнокровіе, совѣтуетъ бросить «глупую» любовь къ Лизѣ, вернуться къ женѣ и жить какъ можно спокойнѣе. Людей онъ дѣлитъ на львовъ и ягнятъ; умные и крѣпкіе играютъ роль первыхъ, слабые и глупые подвергаются участи послѣднихъ. Трудъ и трезвое знаніе— вотъ что рекомендуетъ онъ Хецрону, какъ лекарство отъ всякихъ сердечныхъ мукъ. Вообще, какъ типъ эпизодическій, Суровинъ изображенъ авторомъ очень ярко и удачно.

Мы, конечно, не будемъ останавливаться на прочихъ второстепенныхъ или третъестепенныхъ лицахъ, дѣйствующихъ въ романѣ г. Браудеса. Скажемъ только, что изъ нихъ нѣкоторые изображены довольно живо, какъ напримѣръ *Иасидъ Іерухимъ*, величавый старикъ и «приниритель крайностей» *Эмануилъ*, ростовщикъ-интриганъ *Симонъ*, другія же блѣдны и безличны, какъ женихъ *Лизы Барзилай*, отецъ ея *Гаврилъ* и пр. Между *Іерухимомъ* и *Эмануиломъ* авторъ очевидно старается провести параллель, какъ между олицетвореніемъ слѣпой, фанатической и суевѣрной набожности и трезвой, сознательной, толерантной религіозности. На сторонѣ *Эмануила*, повидимому, лежатъ всѣ симпатіи автора, который видитъ въ немъ столпъ еврейства, залогъ національнаго будущаго и объединителя двухъ крайнихъ направленій—слѣпого изуверства и новомоднаго безвѣрія. Отъ этого, вѣроятно, въ характерѣ *Эмануила* допущена авторомъ порядочная доза идеализаціи.

Авторъ почему то называетъ свое произведеніе романомъ изъ *современной* еврейской жизни; это не вполнѣ точно. «Современный» въ тѣс-

номъ смыслѣ слова нельзя признать романа г. Браудеса, ибо въ немъ вовсе не затрогиваются тѣ характерныя черты современности, которыя въ переживаемое нами десятилѣтіе окрашиваютъ собою всю еврейскую жизнь. Ни вызванныя послѣдними событіями нравственныя страданія и терзанія современнаго интеллигентнаго еврея, ни матеріальныя страданія массы, ни внутреннія движенія въ еврействѣ—въ родѣ національнаго и эмиграціоннаго движеній, палестинифильства, или явно выступающаго ретрограднаго направленія,—ничего подобнаго не затрогиваетъ г. Браудесъ, а между тѣмъ въ этомъ именно отличительныя черты современности. Романъ г. Браудеса изображаетъ обыкновенныя теченія еврейской жизни, какъ они установились въ послѣдніе полвѣка, и такой романъ можетъ быть современнымъ теперь, какъ и два десятка лѣтъ тому назадъ. Правда, въ романѣ есть одна черта, какъ бы намекающая на одну особенность нашего времени: мы говоримъ объ увлеченіи Ахитова порядками старой еврейской жизни, въ чемъ можно найти намекъ на «возвращеніе домой», ставшее моднымъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи въ послѣдніе годы. Но такъ какъ увлеченіе Ахитова оказалось временнымъ и не серьезнымъ и не принесло никакихъ результатовъ (иначе и невозможно было при характерѣ и складѣ ума Ахитова), то одной этой черты недостаточно, чтобы придавать всему роману колоритъ самой свѣжей современности. Мы говоримъ все это отнюдь не въ упоръ г. Браудесу; наоборотъ, ставимъ ему въ нѣкоторую заслугу то, что онъ не погнался за пикантною современностью и такимъ образомъ избѣгъ возможной партійности, которая повредила бы его художественной репутаціи. Мы только имѣли въ виду установить раздѣльную линію между романомъ изъ еврейской жизни вообще и романомъ изъ «современной» жизни въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Повторяемъ то, что замѣтили въ началѣ настоящей статьи: романъ г. Браудеса обладаетъ крупными художественными достоинствами, которыхъ не въ состояніи затмить даже отмѣченные нами недостатки. Въ еврейской беллетристикѣ рѣдко появляются подобныя произведенія, а потому ихъ слѣдуетъ особенно цѣнить. Мы ждемъ отъ все болѣе развивающагося таланта г. Браудеса новыхъ, столь же значительныхъ произведеній и увѣрены, что они еще превзойдутъ своими достоинствами розобранный нами теперь романъ.

Критикусь.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

מכרימ פ"מ (248 членовъ): талмудико-анатомическій этюдъ *д-ра Л. Кассельсона*; изд. редакціи газ. «Гаионтъ». Спб., 1888 (отдѣльные оттиски изъ еврейской газ. «Гаионтъ»).

Почтенный авторъ, имя котораго извѣстно въ еврейской литературѣ по обнародованному имъ небольшому, но очень интересному очерку «Кровоточивость по талмуду», занялся на этотъ разъ мыслью разобрать нѣкоторыя въ талмудѣ свѣдѣнія о строеніи человѣческаго скелета и сравнить ихъ съ данными современной научной анатоміи. Цѣль автора при этомъ, такъ сказать, апологетическая—доказать, что талмудисты были порядочно знакомы съ костнымъ остовомъ нашего тѣла. Книга эта составляетъ богатый вкладъ въ популярную научную литературу и несомнѣнно заслуживаетъ вниманія публики, читающей по древне-еврейски.

Дѣло въ томъ, что въ трактатѣ *Oheloth*, въ первомъ отдѣлѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о предметахъ, оскверняющихъ человѣка, который до нихъ дотрогивается, и помянутое, въ которомъ они находятся, между прочимъ сказано, что къ этой категоріи нечистыхъ, оскверняющихъ предметовъ относятся и человѣческія кости. Приводимъ этотъ отрывокъ въ буквальной переводѣ: «248 костей у человѣка: 30 въ стопѣ, по 6 въ каждомъ пальцѣ, 10 у ладыжекъ, двѣ въ голени, 5 въ колѣнѣ, одна въ бедрѣ, 3 въ тазу, 11 въ ребрахъ, 30 въ ручной кисти, по 6 въ каждомъ пальцѣ, двѣ въ предплечіи, двѣ въ локтѣ, одна въ плечѣ, 4 у плечевого состава; по сто одной съ каждой стороны; затѣмъ — есть 18 позвонковъ, девять костей черепа, 8 костей шеи, 6 костей у ключа къ сердцу (у грудины) и 5 у отверстій (у крестца). Каждая изъ этихъ костей оскверняетъ при дотрогиваніи, переноскѣ и заражаетъ помянутое. Когда?»

Когда на ней есть мясо какъ слѣдуетъ, если же на костяхъ нѣтъ нормальнаго мяса, то онѣ оскверняются при дотрогиваніи и переноскѣ, но не заражаетъ помѣщеніа» (Трактатъ Oheloth, отд. I, 40, 5). И вотъ, этотъ скорѣе богословскій, чѣмъ медицинскій фрагментъ вызывалъ у врачей, знакомыхъ съ талмудомъ, недоумѣніе: ни общее число костей — традиціонная цифра 248,—ни распредѣленіе ихъ по группамъ, нисколько не соответствуетъ тому, что даетъ внѣшняя анатомія, основанная на каждодневныхъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ. Разумѣется, талмудическіе врачи, жившіе 15—17 столѣтій назадъ, когда вскрытіе трупа считалось смертнымъ грѣхомъ, не могли быть основательно знакомы съ анатоміей человѣческаго тѣла. Но съ другой стороны, нельзя же допустить, что талмудисты говорили наобумъ и, пересчитывая кости, писали ту или другую цифру равно безъ всякаго основанія. Очевидно, у нихъ имѣлись какія нибудь данныя для выводовъ. Такимъ образомъ является задача: опредѣлить обстановку, при которой талмудическіе врачи изучали строеніе человѣческаго тѣла, и указать, почему именно кости скелета представлялись имъ въ той, а не иной, по внѣшнему — правильной формѣ. Задача эта имѣетъ уже свою литературу. Еще въ средніе вѣка нѣкоторые еврейскіе врачи пытались разрѣшить ее, но не имѣли успѣха; въ новѣйшее время ею тоже занимались немало (гг. Шершевскій, Пинесъ, д-ръ Рабиновичъ, д-ръ Верголь), и тоже безъ особенныхъ результатовъ. Д-ръ Каценельсонъ, заинтересовавшись этой задачей, избралъ новый путь для ея рѣшенія—исторію развитія скелета—и придумалъ весьма остроумную гипотезу, которою онъ надѣется принизить коллизію между талмудической и современной анатоміей.

Исходной точкой служить автору исторія развитія костей въ зародышѣ и молодомъ организмѣ. Извѣстно, что кости не сразу являются такими плотными и дѣльными образованіями, какими мы ихъ видимъ у взрослыхъ субъектовъ: у молодыхъ людей, а тѣмъ болѣе у дѣтей и въ утробной жизни, каждая большая кость составлена изъ трехъ отдѣльныхъ частей, середины (тѣла—діафиза) и двухъ концовъ (эпифизовъ), которые срастаются между собою только впоследствии. Окончаніе роста и полное сращеніе костей наблюдаются часто только въ третьемъ десяткѣ жизни человѣка. Понятно, что если молодую кость вываривать въ кипяткѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, что концы кости легко отдѣлятся отъ ея середины, и если каждый отдѣлившійся кусокъ принять за особую кость, то число костей въ каждой провинціи тѣла получится иное, чѣмъ это имѣется при нормальныхъ условіяхъ въ скелетѣ взрослого субъекта. На этихъ, совер-

шенно вѣрныхъ данныхъ, д-ръ Каценельсонъ строитъ такую гипотезу: талмудисты, — говоритъ онъ, — нужно думать, изслѣдовали кости молодыхъ, 17-ти-лѣтнихъ субъектовъ, съ не вполне развитымъ скелетомъ; они обрабатывали эти кости для изслѣдованія не обычнымъ способомъ вымачиванія — мацерации (מַצֵּרֶשׁ), а вывариваніемъ (פְּרִיָּשׁ); оттого они получали другую группировку костей. Напримѣръ, мы теперь знаемъ, что въ колѣнѣ имѣется только одна кость, надколѣнная чашка; между тѣмъ талмудисты насчитывали здѣсь 5 костей. Почему? Потому что при варкѣ молодыхъ костей отдѣлялись прилегающіе къ колѣну верхніе концы обѣихъ костей голени и два мыщелка бедренной кости: эти четыре куска вмѣстѣ съ надколѣнной чашкой и составляютъ 5 костей колѣна, описываемыхъ талмудистами. Такимъ-то образомъ д-ръ Каценельсонъ разбираетъ всѣ части скелета въ порядкѣ, изложенномъ въ трактатѣ Oheloth, и примѣняя всюду свою гипотезу отдѣленія эпифизовъ, находитъ вездѣ именно такое количество костей, какое для каждой части дано талмудистами въ вышеприведенномъ фрагментѣ. Нужно отдать справедливость почтенному автору: если въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удается сравнительно легко достигнуть своей цѣли, то въ другихъ ему по необходимости приходится употребить немало остроумія на то, чтобъ удержать въ повивовеніи свою гипотезу, которая отказывается ему служить.

Первое возраженіе, которое можно сдѣлать д-ру Каценельсону, касается основанія его гипотезы: онъ не приводитъ достаточно вѣскихъ данныхъ въ доказательство того, что талмудисты вообще дѣлали вскрытія труповъ, и въ частности — что они изслѣдовали скелеты 17-ти-лѣтнихъ субъектовъ и притомъ путемъ вывариванія костей. Единственный фактъ, на который ссылается авторъ, это рассказъ Самуила, что ученики раби Ишанла вываривали скелетъ одной, присужденной къ сожженію, молодой женщины и нашли въ немъ 252 кости вмѣсто 248, какъ полагалось по Мишнѣ. Этотъ единичный фактъ еще ничего не доказываетъ, и строить на немъ широкую гипотезу кажется намъ рискованнымъ. Затѣмъ, если даже допустить, что вывариваніе костей составляло въ талмудическую эпоху обычное явленіе, то останется непонятнымъ слѣдующее обстоятельство. Трудно думать, чтобъ талмудисты могли брать цѣлые скелеты и помѣщать ихъ въ громадные котлы; гораздо вѣроятнѣе, что (если только они дѣйствительно этимъ занимались) они брали отдѣльныя части скелета: ручную кисть, стопу, тазъ, и клали ихъ въ небольшіе котлы. А если такъ, то спрашивается, какъ могла бы, напр., попасть головка бедренной кости въ группу

костей таза, какъ это утверждаетъ д-ръ Каценельсонъ (стр. 77—79), или головка плеча въ группу костей плечевого свода (стр. 86). Какъ бы ни была слаба, въ нѣжномъ возрастѣ, связь между отдѣльными частями одной, еще не вполне ослотнѣвшей кости, она во всякомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ связь между отдѣльными костями, которыя соединены небольшими связками, — и распаденіе костей на группы должно было въ эпоху талмудистовъ, какъ и въ наши дни, происходить въ сочлененіяхъ между различными костями, а не въ предѣлахъ одной и той же кости.

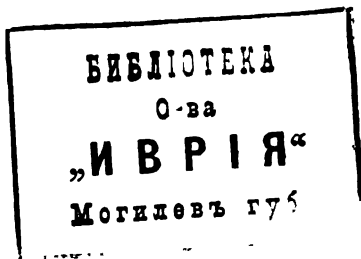
Входить въ подробности приѣвенія д-ромъ Каценельсономъ своей гипотезы къ каждой отдѣльной группѣ костей мы не станемъ, ибо здѣсь не мѣсто вдаваться въ техническія детали, а безъ этого трудно слѣдить за всѣми комбинаціями автора. Скажемъ только, что при чтеніи книги д-ра Каценельсона мы весьма нерѣдко натываемся на явныя натяжки и шаткія предположенія, безъ помощи которыхъ автору не удастся свести концы съ концами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ самъ чувствуетъ слабость своихъ толкованій и сознается въ томъ вполне откровенно. Такъ, на стр. 60 онъ говоритъ: «Не стану кривить душой и утверждать, что по моему методу счетъ костей ручной кисти и стопы выходитъ удовлетворительно, со всѣмъ безъ всякихъ натяжекъ». Въ виду именно этихъ натяжекъ, по внимательномъ прочтеніи всей книги, составляется убѣжденіе, что вопросъ о приѣвеніи талмудической анатоміи съ современной, не смотря на остроумную гипотезу д-ра Каценельсона, все еще остается открытымъ для изслѣдованія.

При всемъ томъ, какъ мы уже сказали, книгу д-ра Каценельсона по справедливости слѣдуетъ считать очень цѣннымъ вкладомъ въ еврейскую научную литературу. Она имѣетъ два чрезвычайно крупныхъ достоинства. Во первыхъ, въ книгѣ заново переработана, а въ значительной части даже впервые установлена анатомическая терминологія на еврейскомъ языкѣ. Если принять во вниманіе, что анатомическія названія даже въ новыхъ живыхъ языкахъ страдаютъ недостаточною точностью и ясностью, вслѣдствіе большого разнообразія и обилія анатомическихъ объектовъ, — если затѣмъ вспомнить, что въ еврейской литературѣ анатомическая терминологія вообще крайне мало разработана, то станетъ понятно, что д-ру Каценельсону въ этой области предстояла очень трудная задача. Нужно обладать громадной талмудической эрудиціей, нужно знать въ совершенствѣ всѣ мельчайшіе оттѣнки значеній, придаваемыхъ талмудомъ различнымъ наименованіямъ, нужно притомъ знать анатомію, — чтобы для каждаго члена,

для каждой мелкой восточки подобрать вполне подходящее и точно определяющее названіе. И эту задачу д-ръ Каценельсонъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Затѣмъ, второе достоинство разбираемой книги, придающее ей большую цѣнность, то, что она содержитъ, между прочимъ, прекрасное популярное описаніе строенія человѣческаго скелета. Описаніе это является въ книгѣ побочнымъ моментомъ, который понадобился автору, чтобъ облегчить неподготовленному читателю уразумѣніе новой гипотезы и многочисленныхъ, связанныхъ съ нею тонкихъ комбинацій. Но описаніе вышло образцовое. Влестящій языкъ, замѣчательно ясное изложеніе, сравнительно недурные рисунки,—все это придаетъ описанію большую прелесть, и книга читается съ истиннымъ удовольствіемъ.

С. Дибировскій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

1) *Памяти высокопреосвященнаго Дмитрія*. Одесскаго городского раввина доктора С. Л. Швабахера. 2-е изданіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, 1887. (128 стр. 8°).

2) *Das Werk des Erinnerung* Zum Andenken des gottseligen Erzbischofs Dimitri, von Dr. S. L. Sschwabacher. Odessa, 1887 (66 стр. 8°).

Г. Швабахеръ издавна уже пользуется славой замѣчательнаго оратора — чуть-ли не лучшаго среди русско-еврейскихъ раввиновъ. Лежачія передъ нами теперь двѣ книжки, изъ коихъ одна есть подлинникъ рѣчей, произнесенныхъ г. Швабахеромъ по поводу кончины архіепископа Дмитрія, а другая — русскій ихъ переводъ, могутъ только подтвердить справедливость мнѣнія, составленнаго о почтенномъ одесскомъ раввинѣ. Это дѣйствительно — замѣчательныя, образцовыя рѣчи, отличающіяся необычайною силою, согрѣтыя огнемъ великихъ мыслей и производящія сильное впечатлѣніе.

Русскій переводъ книги г. Швабахера (значительно дополненный сравнительно съ нѣмецкимъ подлинникомъ) заключаетъ въ себѣ двѣ рѣчи, изъ которыхъ одна, короткая, была произнесена вскорѣ послѣ кончины архіепископа Дмитрія (23 ноября 1883 г.), другая же, весьма обширная, только имѣла быть произнесенною спустя годъ по смерти архимандрита, но по нѣкоторымъ причинамъ не была произнесена — и нынѣ является впервые, въ дополненномъ видѣ, въ разсматриваемой нами книгѣ. Первая рѣчь имѣетъ нѣсколько оффиціальныя характеръ: въ ней говорится о духѣ терпимости и человеколюбія, составляющемъ сущность еврейской религіи, упоминается о незабвенныхъ услугахъ, оказанныхъ покойнымъ архіепископомъ евреямъ во время погромовъ, и о тому подобныхъ приличествующихъ случаю вещахъ. Совсѣмъ иного характера вторая, «непроизнесенная» рѣчь. Это — грозная филиппика противъ антисемитизма и юдофобіи, сильная и

гѣвная рѣчь, дышащая огнемъ негодованія, вылившаяся, повидному, изъ глубины наболѣвшей души. Ораторъ начинаетъ съ нѣмецкаго антисемитизма и, сопоставляя прежнюю Германію философъ и идеалистовъ съ нынѣшнюю юнкерскою, духовно поробощенною родиною антисемитизма, приходитъ къ самымъ грустнымъ заключеніямъ. Въ позорной агитаціи противъ евреевъ онъ усматриваетъ замаскированную «реакцію, которая пока еще раздѣзжаетъ по Европѣ инкогнито, подъ псевдонимомъ антисемитизма» (стр. 33). «Да! — восклицаетъ онъ. Антисемитизмомъ называется въ наши дни задача того народа, который когда-то стоялъ во главѣ науки, который предписывалъ законы мышленію, который прокладывалъ дорогу освобожденію человѣчества, который могучими руками потрясалъ жалѣзные запоры попечительства, ограниченій, угнетенія!» (стр. 34). Онъ видитъ причину такого нравственнаго вырожденія въ «крайнею реализмъ или практическомъ направленіи вѣка», поправшемъ всѣ прежніе идеалы, какъ дѣтскія мечты, и съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о Германіи стараго времени, о своихъ собственныхъ студенческихъ годахъ и о благородныхъ стремленіяхъ, воодушевлявшихъ тогдашнюю нѣмецкую молодежь. А теперь? Глубокою скорбью дышатъ заключительныя строки первой главы: «Съ болью въ сердцѣ отворачиваюсь я отъ этой страны; прощаюсь съ прекрасными воспоминаніями моей юности, съ свѣтлыми надеждами моей старости; прощаюсь съ осуществленіемъ идей человѣчности, съ монни лучезарными идеалами и даже со слабою надеждою на свиданіе»... (стр. 62).

Гораздо менѣе пессимистически относится авторъ къ тому своеобразному антисемитизму, который воздвигнуть былъ въ послѣдніе годы противъ евреевъ въ Россіи. Этому предмету посвящена вторая половина рѣчи. Тутъ тонъ автора нѣсколько измѣняется: рѣзкія обличенія уступаютъ мѣсто мягкимъ увѣщаніямъ и доказательствамъ. Иногда авторъ даже впадаетъ въ слишкомъ оптимистическій тонъ, напримѣръ, когда рисуетъ добрыя качества русскаго народа, котораго высшіе слои живутъ будто-бы безмятежно и беззаботно, работая или проводя свободные часы въ чайной (читай: въ кабакѣ), а купечество состоитъ изъ людей «трудолюбивыхъ, тихихъ и довольныхъ» (стр. 66, 67, 75). Онъ убѣжденъ, что въ погромахъ и вообще во всей агитаціи противъ евреевъ виновать не народъ, а исключительно зловѣренная часть періодической печати, распалаяющая народныя страсти ради своихъ низкихъ цѣлей (стр. 77 и сл.). Онъ касается двухъ высшихъ представителей русскаго печати—Каткова и Аксакова, и порицаетъ перваго за то, что онъ не пользовался случаемъ, чтобы воз-

вызвать свой могучий голосъ въ защиту евреевъ, а второго — за то, что онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставить евреевъ въ дурномъ свѣтѣ. Далѣе авторъ съ большимъ угнѣвомъ возражаетъ на избитыя обвиненія въ кагалности и эксплуатаціи, свойственныхъ будто бы русскимъ евреямъ. Съ особеннымъ негодованіемъ нападаетъ онъ на обвиненіе въ кагалности, доказывая отсутствіе всякой солидарности въ еврействѣ и отпѣтая другіе коренные недостатки евреевъ, вредящіе ихъ единству и сплоченности. Авторъ не разъ повторяетъ глубоко справедливую мысль, что «всѣ наши недостатки и пороки касаются исключительно насъ самихъ, что они направлены только противъ нашей собственной плоти и крови, другихъ же нисколько не затрагиваютъ, а потому никто изъ евреевъ не имѣетъ ни повода, ни права негодовать на то или наказывать» (стр. 108). Въ заключеніе, г. Швабахеръ распространяется о личныхъ качествахъ архіепископа Димитрія и сравниваетъ его съ библейскимъ царемъ Малхи-Седекомъ, встрѣтившимъ Авраама хлѣбомъ и виномъ. «Незабвенный архипастырь — говоритъ онъ — также подаль гонимымъ дѣтямъ Авраама «хлѣбъ мира и вино благословенія» (стр. 125)—подаль въ самый роковой, критическій моментъ...

Не можемъ удержаться, чтобы кстати не привести одно прекрасное и поучительное сравненіе, сдѣланное тутъ-же г. Швабахеромъ. «Евреевъ, — говоритъ онъ, — уже въ древнія времена называли *солью земли*. Это прозвище подобаешь имъ, въ вѣкоторомъ отношеніи, и поднесъ — въ особенности въ Россіи. Соль представляетъ собою именно весьма своеобразное вещество: сама по себѣ она весьма мало пригодна для употребленія, но безъ нея не могутъ обходиться при приготовленіяхъ бесчисленнаго множества другихъ веществъ — и въ этомъ смыслѣ она рѣшительно незаменима... Кроме того *соль*, по словамъ св. Писанія, составляетъ *символъ точности*» (стр. 98—99).

Вообще, книжка г. Швабахера написана прекрасно и заслуживаетъ самаго большаго успѣха, тѣмъ болѣе, что доходъ съ нея назначенъ на очень доброе дѣло — въ пользу одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Книсетъ Исроель: Биографическій лексиконъ еврейскихъ ученыхъ и знаменитостей. Составилъ С. I. Финнъ. Выпуски 2, 3 и 4. Варшава, 1887 (стр. 81—320, 8°). Изд. Н. Закса и А. Цукермана.

Года полтора тому назадъ (ср. «Библиографію» въ ноябрьской книжкѣ

«Восхода» 1886 г.) мы дали краткій отчетъ о вышедшемъ тогда первомъ выпускѣ «Биографическаго словаря» г. Финна. Теперь предъ нами лежатъ слѣдующіе три выпуска этого изданія, въ которыхъ изложеніе въ алфавитномъ порядкѣ доведено до середины буквы З.

Въ первой нашей рецензіи мы уже отиѣтили важное научное значеніе труда г. Финна, и мы полагаемъ, что въ насущной необходимости для насъ биографическаго словаря едва-ли кто усомнится. Тамъ же мы указали на нѣкоторые мелкіе недостатки, касавшіеся вѣшняго порядка изданія и затруднявшіе во многихъ мѣстахъ справку; эти недостатки лишь отчасти смягчены въ вышедшихъ послѣ того выпускахъ, такъ какъ воплѣтѣ измѣнить разъ принятый порядокъ, повидимому, оказалось невозможнымъ. Что же касается достоинствъ почтеннаго труда г. Финна, то они остаются тѣ же, что и прежде: полнота биографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній (хотя и не полнота именъ, ибо нѣсколько именъ, правда, второстепенныхъ, оказались выпущенными), сжатое изложеніе, научная точность данныхъ, безпристрастныя по большей части оцѣнки. Жаль только, что авторъ нѣрѣдко нарушаетъ законъ соразимѣрности, сокращая біографіи лицъ, заслуживающихъ подробнаго описанія, и растягивая біографіи лицъ второстепенныхъ. Излишне подробнымъ является авторъ въ особенности въ біографіяхъ лицъ современныхъ и такихъ, которые къ литературѣ мало или вовсе неприкосновенны. Такъ, наприимѣръ, крайне растянуты біографіи филантропа *Исаака Перейры* (почти 3 столбца), ученаго секретаря *Монтефиоре д-ра Леви* (больше 7 столбцовъ), банкира *Соломона Гейме* (около 5 столбцовъ, да къ тому еще неоконченная) и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Съ другой стороны, ужъ черезчуръ коротенькими являются жизнеописанія такихъ историческихъ лицъ, какъ знаменитый представитель раввинизма *Ашеръ б. Іехиель (Рош)*, основатель цадикизма *Беръ Межеричеръ*, извѣстный каббалистъ *Илья Видасъ* и нѣкоторые другіе.

Изъ значительнѣйшихъ біографій, помѣщенныхъ въ разсматриваемыхъ трехъ выпускахъ, назовемъ біографіи: *Илии Виленскаго* (Гаона), *Герца* (Гартвига) *Вессели*, донны *Гарсиа Мендесъ* (игравшей вѣсть съ своимъ родственникомъ, знаменитымъ *Иосифомъ Наси*, большую роль среди испанскихъ изгнанниковъ въ Турціи въ XVI в.), *Гая Гаона* и *Захаріи Франкелъ*. Кромѣ обстоятельныхъ биографическихъ свѣдѣній (насколько такая обстоятельность возможна въ словарѣ), мы находимъ въ большей части этихъ біографій и подробныя свѣдѣнія библиографическія.

При разборѣ перваго выпуска «Словаря» мы выразили пожеланіе, чтобы

онъ нашегъ себѣ возможно большее распространеніе въ публикѣ. Къ сожалѣнію, наше пожеланіе не сбылось; судя по тому, что вотъ ужъ почти два года, какъ предпринято было изданіе, а между тѣмъ теперь оно доведено только до 5-го выпуска. Повидимому, это происходитъ отъ малаго количества подписчиковъ и недостатка нужныхъ средствъ. Грустно подумывать, что такое безусловно полезное изданіе не имѣетъ достаточнаго успѣха. Неужели наша публика такъ равнодушна къ научнымъ произведеніямъ, къ серьезнымъ историческимъ трудамъ? Неужели въ ней такъ мало интереса къ тому, что составляетъ лучшее достояніе всякой націи, — къ ушѣху и процвѣтанію родной литературы?

פאמלטיק פאר דאס יאר פון *Памлтникъ Назману Крохмалу* По поводу столѣтняго юбилея его рожденія. Сочиненіе С. І. Гурвича. Варшава, 1887 (64 стр., 16 °).

Книжка эта, въ качествѣ Gelegenheits-Werk, значительно запоздала. Столѣтній юбилей со времени рожденія еврейскаго философа Крохмала истекъ уже въ началѣ 1885 года, а книжка г. Гурвича вышла въ свѣтъ лишь въ концѣ прошлаго года. Впрочемъ, посмотримъ: можетъ быть, книжка эта заслужитъ того, чтобы о ней сказали: «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

Авторъ видитъ въ Крохмалѣ больше, чѣмъ философа-историка, разъясниваго въ своемъ капитальномъ сочиненіи «Путеводитель заблудшихся нашего времени» ходъ умственнаго развитія еврейскаго народа; онъ видитъ въ немъ «носителя національнаго знамени», стремившагося къ просвѣщенію евреевъ посредствомъ усиленія ихъ народнаго самосознанія, а не посредствомъ подражанія цивилизаціи чуждыхъ народностей, какъ это дѣлалъ Моисей Мендельсонъ (стр. 3). Этотъ тезисъ автора мы считаемъ недоказаннымъ. Мы не видимъ въ Крохмалѣ носителя какого-бы то ни было знамени и увѣрены, что онъ никогда и не претендовалъ на такую роль. Это былъ мыслитель-теоретикъ, метафизикъ и кантіанецъ по складу своего мышленія, задавшійся цѣлью внести свѣтъ философской критики въ темныя эпохи нашей исторіи и блестяще выполнившій эту цѣль. Въ современныя дѣла онъ почти не мѣшался и едва ли думалъ о приложеніи своихъ философскихъ теорій къ современности; это видно уже изъ того, что онъ при жизни даже не счелъ нужнымъ напечатать свое сочиненіе (оно издано было Цунцомъ, по смерти автора, въ 1852 г.). Весьма возможно, комеч-

но, что изъ его ученія вытекаютъ нѣкоторыя практическія истины, которыя, будучи развиты болѣе спеціально, могли бы стать лозунгомъ какой нибудь современной партіи, хотя бы и національной; но провозгласить Крохмала, на основаніи возможныхъ выводовъ изъ его теоріи, носителемъ знамени этой партіи—не слишкомъ-ли это произвольно?

Считая такимъ образомъ Крохмала чѣмъ-то въ родѣ публициста и народнаго дѣятеля (ошибочно, какъ мы видѣли), авторъ нашелъ нужнымъ предпослать изложенію ученія своего героя краткій обзоръ умственнаго развитія евреевъ, начиная съ Мендельсона и кончая нашими временемъ. Обзоръ этотъ занимаетъ первыя главы разсматриваемой книжки. Авторъ дѣлитъ нашъ просвѣтительный періодъ на двѣ эпохи: на эпоху берлинскаго просвѣщенія, эпоху ассимиляціи или «охорашиванія», какъ онъ ее называетъ (1750 до 1820 г.) и на эпоху національнаго самосознанія и развитія еврейской науки (отъ 1820 г. до настоящаго времени). Первой онъ безусловно не сочувствуетъ, второй сочувствуетъ вполне. Можно бы, конечно, спорить съ авторомъ о самой правильности и исторической вѣрности его дѣленія; но это завело бы насъ за предѣлы простой библиографической замѣтки, а потому ограничимся краткимъ разсмотрѣніемъ содержанія книжки. Въ третьей главѣ авторъ, вмѣсто біографіи Крохмала, которую онъ отказывается писать на томъ основаніи, что она уже написана Леттерисомъ, приводитъ разные отзывы современниковъ о вліяніи его ученія и философскихъ воззрѣній. Самая обширная 4-я глава излагаетъ содержаніе «Путеводителя» Крохмала, а въ заключительной пятой главѣ проводятся параллели между исторической философіей Крохмала и творца «Кузари» Іегуды Галеви, такъ какъ авторъ справедливо полагаетъ, что въ ученіяхъ обоихъ этихъ мыслителей есть много точекъ соприкосновенія, что и доказываетъ выдержками изъ ихъ сочиненій. Къ концу книжки приложено обширное письмо недавно скончавшагося Э. Г. Цвейфеля, гдѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія къ характеристикѣ Крохмала, въ связи съ нѣкоторыми богословскими соображеніями.

Несмотря на то, что мы въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ не сходимся съ воззрѣніями, изложенными въ книжкѣ г. Гурвича, мы должны сказать, что книжка эта написана весьма серьезно и дѣльно и обличаетъ въ авторѣ глубокое знакомство съ различными воззрѣніями на іудаизмъ и съ развитіемъ нашей религіозной философіи.

Весьма желательно, чтобы почтенный авторъ не ограничился настоящимъ трактатомъ, а продолжалъ бы писать по столь хорошо знакомой

ему части, соединяя съ богатымъ запасомъ свѣдѣній возможно большую историческую объективность.

Бѣлугинъ, т. е. *Тьма и Мракъ*. Элегія и картины изъ временъ испанской инквизиціи *И. Розовскаго*. Книжка I. Варшава, 1888 (32 стр. in 16°).

Къ оцѣнкѣ этого сочиненья можно съ полнымъ правомъ принять слова, составляющія его заглавіе. Все содержаніе книжки это—настоящія *тьма и мракъ*, сплошная загадка, чуть-ли не мистификація. Въ подробномъ вѣнецкомъ заглавіи, приложенномъ къ еврейскому тексту, авторъ говоритъ, что его сочиненіе «составлено по подлиннымъ произведеніямъ арабскихъ и еврейскихъ писателей» (по какимъ?); въ предисловіи оъ этого не повторяетъ, а наоборотъ, выставляетъ на видъ свое оригинальное авторство («Сія молитва... вытекаютъ изъ источника сердца моего», стр. 5) и говоритъ, что написать книгу побудило его желаніе доказать, что «еврейскій языкъ—живой, а не мертвый, какъ нѣкоторые враги наши утверждаютъ» (*ibid*). Для достиженія этой цѣли, г. Розовскій счелъ нужнымъ излить свою національную скорбь не попросту, а въ молитвахъ, изъ коихъ двѣ составлены такъ замысловато, что въ одной каждое слово начинается съ буквы *м*, а въ другой—съ буквы *а*. Въ обѣихъ этихъ молитвахъ мы не нашли ни смысла, ни грамматической правильности. Нѣсколько лучше написаны тѣ вещи, гдѣ авторъ не мудрствовалъ и не фокусничалъ, напримеръ, элегія «Воспрянь съ землі!» и «Неразгаданный сонъ» (обѣ въ прозѣ, какъ и вся книжка); но и между ними есть вещи, лишенные смысла, какъ то мѣсто, гдѣ авторъ призываетъ испанцевъ возстать противъ инквизитора Торквемадо, приближающагося къ нимъ (стр. 18): не одержимъ ли авторъ галлюцинаціями, или, можетъ быть, онъ обладаетъ искусствомъ вызывать мертвыхъ?

Вообще, попытку г. Розовскаго мы находимъ и непонятною, и неудачною и советуемъ ему отказаться отъ ея продолженія, а лучше пробовать свои силы на другихъ, болѣе доступныхъ ему попрощахъ.

С. М.

Idiografia semitica e trasformazione delle radice Ebraica nelle Lingue Indo Europee per il Dottore Giuseppe Barzilai. Семитическая идеографія и преобразованные еврейскіе корни въ индо-европейскихъ языкахъ. Сочин. Доктора Иосифа Барцилаи.

Авторъ этого сочиненія, вышедшаго на итальянскомъ языкѣ, затроги-

васть, насколько намъ извѣстно, новый филологическій вопросъ: о родствѣ индо-европейскихъ языковъ съ семитическими; о происхожденіи первыхъ отъ семитическаго древа. Въ предисловіи онъ указываетъ на нѣкоторые филологическія задачи, разрѣшимыя только при помощи сдѣланнаго имъ открытія. «Возьмемъ,—пишетъ г. Барцилан,—для примѣра слова *carus, caritas, comitas* и проч., можно выяснитъ, всѣ они происходятъ отъ одного общаго корня *Kam*; и это намъ понятно. Но открывъ общій корень, объяснитъ, почему именно онъ по существу соответствуетъ идеѣ, имъ выражаемой, при господствовавшихъ доселѣ способахъ филологическихъ изслѣдованій, оказывается совершенно невозможнымъ». Поэтому авторъ предлагаетъ свой способъ, основанный на изслѣдованіи фигуръ еврейской азбуки, изъ которыхъ каждая буква первоначально, какъ іероглифъ, выражала данное представленіе, идею. *Iota*, напр., по его мнѣнію, въ древности изображала *кисть руки, бѣта* — дождь, и потомъ—семью, *нунъ*—плодъ, родъ, *альфа* выражала идею союза, *кафъ*—утробу, чрево. Съ теченіемъ времени, знаки, обращаясь въ буквы, утратили свой характерный видъ, но слѣды выражаемыхъ имъ представленій остались въ словахъ, доселѣ состоящихъ изъ соответствующихъ буквъ. Такъ, еврейское слово *бэмъ*—сынъ—складывается изъ бѣта и нунъ—(плодъ семьи) и т. д.

Покуда вынешъ только первый томъ этого сочиненія, надъ которымъ авторъ, очевидно, много и толково работалъ. Онъ посвященъ по преимуществу идеографическому изслѣдованію семитическихъ языковъ. Ожидаемый второй томъ будетъ посвященъ доказательствамъ воспріятія и преобразованія семитическихъ корней индо-европейскими языками. Д-ръ Барциланъ prepares также сравнительный словарь коренныхъ еврейскихъ словъ и образовавшихся изъ нихъ словъ санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ, славянскихъ и германскихъ.

Л. Р.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. ЛЕГЕНДА О РАВИ ВЕНЬ-ЛЕВИ. (Изъ Г. В. Лонгфелло). Стихотвореніе. Ф. Волховскаго	3
II. ИСААКЪ ДЖЕМЪ. Быль эпохи возрожденія, рассказанная книжникомъ червякомъ. (Окончаніе). Н. Ру—кина.	7
III. ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. (Окончаніе). М. Г. Моргулса.	25
IV. МИРГАЛА. Историческая повѣсть. Элизы Оржешко. (Продолженіе). Переводъ съ польскаго. А. И. Онуфровича.	43
V. ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ. Стихотвореніе. Н. Тагера.	110
VI. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА. Жизнь и дѣятельность Израйля Бешта. С. М. Дубнова.	113
VII. ЖИВОЕ ДѢЛО. Разсказъ. М. Рамковича.	142
VIII. ЕВРЕИ ПОДЪ ВЛАСТЮ РИМА. Л. Рускина.	178
IX. СПИНОЗА. Стихотвореніе. Константина Льдова.	194
X. КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ. По поводу второго изданія изслѣдованія Н. Д. Градовскаго: «Торговныя и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ». П. А. Якуба.	198
XI. ДАЛЬ МОРСКАЯ ВЪ МРАКѢ ТОНЕТЪ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	208
XII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- XIII. **ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ НЬЮ-ІОРКЪ. I. Петриковскаго** 1
- XIV. **ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ПАРАЛЛЕЛИ ИЗЪ ЖИЗНИ.** (תולדות ארץ ישראל: *Дѣя крайности.* Романъ изъ современной еврейской жизни. *P. A. Браудеса.* Въ двухъ частяхъ. Варшава, 1888. Изданіе книжнаго магазина Л. И. Шапиро). **Критикуса.** 21
- XV. **ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.** רמ"ח אברים (248 членовъ): талмудико-анатомическій этюдъ *д-ра Л. Каценельсона*; изд. редакціи газ. «Гаіомъ». Спб., 1888 (отдѣльные оттиски изъ еврейской газ. «Гаіомъ»). С. Дившровскаго. 40
- XVI. **БИБЛОГРАФІЯ:**
- 1) *Памяти высокопреосвященнаго Дмитрія.* Одесскаго городскаго раввина доктора *С. Л. Швабахера.* 2-е изданіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, 1887. (128 стр. 8°).
  - 2) *Das Werk des Erinnerung Zum Andenken des gottseligen Erzbischofs Dimitri, von Dr. S. L. Schwabacher.* Odessa, 1887 (66 стр. 8°).
  - 3) *Кнѣсетъ Исрѣель:* Біографическій лексиконъ еврейскихъ ученыхъ и знаменитостей. Составилъ *С. I. Финнъ.* Выпуски 2, 3 и 4. Варшава, 1887 (стр. 81—320, 8°). Изд. Н. Зака и А. Цукермана.
  - 4) זכרון לנפשו של ר' ח'מ'ל *Памятникъ Нахману Крохмалю.* По поводу столѣтняго юбилея его рожденія. Сочиненіе С. I. Гурвича. Варшава, 1887 (64 стр., 16°).
  - 5) זכרון לנפשו של ר' י' *Тѣнь и Мракъ.* Элегія и картины изъ временъ испанской инквизиціи *И. Розовскаго.* Книжка I. Варшава, 1888 (32 стр. in 16). С. М.
  - 6) *Idiografia semitica e trasformazione delle radice Ebraica nelle Lingue Iudo Europee per il Dottore Giuseppe Barzilai.* Семитическая идеографія и преобразованные еврейскіе корни въ индо-европейскихъ языкахъ. Сочин. Доктора *Іосифа Барцилам.* Л. Р.

и именно—6) Откровение посредством пророков вообще, 7) великое Откровение через Моисея в особенности, 8) божественное происхождение учения, 9) его совершенство и вѣчное значеніе; наконецъ Божье управленіе міромъ, и именно—10) божественный Промыслъ, 11) награда и наказаніе за человѣческіе поступки здѣсь и вь другомъ мірѣ, 12) ниспосланіе Божественнаго Мессіа, 13) воскресеніе.

Хотя эта систематизація догматовъ вѣры порождала большую опасность для свободы этой послѣдней и пытливаго изслѣдованія, и хотя воззрѣніе Маймуни вызвало вь послѣдствіи значительную оппозицію, но основныя положенія его все-таки продолжали пользоваться большимъ авторитетомъ, и часть ихъ перешла даже вь литургію синагоги. Одинъ неизвѣстный поэтъ взялъ ихъ темою гимна—Jigdal, которымъ вь еврейскихъ храмахъ начинается утренняя молитва. Они же неоднократно влились вь основаніе обученія юношества, причеиъ, однако, авторитетность ихъ не признавалась повсемѣстно.

Уже вь то время извѣстность Маймуни, благодаря его комментарію къ Мишнаѣ, была вь такой степени распространена, что изво всѣхъ странъ Діаспоры къ нему безпрестанно обращались съ запросами религіознаго содержанія. Поэтому и вь литературѣ отвѣтовъ онъ занимаетъ значительное мѣсто. Сверхъ отдѣльных его рѣшеній и писемъ и большого посланія къ одному южно-арабскому раввину «Iggereth Temim» (Посланіе вь Іеменъ), существуетъ еще объемистое, заключающее вь себя 155 отвѣтовъ сочиненіе, гдѣ даются подробныя рѣшенія по различнымъ частямъ религіозно-обрядовой жизни. Вь большомъ посланіи, относящемся приблизительно къ времени послѣ окончанія комментарія Мишны, Маймуни обращается къ нѣкоему Іакову Алфаюма, спрашивающему у него совѣтовъ по поводу одного лже-Мессіа, который старался ввести вь заблужденіе сильно угнетенныхъ и неоднократно принуждавшихся къ принятію ислама единовѣрцевъ. Отвѣтъ Маймуни, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ циркулярнымъ посланіемъ ко всѣмъ общинамъ тѣхъ странъ, во многихъ отношеніяхъ важенъ и характеристиченъ. «Божественное ученіе,—такъ начинаетъ онъ,—находящееся вь нашихъ рукахъ, искони пріобрѣтало намъ враговъ, и они постоянно стремились къ отвращенію насъ отъ него. Мы много страдали вь древніе вѣка; и наши страданія не уменьшились съ тѣхъ поръ, какъ возникли двѣ новыя религіи—христіанская и магометанская... И мы должны принимать на себя страданія ради ученія нашего. Но муки наши не подавать насъ; сколько притѣснителей ни возставало противъ насъ, всѣ они погибли, а мыя

Израиля будетъ существовать вѣчно. Страданья для насъ—пробный камень, и честию и славою своею должны мы признавать то, что не падаемъ подъ ихъ гнетомъ». Подкрѣпивъ эти слова доказательными цитатами изъ Библии, Маймуни продолжаетъ: «Что касается сообщаемого тобою извѣстія, что этотъ отступникъ старается словами Библии: «Я сдѣлаю его (Израиля) великимъ народомъ» и т. д. доказать божественность миссіи Магомета—то аргументы его до такой степени тривіальны и смѣшны, что даже магометане издѣваются надъ ними». Относительно самого магометанскаго же-Мессіи Маймуни высказываетъ мнѣніе, что онъ «сумасшедшій» и признаетъ его невѣроятнымъ. Послѣ аргумента приведенныхъ имъ противъ средневѣковаго социализма, Маймуни вспоминаетъ еще много другихъ же-Мессій, появлявшихся въ Фецѣ, Кордовѣ и Франціи и причинившихъ тамъ много бѣдъ,—а въ заключеніе даетъ совѣтъ не забѣгать впередъ въ обѣтованное время, а выжидать его съ тихою покорностью.

Не менѣе важно по отношенію къ образу мыслей Маймуни и искренности ихъ выраженія другое циркулярное посланіе его, насчетъ подлинности котораго, впрочемъ, возникали сомнѣнія. Это—«Iggeret Haschemad» (Письмо о вынужденномъ отступничествѣ) написанное еще въ Фецѣ около 1165 г. Маймуни отвѣчаетъ въ немъ на вопросъ одного современника, которому удалось спастись отъ религіознаго гоненія—вопросъ, какъ слѣдуетъ поступать при подобныхъ опасностяхъ: признавать-ли божественность миссіи Магомета и его пророческій даръ, или, рискуя даже жизнью, отказываться отъ такого признанія, какъ противорѣчащаго обязательству слѣдовать Моисееву ученію. «Въ этихъ случаяхъ,—отвѣчаетъ Маймуни,—я совѣтую себѣ, друзьямъ и спрашивающимъ оставлять подобныя мѣстности и уходить туда, гдѣ можно соблюдать свою религію, не подвергаясь преслѣдованіямъ; никакія соображенія объ опасностяхъ, домѣ, дѣтахъ не должны удерживать отъ исполненія этого рѣшенія; божественное ученіе для разумнаго человѣка стоитъ выше всѣхъ случайностей; эти послѣднія проходятъ, оно остается вѣчно». Извѣстно, какъ самъ Маймуни поступалъ въ подобномъ положеніи, и потому онъ имѣлъ полное право рекомендовать такой же образъ мыслей и дѣйствій своимъ единовѣрцамъ. Тѣмъ не менѣе онъ отнюдь не относился съ несправедливостью или нетерпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, и въ циркулярномъ посланіи къ одному прозелиту, перешедшему изъ Ислама въ еврейство, говоритъ положительно: «Магометане не язычники, хотя они и поклоняются Киблѣ, бывшему некогда мѣстомъ идолослуженія; ихъ цѣль—приклоняться предъ Богомъ,

идолослуженіе исчезло изъ нихъ среды. То, что сохранилось у нихъ изъ идолопоклонническихъ обычаевъ, напр. киданіе камнями въ сатану и т. п., имѣетъ основаніемъ не языческое суевѣріе, а соображеніе иного рода. Пусть они выдумываютъ на насъ разныя небылицы... Мы не станемъ все-таки платить имъ тою же монетою, но будемъ чтить только правду и согласно съ нею говорить: магометане вѣрятъ, что Богъ единъ!»

Такимъ же гуманнымъ духомъ проникнуты и всѣ другія циркулярныя посланія Маймуни—какъ обращенное къ марсельскимъ ученымъ, въ которомъ онъ доказываетъ ничтожество астрологовъ и астрологическихъ вычисленій, такъ и записка о вѣрѣ въ воскресеніе, и многія другія рѣшенія этого глубокаго и яснаго мыслителя. Свободный, на великое направленный умъ обнаруживается въ этой перепискѣ—умъ, который стремится освободить едновѣрцевъ изъ оковъ суевѣрія и снова привести ихъ къ источнику чистаго монотеистическаго ученія.

На томъ же самомъ фундаментѣ построено и второе главное сочиненіе Маймуни—единственное написанное имъ по еврейски—«Mischneh Thora» (Повтореніе ученія), представляющее собою кодексъ всего еврейскаго законодательства въ систематическомъ порядкѣ и логическомъ изложеніи. Вслѣдствіе того, что это произведеніе состоитъ изъ четырнадцати книгъ, оно было озаглавлено также «Sefer Hajad» (Книга четырнадцати — число соответствующее еврейскому Iad), а въ послѣдствіи—«Iad Nachasakah» (Сильная Рука), подъ каковымъ заглавіемъ оно вообще извѣстно въ еврейскихъ кругахъ. Само собой разумѣется, что въ такомъ сочиненіи Маймуни въ точности слѣдуетъ правилу Талмуда; онъ даже обрѣдѣлительно заявляетъ, что заключающіяся въ Вавилонскомъ Талмудѣ предписанія обязательны для Израіля. Тѣмъ не менѣе, принужденъ онъ мѣстами слѣдовать болѣе рациональнымъ соображеніямъ и отступать отъ талмудическихъ возрѣній тамъ, гдѣ дѣло идетъ о натурѣ демоновъ, силѣ колдовства, влияніи звѣздъ и толкованіи сновъ, т.-е. о томъ, на что онъ смотритъ какъ на чистѣйшее суевѣріе. 14 книгъ его сочиненія имѣютъ предметомъ: 1. познанія, 2. любовь, 3. дни праздниковъ, 4. брачныя законы, 5. святость, 6. обѣты, 7. посты, 8. богослуженіе, 9. жертвоприношенія, 10. чистоту, 11. возмѣщеніе убытковъ, 12. куплю и продажу, 13. суды, 14. судей. Каждая книга распадается на галахоты, заглавія которыхъ приводятся въ началѣ, а каждая Галаха въ свою очередь раздѣляется на главы и параграфы.

Десять лѣтъ непрерывно работалъ Маймуни надъ этимъ исполинскимъ

сочиненіемъ, которое представляется единственнымъ даже въ еврейской литературѣ и одно было бы достаточно для обезпеченія славы автора въ потомствѣ. «Это сочиненіе написалъ я для того,—такъ говоритъ онъ во введеніи, впоследствии подвергавшемся многимъ нападкамъ,—чтобы ты, когда прочтешь Библию и близко познакомишься съ этой книгой, могъ обходиться безъ Талмуда, ибо тутъ ты вполне узнаешь содержаніе еврейства въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось талмудическимъ путемъ». Не слѣдуетъ, однако, думать, что Маймуни дѣйствительно имѣлъ намѣреніе вытѣснить своимъ сочиненіемъ Талмудъ; оно было совершенно чуждо ему, и ничто не огорчало его такъ, какъ встрѣча съ этими мнѣніемъ у его современниковъ. «Знай, мой другъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—что всякій изъ старыхъ философовъ и врачей, писавшій книгу о религиозныхъ предметахъ или по другимъ наукамъ, постоянно употребляетъ одну изъ двухъ формъ—или конспекта, или комментарія. Конспектъ (compendium) обыкновенно ставитъ опредѣлительное рѣшеніе, безъ вопроса и отвѣта или доказательства; напротивъ того, комментарий ставитъ во главѣ опредѣлительное рѣшеніе, а затѣмъ даетъ мѣсто тому, что вызываетъ противорѣчіе сказанному—вопросы на счетъ всякаго пункта, отвѣты, доказательства справедливости одного и ложности другого, правильности того и неправильности этого. Комментарійный приемъ есть приемъ Талмуда, ибо Талмудъ есть комментарий къ Мишна; я же написалъ не комментарий, а compendium по образцу Мишны». Нѣсколько разъ защищаетъ себя Маймуни отъ упрека, что онъ имѣлъ намѣреніе уничтожить изученіе Талмуда, или даже только ограничить его; по его словамъ, у него была одна цѣль — «тѣмъ, кто не въ состояніи проникнуть умомъ въ тайники Талмуда и не могутъ добыть себѣ въ немъ удовлетворительные отвѣты на счетъ дозволеннаго и недозволеннаго»—дать руководителя по этому лабиринту.

Съ какой бы точки зрѣнія ушедшаго впередъ времени ни стали мы разсматривать этотъ трудъ во всей его совокупности, нельзя не признать, что у Маймуни выполненіе вполне соответствовало цѣли и что избранный имъ путь былъ единственно правильнымъ для того, чтобы внести планъ и порядокъ въ изученіе еврейской религиозной науки. Почти невозможно сообразить, какъ развилась бы эта отрасль знанія, еслибы она продолжала идти путями, проложенными нѣсколько столѣтій тому назадъ учителями и учениками, еслибы Маймуни не разсѣялъ этого хаоса и своимъ сочиненіемъ не указалъ умамъ новыхъ дорогъ. Правда, что такое систематизированіе, какое онъ употребилъ уже при постановкѣ догматовъ вѣры, было

собственно чуждо свободному духу еврейства и пытливаго изслѣдованія, правда, что оно оставило безъ вниманія историческое развитіе и придало одинаковое значеніе всѣмъ правиламъ и предписаніямъ, правда, наконецъ, что въ немъ заключалось стѣсненіе соотвѣтствующей времени разработки и ограниченіе возможности для прогресса будущихъ лѣтъ найти себѣ вліяніе и доступъ въ замкнутой системѣ галахотъ и параграфовъ,—но всѣмъ этимъ упрекамъ противопоставляется фактъ, что образъ Маймуни мы можемъ возстановить только съ помощью его времени, что пониманіе и надлежащая оцѣнка его труда возможна только въ связи съ воззрѣніями и цѣлями его современниковъ и что поэтому историческая точка зрѣнія должна была оставаться ему чуждою въ такой же степени, въ какой и всей средневѣковой эпохѣ.

Въ видѣ вступленія къ этому, обвинявшему все зданіе еврейской религіи сочиненію, Маймуни незадолго до того написавъ по-арабски «Sefer Hamizwoth» (Книга Законовъ) насчетъ 613 библейскихъ правилъ и запрещеній, гдѣ, въ противоположность прежнимъ исчисленіямъ, всѣ законы приводились въ систематическомъ видѣ на основаніи 14 предпосланныхъ имъ принциповъ—Schoraschim. Это сочиненіе тоже было переведено три раза на еврейскій языкъ и подверглось многимъ нападкамъ, какъ и его «Mischneh Thora», которое при жизни автора и послѣ его смерти вызвало сильную оппозицію и было предметомъ такого же равностнаго изученія. Болѣе 70 суперъ-комментаріевъ служатъ, конечно, самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ вниманія, съ которымъ относились къ этому труду изслѣдователи въ позднѣйшее время.

Но во всѣхъ, написанныхъ до тѣхъ поръ сочиненіяхъ, Маймуни является не только набожнымъ истолкователемъ закона, а и глубокимъ мыслителемъ. Уже введеніе къ «Mischneh Thora» представляетъ краткую систему религіозной философіи, какъ существенное основаніе всего ученія; въ комментарий же къ Мишнаѣ авторъ, при объясненіи трактата о «изреченіяхъ отцевъ» представляетъ систему этики. Высшимъ принципомъ этой послѣдней признается свобода воли. Нѣтъ никакого предопредѣленія, и всемогущество Божье знаетъ силу людей, не руководя ею. Но человѣкъ долженъ стремиться къ добру не изъ-за награды, а ради самого себя и по любви къ Богу. Возмездіе же бессмертная душа получаетъ уже въ загробномъ мірѣ. Высшее наслажденіе и высшее благо въ мірѣ здѣшнемъ составляетъ познаніе истины, и это блаженство равнозначуще съ познаніемъ Бога. При добродѣтельномъ образѣ жизни надо стремиться къ достиженію

едины. Во всемъ остальномъ Маймуни и въ своей этикѣ слѣдуетъ греческому философу, раздѣляющему добродѣтели на этическихъ и діанотическихъ.

Было, однако, очевидно, что этимъ не исчерпаются стремленія Маймуни. Соответственно принципу, изъ котораго онъ исходитъ, за систематизированіемъ религіознаго закона на научномъ фундаментѣ должна была послѣдовать попытка объясненія и примиренія религій откровенія и греческо-арабской философіи. И дѣйствительно, лѣтъ черезъ десять послѣ окончанія «Mischneh Toga» Маймуни выпустилъ свой религіозно-философскій трудъ «Dalalat al-Ha'irin» (по-еврейски «Moreh Nebuchim», Руководство для сомнѣвающихся). Это сочиненіе можно считать самымъ выдающимся созданіемъ еврейско-философской литературы въ средніе вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ— послѣднимъ фазисомъ развитія философскихъ изслѣдованій у евреевъ. «Moreh» повело эти изслѣдованія новыми путями, доставивъ перипатетическому ученію, которое до сихъ поръ только терпѣлось рядомъ съ другими системами, философское единодержавіе у евреевъ и сдѣлавъ этихъ послѣднихъ способными стать посредниками между греческо-арабскою философіею и господствовавшею въ христіанской Европѣ схоластикою. Въ предѣлахъ же еврейства эта книга оказывала вліяніе, которое пережило перипатетическую философію.

Названный трудъ, скорѣе предполагающій, чѣмъ устанавливающій философскую систему, раздѣленъ на три части. Первая заключаетъ въ 76 главахъ ученіе объ атрибутахъ Бога, о встрѣчающихся въ Библии именахъ Божьихъ, о трактующихъ тотъ же сюжетъ доктринахъ и мнѣніяхъ господствующихъ философскихъ школъ, особенно Motekallemin. Вторая, состоящая изъ 46 главъ, начинается съ объясненія философіи Аристотеля и присоединяетъ къ этому ученію объ исконномъ существованіи міра, о божественномъ Откровеніи и о пророчествѣ. Болѣе подробнымъ объясненіемъ пророческой дѣятельности открывается третья, иллюстрирующая 45 главъ, часть, которая сверхъ того заключаетъ въ себѣ разсужденія о божественномъ Промыслѣ и объ основахъ библейскаго законодательства. Исходя изъ экзегетической тенденціи, Маймуни тотчасъ же опредѣляетъ своему труду надлежащее положеніе—основателя рациональнаго богословія на спекулятивномъ фундаментѣ.

Способъ и приѣмъ, употребленный этимъ яснымъ и глубокимъ мыслителемъ для выполненія его дѣла въ духѣ его времени, могутъ нѣкоторымъ образомъ служить иллюстраціею хода его философскаго мировоззрѣнія, равно какъ и его религіознаго образа мыслей. Понятно, что онъ начинается съ

того, чтобы привести «сомнѣвающимся» къ чистому понятію о Богѣ. Ученіе о Божьихъ атрибутахъ онъ объясняетъ въ отрицательномъ смыслѣ, ибо то или другое свойство не можетъ быть вполнѣ принадлежностью существа, но въ известномъ смыслѣ только присоединяется къ нему. Къ Богу же ничто не присоединяется, въ Немъ все недѣлимо соединено, тогда какъ упоминаніе о свойствахъ съ одной стороны предполагаетъ известное раздѣленіе, съ другой—единство составное, а не въ самомъ себѣ замкнутое, какъ единство Бога. Чистая духовность Бога есть для Маймуни основаніе всего еврейства. Поэтому онъ не допускаетъ рѣшительно никакого ограниченія въ понятіи божества и признаетъ только отрицательные атрибуты, такъ что только высшая отвлеченность можетъ быть признаваема за единственно достойное философское мировоззрѣніе. Приводимыя у Маймуни доказательства бытія Бога, Его безтѣлесности и единичности, тѣ же—за исключеніемъ одного, космологическаго—какія представилъ Аристотель въ своей физикѣ и метафизикѣ; въ космологическомъ же аргументѣ онъ слѣдуетъ, вѣроятно, арабскому философу *Авиценнѣ*. Отъ Аристотелевыхъ основаній понятій о Богѣ, какъ о *primus motor*, Маймуни приходитъ къ разсужденію о мірѣ и его отношеніи къ Богу. Далекое опередивъ Аристотеля въ астрономическихъ знаніяхъ, онъ безусловно слѣдуетъ этому философу въ физическомъ ученіи о подлунномъ и нездѣшнемъ мірѣ сферъ, о существующей на землѣ, постоянно измѣняющей свои формы, матеріи четырехъ стихій и о неземной, неизмѣнно сохраняющей свою форму матеріи пятаго тѣла; только вопросъ о томъ, какии образомъ Богъ приводитъ въ движеніе сферы, разъединяетъ Маймуни съ его учителемъ и вызываетъ у него неоплатонически окрашенное положеніе, что существуетъ столько же интеллигенцій, сколько сферъ, и что высшая изъ нихъ, «дѣятельный разумъ», должна быть сама форма, ибо она надѣляетъ формами, и сама духъ, ибо она осуществляетъ духъ. Во взглядѣ на сотвореніе міра Маймуни тоже расходится съ греческимъ мудрецомъ, доказательства котораго онъ приводитъ только для того, чтобы опровергать ихъ. Если Аристотель утверждаетъ, что міръ долженъ былъ сотвориться изъ существовавшей уже матеріи и что духъ Божій только далъ образъ этой матеріи, то религиозное убѣжденіе Маймуни причиною того, что хотя слова Писанія могутъ быть истолкованы въ смыслѣ философіи, но онъ принимаетъ теорію сотворенія міра изъ ничего, тѣмъ болѣе, что ивѣніе противоположное исключаетъ чудо, безъ котораго взглядъ богословскій никакъ не могъ обойтись. Что же касается Божественнаго Промысла, то Май-

муни не присоединяется ни къ подробно изложеннымъ у него взглядамъ Эпикура и его школы, ни къ Аристотелевымъ, ни къ Ашаріи и Мутазили, а держится воззрѣнія библейскаго, по которому человѣкъ совершенно свободенъ, а Богъ совершенно справедливъ, такъ что все доброе, случающееся съ человѣкомъ, представляется его наградою, все же злое — его наказаніемъ. Божественный Промыслъ направляется сообразно степени божественнаго воздѣйствія на вещи; благодаря своему безсмертному духу, человѣкъ находится въ непосредственной связи съ абсолютнымъ духомъ и приобретаетъ себѣ такимъ образомъ провидѣніе Божіе, знаніе котораго объемлетъ безконечное. Это ученіе дѣлаетъ понятною вышеупомянутую этическую точку зрѣнія Маймуни, по которой мышленіе и достиженіе истиннаго познанія въ божественныхъ вещахъ — сами себѣ цѣль и высшее совершенство. Ими достигается безсмертіе, ими только человѣкъ становится человѣкомъ. Высшей степени совершенства, по мнѣнію Маймуни, достигаетъ, конечно, тотъ, кто направляетъ все свое мышленіе и всю свою дѣятельность къ усовершенствованію себя въ божественныхъ вещахъ. Самая высокая ступень — ступень пророчества — есть нравственный идеалъ Маймуни. Его ученіе о нравственности совершенно согласно съ взглядами Аристотеля и такимъ образомъ отличается своимъ нравственнымъ достоинствомъ и этическимъ духомъ. Оно составляетъ также мость къ устранимому имъ примиренію между философіею и Библіею, педагогическое и философское значеніе которой онъ сперва ставитъ въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобы затѣмъ начать свои примирительныя попытки съ атрибутовъ, съ какими Богъ является въ Библии и въ которыхъ онъ видитъ только чувственно звучащія названія духовныхъ вещей. Слова выражаютъ различныя, родственныя между собою понятія, изъ которыхъ одно обозначаетъ чувственный моментъ, другое — духовный. Такъ устраняются для Маймуни всѣ разногласія, существующія между буквальнымъ смысломъ Библии и философскимъ мировоззрѣніемъ, относительно какъ бытія Бога и Его совершенства, такъ и пророческаго дара, на который нашъ мыслитель смотритъ, какъ на имѣющую основаніе въ человѣческой натурѣ ступень совершенства, какъ на воздѣйствіе Бога, черезъ посредство активной интеллигенціи, на способность познанія и чрезъ нее — на силу воображенія. Высшей пророческой ступени, по мнѣнію Маймуни, достигнулъ Моисей, ибо онъ не нуждался ни въ какомъ содѣйствіи фантазій для того, чтобы возвѣстить міру полученный имъ завѣтъ. Отъ этой духовной высоты всего одинъ шагъ къ Откровенію, которое вѣдь

тоже, — говорит Маймуни, — есть чисто духовный актъ, преобразование чело-
вѣческаго духа въ вседѣущій духъ Божій.

Способъ, какимъ Маймуни старается согласить свои философскія приоб-
рѣтенія съ библейскими и талмудическими традиціями, въ своихъ отдѣль-
ныхъ подробностяхъ такъ значителенъ, такъ ясенъ и вѣстѣ съ тѣмъ
такъ либераленъ, что эта часть сочиненія—самая важная его часть. Тутъ
авторъ выходитъ также за предѣлы области чисто научной спекулативности
и вдается—въ третьемъ отдѣлѣ своего труда—въ разсмотрѣніе практиче-
ской стороны Библии, т. е. законодательства. Но здѣсь его изслѣдованіямъ
придаетъ такое высокое достоинство не столько разрѣшеніе задачи въ при-
мирительномъ смыслѣ, сколько фактъ, что Маймуни вообще отважился на
изслѣдованіе основаній и причинъ законовъ. Онъ дѣлитъ всѣ правила и
запрещенія на 14 классовъ, и потопику, поколику дѣло не идетъ о фун-
даментальныхъ истинахъ, старается указать болѣе глубокія основанія тѣхъ
и другихъ. И здѣсь Маймуни не сдѣлалъ тѣхъ выводовъ, которые можно
было бы извлечь изъ его философскаго міровоззрѣнія и религіознаго образа
мыслей. Многимъ законамъ подыскиваетъ онъ мѣстныя и историческія при-
чины, другіе объясняетъ возникшею потребностію противодѣйствовать сует-
вѣрнымъ представленіямъ стараго времени и мнеческаго первобытнаго на-
рода Сабейцевъ. Но такую мотивировку Маймуни собственно отнялъ почву
у многихъ изъ этихъ законовъ, насколько они еще пользовались авторите-
томъ. И онъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ это, ибо повторяетъ и усердно
защищаетъ религіозные моменты всего законодательства, торжественно про-
возглашая въ концѣ сочиненія ихъ обязательность на вѣчное время для
Израиля.

Если Маймуни называетъ это „истинною наукою Торы“, то такое на-
званіе вполнѣ правильно, такъ какъ „Mogeh“ несомнѣнно есть прочный
фундаментъ рациональнаго еврейскаго богословія на спекулативно-философ-
ской подкладкѣ, могущій дать поучительныя указанія на счетъ Бога, міра,
Промысла, Откровенія и законодательства. Маймуни не уходитъ впередъ
средневѣковыхъ воззрѣній, но въ немъ все-таки мы видимъ высшую ступень
того, чего въ ту пору могло достигнуть еврейство. Много аналогій
представляютъ его жизнь и научная дѣятельность съ жизнью и дѣятель-
ностью арабскаго свободнаго мыслителя Аверроэса, съ которыми его и
сравниваютъ неоднократно. Аверроэсъ или Ибнъ Рошдъ былъ современникъ
Маймуни, философъ Аристотелевой школы, которому, за его философскіе
взгляды, пришлось испытать много невгодъ въ тотъ періодъ фанатиче-

ской реакціи въ Исламѣ. Аверроэсъ также * нашелся вынужденнымъ въ концѣ концовъ покориться господствующимъ убѣжденіямъ. Свои комментаріи къ Аристотелю онъ написалъ почти въ то самое время, когда Маймуни работалъ надъ своимъ „Руководствомъ для сомнѣвающихся“. Конечною цѣлью обонихъ было—сдѣлать Стагирскаго мудреца единодержавнымъ властителемъ области философіи какъ въ мечети, такъ и въ синагогѣ. Какъ къ нимъ впослѣдствіи присоединилась въ этомъ отношеніи и христіанская церковь—объ этомъ будетъ разсказано ниже.

О медицинскихъ сочиненіяхъ Маймуни мы уже упоминали. И въ нихъ явственно обнаруживается наклонность автора къ систематизированію и схематизированію. Для медицинской науки они не имѣютъ почти никакого значенія, кромѣ историческаго. Въ этомъ методическомъ духѣ онъ обработалъ труды *Галена* и такимъ же образомъ написалъ свои медицинскіе афоризмы, появившіеся въ еврейскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «*Pirke Moscheh*» (трактаты Моисея) и свой трактатъ о здоровьѣ. Повидимому, Маймуни хотѣлъ кодифицировать медицинскій матеріалъ знанія точно такъ же, какъ онъ дѣлалъ это съ богословіемъ.

Къ болѣе позднему періоду жизни Маймуни принадлежатъ и многія мелкія философскія сочиненія, которыя всѣ имѣютъ строго Аристотелевскій фундаментъ. Таковы сочиненія по логикѣ, «*Biur Miloth Higajon*» (Техническія выраженія логики); трактатъ о блаженствѣ — «*Perakim be-Nazlacha*», и трактатъ о единичности Бога—«*Maamar Hajjichud*». Что касается остальныхъ, то часть ихъ очевидно только приписана знаменитому учителю, на счетъ же другой части, напр., нѣкоторыхъ циркулярныхъ посланій, споръ о ихъ подлинности до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ **.

Характеръ всего творчества этого серьезнаго мыслителя можно резюмировать словами, которыя онъ противопоставилъ всѣмъ сомнѣніямъ и возраженіямъ, вызваннымъ его религиозно-философскимъ трудомъ: «Одинъ

* Слово „также“ здѣсь неумѣстно, такъ какъ Маймуни никогда не колебался въ признаніи безусловной обязательности еврейскихъ законовъ и никогда не переставалъ отстаивать свободу изслѣдованія причинъ и значенія этихъ законовъ. Ped.

** Изъ посланій Маймуни самое значительное (посланіе къ его сыну р. Аврааму) навѣрно подложно, какъ неопровержимо доказалъ Рапопортъ, и имѣтъ ни одинъ спецѣлистъ въ этомъ уже не сомнѣвается.

словомъ, я такой, а не иной. Если у меня является мысль, и я могу ее выразить только такимъ образомъ, что она удовлетворить и подвинуть одного изъ десяти тысячъ, одного мыслящаго, представляясь, быть можетъ, невыносимою для массы, то я открыто и смѣло произношу слово, просвѣтляющее разумнаго, хотя бы на меня обрушивались за это укоризны невѣжественной толпы».

Таковъ былъ Маймуни, человѣкъ «сильной руки», герой чистаго мышленія, благородныхъ желаній, проникнутый пламеннымъ сочувствіемъ къ своей вѣрѣ, любовью къ наукѣ, полный возвышенныхъ, нравственныхъ идей и цѣлей, полный кроткой теплоты и снисходительности относительно иновѣрцевъ, мыслитель съ широкимъ кругозоромъ, въ которомъ гармонически соединились еще разъ всѣ яркіе лучи заходящаго солнца испанской блистательной эпохи.

Если мы кинемъ снова взглядъ на это время, достигнувшее высшей ступени своего развитія съ появленіемъ Маймуни, то получимъ картину эпохи, въ которой внезапно начинаютъ развиваться всѣ силы народа, точно окрыленные скрытымъ вдохновеніемъ. Обильный и благотворный потокъ изливается на литературу; всюду появляются свѣжіе и сочные ростки, и затѣмъ наступаетъ день жатвы, когда въ родныхъ житницы сносятся плоды, долженствующие служить пищею и для отдаленныхъ грядущихъ поколѣній. Наконецъ и въ исторіи, и въ литературѣ—какъ это бываетъ и въ природѣ—за обильною плодами осенью наступаетъ холодная, ледяная зима, когда всѣ силы повидному спятъ, между тѣмъ какъ онѣ тайнѣ работаютъ и творятъ для предстоящей весны.

Три столѣтія испанско-арабской литературы приносятъ богатые результаты какъ въ наукѣ, такъ и въ поэзіи. Еврейское языкованіе становится самостоятельнымъ научнымъ знаніемъ, имѣющимъ свои собственные законы; ученые, какъ *Иуда б. Корейшъ*, *Менахемъ б. Сарукъ*, *Дунашъ б. Лабратъ*, *Иуда Хайюшъ* и *Иона ибнъ Ганнахъ*, основываютъ и двигаютъ впередъ эту отрасль, процвѣтаніе которой въ свою очередь оплодотворяетъ библейскую экзегетику, глубоко проникающую въ смыслъ слова Писанія и, наконецъ, трудами *Авраама ибнъ Эзри* привлекающую въ область толкованія высшія проблемы этого слова. Философія, исходя изъ неоплатонизма, возводится на высокую ступень арабско-аристотелевскаго мышленія цѣлымъ рядомъ творческихъ мыслителей, каковы *Саадія*, *Га-*

Бироль, Иуда Галевы, Авраамъ б. Давидъ и Маймуни, а послѣдній изъ нихъ создаетъ и разрабатываетъ научное богословіе. Не менѣ важны результаты медицинскихъ изслѣдованій, которыми ревностно занимались многіе изъ этихъ ученыхъ, и работъ математическихъ и астрономическихъ. «Между тѣмъ какъ по возрожденіи исторически-математическихъ занятій почти всюду посредниками въ передачѣ западу индійско-греческихъ знаній признавали арабовъ, новое время рѣшило болѣе правильно и этотъ вопросъ, изслѣдованіемъ котораго наполненъ періодъ почти семисотлѣтній. Теперь выступаютъ на первый планъ два народа, оставшіяся почти въ полномъ пренебреженіи — византійскіе христіане и евреи. Одинъ французскій еврей опредѣлялъ приблизительную величину нѣкоторыхъ ирраціональныхъ чиселъ, представившую значительный историческій интересъ; испанскій же еврей первый принялъ десятичныя дроби къ извлеченію квадратныхъ корней... Въ исторіи космографіи евреи заслуживаютъ также упоминанія «такъ какъ имъ мы обязаны сохраненіемъ остроумнѣйшей, быть можетъ, изъ всѣхъ міровыхъ системъ — евдоксической. Самыя глубокія мыслители въ этой области явились въ средніе вѣка Маймуни». Не нужно забывать также, что испанскіе евреи были посредниками между арабскими и европейскими науками, что они своими еврейскими переводами сохранили и спасли сокровища арабской литературы, которыя иначе, быть можетъ, погибли бы.

Наконецъ, но не на послѣднемъ мѣстѣ, назовемъ поэзію, которая въ эти три столѣтія воспроизводитъ все то великое и прекрасное, чтó создавала поэзія всемірная. Поэты, какъ *Соломонъ Габироль, Моисей б. Эзра и Иуда Галевы*, обозначаютъ своею дѣятельностью различные періоды и фазисы развитія поэтического чувства, отъ восторженныхъ изліяній погруженной въ самозабвеніе поэтической души до серьезныхъ размышленій о преходимости жизни и величавыхъ гимновъ въ честь Вожьего величія, отъ бурныхъ и пессимистическихъ стихотвореній философскаго характера до милыхъ, полныхъ вѣги пѣсенъ любви и отрадной преданности любимому существу, отъ мрачныхъ сѣтованій о бѣдствіяхъ и изгнаніи до радостныхъ ликовацій при мысли о свѣтломъ будущемъ Израиля, во исполненіе обѣтовъ Бога, о храмѣ и градѣ Сіонскомъ!

Толкователи Библии и изслѣдователи Талмуда.

Черезъ всю средневѣковую жизнь еврейства проходятъ изъ Талмуда, какъ источника ея духовной жизни, два теченія, направленіе которыхъ

было обусловлено своеобразностью той области, по которой они пролагали свой путь. Одно изъ нихъ шло по царству ислама, другое по христіанскимъ землямъ. Первое мы уже прослѣдили, и тутъ видѣли, какъ подъ господствомъ ислама евреи всюду, гдѣ развѣвалось знамя пророка, находили себѣ надежное убѣжище и могли идти впередъ въ мирномъ развитіи своей духовной жизни. Какъ плененное родство, такъ и открыто провозглашенный взглядъ, что магометанское ученіе построено на Моисеевомъ, образовали нѣкоторую внутреннюю связь между арабами и евреями, — связь, которая въ Испаніи, при халифатѣ Аббасидовъ, повела даже къ тѣсному слитію духовной жизни обѣихъ націй, получавшему очень большое значеніе какъ для арабской, такъ и для еврейской литературы, а въ его результатахъ — и для литературы всеобщей.

Иначе сложилась жизнь евреевъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовала христіанская церковь, слѣдовательно, въ Италиі, Франціи и Германіи, куда еврейскій народъ пришелъ уже въ давнее время съ римлянами. Если исламъ въ своей зависимости отъ мованзма нашель звено для соединенія себя съ народомъ Библии, то средневѣковая церковь видѣла въ этой зависимости именно препятствіе ко всякому сближенію съ евреями, которыхъ она должна была гнать и уничтожать, ибо все ихъ существованіе представлялось ей безмолвнымъ протестомъ противъ католическаго ученія, — ибо она была принуждена излагать Библию въ ихъ духѣ, — ибо, наконецъ, не могла она терпѣть около себя никакого другого вѣроисповѣданія. Католическая церковь долго оставалась враждебна всякому знанію; между тѣмъ какъ исламъ, въ періодъ своего процвѣтанія, покровительствовалъ развитію и усовершенствованію науки, церковь эта часто преслѣдовала ее или, въ крайнемъ случаѣ, терпѣла, какъ свою служительницу, пока та не отваживалась заявлять противорѣчіе съ ея догматами.

Сообразно этому порядку вещей, сложилась и духовная жизнь евреевъ. Если до побѣды христіанства она пользовалась полною свободой среди другихъ народовъ, то съ установленіемъ господства церкви началось время ея страданій, съ этихъ поръ не прекращавшихся уже до конца среднихъ вѣковъ. При такихъ условіяхъ, нормальному духовному развитію нѣтъ мѣста, и о процвѣтаніи литературы не можетъ быть и рѣчи. Понятно, что вся жизнь и все творчество сосредоточиваются въ Талмудѣ, и чрезъ это приходятъ въ извѣстнаго рода застой, долженствующій принести въ будущемъ очень пагубные плоды. Свѣтлыми и свѣжими струями идетъ одно теченіе, и ему неминуемо предстоитъ влиться въ великій мировой океанъ, — тогда

какъ второе, за которымъ мы теперь послѣдуемъ, служивается все больше и больше и ставится наконецъ такимъ ручейкомъ. Но не смотря на такой результатъ, мы и въ этомъ второмъ теченіи усматриваемъ внутреннее развитіе той беспредѣльной умственной работы, которая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имѣетъ предметомъ изученіе Талмуда и источниковъ религіи.

Изумительнымъ явленіемъ должны мы, однако, признать то, что оба эти теченія въ предѣлахъ еврейства идутъ параллельно, не встрѣчаясь между собой, или не оплодотворяя другъ друга. Вліяніе испанскаго періода на евреевъ во Франціи, Италиіи и Германіи незначительно; на существованіе его указываютъ только темные слѣды. Да оно осталось бы и совершенно безслѣднымъ, если бы однимъ изъ мѣстъ проявленія его не былъ югъ Франціи, пѣнеобильный *Провансъ*, представляющійся посредникомъ между еврейско-испанскою образованностью и нѣмецко-французскимъ изученіемъ Талмуда. На совершенно задній планъ уходитъ, напротивъ того, въ это время *Италія*, откуда, и именно изъ Лукки, одинъ изъ императоровъ Карловъ (Великій или Лысый) привезъ около 787 г. въ Германію первое еврейское семейство ученыхъ — *Калонимоса* и его сына *Мешуллама* — и съ помощью ихъ насадилъ въ своихъ владѣніяхъ еврейскую науку.

Но только въ десятомъ столѣтіи, приблизительно въ то время, когда въ Испаніи еврейская научная дѣятельность пустила первые ростки, появилось и въ Германіи и Франціи первое движеніе ученой работы. Понятно, что сначала оно обнаруживалось только спорадически, то тутъ, то тамъ, но тѣмъ не менѣе достаточно знаменательно для того, чтобы свидѣтельствовать объ усиленной умственной дѣятельности, которая послѣ паденія гонимата повсюду охватила европейское еврейство. Какими путями эта наука перешла съ востока въ Европу, — остается покрытымъ неизвѣстностью; но съ теченіемъ времени приобретаетъ все болѣе и болѣе внутренней правдоподобности основанная на наблюденіи за ходомъ этой науки въ другихъ странахъ догадка глубокомысленныхъ изслѣдователей, что тѣхъ путей было два: одинъ — изъ Палестины чрезъ Италию въ Германію и Францію, другой — изъ Вавилона въ сѣверную Африку и Испанію. Немногіе слѣды умственной жизни въ Италиіи въ восьмомъ, девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ явственно указываютъ на Палестину; болѣе поздніе мидрашимъ, родной которыхъ должна считаться Италиа, псевдо-эпиграфическія книги историческаго содержанія, составленныя по палестинскимъ образцамъ, главнымъ образомъ направленіе синагогальной поэзіи, а затѣмъ библейской экзегезы

тики, какую она является въ трудахъ Саббатаи Донелло, и разработку Талмуда, какую представляютъ труды ученыхъ раввиновъ того времени,—особенно же *Израиля б. Мамки-Цедека* изъ Сипонто—все это приводитъ къ Палестинѣ, какъ первому источнику. Но до одиннадцатаго столѣтія въ новоеврейской литературѣ въ Италиі не появляется ни одинъ творческій утъ.

Напротивъ того, въ Германіи и сѣверной Франціи—которая обозначается «Zarfat» въ противоположность наименованію Испаніи «Sefarad» и западной Германіи «Aschkenas»—еврейская наука появляется уже въ поворотѣ на новое тысячелѣтіе; духовная тьма, облакавшая до тѣхъ поръ эти страны, начинаетъ разсѣваться, и на горизонтѣ литературы мерцаютъ уже звѣзды. «Свѣточемъ изгнанія» называютъ ученаго той поры, *Гершона б. Йегуду*, который изъ Лотарингіи, гдѣ однимъ изъ первыхъ авторитетовъ признавался его учитель, *Йегуда б. Меиръ*, *Леонтинъ* тоже, верселился въ Майнцъ и тамъ умеръ въ 1040 г. Онъ, понятно, былъ преимущественно талмудистъ; обширная область Талмуда была открыта ему и онъ явился въ ней полнымъ и свѣдущимъ хозяиномъ, вслѣдствіе чего комментаріи его къ отдѣльнымъ талмудическимъ трактатамъ вѣроятно нѣли въ то время рѣшающее значеніе. Но и въ области библейской экзегетики, масоры и лексикографіи Гершонъ былъ хорошимъ знаткомъ; сверхъ того онъ извѣстенъ, какъ религиозный поэтъ—авторъ Селихота. Главное же значеніе его дѣятельности заключается въ постановленіяхъ—*Текамоth*—которыми онъ регулировалъ социальную жизнь своихъ единовѣрцевъ. Онъ возвелъ одноженство въ законъ и поставилъ разводъ въ зависимость отъ согласія обоихъ супруговъ; онъ смягчилъ постановленія о прозелитахъ и о единовѣрцахъ, возвращающихся съ раскаяніемъ къ религіи отцовъ; онъ даже объявилъ преступными тѣхъ людей, которые распечатываютъ и читаютъ чужія письма безъ разрѣшенія адресата. Такимъ образомъ, Гершона можно безошибочно признавать однимъ изъ основателей культуры между нѣмецкими и французскими евреями, которые возвысили его постановленія на степень закона и которыми онъ предназначалъ пути и цѣли для дальнѣйшаго ихъ развитія.

Братъ его *Махиръ* (1030 г.) также упоминается, какъ ученый писатель, и ему приписывается составленіе талмудическаго словаря. О другихъ современникахъ этихъ двухъ ученыхъ извѣстно весьма немного. Тутъ предъ нами проходятъ нѣсколько авторовъ шутовъ и селихотовъ, каковы *Мешулламъ б. Калонимосъ*, *Симонъ б. Исаакъ б. Абуизъ* изъ

Майнца, праздничныя пѣсни и покаянныя молитвы которыхъ были распространены по Франціи и Германіи, даже до славянскаго востока, и которые скорбятъ о страданіяхъ своего народа въ тяжеловѣсныхъ стихахъ, производящихъ впечатлѣніе больше своимъ содержаніемъ, чѣмъ формою; но временамъ прозвучать ния какого нибудь ученаго той или другой синагоги, но значительнаго, глубокаго вліянія на всю духовную жизнь массы они не имѣютъ. Нѣсколько городовъ—Лионель, Нарбонна, Монпелье, Безьеръ въ южной Франціи, Мецъ, Вормсъ и Майнцъ—въ Германіи упоминаются, какъ главные центры еврейской литературной дѣятельности. Учрежденіе синагоги въ Нарбоннѣ приписываютъ одному вавилонскому ученому, по имени тоже *Махиру*, который, какъ говорятъ, пріѣхалъ во Францію съ посольствомъ, отправленнымъ Карломъ Великимъ къ халифу Гарунъ-аль-Рашиду и котораго признаютъ родоначальникомъ выдающихся законоучителей слѣдующаго столѣтія. Во второй половинѣ XI столѣтія изъ этой синагоги выходитъ *Моисей Гадаршанъ* (проповѣдникъ), которому принадлежитъ первое проложеніе пути въ области изслѣдованія въ тѣхъ странахъ. Правда только по цитатамъ позднѣйшихъ писателей, онъ извѣстенъ какъ авторъ толкованій талмудическихъ трактатовъ и комментариевъ къ библейскимъ книгамъ—сочиненій, въ которыхъ онъ приводилъ по гаггадическому приему частью объясненія гагады, частью свои собственные, и которыя вѣроятно вносилъ въ собраны другими подъ заглавіемъ «*Bereschith Rabbati*». Къ этому же времени относятъ жизнь и дѣятельность *Иосифа б. Самуила Тобъ Элема* (*Bonfils*) и *Эли Газакена* (Стараго), полагавшихъ главною задачею своею пересмотръ и собраніе полученнаго ими наслѣдства великихъ предшествующихъ годовъ. *Иосифъ Тобъ Элемъ* упоминается главнымъ образомъ, какъ редакторъ и списыватель талмудическихъ произведеній «*Seder Tannaim we-Amora'im*» и юридически постановленій по нимъ, но сверхъ того, подобно выше-названному *Эли*, и какъ значительный по тому времени поэтъ, который пометомъ мысли опережаетъ своихъ современниковъ, оставаясь однако далеко позади еврейскихъ поэтовъ Испаніи.

Въ качествѣ *даршанимъ* называютъ, кромя Моисея изъ Нарбонны, еще *Иуду*, быть можетъ его сына, въ Тулузѣ, и *Симона*, издателя «*Jalkut Schimeoni*», который въ этомъ трудѣ соединилъ всѣ извѣстныя ему, болѣе чѣмъ изъ 50 прежнихъ сочиненій, гаггадическія изреченія и поставилъ ихъ въ рядѣхъ, сообразномъ порядку библейскихъ стиховъ. Заслуга его въ этомъ случаѣ, состоящая въ томъ, что онъ собралъ раз-

ваины старой и новой гагады—заслуга немаловажная. Трудъ его былъ долго самымъ обширнымъ вспомогательнымъ средствомъ для знакомства съ гагадою въ полномъ составѣ и почти совершенно вытѣснилъ гагадическій сборникъ, который подъ заглавіемъ «*Lekach Tob*» (Хорошее ученіе) былъ составленъ однимъ изъ современниковъ, *Тобією б. Элизэромъ*, жившимъ въ Греціи * вѣроятно въ эту самую пору или нѣсколько позже. Но этотъ Мидрашъ, впоследствии озаглавленный «*Малая Pesikta*», имѣлъ предметомъ только Пятикнижіе и пять Мегиллотъ и, какъ сохранилось извѣстіе, составляя средину между Мидрашемъ и герменевтикою, черпалъ главнымъ образомъ изъ прежнихъ сочиненій такого же рода, напр.: «*Sitra*», «*Sifre*» и «*Tanchumah*». Эти сочиненія обозначаютъ періодъ борьбы между Мидрашемъ и экзегетикою. Къ послѣднимъ отпрыскамъ младшей гагады присоединяются труды даршанимъ, для которыхъ открыта вся область Мидраша и уже въ названіи которыхъ заключается опредѣленіе ихъ метода толкованія Писанія. «Въ отдаленныхъ отъ арабской культуры странахъ они были собственно первыми экзегетами». Но рядомъ съ этою гагадическою школою возникло въ сѣверной Франціи уже чисто экзегетическое направленіе; оно начинается въ XI столѣтіи трудами *Менахема б. Хельбо*, старанія котораго проникнуть въ простой смыслъ Писанія выгодно отличается отъ направленія гагадистовъ. Менахемъ написалъ комментарий къ Библии, но отъ него сохранились только немногіе отрывки. Однако, судя уже по этимъ опытамъ трезвой экзегетики, слѣдуетъ признать въ нихъ авторѣ разумнаго токователя, который заботится исключительно объ изслѣдованіи смысла Писанія. Насколько затруднительнымъ должно было представляться для него такое дѣло и какія вліянія лежали въ основаніи его труда — едва ли можно объяснить. Между тѣмъ какъ испанско-еврейскіе изслѣдователи библии строили на фундаментѣ разработаннаго языковѣднія и пользовались языкомъ, законы котораго уже были установлены научно, у французскихъ евреевъ не было туземнаго языка, изъ котораго они могли бы выводить законы для еврейскаго, не было и почти никакого знакомства съ успѣхами, сдѣланными въ развитіи законовъ языка со времени фундаментальныхъ работъ Менахема и Дуаша. Эта грамматическая шаткость конечно стѣсняла ихъ движеніе впередъ; но она же съ другой стороны придавала имъ какую-то наивную простоту, составляющую основную черту всей школы и которая позволяла

* Точнѣе: въ Болгаріи, какъ доказалъ Буберъ.

нѣтъ изслѣдовать и усматривать только буквальный смысл библейскаго слова безъ помощи всякихъ научныхъ средствъ.

Стремленіе всей этой школы исходило очевидно изъ практической потребности. Подобно большей части членовъ ея, Менахень б. Хельбо былъ также кара, т. е. лекторъ Библии, читавшій въ синагогѣ ежесубботнія библейскія перикопы вмѣсто менѣе свѣдущаго члена общины и котораго эта должность вѣроятно и подвинула главнымъ образомъ къ болѣе обстоятельному изученію св. Писанія. Но при этомъ вліяніе родственнаго направленія сказывается и въ христіанской церкви Франціи; нельзя съ точностью опредѣлить, откуда вышли первыя начала этого вліянія и гдѣ слѣдуетъ искать ихъ—въ еврейскомъ лагерѣ или въ въ тѣхъ обширныхъ собраніяхъ свѣтскихъ людей, въ которыхъ переведенная на туземный языкъ Библия читалась и объяснялась -мужчинамъ и женщинамъ изъ народа, къ ужасу духовенства и папы Иннокентія III. Конечно сѣверо-французская экзегетическая школа не имѣла въ своемъ распоряженіи для знакомства съ оригинальнымъ текстомъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыми обладали эти свѣтскія попытки, принужденныя опираться на вульгату. Но тѣмъ не менѣе остается характеристичнымъ то обстоятельство, что оба теченія идутъ въ одномъ направленіи, что оба они ревностно обращались къ Библии, этому «засыпанному источнику религіозной жизни» и стремятся объяснять ее въ простотѣ, чуждомъ всякаго символизированія, смысла.

Первымъ писателемъ на этомъ поприщѣ, который, впрочемъ, былъ авторитетомъ въ обоихъ направленіяхъ тогдашней еврейской науки—библейской экзегетикѣ и разработкѣ Талмуда, и который впервые послѣ вышеупомянутыхъ робкихъ попытокъ представляетъ собою полную картину какъ того времени, такъ и школы и ея стремленій, — называютъ *Соломона б. Исаака* изъ Труа, въ сокращеніи *Раши*, ошибочно именуемаго *Архи* (1040—1105 г.). Соломонъ б. Исаакъ есть послѣ Маймуни самая вліятельная личность въ средневѣковой еврейской литературѣ; по популярности онъ значительно превосходитъ своего предшественника, ибо его вліяніе было почти неоспоримо, тогда какъ на счетъ дѣятельности Маймуни уже при жизни его, а еще больше послѣ смерти, высказывались весьма различныя, рѣзко противоположныя одно другому мнѣнія. Если мы обозримъ дѣятельность Раши по обоимъ вышеупомянутымъ направленіямъ, то должны будемъ признать, что потомство справедливо дало ему созданный остроумнымъ прииженіемъ одного библейскаго имени почетный титулъ

«Parschandatha» (истолкователь закона). Дѣйствительно, въ немъ явился такой истолкователь закона, какого не было до тѣхъ поръ никогда. Онъ господствовалъ во всей области еврейской богословской науки, и цѣль его дѣятельности заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать эту область, посредствомъ комментариевъ, общедоступною и понятною. Это стремление было исходною точкою его работъ, и оно же обусловило ихъ значеніе. Безъ всякихъ философскихъ заключеній и выводовъ, безъ филологическаго аппарата * приступилъ Раши къ своему труду, который, быть можетъ, именно поэтому вполне достигнулъ своей цѣли. Между тѣмъ какъ испанскимъ экзегетамъ ихъ критическія знанія служили повременамъ стѣсненіемъ и заставляли ихъ постоянно колебаться между традиціей и наукой, такъ что тенденціозность портитъ ихъ комментаріи,—Соломонъ б. Исаакъ взялся съ полною, можно сказать, чистую непосредственностью за свою исполнскую задачу и рѣшилъ ее съ тонкимъ пониманіемъ, съ одной стороны, потребностей времени, съ другой—важности религиозныхъ документовъ.

Трудно поэтому опредѣлить, для котораго изъ направлений дѣятельности Раши сдѣлался значительнѣе и важнѣе его толкованія. Общая критическая оцѣнка даетъ комментарію Талмуда преимущество предъ объясненіемъ Библии. Онъ комментировалъ почти всю Библию и почти весь Талмудъ; только комментаріи къ Хроникѣ и книгамъ Эздры, Нееміи, равно какъ и часть объясненій Эзекиила и Иова принадлежать не ему, хотя всѣ носятъ его имя. Точно также можно положительно сказать, что не онъ авторъ комментарія къ двумъ-тремъ талмудическимъ трактатамъ, между тѣмъ какъ относительно другихъ существуютъ основательныя критическія сомнѣнія. То же самое слѣдуетъ сказать и о его комментаріяхъ къ Мишдрату «Bereschith Rabba». Если сообразить, что Раши находилъ еще сверхъ того время давать по разнымъ обрядовымъ вопросамъ рѣшенія и отвѣты, которые вѣроятно впоследствии были собраны многочисленными его учениками, что онъ стоялъ во главѣ большого учеб-

* Нельзя сказать, что комментаріи Раши къ Библии лишены филологическаго аппарата, ибо грамматическія и этимологическія объясненія занимаютъ въ этихъ комментаріяхъ весьма видное мѣсто. Кромѣ объясненій Менахема, Дунаана и ихъ учениковъ, мы весьма часто встрѣчаемъ въ нихъ мѣткія филологическія замѣчанія самого Исаака, который, хотя и былъ лишенъ пособія арабскаго языка и арабскихъ грамматическихъ сочиненій, но за то былъ одаренъ чутьемъ еврейскаго языковѣданія.

наго заведенія, куда, послѣ смерти знаменитыхъ «мудрецовъ Лотарингінъ», стекались ученики изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, что наконецъ по обычаю того времени онъ выступилъ даже синагогальнымъ поэтомъ, авторомъ Салхотъ, преобладающій характеръ которыхъ—глубокая скорбь о страданіяхъ Израиля,—если сообразить все это, то къ дѣятельности этого человѣка нельзя не отнести съ нѣкоторымъ изумленіемъ, тѣмъ болѣе, что все, имъ созданное, носитъ вполнѣ печать его духа и точно вылето изъ одного куска.

Новая критика основательно приняла, что Раши началъ съ комментаріа къ Талмуду, составившагося вѣроятно изъ публичныхъ лекцій его для учениковъ, что затѣмъ онъ обратился къ Мидрашу, а отсюда пришелъ къ цѣли своихъ научныхъ занятій—Библии. Едва-ли можно считать преувеличеннымъ высказанное скоро послѣ смерти его мнѣніе, что вавилонскій Талмудъ остался бы въ такомъ же пренебреженіи, какъ и іерусалимскій, если бы Раши не взялся за изученіе и изслѣдованіе его. Только сравнивъ объясненія Раши съ объясненіями его предшественниковъ и современниковъ (Раши вѣдь былъ современникъ *Алфаси*, сочиненія котораго, впрочемъ, врядъ-ли были ему извѣстны), можно понять впечатлѣніе, какое должны были производить эти простые, краткіе, но почти всегда мѣткіе и строго фактическіе комментаріи, понять, почему они могли открыть новую дорогу лучшему пониманію Талмуда и долго еще служить въ этомъ отношеніи руководителями. Тутъ нѣтъ ни одного лишняго и ни одного недостающаго словечка; всякое стоитъ на своемъ надлежащемъ мѣстѣ и всякое способствуетъ пониманію дѣла. Темныя мѣста часто объясняются двумя или тремя словами, устранивающими всякія возраженія и недоразумѣнія, которыя поражаютъ своею ясностью и доставляютъ одинаковое удовлетвореніе какъ ученику, такъ и учителю. Понятно, что Раши воспользовался въ своемъ комментаріи мнѣніями всѣхъ предшественниковъ; только въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляются ему недостаточными, онъ принимается за новыя изслѣдованія. Но способъ и приѣмъ, какими онъ умѣетъ сливать все это въ одно гармоническое цѣлое, рѣшаютъ достоинство его объясненій, составляющихъ исходный пунктъ широкоразвѣтвленной дѣятельности на этомъ поприщѣ,—дѣятельности, которую могла развивать въ теченіе двухъ столѣтій послѣдующая школа, опираясь на его трудъ.

Немалое достоинство придаетъ комментарію Раши къ Талмуду значеніе, какое онъ имѣетъ для критики талмудическаго текста — значеніе, достойно оцѣнить которое въ состояніи только новое время. Многочислен-

ныя измѣненія, сдѣланныя Раши въ сильно испорченномъ текстѣ, восстанавливаютъ первоначальную редакцію и не только уясняютъ смыслъ слова, но и способствуютъ болѣе глубокому пониманію трудныхъ мѣстъ. Но такія измѣненія позволяютъ себѣ благочестивый человѣкъ, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ опереться на прежніе варианты или когда они являются безусловно необходимыми; въ представленіи нашемъ о Раши мы допустили бы фальшивую черту, если бы приписали ему произвольную критику текста ради системы или свободныхъ религіозныхъ воззрѣній. Онъ даже не считаетъ себя въ правѣ примирять со своей точки зрѣнія дѣйствительныя или видимыя противорѣчія между толкованіемъ Талмуда и словомъ Вибліи; онъ строго держится словеснаго смысла и такимъ образомъ исполняетъ свою критическую должность собственно успѣшнѣе, чѣмъ арабскіе и испанскіе ученые, которые вносятъ въ труды этого рода свои философскія сомнѣнія и часто напрасно стараются разрѣшать такія противорѣчія съ новопріобрѣтенной, твердой точки зрѣнія науки. Въ комментарий къ Мидрашу, Раши является простымъ и трезвымъ толкователемъ, котораго не могутъ совратить съ прямой, дороги даже многочисленныя уклоненія текста въ сторону.

Но высшая ступень его знанія и способностей обнаруживается въ его комментарий къ Вибліи, который дѣйствительно поражаетъ ясною простотою и которымъ создано простое, естественное и безыскусственное пониманіе Вибліи. Правда, что для автора еще не вполне уяснилась противоположность между простымъ букввальнымъ смысломъ, Peschat, и гаггадическимъ толкованіемъ, Degasch; онъ чтитъ гаггадическія объясненія Талмуда и Мидраша и рѣдко упускаетъ случай пользоваться ими; но при этомъ какъ искусно уиѣтъ онъ съ полнѣйшею наивностью и простотою устранять всякое толкованіе, кромѣ простѣйшаго, исходящаго изъ смысла Писанія; какъ умно обходитъ подводные камни экзегетики, которая безпомощно кидается отъ аллегорій къ символикѣ, отъ символики къ мистикѣ; какую привлекательную форму, при всей скудости и краткости выраженія, даетъ своимъ объясненіямъ! Въ преклонной старости, послѣ долгихъ изслѣдованій ему, конечно, становится все яснѣе и яснѣе противоположность между простымъ смысломъ слова Писанія и гаггадическими толкованіями, — противоположность, которую до того времени онъ выставлялъ на видъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и въ чести характера этого человѣка служить то обстоятельство, что упроченіе этого сознанія тотчасъ же вызываетъ у него намѣреніе уничтожить трудъ всей жизни и снова переработать свой ком-

ментарій Библии въ духѣ натурального и соответствующаго смыслу словъ толкованія.

Дѣльность и ясность взглядовъ Раши, вызывавшія вниманіе и сочувствіе даже въ то время, которое ушло далеко впередъ отъ этихъ взглядовъ, представляются намъ тѣмъ болѣе цѣнными, что у этого писателя не было вѣдь почти никакихъ образцовъ. Важнѣйшія сочиненія испанской школы были написаны на арабскомъ языкѣ, котораго Раши не зналъ. Свѣдѣнія его о Саадіи были немногочисленны и незначительны, и притомъ же отъ этого комментатора отдѣляла его глубокая пропасть. Саадія прежде всего переводчикъ Библии, тогда какъ Раши на французскомъ языкѣ, въ ту пору еще не установившемся на прочныхъ законахъ, могъ дать только 2,500 объясненій отдѣльныхъ словъ, которыя онъ долженъ былъ писать еврейскими буквами. Главное стремленіе Саадія заключалось преимущественно въ томъ, чтобы со своей прогрессивной философской точки зрѣнія оправдать и гаггадическія толкованія и опровергнуть такімъ образомъ возраженія возставшихъ противъ традиціи каранимовъ; Раши же почти неизвѣстны подобныя возраженія, да и о каранимахъ вообще онъ едва ли слышалъ. Безъ всякаго философскаго аппарата приступаетъ онъ къ слову Писанія, и въ своей наивной простотѣ даже не чувствуетъ опасности, вызываемой заявленіемъ его, что взгляды Гаггады не всегда можно приписать съ натуральнымъ смысломъ Писанія. Если такимъ образомъ философски подготовленный Саадія видитъ себя въ необходимости устранять и уничтожать многія сомнѣнія и колебанія относительно библейскихъ выраженій и рассказовъ, у простодушнаго Раши нѣтъ никакой заботы въ этомъ отношеніи. Онъ твердо держится своего плана и непоколебимъ въ своемъ вѣрованіи; поэтому ему и въ голову не приходитъ, что невѣріе можетъ подкапываться подъ книгу, которую онъ любитъ и чтить, какъ неварушимое слово Божіе. Вслѣдствіе этого онъ совершенно безпристрастно и безъ боязни ставитъ галахическое или гаггадическое толкованіе Мидраша рядомъ со своимъ простымъ объясненіемъ смысла словъ.

Но именно эта простота и ясность взгляда, именно это безобидное и естественное толкованіе слова Библии придаютъ такую цѣну его комментарию и доставили этому послѣднему такую популярность, какою пользовались немногія сочиненія. Явившись первою еврейскою книгой, вышедшею съ типографскаго станка, библейскій комментарий Раши оставался въ теченіе слишкомъ семи столѣтій учебникомъ, приводившимъ юношество къ слову Писанія и знакомившимъ съ нимъ зрѣлымъ возрастомъ, оставался вѣрнымъ

другомъ, надежнымъ совѣтникомъ и руководителемъ по библейской и талмудической литературѣ. Что этотъ комментарий въ послѣдствіи часто цитировался какъ главный источникъ, нѣсколько разъ переводился, въ свою очередь больше пятидесяти разъ комментировался и что имъ пользовались почти всѣ послѣдніе экзегеты—это легко объясняется именно вышеупомянутыми достоинствами его. Но заслуживающимъ вниманія остается и то обстоятельство, что вліяніе Раши выходило за предѣлы единовѣрческой общины и простиралось даже на христіанскую экзегетику Библии, которая въ то время придерживалась четырехъ способовъ объясненія, какъ «четыре рѣкъ, истекающихъ изъ рая»: объясненія словъ, аллегорическаго, нравственнаго и высшаго мистическаго. Это вліяніе обнаружилось при посредствѣ тѣхъ христіанскихъ ученыхъ, которые своими знаніемъ еврейскаго языка могли проложить новую, удобопроходимую дорогу. Такимъ образомъ и теперь, какъ въ дни отцовъ церкви, евреи сдѣлались учителями католическихъ экзегетовъ. И значительнѣйшій между этими послѣдними, *Николай де-Лира*, спустя два столѣтія самъ сознается, что къ первому изъ вышеприведенныхъ четырехъ способовъ толкованія (которые онъ опредѣлилъ въ одномъ извѣстномъ гекзаметрѣ), т. е. къ толкованію простаго смысла словъ, какъ важнѣйшему, привелъ его главнымъ образомъ комментарий Раши. Насколько же было сильно вліяніе этого французскаго монаха на бывшаго августинца Мартина Лютера, именно относительно библейской экзегетики и объясненія буквальнаго смысла Писанія—это достаточно извѣстно. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводовъ Лютера обнаруживается еще переданное Николаемъ де-Лира вліяніе экзегетики Раши, и можно открыть нѣкоторые слѣды, оставленные его плодотворною дѣятельностью во всей области библейской экзегетики.

Что причѣтъ такого человѣка, какъ Соломонъ б. Исаакъ, выдававшаяся своею обширною ученостію, благороднымъ характеромъ, неутомимымъ стремленіемъ къ правдѣ и безукоризненной набожностію, долженъ былъ могущественно дѣйствовать на учениковъ и преемниковъ—это совершенно повѣстно. Дѣятельность Раши повліяла въ очень значительной степени и основала школу, долго работавшую въ его духѣ. Къ представленію, которое послѣдующія поколѣнія составили себѣ о немъ, легенда прибавила многія свѣтлыя черты, которыми она хотѣла засвидѣтельствовать любовь и благодарность къ памяти значительнаго человѣка. Съ его рожденіемъ, жизнью и смертію легенда, которая къ духовнымъ даннѣмъ охотно при-

соединяетъ и физическія, связала нѣсколько болѣе или менѣе характеристическихъ разсказовъ, гдѣ сжатый равнинъ ставится въ связь даже съ Готфридомъ Вульонскимъ и гдѣ странствіе его по свѣту изукрашено разными чудесами и легендарными подробностями.

Значеніе Раши для еврейской науки, которая оставляетъ въ сторонѣ эти набожныя изукрашиванія его жизни, остается непоколебимымъ. Испанія, со времени паденія гаоната въ Вавилонѣ принявшая на себя руководящую роль въ еврейской литературѣ, должна была теперь раздѣлить ее съ Франціею, которая въ Раши впервые представила равноправнаго коллегу испанскихъ ученыхъ. Черезъ два года послѣ смерти Алфаси умеръ Раши; Испанія съ этихъ поръ представляетъ собою цвѣтъ поэзіи и философіи, тогда какъ Франція считается классическою страной талмудизма и библейской экзегетики.

Но чѣмъ больше увеличивалось значеніе Раши и чѣмъ сильнѣе перешелъ онъ въ плоть и кровь уже послѣдующаго поколѣнія, тѣмъ многочисленнѣе должны были становиться со дня на день вставки и толкованія, которыя вносились въ его комментарий его учениками, частью для доставленія имъ скорѣйшей санкціи, частью какъ положительныя добавленія, увеличивающія галахическое и гаггадическое содержаніе, и мѣняющія характеръ дополненій и расширеній текста, иногда же возраженій и поправокъ, но отдѣлить которыя отъ текста самого Раши всегда будетъ для критики одною изъ нелегкихъ задачъ.

Около двухъ столѣтій работалъ этотъ кругъ учениковъ, впоследствии прозванныхъ *тосафистами* (глоссаторами), въ духѣ и по образу своего знаменитаго учителя, съ цѣлью распространенія талмудическихъ изслѣдованій и правильнаго пониманія этого труда. Рвеніе ихъ усиливалось по мѣрѣ того, какъ изученіе Талмуда становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ именно для посвященныхъ. Характеристическую черту всей школы составляетъ ея свобода отъ всякой вѣры въ авторитеты, доходящая до того, что она въ важныхъ случаяхъ даже исправляетъ или измѣняетъ мнѣнія высокочтимаго учителя, а равно и глубокомысліе, съ которымъ она критически разлагаетъ и уясняетъ самыя запутанныя логическія операціи Талмуда. Возникнувъ въ первой четверти двѣнадцатаго столѣтія, эта школа одновременно съ *dissentiones* старыхъ глоссаторовъ римскаго права представляетъ съ этими послѣдними много аналогій, ибо она не даетъ собственно новаго комментарія талмудическаго текста, но главнымъ образомъ занимается тѣмъ, что подвергаетъ затруднительныя мѣста факти-

ческой провѣркѣ, приводитъ и освѣщаетъ прежнія мнѣнія. Мѣсто комментарія заступаетъ такимъ образомъ для слѣдующихъ столѣтій глосса; но благодаря ей работы французскихъ и нѣмецкихъ законоучителей приобрѣли такую важность, что все средневѣковое еврейство безусловно признавало ихъ галахической авторитетъ. Объ отдѣльныхъ выдающихся представителяхъ этой школы тоссафистовъ, насчитывающей у себя болѣе двухсотъ именитыхъ талмудистовъ, мы будемъ еще говорить въ своемъ мѣстѣ.

Что между этими тоссафистами многіе современники и ученики Раши продолжали и разрабатывали его простой способъ толкованія Писанія, это вполнѣ объясняется впечатлѣніемъ, которое произвела метода Раши. Главными продолжателями труда, начатаго учителемъ при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, были члены его собственнаго семейства; къ нимъ присоединяются вѣрные ученики и приверженцы, вышедшіе еще изъ школы въ Труа. Между этими послѣдними уже новое время въ полномъ смыслѣ слова откопало изъ могилы давно похороненнаго *Иосифа б. Симона Кару*, показавъ его ясномыслящимъ и трезвымъ экзегетомъ, взявшимъ комментарий Раши въ основаніе своихъ трудовъ, списавшимъ и распространившимъ ихъ въ публикѣ, но при этомъ и дополнившимъ ихъ важными століями, которыя часто свидѣтельствуютъ о его критическомъ чутьѣ и такомъ пониманіи библейскаго слова, возможности какого нельзя было предположить въ то время. Хотя и онъ относительно Галахи не знаетъ никакого принципиальнаго отступленія отъ Талмуда и допускаетъ въ крайнемъ случаѣ отступленіе только случайное, но въ преслѣдованіи своей цѣли онъ является гораздо болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Раши; противоположность между гаггадическимъ толкованіемъ Писанія и естественнымъ уже вполнѣ сознана имъ, и онъ нисколько не боится открыто высказывать это сознаніе. «Слова Писанія, — говоритъ онъ, — написаны цѣликомъ, безъ всякихъ недомолвокъ, и заключаютъ въ самихъ себѣ совершенно достаточное разъясненіе своего смысла; нѣтъ въ нихъ ничего такого, что требовало бы постороннихъ дополненій и объясненій. Мидрашъ имѣетъ только одну цѣль — расширять и многосторонне разрабатывать изслѣдованія. Но тотъ, кто не знаетъ простаго смысла св. Писанія и склоняется къ Мидрашу, похожъ на человѣка, котораго уносятъ стремительныя волны рѣки и который поэтому, для своего спасенія, хватается за каждую соломенку. Кто искренно обращается къ слову Божьему, тотъ старается узнать его первоначальное, простое значеніе». Такovy были принципы, которыми руководился Иосифъ Кара въ своей экзегетикѣ, и неудивительно поэтому,

что въ его глоссахъ (полнаго комментарія онъ, повидимому, не написалъ) просвѣчиваютъ многіе критическіе лучи, которые новые экзегеты пытались выдавать за свое приобрѣтеніе.

Еще значительнѣе этого комментатора былъ внукъ Раши, *Самуилъ б. Меиръ*, въ сокращеніи Рашбамъ (ок. 1085—1158 г.). Онъ не боится сойти съ начертанной его знаменитымъ дѣдомъ дороги и дать надлежащее выраженіе вышеупомянутой противоположности между гагадическимъ и естественнымъ способами толкованія Писанія. Между комментаторами сѣверо-французской школы онъ, по отношенію къ раскрытію естественнаго смысла слова Библии, является безспорно самымъ рѣшительнымъ. Точно также и какъ толкователь Талмуда, въ своихъ самостоятельныхъ комментаріяхъ и тѣхъ, которые дополняютъ трудъ Раши, въ тосафотъ и респонзахъ, Самуилъ б. Меиръ занимаетъ почетное мѣсто между первыми тосафистами. Дѣйствительное же значеніе имѣетъ онъ, какъ экзегетъ, и именно въ комментаріи къ Пятикнижію, который только теперь мы имѣемъ въ правильной редакціи, и въ объясненіяхъ къ другимъ библейскимъ книгамъ, которыя, однако, частью совсѣмъ затерялись, частью сохранились только въ отрывкахъ. Напротивъ того, многіе комментаріи и отдѣльныя объясненія долго обращались въ публикѣ подъ его именемъ, и только позднѣйшая критика признала ихъ поддѣльными.

Своеобразный характеръ комментирования Самуила б. Меира достаточно уясняется главною цѣлью, къ которой стремится его экзегетика. Цѣль эта — объясненіе Библии по правиламъ возможно простѣйшаго изложенія. Поэтому онъ проникаетъ въ самый корень дѣла, чтобы дѣйствительно отвергнуть «глубину смысла Писанія», и остается вѣрнѣ своей задачѣ въ тѣхъ также случаяхъ, когда Галаха или Гагада, повидимому, склоняются къ противоположному пониманію библейскаго слова. Этихъ онъ не желаетъ опровергать авторитетъ традиціи, что, конечно, и въ голову не могло прийти вѣрному законоучителю; но такъ какъ традиціонныя объясненія Писанія часто не исходятъ изъ простаго смысла слова, то Самуилъ б. Меиръ неизмѣнно и нарушимо придерживается талмудическаго канона: «Слово Писанія никогда не утрачиваетъ своего простаго значенія». Сообразно этому онъ неоднократно высказывается противъ перешедшаго по традиціи значенія, а иногда, въ тѣхъ случаяхъ, когда гагадическія толкованія, повидимому, предполагаютъ въ томъ или другомъ словѣ тайный смыслъ, даже опровергаетъ ихъ. При этомъ онъ, натурально, не упускаетъ защищать вѣру своихъ отцовъ каждый разъ, какъ къ тому представляется удобный случай.

Тотъ, принятый *Самуиломъ б. Меиромъ* въ его экзегетику, ясенъ и спокоенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшителенъ; способъ выраженія простой, цѣлесообразный, чистый, безъ всякаго лишняго риторическаго украшенія, но не безъ красоты стили; языкъ сочиненія—тотъ новоеврейскій, который въ это время уже успѣлъ сдѣлаться господствующимъ научнымъ языкомъ въ еврейской литературѣ. Иногда и этотъ писатель, подобно Раши, прибѣгаетъ къ древне-французскому, для объясненія букввальнаго смысла. Научная точка зрѣнія этой экзегетики — точка зрѣнія простого, вѣрующаго безъ всякаго посредничества въ Библию человека, которому философскія ученія еще мало знакомы, но ясный умъ котораго повялъ надлежащимъ образомъ важнѣйшіе вопросы метафизики, если и не могъ вполне освободиться отъ суевѣрныхъ представленій того времени. Кругъ свѣтскихъ знаній его составляетъ знакомство со многими языками и съ нравами и обычаями въ народной жизни — знакомство, которому слѣдуетъ придавать тѣмъ болѣе высокую цѣну, чѣмъ труднѣе было достиженіе его для еврейскаго законоучителя. Самуилъ дѣлаетъ и изъ этихъ свѣдѣній важное приобрѣтеніе для своей экзегетики, и въ своихъ комментаріяхъ, для мотивированія и объясненія библейскихъ предписаній, ссылается какъ на «государственную науку» или политику, такъ и на многія другія данныя изъ области гражданской жизни. Его ясный взглядъ, его богатый умъ — давали ему возможность уяснить наивному пониманію читателя библейское слово такъ, какъ не могъ сдѣлать это никто другой. Потому то его экзегетическіе труды и представляютъ собою высшую ступень сѣверно-французской школы экзегетовъ, ступень, которой эта школа потому никогда уже не достигала снова, а не превосходила—и по-давню.

Экзегетической и грамматической дѣятельности не оставался чуждъ и младшій братъ Самуила, *Іаковъ б. Меиръ*, прозванный *Раббену Тамъ* (ок. 1100—1171 г.), пользовавшійся большою славой за свою талмудическую ученость и умъ. Онъ былъ первымъ раввинскимъ авторитетомъ того времени и главою школы тосафистовъ, которая признавала его комментарій къ Талмуду высшимъ образцомъ діалектики и учености. Въ экзегетикѣ онъ не произвелъ ничего особенно выдающагося. Сѣверно-французская экзегетическая школа не могла уже выйти за предѣлы, начертанные Самуиломъ б. Меиромъ, безъ того, чтобы не вызвать разлада въ религиозныхъ убѣжденіяхъ или отпаденія отъ нихъ.

За то онъ отдался грамматическимъ занятіямъ и выступилъ въ качествѣ судьи въ спорѣ между *Менахемомъ б. Сарукомъ* и *Дунашемъ б. Ла-*

братомъ со своимъ «Нахгаоѳъ» (Рѣшенія), гдѣ принялъ подъ свою защиту перваго отъ чрезмѣрныхъ нападеній второго. Иаковъ Тамъ былъ тоже поэтъ и употреблялъ въ стихахъ новоеврейскій размѣръ, заимствованный имъ у испанцевъ, съ которыми онъ первый завязалъ сношенія. Авраамъ б. Эзра и Авраамъ б. Давидъ знали и читали его; поэтическая полемика съ первымъ оканчивается цѣлымъ потокомъ взаимныхъ восхваленій. Тамъ любилъ вообще говорить стихами; извѣстно также одно его стихотвореніе на счетъ удареній. Травтатъ по поводу спора между Менахемомъ и Дунашемъ оканчивается слѣдующими стихами:

Нѣкогда выступили въ открытомъ спорѣ
 Два мудреца—и спорили они долгое время;
 Потокъ мудрости, весьма глубокой и широкой,
 Изливался изъ источника Менахема, источника Дунаша.

Оба они возвѣщали ясно и громко
 То, что довѣрила имъ ихъ сестра—
 Мудрость,—довѣрила въ щедромъ изобиліи,
 Такъ что они полны рѣдкихъ сокровищъ.

Никто не слышитъ, никто не осмѣливается на рѣшающее
 Слово судьи, всякій бонтсѣ
 Бень-Либрата, который шумно
 Унижаетъ честь своего товарища.

И вотъ рѣшился я, хотя не болѣе какъ ихъ ученикъ, незначительный
 Человѣкъ, только червячокъ,
 Удалить препятствіе съ пути учащихся,
 Для того, чтобы не господствовало чуждое (неверное мнѣніе).

Мутная вода теперь сдѣлалась чистой,
 И я приглашаю васъ усладиться ею.
 Сумерки смѣнились дневнымъ сіяніемъ,
 Свѣтлымъ утромъ, полнымъ познанія.

Знакомство съ граціозными и звучными стихами испанскихъ поэтовъ должно было, конечно, подѣйствовать благоприятно на пайтанскую форму выраженія нѣмецко-французскихъ сивагогалныхъ поэтовъ. Слѣды этого вліянія встрѣчаются уже въ покаянныхъ пѣсняхъ Якова Тама и его преемниковъ, относительно какъ обращенія съ языкомъ, такъ и пониманія

Мидраша, слѣдовательно, выраженія религиозной поэзіи во внѣшней формѣ и въ мысляхъ. Но главное значеніе Іакова Тама, котораго «Sefer hajaschar» (Книга Праведнаго) сдѣлалось извѣстно только въ нынѣшнемъ столѣтіи, заключается, какъ выше сказано, въ его талмудическихъ комментаріяхъ, которые, благодаря ихъ тончайшимъ опредѣленіямъ, искусному отыскиванію противорѣчій и очень умному разрѣшенію ихъ, наконецъ поразительной діалектикѣ, остались образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ глоссаторовъ.

Но изъ дѣятелей сѣверно-французской экзегетической школы слѣдуетъ упомянуть еще только объ одномъ—Іосифѣ Вехорѣ Шорѣ (около 1170 г.), ученикѣ Іакова Тама, который написалъ комментарий къ Библии въ духѣ Самуила б. Менра. И его труды сдѣлались извѣстны только въ наше время; онъ—либеральный, но уже не совсѣмъ безпристрастный наслѣдователь, стоящій уже на болѣе твердомъ грамматическомъ фундаментѣ и предпочитающій всему другому трудныя проблемы, хотя съ его точки зрѣнія ему не всегда удается правильное разрѣшеніе ихъ. Эта религиозная точка зрѣнія не мѣшаетъ ему, однако, по возможности ограничивать все чудесное и давать простому смыслу Писанія такъ долго отыскиваема у него право гражданства. Такъ, передаваемые въ Библии по два раза одинаковыя происшествія онъ признаетъ ничѣмъ инымъ, какъ двукратнымъ пересказомъ одного и того же случая; другимъ же, повидимому, непонятнымъ предписаніямъ даетъ раціоналистическую мотивировку, и какъ дѣянія праотцевъ, такъ и чудеса въ раю старается объяснить естественнымъ образомъ. Съ днѣмъ оканчивается сѣверно-французская школа экзегетовъ, изъ которой въ теченіе почти столѣтія вышло немало превосходныхъ дѣятелей и значительныхъ произведеній, но которая затѣмъ была отодвинута на задній планъ другими, болѣе сильными направленіями и наконецъ, совершенно забыта.

Неблагопріятныя современныя обстоятельства, равно какъ и развитіе, которое дали талмудизму тосафисты въ послѣднюю четверть двѣнадцатаго столѣтія, противодействовали дальнѣйшему развитію наивной и естественной экзегетики. Методу галахическихъ толкованій и всей примѣнявшейся къ нимъ уточненной діалектики, перенесли и на объясненіе Библии; въ то же время пошло въ ходъ и связанное съ комментаріями прежней поры мистическое ученіе, и не знающая никакихъ преградъ экзегетика ея вызывала тѣмъ большее изумленіе, чѣмъ трезвѣе становился языкъ сѣверо-французскихъ

экзегетовъ, «на помощь которымъ не спѣшила никакая прогрессивная наука».

Только въ области грамматики получили они изъ *Италіи*, которая въ ту пору оказалась такою непронизваемой въ научномъ отношеніи, важныя вспомогательныя средства, сдѣлавшія доступными результаты еврейскаго законовѣдѣнія и незнакомныя съ арабскими языкомъ. Тутъ первое мѣсто занимаетъ написанный по еврейски лексиконъ «Agush». Авторъ его—*Натанъ б. Техиель* изъ Рима; онъ, въ началѣ одиннадцатаго столѣтія, составилъ изъ трудовъ гаонскаго періода, Хананеля и старшихъ современниковъ, талмудическій словарь, сдѣлавшійся ключомъ къ Талмуду и основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ раввинскихъ словарей, и это не столько вслѣдствіе его самостоятельности, сколько благодаря систематическому изложенію, богатымъ источникамъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ, равно какъ и приводимымъ въ немъ мѣтками и подробнымъ объясненіямъ. Если мы цѣнимъ по достоинству удивительныя для того времени и для той мѣстности лингвистическія познанія Натана, то не должны забывать и тѣ вспомогательныя средства, которыми онъ обладалъ въ большомъ изобиліи и которыя очень пригодились необходимому для раввинскаго нарѣчія труду его. Около полустолѣтія спустя, *Менахемъ б. Саломонъ* (1143 г.) составилъ во Франціи также лексиконъ еврейскаго языка «Eben Voschal» (Пробный Камень); но судя по обнародованнымъ выдержкамъ изъ этого труда, онъ стоялъ далеко ниже, чѣмъ «Agush». Въ той же Италіи—правда, болѣе чѣмъ чрезъ полтора столѣтія, которыя, однако, для этой отрасли науки въ Италіи, какъ и въ сѣверной Франціи, прошли бесслѣдно—появился трудъ такого же рода, «Machbereth Na-agush», словарь виѣсть съ грамматикой, составленный *Саломономъ б. Авраамомъ Пархономъ*, который пріѣхалъ изъ Испаніи въ Салерно и тамъ въ 1161 г. написалъ эту книгу, «ибо они (итальянцы) были совершенно несвѣдуши въ этихъ отдѣлахъ знанія». Трудъ его, основанный на фундаментальныхъ работахъ *Хайюна* и *Ионы ибнъ Ганнаха*, долженъ былъ послужить изучавшимъ законы еврейскаго языка гораздо болѣе прочною гарантіею, чѣмъ всѣ предыдущія сочиненія въ этомъ родѣ. Онъ былъ въ рукахъ и послѣдняго представителя сѣверо-французской школы экзегетовъ; *Юсифъ Бехоръ Шоръ* цитируетъ его, и отсюда происходитъ тотъ болѣе прочный грамматическій фундаментъ, благодаря которому этотъ ученый превосходить всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Но и то движение, которое давалось этни трудами, оказывалось бесплодным при столкновении съ мистическо-талмудическимъ направлениемъ, которое, находя себѣ благоприятную почву въ обстоятельствахъ того смутнаго времени, захватывало все болѣе и болѣе широкіе круги и вліяло на всѣ области науки. Мало-по-малу на эти пути вступила, и библейская экзегетика сѣверной Франціи. Нѣсколькими анонимными и неизвѣстными комментаріями заканчивается школа Раши; все послѣдующее за тѣмъ свидѣтельствуешь о глубокомъ упадкѣ. Мистическія толкованія Гаггады выступаютъ на первый планъ; мѣсто престога и естественнаго смысла словъ заступаютъ объясненія посредствомъ числовыхъ вычисленій и аббревіатуръ; Мидрашъ распространяется все больше и больше и наконецъ вытѣсняютъ всякое естественное объясненіе Писанія; грамматическое пониманіе совершенно исчезаетъ и составляетъ только исключительную собственность нѣсколькихъ профессиональных Nakdanim—пунктаторовъ рукописей. Въ этомъ кружкѣ возникаютъ сочиненія сборнаго характера, которыя, правда, упоминаютъ еще о возвращеніяхъ предшественниковъ, но главнымъ образомъ придерживаются направленія новаго; таковы: анонимный комментарий къ Пятикнижію «*Gan*», затѣмъ Tossafot къ Пятикнижію, самая цѣнная изъ этихъ компиляцій, существующая въ двухъ различныхъ редакціяхъ, позднѣйшія, въ томъ же духѣ и направленіи написанныя сочиненія *Хизкии б. Маноаха*, *Исака б. Иуды Галеви*, *Исуды б. Эліезера* и *Иакова д'Иллескаса*, которыя всѣ переносятъ въ библейскую экзегетику тосафистическій и даже каббаллистическій элементъ и представляютъ полное отступленіе отъ путей, указанныхъ таинни прогрессивными комментаторами, какъ Самуэль б. Меиръ, Иосифъ Кара и др. Только Раши остается средоточіемъ комментаторовъ, благодаря болѣе своей, отчасти гаггадической, тѣмъ естественной методѣ толкованія, а также и образцовъ для глоссаторовъ, которые группируются вокругъ его сочиненія.

Между этими послѣдними, тосафистами, кромѣ двухъ зятей Раши, *Меира б. Самуила* и *Иуды б. Натана* (Рибана), а также его внуковъ, *Иакова Тама*, *Самуила б. Меира* и *Исаака б. Меира*, — превзошелъ всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ талмудистовъ двѣнадцатаго столѣтія *Эліезеръ б. Натанъ* изъ Майнца, по прозванію Рабенъ, первый нѣмецкій кодификаторъ Галахи, написавшій талмудическую компиляцію съ нѣввіями на счетъ обрядовыхъ предписаній, подъ заглавіемъ «*Zaphnath Paneach*» (Открытие Тайнъ), а также правдивое, отчасти

даже поэтическое описаніе бѣдствій перваго крестоваго похода, и много покаянныхъ пѣсенъ, представляющихъ самыя элегическія варіаціи на ту же тему. Его «респонзы», служившія предметомъ неоднократныхъ навадокъ, не лишены характеристическаго значенія. На предложенный ему экзегетическій вопросъ о стихѣ Исаи (6, 1): «И я увидѣлъ Господа сидящимъ на высокомъ, величественномъ тронѣ», Элизеръ б. Натанъ отвѣчаетъ, что этотъ образъ надо понимать только какъ духовное видѣніе. Ибо развѣ можно было выразить дѣйствительное, чувственное созерцаніе высшаго существа? Вѣдь сказано же у того самаго пророка (40, 18): «Какой образъ хотите вы придать Ему?» и во Второзаконіи (4, 12): «Вы не видѣли никакого образа». Такимъ образомъ, мѣста Библии, подобныя вышеприведенныя, должно понимать только въ духовномъ смыслѣ, и это примѣняется также къ тѣмъ мѣстамъ Талмуда, гдѣ рѣчь идетъ о якобы созерцаніи посредствомъ внѣшнихъ чувствъ*.

Заслуживаютъ также почетнаго упоминанія: *Исаакъ б. Ашеръ Галлеви*—Риба—собственно первый дѣйствительный тосафистъ и принадлежавшій также къ семейству Раши; *Исаакъ б. Самуилъ* старшій, изъ Дампфера—въ сокращеніи Ри—племянникъ Іакова Тама, благодаря которому изученіе Талмуда распространилось надлежащимъ образомъ и котораго можно встрѣтить почти на каждой страницѣ тосафота; его сынъ *Элхананъ*; *Элизеръ б. Самуилъ* изъ Меца—Реемъ—авторъ «Sefer Iereim» (Книга богобоязненныхъ), гдѣ онъ толкуетъ о еврейской этикѣ и старается снова связать талмудическія положенія съ Библіею; *Исаакъ б. Авраамъ* младшій—Риба или Рицба—изъ Раверу, о которомъ тоже постоянно упоминается въ тосафотѣ; его братъ *Самсонъ б. Авраамъ* изъ Савса (Sens)—Рашба—котораго обширныя тосафоты къ Талмуду направлены главнымъ образомъ противъ схолий *Исаака* старшаго и впоследствии получили названіе «Sens-Tossafot»; *Иуда б. Исаакъ* изъ Парджа, по прозванію *Сиръ Леонъ*, который, вѣроятно, получалъ также титулъ «Набожнаго»; наконецъ, *Эфраимъ б. Исаакъ* изъ Регенсбурга, написавшій, кромѣ своихъ талмудическихъ схолий, еще комментарий къ Мишнѣ «изреченій отцовъ», многія юридическія мнѣнія и еще больше

* Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что все это есть не болѣе какъ буквальное воспроизведеніе словъ просвѣщенныхъ вавилонскихъ гаоновъ; см. Studien u. Mittheil. aus der Kaiserl. Oeff. Bibliothek in Petersburg, введеніе къ ч. IV.

синагогальных стихотвореній, которыя, однако, превосходятъ достоинствомъ произведенія въ этомъ родѣ старыхъ французскихъ и нѣмецкихъ современниковъ и изъ области тосафистовъ вводятъ насъ въ сады поэзіи.

«Коротко и при этомъ ясно, граціозно и въ то же время мѣтко употребляетъ Эфраимъ чистыя и плавныя выраженія, украшеніе которыхъ составляютъ библейскіе и талмудическіе намеки». Его стихотворенія часто наполняются своими оборотами испанскихъ лучшихъ поэтовъ, хотя онъ едва-ли былъ знакомъ съ ними. Покаянныя пѣсни его дышатъ энергическимъ воодушевленіемъ противъ враговъ по вѣрѣ, глубокою задумчивостію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ молить Бога о спасеніи отъ всякихъ страданій:

„Ты, которому все обязано, который милосердно терпѣть все,
 Блажь къ скорбящимъ о содѣянномъ ими,
 Къ тѣмъ, кто, глубоко провинясь предъ Тобой, жаждетъ слова прѣзвѣта,
 Кто стонетъ отъ страданій, томится по прощеніи Твоемъ
 И всѣмъ сердцемъ желаетъ Твоей милости... Отринутые людьми, въ
 бѣгствѣ и незнаемые,
 Тѣснимые въ чужой землѣ, они жалобно вздыхаютъ и стонутъ въ пустыняхъ.
 Выгнали ихъ изъ жилища отцовъ; тутъ они разсѣяны, тамъ терзаемы...
 Неужели же вѣчно будутъ продолжаться эти муки? Неужели скорбь погубитъ ихъ?
 О, не смотри на грѣхи, смотри на слезы,
 И не позволяй долѣе надѣваться надъ Тобой въ Твоихъ сынахъ!..

Время благопріятствовало такого рода поэзіи; господство произвола, варварство и нетерпимость духовенства давали поэтамъ богатый матеріалъ. Совершенно естественно, что во всѣхъ этихъ покаянныхъ пѣсняхъ одинъ и тотъ же мотивъ, и одни и тѣ же образы, чувства и формы; только скорбь о страданіяхъ остается всегда свѣжею и всегда новою. Поэтому, посвятившимъ этому предмету задумчивѣйшія пѣсни свои, былъ Эфраимъ б. Иаковъ (1133—1200) изъ Вонна, сочинившій тоже мартирологъ еврейскихъ гоненій въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Этотъ пайтанъ питалъ особенное пристрастіе къ прежнимъ образцамъ, неоднократно подражалъ имъ и между прочимъ сдѣлалъ попытку воспроизведенія ихъ въ халдейской покаянной молитвѣ («Та schema») и объясненія въ одномъ комментарий. Искусственность въ его стихахъ мѣшаетъ проявленію чистаго поэтическаго чувства; трогательное впечатлѣніе онъ, какъ и всѣ его пѣ-

мечко-французскіе коллети, можетъ производить только глубоко-скорбный содержаніемъ своихъ стихотвореній. Относительно художественной законченности и поэтического огня эти поэты отстали на нѣсколько вѣковъ отъ современныхъ съ ними пѣвцовъ Андалузій.

Въ этотъ же періодъ, бывший въ литературно-историческомъ отношеніи наследникомъ великаго прошедшаго, началась и систематизація прозой и стихами всего литургическаго матеріала. *Симха изъ Витри* составилъ ок. 1100 г. сборникъ «Machsor Vitry», существующій въ двухъ различныхъ редакціяхъ и сдѣлавшійся важнымъ источникомъ для знанія съ богослужебною поэзію. «Machsor Vitry» содержитъ въ себѣ повседневныя, субботнія и праздничныя молитвы, правила по богослуженію и другимъ обрядовымъ предметамъ, наконецъ, часть этическихъ и историческихъ трактатовъ Мишны и позднѣйшихъ произведеній гаонскаго періода. Точно также этому времени, когда папы и короли насильно вовлекали евреевъ въ поленику, обязанъ своимъ возникновеніемъ цѣлый рядъ сочиненій, которые подъ заглавіемъ «Nizzachon» (Побѣда) объясняли съ полемическими цѣлями—и притомъ на основаніи лучшихъ комментаріевъ—соотвѣтствующія мѣста всей Библии по порядку. Самымъ мужественнымъ и энергическимъ бойцомъ за свою вѣру называютъ *Натана Обффиціала*, который даже при дворѣ санскаго архіепископа, вѣроятно, занималъ вліятельный административный постъ и религиозные диспуты котораго съ этимъ архіепископомъ, равно какъ и съ папою Александромъ III и королемъ Людовикомъ II, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ умѣ и рѣдкой находчивости. Въ преніяхъ полемическаго и апологетическаго содержанія относительно христологической экзегетики и месіанскихъ надеждъ, которыя наполняютъ сочиненіе «Josef Hamekanneh» (Юсифъ Реввитель) *Натанъ Обффиціалъ* и его сынъ *Юсифъ* (1240 г.) всегда стоятъ на первомъ планѣ съ еврейской стороны. Ихъ отвѣты отличаются смѣлостью образа мыслей, которая представляется замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашнее время, когда всякій религиозный диспутъ уже до начала его предрѣшался въ пользу противниковъ еврейской стороны.

Такимъ образомъ французскіе и нѣмецкіе евреи той эпохи, не получая никакихъ побужденій изъ внѣшняго міра, вслѣдствіе этого разработали во всѣхъ направленіяхъ область религиозныхъ элементовъ ихъ литературы. «Во владѣніе религіи поступало все, на что жизнь не предъявила своихъ правъ, какъ на независимо человеческое, а этого послѣдняго было немного. Такъ какъ всепоглощающая іерархія восприняла въ себя жизнь

европейцевъ, за исключеніемъ, само собою разунѣется, евреевъ, то сила противобѣія отождествила жизнь еврейской церкви съ жизнью ея послѣдователей и для евреевъ все, что думалось и чувствовалось, естественно превращалось въ религиозное, т. е. исключительное».

Только на югѣ Франціи, въ прекрасномъ *Провансѣ*, арабско-испанская культура, съ одной стороны, и перешедшая сюда изъ Италіи и сѣверной Франціи наука—съ другой, нашли себѣ твердую почву и могли съ успѣхомъ противодѣйствовать вышеупомянутому одностороннему направленію. Въ еврейской литературѣ того періода Провансъ является именно посредникомъ между Sefarad и Zarfad, т. е. между культурою евреевъ Испаніи и богословскою дѣятельностью еврейскаго населенія сѣверной Франціи и Германіи. Тутъ сходятся оба направленія. Многочисленные эмигранты изъ Испаніи, спасшіеся отъ преслѣдованій Альмогадовъ, привнесли съ собою въ Провансъ сокровища своей науки и своей литературы, между тѣмъ какъ серьезная талмудическая ученость перешла изъ сѣверо-французскихъ школъ на лучезарный югъ и тутъ слилась воедино съ испанско-арабской культурою. Что подобное посредническое положеніе не можетъ создавать оригинальныхъ, творческихъ мыслителей и выдающихся поэтовъ—это объясняется уже натурою той роли, которую принялъ на себя еврейскій Провансъ въ тѣ столѣтія, во которой суждено было приобрести высокое значеніе для литературнаго развитія. Уже въ началѣ этого періода встрѣчали мы въ Провансѣ послѣднихъ представителей гаггадической дѣятельности, собирателей Мидраша, даршанимъ, которые, однако, были въ то же время учителями и ревнителями изученія Талмуда. Община въ Нарбоннѣ, гдѣ дѣйствовалъ вышеупомянутый *Моисей Гадаршанъ*, сдѣлалась внослѣдствіи главнымъ средоточіемъ талмудической учености — и именно тогда, когда старая школа (въ 1178 г.) перешла въ завѣдываніе *Авраама б. Исаака*, руководившаго ею въ качествѣ Ab Beth Din (верховный судья), и котораго большое галахическое сочиненіе «Sefer Haeschkol», обнародованное только въ новое время, можетъ дать понятіе о направленіи, принятомъ талмудизмомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ. Въ это же время процвѣтала и община въ Лионѣ. *Мешулламъ б. Иаковъ* (1170) считался тамъ «высшею инстанціей во всѣхъ вопросахъ науки и права». Главнѣйшая его заслуга безспорно заключается въ томъ, что онъ пробудилъ въ евреяхъ Прованса любовь къ наукѣ, что имъ были собраны и списаны лучшія сочиненія испанскихъ единовѣрцевъ. Онъ—талмудическій

учитель послѣдующихъ дѣятелей и виновникъ большей части переводовъ съ арабскаго. Пять сыновей его также работали въ духѣ своего ученаго отца, которому Провансъ обязанъ почти тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда еврей Испаніи—Хасдан б. Шапруту. Въ ближайшемъ затѣмъ времени два направленія утверждаются главнымъ образомъ въ этой странѣ: разработка Талмуда и переводная литература; оба мирно идутъ рядомъ, не мѣшая другъ другу, не враждуя между собою.

Талмудизмъ пріобрѣтаетъ въ ученикахъ *Авраама б. Исаака* двухъ руководителей, которые далеко превосходятъ своего учителя глубиною и содержательностью: *Зерахію б. Исаака Галеви*, родомъ изъ Героны въ Испаніи, откуда его прозваніе также *Герунди* (ок. 1125 — 1186), и *Авраама б. Давида* изъ Пескьеръ. Зерахія является человѣкомъ съ значительною долей самосознанія, острымъ умомъ и философскимъ образованіемъ. Онъ прибавляетъ глоссы къ сочиненіямъ прежнихъ авторитетовъ, но держитъ себя относительно этихъ послѣднихъ совершенно самостоятельно, а съ нѣкоторыми—напр., Алфаси—нерѣдко даже полемизируетъ. Въ такихъ случаяхъ онъ защищается словами: «Древніе мудрецы говорятъ: Дорогъ мнѣ Платонъ, дорогъ Сократъ, но дороже всего правда!» Подобное смѣлое отношеніе къ традиціонной авторитетности должно было естественно вызывать рѣзкое осужденіе, и Зерахія дѣйствительно встрѣчалъ его со стороны какъ современниковъ, такъ и позднѣйшихъ ученыхъ. Его глоссы къ галахотъ Алфаси, «Маог» (Свѣточъ), заключаютъ въ себѣ рѣзкія нападки на этого почтеннаго учителя,—нападки, за которыя современникъ его *Авраамъ б. Давидъ* порицалъ его еще сильнѣе—если то было возможно—и даже обвинялъ въ литературномъ воровствѣ. Методологическое сочиненіе его «*Sefer Hazabah*» (Книга борьбы) ставитъ тринадцать герменевтическихъ правилъ—какъ слѣдуетъ освѣщать и объяснять темныя и малопонятныя мѣста въ Талмудѣ. Зерахія былъ во всякомъ случаѣ смѣлый и методическій мыслитель, который зналъ и уважалъ изслѣдованія еврейско-арабской школы, но при этомъ, и не смотря на всѣ нападенія, хотѣлъ идти своею собственною дорогою.

Зерахія писалъ также синагогальныя и свѣтскія стихотворенія, которыя онъ, однако, не смотря на свою полную самостоятельность, никогда не выпускалъ въ свѣтъ, не отдавъ ихъ предварительно на судъ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ друга; нѣкоторыя изъ нихъ, обличающія несомнѣнное поэтическое дарованіе, до сихъ поръ еще остаются въ африканскихъ и провансальскихъ молитвенникахъ. Зерахія, вѣстѣ съ Авраамомъ

6. Давидомъ, его рѣшительнѣйшимъ противникомъ, считался одинъ изъ первыхъ талмудическихъ учителей того времени послѣ смерти Иакова Тама. Главенство въ области талмудической науки принадлежало, правда, *Аврааму б. Давиду* изъ Поксьеръ (ок. 1125—1199 г., Рабедь), «великому законоучителю», какъ почтительно называютъ его позднѣйшіе.

Если его литературная дѣятельность и не имѣла, собственно говоря, большого вліянія на ходъ развитія еврейской литературы, то она все-таки много содѣйствовала ему тѣмъ направленіемъ, которое онъ, благодаря своимъ знаніямъ, уму и проникательности, указалъ изученію Талмуда. Въ противоположность школъ въ Монпелье и Лионѣ, изъ которыхъ первую современники сравнивали съ храмовою горой, а вторую — съ входомъ въ переднюю часть храма, школа Авраама б. Давида прославлялась какъ самый храмъ, какъ мѣстопребываніе синедріона, «откуда исходить свѣтъ для Израиля».

Сообразно съ этимъ, его писательская дѣятельность ограничивалась Талмудомъ, всю галахическую область котораго онъ распоряжался какъ полный властелинъ. «Онъ обращался съ талмудическимъ матеріаломъ необыкновенно мастеровски, какъ художникъ обращается съ непокорнымъ мраморомъ или жесткимъ желѣзомъ, которыми онъ придаетъ форму и образъ». Обширную эту область онъ разрабатывалъ въ четырехъ различныхъ направленіяхъ: рѣшеніями юридическихъ вопросовъ, комментаріями, кодификаторскими и критическими работами.

Такъ какъ Авраамъ б. Давидъ считался первымъ талмудическимъ авторитетомъ, къ нему натурально обращались со всѣхъ сторонъ съ запросами обрядоваго и юридическаго свойства. Отвѣты его отличаются содержательностью, логическою доказательностью и самостоятельностью. «Я слѣдую,—говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ этихъ отвѣтовъ,—въ добываніи истины только тѣмъ путемъ, который указываетъ разумъ»; та же смѣлость воззрѣнія господствуетъ и въ его комментаріяхъ къ Талмуду, которые представляются намъ важнѣйшими памятниками его учености. По глубинѣ и ясности ихъ сравнивали съ комментаріями Раши, которому Авраамъ б. Давидъ уступаетъ только относительно сжатости изложенія. Его комментаріи подробнѣе и предоставляютъ полный просторъ діалектикѣ. «Метода, употребляемая въ нихъ, есть метода испанской школы, которую можно бы назвать *аналитическою*, въ противоположность методѣ тоссафистической, болѣе подходящей, къ *синтетической*. Лежащая въ основаніи даннаго

предмета идея разчленяется, откуда понимание предмета получается въ тѣ-
которой тѣрѣ само собою».

Изъ комментаріевъ этого ученаго сохранилась только часть, но и они свидѣтельствуютъ, что онъ объяснялъ почти всѣ, во всякомъ же случаѣ—
важнѣйшіе талмудическіе трактаты. Дополнительную составную часть этихъ
комментаріевъ составляютъ ритуальныя постановленія и разсужденія на
галахическія темы, изъ которыхъ одни дошли до насъ цѣликомъ, другіе
въ отрывкахъ. Важнѣйшимъ между ними считается сочиненіе «Ba'ale Ha-
pefesch» (Одушевленные)—объ обязанностяхъ женщинъ; оно въ семи гла-
вахъ, изъ которыхъ послѣдняя—«объ обязанностяхъ святой жизни» имѣетъ
этическое содержаніе.

Но главное значеніе этого бойца-ученаго заключается въ его крити-
ческой дѣятельности. Ею вліялъ онъ на свое время и въ сильной степени
способствовалъ движенію умовъ. Его глоссы—«Hassagoth»—къ сочине-
ніямъ Алфаси поражаютъ противника своею рѣзкостью и безпощадною
строгостью, но въ то же время они проникнуты страшною запальчивостью,
вслѣдствіе чего его критика очень часто принимаетъ характеръ личной
раздражительности. Особенно въ нападкахъ на Маймуни и его «Mischneh
Thoga», которыя, впрочемъ, едва-ли были близко извѣстны сему послѣднему,
Авраамъ б. Давидъ является полнымъ ненависти и дѣйствительно безпо-
щаднымъ. Прославлявшагося уже въ ту пору учителя онъ упрекаетъ въ
поверхностности и туманности, утверждаетъ, что онъ превратно понялъ
многія мѣста въ Талмудѣ и чрезъ это пришелъ къ фальшивымъ результа-
тамъ. Извѣстная доля основательности заключалась, конечно, въ нападе-
ніяхъ провансальскаго критика, когда они были направлены противъ той
стороны ученія Маймуни, которая поддерживала вѣру въ традиціонные ав-
торитеты и стѣсняла свободу индивидуальнаго изслѣдованія. Но страстный
и воинственный критикъ часто переступалъ должныя границы и этикъ
ослаблялъ дѣйствіе, которое иначе производили бы его тонкія и глубокія
глоссы. Только одного результата пришлось ему достигнуть—что ученые
раздѣлились на два лагеря, изъ которыхъ одинъ сражался за Маймуни,
между тѣмъ какъ другой стоялъ на сторонѣ Авраама б. Давида, впро-
чемъ, впоследствии тоже перешедшаго къ тому мистическому направленію,
которое въ то время утвердилось и въ Провансѣ*.

Во всякомъ случаѣ, однако, Авраамъ б. Давидъ есть характеристиче-

* Это утвержденіе автора болѣе чѣмъ сомнительно.

ское явление, и въ исторіи талмудизма, который онъ привелъ своею критикой въ сильное движеніе, ния его занимаетъ выдающееся и прочное мѣсто. Изъ учениковъ его, работавшихъ въ его духъ, заслуживаютъ быть упомянутыми: *Авраамъ б. Натанъ* изъ Люнея, написавшій подъ заглавіемъ «*Nathanig*» (Руководитель) цѣнное сочиненіе ритуальнаго характера; *Ионатанъ б. Давидъ Гакогенъ*, составившій комментарий къ сочиненію Алфаси и признававшійся за талмудическій авторитетъ; изъ его современниковъ извѣстны: *Исаакъ б. Абба Мари* изъ Марсаля, авторъ почтеннаго галахическаго труда о различныхъ талмудическихъ вопросахъ, обсуждавшаго раввинское гражданское право и находящіяся съ нимъ въ связи обрядовыя постановленія *, и *Меиръ б. Исаакъ* изъ Каркассона, который въ своемъ сочиненіи «*Sefer Ha'ezeg*» (Книга Помощи) защищалъ Алфаси отъ нападеній Зерахін Галеви.

Но важнѣе всѣхъ этихъ изслѣдователей были двѣ прованскія фамиліи, которыя въ продолженіе почти трехъ столѣтій посвящали себя переводческой дѣятельности и ею собственно проложили путь примиренію между обонии противоположными направленіями: фамиліи *Кимхидовъ* и *Тиббонидовъ*.

Уже родоначальникъ первой, перешедшей изъ Испаніи семьи, *Иосифъ б. Исаакъ Кимхи* (1110—1175), сдѣлалъ немало цѣннаго въ тѣхъ двухъ областяхъ, которыя были вполне разработаны его преемниками—грамматики и экзегетики. Онъ зналъ арабскій языкъ и дѣйствовалъ въ Провансѣ съ большимъ успѣхомъ, какъ переводчикъ. Его грамматика «*Sefer Nazikaron*» (Книга Воспоминанія), до сихъ поръ еще не напечатанная, имѣетъ значеніе тѣмъ, что въ ней впервые установлено раздѣленіе на пять долгихъ и пять короткихъ гласныхъ, между тѣмъ какъ прежніе грамматикъ, держась правила арабскаго языка, признавали и въ еврейскомъ только три коренныя гласныя: а, е, о; она важна, кромѣ того, методическимъ сопоставленіемъ именныхъ формъ и, наконецъ—положеніемъ пути правильному еврейскому произношенію **. Менѣе важными должны мы признать его экзегетическія работы по Вавліи, если составимъ себѣ пона-

* Неточно, такъ какъ сочиненіе *Иттуръ* трактуетъ также о праздникахъ, литургіи, постахъ и т. п., ничего общаго съ гражданскимъ правомъ не имѣющихъ.
Ред.

** Авторъ пропустилъ другое соч. Кимхи *Сеферъ Гагалуй*, частью грамматическаго, частью лексикографическаго содержанія; оно издано въ повѣдшее время обществомъ *Мекце Нирдамилъ*.
Ред.

тіе о нихъ по сохранившимся въ отрывкахъ комментаріямъ къ «Іову», «Притчамъ» и «Пѣснѣ Пѣсней». Напротивъ того, его еврейскіе переводы, между прочимъ морально-философскаго сочиненія Бахін «Объ обязанностяхъ сердца», сдѣланные плавными и чистымъ еврейскимъ языкомъ, имѣли благотворное влияние и способствовали возбужденію интереса къ еврейско-испанской культурѣ. Осталось отъ этого воскресителя научной жизни въ Провансѣ и полемическое сочиненіе «Sefer Haberith» (Книга Союза), заключающее въ себѣ разговоръ между вѣрующимъ и отступникомъ и построенное на глубоко-нравственномъ фундаментѣ. Два сына его, *Моисей* и *Давидъ Кимхи*, работали въ томъ же направленіи; первый изъ нихъ, хотя уступалъ достоинствомъ отцу, но сдѣлался болѣе его извѣстнымъ, благодаря своему грамматическому труду «Mahalakh Schebileh Hada'ath» (Идущій путями познанія) и экзегетическимъ комментаріямъ къ «Притчамъ», къ «Ездрѣ» и «Нозмн», ошибочно приписывавшимся Ибнъ Эзра, а равно и благодаря литургическимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ арабская манера явственно выражается въ формахъ и образахъ.

Но значительнѣйшій ученый изъ фамиліи Книхидовъ—безспорно второй сынъ Юсифа, *Давидъ Кимхи*, дѣятельность котораго заходитъ уже въ слѣдующій періодъ еврейской литературы, но остается благотворно вліяющею на всѣ послѣдующіе періоды и до сихъ поръ еще составляетъ необходимое и неистощимое сокровище въ области грамматики и лексикографіи. Давидъ Книхи (ок. 1160—1232 г.) изъ Нарбонны, сокращенно *Редакъ*, былъ дѣйствительно языкоучителемъ средневѣкового поколѣнія, которому доставляли авторитетность и почетъ не только между единоплеменниками, но и въ не-еврейскихъ кругахъ—его грамматика, лексиконъ и комментарій къ Вибліи. Этихъ положеніемъ онъ обязанъ не столько самостоятельнымъ работамъ, сколько прилежному и умѣлому собранію прежнихъ авторитетовъ, тщательности и основательности, которыми онъ дѣйствовалъ прочтѣе, чѣмъ такіе, стоявшіе выше его, изслѣдователи, какъ Ибнъ Ганнахъ, Ибнъ Эзра и др. Давидъ Книхи, въ издававшейся шесть разъ первой грамматической части своего «Mikhlol» (Собиратель), впервые установилъ на твердыхъ основаніяхъ и представилъ въ надлежащемъ для правильной оцѣнки свѣтѣ грамматическую систему своего отца. Къ второй части этого сочиненія, «Schoraschim» (Корни), издававшейся восемь разъ, онъ присоединилъ лексиконъ, который, благодаря умѣлому распредѣленію наличнаго лексикографическаго матеріала, получилъ достоинство и значеніе. Сверхъ того, Давидъ Книхи написалъ комментарій къ Вибліи, отъ ко-

того, однако, удѣляли только немногія части — объясненія къ «Книгѣ Вытїя», къ «Пророкамъ», «Псалмамъ», «Притчамъ», «Юву» и «Хроникѣ», и который держится трезвой и правильной экзегетики, не впадая въ философствованіе или гагадическую манеру. Наконецъ, ему же приписывается маленькое разсужденіе «Et Sofer» (Грифель для писанія) объ ударенїяхъ и масорѣ. Давидъ Книхи не установилъ въ наукѣ никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія; но добросовѣстно трудолюбивая разработка грамматики, лексикографїи и экзегетики—трехъ отраслей знанія, которыя до него воздѣлывались, правда, оригинальнѣе, но не добросовѣстнѣе,—спасла отъ забвенія его ния, обезпечила прочность существованія за его произведенїями и приобрѣла имъ вліяніе, перешедшее за предѣлы еврейскихъ сферъ. Уже въ преклонной старости Давиду Книхи представился поводъ сдѣлаться участникомъ полемики касательно сочиненїи Маймуни и защитить учителя своимъ авторитетомъ.

Еще важнѣе Книхидовъ относительно развитїя еврейской литературы въ ближайшемъ затѣмъ періодѣ была фамилія *Тиббонидовъ*, переселившаяся изъ Гранады въ Лювель. *Иуда б. Саулъ ибнъ Тиббонъ* (1167) былъ врачъ, одинаково хорошо знакомый съ еврейскимъ и арабскимъ языками и употреблявшій свои лингвистическія познанія на то, чтобы дѣлать сокровища еврейско-арабской культуры доступными провансальскимъ единовѣрцамъ своимъ. Такъ, онъ перевелъ поочередно религіозно-философскія сочиненія Саадїи, Вахїи, Габироля, Іегуды Галеви и грамматическіе труды Ибнъ Ганнаха. Какое значеніе имѣли для евреевъ Прованса эти буквальные, строго державшіеся подлинника переводы—понять не трудно. Связь этихъ евреевъ съ испанцами становилась все тѣснѣе, въ то самое время, какъ она все болѣе и болѣе ослаблялась между ними и евреями сѣверо-французскими. Руководители испанскаго періода пользуются въ Провансѣ къ концу двѣнадцатаго столѣтія большимъ почетомъ, лица же, стоящія во главѣ сѣверо-французской и нѣмецкой школы экзегетовъ и талмудистовъ, едва извѣстны по имени.

Изъ самостоятельныхъ работъ Іуды ибнъ Тиббона, которыя имѣютъ меньшее значеніе, извѣстно только заглавіе еврейской стилистики «*Sod Zachoth Halaschon*» (Тайна чистоты языка); сама книга, повидимому, пропала. За те завѣщаніе Іуды сохранилось, и его часто издавали, неоднократно также переводили. Это завѣщаніе «*Zewaah*» представляетъ во многихъ отношенїяхъ интересный документъ для опредѣленія степени образованія евреевъ того времени и характеристики ихъ этическихъ и на-

учныхъ воззрѣній. Авторъ обращается здѣсь къ своему сыну Самуилу, который въ ту пору еще не оправдывалъ ожиданій отца, и призываетъ его къ такой же дѣятельности. Отсюда наставническій и соответствующій духу автора педантическій тонъ этого оригинальнаго произведенія, которое вводитъ насъ въ мирную жизнь еврейскаго ученаго того времени, знакомитъ насъ съ его воззрѣніями на книги и учителей, на еврейскій и арабскій языки, на учебныя занятія и выборъ карьеры, на составленіе и содержаніе въ извѣстномъ порядкѣ бібліотеки, и тутъ же заключаетъ въ себѣ важнѣйшіе призывы къ религіозности, нравственности и гуманности. Его образовательный идеалъ очень обширенъ для того періода; онъ обнимаетъ собою всю энциклопедію тогдашнихъ наукъ: арабскій и еврейскій языки и ихъ литературу, грамматику и поэзію, стилистику, хронологію, медицину и естествознаніе, главнымъ же образомъ, конечно, религіозно-научныя знанія, Библію и Талмудъ.

Побуждаемый восторженнымъ сочувствіемъ къ Маймуну и его сочиненію, но еще болѣе — вышеупомянутымъ завѣщаніемъ, *Самуиль ибнъ Тиббонъ* (ок. 1160—1280 г.) также сдѣлался въ послѣдствіи ревностнымъ переводчикомъ, а относительно глубины пониманія философскаго содержанія переводимыхъ сочиненій даже превзошелъ своего отца, строго державшагося въ этомъ случаѣ буквы подлинника. Самуиль находился въ перепискѣ съ Маймуни и перевелъ многія его сочиненія, его «*Moreh*», часть его комментарія къ Мишнаѣ и нѣсколько мелкихъ разсужденій. Кромя того нѣтъ переведены на еврейскій языкъ и нѣкоторыя философскія произведенія Аристотеля и Альфараби, и написанъ философскій комментарий къ «*Проповѣднику*» и къ нѣсколькимъ главамъ «*Бытія*».

Направленію отца слѣдовалъ и его сынъ *Моисей ибнъ Тиббонъ* (1259 г.), который тоже перевелъ многія произведенія Маймуни и арабскихъ философовъ и сдѣлалъ ихъ общедоступными еврейскимъ общинамъ Прованса.

Заслуга Тиббонидовъ заключается преимущественно въ ихъ переводахъ, какъ Кимхидовъ—въ ихъ грамматическихъ трудахъ. Но такъ какъ первые переводили большія философскія сочиненія еврейско-арабской школы, то вліяніе ихъ на современниковъ было глубже оказаннаго вторыми. Они облегчили дальнѣйшій путь философской дѣятельности, они собственно были первые, создавшіе философско-еврейскій стиль, который, правда, страдаетъ угловатостями и другими недостатками, но за то имѣетъ боль-

шее преимущество опредѣлительности и точности, и который всюду приняли на будущія времена «пригоднымъ орудіемъ для выраженія философскихъ мыслей»; но и они также—что самое важное—сохранили сокровища той культуры, которая иначе, конечно, погибла бы впослѣдствіи вѣствъ съ столь многими другими арабскими оригинальными произведениями.

Но благодаря имъ, Провансъ сдѣлался истинною житницею науки, въ которой соединились всѣ ея направленія. Къ концу двѣнадцатаго столѣтія эта благословенная страна представляетъ дѣйствительно характеристическую картину высокой ступени, которой достигли образованность и культура того періода. Здѣсь заканчивается какъ для общей исторіи культуры, такъ специально и для культурнаго развитія еврейства, важный періодъ, обнимающій собой двѣнадцать знаменательныхъ столѣтій, въ продолженіе которыхъ еврейство, среди могущественной исторической борьбы со всѣми противодѣйствующими элементами, породило своею Библией двѣ религіи, посѣяло сѣмена для различныхъ направленій науки и оплодотворило многія изъ нихъ, наконецъ, создало поэзію, которая во всѣхъ своихъ общечеловѣческихъ составныхъ частяхъ имѣла право занять мѣсто на ряду съ поэзіей всѣхъ народовъ.

Конечно, въ картинѣ еврейства за весь этотъ, столь обширный періодъ не все одни свѣтлыя мѣста. Реакціонныя стремленія часто стѣсняли ходъ развитія, и много мрачнаго видитъ наблюдатель этихъ столѣтій еврейской литературы въ борьбѣ внутри государства, спорахъ за традицію, извращеніи мистики, съ одной стороны, и философскомъ направленіи—съ другой. Но кореннымъ, всесвязующимъ свойствомъ совокупнаго литературнаго развитія въ продолженіе всѣхъ столѣтій и при всѣхъ измѣненіяхъ обстоятельствъ остается духъ терпимости, учености и нравственной чистоты, который одушевляетъ большинство учителей и дѣятелей и находитъ выраженіе въ ихъ этическихъ произведенияхъ. Вѣнецъ науки для нихъ—высшее благо; предъ нимъ меркнетъ блескъ всѣхъ остальныхъ вѣнцовъ, и только благотворительность и справедливость имѣютъ право пользоваться рядомъ съ нимъ значеніемъ и почетомъ. Жатвою этого этического мировоззрѣнія могутъ считаться сочиненія моралистовъ слѣдующаго столѣтія, предтечами которыхъ мы видѣли въ концѣ разобраннаго періода юридическія рѣшенія и завѣщанія. Интересную параллель между известнымъ намъ изъ завѣщанія Іуды ибнъ Тиббона образомъ жизни и міросозерца-

нієвъ испанско-провансальскихъ евреевъ представляють въ этомъ отношеніи сочиненіе «Orchoth Chajjim» (Пути Жизни)—завѣщаніе *Элеазара б. Исаака* изъ Борнса, нѣмецкаго талмудиста того времени, современника и единомышленника Раши (1050 г.); оно заключаетъ въ себѣ различныя составныя части и необыкновенно хорошо характеризуетъ набожность, нравственность, благоприличіе и практичность въ образѣ жизни, которыми нѣмецкіе и французскіе евреи отличались, не смотря на всѣ преслѣдованія.

«Не радуйся, когда твой врагъ падаетъ,—такъ заканчивается отеческое увѣщаніе,—но накорми его, когда онъ голоденъ; берегись огорчать вдовъ и сиротъ; не будь въ одномъ лицѣ свидѣтелемъ и судьей и никогда не суди одинъ. Не предавайся гнѣву, этому наслѣдственному достоянію глупцовъ, люби мудрыхъ и стремись къ познанію твоего Создателя. Знай, что надежда набожныхъ—тотъ скрытый рай, который создавъ прежде міра, есть пріютъ чистыхъ и святыхъ духовъ».

Руководимая такими идеалами и воззрѣніями, жизнь нѣмецко-французскихъ евреевъ, которыхъ притомъ все сильнѣе и сильнѣе тѣснили чернь и властители, естественно должна была дѣлаться болѣе внутренней и замыкаться въ узкомъ кругѣ религиозныхъ занятій Библией и Талмудомъ. Изъ этого круга вышли въ литературу три направленія: бывшее результатомъ работы *Галахи*, нравственная и религиозная практика, и разрабатывавшее *ритуальную* сторону, слѣдовательно, нитѣвшее дѣло съ богослуженіемъ и его поэзію; тутъ же надо поставить и то, которое имѣло предметомъ развитіе *экзегетики*, т. е. познаніе св. Писанія, и въ которое соединялись всѣ эти три направленія.

Внѣ этого круга и въ сторонѣ отъ этого тѣснаго религиознаго союза стояла только засыхавшая вѣтвь *караимовъ*, на которыхъ, именно потому, что они оторвались отъ своихъ собратьевъ, уничтоженіе обрушивалось быстрѣе, чѣмъ можно было предположить, судя по пламенной юношеской отвагѣ и многообѣщавшимъ начинаніямъ этой секты. По иѣрѣ процвѣтанія еврейской литературы въ Испаніи значеніе караимовъ понижалось, и только изрѣдка вспыхивали искорки того снѣглаго и энергическаго духа прогресса, который воспламенялъ первыхъ руководителей этого антиталмудическаго движенія, оказывавшихъ нѣкогда, въ дни гаоната, глубокое влияние на литературное развитіе какъ нападеніемъ на своихъ противни-

ковъ, такъ и самозащитою *. Только въ Византійской имперіи и въ некоторое время въ Испаніи держались они еще въ своихъ собственныхъ общинахъ, и въ сѣнн раздѣленныхъ стѣною отъ собратьевъ-евреевъ, и откуда выходили еще по временамъ кое-какіе писатели и поэты. Въ литературной пустынѣ, которая послѣ паденія гаоната распростерлась по всему востоку и не переставала существовать почти до конца среднихъ вѣковъ, появляются отъ времени до времени, рядомъ съ нессіанскими апокалипсисами, псевдо-эпиграфическими книгами историческаго содержанія, этическими произведеніями и религіозными стихами, которыми, впрочемъ, была особенно богата въ ту пору Греція, — и караимскія имена. Но послѣ того движенія, которое происходило въ средѣ караимовъ въ девятый и десятый столѣтія, эти отдѣльныя явленія, которыя притомъ почти никогда не переходили за предѣлы посредственности, представляются совершенно ничтожными по своему значенію. Таковы: караимскій экзегетъ *Иаковъ б. Реубенъ*, который въ своемъ библейскомъ комментарий «*Sefer Haoscher*» (Книга Богатства), написанномъ около 1050 г., собралъ мнѣнія прежнихъ авторитетовъ, не присоединивъ къ нимъ своего собственнаго; лексикографъ *Давидъ б. Авраамъ Эль-Фаси*, въ XIII столѣтіи, составившій на арабскомъ языкѣ еврейскій лексиконъ «*Iggaron*», причеъ онъ пользовался работами Сарука, ибнъ Гавнаха и Хайюга; наконецъ, въ послѣдніе годы одиннадцатаго столѣтія — *Иешуа б. Йеуда Абулфаразъ*, прозванный *Насакен*, занимавшійся толкованіемъ Библии, грамматикой, экзегетикой и полемикой и, подобно своему учителю Іосифу Гароэ, защищавшій философское воззрѣніе на еврейство въ духѣ уже отжившей тогда свое время нутазнитской схоластики. Этому почтенному учителю, который, будучи одноглазымъ между слѣпыми, пользовался, повидному, не маловажнымъ значеніемъ у караимовъ Испаніи, да и вообще Діаспоры, приписываются библейскій комментарий къ Пятикнижію, философское изслѣдованіе о Декалогѣ, такое же — о созданіи міра, неизбѣжная «Книга Постановленій», сочиненіе «*Sefer Arajoth*» — о кровосмѣшеніи, или о запрещенныхъ для брака ступеняхъ родства, и много мелкихъ трудовъ философскаго содержанія; все это написано по арабски и большею частью по-

---

* Что это превозношеніе заслугъ караимства преувеличено и, главное, насколько не вытекаетъ изъ подлинныхъ историческихъ документовъ — читатели знаютъ изъ нашихъ предыдущихъ примѣчаній.

реведено на еврейскій языкъ учениками автора. Еще меньше было сдѣлано караимами въ Византийской имперіи. Упомянется въ концѣ одиннадцатаго столѣтія только одинъ переводчикъ, *Тобія б. Моисей* въ Константинополѣ, который переводилъ на еврейскій языкъ арабскія сочиненія своихъ предшественниковъ, а для объясненія философскихъ школьныхъ терминовъ прибѣгалъ къ помощи греческаго языка, на какомъ, въ томъ періодѣ поздняго эллинизма, еще говорили въ Византіи. Паденіе караинства начинается почти одновременно съ развитіемъ раввинскаго еврейства и простирается до шестнадцатаго столѣтія.

Къ этому времени относится иррачный эпизодъ—поднятіе господствующимъ раввинствомъ гоненія на безпомощное караинство въ Испаніи. Одинъ караимъ, *Иезуда б. Эміа Гадаси*, «скорбящій о Сіонѣ» *Гаазель*, какъ онъ называлъ себя, написалъ въ 1150 г. въ Константинополѣ, подъ символическимъ заглавіемъ «*Eschkol* *Накофер*» (Букетъ кипрскихъ цвѣтовъ), полемическое сочиненіе противъ раввинской традиціи; оно воскресило давно погасшій огонь раздора и, быть можетъ, послужило ближайшимъ поводомъ къ гоненію. Здѣсь строится на караимскомъ фундаментѣ религиозная система, старающаяся всѣ библейскія предписанія включать въ Декалогъ. Вся анти-раввинская письменность до времени, когда жилъ авторъ, отражается въ этомъ сочиненіи, гдѣ сходятся всѣ теченія караимской культуры. Написанная азбучными рифмованными строфами, которыя идутъ то въ алфавитномъ, то въ обратномъ порядкѣ, и страдая чрезъ это утомительною растянутостью, чѣмъ не отымается, однако, интересная сторона относительно какъ религиозно-философскаго изслѣдованія, такъ и міросозерцанія собственно караимовъ, эта книга сдѣлалась главнымъ произведеніемъ караимской литературы, соединяющимъ въ себѣ всѣ результаты научной дѣятельности караимовъ, и остается важнымъ памятникомъ богатой, но уже въ зародышѣ загубленной духовной жизни, которая, если бы ей удалось достигнуть полнаго расцвѣта, быть можетъ, оказала бы могущественное вліяніе на литературное развитіе.

Въ настоящемъ же положеніи о такомъ вліяніи, конечно, не могло быть и рѣчи. Тѣ два крупныя теченія, которыя проходятъ по четвертому, главному періоду ново-еврейской литературы — суть испанско-арабское и нѣмецко-французское. При существованіи ихъ караимскій расколъ утратилъ всякое значеніе. Философское и поэтическое развитіе еврейско-испанской культуры, процвѣтаніе библейскаго изслѣдованія и талмудизма въ сѣвер-

ной Франціи и Испаніи, при этомъ посредничающая и примиряющая, сливающая оба теченія въ одно великое цѣлое дѣятельность еврейскаго Прованса—вотъ подробности картины, на которой съ удовольствіемъ останавливается взоръ друга литературы и съ которою онъ разстается неохотно, чтобы обратиться къ новымъ направленіямъ и къ зрѣлищу новой борьбы.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

РАВВИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1200—1750 г. по Р. X.

Введеніе.

Съ исходомъ двѣнадцатаго столѣтія оканчиваются мало-по-малу и средніе вѣка. Предпринимаются еще, правда, по временамъ крестовые походы, но большинство ихъ оканчивается несчастливо, особенно — послѣдній изъ этихъ семи, стоившихъ жизни семи милліонамъ людей, но произведшихъ въ Европѣ великій и благотворный переворотъ. Тутъ результатъ заключался не только въ томъ, что слѣпое дѣйствіе разнузданной стихійной силы должно было уступить мѣсто цѣли, которая въ послѣднемъ основаніи своемъ все-таки была идеальна; нѣтъ, крестоносцы принесли еще съ собою съ востока новое міровоззрѣніе, увидѣвъ, что магометанинъ чтитъ человѣка, какъ человѣка, и практикуетъ тѣ же самыя добродѣтели — великодушіе и человеколюбіе — которыя они привыкли считать добродѣтелями спеціально христіанскими. Завязавшіяся отнынѣ сношенія съ молодую и свѣжею образованностію востока давали кромѣ того богатую пищу для науки и искусства. Новое, идеальное содержаніе влилось въ жилы рыцарства; уваженіе къ женщинѣ достигло высокой степени; вышедшій изъ крѣпостнаго состоянія, благодаря обѣдненію дворянства, народъ, сплотившись въ среднее сословіе — буржуазію — выработалъ себѣ значительныя задатки силы для будущаго развитія и ревностно завладѣлъ развалинами прежней культуры, которая въ эту пору еще не совсѣмъ погибла въ Азіи.

Правда, суждено было пройти еще почти двумъ столѣтіямъ послѣ крестовыхъ походовъ прежде, чѣмъ наступилъ расцвѣтъ этого новаго міра; но совершенно безспорно, что первый толчокъ къ этому движенію дали именно крестовые походы.

Еврейство въ исходѣ двѣнадцатаго столѣтія тоже достигло важнаго поворотнаго пункта въ своемъ общемъ и духовномъ развитіи. Его средне-вѣковая эпоха, правда, еще не кончилась, она существовала еще въ то время, когда солнце новой культуры уже повсюду стояло въ зенитѣ, ярко блистая своими лучами. И рожденіе на свѣтъ новаго міросозерцанія было для еврейскаго народа мучительнѣе, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Древне-библейское проклятіе Израилю за каждый случай ослушанія велѣній Божіихъ, повидимому, исполнялось во всей своей полнотѣ, во всемъ своемъ ужасѣ, не смотря на то, что онъ вѣдъ окружилъ всѣ эти велѣнія непреступной стѣной и хранилъ и оберегалъ ихъ болѣе чѣмъ тщательно. Да,

послѣдующій періодъ борьбы и пробужденія, враждебныхъ стычекъ между двумя мировоззрѣніями, оказался для еврейства гораздо болѣе пагубнымъ, чѣмъ всѣ предшествующіе, хотя и они доставили уже слишкомъ полную мѣру страданій странствующему народу-мученику. Если всю исторію евреевъ очень правильно раздѣлили на четыре большихъ періода, изъ которыхъ первый есть періодъ ихъ національной самостоятельности, а второй—разсѣянія и странствованія, то третій является временемъ мукъ и гоненій, за которыми только послѣ почти шести обгаренныхъ кровью столѣтій изступаетъ періодъ четвертый—постепеннаго и окончательнаго освобожденія.

Иную и существенно болѣе благоприятную картину представляетъ то духовное движеніе, которое съ Маймуни достигло своей высшей ступени, и хотя послѣ его смерти находилось нѣкоторое время въ опасности, но уже не могло быть остановлено, не смотря на разгорѣвшуюся теперь борьбу между философіей и традиціей, не смотря также на превосходившую его силою мистическую струю и все болѣе и болѣе суживавшееся изученіе Талмуда. Правда, еврейская литература слѣдующаго ближайшаго періода не производитъ уже ни такихъ оригинальныхъ явленій, какъ поэты Испаніи, ни такихъ значительныхъ характеровъ, какъ ея философы и изслѣдователи: но за то образованіе распространяется все больше и больше и находитъ себѣ доступъ даже въ тѣ страны, которыя до того времени оставались совершенно замкнутыми для него. Литературою начинаютъ заниматься всюду; каждая отдѣльная отрасль ея подвергается разработкѣ; знаніе всѣхъ европейскихъ языковъ становится рычагомъ для соединенія литературы еврейской съ литературами многихъ другихъ народовъ, и въ общемъ умственномъ движеніи того періода нѣтъ почти ни одной струи, которая такъ или иначе не коснулась бы и еврейской письменности. Мѣсто выдающихся отдѣльныхъ личностей заступаютъ школы и направленія; облегченныя международныя сношенія и книгопечатаніе открываютъ новые пути этой письменности, которая въ своемъ пятомъ періодѣ имѣетъ характеръ энигонства, но такого, которое умѣетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить и хранить доставшееся ему великое наслѣдство. Только къ концу этого періода, когда и страданія народа достигли своего апогея, наступаетъ пора застоя; ибо всѣ направленія сливаются въ талмудизмъ, куда нетерпимость народовъ загнала Израиля. Но и изъ этого узкаго круга религиозныхъ интересовъ многіе сыны еврейскаго племени пробиваютъ себѣ дорогу къ сокровищамъ своего великаго прошлаго, къ пріобрѣтеніямъ европейской культуры и науки — ту дорогу, которая наконецъ приводитъ

въ шестой и послѣдній періодъ, періодъ еврейской литературы настоящаго времени.

Всѣ направленія этой литературы, въ нихъ возникновеніи, сложныхъ путяхъ и постепенномъ ходѣ, становятся, однако, понятными для насъ только при помощи дополнительной картины общаго положенія, которое, какъ выше замѣчено, въ этомъ періодѣ существенно отличается отъ положенія періодовъ предшествующихъ. Между тѣмъ какъ церковь до этого времени относилась къ еврейству съ сострадательною терпимостію, или даже не обращала на него вниманія, теперь она преслѣдуетъ его всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами. И въ этой борьбѣ съ бессильными и безпомощными Израилемъ, теперь, рядомъ съ религиозными побужденіями, впервые начинаютъ дѣйствовать и національныя чувства. Возникаетъ непримѣрная въ исторіи народовъ борьба, истребительная война на жизнь и смерть; вся Европа охватывается желаніемъ истребить горсть безобидныхъ людей и преслѣдуетъ ихъ всѣми способами тяжелаго гнета. Но это не удастся ей; тысячекратно изгоняемые, они возрождаются въ другой странѣ для новой жизни; сокровища ихъ конфискуются, книги сжигаются—они собираютъ новыя, и не погибаютъ, ибо *одну* книгу не можеть отнять у нихъ никакой врагъ,—книгу, въ которой ихъ защита и ихъ утѣшеніе, ихъ сокровище и святыня, ихъ литература и религія, даже вся жизнь ихъ—Библию.

Какъ ни однообразно кажется историческое движеніе въ этомъ періодѣ, въ немъ все-таки замѣчается нѣкоторый прогрессъ. Оно начинается съ систематическаго, постепенно увеличивающагося исключенія евреевъ изъ европейскаго общества. Отъ этого исключенія до общаго преслѣдованія, поголовной рѣзни—всего нѣсколько шаговъ. Ихъ помогаетъ сдѣлать „черная смерть“. Старыя клеветы умножаются новыми; евреевъ обвиняютъ въ отравленіи колодець, даже воздуха. Нѣтъ недостатка и въ другихъ поводахъ къ гоненію, изобрѣтаемыхъ ненавистью и фанатизмомъ. Тутъ происходитъ катастрофа—изгнаніе евреевъ изъ Испаніи, ихъ третьяго отечества послѣ Палестины и Вавилона. Все, слѣдующее затѣмъ, есть только продолженіе этой катастрофы—печальный эпилогъ, который, однако, тянется почти три мрачныхъ столѣтія.

Начало этой великой трагедіи связано съ выдающимся всемірно-историческимъ явленіемъ—царствованіемъ Иннокентія III, этого папы, который хотѣлъ сдѣлать церковь властительницею міра и отъ котораго исходили къ государямъ всѣхъ странъ, Испаніи какъ Франціи, рѣзкія укоризны за тер-

пимость ихъ къ евреямъ. Соборъ 1115 г. положилъ основаніе инквизиціи и отчужденности евреевъ установленіемъ особой одежды, «еврейскихъ знаковъ» или «еврейскихъ нашивокъ», остававшихся въ употребленіи до прошедшаго столѣтія. Принѣру папы послѣдовалъ императоръ—и Фридрихъ II былъ первый, запершій палерскихъ евреевъ въ особый кварталъ города (гетто). Когда эти средства оказались недостаточными, началось преслѣдованіе Талмуда, чѣмъ надѣялись уничтожить и все еврейство. По совѣту крещенаго еврея Николая Донна, папа Григорій IX въ 1239 г. издалъ повелѣніе отнять у евреевъ и сжечь всѣ экземпляры Талмуда. Диспуты и религіозныя бесѣды между раввинами и монахами не измѣнили и не устранили этого декрета: чрезъ три года послѣ его обнародованія, на одной изъ парижскихъ площадей были сожжены 24 телеги книгъ Талмуда и другихъ еврейскихъ сочиненій.

Когда монгольскія орды Чингисъ-Хана наводнили Европу, на евреевъ, конечно, обрушилось обвиненіе, что это они призвали дикарей. Когда государи и знатные стали все чаще и чаще дѣлать евреевъ своими лейбъ-медиками, соборъ въ Безье 1246 г. постановилъ, чтобы еврейскіе врачи не имѣли права лечить христіанъ. Каждый новый соборъ приносилъ новое ограниченіе, каждое событіе, печальное или радостное, навлекало новыя страданія на сыновъ Израиля. Людовикъ Святой отнялъ у нихъ приобрѣтенныя тяжкимъ трудомъ имущества для покрытія издержекъ предпринятаго имъ крестоваго похода, и вслѣдъ за этимъ выгналъ разоренныхъ изъ Франціи. Не лучше имъ было въ Англіи, гдѣ ихъ грабили и убивали, или въ Германіи, гдѣ къ ихъ особой одеждѣ прибавили еще еврейскую шляпу (*pileum cornutum*), натурально—смѣшного вида. Даже въ Испаніи, между христіанами и арабами, нашла себѣ мѣсто ненависть къ евреямъ; папская булла противъ Талмуда проникла и въ Арагонію, а въ Кастиліи на нихъ наложили подушную подать почти въ три милліона мараведи. Но самое ужасное гоненіе на евреевъ началось въ Германіи, въ слѣдующемъ столѣтіи. Общины подверглись всяческимъ притѣсненіямъ и грабёжамъ, ихъ раввиновъ заключали въ тюрьмы или изгоняли; каждый новый поводъ влекъ за собой денежныя вымогательства и убійства; оскверненіе причастія и умерщвленіе христіанскихъ дѣтей оставались обычными пунктами обвиненія, съ которыми выступали противъ несчастныхъ для отнятія у нихъ имущества, а въ большинствѣ случаевъ—и жизни. Въ 1290 г. ихъ выгнали изъ Англіи, въ 1306—изъ Франціи. Большая часть ихъ отправилась въ сосѣднія страны, другіе—даже въ Палестину. Правда, уже слѣ-

дущій французскій король, Людовик X, снова вернулъ ихъ въ свое государство—не только для того, чтобы обречь на ужасы такъ называемаго пастушескаго крестоваго похода, въ которомъ, по ту и по сю сторону Пиренеевъ, погибли жертвою страшнаго кровопролитія 150 еврейскихъ общинъ. Своєю апогея гоненіе на евреевъ въ Германіи достигло около половины четырнадцатаго столѣтія. Избѣненіе евреевъ въ Деггендорфъ послужило для всѣхъ «юдобоевъ» въ нинерин, Базарин, Австріи, Вогемин и Моравин сигналомъ къ умерщвленію тысячами беззащитныхъ евреевъ, и ни императоръ, ни папа не могли остановить эти неистовства. Вслѣдъ затѣмъ появилась страшная «черная смерть», и вмѣстѣ съ нею неслыханныя страданія обрушились на еврейское населеніе, такъ какъ именно его не преминули обвинить въ этотъ бѣдствіи. Изъ южной Франціи и Швейцаріи, гдѣ тоже начались гоненія, они распространились на всю Германію и часть сосѣднихъ земель. Лучше всего жилось евреямъ относительно въ Венгріи, а также въ Польшѣ, гдѣ защитникомъ ихъ былъ король Казимиръ IV.

Между тѣмъ готовилась великая катастрофа въ Испаніи. Чѣмъ болѣе тамъ мусульмане уступали господство испанцамъ, тѣмъ сильнѣе ухудшалось положеніе евреевъ. Права ихъ постепенно подвергались ограниченіямъ и наконецъ были совсѣмъ отняты, а когда инквизиція ввела въ дѣйствіе свои еретическія судилища, для еврейскаго населенія наступили страшные дни. Многие поневолѣ крестились, но въ тайнѣ оставались евреями; ихъ прозвали *мараннами*. Больше всего приходилось евреямъ терпѣть, конечно, отъ отступниковъ, которые преслѣдовали своихъ прежнихъ единовѣрцевъ съ фанатическимъ рвеніемъ. Наконецъ, при Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ, великій инквизиторъ Торквемада, послѣ сожженія на кострѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, больше осьми тысячъ евреевъ, настоялъ на изгнаніи изъ этой страны всего еврейскаго населенія. Въ печальный день 9-го аба, въ 1492 г., 300 тысячъ евреевъ * оставили Испанію, сдѣлавшуюся для нихъ столь милою и дорогою, и большинство ихъ направилось на югъ, въ Италію, Африку и Турцію.

Въ этотъ же самый день Колумбъ отплылъ для открытія Америки.

Что Португалія не замедлила послѣдовать примѣру Испаніи—это совершенно естественно. Уже восемь мѣсяцевъ спустя, евреи были изгнаны

* По новѣйшимъ изслѣдованіямъ г. Исидора Леба—эта цифра преувеличена.

также изъ Португаліи и Наварры. Между тѣмъ въ Германіи гусситское движеніе породило новый поводъ для гоненій. Католическія войска сочли первымъ долгомъ своимъ истребить евреевъ. Даже папы и ихъ буалы не имѣли возможности защитить несчастныхъ отъ ярости фанатической черни, которую усердно подстрекала легатъ Іоаннъ Капистрано. Куда ни появлялся этотъ фанатикъ-монахъ въ своемъ странствіи по Германіи и Польнѣ, всюду обрушивались на евреевъ бѣдствія и смерть. Нѣсколько свѣтлыхъ красокъ представляетъ на мрачной картинѣ этого времени отчасти своею положеніе евреевъ въ Италіи. Тамъ они тоже приняли участіе въ блистательномъ развитіи, которое получали науки и искусства въ эпоху Медици. Но и Италія наконецъ, позже всей остальной Европы, воздвигла на нихъ гоненіе: ихъ обвинили въ занесеніи моровой язвы изъ Испаніи и за то начали всачески преслѣдовать и мучить, особенно въ Неаполѣ, Генуѣ и Венеціи.

Только въ Турціи участь евреевъ была благопріятная. Слова султана Баязета: «Вы называете Фернандо умнымъ королемъ—его, приведшаго въ обѣденіе свое государство и обогатившаго наше», хорошо характеризуютъ положеніе, которое евреи постоянно занимали между турками. Такимъ образомъ Турція сдѣлалась пріютомъ для изгнанныхъ какъ изъ Испаніи и Португаліи, такъ впоследствии и изъ остальной Европы, евреевъ.

Что при такихъ обстоятельствахъ и въ такихъ условіяхъ иудейку пріѣтствована какъ желанную и милую гостью, а всякаго псевдомессію какъ дѣйствительнаго спасителя, это болѣе чѣмъ понятно. Многочисленные лже-мессіи эксплуатировали въ эти столѣтія надежды и ожиданія угнетенныхъ евреевъ; самыя извѣстныя между ними были: *Давидъ Реувени* и *Саббатаи Цви*.

Съ появленіемъ гуманистовъ начало измѣняться вѣншее положеніе евреевъ. Споръ между *Рейхлиномъ* и *Пфефферкорномъ* окончился въ пользу жестоко поруганнаго Талмуда. Напротивъ того, реформація пролегла для еврейскаго народа почти бесслѣдно, потому-ли, что его было немного въ тѣхъ странахъ, гдѣ она распространилась впервые, или по внутреннимъ мотивамъ, о которыхъ намъ придется еще говорить подробнѣе. Окутительнѣе для евреевъ оказалась своими послѣдствіями антиреформація іезуитовъ, ибо она возстала противъ всѣхъ еретиковъ, а слѣдовательно, и противъ евреевъ, и снова—противъ Талмуда. И тутъ третье гоненіе на Талмудъ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ сильное ухудшеніе участи евреевъ въ Италіи, устроили опять-таки крещенные евреи.

Только въ Польшѣ снова зажили они спокойно послѣ гоненій Капистрано. Потому-то и происходило постоянное переселеніе ихъ изъ Германіи въ эти славянскія земли, такъ что между польскими евреями оставался господствующимъ нѣмецкій языкъ, какъ на востокъ — испанскій, благодаря евреямъ, перешедшимъ туда съ Пиренейскаго полуострова. Только тогда, когда въ Польшѣ воспитаніе юношества перешло также въ руки іезуитовъ, начались и тамъ страданія еврейства. Есть свидѣтельство, что казаки Богдана Хмельницкаго въ одно десятилѣтіе умертвили четверть милліона евреевъ. И вотъ оставшіеся въ живыхъ снова двинулись оттуда—въ Германію и Голландію, Турцію и Италію.

Поселеніе евреевъ въ Нидерландахъ было для нихъ началомъ лучшей участи. Толпы преслѣдуемаго племени немедленно направились въ эту гостепріимную страну и приняли дѣятельное участіе въ ея матеріальномъ и духовномъ развитіи. Примѣру Нидерландовъ послѣдовала въ половинѣ XVII столѣтія Англія. Въ Германіи тридцатилѣтняя война принесла съ собою новыя гоненія и грабежи, и между тѣмъ какъ въ остальныхъ земляхъ уже были провозглашены свобода совѣсти и терпимость, изъ австрійскихъ наслѣдственныхъ государствъ изгоняли всѣхъ евреевъ; большинство ихъ переселилось въ Венгрію, многіе отправились въ бранденбургскую землю, гдѣ великій курфюрстъ далъ имъ пріютъ. Но время теперь было уже не то, и духъ терпимости побѣдоносно распространялся все шире и шире. Постепенно улучшалось и положеніе евреевъ; гоненія прекратились, и только ограниченія правъ продолжали еще оставаться печальнымъ памятникомъ средневѣковой эпохи.

Какимъ образомъ при такихъ преслѣдованіяхъ и бѣдствіяхъ вообще могли существовать между евреями культура и литература, это представлялось бы почти необъяснимымъ, не будь признанною всѣми этнологами за отличительную черту еврейскаго характера живучесть этого племени, та изумительная твердость, съ которою оно оставалось вѣрнымъ своимъ традиціямъ и своей религіи, шумѣли-ли вокругъ него волны фанатической ненависти, грозили-ли ему поголовнымъ уничтоженіемъ огни крестовъ. Но такъ какъ эта культура обвиняетъ столь многія и столь различныя столѣтія и распространяется на столько отдаленныхъ странъ, то представить хотя бѣглыми чертами картину ея было бы почти невозможно, если бы внутренняя жизнь евреевъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ не являлась намъ одинаковою всюду, съ незначительными только отличіями, обусловливавшими болѣе высокое развитіе или болѣе благоприятное положеніе.

Естественно, что вся эта культурная жизнь группировалась вокруг еврейства и находившихся съ нимъ въ связи богословскихъ занятій. Библия и Талмудъ составляли содержаніе всѣхъ знаній; всѣми другими науками занимались исключительно настолько, насколько онѣ имѣли какое нибудь, хотя бы самое отдаленное, отношеніе къ этимъ двумъ книгамъ. Уже въ воспитаніе дѣтей кидалися сѣмена этой твердой приверженности къ религіи отцовъ; еврейская грамота, переводъ Пятикнижія и впрочемъ всѣхъ книгъ Библии, затѣмъ изученіе Мишны и Гемары были важнѣйшими предметами преподаванія. Волѣ зрѣлый возрастъ находилъ возможность и средство къ дальнѣйшему образованію въ *Bet-Ha-Midrash*, или школѣ, и всѣ, бѣдные и богатые, молодые и старые, прилежали тамъ къ изученію закона, считавшемуся самымъ высшимъ долгомъ человѣка. Напротивъ того, дѣвушки получали только въ родительскомъ доуѣ указанія и наставленія, какъ исполнять религіозныя обязанности, для того, чтобы онѣ не уступали мужчинамъ въ набожности. «Вся семейная жизнь регулировалась по формамъ религіи и носила строго патриархальный характеръ. Сношенія съ женщинами ограничивались брачнымъ сожителемъ; разведеніе половъ было условіемъ доброй нравственности. Съ этой точки зрѣнія танцы часто подвергались осужденію, и исключеніе допускалось только въ праздникъ Пуримъ*. Радости и веселья не позволялъ властитель—врагъ; музыка смолкала предъ яростнымъ воемъ ирелъдвателей и скрашивающее жизнь искусство оставалось чуждо тѣмъ, которымъ приходилось бороться за эту самую жизнь. По этому не было почти никакихъ игръ и развлеченій; только шахматы пользовались почти всюду большимъ почетомъ. Мужчины занимались денежными операціями или торговлею, такъ какъ другія профессіи были для нихъ или совершенно недоступны, или сопряжены съ большими затрудненіями; въкоторые становились ремесленниками, иные умѣли даже владѣть оружіемъ. Но не смотря на все это, пропасть, отдѣлявшая евреевъ отъ христіанъ, была въ первыя столѣтія не такъ велика, какъ въ позднѣйшія, когда мелочныя ограниченія размножались все больше и больше и создали наконецъ полную отчужденность. Одеждою и нарядами евреи старались подражать туземцамъ, говорили почти всюду однимъ съ ними языкомъ, и нерѣдко приходилось даже издавать строгія постановленія противъ увеличивавшейся роскоши и подражанія чуждымъ нравамъ».

* Слѣдуетъ прибавить: въ праздникъ окончанія горы (Снимать-гора) и на свадьбахъ.

Вообще, однако, евреи вели жизнь умирную, и большіе богачи встрѣчались между ними рѣдко. За то, вслѣдствіе плачевности ихъ положенія, суевѣріе распространялось въ еврейской средѣ все больше и больше; они вызывали дуговъ, боялись вѣдьмъ, колдуновъ и дурного глаза, носили талисманы и прибѣгали къ леченію болѣзней посредствомъ сахара *.

Правы народовъ, которые окружали ихъ, часто приходились имъ по сердцу больше, чѣмъ обычаи, завѣщанные традиціей, и не одна горькая жалоба раздается въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ по поводу усиливающагося между евреями суевѣрія. Страждущій, которому нужны утѣшеніе и надежда, хватается вѣдь за всякій якорь спасенія, а суевѣріе давало евреямъ средства и возможность забывать на время мрачныя стороны ихъ существованія. Но, съ другой стороны, оно отчасти способствовало одичанію въ моральной жизни, — одичанію, которое въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ достигло своей крайней ступени. Самые низшіе слои вѣсть съ людьми той же категоріи изъ коренныхъ нѣмцевъ составили условный испорченный языкъ и образовали такимъ образомъ тотъ жаргонъ, составленный изъ смѣся испорченныхъ еврейскихъ и нѣмецкихъ словъ языкъ, который имѣетъ самое большое сходство съ еврейско-нѣмецкимъ діалектомъ.

Только религія оставалась свободною отъ всѣхъ этихъ заблужденій и уклоновъ, оставалась въ своей неприкосновенности, будучи окружена неприступною стѣною постановленій и законовъ. Правда и совершенно естественно, что въ тяжелыя времена увеличивалось также число отступниковъ; но тѣ, которые не выходили за предѣлы общины, сохранили непоколебимую преданность своей религіи. Набожнѣйшими между евреями всей Европы считались въ ту пору нѣмецкіе, служившіе всѣмъ остальнымъ образцами религіозности. Что общее страданіе создало прочную солидарность — это могли порицать только неразумные, ибо вѣдь каждый ударъ, наносившійся отдѣльной личности, поражалъ всю общину, и всякое бѣдствіе отдѣльной общины тяжело отзывалось на всѣхъ общинахъ Діаспоры. Такимъ образомъ естественно выработались законы и постановленія, обеспечивавшія существованіе общинъ и регулировавшія ихъ жизнь. Они исходили большею частью отъ раввиновъ, которые въ спокойныя времена собирались въ синагоги во Франціи, Германіи и Польшѣ. Титулъ «рабби», прежде давав-

* Но всѣ эти суевѣрныя обычаи были тогда, отчасти и теперь, равнымъ образомъ распространены въ низшихъ слояхъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

и́йся только ученому, впоследствии сдѣлался принадлежностью преимущественно религіознаго руководителя общины; сверхъ того установлено нѣчто въ родѣ посвященія—Semichah—посредствомъ котораго раввинъ вводился въ свою должность. Посвященный такимъ образомъ своими учениками получалъ сверхъ того почетный титулъ Могену (нашъ учитель). Дѣятельность раввиновъ распространялась преимущественно на область религіознаго поученія. Но такъ какъ каждый членъ общины, выдававшійся своими познаниями, стоялъ наравнѣ съ раввиномъ, или даже могъ превзойти его, то въ еврействѣ не образовалось никакой іерархіи. Только тогда, когда стала уменьшаться богословская ученость, обнаружилась попытка къ созданію іерархіи; раввины присвоили себѣ право произносить малое отлученіе—Niddui, и большое—Cherem, и такимъ образомъ установился авторитетъ, который часто вліялъ очень пагубно на жизнь евреевъ, но которому не удалось приобрѣсти прочную силу, такъ какъ онъ могъ находить себѣ опору только въ религіозномъ знаніи.

Естественно, что эти страданія и бѣдствія должны были находить себѣ глубокое отраженіе и въ литературѣ: Они наложили на нее печать, остававшуюся неизгладимою, какъ ни старались уничтожить ее просвѣщенные умы и значительные мыслители. За высокими процвѣтаніемъ, которое доставилъ еврейской литературѣ Маймуни, послѣдовалъ, непосредственно послѣ его смерти, упадокъ. Борьба между философіей и традиціей втягиваетъ умы въ свои сѣти и заканчивается побѣдой традиціи. Этии результаты указываются направленіе и цѣль для послѣдующаго времени. Мистика, въ тиши дѣйствовавшая и до тѣхъ поръ, теперь выступаетъ могущественнымъ умственнымъ двигателемъ, и все добровольно повинуетъ ея волшебному слову. Весь интересъ сосредоточивается исключительно на изученіи Талмуда; творческая сила всякается, и въ поэзіи время эпигоновъ тоже сѣняется порою полнѣйшаго упадка.

Въ концѣ этого періода въ литературѣ мертвый застой. Но какъ въ буряхъ оканчивающейся зимы слышатся уже предвѣстники весны, такъ послѣ глубочайшаго духовнаго паденія загорается заря новаго времени, которая возвышаетъ евреевъ морально и умственно и даетъ имъ литературѣ новое направленіе.

Обозрѣвая всю эту эпоху, которая, вслѣдствіе постоянно измѣняющихся тенденцій и теченій, представляетъ критику величайшія трудности, мы можемъ раздѣлять ее на три періода идущаго вспять движенія: первый—отъ смерти Маймуни до побѣды традиціи надъ философіей, второй—до

выгнания евреевъ изъ Испаніи и Португаліи, третій—до начала освобожденія и новаго расцвѣта еврейской литературы, приблизительно въ половинѣ семнадцатаго столѣтія.

Языкъ литературы—преимущественно раввинское нарѣчіе. Но къ нему производительно присоединяются и всѣ европейскіе языки, равно какъ и латинскій и, главнымъ образомъ, чисто еврейскій въ качествѣ общепонятнаго органа. Благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, литература въ это время получаетъ особенно широкое развитіе, вслѣдствіе чего образованность, достигшая въ предыдущемъ періодѣ своей высшей ступени, начинаетъ теперь обобщаться. Поворотъ отъ арабской схоластики къ классическимъ наукамъ составляетъ важный пунктъ и въ еврейской литературѣ этого періода, которая теперь имѣетъ уже характеръ почти массоваго движенія и такимъ образомъ грозитъ уничтожить всякую отдѣльную индивидуальность, всякое отдѣльное направленіе. Мѣстомъ дѣйствія покажутся все еще остаются Испанія, Франція и Германія; позже выступаютъ на первый планъ славянскія земли—особенно Польша. Тутъ же надо упомянуть объ Италіи и Голландіи, какъ о странахъ, въ которыхъ, въ противоположность направленію вѣнецко-славянскому, находятъ себѣ сочувствіе и разработку испанско-арабское,—направленіе, которое одно еще связываетъ этотъ періодъ постепеннаго упадка съ предшествующею и слишкомъ быстро исчезнувшюю порою процвѣтанія.

Борьба между философіей и традиціей.

Подобно всѣмъ литературамъ, новоеврейской пришлось также совершить тотъ процессъ, который искони слѣдовалъ почти за всякимъ тѣснымъ союзомъ между религіей и философіей. Философія горячо старается высвободиться изъ объятій богословія, богословіе бѣжитъ изъ холодныхъ сферъ философской спекулятивности и тѣмъ сердечнѣе обближается съ мистическими тайнами вѣры. Большею частью этотъ процессъ начинается только тогда, когда обнаруживается стремленіе принятить ушедшее впередъ богословіе къ реальнымъ условіямъ жизни; въ еврейской литературѣ онъ начался немедленно послѣ смерти великаго учителя, предпринявшаго дѣло примиренія. Уже при жизни Маймуни обнаруживалась, правда—робко и тихо, оппозиція многимъ его философскимъ принципамъ, равно какъ и спекулятивному его пониманію различныхъ религіозныхъ представленій. Но до открытой борьбы дѣло не доходило, частью потому, что авторитетъ

учителя былъ слишкомъ великъ для того, чтобы кто либо отважился напасть на еще живого съ этой стороны, частью же и вслѣдствіе того, что противники еще недостаточно распознали опасное въ его системѣ, также какъ и ея слабыя стороны. Но едва Маймуни умеръ, какъ война возгорѣлась на всей линіи литературнаго направленія, того, которое было господствующимъ въ Испаніи и Провансѣ, — а вслѣдствіи захватила въ свою область и сѣверную Францію. Только Германія и Италія не принимали участія въ этой борьбѣ: въ первой получило преобладаніе другое направленіе, остававшееся одинаково близкимъ и одинаково чуждымъ какъ философін, такъ и традиціи, Италія же въ это время все еще не приобрѣла выдающагося литературнаго значенія.

Болѣе столѣтія продолжается война, постепенно ставовящаяся все болѣе и болѣе ожесточенною и доводящая противоположности до послѣднихъ крайностей. Окончательный результатъ ея не трудно было предвидѣть. Философія была еще недостаточно сильна для того, чтобы произвести переворотъ въ религиозныхъ воззрѣніяхъ; ей, сообразно племенной религіозности евреевъ, пришлось уступить побѣду традиціи, — побѣду, поддержанную высшими силами и оказавшую потомъ пагубное вліяніе на духовную жизнь, ибо умъ, которому запрещалось рационалистическое обсужденіе высшихъ и конечныхъ предметовъ, нашелъ себѣ исходъ, чрезъ теозофическое пониманіе этихъ вѣчныхъ мировыхъ загадокъ, въ мистику. Мечтательное чувство доставляетъ то сладостное успокоеніе и то сердечное удовлетвореніе среди житейскихъ бурь, которыхъ никогда не найдешь въ ледяныхъ областяхъ философін. Въ гавань мистики и дополняющей или продолжающей ее каббалы входятъ въ концѣ концовъ всѣ суда, нѣкогда понимавшія съ гордо развѣвающимися парусами по морю свободного изслѣдованія.

Даже христіанская, до тѣхъ поръ враждебная еврейству наука, погружается въ таинства этой каббалы, какъ глубокоскрытой истины и божественной мудрости. Но мистика есть только пріютъ для уставшаго отъ долгихъ и сильныхъ бореній ума, который ищетъ и находитъ себѣ въ ней временное отдохновеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ собираетъ силы для новой борьбы. Освѣженный и укрѣпленный, устремляется онъ затѣмъ отсюда въ міръ свободной мысли. Въ христіанствѣ за мистикой слѣдуетъ реформація, въ еврействѣ — начинающееся въ славянскихъ земляхъ изученіе Талмуда на новыхъ основаніяхъ.

Если мы еще разъ взглянемъ въ періодъ послѣ Маймуни относительно его литературнаго значенія, то, согласно постоянно повторяющемуся какъ

въ духовной жизни, такъ и въ жизни народовъ закону, увидить, что за временемъ процвѣтанія и широкаго развитія послѣдовала пора общей усталости и апатій, когда добровольные эпигоны собирали, пересматривали и комментировали сокровища великаго прошедшаго, когда производительно дѣйствовалъ критеръ и всюду господствовало подражаніе. Въ сынахъ и ученикахъ стоявшихъ во главѣ великаго времени умовъ постоянно обнаруживаются въ полной ясности стремленія и способности подобной эпохи. Большинство ихъ старается сохранять въ неприкосновенности наслѣдіе отцовъ, распространять завѣты учителей и защищать ихъ отъ недоразумѣній и нападокъ. *Авраамъ Маймуни* (1185—1254), сынъ Моисея Маймуни, бывшій, какъ и онъ, лейбъ-медикомъ султана Алькамея, слѣдовалъ направленію своего отца относительно философскаго пониманія и толкованія Гаггады въ написанномъ по арабски сочиненіи, гдѣ онъ поставилъ важный принципъ: «Одни нареченія слѣдуетъ понимать буквально, другія требуютъ объясненія, какъ это доказалъ уже Маймуни; одни затруднительны для объясненія, но всегда основаны на Св. Писаніи, другія оставляютъ буквальный смыслъ Писанія ради нравственныхъ уроковъ, которые они извлекаютъ оттуда; есть и такія, на которыя слѣдуетъ смотрѣть только какъ на преувеличенные образы». Повѣствовательная Гаггада распадается, съ его точки зрѣнія, на историческій матеріалъ съ приѣніемъ къ поучительнымъ цѣлямъ, простые вымыслы, къ которымъ онъ относитъ и рассказы объ ангелахъ и духахъ, поэтическія метафоры и наконецъ притчи и сравненія. Существуетъ и открытое письмо этого писателя къ противнику его отца—преимущественно къ *Соломону б. Ашеру*—подъ заглавіемъ «*Milchamoth Adonai*» (Виты за Бога), въ которомъ онъ оправдываетъ ученіе отца; затѣмъ — сборникъ, содержащій въ себѣ письменныя возраженія противъ Маймуни *Данила б. Саадія* и заглавіе котораго «*Birkath Abraham*» (Благословеніе Авраама) было дано ему, быть можетъ, уже впоследствии *. *Авраамъ Маймуни* унаслѣдовалъ характеръ и кротость своего великаго отца, но не его умъ, не перешедшій и къ любимому ученику Маймуни, *Иосифу б. Йегуда ибнъ Акинну* (1226), которому учитель даже посвятилъ свое главное философское сочиненіе. Въ молодости Ибнъ Акиннъ сочинялъ еврейскія макамы по арабскому образцу, которыя очень одобрялись компететными современниками, но на самомъ

* Это заглавіе несомнѣнно принадлежитъ переводчику сочиненія съ арабскаго на еврейскій языкъ Б. Гольдбергу. Ред.

дѣлѣ, судя по сохранившимся остаткамъ, не отличались особенною востичностью содержанія. Во всякомъ случаѣ, однако, если приписываемыя Соломону Ибнъ Цикбелю макамы дѣйствительно поддѣльныя, то Юсефъ ибнъ Акнинъ — первый еврейскій сочинитель макамы. Впослѣдствіи онъ писалъ много сочиненій по медицинѣ, нравственной философій, библейской экзегетикѣ и Талмуду. Изъ этихъ трудовъ появилась недавно въ еврейскомъ переводѣ, кромѣ комментарія къ «Пѣснѣ Пѣсней», написаннаго по арабски введене и руководство къ Талмуду, составляющее, вѣроятно, введене къ обширному сочиненію о талмудическихъ мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ; а въ переводѣ нѣмецкомъ — три, также арабскихъ, трактата философскаго содержанія (о необходимо Существующемъ, о процессѣ исхожденія вещей изъ этого Существующаго, о сотвореніи міра), написанныхъ большею частью въ духѣ и направленіи Авиценны. Въ послѣднихъ двухъ вопросахъ онъ идетъ дальше Маймуни и его релігіозно-философскихъ воззрѣній; вслѣдствіе этого, и потому еще, что онъ никогда не называетъ по имени знаменитаго учителя, его многіе не признавали за ученика Маймуни, а считали таковымъ другаго *Юсефа б. Теуду*, жившаго около этого же времени и которому приписывалось важное для тогдашняго состоянія науки сочиненіе «*Tibbul-nufas*» (Испыленіе души), гдѣ мы ближе знакомимся съ источникомъ и ходомъ научныхъ занятій того времени. Сочиненіе это представляетъ полный энциклопедическій обзоръ тогдашнихъ наукъ. Положеніемъ, которое предоставлено здѣсь философій въ средѣ остальныхъ отраслей знанія, именно только какъ защитницѣ вѣры, характеризуется и положеніе, которое младшіе современники и непосредственные преемники Маймуни заняли относительно его попытки соединить вѣру и мышленіе.

Позднѣйшіе потоки великаго человѣка также вступаютъ въ борьбу за его ученіе. Таковы, главнымъ образомъ, его внукъ *Давидъ Маймуни* (1228—1306) и правнукъ *Абраамъ* (1312), которые всѣ жили въ Египтѣ, между тѣмъ какъ защитники и противники сочиненій Маймуни сражались между собою въ Испаніи, Провансѣ и сѣверной Франціи.

Что касается до остальныхъ учениковъ Маймуни, то до насъ не дошли даже ихъ имена—краснорѣчивое свидѣтельство, что они не имѣли никакого значенія. И въ этомъ обстоятельстве заключаются уже залогъ будущей побѣды противной партіи. Будь между защитниками Маймуни человекъ, равный ему по уму, онъ примирилъ бы спорящихъ, или по крайней мѣрѣ старался бы сгладить противорѣчія, отыскавъ болѣе высокое третье начало. Но среди его-учениковъ не было ни одного, способнаго

для этой миссии, а изъ остальныхъ приверженцевъ его направленія тоже никто не могъ принять ее на себя, потому что всѣ они слишкомъ сильно втянулись въ борьбу обѣихъ партій.

Мы упоминали выше, что Маймуні самъ, скоро послѣ окончанія своихъ обонхъ большихъ сочиненій, увидѣлъ себя въ необходимости защищаться отъ многихъ нападеній, въ которыхъ уже заключались зародыши будущей борьбы. Когда появилась его «Mischneh Thoga», возникло прежде всего опасеніе, что эта книга имѣетъ цѣлью вытѣснить и дѣйствительно совсѣмъ вытѣснить Талмудъ, изученіе котораго вѣдь собственно становилось главнымъ при существованіи этого систематическаго компендіума. Затѣмъ серьезные критики начали осуждать автора за отсутствіе указанія источниковъ, препятствовавшее всякому научному контролю. Тутъ же играло не послѣднюю роль чувство умственного превосходства, гордаго самосознанія, которое подстрекало противниковъ браться за оружіе и было причиною того, что они прежде всего придирались къ частностямъ и мелкимъ недостаткамъ. Нападенія сдѣлались сильнѣе, когда „Руководство для сомнѣвающихся“ распространилось подъ заглавіемъ «Moreh Nebuchim» въ двухъ еврейскихъ переводахъ, по всѣмъ европейскимъ землямъ. Это сочиненіе давало важный и удобный матеріалъ для противниковъ своимъ философскимъ идеями и ихъ прииженіемъ къ догматамъ вѣры. Уже въ философскомъ введеніи къ большому религиозному кодексу, которое авторъ называлъ «Основаніе Ученія»—Maddah—и которому современники, благодаря его популярному изложенію, дали заглавіе «Ровной Книги»—Sefer Hajaschar—въ противоположность къ «Moreh», которую назвали «Закнутою Книгой»—Sefer hachatum,—уже въ этихъ фундаментальныхъ доктринахъ были найдены предосудительнымъ ученіе Маймуни о бестѣлесности Бога, его мысли о различныхъ степеняхъ дара пророчества, изъ которыхъ самой высшей достигнулъ Моисей, его утвержденіе, что «заклинатели мертвыхъ, толкователи формъ, принимаемыхъ облаками, и колдуны не могутъ приносить ни пользы, ни вреда», наконецъ его воззрѣнія на жизнь въ загробномъ мірѣ, на награду и кару и на символическій смыслъ относящихся съ этимъ предметамъ мѣсть Гагады. Въ книгѣ же «Moreh» приверженцы традиціи нашли наиболѣе опасными для самыхъ существенныхъ основъ религіи и, слѣдовательно, требующими самой усиленной борьбы съ ними—доводы и положенія автора касательно обрядовыхъ законовъ—Та'аше Hamizwoth—въ связи съ его взглядомъ на приношеніе въ жертву животныхъ, какъ на уступку язычеству; затѣмъ многія видныя противно-

рѣчія съ традиціею относительно библейскаго уголовного права и символическаго толкованія библейскихъ разсказовъ, каковы о борьбѣ Іакова съ ангеломъ или о Валаамской ослицѣ, отрицаніе существованія злыхъ духовъ и демоновъ, утверженіе, что преходимость міра не есть догматъ вѣры, и что если авторъ убѣжденъ въ справедливости библейскаго разсказа о сотвореніи міра изъ ничего, то это главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточности противныхъ доказательствъ; наконецъ, аллегорическое толкованіе грубо-материалистической Гаггады. Нападеніе на направленіе «Mogeh» и «Mad-dah» началось почти одновременно съ двухъ сторонъ: во Франціи и въ Испаніи.

Немедленно послѣ смерти Маймуни выступилъ противникомъ его ученія о безсмертіи души *Меиръ б. Тодросъ Галеви Абулафіа* изъ Толедо (1244 г.), который и самъ образовался на испанской наукѣ, — человекъ знатный, ученый, но гордый и фанатическій, о которомъ одинъ современный поэтъ выразился: «По учености я не могу сравнить съ нимъ никого, но надменность его да послужить ему къ стыду». Съ сомнѣніями своими по поводу доктринъ Маймуни онъ обратился къ ученику Прованса, «мудреца» Люнея, съ которыми уже прежде переписывался о томъ же самомъ предметѣ, — но не встрѣтилъ въ нихъ никакого сочувствія и даже навлекъ на себя энергическое осужденіе Арона б. Мешуллама и насмѣшки сатирическихъ поэтовъ, изъ которыхъ одинъ, имѣя въ виду его имя *Меиръ* (свѣташій), сочинилъ слѣдующую эпиграмму:

„Вы спрашиваете, почему онъ называется свѣташій,
 Когда придаетъ такую малую цѣну свѣту?
 Вѣдь называютъ же сумерки также полусвѣтомъ:
 Языкъ любить противоположности!“

Служительницей воинствующаго богословія должна была сдѣлаться и поэзія, и «никому дитяти миролюбивой музы пришлось, облокнись въ латы, дѣйствовать мечомъ». Вышеприведенная эпиграмма была только отвѣтомъ на поэтическій вызовъ надменнаго *Меира б. Тодроса*:

„Если воскреснимъ суждено вновь умирать,
 То я нисколько не желаю такой участи.
 Если могильными окопы слова должны упасть на нихъ,
 То я предпочитаю остаться тамъ, гдѣ нахожусь“.

Но не смотря на встрѣченный отпоръ, *Меиръ б. Тодросъ* не положилъ оружія, и вполнѣдствіи, въ общей войнѣ, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ передовыхъ бойцовъ. Свои возраженія противъ «Mogeh» онъ рѣзко и опредѣлительно сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: книга «Mogeh»,

правда, укрѣпляетъ корни религіи, но отсѣкаетъ ея вѣтви; она законопачиваетъ щели въ фундаменталь, но въ тоже время уничтожаетъ всѣ ограды; въ ея голосѣ звучитъ преданная покорность Богу, а между тѣмъ на ея языкѣ и смерть, и жизнь; она приближаетъ лѣвой рукой и тутъ же отталкиваетъ правою! Изъ самостоятельныхъ работъ Меира извѣстны только его комментаріи къ отдѣльнымъ талмудическимъ трактатамъ и грамматическій трудъ «Masoreth Sejag la-Thora» (Масора ограда вокругъ ученія), въ которомъ собрано и сдѣлано пригоднымъ для употребленія библейское правописаніе. Меиръ Абулафіа скорбитъ объ испорченности текста Библии, но не отваживается ни на малѣйшее измѣненіе; при своихъ масоретскихъ работахъ онъ пользуется Codex Hilleli, однимъ изъ древнѣйшихъ манускриптовъ Библии и главнымъ источникомъ Масоры, пользовавшимся въ Испаніи большимъ авторитетомъ, тогда какъ на востокѣ былъ еще въ силѣ Codex Ben Ascher.

Другой ученый противникъ Майнуни былъ врачъ *Иуда б. Иосифъ ибнъ Алфахаръ* изъ знатной фамиліи. Ему приписывается даже сраженіе ксеніяни съ Майнуни, сраженіе, которое воинственный Иуда начинаетъ слѣдующими колкими словами:

Прости, сынъ Амрама, не признавая насъ грѣшниками
 За то, что одинаковое названіе съ тобой носить изобрѣтатель жи:
 Мы называемъ „наби“ пророка истины,
 Но также и проповѣдника языческаго духа обмана!

На это, говорятъ, Майнуни отвѣтилъ библейскимъ намекомъ на слово *шаног*, означающее по еврейски осель, но виѣстѣ съ тѣмъ бывшее именемъ одного государя:

Если рожденіе отъ знатныхъ предковъ
 Даетъ потомку ихъ санъ владыки,
 То съ этихъ поръ я буду называть своего осла государемъ,
 Ибо Хаморомъ звался нѣкогда одинъ государь.

Понятно, что эта стихотворная полемика—подложная; дѣйствительная же переписка этого Иуды б. Алфахара со старикомъ Давидомъ Книхи, котораго молодой и ретивый Иуда старался возстановить противъ Майнуни, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ документамъ этого движенія. Книхи лично поѣхалъ къ Алфахару, чтобы успокоить его. Заболѣвъ въ Авилло, онъ слабѣй рукой пишетъ письмо, начинающееся словами: «Я прихожу теперь препятствовать» (*le sajan*). Но фанатикъ отвѣчаетъ ему рѣзко и укориженно: «Господь накажи тебя, сатана!»—ибо какъ это онъ можетъ принимать

сторону «руководителя заблудшихся», который самъ бродитъ во тьмѣ, который осмѣливается аллегорически толковать библейскіе рассказы, который вообще хочетъ соединить двѣ совершенно несоединимыя вещи, каковы религія и философія, и т. п. Колкая переписка продолжается еще нѣкоторое время, но благородному Книхи все таки не удается образумить и успокоить Алфазара.

Даже въ стихотворную форму облакаются возраженія, дѣлаемыя противъ доктрины Маймуни анти-маймунистами. Конечно, поэтическое достоинство этихъ произведеній ничтожное; но онѣ хорошо характеризуютъ время, создавшее ихъ. Въ одно изъ такихъ стихотворныхъ протестовъ, вызванныхъ крайне преувеличенными восхваленіями Маймуни его учениками, говорится:

Горе дерзкимъ, осмѣливающимся говорить,
 Что Св. Писаніе—только видѣніе сна,
 Что не было на самомъ дѣлѣ того, о чемъ мы читаемъ въ немъ,
 Что тамъ только сокрыты тайны.
 Особенно же чудеса сбиваютъ съ толку еретика:
 Онъ вѣритъ только тому, чему научаетъ его опытъ.

И затѣмъ, изливъ свой гнѣвъ на переводчиковъ «Могехъ», въ особенности на одного изъ нихъ, Іуду Харизи, поэтъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

Что взято изъ словъ праведныхъ въ «Maddah».
 То усваивай себѣ, то доставляетъ наслажденіе;
 Все же излишнее—пагуба, особенно разсужденіе о томъ,
 Что такое Богъ: тѣло, духъ или образъ.
 Съ меня достаточно, что Онъ *есть*, что Онъ правитъ нами.
 Скрыто Его мѣстопробываніе, но Онъ мой Создатель, мой щитъ.
 Слѣши же, слѣши, моя Франція,
 Возстать противъ невѣрующей толпы!
 Пламенно противься Безьеру, подними мечъ
 На дерзкихъ насмѣшниковъ съ преступными устами!
 Этими огомститъ за преступленіе тѣхъ грѣшныхъ,
 И тверже упрочится фундаментъ вѣры!

Такое воинственное настроеніе должно было найти себѣ очень сочувственный откликъ въ вѣрующихъ сердцахъ. Поэтому, когда французскіе равнины Саломонъ б. Авраамъ изъ Монпелье, Иона б. Авраамъ Герунди (1268 г.) и Давидъ б. Саулъ, нѣкоторымъ образомъ въ качествѣ представителей талмудическаго направленія, которое собственно и оказалось эретическимъ, ибо оно принимало буквально антропоморфизмы

Библии и всё изрѣченія Гаггады, — когда они открыто выступили противъ Маймуни и — въ началѣ 1232 г. — произнесли отлученіе всѣмъ, читавшимъ философскую часть его сочиненій, или вообще занимавшимся какою бы то ни было наукой, кромѣ Библии и Талмуда, или же толковали по своему смыслъ писанія и объясняли Гаггаду иначе, чѣмъ это дѣлалъ Раши, — тогда эти дѣйствія послужили сигналомъ къ открытому возстанію съ обѣихъ сторонъ. Французскіе раввины большею частью примкнули къ вышеупомянутымъ вожакамъ, образованныя же общины въ Провансѣ, Лионѣ, Нарбоннѣ, Безьерѣ протестовали противъ нихъ и въ свою очередь подвергнули отлученію всѣхъ троицъ. Пламя раздора охватило почти всѣ общины Испаніи и Франціи. Съ боевымъ крикомъ: «Религія въ опасности!» выходили на битву одни, требованіемъ свободнаго изслѣдованія въ поставленныхъ Маймуни предѣлахъ отвѣчали имъ другіе.

Но приверженцы Соломона въ Монпелье, которые сами были раздѣлены на два лагеря, не довольствовались научнымъ споромъ. Въ первый еще разъ въ исторіи еврейскаго литературнаго движенія обратились къ чужой помощи. Къ «босоногимъ» и доминиканцамъ, чинившимъ въ то время инквизиціонный судъ надъ альбигойцами, былъ отправленъ доносъ съ просьбою подавить ересь и въ іудействѣ. Монахи, конечно, обрадовались случаю. Сочиненія Маймуни были публично сожжены въ Монпелье и Парижѣ. Это происшествіе заставило общины образумиться, и общее негодованіе относительно образа дѣйствій противной партіи обрушилось прежде и сильнѣе всего на вожаковъ антимаймунистическаго движенія. Довсичики были потребованы къ суду за клевету и, вѣроятно, по варварскому обычаю того времени, потерпѣли ужасное наказаніе: у нихъ вырѣзали языкъ. Но одинъ изъ трехъ обвиненныхъ раввиновъ горько раскаялся и выразилъ это публичнымъ показаніемъ предъ народомъ. Онъ отправился затѣмъ къ гробу Маймуни, съ цѣлью тамъ въ теченіе семи дней просить прощенія у великаго человѣка, но умеръ на пути въ Толедо, въ 1263 г.

Эта смерть отчасти умиротворила озлобленныхъ и огорченныхъ, тѣмъ болѣе, что грозившія въ близкомъ будущемъ гоненія извѣстны, а главнымъ образомъ — сожже чіе Талмуда въ Парижѣ, сами собой подавили раздоры внутренніе или, по крайней мѣрѣ, приостановили ихъ на время общей опасности. Если масштабъ для силъ обѣихъ партій и ихъ руководителей мы примемъ умственное разчитіе и научное значеніе той и другой, то въ результатѣ окажется, что собственно и тутъ, и тамъ господствовало безсиліе. Фактъ, что въ сочиненіяхъ Маймуни лежали зародыши внутреннѣйшихъ

раздоровъ, теперь уже не подлежалъ отрицанію. Отъ его учениковъ завѣсно, если-бы они были на то способны, не дать этимъ зародышамъ развиться и положительными разъясненіями положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ. Вѣселие партіи противной достаточно доказано средствами, къ которымъ она пробѣгала, фанатизмомъ ея образа дѣйствій. Уистенное достоинство ея руководителей стоитъ ниже уровня еврейско-испанской культуры, которая едва коснулась ихъ, которую они даже признавали врагомъ религіи и потому преслѣдовали. Главный контингентъ этой партіи составляли строго-ортодоксальные раввины сѣверо-французской школы, которымъ правивъ къ оружію увлечь въ бой въ слѣдъ за другими и которые ознакомились, поняли настоящее положеніе дѣла только тогда, когда занялись на кострѣ сочиненія Маймуни.

Соломонъ изъ Монпелье, на котораго слѣдуетъ смотрѣть, какъ на виновника этой борьбы, считался значительнымъ талмудическимъ авторитетомъ. Но его религіозное мировоззрѣніе было до такой степени узкое, что въ Талмуда для него не существовало никакого авторитета. Антропоморфизмъ Гаггады онъ принималъ за должствующіе быть понимаемыми въ буквальный смыслъ рассказы и объяснял ихъ не духовно, а грубо-материалистически. Злые духи, въ системѣ Маймуни не имѣвшіе мѣста, составляли у Соломона одинъ изъ догматовъ его вѣры. Съ такими взглядами онъ естественно долженъ былъ признавать Маймуни архіеретикомъ и бороться противъ него всѣми, находившимися въ его распоряженіи, средствами. Точно также думали и дѣйствовали оба ученика его: *Давидъ б. Саулъ* и *Иона б. Авраамъ Герунди*. Первый считалъ даже преступленіемъ, что философы не придавали равно никакого значенія «божьему престолу» раввинской Гаггады, что они болѣе объясняли символически всѣ тѣлесныя представленія Библии о божествѣ. Въ послѣдствіи онъ правда защищался отъ обвиненія въ томъ, что будто-бы Богъ представлялся ему снабженнымъ видимымъ образомъ и тѣлесными членами. Значительнѣе Давида б. Саулъ былъ *Иона б. Авраамъ*, написавшій много моральныхъ сочиненій и талмудическіе комментарии къ Алфаси, пользовавшіеся въ его время большою авторитетностью. Онъ, нѣкогда такъ ожесточенно возстававшій противъ Маймуни, послѣдствіемъ горько раскаивался въ этомъ, и въ проповѣдяхъ, произносившихся имъ въ послѣдніе года жизни въ Толедо, всегда говорилъ объ учителѣ не иначе, какъ съ глубочайшимъ почтеніемъ. Быть, можетъ для того, чтобы представить видимое доказательство своего раскаянія, онъ написалъ два сочиненія о покаяніи по талмудическимъ порядкамъ: «*Iggereth Hateschu-*

XV. ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ. רמ"ח אבריים (248 членовъ): талмудико-анатомическій этюдъ *д-ра Л. Каценельсона*; изд. редакціи газ. «Гаіомъ». Спб., 1888 (отдѣльные оттиски изъ еврейской газ. «Гаіомъ»). С. Дибировскаго. . . . .

XVI. БИБЛОГРАФІЯ:

- 1) *Памяти высокопреосвященнаго Дмитрія*. Одесскаго городскаго раввина доктора *С. Л. Швабахера*. 2-е изданіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, 1887. (128 стр. 8°).
- 2) *Das Werk des Erinnerung Zum Andenken des gottseligen Erzbischofs Dimitri, von Dr. S. L. Sschwabacher*. Odessa, 1887 (66 стр. 8°).
- 3) *Кнесетъ Исроель*: Біографическій лексиконъ еврейскихъ ученыхъ и знаменитостей. Составилъ *С. І. Финъ*. Выпуски 2, 3 и 4. Варшава, 1887 (стр. 81—320, 8°). Изд. Н. Закса и А. Цукермана.
- 4) *לחן קדמון לזמן קדמון* *Памятникъ Нахману Крохмалю*. По поводу столѣтняго юбилея его рожденія. Сочиненіе *С. І. Гурвича*. Варшава, 1887 (64 стр., 16°).
- 5) *לחן קדמון*, т. е. *Тнь и Мракъ*. Элегія и картины изъ времени испанской инквизиціи *И. Розовскаго*. Книжка I. Варшава, 1888 (32 стр. in 16). С. М.
- 6) *Idiografia semitica e trasformazione delle radice Ebraica nelle Lingue Iudo Europee per il Dottore Giuseppe Barzilai*. *Семитическая идеографія и преобразованные еврейскіе корни въ индо-европейскихъ языкахъ*. Сочин. Доктора *Иосифа Барцилаи*. Л. Р.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границую.
На годъ съ доставкой и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца.	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя ММ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ

1888

VIII.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

VII

І Ю Л Ъ.

Типо-Литографі

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

А. Е. Ланцау. Площадь Большого Театра, 2.
1888.

Книга 7-я.—ЮЛЬ, 1888 г.

I. ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КОЛОНИЙ. Ш. Опека надъ земледѣльцами. М. Н. Кулишера.	3
II. ПОЦѢЛУЙ. Разсказъ. С. О. Ярошевскаго.	22
III. Я. П. ПОЛОНСКОМУ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.	47
IV. МИРТАЛА. Историческая повѣсть. Элизы Оржешко. (Окончаніе). Переводъ съ польскаго. А. Н. Онуфровича.	49
V. ДИСПУТЪ. Фантастическая поэма въ стихахъ. С. Г. Фруга.	73
VI. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА. Жизнь и дѣятельность Израила Бешта. С. М. Дубинова.	81
VII. КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ. По поводу второго изданія изслѣдованія Н. Д. Градовскаго: «Торговныя и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ». П. М. Лякуба.	101
VIII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IX. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. Г. Ф.	1
X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ВЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА. Критическій обзоръ беллетристическихъ произведеній Л. О. Леванды. А. Волинскаго.	17
XI. БИБЛИОГРАФІЯ:	
1) מכתבים משר של ים: Письма морскаго царя. Публицистическія и критическія статьи О. Мейзаха. Выпускъ IV. Варшава, 1888 (48 стр. 16°).	29
2) משלי מוסר ומכתמים: Нравоучительныя притчи, афоризмы и разсказы изъ Талмуда, изложенныя въ стихахъ С. С. Канторовичемъ. Вильна, 1888 г. (стр. 60 in 32°). С. М.	30

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

І ю л ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1888.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕ- ДѢЛЬЧЕСКИХЪ КОЛОНИЙ.

III.

ОПЕКА НАДЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦАМИ *.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ два высочайшихъ повелѣнія: одно отъ 20 ноября 1836 г., другое отъ 5 января 1837 г. Первое озаглавлено: «о порядкѣ переселенія евреевъ въ Тобольскую губернію и Омскую область», второе— «о приостановленіи переселенія евреевъ въ Сибирь». Такимъ образомъ, въ теченіи краткаго полутора-мѣсячнаго періода издано было два діаметрально противоположныхъ постановленія: Одно о предоставленіи евреямъ селиться на казенныхъ участкахъ въ Сибири и о снабженіи ихъ средствами для достиженія «сей полезной цѣли», а другое, о рѣшительномъ приостановленіи переселенія евреевъ въ Сибирь. Чѣмъ вызвана была такая пере мѣна? Какимъ образомъ, «полезная цѣль» могла въ теченіи самаго незначительнаго промежутка времени превратиться въ зловредную? На это мы отвѣта въ узаконеніяхъ, воспроизведенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ не находимъ, или вѣрнѣе, мы находимъ тамъ свѣдѣнія, которыя еще болѣе затрудняютъ возможность выясненія недоразумѣнія, вызываемаго характеромъ двухъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ узаконеній. Въ одномъ проглядываетъ твердое желаніе всячески содѣйствовать переселенію возможно большаго количества евреевъ въ Сибирь, обнаруживается особая заботливость по отно-

* См. „Восходъ“ 1888 г. январь—февраль.

шенію къ переселенцамъ во время пути и по прибытіи ихъ на мѣсто *, въ другихъ плоды мѣрь, направленныхъ къ переселенію евреевъ въ Сибирь, оказываются превзошедшими всѣ ожиданія виновниковъ этихъ мѣрь. А именно, пяти казенныхъ свободныхъ участковъ земли въ Тобольской губерніи и Омской области въ размѣрѣ 15,154 десятинъ не хватаетъ для устройства евреевъ, заявившихъ желаніе переселиться, и приходится отвести для этой цѣли новыхъ десять казенныхъ участковъ въ той же Сибири, въ количествѣ 13,363 десятинъ. И вотъ, когда министръ финансовъ, выяснивъ положеніе дѣла, и согласившись на отводъ требуемаго количества земли, испрашиваетъ Высочайшаго разрѣшенія на утвержденіе этого распоряженія, получается краткая резолюція Императора Николая I— «переселеніе евреевъ въ Сибирь пріостановить» **. Иными словами, когда признанная полезною цѣль могла осуществиться въ неожиданныхъ размѣрахъ, цѣль эта сразу упразднена властнымъ словомъ. Очевидно, что приведенныя свѣдѣнія не только не уясняютъ указаннаго нами недоразумѣнія, но въ значительной мѣрѣ сгущаютъ тотъ туманъ, которымъ облеченъ эпизодъ о предпріятомъ и скоропостижно пріостановленномъ переселеніи евреевъ въ Сибирь. Неужели мыслимо, чтобы государственная власть отказалась отъ достиженія цѣли, къ которой она усердно стремилась, именно изъ за того, что она оказалась легко осуществимою? Если даже допустить, что цѣль, признанная сначала весьма полезною, могла впослѣдствіи при практическомъ осуществленіи оказаться далеко не полезною, то вѣдь этого во всякомъ случаѣ нельзя было понять въ теченіи полутора мѣсяца со времени изданія закона, такъ какъ въ теченіи этого времени практическихъ послѣдствій еще не было, если не считать того, что на приглашеніе правительства переселиться въ Сибирь откликнулось около 2,000 семействъ.

По мнѣнію г. Никитина, странный эпизодъ о начатомъ и пріостановленномъ переселеніи евреевъ въ Сибирь объясняется ничѣмъ инымъ, какъ пикировкою властей, желаніемъ одной

* В. П. С. З. т. XI № 9722.

** В. П. С. З. т. XII № 9848.

власти досаждаютъ другой, подставить ей ножку, словомъ тѣмъ, что по казенной терминологіи именуется «пререканіемъ властей». Дѣло въ томъ, что мысль о переселеніи евреевъ на свободные казенные участки въ Сибирь принадлежала министру финансовъ графу Канкрину. Имъ же было исходатайствовано первое изъ упомянутыхъ нами выше Высочайшихъ повелѣній. Все бремя заботъ объ осуществленіи переселенія должно было пасть на министра внутреннихъ дѣлъ, графа Блудова. И вотъ тутъ-то началось противодействіе, въ особенности съ того момента, когда оказалось, что переселеніе евреевъ въ Сибирь стиюдь не будетъ совершаться въ томъ порядкѣ, какъ это предполагалось на бумагѣ. Этотъ предполагавшійся порядокъ былъ облеченъ въ цѣлый рядъ правилъ. По этимъ правиламъ предписывалось отправлять евреевъ не иначе, какъ цѣлыми партіями «за надлежащимъ по пути наблюденіемъ», причемъ на продовольствіе переселенцевъ должны были отпускаться изъ казны деньги тому лицу, подъ чьимъ присмотромъ евреи будутъ препровождаться. Были и другія правила. Но вотъ изъ разныхъ мѣстъ обширной Россійской имперіи стали доносить, что евреи уже двигаются въ Сибирь помимо этихъ правилъ и даже вопреки этимъ правиламъ.

«Въ глубокую осень, — рассказываетъ г. Никитинъ, — неожиданно, нежданно, въ Тамбовѣ предстала предъ губернаторомъ партія исхудалыхъ, болѣзненныхъ, въ лохмотьяхъ евреевъ (17 семействъ въ 71 душу) и единогласно заявили ему, что, пустившись изъ Могилевской губерніи въ Сибирь, они дорогою издержали все, что имѣли, потомъ питались подаяніями, натерпѣлись холоду, голоду и, наконецъ, дальше не въ силахъ слѣдовать!.. Сжалившись надъ этими людьми, губернаторъ, «помощью благотворительныхъ особъ», размѣстилъ ихъ по квартирамъ, предоставилъ имъ одежду, обувь, пищу, лекарскую помощь, а потомъ обратился къ Блудову съ вопросомъ: что съ ними дѣлать? Блудовъ сообщилъ Канкрину, а послѣдній предписалъ тамбовской казенной палатѣ отпустить губернатору столько денегъ, сколько понадобится на заготовленіе переселенцамъ теплаго платья, на подводы и кормовыя до слѣдующаго попутнаго губернскаго города—Пензы, и пусть, де-

скать, ѣдутъ по назначенію. Въ это самое время казанскій губернаторъ донесъ, что чрезъ Казань благополучно прошли 20 митавскихъ еврейскихъ семействъ, а «поелику они ничего не просили», то онъ, зная, что евреямъ разрѣшено переселяться въ Сибирь, не позволилъ себѣ задерживать ихъ». (Никитинъ. «Еврей-земледѣльцы», стр. 206, 207). Донесенія эти о самовольномъ движеніи евреевъ въ Сибирь, помимо всякаго надзора и попеченія начальства, повидимому, очень не понравились высшимъ представителямъ тогдашней полиціи, т. е. министру внутреннихъ дѣлъ, графу Влудову и шефу корпуса жандармовъ, графу Бенкендорфу. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ умоваключить по соображеніямъ, высказаннымъ ими въ докладѣ, представленномъ императору Николаю I. Они высказываются противъ переселенія евреевъ въ Сибирь во-первыхъ потому, что евреи, не могущіе де похвалиться своею нравственностью, умножатъ въ Сибири, краѣ, полномъ ссыльныхъ, «лишь число людей съ худыми правилами». Противодѣйствовать же развитію дурныхъ наклонностей трудно въ Сибири, въ виду малонадежности земскихъ и городскихъ полицій.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы это чудовищное соображеніе было чѣмъ-то изъ ряду вонъ выходящимъ и не ладило бы съ руководящими убѣжденіями тогдашнихъ представителей администраціи и общества, да, пожалуй, и многихъ нынѣшнихъ. Можно было бы поэтому думать, что графъ Влудовъ и графъ Бенкендорфъ были искренни, высказывая это соображеніе и, руководствуясь именно этимъ соображеніемъ, считали нужнымъ пріостановить легкомысленно и необдуманно затѣянное графомъ Канкринымъ переселеніе евреевъ въ Сибирь. Но если мы вспомнимъ, что евреи переселялись въ Сибирь исключительно для занятія земледѣліемъ; что земледѣліе какъ въ то время, такъ и послѣ считалось всей администраціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшими представителями полиціи наилучшимъ средствомъ для противодѣйствія «дурнымъ наклонностямъ» евреевъ, то понятно будетъ, что «безнравственность евреевъ», препятствующая-де переселенію евреевъ въ Сибирь, было въ сущности выраженіемъ, употребленнымъ для красоты слога, что побудительною причиною ихъ оппозиціи законопроекту графа Канкринна было

нѣчто другое. Приходится поэтому думать, что центр тяжести заключается не въ приведенномъ выше соображеніи, а во второмъ, стоящемъ рядомъ съ нимъ. Это соображеніе гласитъ: «При самомъ слѣдованіи евреевъ въ Сибирь, почти черезъ всю Россію, они будутъ изнурены и потеряютъ малое имущество, прибрѣтенное на прежнихъ мѣстахъ жительства, чрезъ что, оставаясь по необходимости долгое время на содержаніи у правительства, сдѣлаются и въ семъ отношеніи тяжестью для него и общества. Сверхъ того, *не смотря на опредѣлennыя положеніемъ комитета министровъ мѣры для препровожденія ихъ партій*, очень можетъ быть, что нѣкоторые по болѣзни и по другимъ причинамъ или предлогамъ, будутъ оставлены на пути, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени, и между тѣмъ свою вредную, особенно для нижнихъ классовъ жителей, дѣятельность, успѣютъ до нѣкоторой степени распространить въ внутреннихъ областяхъ государства» (стр. 209). Иначе говоря, опасеніе, что евреи вообще разойдутся и, пожалуй, разселятся внутри Россіи, такъ какъ они направились въ Сибирь помимо вѣдома и надзора чиновниковъ, которые должны были ихъ сопровождать, являлось для вышнихъ представителей полиціи единственнымъ основаніемъ для того, чтобы криостановить начатое съ успѣхомъ дѣло. Это видно между прочимъ и изъ дальнѣйшихъ мѣръ, рекомендованныхъ по тому же предмету графомъ Блудовымъ и графомъ Бенкендорфомъ. Въ цитированномъ нами докладѣ они еще находили возможнымъ предоставить тѣмъ евреямъ, которые уже отправились въ Сибирь, слѣдовать туда «на установленныхъ правилахъ» (стр. 209). Но такъ какъ установленныя правила, какъ намъ уже извѣстно, не соблюдались, то въ слѣдующемъ представленномъ засимъ докладѣ, они уже находятъ неудобнымъ «дозволять продолжать свой путь въ Сибирь даже и тѣмъ немногимъ семействамъ сего племени, кои по приглашенію правительства вознамѣрились переселиться въ Тобольскую губернію и Омскую область на свободныя казенныя земли и уже оставили прежнія мѣста жительства (стр. 211). Какъ евреевъ, оставившихъ уже мѣсто жительства для переселенія въ Сибирь, такъ и тѣхъ, которые изъявили желаніе и приготовились къ переселенію, они и въ первомъ и во второмъ до-

кладѣ проектировали переселить въ Новороссійскія губерніи, гдѣ уже есть колоніи (стр. 209, 211). Второй докладъ былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ I 30 марта 1837 года, причѣмъ онъ снабдилъ его такою надписью: «совершенно согласенъ; нужно будетъ условиться съ министромъ финансовъ, дабы не вышло противорѣчій въ принимаемыхъ мѣрахъ» (стр. 212). Эта надпись прямо свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія г. Никитина, что агитація о пріостановкѣ переселенія евреевъ въ Сибирь происходила за спиною министра финансовъ и что только послѣ того, какъ дѣло было окончательно рѣшено въ отрицательномъ смыслѣ, о поворотѣ въ настроеніи верховной власти дано было знать министру финансовъ. Тѣмъ не менѣе, все еще возбуждаетъ сомнѣніе вопросъ, когда именно ведена была эта агитація, до высочайшаго повелѣнія 5 января 1837 года, которымъ пріостанавливалось переселеніе, или послѣ того, когда это повелѣніе состоялось? Въ пользу первого предположенія, котораго держится г. Никитинъ и которое мы, какъ могъ убѣдиться читатель, раздѣляемъ, свидѣтельствуетъ то, что безъ этой агитаціи высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ переселенія было бы не мотивировано; въ пользу этого предположенія говоритъ прямое конфиденціальное заявленіе графа Влудова графу Киселеву, что тѣ секретные доклады, на которыхъ мы до сихъ поръ останавливались, *предшествовали* объявленію высочайшаго повелѣнія о пріостановкѣ переселенія евреевъ въ Сибирь (стр. 217). Противъ этого предположенія говоритъ дата, которая значится на второмъ секретномъ докладѣ и гдѣ имѣется приведенная выше надпись Николая I. Эта дата—30 марта 1837 г.—указываетъ на то, что доклады были какъ будто дальнѣйшимъ развитіемъ революціи, сдѣланной Николаемъ I въ началѣ января того же года.

Уже эти недоумѣнія показываютъ, что странный эпизодъ переселенія евреевъ въ Сибирь и пріостановки этого переселенія все еще остается не вполне выясненнымъ, не смотря на обнаруженные г. Никитинымъ новые, секретные документы. Во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣческая жизнь весьма дешево цѣнилась въ то печальное время, что можно было легкомысленно играть судь-

бою людей, причѣмъ никто не сомнѣвался въ правильности и въ доволительности такого образа дѣйствія. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что скоростижно начатое и скоростижно приостановленное переселеніе евреевъ въ Сибирь повело за собою рядъ послѣдствій, которыя не трудно было предвидѣть людямъ, знакомымъ съ административнымъ механизмомъ того времени.

Мы знаемъ, что евреи отдѣльными мелкими партіями двигались уже въ Сибирь, и притомъ на собственный счетъ. Въ виду появившагося запрещенія селиться евреямъ въ Сибири, ихъ не только задерживали, но хватали, устраивали за ними погоню, когда они успѣвали уходить, словомъ—съ ними обращались, какъ съ бѣглецами. Объ этомъ свидѣлствуютъ выдержки изъ донесеній губернаторовъ, приводимыя г. Никитинымъ. Симбирскій губернаторъ извѣстилъ департаментъ государственнаго хозяйства, что «поймана партія изъ 17 семействъ, остановившихся праздновать Пасху». По словамъ черниговскаго губернатора, «ровысками полиціи схвачено переправлявшихся въ Сибирь могилевскихъ евреевъ: въ Новгородъ-Сѣверскъ—3, въ Глуховъ—4, въ самомъ Черниговѣ—5 семействъ. Въ Пензенской губерніи было «прикрыто» одно семейство въ 7 душъ; въ Пермской—приостановлено 3 семейства въ 14 душъ, въ Москвѣ—5 семействъ въ 24 души и т. д. (стр. 223, 222). Многихъ изъ этихъ «нарушителей порядка» направили въ Новороссію, гдѣ имъ должны были отвести землю для хлѣбопашества, по этапу, какъ объясняли многіе губернаторы—въ интересахъ самихъ переселенцевъ, чтобы они «въ пути, по нищетѣ, не перемерли съ голода, или не застряли гдѣ нибудь въ тюрьмахъ, въ качествѣ бродягъ» (стр. 223).

IV.

И такъ, вотъ какимъ образомъ, не смотря на установленіе крѣпостного режима въ новороссійскихъ колоніяхъ, туда въ теченіи 1837 и ближайшихъ лѣтъ нахлынули массы евреевъ изъ западнаго края. Кромѣ тѣхъ, которые двигались уже въ Сибирь и были схвачены на дорогѣ, въ Новороссію пошли и тѣ, которые собрались въ путь, но не успѣли подняться. Какъ

видно изъ донесеній мѣстныхъ властей, собравшіеся въ путь евреи, распродавъ всѣ свои пожитки, въ ожиданіи отправки въ Сибирь, буквально умирали съ голоду. Вотъ почему они стали проситься въ Новороссію, хотя бы и безъ всякаго пособія (стр. 238).

Покончивъ съ эпизодомъ о переселеніи евреевъ въ Сибирь, мы вернемся къ предмету настоящей статьи, т. е. къ вопросу о вліяніи административнаго механизма колоній на судьбу ихъ.

Мы уже знаемъ, что въ 1837 году колоніи были переданы въ вѣдѣніе военныхъ чиновъ въ качествѣ управителей колоній и наставниковъ въ области сельскаго хозяйства. Прошло около четырехъ лѣтъ, и оказалось, что «управлявшій колоніями подполковникъ Демидовъ: а) на хлѣбъ для колонистовъ получалъ по справочнымъ цѣнамъ по 15 руб. за четверть, а покупалъ четверть по 9 руб. б) на дома ему было отпущено по 600 руб. на каждый, а онъ лѣпилъ ихъ изъ глины со слабымъ лѣсомъ, отчего они ему обошлись по 100 руб. Причемъ онъ соединялъ въ лицѣ своемъ подрядчика, пріемщика, водворителя и управляющаго колоніями. Черезъ три года многіе дома имѣли видъ развалинъ. в) На пару воловъ ему давалось по 150 руб., а онъ пріобрѣталъ плохихъ по 100 и 90 руб. пару, г) на возы вытребовалъ онъ по 15 руб., а ихъ дѣлали ему по 6 и 7 руб., причемъ всю равницу между ассигнованными и издержанными деньгами присвоилъ себѣ. Мало того: со всѣхъ 14 колоній вѣдалъ онъ въ свою же пользу, въ видѣ налога, по 1,000 руб. въ годъ; проживаніе его и его помощниковъ въ колоніяхъ обходилось послѣднимъ отъ 80 до 100 руб. въ недѣлю. На израилевскихъ 329 душахъ колонистовъ считалась недоимка въ 24,000 р., а земли у нихъ было только 3,600 десятинъ, потому что «богатымъ евреямъ ровдано за мзду по многу земли, слѣдовавшей бѣднымъ, лишеннымъ и казенной пропорціи. Состоятельные колонисты распускались за деньги на постоянную торговлю по городамъ», а многіе изъ вновь прибывшихъ въ колоніи переселенцевъ находились въ самомъ скверномъ положеніи (стр. 264, 289). Обо всемъ этомъ узнала высшая администрація, узнаемъ и мы лишь благодаря тому, что жандармы донесли шефу своему, графу Бенкендорфу о подвигахъ на пользу распространенія

земледѣлія среди евреевъ, совершавшихся ближайшимъ начальствомъ колоній. Понятно, что эти дѣянія вызвали разслѣдованіе, благодаря которому Демидова «за допущенные безпорядки и злоупотребленія при постройкѣ домовъ, продовольствіи колонистовъ и заготовленіи хозяйственныхъ принадлежностей» предали суду (265). Столь же понятно и то, что Демидовъ, уличенный въ казнокрадствѣ и всевозможныхъ хищеніяхъ, доказывалъ, какъ это дѣлали многочисленные представители администраціи до него и столь же многочисленные представители администраціи послѣ него, что «всѣ жалобы на него — ничто иное, какъ результатъ тѣхъ «строгихъ мѣръ, какія онъ принялъ противъ бродяжничества евреевъ-колонистовъ» (стр. 264).

Тѣмъ не менѣе, эти разоблаченія относительно приѣмовъ хозяйства военныхъ чиновъ пали на воспримчивую почву, и въ положеніи о евреяхъ-земледѣльцахъ 1844 года, составленномъ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, военно-крѣпостной режимъ колоній замѣненъ былъ тѣмъ, который существовалъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, т. е. колоніи перешли въ вѣдомство палаты государственныхъ имуществъ и находились такимъ образомъ подъ высшимъ наблюденіемъ министерства государственныхъ имуществъ *. Это не значитъ, конечно, что въ новомъ положеніи о земледѣльцахъ-евреяхъ сочли возможнымъ обойтись безъ специальной опеки со стороны чиновниковъ, и при томъ самой неотвязной. Кромѣ внутренняго управленія государственныхъ крестьянъ, все-таки сохранены были смотрители надъ еврейскими поселеніями изъ числа чиновниковъ, причѣмъ суммы, употребленныя на водвореніе новыхъ земледѣльцевъ-евреевъ, выдавались этимъ смотрителямъ **. Режимъ, установленный положеніемъ 1844 года, существовалъ, впрочемъ, недолго. Черезъ два года съ небольшимъ, а именно, въ началѣ 1847 г. появились дополнительныя правила, которыми еврейскія земледѣльческія колоніи переданы въ печительный комитетъ иностранныхъ поселенцевъ, причѣмъ какъ для ближайшаго надзора за существовавшими въ Херсон-

* В. П. С. З. т. XIX № 18562 ст. 80, 86, 37 и сл.

** Ibid. ст. 82, 83, 84, 41.

ской губерніи колоніями, такъ и для надзора за воздвигавшимися въ Екатеринославской губерніи назначался особый попечитель съ помощникомъ. Въ селеніяхъ учреждались приказы на томъ же основаніи, на какомъ они существовали въ нѣмецкихъ колоніяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ начальники сельскихъ приказовъ назначались не еврей, а нѣмецкіе колонисты. Для того, чтобы добыть достаточный контингентъ начальниковъ для еврейскихъ колоній изъ нѣмцевъ, попечительному комитету предоставлялось приглашать лучшихъ хозяевъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ переходить въ еврейскія поселенія. Помимо того, что они выбирались въ начальники, они-де прибрѣромъ своего ховаяства въ качествѣ «образцовыхъ хозяевъ» могли приносить пользу евреямъ*.

Хотя палаты государственныхъ имуществъ не долго, какъ имъ видѣли, властвовали надъ судьбою колоній, тѣмъ не менѣе ихъ подвигамъ отведена значительная часть объемистой книги г. Никитина, ибо на ихъ долю выпало первоначальное устройство колоній въ Екатеринославской губерніи. Онѣ заварили кашу, которую приходилось потомъ расхлебывать въ теченіи многихъ лѣтъ.

Для того, чтобы вызвать въ предсѣдателѣ екатеринославской палаты государственныхъ имуществъ особую энергію въ дѣлѣ исполненія предначертаній правительства по устройству екатеринославскихъ колоній, графъ Киселевъ пишетъ этому предсѣдателю, Гладкому, письмо, въ которомъ между прочимъ встрѣчается слѣдующее выраженіе: «Дѣло по новости и важности своей обращаетъ на себя особое вниманіе государя императора, почему я долженъ буду доводить о всѣхъ мѣрахъ и успѣхахъ до свѣдѣнія его величества, слѣдовательно, вамъ открывается новое поприще для вашей дѣятельности и распорядительности, которыя столь необходимы для устройства евреевъ, — народа уклончиваго и несовсѣмъ расположеннаго къ труду. Я увѣренъ, что вы достигнете всю важность предстоящихъ вамъ занятій и успѣхами вашими доставите мнѣ удовольствіе свидѣтельствовать предъ государемъ императоромъ о вашихъ заслугахъ»

---

* В. П. С. З. т. XXII № 20977 ст. 16, 17, 18.

(стр. 304). Киселевъ этими внушеніями не ограничивался. Вскорѣ послѣ этого онъ опять приказываетъ Гладкому создать во всѣхъ отношеніяхъ образцовыя колоніи и рекомендуетъ ему смотреть на дѣло устройства этихъ колоній «не какъ на водвореніе только 285 семействъ, а какъ начало, можетъ быть, огромнаго поселенія сего народа, почему опытъ долженъ показать, какъ безошибочно дѣйствовать на будущее время» (стр. 309). Для того, чтобы устроить колоніи, нужно было построить дома. Приступая къ постройкамъ, Гладкій, совместно съ инженеръ-подпоручикомъ Гауптомъ и архитекторомъ Свѣтловскимъ, убѣждается прежде всего въ невозможности построить домъ изъ земляного кирпича дешевле 124 руб. 93 коп., тогда какъ ассигновано лишь 52 руб. 52 коп. Киселевъ разрѣшаетъ конечно ассигновку дополнительной суммы съ тѣмъ условіемъ, чтобы деньги тратились «съ крайней бережливостью».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1849 г., Киселевъ получаетъ слѣдующую вѣдомость: въ 6-ти новыхъ екатеринославскихъ колоніяхъ заболѣло цынгою 1,709 человекъ. Изъ нихъ умерло 354 человека, и изъ числа умершихъ 334 человека приходилось на 3 колоніи, въ которыхъ дома были построены палатою государственныхъ имуществъ, т. е. Гладкимъ съ компаніей. Киселевъ посылаетъ изъ Петербурга чиновника Струкова для осмотра домовъ—и вотъ что тотъ сообщаетъ: «Нѣкоторые дома, держась на столбахъ неравностороннихъ и дурно врытыхъ въ землю, видимо подались въ сторону; крыши большею частью наклонились по направленію періодическихъ восточныхъ вѣтровъ на западъ; у всѣхъ домовъ наружная обмазка стѣнъ или отстала, или отвалилась, или въ большихъ трещинахъ, хотя въ жилыхъ домахъ она тщательно была возобновляема, какъ указывала частью свѣжая обмазка, частью множество слоевъ глины, одинъ на другой наложенныхъ и отличавшихся цвѣтомъ отъ первоначальной обмазки; пространство между стѣнъ и отставшей обмазкой, а равно щели набиты были снѣгомъ или льдомъ. Въ домахъ внутренняя обмазка стѣнъ была болѣе или менѣе тоже въ щеляхъ, мѣстами отстала или возобновлена, но какъ стѣны промерзали и покрывались слоями инея, то обмазка не долго держалась. Во всѣхъ почти

домахъ потгнулись верхніе вѣнцы, на которыхъ лежали потолочныя балки и укрѣплялась кровля, при тонкости вѣнцовъ и маломъ сопротивленіи стѣнъ дома могли разрушиться, такъ какъ при большой осадкѣ вѣнцовъ въ серединѣ они могли переломиться или выскочить изъ пазовъ. Потолочныя балки въ домахъ согнулись, а въ одномъ держались на подпоркѣ. Потолки были въ трещинахъ, промерзали и были покрыты толстыми слоями инея. Печныя лежанки въ нѣкоторыхъ домахъ раздвинулись, ибо печи были обиты изъ земли и только снаружи связаны землянымъ кирпичемъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ жильцы поправляли печи, въ другихъ сложили еще по печкѣ, но, несмотря на это, дома такъ холодны, что въ нихъ пища мерзла, при большой толщѣ стѣны и потолокъ оттаивали на время, распространяя угарь, а потомъ опять замерзали. Печныя трубы, будучи сложены изъ земляного кирпича и кончаясь только вверху нѣсколькими рядами жженого кирпича, положеннаго на глину—въ нѣкоторыхъ домахъ обвалились, большею же частью еще держались, но не представляли никакой прочности. Кровли были покрыты тонкимъ слоемъ камыша или соломы и пропускали дождь и снѣгъ. Окна и двери въ нѣкоторыхъ домахъ покривились отъ неровной осадки стѣнъ» (стр. 400). Вообще Струковъ пришелъ къ заключенію, что въ этихъ домахъ «по сырости, холоду и непрочности можетъ заставить жить одна страшная нужда, которая не боится даже смерти» (стр. 402).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что все это не было новостью для Киселева. Еще раньше, а именно въ октябрѣ 1848 г., попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ, принимая дома, выстроенные екатеринославскою палатою, сообщалъ о ненадежности 158 плетневыхъ мазанокъ. Онъ предвидѣлъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя потомъ наступили, потому что уже въ то время въ 83 домахъ обмазка стѣнъ внутри и снаружи отвалилась отъ холода; въ 29 домахъ разрушились печи, въ 18 обвалились дымовыя трубы, въ 5 переломились балки, въ трехъ—кровля, а въ прочихъ потолки и стѣны дали большія трещины (стр. 391). Сами колонисты-евреи, въ свою очередь, писали между прочимъ въ прошеніи Киселеву: «Въ глубокую осень 1848 г. мы вошли въ оконченные палатою, но для жительства

негодные дома, ибо при вступленіи нѣкоторые изъ нихъ уже были разваленными, у многихъ отпала отъ стѣнъ глина; иные съ разваленными трубами, другіе съ надломленными сводами и кровлями и оттого въ оныхъ вимою были несносный холодъ. Сверхъ сего несчастія (они хотѣли сказать — вслѣдствіе сего несчастія) приключились разныя повальныя болѣзни: не было дома, въ которомъ не оплакивали бы умершихъ родителей или дѣтей; многіе, даже цѣлыя семейства, въ краткое время кончили свою жизнь отъ холода и жажды. Мы не въ силахъ уже перенести столь горестнаго положенія, заключали просители, и потому въ крайней необходимости всенижайше просимъ по справедливымъ жалобамъ нашимъ обратить на насъ, несчастныхъ, милостивѣйшее вниманіе ваше и повелѣть улучшить жилища наши, а тогда можемъ достигнуть своего желанія по званію земледѣльцевъ» (стр. 393). Жалобы эти были вполне подтверждены смотрителемъ колоній, барономъ Штемпелемъ, и попечительнымъ комитетомъ (стр. 394). Но палатскій архитекторъ находилъ возможнымъ отстаивать безупречность изготовленныхъ имъ мазанокъ, причемъ всѣ грѣхи построекъ предписалъ единственно... неряшливости и злонамѣренности самихъ колонистовъ: «Еврейскія избы, писалъ онъ, при тщательномъ ихъ содержаніи, могли бы быть хороши, но свойственная всѣмъ евреямъ небрежность въ ихъ домашнемъ быту была причиною преждевременной порчи выстроенныхъ для нихъ домовъ. Сверхъ того, евреи прибыли тогда, когда дома для нихъ не были еще кончены, на постройку домовъ смотрѣли они равнодушно, т. е. не способствовали къ скорѣйшему ихъ окончанію и не дѣлали имъ никакого вреда, но когда Штемпель, руководимый менахитами, которые не понимали достоинствъ плетневыхъ построекъ, далъ о нихъ дурное заключеніе, тогда и евреи, для поддержанія невыгоднаго о постройкахъ мнѣнія своего новаго начальника, начали вредить успѣшному и удачному окончанію домовъ, безпрестанно растаскивая оплетъ стѣнъ въ домахъ необмазанныхъ и отваливая глину, гдѣ сдѣлана была уже обмазка, дабы доказать, что это дѣлается все отъ дурной работы» (стр. 374). Слова эти рельефно иллюстрируются приведенною выше краткою вѣдомостью о числѣ заболѣвшихъ и умершихъ

отъ цынги въ домахъ, устроенныхъ палатою. Иначе говоря, евреи, для поддержанія невыгоднаго о постройкахъ мнѣнія своего новаго начальника, тысячами заболѣвали и сотнями умирали отъ цынги. Какъ ни возмутительно это объясненіе архитектора палаты государственныхъ имуществъ, но это ничто иное, какъ доведенная до абсурда система дѣйствій начальства, заправлявшаго судьбами колоній. Всевозможныя хищенія, всевозможныя бѣды, постигавшія колоніи вслѣдствіе того, что разнаго рода начальство недремавшимъ окомъ блюдо свои выгоды, объяснялись и оправдывались, какъ мы уже не разъ указывали, неспособностью евреевъ къ земледѣлію, влонамбраннымъ противодѣйствіемъ благимъ видамъ правительства, стремившагося приучить ихъ къ хлѣбопашеству.

Чтобы закончить съ исторіей постройки домовъ, скажемъ, что отряженный изъ Петербурга чиновникъ Струковъ въ свою очередь нашелъ наглѣя объясненія архитектора довольно рискованными и находилъ, что евреи не захотѣли-бы изъ угожденія колоніальному начальству подвергаться всѣмъ атмосферическимъ вліяніямъ, причемъ онъ указывалъ, что «евреи поддерживали свои жилища непрерывнымъ подновленіемъ обмазки, чѣмъ только и могли защитить себя отъ холода и вѣтра» (стр. 401). Долго еще доброкачественность построенныхъ палатою домовъ давала себя чувствовать. Осматривавшій колонію въ 1852 году чиновникъ Иславинъ доносилъ между прочимъ: «поселенцы жили въ этихъ домахъ только лѣтомъ, ибо дома склонялись на сторону отъ сильнаго вѣтра, а при наступленіи холодовъ г. Иславинъ былъ свидѣтелемъ, какъ евреи перебирались къ сосѣдямъ, за плату въ 3 и даже 5 руб. въ зиму, въ устроенные земледѣльные дома, или семейства по 3 по 4 стѣснялись въ тѣхъ плетневыхъ мазанкахъ, которыя были попрочнѣе другихъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже соглашались жить въ землянкахъ, которыя были безопаснѣе» (стр. 414). Несмотря однако на приведенныя до сихъ поръ оффиціальныя донесенія и факты, строители вышли сухими изъ воды. Выручилъ именно тотъ аргументъ, надъ которымъ глумился ревизоръ Струковъ и который, какъ мы уже знаемъ, игралъ весьма не маловажную роль въ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ ко-

лоній. Техники графа Клейнмихеля, которымъ поручено было переосвидѣтельствовать дома, извѣстили, что «дома возведены съ надлежащею прочностью и употребленіемъ матеріаловъ хорошаго качества, но, по безопасности евреевъ и ихъ неумѣнію содержать въ исправности дома, они дѣйствительно доведены были до такого разстройства, что жить въ нихъ невозможно безъ скорого исправленія» (стр. 403).

Мы остановились такъ подробно на исторіи постройки домовъ въ екатеринославскихъ колоніяхъ отчасти потому, что она характеризуетъ вообще управленіе колоніями, но главнымъ образомъ потому, что это не единственный фактъ въ исторіи колоній. Извѣстный намъ уже Демидовъ въ свою очередь понастроилъ въ херсонскихъ колоніяхъ дома, о которыхъ преемникъ его Кандаранцевъ доносилъ, что большая часть ихъ въ разрушающемся видѣ, безъ крышъ и съ другими поврежденіями (Демидовъ на эти постройки получилъ 99,428 р. 57 к.) (стр. 324). Демидовъ и прикосновенныя къ этой постройкѣ лица въ свою очередь увѣряли, что разрушенію домовъ способствовало бродяжничество евреевъ и нерадѣніе ихъ по сбереженію домиковъ (стр. 375). Замѣтимъ здѣсь же, что смѣнившій Демидова въ херсонскихъ колоніяхъ Кандаранцевъ въ свою очередь былъ уволенъ отъ должности и привлеченъ къ уголовной отвѣтственности попечительнымъ комитетомъ объ иностранныхъ колони-стахъ. Въ чемъ заключалось лихоимство Кандаранцева—неизвѣстно. Извѣстно только то, что это лихоимство обнаружено во время пріема попечительнымъ комитетомъ колоній въ свое вѣдѣніе. Такимъ образомъ кратковременное управленіе колоніями палатами государственныхъ имуществъ успѣло оставить глубокіе слѣды въ исторіи колоній по части хищеній.

V.

Управленіе попечительнымъ комитетомъ, при помощи управляющихъ сельскихъ начальниковъ и «образцовыхъ хозяевъ» изъ нѣмцевъ, было, безъ сомнѣнія, сравнительно лучше. Но и въ этомъ періодѣ подвиги по части хищенія не прекращаются. Постройка домовъ нѣмецкимъ начальствомъ въ свою очередь

не обходится безъ исчезновенія десятковъ тысячъ отличнаго кирпича, исчезновенія, приписываемаго, конечно, непрерывнымъ дождямъ (стр. 365). При нѣмецкомъ начальствѣ управляющіе колоніями не мѣняются такъ часто, какъ въ прежнія времена. Они сидятъ себѣ спокойно на своихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1866 году сразу обнаруживаются «разныя упущенія по денежной части» какъ въ екатеринославскихъ, такъ и въ херсонскихъ колоніяхъ. Виновникъ этихъ упущеній по екатеринославскимъ колоніямъ попечитель Битнеръ, какъ водится, внезапно умираетъ. Одновременно же увольняется въ отставку попечитель херсонскихъ колоній Алеамбаровъ и у него недосчитывается 18,700 руб., которые онъ, какъ онъ самъ заявилъ своему преемнику, прожилъ въ продолженіи своего 19-лѣтняго попечительства (стр. 573). Что онъ прожилъ не однѣ эти деньги только, видно, между прочимъ, изъ того, что Алеамбаровъ пользовался всегда полнымъ довѣріемъ комитета, который ввѣрялъ ему постройкѣ домовъ и снабженію переселенцевъ различными принадлежностями по 80,000 рублей, что по расходованію суммъ ни предсѣдатель, ни его члены никогда не производили ни мѣсячныхъ, ни третныхъ, ни иныхъ срочныхъ ревизій. Счетныя книги онъ представлялъ разъ въ годъ въ комитетъ за одною лишь своею подписью. Все это выяснено было ревизоромъ Флесьеромъ, посланнымъ министерствомъ изъ Петербурга, въ виду того, что на мѣстѣ къ Алеамбарову всѣ участвовавшіе въ слѣдствіи относились «съ состраданіемъ». «Флесьеръ полагаетъ, что Алеамбаровъ растратилъ суммы на улучшеніе собственнаго и своихъ родныхъ состоянія: у него было два сына и двѣ дочери; воспитаніе всѣхъ, содержаніе сыновей по окончаніи ими курса и особенно расходы по выдачѣ дочерей въ замужество—легко могли вовлечь его въ расходы свыше его средствъ. Чѣмъ именно возбуждалось сочувствіе къ Алеамбарову, расхитившему казенныя деньги и обманывавшему 19 лѣтъ довѣріе начальниковъ,—этого Флесьеръ доискаться никакъ не могъ. Алеамбаровъ былъ преданъ суду херсонской уголовной палаты и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь, а растрченную имъ сумму опредѣлено взыскать съ его имущества. Покуда дѣло шло въ

сенатъ, Алеамбаровъ въ 1867 г. умеръ, а потому сенатъ рѣшилъ: растраченную сумму взыскать съ имущества покойнаго, а если это окажется невозможнымъ—съ лицъ, имѣвшихъ за Алеамбаровымъ надзоръ, т. е. съ бывшихъ въ продолженіи его службы предсѣдателей комитета» (стр. 575). На внезапно умершемъ Битнерѣ въ свою очередь сдѣланъ начеть въ 11,230 р. 87 к. (стр. 573). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всего за годъ до этого скандала одинъ изъ осматривавшихъ колоніи ревизоровъ охарактеризовалъ попечителя екатеринославскихъ колоній Битнера во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ, а попечителя херсонскихъ колоній Алеамбарова, 70 лѣтъ, благороднымъ и усерднымъ (стр. 549).

Факты о хищеніяхъ нѣмецкихъ попечителей весьма важны именно въ виду того, что какъ ревизоры, такъ и бывший попечитель комитета, ставшій впоследствии директоромъ департамента государственныхъ имуществъ—Ганъ, всячески настаивали во всевозможныхъ официальныхъ донесеніяхъ на томъ, что безъ нѣмцевъ въ еврейскихъ колоніяхъ ничего путнаго бы не вышло.

Вообще, читая различные документы, обнимающіе періодъ управленія еврейскими колоніями попечительнымъ комитетомъ, мы не могли избавиться отъ мысли, что между колоніями и присоединенными къ нимъ нѣмцами въ видѣ образцовыхъ хозяйствъ и сельскихъ начальниковъ, происходила какая-то глухая, подпольная борьба, направленная къ тому, чтобы по возможности расширить владѣнія образцовыхъ нѣмцевъ въ ущербъ евреямъ-колонистамъ, чтобы облечь ихъ начальственной властью и т. д. Я не говорю, чтобы это былъ вполне опредѣленный выводъ изъ имѣющихся въ книгѣ г. Никитина фактовъ. Нѣтъ, это только общее впечатлѣніе, и я предоставлю читателю повѣрить его, сгруппировавъ здѣсь нѣкоторые данныя.

Уже въ 1850 году попечительный комитетъ ходатайствовалъ «о предоставленіи нѣмцамъ—сельскимъ начальникамъ еврейскихъ селеній—въ награду за наиболѣе полезную дѣятельность, отъ 2-хъ до 3-хъ десятинъ общественной земли, съ тѣмъ, чтобы ее для этихъ начальниковъ обрабатывали евреи, одновременно съ обработкою ими общественной запашки». Но Ки-

селевъ рѣшительно отвергъ это ходатайство, причемъ напомнилъ комитету, что при назначеніи сельскихъ начальниковъ въ еврейскія селенія предусматривалось устраненіе ихъ отъ заведенія собственнаго хозяйства и отъ пользованія общественною землею, дабы они безусловно могли посвящать весь свой досугъ служебнымъ обязанностямъ, за которыя имъ присвоены огромное жалованье и другія преимущества» (стр. 407, 408). Не только сельскіе начальники изъ нѣмцевъ, но и образцовые хозяева, пользовавшіеся въ теченіи 10 лѣтъ бесплатно отведенными имъ участками въ 40 десятинъ, постоянно домогались новыхъ льготъ, выставляя свои мнимыя заслуги. И дѣйствительно, отчасти добились ихъ (стр. 526). Непрерывно требуя усиленія дисциплинарной власти сельскихъ начальниковъ для приученія евреевъ къ земледѣльческому труду, ни сами начальники, ни попечительный комитетъ почему-то не замѣтили одной маленькой вещи—отяготительнаго бремени податей, лежавшаго на колонистахъ. Впервые этотъ фактъ усмотрѣнъ былъ лишь въ 1870 г. ревизоромъ Клаусомъ. Съ евреевъ-земледѣльцевъ, независимо отъ долговъ по водворенію, займовъ изъ вспомогательной кассы, страхового сбора и т. д., взыскивались съ души однихъ текущихъ окладовъ около 5½ до 6 рублей. А такъ какъ всѣмъ семьямъ отведенъ былъ 30 десятинный участокъ, то однимъ семьямъ, въ которыхъ было мало душъ, приходилось платить 10—15 руб. съ этого участка, а другимъ,—очень многимъ,—приходилось платить съ того же участка отъ 100 до 177 руб. Понятно, что эта система подушныхъ окладовъ дожилась тяжелымъ гнетомъ на евреевъ-земледѣльцевъ, что и было констатировано Клаусомъ (стр. 621, 622). Нельзя не признать совершенно непонятною близорукость мѣстныхъ властей по отношенію къ системѣ обложенія, въ корнѣ подкапывавшей экономическое благосостояніе земледѣльцевъ, и мы имѣемъ послѣ этого всѣ основанія относиться скептически къ заботливости о благѣ земледѣльцевъ, которою хвастало и за которую требовало награды низшее и высшее начальство изъ нѣмцевъ.

Мы могли бы привести здѣсь еще нѣсколько весьма характерныхъ фактовъ изъ исторіи нѣмецкой опеки надъ евреями-

земледѣльцами, но я думаю, что непредубѣжденный читатель успѣлъ уже придти къ заключенію, что опека всевозможныхъ начальствъ надъ колоніями ничего, кромѣ отвращенія, къ земледѣлію, обставленнаго такими условіями не могло породить въ еврейхъ-земледѣльцахъ. И если до настоящаго времени въ херсонскихъ и екатеринославскихъ колоніяхъ сохранилось «здоровое ядро» земледѣльцевъ, то отнюдь не благодаря опежѣ, которой они были подчинены, а вопреки и на зло этой опежѣ. «Отвращеніе евреевъ къ сельской жизни и земледѣльческимъ занятіямъ», фигурировавшее во всевозможныхъ донесеніяхъ по начальству, служило для оправданія строгой и убыточной опеки, которая одна только и вызывала вполнѣ заслуженное отвращеніе.

М. Кулишеръ.

«ПОЦѢЛУЙ».

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается Ф. Ф. Влоцерковской.

Вы хотите знать, какъ это случилось? Это было давно, очень давно... Я былъ тогда еще очень молодъ. Я только что кончилъ гимназію, мечталъ о поступленіи въ университетъ и всецѣло былъ занятъ мыслью о выборѣ факультета. Въ настоящее время это дѣлается какъ-то очень легко; но въ то время это было чрезвычайно трудная задача для юношей, готовившихся вступить въ жизнь. Не забудьте, какое это было время... Все старое, отжившее рушилось и на его мѣстѣ созидалось свѣжее, новое... Старики упорствовали и ворчали, молодые шли напроломъ, опьяненные широкими планами и возвышенными идеями, которыя тогда создавались и проповѣдывались на всѣхъ перекресткахъ. Это было бурное, но славное время. Чего, чего, казалось, не сулило оно... Понятно, что и мы, юноши, не отставали и уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи мечтали о широкой общественной дѣятельности, о полезномъ трудѣ, о рациональной жизни. Конечно мы повторяли то, что слышали отъ своихъ учителей, что вычитывали изъ свѣжихъ журналовъ... Все это и у старшихъ было неясно, хаотично; наши учителя, просвѣщая насъ, сами, такъ сказать, бродили въ потемкахъ и отдѣлывались общими и туманными фразами; можете-же себѣ представить, какъ это все отражалось въ нашихъ шестнадцати-лѣтнихъ умахъ... Мы всѣ жаждали дѣятельности, мы всѣ горѣли нетерпѣніемъ поскорѣе выбраться изъ душной школы и попасть въ университетъ... Университетъ представлялся намъ какимъ-то

святилищемъ, гдѣ совершаются таинства науки, источникомъ всего чистаго и святаго... Стоило только туда попасть, чтобы самому стать совершенствомъ... Вопросъ только состоялъ въ томъ, къ какому источнику подходить, другими словами, въ какой факультетъ поступить. Понятно послѣ этого, съ какимъ волненіемъ мы, юноши, приступали къ рѣшенію столь важнаго для насъ вопроса.

Мои родители, по установившейся традиціи, желали, чтобы я поступилъ на медицинскій факультетъ. Но несмотря на то, что я былъ покорный сынъ и никогда не выходилъ изъ родительской воли, я на этотъ разъ выказалъ такую твердость характера, или, если хотите, такое упорство, что привелъ въ смущеніе всѣхъ родныхъ. Собственно говоря, я самъ не зналъ, чего я тогда хотѣлъ. Но уже одно то, что я имѣлъ возможность выказать свою самостоятельность, или, какъ тогда говорили, протестовать, меня пріятно волновало и доставляло несказанное наслажденіе. Впрочемъ, я говорю неправду. Я зналъ, чего я хотѣлъ. Какъ и у всѣхъ въ то время, и у меня были самыя широкіе планы и задачи. Я хотѣлъ разомъ охватить все, преодолѣть всѣ науки, разрѣшить всѣ проблемы... Иначе, зачѣмъ же и начинать... Такое уже тогда было направленіе...

Я рѣшилъ записаться на естественный факультетъ, а потомъ уже посмотрѣть, за что собственно вѣяться серьезно. Мои родители въ концѣ концовъ уступили моему желанію, видя, что со мною ничего не подѣлаютъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, что они могли противопоставить моимъ блестящимъ софизмамъ, которыми я старался побѣдить ихъ простую и трезвую логику.

Мы тогда жили въ Петергофѣ и занимали очень хорошую дачу недалеко отъ парка. Несмотря на то, что это было время реальныхъ стремленій и все сантиментальное сильно преслѣдовалось и осмѣивалось, я не могъ, вопреки всѣмъ моимъ желаніямъ, побороть въ себѣ природной мечтательности и, что всего хуже, не могъ отдѣлаться отъ пристрастія къ поэзіи и, тайкомъ отъ своихъ товарищей, читалъ своихъ любимыхъ поэтовъ. Я также любилъ природу и въ ней все, ласкающее взоръ. Понятно, что Петергофскій паркъ мнѣ очень нравится, и я по цѣлымъ часамъ пропадалъ въ его тѣнистыхъ аллеяхъ, любясь сказочно-

чудными фонтанами и прислушиваясь къ мѣрному журчанію падающихъ водяныхъ струекъ. И что только тогда не приходило мнѣ въ голову! Какія чудныя грезы занимали мое воображеніе... Я жилъ тогда какой-то особенной жизнью. Мощная и гордая фигура *Самсона* уносила меня въ глубокую, сѣдую древность, въ ту древность, когда грозный и всесильный Егова еще любилъ свой народъ и посылалъ къ нему героевъ и пророковъ... Какое это было знаменательное время!.. И отчего оно безвозвратно пропало!.. Безвозвратно-ли?!.. И меня охватывало горячее сильное желаніе, чтобы это время вернулось, чтобы снова явились пророки и герои... Зачѣмъ? Чтобы истреблять филистимлянъ?.. И я самъ громко смѣялся надъ этимъ желаніемъ и, чтобы отдѣлаться отъ подобныхъ фантастическихъ мыслей, переводилъ глаза на классическихъ боговъ и богинь, на сатировъ, нимфъ, фавновъ и всѣ эти шедевры искусства, въ строгомъ порядкѣ разставленные по аллеямъ и какъ бы говорящіе съ вами своими водяными языками.—О чемъ говорила мнѣ вся эта плеяда боговъ и богинь, какія мысли они навѣвали на меня, я, конечно, теперь не помню, но я уходилъ отъ нихъ восторженный и очарованный и мнѣ такъ было хорошо и легко... Когда я уставалъ гулять по аллеямъ и разсматривать фонтаны, я спускался къ берегу моря, садился гдѣ нибудь подальше, куда обыкновенно фешенебельная петергофская публика не забиралась и раскрывалъ томикъ своего любимаго поэта... Но въ подобныхъ случаяхъ я обыкновенно бросалъ въ сторону книжку послѣ первыхъ-же прочитанныхъ строкъ. Гладкая морская даль, съ ея синимъ едва замѣтнымъ горизонтомъ, овладѣвала всѣмъ моимъ существомъ и приковывала къ себѣ все мое вниманіе. Тогда я забывалъ все и уносился вмѣстѣ съ этой далью въ невѣдомый мнѣ миръ, который создавала моя фантазія, но котораго ни умъ, ни чувства не могли постичь. Эта страсть къ фантазерству, къ мечтательности, въ то время, когда всѣ мои сверстники были или старались быть положительными, доставляла мнѣ самому, немало неприятностей и я не разъ себя ругалъ за эти страшные недостатки... Но согласитесь сами, чѣмъ я былъ виноватъ что въ Петергофѣ такіе чудные фонтаны, что море такъ восхитительно и что, наконецъ, мнѣ было всего семнадцать лѣтъ...

Разъ, это, я помню какъ теперь, было въ одно чудное воскресное утро—наскучивъ ходить по парку, гдѣ, благодаря празднику и прекрасной погодѣ, было очень много гуляющихъ, въ особенности прїѣзжихъ изъ города, я по обыкновенію забрался на берегъ моря и, выбравъ удобное мѣстечко подъ деревомъ, усѣлся на скамьѣ и вынулъ книжку. Блестящее-ли утро, чудный-ли прозрачный воздухъ, пропитанный свѣжимъ ароматомъ скошенной вблизи травы или спокойная зеркальная поверхность моря, сверкавшая отъ купавшихся въ ней свѣтлыхъ лучей, меня такъ настроили, но мнѣ въ эту минуту какъ-то особенно было хорошо и легко на душѣ, какъ только можетъ быть легко семнадцати-лѣтнему юношѣ, стремившемуся объять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я бросилъ книгу въ сторону и съ наслажденіемъ предался созерцанію открывавшагося предъ моими глазами восхитительнаго вида. Вдругъ недалеко отъ меня раздался чей-то довольно прїятный голосъ.

— Валя, ради Бога, осторожнѣе; если ты упадешь въ воду, честное слово, не стану тебя вытаскивать.

— А если мячъ мой упадетъ?.. раздался звонкій дѣтскій голосокъ, точно серебряный колокольчикъ.

— Ты дурочка.

Я не видалъ, кто это разговариваетъ, но мнѣ стало досадно, что нарушили мое торжественное уединеніе, и я уже было хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ снова прозвенѣлъ дѣтскій голосокъ, но уже не такъ весело, какъ прежде.

— Мама, мама, мой мячъ... мой мячъ упалъ въ воду...— Въ это же время я почувствовалъ, какъ что-то мягкое и эластичное упало къ моимъ ногамъ. Я нагнулся и увидѣлъ у своихъ ногъ огромный резиновый мячъ. Меня тронулъ жалобный крикъ дѣвочки и, поднявъ мячъ, я уже хотѣлъ было выйти изъ своей засады, чтобы вручить его по принадлежности, но въ эту минуту показалась стройная, высокая фигура молодой женщины, а вслѣдъ за нею и маленькая дѣвочка семи или осьми лѣтъ, съ глазами полными слезъ.

Я почему-то сконфузился, покраснѣлъ и нѣсколько мгновений неподвижно стоялъ съ резиновымъ шаромъ въ рукахъ, какъ будто собирался швырнуть его въ прозрачное простран-

ство. И молодая женщина, и дѣвочка (оказавшаяся ея дочкой) тоже молча смотрѣли на меня, причемъ, какъ я успѣлъ замѣтить, большіе сѣрые глаза дѣвочки засвѣтились той особенной радостью, какая только возможна въ этомъ возрастѣ.

Я протянулъ руку и подалъ ей мячъ. Она сдѣлала мнѣ изящный книксенъ и тутъ же прижала мячъ къ своимъ крошечнымъ, алымъ, какъ спѣлыя вишни, губкамъ.

— Ну, видишь, Валя, что значить быть шалунькою... Заставила незнакомаго господина лѣзть въ воду изъ-за твоего мяча... Развѣ можно такъ?—И, обратившись ко мнѣ, молодая женщина тихо прибавила:

— Ужасная шалунья.

Эти послѣднія слова были произнесены такимъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ и главное, такимъ тономъ, точно мы были старые знакомые. Это, и въ особенности слово «господинъ», которое она послала по моему адресу, подкупили меня въ ее пользу и, когда она сѣла на ту скамью, гдѣ я раньше сидѣлъ, я перемѣнилъ свое рѣшеніе убѣжать отсюда и тоже усѣлся, взявъ въ руки свою книжку. Молодая женщина, повидимому, была не изъ молчаливыхъ и, давъ нѣсколько наставленій своей шалуньѣ-дочкѣ, она завела со мною разговоръ, сначала, какъ водится, о погодѣ, о Петергофскомъ паркѣ и его волшебныхъ фонтанахъ, а потомъ заговорила о Петербургѣ, о дачной жизни. Оказалось, что мы не только сосѣди-дачники по Петергофу, но и живемъ въ смежныхъ дачахъ и, что еще больше, она меня не первый разъ встрѣчаетъ.

— Но вы такой серьезный и сосредоточенный всегда, что я низачто не рѣшилась съ вами первая заговорить... Сколько вамъ лѣтъ?

Этотъ послѣдній вопросъ привелъ меня въ крайнее смущеніе. Мнѣ, серьезному и сосредоточенному господину, носившему въ головѣ такіе грандіозные планы и замыслы, мнѣ выставить на показъ свои семнадцать лѣтъ... Ни за что...

Молодая женщина, безъ сомнѣнія, угадала тайный процессъ моихъ мыслей, потому что, бросивъ на меня пристальный и нѣсколько лукавый взглядъ, она прибавила:

— Я бы вамъ дала двадцать. Правда?..

Я, молча, и съ чувствомъ, свойственнымъ только юношамъ этого возраста, кивнулъ головой.

— Значить, я отгадала? А мнѣ вы знаете сколько? Ну, ну говорите, не смущайтесь... Я вѣдь совсѣмъ старуха противъ васъ... Вотъ у меня уже такая взрослая дочка... Ей уже восьмой годъ. Я вышла замужъ восемнадцати лѣтъ... Моя Валя родилась черезъ два года... Валя, Валя, гдѣ ты? Вотъ ужъ дѣвчурка...

Валя прибѣжала вся раскраснѣвшаяся и со сверкающими отъ радости глазами, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ испачканными рученками, въ которыхъ она держала майскаго жука.

Приходъ дѣвочки и ужасъ матери при видѣ перепачканной дочки такъ и помѣшали намъ тогда подвести итогъ годамъ молодой женщины. Но это было для меня въ сущности все равно, потому что сколько бы ей не было лѣтъ, отъ этого не уменьшилось бы то впечатлѣніе, которое она тогда сразу произвела на меня. Вѣроятно я тогда же сильно влюбился въ нее, хотя это чувство мнѣ еще совсѣмъ было незнакомо и я рѣшительно не могъ ориентироваться въ томъ быстромъ и могучемъ наплывѣ неясныхъ, но въ высшей степени пріятныхъ ощущеній, которыя подобно сильной электрической искрѣ разлились по всему моему организму. Впослѣдствіи, перебирая въ своей памяти различныя событія и столкновенія, случившіяся въ моей жизни, я не могъ безъ особеннаго душевнаго волненія вспомнить о той знаменательной встрѣчѣ, о которой я вамъ рассказываю и которая, хотя уже совершенно по другимъ мотивамъ, играла такую важную роль въ моей послѣдующей судьбѣ. Теперь я отмѣчаю впечатлѣніе, произведенное на меня этой женщиной потому, что эта была первая вспышка юношескаго чувства, сильная и могучая, какъ прорвавшійся наружу вулканъ. Никогда я впослѣдствіи, даже въ минуту самыхъ, какъ мнѣ казалось, серьезныхъ увлеченій, даже въ то время, когда я любилъ ту дѣвушку, которая наложила печать на всю мою жизнь, которая оставила на мнѣ тѣ цѣпи, которыя я ношу и теперь,—никогда я не испытывалъ ничего подобнаго, никогда внутренній восторгъ не доходилъ до такого напряженія, какъ тогда. Нѣсколько разъ я пробовалъ выразить то душевное со-

стояніе, въ которомъ я тогда находился. Все, что ни приходилось мнѣ слышать и читать въ этомъ родѣ, было такъ ничтожно, такъ блѣдно и, если можно такъ выразиться, вяло, въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое меня охватило, что еслибы мнѣ удалась моя затѣя, я бы навѣрное привелъ въ смущеніе заправскихъ поэтовъ, думающихъ, что имъ доступны пониманіе и воспроизведеніе чувства во всѣхъ его проявленіяхъ. Понятно, что для этого у меня не доставало ни таланта, ни силы выраженія, ни даже необходимой объективности. Я такъ и забросилъ эту мысль.

II.

Мы съ Зинаидой Ивановной очень скоро и очень сильно подружились. Поняла-ли она мое душевное состояніе, отгадала-ли она тотъ сложный и бурный процессъ, который происходилъ въ моемъ внутреннемъ мірѣ? Думаю, что да; потому что какъ бы семнадцати-лѣтній юноша ни старался скрывать порывы перваго и, конечно, самого сильнаго чувства, это никогда ему не удается. Другая молодая женщина на мѣстѣ Зинаиды Ивановны, безъ сомнѣнія, воспользовалась бы нашими, не лишенными доли комизма, отношеніями для того, чтобы или сдѣлать несчастнаго юношу предметомъ своихъ насмѣшекъ и колкихъ нападокъ, какъ это мнѣ не разъ приходилось наблюдать, или принять тонъ суровой наставницы и совѣтницы и пичкать бы меня избитой и пошлой моралью, или, въ лучшемъ случаѣ, она немилосердно кокетничала бы со мною, что тоже въ обыкновеніи у молодыхъ женщинъ, и тѣмъ бы еще больше усилила страданія бѣднаго сердца. Къ чести Зинаиды Ивановны надо сказать, что она не выбрала ни одного изъ этихъ избитыхъ и пошлыхъ путей женскаго кокетства. Несмотря на разницу нашихъ лѣтъ, несмотря на мою тогдашнюю восторженность и неосторожные поступки, которые выдавали меня съ головой, она относилась ко мнѣ, какъ равный къ равному, съ той серьезной вдумчивостью и тѣмъ тонкимъ тактомъ, которыми обладаютъ только недюжинныя и истинно просвѣщенныя натуры. И дѣйствительно, на сколько я припоминаю теперь наши бе-

сѣды и споры, она обладала очень солиднымъ образованіемъ и стояла на уровнѣ тѣхъ требованій, которыя выдвинулъ на первый планъ духъ того времени. Это послѣднее обстоятельство еще больше насъ сближало и, такъ сказать, установило между нами твердую духовную связь. Я, конечно, относился ко всему, что тогда дѣлалось и говорилось, съ дѣтской вѣрой и юношеской восторженностью. Какъ серьезный и подающій надежды молодой человекъ, я былъ въ курсѣ всѣхъ тогдашнихъ назрѣвшихъ и назрѣвавшихъ вопросовъ. Какъ я ихъ понималъ, это другой вопросъ. Но я могъ толковать обо всемъ и обладалъ довольно блестящей діалектикой и изворотливостью опытнаго софиста. Я никогда не говорилъ съ чужого голоса и не повторялъ чужихъ мнѣній (по крайней мѣрѣ такъ мнѣ самому казалось) и этимъ я очень гордился. Опытный и обладающій нѣкоторымъ критическимъ смысломъ человекъ могъ бы сразу разбить въ пухъ и прахъ всю мою семнадцатилѣтнюю мудрость: но въ то время этого вообще почему то не дѣлали (отчего у насъ и развелось впоследствии столько пошлыхъ резонеровъ), не дѣлала этого и Зинаида Ивановна, хотя (я въ этомъ теперь болѣе, чѣмъ убѣжденъ) она отлично понимала, сколько зрѣлаго и продуманнаго могло быть въ моихъ восторженныхъ философствованіяхъ, въ моихъ грандіозныхъ планахъ будущаго, въ моихъ непоколебимыхъ, какъ я любилъ выражаться, убѣжденіяхъ. Но я теперь также увѣренъ, что она этого не дѣлала не вслѣдствіе только одного своего природнаго такта и умѣнья держать себя, напротивъ, соглашаясь со мною, принимая на вѣру мои разглагольствованія, она тѣмъ самымъ какъ бы подчинялась моему авторитету, чего уже никакая женщина не позволить безъ особенныхъ мотивовъ. Та особенная теплота, съ которою относилась ко мнѣ Зинаида Ивановна, та заботливость, которую она выказывала въ отношеніи ко мнѣ и тайнаго смысла которой я тогда, конечно, постичь не могъ, заставили меня впоследствии сдѣлать заключеніе, что симпатія Зинаиды Ивановны ко мнѣ была глубже, чѣмъ простая дружба, или простое кокетство. Я вовсе этимъ не хочу сказать, чтобы молодая женщина была влюблена въ меня. Это былъ бы абсурдъ. Нѣтъ, это было то особаго рода чувство, которое не поддается ника-

кому анализу, которое нельзя втиснуть ни въ какія опредѣленные рамки, но которое имѣетъ опредѣленное мѣсто въ нашемъ до нельзя сложномъ духовномъ организмѣ и которое, при извѣстныхъ условіяхъ, выдвигается на первый планъ, затемняя собою все прочее. Это неожиданный лучъ солнца, блеснувшій изъ за сѣренькихъ тучекъ въ теплое, но сѣренькое же лѣтнее утро. Одинъ лучъ не разгонитъ мрачныхъ тучекъ, не рассѣетъ меланхолической грусти природы. Но какъ хорошъ этотъ лучъ, какъ радостно онъ дѣйствуетъ на сердце, какъ онъ веселитъ душу!... Нѣчто похожее, вѣроятно, испытывала и Зинаида Ивановна.

Она въ семейной жизни была счастлива, т. е. вышла замужъ во время и за человѣка вполне достойнаго, котораго она уважала и любила. Говоря «любила», я конечно выражаюсь шаблонно. Безспорно, Зинаида Ивановна жила душа въ душу съ мужемъ; никогда у нихъ не было не только крупныхъ ссоръ, но даже обыкновенныхъ недоразумѣній. Семейная жизнь ихъ текла какъ нельзя лучше и оба были довольны. Но любить своего мужа въ истинномъ смыслѣ этого слова Зинаида Ивановна никогда не любила и вообще, на сколько я теперь могу представить ее въ своемъ воображеніи, она производила впечатлѣніе женщины, никогда не болѣвшей любовной горячкой, если позволено такъ выразиться. Стоило только взглянуть на ея классически красивое лицо, то безмятежно спокойное, какъ зеркальная поверхность моря въ тихій лѣтній день, то вспыхивавшее нѣжнымъ румянцемъ, на ея большіе каріе глаза, то вялые и грустные, то сверкавшіе таинственнымъ, непонятнымъ огнемъ, на всю ея чудную фигуру съ мягкими, лѣтневопластическими движеніями, съ неподражаемой, ей одной свойственной граціею, стоило прислушаться даже къ тембру ея голоса, чтобы понять, что эта женщина томится какимъ то неудовлетвореннымъ желаніемъ, смыслъ котораго для нея самой—тайна. Конечно, все это я понялъ только впоследствии; да и не до наблюдений и психологическихъ анализовъ мнѣ было тогда. Я весь былъ поглощенъ охватившимъ меня чувствомъ, я жилъ только однимъ желаніемъ всегда и всюду быть вблизи этой женщины. къ которой меня тянула непонятная для меня сила. Я не при-

знавался, что влюбленъ; напротивъ, я старался по возможности разыгрывать роль холоднаго и разочарованнаго Чайльдъ-Гарольда, для котораго женщина звукъ пустой; я держалъ себя гордо и даже авторитетно, и что всего страннѣе, очень рѣдко краснѣлъ и не конфузился, какъ это обыкновенно бываетъ съ влюбленными юношами въ присутствіи любимой женщины. Я склоненъ это объяснить тѣмъ именно внутреннимъ процессомъ, о которомъ я раньше уже говорилъ, который въ то время происходилъ въ душѣ Зинаиды Ивановны и который, по ассоціаціи чувствъ, извѣстнымъ образомъ вліялъ на меня. Тѣмъ не менѣе, мое восторженное состояніе, развившіяся во мнѣ нервность и рѣзкая неустойчивость настроенія, обратили на себя вниманіе моихъ родителей, которые, не зная настоящей причины, не шутя перепугались и стали въ тихомолку отъ меня совѣтываться съ врачами.

Одной изъ самыхъ усердныхъ совѣтницъ моей матери въ этомъ отношеніи была и Зинаида Ивановна, которая вскорѣ послѣ нашей встрѣчи, познакомилась съ моими родителями и на правахъ сосѣдки стала часто у насъ бывать. Моя матушка, хотя уже не была ортодоксальной еврейкой и навсегда порвала связь съ предрассудками, коренившимися въ той средѣ, изъ которой она вышла, но не переставала чуждаться не еврейскаго общества, отчасти изъ чувства природной гордости, изъ боязни, что чуждое ей общество будетъ относиться къ ней, какъ еврейкъ, не такъ, какъ она заслуживаетъ, какъ по своему положенію, такъ и по нравственнымъ качествамъ, отчасти опять же вслѣдствіе предрассудковъ, вслѣдствіе недовѣрія къ нравственнымъ основамъ этого съ виду блестящаго и культурнаго общества.

Извѣстно, насколько еврейскія женщины щепетильны въ вопросахъ этики и какъ онѣ подозрительно смотрятъ на ту свободу отношеній между мужчиной и женщиной, которая присуща всякой интеллигентной средѣ. Но Зинаиду Ивановну матушка моя сразу полюбила и не только охотно принимала ее у себя, но очень часто ходила къ ней. Между нашимъ домомъ и домомъ Зинаиды Ивановны установились вполне дружескія, чуть ли не родственныя отношенія.

Мужъ Зинаиды Ивановны тоже часто бывалъ у насъ и по вечерамъ обыкновенно игралъ въ преферансъ съ моимъ отцомъ. Это былъ уже довольно пожилой, но бодрый и вполне сохранившійся господинъ, съ красивой и симпатичной наружностью. Въ то время онъ занималъ довольно выгодный служебный постъ, и носились слухи, что ему вскорѣ предстоитъ важное назначеніе въ южный край. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ выдвинули впередъ тогдашнія вѣянія. Судя по всему, онъ былъ человѣкъ убѣжденный, глубоко вѣрующій въ жизненность и реальность тѣхъ началъ, на которыхъ передовые умы думали пересоздать обветшалый общественный строй, хотя въ этой вѣрѣ была своя доля диллетантизма и вовсе ненужной экзальтаціи. Впрочемъ, этимъ страдали тогда всѣ, а мужъ Зинаиды Ивановны меньше другихъ. Въ общемъ онъ былъ очень пріятный человѣкъ, умный собесѣдникъ и горячій спорщикъ.

Бывало, завяжешь съ нимъ какой нибудь отвлеченный споръ: сначала идетъ все хорошо; я философствую, а онъ добродушно и не безъ ироніи выслушиваетъ меня, потомъ забудетъ свой возрастъ и положеніе, не выдержитъ характера и начнетъ горячиться пуще меня. Вотъ тогда только и начнется настоящій турниръ. Ни я, ни онъ никогда другъ другу не уступали; несмотря на мои годы, у меня былъ достаточный запасъ фактовъ, и къ тому же я былъ ловкій софистъ. Павелъ Никаноровичъ, (такъ звали его) хотя обладалъ такимъ же, если не бѣльшимъ запасомъ фактовъ и безспорно болѣе вѣской логикой, но не имѣлъ особенной гибкости ума, и со стороны всегда казалось, что я беру верхъ. Это его часто выводило изъ себя, тѣмъ болѣе, что Зинаида Ивановна всегда брала мою сторону, все равно, былъ ли я правъ или нѣтъ.

Мои побѣды на словесныхъ турнирахъ доставляли ей явное удовольствіе и, кто знаетъ, не былъ ли это одинъ изъ тѣхъ глухихъ протестовъ, которыми обыкновенно молодыя женщины робко заявляютъ права на жизнь и ея наслажденія... Повторяю, все это мнѣ стало ясно впоследствии, тогда же я былъ убѣжденъ въ силѣ и неотразимости моего философскаго мировоззрѣнія, и въ этомъ смыслѣ объяснялъ себѣ и симпатіи Зинаиды Ивановны.

Почти цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; то я бывалъ у Зинаиды Ивановны, то она приходила къ намъ, то мы гуляли, переходя отъ одного фонтана къ другому, часто читали, но болѣе бесѣдовали и спорили. Впрочемъ, это послѣднее выраженіе не подходитъ сюда, такъ какъ Зинаида Ивановна, какъ я уже замѣтилъ, повидимому охотно подчинялась моему философскому авторитету, дѣлая это, впрочемъ, въ такой формѣ, что это только пріятно щекотало мое юное самолюбіе. Неизмѣннымъ спутникомъ нашихъ ежедневныхъ прогулокъ была маленькая Валя. Это былъ ребенокъ чудной красоты, живой, воспримчивый и умный.

Въ общемъ она напоминала собою мать, хотя у нея были сѣрые глаза отца и такіе же волосы, длинными, густыми локонами падавшіе на узенькія дѣтскія плечики. Мы съ Валею были очень дружны; но признаться, я на нее обращалъ меньше вниманія, чѣмъ она этого заслуживала и добивалась. Да и до Вали ли мнѣ было, когда я весь былъ погруженъ въ тотъ таинственный процессъ, который происходилъ въ моей душѣ и значеніе котораго для меня тогда было непостижимо. Я зналъ, что вблизи Зинаиды Ивановны я чувствую себя хорошо и счастливъ, а вдали отъ нея меня охватываетъ отчаяніе; я зналъ, что одинъ ея взглядъ, одинъ звукъ ея голоса могутъ вызвать во мнѣ цѣлую бурю страстей. Я это все зналъ, или, вѣрнѣе, ничего не зналъ, а только чувствовалъ себя не такимъ, какимъ я былъ до знакомства съ Зинаидой Ивановной. Гдѣ-же мнѣ было думать о Валѣ и замѣчать, какъ этотъ ребенокъ все сильнѣе и сильнѣе привязывается ко мнѣ! Мое невниманіе часто огорчало Валею и вызывало крупныя слезы на ея чудныхъ дѣтскихъ глазахъ. Въ такихъ случаяхъ Зинаида Ивановна выступала въ роли примирительницы между мною и ея маленькой дочкой и ласково журила меня за отсутствіе кавалерскихъ способностей. Я въ этомъ соглашался, разсыпался въ извиненіяхъ передъ Валею, и дѣвочка отъ этого приходила въ восторгъ.

— Ну, смотрите, какъ она просіяла, тихо шептала мнѣ Зинаида Ивановна; я положительно увѣрена, что она неравнодушна къ вамъ. Смотрите...

Не знаю почему, но подобныя сцены, которыя повторялись довольно часто, съ незначительными, впрочемъ, вариациями, всегда выывали на моемъ лицѣ густую краску и заставляли какъ-то особенно усиленно биться мое сердце. Сомнѣваюсь, ощущалъ ли бы я нѣчто подобное, еслибы Зинаида Ивановна мнѣ сказала, что она сама ко мнѣ равнодушна... Нѣтъ, навѣрное нѣтъ, или, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени, какъ когда она меня дразнила Валею. Странное и непонятное душевное состояніе! Позже, когда послѣдующія событія освѣтили и выяснили многое въ моемъ душевномъ мірѣ, я понялъ, конечно, и это состояніе. Но объ этомъ послѣ.

Такъ проходило время, незамѣтно для всѣхъ, а въ особенности для меня. Я былъ неизмѣримо счастливъ, и мнѣ казалось, что это счастье никогда не разстанется со мною. Могъ ли я тогда предвидѣть, что тотъ самый свѣтлый горизонтъ, который такъ ласкалъ мой глазъ, покроется когда нибудь свинцовыми тучами!.. Собственно говоря, эти тучи были отчасти уже недалеко, хотя онѣ были грозовыя, послѣ которыхъ солнце выступаетъ еще съ большею яркостью, а воздухъ еще больше благоухаетъ.

Я уже выше упомянулъ, что Павелъ Никаноровичъ ожидалъ со дня на день очень важнаго назначенія на югъ, гдѣ предполагалось ввести новыя реформы. Объ этомъ говорили вездѣ, слухъ о его назначеніи проникъ даже въ печать; объ этомъ, конечно, зналъ и я, и мысль о предстоявшей разлукѣ съ моими новыми друзьями, въ особенности съ Зинаидой Ивановной, бросала меня то въ жаръ, то въ холодъ. Къ счастью, я на ней недолго останавливался по той самой причинѣ, по какой счастливый человѣкъ долго не останавливается на мысли о смерти. Придетъ и наведетъ грусть или ужасъ, смотря по темпераменту человѣка, потомъ исчезнетъ, не нарушивъ даже жизненнаго равновѣсія. Такъ было и со мною. Стоило только Зинаидѣ Ивановнѣ улыбнуться своей доброй, ей одной свойственной улыбкой, чтобы разсѣять всѣ мои душевныя тревоги. Когда же я дѣйствительно начиналъ хандрить по поводу слуховъ объ ихъ отъѣздѣ, она принималась меня утѣшать съ той

особенной нѣжностью, источникъ которой никогда не иссякалъ у этой женщины. Она всячески старалась убѣдить меня, что эти слухи невѣрны, что еслибы они даже осуществились, то все таки онѣ, т. е. она и Валя, останутся въ Петербургѣ, а на югъ поѣдетъ одинъ Иванъ Никаноровичъ и что мы по прежнему будемъ видѣться каждый день. Тогда мы составляли планы на весь зимній сезонъ; какъ мы будемъ проводить время, гдѣ мы будемъ встрѣчаться и что будемъ дѣлать. Въ разработкѣ этихъ плановъ принимала участіе и Валя, и ея серебристый голосокъ игралъ не послѣднюю роль въ рѣшеніи того или другого вопроса. Съ чисто дѣтской радостью она бросалась на шаю то къ матери, то ко мнѣ, и ея восторгажь, по поводу того, что я и впредь буду бывать у нихъ каждый день, конца не было.

Разъ,—это было уже въ концѣ дачнаго сезона, и среди дачниковъ шли уже приготовленія къ переезду въ городъ,—я, по обыкновенію, выпелъ въ паркѣ и, въ ожиданіи прихода Зинаиды Ивановны, усѣлся противъ колоссальнаго «Самсона», любимомъ ея мѣстѣ, гдѣ мы каждый день проводили по нѣсколько часовъ. Зинаидѣ Ивановнѣ не даромъ нравилось это мѣсто; оно, дѣйствительно, было восхитительно, какъ по группировкѣ фонтановъ, такъ и по общему виду на море, который открывается съ верхнихъ ступенекъ лѣстницы, ведущихъ ко дворцу. Въ это утро погода была восхитительная, свѣтло-синее небо было совершенно безоблачно, воздухъ пропитанъ водяными брызгами отъ бьющихъ отовсюду фонтановъ, въ свѣжихъ струяхъ которыхъ радужными цвѣтами отливались солнечные лучи. «Самсонъ» сверкалъ, какъ всегда, и поражалъ свою грандіозностью и могучестью. Невольно приходила на память библейская легенда объ этомъ героѣ и его поэтической смерти... По ассоціаціи идей я вдругъ вспомнилъ, что принадлежу къ тому самому народу, который нѣкогда подарилъ міру Самсона, и странное, непонятное чувство овладѣло мною. Никогда раньше я не думалъ о своемъ происхожденіи, и никогда оно меня не тревожило. Да и время тогда было такое, что національнымъ вопросамъ мѣста не было, а если ихъ и

поднимали, то только въ смыслѣ окончательнаго ихъ уничтоженія и слиянія всѣхъ людей въ одну общую семью... Это было чудное время! Увы, оно прошло, какъ сладкій сонъ, при первомъ пробужденіи. А кто виноватъ? Тогда я, конечно, не былъ такъ проницателенъ, чтобы предугадывать грядущее. Я не думалъ, что мнѣ придется, скрѣпя сердце, видѣть низвергнутыми въ прахъ тѣ самые кумиры, которымъ мы всѣ поклонялись, слышать, какъ надругаются надъ тѣми самыми идеалами, которые мы боготворили.

Напротивъ, я съ юношескимъ увлеченіемъ вѣрилъ всему... Но въ ту минуту, когда я смотрѣлъ на утонувшаго въ радужныхъ лучахъ «Самсона», странное недоверіе на мгновеніе закралось въ мою душу, и мнѣ стало вдругъ очень грустно... Не успѣлъ я разобраться въ непривычномъ и, признаться, совершенно новомъ для меня теченіи мыслей, какъ позади меня раздалась хорошо знакомые мнѣ легкіе шаги, и вслѣдъ за этимъ воалѣ меня очутилась Зинаида Ивановна. Черезъ минуту прибѣжала и Валя со своимъ громаднымъ мячемъ, съ которымъ она никогда не расставалась и который былъ виновникомъ нашего знакомства. Зинаида Ивановна была нѣсколько разстроена, что я сейчасъ же замѣтилъ, такъ какъ за время нашего знакомства успѣлъ до мелочей изучить не только ея наружность, но и ея характеръ. Послѣ обмѣна нѣсколькими незначительными фразами, я спросилъ ее о причинѣ ея непривычнаго настроенія.

Сначала она отрипала это, стараясь увѣрить меня, что себя чувствуетъ, какъ всегда; что это мнѣ такъ кажется; но, наконецъ, созналась, что причиной ея грустнаго настроенія послужила полученная утреннею почтою бумага о назначеніи Павла Никаноровича на то мѣсто, о которомъ всѣ уже такъ давно говорили, а главное, что ея мужъ настаиваетъ на скоромъ отъѣздѣ изъ Петербурга.

— Какъ, и вы поѣдете?—неволью вырвалось у меня.

— Да; Павелъ Никаноровичъ настаиваетъ, чтобы мы всѣ ѣхали вмѣстѣ. Между тѣмъ,—прибавила она, какъ бы желая смягчить то впечатлѣніе, какое это извѣстіе на меня про-

извело, — мнѣ совсѣмъ не хочется разстаться съ Петербургомъ!

— Но вы все-таки поѣдете... — Въ тонѣ моего голоса слышались и раздраженіе, и упрекъ. Въ ту минуту Зинаида Ивановна представлялась мнѣ коварной измѣнницею, попирающею самыя священныя чувства... Мнѣ казалось, что я вправѣ требовать у нея отчета въ ея поступкахъ, и въ головѣ моей возникалъ цѣлый планъ гордой мести...

Зинаида Ивановна вѣроятно угадала волновавшія меня чувства. Она ничего не сказала и только улыбнулась своей тихой, ласковой улыбкой.

Такъ мы просидѣли нѣкоторое время. Наконецъ, она прервала тягостное, по крайней мѣрѣ для меня, молчаніе. Она заговорила о скоромъ переѣздѣ въ Петербургъ, о зимнемъ сезонѣ, о всемъ томъ, о чемъ мы не разъ говорили и что всегда мнѣ доставляло удовольствіе; въ тѣмъ она незамѣтно перешла къ предстоящему переѣзду на югъ.

— Вы къ намъ лѣтомъ, вѣдь, пріѣдете?.. Да, непременно; почему бы вамъ не пріѣхать, — успѣвшая она сама отвѣтить на свой вопросъ.— Непременно должны пріѣхать. Я объ этомъ переговорю съ вашей матушкой; положитесь на меня, я это устрою, увидите сами...

Эта неожиданная перспектива, освѣщенная улыбкой Зинаиды Ивановны, предъ которой я никогда не могъ устоять, разсѣяла мое мрачное настроеніе, и я сталъ веселѣе смотрѣть на предстоящую намъ временную разлуку. Но я все-таки считалъ себя оскорбленнымъ, и теперь наступила моя очередь говорить. Замѣчательно, что все, мною пережитое за это короткое, но въ полномъ смыслѣ счастливое для меня время, до того сильно запечатлѣлось въ моей памяти, что даже теперь я могу прослѣдить всѣ детальныя событія, всѣ разговоры и споры, однимъ словомъ, все то, что происходило между мною и Зинаидою Ивановною, и прослѣдить не только по днямъ, но по часамъ, минутамъ. Но то, что я говорилъ въ это утро, рѣшительно ускользнуло изъ моей памяти, какъ будто чья-то рука снѣмилордно стерла всѣ слѣды въ моемъ мозгу. А между тѣмъ

мое объясненіе съ Зинаидой Ивановной (вѣроятно, это было объясненіе, иначе и не могло быть) было самымъ замѣчательнымъ и самымъ важнымъ изъ всего того, что между нами было говорено... Объяснить этотъ фактъ я рѣшительно не берусь. Это для меня самого: какая-то загадка. Думаю, что причиною моего запаматованія было сильное нервное волненіе, разлившееся по всему моему существу. По вѣсімъ вѣроятіямъ, я тогда находился въ томъ особенномъ состояніи, когда сознаніе или, выражаясь научнымъ языкомъ, регулирующіе центры не принимали участія въ образованіи и сочетаніи моихъ идей. Одно помню, что я говорилъ горячо, съ энтузіазмомъ, который впоследствии никогда больше не доходилъ у меня до такого напряженія, какъ тогда. Я также не помню, какое впечатлѣніе мои слова произвели на Зинаиду Ивановну; помню только ея свѣтлую улыбку, которая постепенно исчезала съ ея красиваго лица и смѣнилась легкимъ тревожнымъ облакомъ, помню ея чудные глаза, всегда нѣсколько смѣющіеся, но тогда грустные и какъ бы окруженные тѣнью...

Одна Валя по прежнему рѣвилась и прыгала предъ нами, высоко подбрасывая свой мячъ и ловя его на лету. Отъ времени до времени она подбѣгала къ намъ, теребила то меня, то мать, пробовала заговорить, хохотала, пѣла. Но ни я, ни Зинаида Ивановна не обращали на нее никакого вниманія. Показалось-ли это дѣвчкѣ обиднымъ, или она дѣтскимъ чутьемъ поняла, что между мною и матерью происходитъ нѣчто необыкновенное, но она вдругъ притихла и, бросивъ свой мячъ, стала позади насъ, облокотилась своими дѣтскими ручками на спинку скамьи, на которой мы сидѣли и, придавъ своему хорошенькому личику всегда такъ идущее дѣтямъ, серьезное и сосредоточенное выраженіе, такъ и замерла.

Бесѣда наша или, вѣрнѣе, мои изліянія, изрѣдка лишь прерывавшіяся тѣмъ или другимъ замѣчаніемъ Зинаиды Ивановны, продолжались. Вокругъ насъ царилъ обычная тишина, среди которой еще явственнѣе слышалось легкое журчаніе многочисленныхъ фонтановъ. Гуляющихъ въ это утро совсѣмъ не было.

Вдругъ я почувствовалъ, какъ кто-то сзади обхватилъ мою

голову, притянуть ее къ себѣ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ сдѣлать соответствующее оборонительное движеніе, я ощутилъ на своемъ лицѣ прикосновеніе дѣтскихъ влажныхъ губокъ. Я весь обомлѣлъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, въ вискахъ застучало, въ ушахъ раздался страшный звонъ, а сердце до того забилося, что я инстинктивно схватился за него рукой. Что я почувствовалъ въ ту минуту, я точно не помню, знаю только, что ни раньше, ни послѣ я никогда больше не испытывалъ такого ощущенія, какъ отъ этого дѣтскаго невиннаго поцѣлуя. Мое ошеломленіе, въ связи съ испытаннымъ мною ощущеніемъ, по-видимому, ограничилось минутной потерей сознанія, потому что, когда я очнулся, Зинаида Ивановна держала мою руку въ своей и заботливо смотрѣла мнѣ въ глаза. Нѣсколькими минутами раньше я бы всю жизнь отдалъ за одно прикосновеніе руки Зинаиды Ивановны, но теперь, теперь это прикосновеніе ничего мнѣ не говорило. Я ничего не чувствовалъ, кромѣ нѣжнаго слѣда дѣтскаго поцѣлуя на моей щекѣ.

— Развѣ можно быть такимъ нервнымъ... И чего вы испугались... — унимала меня Зинаида Ивановна... — Вотъ шалунья...

— Подожди, я тебѣ задамъ... Сама убѣжала... Смотрите... Пойдемте ее ловить.— И взявъ меня за обѣ руки, она почти насильно подняла меня.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по тому направленію, куда убѣжала Валя и гдѣ между разросшимися деревьями еще виднѣлось ея легкое бѣлое платьице.

Въ это время изъ сосѣдней аллеи вышла намъ на встрѣчу моя матушка съ другой госпожей, нашей общей знакомой. Мы скоро поровнялись, и Зинаида Ивановна, смѣясь, рассказала имъ о только что случившемся, заставивъ меня еще разъ, къ величайшей моей досадѣ, покраснѣть до корня волосъ.

— Бѣдный мой мальчикъ; сказала, взглянувъ въ мое смущенное лицо, моя матушка.

— Напротивъ, счастливецъ... въ одно время проговорили и Зинаида Ивановна и спутница моей матушки; при чемъ, по-

и разбирать французскіе переводы подъ руководствомъ своей гувернантки. Думала-ли она обо мнѣ, знала-ли она, какъ я страдаю...

Погода между тѣмъ продолжала портиться, и дачники, потерявъ всякую надежду на лучшіе дни, одинъ за другимъ стали покидать Петергофъ. Дошла очередь и до насъ. Моя матушка и Зинаида Ивановна условились, чтобы вмѣстѣ выѣхать въ городъ. Но случилось такъ, что городская квартира Зинаиды Ивановны еще не была совсѣмъ отдѣлана, намъ же нельзя было медлить, такъ какъ въ университетѣ въ этомъ году лекціи рано начались, и мнѣ, какъ новичку, не хотѣлось пропустить ни одной лекціи.

Помню, что когда я и матушка пришли къ Зинаидѣ Ивановнѣ прощаться, къ намъ выѣжала на встрѣчу Валя и, по обыкновенію, бросилась меня обнимать.

Маленькая дѣвочка и не подозрѣвала, что въ эту минуту творится у меня на душѣ, да и никто изъ окружающихъ не могъ этого подозрѣвать, потому что надо отдать мнѣ справедливость, я держался какъ взрослый и съ снисходительной улыбкой принималъ ласки ребенка. Нежеланіе выдать свою тайну научило меня владѣть собою и маскировать свои чувства. Зинаида Ивановна трогательно прощалась со мною и взяла съ меня слово черезъ три дня (послѣдній срокъ икъ переѣзда въ городъ) явиться къ нимъ къ обѣду.

— Иначе буду сильно сердиться на васъ; мнѣ хочется видѣть юнаго студента,—прибавила она, улыбаясь.

Когда я уже былъ въ дверяхъ, она остановила меня.

— А съ Валею... Что же вы ее не поцѣлуете на прощаніе?

Валя подбѣжала ко мнѣ и подставила свои хорошенькія коралловыя губки.

Я нагнулся... Но дальше ничего не помню. Помню только, что прибѣжавъ домой я долго не могъ еще придти въ себя отъ охватившаго меня восторга.

Черезъ три дня я явился къ Горбатовымъ въ назначенный часъ. Желаніе видѣть Валею, а еще больше показать себя уже не какъ мальчика, а какъ студента, настоящаго студента,

услѣвшаго уже прослушать нѣсколько лекцій и выпить брудершафтъ съ цѣлымъ десяткомъ товарищей — заставили меня быть аккуратнымъ, и я за это былъ награжденъ обворожительной улыбкой Зинаиды Ивановны. Павелъ Никаноровичъ тоже былъ любезнѣе и внимательнѣе чѣмъ обыкновенно и, хотя въ завязавшемся вскорѣ между нами какомъ-то спорѣ продолжалъ по прежнему горячиться, но уже безъ той снисходительной улыбки, которою онъ хотѣлъ доказать свое умственное превосходство и которая всегда меня до нельзя раздражала. Одна Валя не измѣнилась въ отношеніи ко мнѣ, не сознавала той перемѣны, которой подверглась моя персона. Это нѣсколько задѣвало мое самолюбіе, но я не сердился на нее, потому что даже при желаніи нельзя было сердиться на этого прелестнаго ребенка.

Студенческая жизнь все болѣе и болѣе захватывала меня, вытѣсняя всѣ прочіе интересы. Студенчество того времени было не то, что теперь. Это былъ свѣжій, полный чистыхъ стремлений и возвышенныхъ идеаловъ организмъ, вѣчно клокочущій, вѣчно порывистый, живой, могучій и стремительный въ своемъ теченіи, какъ свѣжій горный потокъ. Да инымъ онъ и не могъ быть, такъ какъ вся окружающая жизнь со всеми ея ошибками, увлеченіями и иллюзіями, была ключемъ и искала новыхъ путей для своего теченія. Понятно, почему студенты того времени съ восторгомъ вспоминаютъ о той порѣ и готовы и теперь промѣнять всѣ удобства своей сытой, но безцвѣтной жизни на скромную студенческую комнату, въ которой за то царилъ столько свѣтлыхъ иллюзій и розовыхъ надеждъ.

По мѣрѣ того, какъ я увлекался новой жизнью и новыми науками, я сталъ все рѣже и рѣже бывать у Горбатовыхъ. Сначала я самъ былъ крайне недоволенъ происшедшей во мнѣ перемѣной и въ глубинѣ души считалъ себя преступникомъ, измѣнникомъ, бичевалъ себя за крайнее легкомысліе, съ какимъ я отношусь къ такому святому чувству, какъ любовь. Я все еще былъ увѣренъ, что сильно влюбленъ въ Валю, и меня терзала мысль, что я начинаю ее забывать. О своей любви къ Зинаидѣ Ивановнѣ я совсѣмъ забылъ, и она меня ничуть не

безпокоила, хотя теперь, болѣе чѣмъ когда либо, я испытывалъ въ ея присутствіи чарующее волненіе... Она въ отношеніи ко мнѣ нисколько не измѣнилась, напротивъ, стала еще ласковѣе, улыбка ея сдѣлалась еще привѣтливѣе и нѣжнѣе, и въ тоже самое время она обращалась со мною осторожнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ прежде.

— Вы уже теперь совсѣмъ взрослый... Вы студентъ... повторяла она каждый разъ при встрѣчѣ со мною. Наконецъ я пересталъ и терзаться, и укорять себя. Новая среда и новые интересы, а главное—время взяли свое. Къ тому и со стороны Горбатовыхъ тоже явились препятствія, мѣшавшія дальнѣйшему развитію моего чувства къ Валѣ. Горбатовы стали готовиться въ путь и посѣщать ихъ часто не было возможности.

Вскорѣ былъ объявленъ день отъѣзда. Я, помню, въ этотъ день сильно волновался. Во мнѣ вдругъ съ особенной яркостью вспыхнули тѣ чувства, которыя я испытывалъ въ тотъ знаменательный день, когда я съ такимъ жаромъ объяснялся съ Зинаидой Ивановной и такъ неожиданно получилъ поцѣлуй отъ Вали. Оба чувства были во мнѣ такъ сильны, такъ волновали мое сердце и воображеніе, что я не зналъ, какому изъ нихъ наконецъ отдать предпочтеніе. Чудные сѣрые глаза Вали, пластическая красота ея матери все это сливалось у меня въ одно нераздѣльное цѣлое и одинаково было для меня дорого.

Зинаида Ивановна на прощаніе подарила мнѣ свою фотографическую карточку съ надписью: моему юному другу на память; а Валя дала мнѣ хорошенькую коробочку съ изображеніемъ маленькой дѣвочки, причѣмъ сказала:—Смотри же, не потеряй коробочку, а то я буду сердиться.

На вокзалѣ собралось очень много провожающихъ, въ числѣ которыхъ была и моя матушка. Во все время до второго звонка Валя неотходила отъ нея и все толковала ей, что она меня любитъ и что будетъ мнѣ писать письма. Я держался въ сторонѣ отъ другихъ и, какъ ни старался, не могъ преодолѣть охватившую меня тоску. Еще минута, и я бы расплакался. Къ счастью раздался 2-й звонокъ, и публика заволновалась. Гу-

вернантка, старая и трусливая дѣва, схватила Валию и побѣжала съ нею въ вагонъ. Зинаида Ивановна торопливо прощлась съ знакомыми. Я тоже протиснулся впередъ. Зинаида Ивановна подбѣжала ко мнѣ. Я схватилъ ея руку и, не помня себя, поднесъ къ своимъ губамъ. Она быстро нагнулась ко мнѣ, но такъ близко, что я почувствовалъ на своемъ лицѣ ея теплое дыханіе.

— Не забудьте насъ... меня...—тихо проговорила она. Въ эту минуту Павелъ Никоноровичъ взялъ ее за руку.

— Скорѣе, Зина; третій звонокъ...—Она еще разъ обернулась ко мнѣ, и я видѣлъ какъ глаза ея наполнились слезами.

Я бросился впередъ. Поѣздъ тронулся. Въ это мгновеніе я вспомнилъ, что я не простился съ Валею, и глубокое отчаяніе охватило меня. Я точно оцѣпенѣлъ весь, голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло и я чувствовалъ, какъ будто земля разверзлась и я падаю въ глубокую пропасть... Еще мгновеніе, и я бы лишился сознанія, но въ эту минуту ко мнѣ подошла матушка и взяла меня подъ руку. Она тоже была разстроена прощаніемъ и на глазахъ у нея стояли еще слезы. Когда мы вышли на улицу и сѣли въ ожидавшій насъ экипажъ, она вдругъ обернулась ко мнѣ и нѣсколько мгновеній всматривалась въ мое лицо, потомъ тихо и про себя проговорила:

— А жаль, что они не евреи...

Я былъ тогда слишкомъ занятъ собственными мыслями, чтобы обратить вниманіе на эту фразу, которая впоследствии сдѣлалась роковой для всего нашего семейства. Когда мы пріѣхали домой, я бросился въ свою комнату, досталъ карточку Зинаиды Ивановны и коробочку Вали, и то и другое осыпалъ горячими поцѣлуями. Мысль, что онѣ уѣхали, что я остался одинъ, что я больше не увижу ни Зинаиды Ивановны, ни Вали, острой болью ударила мнѣ въ голову, сердце болѣзненно сжалось, къ горлу подступали истерическіе спазмы, глаза наполнились слезами и нервная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Нѣсколько мгновеній я оставался въ этомъ напряженномъ состояніи, наконецъ разразился глухими тихими рыданіями... Это были чистыя, невинныя слезы самой лучшей, са-

мой свѣтлой поры моей жизни. Мнѣ стало сразу легко. Такъ ранняя весенняя травка изнываетъ подъ землею, стараясь поскорѣе выглянуть на свѣтъ, на солнце. Но явится легкая тучка, засверкаетъ молнія, ударитъ громъ, и падуть на сухую землю первыя капли дожда, какъ послѣдняя сама раскроется и травка увидитъ свѣтъ и солнце.

С. О. Ярошевскій.

(Продолженіе будетъ).

* * *

(Посвящ. Я. П. Полонскому).

...Грустя онъ говорилъ: „кто смѣетъ звать грозу?
Порывы и борьба спасутъ-ли отъ забвенья?
О! бойтесь въ море слезъ влить лишнюю слезу
И дремлющихъ обречь на муку пробужденья!“..

И онъ смирилъ души пророческій восторгъ,
И онъ сковаль уста... Но было все напрасно.
Великій часъ насталь. Оковы духъ расторгъ—
И рѣчи понеслись неудержимо-страстно,
И внемлетъ имъ толпа, тревогою полна,
Бакъ грому дальнему дремучая волна...

И черная въ грозѣ и въ бурѣ откровенье,
Взываетъ смѣло онъ: „Живите: жизнь—мгновенье!
Блаженъ, кто до вершинъ сознанія достигъ,
Бто вѣчность заключить сумѣлъ въ единый мигъ,
Бто осушилъ до дна свой кубокъ упоенья!...
Что боль и смерть тому, чей громъ сотрясъ эфиръ,
Чье бурное крыло волнуетъ сонный мѣръ,
Чтобъ грома перекачь, чтобы волны изгибы

Навѣки сохранить слѣды души могли бы,
Чтобъ мой безсмертный духъ, наполнивъ высь и ширь,
Твердилъ бы небесамъ вовѣки и повсюду:
Я дѣйствовалъ, я жилъ, я былъ... и емь, и буду!“...

М. Абрамовичъ.

МИРТАЛА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Элизы Орженко.

Переводъ съ польскаго.

(Окончаніе).

Х *.

День склонялся къ вечеру. Уличные крики народа, опьяеннаго виномъ и возбужденными страстями, возносились къ небу, которое сегодня стало темнѣть раньше обыкновеннаго. Темнѣло оно раньше обыкновеннаго потому, что подъ нимъ собиралась одна изъ тѣхъ грозныхъ и истребительныхъ бурь, приближеніе которыхъ наполняло толпы тревогой, отчасти истекавшей изъ основательныхъ предчувствій, но большею частью преувеличенной, суевѣрной. Послѣ выставки всякихъ рѣдкостей, на которыя народъ смотрѣлъ въ теченіи всего дня, небо само, казалось, хотѣло удивить его выставкой своихъ изваяній и красокъ. Эти изваянія и краски были величественны и, въ несравненномъ великолѣпіи своемъ, мрачны. На берегу Тибра большой рыбный рынокъ и нѣсколько сосѣднихъ улицъ залиты были густыми толпами, пестрѣвшими разноцвѣтными одеждами и неподвижными отъ страха, съ которыми онѣ смотрѣли на прологъ приближавшейся драмы природы.

За Яникульскимъ холмомъ заходило солнце, но кровавый щитъ его стала закрывать огромная туча, обхватывавшая горизонтъ

* См. „Восходъ“ кн. V—VI.

Восходъ, кн. 7.

чернымъ полукругомъ. На встрѣчу ей со всѣхъ сторонъ горизонта тянулись тяжелые и разорванные обрывки сѣрыхъ облаковъ, запятнанныхъ яркой бѣлизной или окрашенныхъ яркимъ пурпуромъ. Жгучій, сухой *Африкъ* дулъ съ юга; со стороны моря долетали соленые порывы вѣтра, въ которыхъ чувствовался проливной дождь. Ароматъ розъ, разносимый вѣтромъ, соединяясь въ воздухѣ съ запахомъ пряностей и пролитаго вина, образовалъ въ удушливой жарѣ тяжелую и одуряющую атмосферу, отъ которой сохло во рту и горѣла голова.

Посрединѣ полукруглой тучи, поднимавшейся изъ-за затибрскихъ холмовъ, солнце зажгло тысячи красокъ и огней, вмѣстѣ съ тѣмъ воздвигая на ней выпуклые и ярко окрашенные лѣса, дворцы, горы, животныхъ и растительныя чудовища. Снопъ яркихъ и тусклыхъ огней блуждали въ пространствѣ. Возвышавшійся надъ столицей капитолійскій храмъ Юпитера-громовержца охваченъ былъ, казалось, кровавымъ пожаромъ. Полукруглыя вершины воротъ и арокъ также пылали. Но зато дворцы Палатинскаго и Квиринальскаго холмовъ утопали во мглѣ, подобно убѣгающимъ вдаль призракамъ, облитымъ сѣрымъ и неяснымъ свѣтомъ. На Марсовомъ полѣ вѣтеръ поднималъ облака пыли и унесенной изъ фонтановъ воды въ видѣ золотистыхъ столповъ, которые съ шумомъ перелетали черезъ рѣку и, подобно гонимымъ страхомъ чудовищамъ, неслись надъ широкими дорогами. Темные сады шумѣли, какъ лѣса; въ желтыхъ волнахъ Тибра, окаймленныхъ бѣлой пѣной, слышался рокотъ грозной стихіи. Не было еще ни дожда, ни громовъ, ни молній. Напротивъ, вѣтеръ по временамъ стихалъ, на землю опадали вздымаемые имъ столбы пыли, сады переставали колебаться и шумѣть, и въ успокоившемся воздухѣ слышался только рокотъ Тибра, и подъ небомъ тучи плыли на встрѣчу другъ другу медленно, тяжело, все быстрѣе превращая дневной свѣтъ въ мракъ, освѣщенный непріятнымъ для глазъ сверканіемъ.

Толпы народа, собравшіяся на берегу Тибра, наполовину толь-

ко трезвня, приходили въ совершенное изступленіе отъ страха сверхъестественныхъ явленій, который народныя гадатели и звѣздочеты обильно вливали въ разгоряченныя головы. Закутанныя въ тяжелыя и величественныя, хотя часто разорванныя и грязныя плащи, съ торжественностью переходя отъ одной кучки людей въ другой, они указывали народу то, чего, быть можетъ, не увидѣли бы его собственные глаза. Прославившись отгадываніемъ примѣтъ и предсказаній, заключенныхъ въ явленіяхъ природы, находясь въ близкихъ сношеніяхъ со звѣздами и всѣмъ небеснымъ пространствомъ, умѣя предугадать гнѣвъ и милость боговъ, они не только указывали на изваянія и картины, которыми тучи покрывали небо, но и объясняли ихъ. Одни изъ нихъ имѣли проницательныя и хитрые глаза,—эти, видно, въ занятіи своемъ искали только личныхъ выгодъ; на лицахъ другихъ разлито было выраженіе мистическаго экстаза,—они сами вѣрили тому, что говорили. Они говорили въ разныя мѣстахъ; слова ихъ вездѣ поглощались съ жадностью. Они указывали и объясняли, поднимали высоко вверхъ лица и протягивали къ небу указательныя пальцы.

— Смотрите, квириты! Когда на небѣ появляется такая вотъ кровавая полоса, какъ эта, что стекаетъ за садомъ Цезаря, то боги готовятъ людямъ нѣчто страшное.

— *Eheu!*—воскликала другой,—видите эти два огненныхъ скрещенныхъ меча? Это вѣрный знакъ того, что Аполлонъ, за оскорбленіе праздника своего, проситъ Юпитера, чтобы онъ обратилъ противъ васъ свои громы...

— Эскулапъ! Эскулапъ!—послышался въ другомъ мѣстѣ тревожный голосъ,—покрой снова глаза мои чешуей, которую ты недавно снялъ съ ихъ⁸⁴¹. Лучше бы мнѣ снова ослѣпнуть, чѣмъ смотрѣть на эти черныя щиты, изъ середины которыхъ сочится кровь... Когда щиты эти ударятся другъ о друга, и одинъ сокрушитъ другой, тогда горе Риму! Видите эти щиты, квириты! видите?

Толпа все видѣла: и кровавую полосу, и огненные скрещен-

ные мечи, и желѣзные щиты съ сочившеюся изъ нихъ кровью. Все это видѣла она, и еще гораздо больше, потому что природа съ дѣйствительно непостижимой фантазіей разрисовывала сегодня небо. Въ самой большой тучѣ съ минуту времени сражались два войска, которыя потомъ быстро превратились въ двѣ химеры, потрясавшія львиными гривами и оставлявшія за собой хвосты, въ видѣ сѣрѣхъ змѣй. Изъ-за химеръ появился смѣющійся рогатый сатиръ, а съ другой стороны къ нему плыла развѣвающаяся гирлянда бѣлесватыхъ нимфъ. Вдругъ химеры, сатиръ, нимфы и окружавшіе ихъ неясные вѣнки лѣсовъ исчезли, а туча превратилась въ огромную гору, изъ выдолбленной вершины которой вспыхнуло кровавое, сѣшанное съ фіолетовой и бѣлой краской пламя. Это было похоже на изверженіе вулкана.

— Пожаръ! — раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ, въ которыхъ слышалось сильнѣйшее изъ опасеній римлянъ — опасеніе пожара.

Одновременно раздался въ воздухѣ одиночный, протяжный металлическій звукъ. Откуда онъ происходилъ? Вѣроятно, благодаря простому случаю, происшедшему въ одномъ изъ близкихъ домовъ или въ одной изъ затибрскихъ фабрикъ. Но тысячи людей съ крикомъ упали на колѣни, поднимая руки къ небу. Одинъ изъ гадалей громко и ясно объяснялъ среди общаго молчанія, что звукъ этотъ происходилъ отъ небесныхъ щитовъ, невидимыхъ въ эту минуту, — потому что ихъ закрывалъ этотъ вулканъ, — которые ударились одинъ объ другой.

Въ поблѣднѣвшей толпѣ раздались восклицанія:

— Могушественная Юнона, которая добровольно прибыла изъ Веевъ въ Римъ и охраняешь вершину Авентина, защиты свой городъ!

— Святая Изида египетская, покровительница слабыхъ женщинъ, сжался надъ нами!

— Аполлонъ, милостивый патронъ пастуховъ, спаси отъ гибели бѣдный народъ!

Родственные чувства сильно и тревожно забились въ груди всякаго.

— Отецъ! отецъ! гдѣ ты?—слышался дѣтскій слезный голосъ.

— Вальбія! я вѣщу тебя! Гдѣ ты пропала?

— О, мои дѣти! я побѣгу къ дѣтямъ моимъ, оставшимся тамъ... на Субуръ!

— Я не пойду съ тобой, мать... не оставлю моего Клавдія, котораго я люблю!

Сильвій, вышивальщикъ съ Авентина, совершенно хладнокровный, скептически улыбался, слушая разсужденія гадателей, бросалъ вокругъ хитрые взгляды и обнималъ рукой шею Вентурія, худощавое, выхоленное тѣло котораго дрожало, словно въ лихорадкѣ.

— О, Сильвій!—шепталъ онъ,—когда я нахожусь въ страхѣ, какъ теперь, я желалъ бы вовсе не родиться.

— Ты глупъ, какъ новорожденный младенецъ!—гнѣвно отвѣтилъ Сильвій, но все-таки нѣжнѣе и крѣпче обнялъ рукой дрожавшаго друга.

Вентурій, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на тучи.

— Смотри, Сильвій, смотри! пусть лишатъ меня боги своего покровительства, если я не вижу надъ головами нашими стада слоновъ!

— Ты глупъ, какъ пустая амфора!—повторилъ Сильвій и, воспользовавшись мыслью друга, поднялъ къ облакамъ указательный палецъ.

— Стадо слоновъ!—воскликнулъ онъ,—пусть лишатъ меня боги своего покровительства, если это не стадо слоновъ. Хорошо намъ будетъ, квириты, когда эти животныя упадутъ намъ на голову! Если вы не лишились еще зрѣнія, то сами видите, съ которой стороны они летятъ. Съ Востока летятъ! проклятый Востокъ!

проклятые пришельцы съ Востока, которые возбуждаютъ противъ насъ гнѣвъ боговъ!

Давка увеличивала духоту и усугубляла впечатлительность. Во многихъ мѣстахъ рассказывали о странныхъ явленіяхъ, которыя были недавно наблюдаемы и самымъ яснымъ образомъ предсказывали приближеніе великихъ несчастій. Всѣ слышали, а теперь рассказывали о томъ, что недавно въ Апуліи родился теленокъ съ головой у бедеръ. Въ Арреціумѣ выпалъ каменный дождь. Еще болѣе страшное знаменіе боги явили въ Самніумѣ. Тамъ выпалъ также дождь, но изъ растерзанныхъ кусковъ мяса. Въ Этруріи шестимѣсячный грудной ребенокъ воскликнулъ: горе! Въ Апуліи два горящихъ факела среди бѣлаго дня пролетѣли надъ полемъ и головами жнецовъ.

Педанъ, воинъ заслуженный и несравненно храбрый на полѣ битвы, въ эту минуту блѣдный и съ помутившимся взглядомъ, громко произнесъ:

— Въ родномъ моемъ Бруціумѣ у какой-то бабы, говорятъ, изъ носу выросли пшеничные колосья...

Это чудо, о которомъ говорилъ Педанъ, не возбудило смѣха. Еще сегодня утромъ даже самые легковѣрные навѣрно смѣялись бы надъ нимъ; но теперь одни не въ состояніи были уже сомнѣваться въ чемъ-нибудь, другіе, составлявшіе меньшинство, не осмѣливались выразить свои сомнѣнія. Никто, впрочемъ, не сомнѣвался въ справедливости словъ Пуденса, которому прошедшей ночью явился во снѣ племянникъ его, Прискъ, и съ плачемъ упрекалъ его въ томъ, что смерть его не отомщена. Пуденсу, повидимому, это дѣйствительно приключилось, потому что, рассказывая объ этомъ, онъ жалобно искривлялъ губы, а въ глазахъ его пылала бѣшеная жажда мести.

Но страшнѣе всѣхъ чудесъ и сновъ были вызывавшіяся постоянно воспоминанія случаевъ дѣйствительныхъ и недавнихъ. Еще недавно, при концѣ царствованія Нерона, боги послали на Римъ

бурю, какой раньше никогда не видали. Въ окрестностяхъ Рима свирѣпствовалъ ураганъ, уничтожая дома, хлѣба, виноградники и лѣса. Земля колебалась, море выступило изъ береговъ своихъ и разъяренныя волны срывали и уносили все, что попадалось на пути. Въ самомъ Римѣ удары грома разрушили множество статуй и убили множество людей. Тибръ разлился и выбросилъ въ городъ огромное количество шипящихъ ядовитыхъ гадовъ...

Это было, вѣроятно, слѣдствіемъ вихря, который теперь подулъ снова, но у всѣхъ на головахъ волосы стали дыбомъ. Несмотря на жару, холодный потъ орошалъ многіе лбы. Издали стали доноситься звуки хоровой протяжной пѣсни. Что это могло значить? Съ той стороны, откуда обыкновенно прибывали изъ Остіи нагруженныя суда, по рокочущимъ и покрытымъ бѣлой пѣной волнамъ Тибра, подъ черной тучей плыла большая, тяжелая галера. Вздутый парусъ ея, подобно крылатому скелету, скользилъ по сѣрому пространству; на ней въ два ряда сидѣли гребцы, весла которыхъ съ ритмическимъ плескомъ ударялись о поверхность воды. Гребцы, приближаясь къ пристани, пѣли, и протяжная пѣснь ихъ безграничной меланхоліей плыла среди бурной тишины. Вдругъ ее заглушилъ и поглотилъ еще далекій гулъ перваго грома.

Посреди небеснаго свода виднѣлась только узкая полоса лазури; уже потухшія черныя и красноватыя тучи стремились, казалось, заключить весь міръ въ двѣ огромныя скорлупы, которыя векорѣ должны были соединиться. Одна изъ нихъ привѣтствовала другую отдаленнымъ громомъ. Молніи не видѣлъ никто. Кто-то, какой-то гадатель, воскликнулъ, что это былъ вовсе не громъ, а грохотъ барабановъ, которые на стѣнахъ храма Марса, какъ это уже было не разъ, сами собой издавали звуки, предсказывая этимъ сѣдствія. Толпы, собравшіяся на берегу Тибра, безумствовали. Поблѣднѣвшія губы безпрестанно и страстно спрашивали о возможной причинѣ очевиднаго гнѣва боговъ. Щелкающіе зубы и широко раскрытые глаза придавали лицамъ звѣрское выраженіе. Чтобы не

быть раздавленными, они пожелали сами раздавить кого-нибудь. Но кого?

Неизвѣстно, кто въ этой толпѣ и подъ вліяніемъ какихъ побудительныхъ причинъ или чувствъ заговорилъ объ убійствахъ. Речитативомъ, громко раздававшимся среди минутной тишины, какой-то грубый голосъ ораторствовалъ:

— Въ Цезарей ихъ истребили 20,000... Въ Антиохіи греки и сирійцы всё дома ихъ разнесли въ пухъ. Въ Египтѣ, по приказанію императора, срыли до основанія храмъ ихъ, построенный по образцу іерусалимскаго.

Въ другомъ мѣстѣ кто-то задыхавшимся и отъ страха или бѣшенства прерывавшимся голосомъ говорилъ:

— Они осмѣлились грозить, что во время зрѣлищъ сожгутъ амфитеатръ и въ немъ сорокъ тысячъ зрителей. Въ Александріи они это сдѣлали уже. Я могу сослаться на свидѣтелей.

Сильвій началъ:

— Если бы мы, по примѣру Цезарей и Антиохіи...

Кто-то подхватилъ:

— Хоры безгрѣшныхъ дѣвъ, распѣвая священные гимны, святою водою окропили бы Римъ...

— Боль скоро они не почитаютъ ни императора, ни боговъ... то кого же?

— Подземныхъ духовъ...

— О, Присекъ мой! Пусть превратитъ меня голова Горгоны въ камень, если я сегодня не отомщу за твою смерть...

Всѣ говорили разомъ, возбуждая другъ друга, молясь и проклиная въ одно и то же время.

Неужели берегъ Тибра, такъ страшно шумѣвшаго въ эту минуту, наполняли одни только подлые и жестокіе люди? Какъ нѣжно, однако, и крѣпко мужа, сами блѣдныя, прижимали къ груди испуганныхъ женъ и дрожащихъ дочерей своихъ, которыя въ свою очередь протягивали руки къ возлюбленнымъ своимъ, какъ

бы желая даже погибнуть вмѣстѣ съ ними. Тамъ были друзья, обнимавшіе другъ друга, какъ бы желая защитить одинъ другого отъ опасности, и враги, которые въ торжественную минуту пожинали другъ другу руки въ знакъ примиренія. Были и такіе, которые горячо, искренно призывали на помощь своихъ домашнихъ ларовъ, обѣщая имъ богатую жертву. Ремесленныя коллегіи, соединенныя общностью труда, образовали отдѣльныя кучки, а рабы и вольнонаемныя рабочіе прибѣгали, казалось, подъ защиту своихъ хозяевъ и патроновъ, которые снисходительно переносили ихъ близость, а иногда обращались къ нимъ даже съ ласковой рѣчью. Такъ какъ же?

Вдругъ кто-то воскликнулъ!

— Тихе! смотрите, вотъ боги посылаютъ намъ предзнаменованіе: съ Капитолія летятъ вѣроны!...

Съ капитолійскаго храма, который теперь темною массой видѣлся надъ городомъ, дѣйствительно слетѣло стадо черныхъ птицъ и съ громкимъ и жалобнымъ карканьемъ тяжело несло въ темномъ пространствѣ. Полетъ птицъ былъ для римлянъ священнѣйшимъ предзнаменованіемъ воли боговъ. Куда направлятъ вѣроны свой полетъ и гдѣ сядутъ? Надъ Авентиномъ они опустились къ землѣ. Вѣтъ можетъ, они сядутъ на храмъ Юноны и укажутъ такимъ образомъ, что эта именно богиня требуетъ жертвъ и молитвъ отъ народа. Нѣтъ; это приближающаяся буря задерживаетъ ихъ полетъ. Они взлетѣли снова выше и летятъ... На берегу гробовая тишина замѣнила прежній шумъ. Тысячи блѣдныхъ или же распаленныхъ лицъ обращены были вверхъ; губы шептали молитвы, прерывавшіяся проклятіями. Вѣроны, каркая, повисли надъ аркой Германика, но тяжелыя ихъ крылья только прикоснулись къ полукруглой его вершинѣ. На берегу загудѣло:

— Они полетятъ за Тибръ!

И опять водворилась тишина. Вѣроны летѣли низко надъ Тибромъ; слышенъ былъ однообразный шумъ ихъ крыльевъ, который,

однако, вскорѣ затихъ. Какъ бы единодушно, по вертикальной линіи упали они на сирійско-еврейскій кварталъ и исчезли среди домовъ его съ плоскими крышами.

Надъ Динкульскимъ холмомъ блеснула молнія... Вслѣдъ за тѣмъ на берегу раздался громкій крикъ:

— За Тибръ! за Тибръ! за Тибръ!

Черезъ минуту изъ-подъ арки Германика всплывало море задыхающихся, жестикулирующихъ, облитыхъ потомъ людей и, покрывая мостъ, гремяло:

— За Тибръ! за Тибръ!

Одновременно напротивъ моста раскрылись настежь двери большой харчевни, черезъ которыя вырвался наружу яркій свѣтъ горѣвшихъ внутри ея факеловъ. Въ этомъ свѣтѣ толпа сирійскихъ носильщиковъ, лектикаріевъ и бездѣльниковъ волновалась и шумѣла подобно роемъ пчелъ и, наконецъ, двинулась съ мѣста, какъ бы на встрѣчу толпѣ, шедшей по мосту. Пьяный и разнузданный огромный Бабасъ съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и полунагая Хромія съ распущенными волосами шли впереди. Она, похожая на сатира, и она, напоминавшая вакханку, держались за руки и плясали въ тактъ музыки сирійскихъ флейтостоковъ, въ клѣтчатыхъ платьяхъ и съ блестящими тиарами на головахъ, которыя, надувъ щеки, извлекали звуки изъ своихъ флейтъ, или, поднимая къверху обнаженные руки, звенѣли металлическими *систрами* (родъ кастаньетъ). Силасъ, плясавшій въ красноватой блузѣ вокругъ флейтостоковъ, походилъ издали на рыжого козла, беззубая Харопія, съ сдвинувшимся на плече платкомъ и сѣдими волосами на пожелтѣвшемъ лицѣ, плясала также, раслискивала вино изъ красной чаши. За ними тѣснилось множество разнузданныхъ фигуръ, хлопая руками, качая въ пьяномъ возбужденіи головами, украшенными завядшей зеленью. *Taberna meritoria* выбросила изъ себя наполнявшую ее обыкновенно пѣву. Здѣсь не боялись уже

грозы, не думали о богахъ; нѣжныхъ родительскихъ призывовъ, даже суевѣрныхъ молитвъ не произносилъ никто.

Толпа, валившая съ моста, и другая, плывшая изъ харчевни, встрѣтились и перемѣшались. Вѣшенные крики соединились со взрывами смѣха, похожего на ревъ, и пронзительными звуками флейтъ. Кварталь, разстлавшійся подобно муравейнику у подножья Яникульского холма, покрыли одновременно двѣ толпы: одна, подобно подвижной и разрушительной лавѣ, залила улицы и рынки, другая, оглашаясь стонами женщинъ, плачемъ дѣтей и поднимая къ небу руки, покрыла плоскія крыши.

Что происходило въ этой бурѣ человѣческихъ существъ? Защищались-ли, и какъ именно защищались тѣ, на которыхъ нападали? Изъ чьихъ грудей вырывались эти пронзительные вопли, страшныя проклятія, смѣхъ, смѣшанный съ рыданіями, которые образовали тамъ многоязычный шумъ, заглушавшій шумъ вѣтра и рѣки? Что означали раздававшіеся среди этого шума стукъ, звонъ, трескъ? Какіе сигналы подавали пронзительные звуки флейтъ, которые отъ времени до времени, словно сметающія стрѣлы, пронизывали этотъ шумъ? Все это непроницаемой тайной покрывали незамѣримый, бурлившій въ тѣсныхъ улицахъ водоворотъ человѣческихъ тѣлъ и голосовъ и все болѣе сгущавшійся мракъ, который окутывали землю двѣ гигантскія черныя тучи.

На одномъ рынкѣ, на томъ именно, гдѣ находились дома Сарры и Горія, происходили особенно ожесточенныя нападенія и борьба. Сильвій и Вентурій со своими рабочими изливали давно уже накипѣвшіе гнѣвъ и зависть; внутри домовъ раздавались трескъ ломаемыхъ сундуковъ и звонъ разбиваемой посуды. Въ одномъ мѣстѣ куски тканей, покрытыхъ тяжелымъ шитьемъ, падали на головы и путали ноги, въ другомъ—разлитыя благовонныя жидкости наполняли воздухъ острымъ, одуряющимъ запахомъ. Педанъ и Пуденсъ съ толпою людей различныхъ званій искали тамъ человѣка, мести надъ которымъ требовала отъ нихъ тѣнь убитаго

на войнѣ Приска. Куча сирійцевъ, отдѣлившихся отъ толпы остальныхъ товарищей, тащила къ ближайшей харчовнѣ кричавшую и вырывавшуюся изъ рукъ ихъ Миріамъ, младшую дочь Сарры. За ними, крича, летѣла, подобно тяжелой птицѣ съ распущенными крыльями, приземистая и толстая Сарра, забывая съ опустошеніемъ, производившемся въ ея домѣ. Нѣсколько молодыхъ людей, среди которыхъ выдѣлялся своей римской одеждою Юстъ, сражались передъ домою Горія. Одинъ изъ нихъ упалъ; его схватилъ и на рукахъ унесъ въ бѣшенствѣ отчаянія Горій, этотъ кроткій гиллеистъ, который теперь съ свѣтящимися, какъ у волка, глазами кричалъ:

— Прости, Симонъ! простите мудрецы въ Іабне, что я оспаривалъ васъ! Мести! мести!

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ произошло движеніе, произведенное вновь прибывшими людьми, которые среди толпы прочищали себѣ дорогу. Эти люди, очевидно, проталкивались къ тѣмъ домамъ, вокругъ которыхъ съ особеннымъ ожесточеніемъ кричали и бѣгли вышивальщики и парфюмеры. Важные и съ изящнымъ произношеніемъ голоса стали выдѣляться среди грубого многоязычнаго говора. Ясно было, что тамъ начался споръ, или, лучше сказать, завязался какой-то странный разговоръ, ежеминутно прерываемый, начало котораго возникло неизвѣстно гдѣ и какъ, и въ которомъ съ одной стороны слышалось сильное напряженіе голосовъ, приказывавшихъ что-то, просившихъ о чемъ-то, утверждавшихъ что-то, съ другой стали раздаваться грубые шутки и смѣхъ. Однако, вышивальщики и парфюмеры начали уже нѣсколько успокоиваться. Съ противоположной стороны рынка доносился еще громкій шумъ, только здѣсь уже можно было разслышать громкій, спокойный, но и въ спокойствіи своемъ повелительный голосъ, который гдѣ-то среди толпы говорилъ:

— У васъ споръ съ обитателями этихъ домовъ. Хорошо. Но есть два способа рѣшенія споровъ: одинъ — при помощи разума,

другой—при помощи силы. Одинъ способъ человѣческой, другимъ пользуются животныя. Развѣ вы—стадо животныхъ?

Нѣсколько голосовъ засмѣялось хоромъ. Одинъ изъ нихъ, похожій на голосъ Педана, произнесъ:

— Ты и сюда затесался, философъ! Отъ твоихъ разсужденій будетъ теперь столько же пользы, сколько было тогда, когда ты вышелъ къ войскамъ Виталія, осаждавшимъ Римъ, и болталъ имъ, что война—преступленіе, а миръ сладостенъ...

— Я говорилъ имъ тогда и теперь вамъ говорю,—продолжалъ въ толпѣ спокойный, но повелительный голосъ,—я говорилъ имъ и вамъ говорю: прочь гнѣвъ! Отъ гнѣва не бываетъ никогда ничего справедливаго, а только то хорошо, что справедливо...

Въ эту минуту, широкой грудью, какъ тараномъ, расчищая себѣ дорогу, человѣкъ, который возбудилъ этотъ странный споръ, пробился сквозь толпу и у дверей дома Сарры появился на возвышеніи. На непрочномъ, трещавшемъ подъ ногами его возвышеніи этомъ, остоявшемъ изъ поломанныхъ сундуковъ и утвари обрисовалась его высокая, сильная фигура, завернутая въ широкій плащъ, но лица его въ темнотѣ нельзя было разглядѣть. Однако, всѣ его здѣсь знали и узнали. Изнутри дома, черезъ окно, изъ котораго выдавили пузырь, замѣнявшій собою стекло, появился Сильвій, измученный до такой степени, что принужденъ былъ сбросить свою тогу, вспотѣвшій, задыхающійся, взбѣшенный на того, кто становился ему поперекъ дороги.

— Да поглотитъ тебя Андъ, попугай Минервы!—воскликнулъ онъ; — зачѣмъ ты пришелъ сюда каркать надъ нашими головами свое вѣчное: нѣтъ добра...

Но другіе пришли въ болѣе веселое, чѣмъ Сильвій, расположеніе духа.

— Ступай спать, Музоній! Покойной ночи, обезьяна боговъ!

Онъ же, устремивъ взоръ не на людей, а въ далекое, бурное пространство, говорилъ:

— Общество человеческое поддерживается только справедливостью; оно погибло бы, если бы члены его взаимно угрожали жизни и здоровью другъ друга...

Толпа начинала все болѣе забавляться.

— Послушаешь его!—кричали голоса,—пусть болтаетъ...

Вентурій тонкимъ голосомъ своимъ говорилъ:

— Въ нашихъ собственныхъ головахъ довольно мудрости. Какая намъ польза отъ мечтаній твоего большого мозга?

Членъ коллегіи сапожниковъ, случайно попавшій между вышивальщицами, подошелъ къ философу и, заложивъ за спину руки и устремивъ на него глаза, съ гордостью довольнаго собой сапожника, произнесъ:

— Почему, Музоній, твое лицо такъ блѣдно и покрыто морщинами? Видно судьба не балуетъ тебя. Къ чему же пригодились тебѣ твои ученые выводы?

— Они пригодились ему для того,—отвѣтилъ кто-то,—чтобы защищать чужеземцевъ, противныхъ императору и богамъ...

Музоній возразилъ:

— Вы не понимаете меня и насмѣхаетесь надо мною, однако, я не перестану говорить. Какова природа человѣка? — говорилъ онъ, возвысивъ голосъ.—Побуждаетъ-ли она его дѣлать добро, а если онъ ничего больше не можетъ сдѣлать, то хоть желать другимъ добра...

Стоявшій среди хохотавшей толпы молодой человѣкъ съ восточными чертами лица и въ римской одеждѣ, громко произнесъ:

— Не такова природа человѣка, Музоній, не такова она, какъ ты полагаешь, и въ этомъ твоя ошибка! Мудреца отъ толпы отдѣляетъ пронасть, которую не заполняютъ вѣка!

Музоній, стараясь проникнуть взглядомъ сквозь иракъ и толпу, отвѣтилъ:

— Наконецъ я услышалъ рѣчь человѣка, который мыслить! Это бы ты ни былъ, ты знаешь, что стоишь не отступитъ ни предъ насмѣшками толпы, ни предъ угрозами знатныхъ. Я не повелѣваю мечемъ и не обманываю посредствомъ чудесъ, поэтому сегодня ничего не сдѣлаю. Но будущность принадлежитъ мнѣ. Я держусь своихъ началъ.

— Держись себѣ, сколько угодно!—кричали въ толпѣ,—отъ этого у насъ въ горшкахъ не убудетъ ни одного зерна бобовъ. Ты самъ себѣ врагъ, потому что, говорятъ, императоръ скоро выгонитъ тебя изъ Рима. А можетъ быть, тебѣ навинуть на шею веревку и поведутъ въ тюрьму. Что тебѣ тогда помогутъ твои начала?

Изъ толпы-вышелъ Педанъ. Съ болѣе грубыми, чѣмъ злыми смѣхомъ онъ показывалъ свои могучіе кулаки.

— Кто сильнѣе изъ насъ, философъ, кто сильнѣе изъ насъ? Ты мудрецъ, а я вотъ все-таки однимъ щелчкомъ свалю тебя съ ногъ. Мнѣ не нужна твоя мудрость, я предпочитаю свою силу.

Какой-то шутъ закричалъ:

— Философъ, кто изъ насъ больше смѣялся въ жизни: я или ты?

Сапожникъ подхватилъ:

— Кто дольше будетъ жить: сапожникъ или философъ?

Толстый паразитъ, съ трудомъ пробиваясь сквозь толпу, смѣялся:

— Чье брюхо полнѣе, Музоній: мое или твое?

Множество людей отъ судорогъ гнѣва и страха перешло къ судорогамъ смѣха. Гнѣва или желанія сопротивляться стоишь не возбуждалъ въ нихъ. Они просто насмѣхались надъ нимъ. Этотъ грубый смѣхъ гремѣлъ среди плача, стонувъ, ругательства и проклятій, раздававшихся вокругъ. Гдѣ-то вблизи, въ улицѣ, танувшей отъ рынка, раздавалось нѣсколько звуковъ флейты, и какой-то запальчивый голосъ закричалъ:

— Педанъ! Пуденсъ! скорѣе! Сирійцы нашли человѣка, ко-

тораго вы искали! Вотъ его ведутъ, а съ нимъ какую-то вострушку!

Но въ эту минуту съ отдаленнымъ непрерывнымъ гуломъ грома смѣшался стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ ногъ, а мостъ, соединявшій Авентинъ съ Затибрьемъ, освѣтился факелами, при красноватомъ свѣтѣ которыхъ скорѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ длинный рядъ людей. Какой-то знатный и въ сопровожденіи многочисленной свиты торопился сюда. Кто? зачѣмъ?

— Ликторы, клянусь Геркулесомъ, это ликторы! Они сопровождаютъ богатую колесницу! Лошади, какъ орлы! Какой-то патрицій стоитъ на колесницѣ... другой править лошадьми! Сторонитесь! Бѣгите! дорогу! дорогу!

Длинная вереница ликторовъ, въ бѣлой одеждѣ, съ топорами въ рукахъ, на бѣгу разгоняла толпу, очищая дорогу двуконной колесницѣ, окруженной множествомъ пѣшихъ людей, изъ которыхъ иные несли въ рукахъ зажженные факелы. Быстро пробѣжавъ мостъ, вновь прибывшіе продолжали медленнѣе свой путь по рынку, наполненному толпой. На колесницѣ дѣйствительно стояло двое людей: одинъ изъ нихъ высокаго роста, сильный, въ пышной бѣлой тогѣ, усѣянной золотыми пальмами, опирался рукой на жезлъ съ серебрянымъ орломъ, другой, молодой и стройный, съ серебряной повязкой на черныхъ волосахъ, въ бѣлыхъ рукахъ держалъ пурпурныя возжи. Прислонясь къ периламъ колесницы, рядомъ съ прекраснымъ возницей, съ видомъ птицы, готовой сорваться и улетѣть, сидѣлъ прелестный юноша съ греческими чертами лица и длинными волосами, разсыпавшимися по аметистовому хитону.

— Преторъ! преторъ!—зашумѣла толпа и вдругъ затихла. Его не встрѣтили насмѣшками, какъ Музонія. При свѣтѣ факеловъ колесница его блестяла богатствомъ украшеній, испанскія лошади выступали гордо, а возжи держалъ въ рукахъ извѣстный художникъ... Кто могъ насмѣхаться надъ властью, богатствомъ и

славомъ? Не тѣ, конечно, къ которымъ теперь обратился съ рѣчью Гельвидій.

Кто знаетъ, быть можетъ онъ прибылъ сюда главнымъ образомъ для того, чтобы въ послѣдній разъ говорить съ римскимъ народомъ. Вскорѣ, вѣроятно, уста его замолкнутъ на вѣки. Поэтому онъ позволялъ излиться вполне своимъ чувствамъ. Рѣчь его полна была негодованія и неизмѣримого сожалѣнія. Смуглое, смѣлое лицо его пылало при красномъ блескѣ факеловъ; изъводъ черныхъ, сдвинутыхъ бровей глаза метали молніи страданія. Это не былъ, подобно Музонію, человекъ, преданный удивленнымъ и глубокимъ размышленіямъ, но мужъ, готовый дѣйствовать и бороться. Голосъ его, заглушавшійся первоначально глухими ударами грома, но могучій и привыкшій къ обширнымъ пространствамъ, раздавался по всему рынку. Слова его падали на головы людей съ силой бросаемыхъ камней. Онъ былъ государственный человекъ и патріотъ. Народу, который стоялъ неподвижно, въ нѣмомъ молчаніи, онъ припоминалъ его великое свободное прошлое. Съ язвительной ироніей онъ спрашивалъ его: неужели онъ не умѣетъ ничего больше дѣлать, какъ только набивать свой желудокъ, напиваться, дрожать, слушая бессмысленныя басни и нападать на безоружныхъ?

На минуту голосъ его былъ заглушенъ шумомъ вѣтра, деревьевъ въ садахъ и рѣки, но снова раздался подобно грому:

— Въмѣсто форума вамъ дали циркъ, вмѣсто трибуновъ — гистрионовъ; гдѣ происходили прежде собранія и выборы, тамъ теперь даются зрѣлища, гражданскій рынокъ превращенъ въ рынокъ свиней. „Хлѣба и зрѣлищъ!“ кричите вы, и собачьими языками лижете руку, осыпающую васъ этими единственными благами, которыхъ умѣютъ желать ваши темныя головы. Вы жаждете еще крови, хоть бы невинныхъ даже жертвъ, и привязанностью вашей пользуются тѣ именно, кто превращаетъ васъ въ бессмысленное и жестокое стадо...

Въ толпѣ раздались недовольные голоса:

— Ты поносишь бѣдный народъ, гордый патрицій!

— Смотри, смотри,—кричалъ Сильвій,—чтобы словами своими ты не выеволялъ топоръ на собственную шею!

Невозмутимымъ взглядомъ окинулъ Гельвидій море человѣческихъ голосовъ, окружавшее его колесницу, и отъ великаго страданія дрогнули сжѣлыя его губы.

— Не знатнымъ и могущественнымъ родился я,—возразилъ онъ,—но очень близкимъ вамъ, сыномъ сотника. Я горжусь поэтому не рожденіемъ, а правотою моею. Не оскорбленія кидаю я вамъ, а послѣдній призывъ... Кто грозилъ мнѣ топоромъ?.. Я знаю, знаю объ этомъ римляне! Я не потерялъ еще разсудка и знаю, что дѣлаю. Ликторы мои и призванная мною городская стража разогнать васъ отсюда по домамъ, какъ пьяную и бессмысленную толпу... Однако, я васъ не передѣлаю и рано умру, но въ исторіи отечества нашего запишутъ еще одно имя, не запятнанное рабскимъ невоклонствомъ ни передъ пурпуромъ, ни передъ грязью!

Въ эту минуту въ одной изъ улицъ, выходившихъ на рынокъ, раздались громкая музыка и свѣхъ, дико свѣшивавшійся съ пронзительнымъ женскимъ крикомъ. Когда Артемидоръ услышалъ этотъ крикъ, въ рукахъ его задрожали возжи. Онъ бросилъ ихъ на руки Геліаса, спрыгнулъ съ колесницы и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ обратился къ претору.

— Позволь мнѣ съ ликторами твоими поспѣшить туда... Я узналъ этотъ голосъ... О, мстительные боги!

Не успѣлъ онъ еще произнести этихъ словъ, какъ на рынокъ влетѣли Хромія, Харонія, нѣсколько другихъ подобныхъ имъ женщинъ и двѣ флейтистки, игравшія, надувъ щеки, на своихъ флейтахъ. Эта толпа, растрепанная и разгоряченная, похожая на хоръ фурій или вѣдьмъ, тащила за руки и разорванную одежду стройную, вырывавшуюся отъ нихъ, дѣвушку. При видѣ ликторовъ свѣ

разбѣжались. Дѣвушка въ разорванной одеждѣ, съ распростертыми руками и помутившимся взглядомъ, припала къ колесницѣ претора и, падая на колѣни, ударилась лбомъ о рѣвную ось ея колесъ.

— Друзья! — обратился Гельвидій къ сопровождавшимъ его людямъ, — отведите въ домъ мой эту дѣвушку. Она въ обморокѣ, говорите вы? Тамъ положи ее на колесницу мою, Артемидоръ!

Дѣвушку, почти уже безчувственную, обняли гибкія руки, а на ухо ей страстно шептали наклонившіяся къ ней уста:

— Возлюбленная моя!

Она открыла отяжелѣвшіе глаза и, когда узнала наклонившееся къ ней лицо художника, улыбка невыразимаго счастья скользнула по блѣднымъ губамъ ея. Въ эту минуту предъ колесницей претора явилась другая фигура. Толпу, вынырнувшую изъ тѣсной улицы и состоявшую изъ сирійцевъ, сотниковъ и солдатъ, опережалъ старшій, босой еврей, въ разорванной одеждѣ, съ тюрбаномъ, сдвинувшимся на плечи и открывавшимъ сѣдое, растрепанное волосы. Онъ бѣжалъ запылавшись, крича:

— Тамъ пріѣхалъ знатный патрицій... самъ преторъ... онъ будетъ справедливъ... Онъ вамъ скажетъ, что вы лжете, какъ собаки... что это не онъ, а я... я... Менахимъ...

Онъ остановился передъ стоявшимъ на колесницѣ преторомъ и поклонился ему быстро и такъ низко, что лбомъ почти коснулся земли. Столь же быстро онъ выпрямился и торопливо, захлебываясь, путаясь, началъ говорить:

— Не вѣрь имъ, достойнѣйшій! смалься и не вѣрь имъ, о, знатный! Они лгутъ! Онъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ нигдѣ не былъ и не сдѣлалъ вамъ ничего худого... сидѣлъ себѣ дома и театлъ! Онъ театъ... спокойный такой... ягненокъ не столь кротокъ, какъ онъ. Гдѣ ему воевать, бунтовать и извергать хулу въ амфитеатръ на величіе ваше и вашихъ императоровъ... Онъ не

сумѣлъ бы даже сдѣлать это... такой кроткій... На это нуженъ умъ, а онъ такой глупый... Известно, простой ткачъ... ха, ха, ха, ха!..

Онъ свѣлся. Босня ноги его топтались по песку, все тѣло изгибалось страннымъ образомъ, а изъ глазъ, въ которыхъ выражалось отчаяніе, ручьями лились слезы. Онъ подбѣжалъ къ колесницѣ, поднялся на цыпочки и старался поднести къ губамъ своимъ край тоги претора.

— Я скажу тебѣ всю правду, достойнѣйшій, — говорилъ онъ, — умоляю тебя вѣрить мнѣ. Великій! скажись и повѣрь тому, что я тебѣ скажу... Онъ, то есть, сынъ мой... то есть, этотъ Иовитанъ, котораго сирійцы вытащали изъ дому, а сотники ведутъ предъ лицо твоё, нигдѣ не былъ и ничего не дѣлалъ... большая ошибка... Его приняли за меня... Это я ходилъ въ Иудею на войну противъ васъ... я сражался съ вами рука-объ-руку съ Иоанномъ Гискалою... я поднялъ бунтъ въ Египтѣ, я въ амфитеатрѣ... Все я... я... Менахимъ! А онъ ничего! Это лишь придирка къ нему! Молю тебя, могущественнѣйшій, чтобы ты вѣрилъ... Но какъ же тутъ не вѣрить, когда это сущая правда... Прикажи ликторамъ связать меня, а сотникамъ освободить его... Меня вели взять, а не его, а я буду ползать у ногъ твоихъ, какъ собака, до тѣхъ поръ, пока не умру... Почему же ты не приказываешь ликторамъ связать меня? Я былъ всю жизнь мою врагомъ вашимъ... Ахъ, сколько я тамъ, въ Иудеѣ, убилъ вашихъ солдатъ!.. какъ громко я кричалъ въ амфитеатрѣ! А вы думаете, что это онъ... этотъ невинный, что всегда сидѣлъ себѣ дома и ткалъ... ха, ха, ха, ха! Почему же, могущественнѣйшій, ты все еще ни приказываешь связать меня? Ты не вѣришь мнѣ? Ликторы, вложите меня! скальтесь! скальтесь! вложите меня, ликторы!

Босня ноги его все топтались и подпрыгивали; онъ перебѣгалъ отъ одной оси колесницы къ другой, сложенные руки протягивалъ къ ликторамъ, чтобы они его вязали. Изъ-подъ разор-

важной одежды въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнажились тощія его плечи, свѣтъ отъ факеловъ скользилъ по измятому лицу его, залитому бриллиантовой росой. Вдругъ онъ замолчалъ и съ высохшими, остолбенѣвшими глазами, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, присѣлъ на землю у одного изъ колесъ. Предъ колесницей Педанъ и Пуденсъ поставили Ионатана, держа его за обѣ руки. При этомъ они рассказывали, гдѣ они его видѣли и что онъ сдѣлать. Изъ-за могучихъ спиныхъ ихъ ежеминутно выскакивалъ Силасъ, крича, что это онъ выслѣдилъ его и теперь предастъ римскимъ властямъ. Его поддерживалъ грубымъ голосомъ Бабасъ, а Хромія, подскочивъ и живо жестикулируя руками, на которыхъ блестяли серебряныя запястья, подтверждала слова своихъ друзей.

— Лишторы! — сказали преторъ, указывая на сирійцевъ, — разгоните этихъ гадовъ. Вы, сотники, останьтесь...

И, обращаясь къ Ионатану, коротко и тихо, чѣмъ обыкновенно, прошепталъ:

— Говори, іудей!

Спокойствіе, котораго никогда прежде не видѣли у Ионатана, выразалось во всей фигурѣ и на лицѣ его. Какъ прежде онъ не вырывался изъ рукъ сотниковъ, такъ теперь, поднимъ нѣсколько голову, не спускалъ глазъ съ лица претора. На одно лишь мгновеніе блеснули его бѣлые зубы, что придадо лицу его выраженіе дикой ненависти, но тотчасъ же спокойнымъ уже голосомъ заговорилъ:

— Старикъ этотъ сказалъ тебѣ, преторъ, неправду, потому что очень любитъ меня. Все же, что говорятъ обо мнѣ сотники, — правда. Мое имя — Ионатанъ. Я сражался противъ васъ на войнѣ, я поносилъ васъ въ амфитеатрѣ, я ненавижу васъ всѣмъ сердцемъ. Если бы Предвѣчный позволилъ мнѣ жить сто разъ, я сто разъ сдѣлалъ бы то, что сдѣлалъ теперь. Вотъ и все. Вели людямъ твоимъ вести меня на казнь.

Какъ похожа, какъ удивительно похожа была судьба этихъ двухъ людей: того, который, стоя на богатой колесницѣ, опирался на жезлъ и долженъ былъ произнести приговоръ, и того, который въ разорванной одеждѣ, жалкій и пощанный, ожидалъ приговора! Неудивительно поэтому, что Гельвидій оставался съ минутою въ задумчивости, съ опущенными глазами и неподвижными чертами лица, и что рука его, опиравшаяся на серебрянаго орла, медленно поднявшись, опустилась на него снова. Друзьямъ своимъ, которые его окружали, онъ тихо сказалъ:

— Старика и дѣвушку уведите въ дождь мой... Пусть они не видятъ...

Но та, о которой онъ заботился, услышала его шепотъ и, вырвавшись изъ обвинявшихъ ее дорогихъ рукъ, подбѣжала къ Ионатану.

— Я съ нимъ!—воскликнула она.

Роскошные волосы свои, позолоченные свѣтомъ факеловъ, обѣими руками она откидывала съ лица, по которому текли потоки слезъ. Грудь ея и плечи изъ-подъ разорванной одежды сверкали бѣлизной мрамора. Она протянула руки къ темнымъ фигурамъ, которыя съ угнетеннымъ или молящимъ видомъ, сдерживая рыдания, наполняли рынокъ и террасы домовъ.

— Съ тобой, несчастный мой народъ, я съ тобой!..

Крупныя, рѣдкія капли дождя стали падать на землю и тушить свѣтъ факеловъ. Вихрь зашумѣлъ, и гдѣ-то близко уже, надъ Янникульскимъ холмомъ, раздавался оглушительный ударъ грома. Когда онъ затихъ, послышался громкій, повелительный, но въ глубинѣ груди дрожащій голосъ претора:

— Ликторы, свяжите этого человѣка!

Не успѣлъ онъ еще произнести эти слова, какъ Миртала прыжкомъ серны бросилась къ пойманному и, обнявъ его за шею, упала къ нему на грудь.

— Я съ нимъ!— снова воскликнула она.

Но на этотъ разъ за ней бросилось нѣсколько человекъ, и молодой римлянинъ съ серебряной повязкой на головѣ почти уже касался ея стана, какъ въ рукѣ Ионатана блеснула сталь... Это произошло въ одно мгновеніе. Устремивъ взоръ на Артемидора, Ионатанъ снова, дико улыбувшись, показалъ бѣлые зубы и глухо проговорилъ:

— Завтра казните меня... не уйду безъ нея... Она не будетъ твоею, римлянинъ!

О, странная генеалогія безумствъ, порожденныхъ несчастіемъ, и преступленій, притекающихъ изъ несправедливости человѣческой! Мечъ героя справедливости утонулъ въ груди невинной, беззащитной дѣвушки.

Въ эту минуту на срединѣ неба огромныя скорлупы тучъ сожнулись плотно, и миръ сдѣлался похожимъ на тщательно замазанный душной горшокъ. Пламя факеловъ, окруженное густымъ дымомъ, склонялось къ землѣ; его рвалъ вѣтеръ и тушили тяжелыя дождевыя капли. Зато все небо запылало молніями. Тысячи огненныхъ змѣй безпрестанно вились по чернымъ, вздутымъ тучамъ, обливая землю ослѣпительнымъ блескомъ. При этомъ блескѣ тибрскій рынокъ представлялся многолюднымъ, но тихимъ, какъ могила. Мостъ на Тибрѣ занималъ вооруженный отрядъ солдатъ, ожидая приказаній. Ужасъ, отвращеніе, печаль, страхъ сдѣлали нѣмыми толпы, которыя, какъ неподвижная стѣна, покрывали рынокъ и стояли на колѣняхъ на плоскихъ крышахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, на небольшомъ возвышеніи стоялъ Музоній. Стройный юноша въ бѣлой туникѣ обнималъ его колѣни и закрывалъ плащомъ его лицо свое. Можно было бы сказать, что, пораженный громомъ жизни, онъ припалъ къ ногамъ философіи, обращаясь къ ней за успокоеніемъ и твердостью. Стоякъ, одинъ только оставался спокойнымъ среди-бывшей небесной и земной бури, но

его лобъ былъ очень блѣденъ, а глаза полны безграничной печали. Медленно поднимая къ небу лицо и руки, онъ воскликнулъ:

— Свѣтила небесныя! неужели тамъ, надъ вами нѣтъ никого, кто сжалился бы надъ несчастнымъ человѣчествомъ? Долго-ли, долго-ли еще вы будете освѣщать такія картины?

Съ оглушительнымъ трескомъ громъ ударялъ въ воды Тибра, и по вспѣнвшимся волнамъ долго катился могучій гулъ...

Перев. А. Онуфровичъ.

ДИСПУТЪ.

(Фантастическая поэма).

I.

Два врага непримиримыхъ—
Фра-Діего, патеръ старій,
И сѣдой, почтенный равви,
Рабби Іоза изъ Наварры—

Жили рядомъ. Это было
Вынужденное сосѣдство:
Отъ дувессы (очень старой,
Очень набожной) въ наслѣдство

Получилъ почтенный патеръ
Домъ и садикъ апельсиновый,
Обязавшись вѣкъ молиться
О душѣ ея невинной.

А въ сосѣдствѣ съ тѣмъ владѣнцемъ
Иудейскою общиной
Бушленъ былъ и домъ для равви—
Съ цѣлою рощей апельсиновой.

Съ цѣлой рощей... да, но это
 Безразлично... Ради Бога!—
 Фра-Діего былъ католикъ,
 И католикъ—очень строгій.

Зависть?—Нѣтъ, такому чувству
 Не нашлось бы мѣста въ этомъ
 Доброшъ, мягкомъ, кроткомъ сердцѣ,
 Чистой вѣрой согрѣтомъ.

Фра-Діего даже часто
 Съ рабби Іозею встрѣчался—
 Вечеркомъ, когда отъ службы
 Онъ въ свой домикъ возвращался:

— „Добрый вечеръ, рабби Іоза!“
 — „Добрый вечеръ Фра-Діего!“
 — „Что-то нынче вѣтеръ странный,—
 Ужъ не ждуть-ли града, снѣга?“

„Да... тово...“—звучитъ отвѣтно
 Голосъ стараго собесѣда.
 И пойдетъ у нихъ такая—
 Очень мирная бесѣда:

Говорять о томъ, что какъ-то
 Крайне-крайне скудный нынѣ
 Цвѣтъ явился на Гранатѣ
 И обильный—на маслинѣ.

Говорять о томъ, что мясо
 Въ этомъ годѣ вздорожало,—
 Что теперь, какъ будто... Впрочемъ,
 И другое тутъ бывало.

Да, бывало... Боже правый!
 Фра-Діего, патерь старый,
 И сѣдой, почтенный равви,
 Рабби Іоза изъ Наварры,

Два сѣдыхъ, маститыхъ старца,
 Точно буйныхъ два гамена,
 Какъ вскипятъ, да стануть грызться!—
 На губахъ бѣлѣтъ пѣна,

Взоры мечутъ гнѣвъ и злобу,
 На щекахъ румянецъ пышетъ,
 Въ три ручья съ нихъ потъ катится,—
 И дрожать, и еле дышать...

Споръ идетъ о томъ... Ахъ, это
 Старый споръ, ужасно старый...
 Фра-Діего, пастыръ добрый!
 Мудрый равви изъ Наварры!

Успокойтесь, ради Бога!
 Бросьте этотъ споръ ужасный:
 Ваши крики, ваши воли—
 Трудъ безплодный, трудъ напрасный.

Вы рѣшить хотите точно,
 Что правдиво и что ложно?—
 Очень мило. Только ссорой
 Это сдѣлать невозможно.

Успокойтесь!...

Но—напрасно...

Влажной сыростью ночью
 Вѣетъ въ рощахъ анельсинныхъ;
 Надъ мерцающей рѣкою
 Млечно-бѣлый паръ клубится;
 Воздухъ полнъ сырой прохлады;
 Утихаютъ востаньеты,
 Умоляютъ серенады.

Постепенно, понемногу
 Утихаетъ также буря
 Между патеромъ и равви.
 Грустно голову понуря,

Въ домъ уходитъ рабби Йоза,
 Притворяя дверь проворно.
 И запахивая расу
 Пресердито и задорно,

Удаляется и патерьъ.
 Такъ кончаютъ диспутъ старый
 Добрый пастырь Фра-Діего
 Съ іудеемъ изъ Наварры.

II.

Много разъ, и также бурно
 Начинался и кончался
 Этотъ споръ. Путемъ обычнымъ
 Годъ за годомъ быстро мчался.

Быстро мчался годъ за годомъ—
 И скончался натеръ старинъ.

Отдалъ Богу душу также
 Рабби Иоза изъ Наварры.

— „Уф-фъ!—промолвилъ Фра-Діего
 (Въ жизни тучностью томился,
 Бѣдный!). Слава, слава Богу!
 Наконецъ—освободился!..

„Какъ легко и какъ пріятно!..
 Ну-съ, теперь, сосѣдъ мой милый,
 Мы съ тобой на судъ предстанемъ
 Передъ Высшей, Вѣчной Силой.

„Тамъ—ужъ будь, сосѣдъ, покоенъ—
 Тамъ насъ правильно разсудятъ.
 И посмотримъ... ужъ посмотримъ,
 Кто изъ насъ тамъ правымъ будетъ“.

И, витая по эфиру,
 Фра-Діего сталъ поспѣшно
 Сочинять—острѣ и тонко—
 Рѣчь для диспута. Успѣшно

Дѣло шло. Вполнѣ доволенъ
 Патеръ былъ работой пробной:
 Въ ста шестидесяти пунктахъ,
 Съ примѣчаньями, подробно,

Обработалъ онъ „вступленье“;
 Очень тонко, плавно, смѣло
 Обошелъ все то, что можетъ
 Быть помѣхой для дѣла...

То, что темнымъ, непонятнымъ
 Оставалось неизбѣжно,
 Легкой, розовою дышкой
 Онъ подернулъ очень нѣжно...

Рѣчь росла, цвѣла, сверкала...
 А параболы, цитаты—
 Рокоть моря, ревъ вулкана,
 Грома мощные раскаты!

И, при этомъ, стиль—жемчужный!—
 Сжатость, ясность... Grandiosa!...
 —„Ну-съ, готовьтесь—будетъ жарко,
 Жарко будетъ, рабби Йоза!“...

Въ то же время, рабби Йоза,
 Путь воздушный совершая,
 Пѣлъ псалмы, прибыть готовясь
 На ночлегъ въ обитель рая.

Ахъ, въ какомъ блаженствѣ дивномъ
Таятъ равви, предвкусая
То, что ждетъ его подъ мирной,
Подъ блаженной сѣнью рая.

Что?—Цвѣты? Бусты? Деревья?
Звонко-струйные фонтаны?
Сталактитовые гроты?
Изумрудныя поляны?

Звуки лиръ и дымъ курильницъ?
Теплота и свѣтъ?—О, Боже!
Это—мелочь! Есть тамъ нѣчто
Посолиднѣй, подороже:

Тамъ... да, тамъ вѣдь, Боже правый!—
Ключъ ума, источникъ свѣта!
Нѣтъ загадки безъ рѣшенья,
Нѣтъ вопроса безъ отвѣта.

„Teiku“! *)—Что? Какое—teiku?
Нѣтъ вопросовъ! Нѣтъ загадокъ!
Путь ученья, путь познанья
Предъ тобой широкъ и гладокъ.

---

*) «Teiku»—составлено изъ начальныхъ буквъ четырехъ словъ, означающихъ: Тишби, т. е. Мессія разъяснить вопросы и загадки. Этимъ словомъ талмудисты заканчивали свои дебаты по тѣмъ вопросамъ, по которымъ невозможно было прийти къ окончательному рѣшенію.

Маharschoh, Ramoh и Tosfoth—

Лучшій цвѣтъ и плодъ сладчайшій
Діалектики кристальной,
Казуистики тончайшей,

Эти дивныя свѣтила—

Здѣсь, на мѣстѣ. Самолично
Все, что спросишь, растолкуютъ—
Мѣтко, тонко, политично...

Каждый звукъ ихъ—нардъ и мурра!

Слово каждое—что роза!“...

Такъ, витая по эфиру,

Размышляетъ рабби Иоза.

С. Фругъ.

(Окончаніе будетъ).

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

IV. Открытая дѣятельность Бешта (1735—1747 г.)

Характеръ данныхъ для описанія новаго періода въ жизни Бешта.— Легенды и чудеса, какъ историческій матеріалъ.— Среда, окружавшая Бешта.— Личныя наклонности основателя хасидизма.— *Бешта, какъ чудодѣй.*— Типъ «баалшема».— Чудесныя исцѣленія: заклинанія, знахарство, амулеты.— Предсказаніе будущаго. Бешта и случіе „державцы“.— Прочія чудеса Бешта.— Видѣнія и гласы свыше.— Жизнь въ *Меджибожь.*— Восторженная молитва.— Проловъ и ученіе Бешта.

И такъ, приблизительно съ 1735 года начинается новый періодъ въ жизни Бешта — періодъ открытой дѣятельности и публичной пропаганды, продолжающейся до самой его смерти. Тутъ уже личная жизнь его отступаетъ на задній планъ, и преданіе говорить намъ о немъ почти исключительно какъ объ общественномъ дѣятелѣ, проповѣдникѣ и чудодѣѣ. Самый характеръ свѣдѣній, сообщаемыхъ преданіемъ объ этомъ періодѣ, рѣзко отличается отъ тѣхъ данныхъ, которыми мы имѣли для исторіи предъидущей жизни Бешта. О первой половинѣ жизни Бешта—о его дѣтствѣ, юности и приготовительномъ періодѣ—мы имѣли хотя скудныя, но тѣмъ не менѣе довольно систематическія данныя, расположенныя въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ о второмъ періодѣ его жизни, о періодѣ его открытой дѣятельности, мы имѣемъ огромное количество данныхъ, но всѣ они дошли до насъ въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ и изобилуютъ такою массою невѣроятныхъ легендъ, фантастическихъ разсказовъ и странныхъ преувеличеній, что въ обширной массѣ ихъ только теряешься. Никакого порядка, никакой связи нѣтъ въ этихъ дан-

ныхъ: это—беспорядочная груда строительнаго матеріала, годнаго и негоднаго, сваленнаго какъ попало и крайне разбросаннаго. Вы вращаетесь въ атмосферѣ чудесъ, таинственныхъ видѣній, мистическихъ подвиговъ,— и только яркій бытовой, историческій колоритъ, присущій большей части слушаемыхъ вами разказовъ, убѣждаетъ васъ, что вы не витаєте въ воздушныхъ эмпиреяхъ, въѣ времени и пространства, а находитесь въ Рѣчи Посполитой первой половины XVIII вѣка, то въ корчмѣ арендатора, то въ деревенскомъ шинкѣ, то въ синагогѣ во время молитвы или проповѣди, то въ интимномъ кружкѣ экзальтированныхъ раввиновъ.

Можно-ли изъ такого матеріала извлечь сколько нибудь досто-вѣрныхъ историческихъ данныя? Да, съ трудомъ, но можно. Догматическая исторія разныхъ сектъ и вѣроученій часто употребляетъ особый загадочный языкъ, который, однако, долгій опытъ научилъ насъ дешифровать. Многіе чудесные разказы, сверхъестественные факты можно перевести на языкъ дѣйствительности— и они станутъ болѣе или менѣе понятны и естественны. Надо только вникнуть въ логику суевѣрія, въ методъ легендарнаго творчества. И главное—надо хорошо знать среду, въ которой данныя вѣрованія возникли; надобно постоянно помнить слѣдующія глубоко-истинныя слова одного современнаго мыслителя: «Наблюденіе, которое ни разу не было опровергнуто, убѣдило насъ въ томъ, что чудеса происходятъ только въ такія времена и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ чудеса вѣрятъ, и на глазахъ такихъ людей, которые расположены въ нихъ вѣрить. Ни одно чудо не произошло на глазахъ людей, способныхъ опредѣлить свойство чудеснаго дѣянія... Чудо есть въ гораздо болѣе степени дѣло рукъ публики, чѣмъ того, которому оно приписывается» *. Какова же была та публика, передъ которою Бештъ разыгрывалъ роль чудодѣя?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего имѣть въ виду, гдѣ именно происходила дѣятельность Бешта. Мы знаемъ, что основатель хасидизма жилъ и дѣйствовалъ въ Подолии и въ прилегающихъ къ ней частяхъ Галиціи и Буковины, т. е. въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ еврейская масса донинѣ еще пора-

* *Renan.*

жасть своею замкнутостью, бѣдностью матеріальною и нищетою духовною. Этотъ пунктъ всегда былъ средоточіемъ самой темной части еврейства; онъ заключалъ въ себѣ какъ-бы квинтэссенцію еврейскаго плебейства. Мелкій деревенскій арендаторъ, грубый корчмарь, отличавшійся отъ малорускаго мужа только вѣрою и покроемъ платья, хозяинъ постоялаго двора, шинкаръ съ присущею ему грязною обстановкою, бѣдный городской ремесленникъ, мелкій торговецъ, разнощикъ товаровъ, панскій факторъ *, и т. п. — вотъ тотъ разночинный людъ, среди котораго дѣйствовалъ Бештъ. Этотъ темный людъ, составлявшій, однако, подавляющее большинство народа, жилъ въ подвалѣ общественнаго зданія, придавленный тяжестью двухъ властей — кагала и панства **. Кагалъ давилъ эту темную массу тяжестью неимоверныхъ налоговъ, отъ которыхъ классъ богачей и ученыхъ былъ свободенъ, заставляя ее покупать рѣшительно все, до права передвиженія включительно, словомъ — угнеталъ ее экономически до того, что «для бѣднаго еврея жизнь становилась невыносимо тяжелою» ***. Панство угнетало бѣдную еврейскую массу не только матеріально, но и нравственно: панъ смотрѣлъ на своего арендатора, шинкаря, ремесленника, на всякаго еврея, жившаго на его землѣ и платившаго ему чиншъ, какъ на свою живую собственность, какъ на своего хлопа, и потому всячески принижалъ его и оскорблялъ нравственно. Своего русскаго хлопа панъ хоть презиралъ, но боялся его физической силы, памятуя времена Хмѣльницкаго; со стороны еврейскаго же хлопа онъ ничего не могъ опасаться — и потому безнаказанно тѣшилъ, надругался надъ нимъ. А между тѣмъ русское холопство тоже не дремало: подстрекаемое вольнымъ запорожскимъ казачествомъ, оно частенько страшно мстило панамъ за свое униженіе, причемъ первыми жертвами его ярости бывали евреи, поставленные по своему положенію между панствомъ и хлопствомъ. Мы говоримъ о знаменитыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ,

* См. автобіографію С. Маймона, «Евр. Биб.», т. I, стр. 190—195.

** Ibid, 226: „Нашъ народъ, какъ осель, стоналъ подъ двумя ношами — собственнымъ невѣжествомъ и невѣжествомъ и предрасудками господствующаго населенія“.

*** *Бершадскій*, Литовскіе евреи, стр. 14; подробности о положеніи евреевъ въ XVIII в. см. тамъ же, стр. 15—26.

которые въ это время (1730—1768 г.) наполняли ужасомъ всю Польшу и держали въ вѣчномъ страхѣ пановъ и евреевъ*. Произволь, грабежъ, самосудъ, невѣжество и мракъ царствовали въ несчастной странѣ, обреченной на скорую гибель. Развратъ и произволь въ высшихъ классахъ, грубость нравовъ и полнѣйшее одичаніе въ низшихъ классахъ — вотъ печальная картина тогдашняго общества, и не только христіанскаго, но и еврейскаго.

Такому общему положенію вещей вполне соответствовало и умственное состояніе народа. Еврейская духовная аристократія питалась хоть однообразною и неудобоваримою, но все-таки обильною умственной пищею; масса же была духовно голодна, невѣжественна и легковѣрна. Правда, не вездѣ существовало такое рѣзкое различіе между интеллигентнымъ классомъ и простолюдиномъ: въ Литвѣ, напримѣръ, умственный уровень простолюдина былъ сравнительно довольно высокій (мы, конечно, говоримъ объ образованіи чисто-религіозномъ, какое только и было мыслимо въ то время): тутъ сельскій элементъ въ еврейскомъ населеніи былъ очень незначителенъ, а преобладалъ элементъ городской, стоявшій очень близко къ духовнымъ пастырямъ, отъ которыхъ не могъ не позаимствоваться кое-чѣмъ. Не то было на Украинѣ и особенно въ Подоліи. Тутъ еврейское сельское населеніе преобладало надъ городскимъ, масса была по большей части далека отъ духовныхъ центровъ и коснѣла въ невѣжествѣ, почти наравнѣ съ окружающими ее русскими крестьянами **. Грубое суевѣріе, свойственное сельскому люду, замѣняло здѣсь истинную вѣру. Вѣра въ колдовство, нечистыя силы, знахарство, въ знаменія и чудеса — занимала главное мѣсто въ религіозномъ міросозерцаніи этой массы. Всякія мистическія бредни находили тутъ благопріятную для себя почву ***. Въ народѣ много толковали о чудесныхъ исцѣле-

* «Гайдамачина» Д. Мордовцева, гл. IV и пр.

** Ср. «Мысли о хасидизмѣ» И. Г. Оршанскаго, въ «Евр. Библи», т. I, стр. 88—84 (изд. 2-ое).

*** Замѣчательно, что всѣ почти мистическія ереси, волновавшія польское еврейство съ середины XVII до середины XVIII вѣка, имѣли своимъ главнымъ центромъ Подолію и пограничную съ нею часть Галиціи. Литва вовсе стояла въ сторонѣ отъ этихъ мистическихъ движеній, а въ остальной части Польши, дакъ, напримѣръ, во внутренней Украинѣ и Волынѣ, они нашли лишь весьма сла-

ніяхъ, изгнанія нечистыхъ духовъ изъ «одержимыхъ» и о многихъ тому подобныхъ подвигахъ святыхъ мужей, чудодѣевъ... * Въ такой-то именно средѣ началъ свою дѣятельность *Бештъ*, который—исторія должна отмѣтить этотъ печальный фактъ—*большую частью своего успѣха въ массѣ былъ обязанъ не лучшимъ сторонамъ своего ученія, а главнымъ образомъ своей дѣятельности въ качествѣ чудотворца.*

Самъ Бештъ по своимъ воззрѣніямъ стоялъ очень близко къ этой темной и легковѣрной массѣ. Это происходило не отъ его недостаточнаго духовнаго развитія (ибо во всемъ, что касалось религіи, Бештъ несомнѣнно былъ очень свѣдущъ и могъ перешеголять любого богослова), а исключительно отъ того, что онъ *сознательно выработалъ въ себѣ такія воззрѣнія.* То, во что масса вѣрила безсознательно, онъ возвелъ въ систему и вѣрилъ въ это сознательно. И дѣйствительно, когда вникаешь въ его ученіе, убѣждаешься, что этотъ человѣкъ не могъ не быть чудотворцемъ. Онъ очевидно не совершалъ чудесъ, чтобы потворствовать суевѣрію массы, онъ никого не обманывалъ, не вводилъ въ заблужденіе, но самъ былъ увѣренъ въ себѣ и въ своихъ чудодѣйныхъ способностяхъ. Міросозерцаніе этого человѣка было такое, что для него совершенно терялась граница между естественнымъ и сверхъестественнымъ фактомъ: для него все было естественно, или точнѣе, все сверхъестественно. Онъ былъ, напримѣръ, убѣжденъ (и вполнѣдствіи развивалъ это въ своемъ ученіи), что если человѣкъ сосредоточенно думаетъ о комъ-либо или о чемъ-либо, то объектъ его мысли всегда присутствуетъ тутъ-же **.

Онъ отягилъ. Въ Подоліи же и Галиціи сосредоточилась главная дѣятельность разныхъ пропагандистовъ, въ родѣ Хаима Малаха, Иуды Хасида и Якова Франка. И тутъ именно вполнѣдствіи впервые возникло знамя хасидизма. Такимъ образомъ, хасидизмъ, не будучи самъ по себѣ ересью, возросъ несомнѣнно на почвѣ мистическихъ ересей. Объ отношеніи Бешта къ Саббатіанству и въ частности къ своему современнику Якову Франку мы еще подробно будемъ говорить ниже.

* „Нѣтъ такой страны, — говорить одинъ лѣтописецъ—современникъ,—гдѣ евреи занимались бы такъ много мистическими бреднями, чертовщиной, талисманами, заклинаніемъ духовъ, какъ въ Польшѣ“ (*Tobiasz Rofe* въ книгѣ „*שורשׁ הַחֲסִידוּת*“, напечатанной въ 1707 г. Ср. „*Эвель Офель*“ Д. Когона, гл. VI).

** См. *שׁוֹרֵשׁ הַחֲסִידוּת* г. е. „*Возвѣщаніе Бешта*“, стр. 8. Подробнѣе объ этомъ какъ и вообще объ ученіи Бешта, будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Такимъ образомъ видѣнія, всякаго рода внушенія свыше и чудеса дѣлаются какъ-бы простыми естественными фактами. Было-ли такое убѣжденіе у Бешта результатомъ экзальтированнаго настроенія или умственного, логическаго заключенія — трудно сказать. Вѣроятно, оно было результатомъ и того и другого: умъ объяснялъ и систематизировалъ то, что диктовали восторженное чувство и воображеніе. Ученіе *абсолютнаго всебожія*, развитое имъ внослѣдствіи, т. е. ученіе о томъ, что Богъ находится буквально во всемъ, даже въ самыхъ ничтожныхъ твореніяхъ и вещахъ,—служило лишь общимъ основаніемъ такого рода воззрѣній. Разъ Богъ вездѣ и во всемъ, то люди достаточно «приготовленные» могутъ быть очень близки къ Нему и часто даже вліять на направленіе Его воли, т. е. совершать чудеса...

И вотъ Вештъ началъ свою карьеру въ качествѣ чудодѣя.

Въ Польшѣ издавна существовалъ особый классъ чудотворцевъ-знахарей, которые были извѣстны въ народѣ подъ именемъ *Баале-Шемъ*, т. е. дѣйствующіе именемъ Божиимъ. Специальностью ихъ было лечить всякаго рода болѣзни, въ особенности же болѣзни умственныя (сервное расстройство, меланхолію, упомѣшательство etc.), которыя тогда приписывались дѣйствию злого духа, вселяющагося въ «одержимый» субъектъ. Обыкновенныя болѣзни они лечили посредствомъ амулетовъ («*камеосъ*»), т. е. кусковъ пергамента, на которыхъ писались разныя таинственныя формулы, и которые обыкновенно вѣшались пациенту на шею, а также посредствомъ травъ, куреній, заговариваній и нашептываній; трудныя же болѣзни, и въ особенности упомѣшательство, они лечили посредствомъ громкихъ и торжественныхъ заклинаній, имѣвшихъ цѣлю изгнать «злого духа» изъ больного субъекта. Съ легкой роли творцовъ практической каббалы, такихъ чудесныхъ цѣлителей развелось съ XVI вѣка очень много, и больше всего ихъ было въ Польшѣ. Уже около середины XVII вѣка пользуется славой чудодѣя р. *Иоиль Баалшемъ*, жившій во время рѣзни 1648 г. и совершившій тогда чудо, о которомъ мы уже рассказали *. Объ этомъ же человѣкѣ рассказываютъ, что онъ однажды

* „Введеніе въ исторію хасидизма“ „Восходъ“ с. г. кн. 1—2, стр. 98.

посредствомъ заклинаний публично изгналъ злого духа изъ одного помѣшаннаго въ Позенѣ *. Въ послѣдующее время намъ извѣстны имена многихъ такихъ чудотворцевъ, носившихъ по большей части титулъ «Баалшемъ». Таковы, напримѣръ, *Моисей Прагеръ*, совершившій изгнаніе злого духа на глазахъ многочисленной толпы въ Никольсбургѣ, въ 1696 году; *Веніаминъ Козанъ*, авторъ нѣсколькихъ книгъ по практической каббалѣ, и *Илия Баалишемъ*, жившій въ первой четверти XVIII вѣка **. Множество «баалшемовъ», менѣе извѣстныхъ, жило несомнѣнно и во время Бешта и спустя долгое время послѣ него. Не далѣе, какъ лѣтъ 50 тому назадъ, можно было встрѣчать массу бродячихъ «баалшемовъ», переѣзжавшихъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и привлекавшихъ къ себѣ громадную толпу ищущихъ исцѣленія. Нынѣ этотъ типъ уже переводится и встрѣчается лишь въ самыхъ глухихъ уголкахъ еврейскаго темнаго царства; но въ XVIII вѣкѣ онъ былъ еще весьма распространенъ и представлялъ обиденное явленіе.

За ремесло чудотворца-цѣлителя взялся и Бештъ въ началѣ своей публичной карьеры—и прозвище «Баалшемъ», данное ему еще при жизни, осталось за нимъ навсегда. Извѣстно, что «Бештъ» не было фамильнымъ прозвищемъ основателя хасидизма (фамильныхъ именъ тогда еще между евреями и не было), а составляетъ сокращенное выраженіе словъ «Баалъ Шемъ Товъ» («Добрый чудотворецъ»; подчеркнутыя начальныя буквы этихъ словъ: *БШТ*, согласно еврейской вокализациі, составляютъ слово «Бештъ»). Это сокращенное прозвище стало употребляться въ литературѣ лишь послѣ смерти Бешта; при жизни же онъ былъ всѣмъ извѣстенъ подъ именемъ *Израиль Баалишемъ* или *Баалишемъ Товъ*,

* Ср. ל"ב ד' ד' ד' Д. Когона, а также извѣстную народную книгу ר"ב ה"ש (напечатана во Франкфуртѣ въ 1705 г.), гл. 69.

** Въ галиційскомъ городѣ Жолкіевѣ вышла въ 1720 г. книга подъ заглавіемъ תולדות ד"ם, заключающая въ себѣ собраніе заклинаний, каббалистическихъ совѣтовъ и рецептовъ, заимствованныхъ изъ рукописей р. *Иошя Баалишема*, р. *Илия Баалишема* и прочихъ каббалистовъ. Отъ имени *Иошя Баалишема* напечатаны тамъ же каббалистическія лечебныя ספרות מליים (въ 1724 г.). Ср. Лексиконъ Бенякоба, sub vocibus.

каковымъ именованъ онъ и подписывался подъ нѣкоторыми документами, дошедшими до насъ отъ него *.

Согласно преданію, Бештъ прославился въ началѣ своей, врачевной* дѣятельности чудеснымъ испѣленіемъ одного сумасшедшаго, изъ котораго онъ посредствомъ заклинаній изгналъ злого духа **. Не всегда, однако, онъ прибѣгалъ къ заклинаніямъ, а нерѣдко лечилъ одною только молитвою ***. Изгонялъ онъ злыхъ духовъ не только изъ людей, но также изъ «нечистыхъ» жилищъ ****. Но подобные случаи, повидимому, встрѣчались довольно рѣдко, и гораздо чаще, чѣмъ въ роли экзорциста, мы видимъ Бешта въ качествѣ обыкновеннаго лекаря, деревенскаго знахаря и сочинителя дѣлительныхъ амулетовъ. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ прописываетъ больному усиленное кровопусканіе, несмотря на то, что присутствующій при этомъ врачъ противится такому леченію; въ другой разъ онъ совѣтуетъ поставить одной больной пиявки и вскрыть жилы; иногда же онъ совсѣмъ отказывается лечить, когда находитъ болѣзнь неизлечимою или, какъ выражается преданіе, «когда его свыше извѣщаютъ, что больному не суждено выздороувѣтъ †*. Обладая несомнѣнно нѣкоторыми медицинскими познаніями, почерпнутыми или изъ книгъ, или изъ личныхъ наблюденій въ деревенской знахарской средѣ, — Бештъ могъ въ большей части случаевъ лечить успѣшно, такъ что при счастливомъ исходѣ болѣзни его прославляли, какъ чудотворца, при неудачѣ же онъ могъ всегда приписывать подходящее оправданіе, въ родѣ «гласа свыше», «побѣды сатаны» и т. п. Это было ему тѣмъ легче, что леченіе свое, даже при употребленіи простыхъ средствъ, онъ облекалъ таинственностью. Его слава, какъ

* См. Автобіографію Маймона, Евр. Библи. т. II, стр. 263. Тутъ, впрочемъ по ошибкѣ значится „Гозль Баалшемъ“ вмѣсто „Израиль Баалшемъ“. Ср. также לרש"ו רוק Родкинсона, стр. 48--53. См. Лексиконъ Азулаи אגרות אש"ת т. II, буква А, № 54 и буква Ц, № 29.

** „Восхваленія“, 5, а; Ср. тамъ же 22, с.

*** Родкинсонъ: לרש"ו רוק стр. 47; тамъ же о леченіи посредствомъ напентиванія.

**** „Восхваленія“, 5, а (изгнаніе духа изъ дома арендатора), и 14, d (изгнаніе духа изъ синагоги).

†* Тамъ же, 19, с.; 10, с.; 16, а; 5, с; 35, с, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ книги.

лекаря, была такъ обширна, что часто его приглашали даже въ панскіе хоромы, гдѣ онъ также лечилъ весьма успѣшно и получалъ щедрныя вознагражденія *. Врачи-спеціалисты, завидуя его славѣ и опасаясь конкуренціи, часто преслѣдовали его **. Когда они его спрашивали, откуда онъ черпалъ свои медицинскія познанія, онъ простодушно отвѣчалъ: «Господь меня научилъ» ***. Повидимому, онъ однако побаивался ихъ и часто не соглашался лечить тамъ, гдѣ присутствовалъ врачъ ****; избѣгалъ онъ также лечить тамъ, гдѣ помимо него пользовались услугами деревенскихъ «колдуновъ» †. Разъѣзжалъ онъ самъ къ больнымъ, ѣздили и къ нему. Нерѣдко, когда онъ пріѣзжалъ въ какой либо городъ. его обступала со всѣхъ сторонъ большая толпа, требуя медицинскіхъ совѣтовъ, лекарствъ и амулетовъ †*. Иногда онъ имѣлъ неприятности отъ пановъ или полицейскихъ властей, такъ какъ многіе смотрѣли на него, какъ на колдуна. Въ такихъ случаяхъ, его часто спасала его громкая репутація. Такъ, когда одинъ помѣщикъ подалъ меджибожскому комиссару жалобу на Бешта съ требованіемъ выселить его изъ Меджибожа (гдѣ Бешта тогда жилъ), комиссаръ дружески посовѣтовалъ жалобщику не трогать еврейскаго чудотворца, но стараться вѣдчески задобрить его, ибо онъ не колдунъ, а Божій человекъ, пользующійся громадною славою въ народѣ †**.

* „Восхваленія“, 35, с: „Графиня хвалила Бешта передъ врачомъ, какъ великаго человека и замѣчательнаго лекаря“.—Болѣе важныя свѣдѣнія находимъ въ рукописи Д. Макова *למזרח הנהגות* „И былъ у Бешта обичай разъѣзжать по нивамъ, конкъ лечилъ за вознагражденіе“. Приведено у Греца, В. XI *Noten*, в. 597.

** „Восхваленія“, 5, с: „Врачъ изъ Острога хотѣлъ убить Бешта изъ столета“.

*** Тамъ же, 5, с, и 35, с.

**** Тамъ же, 5, с.: „Нѣтъ, не стану лечить, ибо узналъ, что сюда ѣдетъ докторъ изъ Острога“.

† Тамъ же, 28, в.

†* Тамъ же, 26, d: „Когда онъ пріѣхалъ въ Радвигъ, (совсѣмъ безъ денегъ), стали ходить къ нему массаи жители города за лекарствами, и такъ повторялось въ прочихъ городахъ, по конкъ онъ разъѣзжалъ, такъ что онъ привезъ домой много денегъ“.

†** Тамъ же, 17, d.

Самнымъ обычнымъ способомъ леченія у Бешта была, повидимому, раздача амулетовъ. На маленькомъ кускѣ пергамента писалось имя пациента и его матери, а затѣмъ шелъ рядъ таинственныхъ формулъ, писавшихся особымъ кудреватымъ шрифтомъ и заключавшихъ въ себѣ имена разныхъ ангеловъ, злыхъ духовъ, заклинавія и непонятныя для непосвященныхъ сочетанія буквъ. Кусокъ пергамента вдѣлывался обыкновенно въ жестяную рамку, наглухо закрытую, къ рамкѣ прицѣплялся шнурокъ—и чудотворный талисманъ въ такомъ видѣ носился на шеѣ, подъ исподнимъ платьемъ. Амулеты брались для самыхъ различныхъ случаевъ; большею частью они служили не средствами леченія отъ болѣзни, а средствами *предохраненія* отъ той или другой болѣзни. Ихъ брали для новорожденныхъ—чтобы обезпечить имъ безболѣзненный ростъ, для роженицъ—чтобы предохранить отъ послѣродовыхъ болѣзней и нечистыхъ силъ, окружающихъ ихъ постель, для перепуганныхъ, для меланхоликовъ, для страдающихъ бессонницею, вообще для всѣхъ видовъ нервныхъ расстройствъ, гдѣ предполагалось дѣйствіе нечистой силы. Писаніе амулетовъ было очень распространено во время Бешта—и самъ знаменитѣйшій раввинъ того времени, Эйбшицъ изъ Праги, усердно занимался этимъ дѣломъ. Но наиболѣе авторитетнымъ специалистомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Израиль Бештъ: чудотворная цѣлительная сила его амулетовъ славилась повсюду, и изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ ѣздили къ нему для покупки амулетовъ. Практика его по этой части была такая обширная, что онъ самъ не могъ справляться съ нею и долженъ былъ нанять сначала одного писца, а потомъ и другого къ нему, въ качествѣ помощниковъ при составленіи амулетовъ *. Впрочемъ, эти

* Тамъ же, 4, с: „Сначала,—говоритъ авторъ „Восхваленій“,—мой тестъ Александръ Шохетъ состоялъ у Бешта писцомъ въ продолженіе восьми лѣтъ, а затѣмъ къ нему прибавился второй писецъ, благочестивый р. Цеви, и оба они работали у него, ибо практика Бешта была слишкомъ велика и обременительна для одного человека“. — См. также *ibid.*, 18, b: „Р. Шмерель имѣлъ обыкновеніе брать у Бешта амулеты при рожденіи cadaго сына и даже каждой дочери, за что платилъ по двѣ красныхъ или дороже, ибо былъ весьма богатъ“; см. еще 27 с. и *passim*. Авторъ упомянутой выше рукописи, Давидъ Маковъ, подтверждаетъ все это: „Израиль изъ Меджибожа,—говоритъ онъ,—былъ извѣстенъ не какъ ученый, а главнымъ образомъ какъ баалшешъ, пишущій амулеты“. Ср. Graetz, Gesch., XI, 597. Показаніе *Бодера* (שטרות קדוים, стр. 5), будто „всѣ свои чудеса

«писцы» или «секретари» (софримъ) помогали ему не только въ дѣлѣ писанія амулетовъ, но и во многихъ другихъ его дѣлахъ *.

А дѣлъ у него было много, ибо славился онъ не только какъ чудесный цѣлитель недуговъ, но и вообще какъ «человѣкъ Божій», способный предсказывать будущее, угадывать мысли человѣка по его наружности, давать знаменія и совершать всякаго рода чудеса. Особенно велика была его слава, какъ предвѣщателя будущаго. Разказами о его чудесныхъ предсказаніяхъ занята большая часть его легендарнаго жизнеописанія. Такъ, однажды къ Бешту приходитъ арендаторъ, весьма озабоченный плохимъ состояніемъ своихъ дѣлъ, съ цѣлю, вѣроятно, спросить у чудотворца совѣта. Бештъ вдругъ начинаетъ ему говорить о суетѣ мірскихъ дѣлъ и совѣтуетъ по возможности скорѣе совершить покаяніе, ибо «видѣлъ онъ, какъ за арендаторомъ увивается ангелъ смерти». Окружающіе удивлялись этому, и шуринъ Бешта, раввинъ Гершонъ Кутоверъ, сталъ даже упрекать его за такое отношеніе къ несчастному человѣку, нуждающемуся въ практическомъ совѣтѣ; но Бештъ возразилъ: «Что же мнѣ дѣлать, если вы—слѣпцы и не видите ангела смерти, стоящаго позади этого человѣка?» Спустя короткое время предсказаніе Бешта сбылось: арендаторъ внезапно умеръ **. Въ другой разъ, Бештъ совершалъ обрѣзаніе новорожденнаго и сказалъ присутствующимъ, чтобы они этого ребенка никогда не перевозили черезъ извѣстный мостъ, подъ названіемъ «Гребля», ибо иначе онъ будетъ горбатымъ. Спустя много лѣтъ, объ этомъ предсказаніи забыли, и однажды, перевозжая съ мальчикомъ черезъ упомянутый мостъ, замѣтили, что у него вдругъ выросъ горбъ на спинѣ ***. Еще одинъ случай. Однажды Бештъ провелъ нѣсколько дней въ городѣ Балдѣ и предсказалъ, что городъ этотъ вскорѣ будетъ разрушенъ, а затѣмъ его опять отстроить, и ужъ тогда онъ будетъ стоять до самаго пришествія Мессіи. И дѣйствительно, во время великой войны между Россією и Турцією (1768—1774 г.) этотъ пограничный городъ былъ раз-

Бештъ совершалъ не прибѣгая ни къ заклинаніямъ, ни къ амулетамъ, лишь по тому всякаго основанія.

* См., напримѣръ, „Восхваленія“ 18, а.

** Тамъ же, б, в.

*** Тамъ же, 24, д.

рушенъ до тла. Преданіе прибавляетъ, что роковое предсказаніе произнесено было при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ Балтѣ бывали часто большія ярмарки, на которыя съѣзжались купцы изъ всѣхъ странъ, а какъ разъ въ это время Бештъ говорилъ свою обычную субботнюю проповѣдь, при чемъ изъ-за шума на улицахъ ничего нельзя было разслышать; тогда Бештъ разгнѣвался и сказалъ: «Погоди же, Балта, ждетъ тебя еще несчастье!» *.

Все это были, однако, предсказанія произвольныя, пророчества, внушаемыя внезапнымъ наитіемъ святаго духа. Но чаще всего случалось, что къ Бешту обращались за практическими совѣтами, гдѣ требовалась не сообразительность, а умѣніе отгадывать. Въ такихъ случаяхъ Бештъ обыкновенно бралъ книгу «Зогаръ» — библию каббалы — и, раскрывая ее наугадъ, тотчасъ предсказывалъ по ней требуемое. Приводимъ нѣсколько характерныхъ случаевъ подобнаго рода. У одного купца въ Меджибожѣ сынъ поѣхалъ съ товаромъ въ Бреславль и долго не давалъ о себѣ вѣстей. Купецъ очень тревожился объ участи сына, но не рѣшался обращаться къ Бешту, ибо не вѣрилъ въ него и «постоянно былъ въ числѣ его противниковъ». Наконецъ, женѣ удалось уговорить купца обратиться за совѣтомъ къ Бешту, ссылаясь на то, что вѣдь вѣдять же къ этому человѣку «изъ всѣхъ странъ свѣта, и онъ всѣхъ удовлетворяетъ своими совѣтами». Когда купецъ явился и изложилъ свою просьбу, Бештъ раскрылъ «Зогаръ» и, подумавъ немного, сказалъ: «Твой сынъ здоровъ и очень близокъ къ тебѣ — всего въ одной милѣ отсюда». Предсказаніе, конечно, сбылось, и когда обрадованный купецъ сталъ благодарить Бешта и удивляться его пророческому дару, тотъ ему сказалъ: «Неразумный, чему дивишься? Вѣдь извѣстно, что при помощи первобытнаго свѣта, созданнаго Богомъ въ первые дни творенія, человѣкъ могъ видѣть своимъ окомъ все, отъ одного конца міра до другого; вслѣдствіе грѣхопаденія, Богъ уменьшилъ этотъ свѣтъ на землѣ, но сохранилъ его во всей силѣ лишь для великихъ праведниковъ — и гдѣ же онъ его сохранилъ? Разумѣется, въ святой торѣ. Вотъ почему, когда я раскрываю «Зогаръ», я вижу все, что дѣлается въ мірѣ, и ужъ

* Тамъ же, 8, а, b,

никогда не ошибусь» *. Аналогичный случай рассказывается и въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ Бештъ предсказалъ просителю всѣ подробности положенія, въ которомъ находился искомый отсутствующій субъектъ, и, въдобавокъ, посредствомъ чтенія «Зогара», спасъ проѣзжаго купца отъ лѣсныхъ разбойниковъ. И когда проситель, раньше не вѣрившій въ Бешта, упалъ къ нему на шею, благодарилъ за великую услугу и вслячески превозносилъ чудотворца, Гештъ ему сказалъ: «Ты думаешь, что уже узналъ меня совсѣмъ: нѣтъ, ты далеко еще меня не знаешь» **. Одному раввину, которому Бештъ также сдѣлалъ по «Зогару» счастливое предсказаніе и который выразилъ свое удивленіе прозорливости Бешта, послѣдній повторилъ свое вышешриведенное изреченіе о «первобытномъ свѣтѣ» и съ гордостью сказалъ: «Не только то, что въ сосѣдней мѣстности дѣлается, я теперь вижу, но даже то, что теперь происходитъ въ Амстердамѣ, мнѣ извѣстно»—и тутъ же рассказалъ слушателямъ чудную исторію изъ своихъ мысленныхъ экскурсій въ Амстердамъ ***. Преданіе, однако, умалчиваетъ о томъ, какъ повѣрили сообщеніе Бешта.

Одинъ случай предсказанія прославилъ имя Бешта по всей Польшѣ и Литвѣ, ибо дѣло касалось лицъ, пользовавшихся громкою извѣстностью. На Литвѣ, въ г. Слуцкѣ, жили такъ называемые «державцы», т. е. генеральные арендаторы имѣній князя Радзивила. «То были—говорить Соломонъ Маймонъ—два брата, прибывшіе изъ Галиціи и въ качествѣ генеральныхъ арендаторовъ снявшіе всѣ имѣнія князя Радзивила. Необыкновенною дѣятельностью и лучшею экономіею, они не только привели прежде запущенныя имѣнія въ лучшее положеніе, но и сами обогатились въ самое короткое время. Они вѣдали арендную плату, не обращая вниманія на вопли своихъ собратьевъ, и взыскивали арендные деньги со второстепенныхъ арендаторовъ съ немаломою строгостью. Подчиненныя имъ арендные статьи они сами осматривали, и если находили арендатора, который, вмѣсто того, чтобы прилежаніемъ и экономіею улучшить свою аренду,

* «Восхваленія» 6, d. То же изреченіе повторяется въ другомъ мѣстѣ, 12, b.

** Ibid, 23, a—b.

*** Ibid, 12, b.

праздествовать или лежалъ на печи, то приказывали снять его и нагайкою пробудить отъ летаргическаго сна. Такое обращеніе генеральныхъ арендаторовъ, или *державцевъ*, приобрѣло имъ среди ихъ единовѣрцевъ имя *тирановъ* *. Вотъ эти-то всемогущіе литовскіе «державцы» прослышали о славѣ подоляскаго чудотворца Бешта и о его чудесныхъ предсказаніяхъ. Случилось, что въ это время одинъ изъ «державцевъ» выстроилъ себѣ каменный домъ въ Слуцкѣ, а жена его, повидимому склонная къ суевѣрью, боялась поселиться въ новомъ домѣ, не испросивъ предварительно благословенія Бешта, о которомъ она много наслышалась. И вотъ посылаютъ въ Подолію за Бештомъ и привозятъ его въ хоромы богатаго державца. Приняли его очень привѣтливо, но онъ замѣтилъ, что въ то время, какъ жена безусловно вѣритъ въ него, мужъ относится ко нему съ подозрѣніемъ и всячески испытуетъ его. Велъ онъ себя, однако, съ большимъ достоинствомъ, какъ подобаешь знаменитости, и впродолженіе трехъ недѣль, проведенныхъ имъ въ домѣ державца, видѣлъ въ своей пріемной чуть ли не всѣхъ жителей Слуцка, любопытствовавшихъ взглянуть на святаго мужа. Когда настало время отъѣзда, жена державца спросила Бешта: «Долго ли суждено намъ жить такъ счастливо, какъ теперь?» Бештъ сначала наотрѣзъ отказался отвѣчать на ея вопросъ и сказалъ, что о такихъ вещахъ не спрашиваютъ, но женщина приставала къ нему и умоляла дать прямой отвѣтъ. Тогда Бештъ на минуту закрылъ глаза и потомъ произнесъ: «Еще двадцать два года». Женщина очень смутилась, а мужъ, узнавъ о предсказаніи, разгнѣвался на Бешта, который послѣ того уѣхалъ. Преданіе прибавляетъ, что предсказаніе своевременно сбылось, и рассказываетъ цѣлую исторію о томъ, какъ державцы впоследствии впали въ немилость у Царя, какъ бѣжали за границу, но на дорогѣ были схвачены и заточены въ тюрьму, къ величайшей радости подчиненныхъ имъ арендаторовъ, которые столь долго терпѣли отъ ихъ тиранніи. Это было спустя ровно 22 года послѣ посѣщенія Бешта. Въ несчастіи державцы вспомнили о давнишнемъ предсказаніи Бешта и послали къ нему съ просьбою помочь имъ молитвою, но масса, враждебно настроенная къ державцамъ,

* Автобіографія, «Евр. Библ.» I, 190.

просила Бешта не помогать этимъ «тираннамъ»—и Бештъ, склонившись на сторону большинства, отказалъ послу въ просьбѣ *.

Много другихъ чудесъ творилъ Бештъ, и легендарное его жизнеописаніе, переполненное рассказами объ этихъ чудесахъ, передало намъ все-таки лишь незначительную часть того, что ходило въ народѣ въ устныхъ преданіяхъ. Кромѣ дара исцѣленія и предвѣщанія, Бештъ обладалъ будто бы и даромъ угадыванія мыслей по чертамъ лица. Многимъ людямъ онъ говорилъ прямо объ ихъ тайныхъ грѣхахъ, требуя отъ нихъ покаянія и налагая на нихъ эпитеміи **. Обладалъ онъ также великою каббалистическою тайною невидимки (קמץ נצחון קמץ), которая нерѣдко приносила ему пользу. Такъ, напримѣръ, одинъ «панъ» сильно ненавидѣлъ Бешта и грозилъ убить его изъ револьвера, какъ только встрѣтитъ; а между тѣмъ Бештъ стоялъ однажды на дворѣ крѣпости и разговаривалъ съ комиссаромъ, когда къ послѣднему подошелъ этотъ панъ; онъ продолжалъ стоять возлѣ комиссара во все время его бесѣды съ паномъ, который и не замѣтилъ Бешта. Узнавъ впоследствии, что Бештъ обладаетъ даромъ невидимки, панъ испугался и будто бы сказалъ: «Ну, если онъ такой человѣкъ, то приходится съ нимъ помириться» ***. Подобно всѣмъ великимъ чудодѣямъ, Бештъ могъ проѣзжать громаднѣйшія пространства въ самое короткое время,

---

* Подробно см. «Восхваленія» 29—30. Въ другой версін, болѣе баснословной, этотъ рассказъ повторяется въ «ספר תעלום», стр. 32 — 34 (Львовъ, 1865). Мы привели этотъ рассказъ впервые потому, что онъ очень вѣроятно и подтверждается показаніемъ безпристрастнаго современника, а именно упомянутому уже выше автора рукописи, находящейся въ Ватиканской библиотекѣ. Тутъ говорится: «И обращались къ Бешту всѣ желавшіе узнать свое будущее. По этому поводу слышалъ я отъ одного великаго мудреца старика исторію о томъ, какъ знаменитые богачи, называвшіеся «державцами» и имѣвшие сильное вліяніе, благодаря князю Радзивилу, желали однажды предузнать свой конецъ и послали за Бештомъ, а онъ предвѣщалъ имъ, что ихъ величіе будетъ продолжаться лишь 14 лѣтъ,—что и сбылось впоследствии» (Ср. Graetz, XI, 598). Между этимъ показаніемъ и преданіемъ разница лишь въ одной мелкой цифрѣ, но не въ самомъ фактѣ. Вторая причина, побудившая насъ привести этотъ рассказъ, заключается въ его историческомъ колоритѣ и характерности какъ для личности и степени популярности Бешта, такъ и для понятій того времени.

** „Восхваленія“, 33 d, 34 c—d.

*** Тамъ-же, 27 а.

такъ какъ въ случаѣ надобности «земля двигалась подъ нимъ быстро» (הַיָּדוּת הַזֵּאת) *.

Чудесныя видѣнія Бештъ имѣлъ очень часто—и не во снѣ, а на яву. Къ нему являлись для тайнаго бесѣдованія пророкъ Иліа, Моисей, Исаакъ Лурья **. Бештъ утверждалъ, что учителемъ его по части тайной мудрости былъ ни кто иной, какъ пророкъ времени царя Соломона, Ахія Гашилоні, тотъ самый, который предвѣщалъ грѣшному Іеровоаму власть надъ десятью колѣнами. Почему именно Бештъ выбралъ въ учителя этого забытаго, второстепеннаго пророка — трудно себѣ объяснить ***. Часто онъ слышалъ «гласы свыше», повелѣвавшіе ему поступать такъ или иначе и предвѣщавшіе ему грядущее. Но надо замѣтить, что своимъ видѣніямъ и «гласамъ» самъ Бештъ нерѣдко придавалъ аллегорическое значеніе, утверждая, что всякая внезапно озаряющая человѣка мысль есть «гласъ свыше, а всякая внезапная перемѣна въ судьбѣ человѣка есть «откровеніе Иліа», который часто воплощается въ образѣ простаго смертнаго и является праведнымъ людямъ на помощь въ минуты несчастія. Такое аллегорическое пониманіе видѣній и гласовъ сквозитъ во многихъ разсказахъ о Бештѣ и въ его изреченіяхъ, какъ мы это увидимъ ниже, при разборѣ его ученія †.

Такова была дѣятельность Бешта въ первое время послѣ того, какъ онъ «открылся», приблизительно отъ 1735 до 1745 года. Но гдѣ именно жилъ Бештъ въ это время? Непосредственно передъ его «открытіемъ» мы его оставили въ Тлустѣ, а затѣмъ онъ въ качествѣ чудотворца сталъ разъѣзжать по разнымъ городамъ. Районъ его дѣятельности былъ весьма обширный; чаще всего мы

* Тамъ-же, 29 d, 34 d.

** Тамъ-же, 6 а, 19 а, 28 с, 35 а—b.

*** Ученикъ и сподвижникъ Бешта Яковъ-Іосифъ Когенъ, въ своей книгѣ „הולדות יקר בן יוסף“ говоритъ слѣдующее: „Ахія Гашилоні“ перевалъ мудрость у Моисея, а самъ былъ учителемъ Иліа пророка и Бешта“. Ср. Лекціи о חלקי חכמה חלקים I, 38 b. Въ „Восхваленіяхъ“ нѣсколько разъ глухо упоминается объ этомъ учителѣ Бешта. Ср. напримѣръ, 19 а, 7, с, 17 d, гдѣ Бештъ называетъ его: „Мой извѣстный учитель“.

† Ср. „Восхваленія“ 19 с (הבשט שטע כר ו על ר' יוסף שימות), 18 а, 7 с.

встрѣчаемъ въ Заславѣ, Немировѣ, Барѣ, Полонномъ, Тульчинѣ, Каменкѣ, Хмѣльникѣ, Бѣлой Церкви, Шаргородѣ, т. е. преимущественно въ Подолии и Волыни *. Должно быть, вслѣдствіе этихъ постоянныхъ перекочевываній Бешта съ мѣста на мѣсто, намъ въ точности неизвѣстно его постоянное мѣстопробываніе въ первое время его дѣятельности **. Но когда улучшившіяся обстоятельства дали ему возможность зажить болѣе осѣдло, онъ поселился съ семействомъ на постоянное жительство въ одномъ городкѣ, въ которомъ провелъ послѣднія—и самыя дѣятельныя—двадцать лѣтъ своей жизни. То былъ городъ *Меджибожь* (нынѣ мѣстечко Подольской губерніи, Летичевского уѣзда), стоящій неподалеку отъ галиційской границы, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бродъ. Бештъ поселился въ этомъ городѣ, повидимому, около 1740 г. и прожилъ въ немъ до самой смерти своей, въ 1760 году. Съ этихъ поръ имя «Меджибожь» неразрывно связано съ именемъ Бешта, который въ XVIII вѣкѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ какъ *Израиля Баалшема*, такъ и *Израиля Меджибожскаго* ***. Меджибожь становится для Бешта тѣмъ, чѣмъ былъ Сафетъ для Исаака Лурин; онъ становится центромъ, притягивающимъ къ себѣ со всѣхъ странъ массу просителей, поклонниковъ и пилигримовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ тѣснаго, хотя и не многочисленнаго, кружка сподвижниковъ и учениковъ, которые окружали Бешта въ послѣднія 20 — 15 лѣтъ его жизни, а по смерти его сдѣлались самыми ревностными апостолами почившаго учителя, самыми энергическими распространителями его ученія. Намъ еще придется говорить объ этомъ замѣчательномъ кружкѣ, но пока мы должны еще вернуться къ личной жизни Бешта и дополнить характеристику его дѣятельности въ описываемый нами періодъ (1735—1747 г.).

* Ibid., passim.

** Родкинсонъ утверждаетъ, будто Бештъ жилъ во все это время въ Глуствѣ, но такъ какъ онъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего предположенія, то оно не имѣетъ никакой научной цѣнности. См. אור ישראל, стр. 47.

*** Ср. „Nachricht von der Sekte Chassidim“, Sulamit, 1-r Jahrg. 2-r Band, Dessau 1807, p. 308; Calmanson, Sur l'état des juifs en Pologne, 1796; Graetz, Gesch. XI, Noten, 598; тамъ-же, стр. 597, (изъ рукописи Д. Макова), и ин. др. источники.

Готовясь къ роли вѣроучителя, Бештъ еще раньше въ личной своей жизни держался тѣхъ принциповъ и правилъ, которые впоследствии проповѣдывалъ другимъ. А однимъ изъ главныхъ его принциповъ было, что *молитва* (а не *ученіе*, какъ думали раввины) составляетъ сущность вѣры, высшее ея выраженіе, и что въ молитвѣ человѣкъ долженъ сосредоточить все свое религиозное чувство. Отсюда прямо вытекаетъ выводъ, что молитва должна быть всегда горячая, восторженная, должна совершаться при известной степени экзальтаціи (אזבללללל לבל). И Бештъ всегда слѣдовалъ этому правилу: какъ только онъ начиналъ молиться, у него являлось восторженное настроеніе, часто доходившее до крайняго экстаза. Онъ молился, качаясь всѣмъ корпусомъ и моментами сильно вздрагивая; «вздрагиванія», вызывавшіяся очевидно сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ, продолжались иногда очень долго и бывали такъ сильны, что все стоявшее во время молитвы—посуда, вода, мебель — дрожало, колебалось и издавало стукъ. При сильномъ возбужденіи онъ иногда громко вскрикивалъ въ молитвѣ, иногда же наоборотъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, глаза, сосредоточенно устремленные на одинъ пунктъ, какъ бы окаменѣвали въ своихъ орбитахъ, и только необыкновенный блескъ ихъ свидѣтельствовалъ о томъ, что молящійся еще живъ *. Последнее случилось, вѣроятно, тогда, когда вслѣдствіе сильнаго напряженія Бештъ въ концу молитвы впадалъ въ крайнее изнеможеніе, въ состояніе полубытія. Молился онъ не только усердно, но и очень долго, и часто, когда всѣ въ синагогѣ уже кончали молитву и расходились по домамъ, Бештъ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ и горячо молился. Однажды, послѣ такой продолжительной и конечно восторженной молитвы, шуринъ его, рабби Гершонъ, все еще сомнѣвавшійся въ святости «простака» Бешта, спросилъ его, почему же онъ молится такъ долго и съ такими странными тѣлодвиженіями. И Бештъ отвѣчалъ ему, что когда онъ доходитъ до того мѣста молитвы, гдѣ говорится: «Благословенъ еси ты, Боже, воскрешающій мертвыхъ»,—къ нему, Бешту, слетаются тысячи и десятки тысячъ грѣшныхъ душъ умершихъ людей, и каждая душа проситъ помолиться за нее и тѣмъ спасти отъ ад-

* Такимъ видѣли Бешта многіе приближенные. „Восхваленія“, 7 а—б.

ских музъ; и такъ какъ ему, Бешту, приходится бесѣдовать съ каждою душою, то у него молитва очень долго продолжается и продолжалась бы до безконечности, еслибы гласъ свыше не выкрикивалъ каждый разъ въ извѣстный моментъ, что аудіенція кончена *. Бешть, повидимому, молился по тому видоизмѣненному тексту, который введенъ въ употребленіе Исаакомъ Луріею («сефардскій текстъ») и въ такъ называемомъ «Луріанскомъ молитвенникѣ» сопровождается массою каббалистическихъ объясненій и особенныхъ «соображеній» (חומות), долженствующихъ быть въ мысляхъ молящагося неразлучными со словами молитвы **.

Проповѣдь Бешта отличалась, повидимому, такою же восторженностью, какъ и его молитва. Въ его біографіи рассказывается, что сначала онъ долгое время не могъ говорить толкомъ съ людьми, вслѣдствіе сильной и постоянной сосредоточенности на мысляхъ о Божествѣ, но впоследствии будто-бы научился говорить толково, не нарушая этимъ своего экстаза ***. Во всякомъ случаѣ экстазъ былъ существенною чертою его проповѣди. Проповѣдывалъ же онъ всегда и вездѣ, имѣя для этого установленное время. Живя дома, въ Меджибожѣ, онъ каждую субботу, во время «третьей трапезы», говорилъ проповѣди въ тѣсномъ кругу приближенныхъ, а разъѣзжая по городамъ проповѣдывалъ въ то же время передъ многочисленною публикою †. Проповѣди его были, повидимому, чужды и сухой казуистики раввиновъ, (въ которой, вѣстаети сказать, Бешть мало смыслилъ), и рѣзкой обличительности записныхъ проповѣдниковъ («магидимъ»), постоянно взывавшихъ къ покаянiю и запугивавшихъ народъ изображеніемъ страшныхъ адскихъ музъ, претерпѣваемыхъ грѣшниками въ загробной жизни. Бешть говорилъ со своими слушателями, какъ учитель; онъ въ восторженныхъ выраженіяхъ объяснялъ имъ сущность вѣры, значеніе молитвы, говорилъ о проявленіи Божества въ природѣ и человѣкѣ, о примѣненіи нравственнаго принципа къ разнымъ случаямъ обыденной

* Тамъ-же, 8, в.

** Ibid, 8, в, 29, с.

*** Ibid. 17, d.

† Ibid., 34 с: „Однажды Бешть сидѣлъ, углубленный въ мысли, и не говорилъ обычной проповѣди во время третьей субботней трапезы, что учениковъ крайне удивило“; 8, а—о проповѣди въ Балтѣ и passim.

жизни, — словомъ онъ давалъ слушателямъ принципы, внушалъ идеи, онъ *поучалъ*. Говорилъ онъ очень увлекательно, но отнюдь не высокопарно, и любилъ пересыпать свою рѣчь разными интересными анекдотами, которымъ всегда придавалъ большое воспитательное значеніе *. Проповѣдывалъ онъ обыкновенно на текстъ изъ Агады, Мидраша, Зоги, а нерѣдко и такъ, безъ всякихъ текстовъ, одними только притчами и краткими изреченіями.

Слава чудотворца издавна привлекала къ Бешту многихъ поклонниковъ, которые жили около него подолгу въ Меджибожѣ; теперь учительская проповѣдь его сплотила ихъ въ тѣсный кружокъ *учениковъ*, которые съ благоговѣніемъ слушали его слова и поученія, сохраняя ихъ въ памяти или записывая на бумагѣ. Самъ Бештъ, повидимому, не желалъ, чтобы его поученія записывались, а предпочиталъ, чтобы они устно передавались **. Нечего говорить, что, при устной передачѣ, слова Бешта комментировались на всѣ лады, а впоследствии вмѣстѣ съ этими комментаріями записывались—и уже въ такомъ видѣ дошли до насъ въ произведеніяхъ его многочисленныхъ учениковъ. Собранныя такимъ образомъ, они представили собою цѣлую религіозную систему, которая и легла въ основаніе всѣхъ произведеній его учениковъ, всей хасидской литературы.

Теперь возникаетъ вопросъ: какія именно религіозныя начала развивалъ Бештъ, о какихъ новыхъ принципахъ проповѣдывалъ? Что именно привлекло къ нему массу учениковъ и сдѣлало его не только главою тѣснаго круга теоретиковъ, но основателемъ вѣроученія, исповѣдуемаго слишкомъ двумя милліонами человекъ? Для того, чтобы отвѣчать на эти вопросы, намъ придется сдѣлать значительное отступленіе отъ живнеописанія Бешта и предварительно представить систему его религіозныхъ воззрѣній, того, что смѣло можно назвать «ученіемъ Бешта».

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Ibid., passim.

** Ibid., 25, а.

КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ.

По поводу второго изданія исследования, Н. Д. Градовскаго: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

II *.

Приступая къ разсмотрѣнію того, что сдѣлано было для евреевъ Екатериною Великою, мы должны сказать: и много и—ничего. Объяснимся. Проникнутая самыми возвышенными стремленіями видѣть преуспѣяніе своего государства во всѣхъ отрасляхъ управленія, Екатерина II многого не успѣла довершить согласно своимъ высокимъ предначертаніямъ и планамъ, а въ отношеніи евреевъ допустила, вопреки своимъ убѣжденіямъ, установленіе такъ-называемой «черты осѣдлости», создавшей, по выраженію г. Градовскаго, *Русь съ евреями* и *Русь безъ евреевъ*. Съ перваго взгляда казалось-бы, что такія пространства, какія представляли Новороссійскій край, екатеринославское намѣстничество и Вѣлороссія, были совершенно достаточны для жительства евреевъ; но это только въ *тогдашнее* время: позднѣе-же, когда населеніе еврейское разрослось, мѣра эта оказалась пагубною во многихъ и многихъ отношеніяхъ; она довела цѣлую массу народа до нищеты, деморализаціи и всевозможныхъ потерь. Не во имя человѣческихъ интересовъ, не во имя правды и добра была «черта» установлена... Но кѣмъ и чѣмъ эта мѣра была вызвана—увидимъ ниже; теперь-же обратимся къ фактамъ, доказывающимъ во-очію, что мудрая монархиня лично постоянно заботилась «о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ».

На земляхъ, присоединенныхъ въ данное время къ русской территоріи, еврейское населеніе считалось уже тысячами, имѣло древнюю тамъ осѣдлость и состояло въ многообразнѣйшихъ съ мѣстнымъ населеніемъ отношеніяхъ, владѣя здѣсь и тамъ даже недвижимою собственностью—строеніями

См. „Восходъ“ кн. V—VI.

и землю, «грунтами». Императрица позаботилась о томъ, чтобы эти отношенія были сохранены и упрочены. Объ этоиъ свидѣтельствуетъ содержаніе знаменитаго ея «Наказа», въ основаніи котораго легла, главнымъ-образомъ, мысль, что каждый членъ общества долженъ видѣть въ другомъ своего согражданина и желать, чтобы всѣ пользовались огражденіемъ законовъ и выгодами гражданскаго положенія, по состоянію или званію, къ какому кто принадлежитъ. Исходя изъ этой мысли, а также изъ той, что допущеніе въ законахъ релігіозной исключительности представляетъ собою насиліе совѣсти, несогласное съ духомъ православія, составительница «Наказа» провозгласила принципъ равенства всѣхъ своихъ подданныхъ «безъ различія народа и закона». «Ничто такъ не наноситъ оскорбленіе законамъ—читаемъ въ Наказѣ—какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ»; «ненужные законы умаляютъ почтеніе къ нужнымъ». Въ V-й главѣ того же Наказа, подъ рубрикою: «о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ», изображено: «равенство гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ-же законамъ» (§ 34).—Хотя эти начала и не вполне осуществились на практикѣ, но тѣмъ не менѣе одно внесеніе ихъ въ гражданскій кодексъ русскаго народа составляетъ уже, само по себѣ, великую заслугу великой императрицы.

Еще за три года до присоединенія отъ Польши Бѣлоруссін, съ осѣдлымъ въ ней еврейскимъ населеніемъ, а именно 16 ноября 1769 года, Екатерина Великая именнымъ указомъ, даннымъ кіевскому генераль-губернатору Воейкову, предоставила евреямъ право поселенія въ Новороссійскомъ краѣ *. По присоединеніи-же Бѣлорусскаго края, воспослѣдовалъ, при особомъ наказѣ на ния генераль-губернатора графа Чернышева и губернаторовъ Каховскаго и Кречетникова именной указъ отъ 28 мая 1772 года, коимъ императрица повелѣла, въ отношеніи различныхъ вѣръ, руководствоваться правилами терпимости и началами равенства, изображенными въ Наказѣ. При этомъ предписано было, чтобы начальство принимало дѣятельныя мѣры къ пресѣченію всякаго рода угнетеній, притѣсненій и несправедливостей, чтобы не только провинціи силою оружія, но и сердца всѣхъ людей, въ нихъ живущихъ, были покорены «добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, спсходительнымъ, кроткимъ и челоуѣколюбивымъ управленіемъ», и чтобы всѣ жители безъ различія званія и закона были оставлены при всемъ томъ, «что кто имѣетъ и гдѣ кто живетъ», съ принятіемъ

* П. С. З., т. XVIII, № 13383.

жѣръ къ огражденію ихъ личной и имущественной безопасности. — Достоинно примѣчанія, что императрицею въ Наказѣ обращено было особое вниманіе только на монашескій римско-католическіе ордена, и изъ нихъ преимущественно на іезуитовъ, за которыми повелѣно «наипаче недреманно смотрѣть, яко за коварнѣйшимъ изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ». Относительно-же евреевъ ничего исключительнаго въ Наказѣ не содержится, хотя императрица было вполне извѣстно, что ихъ въ составѣ тамошняго населенія имѣется не мало. Умолчаніе-же о евреяхъ въ столь важномъ случаѣ, какъ присоединеніе цѣлаго края съ значительнымъ ихъ населеніемъ, которое должно было съ того времени войти въ составъ общаго народонаселенія имперіи и имѣть въ ней постоянную осѣдность, есть, по мнѣнію г. Градовскаго, обстоятельство, которое, само-собою, доказываетъ, что государыня не имѣла намѣренія руководствоваться прежними религіозными предубѣжденіями и предрасудками относительно евреевъ и не видѣла, вообще, потребности ставить ихъ подъ своимъ скипетромъ въ какое-либо исключительное отъ прочихъ подданныхъ положеніе. Доказательствомъ сему служить приложенный къ именному указу отъ 11 августа 1772 года (по поводу окончательнаго присоединенія къ Россіи Вѣлорускаго края) *платокъ* на имя графа Чернышева «о принятіи подъ Россійскую державу уступленныхъ отъ Польши провинцій» — для объявленія объ этомъ политическомъ событіи мѣстнымъ жителямъ, съ приведеніемъ ихъ къ присягѣ, каждаго по закону его вѣры. Въ этомъ платкѣ ярко обрисовывается предначертанная императрицею политика относительно населенія присоединенныхъ къ Россіи областей и провинцій, въ томъ числѣ и относительно евреевъ. Въ немъ именно высказано слѣдующее: «объявляется *всѣмъ вообще жителямъ*, какого-бы рода и званія они ни были, *что они принимаются въ подданство Россіи*, что *каждое состояніе* изъ жителей присоединенныхъ земель *вступаетъ во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству имперіи Россійской*, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи Россійскихъ городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коними они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются: ибо челоуѣколюбіе ея императорскаго величества не позволяетъ ихъ однихъ исключитъ изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подъ благословенною ея державою, доколѣ они, съ своей стороны, съ подлежащимъ повиновеніемъ яко вѣрно-подданные жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ, по званіямъ своимъ, обращаться будутъ. Судъ и расправа да будутъ продол-

жаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именовъ и властью ея императорскаго величества, съ соблюденіемъ строжайшаго правосудія.

Изъ этого очевидно, что принятіе евреевъ въ русское подданство совершилось на одинаковыхъ съ прочими жителями основаніяхъ и безъ всякихъ ограничительныхъ условій. Г. Градовскій въ этомъ пунктѣ своего изслѣдованія обратилъ вниманіе на то, что по незнакомству русской администраціи съ евреями и ихъ бытомъ, была допущена, между прочимъ, та главная ошибка, что послѣднимъ было даровано, въ духѣ польскихъ законовъ и привиллегій, право существованія въ государствѣ отдѣльными обществами съ отдѣльнымъ управленіемъ, послѣдствіемъ чего было учрежденіе графомъ Чернышевымъ такъ называемыхъ *кагаловъ*, губернскихъ и уѣздныхъ, на особый совершенно ладъ, присвоившій евреямъ въ глазахъ правительства и ихъ самихъ значеніе какъ-бы особаго въ государствѣ народа. Но это мнѣніе представляется совершенно неправильнымъ—и вотъ почему: Изъ упомянутаго плаката видно, во первыхъ, что евреи были оставлены при тѣхъ «свободахъ», какими они пользовались во время польскаго владычества, и, во вторыхъ, что судъ и расправа будутъ «продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ» — слѣдовательно и при участіи польскихъ властей. Зная же, какимъ случайностямъ и передрагамъ евреи подвергались со стороны послѣднихъ, русское правительство стремилось къ огражденію ихъ отъ всякаго произвола; ибо если бы кагаловъ не существовало, то положеніе евреевъ могло бы быть, по означенной причинѣ, гораздо хуже и жалобамъ на притѣсненія попрежнему не было бы конца... Такииъ образомъ, по присоединеніи польскихъ областей къ Россіи, тотчасъ же были учреждены здѣсь кагалы, которымъ присвоена была не только духовная, но въ значительной степени и свѣтская власть. Такъ, напр., кагалы служатъ органами фискальными: при нихъ посредствомъ производятся общественная раскладка и взиманіе податей и повинностей. Мало того: кагалы завѣдуютъ гражданскими дѣлами евреевъ, касающимися выдачи имъ паспортовъ, отправленія торговъ и промысловъ; они завѣдуютъ, да иже, не только религіозными и благотворительными учрежденіями евреевъ, но и еврейскими школами безъ всякаго вѣдѣнія со стороны правительства, въ томъ предположеніи, что мѣшать этому значило бы нарушить принципъ свободы вѣроисповѣданія. Такой порядокъ вещей, конечно, держалъ въ смбгію ту обособленность евреевъ среди кореннаго населенія, которая впоследствии выразилась въ болѣе осязательныхъ формахъ и создала такъ-называемый *еврейскій вопросъ*.

Для убѣжденія въ томъ, что императрицею Екатериною Великою евреи были уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ прочими подданными, слѣдуетъ слѣдующія официальныя данныя: 1) Когда въ 1772 и 1774 годахъ были дарованы жителямъ Вѣлорусскихъ губерній временныя льготы отъ платежа податей, то льготы эти, каждый разъ, были распространяемы, въ одинаковой мѣрѣ, и на евреевъ; при уменьшеніи, въ 1779 году, для тѣхъ же жителей положеннаго оклада податей на половину, такое же облегченіе предоставлено было и евреямъ*. 2) Именнымъ указомъ императрицы отъ 7 января 1780 года, по возбужденному графомъ Чернышевымъ вопросу о правѣ евреевъ записываться въ купечество, выражено: «ны черезъ сіе волю нашу объявляемъ, что въ томъ евреямъ препятствовать не слѣдуетъ». 3) Въ именномъ указѣ отъ 10 марта 1781 года, по поводу установленнаго съ купеческихъ капиталовъ однопроцентнаго сбора, разъяснена, между прочимъ, воля государыни, что исповѣданіе торгующихъ не долженствуетъ служить поводомъ ни къ какому различію: «кто бы какого закона ни былъ — сказано въ указѣ — ни больше, ни меньше установленнаго платить не обязанъ»**. 4) Въ 1781 же году именнымъ указомъ повелѣно было взимать за винную сидку со всѣхъ жителей Вѣлорусскихъ губерній одинаковую подать *безъ различія ихъ рода и закона****. 5) Указомъ императрицы отъ 3 мая 1783 года было повелѣно, что евреи и прочіе, въ Вѣлорусскихъ губерніяхъ живущіе, долженствуютъ обложены быть податями по состоянію, въ какое запишутся, *безъ различія закона и народа* †. 6) Двумя именными указами императрицы отъ 4 февраля 1785 года разрѣшено было какъ российскимъ вольнымъ людямъ (т. е. свободнымъ состояніямъ), такъ и иностранцамъ *безъ различія закона и народа* селиться и записываться въ мѣщанство и купечество въ Рижской и Ревельской губерніяхъ, причемъ сдѣлана въ тѣхъ указахъ ссылка на манифестъ 17 марта 1775 года, сила котораго распространена именнымъ указомъ 7 января 1780 года и на евреевъ †*. Въ 1786 году, вслѣдствіе поданной евреями всеподданнѣйшей жалобы на притѣсненія ихъ со стороны мѣстныхъ (въ Вѣлоруссіи) властей, императрица передала оную на разсмотрѣніе сената при словесномъ указѣ, объявленномъ гене-

* П. С. З., т. XIX, №№ 13923 и 14113; т. XX, № 14892.

** П. С. З., т. XXI, № 15130, п. I.

*** Тамъ же, № 15274.

† Тамъ же, № 15724, III, п. 6.

†* Тамъ же, т. XXII, № 16146.

ралъ-прокурору полоцкимъ и могилевскимъ генераль-губернаторомъ Пассекомъ: «принять указа, что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ ея величества, въ состояніе равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, ея величествомъ установленное, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона и народа».

Въ виду изложеннаго, замѣчаетъ г. Градовскій, нельзя было, кажется, императрицѣ яснѣе выразить свою законодательную волю относительно безусловнаго уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными даже и по отношенію къ ихъ праву повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, сенатъ поступилъ иначе: не распространивъ на евреевъ, какъ слѣдовало, дѣйствія общихъ узаконеній, онъ призналъ нужнымъ установить какъ бы особыя для еврейскаго народа правила, въ которыхъ хотя и отмѣнилъ нѣкоторые неправильныя распоряженія мѣстныхъ начальствъ относительно евреевъ и воспретилъ понуждать живущихъ изъ нихъ въ деревняхъ и селахъ къ переселенію въ города, тѣмъ не менѣе отказалъ имъ въ правѣ записки въ окладъ Рижскаго форштадта на томъ основаніи, что, будто-бы, о свободной запискѣ евреевъ въ купечество и мѣщане въ другихъ городахъ, кромѣ бѣлорусскихъ, не имѣется особаго Высочайшаго повелѣнія *. Между тѣмъ, къ такому постановленію сената не представлялось никакихъ поводовъ въ виду приведенныхъ выше имейныхъ указовъ Екатерины II. Если такое постановленіе осталось въ силѣ, то единственно потому, что оно не было обжаловано со стороны евреевъ и, слѣдовательно, не могло дойти до свѣдѣнія императрицы, верховными распоряженіями которой съ политѣйшею ясностью евреямъ, жившимъ въ Бѣлоруссіи, дарованы были права полнаго гражданства на *всемъ пространствѣ имперіи*, какъ людямъ, вошедшимъ въ равныя съ прочими подданными состоянія. Такимъ образомъ, постановленіе сената находится въ прямомъ противорѣчій съ началами равенства, провозглашенными Екатериною II, тѣмъ и положено было основаніе тому исключительному для русскихъ евреевъ въ государствѣ положенію, въ какомъ они находятся и понынѣ, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, допущенными въ послѣднее время. Но это противорѣчіе поражаетъ тѣмъ болѣе потому, что въ самомъ указѣ сената отъ 7 мая 1786 года подъ заглавіемъ: «объ огражденіи

* П. С. З., т. XXII, № 16391.

правъ евреевъ въ Россіи касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности» помѣщены слѣдующія распоряженія: 1) отменить стѣснительныя для евреевъ распоряженія генералъ-губернатора и намѣстническихъ правленій относительно воспрещенія евреямъ брать, а помѣщикамъ имъ отдавать въ своихъ деревняхъ, въ арендное содержаніе, винокурень и корчемъ, 2) допустить евреевъ къ выборамъ «въ судейскія и прочія купечества и мѣщанства должности» въ магистратахъ, ратушахъ и городскихъ думахъ; соразмѣрно по количеству риту, «по точной силѣ жалованной городамъ 21 апрѣля 1785 года грамоты» *; 3) не нарушать ничьей собственности и не ссылаться на прежніе польскіе законы и установленія *относительно различія евреевъ отъ христіанъ*, «поелику войдя они, по запискѣ въ купечество и мѣщанство, въ равное съ прочими состояніе и платя въ каану равныя подати, также и нося прочія наравнѣ съ другими тягости, должны во всякомъ случаѣ защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими ея императорскаго величества подданными».

Ни въ одномъ изъ касавшихся евреевъ законодательныхъ предначертаній Екатерины II, справедливо говорить г. Градовскій, до вослѣдованія въ концѣ ея царствованія нѣкоторыхъ ограничительныхъ въ отношеніи ихъ узаконеній, не встрѣчается слѣдовъ, чтобы государыня имѣла мысль учредить въ своей державѣ изъ евреевъ особый, приниженный, классъ людей и лишить ихъ права повсемѣстнаго въ имперіи жительства. Къ сожалѣнію, государственные дѣятели того времени не стояли на высотѣ политическихъ принциповъ этой монархини. Они не были въ состояніи достаточно усвоить себѣ идеи равенства въ правахъ и свободахъ исповѣданій, особенно по отношенію къ евреямъ, на которыхъ лежала печать многовѣковаго польскаго гнета. Поэтому они поставили себѣ какъ-бы за правило руководствоваться, относительно евреевъ, не законодательными предначертаніями императрицы, но собственными взглядами и воззрѣніями на нихъ, а также порядками, какіе были установлены въ этомъ отношеніи при польскомъ владычествѣ. Это и было причиною, почему подъ конецъ царствованія Екатерины II появились нѣкоторыя ограничительныя мѣры въ отношеніи гражданскихъ правъ евреевъ въ Россіи. Но ограниченія въ правахъ тѣхъ или другихъ народностей въ государствѣ, замѣчаетъ г. Градовскій, не оправдываются ничѣмъ, ибо «благосостояніе каждаго изъ подданныхъ государства имѣетъ тѣсную и неразрывную связь съ

* Тамъ же, т. XXIII, № 16188.

благосостояніемъ всего его народонаселенія, причеиъ съ точки зрѣнія государственной пользы, а также въ интересахъ правосудія и справедливости, ограниченію правъ, какъ мѣрѣ карательнаго свойства, могутъ подвергаться не классы жителей, но лишь отдѣльныя между ними личности за личную и вполнѣ констатированную вину». По мѣткому выраженію г. Градовскаго, вслѣдствіе игнорированія властями того времени принциповъ Екатерины II, явились, какъ замѣчено выше, «Русь съ евреями и Русь безъ евреевъ».

Нецѣлесообразность этихъ мѣръ объясняется слѣдующими соображеніями, основанными на документальныхъ данныхъ. Органы русской администраціи, вступивъ въ управленіе Вѣлорусскимъ краемъ и не вникая въ настоящія причины явленій, приписывали общественную обособленность евреевъ исключительно упорству ихъ въ ней среди христіанъ. Но это явленіе было, несомнѣнно, послѣдствіемъ рутинныхъ порядковъ, введенныхъ польскимъ правительствомъ и принятыхъ—русскимъ. Служа четыре года по присоединеніи къ Россіи Вѣлорусскаго края, по произвольной инициативѣ графа Чернышева явилась первая ограничительная по отношенію къ евреямъ мѣра, которою проведена была рѣзкая черта различія въ правахъ между ними и ихъ единовѣрцами, принявшими христіанство (указъ 17 октября 1776 года), чѣмъ положено было начало тому положенію, что все то, что въ законѣ еврею не дозволено—запрещено. Это потому, что сенатъ въ данное время, до учрежденія государственнаго совѣта и министерствъ, имѣлъ полную возможность проводить по дѣламъ высшаго государственнаго управленія свои взгляды и осуществлять всякаго рода мѣры, безъ участія въ томъ законодательной власти, не имѣвшей еще тогда правильно-устроенныхъ совѣщательныхъ органовъ. Вотъ причины, по которымъ сплошь и рядомъ встрѣчаются въ сенатскихъ указахъ того времени постановленія и мѣры, идущія въ разрѣзъ съ верховными предначертаніями Екатерины II или общими законами. Къ числу такихъ мѣръ принадлежать именно указы отъ 17 октября 1776 и 7 мая 1786 года. Въ нихъ заключается явное противорѣчіе съ верховными повелѣніями императрицы относительно уравниванія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными,—повелѣніями, направленными къ многостороннему развитію какъ матеріальнаго благосостоянія, такъ равно умственнаго и нравственнаго совершенствованія населенія. Это подтверждается въ полной мѣрѣ и приведенныхъ выше повелѣніемъ, объявленнымъ сенату генераль-прокуроромъ, о примѣненіи «къ людямъ еврейскаго закона, какъ вошедшимъ уже на осно-

ваніи указовъ ея величества въ состояніе равное съ другими, правила, ея величествомъ уставовленнаго, что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона и народа». Мѣры къ ограниченію сенатомъ правъ евреевъ, очевидно, противорѣчатъ также какъ именному указу отъ 4 февраля 1785 года, разрѣшавшему всѣмъ Россійскимъ вольнымъ людямъ «безъ различія народа и закона» право записки въ городахъ Рижской и Ревальской губерній, такъ равно и точной силѣ манифеста отъ 17 апрѣля 1775 года о повсемѣстномъ жительствѣ всѣхъ подданныхъ въ имперіи, при чемъ не сдѣлано было никакого исключенія для евреевъ.

Итакъ отступленія тогдашняго сената отъ указанныхъ императрицею началъ и были причиною отрипанія за евреями права повсемѣстнаго въ Россіи жительства и тѣхъ ограничительныхъ мѣръ, которыми они вносили въ дѣло стали подвергаться въ порядкѣ законодательномъ и изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, образовалось особое о нихъ законодательство, хотя каждый еврей въ тиши постоянно твердилъ мировое римское изреченіе: «я человекъ и ничто человѣческое не считаю для себя чуждымъ»...

Но взгляды сената при Екатеринѣ II на евреевъ несостоятельны еще и потому, что ими, по вѣрному замѣчанію г. Градовскаго, проводились въ жизнь рѣзкія черты отличія не только въ гражданскомъ, но какъ бы и въ политическомъ бытѣ образующихъ Россію странъ и областей,—что знаки преимущественной заботливости объ однихъ изъ нихъ могутъ давать другимъ поводъ смотрѣть на себя, какъ на страны и области, не признаваемые русскими, а слѣдовательно—для Россіи, нѣкоторыхъ образомъ, чуждыми, между тѣмъ, какъ всѣ воссоединившіяся съ Россіею, на западѣ и югѣ, земли составляли достойніе древней Руси. Кромѣ того, допущеніе, въ какихъ бы-то ни было отношеніяхъ, отличій между странами и областями, образующими русскую державу, отнюдь не соотвѣтствуетъ принципамъ ея единодержавія, въ силу которыхъ всѣ соединенныя подъ ея скипетромъ части Россіи, какъ общей для всѣхъ ея подданныхъ родины, какого бы они происхожденія и закона вѣры не были, должны составлять *единую и нераздѣльную Русь*, все народонаселеніе которой, въ видахъ общаго блага государства, должно пользоваться одинаковою степенью правомѣрности и гражданского благосостоянія, безъ различія областей и населяющихъ ихъ племенъ и народностей. Слѣдовательно: локализациа евреевъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, заканчиваетъ свою мысль г. Градовскій, не оправдывается понятіемъ о *единствѣ государства*, составляющемъ

въ каждой странѣ, имѣющей самостоятельный политическій бытъ, главное условіе его силы, крѣпости и могущества.

Такъ именно и смотрѣла на этотъ вопросъ Екатерина Великая. Это ясно видно въ слѣдующихъ словъ, содержащихся въ текстѣ плаката, оповѣщающаго о воссоединеніи съ Россією Вѣлорускаго края: «отнынѣ и навсегда имѣютъ присоединенныя отъ Польши мѣста и земли состоятъ подъ скипетромъ Россійской имперіи, жители же оныхъ земель какого бы рода и званія ни были, въ подданствѣ онаго» и «что всемілостивѣйшая государыня изволить... совершенно ихъ подъ державою своею *установляя*, всѣхъ и каждого награждать, еще отнынѣ, въ полной мѣрѣ и *безъ всякаго изъятія*, всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе ея подданные пользуются, такъ что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ, съ самаго сего дня, во всѣ свойственныя выгоды, *по всему пространству имперіи*».

Ясно, что при Екатеринѣ Великой признано было, что не слѣдуетъ вовсе придерживаться по отношенію къ евреямъ прежнихъ ограничительныхъ польскихъ законовъ. Это начало систематически проведено было во всемъ законодательствѣ этой мудрой монархини о евреяхъ; отступленія отъ него мы видимъ только въ самое послѣднее время ея царствованія. На это измѣнившееся направленіе въ ходѣ нашего законодательства о евреяхъ, несомнѣнно, изподтишка дѣйствовали какъ религіозныя тенденціи, такъ и наускиванія о вредоносности этого племени, въ особенности для сельскаго населенія, причемъ, надо думать, польское вліяніе навѣрное имѣло большое значеніе.

Какъ прежде, такъ и теперь, недоброжелатели евреевъ указываютъ на алчность ихъ къ наживѣ и денежному обогащенію, какъ на главный поводъ къ ограниченію ихъ въ общечеловѣческихъ правахъ. Но забываютъ, говоритъ г. Градовскій, что евреи были поставлены въ невозможность, для поддержанія своего существованія, заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ торговыхъ и денежныхъ дѣлъ. При всемъ томъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ о евреяхъ и ихъ бытѣ, оказывается, что народная ихъ масса до крайности бѣдствуетъ и что благосостояніе лицъ сельскаго состоянія въ Вѣлоруссіи и другихъ центрахъ еврейскаго населенія, въ западномъ краѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, не пришло въ упадокъ и находится въ лучшемъ даже положеніи, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ еврей вовсе нѣтъ. Поэтому, присовокупляетъ г. Градовскій, нельзя не прійти къ заключенію, что обычай (не вѣрнѣе ли—привычка) поголовнаго обвиненія евреевъ въ употребленіи какихъ либо

особыхъ средствъ къ эксплуатаціи окружающаго населенія, всегда былъ основанъ скорѣе на предубѣжденіяхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ фактахъ. И далѣе: «Едва-ли можно отрицать, что страсть къ наживѣ и обогащенію не составляетъ отличительной черты еврейскаго племени; но такой порокъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ же признаваться поводомъ къ ограниченію гражданскихъ правъ того или другаго класса населенія. Къ этому можно прибавить одинъ вопросъ: откажется-ли хоть какой либо купецъ, даже изъ пуританъ, отъ наживы? Да и на русской почвѣ вѣдь выросла поговорка: «не обманешь, не продашь»...

Итакъ, только своеобразные взгляды государственныхъ дѣятелей прежняго времени на евреевъ и привели къ тому, что подъ конецъ царствованія императрицы Екатерины II появился именный указъ отъ 23 декабря 1791 года, коимъ право ихъ на повсемѣстное въ имперіи жительство было ограничено.

Но прежде чѣмъ приступить къ внимательному разсмотрѣнію сущности этого указа, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что стремленіе къ ограниченію правъ евреевъ въ Россіи должно считаться наслѣдіемъ прежнихъ польскихъ порядковъ. Въ разныхъ учрежденіяхъ этихъ областей дѣйствовали чиновники польскаго происхожденія, не могшіе отрѣшиться отъ своихъ традиціонныхъ понятій о евреяхъ, вслѣдствіе чего предначертанія Екатерины Великой не могли осуществиться въ полномъ ихъ объемѣ. Равноправіе *жида* съ прочимъ населеніемъ какъ-то дико звучало въ ихъ ухахъ... Потому-что въ этомъ *жидѣ* они, по привычкѣ, видѣли только своего раба. Само-собою разумѣется, что прошедшая тьма не могла въ ихъ понятіяхъ разсѣяться; она плохо вязалась съ идеями гуманности и справедливости наступившаго новаго, лучшаго для прежнихъ польскихъ евреевъ времени, новаго строя жизни. Вотъ причина, почему въ новыхъ русскихъ областяхъ польскаго происхожденія чиновники продолжали враждебно относиться къ человѣческимъ нравамъ евреевъ, ставшихъ подданными русской державы. Они думали, что евреи, по прежнему, должны нести общія обязанности, но не должны имѣть общихъ правъ. Словомъ: они стремились къ «нѣравнѣ», которыя всегда были несчастіемъ для евреевъ,—стремились къ тому, чтобы создать для нихъ «черту осѣдлости», хотя-бы въ ней и задохлось еврейство, хотя чрезъ это во многихъ отношеніяхъ были-бы стѣснены и русскіе люди... Всѣ эти стремленія и нѣры, очень можетъ быть, не были чужды и политической подкладкѣ, потому-что нѣлось въ виду укоренить понятіе объ отсутствіи *единой* и *нераздѣльной Руси*, укоренить въ массѣ еврейскаго населенія къ новому своему отечеству ненависть и вражду...

Г. Градовскій подробно разсматриваетъ сущность упомянутого именнаго указа отъ 23 декабря 1791 года, имѣвшаго роковое для евреевъ значеніе и озаглавленнаго такъ: «о предоставленіи евреямъ правъ гражданства въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области». Судя по этому заглавію, говорить онъ, можно заключить, что принятымъ и единственнымъ предметомъ этого законодательнаго акта было дарованіе евреямъ, жившимъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и области Таврической правъ русскаго гражданства, подобно тому, какъ такія-же права были даны, прежде, евреямъ въ Бѣлоруссіи. Но къ этому указу прибавлено вступленіе, не имѣющее, по видимому, ничего общаго съ содержаніемъ его, а именно слѣдующее: «разсматривая, съ одной стороны, подавныя намъ прошенія отъ евреевъ касательно незаписки ихъ въ Смоленское и Московское кучечество, а съ другой—представленныя княземъ Прозоровскимъ обстоятельства, до сего же случая относящіяся, и *сообразяя все это съ законами (?)*, находивъ, что евреи не имѣютъ права записываться въ кучечество во внутренніе Россійскіе города и порты, а только по *указамъ нашимъ* дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи». Послѣ этого слѣдуетъ повелѣніе императрицы о дарованіи такіхъ-же правъ гражданства евреямъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и области Таврической *. Но сдѣланная въ указѣ этомъ ссылка на законы, послѣдними, какъ мы видѣли выше, вовсе не оправдывается. Слѣдовательно: идея локализациі евреевъ въ Россіи путемъ установленія «черты осѣдлости» ихъ, вводящей исключительный порядокъ вещей по отношенію къ правамъ и выгодамъ не однихъ евреевъ, но и остальнаго въ имперіи населенія—не есть, по справедливому замѣчанію г. Градовскаго, продуктъ ни генія императрицы Екатерины Великой, ни духа и разума законодательныхъ начертаній историко-національной русской политики, всегда стремившейся къ единству русскаго государства, безъ различія образующихъ его странъ и областей, а—продуктъ образа дѣйствія властей того времени, не отдававшихъ себѣ яснаго отчета о невыгодности для государства подобной мѣры по отношенію къ евреямъ, вслѣдствіе скопленія ихъ массъ въ извѣстныхъ его мѣстностяхъ, ибо такое скопленіе должно было неминуемо повести къ преимущественному отягощенію послѣднихъ чрезмѣрнымъ числомъ людей торговаго и промышленнаго класса.

Присутствіе посторонней силы, способствовавшей къ постепенному отя-

* П. С. З., т. XXIII, № 17006.

гощенію евреевъ налогами, какъ это было въ Польшѣ, видно и въ томъ, что, вопреки прежнимъ указамъ, въ силу которыхъ евреи пользовались одинаковыми выгодами въ правахъ гражданскаго состоянія съ прочими подданными, 23-го іюня 1794 года изданъ былъ указъ «о сборѣ съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и кунечество, установленныхъ податей *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій» *. Нечего говорить о томъ, что обложеніе евреевъ *поголовно* двойнымъ окладомъ податей ввергло ихъ въ страшную бѣдность и нищету; оно способствовало и деморализаціи этого населенія, — деморализаціи, принесшей государству не пользу, а существенный вредъ. Не менѣе вреда, доказываетъ г. Градовскій, причинилъ также именныи указъ отъ 3 мая 1795 года о сосредоточеніи всей массы еврейскаго населенія—въ городамъ; ибо выселеніе его изъ селъ и деревень повлекло за собою въ полной мѣрѣ пролетаріатъ, отразившійся чрезвычайно вредно на нравственномъ и экономическомъ бытѣ всего, вообще, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, населенія.

Именнымъ указомъ императрицы Екатерины II отъ 7 сентября 1794 года, еврейское кунечество, по предмету отбыванія рекрутской повинности, было уравнено съ купечествомъ христіанскихъ исповѣданій на основаніи указа отъ 3 мая 1783 года, въ силу котораго для лицъ купческаго званія отправленіе рекрутской повинности натурою замѣнено было денежною повинностью въ размѣрѣ 500 руб. за каждаго рекрута. Но сенатъ смотрѣлъ на эту мѣру въ отношеніи купцовъ-евреевъ не какъ на льготу, дарованную послѣднимъ въ равной мѣрѣ съ купцами изъ христіанъ, а какъ на признаніе евреевъ неспособными къ военной службѣ. Поэтому онъ вскорѣ затѣмъ (21 января 1796 года) собственною властью распространилъ денежную рекрутскую повинность, въ означенномъ выше размѣрѣ, и на евреевъ-мѣщанъ **. Такимъ образомъ, все еврейское населеніе, независимо отъ платежа поголовно двойного оклада податей, отягощено было еще непомѣрной денежною рекрутскою повинностью.

Все изложенное указываетъ на то, что въ концѣ царствованія Екатерины II наступила въ вопросѣ о русскихъ евреяхъ полная реакція, при чемъ для нихъ наметчена была будущая «черта осѣдлости», вопреки про-

* Эта мѣра просуществовала у насъ до изданія Положенія о евреяхъ 1835 года.

** П. С. З., т. XXIII, № 17432.

Восходъ, кн. 7.

возглашенной въ принципѣ за всѣми подданными государства равноправности, «что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа, по всему простраству имперіи».

Достоинно вниманія, что съ введеніемъ городского положенія Екатерининское законодательство перестало употреблять слово *жидъ*: за рѣдкими исключеніями входитъ сюда въ употребленіе слово *еврей*. Въ силу того-же положенія еврейскіе дано право записываться въ купцы и мѣщане и занимать судейскія и другія должности въ магистратахъ, ратушахъ и городскихъ думахъ. По дѣламъ культа имъ предоставлено было судиться «на прежнемъ основаніи въ уѣздныхъ и губернскихъ кагалахъ», служившихъ и органами раскладки и взиманія податей и повинностей.

Вообще на судьбѣ евреевъ екатерининской эпохи, по замѣчанію г. Градовскаго, въ полной мѣрѣ отразилась непримиримость элементовъ племенно-религіознаго и экономическаго. Именно: государственные интересы со стороны экономической требовали признанія за евреями правъ гражданства, и въ этомъ отношеніи они несли государственные налоги и повинности даже въ большинствѣ размѣрѣ, чѣмъ послѣдователи другихъ исповѣданій; религіозная-же нетерпимость побудила правительство прибѣгнуть къ исключительнымъ противъ евреевъ мѣрамъ, — къ установленію «чорты осѣдлости», оставляя за ними общинное самоуправленіе (кагалы) въ томъ видѣ и обемѣ, какъ оно существовало въ Польшѣ *. Правительство старалось сохранить это стародавнее учрежденіе, главнымъ образомъ, потому, что оно служило надежнымъ средствомъ къ полученію повинностей и двойной подати въ установленные сроки.

Закончивъ эту статью словами знаменитаго Грановскаго: «два тысячелѣтія тяжкихъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую евреевъ отъ человѣчества», но—прибавимъ мы—не изгладили «чорты осѣдлости»...

Въ слѣдующей статьѣ мы приступимъ къ обзору мѣръ и постановленій о русскихъ евреяхъ въ царствованія Павла I и Александра Благословеннаго. Этими царствованіями и заканчивается первая часть труда г. Градовскаго.

П. Лякубъ.

(Продолженіе будетъ).

* Кагалы упразднены были въ 1844 году.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

I.

Депутатъ австрійскаго рейхстага объ антисемитизмѣ.

Рѣдко литературному произведенію удастся возбудить столько интереса и толковъ въ Галиціи, сколько вызвалъ его недавно появившійся въ печати трудъ Станислава Пшенановскаго, депутата австрійскаго рейхстага и галиційскаго ландтага. Нужно быть знакомымъ съ нашимъ жизненнымъ укладомъ, нужно имѣть въ виду, что у насъ даже ежедневныя литературныя и публицистическія изданія, не говоря уже о книгахъ и брошюрахъ, весьма рѣдко приобретаютъ себѣ кругъ читателей максимумъ въ 3000 лицъ, чтобы сужить оцѣнить по достоинству то явленіе, что едва въ двѣ недѣли брошюра г. Пшенановскаго, носящая названіе «Das Elend Galiziens in Ziffern», разошлась почти въ 25000 экземплярахъ и, заключаая въ себѣ какихъ нибудь 200 страницъ, представляетъ тѣмъ не менѣе цѣлое литературное событіе; толки о ней не сходятъ со столбцовъ нашихъ періодическихъ изданій.

Прежде чѣмъ приступить къ обстоятельной оцѣнкѣ значенія названнаго сочиненія для такъ называемаго еврейскаго вопроса, считаю нужнымъ остановиться на той части его, которая специально трактуетъ объ *антисемитизмѣ*. Интересъ этого отдѣла—не столько въ новизнѣ положеній или выводовъ автора, сколько въ теплотѣ и убѣдительности, которыми дышетъ каждая фраза, неподражаемой строгости доказательствъ, научно-статистической, объективной выработкѣ взглядовъ и, наконецъ, и въ видномъ общественномъ положеніи самаго автора.

Господинъ Пшенановскій не литераторъ по профессіи и, пожалуй, полный не можетъ быть названъ и общественнымъ дѣятелемъ по профессіи; но онъ принадлежитъ къ числу самыхъ энергическихъ людей страны, въ

которой, проживъ здѣсь всего нѣсколько лѣтъ, успѣлъ составить себѣ не малую извѣстность; онъ принадлежитъ къ числу немногихъ представителей крупной промышленности въ Галиціи и, прилагая большія старанія къ развитію мѣстной нефтяной промышленности, сумѣлъ приобрести у насъ всеобщее уваженіе.

Приступаю къ изложенію взглядовъ нашего автора на антисемитизмъ, которые мы находимъ въ отдѣлѣ его книги, озаглавленномъ: «о ложныхъ экономическихъ понятіяхъ въ Галиціи» (стр. 118—137).

«Что касается антисемитизма—говорить авторъ—то онъ представляетъ собой знаменательный симптомъ той эпохи возврата къ варварству, которая съ легкой руки нѣмцевъ получаетъ нынѣ право гражданства повсюду: антисемитизмъ—это часть той нравственной чумы, зараза которой распространяется изъ Германіи по всему міру. Вездѣ на западѣ евреи составляютъ всего незначительную дробь общаго населенія, между тѣмъ какъ на пространныхъ прежней Польши ихъ до 4 мил., а въ одной Галиціи число ихъ доходитъ до 700,000 душъ на общій контингентъ въ 6 милліоновъ. Одно простое сопоставленіе цифръ выдвигаетъ—по моему мнѣнію—на первый планъ тотъ приемъ изученія вопроса, который заключается въ изслѣдованіи степени полезности многочисленнаго и мощнаго еврейскаго элемента и его органической роли въ общей суммѣ національныхъ силъ страны. А между тѣмъ у насъ относительно этого вопроса существуютъ самыя узкія и превратныя понятія, въ которыхъ и заключается главное препятствіе къ объективной постановкѣ дѣла.

«Виноваты въ томъ обѣ стороны. Христіане не проявляютъ въ достаточной мѣрѣ той общественной терпимости, которую, напримѣръ, евреи даже въ Германіи пользуются среди просвѣщенныхъ классовъ этой страны уже цѣлое столѣтіе, не говоря уже о Франціи и Англіи. Со стороны-же галиційскихъ евреевъ не замѣтно достаточно стремленіе къ усвоенію себѣ языка и литературы страны, хотя все таки нельзя не признать, что за послѣднія десятилѣтія евреи, хотя и медленно, но начинаютъ выказывать несомнѣнную склонность къ ассимиляціи съ кореннымъ населеніемъ.

«Приступая къ обзорѣнію социальной картины нашего края съ точки зрѣнія еврейскаго вопроса, мы видимъ, что на общемъ базисѣ пятимилліоннаго контингента крестьянскаго и рабочаго населенія съ годовымъ доходомъ въ 177 мил. гульденовъ остальные классы, считая христіанъ и евреевъ отдѣльно, распределяются слѣдующимъ образомъ:

Х р и с т і а н е .	Число душъ съ семейств.	Доходъ въ миллионнахъ.	Е в р е и .	Число душъ съ семейств.	Доходъ въ миллионнахъ.
Поземельные собствен.	18,000	9	Поземельн. собств.	2,000	1
Духовенство и лица занимающ. обществ. или государст. должн.	200,000	34	—	—	—
Независимый интеллигентный классъ	25,000	5	Интеллиг. классъ	5,000	1
Торговый классъ	62,000	8	Торгов. классъ	188,000	22
Промышл. классъ	120,000	12	Промышл. классъ	180,000	18
Собственники домовъ и рентьеры	30,000	4	Собств. домовъ	70,000	8
—	—	—	Ремесленн.	150,000	10
—	—	—	Арендаторы, земледѣльцы, и проч.	92,000	9
Итого	455,000	72	Итого	686,000	69

«Изъ этой таблицы усматриваемъ, что въ Галиціи надъ базисомъ народной массы возвышается среднее сословіе, состоящее изъ двухъ неравныхъ частей: бѣльшей еврейской и меньшей по числу—христіанской, но рядомъ съ этимъ ясно, что христіанскій средній классъ—включая и интеллигенцію—заслуживаетъ еврейскаго: *средній годовоі доходи христіанина—160 тысячъ, средній доходи еврея—всего 100 тысячъ*, а на долю христіанскаго средняго класса въ совокупности, при значительно меньшей численности его, въ общемъ выпадаетъ сравнительно гораздо бѣльшій валовой доходи; каждодневныя непосредственныя наблюденія надъ *огромнымъ количествомъ евреевъ-пролетаріевъ* могутъ служить достаточной проверкой полученныхъ выводовъ. Изъ вышеприведенной таблицы можно извлечь еще одно интересное положеніе: исключимъ изъ счета значительныхъ поземельныхъ собственниковъ—тогда очевидно станеть, что въ то время какъ бѣльшая часть общаго доходи средняго класса падаетъ у христіанъ на категорию служебнаго сословія, у евреевъ она приходится на долю социальнаго производительныхъ разрядовъ торговцевъ и ремесленниковъ.

«Обративъ вниманіе на однѣ среднія числа, рѣшительно придется отрицать то превосходство еврейскаго богатства, о которомъ такъ много вездѣ говорится: *доходи въ 69 м. тысячъ на 686,000 душъ прежде всего не бѣльше, какъ нищенскій доходи и ужь во всякомъ*

случаѣ здѣсь трудно почерпнуть доказательство тому, что евреи будто-бы выдаются большею производительною силой или спеціальною способностью къ открытію новыхъ источниковъ народнаго богатства: жителей города Вѣны (безъ предмѣстій) почти столько же по числу, а они получаютъ ежегодно до 60 милл. одного дохода отъ отдачи въ наемъ помѣщеній, значить, почти столько же, сколько все еврейское населеніе Галиціи. По отношенію къ богатству наше еврейское бюргерство стоитъ, слѣдовательно, далеко ниже нѣмецкаго. Съ этой точки зрѣнія—говорить авторъ—я рѣшительно не вижу, чтò могло бы насъ пугать и чтò въ будущемъ грозило-бы нарушить социальное равновѣсіе какими-нибудь радикальнымъ переворотомъ.

«Несомнѣнное превосходство болѣе бѣднаго еврейскаго населенія надъ болѣе богатымъ христіанскимъ слѣдуетъ искать совсѣмъ въ другомъ. Большинство евреевъ принадлежитъ къ тѣмъ слоямъ общества, которые живутъ отъ ежедневнаго перенапряженія силъ и ежедневнаго заработка, а значительнѣйшая часть этого контингента не имѣетъ ни малѣйшаго обезпеченія своего существованія, она часто падаетъ въ пропасть полного разоренія и безысходной нищеты, здѣь можетъ быть окончательно задушена въ какія-нибудь нѣсколько недѣль случайныхъ неудачъ. Подъ вліяніемъ этого ужасающаго сознанія неизбежно разыгрывается какая-то особенная живучесть, какая-то почти страшная борьба за существованіе, вѣчная забота о ближайшемъ часѣ, а это все ведетъ къ тому, что подавляющее большинство евреевъ не только приобрѣтаетъ, но кромѣ того еще ухищрается при скуднѣйшей выручкѣ и *сберезать*. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ у нашихъ христіанъ: значительнѣйшая часть ихъ имѣетъ на половину обезпеченное существованіе. Это настолько-же вѣрно по отношенію къ занимающемуся земледѣліемъ крестьянину, какъ и относительно, болѣею частью обладающаго землею, дворянина и достаточно вознаграждаемаго чиновника. Но всѣ эти классы не сберегаютъ. Крестьянинъ потому, что у него ничего не остается, чиновникъ, дворянинъ—потому, что они живутъ не по средствамъ. Къ этому нельзя не прибавить, что крупные поземельные собственники только въ рѣдкихъ случаяхъ соразмѣряютъ свои расходы съ доходами, а по большей части—въ достаточной степени безсовѣстно—спускаютъ по частямъ годъ за годомъ все свое имущество. Развѣ только какая-нибудь дробь христіанскаго средняго класса живетъ у насъ разумно, развѣ только тѣ послѣд-

нія категорій нашей таблицы, которыя обладаютъ въ совокупности годовымъ доходомъ въ 29 м. гульденовъ.

«Ясно теперь, что всѣ евреи при 69 м. гульд. дохода гораздо болѣе берегаютъ, чѣмъ берегающая часть христіанъ при своихъ 29 м. Если принять за знаменатель сбереженія $\frac{1}{10}$ общаго дохода, тогда окажется, что христіане берегаютъ ежегодно 3 м., тогда какъ евреи—до 7 м., т. е. на 4 м. болѣе*.

«И только этииъ незначительныйиъ избыткомъ въ 4 м. гульд. ежегодно, капитализированныиъ и пущенныйиъ въ оборотъ, должно бытъ объяснено—помимо всякихъ другихъ само собою падающихъ соображеній—превосходство еврейскаго капитала надъ христіанскимъ; и дѣйствительно, за послѣднія 25 лѣтъ ежегодное сбереженіе въ 4 м. должно было образовать капиталъ въ 100 мил. гульд., сумму, которой одной вполне достаточно для уясненія себѣ развитія общаго еврейскаго богатства за этотъ періодъ. Эти 100 мил. болѣе чѣмъ достаточно покрываютъ цѣнность всѣхъ имѣній, домовъ и фабрикъ, которые приобрѣтены за это время евреями отъ христіанъ, точно также какъ остальныхъ 3 мил. гульд. еврейскаго ежегоднаго сбереженія вполне достаточно, чтобы объяснить возникновеніе еврейскихъ мѣстечекъ и еврейской торговли.

---

* Предположенія автора въ этомъ мѣстѣ нѣсколько произвольны, въ сущности вовсе не необходимы да и не согласуются съ его прочими обобщеніями. Изъ 700.000 евреевъ Галиція по крайней мѣрѣ 300.000 составляютъ тотъ *minimum*, который *едва-едва* вырабатываетъ свое дневное пропитаніе и никакимъ образомъ не въ состояніи хоть что нибудь откладывать. Если примемъ число этихъ нуждающихся въ 300.000 (а это скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ много) и если допустить поголовный размѣръ дневнаго заработка въ 50 кр., тогда получимъ годовой доходъ въ 15 м. гульденовъ, отъ котораго во всякомъ случаѣ ничего не берегается. Изъ общаго дохода слѣдуетъ отсчитать, такимъ образомъ, 15 мил. и за базисъ вычисленія сбереженій принять не 69 м. а только 54 м. Съ другой стороны, вслѣдствіе полнаго устраненія авторомъ изъ счета значительнаго класса духовенства, чиновниковъ и т. д. съ доходомъ въ 84 м., въ общій видъ картины сбереженія тоже внесена погрѣшность. Не преувеличивая, слѣдуетъ принять, что по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ упомянутаго класса должна быть отнесена къ берегающимъ. Въ такомъ случаѣ въ основаніе расчета суммы, берегаемой христіанами, слѣдуетъ положить не приведенную въ текстѣ цифру 29 м. гульд., а 36 мил. (на пятую часть 34 мил. болѣе). По введеніи этихъ поправокъ окажется, что гораздо вѣрнѣе считать сумму, берегаемую христіанами, въ 3 $\frac{1}{2}$ м. гульд., а евреями—въ 5 $\frac{1}{2}$ м. т. е. не на 2 м. гульд., а не на 4 м. болѣе, хотя *фактически* и это еще слишкомъ много.

«Итакъ вовсе не нужно предполагать распространенія среди евреевъ разныхъ нечистоплотныхъ гешефтовъ, въ которыхъ нѣтъ огульно упрекають, для объясненія сравнительно большаго накопленія капитала въ рукахъ нашихъ еврейскихъ согражданъ. Вѣльшее стремленіе къ сбереженію еврея — вотъ та главная экономическая причина, которая точно также несомнѣнно привела-бы къ тѣмъ-же результатамъ, еслибъ двѣ національности, о которыхъ идетъ рѣчь, были-бы и одинаковаго происхожденія и религіи. И безъ семитической расы и безъ іудейской религіи при тѣхъ-же условіяхъ всегда развился-бы тотъ-же экономическій процессъ, т. е. процессъ перемѣщенія собственности изъ рукъ несберегающаго класса въ руки сберегающаго.

«Во всей этой картинѣ — продолжаетъ г-нъ Пшепановскій — я ничего сверхъестественнаго и ужасающаго не вижу, развѣ только нашу собственную безграничную и беспочвенную безпомощность. Ибо какимъ это образомъ въ странѣ, имѣющей до 6 мил. жителей, какихъ нибудь 4 мил. еврейскихъ сбереженій вдругъ разрослись до размѣра серьезной угрозы существующему строю вещей? Если-бы не наша собственная поразительная безпомощность, я бы никогда не вздумалъ выставять еврея, какъ образецъ дѣловитости и ловкости, за который принято его у насъ считать. Ибо если уже 7 мил. сбереженія 700.000-ной массы должны указывать на особыя промышленныя и торговыя способности, то чѣмъ-бы пришлось считать французовъ и англичанъ, которые ежегодно сберегаютъ среднимъ числомъ по 100 гульд. каждый! Судьбѣ населенія въ 5½ мил., имѣющаго въ своихъ рукахъ все: всю землю, все управленіе, всѣ должности угрожаетъ опасность оттого, что евреи сберегаютъ 7 мил. гулд.! Если это дѣйствительно такъ, то мы лучшаго и не стоимъ. Если-бы имѣли дѣло не съ нашими евреями, а съ дѣйствительно дѣловитыми, энергичными и сжательными народами, пусть въ нашу среду 700.000 какихъ нибудь шотландцевъ или янки, тогда, значить, мы уже давно были-бы проглочены живьемъ.

«И вѣсто того, чтобы искать причину въ собственной безпомощности и легкомысліи, неужели въ самомъ дѣлѣ намъ лучше отказаться отъ всякаго уваженія къ человѣческимъ и божескимъ законамъ? Вѣсто евангелія права, справедливости, труда, неужели провозгласить евангеліе расовой вражды, нетерпимости и законнаго грабежа! Пожертвовать принципами, которые нами руководили въ гораздо менѣе цивилизованныя эпохи, чѣмъ нынѣ, для безчеловѣчности и жестокости! Только вслѣдствіе полнаго недостатка всякаго экономическаго образованія мы постоянно поработены внушеніями

нашихъ предрасудковъ и нужды, и вотъ такимъ образомъ мы обратили зависящее отъ насъ еврейство въ козла отпущенія за наши несчастія и слабость, и едва замѣчаемъ, что причины тому слѣдуетъ искать гораздо глубже.

«Цифры освободили насъ отъ томленія превосходствомъ евреевъ; разсмотрижь же теперь объективнѣе хорошія и дурныя стороны этого слоя населенія. Но прежде нѣсколько словъ о пресловутыхъ теоріяхъ, которыя во всеоружіи незрѣлой эрудиціи оправдываютъ расовую вражду, о тѣхъ христіански-германскихъ теоріяхъ, которыми евреи, въ качествѣ племени номадовъ, громко объявляются неспособными воспріять европейскую цивилизацію и возвыситься до нравственной высоты тѣхъ христіанъ-германцевъ, которые за послѣдніе годы проявили столько доказательствъ истинно христіанской любви къ людямъ вообще, въ особенности-же къ славянамъ (изгнаніе, германизация). Въ сопоставленіи съ оными теоріями не характерно-ли, что Ренанъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ семитизма, въ своей «Исторіи израильскаго племени» именно патриархально-скитальческому образу жизни приписываетъ то обстоятельство, что евреи впервые ступили на тотъ путь религіознаго развитія, который, начавшись ученіемъ великихъ пророковъ, черезъ 8 столѣтій выдѣлился въ форму ученія той религіи, безъ которой нынѣ германцы лишены были бы возможности свои дѣла христіанской любви украшать мантией христіанства!

«Впрочемъ, что касается вліянія семитической крови на способность къ нечистоплотной торговлѣ и запрещеннымъ денежнымъ сдѣлкамъ, то весьма любопытно, что арабы, которые на столько же чистые семиты, вездѣ почитаются за особо благородное племя, въ то время, какъ ближайшіе ихъ родичамъ отказываютъ въ малѣйшей способности къ самой заурядной честности. Совершенно однородныя торговля и денежные дѣла, которые интересуютъ семита-еврея, въ другихъ странахъ находятъ въ рукахъ арійца-армянина. Въ Ост-Индіи ту же роль играютъ парсы, отпрыски древнихъ персовъ. Въ жилахъ пресловутыхъ своимъ ростовщичествомъ римскихъ патриціевъ ужъ навѣрно не текла семитическая кровь. По собственнымъ наблюденіямъ мнѣ извѣстно, что въ южной Венгріи, въ нѣкоторыхъ румынскихъ мѣстечкахъ кулачествомъ занимаются арійскіе ближайшіе родственники христіанскихъ германцевъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы извѣстный Ло, который завелъ во Франціи въ 1770 биржевую спекуляцію и довелъ эту страну до перваго «краха», былъ бы семитомъ. Равнымъ образомъ и другой одновременный крахъ въ Англии,

извѣстный подъ названіемъ «мыльного пузыря Тихаго Окзана», произошелъ безъ всякаго содѣйствія семитовъ. Или, напр., новѣйшая эра кошеничества во Франціи, не была-ли она дѣломъ рукъ архи-католическаго господина Бонту и его товарищей, которые всѣ почти были чистокровными потоками крестоносцевъ?

«Въ области исторіи рѣшительно нельзя установить никакой специальной функціи семитовъ въ указанномъ направленіи. Вездѣ, гдѣ открывається легко приобретающій и легкомысленный классъ, его высасываетъ другой; возникновеніе этого другаго класса волюнѣ зависитъ отъ историческихъ и мѣстныхъ условий, но отнюдь не отъ рассы и религіи. Охота къ легкой наживѣ—общечеловѣческой а не семитической порокъ.

«Сравнительно съ другими, евреи значительно позже приступили къ денежнымъ сдѣлкамъ. Во времена независимости Палестины, подобнаго рода занятіе было имъ запрещено принципами моисеева закона. По разрушеніи Іерусалима, и долго послѣ разсѣянія, ничего не слыхать было объ еврейскихъ богатствахъ. Напротивъ того въ Римѣ они принадлежали къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Въ Римѣ патриціи далеко превосходили ихъ въ этомъ отношеніи, какъ нынѣ еще армяне и греки на востокѣ. Только послѣ великаго переселенія народовъ и разрушенія римской имперіи начинается финансовая карьера евреевъ. Въ Испаніи подъ владычествомъ Вестготовъ почти насильно—говоритъ Ренанъ—евреи были вынуждены заняться ростомъ. Каноническое право строжайше запрещало христіанамъ торговлю деньгами—и силою вещей евреи сдѣлались наслѣдниками финансовыхъ традицій римскаго патриціата. Точно также волюнѣ дѣло случая то обстоятельство, что евреи безъ малѣйшаго активнаго содѣйствія попали на слѣдъ своего позднѣйшаго могущества. И если каноническое право уже сдѣлало изъ нихъ банкировъ, то дальнѣйшіе кровавыя преслѣдованія видѣрили въ нихъ вкусъ къ космополитизму; а этотъ-то космополитизмъ, который былъ имъ тоже силою привить, и далъ имъ превосходство въ дѣловомъ мѣрѣ.

«Исторія насъ учитъ, что именно христіанскій мѣръ сдѣлалъ евреевъ такими, какими они нынѣ стали; кровавыя расправы и гоненія явились самымъ могущественнымъ факторомъ ихъ развитія. Теперь, когда насъ одолеваетъ страхъ при видѣ дѣла рукъ нашихъ, не забудемъ, что мы сами тысячу лѣтъ работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ еврея то, что мы въ немъ видимъ».

Рядомъ историческихъ примѣровъ авторъ далѣе доказываетъ, что характеръ народовъ мѣняется подъ влияніемъ условий жизни.

«По доктринѣ автисемитовъ люди—что животныя: одни, какъ муравьи и пчелы, обладаютъ искони врожденнымъ общественнымъ инстинктомъ, другіе, подобно волкамъ и тиграмъ,—разъ на всегда отчеканенной хищнической натурой. И какъ пчела пчелой, волкъ волкомъ остаются, такъ на вѣчныя времена славянинъ останется земледѣльцемъ, нѣмецъ мудрецомъ, а еврей неисправимымъ номадомъ. Это—дистиллированный фатализмъ; это—полное отрицаніе свободной воли и человѣческаго достоинства.

«Мы должны вооружиться глубокой вѣрой въ возможность измѣненія характера, чтобы почерпнуть надежду на будущее изъ той картины, съ которой насъ знакомитъ изученіе положенія еврейскаго населенія нашей страны. Положеніе евреевъ настолько-же отчаянное, какъ и состояніе нашего народнаго хозяйства. Существуетъ характерное соотвѣтствіе между пороками, которые мы видимъ въ евреѣ, съ тѣми, которые мы замѣчаемъ среди другихъ пластовъ населенія. Одни поощряютъ и порождаютъ другихъ. Какъ неразрывныя звенья одной цѣпи, дворянинъ-мать, горожанинъ-филистеръ, крестьянинъ-простакъ и еврей-ростовщикъ составляютъ необходимыя черты одной и той-же картины».

Если экономическое положеніе страны чрезвычайно печально, то еще въ большей степени печально положеніе еврейскаго элемента.

Авторъ подробнымъ разборомъ общаго состоянія края на основаніи статистическихъ данныхъ показавъ, что цѣнность труда галичанина среднимъ числомъ не превышаетъ болѣе одной четверти средняго труда европейскаго рабочаго, но что питаніе перваго равняется едва половинѣ питанія послѣдняго. «И если это приблизительно вѣрно относительно всѣхъ общественныхъ слоевъ Галиціи, то относительно евреевъ это несомнѣнно». Какъ и у иждивенныхъ христіанъ, у евреевъ также, въ склонности къ непроизводительной дѣятельности заключается ихъ господствующій порокъ. Къ этому присоединяется еще у тѣхъ и другихъ темное и превратное понятіе чести. Недостаткомъ здороваго народнаго образованія объясняется то, напримѣръ, что среди евреевъ какойнибудь нищій факторъ смотритъ сверху внизъ на ремесленника или рабочаго, который стократно полезнѣе его. Это—прекрасная копія той картины, которую представляютъ и христіане, изъ среды которыхъ каждый обладатель удобной синекуры смотритъ съ высоты своего величія и почти съ презрѣніемъ на того, кто вынужденъ зарабатывать насущный хлѣбъ въ потѣ лица своего. «И въ прочемъ еврейскій рабочій мало чѣмъ отличается отъ галичанина: онъ также небреженъ, невѣжественъ

даже въ томъ, что касается его дѣла, онъ также мало привыкъ держаться своего слова, какъ и христіанскій рабочій».

Но чѣмъ объяснить, что еврейское населеніе сравнительно все-таки болѣе развито, чѣмъ коренное галиційское? Авторъ находитъ отвѣтъ единственно въ мощной, внутренней автономной организаціи еврейства, въ кагалѣ, о которомъ распространяется столько басенъ и, къ сожалѣнію, укоренены совершенно невѣрные представленія. Забыта авторомъ ить самийъ выдвинутая на первый планъ бережливость евреевъ, которую, какъ мы видѣли, онъ же считалъ вполне достаточной для объясненія ихъ экономическихъ превосходствъ. Кагалъ, эта постоянно неправильно понимаемая и ненавистная организація, долженъ быть затронуть, чтобы разгадать всякую соціальную загадку. «Тепло-религіозная жизнь въ синагогахъ, филантропическія и воспитательныя учрежденія, судъ у собственныхъ раввиновъ, долговременными гоненіями развитая семейно-рассовая солидарность, страшная мощь всеобщаго отлученія, «херема» — все это вѣстѣ взятое и есть эмбрионъ такой силы, которою прочее населеніе не обладаетъ, и оно-то и доставляетъ еврею исключительное и богатое чрезвычайными преимуществами положеніе». Вотъ какъ оцѣниваетъ значеніе кагала помимо этого правильно разсуждающій и свободный отъ предразсудковъ авторъ. Однако въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса ему снова нельзя отказать въ правильномъ и важномъ для дѣла взглядѣ, когда онъ указываетъ на то, что подобныя автономныя общины со своимъ собственнымъ судомъ стали нынѣ однимъ анахронизмомъ и какъ онѣ тормозили свободное развитіе еврейскаго населенія послѣ того, какъ внѣшняя опасность для существованія еврейства уничтожилась. «Кто изслѣдуетъ еврейскія общины вблизи, — говоритъ г. Пшепановскій, — тотъ скоро убѣдится, что въ нихъ господствуетъ какая-то олигархія, которія нѣсколькихъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, которые немилосердно высасываютъ до послѣдней капли кровь еврейскаго пролетаріата». Да, вотъ гдѣ г. Пшепановскій правъ! И если-бы эти корпоративныя отношенія не продолжались у насъ такъ долго, мы не встрѣчали-бы во всѣхъ мѣстечкахъ Галиціи такого фанатизированнаго и истощеннаго еврейскаго пролетаріата!

Въ предѣлахъ журнальной статьи невозможно шагъ за шагомъ прослѣдить замѣчательный ходъ мыслей нашего автора. Я коснусь далѣе только важнѣйшаго, именно всего того, что бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на вѣроятное положеніе евреевъ въ Галиціи въ ближайшемъ будущемъ.

Констатируя начавшееся уже быстрое измѣненіе отношеній, г. Пшепа-

новскій останавливается на томъ, какъ постыденъ, въ сущности, этотъ безосновательный ужасъ предъ какимъ то мнѣческимъ еврейскимъ господствомъ, какъ постыдно, вслѣдствіе этого, стремленіе задержать развитие евреевъ и не содѣйствовать ихъ возрожденію въ направленіи, за которое высказываются чувства прѣва и человѣчности. Съ экономическимъ прогрессомъ всей страны кореннымъ образомъ измѣнятся и условія существованія еврейства; ему волей-неволей придется заняться совсѣмъ иными отраслями производства. Уже и теперь одними административными мѣрами (законы о ростѣ и т. д.) многочисленные разряды евреевъ лишены своего хлѣба, и если они не приспособятся къ новымъ обстоятельствамъ, то, взявшись неизбежно за торговлю, еще болѣе потеряютъ въ способности къ производительному труду. Повинны ли крупная торговля и экспортъ въ рукахъ евреевъ, и кто станетъ отрицать, что они оказали въ этомъ дѣлѣ большія услуги краю? Но съ другой стороны, правильно понимая потребности и направленія страны, кто не видитъ, что они противодѣйствуютъ именно крупной торговлѣ?

«Остаются еще двѣ естественнѣйшія и вѣрнѣйшія отрасли народнаго хозяйства: промышленность и земледѣліе. Еврей и христіанинъ пусть постоянно помнятъ, что только тѣ народы, тѣ народныя классы могутъ возрождаться, которые производительно работаютъ и производительно приобрѣтаютъ. У венгерцевъ давно уже существуетъ общество для приспособленія евреевъ къ земледѣлію и промысламъ. Этотъ путь и для насъ самый своевременный. Что на этомъ пути страна извлечетъ только новыя и новыя выгоды—несомнѣнно. Между крупными фабрикантами и теперь уже много есть евреевъ, заслуживающихъ величайшаго уваженія. Бумажная фабрика въ Заровѣ *, образцовое учрежденіе какъ по своему устройству, такъ и по человѣчному и заботливому отношенію къ рабочимъ, принадлежитъ еврею **. И по собственному опыту, въ области нефтяной промышленности, я могу свидѣтельствовать, что мы имѣемъ много евреевъ промышленниковъ, которыми нашей странѣ нечего стыдиться».

Переходъ части поземельной собственности въ руки евреевъ, противъ котораго вся наша печать часто выступаетъ совершенно открыто, авторъ

---

* Собственникъ этой фабрики—Зигмундъ Вайзеръ. Эта единственная фабрика, которую удостоилъ обозрѣнія кронпринца Рудольфа во время своего многолюднаго путешествія.

** Фабрика даетъ заработокъ, по свѣдѣніямъ за 1887 г.—225 рабочимъ.

хотя и считаетъ въ политическомъ отношеніи серьезнымъ вопросомъ, но по отношенію къ перерожденію края въ социальномъ отношеніи онъ находитъ тутъ много утѣшительнаго. «У насъ выработается особый слой населенія, который будетъ себя чувствовать ответственнымъ предъ страной и несомнѣнно станетъ стремиться къ достиженію высшаго уровня чести и характера. И этотъ-то классъ, съ евреями фабрикантами и интеллигентами во главѣ, при поддержкѣ всѣхъ интеллигентныхъ силъ страны, и долженъ будетъ облегчить массѣ еврейства переходъ къ земледѣлію и промышленности.

«Такого рода измѣненіе обстоятельствъ въ краѣ, благодаря которому больше христіанъ ознакомятся съ торговлей, больше евреевъ займутся земледѣліемъ, должно чрезвычайно способствовать исчезновенію разныхъ предрасудковъ. Каждое занятіе имѣетъ свою мораль, свои преимущества и свои слабыя стороны. Хотите видѣть еврея правымъ—прочтите Герберта Спенсера «О кунеческой морали»! Вы увидите, что тѣ-же недостатки которые антисемиты приписываютъ собственно еврею, какъ таковому, свойственны и купцу-англичанину и вообще всякому купцу, какъ естественныя слѣдствія того положенія, въ которое торговля ставитъ занимающихся ею».

Но вѣроятнo-ли вообще перерожденіе нравственнаго типа? «Вся исторія внушаетъ намъ твердую вѣру въ измѣняемость человѣческаго рода. Могутъ выдаться моменты, когда отдѣльныя національности подадутся назадъ, но прогрессъ всего человѣчества въ совокупности взятаго не удержишь. Величайшее недомысліе антисемитовъ въ томъ именно и заключается, что они оставляютъ въ сторонѣ вліяніе временныхъ вѣншихъ обстоятельствъ и, приписывая отрицательнымъ чертамъ характера вѣчную прочность, въ то-же время положительнымъ чертамъ не даютъ никакого значенія. Они стыдятся евреевъ за отсутствіе мужества и забываютъ, что войны маккавеевъ, войны съ императорами Титомъ и Адрианомъ, когда еврейское племя вызвало на бой все могущество стараго Рима, принадлежать къ числу наиболѣе геройскихъ дѣлъ всемірной исторіи. Если ужъ кочевой бытъ, въ которомъ евреи находились нѣсколько тысячъ лѣтъ предъ тѣмъ, оставилъ свои слѣды, то почему же позднѣйшія эпохи геройской борьбы должны были остаться безъ вліянія? Или, обратно, если эти послѣднія обстоятельства пронеслись безслѣдно, то почему-же предполагать, что тѣ, болѣе равнѣя, оставили глубокіе слѣды?»

Въ дѣйствительности-же дѣло вовсе не такъ обстоитъ. «Цивилизованное человѣчество именно семитической расѣ обязано существованіемъ

частью своихъ религіозныхъ представленій; изъ религій этой рассы возникли всѣ монотеистическія ученія, нынѣ завоевавшія себѣ міръ. Въдѣ это ничто иное, какъ историческое безуміе—отказывать евреямъ въ способности къ участию въ той именно цивилизаціи, для самаго возникновенія которой они-же столько содѣйствовали. А если это такъ, то евреи имѣютъ полное право требовать, чтобы объ нихъ судили, какъ и о прочихъ цивилизованныхъ націяхъ, по ихъ героямъ, по ихъ благороднѣйшимъ типамъ, по отношенію къ которымъ многіе другіе ничто иное, какъ несовершенныя или тощія копіи. Мы видимъ англичанина не въ лондонскомъ бродягѣ, а въ Шекспирѣ, Питтѣ, Кобденѣ, Дарвинѣ; мы судимъ о французахъ не по танцмейстерамъ и шавсоветнымъ пѣвицамъ, а по Жанв д'Аркъ, по Байарду, Лафайету, Карно; какъ типомъ германца должно считать не юнкеровъ съ Бисмарками, а Шиллера, Гердера, Канта—точно также нечего за типъ еврея считать фактора или торговца старыми вещами при наличности Маккавеевъ, христіанскихъ апостоловъ, Спинозы, Мендельсона, Берне.

Всѣ вышеназложенныя соображенія приводятъ автора въ концѣ главы объ антисемитизмѣ къ одному отвѣту на еврейскій вопросъ, на вопросъ, какой политики держаться по отношенію евреевъ? Отвѣтъ, который даетъ авторъ въ полной увѣренности за его благія послѣдствія, слѣдующій: искреннее стремленіе ассимилировать еврейское населеніе, возвести его на высоту гражданъ, полныхъ сознанія своего долга. Эта ассимиляція не можетъ совершиться за одну ночь; сближеніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ можетъ произойти только постепенно, «ибо было-бы психологической несообразностью желать, чтобы евреи сразу почувствовали настоящей и глубокой патріотизмъ. Но настолько-же несправедливы и предположенія антисемитовъ, что евреи по самой природѣ своей навсегда останутся космополитами и инородцами и что они не въ въ состояніи чувствовать преданность къ странѣ, въ которой живутъ.

«На этотъ упрекъ я могу отвѣтить не только простымъ указаніемъ на многочисленныя примѣры противнаго у насъ, въ Англіи, во Франціи и Венгріи, но изъ обзорѣнія близко мнѣ знакомой европейской литературы я могъ-бы доказать, что существуютъ евреи—истинные граждане и вѣрные сыны своего второго отечества. Я не знаю, на какомъ основаніи Гейне и Берне считаются въ меньшей мѣрѣ нѣмецкими патріотами, чѣмъ чистокровныя потошки Арминіуса. Во всякомъ случаѣ евреи въ Германіи играютъ далеко болѣе видную роль въ духовномъ развитіи страны, чѣмъ, напр.,

прусское юнкерство, которое, за исключеніемъ братьевъ Гумбольдтовъ, почти ничѣмъ не участвовало въ прогрессѣ нѣмецкаго просвѣщенія».

Указавъ еще разъ на ассимиляцію, какъ на единственный, важный и почетный путь рѣшенія еврейскаго вопроса, авторъ заключаетъ вторичнымъ напоминаемъ о томъ, что не должно терять изъ виду всѣ трудности; вооружившись терпѣніемъ и выжиданіемъ слѣдуетъ приступить къ рѣшенію задачи, не требуя никакихъ невозможныхъ и психологически неестественныхъ проявленій.

Эта глава объ антисемитизмѣ въ монографіи депутата рейхстага и ландтага Шепановскаго, сама по себѣ интересная, какъ изложеніе воззрѣній большой части иѣстнаго населенія—ибо г. Шепановскій ни въ какомъ случаѣ не является изолированнымъ въ этомъ отношеніи—приобрѣтаетъ свое истинное значеніе отъ сопоставленія съ прочимъ содержаніемъ его замѣчательной книги, ознакомить съ которой читателя значило-бы, впрочемъ, выйти изъ рамокъ нашей задачи. Оцѣнить по достоинству его взгляды на евреевъ и еврейскій вопросъ можетъ только тотъ, кто ознакомился съ выводами и соображеніями автора объ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ условіяхъ нашего края вообще, съ его воззрѣніями на отдѣльные слои общества, начиная съ дворянина до земледѣльца и, наконецъ, съ положительною частью его труда, трактующею о тѣхъ путяхъ, по коимъ возможно достигъ общаго подъема народныхъ силъ Галиціи. Не юдофила, не простого защитника угнетаемой и преслѣдуемой національности слышите вы въ его рѣчахъ; даже при обсужденіи имъ еврейскаго вопроса вы видите въ немъ постоянно свободнаго отъ предрасудковъ, умнаго и преданнаго гражданина своей страны, человѣка, умѣющаго говорить правду въ лицо и не щадящаго ничего того, въ чемъ онъ дѣйствительно усмотрѣлъ вредъ и препятствіе къ процвѣтанію родины. Замѣчательной убѣдительною дышетъ каждая его строка, и краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ силы его вліянія служить намъ наша ежедневная печать. Та самая пресса, которая, за малыми исключеніями, постоянно занимала по отношенію къ евреямъ враждебную позицію, при обсужденіи книги Шепановскаго была вынуждена одобрить принципиально его воззрѣнія въ области еврейскаго вопроса и способствовать, такимъ образомъ, распространенію среди массъ болѣе здравыхъ и правильныхъ взглядовъ. Оставляя до слѣдующаго письма своего болѣе подробное обзорніе позицій нашей печати относительно евреевъ, я долженъ здѣсь все таки

отмѣтитъ, что съ появленія книги Шепановскаго, несомнѣнно сказался поворотъ къ лучшему въ мнѣніяхъ прессы. Свободная, чисто европейская манера трактовать свой предметъ со стороны нашего автора, сопоставленная съ односторонними, узкими приѣмами нашихъ доморожденныхъ социаль-политиковъ, не могла не произвести должнаго впечатлѣнія на умы и не замедлитъ доставить его книгѣ все большій и большій кругъ читателей.

Но для насъ, евреевъ Галиціи, книга Шепановскаго имѣетъ и другое значеніе. Хорошо, когда съ совершенно объективной стороны намъ рисуютъ печальное положеніе еврейскаго пролетаріата, который составляетъ навѣрно болѣе половины мѣстнаго еврейства! Нельзя отрицать того, что подавляющему большинству евреевъ въ Галиціи частью пришлось уже взяться за нищенскую суму, частью то же самое предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе постоянно разрастающейся конкуренціи. Но въ то время, какъ христіанское населеніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже принялось за улучшеніе своего экономическаго быта, пустивъ въ ходъ всѣ свои наличныя силы на поприщахъ торговли и промышленности и въ той же мѣрѣ отгнѣснивъ отъ этихъ позицій евреевъ,—еврейская масса пассивно подается назадъ, вовсе не думая о томъ, чтобы принять мѣры къ спасенію отъ неминуемой гибели. Нельзя не сознаться, что еврейскій пролетаріатъ, подъ влияніемъ несчастнаго фатализма своихъ суровыхъ религіозныхъ воззрѣній, съ какинъ-то равнодушіемъ, хотя и не безъ ужаса, видитъ приближеніе роковыхъ послѣдствій своего положенія. Но если темной массѣ не достаетъ съ одной стороны, яснаго сознанія своего положенія, съ другой стороны понятія о томъ, какъ выбиться изъ оупутывающихъ ее сѣтей, то тѣмъ болѣе на обязанности интеллигентнаго и инициатора класса евреевъ лежитъ—представить себѣ во всей ясности истинное положеніе дѣлъ и придти на помощь своимъ единовѣрцамъ, со всею искренностью постараться избавить пролетаріатъ отъ нищеты. Не бесплодно для насъ должны пропасть слова Станислава Шепановскаго: «во всевозможныхъ тонахъ намъ слѣдуетъ себѣ повторять, что только тѣ народы, тѣ народные классы не погибаютъ, которые производительно трудятся и производительно приобрѣтаютъ». И можетъ быть, ясные очерки Шепановскаго помогутъ еврейской интеллигенціи стряхнуть съ себя свою инертность, тогда мы, галиційскіе евреи, будемъ имѣть два основанія быть отъ души благодарными автору «Бѣдственнаго положенія Галиціи».

Г. Ф.

Львовъ.

Восходъ, кн. 7.

9

БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА.

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ ВЪЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Л. О. ЛЕВАНДЫ.

Смерть Л. О. Леванды обязываетъ насъ прослѣдить теперь его литературную дѣятельность, т. е. литературную дѣятельность одного изъ виднѣйшихъ нашихъ писателей, обнимающую довольно большой періодъ времени и оборвавшуюся такъ внезапно. На страницахъ «Еврейской Библіотеки» и «Восхода» была напечатана большая часть произведеній Л. О. Леванды, и потому мы считаемъ вполне умѣстнымъ здѣсь же выяснить его значеніе въ умственной и нравственной исторіи русскаго еврейства.

Къ литературному творчеству можно подходить съ различныхъ точекъ зрѣнія. Если вы хотите понять значеніе писателя для того момента, когда развивалось и развертывалось его художественное дарованіе, значеніе *соціальное, гражданское*, изучите его произведенія съ помощью *историческаго метода*, сличивъ ихъ съ культурными нравами, политическими и нравственными стремленіями того общества, въ которомъ писатель черпалъ свои сюжеты, свое вдохновеніе. Историческая перспектива обнаруживаетъ смыслъ и положеніе того или другаго литературнаго явленія въ общей системѣ нравственнаго и духовнаго существованія даннаго народа. Для философа время—только внутренняя форма познанія, нѣчто фиктивное, условное, для *историка*, для литературнаго критика время—всеобщая, зримая основа развитія, исходная точка всякаго анализа. Попробуйте внести въ изученіе культуры критику чистаго разума, съ ея чувственными и разсудочными формами познанія, съ ея возвышенными, отвлеченными понятіями, и

вы не будете въ состояніи дать хотя бы самое простое объясненіе обихновеннѣйшимъ событіямъ жизни. Если время—мнѣ, то, конечно, всякіе разговоры объ историческихъ перспективахъ, о послѣдовательномъ и поступательномъ движеніи, о ростѣ и совершенствованіи мысли — только галлюцинаціи непросвѣтленнаго разума. Разъ вы хотите понять исторію человѣческой мысли, понять, какъ складывалась, крѣпла и мужала физиономія того, или другаго народа,—оставьте свѣтлыя, но холодныя вершины философской критики, съ которыхъ пространство и время, колоритъ и содержаніе, краски и драматическая хроника человѣческаго злополучія—только безсодержательныя формы, только пустыя, ничѣмъ не наполненныя схемы. Для философа время и пространство—ничто, для историка, литературнаго или политическаго,—все. Даже подходя къ такимъ литературнымъ величинамъ, какъ Шекспиръ, Данте, Гете и др., вы не можете не принять въ расчетъ времени, когда они начали и окончили свою творческую работу. Больше того. *Время* освѣщаетъ и объясняетъ вамъ значеніе не только дѣателей литературы, но и героев отвлеченнаго мышленія. Канта и Спинозу, Декарта и Канта, Гегеля и Фихте исторія, безъ сомнѣнія, помѣтила своими особыми, отличительными чертами. То-же она сдѣлала со всѣми навѣстными міру литературными и поэтическими величинами. А если это такъ, то игнорировать время при изученіи литературныхъ явленій нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Здравая и глубокая критика прежде всего и по преимуществу—критика историческая.

Willst den Dichter du verstehen,
Musst in Dichter's Lande gehen!

Всякое литературное явленіе, сколько нибудь серьезное, есть событіе общественной жизни, котораго объясненіе ищите въ общемъ строѣ понятій, въ опредѣленной комбинаціи бытовыхъ и политическихъ интересовъ. Культура, право, политика возвращаютъ литературные Казбеки такъ-же, какъ земля и воздухъ—высочайшіе горные хребты.

Но однимъ историческимъ анализомъ литературная критика не исчерпывается. Литература есть искусство. Произведенія литературы подчинены извѣстнымъ законамъ творчества. Чтобы достичь наибольшаго вліянія на общество, писатель долженъ обле-

какъ свои творенія въ вполнѣ эстетическія и художественныя формы, долженъ въ живыхъ и образныхъ выраженіяхъ изображать различнѣйшія волненія человѣческаго духа, не впадая при этомъ въ утрировку и шаржъ плохаго сочинительства. Безъ кисти и красокъ нѣтъ писателя. Живописная сторона литературнаго произведенія—это первое, съ чѣмъ имѣетъ дѣло читатель. Если краски тусклы, если рисунокъ невѣренъ, если свѣтъ и тѣни расположены неправильно—литературное произведеніе, какова бы ни была его основная тенденція, все равно, что не существуетъ. Писатель безъ таланта смѣшонъ и несносенъ, какъ солдатъ, не владѣющій оружіемъ. Для удовлетворенія нашего чувства прекраснаго, учитъ современная психологія, необходимо, чтобы форма соответствовала содержанію. Законы гармоніи и ритма, симметріи и пропорциональности частей, управляющіе всякимъ эстетическимъ дѣйствіемъ, суть въ то же время внѣшнія условія, позволяющія легкое, быстрое и удобное воспріятіе содержанія, все равно, литературнаго, или иного произведенія. Исторія *объясняетъ* литературное произведеніе, эстетическія и художественныя соображенія *опыниваютъ* его.

Но вотъ вы исчерпали все, что можно добыть съ помощью двухъ указываемыхъ критеріевъ. Вы прослѣдили связь литературнаго явленія съ *эпохой*, объяснили его историческое значеніе и даже историческую неизбѣжность, вы подвергли строжайшей критикѣ эстетическую его природу на основаніи тончайшихъ правилъ художественнаго творчества, вы все это сдѣлали съ полною добросовѣстностью и аккуратностью, — окончена ли ваша задача? Связавъ предметъ изслѣдованія многочисленными нитями съ исторіей и эстетикой, исполнили ли вы все, что подобаешь всестороннему критическому разбору? Когда вы перечитываете большіе, жесткіе листы какагонибудь фолианта, пожелтѣвшія страницы манускрипта—словомъ—поэму, сводъ законовъ, символъ вѣры,—что васъ прежде всего поражаетъ во всемъ этомъ? Вотъ вопросъ, которымъ Тэнъ начинаетъ свое, полное превосходныхъ обобщеній, введеніе къ «Исторіи Англійской литературы». Что-бы ни находилось въ вашихъ рукахъ: окаменѣлая раковина, или драгоцѣннѣйшій историческій документъ, вы никогда не должны забывать, что оба предмета нѣкогда служили опредѣленному живому существу—подъ раковинной

пряталось животное, подъ историческимъ документомъ скрывался человекъ. Мы повсюду ищемъ *живаго существа*. Раковина сама по себѣ для насъ неинтересна. Изучая ее, мы мысленно воспроизводимъ черты той живой организаціи, которая гнѣздилась въ ней—ея нервную конструкцію, тѣлесную форму, физическую силу. Мы разобрали всѣ возможные стороны историческаго документа—что остается еще сдѣлать? Распознать, понять и ощутить ту живую личность, которая создала его. Книги пишутся людьми и нерѣдко человѣческой кровью. Читая Шиллера, Гете, Толстаго, развѣ вы не слышите бѣнія человѣческаго сердца? Развѣ вы не слышите дыханія человѣческой груди? Неужели вы можете спокойно перелистывать страницы Гейневскихъ пѣсень? Развѣ вы не разжигаетесь энтузіазмомъ, когда мысленно созерцаете подвиги высокаго героизма? Подумайте теперь: еслибъ печатный листъ бумаги, такъ сказать, самъ себѣ довлѣлъ, развѣ была бы какая нибудь возможность испытывать тѣ разнообразныя ощущенія, которыя неизбѣжно порождаетъ въ васъ всякое сколько нибудь удачное литературное произведеніе? Человекъ всегда видѣнъ за печатною строкою. Опытный критическій глазъ въ каждомъ литературномъ украшеніи, въ оборотахъ рѣчи, въ подборѣ словъ умѣетъ подмѣчать *настроеніе* писателя. Въ то время, когда глаза слѣдятъ за текстомъ, говоритъ Тэнъ, душа и умъ слѣдятъ за послѣдовательнымъ развитіемъ и смѣняющимся рядомъ душевныхъ ощущеній и понятій, породившихъ этотъ текстъ. Гете, собираясь писать свою Ифигенію, цѣлые дни проводилъ въ копированіи съ образцовъ античныхъ статуй. Великое произведеніе творчества—это какъ бы застывшая жизненная поэма. Каждая, сама малѣйшая черточка, каждая складка, то, или другое очертаніе головы. острый, или тупой уголь рта — все, рѣшительно все, обнажаетъ предъ нами душу художника. Поэтъ, живописецъ, скульпторъ пишутъ прежде всего себя. Если художника волнуютъ идеалы добра и справедливости, если онъ воспламененъ чувствомъ патріотизма, произведеніе вывернетъ въ душѣ читателя симпатическій откликъ. Если писатель питаетъ презрѣніе къ извѣстнымъ типамъ, созданнымъ исторіей и культурой, читатели будутъ всегда испытывать соблазнъ поддаться его воззрѣнію, его политическимъ и гражданскимъ тенденціямъ. Изучая произведеніе, мы разлагаемъ, раскры-

ваемъ чловѣка, его написавшаго. Почитайте знаменитый «Поръ-Рояль» Сентъ-Бева, критическіе очерки и комментаріи Карлейля, историческія и литературныя монографіи Ипполита Тэна, сочиненія Брандеса и вы увидите, до чего можетъ доходить психологическій анализъ, до какихъ предѣловъ простирается умѣнье открывать, за извѣстною комбинаціей словъ, за случайною поэтической ассоціаціей, тончайшія особенности, нѣжнѣйшія движенія и глубочайшія намѣренія писателя.

А разъ вы обнаружили душу, создавшую художественную вещь, интересующая васъ эпоха встанетъ предъ вами въ живыхъ и яркихъ чертахъ. Психологія даетъ жизнь и свѣтъ гаданіямъ историка: она поставляетъ живой, мыслящій, ощущающій, и волеующійся духъ чловѣка на мѣсто сухаго перечня именъ и фактовъ. Литературная критика, не вооруженная средствами психологическаго изслѣдованія, лишена самаго чувствительнаго и нѣжнаго аппарата, улавливающаго затаеннѣйшія вибраціи мысли и чувства. Психологія цѣлой націи, цѣлаго вѣка заключается нерѣдко въ душевномъ мирѣ одного выдающагося писателя. По значенію своему для исторіи просвѣщенія литература съ ея передовыми героями и бойцами соперничаетъ съ творчествомъ законодателя, съ замыслами и подвигами геніальнаго полководца: законодательство и наполеонизмъ въ литературѣ, безъ меча и насилія, одною силою мысли и вдохновенія, побѣждаютъ всякій умъ и всякое сердце. Въ твореніяхъ литературнаго таланта, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, болѣе, чѣмъ гдѣ бы оно ни было, собраны типическія черты вѣка — вотъ почему каждая литературная величина неизбѣжно и повсюду привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Психика чловѣка, надѣленнаго талантомъ, со всѣми ея чувствительными и двигательными моментами, съ ея легкою возбудимостью; съ ея прихотливою игрою неожиданныхъ образовъ; съ ея слабою, часто совершенно неможною волею, — представляетъ огромнѣйшій интересъ именно, какъ указатель типическихъ свойствъ цѣлаго народа. Черты національнаго характера ярче всего выглядываютъ изъ нравственныхъ фізіономій именно Шекспира и Байрона, Гюго и Альфреда де Мюссе, Гете и Шиллера, Пушкина и Толстого. Крупный писатель—это типъ національный по преимуществу. Хотите заняться вопросами сравнительной психологіи,

изучите произведенія выдающихся мастеровъ художественнаго слова у наиболѣе интересныхъ культурныхъ народовъ.

И такъ, вотъ какое значеніе имѣеть психологическій факторъ при изученіи болѣе или менѣе выдающихся литературныхъ явленій. Исторія, психологія, эстетика образуютъ какъ бы естественный уголъ зрѣнія литературнаго критика. Критикъ, вооруженный *всѣми* необходимыми средствами, даже севозъ длинный рядъ вѣковъ, слышитъ не только голосъ писателя, но и глухой, сочувственный говоръ толпы, ему вторявшей. А въ этомъ сочувственномъ говорѣ—вся сила художника. Ибо поэтъ не аэропланъ, упавшій изъ другаго міра, а дитя своего вѣка, своего народа, даже своего узкаго, семейнаго кружка. Какъ и всѣ смертные, поэтъ подвластенъ силѣ окружающихъ условій. Гибнетъ народъ, государство, гибнетъ и творчество. И наоборотъ: всякій подъемъ политическихъ и нравственныхъ силъ страны неизбѣжно и благотельно отражается на состояніи литературы. Величайшія греческія трагедіи были написаны въ эпоху, когда оружіе грековъ, на полѣ брани съ персами, покрыла себя большою, героическою славой. Въ своемъ философскомъ трактатѣ объ искусствѣ Тэнъ свидѣтельствуешь, что голландская живопись достигла наибольшаго расцвѣта только въ то время, когда маленькая держава, охваченная страстнымъ и неукротимымъ стремленіемъ къ свободѣ, вела отважную борьбу съ сильнѣйшими державами Европы—съ Испаніей и Англіей.

Нашъ тезисъ слишкомъ ясенъ, чтобъ подкрѣплять его излишними доказательствами. Психологія и исторія—важнѣйшія точки опоры для литературнаго критика. Такова краткая формулировка всего сказаннаго. *Важнѣйшія*, ибо они приводятъ насъ къ чловѣку, вводятъ насъ въ тайную лабораторію творческаго духа, въ сердце и мозгъ писателя. И такъ, вотъ предъ нами чловѣкъ. Мы добыли его усилиями серьезнѣйшаго анализа. Его произведенія мы освѣтили исторіей и психологіей, его литературное дарованіе—эстетическими соображеніями. Мы познакомились съ его художественными приѣмами, мы изучили его стилистическія и фигурныя пристрастія, указали его мѣсто въ общемъ ансамблѣ духовныхъ явленій эпохи—и намъ больше ничего не остается дѣлать. Наполнивъ очерченныя рамки соответствующимъ содержаніемъ, кри-

тика можетъ считать свою задачу исчерпанною во всѣхъ отноше-
ніяхъ.

Эти бѣглыя теоретическія соображенія мы сочли необходимымъ предпослать нашему обзору беллетристической дѣятельности виднѣйшаго русско-еврейскаго бытописателя. Если снисходительный читатель дастъ себѣ трудъ прослѣдить до конца наши критическіе наброски, онъ легко замѣтитъ, что эти именно соображенія руководили нами постоянно при изученіи произведеній Л. О. Леванды. Мы постараемся обрисовать въ настоящей статьѣ, такъ сказать, два сходящихся круга: кругъ общественный и кругъ личный. Первый кругъ — это совокупность историческихъ условій, породившихъ главнѣйшіе мотивы Левандовскихъ рассказовъ и повѣстей, второй кругъ — это самъ Леванда, во всей полнотѣ своихъ литературныхъ и душевныхъ особенностей.

I.

Леванда — одинъ изъ первыхъ дѣятелей въ краткой пока исторіи русско-еврейскаго печатнаго слова. Въ первомъ органѣ русскихъ евреевъ онъ сразу занялъ видное мѣсто, какъ по величинѣ своего природнаго дарованія, такъ и по тѣмъ общественнымъ и нравственнымъ тенденціямъ, которыя нашли въ немъ страстнаго, сильнаго и энергичнаго защитника. «Разсвѣтъ» въ лицѣ Леванды обрѣлъ человека, сразу сдѣлавшаго общепонятными нѣкоторыя идеи, которыя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ должны были повазаться и «страшно» протестантскими и опасными съ точки зрѣнія неподвижной ортодоксіи. «Разсвѣтъ», съ О. Рабиновичемъ, Левандою, Соловейчиковъ и др. во главѣ, началъ просвѣтительную работу, которой нынѣшнее поколѣніе одолжено лучшими своими завоеваніями. Конечно, направленіе «Разсвѣта» само явилось плодомъ неясныхъ стремленій, охватившихъ болѣе или менѣе значительный кругъ интеллигентнаго еврейства, но вѣдь иначе и быть не можетъ. Уловить еще неокрѣпнувшій нервъ духовныхъ помысловъ, возвести на степень яснаго сознанія инстинктивно ощущаемую потребность духа, мысль, еще только мелькнувшую въ умѣ, поднять на высоту яркаго и отчетливаго идеала, — такова задача всякаго «новаго слова». Потребность въ просвѣщеніи, въ свободѣ

отъ скovskyвающихъ цѣпей и путь обрядовой и всякой иной рутинны, въ сближеніи съ окружающими національными элементами и, больше всего, съ русскою гражданственностью и культурою — все это въ эпоху возникновенія «Разсвѣта» ощущалось довольно смутно и, во всякомъ случаѣ, робко и застѣнчиво сторонилось большихъ и открытыхъ дорогъ. «Герой» того времени только гдѣ нибудь на чердакѣ, вдали отъ темнаго глаза «дужиннаго», «средняго» человѣка, давалъ волю своимъ *либеральнымъ* инстинктамъ и «нѣмецкимъ» симпатіямъ. Странно сказать: чердакъ сыгралъ въ умственной исторіи нашей огромную роль. На чердакахъ потрясались устарѣвшія и отжившія преданія, на чердакахъ усвоились основы нѣмецкой философіи и литературы: именно здѣсь постепенно нараставшіе инстинкты свободы и просвѣщенія, точно послѣ долгаго, изнурительнаго поста, были впервые выпущены на богатѣйшую массу подножнаго корма. Удивительно быстро сблизилъ *тѣхоторыя* чайныя герои чердака! Въ какую нибудь четверть вѣка значительная часть еврейства овладѣла русскимъ и обще-европейскимъ просвѣщеніемъ въ такой мѣрѣ, которая даетъ ей право занять не послѣднее мѣсто въ передовыхъ рядахъ нашихъ отечественныхъ интеллигентовъ. Пржнему складу нашего духовнаго быта нанесенъ роковой ударъ. Отъ стараго строя остались въ настоящее время однѣ только сухія, непотребныя кости. Все, что есть мыслящаго и свѣжаго въ рядахъ захудалаго Израиля, принадлежитъ лучшимъ научнымъ и философскимъ идеаламъ вѣка. Таково настоящее, когда мы пишемъ эти строки. Но не такъ было тогда, когда О. Рабиновичъ задумывалъ открытый походъ противъ косной и невѣжественной русско-еврейской черни. Редактору «Разсвѣта» принадлежитъ заслуга инициатора: онъ кликнулъ кличъ, онъ поднялъ флагъ съ крупно начертаннымъ девизомъ, онъ началъ походъ. Но въ первой-же схваткѣ выяснилось, что слава храбраго воина и талантливаго полководца выпадеть на долю юнаго, умнаго и бойкаго Леванды.

Обратимся къ фактамъ прошлаго. Раскроемъ «пожелтѣвшіе» листы историческаго документа. Вотъ какъ Леванда дебютируетъ въ первомъ № «Разсвѣта». Въ небольшой статейкѣ подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о евреяхъ западнаго края Россіи» молодой, начинающій писатель, въ выраженіяхъ полныхъ чисто обличитель-

наго паюса, что называется, на всё корни разбивает старыя консервативныя основы еврейской жизни. Хотя рѣчь въ статейкѣ идетъ въ сущности только о евреяхъ минской губерніи, но кто же не понимаетъ *общей* тенденціи автора? Чѣмъ Минскъ, Игумень, Вильно отличаются отъ другихъ богоспасаемыхъ городовъ и мѣстечекъ «черты»? Развѣ причины, порождающія въ минской губерніи тѣ или другія бытовыя явленія, отсутствуютъ въ губерніяхъ волынской, черниговской, екатеринославской и пр.?

Леванда ополчается противъ *общаго характера* еврейской жизни, который и здѣсь и тамъ одинъ и тотъ же: устарѣвшій, косный и *талмудическій*. «Боже мой! Какая бѣдность! какой матеріальный и нравственный упадокъ!»—воскликаетъ корреспондентъ «Разсвѣта» въ самомъ началѣ своего письма. «Лавочекъ — что звѣздъ на небѣ», а нищета все-таки ужасающая. Всестороннее ознакомленіе съ жизнью евреевъ въ минской губерніи не даетъ Левандѣ ни одного хоть сколько нибудь утѣшительнаго факта. Все неблагоустроено, все идетъ шиворотъ на выворотъ! Торговля—въ рукахъ женщинъ, которыя своею «пылкою» и «страшною» натурою «унижаютъ» этотъ родъ промышленности. Понижая наперерывъ другъ передъ другомъ цѣну, онѣ вознаграждаютъ себя «обмѣриваньемъ» и «обвѣшиваньемъ». Въ лавкахъ — Содомъ и Гоморра, а дома — не лучше. Беспорядокъ, нищета, болѣзни, бѣдность—самая обычная домашняя обстановка. «Ни въ какомъ народѣ, ни въ какой странѣ не найдешь столько горбатыхъ, косыхъ и уродовъ». «Замѣчательно, что рѣдкій изъ этихъ несчастныхъ явился на свѣтъ съ недостаткомъ; почти каждый обязанъ своимъ вѣчнымъ уродствомъ легкомыслію и неосторожности своей мамы или няньки, бывшей единственной руководительницею, попечительницею его неразумнаго дѣтства». Но все это блѣднѣетъ предъ всеобщою, поражающею нищетою. Всѣ «очерки бѣдности», прочтанные авторомъ «въ разныхъ романахъ на разныхъ языкахъ» — пустышныя вещи, только «слабые абрисы» въ сравненіи съ тою нуждою, которая свила себѣ гнѣздо «между нашими единовѣрцами». «Сердце мое обливается кровью, волосы становятся дыбомъ при воспоминаніи возмутительныхъ сценъ бѣдности, которыхъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ»,—воскликаетъ Леванда, и затѣмъ въ немногихъ патетическихъ словахъ даетъ намъ нѣсколько снимковъ

съ натуры, дѣйствительно ужасающихъ. Статейка дебютапта заканчивается полу-сатирическими, полу-меланхолическими строками о томъ, что, несмотря на всѣ эти неурядицы въ экномической и умственной жизни, нигдѣ евреи съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою гордостью не провозносятъ извѣстныхъ словъ молитвы: «Ты насъ избралъ изъ всѣхъ народовъ». «Что значить теплая, непоколебимая вѣра!» замѣчаетъ авторъ. Во всемъ послѣднемъ отрывкѣ корреспонденціи чувствуется насмѣшливая, вдумчиво-грустная нотка. Люди погибають отъ нечистоплотности, отъ неумѣнья устроить свои ближайшіе интересы—они задыхаются во тѣмъ самыхъ нелѣпыхъ предрасудковъ, они отъ теменн до пятъ погружены въ грязнѣйшее болото всяческихъ пороковъ—и при всемъ этомъ такая «теплая», «непоколебимая» вѣра! Есть надъ чѣмъ хохотать! Сатира, гдѣ твое жало?.. Юный, пылкій, страстный и *прогрессивный* сынъ своего народа, Леванда не выносить этого противорѣчиваго, повидимому, сочетанія двухъ контрастовъ—нищеты, грязи и физическаго уродства («ни въ какомъ народѣ, ни въ какой странѣ не найдешь столько горбатыхъ, косыхъ, калѣкъ и уродовъ...») съ гордыми помыслами о святой землѣ, съ «непоколебимою» вѣрою въ свое духовное избранничество. Противорѣчіе слышномъ очевидно. Его надо искоренить и замѣнить болѣе разумнымъ, болѣе *реальнымъ* чувствомъ самоуваженья. Грязь должна быть отменена — во чтобы то ни стало,—предрасудки брошены, уродство прогнано прочь, фанатизмъ поверженъ во прахъ. Васта, престарѣлый нищій, израсходовавшійся талмудъ! Твоя пора прошла, тебѣ время глѣты! Правда, «восточному гиганту» многіе преданы еще съ «трогательною», «смывною» любовью, но... но молодое поколѣніе все перевернетъ вверхъ дномъ. Прошлое должно быть принесено на алтарь будущаго. Преданіе должно посторониться и уступить мѣсто идеаламъ настоящаго.

Хотя статейка Леванды помѣчена скромнымъ названьемъ «Письмо въ редакцію», но, въ сущности, ей подобало бы занять самое видное мѣсто въ первомъ № журнала. Не смотря на нѣкоторыя странныя стилистическія неправильности, статейка эта написана съ огнемъ и съ значительною дозой простой и трезвой логики. Не надо было яснѣе намегнуть на тѣ *desiderata*, которыя волновали редакцію молодаго журнала. Мы не имѣемъ возможности

личнымъ воспоминаемъ засвидѣтельствовать то впечатлѣніе, которое произвела корреспонденція Леванды на еврейскую публику, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно было очень значительнo. Шутка сказать: откровенно и даже нѣсколько грубо ударить сильною рукою по самому чувствительному нерву еврейской жизни, выставить на всеобщій позоръ сокровеннѣйшія язвы и болячки, къ которымъ такъ давно уже всѣ пріобыкли, скомкать, смять «лучшіе», «традиціонные» устои—развѣ это обыкновенное, заурядное дѣло, способное пройти незамѣченнымъ?

Конечно, нѣтъ. Тѣ, кого статейка должна была задѣть за живое, не могли обойти ее молчаньемъ. Они и не молчали, какъ не молчалъ, вѣрнѣе, не умолкалъ Леванда. На шестую недѣлю послѣ первой своей корреспонденціи, молодой писатель снова разразился сильной и ядовитой филиппикой противъ минскаго общества, пожелавшаго отнестись недовѣрчиво къ кандидатурѣ «ученыхъ раввиновъ». Надо было отстоять интересы лицъ, окончивших курсъ раввинскаго училища, противъ «фанатиковъ» и «фанатическихъ принциповъ» «добраго, стараго времени». И вотъ Леванда поднимаетъ на ноги все мыслящее минское общество. Онъ обрушивается со всею своею юною силою на старыя порядки, мечетъ громъ и молніи въ «старыхъ консерваторовъ» и сильнымъ голосомъ вызываетъ къ тѣмъ «благомыслящимъ» и «образованнымъ» евреямъ, *«на которыхъ пріятно отдыхаетъ глазъ истиннаго патріота, утомленный отъ частаго зрѣлища возмутительныхъ сценъ фанатизма и рутини»* и на которыхъ *«современный прогрессъ, такъ много способствующій возвышенію благосостоянія нашего родного Израиля»*, уже возымѣлъ свое благотворное вліяніе. («Разсвѣтъ», стр. 89). Если въ первой своей статейкѣ Леванда еще иногда остороженъ въ выраженіяхъ, то въ этой, второй корреспонденціи онъ уже не заботится ни о чемъ постороннемъ. Предъ нимъ конкретная, ясная задача, разрѣшить которую въ извѣстномъ направленіи—значить одержать блистательную побѣду,—многообѣщающую, многознаменительную побѣду. Сомнѣнья нѣтъ, что эта послѣдняя статья произвела не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ первая. Опасному и откровенному писателю надо было дать по крайнѣй мѣрѣ, *попытаться* дать отпоръ. И вотъ, черезъ *стѣ*ре недѣли послѣ появленія второй корреспонденціи, слѣдователь-

но, на десятую недѣлю по напечатаніи первой, минскіе подписчи-ки «Разсвѣта» надумали * составить «возраженіе на статью Л. Л. пзъ Игумена»—вѣчто въ родѣ *протеста*, преисполненнаго весьма понятнаго негодованія и «благоразумнѣйшихъ» соображеній въ духѣ: «посудите сами, милостивые государи, въ вашемъ-ли жур-налѣ» и пр. *Протестанты* усиливаются реабилитировать поправ-ную репутацію «честныхъ и добросовѣстныхъ купцовъ, знающихъ свое дѣло и пользующихся *почетомъ и уваженіемъ христіанскаго населенія*» (?!), доказать значеніе женскаго труда, не оцѣненное корреспондентомъ, хотя они и «не смѣютъ рѣшить эту важную эконо-мо-политическую задачу»—словомъ, подорвать все то, что при-давало словамъ Леванды фактическую убѣдительность. Въ одномъ мѣстѣ своего длиннаго возраженія господа «подписчики» подни-маютъ перчатку, не безъ осторожности брошенную молодымъ пи-сателемъ умственнымъ и «талмудическимъ» пристрастіямъ *ста-раго* еврейства. «Неизлишнимъ считаемъ замѣтить, читаемъ мы въ возраженіи, что вообще изученіе искусствъ, ремеслъ и позна-ній поощряется ученіемъ талмуда, что талмуду мы обязаны отличительнымъ характеромъ долготерпѣнія и выжиданія нашего пле-мени; и если угнетенный недостаткомъ бѣдный труженикъ нахо-дитъ въ Бетъ-Мидрашѣ утѣшеніе въ нравственныхъ поученіяхъ талмуда, то оно гораздо похвальнѣе, кажется, чѣмъ забыть горе въ кабацѣ, за немѣніемъ другихъ заведеній, открытыхъ и доступ-ныхъ во всякое время ищущему мгновеннаго пріюта и утѣшенія въ скорби. Талмудъ есть зданіе, воздвигнутое, на основаніи Мои-сеева закона и его традиціоннаго ученія, мыслителями и отлич-ными народными наставниками еврейскаго народа, и потому такъ упрочиваетъ вѣру въ Бога и истину» (стр. 155). Въ заключеніи протестанты охотно признаютъ «нѣкоторое дарованіе» за Леван-дою, но даютъ ему разумный совѣтъ, по стопамъ германскихъ еврейскихъ ученыхъ, «разрабатывать почву еврейскаго знанія и исторіи» и вообще направлять свои силы на полезное служеніе «наукѣ и истинѣ».

---

* Минскіе „подписчики“ послали протестъ тотчасъ по появленіи письма Ле-ванды, но редакція „Разсвѣта“ долго не соглашалась печатать его.

Такъ началась литературная дѣятельность Леванды на поприщѣ еврейскаго бытописательства. Вы уже чувствуете, какія идеи будутъ преслѣдовать этотъ юноша съ пылкимъ умомъ и страстною душою. Борьба съ фанатизмомъ и рутинною—вотъ ближайшая задача и обязанность молодого поколѣнія. Если прошлое отжило свой вѣкъ, если старыя преданія уже не отвѣчаютъ новымъ потребностямъ дня,—долой ихъ, долой одряхлѣвшій, никуда негодный консерватизмъ, и да воцарится свѣтъ новаго, гуманнаго просвѣщенія! Опояшемъ чресла, ополчимъ нашу руку мечемъ и смѣло поведемъ все молодое, свѣжое и прогрессивное на борьбу со старыми, отжившими понятіями... Передовой боецъ нашелся. Это еще пока не опытный, но, безъ сомнѣнія, храбрый и талантливый юноша, которому, молодая компанія русско-еврейскихъ прогрессистовъ можетъ смѣло довѣрить роль руководителя... Треници, ретроградный, консервативный Израиль!

А. Волынский.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

אֵל שֶׁל מֶשֶׁר מִכְּתוּבֵי : Письма морского царя. Публицистическія и критическія статьи *О. Мейзаха*. Выпускъ IV. Варшава, 1888 (48 стр. 16 °).

Въ прошлогодней сентябрьской книжкѣ «Восхода» мы рассмотрѣли первые три выпуска этой книги и опредѣлили въ общихъ чертахъ ея характеръ. Настоящій, четвертый, выпускъ ничего не можетъ прибавить къ высказанному нами тогда мнѣнію. Помѣщенные въ немъ статьи написаны въ томъ же фельетонномъ духѣ и скользятъ по поверхности разныхъ современныхъ вопросовъ. Читаемъ сѣтованія на отсутствие солидарности между евреями, на равнодушіе къ литературѣ и къ наиболѣе почтеннымъ ея дѣятелямъ (свѣдѣнія о положеніи г. Шульмана въ 21-мъ письмѣ, покойнаго Плуниана въ 23-мъ письмѣ etc), узнаемъ о порядкахъ въ виленской еврейской общинѣ, гдѣ раввины продолжаютъ выставлять публичные объявленія, запрещающія зажигать спички и носить зонтики въ праздничные дни (стр. 20), находимъ жалобы на нѣмѣшнюю періодическую печать и замаскированные личные счеты автора съ нѣкоторыми писателями, и т. п. Все это, конечно, не даетъ читателю никакихъ серьезныхъ свѣдѣній, не обогатитъ его умственно, но какъ «легкое чтеніе» и это не лишено нѣкоторой занимательности.

По прежнему авторъ принимаетъ къ оригинальнымъ своимъ статьямъ и кое что переводное. Такъ, въ настоящемъ выпускѣ самое длинное 28-е «письмо» трактуетъ о «Способахъ леченія на Востоку» — о знахарствѣ и медицинскихъ суевѣріяхъ, распространенныхъ среди арабовъ и прочихъ жителей Азіи. Письмо, при болѣе тщательной обработкѣ, могло бы быть полезѣе и занимательнѣе. Къ концу брошюры приложены нѣкоторые афоризмы житейскаго свойства, а въ началѣ, по установившемуся обычаю, помѣщено посланіе къ автору одного писателя, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Іова изъ Минска». Посланіе представляетъ собою аллегорію съ

прозрачными намеками на разныхъ современныхъ еврейскихъ дѣятелей. Остается пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ своей книги г. Мейзахъ постарался придать «письмамъ» больше разнообразія, серьезности и фактическаго интереса, что, при его публицистическихъ способностяхъ и наблюдательности, совсѣмъ не трудно.

מִשְׁלֵי וּמִכְתָּבֵי מוֹרֵי וּמְחַבְרֵי: *Правоучительная притчи, афоризмы и рассказы изъ талмуда*, изложенные въ стихахъ С. С. Канторовичемъ. Вильна, 1888 г. (стр. 60 in 32°).

Передъ нами—взячно изданная книжечка, заключающая въ себѣ свыше полусотни талмудическихъ изреченій, притчей и легендъ, переложенныхъ г. Канторовичемъ въ стихотворную форму. Мы не безъ удовольствія читали эту небольшую книжку: выборъ отрывковъ изъ агады сдѣланъ очень удачно, стихи—гладкіе, красивые, передача текста—вѣрная и неупрашенная. Изъ наиболѣе удавшихся автору переложеній назовемъ: «Акива и Папосъ» (притча о лисицѣ, приглашавшей рыбу на сушу), «Жажда Знанія» (известное преданіе о Гилелѣ), «Нахумъ Ипъ-гамъ-гу», «Развалины Сіона», «Утѣшеніе моего народа» и «Мученическая смерть Акивы». Предпоследняя вещь особенно удачна и значительно усиливаетъ впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія ея въ агадическомъ подлинникѣ. Мелкія притчи и афоризмы также подобраны весьма умѣло и со смысломъ.

Авторъ посвящаетъ свою книжку «еврейскому юношеству», которому и мы съ своей стороны можемъ смѣло ее рекомендовать, какъ прекрасное пособіе къ ознакомленію съ существенными чертами агады въ хорошей древне-еврейской рѣчи, а также какъ сочиненіе нравственно воспитательное. Будемъ надѣяться, что и слѣдующіе выпуски переложеній Г. Канторовича (на обложкѣ значится: *выпускъ I*) не уступятъ настоящему въ осмысленномъ выборѣ пьесъ и хорошему исполненіи.

С. М.

bah» и «Scha'are Hateshubah», а также аскетическое сочинение «Sefer Hajirah» (книга богобоязни), которое, впрочем, многими библиографами приписывалось другому, одноименному съ нимъ писателю. Въ этихъ трудахъ находимъ этическое мировоззрѣніе, развившееся на фундаментѣ той этики, которую проповѣдывалъ Бахія ибнъ Пакуда. Если на него оказали сильное вліяніе предшествующія произведенія нѣмецкой мистики, то въ свою очередь оно значительно повліяло на позднѣйшую этическую литературу еврейскихъ среднихъ вѣковъ, самыя выдающіяся сочиненія которой опираются на ученіе Бахія и Ионы Герунди.

Объ испанскихъ противникахъ майнуистическаго направленія, вскорлеленныхъ молокомъ еврейско-арабской культуры и затѣмъ воставшихъ на собственную мать, мы уже говорили. *Мейр б. Тодросъ* и *Иуда ибнъ Алфахаръ* во всякомъ случаѣ превосходили умственно своихъ французскихъ современниковъ. Ихъ оппозиція имѣла, по крайней мѣрѣ, научное основаніе, и канонъ Іуды ибнъ Алфахара, уже много времени спустя, пользовался одобреніемъ даже со стороны Спинозы. Если, говорилъ онъ — есть въ св. Писанія мѣсто, находящееся съ собою въ противорѣчій, то конечно его необходимо сгладить; если такимъ образомъ въ однихъ мѣстахъ положительно доказывается, что Вога нельзя представлять себѣ чувственно, что Онъ не имѣетъ видимаго образа, а въ другихъ говорится, что Онъ явился, былъ видимъ глазами, то мы должны объяснить одинъ другимъ. Гдѣ-же нѣтъ прямого противорѣчія между мѣстами Писанія, тамъ отнюдь не слѣдуетъ нарушать буквальный смыслъ. Майнуни-же руководится не простымъ содержаніемъ св. Писанія, а философскими соображеніями и предположеніями. Неужели-же дѣйствительно гречанка (философія) должны имѣть рѣшающій голосъ сравнительно съ еврейскою (Торой)? «Я не хочу — говорится дальше въ этомъ, уже упомянутомъ нами письмѣ къ Давиду Книхи, — я не хочу обвинять Майнуни, но онъ былъ встани человѣкъ, и соглашаться съ его заблужденіями было-бы грѣшно. Да, Соломонъ б. Авраамъ великій человѣкъ, Правда, онъ увлекся до того, что сдѣлался доносчикомъ и обратился къ помощи насилія; но вы сами довели его до крайности, а кого можно дѣлать отвѣтственнымъ за дѣянія, совершаемыя въ состояніи глубокой душевной скорби?».

Изъ поборниковъ майнуистическаго направленія мы уже упоминали о сынѣ Майнуни *Авраамъ* и его любимомъ ученикѣ *Иосифъ ибнъ Алкинъ*; имъ пришлось кромѣ того участвовать въ войнѣ, разгорѣвшейся также на востокѣ. Виновникомъ ея былъ, благодаря одному изъ своихъ сочиненій,

переселившійся сюда французскій раввинъ, вышеупоминавшійся *Самсонъ б. Авраамъ* изъ Сенса, одинъ изъ самыхъ выдающихся тоссафистовъ. Его глубокомысленныя глоссы, озаглавленныя «Sens-Tossafot», сохранились еще только въ отрывкахъ; касательно-же его антимайминистическаго сочиненія есть извѣстie, что оно не произвало особенно сильнаго впечатлѣнiя. Только тогда, когда *Даниилъ б. Саадia* выступилъ противъ талмудическихъ сочиненiй Маймуни, а впоследствии — и противъ его правобѣрности, сынъ и ученикъ обвиненнаго появились на аренѣ борьбы, которую они съ пламеннымъ усердiемъ вели потомъ также въ Провансѣ и Испанiи. Понятно, что всѣ либеральныя испанскiя общины оказали имъ энергическую поддержку. Прежде всѣхъ поднялась община Сарогосская, главная въ Аррагонiи, со своимъ вожакомъ *Беханъ б. Моисей*, лейбъ-надею и любимцемъ короля Хаме I-го. Онъ обратился ко всѣмъ общинамъ провинцiи съ циркулярнымъ письмомъ, гдѣ высказался очень рѣшительно въ пользу Маймуни и требовалъ отлученiя всѣхъ тѣхъ людей, которые осмѣлились «возстать противъ великой силы, исторгнувшей насъ изъ воли невѣжества, заблужденiя и безумiя»... Онъ дошелъ до того, что обвинялъ своихъ противниковъ въ противорѣчiи съ Талмудомъ: «Наши мудрецы настоятельно рекомендуютъ намъ уяснить себѣ единичность Бога философскимъ путемъ; по ихъ словамъ, мы должны изучать всѣ науки, чтобы имѣть возможность давать отпоръ врагамъ религiи. Но вотъ, выступаютъ три совратителя народа съ пути истинны, они стараются умалить славу великаго Маймуни, погружаютъ общины въ тьму и запрещаютъ читать философскiя сочиненiя, да и вообще заниматься науками».

Въ такомъ же духѣ написано обращенiе къ французскимъ раввинамъ посланiе ревностнаго приверженца партiи Маймуни въ Испанiи, *Самуила б. Авраама Сапорты*, гдѣ онъ упрекаетъ ихъ въ слишкомъ послѣшномъ, необдуманномъ увлеченiи. Ихъ специальность, по его словамъ, Галаха, а они перешли за предѣлы этой области и произнесли приговоръ надъ сочиненiями Маймуни, не познакомившись съ ихъ содержанiемъ во всей подробности, и, слѣдовательно, высказали рѣшительное итѣвiе по такимъ вопросамъ, въ которыхъ ровно ничего не понимали: «Какъ могли вы называть насъ отрицателями Бога и еретиками, когда мы, также какъ и вы, твердо держимся Торы и традицiи? Какъ могли вы говорить о Маймуни съ такимъ пренебреженiемъ, когда не было во Израилѣ никого ему равнаго со времени рабби Аши, который находилъ великую радость душевную въ

учениі еврейства и возвышенныя писанія котораго возвратили къ вѣрѣ многихъ колеблющихся».

Циркулярное посланіе это не преминуло произвести глубокое впечатлѣніе на набожныхъ французскихъ раввиновъ, и большинство ихъ дѣйствительно покинуло партію обскурантовъ. Въ такой же степени повліяло на общины Испаніи посланіе восторженнаго сторонника Маймуни, писателя *Авраама б. Самуила ибнъ Хасдан* изъ Барцелоны, извѣстнаго также и въ качествѣ поэта, и который уже прежде порицалъ своихъ испанскихъ товарищей за приверженность къ Соломону б. Аврааму, особенно же за позорный образъ дѣйствій ихъ относительно достопочтеннаго старика Книхи. Авраамъ б. Хасданъ зналъ также арабскій языкъ и перевелъ съ него на еврейскій, кромя «*Sefer Hamizwoth*» Маймуни, также этику арабскаго философа Алгаззали и псевдо-Аристотелевское сочиненіе «*Книга Яблока*» подъ заглавіемъ «*Meozne Zedek*» (Вѣсы Справедливости).

Само собой разумѣется, что и въ этомъ спорѣ не было недостатка въ посредникахъ, подымавшихъ голосъ за примиреніе и единеніе партій. Какъ раввиносно, хотя съ недостаточными силами, дѣйствовалъ на этомъ неблагоугодарномъ посредническомъ поприщѣ *Давидъ Кимхи* и какъ рѣзко возстали на него за то молодые фанатики—объ этомъ мы уже упоминали. Онъ самъ былъ горячій приверженецъ Маймуни, изучившій его произведенія въ еврейскомъ переводѣ. Совершенно несправедливо утвержденіе—такъ заявилъ онъ въ своемъ второмъ посланіи къ Іудѣ Алфахару—что воинствующіе члены общины въ Менпелье возстали противъ «враговъ закона»; это они сами невѣрующіе, желающіе ограничить извѣстными пространствами всевѣдующее Божество и придать безпредѣльному тѣлесный образъ; противники же ихъ—дѣйствительно набожные израильтяне, ученики гаоновъ, такихъ людей, какъ Шерира, Гайя и Алфаси, и которые также соединили въ себѣ всѣ добродѣтели любви къ человѣку.

Но такъ какъ оружіемъ Книхи были больше просьбы и слезы, чѣмъ аргументы, то ловкому бойцу Алфахару было нетрудно справиться съ нимъ и его посредничествомъ. Притомъ же въ глазахъ противниковъ онъ былъ слишкомъ уже экзальтированнымъ приверженцемъ Маймуни и испанско-научнаго направленія. Гораздо важнѣе по вліянію оказался голосъ другаго посредника, имя котораго, и независимо отъ участія въ этой борьбѣ, пользуется въ еврейской литературѣ хорошою репутаціею, благодаря его самостоятельнымъ работамъ. Это—*Моисей б. Нахмани*, прозванный *Рамбаномъ*, изъ Героны (ок. 1200—1272 г.), многосторонне образованный

человѣкъ, безукоризненнаго характера и искренней набожности, надѣленный пронизательнымъ умомъ и живою силою воображенія. Онъ былъ врачъ, философъ, поэтъ, толкователь писанія и законоучитель, но при этомъ также—приверженецъ и споспѣшествователь того мистическаго направленія, которое незадолго до того снова выплыло наружу въ Европѣ и нашло себѣ ревностныхъ послѣдователей. Вліяніе Нахмани на еврейскую письменность было весьма значительно до прошедшаго столѣтія. Какъ въ Маймуни видѣли средоточіе всѣхъ философскихъ стремленій, такъ въ Нахмани соединились нѣкоторымъ образомъ всѣ направленія еврейско-религіозной догматики.

Первое начало его дѣятельности относится къ тому времени, когда болѣе глубокіе умы освободились отъ верховнаго господства Аристотелевой философіи и предпочли отыскивать въ каббалѣ первобытную причину всѣхъ вещей. Нахмани, хотя и знакомаго съ философскою литературою, нельзя, однако, признавать философомъ въ настоящемъ смыслѣ, такъ какъ онъ былъ противникомъ метафизическаго умозрѣнія. Въ противоположность Маймуни, который исходилъ изъ философіи и старался согласить съ нею еврейство, Нахмани стоитъ на точкѣ зрѣнія Іегуды Галеви, слѣдовательно, строго богословской, побуждающей его подвергать философію тщательному изслѣдованію и обсужденію и принимать только тѣ результаты, которые не находятся ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ традиціею. Три коренныя истины его религіозно-философской системы, съ которою знакомятъ только различныя экзегетическія сочиненія его, суть: созданіе міра изъ ничего, всевѣдѣніе Бога и божественный Промыслъ. Мышленіе его направлено больше къ чистому умозрѣнію, чѣмъ къ этическимъ проблемамъ, и тутъ находитъ онъ часто случай оппонировать Маймуни и развивать новыя, оригинальныя идеи. Въ этомъ отношеніи его сочиненіе о бражѣ «Iggeret Nakodesch»—трудъ почтенный, значеніе котораго умаляется только историческими добавленіями, безъ какихъ Нахмани не обходился ни въ одномъ изъ своихъ произведеній.

Изслѣдованіемъ Талмуда онъ сталъ заниматься уже въ молодые годы. Его комментаріи почти на весь Талмудъ, его галахическія произведенія, полемическія статьи въ защиту Алфаси отъ смѣлыхъ нападеній Зерахія Галеви Ѳ Авраама б. Давида въ книгѣ «Milchamoth Adonai» (Витвы за Господа), а равно и отъ «Sefer Hamizwoth» Маймуни представляютъ намъ Нахмани серьезнымъ мыслителемъ. Принимая въ соображеніе его намеру изученія Талмуда, ему отводили мѣсто рядомъ съ французскими глос-

саторами и не без основанія давали названіе испанскаго тосафиста, поскольку рассужденіе его идетъ большею частью въ отдѣльныхъ подробностяхъ такимъ же путемъ и тутъ находятъ точки опоры для возраженій и опроверженій. Его путеводная звѣзда въ талмудической области—«великій и святой учитель Алфаси», которому онъ слѣдуетъ безусловно и котораго мужественно, часто даже безвозвратно защищаетъ отъ всѣхъ нападеній современниковъ. Но если въ талмудическихъ его трудахъ мало самостоятельнаго, то напротивъ того библейскую экзегетику его слѣдуетъ признать въ извѣстномъ смыслѣ оригинальною, такъ какъ она соединяетъ въ себѣ разсудительный рационализмъ съ этическимъ и теплымъ сердечнымъ воззрѣніемъ и придаетъ привлекательность даже мистическому элементу.

Въ экзегетикѣ Нахмани трезвое исследование и познаніе высшихъ истинъ разума постоянно соединены съ исконною традиціею и потребностями вѣрующей души, вотъ почему его комментарий къ Библии * и «Книгѣ Іова» приобрѣлъ большое значеніе и для послѣдующаго времени. «Я написалъ этотъ комментарий—говоритъ онъ самъ во введеніи—по образцу древнихъ, съ цѣлью удовлетворить потребностямъ тѣхъ читателей, которые, томимъ среди бѣдствій изгнанія, получаютъ въ субботніе и праздничные дни назиданіе и утѣшеніе отъ чтенія Св. Писанія. Сердце ихъ должны привлекать мои объясненія». Этой цѣли—сдѣлать свой трудъ книгою для народа—авторъ достигнулъ бы въ еще болѣе полной степени, если бы не далъ тутъ мѣста и мистическимъ объясненіямъ, относительно которыхъ онъ надѣется, что они будутъ понятны знакомымъ съ этимъ направленіемъ, но читать которыя онъ въ то же время совѣтуетъ только руководствуясь этимъ направленіемъ. На свободномыслящаго читателя такіа мистическія толкованія будутъ дѣйствовать, быть можетъ, отталкивающимъ образомъ, для него покажется очень страннымъ утвержденіе, что всю Библию слѣдуетъ объяснять только числовыми символами и что вся она состоитъ только изъ именъ Божьихъ. Но Нахмани самъ часто и настоятельно предостерегаетъ отъ всякаго злоупотребленія его словами; къ каждому мистическому мѣсту онъ присоединяетъ предохранительное замѣчаніе: «здѣсь скрыта великая тайна»; въ концѣ концовъ онъ все-таки держится преимущественно метοды разумнаго толкованія и не чуждается также грамматическаго пониманія. И вълѣдствіе всего этого тотъ же свободномыслящій читатель находитъ извѣстную привлекательность въ этомъ простомъ и тепломъ объяс-

* Описка автора вмѣсто Комментар. къ Пятикнижю.

ненія Библии, тѣмъ болѣе, что оно, будучи проникнуто почтеніемъ къ традиціи, отнюдь не противорѣчитъ однако разуму и нравственному чувству. Нахмани полемизируетъ съ Маймуни и Ибнъ Эзарю; но съ первыми онъ согласенъ въ томъ, что безъ религіознаго чувства немислимо религіозное дѣйствіе, и сообразно этому взгляду, въ противоположность сѣверо-французскихъ раввинамъ, въ которыхъ духъ школы Раши давно уже вывертъ, онъ пускается въ изслѣдованіе коренныхъ основаній библейскихъ постановленій.

Не такъ рѣшительно поступаетъ онъ въ толкованіи антропоморфическихъ выраженій, признавая ихъ иногда риторическими метафорами, но все-таки не отваживаясь совершенно отвергать ихъ. Тутъ онъ большею частью прибѣгаетъ къ мистикѣ, въ которую посвятилъ его уже его учитель, *Иуда ибнъ Якаръ*, и которая занимаетъ почетное мѣсто во всѣхъ его сочиненіяхъ, обвиняющихъ всю область еврейской богословской науки. Ученіе ея онъ старается согласить съ словомъ Писанія и религіозною традиціею; понятно, что это стѣнитъ ему немалыя усилія, и отсюда—его нерѣшительность, колебаніе между рационалистическимъ воззрѣніемъ, нравственнымъ чувствомъ и погруженіемъ въ мистицизмъ. Этотъ писатель, который отказывается слѣдовать постановленіямъ еврейскаго закона, какъ неподлежащихъ обсужденію велѣніямъ царя, а хочетъ изслѣдовать лежащую въ нихъ основаніи цѣль, и который относится отнюдь не враждебно къ религіозно-философскимъ изслѣдованіямъ его родины, — этотъ самый писатель держится въ то же время негнѣной системы толкованія Писанія по числовымъ вычисленіямъ; онъ рассчитываетъ, что Мессія явится въ такомъ-то опредѣленномъ году—именно 1358 г.,—онъ въ ученіи о воскресеніи мертвыхъ отыскиваетъ мистическій исходъ, утверждая, что у души послѣ смерти человѣка все-таки остается тоненькая тѣлесная оболочка, кожа въ жостахъ, которая не подлежитъ тлѣнію, и что такимъ образомъ въ аду наказывается тѣло; съ этимъ и связано воскресеніе.

Что въ ту пору возрождавшейся вѣры въ чудеса Нахмани пользовался немалымъ авторитетомъ — это понятно. Со всѣхъ сторонъ обращались къ нему съ вопросами, и его отвѣты, значительная часть которыхъ, конечно, потеряна, отличаются такою же глубиною чувства и такимъ же умомъ, какъ и всѣ его сочиненія, но вибѣтъ съ тѣмъ проникнуты такою же нерѣшительностью и полны все тѣхъ же мистическихъ идей. Въ этихъ отвѣтахъ онъ со своей, склоняющейся къ неоплатонизму точки зрѣнія, смотритъ на исконное существованіе (*Præexistenz*) души, какъ на неоспоримое; за то имъ отвергается астрологія, о которой онъ говоритъ,

что «созвѣдія имѣютъ конечно вліяніе на человѣческія дѣйствія, но что не слѣдуетъ обращаться къ нимъ съ вопросами, а должно, какъ велитъ Писаніе, не отдѣляться сердцемъ отъ Бога». Таковъ былъ Нахмани, и эти характеристическія особенности дѣлали его какъ бы естественнымъ посредникомъ въ спорѣ между приверженцами и противниками Маймуни; но между тѣмъ какъ Кинхи держалъ больше сторону первыхъ, Нахмани рѣшительно склоняется въ пользу направленія противоположнаго, съ которымъ связывается онъ своими религіозными и мистическими идеями. При этомъ была у него конечно и личная причина. Поборники ученія Маймуни въ пылу битвы позволили себѣ нападенія и личнаго характера. Такъ, наприимѣръ, намекнули они, что на семействѣ Ионы б. Авраама лежитъ пятно, благодаря которому онъ долженъ считаться незаконнымъ сыномъ. Но это обвиненіе касалось косвенно Нахмани, принадлежавшаго той же фамиліи; оттого онъ и объявилъ немедленно раввинамъ Прованса, что не пропуститъ такихъ инсинуацій безъ отвѣта. Правда, въ одномъ циркулярномъ посланіи къ испанскимъ общинамъ онъ главнымъ образомъ старается установить миръ между враждующими, для того, чтобы возсоздать единство еврейства; но при всемъ своемъ уваженіи къ Маймуни, онъ все-таки повсюду обнаруживаетъ сочувствіе къ Саломону изъ Монпелье. Такъ какъ, однако, его голосъ былъ заглушенъ шумомъ борьбы, то онъ обратился и къ французскимъ раввинамъ съ посланіемъ, въ которомъ открыто высказалъ свое недовольство ихъ образомъ дѣйствій относительно Маймуни. «Вся,—говоритъ онъ имъ,—вы находите что нибудь достойное осужденія въ Moreh, то почему же вы обрушиваетесь и на Madda, полное чистой богобоязности?» Затѣмъ онъ прославляетъ благотѣльное вліяніе, оказанное повсюду великимъ кодексомъ Маймуни, и такъ продолжаетъ свою защиту: «Въ нашей странѣ никто не сомнѣвается въ святости традиціи, никто не старается совращать народъ сомнѣніемъ или невѣріемъ; прекраснѣйшее единство и гармонія господствуютъ въ религіозныхъ дѣлахъ, и еврейство пустило именно теперь глубокіе корни въ сердцѣ націи».

Слабѣ защита философскихъ сочиненій Маймуни, въ которой Нахмани пускаетъ въ ходъ только одинъ доводъ: «Прежде молодые люди, для изученія медицины и другихъ наукъ, должны были обращаться къ помощи греческихъ философовъ, причѣмъ терпѣла ущербъ ихъ вѣра; теперь же они имѣютъ въ «руководителѣ» защиту и охрану отъ заблужденій, и незачѣмъ имъ больше просить совѣтовъ у Аристотеля и Галена». Въ заключеніе высказывается еще странное для посредника предложеніе—опалу съ Maddah

снять, но Могеи продолжать держать подъ отлученіемъ, которое распространить и на всѣхъ противниковъ талмудической Гагады. Отъ исполненія этой мѣры Нахмани ожидаетъ самыхъ лучшихъ результатовъ; онъ надѣется ею поставить плотину философскому изслѣдованію и удовлетворить оба направленія, даже примирить ихъ между собою. На сколько онъ заблуждался, показываетъ послѣдующее время, когда оба направленія постепенно раскодились все больше и больше, пока преслѣдованія извѣстны не произвели насильственнаго соединенія ихъ. Самъ Нахмани не дожидая до конца борьбы. Судьбу его рѣшилъ диспутъ его съ доминиканцемъ Пабло Христіано, въ которому онъ былъ принужденъ генераломъ доминиканскаго ордена Раймондомъ Пеньяфорте и арагонскимъ королемъ Хаиме и который происходилъ въ Барселонѣ въ дни отъ 20 до 24 іюля 1263 г. Правда, что Нахмани въ своей рѣчи—которая впоследствии была и напечатана—защищалъ свои убѣжденія съ достоинствомъ и энергіею, такъ что самъ король сознался, что никогда еще не приходилось ему слышать такую умную защиту «неправаго» дѣла; но результаты диспута оказались все-таки пагубны для евреевъ, особенно для самого Нахмани: онъ—неизвѣстно по доброй волѣ, или по принужденію—отправился въ Палестину, откуда писалъ своимъ сыновьямъ письма, краснорѣчиво выражающія его глубокую скорбь объ осиротѣвшемъ Сионѣ и его трагической судьбѣ. Подобно Іудѣ Галеви, своему образцу, Нахмани посвящаетъ своему горю и страданіямъ Израиля не одну задушевную пѣсню, источникъ которыхъ не столько побужденіе художника, сколько глубочайшее душевное потрясеніе, и которымъ поэтому придаетъ своеобразную прелесть искренность религіознаго настроенія:

«Я держусь Тебя, не обращаю вниманія на мои грѣхи,

Знал, что Ты основываешь міръ на милосердіи.

Прежде, чѣмъ воззову я, открывайся мнѣ милостиво—

Ибо не смѣю я ничего требовать отъ моего Царя.

О, Ты, мое утѣшеніе, предъ которымъ всегда исчезаютъ грѣхи,

Тебѣ вѣритъ мое сердце, и оттого не боюсь я позора.

Ты заключаешь тѣло въ узы мрачной темницы,

Но она пребываетъ въ чертогахъ Царя.

И когда послалъ Ты ее внизъ, на землю,

То оставлялъ Себѣ въ залогъ только ея оболочку,

И снова возвратишь ей одежду,

Когда провнесется надъ нею приговоръ Судьи-Царя».

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ этой покаянной пѣсни, Нахмани влеталъ и въ поэзію свои мистическія воззрѣнія; онъ считается первымъ,

давшихъ иѣсто въ синагогальной поэзіи каббалистической мистикѣ. Но во всей его личности какъ нельзя лучше отразился и выразился періодъ эригоновъ: обладая рѣзко опредѣлившимся, чистымъ характеромъ, соединяя въ себѣ набожный и кроткій образъ мыслей, выработанное въ школѣ испанской культуры, но въ послѣдствіи проникнувшееся духомъ строгаго талмудизма и воскресшей мистики мировоззрѣніе, и при этомъ нѣжное поэтическое чувство, Нахмани составляетъ собственно дополненіе Маймуни, но въѣсть съ тѣмъ и самую рѣзкую противоположность ему; ибо между тѣмъ какъ Маймуни видѣлъ въ еврействѣ культъ *мысли*, для Нахмани—по одному весьма мѣткому сравненію—оно было культомъ *чувства*, которому онъ охотно приносилъ въ жертву философскую мысль всякій разъ, когда она, какъ строительный матеріалъ, не укладывалась легко въ древнее и почтенное зданіе религіозной традиціи.

Такой культъ чувства, являсь въ то время, когда свободное философское направленіе и строгое талмудическое открыто враждовали между собой, естественно долженъ былъ сдѣлаться привлекательнымъ для всѣхъ, живущихъ сердцемъ, и удовлетворять имъ несравненно больше, чѣмъ опиравшіяся исключительно на разумъ философскія ученія. Неудивительно поэтому, что одинъ изъ представителей этой партіи, быть можетъ выступившій на сцену и для защиты сочиненій Маймуни, ибо онъ, въ качествѣ страстующаго проповѣдника (по притѣру странствовавшихъ въ ту пору католическихъ проповѣдическихъ орденовъ), провозглашалъ повсюду религію чувства и практической дѣятельности,—неудивительно, что онъ пользовался особеннымъ сочувствіемъ и большимъ успѣхомъ. Это былъ *Моисей б. Иаковъ* изъ Куси (1235 г.), одинъ изъ самыхъ молодыхъ тосафистовъ, котораго глоссы въ отдѣльныхъ трактатахъ Талмуда были, однако, названы «Старые Тосафотъ»; онъ путешествовалъ по южной Франціи и Испаніи и своими краснорѣчивыми проповѣдями обратилъ многихъ къ почитанію закона и покаянію. Изъ этихъ проповѣдей составилась потомъ его «*Sefer Hamizwoth*» (Книга Постановленій), въ которой 613 библейскихъ предписаній изложены и объяснены нѣсколько иначе, чѣмъ у Маймуни. Этотъ очень почтенный трудъ въ послѣдствіи, въ отличіе отъ другого, меньшаго въ этомъ же родѣ, получилъ заглавіе «*Sefer Mizwoth gadol*» (Большая Книга Постановленій), сокращенно—«*Semag*», и его много читали и неоднократно комментировали.

Для этого періода и его стремленій характеристично, въ какомъ духѣ Моисей изъ Куси, написавшій также краткія объясненія къ Пятикнижію—

понимал свою миссю и что именно проповѣдывалъ онъ своимъ современникамъ. Онъ не только призывалъ ихъ возвратиться къ закону и не только укрѣплялъ въ нихъ сознание необходимости исполнять постановленія религіи, но преподавалъ имъ также правила нравственности и честности, и этикъ ставилъ въ этическомъ отношеніи выше своего времени то талмудическое направленіе, къ которому онъ все таки принадлежалъ. «Люди—говорилъ онъ—живо поступающіе относительно не-евреевъ и обкрадывающіе ихъ, принадлежать къ разряду тѣхъ, которые оскверняютъ имя Божье, ибо они виною, если о евреяхъ говорятъ, что у нихъ отсутствуетъ законъ. Когда еврейхъ хорошо, они не должны становиться надменными и забывать Бога... Никому не слѣдуетъ кичиться преимуществами, которыя онъ имѣетъ, деньгами, красотою, умомъ; да остается онъ смиреннымъ предъ людьми, благодарнымъ Богу... Во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ не обманывайте и не вводите въ заблужденіе словами ни одного человека, безъ различія вѣроисповѣданія... Вслѣдствіе того, что человекъ на половину звѣрь, на половину ангелъ, происходитъ въ немъ часто такая сильнѣйшая борьба между этими обѣими, столь неодинаковыми натурами; звѣрь стремится только къ чувственнымъ наслажденіямъ и удовольствованію тщеславія; ангелъ же сражается противъ этого и доказываетъ, что ѣда, питье, сонъ суть только средства для укрѣпленія тѣла къ изученію закона и службѣ Богу. Только въ часъ смерти становится очевидно, кто изъ нихъ двоекъ побѣдилъ... Но высшее служеніе Богу заключается въ чистой любви къ Создателю».

И этотъ Монсей изъ Куси, такъ настоятельно проповѣдывавшій идеальное ученіе добродѣтели и прощенія, былъ вѣстѣ съ тѣми защитникъ Талмуда отъ его обвинителей, доминиканцевъ и апостатовъ, и сочиненіе, въ которомъ изложилъ онъ эти мысли для будущихъ поколѣній, было написано имъ лѣтъ черезъ десять послѣ того большого диспута въ Парижѣ (1140 г.), когда защиту славнотинаго Талмуда пришлось принять на себя, сверхъ Монсея, еще тремъ раввинамъ, главнымъ образомъ—*Iehielu* парижскому. Исходъ этого, во многихъ отношеніяхъ интереснаго диспута извѣстенъ: Талмудъ былъ публично сожженъ въ Парижѣ. И въ виду еще дымящагося костра, Монсей изъ Куси горячо и энергически проповѣдывалъ своимъ, повергнутымъ въ отчаяніе, единовѣрцамъ: «Кто прощаетъ, тому прощаются! Жестокосердію и непримиримости—тяжкій грѣхъ, недостойный израильянина. Пусть каждый, еще только начинающій упражняться въ страхѣ Божіемъ, говорить ежедневно, вставая съ постели: «Сегодня буду

я вѣрнымъ слугою Всемогущаго, буду остерегаться гнѣва, лжи, несправости, брани и зависти, буду прощать всѣмъ, огорчающимъ меня».

Только съ такими набожными настроеніями, съ такою рѣдкою твердостью въ вѣрѣ можно было мужественно и безропотно сносить бѣдствія, обрушившіяся на евреевъ вслѣдъ за вышеупомянутыя сожженіи Талмуда. Но изученіе его не прекратилось. Несмотря на то, что не осталось ни одного экземпляра Талмуда, школы не закрылись, и работа тоссафистовъ тоже не была прервана. Появился даже именно въ это время новый тоссафотскій сборникъ, составленный *Самуиломъ б. Соломономъ Сиромъ Морелемъ*, хотя у него въ рукахъ не было Талмуда, и онъ долженъ былъ полагаться исключительно на свою память. Вышѣ съ нимъ братья *Самуилъ* и *Моисей* изъ Эврей, *Перецъ б. Эліа* изъ Корбея, *Элиезеръ* изъ Туль и др. присоединили къ прежнимъ глоссамъ новыя, которыя, большею частью по имени родины авторовъ, были озаглавлены тоссафотами *Эврей*, *Тухскими* (Тухъ) и др. Только вслѣдствіе фанатизма, выгнавшаго евреевъ изъ Франціи, тоссафистическое движеніе въ этой странѣ уничтожилось, между тѣмъ какъ оно продолжало существовать въ Германіи.

Ироніей судьбы представляется однако то обстоятельство, что въ числѣ сорока цензоровъ, постановившихъ сжечь Талмудъ, находился тотъ ученый доминиканецъ *Альбертусъ Магнусъ*, который вывелъ схоластическую философію на новый путь, но при этомъ нерѣдко пользовался и сочиненіями и переводами тѣхъ самыхъ евреевъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ. Извѣстно, что схоластика достигла въ тринадцатомъ столѣтіи высшей ступени своего значенія, когда Альбертусъ Великій, Фома Аквинскій и Дунсъ Скотъ эксплуатировали для своей философской системы тотъ ростъ идей, на которомъ исключительно зиждется прогрессъ науки въ средніе вѣка. Но возможностью вообще пользоваться системами греческихъ и арабскихъ мыслителей ученые схоластики были обязаны въ значительной мѣрѣ еврейскимъ переводчикамъ Аристотеля, которые познакомили ихъ, кромѣ логики стагирскаго мудреца, и съ его физикою, метафизикою и этикою, а также съ арабскими комментаріями и сочиненіями по медицинѣ и естествознанію. Сами схоластики были слишкомъ мало знакомы съ греческимъ языкомъ, чтобы читать Аристотеля въ подлинникѣ; латинскіе же переводы греческаго текста, сдѣланные нѣсколькими схоластиками, ока-

звались неудовлетворительными, и такимъ образомъ оставалось понимать Аристотеля такъ, какъ онъ передавался арабами и евреями.

Но кромѣ этого посредническаго вліянія на развитіе схоластической философіи, евреи имѣли на нее и вліяніе самостоятельное именно въ эту пору, когда въ противоположность предшествующимъ періодамъ исключительно духовнаго или преимущественно свѣтскаго направленія образованія, распространялось и прибрѣтало авторитетъ знакомство съ предметами земными рядомъ съ изученіемъ богословія. Ибо схоластики для своихъ, преимущественно богословскихъ цѣлей, отнюдь не могли ограничиваться трудами арабскихъ философовъ или Аристотеля; арабскіе философы были свободные мыслители и еретики, высказывавшіе такіе принципы, которыхъ не могла допустить ни одна положительная религія; ученіе же Аристотеля только Маймуни согласилъ съ богословіемъ Вибліи, понимаемой въ высшемъ смыслѣ. Поэтому Маймуни могъ служить для схоластиковъ указаніемъ, какъ имъ держаться относительно тѣхъ воззрѣній древняго мудреца, которыя противорѣчили ихъ религіознымъ идеямъ; у него могли они научиться самостоятельному отношенію къ греческой и арабской философіи. И дѣйствительно, вліяніе Маймуни на Альбертуса Великаго и Тому Аквинскаго подтверждается многими данными, точно также, какъ вліяніе Авиченны и Габриэля и философа Давида на францисканца Дунса Скота.

По этому, когда Альбертусу Великому ставятъ въ заслугу, что онъ передѣлывалъ Аристотеля тамъ, гдѣ ученіе греческаго философа противорѣчало взглядамъ церкви, напр. относительно вѣчности міра, удержавъ библейскій рассказъ о сотвореніи, или утверждая существованіе личнаго бессмертія души,— то не слѣдуетъ забывать при этомъ, что именно несогласныя съ Аристотелемъ мысли Альбертусъ получилъ отъ Маймуни, а въ важнѣйшихъ вопросахъ, напр. о сотвореніи міра и пророчествѣ, прямо заимствовалъ воззрѣніе еврейскаго мыслителя сокращенною передачею цѣлыхъ трактатовъ «Моше», по средневѣковому обыкновенію. Вліяніе, какое имѣлъ «рабби Моше егинетскій» на вожаковъ схоластической философіи, засвидѣтельствовано положительнѣе уже въ новое время; оно простирается даже на опредѣленіе понятія о Богѣ, въ развитіи и аргументаціи котораго Тома Аквинскій — при этомъ обсуждавшій также философскіи путевъ вопросъ, имѣетъ-ли право церковь свободно распоряжаться имуществомъ евреевъ—близко слѣдовалъ «Руководителю Сомнѣвающихся», бывшему въ его рукахъ въ латинскомъ переводѣ. Точно также маймунидовскаго происхожденія ученіе о существованіи въ мірѣ зла, перешедшее отъ Тома къ

Лейбницу и въ новую философію. Наконецъ въ эту же категорію входитъ и схоластическая этика, которая, поднявшись выше Аристотеля присоединеніемъ добродѣтелей вѣры, любви и надежды къ основнымъ греческимъ добродѣтелямъ мудрости, храбрости, умеренности и справедливости, и чрезъ это достигнувъ болѣе высокой ступени познанія, — воспользовалась только яснымъ различіемъ, которое установилъ уже Маймуни, исходя изъ Аристотелева дѣленія на нравственные и логическія добродѣтели — различіемъ между добродѣтелями этическими и познавательными, изъ коихъ послѣднія, по его мнѣнію, стоятъ выше первыхъ и находятъ себѣ вѣнецъ даже въ дарѣ пророчества.

Что схоластики, также какъ и Маймуни, не могли еще освободиться отъ послѣдняго остатка неоплатонической философіи — особенно отъ ученія объ эманации, и продолжали тащить его за собой, — это ясно видно изъ сочиненій Альберта и его преемниковъ, главнымъ же образомъ — изъ схоластическаго направленія глубокомысленнаго Дунса Скота, этого «*doctor subtilis*». И въ этихъ неоплатоническихъ идеяхъ схоластики опять таки слѣдовали отчасти Габриолу, котораго они конечно знали только какъ Авичцебрана и считали арабскимъ философомъ. Но между тѣмъ какъ Альбертъ Великій подчиняется вліянію этого неоплатоника только въ отдѣльныхъ, уклоняющихся отъ ученія Аристотеля воззрѣніяхъ, Дунсъ Скотъ слѣдуетъ ему какъ въ допущеніи существованія универсальной матеріи, такъ и въ Габриоловскомъ ученіи о божественной волѣ, которое Дунсъ, единственный самостоятельный мыслитель этой школы, развилъ дальше весьма умно и тонко. Если онъ дѣлаетъ отличіе между необходимыми, вытекающими изъ сущности вещей или изъ разума, и тѣмъ, что есть дѣло свободы и воли и могло бы принять иной видъ, — если онъ и законъ природы и нравственности выводитъ изъ воли Божьей, въ которой воля и сущность не находятся между собою въ противорѣчій, такъ что разъ Богъ захотѣлъ, чтобы былъ міръ, законы истекаютъ изъ Его вѣчнаго существа, — то въ этихъ воззрѣніяхъ мы находимъ воспроизведенными тѣ неоплатоническія идеи Габриола, которыя изъ кн. «Источники Живни» вошли въ схоластику и этою послѣднею развиты и разработаны произвательно и своеобразно.

Такимъ образомъ и споръ еомнистовъ со скотистами вращается преимущественно вокругъ возбужденнаго Габриолемъ вопроса объ отношеніи между формою и матеріею, касаясь при этомъ и тонкихъ догматическихъ опредѣленій. Дѣйствительно, это явленіе, встрѣченное нами уже въ еврейской лите-

ратурѣ, повторяетъ съ незначительными измѣненіями и въ христіанскомъ богословіи того же періода. Въ тожь самоеъ Парижѣ, который смель на костръ сеченія Маймуни, сиводѣ нѣсколько лѣтъ спустя, наложилъ запретъ на физику и метафизику Аристотеля,—и какъ ревностные евреи объявили «Maddah» книгою законною, а «Mogeh» подлежащею осужденію, такъ христіанскіе учителя помогли себѣ въ затруднительномъ положеніи установленіемъ тонкаго принципа, что одо и тоже ученіе можетъ быть богословски правильно и философски фальшиво, и наоборотъ—принципа, который вѣроятно одобрили бы Соломонъ изъ Монпелье и его товарищи. Такъ началось саморазложеніе процесса схоластики въ то самое время, когда стало приходить къ концу процвѣтаніе еврейской религіозной философіи, которую по праву можно назвать кормилицею схоластики.

Но точно также, какъ наложенный папскими легатами запретъ не только не могъ воспрепятствовать изученію Аристотельскихъ трудовъ, но даже мало по малу былъ совершенно забытъ,—произнесенное раввинами отлученіе оказалось не въ силахъ сдержать распространеніе маймунистическихъ идей и сочиненій. И они тоже побѣдоносно проложили себѣ дорогу, вѣроятно среди постоянной борьбы, изъ отдѣльныхъ фазисовъ которой сдѣлалось намъ извѣстнымъ немного достовѣрнаго, но за то обладающаго убѣдительною силою.

И такъ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ прежде чѣмъ споръ вторично раздѣлялъ еврейскій лагерь на двѣ большіе враждебныя партіи,—пятидесяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ философія просвѣщенія съ одной стороны, и мистическое ученіе съ другой сдѣлали большіе успѣхи, при чемъ однако взаимныя отношенія обонхъ замѣтно измѣнились. Дѣйствительно, во второмъ фазисѣ борьбы между философіею и преданіемъ, въ высшей степени замѣчательнымъ представляется тотъ фактъ, что теперь и защитники преданія подчиняются вліянію идей Маймуни и уже не отваживаются сражаться съ его возрастающимъ авторитетомъ тѣмъ же оружіемъ, которыми дѣйствовали противъ него ихъ предшественники. Притомъ же и объектъ нападенія часто не тотъ, что прежде: теперь выступаютъ противъ крайностей и увлеченій философскаго направленія, борятся больше съ учениками, чѣмъ съ пользующимися уже общимъ уваженіемъ учителями.

Около того времени, когда первый споръ плачевно окончился сожженіемъ писаній Маймуни, въ Барселонѣ родился (ок. 1234—1310 г.)

Саломонъ б. Авраамъ б. Адеретъ *-Раиба—которому суждено было занять во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія почти такое же руководящее положеніе, какинъ пользовался нѣкогда Маймуни. Вышедши изъ школы Ионы Герунди и Нахмани, онъ натурально привкнулъ къ тому талмудическому направленію, представителями котораго были эти оба учителя; но въ послѣдствіи ученикъ оставилъ ихъ повади себя. Уже въ молодые годы Соломонъ Адеретъ считался замѣчательнымъ законоучителемъ; въ зрѣломъ возрастѣ онъ былъ первымъ авторитетомъ современнаго еврейства.

Вслѣдствіе этого его научная дѣятельность направляется прежде всего на сообщеніе отвѣтовъ по обращаемымъ къ нему вопросамъ обрядоваго содержанія. Соломонъ Адеретъ—первый испанскій законоучитель, отъ котораго мы и имѣемъ обширные сборники такихъ отвѣтовъ. Сохранилось всѣхъ около 3000, раздѣленныхъ на пять частей, но они составляютъ только половину всего количества ихъ. По отзыву опытныхъ знатоковъ они могутъ быть признаны кульминаціоннымъ пунктомъ литературы респонзовъ и обнимаютъ собой какъ философскія и этическія, такъ и вегетатическія и практическія темы. Эвзегетика и этика проникнуты у него тѣмъ же духомъ, какъ и у Нахмани; особенно въ отвѣтахъ этического свойства обнаруживается глубокая нравственная чистота. Къ философіи Соломонъ не относится прямо враждебно, но еще менѣе является ея сторонникомъ; насколько онъ цѣнитъ и почитаетъ Маймуни, на столько же любитъ Нахмани. Понятно, что онъ старается примирить между собой два противоположныхъ направленія.

Отъ каббаны держится Соломонъ Адеретъ въ почтительномъ отдаленіи и не признаетъ за нею никакого вліянія на теорію и практику; съ другой стороны онъ находитъ, что «ислѣдованію, когда оно грозитъ подорвать основанія вѣры, должно ставить предѣлы». Въ общемъ направленіи Соломона было консервативное, причемъ однако онъ никогда не впадаетъ въ фанатизмъ или суетвѣріе своихъ современниковъ. Онъ нисколько не затрудняется объяснять встрѣчающіяся въ Библии противорѣчія различіемъ въ выраженіяхъ, измѣняющимися вариантами. Но вѣсть съ тѣмъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нути философій и традицій расходятся между собой, постоянно и безусловно является приверженцемъ послѣдней. Когда однажды къ нему обратились съ запросомъ относительно высказаннаго въ

* Недавно доказано, что правильное произношеніе этого раввина—*б. Авраамъ Фед.*

одномъ изъ его сочиненій мѣня, что мѣръ современемъ перестанетъ существовать, онъ отвѣчалъ такъ: «Пусть философское изслѣдованіе утверждаетъ, что мѣръ вѣченъ; за это намъ не слѣдуетъ нападать на него, оно свободно въ своемъ движеніи; мы же имѣемъ около себя традицію и находимъ въ ней надежную руководительницу. Впрочемъ и философскому изслѣдованію, на сколько оно черпаетъ свои доказательства изъ природы, подобаетъ дѣйствовать со скромностію и не терять сознанія своей недостаточности. Развѣ мы можемъ опредѣлить причину свойствъ магнита притягивать желѣзо и притянутое желѣзо наклонять къ сѣверному полюсу? Если бы объ этомъ рассказали Аристотелю, онъ принялъ бы рассказъ за басню, а между тѣмъ опытъ доказываетъ дѣйствительность этого явленія; не слѣдуетъ-ли такимъ образомъ изслѣдованію поступать нечѣмъ самоувѣренно? Мы же тѣмъ болѣе должны держаться руководства традиціи, что въ св. писаніи нѣкоторыя мѣста объясняются символически, и многія, противорѣчающія ему философскія мѣнія могутъ быть находимы въ немъ посредствомъ толкованія, тогда какъ традиція напротивъ того выражается всегда ясно и съ отсутствіемъ всякой цвѣтистости. Таково напримѣръ ученіе о бѣсмертіи души: то, что мы извлекаемъ касательно этого предмета изъ видѣнія Езекииля, можетъ быть объясняемо символически и лишено доказательности. Точно также приводимыя на этотъ счетъ учителями изъ писанія доказательства суть только точки соприкосновенія, посредствующія звенья. Одна традиція съ незапамятныхъ временъ показывала намъ дѣйствительное существованіе бѣсмертія!»

Сильность, съ которою Адеретъ высказывалъ свои убѣжденія, представляеть выгодную для нея противоположность съ языкомъ тѣхъ стражей Сіона, которые впервые выступили войною противъ философіи. Съ практической стороны его респонсы обвиняютъ собою всѣ области ритуала, гражданскаго брачнаго права, общинныхъ и политическихъ отношеній. Отвѣты его отличаются ясностію и глубокомысленностію. И эти же самыя достоинства слѣдуетъ признать за принадлежащими къ тому же кругу изслѣдованій новеллани его «Chidduschim» къ различнымъ талмудическимъ трактатамъ, и особенно за удовлетворяющими той же потребности кодексами, ставящими Соломона Адерета въ этой области безусловно рядомъ съ лучшими дѣятелями галахической науки, хотя направленіе его совсѣмъ иное, чѣмъ у нихъ. Кодексъ Соломона Адерета, первоначально долженствовавшій обнять всю область галахи, озаглавленъ «Torath Nabajith» (Ученіе Дома); онъ имѣеть предметомъ только законы о пищѣ, субботѣ и

очищеніи женщинъ. Этотъ трудъ заставляеть новый исходный пунктъ для кодификаціи ритуальнаго закона и чрезъ это дѣлается противоположностью кодексу Маймуни, въ которомъ нѣтъ мѣсто исключительно систематизаціи, тогда какъ здѣсь выступаетъ на первый планъ развитіе остроумія. Работа эта, стоящая по достоинству выше и кодексовъ школы тоосафистовъ, тѣмъ значительнѣе, что авторъ не имѣлъ почти никакой опоры въ трудахъ предшественниковъ. Безъ образцовъ и безъ примѣровъ въ кодификаторской литературѣ, Соломонъ Адеретъ, вооруженный обширною ученостью и логикою, обратился къ источникамъ, привелъ внѣніи различныхъ учителей и такимъ образомъ переработалъ весь литературный матеріалъ, исполнивъ это съ наглядною ясностью, благодаря тому, что онъ въ заключеніе ресурсами собственнаго ума и знанія ярко освѣтилъ предметъ, такъ что конечная норма какъ бы сама собой развивается и принимаетъ опредѣленный образъ предъ глазами читателей. Между тѣмъ какъ кодексъ Маймуни дѣйствуетъ только авторитетомъ власти, ибо въ немъ нѣтъ ссылки ни на одинъ источникъ, кодексъ Соломона Адерета отличается убѣдительною и мотивированіемъ взглядовъ; первый предполагаетъ въ читателѣ большую ученость, и безъ нея пользоваться имъ почти невозможно; второй въ одно и то же время нормируетъ и учитъ, дѣлая ученика, посредствомъ архитектоники своего «Дома», какъ бы сотрудникомъ въ сооруженіи отдѣльныхъ частей.

И этотъ кодексъ также подвергся сильной критикѣ со стороны современныхъ учителей. Особенно обстоятельно выступилъ противъ него *Аронъ б. Иосифъ Галеви* въ Толедо, ученикъ Нахмани и ученый исследователь, котораго новаллы къ Талмуду справедливо пользовались большимъ авторитетомъ. Въ своемъ сочиненіи «*Bedeq Nabajith*» (Поврежденія Дома) онъ подвергнулъ трудъ Соломона Адерета подробному разбору, рассмотрѣлъ его глава за главою и всюду, гдѣ это казалось ему необходимымъ въ интересахъ нормированія Галахи, высказывалъ свои опроверженія спокойнымъ и сдержаннымъ тономъ. Этому же писателю приписывается, — но несомнѣнно несправедливо — компендіумъ еврейскаго законовѣдѣнія, сдѣлавшійся известнымъ подъ заглавіемъ «*Sefer Hachinuch*» (Книга Приготовленія) и въ позднѣйшее время приобрѣвшій большую популярность. Онъ составленъ вѣроятно въ началѣ четырнадцатаго столѣтія и, быть можетъ, одноименнымъ авторомъ, съ цѣлью религіознаго поученія юношества; впоследствии же получилъ распространеніе и въ тѣхъ кругахъ, которымъ были чужды серьезныя научныя знанія. Для назиданія юношества приняты здѣсь въ осно-

ваніе 613 постановленій и запрещеній, а къ нимъ присоединены написанныя въ свѣжешъ, естественномъ и тепломъ тонѣ объясненія, касающіяся числа и сущности законовъ, дѣйствительныхъ причинъ этихъ послѣднихъ — болышею частью по Маймуни и Нахмани, а равно и существующихъ для нихъ практическаго исполненія галахическихъ нормъ, и наконецъ, круга дѣйствія законовъ. Выходящаго за предѣлы такой учебной книги значенія безпритязательный этотъ трудъ не имѣетъ; только благодаря тому обстоятельству, что онъ ошибочно приписывался знаменитому Арону Галеви, на него было обращено усиленное вниманіе, ибо этотъ ученый повсюду признавался однимъ изъ первыхъ талмудистовъ и славился, какъ равноправный противникъ Соломона б. Адрета.

Но Соломонъ б. Адретъ не испугался критики этого противника. Въ новомъ сочиненіи «Mischmereth Nabajith» (Стража Дома) онъ раздражительно и съ полнымъ самосознаніемъ пользующагося громкою славой учителя опровергалъ возраженія Арона Галеви, къ которому относился довольно пренебрежительно. Правда, что держать себя такъ гордо Соломонъ Адретъ могъ считать себя въ правѣ при томъ положеніи, которымъ онъ пользовался въ предѣлахъ еврейства: къ нему обращались съ запросами изъ Азіи и Африки, Эльзаса, Германіи, Моравіи, Австріи, Португаліи, Франціи и Испаніи, и мы въ настоящее время имѣемъ полное основаніе удивляться существованію такихъ обширныхъ связей въ ту пору затруднительныхъ международныхъ сношеній. Но такое высокое положеніе естественно требовало часто и рѣшительности въ образѣ дѣйствій, въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось защищать вѣру въ предѣлахъ еврейства или внѣ ихъ. Въ богатой полемической литературѣ противъ ислама, а затѣмъ и противъ возставшей на еврейство церкви, Соломонъ б. Адретъ стоитъ въ первомъ ряду. Дѣйствительно, представляется вѣроятнымъ, что сохранившійся только въ отрывкахъ и извлеченіяхъ комментарий его къ Гаггадотъ «Chiddusche Haggadoth», судя по этимъ остаткамъ, служилъ политическимъ цѣлямъ и имѣлъ назначеніемъ сражаться съ противниками Гаггады какъ въ предѣлахъ еврейства, такъ и внѣ ихъ, преимущественно же съ двумя опаснѣйшими врагами — съ доминиканцемъ Раймундомъ Мартаномъ и его ядовитымъ сочиненіемъ, «Pugio fidei adversus Mauros et Iudaeos», и съ обращеннымъ въ христіанство Алфонсо де Бургосъ и его юдофобскимъ произведеніемъ «Liber bellorum Dei». Одинъ объяснялся современныи смыслъ Гаггады, вторая по мнѣнію бонъ Адрета, ни въ какомъ случаѣ не должна быть понята только буквально, другая доказывалась несостоятельность ихъ

аргументовъ противъ еврейства, опирающихся именно на такіа гаггадическія мѣста. Еще рѣшительнѣе полемизируетъ онъ въ брошюрѣ «Ma'amag al-Ischma'el» съ однимъ марометанскимъ писателемъ, который подвергалъ особенно сильнымъ порицаніемъ еврейство и Библию.

Тѣмъ не менѣе, бенъ Адеретъ отнюдь не былъ зараженъ духомъ виновности; напротивъ того, это былъ совершенно миролюбивый ученый. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось бороться въ интересахъ гонимой вѣры, онъ брался за оружіе и не отступалъ предъ непріателемъ. Вообще онъ—скорѣе человекъ съ посредническими стремленіями, который конечно ставить выше всего законоученіе, признавая однако и науки «смѣсительницами мастей и приготовительницами пряностей»,—которому, какъ вѣрному сыну испанской культуры, отродно упиваться благоуханіемъ ея мастей, ароматами ея кореньевъ, — который не презираетъ философію, не отстраняетъ разумъ, чтобы очистить дорогу снова выплывшему наружу мистическому движенію, любить даже поэзію,—и отъ котораго сохранилась до настоящаго времени одна, написанная въ библейскомъ стилѣ и благороднымъ языкомъ молитва, получившая прозваніе «родъ царскаго вѣнца», какъ намекъ на родство ея съ знаменитымъ гимномъ Габироля. Такихъ образомъ Саломона Адерета мы никакъ не можемъ признавать человекъ, способнымъ возбудить религіозную борьбу въ предѣлахъ еврейской общины. Только тогда, когда для него сдѣлалось уже невозможнымъ сопротивляться настояніямъ своихъ друзей и приверженцевъ, онъ рѣшился занять оппозиціонное положеніе относительно философскаго направленія и возобновить борьбу за традицію.

Но для того, чтобы понять этотъ второй и послѣдній фазисъ борьбы, необходимо принять въ соображеніе все, происходившее въ лагерѣ такъ называемой майнуновской партіи, а также познакомиться съ выдающимися представителями этого направленія въ различныхъ странахъ, принявшими въ наслѣдство борьбу отъ перваго поколѣнія послѣ смерти учителя. Два писателя либеральнаго направленія главнымъ образомъ вызвали гнѣвъ противниковъ и воскресили борьбу послѣ почти пятидесятилѣтняго перемирія: Іаковъ б. Аббамари и Леви б. Авраамъ.

Іаковъ б. Аббамари б. Самсонъ б. Анатолю (1232 г.), принадлежавшій еще къ предыдущему поколѣнію, есть одно изъ очень интересныхъ явленій въ еврейской литературѣ. Онъ былъ родомъ изъ Прованса, женился на дочери извѣстнаго переводчика Самуила б. Тиббона и въ молодые годы переселился въ Неаполь, гдѣ императоръ Фридрихъ II принялъ

его къ себѣ, назначилъ ему жалованье и поручилъ переводы Аристотельскихъ сочиненій. Кромѣ большого количества математическихъ и философскихъ переводовъ, особенно Алмагеста — съ арабскаго текста Аверроэса, существуетъ еще въ рукописи его переводъ среднихъ комментариевъ Аверроэса къ Аристотелевымъ *Изагоге*, *Категоріямъ*, *Книгѣ Интерпретаціи* и *Analythica priora*. Но есть полное основаніе думать, что сочиненія Аристотеля, переведенныя въ то время императорскимъ астрологомъ Михаиломъ Скотомъ, были переведены съ арабскаго на латинскій съ помощью Аббамари (Андреасъ?). Михаилъ Скотъ былъ другъ Аббамари, искренно почитавшаго этого своего единственнаго учителя и называвшаго его рядомъ съ Самуиломъ 6. Тиббономъ.

Повято, что Аббамари сталъ на маймуновскую точку зрѣнія въ вопросѣ объ отношеніи между религіею и философіею и старался о повсемѣстномъ ея распространеніи. Правда, что его метода развитія маймуновскихъ идей, посредствомъ философской аллегоріи, которая должна была выродиться въ плоскій рационализмъ, представляла мало плодотворнаго и ужъ нисколько не соответствовала духу учителя, котораго Аббамари превозносилъ такъ, что ставилъ наряду съ пророками. Въ его главномъ сочиненіи «*Malmad Natalmidim*» (Побужденіе для учащихся), появившемся въ печати всего нѣсколько лѣтъ назадъ и состоящемъ изъ экзегетическихъ толкованій къ отдѣльнымъ перикопамъ Пятикнижія, эта философская аллегорія, только разводящая водою энергическое и жизненное слово Писанія, играетъ первую роль. Достаточно познакомиться съ его объясненіемъ трехъ этажей въ ковчегѣ Ноя, въ которыхъ онъ видитъ три группы человѣческаго знанія: точныя науки, физику и метафизику, чтобы получить повятіе о духѣ этой экзегетики, которая, однако, не смотря на это, нашла въ Провансѣ многихъ почитателей и чтеніе которой въ субботніе дни было очень распространено.

Для объясненія Писанія или по отношенію къ нравственной философіи это сочиненіе представляется почти бесполезнымъ, и интересъ его — развѣ что литературно историческій, такъ какъ Аббамари нисколько не затрудняется принимать экзегетическія объясненія христіанскихъ изслѣдователей, преимущественно же своего друга-схоластика Михаила Скота, которыя онъ каждый разъ цитируетъ съ буквальною точностью, чтобы не быть птицею въ чужихъ перьяхъ; при этомъ онъ, однако, пускается также въ жаркую полемику съ исламомъ и христіанствомъ, возставая главнымъ образомъ противъ монашества, вѣры въ чудеса и ученія о миссіи; наконецъ, онъ вво-

дѣть въ кругъ толкователей Библии даже императора — своего высокаго покровителя, вводитъ посредствомъ различныхъ, даваемыхъ отъ имени этого послѣдняго объясненій, между которыми самое интересное — касательно причины, почему въ жертву могутъ быть приносимы животныя только домашнія, а не дѣсныя.

Еще больше Иакова б. Аббамари вызывалъ негодованіе набожныхъ второй представитель философскаго направленія, *Леви б. Авраамъ* изъ Вильфранша (1258 г.), потомокъ ученой фамиліи, одинаково свѣдущій въ Талмудѣ и философіи и признававшій путеводными звѣздами своей дѣятельности Маймуни и Ибнъ-Эзру. Уже въ его первомъ трудѣ «*Botte Napefesch we Halechaschim*» (Покои души и талисманы), дидактическомъ стихотвореніи о различныхъ предметахъ дѣятельности человѣческаго духа и обо всѣхъ, знакомыхъ автору наукахъ, ясно обнаруживается его либеральный образъ мыслей. Сочиненіе это, состоящее изъ десяти пѣсней и 1846 оканчивающихся на одну и ту же риму стиховъ и трактующее по образу арабскихъ перипатетиковъ о происхожденіи философіи, физики, метафизики и морали, въ поэтическомъ отношеніи незначительно; историческое же достоинство его во всякомъ случаѣ немаловажное, ибо оно должно было послужить надежнѣйшимъ пособіемъ для знакомства съ прогрессомъ въ философскихъ воззрѣніяхъ перваго по-маймуновскаго столѣтія.

Что и Леви б. Авраамъ чтитъ Маймуни выше всѣхъ другихъ — это совершенно понятно, какъ понятно и его высокое уваженіе къ Самуилу ибнъ Тиббону и тѣсная дружба съ сыномъ этого послѣдняго, Монсеенъ. По побужденію этого друга онъ написалъ свое большое сочиненіе «*Livjath Chen*» (Вънецъ Граціи), родъ энциклопедіи наукъ въ двухъ большихъ отдѣленіяхъ, которая въ настоящее время не существуетъ въ полномъ видѣ и въ рукописи. Судя по рукописнымъ остаткамъ, разсѣяннымъ въ различныхъ библіотекахъ, трудъ этотъ распался на двѣ части, озаглавленные — по колоннамъ въ храмѣ Соломона — *Иахинъ* и *Боазъ*. Ворота *Иахинъ* открываютъ путь къ пяти наукамъ: арифметикѣ, геометріи, астрономіи, физикѣ и метафизикѣ. Во второй части — *Боазъ* — обсуждаются только религіозно-философскіе вопросы о пророчествѣ, о тайнахъ закона и сотворенія міра, — и все это съ вполне рационалистической точки зрѣнія. Взгляды автора на откровеніе, чудеса, пророчество, способъ изученія Талмуда естественно должны были въ то время возбудить противорѣчіе и неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что Леви б. Авраамъ всюду находилъ себѣ покровителей, друзей и учениковъ. Но характеристично для того времени,

что изъ всѣхъ символическихъ толкованій и рационалистическихъ объясненій Леви наибольшее негодованіе возбуждаетъ то, которое, въ очень скромной и мало доказательной формѣ, касалось талмудическаго разсказа о двухъ буквахъ—*Mem* и *Samesch*—каменныхъ скрижалей закона, не выпавшихъ изъ нихъ, благодаря чуду. Леви б. Авраамъ осторожно замѣчаетъ, что вѣроятно онѣ удержались за находившійся тутъ крючокъ. Можно-ли повѣрить, что въ то время это естественное и не особенно остроумное объясненіе чуда вызвало такую бурю, что бѣдный ученый подвергнулся сильнымъ гоненіямъ, уже на старости лѣтъ долженъ былъ пуститься въ скитаніе и быть обвиненъ въ невѣріи и еретичествѣ!?

Правда, что противники философіи были въ то время еще не достаточно сильны для того, чтобы имѣть возможность дѣйствовать самостоятельно; они нуждались въ поддержкѣ выдающихся талмудическихъ авторитетовъ, которой однако покаясь не находили ни въ Испаніи, ни въ Провансѣ. При томъ же, въ этомъ второмъ фазисѣ великой борьбы умственный перевѣсъ былъ рѣшительно въ либеральной средѣ приверженцевъ Маймуни и представителей Аристотелевой философіи. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали и въ Испаніи, и въ Провансѣ сверхъ того нѣсколько людей, объ умственномъ значеніи которыхъ надо намъ еще сказать прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изображенію отдѣльныхъ подробностей возобновившейся борьбы.

Между ними первое мѣсто занимаетъ *Шемтобъ б. Иосифъ Палкера* (1264 г.), испанецъ. Это—одинъ изъ ученѣйшихъ писателей тринадцатаго столѣтія, господствующій почти во всей области знанія той поры и защищающій маймуновскія идеи въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя частью напечатаны, частью находятся еще въ рукописяхъ. Уже юношей написалъ онъ разсужденіе о взаимномъ отношеніи души и тѣла, этический трактатъ «*Zori Najagon*» (Бальзанъ скорби) о покорности судьбѣ и душевной твердости въ несчастіи, равно какъ и діалогъ между приверженцемъ философіи и представителемъ традиціи—*Iggereth Hawikuach*, касающійся согласія религіи съ философіею и въ родѣ одного сочиненія Аверроэса. Къ этой-же категоріи принадлежитъ и большинство его позднѣйшихъ работъ, изъ которыхъ только нижеслѣдующія имѣютъ какое нибудь значеніе: «*Sefer Nama'aloth*» (Книга о степеняхъ)—о различныхъ степеняхъ человѣческаго совершенства; «*Sefer Hanefesch*» (книга о душѣ), психологія по принципамъ арабскихъ перипатетиковъ; «*Moreh Namogeh*», комментарий къ религіозно-философскимъ мѣстамъ сочиненія Май-

муни, весьма полезный для изучения арабской философии; главным же образом — «Namebakesch» (Ищущий), дидактический роман в изящной прозе, где проводится мысль, что философское знание должно быть ценно выше всякого другого; наконец, кроме сочинения в защиту Маймуни в связи разгоревшейся борьбы, еще извлечения из «Источника Жизни», посредством которых Палквера вообще сохранил в еврейских кругах память о Габироль.

Палквера — истинный философ-популяризатор; как таковой, он имеет неоспоримое значение и обладает искусством превращать золотые слитки философии в ходячую монету. Кто станет искать у него оригинальных мыслей — ошибется в ожидании; кто же напротив того пожелает вместе с его «Ищущим» войти в изучение арабско-еврейской философии, найдет в его трудах много материала для побуждения к работам и приобретению знаний. Правда, сухое размышление, с какими он обсуждает высшие вопросы науки и веры, действует не особенно привлекательно или символически; но оно — в духе того времени и соответствует тому идеалу образования, который представлял в форме диалога в вышеупомянутом дидактическом романе. Тут любознательный ученик обращается к испытанным людям науки, образованности и набожности, и получает от них сведения и мнения касательно важнейших предметов в каждой из этих областей, чтобы сообразно с этими образовать свой собственный взгляд и усвоить наиболее того достойное. Естественно, что прежде всего он обращается к философу; тот ему объясняет, что занятие наукою не только допускается религиею, но и предписывается ею, и начертывает следующую, характеристическую для странствий того времени, порядок занятий:

„Сперва надо изучать письменное учение, потом устное, комментарий первого. Но в настоящее время достаточно изучить „Halaschot“ Альфаси и сочинения Маймуни — „Mischneh Tora“ и комментарий к Мишнэ. Этого довольно для образования религиозного мнения в сомнительных случаях. Если же есть время, то полезно познакомиться с самою Мишною и ее комментарием — Талмудом, так как эти книги укрепляют ум и делают его восприимчивым. Но вот что я советую тебе: не тратить время на задавание вопросов и погоню за ответами, как это делают столь многие, часто проводящие целую ночь за изучением какой-нибудь одной Гахалы, но когда их утром спросишь о ее содержании, неумяющие равно ничего ответить. После изучения Закона Божьего, займись науками, и прежде всего теми из них, которые составляют подготовку к физикѣ и к ме-

тафизикъ; такимъ образомъ ты вступишь въ бытіе богоблженнымъ и поймешь Бога“.

И действительно, любознательный ученикъ въ продолженіе пяти лѣтъ занимался Библією, Мишною и Талмудомъ. Послѣ этого онъ расстаётся съ учителемъ и переходитъ къ другому ученому, у котораго знакомится съ математическими науками: арифметикой, геометріей, оптикой, музыкой и астрономіей, посвящая на изученіе каждой годъ; третій преподаётъ ему логику и физику три года. Но «Ищущій» желаетъ идти еще дальше впередъ въ обогащеніи себя познаніями и хочетъ узнавать метафизическія проблемы. Онъ проситъ объ этомъ своего учителя; тотъ указываетъ ему на Аристотелеву метафизику, но отказывается самъ познакомить его съ этою областью, ибо не всякій можетъ понять ее. Ищущій самъ знаетъ это очень хорошо; онъ совсѣмъ не бакалавръ «Фауста», который быстро подвигается впередъ—«съ душевнымъ восторгомъ—нигдѣ свѣтъ передъ собою, тьму позади себя»; правда, онъ и не получалъ ни отъ какаго Мефистофеля демонскаго совѣта «прежде всего, связаться съ метафизикой»; онъ довольствуется тѣмъ, что основаніе для тайны этой науки онъ находитъ въ изреченіи Соломона: «Почитаніе Бога требуетъ подавленія слова» и расстаётся со своимъ послѣднимъ учителемъ совершенно удовлетворенный. Такъ оканчивается это сочиненіе, которое «при всей сухости своей—подобно остальнымъ произведеніямъ этого автора—свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи значенія науки и благородномъ рвеніи въ образованіи своихъ единомышленниковъ».

Самостоятельно, если въ сущности и не превосходя значеніемъ Палкверу, который писалъ также библейскіе комментаріи, до насъ однако не дошедшіе—его испанскій современникъ *Исаакъ Албалазъ* (1807 г.), который, кажется, именно въ періодъ борьбы распространялъ рационалистическія идеи посредствомъ своихъ сочиненій. Его ученіе, что «общаніе Библією награды и наказанія сдѣлано только для слабыхъ, философъ же не нуждается въ такихъ общаніяхъ»—уже характеризуетъ умственную точку зрѣнія чловѣка, котораго метода философствованія вполне соответствуетъ методу схоластическихъ докторовъ того времени. Если они учили, что одна и та же идея можетъ быть богословски истинна и философски фальшива, то Албалазъ доказывалъ то же самое разногласіе между знаніемъ и вѣрою: въ своемъ переводѣ и обработкѣ «*Maqasid al-falasifa*» (*de intentione Philosophorum*) Газзали, слѣдующемъ подъ еврейскимъ заглавіемъ «*Tikun Hadeoth*», онъ прямо заявлялъ, что какъ философъ

онъ можетъ быть убѣжденъ въ томъ или другомъ, какъ еврей же можетъ вѣрить въ совершенно противоположное! Еще дальше того зашелъ Албалагъ; онъ старался защищать, рядомъ со своимъ сухимъ рационализмомъ, и мистику, какъ традиционное тайное ученіе, правильное пониманіе котораго къ сожалѣнію пришло въ упадокъ съ теченіемъ времени. Но при этомъ онъ, какъ видно, не особенно почтительно отзывался и писалъ на счетъ обязательности библейскихъ законовъ, даже отрицалъ созданіе міра въ опредѣленный срокъ, — ибо въ послѣдствіи, его обвинили, какъ еретика и отступника. Единственная заслуга, которую еще можно было бы признать за Албалагомъ—судя по сохранившимся скуднымъ остаткамъ его умственной производительности—состоитъ, пожалуй, въ томъ, что онъ совершенно открыто заявилъ о существованіи разлада между знаніемъ и вѣрою, вмѣсто того, чтобы, подобно другимъ, стараться замазать этотъ фактъ. Онъ самъ съ ясностью и умомъ сознается въ своей неспособности перейти черезъ эту глубокую пропасть.

На точкѣ зрѣнія посредничества стояло и большинство либеральныхъ писателей Прованса, между которыми особенно выдающуюся роль въ возгорѣвшейся снова борьбѣ играетъ *Яковъ б. Махиръ* (1304 г.), изъ фамили Таббонидовъ (Profatius Judaeus). Онъ былъ врачомъ въ Монпелье и пользовался извѣстностью, какъ писатель въ области философіи и астрономіи. Вѣрныя преданія въ своей семьѣ, онъ перевелъ также съ арабскаго много философскихъ и математическихъ сочиненій; кромѣ того, изданы имъ многія хорошія астрономическія разсужденія, которыя потомъ были переведены на латинскій языкъ. Изъ его переводовъ особенно цѣнятся: логика Аристотеля и сочиненія «De animalibus» по Аверроэсу, «Элементовъ» Эвклида, «Сферъ» Менелая и Космы б. Луки; изъ самостоятельныхъ трудовъ извѣстны: «Алманахъ», заключающій въ себѣ астрономическія и хронологическія таблицы, равно какъ и два трактата объ астрологіи и квадрантахъ. Яковъ б. Махиръ, не смотря на его ученость и высокій почетъ, которымъ его окружали, былъ человѣкъ очень скромный; въ своемъ введеніи къ «Элементаръ» Эвклида онъ положительно заявляетъ, что его единственное стремленіе—«снять со своихъ единовѣрцевъ поворное обвиненіе, что они не причастны ни къ какой наукѣ». И тотъ самый человѣкъ, котораго астрономическія наблюденія объ отклоненіяхъ земной оси въ послѣдствіи такой ученый, какъ Коперникъ, взялъ въ основаніе новыхъ изслѣдованій, сознается, что онъ не безъ робкаго колебанія приступилъ

къ работѣ, ибо хорошо понимаютъ, что «не обладали никакими познаніями и что даже арабскій языкъ былъ ему знакомъ далеко не вполне».

Подобная скромность въ еврейской литературной средѣ того времени не представляетъ ничего необыкновеннаго. Можетъ быть, причина ея и заключается только въ крайне неблагоприятномъ политическомъ положеніи евреевъ, но во всякомъ случаѣ, она существовала и явственно обнаруживается во многихъ сочиненіяхъ, не имѣющихъ своимъ непосредственнымъ фундаментомъ еврейскую богословскую науку. Но и эти послѣдніе она не чужда; мало того: даже то гордое чувство собственнаго достоинства, которое украшаетъ крупныя умы и дѣлаетъ смѣшными и жалкими умы мелкіе, въ ново-еврейской средневѣковой литературѣ встрѣчается довольно рѣдко. Въ ту пору, когда борьба мѣтній раздѣлила еврейскую общину на два большихъ лагера, ученѣйшіи представители талмудизма, рядомъ съ Саломономъ б. Адеретомъ, является *Менахемъ б. Саломонъ Менри* (Don Vidal Salomo, 1249—1306 г.). Но онъ, въ качествѣ мериньянскаго раввина, только одинъ разъ пользуется случаемъ для принятія участія въ спорѣ, который (по его словамъ) вѣдь ведется только посвященными и въ которомъ поэтому его слово не можетъ быть авторитетнымъ. Его скромность обнаруживается и въ литературныхъ его работахъ, предметъ которыхъ составляютъ библейская экзегетика и изученіе Талмуда. Въ своихъ комментаріяхъ Библии, изъ которыхъ особенно извѣстенъ комментарий къ «Притчамъ», Менахемъ б. Менри употребляетъ естественную методу объясненія Писанія, однакоже далекую отъ любимыхъ въ ту пору направлений—раціоналистическаго и мистическаго; искусственныя доказательства онъ рѣшительно отстраняетъ, и суевѣріе его времени встрѣчаетъ въ немъ строгаго порицателя, не смотря на авторитеты, на которые оно опирается. Но важнѣе библейскіе комментарий, во многомъ напоминающіе сѣверно-французскую экзегетическую школу, его талмудическія сочиненія, изъ которыхъ главное «Beth Habeskira» (Домъ Выбора), обнимающее весь Талмудъ и снабженное цѣннымъ въ историко-литературномъ отношеніи введеніемъ, появилось отчасти въ печати. Менри съ усѣхомъ прилѣпляетъ въ своихъ талмудическихъ писаніяхъ путь, проложенный Маймуни; его комментарий отличаются методическимъ расположеніемъ и научнымъ характеромъ; стиль, въ противоположность напыченности или смѣшанному нарѣчію, простъ и ясенъ. Существуетъ также въ рукописи и масоретское сочиненіе Менри «Kirjath Sefer». Понятно, что такой человекъ, главные достоинства котораго были чувство мѣры и такта, относился съ не-

довѣріемъ ко всему странному и чудесному, — что однимъ изъ его стараній было противодействовать смягчающимъ образомъ тѣмъ затрудненіямъ, которыя строились строгими учителями его времени, — что, наконецъ, онъ предпочелъ кабинетную жизнь ученаго участию въ борьбѣ инѣрній и партій.

Рѣзкую противоположность со спокойной и методической манерой этого ученаго представляетъ научный пріемъ руководителя другого движенія, Аббы Мари б. Моисей (En Astrue de Lunel), происходившаго изъ почтенной фамиліи Прованса. Но и онъ уже находится подъ вліяніемъ великихъ идей майнуновскаго изслѣдованія; и кто желаетъ воплотить въ другія индивидуальностяхъ гродный прогрессъ этихъ идей въ теченіе одного столѣтія, тотъ пусть только сопоставитъ себѣ представителей въ борьбѣ противъ Майнуни, Соломона б. Авраама и Аббу Мари б. Моисей, обоихъ изъ Монпелье, прибавивъ къ нимъ *Симона б. Иосифа*, прозваннаго En Dugan de Lunel. Между тѣмъ какъ первый направляетъ свои нападенія прямо противъ Майнуни и не допускаетъ никакихъ компромиссовъ съ философіею, Абба Мари и Симонъ б. Иосифъ — почитатели учителя, руководящія идеи котораго они восприняли и — приблизительно такъ, какъ это дѣлалъ Нахмани — распространяли вмѣстѣ со своими религиозными воззрѣніями. Но негодованіе ихъ устремлено главнымъ образомъ противъ крайностей современной философій, противъ плоскаго рационализма, ребяческаго аллегоризма, противъ того, что убивало весь цвѣтъ религиозной жизни. Поэтому было бы неосновательно смотрѣть на эту возобновившуюся борьбу только какъ на продолженіе первой, и признавать ея участниковъ враждебными всякому знанію обскурантами, желавшими полнаго истребленія всякой философій и всякаго образованія. Что въ жару борьбы они вышли за предѣлы своихъ первоначальныхъ воззрѣній и увлеклись до провозглашенія философій ересью — это становится понятнымъ только тогда, когда узнаешь, какъ дѣятельно рационалистическая партія распространяла свои идеи въ синагогѣ и школѣ и превращала принципы еврейства въ ничего незначащія, блѣдныя схемы. Извѣстіе о существованіи такого движенія въ южной Франціи и было причиною, по которой Абба Мари со своими единомышленниками обратился за совѣтомъ и помощью къ величайшему талмудическому авторитету, бенъ Адерету. Тутъ завязалась — за и противъ — оживленная переписка, которую Абба Мари собралъ въ большомъ сочиненіи «Minchath Kenaoth» (Жертва Гивѣа), чѣмъ сохранилъ для потомства цѣнныя документы этой борьбы.

Судя по обнаруженнымъ до сихъ поръ свидѣтельствамъ, предметомъ

спора, въ этотъ второй фазисъ его, были преимущественно «раціоналистическая проповѣдь» и «аллегорическое толкованіе писанія», изъ которыхъ первая была продуктъ майнуновской философіи, вторая — вѣроятно аллегористическая метода Филона, вторично проникнувшая въ синагогу большиимъ обходомъ чрезъ посредство отцевъ церкви *. Этотъ аллегоризмъ въ ту пору сталъ играть такую преобладающую роль въ кругу почитателей Майнуни, что жалоба набожныхъ на то, «что въ Торѣ не осталось свободныхъ отъ аллегористическаго объясненія ничего, начиная съ первыхъ строкъ и кончая рассказомъ объ Откровеніи», едвали была преувеличена. О сравненіи Авраама и Сары съ матерію и формою мы уже упоминали; къ этому же разряду принадлежатъ аллегорическія толкованія о борьбѣ четырехъ царей съ пятью **, какъ споры четырехъ стихій съ пятью чувствами, исторія о Лотѣ и его женѣ, какъ интеллекта и матеріи, четырехъ патриаршнихъ женъ, какъ четырехъ стихій, двѣнадцати сыновей Іакова, какъ двѣнадцати знаковъ зодіака, Амалека, какъ злого побужденія, Урима и Тумима, какъ астролябію и т. п. Въ томъ же духѣ составлялись и ихъ проповѣди; тутъ объяснялись раціоналистически библейскіе рассказы о лѣстницѣ Іакова и терновомъ кустѣ, о божественномъ голосѣ на Синаѣ, объ остановкѣ солнца по врсобѣ Іисуса Навина, о повелѣніи на счетъ филактерій и запрещеніи свиного мяса и др. Противъ такого толкованія традиціонныхъ основаній религіи, противъ этой чуждой еврейству и опасной типологій возстали провансальскіе охранители вѣры.

У самого Аббы Мари три принципа, которые онъ признаетъ за корни еврейства: существованіе, единичность и безтѣлесность Бога, созданіе міра Богомъ и божественный Промыселъ. Эти три основныхъ принципа осуществляются въ еврействѣ: во 1-хъ въ законахъ, представляющихъ собою постоянное напоминаніе объ Откровеніи, во 2-хъ въ субботѣ, правдующей сотвореніе міра, въ 3-хъ въ Библии, научающей узнавать пути Господни. Но рассказы Библии не должны подлежать обсужденію разума, точно также, какъ человекъ не имѣетъ права изслѣдовать причины и основанія ея постановленій. Здѣсь такнхъ обра-

* Слѣдуетъ замѣтить, что на еврейскихъ раціоналистахъ тогдашняго времени имѣла непосредственное вліяніе одна арабская раціоналистическая секта, которая отвергала простой смыслъ словъ Алкорана, замѣняя его *внутреннимъ смысломъ*, т. е. аллегорическимъ толкованіемъ. Ред.

** См. главу XIV Кн. Бытія. Ред.

зогъ расходятся дороги Аббы Мари и Майнуни, ибо первый, находя, что учение Аристотеля расшатываетъ вышеупомянутыя принципы, вслѣдствіе этого требуетъ чтобы всѣ, недостаточно твердые въ вѣрѣ, держались какъ можно дальше въ сторонѣ отъ философіи. Таково было религиозное мировоззрѣніе Аббы Мари, и таковъ былъ самъ онъ, слѣдующимъ образомъ отзывавшійся о себѣ во второй брошюрѣ своей. «Я говорю и не щажу того, кто потрясаетъ основныя твердыни вѣры и подкапывается подъ слалу религіи; я иду моею дорогою, не сбываясь съ нея, не сдерживаю ни рѣчи, ни пера, когда приходится остановить разрушителя; никакого вниманія не обращаю я на насмѣшки или угрозы, энергически отражаю всѣ нападенія мечомъ вѣры, направляющимся противъ всякого, желающаго унижить еврейство, и который я вкладываю въ ножны только послѣ того, какъ святиня религіи очищена отъ осквернителей храма. Личная ненависть и честолюбіе не руководятъ мною, къ истинному мудрецу питаю я глубокое уваженіе; у меня нѣтъ склонности виѣшиваться въ общественную жизнь, но на защиту добраго дѣла выхожу я съ жаромъ и безъ робости».

Такой человѣкъ былъ конечно вполне способенъ стать во главѣ религиознаго движенія, и бенъ Адерета долженъ былъ не мало испугать смѣлый и пламенный тонъ перваго письма, въ которомъ Абба Мари приглашалъ учителя стать во главѣ истинно набожныхъ и начать войну съ нововводителями. Адеретъ отвѣчалъ сперва уклончиво; правда, онъ соглашается съ сѣтованіями Аббы Мари на печальное положеніе дѣлъ въ предѣлахъ еврейства, но не смотря на то, не находитъ въ нихъ достаточно основаній для начала войны. Законоученіе, говоритъ онъ, должно быть свободно, такъ какъ источники доступны вѣдъ всякому, и тотъ, кто призванъ учить, пусть защищаетъ находящуюся въ сильной опасности истину. Абба Мари въ своемъ возраженіи сожалѣетъ, что бенъ Адеретъ предпочитаетъ молчать и предоставить вещамъ идти своимъ порядкомъ. Если ужъ «Вѣнецъ современности» молчатъ, то остальные конечно будутъ оставаться спокойными; а между тѣмъ язва распространяется все шире и шире, въ синагогахъ выступаютъ проповѣдники, превращающіе библейскія личности въ философскія понятія и типы (намекъ на Іакова б. Абба Мари и Леви б. Авраама). До сихъ поръ въ синагогахъ души умилялись и возвышались отъ пѣнопѣвій Давида; теперь псалмы покидаютъ для чтенія Аристотеля и ему подобныхъ, и у этихъ ученыхъ ищутъ питательной пищи. Поэтому—заключаетъ Абба Мари—необходимо поднять оружіе во спасеніе чести Божіей; самъ онъ не хочетъ выступить доносчикомъ и назвать виновниковъ по

иенамъ, но общее собраніе вѣрующихъ въ Монпелье конечно могло бы составить нѣсколько рѣшающихъ постановленій. Въ отвѣтъ на это письмо бень Адеретъ выступаетъ противъ философіи уже болѣе рѣзко; онъ требуетъ безусловной вѣры, въ противоположность философіи, требующей доказательствъ. Но на энергическія дѣйствія онъ все-таки не рѣшается, а желаетъ представить все спокойному духу времени: «Собственникъ виноградника самъ сдумаетъ выполоть колючій тернъ!»

Бень Адеретъ не могъ однако такъ легко избавиться отъ впечатлѣнія, вызваннаго въ немъ сильными словами ревнителя за погасающее дѣло религіи. Онъ обращается сначала къ живущему въ Перпиньянѣ *Дому Крескасу Видалю* и проситъ его подумать, какими бы средствами можно было бы производительно дѣйствовать противъ распространителей ложныхъ ученій; его приглашеніе къ вліятельному человѣку горячо поддержано одноклассникомъ письмомъ брата Крескаса, дономъ Вонифаціемъ Видалемъ. Вълѣдствіе этихъ двухъ писемъ Крескасъ пишетъ прекрасное и характеристичное циркулярное посланіе, въ которомъ разъясняетъ возбужденные въ эту пору вопросы и тепло защищаетъ сдѣлавшагося предметомъ многихъ нападеній иезуита и поэта *Самуила Сулами*, который гостеприимно принялъ у себя Леви б. Авраама. Но въ концѣ Крескасъ, не смотря на всѣ сомнѣнія, обращается къ бень Адерету съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Въ тебѣ же однако соединены и право и сила для того, чтобы постановить рѣшительный приговоръ въ этомъ дѣлѣ. Если ходячіе слухи подтвердятся, воспользуйся своимъ авторитетомъ безпощадно; всѣ набожные охотно откликнутся на твой зовъ, и масса охотно приметъ произнесенное тобою отлученіе противъ всѣхъ тѣхъ, которые раньше достиженія тридцатилѣтняго возраста, занимаются свѣтскими науками (кромя медицины), а равно и противъ учителей этихъ наукъ». Отъ имени Бень Адерета отвѣчаетъ Вонифасъ Видалъ своему брату, что оба они согласны съ его мыслями и что Адеретъ приступитъ къ точному изслѣдованію положенія дѣла въ Монпелье. Между тѣмъ переписка между ними становится все оживленнѣе, и дѣйствіе принимаетъ уже почти драматическій характеръ.

Такъ въ одномъ письмѣ Бень Адерета къ Крескасу Видалю высказывается рѣзкое осужденіе Леви б. Авраама и его единомышленниковъ, и всѣ они называются «архи-еретиками». Въ письмѣ къ покровителю Леви, Самуилу б. Сулами, бень Адеретъ говоритъ ему: «Твое намѣреніе благое, дѣйствія же твои совсѣмъ не таковы!.. Кто, какъ Леви, объявляетъ войну обществу и мнѣнію, тотъ пусть не прятается позади тебя, а выступаетъ

на бой самостоятельно и открыто!» Тогда Леви пишетъ къ Бенъ Адерету и пытается, достаточно впрочемъ слабо, оправдаться предъ нимъ. Отвѣтъ Адерета есть прекрасное свидѣтельство его кроткаго характера. Въ тонѣ дружескаго увѣщанія онъ совѣтуетъ Леви вернуться на путь истины. «Знай,—говоритъ онъ—что я отнюдь не человекъ, видящій во всякомъ иномышленникѣ еретика, и не задѣваю никого безъ крайней надобности; но противъ тебя высказывается голосъ народа; послѣдуй же моему совѣту и послѣ того, какъ ты уже изслѣдовалъ всѣ остальные области знанія, довольствуйся полученнымъ отъ предковъ священнымъ наслѣдствомъ».

Но скоро послѣ того отъ словъ на счетъ энергической оппозиціи переходятъ къ дѣлу. Въ Монпелье прибылъ посланный отъ Бенъ Адерета и четырнадцати барселонскихъ раввиновъ и чрезъ посредство Абы Мари вручилъ представителямъ общины письмо, въ которомъ требовалось, чтобы они торжественно объявили, что до достиженія тридцатилѣтняго возраста никто не имѣетъ права читать философскія книги.

Абба Мари, которому уже прежде приходилось защищаться во многомъ даже предъ своими единомышленниками, сперва возондировалъ настроеніе общины, и когда убѣдился, что оно благопріятно для его плановъ, то въ одну изъ субботъ Эллауля мѣсяца 1804 г. созвалъ въ синагогѣ Монпелье общественное собраніе для прочтенія вышеупомянутаго раввинскаго посланія. За день до того однако *Іаковъ б. Махиръ* торжественно протестовалъ противъ этого собранія, на которое онъ сперва, быть можетъ, безотчетно изъявилъ согласіе. Собраніе, не смотря на это, все таки состоялось, и тутъ знаменитый потомокъ Тиббонидовъ повторилъ, при поддержкѣ многихъ товарищей, свой протестъ противъ вѣщательства чужихъ раввиновъ. Это происшествіе раздѣлило общину на двѣ партіи, вслѣдствіе чего Абба Мари долженъ былъ отложить на другое время продолженіе совѣщанія, а къ Бенъ Адерету были отправлены два письма. Въ одномъ *Іаковъ б. Махиръ* и его друзья смѣло и рѣшительно высказывались противъ поступка барселонскихъ раввиновъ и кончали слѣдующими словами: «Мудрецы, вложите карающій мечъ въ ножны, изслѣдуйте дѣло, прежде чѣмъ произнесете приговоръ, и тогда наказывайте съ умѣренностью и осторожностью!» Второе письмо было отъ Аббы Мари и двадцати четырехъ сторонниковъ его партіи, и въ немъ конечно выражалось безусловное согласіе съ рѣшеніемъ раввиновъ.

Предъ представителями либеральной партіи Бенъ Адеретъ оправдывается въ очень скромномъ письмѣ; въ такомъ же духѣ пишутъ имъ его дру-

зья: «наша дѣль только миръ и единеніе!» Напротивъ того, къ Аббѣ Мари и его партіи бенъ Адереть писалъ, что онъ твердо рѣшился отступить отъ этого дѣла, въ которомъ его добрыя намеренія были неретолкованы въ такую дурную сторону. Въ написанномъ одновременно съ этимъ письмѣ къ набожному Саломону изъ Люнеля бенъ Адереть давалъ полную волю своему негодованію на причиненное ему оскорбленіе: «Мы вѣдь не навязываемъ вамъ готовыхъ декретовъ—говорится въ этомъ интересномъ посланіи—а только даемъ совѣты, какъ и за вами признаемъ право руководить нами въ критическихъ случаяхъ».

Въ то же время Бенъ Адереть и три другихъ раввина писали вѣрному сіонскому стражу Аббѣ Мари, прося его еще разъ тщательно развѣдать настроеніе общины въ Монпелье и назвать по имени инициатора враждебнаго движенія. Но и та, и другая мѣра оказались безуспѣшными. Саломонъ Люнельскій отвѣчалъ въ очень раздраженномъ тонѣ и особенно сильно напалъ на Аббу Мари, (писемъ противниковъ Абба Мари не сохранилось, въ слѣдствіе чего мы можемъ составить себѣ о нихъ понятіе только по отвѣтамъ на нихъ), и бенъ Адереть не хотѣлъ рѣшиться дѣйствовать до полученія согласія покрайней мѣрѣ отъ двадцати общинъ Прованса. Въ такомъ положеніи было дѣло, и борьба колебалась то на одну, то на другую сторону, не оканчиваясь побѣдой ни той, ни другой, пока защитники традицій не получили значительную помощь изъ оставшейся до сихъ поръ безучастною Германіи, которая въ религіозномъ отношеніи служила вѣдь для нихъ идеаломъ. Ашеръ б. Іехіель (Ромъ, ок. 1250—1357 г.), преслѣдованіями выгнанный изъ этой страны, своей родины, пробрался чрезъ южную Францію въ Испанію и тамъ избралъ себѣ городъ Толедо постояннымъ мѣстопробываніемъ. Ашеръ б. Іехіель считался у себя въ отечествѣ высшимъ авторитетомъ еще дѣйствовавшей тамъ въ то время тосафистической школы; съ его вѣнательствомъ въ современныя запутанныя дѣла пріобрѣтаетъ силу новый элементъ, до тѣхъ поръ оставшіяся чуждыми евреямъ какъ Испаніи, такъ и южной Франціи,—ибо Ашеръ, человекъ строго набожный, съ рѣдкимъ отсутствіемъ эгоизма, очень ученый талмудистъ, относился однако съ презрѣніемъ ко всѣмъ остальнымъ наукамъ, въ которыхъ онъ, подобно многимъ нѣмецкимъ раввинамъ того времени, чувалъ только враговъ вѣры и которые поэтому были предметомъ ревностныхъ гоненій его. Разъ одинъ изъ его учениковъ сдѣлалъ ему возраженіе по этому поводу; Ашеръ отвѣчалъ: «Что мнѣ за дѣло до твоихъ силлогизмовъ? У меня свѣтлаго ума не меньше, чѣмъ у всѣхъ»

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау

(С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская бібліотена. Историко-Литературный сборникъ, Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.

Повѣсти и рассказы. К. Э. Францога. Цѣна 1 р. 50 к.

Мельпомена. Трагическая исторія К. Э. Францога. Пер. Петра Вейнберга. Ц. 60 к.

Яковъ Гирадо. Историческій романъ Л. Филиппсона. Перев. Петра Вейнберга. Цѣна 1 р. 50 к.

Талмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.

О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 50 к.

Евреи и ихъ ученіе объ инновѣрцахъ. Д. И. Флисфедера. Цѣна 1 р. 50 к.

Мендель Гибборъ. Фейгеле Магидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.

Очерки прошлаго. Л. О. Леванди. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Записки еврея. Г. И. Богрова. Ц. 3 р.

— То же на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.

Гретцъ. Исторія Евреевъ. Томъ V. Цѣна 2 р. 50 коп.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Д. И. Флисфедера. Ц. 1 р. 25 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.

Tragikomisches aus dem Leben. H. Schapir. Ц. 75 к.

Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I. Цѣна 2 р. 50 к.

Риль, Г. В. Гражданское общество. Ц. 2 р.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьею и біографіею.

Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гетъ. Ифигенія въ Тавридѣ.

” П. Шекспиръ. Коріоланъ.

” III. Мольеръ. Скупой.

” IV. Данте. Адъ.

” V. Шиллеръ. Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна.

” VI. Шериданъ. Школа злословія.

” VII. Софоняль. Эдипъ-Царь.

” VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.

Цѣна каждому выпуску 50 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Гретцъ. Исторія Евреевъ, Т. X.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границею.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — в.	12 р. — в.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца	3 ” — ”	3 ” 50 ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя ММ „Недѣльной Хроникой“ стоятъ по 10 в., для иногородныхъ—15 в.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп., за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ

1888

VIII.

ВОСХОДЪ

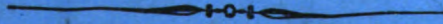
ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

VIII

Августъ.

БИБЛИОТЕКА
С.-В. ИВРИЯ
МОСКОВСЪ ГУБ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1888.

Книга 8-я.—АВГУСТЪ, 1888 г.

I. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА. Жизнь и дѣятельность Израиля Бешта С. М. Дубнова	3
II. ПОЦѢЛУЙ. Разсказъ. (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго.	22
III. ЕВРЕИ ВЪ ЕВРОПѢ. Лекція, читанная въ мюнхенской академіи наукъ. Профессора I. фонъ-Деллингера	49
IV. ДИСПУТЪ. Фантастическая поэма въ стихахъ. (Окончаніе). С. Г. Фруга.	67
V. СТАРАЯ МОШКОВА. Очеркъ Михаила Балуцкаго. Переводъ А. П. Онуфровича.	75
VI. КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ. По поводу второго изданія изслѣдованія Н. Д. Градовскаго: «Торговья и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ». П. М. Лякуба.	94
VII. СЪМЯ ВРАЖДЫ. (Фантазія). Стихотвореніе. Павла Попова	104
VIII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IX. ЕВРЕЙСКО-НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КИШИНЕВѢ И ОДЕССѢ. (Къ 50-ти лѣтнему юбилею 1-й еврейской школы въ Кишиневѣ). А. Люна.	1
X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ ПО РЕНАНУ. (Histoire du peuple d'Israël par Ernest Renan. Tome premier, deuxième édition, Paris, Calmann Levy, 1887). Критикуса.	11
XI. ВЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА. Критическій обзоръ беллетристическихъ произведеній Л. О. Леванды. А. Волынскаго.	25
XII. БИБЛИОГРАФІЯ:	

1) משמש תורה ת. е. *Триумвиратъ*. Разсказъ съ приложеніемъ двухъ сатирическихъ статей. Сочиненіе Н. Бейлина, Бердичевъ, 1887. 44

(См. на 3 стр. обертки).

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

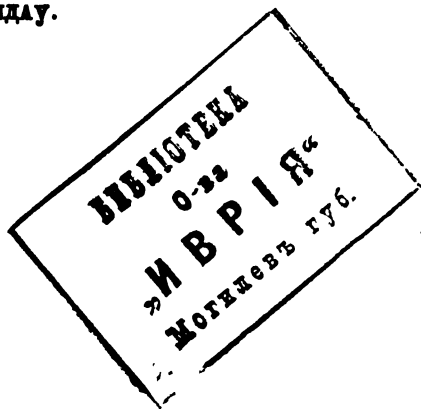
ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1888.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

V 1.

Ученіе Бешта.

Создалъ-ли Бештъ религіозную *систему*?—Доказательства подлинности дошедшихъ отъ Бешта изреченій.—Какъ дошли до насъ эти изреченія?—Источники для ученія Бешта. — Основныя начала: абсолютное всебожіе, взаимодействіе низшаго и высшаго міровъ. — Общеніе съ Богомъ. — Оптимизмъ. — Отрицаніе аскетизма. — Протестъ противъ обрядовой мелочности и мертвей талмудической учености. — Молитва, какъ видъ единенія съ Богомъ; восторженность, физическія возбужденія.—Исповѣданія, пророчество, гласы свыше.—Роль цадика.—Резюме.—Историческое значеніе Бештова ученія.

Можно-ли говорить объ «ученіи Бешта», какъ о чемъ-то опредѣленномъ, выработанномъ, систематическомъ? Далъ-ли намъ самъ Бештъ опредѣленную систему своихъ религіозныхъ взглядовъ и нововведеній? На первый изъ этихъ вопросовъ мы въ правѣ отвѣчать: *да*, на второй приходится отвѣчать: *нѣтъ*. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что отрицательный отвѣтъ на второй изъ этихъ вопросовъ необходимо уже влечетъ за собою отрицательное рѣшеніе и перваго; а между тѣмъ болѣе внимательное разсмотрѣніе имѣющихся данныхъ приводитъ насъ къ заключенію, что мы въ правѣ говорить о «религіозной системѣ» Бешта, не смотря на то, что основатель хасидизма не оставилъ послѣ себя никакого писаннаго систематическаго труда, который ясно формулировалъ бы все его вѣроученіе. Объяснимся. ?!

Какъ по своей личной жизни, такъ и по способу распростра-

¹ См. «Восходъ», кн. VII.

ненія своего ученія, Бештъ вполне раздѣляетъ судьбу древнихъ вѣроучителей и основателей сектъ. И біографія, и ученіе этого человѣка сначала сдѣлались предметомъ устныхъ преданій, и ужъ впоследствии, при его преемникахъ, перешли въ печатныя сочиненія. Какъ ни смѣло такое сравненіе, но Бешта можно назвать творцомъ религіозной системы въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы признаемъ творцами новыхъ вѣроученій Христа и Магомета. Подобно послѣднимъ, Бештъ распространялъ свое ученіе *устно*, развивая свои возрѣнія то въ тѣсномъ кружкѣ учениковъ, то въ публичныхъ проповѣдяхъ въ синагогѣ, то въ простыхъ частныхъ бесѣдахъ съ людьми различныхъ классовъ. Основатель хасидизма, повидимому, не особенно владѣлъ перомъ, и былъ болѣе способенъ къ устной рѣчи, нежели къ письменной. Для систематическаго письменнаго изложенія своихъ мыслей онъ не имѣлъ ни надлежащихъ способностей, ни внѣшнихъ литературныхъ средствъ. Этому препятствовалъ и самый характеръ его мыслей—субъективный, восторженный, мистическій, какъ-бы сверхъ-умственный. Такого рода мысли весьма трудно поддаются письменному изложенію, въ которомъ онѣ необходимо теряютъ большую часть своей силы, а гораздо удобнѣе передаются въ устной рѣчи, гдѣ жестъ, взглядъ, интонація—приходятъ на помощь бессильному, бѣдному слову. Даже въ устной своей рѣчи Бештъ, вслѣдствіе недостатка выраженій, бывалъ часто кратокъ, отрывоченъ, говорилъ намеками, словомъ,—развивалъ свои мысли не вполне, и только сущность ихъ *отшталъ* своимъ ученикамъ. Онъ и самъ признавался въ этомъ. По свидѣтельству учениковъ, Бештъ часто говаривалъ: «Все, что я самъ внесъ новаго въ область религія, или что заимствовалъ отъ другихъ—все это хранится глубоко въ моемъ сердцѣ и вѣдомо лишь одному Богу; все же то, что я проповѣдывалъ людямъ, составляетъ только ничтожный остатокъ, невольна вылившійся изъ вмѣстителя моего духа, какъ выливается малая часть воды изъ сосуда, наполненнаго черезъ край»¹. Это—очень характерное выраженіе. Бештъ, дѣйствительно, всегда говорилъ отъ избытка чувствъ и мыслей, и отъ избытка же ихъ не могъ говорить систе-

¹ См. замѣчательную книгу Цвейфеля: *אשר על שולחן א. I*, стр. 50, гдѣ эти слова приведены изъ одной извѣстной хасидской книги.

матически, формулировать ясно, *more geometrico*. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ мысль сильнѣе, интенсивнѣе слова, которыхъ лексиконъ слишкомъ бѣденъ для выраженія ихъ понятій; такіе люди обыкновенно, при высокой искренности убѣжденія, считаютъ профанаціей излагать свои мысли письменно, ибо боятся ослабить, обезцвѣтить эти заветныя мысли несоотвѣтствующими выраженіями. По этой же причинѣ и Бештъ не записывалъ своихъ мыслей, и не только самъ не записывалъ, но даже выражалъ неудовольствіе, когда другіе ихъ записывали, какъ о томъ передаетъ его биографъ ¹.

И тѣмъ не менѣе мы вправѣ говорить объ *учении* Бешта, какъ о чемъ-то опредѣленномъ, вправѣ признатъ большую часть того, что дошло до насъ отъ его имени въ произведеніяхъ его учениковъ, за вѣрное выраженіе его мнѣній. Почему? Потому, что Бештъ имѣлъ не одного ученика, который могъ бы передѣлывать его мнѣнія по своему вкусу, а цѣлый кружокъ учениковъ, которые съ одинаковымъ вниманіемъ слушали его слова и изреченія и благоговѣнно хранили ихъ въ своей памяти, какъ божественныя откровенія. Многіе изъ этихъ учениковъ, спустя всего двадцать — тридцать лѣтъ послѣ смерти Бешта, стали помѣщать въ своихъ произведеніяхъ цѣлый рядъ «изреченій» своего покойнаго учителя, причемъ различные авторы приводили одиѣ и тѣ же мысли почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Эти разбросанныя въ различныхъ книгахъ мысли и изреченія были около того же времени собраны и помѣщены въ двухъ главныхъ сборникахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ свѣтъ всего черезъ 24 года, а второй — спустя 30 лѣтъ послѣ смерти Бешта. (Подробныя библиографическія свѣдѣнія объ этихъ сборникахъ, равно какъ объ источникахъ, изъ коихъ содержаніе сборниковъ почерпнуто, мы сообщимъ нѣсколько ниже).

И такъ, въ пользу того, что все дошедшее до насъ подъ именемъ Бешта безспорно принадлежитъ ему, свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: 1) то, что многія и самыя важныя изреченія Беш-

¹ „Восхваленія Бешта“, 25 а. Тутъ рассказывается, какъ Бештъ, узнавъ, что одинъ изъ его слушателей записываетъ его проповѣди, съ недовольствомъ обличилъ непрошеннаго записывателя въ искаженія его мнѣній. Ср. также назв. соч. Цвейфеля, стр. 49.

та приводятся въ сочиненіяхъ его различныхъ учениковъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ; 2) то, что изреченія эти были обнародованы спустя очень короткое время послѣ смерти Бешта, вслѣдствіе чего они могли вполне сохраниться въ памяти его учениковъ,—и наконецъ, 3) то, что они были собраны и изданы подъ именемъ Бешта нѣкоторыми его непосредственными учениками и на глазахъ многихъ другихъ его непосредственныхъ учениковъ, которые могли контролировать другъ друга въ дѣлѣ правильной передачи священныхъ для нихъ словъ почившаго учителя. Все это, полагаемъ, весьма вѣскія доказательства въ пользу мнѣнія о несомнѣнной подлинности дошедшихъ до насъ изреченій Бешта. И мы на основаніи этихъ общихъ данныхъ, а также тѣхъ подробностей, которыя сейчасъ будутъ приведены, съ увѣренностью можемъ утверждать, что не только *духъ* Бештова ученія, сущность его міросозерцанія вполне сохранились въ этихъ изреченіяхъ, но что даже въ значительной степени сохранилась и *форма*, и способъ выраженія. Последнее доказывается уже тѣмъ, что важнѣйшія изреченія Бешта приводятся у различныхъ его учениковъ въ весьма сходныхъ выраженіяхъ, отличающихся особенною оригинальностью и довольно характерныхъ по стилю.

Конечно, могутъ поставить и другой вопросъ: *достаточно-ли* дошедшія отъ Бешта изреченія и отрывочныя мысли для постройки цѣлой религіозной системы, опредѣленнаго вѣроученія? Этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ на дѣлѣ ниже, когда мы будемъ излагать ученіе Бешта на основаніи собственныхъ его словъ. И если намъ удастся изобразить вполне его вѣроученіе, не будучи нигдѣ голословнымъ, а во всемъ ссылаясь на подлинныя его выраженія, то этотъ вопросъ будетъ уже самъ собою разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Прежде, однако, чѣмъ изложить ученіе Бешта, мы должны сдѣлать ближайшій критическій обзоръ тѣхъ книгъ, въ коихъ разсѣяны его мысли и изреченія и о которыхъ мы сейчасъ упомянули лишь вскользь, не называя именъ. Точнѣе: мы должны ближе рассмотреть, *какъ* дошли до насъ матеріалы для ученія Бешта.

Выше было сказано, что Бештъ не излагалъ письменно своихъ воззрѣній и не оставилъ послѣ себя никакихъ книгъ. Это, конечно, не значить, чтобы отъ Бешта не дошло до насъ ровно

никаких письменных документов. Сохранилось нѣсколько писемъ, несомнѣнно писанныхъ рукою Бешта и имѣющихъ довольно важное значеніе для опредѣленія личности и ученія основателя хасидизма. Одно изъ этихъ писемъ, почитаемое хасидами какъ пророческое откровеніе Бешта, относится къ 1747 году и обнародовано лѣтъ 35 спустя ¹. Какъ это, такъ и прочія письма будутъ нами приведены въ своемъ мѣстѣ.

Личному авторству Бешта приписываютъ еще одну маленькую книжечку, появившуюся лишь въ началѣ настоящаго вѣка и заключающую въ себѣ комментарий на 107-ю главу псалмовъ Давидовыхъ ². Но то обстоятельство, что книжка эта появилась въ свѣтъ только спустя долгое время по смерти Бешта, въ связи съ тѣмъ, что объ ней почти нигдѣ не упоминается въ наиболѣе авторитетныхъ книгахъ хасидовъ,—все это порождаетъ сомнѣніе въ принадлежности книжки перу самого Бешта. Впрочемъ, книжка эта заключаетъ въ себѣ весьма мало существеннаго для характеристики возрѣвній Бешта и мало чѣмъ отличается отъ многихъ другихъ каббалистическихъ комментариевъ.

Но, какъ мы уже говорили, не собственному перу, а перу своихъ учениковъ Бештъ обязанъ распространеніемъ своего ученія черезъ печатное слово. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его учениковъ и сподвижниковъ въ продолженіе долгаго времени былъ *Яковъ - Иосифъ Когенъ*, занимавшій должность раввина въ городахъ Рашковѣ, Шаргородѣ, Немировѣ, а подъ конецъ жизни — въ Полонномѣ. Этотъ вліятельный раввинъ, повидимому, раньше всѣхъ оцѣнилъ стремленія Бешта, раньше всѣхъ примкнулъ къ нему и остался навсегда самымъ ревностнымъ пропрандистомъ его ученія. Въ противоположность своему учителю, онъ не подвизался на поприщѣ проповѣдника, но, обладая бойкимъ литературнымъ перомъ, всѣ свои мысли излагалъ письменно и

¹ Впервые помѣщено въ сочиненіи Якова-Иосифа Когена *בן סורק יוסף*, напечатанномъ около 1780 года, а затѣмъ перепечатано въ сборникахъ изреченій Бешта и во многихъ другихъ хасидскихъ книгахъ.

² *במהל"ם על ספר קצ בתהלים* напечатанъ сначала въ 1803 г. въ Житомирѣ, въ видѣ приложенія къ книгѣ *שירת ישראל*.

распространялъ черезъ печатныя книги ¹. Весьма вѣроятно, что еще при жизни Бешта онъ записывалъ многое слышанное имъ отъ своего учителя. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ проникся воззрѣніями Бешта, что могъ вполнѣ играть роль его литературнаго толмача. И онъ дѣйствительно ревностно выполнялъ эту роль. Въ 1780 году, т. е. спустя 20 лѣтъ послѣ смерти Бешта, онъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый большой трудъ, въ которомъ, въ формѣ комментарія къ пятикнижю Моисееву, подробно развилъ различныя стороны ученія Бешта и помѣстилъ много краткихъ изреченій и мыслей послѣдняго въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ слышалъ отъ него лично или отъ своихъ сотоварищей ². Эти изреченія весьма легко отыскать въ текстѣ, ибо имъ обыкновенно предшествуетъ стереотипная фраза: «И слышалъ я отъ учителя моего», или: «Слышалъ я отъ имени учителя моего». Книга Когена сейчасъ по своему появленіи вызвала цѣлую бурю въ лагерѣ правовѣрныхъ раввиновъ, которые не безъ основанія усмотрѣли въ ней сводъ главнѣйшихъ принциповъ «еретическаго» ученія хасидовъ. Книгу публично сожгли въ 1781 г., по распоряженію нѣкоторыхъ раввиновъ-ревнителей, — но это не остановило ни ея успѣха въ публикѣ, ни дѣятельности ея автора. Послѣдній продолжалъ писать и печатать — и въ 1781—82 г. вышли въ свѣтъ подъ его именемъ еще два крупныхъ сочиненія, заключавшихъ въ себѣ разныя толкованія на Каббалу, Талмудъ и Мидрашъ въ духѣ Бештова ученія и въ связи со многими собственными изреченіями основателя хасидизма ³. Во главѣ одной изъ этихъ книгъ напечатано знаменитое пророческое посланіе Бешта къ своему шурину, бродскому раввину.

¹ Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ читатели найдутъ въ слѣдующей части нашего труда, въ которой мы будемъ говорить о жизни и дѣятельности главнѣйшихъ учениковъ Бешта.

² Книга חוקי יוסף раввина Я. І. Когена напечатана въ Меджибожѣ, мѣстопребываніи Бешта, въ 1780 г. и вслѣдъ за тѣмъ выдержала множество изданій; новѣйшее изъ нихъ — варшавское, Мунка, 1881 г., въ пяти частяхъ, лежитъ теперь передъ нами.

³ בן שורר יוסף въ Корецѣ, въ 1782 г. и בן שורר יוסף во Львовѣ, безъ обозначенія года, но повидимому около того же времени.

Какъ извѣстно и какъ читатели подробно узнаютъ изъ дальнѣйшаго изложенія, авторъ всѣхъ этихъ произведеній, Яковъ-Иосифъ Когенъ, не удостоился мѣста главнаго преемника Бешта по смерти послѣдняго, а служилъ лишь первымъ литературнымъ пропагаторомъ хасидскаго ученія. Преемникомъ Бешта и главой всей хасидской секты сдѣлался въ 1760 г. другой товарищъ Когена, извѣстный *Беръ Межеричкій* или «Проповѣдникъ изъ Межерича», который удерживалъ за собою этотъ санъ до своей смерти, въ 1773 г. Замѣчательное сочиненіе этого человѣка, представляющее собою компендіумъ основныхъ началъ хасидизма, вышло одновременно съ сочиненіями Когена, около 1780 г., и также содержитъ въ себѣ немало изреченій самого Бешта¹. Подобно сочиненіямъ Когена, и эта книга приобрѣла себѣ тотчасъ по своему появленіи необыкновенную популярность и причислена была къ лику священныхъ книгъ хасидовъ.

Нечего говорить, что большею частью своего успѣха сочиненія Когена и Проповѣдника были обязаны приводимымъ въ нихъ изреченіямъ самого Бешта. Но такъ какъ въ этихъ книгахъ «изреченія» были разбросаны на разныхъ страницахъ, нерѣдко перепутанныя съ комментаріями и замѣчаніями авторовъ, то, при все болѣе возраставшемъ благоговѣніи передъ памятью Бешта, въ публикѣ появился спросъ на отдѣльное изданіе изреченій Бешта. Удовлетворить этому спросу вывзвался оптскій раввинъ *Аронъ Когенъ*, который изъ названныхъ сочиненій выбралъ все, что помѣщено было подъ именемъ Бешта, и всѣ выбранныя отрывки напечаталъ въ 1784 г., въ Жолкѣвѣ, въ книгѣ, носящей заглавіе «Вѣнецъ добраго имени». Лѣтъ десять спустя, когда появились новыя сочиненія учениковъ Бешта и въ нихъ новыя изреченія послѣдняго, тотъ же авторъ собралъ ихъ и напечаталъ въ видѣ второй, дополнительной части сборника «Вѣнецъ добраго

---

¹ Оно извѣстно подъ двумя заглавіями: *ספר דברי יצחק* и *פרשת אפרים*. Первое изданіе вышло въ Корещѣ, безъ обозначенія года; второе изданіе съ дополненіями напечатано тамъ же въ 1784 г., изъ чего видно, что первое изданіе появилось около 1780 г. Передъ нами лежитъ третье изданіе, вышедшее (во Львовѣ или въ Жолкѣвѣ) въ 1797 году.

имени»¹. Обѣ эти части напечатаны съ одобренія трехъ важнѣйшихъ учениковъ Бешта — Менделя Лиссага, Соломона Карлинскаго и Аврамъ-Моши Пшеверскаго, апробація коихъ помѣщена во главѣ сборника. Текстъ книги начинается упомянутымъ выше пророческимъ посланіемъ Бешта, за нимъ идетъ каббалистическое объясненіе «Миквы» (обряда омовенія), приписываемое Бешту, а затѣмъ уже — рядъ изреченій послѣднаго, въ формѣ небольшихъ отрывковъ.

Около того же времени появилась въ печати небольшая книжка подѣ слѣдующимъ громкимъ заглавіемъ: «*Завѣщаніе Рабби Израиля Баалшема*, найденное въ бумагахъ его ученика, святого мужа Тесан, раввина г. Янова, и заключающее въ себѣ совѣты о добромъ поведеніи, правила ученія, молитвы и нравственности, слышанные изъ устъ божественнаго мужа Израиля Бешта, съ присокупленіемъ правилъ поведенія, предписанныхъ святымъ мужемъ Беромъ изъ Межерича»². Первые слова заглавія могутъ ввести въ заблужденіе, заставляя думать, будто книга заключаетъ въ себѣ подлинное завѣщаніе, писанное рукою Бешта, каковымъ дѣйствительно ее и призывали долгое время въ лагерь хасидовъ и ихъ противниковъ³. Но стоитъ внимательно прочесть вторую половину подробнаго заглавія, чтобы убѣдиться, что самъ составитель этой книги не приписывалъ ея непосредственно Бешту, а слово «Завѣщаніе» употребилъ въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ

¹ כתר שם טוב: Слова и изреченія великаго святого Израиля Бешта, выбранныя изъ сочиненій его святого ученика Якова-Юсифа Когена, а также изъ книги Бера Межеричера и другихъ священныхъ книгъ. Часть 1-я, Жолкіевъ, 1784; часть 2-я, тамъ же, 1795. Мы пользуемся славуцкимъ изданіемъ, въ коемъ не нѣтъ ни обозначенія года, ни нумераціи страницъ (всѣхъ страницъ въ обихъ частяхъ 56, in 4°, по два столбца въ каждой).

² ש"ך לר"ן, Жолкіевъ, s. a., и вторично въ 1793 г. (Ср. Лексиконъ Венъ-Якоба s. v.). Передъ нами лежитъ изданіе новѣйшее, напечатанное во Львовѣ, въ 1862 г. Объемъ книжки небольшой—всего 24 стр. in 12°.

³ Ср. *Israel Loebel's* Glaubwürdige Nachricht von der in Polen und Lithauen befindlichen Secte „Chassidim“ genannt“, въ периодическомъ сборникѣ „Sulamit“ за 1807 г., стр. 310 и сл. Тутъ авторъ, прославившійся неутомимомъ борьбою противъ хасидовъ въ концѣ прошлаго вѣка, прямо заявляетъ, что „Завѣщаніе“ принадлежитъ самому Бешту и принято у хасидовъ, какъ главный кодексъ (Gesetzbuch) ихъ ученія.

собрания изречений и мыслей, устно завѣщанныхъ Бештомъ своимъ ученикамъ въ качествѣ основныхъ началъ хасидскаго ученія. Что изреченія эти записаны вѣрно, по крайней мѣрѣ, безъ измѣненія смысла—въ этомъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, во первыхъ, потому что они дошли до насъ черезъ одного изъ непосредственныхъ учениковъ Бешта; во вторыхъ, потому что мы имѣемъ объ этомъ свидѣтельство одного весьма авторитетнаго цадика-современника, извѣстнаго Залмана Шнеерсона, который въ своемъ «Священномъ посланіи» говоритъ: «Книга, носящая заглавіе «Завѣщаніе Бешта», не есть въ буквальномъ смыслѣ завѣщаніе великаго учителя, но составляетъ собраніе его возвышенныхъ изречений, собиравшихся постепенно и выраженныхъ не всегда съ точностію языка, но сохранившихъ въ точности весь свой первоначальный смыслъ»¹. Будучи весьма надежнымъ источникомъ, «Завѣщаніе Бешта» является въ то же время и самымъ важнымъ, необходимымъ источникомъ для опредѣленія міросозерцанія основателя хасидизма. Содержаніе книги охватываетъ собою самыя существенныя стороны Бештова ученія; да и изложена она далеко не такъ отрывочно, какъ сборникъ «Вѣнецъ добраго имени»: въ ней видна нѣкоторая послѣдовательность, нѣкоторое подобіе системы. Докматы хасидизма изложены тутъ прямо и подчасъ поразительно ясно, а не въ видѣ аллегорическихъ толкованій на тотъ или другой стихъ св. Писанія, какъ въ «Вѣнцѣ»².

И такъ, мы имѣемъ два сборника изречений Бешта: «Вѣнецъ добраго имени» и «Завѣщаніе». Оба они составляютъ главный матеріалъ для изложенія его религіозныхъ доктринъ. Существуютъ, однако, и нѣкоторые другіе второстепенные источники. Различныя

¹ См. שרן לראו приложение къ извѣстному сочиненію Залмана Шнеерсона „נצח“ стр. 15, в. Львов. изд. 1864 г. См. также „לראו“ Д. Когана, стр. 502, прим. 6 (въ „Гашахарѣ“ 1874 г.).

² Въ 1792 г. вышелъ во Львовѣ одинъ томъ подъ заглавіемъ: „נצח ופירוש“ собраніе изречений, правоученій и толкованій, слышанныхъ отъ великихъ міра сего: Бешта, Бера Межерича, Менделя Перемисльскаго и Михела Ямпольскаго“. Книга эта пользовалась большимъ авторитетомъ въ хасидскомъ мірѣ, но какъ сборникъ изречений не одного Бешта, она могла служить намъ матеріаломъ въ настоящей главѣ лишь отчасти. Впрочемъ, большая часть приведенныхъ въ ней изречений составляетъ почти буквальное повтореніе многихъ мѣстъ „Завѣщанія“, откуда, повидному, заимствованы.

изреченія Бешта, разбросанныя въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ другихъ его учениковъ и преемниковъ, не вошли въ названные сборники, и ихъ приходится отыскивать тамъ, гдѣ они были первоначально помѣщены ¹.

Опредѣливъ характеръ данныхъ, служащихъ матеріаломъ для ученія Бешта, и убѣдившись въ ихъ подлинности и достовѣрности, попытаемся теперь на основаніи этихъ данныхъ наложить главнѣйшія начала Бештова вѣроученія, по возможности, въ систематическомъ порядкѣ.

Выше, во «Введеніи» къ нашей исторіи, мы уже говорили о родословной хасидизма и установили фактъ тѣснаго родства хасидскаго ученія съ ученіями теоретической и практической каббалы. Въ чемъ же именно состоитъ это родство, въ какихъ существенныхъ чертахъ выражается историческая преемственность названныхъ ученій?

Два великихъ принципа лежатъ въ основаніи хасидизма — и одинъ изъ нихъ взятъ изъ теоретической каббалы, а другой—изъ каббалы практической.

Первый изъ этихъ принциповъ, составляющій важнѣйшее начало *теоретической каббалы*, опредѣляетъ характеръ міротворенія и міроуправленія. Онъ гласитъ, что міръ образовался, истекъ изъ Божества, посредствомъ самоограниченія послѣдняго. Боже-

---

¹ Напримѣръ, въ сочиненіяхъ Бештова звука: דגל מלך ארם (Корець, 1810), р. Вольфа Житомирскаго אור המצוי (Корець, 1798), р. Нохума Черныбильскаго מאור עינים (Славута, 1798), Израила Козеницкаго и нѣк. другихъ. Справки во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ значительно облегчаются краткою энциклопедіею хасидскихъ доктринъ, озаглавленной „Путь благочестивыхъ“ דרך חסידים и напечатанною въ Львовѣ въ 1876 г. (компактный томъ въ 80+ стр. in-8°), да еще многочисленными выдержками изъ хасидской литературы, помѣщенными въ первомъ томѣ сочиненія Цвейфеля שלום על ישראל (Житомиръ, 1868).

Это же сочиненіе Цвейфеля, заключающее въ себѣ разностороннее обсужденіе хасидскаго міросозерцанія (особенно въ первыхъ двухъ томахъ), а также не разъ нами упомянутая книга Бодена: סדר הדרות הקודשъ служила для насъ весьма важными вспомогательными источниками при оцѣнкѣ Бештова ученія, при чемъ мы, конечно, руководились только фактическими ихъ сообщеніями, а не субъективными теоретическими воззрѣніями, которыя не всегда раздѣляемъ.

ство или Безконечное, прежде наполнявшее собою все, сжалось въ известномъ центрѣ, сосредоточилось, и въ образовавшейся вслѣдствіе этого пустотѣ создало изъ себя же весь міръ, какъ паукъ ткетъ изъ себя паутину. Бештѣ развивается это начало «эманациі» во многихъ своихъ изреченіяхъ. «Дѣятельное творческое начало, — говоритъ онъ, — всегда скрыто въ дѣяніи, въ твореніи. Міръ во всемъ своемъ разнообразіи созданъ какъ-бы изъ самого Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ не отдѣлимъ отъ Него, подобно тому какъ сядка въ платьѣ сдѣлана изъ самого платья и въ немъ остается. *Міръ — изъ Бога и съ Богомъ (למנו ולנו)*»¹.

Отъ имени Бешта дошла до насъ замѣчательная притча, ясно опредѣляющая этотъ великій пантентическій принципъ. Вотъ что гласитъ притча. Нѣкій могущественный царь построилъ громаднѣйшій дворецъ, съ безчисленнымъ множествомъ комнатъ, расположенныхъ такъ, что одна находилась внутри другой, по формѣ концентрическихъ квадратовъ; сообщались между собою комнаты дверьми, которыя находились въ одномъ продольномъ направленіи и приходились одна противъ другой, такъ что черезъ нихъ, когда онѣ были открыты, можно было видѣть все убранство комнатъ внутри. Царь обыкновенно сидѣлъ въ самомъ отдаленномъ, внутреннемъ покоѣ, далеко отъ зрителей. Когда постройка этого волшебнаго дворца была окончена, царь созвалъ всѣхъ своихъ вельможъ и приближенныхъ для осмотра чуднаго зданія. Но какъ только они собрались и остановились въ первыхъ наружныхъ дверяхъ, закрылись всѣ двери, всѣ входы и выходы дворца—и гости увидѣли предъ собою лишь рядъ стѣнъ, за которыми ничего не видать было. И стояли они долго, дивясь сему странному зрѣлищу. Тогда вышелъ къ нимъ сынъ царскій и сказалъ: «Развѣ вы не знаете, что мой отецъ—величайшій изъ мудрецовъ и обладаетъ всевозможными искусствами и волшебствами? Такъ знайте же, что никакого дворца тутъ нѣтъ, а все это—лишь *обманъ зрѣнія, миражъ*. Передъ вами — открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто, незастроенное и незагороженное; передъ вами же и отецъ мой, великій царь, котораго вы не видите только потому, что вы очаро-

¹ См. „Вѣнецъ добраго имени“, стр. 14 а; ср. также „Завѣщаніе Бешта“ стр. 20 и въ обычныхъ книгахъ passim.

ваны его волшебствомъ, и ваши глаза покрыты какъ бы пеленою. И такова ужъ ваша доля—видѣть равные дворцы, стѣны, картины, вещи тамъ, гдѣ нѣтъ никого и ничего, кромѣ самого царя.—Таковъ и видимый мѣръ. Все, что мы видимъ, есть сплошной миражъ, одинъ только оптический обманъ. Внѣ и кромѣ Бога нѣтъ ничего; вся видимая матерія — только одна изъ Его проявленій; это Его волшебная одежда, черезъ которую мы его постигаемъ, но которая на самомъ дѣлѣ не существуетъ ¹. Смыслъ приведенной нами притчи—очень глубокий и захватываетъ область идей, надъ которыми ломали головы величайшіе философы и метафизики отъ Парменида и Платона до Альгаццали, Спинозы, Берклея и Канта. Абсолютное и Кажущееся, идеи и формы, субстратъ вещей, нумены и феномены—все это лишь различные способы выраженія одною и того же исконаго великаго вопроса... Каббала по своему разрѣшала этотъ вопросъ — и ея пантеистическій принципъ какъ нельзя ярче изображенъ въ удивительной притчѣ Вешта.

Изъ этого принципа само собою вытекаетъ понятіе объ *абсолютномъ всебожїи*, о томъ, что можно назвать «религіознымъ пантеизмомъ», въ отличіе отъ пантеизма философскаго. Послѣдній отождествляетъ Бога съ непознаваемою сущностью, подкладкою (субстратомъ) всѣхъ видимыхъ вещей, съ такъ называемыми нуменами, но такимъ образомъ обезличиваетъ Его, дѣлая изъ Него болѣе пассивное нежели творческое начало. Не такъ поступаетъ пантеизмъ религіозный. Онъ не дѣлаетъ различія между феноменами и нуменами, между познаваемымъ и непознаваемымъ: онъ все выводитъ изъ личности Бога, изъ Его творческой силы и воли, и такимъ образомъ все ясно познаетъ; онъ видитъ Бога во всемъ, въ великомъ и маломъ, въ вещахъ, мысляхъ, поступкахъ и событіяхъ. Пантеистъ-философъ *природитъ* къ Богу тотъ остатокъ видимаго міра, который недоступенъ человѣческому познанію; религіозный пантеистъ весь видимый и невидимый мѣръ *выводитъ* изъ личности Бога. Первый говоритъ: *Богъ есть все*, т. е. нѣчто, называемое Богомъ есть все, что недоступно нашему познанію, все, что имѣетъ дѣйствительное, а не кажущееся только бытіе, все внѣ-

¹ Ср. назв. соч. Цейфеля, стр. 54—55.

чувственное, абсолютное; второй говорить: *Все есть Богъ*, все существующее, и доступное и недоступное непосредственному чувству, и не Богъ познается через вещи, а вещи через Бога, которому все существующее служить какъ-бы одѣяніемъ или жилищемъ (לְבָשׁוֹת שָׁמַיִם). И такимъ образомъ все—ясно, очевидно, познаваемо и объяснимо.

Такое воззрѣніе, какъ уже сказано, необходимо вытекаетъ изъ каббалистическаго начала эманациі. Дѣйствительно, разъ до сотворенія міра Богъ собою наполнялъ все пространство, то почему-жь бы Ему теперь не наполнять всѣ вещи, Имъ же изъ себя созданныя? Это-то начало абсолютнаго всебожія Бештъ сдѣлалъ краеугольнымъ камнемъ своего ученія и довелъ его до крайнихъ послѣдствій. Библейскій стихъ: «Вся земля исполнена славы Божіей» (Исаия VI, וְכָל הָאָרֶץ מְלֵאָה כְּבוֹדוֹ) онъ понималъ и толковалъ въ смыслѣ, что вся земля полна Богомъ. Этотъ стихъ и часто повторяемое въ каббалистическихъ сочиненіяхъ выраженіе: «Нѣтъ мѣста свободнаго отъ присутствія Божія» (אֵין מָקוֹם רֵיקָן לַיהוָה) служили ему постоянными девизами. Бештъ училъ, что Богъ in concreto присутствуетъ во всемъ, даже въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ и мимолетныхъ человѣческихъ помыслахъ, что Его вмѣшательство въ человѣческія дѣла и событія—безпрерывное, абсолютное. «Всякій,—говоритъ онъ,—долженъ быть убѣжденъ, что все сущее въ мірѣ полно Творцомъ, и все совершаемое по затѣямъ человѣческимъ, не исключая самыхъ ничтожныхъ событій, есть въ сущности мысль Божія»¹. «Человѣкъ долженъ постоянно думать о томъ, что Богъ вездѣ и всегда съ нимъ, что Онъ есть какъ-бы тончайшая матерія, разлитая повсюду, и что Онъ—властелинъ всего, совершающагося въ мірѣ»². «Пусть человѣкъ знаетъ, что, когда онъ смотритъ на матеріальныя вещи, онъ въ сущности всматривается въ ликъ Господа, въ вещахъ присутствующаго, и, имѣя сіе въ помыслахъ, человѣкъ постоянно, даже въ мелочахъ, можетъ служить Богу»³. Ниже мы увидимъ, до какихъ *практическихъ* послѣдствій Бештъ довелъ этотъ основной принципъ всебожія, а пока перейдемъ къ другому исходному пунк-

¹ „Завѣщаніе“, стр. 10.

² Ibid, стр. 20.

³ Ibidem.

ту Бештова ученія, въ другому основному принципу, на которомъ видѣтся вся остальная часть этого ученія.

Этотъ второй исходный пунктъ взятъ Бештомъ изъ *практической каббалы*. Главный догматъ практической каббалы состоитъ въ слѣдующемъ: *между высшимъ и низшимъ міромъ, между міромъ Бога и отчуждѣнныхъ духовъ и міромъ людей существуетъ постоянная и тѣсная связь, постоянное взаимодействие, такъ что не только Божество вліяетъ на человѣческія дѣла, но человѣческіе поступки всегда вліяютъ обратно на личность Божества и на весь механизмъ небеснаго царства.* Между землею и небомъ протянуты какъ бы невидимыя струны, и каждый ударъ по струнамъ снизу вызываетъ соответствующее колебаніе вверху, сумма ударовъ вызываетъ сумму колебаній—гармоническихъ или дисгармоническихъ, пріятныхъ или непріятныхъ, смотря по свойству и сочетанію ударовъ. Вы дѣйствуете въ одномъ пунктѣ земли на телеграфномъ аппаратѣ, ваши дѣйствія и движенія передаются по проволокамъ въ другой отдаленнѣйшій уголокъ земли, и тамъ перо непроизвольно пишетъ нѣкоторые знаки, выражающіе мысль дѣйствующаго. Такого же рода и взаимодействие низшихъ и высшихъ міровъ. Наши движенія, поступки и слова вызываютъ соответственныя измѣненія въ личности Божества, т. е. во всемъ строѣ вселенной, ибо Богъ наполняетъ собою все; отголоски нашихъ дѣяній раздаются по всему безпредѣльному пространству міра. Добродѣтельные поступки людей и дѣянія нравственныя, богоугодныя, вызываютъ въ Божествѣ приливъ жизненныхъ, благодатныхъ силъ; поступки же дурные, возмутительные, наоборотъ, производятъ отливъ силъ въ Божествѣ, нарушаютъ гармонію и какъ бы портятъ міровой механизмъ. И не только поступки, но и слова и даже мысли людей отражаются въ высшихъ мірахъ. Силою слова человѣкъ можетъ произвести цѣлѣе перевороты въ небесныхъ сферахъ. *Молитва* является самымъ могущественнымъ орудіемъ вліянія человѣка на Божество и черезъ Него на весь міръ. Но для того, чтобы молитва оказывала такое вліяніе, необходимо, чтобы она была непосредственнымъ изліяніемъ души, восторженнымъ порывомъ къ небу, сліяніемъ человѣческой души съ міровымъ духомъ — съ Богомъ. И въ этомъ—сущность вѣры и задача религіознаго человѣка.

Тѣмъ, которые сомнѣвались въ этомъ загадочномъ вліяніи человѣческихъ дѣйствій на Божество и считали такое понятіе даже нѣсколько богохульнымъ, Бештъ отвѣчаетъ слѣдующею простою, но выразительною притчею. Однажды—говоритъ онъ—стояли музыканты и играли на своихъ инструментахъ, сопровождая игру пѣніемъ. Подъ ихъ музыкою, въ тактъ ея звукамъ и аккордамъ, танцовала, маршировала и двигалась масса людей. Одинъ глухой отъ рожденія смотрѣлъ на все это зрѣлище и очень дивился. Онъ спрашивалъ себя: что это значить? Неужели потому только, что тѣ люди продѣлываютъ со своими инструментами разныя штуки, наклоняютъ ихъ то туда, то сюда, поднимаютъ, опускаютъ и тому подобное, вся эта толпа людей дурачится, прыгаетъ, производитъ разныя странныя тѣлодвиженія и вообще приходитъ въ такой азартъ? Для глухого человѣка — прибавляетъ Бештъ—все это зрѣлище было неразрѣшимымъ вопросомъ, потому что ему не доставало слуха, и вслѣдствіе этого ему было непостижимо то восторженное, двигающее чувство, которое возбуждается въ нормальномъ человѣкѣ звуками музыки. Такъ и люди-маловѣры, глухіе къ истинѣ, отказываются понять, какъ это въ высшемъ мірѣ все приходитъ въ движеніе отъ тѣхъ или другихъ дѣяній, совершаемыхъ людьми на землѣ; а между тѣмъ все это весьма просто, и для имѣющихъ уши мысль о вліяніи словъ и дѣйствій человѣка на настроеніе Божества такъ же ясны и понятны, какъ фактъ вліянія музыки на настроеніе людей ¹...

Эту идею о вліяніи человѣка на высшій міръ и прямо вытекающія изъ нея слѣдствія Бештъ также положилъ въ основаніе своей религіозной системы, наряду съ идеею всебожія. На этихъ двухъ идеяхъ зиждется все зданіе его вѣроученія и морали, весь кодексъ человѣческой жизни. И необходимо замѣтить, что если фундаментъ своего ученія Бештъ заимствовалъ у прежнихъ каббалистовъ, то вся надстройка и архитектура зданія принадлежитъ преимущественно ему самому и отличается многими новыми, весьма оригинальными чертами.

Самая главная задача истинно-религіознаго человѣка заклю-

¹ См. *Цейфеля*, назв. соч., стр. 54.

Восходъ, кн. 8.

чается, по Бешту, въ *постоянномъ общеніи съ Богомъ* (стр. 27). Человѣкъ долженъ прилѣпиться къ Богу всей душою, жить съ Нимъ, связывать всѣ свои дѣйствія и помыслы съ Нимъ, чувствовать себя всегда въ Его присутствіи. Всѣ свои чувства и ощущенія онъ долженъ сводить къ ихъ первоначальному источнику, къ Богу—и тогда всѣ эти чувства возвышенны, чисты, безгрѣховны. Общеніе съ Богомъ освобождаетъ человѣка отъ грубой коры матеріальности, покрывающей его душу, и даетъ ему возможность смотрѣть на все земное съ высоты небесъ, гдѣ господствуетъ абсолютная истина. «Разъ человѣкъ постигнетъ, — говоритъ Бештъ, — что все въ мірѣ имѣетъ реальное бытіе только отъ Бога и въ Богѣ, то онъ легко сообразитъ, что вмѣсто того, чтобы увлекаться разными земными страстями, гораздо лучше соединиться съ источникомъ и Творцомъ этихъ страстей, по мановенію котораго все возникаетъ и исчезаетъ. Вѣдь лучше опереться на стволъ, нежели на вѣтку»¹. «Ты, напримѣръ, смотришь на красивую женщину и наслаждаешься ея красотой, но подумай же, откуда къ ней пришла такая красота: вѣдь если бы она была мертвая, этой красоты не было бы въ ней; слѣдовательно, красота ея лица зависитъ отъ божественной жизненной силы, разлитой въ ея тѣлѣ и придающей лицу румянецъ и нѣжное выраженіе. Стало быть, корень красоты въ силѣ Божіей; но въ такомъ случаѣ сообрази: зачѣмъ мнѣ увлекаться отпрыскомъ и частью, когда я могу прилѣпиться къ самому корню, къ цѣлому, къ источнику и высшему совершенству красоты... То же самое если ты видишь какой-нибудь предметъ, устрашающій тебя, ты долженъ подумать: чего же мнѣ бояться? Вѣдь человѣкъ, внушающій мнѣ страхъ, такая же тварь какъ я; звѣрь, устрашающій меня, еще болѣе низкая тварь, чѣмъ я; стало быть, не они внушаютъ мнѣ страхъ, а сила Божія, скрытая въ нихъ. А въ такомъ случаѣ мнѣ нужно бояться не ихъ, а Бога самого»².

Такое возвышенное настроеніе доставляетъ человѣку истинное блаженство. Оно возвышаетъ и облагораживаетъ въ его глазахъ все,

¹ „Завѣщаніе“, стр. 10.

² Ibid, стр. 12.

даже самое мелочное, ничтожное; оно даетъ ему спокойный и ровный взглядъ на всѣ явленія жизни. Оно внушаетъ человѣку своеобразный *оптимизмъ*, который Бештъ считаетъ обязательнымъ для глубоко вѣрующихъ людей. Онъ даже отвергаетъ существованіе абсолютнаго зла — и такъ просто разрѣшаетъ вопросъ, затруднявшій столь многихъ богослововъ. «Нѣтъ безусловнаго зла, — говоритъ онъ, — ибо зло есть также добро, только оно — низшая степень совершеннаго добра (какъ, напримѣръ, холодъ — низшая степень тепла etc). Добро или зло (т. е. различныя степени добра) — не въ Богѣ, а въ человѣческихъ поступкахъ»¹. «Когда зло причиняетъ добро, оно служитъ послѣднему какъ бы фундаментомъ и такимъ образомъ само становится добромъ»². Для достиженія истинно-религіознаго настроенія, Бештъ предписываетъ слѣдующее: «Пусть человѣкъ постоянно пребываетъ въ радостномъ расположеніи духа, пусть думаетъ и вѣруетъ, что Богъ находится всегда съ нимъ и охраняетъ его, что онъ смотритъ на своего Творца, а Творецъ на него, что отъ воли Бога зависитъ во всякую минуту разрушить міръ или возсоздать его, что въ Богѣ источникъ всѣхъ благъ и всѣхъ страданій, что во всякомъ предметѣ есть частица божественной жизненной силы, а слѣдовательно надобно только на Бога уповать и только Его бояться»³.

При такомъ оптимистическомъ взглядѣ на вещи, Бештъ, конечно, не могъ сочувствовать тому самонистязанію и умерщвленію плоти, которое строго предписывалось практической каббалюю. И въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне новаторомъ. Въ своихъ прореченіяхъ онъ то и дѣло протестуетъ противъ идеи умерщвленія плоти, противъ ложной мысли, будто Богу угодны посты, плачь и печаль въ человѣкѣ. Вотъ что онъ говоритъ: «Одно великое правило надобно всегда имѣть въ виду въ дѣлѣ служенія Богу, а именно — избѣгать, сколько возможно, мечали. Плачь (въ молитвѣ) — дѣло нехорошее, ибо человѣкъ долженъ служить Господу въ радости, и только тѣ слезы хороши, которыя

¹ Ibid, стр. 18—19.

² „Вънецъ“, ч. I, стр. 14, b.

³ „Завѣщаніе“, стр. 20.

являются отъ избытка восторга»¹. «Въ общемъ лучше служить Богу безъ постовъ, ибо послѣдніе причиняютъ печаль, но если человѣкъ имѣетъ охоту къ постамъ и видитъ въ нихъ нѣкоторое искупленіе грѣховъ, то не слѣдуетъ его удерживать отъ этого»². «Когда слабѣетъ тѣло, слабѣетъ и духъ, вслѣдствіе чего человѣкъ не въ состояніи молиться, какъ должно, т. е. восторженно, изъ всѣхъ силъ. Вотъ почему всякому нужно очень беречь здоровье своего тѣла»³. Противопоставляя свою систему ученію аскетизма (ученію, коему онъ самъ слѣдовалъ въ юности, но которое впоследствии отвергнулъ), Бештъ говоритъ: «Если передъ вами два врача, изъ которыхъ одинъ лечитъ болѣзнь посредствомъ горькой микстуры, а другой съ одинаковымъ успѣхомъ лечитъ сладкими микстурами,—кого изъ нихъ вы предпочтете? Конечно, послѣдняго. То же и въ дѣлѣ религіи. Тотъ, кто предписываетъ людямъ постъ и истязаніе плоти, порождаетъ въ нихъ печаль и заставляетъ ихъ мрачно смотрѣть на міръ и на своихъ ближнихъ, которые не могутъ же всё быть отшельниками и жертвовать земною жизнью ради небесной. Тотъ же, кто предлагаетъ людямъ служить Богу радостно, безъ самоученія, вселяетъ въ нихъ отрадный взглядъ на жизнь и людей, склоняетъ ихъ прощать ближнему даже нехорошіе поступки, и такимъ образомъ возбуждаетъ добрыя чувства въ людяхъ, убѣждая ихъ, что Богъ — во всемъ, даже въ мелочахъ»⁴.

Это свое воззрѣніе Бештъ всегда отстаивалъ съ необыкновенною энергіею, что ему приходилось дѣлать очень часто, такъ какъ принципъ умерщвленія плоти, проповѣдуемый практическою каббалюю, господствовалъ тогда надъ всѣми умами, особенно среди ученыхъ раввиновъ. До насъ дошло одно подлинное письмо Бешты къ ученику своему, упомянутому выше немировскому раввину Яковъ-Иосифу Когену,—письмо, въ которомъ Бештъ настаиваетъ, чтобы его ученикъ отказался отъ прежней своей привычки часто поститься, ибо «сіе есть причина меланхоліи и скорби, а духъ

¹ Ibid, стр. 6.

² Ibid, стр. 7.

³ Ibid, стр. 14.

⁴ „Вѣнецъ“, ч. II, стр. 6, а.

Божій никогда не осѣняетъ людей, находящихся въ печали». Далѣе Бештъ пишетъ: «Вамъ вѣдь извѣстно то, чему я васъ обучалъ не разъ; храните же эти слова въ сердцѣ вашемъ, и да будутъ они предметомъ вашихъ постоянныхъ размышленій». И тутъ онъ даетъ своему ученику совѣтъ—сосредоточить свои мысли на Богѣ во время ученія и молитвы, жить въ постоянномъ духовномъ общеніи съ Богомъ, но излишнихъ постовъ отнюдь не налагать на себя ¹.

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹ Напечатано въ «Восхваленіяхъ Бешта», 8, d., и приведено во многихъ другихъ книгахъ. Даты въ письмѣ не имѣется, но на оборотѣ значится, что оно послано изъ Меджибожа въ Немировъ.

«ПОЦѢЛУЙ».

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается Ф. Ф. Белоцерковской.

IV¹.

Все хорошо, что во время. Во время была и наша разлука съ Зинаидой Ивановной и ея маленькой дочкой. Я уже выше упомянулъ, что мое охлажденіе къ дамамъ моего сердца началось еще прежде, чѣмъ онѣ уѣхали изъ Петербурга. Трогательное прощаніе снова вызвало во мнѣ еще съ большею напряженностью прежнія чувства. Но это была послѣдняя вспышка, подобно поднявшемуся пламени догорающей свѣчи, и не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я окончательно забылъ о своей первой любви, о своихъ нравственныхъ страданіяхъ и сердечныхъ ранахъ; эти раны зажили *per primam*, какъ говорятъ врачи, то есть все кончилось какъ нельзя лучше.

Нѣсколько времени я еще переписывался съ Зинаидой Ивановной, но потомъ и переписка наша почему-то прекратилась, и я потерялъ ихъ изъ виду. Да и могъ-ли я оставаться вѣрнымъ памяти жившихъ такъ далеко отъ меня, когда цѣлый десятокъ другихъ молодыхъ субъектовъ, съ такими же улыбками, какъ у Зинаиды Ивановны и такими же глазами, какъ у Вали одновременно терзали мое бѣдное сердце и заставляли меня плакать по ночамъ. Однако эти маленькія приключенія, безъ которыхъ юность вянетъ, какъ неразвернувшіяся еще почки безъ дождя, не мѣшали мнѣ быть усерднымъ студен-

---

¹ См. «Восходъ», кн. VII.

томъ, прилежно заниматься избранными мною предметами и не менѣе прилежно участвовать во всѣхъ событіяхъ тогдашней студенческой жизни.

Время шло быстро. Въ общественной жизни, какъ и въ жизни отдѣльной личности бывають такіе моменты, когда призываются къ дѣятельности всѣ нервныя и мускульныя силы ея организма. Ни одинъ атомъ, ни одна клѣточка не остаются въ бездѣйствіи. Всѣ несутъ свои силы, свою энергію къ тому самому источнику, который разбудилъ ихъ отъ спячки, далъ имъ толчокъ... Въ такихъ случаяхъ быстро совершается обмѣнъ нравственныхъ и умственныхъ силъ... Нужно только спѣшить, не отставать, иначе останешься въ заднихъ рядахъ, и волна жизни тебя покроетъ навсегда.

Такое время было въ пору моего студенчества, и дѣля его между научными работами и общественными интересами, я не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ четырехъ-голичный университетскій курсъ, и какъ я вдругъ очутился кандидатомъ съ правомъ остаться при университетѣ для усовершенствованія въ моей спеціальности. Хотя этимъ самымъ дальнѣйшій путь моей жизни былъ, такъ сказать, уже намѣченъ и мнѣ оставалось только продолжать начатое, однако, когда мнѣ предстояло оканчательно рѣшить вопросъ, что мнѣ дальше дѣлать, я сильно призадумался и растерялся въ громадномъ лабиринтѣ собственныхъ противорѣчій. Ходячія идеи, искусственныя шаблонныя мѣрки, предвзятыя убѣжденія уже и въ то время вкравшіяся въ общее русло только что распускавшейся общественной жизни и тормовившія всѣ лучшія ея теченія, отразились конечно и дали осадокъ и на моей нравственной личности. Тогда уже началась та ненормальная, болѣзненная двойственность, которая довела насъ до прискорбныхъ событій послѣднихъ дней и, которая Богъ вѣсть когда еще кончится. Я переживалъ очень трудныя минуты. Во мнѣ вдругъ началась та внутренняя борьба между долгомъ, конечно искусственнымъ, выдуманномъ въ кабинетѣ и собственнымъ влеченіемъ, которая заѣла на одну сотню, а можетъ быть и тысячу молодыхъ и свѣжихъ силъ. Я лавировалъ между Сциллой и Харибдой, не будучи въ состояніи пристать куда бы-то ни было. Съ одной стороны я

всѣми порывами души стремился къ чистой наукѣ, къ истинѣ и ея свѣтлымъ источникамъ, съ другой меня точилъ червь сомнѣнія, мнѣ казалось безчестнымъ отдаться наукѣ въ то время, когда жизнь зоветъ къ себѣ, выдвигаетъ столько дѣла... Широкая арена дѣятельности, хотя не ясной, покрытой непроницаемымъ туманомъ, но не лишенной таинственной прелести и дѣйствовавшая скорѣе на воображеніе, чѣмъ на разумъ, сильно влекла меня къ себѣ... Я уступилъ этому влеченію и со всею страстностію и энергіею молодости бросился въ водоворотъ циркулировавшихъ въ то время интересовъ, обходить которые молодому человѣку было тогда очень трудно.

Въ тотъ періодъ, о которомъ я говорю, не дѣлали различія между людьми. Всѣ нужны были для общаго дѣла—жизнь звала всѣхъ, и всѣмъ было мѣсто за ея скромной трапезой.

Хорошо ли было то дѣло, ради котораго люди жертвовали всѣмъ, разумными были ли ихъ цѣли, стремленія, интересы, или нѣтъ, это другой вопросъ. Люди вездѣ и всегда ошибаются. Но за то всѣ были одушевлены однимъ общимъ стремленіемъ, у всѣхъ была одна общая цѣль—и личность, сословіе и національность тонули и растворялись въ этомъ обширномъ морѣ духовнымъ интересомъ. Кто бы тогда посмѣлъ бросить въ лицо еврейской молодежи обвиненіе въ увлеченіи общимъ потокомъ жизни и въ энергическомъ участіи во всѣхъ событіяхъ этой эпохи!.. А между тѣмъ эту-же самую молодежь, которая доказала, что она можетъ беззавѣтно отдаваться общимъ интересомъ, эту самую молодежь забросали грязью, нахально насмѣялись надъ нею, какъ надъ непрощеннымъ гостемъ... «Кто вы? зачѣмъ вы здѣсь... что вамъ тутъ нужно?.. Ваше мѣсто въ шинкѣ, за прилавкомъ, а не здѣсь...»—Простите это маленькое отступленіе, но я не могъ обойтись безъ него, оно мнѣ необходимо... И такъ я уступилъ общему теченію, бросилъ свои научныя работы и пошелъ водворять истину и справедливость по шаблонному рецепту, выдуманному Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ кѣмъ...

Дѣла моего отца между тѣмъ приняли такой оборотъ, что онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и переселиться въ одинъ изъ крупныхъ южныхъ городовъ. Матушка моя внача-

лѣ и слышать не хотѣла о переселеніи, потому что она очень хорошо знала, что я туда не поѣду, и ей слѣдовательно придется разстаться со мною. Не смотря на то, что я уже былъ взрослый и вполнѣ самостоятельный человѣкъ, какъ по лѣтамъ, такъ и по положенію, не смотря на то, что за эти послѣдніе годы я успѣлъ испытать такъ много, набраться такого жизненнаго опыта, что могъ бы въ этомъ отношеніи поспорить съ любымъ старцемъ, но матушка продолжала смотрѣть на меня, какъ на неопытнаго мальчика, требующаго материнскаго ухода...

Но когда она убѣдилась, что переѣздъ на югъ положительно необходимъ, что отъ этого зависитъ благосостояніе всѣхъ насъ, она со слезами на глазахъ стала меня умолять, чтобы и я уѣхалъ съ ними. Хотя она и не знала, въ какія непроходимыя дебри я забрался, и продолжала думать, что я занимаюсь наукой и готовлюсь къ магистерскому экзамену, но чутье матери ее не обманывало, и она заклинала меня оставить Петербургъ.

Я былъ твердъ, какъ камень. На меня не дѣйствовали ни мольбы, ни слезы матери, ни резы отца. Точно закованный въ броню опутавшихъ меня интересовъ, я былъ недоступенъ никакимъ чувствамъ, кромѣ того чувства долга, который, по моему тогдашнему убѣжденію, тяготѣлъ надо мною и выполнить который я былъ обязанъ хотя бы цѣной жизни. Я остался въ Петербургѣ.

Предчувствія моей матушки скоро сбылись. Пройду молчаніемъ тотъ грустный и тягостный періодъ времени, который по истинѣ не можетъ считаться ни жизнью, ни смертью, который пусть и безсодержателенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыносимъ и мучителенъ, какъ тяжелый, страшный кошмаръ. Сначала меня охватило общее оцѣпенѣніе. Мои мысли и чувства точно застыли, и я ничего не ощущалъ, какъ человѣкъ получившій ударъ въ голову.

Но потомъ я очнулся, успокоился и съ философскимъ терпѣніемъ сталъ ждать своей участи. Много я передумалъ и перечувствовалъ за это время. Медленно и тихо, точно похоронная процессія, проходили дни, мѣсяцы и годы. Также медленно,

но за то глубоко захватывая, совершалось и мое нравственное и умственное просвѣтленіе.

У меня было достаточно времени для анализа своей жизни, своихъ поступковъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что происходило вокругъ меня, и я это дѣлалъ медленно, не спѣша, переживая, такъ сказать, каждую мысль, каждый шагъ... Изолированный отъ всего міра, я въ тоже время жилъ міровой жизнью, обнималъ своимъ духовнымъ взоромъ все человѣчество и прослѣживалъ его историческіе пути.

Пристрастія у меня не было и не могло быть. Отъ времени до времени и въ мою келью проникали извѣстія извнѣ, которыя меня пріобщали къ текущей жизни и заставляли меня вспомнить, что я еще живой человѣкъ, и что во мнѣ еще бьется сердце. Но эти извѣстія были неутѣшительнаго свойства. Въ то время, когда мой нравственный міръ подъ влияніемъ уединенія очищался отъ внѣшнихъ и случайныхъ наслоеній, въ то время какъ я путемъ долгаго размышленія началъ постигать истину и ея неизмѣнныя пути и цѣли, въ то время, когда сердце мое готово было раскрыться для всего міра, внѣ стѣнъ моей кельи поднялось знамя средневѣковыхъ преслѣдованій, началась грубая и пошлая расправа съ людьми, ни въ чемъ не повинными, но носящими другую кличку. Это былъ такой диссонансъ въ общемъ стройномъ концертѣ, который я не успѣлъ прослушать до конца! Это былъ такой рѣзкій поворотъ отъ свѣта къ мраку, что я былъ ошеломленъ и не зналъ, вѣрить ли мнѣ или нѣтъ.

Идея широкой гуманности, послушными рабами которой мы были — и рядомъ мрачный голосъ средневѣковаго Торквемады! Есть отъ чего съума сойдти. Я не сошелъ съума. Но за то въ моемъ внутреннемъ мірѣ произошелъ рѣзкій переворотъ. Идеалистъ до мозга костей, жившій только одними надеждами на свѣтлое будущее, вѣрившій въ торжество добра и считавшій за непреложную истину чистоту человѣческаго сердца, я вдругъ сдѣлался скептикомъ, человѣконенавистникомъ и пессимистомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Конечно, эта была другая крайность, которой не могла избѣгнуть такая натура, какъ моя, и не смотря на то, что съ теченіемъ

времени она огладилась, и моя нравственная организація побѣдила эту пагубную болѣзнь, но тѣмъ не менѣ слѣды ея остались до сихъ поръ.

Нравственно больной, я оставилъ свою келью, въ которой провелъ, можно сказать, самые цвѣтушіе годы своей молодости.

Отецъ меня дожидался въ Петербургѣ, и въ тотъ же день мы уѣхали на югъ, такъ какъ матушка горѣла нетерпѣніемъ увидѣть своего любимца, и потерять хоть одну лишнюю минуту было бы съ моей стороны преступленіемъ.

Моя матушка сильно измѣнилась. вмѣсто здоровой и бодрой женщины я встрѣтилъ почти дряхлую старуху съ глубокими морщинами на лицѣ. Наша встрѣча, послѣ столькихъ лѣтъ тяжелой разлуки, была болѣе, чѣмъ трогательная, такъ что даже отецъ мой, который до сихъ поръ бодрился, и тотъ разрыдался какъ ребенокъ. Я самъ тоже измѣнился и, глядя на меня, матушка не находила словъ и только грустно качала головой. Когда я первый разъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало, я себя не узналъ. Я помнилъ себя молодымъ, здоровымъ и цвѣтущимъ, а зеркало показывало мнѣ худого, блѣднаго и согнувшася старика.

Физически однако я сталъ быстро поправляться. Южное солнце, хорошая обстановка, спокойная, мирная жизнь, а главное беззаветная любовь ко мнѣ моей матушки сдѣлали свое, и въ нѣсколько мѣсяцевъ я сталъ неузнаваемъ. Но подъемъ моихъ нравственныхъ силъ не былъ такъ крѣпокъ и на мнѣ все же лежалъ тотъ страшный гнетъ, который надломилъ мою душу. И теперь я продолжалъ жить въ глубокомъ уединеніи, ни съ кѣмъ не встрѣчался и ничѣмъ не интересовался. Все мнѣ казалось такимъ мизернымъ, такимъ пошлымъ. И дѣйствительно, все вокругъ было мизерно, гадко и пошло. Интересоваться тѣмъ, что происходило вокругъ, принять участіе въ общемъ теченіи, значило окунуться въ грязную лужу. Нужно было одно изъ двухъ: или вооружиться и ринуться снова въ жизненую борьбу, на что у меня не было силъ, или выждать, пока вся грязь осядетъ на дно и снова явится чистая струя. Я рѣшилъ ждать. вмѣстѣ съ физическимъ благосостояніемъ во мнѣ проснулась прежняя любовь къ научнымъ занятіямъ. Кто испыталъ тревоженія

жизни, кто переживалъ тяжелыя минуты разочарованія, кто хоронилъ одну за другой самыя свѣтлыя надежды, тотъ знаетъ, какъ пріятно уйдти отъ людей и свѣта и предаться созерцанію вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы. Волнуйтесь сколько угодно, мечитесь въ своемъ неистовствѣ и пошлой вакханаліи, но вамъ всетаки не удастся хоть на волосъ измѣнить ни теченіе планетъ, ни вращеніе земли, ни стремленіе половъ другъ къ другу, ни свѣтлую чистую любовь.

Наука и научныя занятія отнынѣ сдѣлались главной цѣлью моей жизни, и въ нихъ я долженъ былъ найти то, чего не нашель въ водоворотѣ кипучей дѣятельности. Я сталъ усердно работать и отъ времени до времени мечтать о томъ храмѣ, отъ котораго я отвернулся ради служенія другимъ богамъ.

Глядя на меня, мои родители были счастливы. Казалось, и для нихъ, наконецъ, настало время отдохнуть отъ тѣхъ тревоженій и жизненныхъ бурь, которыя выпали имъ на долю, отчасти по моей винѣ.

Матушка не могла нахвалиться мною, моимъ образомъ жизни, моей спокойной сосредоточенностью...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая сосредоточенность заставляла ее призадумываться и вести безконечныя и таинственныя бесѣды съ отцомъ. Въ чемъ состояли эти бесѣды--я не зналъ и даже не догадывался, пока матушка моя сама не разъяснила мнѣ въ чемъ дѣло.

Дѣло, въ томъ, что среди нашихъ городскихъ знакомыхъ, которые у насъ бывали, но у которыхъ и никогда не бывалъ, было одно довольно почтенное семейство, съ юными членами котораго я былъ нѣкоторымъ образомъ нравственно связанъ. Старшій сынъ этого семейства былъ моимъ товарищемъ, не только по университету, но и по невзгодамъ, которыхъ онъ не въ состояніи былъ перенести и умеръ, не доживъ до разочарованій.

Когда я пріѣхалъ въ N*** и узналъ, что мои родители знакомы съ этимъ семействомъ, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ навѣстить ихъ, сказать имъ нѣсколько словъ утѣшенія. Скорбь родителей, какъ она сильна ни была, меня не столько поразила, сколько безмолвное, но глубокое страданіе

ихъ дочери, сестры моего погибшаго товарища. О глубокой привязанности, существовавшей между моимъ товарищемъ и его сестрой я зналъ изъ его разсказовъ, но то, что я видѣлъ или скорѣе чувствовалъ, наблюдая за душевными движеніями молодой дѣвушки, превосходило всякія мои ожиданія. Я невольно заинтересовался этой дѣвушкой, или вѣрнѣе, ея нравственной фizioноміей и съ тѣхъ поръ отъ времени до времени навѣщалъ ее, чтобы бесѣдовать съ ней о братѣ.

Какъ ни рѣдки были мои посѣщенія, но въ виду того, что я нигдѣ, кромѣ этого семейства, не бывалъ, въ городѣ стали ходить тонкія предположенія на этотъ счетъ, предположенія, которыя, какъ видно, далеко не были неприятны, какъ для родителей этой дѣвушки, такъ и для чуткаго уха моей матушки.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, она рѣшилась меня прозондировать.

Не будучи подготовленъ къ такому сюрпризу, я сначала смутился, потомъ отъ души расхохотался, отчего моя матушка сильно обидѣлась.

— Послушай, мой дорогой, начала она въ сердцахъ. Отчего ты находишь эту партію для себя неподходящей? Марія прелестная дѣвушка, во всемъ городѣ лучшей не найдешь.

— Вѣрю, вѣрю, я и самъ того же мнѣнія о ней,—поспѣшилъ я заговорить, но я не думаю жениться.

— Какъ такъ... Вотъ это мило. Что же ты думаешь, вѣкъ такъ прожить?.. Мало ты натерпѣлся въ своей жизни... Посмотри на себя... Молодость уходитъ; еще немного и, пожалуй никто, за тебя не выйдетъ. Посмотри, вотъ и сѣдой волосъ... Она нагнула мою голову, захватила руками прядь волосъ и чрезъ минуту поднесла къ моимъ глазамъ совершенно сѣдой волосъ.

— Видишь... И на глазахъ у нея навернулись слезы.— Нѣтъ, не говори мнѣ этого, мой дорогой... Ты долженъ жениться и быть счастливымъ... Подумай о насъ, старикахъ.. Мало мы горя перенесли... Я тебя не виню... Но ты обяванъ успокоить нашу старость... Я вовсе не настаиваю, чтобы ты непременно женился на Маріи; есть и другія хорошія дѣвуш-

ки, которыя будутъ считать за счастье... Но все таки Марія прелестная дѣвушка... Она и отцу нравится...

— И я этого не отрицаю...

— Почему же тебѣ не жениться...

Съ этого момента всѣ наши бесѣды съ матушкой сводились все на одну и ту же тему, тему о женитьбѣ. Далекій отъ чего либо подобнаго, никогда не думавшій о возможности для меня семейнаго счастья, я постепенно самъ свыкался съ этой мыслью и пересталъ видѣть въ этомъ что либо несообразное. Аргументы матери, сначала вызывавшіе у меня снисходительную улыбку, стали мнѣ казаться довольно вѣскими. Мысль о томъ, что я причинилъ своимъ родителямъ столько невольнаго горя и возможность искупить это горе были самыми вѣскими аргументами для меня. Наконецъ—думалъ я—не найду-ли я самъ въ семейной жизни, моего нравственнаго успокоенія, котораго я до сихъ поръ еще не обрѣлъ?

Да и почему личное счастье, счастье, которое даетъ семья, не можетъ идти объ руку съ болѣе возвышенными стремленіями... Вѣдь все зависитъ отъ того, какіе люди сходятся между собою... И подъ вліяніемъ этихъ и имъ подобныхъ отвлеченныхъ разсужденій, подкрѣпленныхъ примѣрами изъ житейской морали, я сталъ смотрѣть на Марію уже совсѣмъ другими глазами, чѣмъ прежде.

Это дѣйствительно было очень милое и доброе существо съ красивой и даже блестящей наружностью и тѣми нравственными качествами и недостатками, которыя присущи еврейской женщинѣ. Она была довольно хорошо образована, много знала, но не выставляла этого на видъ и не кичилась своими знаніями, какъ это нерѣдко можно встрѣтить у любой еврейской дѣвушки, вкусившей плоды пресловутой эмансипаціи. Она отличалась скромностью, граничившей съ безпрекословной покорностью судьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражала своею положительностью и тревою, несвойственной дѣвушкѣ ея лѣтъ, разсудительностью.

Вслѣдствіе этого красота ея, отличавшаяся такой нѣжностью и женственностью, хотя и нравилась, но не захватывала... Почувствовать къ ней страстную, безумную любовь едва ли возможно было, и не потому, что у нея не было всѣхъ нуж-

ныхъ для возбужденія подобной страсти, данныхъ, а потому, что она сама едва ли была способна на проявленіе бурной и неудержимой страсти.

Еврейскія женщины едва-ли способны къ проявленію бурной страсти, за то въ нихъ кроется такой богатый источникъ чистой и нѣжной любви, что сколько бы изъ него не черпали, онъ не иссякаетъ. Любовь родилась среди еврейскаго народа, и еврейскія женщины свято хранятъ ее въ своемъ сердцѣ...

Такою именно представлялась мнѣ Марія, и чѣмъ больше я думалъ объ этой дѣвушкѣ, тѣмъ больше свывкался съ мыслью ожени- тельствѣ на ней. Любить ее въ томъ смыслѣ, какъ принято это понимать, я никогда не любилъ, да и вообще питалъ къ ней скорѣе дружественныя, чѣмъ настоящія любовныя чувства. Но это меня нисколько не тревожило, и я себѣ объяснялъ это скорѣе разсудочное, чѣмъ сердечное влеченіе къ моей будущей женѣ тѣмъ, что я уже испыталъ разъ настоящее чувство и вторично уже не способенъ влюбляться страстно.

Глупецъ, я принялъ сердечный бредъ мальчика за любовь!

Съ другой стороны и Марія была скорѣе умная и разсудительная, чѣмъ ослѣпленная страстью невѣста. Безъ сомнѣнія, она любила меня, но любила своеобразно, съ нѣкоторымъ от- тѣнкомъ расчета, какъ вообще, какъ мнѣ кажется, любятъ еврейскія дѣвушки.

При такихъ же условіяхъ началось мое сближеніе съ Ма- ріею, и въ одинъ и тотъ же день послѣ короткаго объясненія она стала моей невѣстой.

Я не могу описать восторгъ моихъ родителей и въ особен- ности моей матушки, которая не знала что дѣлать отъ радо- сти, осыпая меня поцѣлуями, называя меня самыми нѣжными уменьшительными именами, сулила мнѣ рай земной и рай небес- ный, говорила что я лучшій изъ сыновей и что нѣтъ матери счастливѣе ея... Я вполне понималъ восторгъ моей бѣдной ста- рушки, и скорѣе это трогательное проявленіе радости, чѣмъ мое положеніе жениха красивой и молодой дѣвушки, дѣлало и меня въ эту минуту счастливымъ. Какъ часто мы сами оши- баемся въ своихъ чувствахъ, принимая поводъ за причину и наоборотъ!

Повидимому я былъ доволенъ своимъ положеніемъ и считалъ себя счастливымъ. Я теперь работалъ очень усердно. Вмѣстѣ съ предстоящей переменой въ моей личной жизни, стали меня занимать вопросы, которые раньше мнѣ не приходили въ голову. Во мнѣ проснулся свойственный каждому человѣку въ подобныхъ случаяхъ эгоизмъ, и мысль о томъ, какъ и гдѣ мнѣ устроить мое будущее семейное гнѣздо, не оставляла меня даже среди самыхъ серьезныхъ работъ.

Очень часто мы этотъ вопросъ обсуждали сообща съ матерью, и тутъ то болѣе всего стали проявляться прозаическая разсудительность моей невѣсты и та разница въ стремленіяхъ, которая существовала между нами. Хотя я былъ разбитъ жизнью, и предшествовавшія событія наложили глубокой отпечатокъ на мою нравственную личность, хотя я былъ глубоко разочарованъ во всемъ томъ, во что я раньше такъ безпредѣльно вѣрилъ, чему я съ такимъ благоговѣніемъ поклонялся, хотя прежніе кумиры валялись во прахѣ, и я самъ съ презрѣніемъ топталъ ихъ ногами, но вѣра въ лучшее будущее и теперь не оставила меня и манила меня всеми чарами неизвѣстности. Прежде всего у меня лично были уже опредѣленный планъ и опредѣленные стремленія, я зналъ, что искать и отъ чего отворачиваться, а какъ связать все это съ общимъ теченіемъ—это бы мнѣ показала практика, на это бы меня натолкнула сама жизнь.

Марія очень мало соответствовала моимъ стремленіямъ, отчасти можетъ быть потому, что она ихъ не совсѣмъ понимала, а отчасти вслѣдствіе того общаго разочарованія, которымъ теперь страдали всѣ, въ особенности еврейская интеллигенція. Замѣчательно, что слабыя натуры съ плохоразвитымъ умомъ, испытавъ серьезное разочарованіе личное ли или общественное, рѣдко оправляются отъ него и уже никогда больше не въ состояніи къ производительной дѣятельности. Онѣ живутъ прошлымъ, будущее же сокрыто отъ нихъ. Къ такимъ натурамъ принадлежала и моя невѣста, вслѣдствіе отчасти своей молодости, отчасти вліянія той среды, которая ее окружала и заставляла такимъ образомъ думать.

Наше будущее счастье моя невѣста понимала совсѣмъ не

такъ, какъ я. Не того ей хотѣлось, не того хотѣлось и ея родителямъ, да признаться и мнѣ.

По этому поводу шли у насъ всѣхъ безконечные дебаты, которые въ концѣ концовъ стали мнѣ надоѣдать, и я рѣшился болѣе не высказываться и наружно соглашаться съ ними, насколько это возможно.

Увѣщанія моихъ родителей и родныхъ невѣсты, подкрѣпляемая нѣжными взглядами, а иногда и поцѣлуями Маріи, сдѣлали то, что я согласился послѣ свадьбы устроиться, по крайней мѣрѣ первые два три года въ N*** и жить мирной и тихой жизнью счастливаго семьянина... вмѣстѣ съ тѣмъ я себѣ выговорилъ право до свадьбы съѣздить въ Петербургъ для того, чтобы привести въ порядокъ нѣкоторые свои дѣла, позаботиться объ изданіи послѣднихъ своихъ работъ, и если обстоятельства будутъ благоприятствовать, приступить къ магистерскому экзамену, не для того, конечно, чтобы получить кафедру (увы, такіа времена теперь прошли...) а такъ себѣ... Это послѣднее даже льстило честолюбію моей невѣсты, и она сама меня уговорила это сдѣлать.

Моя поѣздка въ Петербургъ въ принципѣ была такимъ образомъ рѣшена. Вслѣдствіе ли материнскаго чутья, часто поражающаго своей невѣроятной тонкостью и доходящаго до ясновидѣнія, или другихъ какихъ либо соображеній, но матушка вначалѣ не хотѣла меня отпустить одного и проектировала, чтобы она и моя невѣста меня сопровождали. Но этотъ проектъ не выдерживалъ никакой критики, во первыхъ потому, что ихъ присутствіе помѣшало бы мнѣ заниматься, и слѣдовательно главная цѣль моей поѣздки не была бы достигнута, а во вторыхъ матушка моя была больна, и эта поѣздка, и жизнь при непривычной обстановкѣ, безъ сомнѣнія ухудшили бы ея состояніе. Я рѣшительно воспротивился этому и достигъ успѣха. Сколько разъ послѣ этого я укорялъ себя за это, хотя съ другой стороны, я рѣшительно не знаю, какъ бы ихъ присутствіе спасло меня отъ того, что меня ожидало въ Петербургѣ, да и выигралъ ли бы я отъ этого. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что бы было, если бы я остался до сихъ поръ тѣмъ, чѣмъ былъ до роковой поѣздки въ Петербургъ? Выль-

ли бы я счастливъ, текла-ли бы моя жизнь спокойно и правильно, или я бы медленно прозябалъ, влача существованіе среди мелкихъ интересовъ будничной жизни?.. Кто знаетъ?..

Не знаю почему, но матушка моя ужасно плакала, прощаясь со мною. Она не такъ убивалась въ то время когда судьба моя дѣйствительно должна была казаться страшною. Тогда у нея не было другихъ предчувствій, и она уповала на своего Бога.

Я же никакъ не могъ постичь этотъ душевный процессъ и, обнимая и цѣлуя свою старушку, смѣялся надъ ея старыми предразсудками.

— Право я былъ о тебѣ лучшаго мнѣнія, моя дорогая...

— Ну, ну, не буду, прости... Это я вѣдь такъ... Пойди лучше къ своей невѣстѣ... Что это я въ самомъ дѣлѣ...

Я поцѣловалъ свою невѣсту, которая въ эту минуту была очень блѣдна и взволнована, скавалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, просилъ писать какъ можно чаще и затѣмъ бросился въ вагонъ, стараясь не глядѣть ни на кого и смущенный самъ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое меня въ эту минуту схватило. Мнѣ вдругъ стало такъ хорошо, такъ легко на душѣ, точно я не разстался съ невѣстой, а стремлюсь на свиданіе съ нею.

V.

Первое время моего пребыванія въ Петербургѣ не было ознаменовано никакими особенно выдающимися событіями. Я постепенно и не спѣша устраивалъ свои дѣла, писалъ письма къ родителямъ и невѣстѣ и оккуратно получалъ отвѣты, возобновилъ нѣкоторые старыя знакомства и тутъ-же рѣшился снова прекратить ихъ; однимъ словомъ, все шло, какъ слѣдуетъ. Новыя вѣянія и новый духъ столичной интеллигентной жизни меня нисколько не поразили, такъ какъ я ко всему этому былъ подготовленъ, а главное я не имѣлъ въ виду вступать въ тѣсныя сношенія съ какимъ либо изъ господствующихъ кружковъ... Я былъ посторонній челоуѣкъ, спокойно дѣлалъ свои наблюденія, спокойно и про себя произносилъ свои приговоры и въ душѣ смѣялся надъ всѣми этими мизерными людичками, дававшими тонъ современной общественной жизни...

Подождите, придетъ и вашъ конецъ... Наклынетъ новая волна и броситъ васъ съ поверхности, и не останется отъ васъ ничего, кромѣ чувства отвращенія къ вамъ... Ваши потомки будутъ стыдиться произносить ваше имя...

Отъ время до времени однако мое философское спокойствіе нарушалось тѣмъ и другимъ возмутительнымъ фактомъ, той или другой неопозволительной выходкой признанныхъ пророковъ... Но эти вспышки быстро проходили, и я находилъ успокоеніе въ своихъ научныхъ работахъ, въ которыя все болѣе и болѣе углублялся и которыя подвигались у меня очень успѣшно. Мысль о магистерскомъ экзаменѣ, хотя и не была окончательно оставлена мною, но отложена до болѣе удобнаго времени, такъ какъ встрѣтились такія препятствія, о которыхъ я, не смотря даже на мой крайній скептицизмъ, и думать не могъ. Да и вообще съ прїѣздомъ въ Петербургъ и послѣ болѣе близкаго ознакомленія съ существующими теченіями, въ моихъ взглядахъ на занятіе оффиціального положенія въ ученomъ мїрѣ произошло рѣзкій переворотъ, и я еще больше пристрастился къ чистой неоффиціальной наукѣ, видя въ ней пока единую утѣшительницу и вѣрную подругу...

Однажды, возвращаясь домой изъ публичной библіотеки, гдѣ я часто занимался въ дообѣденное время, я случайно встрѣтился съ однимъ изъ моихъ прежнихъ товарищей, который гулялъ съ какими-то двумя незнакомыми мнѣ дамами. Мы раскланялись по петербургски, любезно, но холодно, и разошлись въ противоположныя стороны. Я былъ слишкомъ занятъ своими мыслями для того, чтобъ обратить вниманіе съ кѣмъ онъ гуляетъ; къ тому же этотъ господинъ, когда-то одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и одинъ изъ популярнѣйшихъ студентовъ своего времени, былъ мнѣ теперь мало симпатиченъ.

По прїѣздѣ въ Петербургъ я случайно встрѣтился съ нимъ въ оперѣ и, помня старую дружбу, согласился на его неотступную просьбу навѣстить его. Но послѣ новой встрѣчи я опять убѣдился, что мы сильно расходились не только въ отвлеченныхъ, но въ самыхъ простыхъ элементарныхъ вопросахъ. Онъ тогда занималъ уже довольно солидное положеніе въ судебномъ вѣдом-

ствѣ и не смотря на то, что продолжалъ увѣрять меня, что его дружба ко мнѣ не измѣнилась и что онъ вообще тотъ же что прежде, я почему-то не повѣрилъ ему и отвѣтилъ холодно на его дружественныя изліянія...

Мои отношенія къ этому господину почему-то теперь пришли мнѣ въ голову. Но не успѣлъ я о нихъ подумать, какъ повади меня раздались торопливые шаги и кто-то громко произнесъ мое имя. Я оглянулся и увидѣлъ предъ собою своего товарища.

— Чортъ побери, какъ ты быстро шагаешь; я насилу нагналъ тебя.. Я совоѣмъ задыхаюсь... Но не будемъ терять времени... Меня вѣдь ждутъ дамы... Скажи, ты ихъ узналъ?

— Кого? Я подозрительно взглянулъ на своего товарища.

— Можъ спутницъ... Онѣ тебя узнали и послали меня къ тебѣ... Это Горбатовы—мать и дочь.

Я весь выпыхнулъ и, виновуясь безсознательному движенію, невольно схватилъ своего товарища за руку.

— Ты правду говоришь? вырвалось у меня.

— Вотъ еще вопросъ... Но пойдѣмъ... Неловко заставлятъ ихъ такъ долго ждать; онѣ у Аничкова моста.

Я молча послѣдовалъ за своимъ товарищемъ, охваченный тѣмъ радостнымъ чувствомъ ожиданія, которое всегда приводитъ насъ въ сильное волненіе.

Дамы дѣйствительно ждали насъ и тепло меня привѣтствовали. Я былъ сильно ввволнованъ и не могъ произнести ни единого звука. Въ моей памяти съ быстротой молніи воскресли давно минувшіе дни. Петергофъ съ его чудными сказочными фонтанами, спокойное море съ далекимъ синимъ горизонтомъ, молодая красавица съ свѣтлой улыбкой и маленькая дѣвочка съ смѣющимися сѣрыми глазами... Я взглянулъ на своихъ спутницъ и невольно опустилъ глаза... Мое волненіе еще болѣе усилилось и могло выдать мои завѣтныя мысли.

Къ счастью Зинаида Ивановна предложила отправиться къ нимъ, но не пѣшкомъ, такъ какъ они жили далеко отъ Невскаго. Пока позвали извозчиковъ, я успѣлъ оправиться и придти въ себя.

— Вы со мною поѣдете. а Николай Ивановичъ съ Валеріею. Хотите? И Зинаида Ивановна вопросительно взглянула на меня.

Я почтительно поклонился, и чрезъ минуту мы уже катили по торцовой мостовой, только что освобожденной отъ сѣрой грязной каши, называемой въ Петербургѣ онѣгомъ.

— Не буду говорить теперь. Я не могу, меня стужъ этотъ сильно раздражаетъ, дома наговоримся... заявила мнѣ Зинаида Ивановна.

Но тутъ-же измѣнила себѣ и стала мнѣ второпяхъ передавать краткій резюме событій за все это количество лѣтъ, что мы не видались.

Какъ ни громко говорила Зинаида Ивановна, но благодаря уличному шуму, стуку колесъ и звону проѣзжавшихъ конокъ, я могъ уловить только обрывки того, что съ такимъ жаромъ мнѣ сообщали. Оказалось, что Павелъ Никоноровичъ уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ, что они все время жили въ провинціи, что мужъ быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ ту самую минуту, когда пришло извѣстіе о вызовѣ его въ Петербургъ и назначеніи на очень высокій и отвѣтственный постъ, онъ внезапно скончался. Послѣ его смерти онѣ недолго оставались въ провинціи и переѣхали въ Петербургъ, гдѣ и живутъ до сихъ поръ.

— Sic transit gloria mundi... заключила со вздохомъ Зинаида Ивановна. Ну, а вы? вдругъ оживившись заговорила она: — расскажите, расскажите, пожалуйста... Я горю нетерпѣніемъ... И она быстро обернулась въ мою сторону и окинула меня любопытнымъ взоромъ.

Но я не успѣлъ ничего сказать, такъ какъ въ это время извозчикъ остановился у подъѣзда большого и по внѣшнему виду очень красиваго дома.

— А, мы уже пріѣхали... Ну, милости просимъ.

Я помогъ Зинаидѣ Ивановнѣ сойти съ дрожекъ. Въ это время подъѣхали и Валерія Павловна съ моимъ товарищемъ, и мы всѣ вмѣстѣ стали подниматься по широко устланной ковромъ лѣстницѣ.

VI.

Я вернулся домой очень поздно и сейчас же бросился въ постель, но не могъ заснуть и всю ночь пролежалъ съ открытыми глазами. Было-ли это предчувствіе или просто моя нервная система была такъ возбуждена, что все принимала въ преувеличенномъ и неестественномъ видѣ, но мнѣ казалось, или вѣрнѣе, я былъ убѣжденъ, что въ моей жизни произошло нѣчто особенное, нѣчто такое, что невозможно ни предотвратить, ни исправить, что должно роковымъ образомъ случиться и противъ чего нѣтъ спасенія. Я не въ состояннн въ послѣдовательномъ разсказѣ передать все то, что со мною произошло въ эти нѣсколько часовъ, потому что во всемъ этомъ, какъ тогда, такъ и теперь, долго спустя, я не могу уловить ни начала, ни конца того душевнаго процесса, который, подобно урагану, налетѣлъ на меня, исковеркалъ меня всего, вырвалъ съ корнемъ все то, что, казалось, такъ крѣпко срослось со мною и насадилъ нѣчто новое, сразу охватившее меня, переродившее въ другаго человѣка.

Странно, очень странно; а между тѣмъ все это было со мною, все это я испыталъ, пережилъ и перечувствовалъ, и не смотря на всѣ душевныя муки, которыя мнѣ принесло все это, я тогда былъ счастливъ, я тогда жилъ той полною интенсивной жизнью, которая такъ рѣдко выпадаетъ на нашу долю. Въ нѣсколько часовъ, нѣтъ, въ нѣсколько минутъ моя участь была рѣшена. Много-ли времени нужно для того, чтобы въ груди вспыхнуло яркое пламя любви, чтобы это пламя разлилось по всѣмъ атомамъ вашего тѣла и чтобы вы весь превратились въ одинъ огненный столбъ?..

Поэты утверждаютъ, что для этого нужно очень мало времени... Я бы тоже самое сказалъ, если бы я былъ увѣренъ, что мое чувство къ Валеріи зародилось только теперь, а не жило во мнѣ все время съ тѣхъ поръ какъ мы въ первый разъ увидѣлись въ Петергофскомъ паркѣ, съ той минуты, какъ эта маленькая дѣвочка поцѣловала меня.

Да, нѣтъ сомнѣнн, что я любилъ Валерію давно, любилъ ее все время, но что эта любовь прозябала во мнѣ, какъ про-

звбааетъ зародышъ въ землѣ до тѣхъ поръ, пока не разразится весенняя гроза.

Валерія принадлежала къ числу тѣхъ красавицъ, которыя сразу не поражаютъ своей красотой, но въ которыхъ стоитъ только по пристальнѣе всмотрѣться, чтобы лица ихъ никогда не изгладились изъ вашей памяти... И на меня она произвела точно такое же впечатлѣніе. Первые минуты нашего свиданія я всецѣло посвятилъ Зинаидѣ Ивановнѣ, стараясь, изъ любопытства-ли, или вслѣдствіе шевельнувшихся во мнѣ юношескихъ воспоминаній, разглядѣть ее, открыть и опредѣлить ту перемену, которая произошла въ этой женщинѣ за этотъ длинный періодъ времени.

Валерія меня мало интересовала, и я былъ очень радъ, что Николай Ивановичъ ее занимаетъ и что не на мнѣ лежитъ эта обязанность.

Но когда, наговорившись съ Зинаидой Ивановной, я случайно оглянулся, я увидѣлъ вооугъ себя Валерію. Она пристально и въ упоръ смотрѣла на меня.

Я даже не смутился...

Вѣдь я ее помнилъ такой маленькой... Я приблизился къ ней и прямо посмотрѣлъ ей въ глаза съ той смѣлой увѣренностью, съ какой старшіе смотрятъ на дѣтей, сознавая свою силу...

Не знаю почему, но я сильно смутился, покраснѣлъ, сердце во мнѣ сильно забилося, и какъ школьникъ я пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ и, должно быть, глупыхъ словъ, потому что Валерія улыбнулась и тоже покраснѣла, потомъ подъ вліяніемъ какого то внутренняго порыва протянула мнѣ свою красивую руку и тихо сказала: «мы вѣдь старые знакомые и старые друзья... помните»...

Съ этой минуты началось наше духовное общеніе, ревниво охранявшееся нами отъ чужихъ взоровъ, крѣпко водворившееся въ нашихъ сердцахъ, вытѣснившее все прочее, постороннее и прекратившееся лишь послѣ той катастрофы, о которой я вамъ сейчасъ расскажу. Впрочемъ я говорю неправду; это общеніе никогда не прекращалось, теперь, какъ и тогда, живетъ въ

насъ обоихъ, не смотря на то, что мы такъ удалились другъ отъ друга. Истинное чувство никогда не исчезаетъ.

Признаками его существованія служатъ не его реальные результаты, не чувственное его проявленіе, а та невидимая связь, которая, не смотря ни на какія вѣшнія метаморфозы, никогда не умираетъ и подобно тлѣющей искрѣ готова каждую минуту превратиться въ яркое пламя. Послѣ этой встрѣчи я сталъ бывать каждый день въ домѣ Горбатовыхъ. Зинаида Ивановна относилась ко мнѣ съ той живой симпатіей, которая напоминала мнѣ наши прежнія отношенія.

Не смотря на то, что она сильно измѣнилась, не смотря на то, что на ея еще довольно красивомъ и свѣжемъ лицѣ лежали явные слѣды пережитыхъ годовъ, со всѣми обычными ихъ спутниками, горемъ, радостью, разочарованіемъ, а въ ея взглядѣ и улыбкѣ далеко уже не было той чистоты и невинности, которыми она такъ прельщала мое юное воображеніе, однако въ обращеніи со мною и въ моемъ присутствіи она точно перерождалась, и въ моей памяти невольно воскресали счастливыя минуты невозвратнаго прошлаго.

Мой товарищъ, Николай Ивановичъ, новидимому, игралъ не послѣднюю роль въ ея жизни, или собирался играть таковую, — я точно не могъ разобрать, потому что, собственно говоря, это меня очень мало интересовало. Какъ я ни былъ привязанъ къ Зинаидѣ Ивановнѣ, какъ я ни дорожилъ ея дружбой и расположеніемъ, но интересоваться ею, какъ женщиной, еще способной внушить страсть, я не могъ и не интересовался. Гораздо важнѣе было для меня установить, какой характеръ носили отношенія между Николаемъ Ивановичемъ и Валеріей. Если молодой человѣкъ бываетъ въ домѣ, гдѣ есть молодая дѣвушка и бываетъ такъ часто, какъ дѣлалъ это Николай Ивановичъ, — всегда слѣдуетъ задавать себѣ подобный вопросъ.

Въ глубинѣ души я былъ убѣжденъ, что Валерія его не любитъ, да и Николай Ивановичъ обращался съ нею съ той изысканною и церемонною вѣжливостью, которая исключаетъ всякое солидное чувство. Но это-то именно меня и тревожило и не давало ни на минуту успокоиться. Въ сущности какое право я имѣлъ задаваться подобными вопросами и доискиваться истиннаго ха-

рактера отношеній между людьми, для которыхъ я теперь былъ совсѣмъ чужой?

Но развѣ молодость и страсть поступаютъ по праву, руководствуются законами? Я зналъ, что я люблю Валерію, и слѣдовательно никто больше, кромѣ меня, не долженъ и не смѣетъ ее любить. Любила ли она меня? Но это развѣ могло быть иначе... Впрочемъ, я вовсе не задавался подобнымъ вопросомъ, и это служило самымъ лучшимъ доказательствомъ, что она меня любитъ и что наши взаимныя чувства имѣютъ въ себѣ нѣчто роковое, неизбежное. Точно также я не задавался вопросомъ, что будетъ дальше, что выйдетъ изъ всего того, что теперь творилось въ моемъ внутреннемъ мірѣ. Я точно раздвоился и жилъ двойной жизнью. Съ одной стороны весь я, всѣ мои чувства, мысли и стремленія принадлежали Валеріи, и я не могъ себѣ представить себя вдали отъ нея; съ другой, я чувствовалъ еще на себѣ нити, связывавшія меня съ прошлымъ, съ родными, съ оставленной невѣстой! Я по прежнему аккуратно писалъ матушкѣ подробные отчеты о томъ, какъ я живу и что дѣлаю, я по прежнему писалъ Маріи нѣжныя письма, осыпалъ ее ласковыми эпитетами и поцѣлуями. Мои письма къ ней никогда не имѣли такого нѣжнаго характера, какъ за этотъ короткій промежутокъ времени. Лгалъ ли я предъ нею, притворялся, хотѣлъ ли я отвести глаза и снять съ себя всякое подозрѣніе въ измѣнѣ?... Ничуть... Насколько я могу безпристрастно анализировать свое тогдашнее душевное состояніе, я никогда такъ искренно не относился къ Маріи, никогда такъ не симпатизировалъ ей, какъ въ то время. Любви къ ней я вѣдь никогда не чувствовалъ, тѣмъ болѣе теперь, когда кромѣ Валеріи никто въ мірѣ не могъ мнѣ нравиться; но мое чувство къ Маріи было похоже на то, какое узникъ испытываетъ, разставаясь со своей одинокой кельею. Впереди его ждутъ свобода, просторъ полей, ласки возлюбленной, а онъ съ грустью озирается кругомъ, прощаясь съ голыми стѣнами...

Но такое душевное состояніе не можетъ долго продолжаться. Малѣйшая причина, малѣйшій толчекъ извнѣ можетъ нарушить равновѣсіе, вызвать реакцію. Тоже случилось и со

мною. Я уже говорилъ, что съ Валерією у меня никакихъ объясненій не было. Я почему-то былъ увѣренъ въ ея любви ко мнѣ, не потому, что она относилась ко мнѣ хорошо, всегда была рада моему присутствію, принимала самое теплое участіе во всѣхъ моихъ дѣлахъ и вообще живо интересовалась мною; нѣтъ, я не на этомъ строилъ свои предположенія и надежды, а на томъ роковомъ чувствѣ, которое меня охватило съ такой могучею силою и сопротивляться которому не было ни возможности, ни времени. Такое чувство не можетъ оставаться безъ взаимности. Но эта именно увѣренность и заставила меня быть чуткимъ ко всему тому, что происходило внѣ сферы моего чувства. Больше всего меня тревожили отношенія Николая Ивановича къ Валеріи. Казалось бы наоборотъ; разъ я былъ такъ увѣренъ въ любви къ Валеріи, ничье ухаживаніе, даже самое упорное, меня не могло смущать. Тогда я дѣйствительно не отдавалъ себѣ отчета, почему это меня такъ тревожить. Но теперь я понимаю тотъ безсознательный процессъ мыслей, который вызвалъ мои тревоги.

Влюбленный въ Валерію, но имѣя невѣсту, я былъ въ какомъ то заколдованномъ кругу, изъ котораго никакъ не могъ выбраться. Если Валерія свободна, если нѣтъ претендентовъ на ея руку и сердце, я во имя своей любви къ ней могу и долженъ выступить... Но что, если Николай Ивановичъ считаетъ себя претендентомъ, а можетъ уже и женихъ, хотя и неофициально... Какое право имѣю я, самъ несвободный человѣкъ, ворваться въ чужую семью, разрушить чужія надежды... Открыто я такъ не думалъ, но это былъ скрытый безсознательный процессъ мысли, который съ одной стороны парализовалъ мою смѣлость, съ другой—заставлялъ быть чуткимъ и осторожнымъ... Мое чувство все же было сильнѣе всякихъ соображеній, сознательныхъ и безсознательныхъ, и рано или поздно оно должно было побѣдить.

И Зинаида Ивановна и Валерія Павловна знали, что у меня есть невѣста. Первая довольно серьезно приняла эту новость и потомъ не разъ бесѣдовала со мною о моей невѣстѣ, о моей будущей семейной жизни и пр. Валерія же съ перваго раза какъ то странно отнеслась къ моему заявленію. Она ни-

чего не сказала, но по ея глазамъ видно было, что она хотѣла сказать: «Неправда, этого быть не можетъ... Какая же другая можетъ быть у тебя невѣста, кромѣ меня...» Вообще и впоследствии мы съ Валерією мало говорили о моей невѣстѣ, да и то урывками и въ такомъ тонѣ, какъ будто дѣло идетъ о личности намъ совершенно чуждой.

О томъ, что у меня есть невѣста и я собираюсь жениться, конечно зналъ и Николай Ивановичъ. Впрочемъ потому онъ такъ индифферентно смотрѣлъ на мои частыя посѣщенія къ Горбатовымъ, на болѣе чѣмъ теплыя отношенія ко мнѣ Зинаиды Ивановны, а главное Валеріи, которая плохо маскировала или не желала маскировать своихъ чувствъ.

На его индифферентизмъ относительно моей особы вліяло, какъ это я послѣ узналъ, еще одно обстоятельство, именно моя національность. Въ это время антисемитизмъ былъ уже въ полномъ ходу, и какъ ни корчилъ изъ себя мой товарищъ либерала и прогрессиста, но онъ болѣе, чѣмъ кто либо, былъ зараженъ этой болѣзью времени. Замѣчательно, что антисемитизмомъ заражались именно люди слывшіе ранѣе за либераловъ, красныхъ и проч.

Эти рѣзкія крайности какъ нельзя болѣе говорятъ въ пользу неустойчивости и поверхностности нашей интеллигенціи, что впрочемъ очень естественно въ такомъ сравнительно молодомъ и неокрѣпшемъ организмѣ...

И такъ Николай Ивановичъ не видѣлъ во мнѣ опаснаго соперника и повидимому не питалъ ко мнѣ никакихъ непріязненныхъ чувствъ.

Но за то его поведеніе съ перваго раза показалось мнѣ подозрительнымъ; а чѣмъ болѣе я присматривался къ нему, тѣмъ яснѣе становились для меня мои подозрѣнія. Николай Ивановичъ, очевидно, игралъ двойную игру. Успѣвши заручиться расположеніемъ Зинаиды Ивановны, онъ въ тоже время не упускалъ изъ вида и Валерію и старался покорить ее себѣ тѣмъ холоднымъ безразличіемъ, которое такъ часто пускаютъ (не безъ успѣха) въ ходъ бездушные эгоисты и пресыщенные фаты. Онъ не спѣшилъ, зная, что рано или поздно Валерія достанется ему, такъ какъ по своему общественному

положенію онъ былъ очень выгодный женихъ для нея, и ему симпатизировали всѣ ея родные. Пока же онъ заигрывалъ съ Зинаидой Ивановной, которая, повидимому, противъ этого ничего не имѣла. Вотъ въ какомъ свѣтѣ представлялись мнѣ отношенія къ семьѣ Горбатовыхъ Николая Ивановича, когда я, заинтересованный, сталъ ближе присматриваться. Я былъ пораженъ своимъ открытіемъ и, при своемъ душевномъ настроеніи, далъ себѣ торжественное слово спасти Валерію, которую я считалъ въ опасности. Я теперь былъ уже не только влюбленный, но и защитникъ Валеріи, и это сознание придавало мнѣ особенную нравственную силу и энергію, которая мнѣ такъ необходима была тогда. Помню, что съ этого момента я сразу пересталъ переписываться съ моей невѣстой.

Магущкѣ-же я продолжалъ писать, причемъ намекалъ на то, что моя свадьба съ Марією по разнымъ причинамъ едва-ли состоится. Мое положеніе стало принимать все болѣе и болѣе острый характеръ. Долго это такъ не могло продолжаться, тѣмъ болѣе, что отношенія между мною и Марією стали такими, что объясненіе сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Случай ускорилъ развязку. Приближалась весна. Въ томъ году весна въ Петербургѣ была очень ранняя и обѣщала быть хорошей. Стояли прекрасные солнечные дни съ утренними и вечерними морозами.

Снѣга на улицахъ совсѣмъ уже не было, и извозчики ѣздили на дрожкахъ. Въ это время года у столичныхъ жителей выступаетъ на первый планъ дачный вопросъ. Всѣ заняты однимъ и тѣмъ-же, у всѣхъ на умѣ одна и та-же забота: гдѣ поселиться, гдѣ найти дачу. Стали заниматься этимъ вопросомъ и Горбатовы, хотя они изъ года въ годъ жили въ Петергофѣ и на этотъ разъ не думали ему измѣнить. Николай Ивановичъ и я тоже принимали участіе въ этихъ совѣщаніяхъ. Я самъ тоже рѣшилъ поселиться на лѣто въ Петергофѣ и былъ счастливъ при одной мысли, что опять увижу тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ дороги по юношескимъ воспоминаніямъ, увижу при такихъ условіяхъ, лучше которыхъ и представить себѣ не могъ. Валерія чуть не подпрыгнула отъ радости, когда я ей объявилъ, что тоже буду жить лѣтомъ въ Петергофѣ; но по-

томъ она вдругъ притихла и почему-то покраснѣла. Я хотѣлъ что-то сказать ей, но тоже смутился, и мы оба на этотъ разъ не сказали другъ другу того, что такъ волновало насъ обоимъ, что такъ просилось и рвалось наружу.

Одинъ Николай Ивановичъ не высказывался опредѣленно относительно того, гдѣ онъ думаетъ провести лѣто. То онъ хвалилъ Петергофъ, то вдругъ находилъ, что лучше Царскаго Села ничего нѣтъ въ окрестностяхъ Петербурга. Это было заигрыванье съ его стороны, которое, однако, достигало дѣли, потому что каждый разъ, когда онъ заводилъ оъ этомъ рѣчь, Зинаида Ивановна мѣнялась въ лицѣ и кусала свою нижнюю губу, что она всегда дѣлала, когда была чѣмъ нибудь ввволнована. Валерія не только не обращала вниманья на заявленія Николая Ивановича, но, напротивъ, совѣтовала ему поселиться въ Финляндіи.

— Вы такой точный и спокойный!.. вамъ какъ разъ среди чужонцевъ мѣсто... сказала она ему разъ.

Зинаида Ивановна почему-то смѣшалась, а Николай Ивановичъ окинулъ дѣвушку тѣмъ растеряннымъ взглядомъ, который такъ и говоритъ: «вотъ какъ... однако я этого отъ тебя не ожидалъ». Потомъ, помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что я себя буду чувствовать въ Чухляндіи лучше, чѣмъ вы и Борисъ Яковлевичъ въ вашемъ хваленомъ болотѣ...

Самъ по себѣ отвѣтъ былъ дерзкій, но почему ему вздумалось приплестъ къ имени Валеріи и мое имя? Угадалъ-ли онъ характеръ нашихъ отношеній, или на эту мысль натолкнуло его замѣчаніе Валеріи?.. Во всякомъ случаѣ съ этой минуты онъ рѣзко перемѣнился въ отношеніи ко мнѣ и, такъ сказать, сталъ на сторожѣ.

Нѣсколько дней спустя, я какъ-то послѣ обѣда зашелъ къ Горбатовымъ и никого не нашелъ дома.

Такъ какъ мнѣ не хотѣлось возвращаться домой, то я, въ ожиданіи прихода хозяевъ, забрался въ кабинетъ и взявъ первую попавшуюся книгу, усѣлся поудобнѣе въ мягкомъ креслѣ—качалкѣ.

Сначала я перелистывалъ книгу, но вскорѣ въ комнатѣ

наступили сумерки, и, бросивъ чтеніе, я невольно предался тревожившимъ меня думамъ. Думать мнѣ было о чемъ. Мое положеніе было очень критическое. Съ одной стороны мое напряженное состояніе увеличивалось еще тою неопредѣленностью, въ которой я до сихъ поръ находился и положить конецъ которой у меня не хватало смѣлости; съ другой — письмо моей матушки, которая заклинала меня объяснить ей причину моей размолвки съ Маріей. Что я могъ сдѣлать, что я могъ ей сказать? Мои мысли путались, въ душѣ кипѣла буря, и только то сильное могучее чувство, которое меня влекло къ Валеріи и которому я безповоротно отдался, поддерживало меня въ этой неравной борьбѣ съ самимъ собою.

Не помню, долго-ли я просидѣлъ въ такомъ состояніи, но чьи-то знакомые голоса вывели меня вдругъ изъ моего оцѣпенѣнія.

Голоса раздавались изъ смежной съ кабинетомъ комнаты, въ которой былъ будуаръ Зинаиды Ивановны и которая отдѣлялась отъ кабинета толстыми штофными драпри.

Я узналъ голосъ Зинаиды Ивановны и безсознательно сталъ прислушиваться.

— Если не ради меня, то хоть ради Валеріи...

— Очень я нуженъ Валеріи...

— Тѣмъ лучше...

— Вамъ это на руку...

— Вы начинаете забываться, Николай Ивановичъ...

— Нисколько...

— Припомните, что я не первая сдѣлала шагъ къ нашему сближенію.

— Вы очевидно сегодня не въ духѣ...

— Стоитъ выслушать ваши любезности, чтобы испортилось самое свѣтлое настроеніе.

Въ будуарѣ раздались мѣрные, глухіе шаги Николая Ивановича.

Наступила пауза. Мнѣ не видны были лица разговаривавшихъ, они, конечно, не подозрѣвали, что ихъ подслушиваютъ, но стыдъ и горечь вмѣстѣ охватили меня.

Я готовъ былъ провалиться сквозь землю; я былъ волею на

нихъ, негодовать на себя... Я осторожно всталъ, желая поскорѣе выбраться отсюда, но на меня напало оцѣпенѣніе. А что, если они услышать мои шаги и увидать меня здѣсь... Отъ одной этой мысли у меня кровь бросилась въ голову. Я такъ и застылъ на мѣстѣ, не смѣя ни шевельнуться, ни дохнуть.

Шаги между тѣмъ затихли, и голосъ Николая Ивановича снова нарушилъ мучительную для меня тишину.

— Послушайте, Зинаида Ивановна, почему вы не хотите войти въ мое положеніе?

— Но чего вы именно отъ меня требуете? донесся до меня глухой, подавленный голосъ Зинаиды Ивановны.

— Чтобы вы разъ навсегда признали, что мнѣ необходимо жениться на Валеріи...

— Вы безсердечный эгоистъ... вырвалось у Зинаиды Ивановны, и этотъ звукъ заставилъ содрогнуться мое сердце. Мнѣ стало вдругъ страшно за участь Валеріи, мнѣ казалось, что всѣ адскія силы возстали и ополчились на бѣдную, беззащитную дѣвушку. А я тутъ стою и ничего не предпринимаю для ея спасенія! Я хладнокровно выслушиваю это гнусное заявленіе...

Ярость душила меня, я едва держался на ногахъ... я сдѣлалъ быстрое движеніе впередъ и, не помня себя отъ внутренняго волненія, подбѣжалъ къ дверямъ, скрывавшимся за тяжелыми портьерами.

Я столкнулся съ Зинаидой Ивановной... Благодаря господствовавшему кругомъ густымъ сумеркамъ, я не могъ разглядѣть выраженіе ея лица; но судя по голосу, который замѣтно дрожалъ, надо полагать, что она была сильно перепугана внезапнымъ стукомъ къ кабинетѣ и моимъ внезапнымъ появленіемъ въ дверяхъ ея будуара.

— Ахъ, это вы, Борисъ Яковлевичъ, а я такъ испугалась... Я одна въ квартирѣ и замечталась... Какъ хорошо мечтается среди тишины и вечернихъ сумерекъ... И вдругъ внезапный стукъ... Откуда вы такъ стремительно появились... Но войдемте и сядемте вотъ тутъ...

Она взяла меня за руку и посадила возлѣ себя на мягкомъ диванчикѣ. Въ будуарѣ никого кромѣ насъ не было. Я обомлѣлъ

и совершенно растерялся. Может ли быть, чтобы мой слухъ меня такъ обманулъ?.. Нѣтъ, это конечно, абсурдъ... Но съ другой стороны, какъ можно было допустить, чтобы Зинаида Ивановна такъ насло лгала? Эта женщина, которую я одно время считалъ идеаломъ, ангельская улыбка которой приводила меня въ восторгъ, эта женщина можетъ смотрѣть прямо въ глаза и такъ спокойно бесѣдовать...

Сорвать съ нея маску лицемерія и лжи, сказать ей, что я все знаю, все слышалъ,—вотъ что напрашивалось и тревожило мой умъ.

Но это первое побужденіе уступило мѣсто болѣе мягкому чувству, зашевелившемуся въ это мгновеніе гдѣ то въ глубинѣ моей души, и слова укора, которыя я собирался ей бросить въ лицо, смѣнились жалостью къ этой женщинѣ, которая, можетъ быть, вовсе не столько виновата...

Мы оба чувствовали себя неловко и оба молчали. Угадывала ли Зинаида Ивановна, что происходило во мнѣ и съ какими противоположными чувствами мнѣ приходится бороться, не знаю, но у нея было настолько такта, что она меня ни о чемъ не спрашивала и даже не пыталась замаскировать мой внезапный приходъ и наизящее неловкое положеніе.

Приходъ Валерія положилъ конецъ нашему тягостному tête-à-tête, а появленіе вскорѣ затѣмъ и Николая Ивановича, пріѣхавшаго, по его словамъ, прямо изъ засѣданія, гдѣ его промучили нѣсколько часовъ, разсѣяло и слѣды того неловкаго положенія, отъ котораго ни я, ни Зинаида Ивановна не могли вполне оправиться.

Я, впрочемъ, не долго оставался у Горбатовыхъ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ предлогомъ, уѣхалъ домой.

С. О. Ярошевскій.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ЕВРОПѢ ¹.

Сегодня академія заранѣе празднуетъ день рожденія своего государя и всемілостивѣйшаго покровителя. Подобный праздникъ долженъ быть прежде всего посвященъ самымъ простымъ, чистымъ, возвышеннымъ чувствамъ: любви, почитанію, благодарности. Но кромѣ того въ этотъ день мы особенно живо представляемъ себѣ монарха пылливо, глубокомысленно вникающимъ въ обстоятельства жизни своего народа, взвѣшивающимъ положеніе Германіи, оглядывающимъ своимъ умствѣннымъ взоромъ знаменательныя событія дня, заботливо вникая въ ихъ значеніе. И такимъ образомъ, наши мысли невольно направляются на новѣйшія событія, на важныя вопросы, которые такъ громко и настойчиво заявляютъ о себѣ.

Не послѣднимъ изъ такихъ вопросовъ представляется намъ семитскій вопросъ, уже нѣсколько лѣтъ волнующій Германію. Партіи рѣзко раздѣлились, и какъ въ XIII вѣкѣ восклицали «Здѣсь Гвальфы, тамъ Вайблинги», такъ теперь по стогнамъ Германіи

¹ Подъ этимъ заглавіемъ, какъ мы уже сообщили въ свое время въ нашей „Хроникѣ“, президентъ мюнхенской академіи наукъ, извѣстный нѣмецкій богословъ профессоръ I. фонъ-Деллингеръ, помѣщая въ вынужденномъ имъ недавно I-мъ томѣ своего сочиненія „Akademische Vorträge“, рѣчь, читанную имъ въ торжественномъ засѣданіи мюнхенской Академіи наукъ, 25 іюля 1881 года. Мы сочли не лишнимъ познакомить читателей съ этой рѣчью одного изъ наиболее выдающихся европейскіхъ ученыхъ, причемъ просимъ ихъ не забывать, что рѣчь эта вышла изъ устъ *протестантскаго богослова*, и потому они не должны шокироваться нѣкоторыми мѣстами, проникнутыми извѣстнымъ духомъ протестантской теологіи.

проносится кликъ: «Здѣсь семиты и друзья семитовъ, тамъ анти-семиты». Съ немалымъ удивленіемъ узнаемъ мы, что именно въ столицѣ имперіи война возгорѣлась съ особенной силой, даже среди аристократіи ума. Хоть югъ Германіи принималъ до сихъ поръ въ этомъ движеніи менѣе участія, чѣмъ сѣверъ, но дѣйствующія тамъ пружины не остаются безъ вліянія и около насъ.

Въ наши дни наука не можетъ, какъ было прежде, самолично держаться въ сторонѣ отъ житейской борьбы; наоборотъ, важнѣйшія причины требуютъ, чтобы она участвовала лучшими своими выводами въ рѣшеніи задачъ, поставленныхъ нашему времени и нашей націи, и присоединилась ко всѣмъ просвѣтительнымъ и животворнымъ силамъ, дѣйствующимъ въ нашемъ обществѣ, подкрѣпляя ихъ собою и заимствуя у нихъ подкрѣпленіе для себя.

И такъ, пусть сегодня однимъ изъ приношеній Академіи въ честь ея августѣйшаго покровителя будетъ попытка разяснить, какъ завязался постепенно узелъ, распутать который никто не берется, и, въ виду грозящихъ новыхъ ошибокъ, показать въ предостерегающемъ зеркалѣ исторіи, въ какому злу уже приводили въ прошломъ подобныя ошибки.

Судьба еврейскаго народа представляеть едва-ли не самую потрясающую изъ драмъ всемірной исторіи.

Если греческіе трагики представляли «Гибриду», — деспотическое злоупотребленіе властью, — преимущественно въ видѣ рока, влекущаго людей къ гибели, то и въ судьбахъ этого народа намъ является, такъ сказать, средневѣковая Гибрида, въ видѣ таготящаго на немъ проклятія, Гибрида, представляющая смѣсь религіознаго фанатизма, низкой алчности и инстинктивной расовой вражды. Она была слѣдствіемъ нравственнаго и умственнаго недостатка, много столѣтій господствовавшаго какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ человѣчества, широко рас-

пространнаго и до сихъ норъ, хотя теперь оны обуславляются нравственными развитіемъ, страхомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Недостатокъ эгого былъ и есть, говоря коротко, отсутствіе чувства справедливости.

Мы знаемъ ихъ, эти силы и ихъ орудія, которыя и до сихъ норъ еще, подъ всяческими изворотами и покровами, повторяютъ одну и ту-же мысль: мы одни обладаемъ полною спасительной истиной, и поэтому для насъ дозволительно и простиительно все, что необходимо или полезно для распространенія и утвержденія этой истины. Гдѣ царитъ подобный принципъ, господствовавшій въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія съ 500 по 1500 годъ, живущій и теперь своихъ приверженцевъ между людьми, сохранившими средневѣковое міросозерцаніе, такъ даже самое понятіе о справедливости представляется преступнымъ заблужденіемъ, той справедливости, которая заставляетъ судить о человѣкѣ по его воспитанію, наклонностямъ, предвзвѣданіямъ, входить въ кругъ его міросозерцанія и симпатій, обходиться съ нимъ сообразно этому, прощать, мириться съ уклоненіями его отъ нашихъ собственныхъ взглядовъ, вѣрованій и образа дѣйствій; словомъ, признавать за нимъ право на индивидуальную самостоятельность. Христіанская религія совѣщаетъ эту справедливость въ заповѣди о любви къ ближнему, какъ въ самому себѣ; но почти нѣтъ такого уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы эта высочайшая изъ заповѣдей не игнорировалась, не пощиралась какъ господствующими классами, такъ и массами, какъ учителями, такъ и учениками, какъ учеными, такъ и невѣжками.

Въ какомъ видѣ находится этотъ вопросъ въ настоящее время—это не входитъ въ нашу задачу.

Но легко понять, что степень цивилизаціи народа измѣряется количествомъ въ ней отдѣльныхъ личностей, проникнутыхъ этой высокой справедливостью, и цѣлесобразностью его учрежденій для защиты и проведенія ея въ жизнь. Тамъ, гдѣ взаимныя отношенія

между людьми касаются области религии, недостатокъ этой добродѣтели прямо слѣдуетъ назвать фанатизмомъ, и бывали времена, когда даже лучшіе, благороднѣйшіе люди фанатично мыслили и поступали, такъ что теперь намъ приходится прилагать къ нимъ самимъ передъ судомъ исторіи эту благодѣтельную справедливость — къ нимъ, которые въ теченіи своей жизни отрекались отъ нея и отказывали въ ней другимъ!

Евреи, еще до разрушенія столицы и національной святыни ихъ, несомнѣнно были самымъ распространеннымъ народомъ, и когда Страбонъ говорилъ, что въ мірѣ нѣтъ мѣста, не банятаго евреями и не находящагося въ ихъ власти, то подъ «міромъ» разумѣлись земли вокругъ Средиземнаго моря и Азія до персидскаго государства. Массовыя илѣнія, полу-добровольная, полу-вынужденная, колонизація, войны и торговля рабами и мало-по-малу также ихъ восприимчивый, направленный преимущественно на торговлю духъ, сдѣлали изъ нихъ какую-то діаспору, такъ какъ, будучи особенно многочисленны въ приморскихъ городахъ, говоря въ большинствѣ случаевъ по гречески и проникнувшіе греческой цивилизаціей, они, тѣмъ не менѣе, вездѣ крѣпко держались другъ друга и сохраняли самостоятельную общинную жизнь. При римской имперіи евреи, подобно другимъ ея подданнымъ, пользовались благами римскихъ законовъ. Императоры вообще скорѣе покровительствовали имъ и даже оказывали имъ предпочтеніе, чѣмъ притѣсняли ихъ; представители еврейскаго народа пользовались даже нѣкоторые преимуществами. Крѣпко держась другъ друга, подкрѣпляемые взаимною помощью и поддержкой, евреи во всѣхъ отрасляхъ промышленности являлись способными конкурентами, и это навлекло на нихъ ненависть. Если съ одной стороны ихъ обычай обрѣзанія, суббота, исключительные законы о пищѣ и боязливая особенностью дѣлали ихъ предметомъ посмѣянія и презрѣнія, то съ другой — ихъ вѣра въ *единого*, чисто-духовнаго Бога, не воплощаемаго ни въ какія изображенія, имѣла огромную притяга-

тольную силу для преслѣжденнѣхъ политическомъ язычникомъ. «Они враги боговъ и людей!»—таковъ былъ верѣдко приговоръ языческихъ массъ о виновномъ для нихъ мировоззрѣніи еврейской націи, и во времена римско-еврейскихъ войнъ, евреи верѣдко тысячами постибали отъ ярости языческихъ народовъ.

У нихъ уже опять явился свой центръ и свой верховный глава; въ городкѣ Яиннѣ, въ Палестинѣ, образовался епидриотъ, старшина котораго признавался патриархомъ всей націи и пользовался подобающимъ ему уваженіемъ. А такимъ образомъ евреи получили, и верховный судъ, и высшую школу.

Но тогда-то именно, и вълѣдствіе особеннаго усиленія зелотизма, чему содѣйствовали послѣднія войны, иудаизмъ и замкнулся такъ напряженно въ самомъ себѣ; фарисейское мировоззрѣніе сдѣлалось исключительно господствующимъ, вытѣснивъ все чужое, какъ эллинизмъ, такъ и ессейзмъ; талмудъ, плотное скрѣпленный всѣ звенья націи, легъ на нее желѣзнымъ обручемъ и довершилъ замкнутость тѣмъ надеждѣ, что римскіе законы воспрещали обрѣзаніе лицамъ не еврейскаго происхожденія.

Между тѣмъ, жизненный запросъ состоялъ въ томъ: какое положеніе займутъ относительно евреевъ христіане. Церковь христіанская церковь оставалась вѣрна слову и прилѣбу своего главы и ученію апостоловъ. Церковь эта вѣрила и учила: во первыхъ, что отвѣтственность за смерть Христа, въ которой были виновны еврейскіе старшины и часть іерусалимскаго народа, отнюдь не можетъ падать на всю еврейскую націю; самъ Христосъ молился о прощеніи тѣхъ, которые возвели Его на крестъ, и молитва Его была услышана; а равно и апостолъ Петръ, подобно своему Учителю, оправдываетъ іерусалимскій народъ его несправедливостию. Во вторыхъ, что еврейскую націю отнюдь нельзя считать отверженною Богомъ, хотя ея разсѣяніе по землѣ и паденіе ея государства, храма и столицы и считаются наказаніемъ Божиимъ. Израиль продолжаетъ оставаться народомъ избраннымъ, такъ какъ Богъ не беретъ назадъ своего избранія и своихъ обѣщаній...

Основываясь на этихъ возрѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Новаго Завета, умнѣйшіе и значительнѣйшіе изъ отцовъ церкви учатъ: что на еврейскій народъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на заблудившаго брата, который рано или поздно вернется въ отчій домъ, и который былъ и остается носителемъ ненарушенныхъ обѣщаній. На этомъ основаніи христіанамъ предписывается относиться къ народу, къ которому принадлежали Христосъ и апостолы, и отъ котораго они некогда не отрѣкались, съ терпимостью, любовью и терпѣливымъ ожиданіемъ. Ученѣйшій и умнѣйшій изъ отцовъ церкви, Оригенъ, говоритъ: „Евреи были и остаются нашими братьями, но которые соединятся съ нами только впоследствии, а именно тогда, когда наша вѣра и праведная жизнь пробудятъ въ нихъ чувство соревнованія съ нами“. Самъ Августинъ еще не разъ говорилъ: „Въ сердцахъ христіанъ живетъ и постоянно выражается увѣренность, что потомки нынѣшнихъ евреевъ сольются впоследствии съ христіанами въ единой вѣрѣ“. Но эти возрѣнія старѣйшей христіанской церкви уступили мѣсто другимъ, когда христіанство сдѣлалось римскою государственною религіей, и языческая масса римскаго народа, со всею ея ненавистью и презрѣніемъ къ евреямъ, перешла, добровольно или по принужденію, въ христіанство. Синоды уже закрывали вѣтъ вѣстѣ съ евреямъ, и возведенный еще до вращенія въ миланскіе епископы Амвросій назвалъ сажженіе черною еврейской синагоги въ Римѣ богоугоднымъ дѣломъ, императора Максима, требовавшаго возобновленія синагоги—евреямъ. Тонъ христіанскихъ писаній становится съ тѣхъ поръ, за рѣдкими исключеніями, болѣе враждебнымъ евреямъ; братьями ихъ болѣе не называютъ; нежеланіе ихъ вступать въ христіанскую церковь объясняется уже не заблужденіемъ, а поспѣніемъ во грѣхъ. Хотя надежда на будущее соединеніе еще и не покинута, но она отложена въ самое отдаленное будущее, на послѣдніе дни передъ свѣдопреставленіемъ и страшнымъ судомъ. Можно подумать, что перспектива жизни съ евреями въ одной общинѣ, въ которой имъ, по библейскому ученію, слова

должно было принадлежать, такъ сказать, право первородства, казалось христіанамъ настолькоъ незаманчивою, что они старались ограничить ее всего нѣсколькими днями или мѣсяцами.

Христіанскіе императоры не особенно урѣзывали въ своемъ законодательствѣ права и вольности евреевъ, покуда Θεодосій II, въ 439 г. не удалилъ ихъ отъ всѣхъ должностей, какъ имперскихъ, такъ и городскихъ, чѣмъ существенно измѣнилось ихъ положеніе, какъ въ восточно-римской имперіи, такъ и въ Европѣ, потому что законъ этотъ перешелъ въ кодексъ Юстиніана.

На западѣ, во франкской имперіи, начинается, съ конца VI столѣтія, принудительное обращеніе евреевъ въ христіанство: пригнѣръ былъ поданъ Авитомъ, въ Клермонѣ, и королями Хильперикою и Дагобертомъ, и вскорѣ нашель себѣ множество подражателей въ испанскомъ западно-готскомъ королевствѣ, гдѣ въ государствѣ господствовали епископы. Въ 612, король Сизебутъ не оставилъ евреевъ другого выбора, кромѣ крещенія, или кнселенія. Многіе избрали первое, но въ послѣдствіи снова обратились въ еврейство и тогда начался рядъ насильственныхъ игнѣръ, которыми старались удержать крещеныхъ евреевъ въ лонѣ церкви, и ители имъ за отпаденіе. Такъ было постановлено декретомъ толедскаго національнаго синода, — этииъ роковимъ декретомъ, стоившимъ болѣе крови и слезъ, чѣмъ какой бы то ни было изъ законовъ языческой древности, такъ какъ онъ послужилъ поводомъ къ подобнымъ неисчислимымъ дѣянїямъ въ будущемъ.

Во франкскомъ государствѣ постановленія епископскихъ соборовъ относительно евреевъ долгое время придерживались правилъ, установленныхъ римскими императорами. Евреямъ воспрещались драки съ христіанами, покупка и продажа христіанскихъ невольниковъ, занятіе судебныхъ должностей въ христіанскихъ судахъ. Запрещалось также и совмѣстная вѣда евреевъ съ христіанами, и лѣченіе послѣднихъ еврейскими врачами. Посланія франкскихъ архіепископовъ Агобера и Амола Лионскаго, въ 848 г., дышать

ожесточенной враждой къ евреямъ; послѣдній указывалъ на при- мѣръ Сизебута, какъ на богоугодный и достойный подражанія, 'что служило плохимъ предзнаменованіемъ для будущаго. Между тѣмъ, эти-же самыя посланія свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, что въ ту пору о ростовщическомъ высасываніи евреями христіанъ не было еще и рѣчи; съ другой,—что императоръ, администрація и даже сельское населеніе относились къ евреямъ благопріятно, и правительственная власть еще защищала ихъ.

Но въ концѣ одиннадцатаго вѣка произошелъ поворотъ, итѣвній роковныя послѣдствія, какъ для евреевъ и язычниковъ, такъ и для самихъ христіанъ. Величайшій авторитетъ въ западномъ мірѣ провозгласилъ принципъ религіозной войны и нашелъ средство питать и поддерживать его. Война съ нехристіанскими народами, обращеніе язычниковъ и невѣрныхъ, истребленіе и разореніе противящихся, были признаны дѣяніями душеспасительными, заслуживающими отпущенія грѣховъ. Такой порядокъ вещей неизбежно долженъ былъ ухудшить положеніе евреевъ и, хотя вообще въ благоустройствѣ государственной жизни Европа постоянно шла къ прогрессу, но евреямъ прогрессъ служилъ не ко благу; наоборотъ, бѣдствія ихъ усиливались съ каждымъ вѣкомъ до реформаціи. Въ ту пору, христіане смотрѣли на еврея хуже, чѣмъ на невѣрнаго; на офици- ціальномъ церковномъ языкѣ онъ назывался „perfidus“, то есть человекъ, не заслуживающій, ни вѣры, ни вѣрности. „Ogemus pro perfidis Judaeis“—говорится въ литургіи на страстную пятницу, и всѣ богословы и каноники того времени употребляли это выра- женіе. Они внушали христіанамъ избѣгать евреевъ, какъ чумныхъ, одно дыханіе которыхъ заразительно, и какъ опасныхъ искусителей, въ рѣчахъ которыхъ кроется ядъ сомнѣнія и невѣрія. Мірянамъ воспрещалось касаться реліиіи хотя бы единымъ словомъ въ раз- говорѣ съ евреями.

Поэтому, когда крестоносцы собирались идти въ Азію, въ походъ противъ магометанъ, они начинали съ того, что перебивали

у себя на родинѣ евреевъ и грабили ихъ дома. Основаніе іерусалимскаго королевства ознаменовалось тѣмъ, что жившіе тамъ евреи были сожжены вмѣстѣ съ ихъ синагогами.

Положимъ, что это были дѣянія фанатическихъ, разнузданныхъ бандъ; но панскія энциклики и постановленія соборовъ о правахъ и обязанностяхъ христіанъ относительно евреевъ служили руководствомъ для правителей, какъ и для народовъ, для духовенства, какъ и для мірянъ.

Въ началѣ римскіе епископы не занимались евреями; въ первые шесть вѣковъ, въ ихъ посланіяхъ и постановленіяхъ ничего не говорится о нихъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что законы императоровъ считались достаточными въ этомъ отношеніи. Григорій Великій неутомимо защищалъ евреевъ противъ насилій, нерѣдко повторявшихся въ Нижней Италіи, и запрещалъ принуждать ихъ къ принятію христіанской вѣры. Но онъ поучалъ ихъ обращеніе различными льготами, и такимъ образомъ воздвигъ опасный принципъ, на который не разъ дѣлались ссылки въ позднѣйшихъ принудительныхъ обращеніяхъ: тотъ принципъ, что церковь несомнѣнно пріобрѣтаетъ этимъ путемъ, если не самихъ купленныхъ, то ихъ дѣтой.

Съ этого времени въ продолженіи почти трехъ столѣтій, папы ничего не говорятъ о евреяхъ. Съ половины 9-го вѣка началось значительное расширеніе папской власти псевдо-Изидоромъ, Николаемъ I, и его ближайшими преемниками. Когда Стефанъ VI (885—891) прервалъ наконецъ долгое молчаніе, въ Римѣ, вмѣсто прежней терпимости, уже господствовало самое враждебное еврейскъ настроеніе. Папа писалъ тогда архіепископу нарбонскому, что его привело въ смертельный страхъ извѣстіе о льготахъ, которыми пользовались тамъ евреи, такъ какъ въ силу королевскихъ указовъ, эти враги Бога владѣли земельною собственностью (allod), и христіане не только жили вмѣстѣ съ „этими собаками“ но даже служили имъ,

между тѣмъ, какъ Богъ, въ наказаніе за Христову смерть, отнялъ у этого народа всѣ обѣщанія ему прежде милости и отличія.

Этимъ былъ данъ лозунгъ, открывшій новый путь, но которому и пошли потомъ далѣе. Правда, евреямъ нерѣдко удавалось добывать отъ папъ охранительныя грамоты; запрещеніе принуждать ихъ креститься, грабить и убивать ихъ повторялось часто, но въ то время, какъ за другія, даже ничтожныя провинности папскія буллы грозили опалой, отлученіемъ, тайнымъ судимостемъ и другими страшными карами, въ этомъ случаѣ онѣ ограничивались простымъ внушеніемъ, не заключающимъ въ себѣ угрозы карой ¹. Короли и рыцарство всюду подавали примѣръ притѣсненій, жестокостей и грабительствъ относительно евреевъ, и ничто не говорить, что-бы папы удерживали ихъ отъ этого, старались защитить отъ нихъ жертвъ. Наоборотъ, когда Филиппъ-Августъ грабилъ и изгонялъ евреевъ, то папа Целестинъ III заявилъ, что мѣры эти внушаются королю его равностыемъ въ благочестіи ². Если же ктонибудь изъ князей церкви, намѣреваясь изгнать евреевъ изъ своихъ владѣній, обращался, въ уснокошеніе себя, къ папѣ за разрѣшеніемъ, то получалъ его немедленно. Заявленіе Иннокентія III, что весь еврейскій народъ за свою вину обреченъ Богомъ на вѣчное рабство; сдѣлалось, для князей и народовъ, великою хартіей, на которую постоянно ссылались всѣ тѣ, кто зарылся на достояніе и имущество евреевъ. Сила этой хартіи не умягчалась тѣмъ, что папы выдавали иногда евреямъ охранительныя грамоты, такъ какъ они основывались въ нихъ единственно на словахъ пророка, что въ послѣднія времена міра уцѣлѣвшіе остатки еврейской націи должны обратиться въ истинную вѣру. Остатки эти могли-де сохраниться, если не въ Европѣ, то во всякомъ случаѣ въ Азіи.

Послѣдующіе папы твердо придерживались принциповъ и пра-

¹ Исключеніе составляетъ булла Иннокентія IV въ 1247.

² „Revue des études Juives“. Парижъ, 1880. I. 118.

вилъ Инноцентія III. Если евреи стремились себѣ новую сниготу, то власти ее разрушали, и имъ дозволялось только поддерживать старину. Еврей не могъ свидѣтельствовать противъ христіанина, и епископамъ предписано было всякими средствами принуждать евреевъ носить извѣстные знаки, особня шляпы, желтый платокъ. Въ этомъ отношеніи законъ былъ особенно суровъ и жестокъ, такъ какъ при частыхъ уличныхъ натежахъ въ городахъ, еврей тѣмъ легче попадали въ руки бушующей толпы, узнававшей ихъ по этимъ признакамъ; а въ путешествіяхъ они неизбѣжно дѣлались добычею безчисленныхъ рыцарей-разбойниковъ и бродягъ, естественно смотрѣвшихъ на каждаго еврея, какъ на лишеннаго покровительства законовъ. Въ Испаніи поэтому разрѣшено было евреямъ носить въ дорогѣ любое платье, но и тамъ это разрѣшеніе было вскорѣ отмѣнено ¹.

Папа Евгений IV, отмѣнившій гуманныя уступки, сдѣланныя въ пользу евреевъ Мартинномъ V, до такой степени усилилъ въ этомъ отношеніи и безъ того уже беспощадную строгость неровнаго законодательства, что нельзя не удивляться, какъ могли еще влиять евреи свое жалкое существованіе, если всѣ эти мѣры исполнялись буквально.

Что было ошущено папами, до дополнили соборы отдѣльныхъ странъ; такъ они воспретили христіанамъ отдавать внаемъ или продавать дома евреямъ, покушать у еврея вино. Но всему этому нужно еще прибавить часто подтверждавшіеся указы сжигать всѣ экземпляры талмуда и комментарий къ нему, — то-есть наибольшую часть еврейской литературы, — за то, что въ этихъ книгахъ предполагались враждебные отзывы о христіанствѣ; и это служило новымъ поводомъ къ преслѣдованіямъ, заключеніямъ въ тюрьму, пыткамъ. Казалось, для этого гонимаго народа, у земныхъ властей были только камни вмѣсто хлѣба; и на всѣ его просьбы и за-

¹ Amador de los Rios, Historia de los Judios de España, III, 412.

проси, у нихъ былъ только тотъ отвѣтъ, который прадеи этого наряда дали когда-то своему тирану, Ироду, когда на вопросъ его, что онъ можетъ сдѣлать для нихъ, отвѣчали: повѣстись!

Новая теорія о рабствѣ евреевъ была принята и эксплуатирована также и богословами и канониками. Тома Аквинскій, учене котораго вся римская церковь считаетъ непогрѣшимымъ, рѣшилъ, что монархи и владѣтельные лица могутъ такъ-же свободно пользоваться достояніемъ обреченныхъ на вѣчное рабство евреевъ, какъ и своиѣ собственнымъ¹.

На томъ-же основаніи, цѣлый рядъ канониковъ постановилъ заключеніе, что государи и рыцари выравъ селю отнимать у евреевъ ихъ сыновей и дочерей, чтобы крестить ихъ². Крещеное еврейское дитя не могло быть оставлено у отца; это было общимъ правиломъ, которое сохраняется и донинѣ въ церковныхъ уставахъ. Государи жадно ухватились за папское учене о вѣчномъ рабствѣ евреевъ, и императоръ Фридрихъ II, согласно тогдашней логикѣ, потребовалъ, чтобы всѣ евреи принадлежали ему, какъ императору, такъ какъ право владѣнія ими перешло къ нему отъ древнихъ римскихъ императоровъ, какъ ихъ временнику. Сынъ его, Конрадъ IV, уже употреблялъ выраженіе „королевныя нашей палаты“ и въ нивобскихъ актахъ (Shwahnepiegel) говорилъ, что „король Титъ предоставилъ ихъ (евреевъ) въ собственность ниворской палаты“. Король Албрехтъ потребовалъ даже отъ французскаго короля Филиппа выдачи ему всѣхъ французскихъ евреевъ, а поодѣе сами евреи, въ запискѣ къ регенбургскому совету, говорили, что они принадлежать императору, обязанному

¹ De regimine Judaeorum ad Dicissam Brabantiae. Opp XVII, 192.

² Въ толкованіи къ с. Judaeorum, с. 294. 1, ed Lugdum 1584, p. 1545, это насильственное крещеніе еврейскихъ дѣтей хотя и не одобряется, но лишь въ томъ случаѣ, когда оное совершается indistincte, да и то потому, что будь такая мѣра принята повсемѣстно, то скоро не осталось-бы болѣе ни одного еврея, тогда какъ для оправданія пророчества необходимо было, чтобы часть ихъ продолжала существовать.

защищать ихъ отъ вѣчнаго истребленія и сохранять въ память смерти Христовой ¹.

Съ 14-го вѣка это закрѣпощеніе имперскому двору превращается въ настоящее рабство и толкуется въ этомъ смыслѣ. Въ грамотѣ еврейскъ императоръ Карлъ IV говорить: «Вн принадлежите намъ и имперіи тѣломъ и имуществомъ, и ми можемъ чинить и творить съ вами все, что хотимъ и что намъ заблагоразсудится» ². Дѣйствительно, евреи, какъ товаръ, переходили изъ рукъ въ руки. По временамъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, императоръ за высокую сумму въ пользу его палаты, обменовенно составлявшую тридцать процентовъ, объявлялъ выданныи имъ долговныя обязательства уничтоженными.

Покровительство, которое оказывалъ императоръ крѣпостнымъ своей палаты, часто бывало совершенно призрачнымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ давались привилегіи; фактически евреи оставались безправными. Правительства вѣшивались въ ихъ пользу только тогда, когда ихъ побуждалъ къ этому эгоистическій расчетъ; нельзя-же было допустить полного истребленія людей, которые были такою выгодною и доходною статьею для государства. Но за этимъ исключеніемъ, всё, отъ императора до черни, могли дѣлать съ евреями, что хотѣли.

Нерѣдко, покровительство оказывалось только наопредѣленный срокъ, по истеченіи котораго евреи снова становились какъ бы внѣ закона, если не возобновляли за большія деньги своей срочной охранительной грамоты. Имъ пользовались какъ губками, которымъ даютъ набрать въ себя воду, чтобы потомъ выжать. Въ 1390 г. произошли событія, которыя должны навсегда сохраниться въ памяти гнѣщевъ и служить имъ предостереженіемъ. Король, владѣтельные князья, рыцарство и города, одинаково запутавшись въ долгахъ, рѣши-

¹ Gemeiner, Regensburger Chronik, zum J. 1477, III 602.

² Fegely «Chroniken der Deutschen Städte» 126.

льв на шкуру, пригнѣтъ которой бнль уже подать изъ Франціей. На нюрнбергскомъ сеймѣ были отиѣнены всѣ долги евреевъ по всему государству, съ тѣмъ, чтобы должники уплатили пятнадцать процентовъ въ королевскую кассу. Такимъ образомъ, герцогъ баварскій, нацимгъръ, графъ Эттингенскій и городъ Регенсбургъ погунили, каждый, по 100.000 золотыхъ гульденовъ.

Если кто нибудь изъ владѣтельныхъ князей уступалъ евреямъ, или хотя бы кому нибудь одному изъ нихъ ключекъ земли, или представлялъ ему какую нибудь должность, то немедленно получалъ отъ папы внушеніе или выговоръ, съ напоминаніемъ, что сыну рабни никогда не должно быть отдаваемо предпочтеніе передъ сыномъ свободной женщины. Папскіе кардиналы-легаты постановляли на соборахъ—какъ напригнѣръ въ Вѣнѣ, въ 1267 г.—чтобы ни одинъ еврей не допускался въ бани, въ гостинницы и на почетныя дворы, и чтобы христіане отнюдь не покупали у евреевъ мяса, во избѣжаніе быть отравленнымъ. Саламанкскій синодъ объявилъ, въ 1385 г., что врачи еврейскаго происхожденія для того только предлагаютъ свои услуги христіанамъ, чтобы истреблять, по возможности, христіанское населеніе Европы.

Такимъ образомъ, сѣялись ненависть и презрѣніе, и пожинались убійства массами. Народы, приученные смѣтрѣть на еврея, какъ на прирожденнаго врага и раба христіанъ, склонны вѣрить по невѣжеству всему сверхъестественному и ужасному, охотно считали евреевъ способными на всякія, даже на самыя невѣроятныя преступленія. Съ XII вѣка начала ходить въ народѣ молва, что евреи нуждаются въ христіанской крови: одни говорили—для своей Пасхи, другіе—для лекарства противъ какой-то тайной наследственной болѣзни, въ виду чего они будто бы ежегодно убивали одного христіанскаго мальчика. Въ этому прибавляли еще, будто они, въ насмѣшку надъ Христомъ, ежегодно распинали одного христіанина.

Если находили гдѣ нибудь трущъ ребенка или взрослого со знаками насилія, то убійство непременно приписывалось еврею,

чаще всего преступленіе считалось дѣломъ многихъ евреевъ, которыхъ пытали до тѣхъ поръ, повуда они не сознавались. Затѣмъ слѣдовали страшныя казни, и во многихъ случаяхъ истребленіе всѣхъ евреевъ въ городъ или деревнѣ. О правильномъ, безпристрастномъ судебномъ разбирательствѣ не могло быть и рѣчи. Сами судьи или мѣстныя власти трепетали передъ яростью предубѣжденнаго народа, изъ котораго ничѣмъ нельзя было выбить увѣренность, что каждый еврей способенъ на самыя возмутительныя преступленія. Случалось, что кого нибудь изъ евреевъ обвиняли въ томъ, что онъ прокололъ ножомъ или изуродовалъ изображеніе Христа, и этого повода было достаточно для безпощадной рѣзни. Съ 1290 г. начали распространяться слухи объ оскверненныхъ и точащихъ кровь св. дарахъ. Изъ Франціи, гдѣ случилось первое подобное чудо, эта сказка распространилась по всѣмъ окрестнымъ странамъ, и вслѣдъ затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ повторилось то же чудо. Можно было подумать, что евреи, обаянные какии-то непостижимыя безуміемъ, въ одно и то же время, и вѣрять, и не вѣрять въ христіанскій догматъ, и чувствуютъ непреодолимую потребность въ мучительной смерти, такъ часто стали ихъ казнить за это мнимое преступленіе.

Въ Лондонѣ евреевъ убивали за то, что они будто бы хотѣли сжечь этотъ городъ греческимъ огнемъ.

Ясное дѣло, что и страшная чума, пронесшаяся въ 1348 г. бычемъ по всей Европѣ и уничтожившая массы населенія, могла быть навликана только евреями. Трезвый и воздержный еврейскій народъ пострадалъ отъ нея гораздо менѣе христіанъ, и этотъ фактъ еще болѣе укоренилъ увѣренность въ винѣ евреевъ. Вслѣдствіе обширнаго заговора, въ которомъ принимали участіе такъ же и проваженныя, евреи будто бы повсюду отравили источники, колодцы, и даже рѣки. Въ Цофингнѣ дѣйствительно нашли въ одномъ колодцѣ ядъ, и нѣсколько евреевъ и проваженныхъ сознались подъ пыткой, что это дѣло совершено ими. Тогда начался

такой разгулъ разнузданнаго фанатизма, звѣрской мести и грубой алчности, каково Европа не видывала, ни до, ни послѣ этого времени. Въ нѣкоторыхъ городахъ, жертвы считались тысячами. Многіе убивали себя сами, чтобы не даться живыми въ руки разсвирѣпѣвшей черни. Тщетно папа Климентъ VI провозглашалъ невинность евреевъ двумя буллами; успѣвшіе во время бѣжать нашли себѣ убѣжище лишь въ далекой Литвѣ.

Но не однѣ мнимыя преступленія и религія возбуждали противъ евреевъ народную ненависть, была еще и третья, не менѣе, если еще не болѣе сильная причина къ тому. Евреи были ростовщики, давали деньги на проценты; а дѣло это, хотя и признавалось необходимымъ, но въ то же время считалось грѣшнымъ и называлось высасываньемъ христіанъ. Обвиненіе это было небезосновательно, но тѣмъ не менѣе несправедливо.

Съ конца восьмага вѣка, папы и соборы, неправильно толкуя стихи Евангелія отъ Луки, 6, 35, воспрещали съ постоянно возрастающею строгостью отдавать деньги въ ростъ въ какой бы то ни было формѣ, и грозили за это церковнымъ наказаніемъ. Древняя христіанская церковь воспрещала это только духовенству, но съ возростаніемъ папской власти запрещеніе стало распространяться и на мірянъ. Въ этомъ правилѣ не только не дѣлалось никакого различія между ростомъ денегъ и лихонимствомъ, но и всякія условія, всякій, хотя бы самоудѣйшій доходъ съ отданнаго въ ссуду капитала, безусловно запрещались папами и соборами, и въ этомъ правилѣ, какъ заявилъ папа Александръ III въ 1179 г., не могло быть никакихъ исключеній; Климентъ V, на віенскомъ соборѣ въ 1311 г., призналъ ересью мнѣніе, что отдавать деньги на проценты не грѣшно.

Естественно, что такія постановленія совершенно связывали денежные обороты и торговлю. Папа Григорій IX призналъ преступнымъ лихонимствомъ даже денежные авансы на проценты, въ которыхъ нуждалась морская торговля.

Церковь стала такимъ образомъ въ противорѣчье съ самой природою вещей, съ необходимыми потребностями гражданской жизни и международныхъ сношеній; она могла запретить своей паствѣ брать проценты, но ничего не могла принудить ссужать свои деньги безъ процентовъ. При всеобщемъ недостаткѣ въ наличныхъ деньгахъ въ такое время, когда запасъ золота и серебра постоянно уменьшался¹, а способъ заимать ихъ еще не существовалъ, всё, отъ высшихъ до низшихъ, часто нуждалось въ займахъ, а такъ какъ христіанамъ давать деньги въ ростъ строго запрещалось, и они могли дѣлать это лишь тайно подъ различными покровами или обходными путями, то пробѣлъ этотъ восполнялся евреями, для которыхъ другія профессіи и отрасли промышленности были закрыты.

Евреи всегда были трудолюбивымъ народомъ. Покуда они имѣли свое собственное государство, господствующими промыслами у нихъ были хлебопашество, садоводство и ремесла. Въ ихъ рукахъ Палестина сдѣлалась одною изъ воздѣлывѣннѣйшихъ и плодоноснѣйшихъ странъ земного шара. Моисеевъ законъ прямо указываетъ имъ заниматься земледѣліемъ, хлебопашествомъ, винодѣліемъ и разведеніемъ оливковыхъ деревьевъ. Евреи оставались эвреями своими обычаями и въ первые времена послѣ Христа и послѣ раздѣленія ихъ по землѣ. Еще въ началѣ второго вѣка христіанской эры Иосифъ Флавій клялся усердіе своихъ соплеменниковъ въ хлебопашествѣ и ремеслахъ.

Въ римской литературѣ и въ законахъ римскихъ императоровъ ни единымъ словомъ не указывается на то, что евреи сдѣлались ростовщиками, мелкими торговцами, или вообще, что они сдѣлались торговымъ народомъ. Многочисленные евреи, жившіе въ Римѣ, были, очевидно, бѣдными людьми. Съ другой стороны, и страшные, чрезвычайно кровопролитныя возстанія евреевъ въ Египтѣ,

¹ Какъ показываетъ Пешель.

Восходъ, кн. 8.

Биренъ и на островахъ архиепископа свидѣтельствуютъ, что они не были въ ту пору малыми торговцами, такъ какъ этого рода люди не склонны братья за оружіе. Они еще въ X вѣкѣ составляли въ Испаніи, южной Франціи и Германіи осѣдлое население, но непріязнь церкви и народа сдѣлала это положеніе ихъ невозможнымъ. Во время процвѣтанія итальянскихъ приморскихъ и торговыхъ городовъ и судоходства ихъ, евреи были вытѣснены изъ торговыхъ сношеній между востокомъ и западомъ. Цеховая система и запрещеніе всякихъ сношеній не оставляли имъ возможности заниматься ремеслами; земледѣліемъ они также не могли заниматься, потому что имъ почти всюду запрещено было владѣть землей.

Кардиналъ Яковъ Витри, хорошо изучившій востокъ, писалъ въ 1244 г.: „Въ магометанскихъ странахъ евреи занимаются ремеслами, хотя и самыми низкими и презираемыми; въ христіанскихъ же, они существуютъ ростовщичествомъ“. Какъ подумаешь, какое благодѣяніе было бы для человечества, какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго, если бы какой нибудь кардиналъ или папа поразмыслилъ въ ту пору надъ этимъ контрастомъ между положеніемъ евреевъ подъ знаменемъ верана, и положеніемъ ихъ подъ знаменемъ креста, и пришелъ къ тѣмъ практическимъ выводамъ, которые направлялись сами собою!

І. фонъ-Дейлингъ.

(Окончаніе будетъ).

ДИСПУТЬ.

(Фантастическая поэма).

(Окончаніе)¹.

III.

Быстро мчатся по эфиру,
Средь пространствъ необозримыхъ,
Двое мудрыхъ диспутантовъ,
Два врага непримѣримыхъ.

Полны страсти ихъ движенья;
Взоры блещутъ дикой жадой:
Въ торжествѣ победы полной
Глубоко увѣренъ каждый.

Наконецъ...

О, какъ ничтожны
Умъ и сердце человѣка
Передъ той безсмертной силой,
Что отъ вѣка и до вѣка

Править небомъ и землею,
Править сушей и водами!...
Какъ предстали диспутанты
Передъ райскими вратами,

¹ См. «Восходъ», кн. VII.

И/ едва-едва предъ ними,
 Садъ блаженныхъ открывая,
 Стали тихо отверзаться
 Золотныя двери рая,

Ослабило ихъ мгновенно
 Точно молніею жгучей...
 А когда они узрѣли
 Образъ дивный и могучій,

Полный блеска, полный силы
 Неземного обаянья—
 Все забыли, вмѣгъ забыли
 Эти бѣдныя созданья.

Рабби Иоза отъ испуга
 Сталъ лицомъ блѣде снѣга,
 Холодѣть сталъ... Но гораздо
 Хуже было съ Фра-Діего:

Изъ всей рѣчи, длинной рѣчи,
 Полной силы, полной страсти,
 Бѣдный патеръ не припомнилъ
 И двусотой даже части.

По его макушѣ бритой
 Какъ обухомъ вдругъ хватило:
 Всѣ гиперболы, цитаты—
 Все отшибло, все сплосило....

Но, на счастье, въ Фра-Діего
 Подоспѣлъ патронъ Сантъ-Яго.
 Это было, несомнѣнно,
 Неожиданное благо.

„Говори, мой сыно! Омълабе!“
 Прошепталъ ему Сантъ-Яго.
 И вернулись въ Фра-Діего
 Краснорѣчье и отвага.

Патеръ началъ... Это было
 Грандіозно, безподобно!
 Въ ста шестидесяти пунктахъ,
 Съ примѣчаньями, подробно,

Онъ прочелъ прологъ—собранье
 Разныхъ тонкихъ положеній—
 Богословскихъ комбинацій,
 Философскихъ умозрѣній...

И, покончивъ съ этимъ, патеръ
 Громко крикнулъ, принявъ позу
 И, рукою указуя,
 На сосѣда, рабба Іозу,—

„О, Судья, Судья великій!—
 Возопишь онъ пламенѣя:
 Украти десницею грозной
 Дарзость этого іудея!

„Онъ гордится тѣмъ спѣсиво,
 Что онъ сынъ того народа,
 Кѣмъ даны вселенной, будто,
 Богъ и Правда, и Свобода.

„Можетъ быть. Не спорю. Только
 Знаю то, что это племя
 На вселенную взвалило
 Слишкомъ ужъ большое бремя.

„Сосчитать, подумать только—
 Силъ окажется едва-ли,
 Сколько прочіе народы
 Отъ Израиля страдали.

„А въсѣхъ больше и въсѣхъ горше—
 Мы, испанцы. Боже! Сколько
 Моему народу было
 Съ нимъ хлопотъ... подумать только!—

„Сколько сжечь пришлось дѣсу
 И построить казематовъ!
 Сколько порвано веревокъ,
 Перепорчено канатовъ!

„Сколько золота—вѣдь это
 Страшно и подумать даже!—
 Переплочено годами
 Судьямъ, факелщикамъ, стражѣ,

„Да фискаламъ, да агентамъ
 Не дезорамъ, снискамъ вѣтнимъ—
 Разнымъ труженникамъ этимъ,
 И душевнымъ, и замѣчнымъ...“

Вѣчно—смыты да тревоги,
 Вѣчно—розиски, облавы!...

А что стоили всё эти
 „Чрезвычайные“ уставы,

„Буллы, ноты, да декреты?...“
 Подвигъ—истинно-гигантскій.

Это все, во имя Бога,
 Совершилъ народъ испанскій.

„А какъ кротко обходился
 Онъ съ Господними вратами!—
 Безвозмездно „De-profundis“
 Распѣвалъ надъ ихъ гробами;

„Въ тихихъ кельяхъ монастырскихъ,
 Въ теплотъ, въ довольствѣ рѣдкомъ,
 За кончиной взрослыхъ—даромъ
 Онъ пріютъ давалъ ихъ дѣткамъ;

„Безвозмездно, безкорыстно
 Этимъ грѣшникамъ проклятымъ
 Онъ служилъ въ вратахъ Эдема
 Толмачемъ и провожатымъ.“

„Сколько ладона и носка
 Сожжено нить!.. Не окупился—
 Хорошо платилъ!—И что-же?
 До сихъ поръ не расплатился!..

„До сихъ поръ критаетъ „Ви дурно,
 Дурно съ нами поступали:
 Мы-де дали миру Бога,
 Мы свободу миру дали“...

„И такъ дальше—въ томъ-же родѣ
 Не пройдемъ своейно мимѣ:
 Крики, вопли... Это... Это,
 Наконецъ, невнятно!“...

Такъ вѣщала, почти рыдая,
 Фра-Діего. Плавно, сладко
 Говорилъ онъ. „Рабби Іозу
 Такъ и билъ михорады!“

Онъ дрожалъ, онъ нервничалъ,
 Головой о землю бился...
 И когда къ нему архангелъ
 За отвѣтомъ обратился,

Онъ вскочилъ и, отступая,
 Словно отъ норы змѣиной,
 Закричалъ: „Винный, Израиль!—
 Нашъ Господь—Господь Единный!“...

— „Это все?... Ну, споръ оконченъ—

Слово въщее раздалось.

И рѣшенъе диспутантамъ

Вотъ какое состоялось:

Фра-Дивго—въ возмѣщеніи

Всѣхъ убытковъ, понесенныхъ

Для іудеевъ, какъ-то: угля,

Камня, палокъ, дровъ сожженныхъ—

Возвратить сторичей эти

Матерьялы, въ полной дозѣ,

Тутъ-же, на небѣ.—Тому-же,

Іудею, рабби Іозѣ,

Въ наказанье за спѣсивость,

Чтобъ безъ права не гордиться,—

Въ видѣ малюго младенца

Вновь на землю возвратиться

И, скитаясь по вселенной,

Какъ въ степи глухой, пустынной;

Все кричать:

„Внимай, Израиль!

Нашъ Господь—Господь Единный!“...

С. Фругъ.

СТАРАЯ МОШКОВА.

ОЧЕРКЪ МИХАИЛА БАЛУЦКАГО.

(Переводъ съ польскаго).

Это была еврейка стараго заката. Она носила на головѣ золотистый чепецъ, который въ болѣе торжественные праздники украшался повязкой изъ жемчуга съ бирюзой посрединѣ; одѣвалась въ бѣлую простыню, изъ-подъ которой торчали аршинъ и гдѣ помѣщались всевозможные товары, разносившіеся ею по домамъ для продажи. Вместительные, бездонные карманы ея бронзоваго цвѣта капота служили для склада различныхъ коробочекъ, пакетцевъ и прочей мелочи. Тамъ все можно было найти: пуговицы, ленты, гребешки, благовонное мыло, кружева, тесьму, шерсть. Подъ мышками носила она холстъ, матеріи на платье и бархатъ. Можно было бы наполнить порядочную лавчонку тѣми товарами, которые она носила при себѣ. Такая передвижная лавочка была очень удобна для дамъ. Мошкова приносила имъ все на домъ, не гнѣдилась раза два въ одинъ день сходить съ Казимержа ¹ въ другой конецъ города, приносила различные образцы матеріи, пока наконецъ не было принесено все, что нужно было покупателямъ. Къ тому же она не требовала денегъ немедленно, а продавала въ разсрочку, что было также большимъ удобствомъ для чиновницъ. Она довольствовалась незначительнымъ барышомъ, и у нея были дома, куда она носила свои товары уже больше десяти лѣтъ.

¹ Казимержъ—городской кварталъ въ Краковѣ.

Кроме товаров, у нее была еще порядочный запас новостей, которыми она угощала своих покупательниц. Она знала все, что происходило в городе, что кто дѣлаетъ, кто влюбленъ и кто собирается жениться, какая супружеская чета живетъ въ мирѣ и согласіи, и какая въ раздорѣ, кто заболѣлъ и кто померъ, словомъ, была ходячей газетой. И не только все знала, но принимала живѣйшее участіе въ семейныхъ дѣлахъ, какъ будто бы она была родственницей или пріятельницей. Ей повѣряли домашнія огорченія и заботы, спрашивали ея совѣта въ различныхъ случаяхъ. Случалось ли какое нибудь несчастье или же веселіе, — Мошкова радовалась или печалилась чужой радости или горю, какъ своимъ собственнымъ. Собирались ли выдать замужъ дочь, — Мошкова не только снабжала вещь необходимыя для приданого, но также сообщала свои совѣты и ближайшія подробности о женихѣ. Она могла имѣть объ этомъ самыя точныя свѣдѣнія отъ мужа, который былъ факторомъ и зналъ разныя прѣдѣлки господъ кавалеровъ. Если Мошкова, спрошенная о женихѣ по поводу какой нибудь готовящейся свадьбы, пожимала только плечами и молчала или отвѣчала двусмысленно: „развѣ я знаю кто онъ такой? Вѣдь женихъ не стаканъ, чтобы можно было видѣть, что въ немъ находится“, — то родители въ рѣдкихъ лишь случаяхъ рѣшались дать свое согласіе на бракъ, потому что, значить, съ конкурентомъ было не совсѣмъ ладно. Иногда, когда нужно было употребить болѣе энергичные аргументы для убѣжденія родителей, Мошкова открыто выступала съ ними.

— Это не для нашей барышни мужъ, — говорила она прямо, — развѣ вы для того работали, копили деньги, чтобы потомъ платить чужіе долги? А? Ужъ если старая Мошкова говорить, что онъ не стоитъ нашей барышни, то значить это правда. Ну, у него больше долговъ, чѣмъ волосъ на головѣ, говорю, какъ честная еврейка! Жаль выдавать за него нашу барышню; она такая нѣжная, нѣба-

лованная мамашей и дядюшкой, она, Судноньская, измалелась бы съ ними.

И она до тѣхъ поръ убѣждала, пока наконецъ ей не удавалось отговорить барыню и родителей отъ брака, потому что всегда оказывалось въ концѣ концовъ, что совѣты Мошковой были благо-разумны, и кто не послушался ея, тотъ во разъ потомъ раска-вался въ этомъ. Она совѣтовала не изъ корыстныхъ цѣлей, а только изъ доброжелательства, и какъ всѣми силами ратовала про-тивъ неподходящаго жениха, такъ опять не могла наввалиться, если случался порядочный человекъ, который былъ на хорошею у нея счету.

— Это человекъ, какого со свѣной не считаешь. Ему вы мо-жете отдать дочь и имущество съ закрытыми глазами, потому что онъ сумеетъ оберечь ихъ. Кто былъ всегда хорошимъ сыномъ, тотъ не можетъ быть дурнымъ мужемъ.

Она не ограничивалась высказываніемъ жиѣній о молодыхъ лю-дяхъ, желавшихъ вступить въ бракъ, но также сама рекомендовала ихъ часто тѣмъ барышнямъ, которымъ почему либо трудно было найти себѣ мужа. Не одна ниновница или жена ремесленника обя-зана была сватовству Мошковой своимъ счастіемъ. Если же слу-чалось, что бракъ былъ неудаченъ, то Мошкова выступала въ роли посредника, брала всегда на себя защиту обиженной, или, по крайней мѣрѣ, старалась утѣшить несчастную жену, если эта по-слѣдняя повѣряла ей свои домашнія печали. У ней былъ всегда богатый запасъ сентенцій и приговоровъ, которые она искусно и убѣдительно принимала къ дѣлу.

Въ иномъ мѣстѣ, гдѣ жена не имѣла повода жаловаться на мужа своего, Мошкова должна была выслушивать сѣтованія на дѣтей, на тяжелыя времена или на слугъ. Одной изъ своихъ по-купательницъ она рекомендовала прислугу, другой—учителя для дѣтей, третьей приносила для продажи бархатное платье или брил-лиантовыя серьги какойнибудь графини, которую она не могла,

однако, назвать, — за покойнику вѣны; какъ она сама обыкновенно говорила.

Само собою разумеется, что, ведя столько разнообразныхъ дѣлъ, она имѣла порядочный, но честный доходъ. Она брала тамъ, гдѣ можно было взять, а въ болѣе сѣдныя была снисходительна и благосклонна. Много даже пропало у нея на людяхъ, но этого нилъа было на ней замѣтить, потому что эту потерю она вознаграждала на болѣе богатыхъ; а тамъ какъ она въ тому же соужала деньги подъ залогъ вещей, то не даромъ говорили, что у нея порядочный капиталъ. Были такіе, которые обвиняли ее въ нѣсколько десятковъ тысячъ, однако она нивогда не соглашалась съ этимъ, и лишь улыбалась съ видимымъ удовольствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляла:

— Откуда я, сѣдная еврейка, взяла бы столько денегъ?

Вѣроятно вслѣдствіе этихъ слуховъ о капиталахъ Мошковой, у дочери ее было много жениховъ, и между ними какой-то прикащикъ изъ мануфактурнаго казначейства, который старался держать себя по нѣмецки (что было новостью въ то время) и научился нѣсколько ннхъ французскихъ словъ въ Вѣнѣ, — явленіе также необыкновенное среди тогдашнихъ краковскихъ евреевъ. Мошкова не имѣла вовсе желанія выдавать дочь за такого франта, она желала бы лучше имѣть зятя въ халатѣ и ермолкѣ, который соблюдалъ бы посты, въ субботу не носилъ бы нового платка и не курилъ сигары; но что же она могла сдѣлать, когда Рейза съ ума сходила отъ него! Вѣдая Мошкова, которая такъ хорошо умѣла совѣтовать другимъ, не знала, что сдѣлать съ дочерью, хотя вѣстала ее въ Ражковъ, чтобы она вдали отъ Бракова могла вылезть отъ своей страсти. Но Рейза ни о комъ другомъ не хотѣла слушать и такъ отговаривала своего купца, что мать наконецъ волей-неволей должна была дать свое согласіе на бракъ.

Помню, какъ она пришла пригласить насъ на свадьбу дочери,

а еще лучше помню тотъ увеселъ, въ которомъ она принесла намъ свадебные подарки: бисквиты, пряники, макароны и другія лакомства. Она имѣла обыкновеніе приносить разные сласти дѣтямъ своихъ воспитателей, чѣмъ располагала къ себѣ не только дѣтей, но и родителей. Она всегда имѣла для насъ варенье изъ апельсиновыхъ корокъ, обсахаренный миндаль или шоколадъ въ свѣтцовой бумагѣ, а на Пасху мацу, которую мы ѣли съ аниситомъ. Эти лакомства дѣлали ее для насъ, дѣтей, всегда желанной гостью. По той же причинѣ Юдекъ, сынъ нашего сосѣда, который хотя и былъ чрезвычайно разбалованнымъ мальчикомъ и неуменнымъ гонителемъ евреевъ, тѣмъ не менѣе относился съ большимъ уваженіемъ къ Мониковой, или лучше сказать, къ ея лакомствамъ и называлъ ее всегда „пани купцова“.

Юдекъ со сванки родителей былъ также приглашенъ на свадьбу, и мы отправились вместе. Довни, была ясная, лунная, но морозная ночь, и снѣгъ сиринѣлъ и хрустѣлъ подъ ногами. По причинѣ мороза родители хотѣли даже оставить насъ дома, но мы подняли такой вопль и плачь, главнымъ образомъ слѣдуя примѣру Юдека, что насъ принуждены были взять наконецъ съ собой.

Насъ никогда не отлучали изъ дому въ столь позднее время, поэтому ночь эта осталась у меня въ памяти, такъ какъ я присматривался ко всему съ большимъ любопытствомъ. Я помню пустыя улицы, освѣщенныя луной и покрытыя снѣгомъ, на который падали черныя неровныя тѣни нѣдраго ряда каменныхъ домовъ, помню окна домовъ Каалмержа, освѣщенныя ради субботы; адѣсь и тамъ сквозь стекла видны были блестящіе свѣтильники, подъ которыми покачивались набодно длинныя бороды и мѣховыя праздничныя шапки. Помню еще черную толпу евреевъ недалеко отъ старой синагоги Каалмержа, кой-гдѣ освѣщенную красноватымъ блескомъ фонарей; въ томъ мѣстѣ, гдѣ было больше свѣту, на золотистомъ фонѣ его рисовались балдахинъ и головы жениха и невѣсты.

Затѣмъ, по совершеніи свадьбы, изъ которой въ памяти моей

осталось только разбиение стакана и пѣніе какого-то еврейскаго кантора, вся эта толпа, крича, толкаясь и разговаривая, ввалилась въ квартиру Мошковой, окна которой были освѣщены, какъ во время иллюминаціи.

Особенно въ памяти моей, а вѣроятно и Юлека, запечатлѣлись тѣ разнообразныя лакомства, которыми стала угощать насъ Мошкова въ альковѣ за особымъ столомъ, поставленнымъ исключительно для насъ. Тамъ была щука, приготовленная по еврейски, которую такъ хвалилъ мой отецъ, былъ карпъ съ соусомъ изъ меда, обильно приправленный миндалемъ, истинное наслаждение для дѣтей, было сладкое мускатное вино, котораго съ разрѣшенія родителей, мы выпили по пол-рюмки, а безъ разрѣшенія, когда насъ оставили самихъ, по дѣлой рюмкѣ; были пряники, издававшіе запахъ шафрана и корицы, великолѣпное пирожное, обсахаренные фрукты, миндаль, изюмъ и финики.

Мы ѣли такъ много, что намъ даже дурно сдѣлалось отъ излишка сластей; вино, выпитое украдкой, тоже начало дѣйствовать и глаза наши стали смыкаться; альковъ и изба, наполненная евреями, которые кричали, плясали и пѣли, казались мнѣ все менѣе ясными, я чувствовалъ лишь тяжесть и боль въ головѣ отъ этого шуму, потому неясно слышался мнѣ голосъ Мошковой, которая говорила: „они проспятъ и имъ будетъ лучше;“ кто-то вжалъ меня на руки, и вскорѣ я почувствовалъ подъ собою какой-то мягкій пухъ, на которомъ мнѣ было очень хорошо; мнѣ казалось, что я куда-то плыву, какъ бы вверху на облакахъ, и все менѣе явственно долетаетъ до меня говоръ голосовъ; наконецъ все исчезло, и я крѣпко заснулъ.

Какъ долго я спалъ—не знаю; меня пробудилъ какой-то плачъ. Я раскрылъ глаза и увидѣлъ себя высоко на кровати Мошковой; сама Мошкова сидѣла за столомъ съ родителями монки и Юлека и на что-то жаловалась имъ. Вѣроятно было уже очень поздно, потому что свѣчи догорали въ свѣтильникахъ, и говоръ въ другой

комнаты, гдѣ происходило празднованье свадьбы, становился слабѣе, гости видимо устали и, вѣроятно, многие разошлись уже по домамъ. Мошкова, заперевъ дверь алкова, придвинулась къ комнѣ родителей и, отирая слезы, говорила:

— Десять тысячъ ему еще мало. А гдѣ онъ найдетъ теперь дѣвушку съ такими приданными? Самъ Дайхесъ не далъ бы больше. Развѣ моя Вѣдная или хромая, чтобы за нее давать столько денегъ? И этотъ голышъ былъ еще недоволенъ, не хотѣлъ вѣнчаться; слышали вы, такой голышъ, онъ осмѣлился говорить мнѣ это!

— Что же вы сдѣлали, Мошкова?

— Ну, что мнѣ было дѣлать? Если бы это меня касалось я бы сказала ему: убирайся въ чорту. Но моя бѣдная Рейза такой подняла воню, что она не переживетъ этого, что это было бы позоромъ для нея, такъ начала молить, плакать... Что же мнѣ было дѣлать? Я, глупая мать, прибавила ему еще двѣ тысячи, чтобъ ему подавиться ими, съ позволенія сказать, потому что хоти онъ зять, но не стоитъ того, чтобы ему жалеть чегонибудь лучшаго, и моя бѣдная Рейза не будетъ съ нимъ счастлива, а ужъ вижу это.

И она начала опять покачивать головой и горько жаловаться.

Юлекъ, который лежалъ вмѣстѣ со мной на перинѣ и также проснулся, слышалъ этотъ плачь и жалобы, поднялъ немного голову изъ подушекъ и толкнулъ меня локтемъ.

— Ты спишь?

— Нѣтъ.

— Ты слышалъ что говорила Мошкова?

— Слышалъ. Вѣдная Мошкова!

— Я не прошу этому еврейчику. Честная Мошкова угостила насъ, какъ графовъ какихънибудь.

— Приготовила для насъ особый столъ.

— О, я ему не прошу этого!

— Что же ты ему сдѣлаешь?

— Подожди, увидишь.

Онъ поднялъ еще выше голову изъ подушекъ, посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли мои и его родители, потомъ соскочивъ осторожно, безъ шума, какъ кошка, на полъ, пробрался, незамѣченный никѣмъ, вдоль стѣны, отворилъ осторожно дверь отъ алкова и исчезъ въ сосѣдней комнатѣ.

Спустя короткое время, оттуда послышался крикъ, а затѣмъ поднялись шумъ, бѣготня и стукъ опрокидываемыхъ стульевъ. Родители вмѣстѣ съ Мошковой пошли посмотрѣть, что случилось; я также скатился съ кровати на полъ и отправился вслѣдъ за ними. Неожиданное зрѣлище поразило меня.

На столѣ, среди остатковъ ужина, стоялъ Юлекъ съ вазой въ рукахъ, которую онъ съ трудомъ могъ удержать, возбужденный и съ глазами, метавшими искры. Вокругъ него нѣсколько сотрапезниковъ со стульями, сжатymi кулаками, грозя, подскакивали къ нему и ретировались всякій разъ, какъ онъ замахивался вазой.

— Подойди лишь кто, ей Богу залю кпяткомъ глаза!— говорилъ онъ съ рѣшимостью и отвагой, которая однако улетучилась при видѣ входящаго отца его.

— Что здѣсь такое? Что ты тамъ дѣлаешь на столѣ?— спросилъ удивленный отецъ.

Пока онъ собрался отвѣтить, евреи бросились къ отцу его и наперерывъ одинъ передъ другимъ старались объяснить въ чемъ дѣло. Произошелъ такой шумъ, что нельзя было разобрать ни одного слова. И только тогда, когда отецъ Юлька крикнулъ, чтобы они замолчали и позволили говорить кому нибудь одному, намъ удалось узнать, что Юлекъ влетѣлъ въ комнату, какъ сумасшедшій, сильнымъ ударомъ кулака нахлобучилъ жениху новый блестящій цилиндръ до самой бороды и началъ колотить его кулаками по головѣ, по спинѣ, куда попало. Присутствующие сначала остолебели отъ такой дерзости маленькаго Голяаа, но, придя въ себя,

цѣлой толпой бросились на помощь жениху, который подъ цилиндромъ кричалъ благимъ матомъ. Ловкій Юлекъ спасался отъ преслѣдованій, обѣгая вокругъ стола, переворачивая стулья, скамьи подъ ноги преслѣдователямъ, наконецъ вскочилъ на столъ и, схвативъ вазу съ виннымъ супомъ, которую предъ тѣмъ только что привесли изъ кухни, грозилъ нападающимъ, что обольетъ ихъ кипяткомъ.

— Сойдешь-ли ты со стола, — обратился къ Юлеку отецъ его, — пооди сюда сейчасъ! Что ты здѣсь дѣлалъ, а? за что ты напалъ на этого господина? — спросилъ онъ, указывая на жениха, котораго красное, вспотѣвшее и кой-гдѣ поцарапанное лицо освободили наконецъ изъ-подъ измятаго цилиндра.

Юлекъ почесывалъ затылокъ и робко, покорно смотрѣлъ на отца.

— Говори, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Это за Мошкову, пробормоталъ Юлекъ.

— Какъ за Мошкову?

— Да вѣдь она жаловалась на него.

Эти слова обезоружили отца; онъ посмотрѣлъ на Мошкову, на моихъ родителей съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и гордостью, какъ-бы желая сказать: смотрите, господа, каковъ малый-то! Однако для формы, чтобы дать евреямъ какое нибудь удовлетвореніе, принялъ серьезный, строгій видъ и началъ дѣлать ему выговоръ за дурное его поведеніе, наговорилъ ему правочученій, обѣщалъ даже висѣчь; дѣло, однако, ограничилось одними угрозами, которыя были притворны, какъ я тотчасъ же узналъ, потому что, вернувшись въ алковъ, онъ говорилъ жаямъ:

— Знаешь, мать, славный малый нашъ Юлекъ. Это, видишь ли, онъ заступился за Мошкову. Молодецъ, ей Богу, притомъ имѣетъ доброе сердце.

Мошкова также любила Юлека съ того времени и всякій разъ, когда заходила къ его родителямъ, приносила ему какихъ

нибуде лакомствъ; при этомъ всегда гладила его по головѣ или трепала по плечу, говоря:

— Дай тебѣ Богъ счастья, дитя мое.

А родители его предсказывала, что отъ него они дождутся большой радости.

О зятѣ своемъ она никогда не говорила, развѣ только жалунсь на него. Мы узнали отъ нея, что онъ открылъ магазинъ шелковыхъ товаровъ.

— Зачѣмъ ему магазинъ? У меня не было магазина, а я все таки кой-что скопила. Я хотѣла, чтобы они виѣсть со мной разносили товары по домамъ. Но они хотѣть быть большими господами, имъ нужны магазины. Все приданое Рейзы онъ употребилъ на этотъ глупый магазинъ, а мебель вынесалъ изъ Вѣны. Вотъ какія наглества! Плакать хочется, видя такую растрату моихъ денегъ, которыя я съ такимъ трудомъ зарабатывала. Они будутъ нищими, если такъ дальше пойдетъ.

Предсказаніе Мошковой исполнилось спустя года полтора. Зять ея надѣлалъ столько долговъ, что кредиторы хотѣли запечатать магазинъ. Мошкова, хотя и клялась, что не дастъ ни гроша, должна была удовлетворить кредиторовъ.

— Ну, что мнѣ оставалось дѣлать? Онъ говорилъ, что застрѣлится или убѣжитъ въ Америку; Рейза приходила въ отчаяніе, такъ что ребенокъ даже заболѣлъ отъ этого. Я пожалѣла мать и ребенка, и заплатила. Но развѣ это на долго? У него деньги таютъ въ рукахъ, нужно его набивать ими, какъ дыривый мѣшокъ, и все еще будетъ мало. Но теперь онъ не увидитъ отъ меня больше ни гроша. Пусть смотритъ за дѣломъ, пусть работаетъ, тогда у нихъ будутъ и деньги. Мнѣ также нужно кой-что на мои старые годы.

Съ того времени, какъ она приняла такое твердое рѣшеніе, я не видѣлъ ее больше десяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени много измѣнилось въ отношеніяхъ жителей Кракова. Равноправ-

вѣсть открыла евреямъ доступъ въ городъ. Прежде они лишь украдкой проникали туда, участвуя въ фирмахъ и концессіяхъ католиковъ, теперь-же открыто, на свой счетъ, стали занимать магазины одинъ за другимъ—на Гродовоѣ улицѣ, платя не разъ сказочно высокую плату за наемъ помѣщеній. Говорили, что на Казимержѣ основано было, разумеется, съ разрѣшенія раввина, общество для вспоможенія тѣмъ, которые будутъ занимать магазины въ городѣ. По крайней мѣрѣ только такимъ образомъ можно было объяснить себѣ тѣ сказочныя суммы, которыя даже небогатыя торговцы платили за посредственныя магазины. Даже на рынокѣ появились уже нѣсколько еврейскихъ складовъ.

Въ виду этого страстующія торговли въ рѣдѣ Мошковой сдѣлались ненужными, потому что покупательницы, имѣя такъ близко магазины, сами дѣлали теперь покупки, обходясь безъ посредства третьяго лица. И онѣ вскорѣ исчезли, какъ исчезаютъ нѣкоторые виды животныхъ среди неблагоприятныхъ условій. О Мошковой также ничего не было слышно; мы думали, что она уѣхала куда-нибудь или умерла.

Однажды, идя съ Юлекомъ, который былъ уже теперь адвокатомъ въ судѣ, мы увидѣли передъ воротами тюрмы двухъ старыхъ евреевъ, сидѣвшихъ на камнѣ. Онѣ обратили на себя наше вниманіе, потому что обѣ были одѣты въ чепцы и простыни, а такого костюма мы уже давно не видѣли на улицѣ. Въ то-же время намъ пришла въ голову воспоминанія минувшихъ лѣтъ, и мы остановились на минуту передъ запачканными грязью евреями съ покрытыми морщинами и желтыми, какъ лимонъ, лицами. Чепцы ихъ повисли, туфли были стоптаны и капоты засажены. Одна изъ нихъ держала на колѣняхъ корзинку, въ одной половинѣ которой находился вареный горохъ, любимое кушанье евреевъ, а въ другой куски селедки.

— Не спросить-ли намъ ихъ о Мошковой? сказалъ Юлекъ,— быть можетъ онѣ знаютъ или знали ее.—И, не ожидая моего от-

вѣта, онъ приблизился къ еврейкамъ и спросилъ ихъ о Мошковой, что когда-то ходила по домамъ съ товарами и жила въ третьемъ отъ синагоги домѣ, въ которомъ былъ магазинъ шляпъ.

При этомъ вопросѣ объ еврейки задвигались, безпокойно по-смотрѣли на Юлека, потомъ другъ на друга и стали что-то говорить между собою по-еврейски. Наконецъ вторая изъ нихъ, что была безъ корзины, спросила:

— А выгъ зачѣмъ Мошкова?

— Такъ, я хотѣлъ-бы знать, жива-ли она еще, я зналъ ее, когда былъ еще ребенкомъ.

— А вы кто? спросила она, присматриваясь къ нему то съ одной, то съ другой стороны противъ свѣта. Глаза у нея были большыя, какъ-бы налитыя кровью.

— Я Юлекъ—онъ назвагъ свою фамилiю, — если знаете ее, то скажите ей...

Она не дала ему кончить.

— Юлекъ!—вскричала она радостно дрожащимъ голосомъ, — ваши родители жили на Шпитальной улицѣ, да, да. Ой, ой, сколько этому уже лѣтъ!

— Будетъ пятнадцать, а можетъ быть, и больше!

— Вы помните старую Мошкову?

— Какъ? Такъ это вы, быть можетъ..

— Да, это я,—отвѣтила она, почально покачивая головой, — смотрите, что со мной теперь, я какъ послѣдняя нищца; вы знаете, что Мошкова прежде никакъ выглядѣла, неправда-ли?

— А меня вы узнали?—Я сказалъ ей, также свою фамилiю.

— Ай—вай, отчего нѣтъ! Вы жили въ одномъ домѣ и любили другъ друга, какъ родные братья. И теперь, еще вмѣстѣ,—это хорошо, очень хорошо!

Она обратилась къ сидѣвшей съ ней еврейкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ объяснила ей коротко, кто ны и какъ она насъ знаетъ. Указывая на Юлевка, она прибавила: „А гитеръ пурецъ“. Оче-

видно она еще не забыла, что онъ за нее заступился на свадьбѣ ея дочери. Съ нѣкоторыхъ сожалѣніемъ смотрѣли мы на Момко-ву,—ни слѣда прежней зажиточности. Лицо ея, нѣкогда здоровое и улыбавшееся довольствомъ, пожелтѣло, исхудало; носъ казался длиннѣе, вставшія губы были словно стянуты на ниткѣ. Она вся дрожала отъ старости, отъ полной нѣкогда Момковой остались лишь кожа да кости.

— Что случилось съ вами?—спросилъ Юлекъ, тронутый видомъ ея нищеты. — Вы жили вѣдь прежде такъ хорошо.

— А теперь я нищая на старости, сказала она и расплакалась при воспоминаніи о лучшемъ прошломъ.

— А зять, дочь?

— Зять! Чтобы ему добра не было за то, что онъ со мной сдѣлалъ! Черезъ кого я сдѣлалась такою, какъ не черезъ него? Они выманили у меня все до единого гроша, а теперь жагѣютъ куска хлѣба.

— Развѣ и дочь такъ неблагодарна къ вамъ?

— Рейза давно уже въ могилѣ. Развѣ она допустила-бы это, если-бы жила? Онъ взялъ себѣ другую по ея смерти, даже не выждалъ срока траура, такъ ему хотѣлось скорѣе утѣшиться послѣ потери ея. Пусть его Богъ покараетъ за меня и мою Рейзу. А развѣ она не по его винѣ скончалась? Вѣдная, горе свело ее въ могилу.

Плачь прервалъ слова ея.

— На мои деньги онъ разбогатѣлъ, живетъ теперь какъ баринъ какой, а мнѣ изъ состраданія лишь далъ темную комнату подъ лѣстницей.

— Мы живемъ вмѣстѣ, прибавила торговка селедками, которая также съ участіемъ слушала рассказы Момковой и плакала вмѣстѣ съ ней.

— Да еще кормитъ меня такъ, что и собака не позавидова-

ла-бы мнѣ,—продолжала Мошкова.— И онъ говорить, что дѣлаетъ мнѣ милость.

Юлекъ торопился въ судъ.

— Вы здѣсь еще долго просидите? спросилъ онъ Мошкову, смотря на часы.

— Мы ждемъ здѣсь судью,—отвѣтила за нее другая еврейка,—чтобы онъ позволилъ ей видѣть сына.

— Вашъ сынъ въ тюрьмѣ?

— Это также его дѣло. Онъ впуталъ его въ какія-то темныя дѣла, самъ вывернулся, а мой бѣдный Яковъ долженъ теперь отвѣчать за это.

— Вы подождите меня. Черезъ два часа я вернусь, вы мнѣ расскажете все, быть можетъ я помогу вамъ въ чемънибудь. Я адвокатъ.

— Адвокатъ! Слава Богу! Я всегда говорилъ, что изъ васъ выйдетъ великій человѣкъ. А родители живы еще?

— Въ сожалѣнію, нѣтъ, отвѣтилъ Юлекъ со вздохомъ.

— Они не дождались радости видѣть васъ такимъ. Богъ призвалъ ихъ къ себѣ, а я вотъ живу, хоть у меня нѣтъ никакой цѣли въ жизни. Развѣ это справедливо?

— Такъ вы подождите, сказалъ Юлекъ и быстро отправился въ судъ.

Недѣли черезъ двѣ, встрѣтившись снова съ Юлекомъ, я спросилъ его о Мошковой.

— Ну, что же? Можно-ли для нея сдѣлать что-нибудь? Судебнымъ порядкомъ заставить зятя заплатить ей хоть скольконибудь?

— И думать нечего объ этомъ. Это ловкій негодяй; онъ обезпечилъ себя такъ, что противъ него нѣтъ никакихъ доводовъ. Онъ обманулъ ее, вынулъ всѣ ея деньги, сына ея втянулъ въ какое-то скверное дѣло, за которое тотъ посидитъ года два въ

тврѣмъ, а противъ него никакихъ уликъ, по закону онъ неприкосновенъ.

— Вѣдная Мошкова!

— Однако у меня есть средство противъ него. Не гѣнаеть попробовать, можетъ быть, удастся. Недавно у насъ въ канцеляріи былъ любопытный случай, который, пожалуй, возможно будетъ воспользоваться, чтобы помочь Мошковой. Нѣкая старушка, въ родѣ Мошковой, содержалась своими родственниками изъ милости. За внучкой ея ухаживалъ какой-то адвокатъ, котораго дѣвушка не могла переносить. Старушка раздѣлила ея антипатію къ адвокату, но ничего не могла сдѣлать, потому что родители дѣвушки были за него. Умная женщина придумала такой способъ. Однажды она съ таинственнымъ выраженіемъ лица попросила адвоката въ свою комнату и сообщила ему подъ секретомъ, что желаетъ все свое имущество на сумму 25,000 гульденовъ записать своей племянницѣ. „Я хотѣла было, — сказала она ему, — записать внучкѣ, но ей послѣ родителей достанется каменный домъ, который стоитъ во всякомъ случаѣ тысячъ пятнадцать, и это что нибудь да значить, притомъ она выходитъ замужъ за васъ, такъ что ей плохо не будетъ, а у Теклюси (такъ называлась племянница старушки) нѣтъ ничего, она сирота, къ тому же не мелода и не очень красива, и ей съ такимъ приданымъ легче будетъ найти мужа“. Адвокатъ, который рассчитывалъ главнымъ образомъ на приданое, сообразилъ, что 25,000 лучше, чѣмъ домъ стоимостью 15,000, который достался бы ему лишь послѣ смерти родителей, переимѣнилъ планъ и вмѣсто внучки просилъ руки племянницы, посодѣйствовавъ предварительно при составленіи завѣщанія. Впрочемъ, въ завѣщаніи было оговорено, что лишь послѣ смерти бабушки племянница ея получить эти деньги; но бабушка была уже совершенной старухой, и адвокатъ, долго не думая, женился на племянницѣ, къ великому удивленію и гнѣву родителей прежней невѣсты. Эта послѣдняя вышла потомъ замужъ по любви и была счастлива.

Адвокатъ ждалъ года два смерти бабушки. Наконецъ старушка померла. Но что же оказалось послѣ ея смерти? То, что она не оставила никакого состоянія. Вся эта исторія съ завѣщаніемъ была только уловкой, чтобъ обмануть жаднаго адвоката, котораго аппетитъ на приданое отгадала старушка. Тѣхъ, которые ее знали покороче, нисколько не удивило, что въ ея сундукѣ не нашлось ничего, кромѣ старыхъ платяевъ и разныхъ мелочей; но адвокатъ подозрѣвалъ въ этомъ подлогъ и завелъ дѣло съ родителями прежней невѣсты. Это дѣло находится теперь у насъ. Мнѣ пришло на мысль, вѣдь-ли было бы подобнымъ же образомъ поддѣть зятя Мошковой.

— Вѣдь ты самъ говоришь, что это хитрая лиса.

— Да, но онъ жаденъ въ деньгахъ. Такихъ людей ослѣпляетъ надежда неожиданнаго полученія денегъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ попробовать. Мы ничѣмъ не рискуемъ, а если бы намъ удалось, то наша Мошкова имѣла бы до самой смерти приличное содержаніе, потому что зять, въ надеждѣ получить по завѣщанію имущество ея, ухаживалъ бы за ней и содержалъ ее лучше, чѣмъ теперь. Я былъ бы очень радъ, если бы мнѣ удалось помочь ей.

Я уѣхалъ вскорѣ послѣ того изъ Бракова на нѣкоторое время и не имѣлъ возможности узнать отъ Юлька, удалось-ли ему нистифицировать зятя Мошковой завѣщаніемъ. Послѣ моего возвращенія, прежде чѣмъ я успѣлъ повидаться съ нимъ, проходя однажды въ воскресенье по Гродской улицѣ, я увидѣлъ какого-то щегольски одѣятаго господина въ блестящемъ цилиндрѣ, съ рыжими бакенбардами, помогающаго сѣсть въ экипажъ старой еврейки, въ которой я узналъ нашу Мошкову. На ней были шелковое голубое платье, бархатная мантилья и чепецъ съ атласными лентами, а на лбу навязка изъ гранатовъ. Все это страшно не гармонировало съ исхудалымъ сморщеннымъ лицомъ ея; видно было, что она не успѣла еще привыкнуть къ новой обстановкѣ. Ще-

гольство это имѣло въ себѣ что-то похоронное; оно напоминало тѣло, одѣтое для похоронъ.

Зять—это былъ онъ, этотъ господинъ въ блестящемъ цилиндрѣ,—помогъ ей сѣсть въ экипажъ съ вѣжливостью и заботливостью, въ которыхъ, однако, замѣчалась неискренность и принужденность. Ему, видно, много стоило показываться людямъ въ обществѣ старой еврейки, которую онъ до того времени пряталъ въ комнатѣ подъ лѣстницей. Я догадался тотчасъ же, что Юлеку вѣроятно удалась его уловка, и зять, надѣясь на завѣщаніе, такъ ухаживалъ за тещей. Онъ посадилъ ее рядомъ съ молодой, важной, одѣтой въ бархатъ и атласъ дамой, которая, вѣроятно, была его женой, а самъ сѣлъ впередъ, закутавъ старательно ноги Мошковой турецкою шалью. Старушка съ горькой проницательной улыбкой принимала эти ухаживанья зятя; эта улыбка на худаломъ лицѣ казалась страшной. Зять дакъ зналъ кучеру, и они пѣхали, вѣроятно, гулять, потому что осенній день былъ очень хорошъ.

Я желалъ увидѣть Юлеку, чтобы узнать ближайшія подробности мистификаціи хитраго еврея, и отправился прямо къ нему. Онъ былъ дома и разсказалъ мнѣ, что дѣло съ завѣщаніемъ удалось ему сверхъ ожиданій, что онъ дѣлалъ все какъ будто за спящей зятя, какъ бы скрывалъ передъ нею, но такъ, чтобы тотъ узналъ объ этомъ. Еврей легко попалъ въ ловушку, тѣмъ легче, что подозрѣвалъ всегда Мошкову, что она не всё деньги отдава дочери. То, что онъ слышалъ о ней отъ другихъ, утверждало въ немъ это мнѣніе. Оно пошатнулось нѣсколько, когда онъ увидѣлъ, что Мошкова довольствуется жалкими содержаніемъ, которое онъ ей даетъ и не старается облегчить свою участь собственными средствами. Онъ потерялъ даже совсѣмъ вѣру въ существованіе этихъ скрытыхъ сокровищъ, и только теперь, когда узналъ со стороны,— а узналъ онъ объ этомъ, благодаря ловкому веденію дѣла Юлекомъ,—что Мошкова имѣетъ какія-то тайныя совѣщанія то съ ад-

вожатомъ, то съ нотаріусомъ, когда онъ видѣлъ этого послѣдняго нѣсколько разъ на квартирѣ Мошковой, къ которой тетя относилась съ почтениемъ, какъ къ большой баринѣ, то подозрѣнія его вновь воскресли. Онъ сталъ допытываться окольными путями черезъ постороннихъ людей, какое дѣло имѣетъ Мошкова у нотаріуса, и узналъ, что она записала значительныя суммы на разныя благотворительныя цѣли. Зять думалъ, что ему удастся умилостивить тещу и выманить у нея остальные деньги, и поэтому такъ перемѣнилъ обращеніе съ ней. Онъ окружилъ ее удобствами, заботливостью, примѣръ которой я видѣлъ уже въ сценѣ при усаживаніи въ экипажъ. Мы оба сѣялись съ Юлевымъ, когда я разсказалъ ему видѣнное мною. Честный малый очень радовался, что такъ легко удалось ему обеспечить старушкѣ тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя ей еще оставалось жить.

— Я увѣренъ,—говорилъ онъ,—что зять теперь до смерти не выпуститъ ее изъ своей опеки.

— Воображаю, какъ онъ будетъ бѣситься и метаться, когда послѣ ея смерти убѣдится, что въпрямую игралъ роль любимаго зятя!

Мы не долго ждали этого. Старая Мошкова, не смотря на окружающія ее теперь удобства, все болѣе и болѣе терала здоровье. Лѣта,—ей было уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ—и какая-то болѣзнь истощала остатокъ силъ и жизни. Она пролежала въ кровати полгода. Прежде зять навѣрно отослалъ бы ее въ больницу, теперь же она могла хворать, пользуясь всѣми удобствами. Я былъ какъ разъ въ то время у Юлева, когда пришелъ къ нему лечившій ее докторъ и передалъ, что она жаждетъ видѣть Юлека, такъ какъ минуты ея жизни уже сочтены. Я также отправился съ ними, потому что мнѣ очень хотѣлось видѣть послѣдній актъ этой трагикомедіи, притомъ пожать на прощаніе руку старушки.

Честная Мошкова представлялась всегда моему воображенію, какъ pendant къ Янскому въ извѣстной поэмѣ Мицкевича.

Такимъ образомъ мы отправились втроемъ на квартиру ея зятя на Гродской улицѣ. Насъ ввели въ большую, со вкусомъ меблированную комнату, которая теперь была занята больною. Все, что могло лишь доставить удобство и удовольствіе, находилось въ этой комнатѣ.

Мы застали тамъ больше десятка евреевъ; это было, кажется, какое-то братство, которое занимается умирающими и похоронами. Все это молилось, покачивалось, гѣло, вопило, чѣмъ производился страшный шумъ, не говоря уже о вояхъ, который былъ ужасенъ.

Больная лежала на богатой кровати подъ голубыми атласными одеяломъ. Лицо ея коричнево-землистаго цвѣта, нѣмло видъ иконы, на фонѣ бѣлыхъ подушекъ, и такъ исхудало, что казалось не больше кулака. Глаза ея были закрыты отъ изнуренія а можетъ быть, отъ страха смерти.

Когда Юлекъ приблизился къ ней, она какъ бы почувствовала это, отвернула глаза и улыбнулась той улыбкой больныхъ людей, которая больше похожа на болѣзненную гримасу. Улыбкой приветствовала она его и сказала, что рада видѣть его. Говорить много она не могла.

— Да вознаградитъ васъ Богъ, — сказала она слабымъ голосомъ и черезъ минуту прибавила: — завѣщаніе находится такъ, въ шкатулкѣ.

Когда она произнесла эти слова, на посинѣвшихъ губахъ ея нелькнула насильливая улыбка, направленная къ зятю, который не отходилъ отъ ея кровати. Умирающая подала Юлеку ключъ, который до послѣдней минуты держала въ испотѣвшей сжатой рукѣ. Отдавая, она пожала ему еще руку на прощаніе, въ знакъ благодарности. Вѣсть съ этимъ пожатіемъ она скончалась.

Присутствующіе евреи стали кричать, плакать, не потому, чтобы жалѣли умершую, а такъ какъ это повальнаго обычая и религиозный обрядъ. Зять вовсе не имѣлъ желанія вторить имъ.

Онъ приблизился къ Юлеку и сказалъ ему холодно, официальнымъ тономъ:

— Вы будете душеприкащикомъ?

— Мнѣ кажется, коль скоро покойница мнѣ вручила этотъ ключъ.

— Намъ нечего ждать. Мы можемъ сейчасъ же открыть завѣщаніе.

— Быть можетъ послѣ похоронъ? спросилъ протязно, съ удареніемъ Юлекъ, пристально глядя въ лицо еврея, который дрожалъ отъ нетерпѣнія овладѣть скрытыми сокровищами.

— Это зачѣмъ? Впрочемъ, тамъ можетъ быть находится распоряженіе относительно похоронъ.

— Ну, такъ откроемъ, если вы этого желаете.

Онъ подошелъ къ шкатулкѣ, стоявшей на комодѣ, открылъ ее и, вынувъ завѣщаніе, подаль его зятю Мошковой, который схватилъ дрожащими отъ нетерпѣнія руками бумагу и жадно сталъ читать ее. Завѣщаніе было коротко. „За заботливое и *безкорыстное* попеченіе обо мнѣ оставляю зятю моему прощеніе обидъ, которыя онъ нанесъ мнѣ и моей дочери, и все то имущество, которое онъ отнялъ у меня. Больше онъ мнѣ ничего не оставилъ“.

Зять Мошковой позеленѣлъ даже по прочтеніи этихъ строкъ; онъ бросился, какъ кошка, къ шкатулкѣ, ощупалъ всѣ потайные ящики и, ничего не найдя, сталъ ругаться страшнымъ образомъ на еврейскомъ жаргонѣ. Съ проклятіями обратился онъ въ сторону умершей.

Тѣло покойницы похоронная прислуга накрыла траурнымъ покрывомъ и послѣшно понесла на кладбище.

Перев. А. Онуферовичъ.

КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ.

По поводу второго изданія исследования Н. Д. Градовскаго: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

III¹.

Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I-го, ограничительнаго свойства законодательныя и административныя мѣры относительно русскихъ евреевъ, или—правильнѣе—*последствія* этихъ мѣръ, можно сказать, обострились. Главнѣйшею задачею оныхъ было, какъ прежде въ Польшѣ, дарованіе еврейскимъ обществамъ не общегражданскихъ правъ, а временныхъ *льготъ* для огражденія лишь религіозной ихъ свободы, сообразно съ стародавними обычаями и правами евреевъ. Въ этомъ исключительно одностороннемъ направленіи и выражалась заботливость о нихъ правительства.

Но ограниченія еврейскихъ обществъ въ правахъ общегражданскихъ, въ связи съ чрезвычайною скученностью еврейскаго населенія въ мѣстахъ постоянной его осѣлости, съ одной стороны, и льготы въ отношеніи религіозной терпимости—съ другой, послужили, по справедливому замѣчанію г. Градовскаго, только факторами или проводниками общественной замкнутости и національной внутренней обособленности евреевъ,—факторами, содѣйствовавшими племенной и религіозной ихъ сплоченности. Это, главный образъ, потому, что евреи въ мѣстахъ своей осѣлости, въ этомъ закодированномъ кругу, стали прозваться исключительно городскими обывателями, съ правомъ приписки въ мѣщанскія и купеческія сословія, *отдѣльно* отъ прочаго населенія, что неизменно и содѣйствовало ихъ національной розни и сплоченію какъ-бы въ особую отъ всѣхъ другихъ исповѣданій касту, жившую отчужденно и самобытно...

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что евреи, будучи приписаны въ горо-

¹ См. «Восходъ», кн. VІІІ.

данъ, могли, однако, въ данное время, по паспортамъ, проживать и въ селеніяхъ для занятія торговлею, въ томъ числѣ и питейною, аренда-торговлею и промыслами. Хотя занятіе земледѣліемъ и приобретене для этой цѣли, въ городкахъ, угодій собственно и не были еврейскъ воспрещены; не запрещеніе пріиски къ сельскимъ обществамъ лишило ихъ de facto возможности заниматься этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе потому, что они стѣснялись какъ въ правѣ землевадѣнія, такъ и въ наймѣ рабочихъ изъ христіанъ. Вотъ причина, почему у евреевъ не могло быть связи съ селомъ и почему въ нихъ заглохло стремленіе къ земледѣльческому труду. Но такіе порядки были у насъ фактически водворены, главнымъ образомъ, въ подражаніе прежнимъ польскимъ статутамъ, которыхъ совершенно произвольно и упорно придерживались мѣстныя власти. Долго тяготѣвшее надъ евреями польское иго, къ несчастію, возобновилось вслѣдствіе того обстоятельства, что, по присоединеніи Вѣлоруссіи, у кормила русскаго государственнаго управленія стали польскіе дѣятели, придерживавшіеся обычнымъ вообще понятій и возрѣвній властнаго панства и рядовой шляхты на евреевъ. Достаточно вспомнить подавляющее въ этомъ отношеніи вліяніе при императорѣ Александрѣ I-мъ одного Чарторыйскаго!¹ Не объ этомъ поговоримъ подробнѣе въ своей мѣстѣ. Теперь-же перейдемъ къ разсмотрѣнію того, къ чему привели упомянутыя льготы евреевъ и ограниченія ихъ социальнаго бытія.

Прежде всего представляется вопросъ: пользовались-ли тогда евреи, въ силу городского положенія, правами службы въ городскихъ должностяхъ, по выборамъ? — Нисколько. Хранившагося въ архивахъ западнаго края особая такъ-наз. сенаративныя инструкція, по изысканіямъ ученаго Карновича, показываютъ, что права эти были пустымъ призракомъ, такъ что къ дѣятельности ни одинъ еврей не могъ добраться ни до какой общественной должности². Въ то же время евреи не пользовались и одинаковыми съ прочіи населеніемъ выгодами по вѣдому государственнымъ податей и повинностей: они платили ихъ *едее* «противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона». Независимо отъ этого, и рекрутскую повинность они отбывали, какъ мы уже видѣли, на натурою, а деньгами, платя по 500 рублей за каждаго рекрута. Все это, взятое

¹ См. Ратчъ, т. I, стр. 53.

² См. «Историч. очеркъ русскаго законодательства о евреяхъ», стр. 10 и сл. Одесса, 1882. См. также «Еврейскій вопросъ въ Россіи» Карновича, стр. 31.

вѣсть, само-собой, ложилось тяжкимъ бременемъ на евреевъ и довело ихъ до нищеты, которая стала принимать болѣе и болѣе широкіе размѣры. По этой причинѣ на евреевъ не замедлили закониться сугубы казенныхъ и общественныхъ недоимокъ, повлекшихъ за собою, какъ увидимъ ниже, ссылку горемычныхъ бѣдниковъ на казенные рудодобные заводы, т. е., въ категорію работъ порядкомъ административныхъ.

Не менѣе тяжелъ былъ для бѣдныхъ евреевъ гнетъ сохранившихся со времени польскаго владычества такъ называемыхъ кагалныхъ (общественныхъ) управленій, губернскихъ и уѣздныхъ, которымъ они ежегодно подчинялись по предмету раскладки государственныхъ податей и разныхъ общественныхъ сборовъ, доходившихъ до величайшаго развѣтвленія. Развѣтвію этихъ порядковъ способствовало само правительство, предоставивъ кагалнымъ управленіямъ самыя широкія права по отношенію означенныхъ сборовъ и заведыванію общественными дѣлами еврейскаго населенія. Отъ этихъ управленій зависѣли не только способы и размѣры взиманія различныхъ общественныхъ сборовъ, но и вполне безконтрольное распоряженіе ими. Кагалные члены до-нельзя источали матеріальными средствами своихъ единобратцевъ, вслѣдствіе чего среди послѣднихъ всморѣ обнаружился, въ широкихъ размѣрахъ, пролетаріатъ. Хуже всего было то, что всѣ эти тягости, въ связи съ правительственными изпріятіями относительно евреевъ, ложились неуклонно на этотъ именно пролетаріатъ, занкнутый въ «заколдованномъ кругу» и задушили свободныя проявленія дѣятельности цѣлой массы населенія...

Нельзя не упомянуть, что замѣчательная во многихъ отношеніяхъ дѣятельность отличала царствованіе Павла I. Этотъ государь много проникнуть былъ любовью ко всемъ своимъ подданнымъ и желаніемъ видѣть ихъ счастливыми. Это и было причиною, что при немъ командированъ былъ въ Вѣлорусію извѣстный поэтъ екатерининской эпохи Державинъ для ознакомленія съ нуждами народа и—въ особенности—крестьянъ. По этому порученію, Державинъ составилъ записку или «мнѣніе» объ экономическомъ положеніи Вѣлорусіи, гдѣ, между прочимъ, находимъ сужденіе и о кагалахъ¹. Кагалы,—говоритъ онъ,—господствуютъ надъ евреями самовластно. По присоединеніи въ имперію Вѣлорусскаго края, они оставлены были на прежнемъ основаніи, т. е., какъ существовали въ Польшѣ, для того, что-

¹ См. «Архивъ историч. и практич. свидѣній о Россіи» Калачева за 1860 г., кн. 4.

бы при ихъ посредствѣ удобнѣе было собирать съ евреевъ казенныя подати и налоги. Отчета (въ своихъ дѣйствіяхъ) старшины (никому) не даютъ; они нѣбоятъ богатства и силу и держатъ евреевъ въ порабощеніи. Отъ этого послѣдніе обрѣтаются «въ крайнюю изурненіи и нищотѣ, каковыхъ суть большая часть». — Достоинно вниманія, что Державинъ, на основаніи всего видѣннаго и расслѣдованнаго имъ, пришелъ къ заключенію, что кагалы слѣдуетъ уничтожить, а равно отиѣнить каральныя сборы и дозволить евреямъ селиться также въ губерніи Астраханской (скученность еврейскаго населенія въ Вѣлороссіи онъ, повидимому, призналъ вредною не только для благосостоянія самихъ евреевъ, но и всего мѣстнаго населенія), а казенныя подати взыскивать съ нихъ *на равнѣ* съ прочими сословіями. При этомъ онъ высказалъ и такое мнѣніе, что необходимо учредить, во 1-хъ, *синагоги* въ губерніяхъ, а въ столицѣ — *сенадрымъ* (вѣроятно — сиведріонъ) или «высшій уѣздный судъ» (вѣроятно — духовное правленіе: на это прямо указываетъ сопоставленіе синагогъ или синагогальныхъ управленій, вѣсто кагалныхъ, въ губерніяхъ, съ сенадриномъ — въ столицѣ) для управленія духовными дѣлами евреевъ и ихъ просвѣщеніемъ; во 2-хъ, еврейскія школы, гдѣ преподаваніе шло-бы на чистомъ русскомъ языкѣ. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается окончательный выводъ записки Державина по еврейскому вопросу. Нѣкоторыя изъ указанныхъ имъ мѣръ къ улучшенію быта евреевъ дѣйствительно были правительствомъ приняты и осуществлены впоследствии, какъ напр. учрежденіе училищъ, казенныхъ и раввинскихъ, и уничтоженіе кагалныхъ управленій.

Такимъ образомъ истощеніе матеріальныхъ средствъ евреевъ въ Вѣлороссіи, повлекшее за собою невообразимую бѣдность, породило среди нихъ полный пролетаріатъ. Этому плачевному явленію способствовала въ сильной степени и замѣченная еще Державиннымъ крайняя скученность здѣсь еврейскаго населенія. По этому поводу и г. Градовскій замѣчаетъ, что этотъ среди евреевъ пролетаріатъ долженъ считаться естественнымъ послѣдствіемъ того порядка вещей, который былъ установленъ и допущенъ, въ отношеніи ихъ, самимъ правительствомъ; а между тѣмъ мѣстныя и высшія власти того времени, подъ влияніемъ застарѣлыхъ предрасудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ, приписывали эти явленія исключительно ихъ религіозно-племеннымъ свойствамъ и талмуду.

Несомнѣнно, что весьма дурное вліяніе на правовой бытъ и національную роль евреевъ имѣла тогдашняя система воспитанія еврейскаго юношества: будучи лишены доступа въ общія учебныя заведенія, они чуждались

общеваропейской культуры; предаваясь только изученію библіи и талмуда, они погружались въ религиозный, такъ сказать, аскетизмъ. Религиозныя обрядности пронизали всю жизнь еврея и налагали на него свою отличительную печать. Все это, во 1-хъ, потому, что тогда образованіе еврейскаго юношества всецѣло предоставляемо было тоже кагалънымъ управленіямъ, во главѣ которыхъ стояли самые закоренѣлые фанатики старины, а во 2-хъ, потому, что узкій кругъ мелкой грошовой работы дозволялъ приближенному еврею стараться только объ избавленіи отъ голодной смерти, добывая судены въ тому средствъ потокомъ и путемъ подчасъ весьма скользкимъ... Вотъ почему обученіе еврейскаго юношества и носило на себѣ отпечатокъ одного религиознаго настроенія, не вполне, какъ говоритъ г. Градовскій, можетъ быть, призваннаго для страны, гдѣ естественнѣйшія права евреевъ подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Но обученіе хотя-бы и одному талмуду, прибавимъ мы, само по себѣ, ничего и ни для кого вреднаго не представляло и не могло считаться для евреевъ преградой въ пользованіи правами обще-человѣческими; оно только отдѣляло ихъ китайскою стѣною отъ христіанъ, совершенно ошибочно полагающихъ, что въ талмудѣ содержится много страшнаго, непостижнаго, вреднаго... Поэтому самому мы нѣсколько остановимся на этомъ предметѣ для выясненія того, что именно содержится въ этомъ талмудѣ.

Такихъ мудрыхъ правилъ и основанныхъ на жизненной правдѣ положеній, какъ въ талмудѣ, нѣтъ можно сказать, ни въ одномъ памятникѣ древности. Въ этомъ истиннѣ замѣчательномъ народномъ памятникѣ талмудисты касались вопросовъ о міроустройствѣ, обществѣ, морали и др. Известный ориенталистъ Юаннъ Буксторфъ говоритъ о немъ слѣдующее: «это великое зданіе учености, воздвигнутое трудами раввиновъ, содержитъ въ себѣ гражданское и каноническое право іудеевъ; слѣдуя ему, они могутъ жить совершенно счастливо»¹. Талмудическое право,—основательно доказываетъ г. Моргулисъ въ своей статьѣ «Самоосвобожденіе и самоотре-

¹ Lexicon chald. Talmud. et Rabbinicum. Basel, 1688.— Талмудъ состоитъ изъ 40 большихъ фоліантовъ, раздѣленныхъ на 60 voluminныхъ трактатовъ. Это, можно сказать, энциклопедія всѣхъ наукъ. Онъ составленъ двумя школами — вавилонскою и іерусалимскою. Обработка талмуда іерусалимскаго была окончена въ концѣ III, а вавилонскаго — въ концѣ V-го столѣтія по Р. X. Іерусалимскій талмудъ написанъ на восточно-арамейскомъ языкѣ, близкомъ къ сирійскому нарѣчію, а вавилонскій — на языкѣ западно-арамейскомъ; въ томъ и другомъ встрѣчается множество греческихъ и латинскихъ словъ.

ченіе», — составляет стройную систему, которая может выдержать самое критическое сравненіе не только съ институтами римскаго права, но даже съ нѣкоторыми современными законодательствами¹. Талмудисты стремились овладѣть духомъ моисеева законодательства посредствомъ логическаго и критическаго его уясненія, путемъ экзегезы (*exegese legalis*). Что въ періодъ грубого варварства было сдѣлано глоссаторами въ отношеніи сохраненія римскаго права послѣ паденія римской юриспруденціи, то сдѣлано было талмудистами въ отношеніи права моисеева. Талмудъ имѣетъ и философское значеніе. Въ этомъ соглашаются ученые самыхъ даже діаметрально-противоположныхъ направленій. Онъ былъ и будетъ для евреевъ источникомъ терпѣнія, самоотверженія и выносливости; онъ способствовалъ имъ сохранить эти историческія качества; онъ служилъ имъ жизненнымъ, такъ сказать, факеломъ въ трудныя минуты средневѣковаго варварства. Замѣчательно, что еще въ 1-й вѣкъ послѣ Р. X., талмудистъ *Акиба* первый энергически заговорилъ объ уничтоженіи смертной казни. Онъ же смотрѣлъ на бракъ, какъ на высшій нравственный принципъ: «гдѣ мужъ и жена, тамъ и Богъ». Да не дышать ли вообще правдой и чувствомъ челоуѣчества слѣдующія, напр., вѣтыя нами на выдержку вставленія талмуда. «Язычникъ, занимающійся закономъ Воинитъ, равенъ первосвященнику». «Праведные всѣхъ народовъ міра наследуютъ царства небесное». — «Не дѣлай другимъ того, чего самъ не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали: въ этомъ итогъ всего закона; все остальное только предатокъ». — «Кто мудръ? — тотъ, кто у всякаго научается; кто герой? — тотъ, кто побѣждаетъ свои страсти; кто богатъ? — тотъ, кто доволенъ своимъ состояніемъ». — «Тотъ, кто поднимаетъ руку на челоуѣка, чтобы ударить его (хотя бы онъ и не исполнилъ своего навіренія), все-таки незаконникъ». — «Кто публично поноситъ кого либо, тотъ все равно, что пролилъ кровь». «Обида, нанесенная и не-еврею, не только грѣхъ, но оскверненіе имени Божія». — «Лучше челоуѣку принадлежать къ гонимымъ, чѣмъ къ гонителямъ». — «Къ обиженнымъ и не отвѣчающимъ обидою, къ слышавшимъ оскорбленіе и не отвѣчающимъ на оное, къ терпящимъ съ любовью и страдающимъ съ радостью — исполнѣ притѣвленію сказанное въ св. писаніи: возлюбленные Божіи будутъ какъ солнце, восходящее въ величій своемъ». — «Будь мягкимъ и уступчивымъ, какъ

¹ См. «Евр. Обзорніе» за 1884 г. № 5, стр. 14.

тостниги; а не жесткии и гордыи, какъ царь». — «Твое да вустъ будеть настоящимъ да, твое ~~мысли~~ — настоящимъ ~~мысли~~». — «Не должно обманывать и яичника». — «Лицеиры не урать Бога». «Нужно быть привѣтливимъ ко всѣмъ людямъ». — «Добродѣтели благотворительности, но важности своей, равна всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ, вѣстѣ взытымъ». — «Дружелюбіе много выше благотворенія». — «Кто пренебрегаетъ обязанностью благотворить бѣднымъ, того слѣдуетъ считать наравнѣ съ идолопоклонникомъ». . . . Но довольно объ этомъ.

При отсутствіи предвзвѣденъ и предвзятыхъ понаній о евреяхъ, правительстве наше во время оно, безъ сомнѣнія, не приближало бы, по отношенію къ нимъ, ни къ двойной подати, ни къ цѣлому ряду ограниченій въ правахъ личныхъ и имущественныхъ, а заботилось-бы, напротивъ, о болѣе рациональнѣмъ и болѣе полезномъ для государства употребленіи экономическихъ силъ, производительнаго экономического и интелектуальнаго труда этого народа посредствомъ равновѣрнаго распредѣленія ихъ въ ономъ. Воздѣйствіе же тогдашнихъ возрѣній на евреевъ, не могло быть и рѣчи объ ихъ самоусовершенствованіи въ сферѣ экономической и общественной жизни, въ сферѣ улучшенія условій производительнаго труда, — и о томъ, чтобы они могли выйти изъ косности своего положенія въ районъ своей тѣсной локализации.

Сблизился разъ съ надлежащаго пути и замкнулъ евреевъ въ известной части государства, замѣчаетъ г. Градовскій, правительство эпохи императора Павла I продолжало уже идти, въ отношеніи ихъ, по пути исключительныхъ мѣръ, несостоятельность которыхъ наглядно сказывается въ самой затруднительности ихъ въ то время прирѣшенія на практикѣ, какъ сейчасъ увидимъ.

Трудность прирѣшенія установленныхъ въ разсматриваемое время мѣръ и постановленій относительно евреевъ доходила даже до того, что нѣ истинными властями, въ районѣ постоянной обшлости ихъ, запрещалось свободное передвиженіе для снисканія средствъ къ существованію, не дозволялось переходить изъ одной губерніи въ другую, на основаніи указовъ отъ 8 декабря 1796-го и отъ 8 сентября слѣдующаго 1797 года. Но оба эти указа, по своей несостоятельности, были скоро отиѣнены: первый сенатомъ, а послѣдній лично императоромъ Павломъ I, именнымъ же указомъ, даннымъ на имя генераль-отъ-инфантеріи Беклемова. Этими послѣднимъ указомъ повелѣно было: „евреевъ изъ Каменецъ-Подольскаго не вы-

ссылать, а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ (откуда переселились) свободное пребываніе имѣть¹.

Въ то же время практиковались въ отношеніи евреевъ и такія мѣры, которыя въ сущности вовсе не вытекали изъ точнаго смысла тогдашнихъ объ нихъ законоположеній, и которыя тѣмъ не менѣе имѣли характеръ чрезвычайно крутой и отъсчительный. Еще при Елизаветѣ II, какъ извѣстно, состоялся именныи указъ (28 іюня 1794 г.) объ обложеніи евреевъ *двойною* противъ христіанъ податю; но въ тотъ же день состоялся и другой именныи указъ, коимъ повелѣно было „въ особомъ необходимомъ нужныхъ государственныхъ поддержаній, съ купечества, въ гмѣдін записаннаго, собрать въ казну, одновременно, но объявленныи мѣ до сего по совѣсти капиталомъ, по одному со ста“. Этотъ-то одновременный сборъ сенатъ, въ указѣ своемъ отъ 29 декабря 1796 года, истолковалъ въ крайне отъсчительномъ для евреевъ смыслѣ, т. е., что они яко-бы *должны* еи вънести такъ же, какъ и подати, *однос* противъ христіанъ, именн въ размѣрѣ 2%, при чемъ вносить съ нихъ вдвое-же положенныи съ мѣщанъ подушныи подати — по 4 рубля съ каждой души, съ накладными по 4 коп. на рубль, — а на содержаніе почти — вмѣсто прежнихъ 12-ти, по 24 коп. съ каждой души². Въ слѣдующемъ 1797 году (28 іюня) настрояннѣе подтверждено было наблюсти за исправныи платежамъ евреевъ всѣхъ вообще сборовъ, какъ и податей, въ двойномъ противъ христіанъ количествѣ³. Съ неотлужныи должнзкамъ фиска именныи указомъ императора Павла Петровича отъ 1 мая 1800 года повелѣно было поступать, какъ съ *бродячии иностранной нации*, т. е. ссылать ихъ на казенныи рудокопныи заводы (другии словами: въ наторжныи работы безъ срока) административныи порядкомъ, безъ всякаго суда⁴.

Не смотря на все это, нельзя пройти молчаніемъ одинъ весьма важ-

¹ П. С. З., т. XXIV, №№ 17605 и 18132.

² П. С. З., т. XXIV, № 17694. Тѣ же мѣры практиковались и относительно раскольниковъ, изъ чего видно, что за излишніи взносы въ казну правительство миралось съ религіознымъ отступничествомъ сектантовъ (см. „Русское законодательство о евреяхъ“ Оршанскаго, стр. 228).

³ П. С. З., т. XXIV, № 18015.

⁴ П. С. З., т. XXV, № 1889 и т. XXVI, № 19409. Причиной крайней бѣдности еврейскихъ общинъ было и то, что онѣ, сверхъ государственныхъ податей и общественныхъ сборовъ, были обложены во владѣльческихъ мѣстечкахъ, еще и сборами въ пользу владѣльцевъ оныхъ (П. С. З., т. XI, № 30318).

ный фактъ, заключающійся въ томъ, что въ царствованіе Павла I было признано сенатомъ, согласно съ заключеніемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, право жившихъ въ Остзейскомъ крайъ евреевъ на «спокойное и безпрятственное» тамъ существованіе (жительство), на основаніи ихъ *давней осёдлости* въ этомъ край: «поселку евреевъ всегда такъ (въ Курляндіи) оставались и болѣе 200 лѣтъ пребываніе имѣютъ, то и не можно, — сказать сенатъ, — считать ихъ «выравнившимися» (такой терминъ употребленъ былъ въ рапортѣ курляндскаго губ. правленія, во главѣ котораго стояли бароны, о мыслихъ евреевъ въ край), а тѣмъ неже лишать столь древняго жилища»¹. Очевидно, что сенатъ, будучи проникнутъ чувствомъ человѣчества, оказалась въ данномъ случаѣ либеральнѣе высшо-умныхъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ, жаждавшихъ à outrance разоренія не въ чемъ неповинныхъ гражданъ евреевъ! Сенату пришлось, ставъ, такимъ образомъ, на реальную почву, разговаривать за правду и своими мощными словами чистосердечно защищать высшіе принципы справедливости. — И такъ сенатомъ данъ былъ odporъ нравственному убожеству курляндскихъ бароновъ и ихъ явному тогда челоѣкоуниверситетству²...

По этому поводу г. Градовскій замѣчаетъ (стр. 157), что если правительствю; въ принципѣ, нашло оправданіемъ признавъ за горстью остзейскихъ евреевъ (ихъ числилось тогда въ Курляндіи всего 4581 челоѣкъ мужскаго пола) право на спокойное и безпрятственное существованіе въ этомъ край, на основаніи конкретнаго факта ихъ *давней здѣсь осёдлости*, то, очевидно, что не было достаточныхъ и реальныхъ оснований не признавать этого-же факта по отношенію къ несравненно болѣе значительному населенію евреевъ въ другихъ частяхъ государства, гдѣ оно имѣло еще древнѣйшую осёдлость.

Въ заключеніе настоящей статьи замѣтимъ, что до конца XVIII-го столѣтія, вообще, не видно было никакихъ систематическихъ мѣръ и стремленій къ обрусенію евреевъ, къ тому, чтобы дать имъ возможность стать ближе къ русской жизни, сдѣлать ихъ интересы тождественными съ интересами остальнаго населенія и, такимъ образомъ, уничтожить своего рода *état en état*. Въ данное время, вообще, не относились еще объективно къ дѣйствительности. Поэтому евреевъ подчиняли то тѣмъ, то дру-

¹ См. Высочайше утв. 11 марта 1799 г. докладъ сената. Поводомъ къ этому докладу послужило представленіе Курляндскаго гражд. губернатора Ламадорфа.

² Княжества Курляндское и Семигальское вмѣстѣ съ Пильшенскимъ округомъ были присоединены къ Россіи, 16 апрѣля, 1795 года.

гнѣ произвольнымъ условіямъ жизни, преграждавшимъ имъ путь къ полезной дѣятельности въ разныхъ сферахъ общественной организаціи, что, само собой, имѣло вредное вліяніе на развитіе ихъ нравственнаго уровня.

Въ царствованіе императора Александра I, послѣдовали реформы по многимъ отраслямъ государственной жизни,—реформы, которыя, казалось бы, могли отразиться болѣе или менѣе благотворно и на судьбѣ русскихъ евреевъ. Къ сожалѣнію, этого сказать нельзя, и вотъ почему. Стоявшіе у кормила государственнаго управленія польскіе магнаты князь Черторыйскій, графъ Северинъ-Потоцкій и др. стремились ослабить силу и значеніе рядовой шляхты, находившейся въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ съ евреями, какъ арендаторами ихъ, факторами и т. п. Самый же вѣрный путь къ достиженію этого они видѣли въ ограниченіи и стѣсненіи правъ евреевъ. Это и сдѣлано было чрезвычайно ловко и искусно... Мы увидимъ, что начертанныя въ проектѣ Комитета 1802 г., учрежденнаго для устройства быта евреевъ, слова: «сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы—вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ» были только чисто фантастическою утопій и остались безъ всякаго практическаго на дѣлѣ примѣненія. Ибо вселявшіяся въ русское правительство разнаго рода предубѣжденія противъ евреевъ парализовали относительно послѣднихъ дѣйствія реформъ, послѣдовавшихъ въ нашихъ государственныхъ установленіяхъ. Хотя въ законодательныхъ актахъ того времени о евреяхъ и красовались слова «права» и «преимущества», но въ сущности послѣдовали еще большія противъ прежняго для нихъ ограниченія во многихъ отношеніяхъ. Разсмотрѣніемъ этой знаменательной эпохи и того, что она принесла русскимъ евреямъ, мы займемся въ слѣдующей статьѣ.

II. Якубъ.

СЪМЯ ВРАЖДЫ.

(Фантазія).

Встаєть надъ моремъ день багряный —
Короной огненной чело земли убрать,
И ночь, какъ проводникъ, уводитъ караваны
Нѣмыхъ тѣней въ другія страны,
Чтобъ ими сны тамъ навѣвать.

Съ лозю винограда гибкой
Благоухающій обнялся кипарисъ;
Въ струяхъ сафировыхъ серебряныя рыбки
Играють; краски, какъ улыбки
Въ цвѣтахъ, сіяя, разлились.

Покоємъ и любовью чудной
Проникнута земля, какъ отъ волшебныхъ чаръ;
Волна цѣлуется съ побережьемъ изумруднымъ,
Звукъ—съ ароматомъ обоудно;
Ко льву прижался ягуаръ;

Гремуцій змѣй кольцообразно
Оливы тонкій стволъ обвилъ, какъ станъ живой,
И тутъ же, рядомъ съ нимъ, напѣвъ пересказный
Слагають пташки въ нѣгѣ праздной —
Лазури неба гимнъ земной...

А тамъ корона золотая
 Ужъ подвигаясь во всеиъ величїи своенъ;
 За гимнъ, за енїямъ и за любовь вѣнчанъ,
 Она горить лучами радъ,
 Она дарить своенъ теломъ,

Какъ море жертвуетъ прохладою,
 Посеребра росой и травы и цвѣты,
 И какъ зефиръ поетъ чуть слышннн рудды...
 Вотъ онъ коснулся лѣса-сада —
 И зашептались лнсты...

Но вдругъ изъ-за лнсты веселой,
 Отъ моря, отъ одеждъ платановъ и маслннъ,
 Необычннн звукъ, негромкїй, но тяжелый,
 Подхваченъ эхомъ съ силой новой,
 Наполннл стономъ мнръ долинъ.

Среди сіяющнхъ окраинъ,
 Гдѣ все лобзанїе, объятїе и любовь, —
 Съ безумной яростью, ничтоженъ и отчаянъ,
 Стоитъ надъ братннмъ трупомъ Каинъ,
 Смотря бессмысленно на кровь.

Отъ влаги теплой и пурпурной,
 Впервые пролитой, какъ будто охмѣлѣвъ,
 Впервые моря грудь дохнула пѣной бурной,
 Сверкнулъ грозой сводъ лазурннй,
 Взрычалъ на ягуара левъ;

И змѣй, до этого безвредный,
 Впервые страшный ядъ въ словѣ своей развелъ...
 А Каинъ, трепеща, порывистый и блѣдный,
 Взявъ миръ у всѣхъ, но миромъ бѣдный,
 Отъ трупа брата вдаль пошелъ...

Но голубъ не слетѣлъ проворно
 На смуглое плечо, какъ ранѣ леталъ;
 Въ погамъ, какъ прежде, барсъ не ластился поворно;
 Орелъ тонулъ за цѣпью горной:
 Убийца ужасъ имъ внушалъ...

И небо, траурной одеждѣ
 Подобно, крестоу тучъ впервые облеклось—
 И только солнца ликъ смотрѣлъ порой, какъ прежде
 Сквозь нихъ, вѣщая о надеждѣ,
 Сбѣясь въ ихъ первыхъ капляхъ слезъ.

Павелъ Пономѣвъ.

ЕВРЕЙСКО-НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КИШИНЕВѢ И ОДЕССѢ.

(КЪ 50 ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ 1-я ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ КИШИНЕВѢ).

I.

Въ 1838 г., по иниціативѣ бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго Края, князя Воронцова, открыто было въ г. Кишиневѣ общественное еврейское училище, хозяйственною частью котораго завѣдывала еврейская училищная коммисія, состоявшая изъ трехъ лицъ, которыя были избираемы каждые три года самимъ еврейскимъ обществомъ. Педагогическій Совѣтъ училища, состоялъ: изъ смотрителя, шести преподавателей и двухъ ихъ помощниковъ. Помощники преподавали въ двухъ приготовительныхъ классахъ училища, а въ 4-хъ основныхъ классахъ—шесть учителей сверхъ смотрителя. Училищная программа, за исключеніемъ древнихъ языковъ, превышала настоящую программу мужскихъ прогимназій, такъ какъ въ 4-мъ классѣ преподавали ученикамъ химию и бухгалтерію. Обыкновенно въ смотрители избиралась знаменитость въ еврейско-ученомъ мѣрѣ, какъ напримѣръ: Яковъ Эйхенбаумъ—извѣстный еврейскій поэтъ и математикъ, докторъ Гуровицъ—знаменитый врачъ, и Гольденталь, получившій, послѣ нѣкотораго времени своего смотрительства, профессорское мѣсто въ вѣнскомъ университетѣ. Училищная коммисія, въ продолженіи своего двѣнадцатилѣтняго существованія, успѣла при благоразумномъ и весьма добросовѣстномъ веденіи дѣла, устроить при училищѣ довольно цѣнную бібліотеку для учительскаго персонала и старшихъ учениковъ и приобрѣсть въ собственность пустопорожнее мѣсто въ центрѣ го-

рода для сооружеиія современемъ собственнаго зданія для училища.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда министерство народнаго просвѣщенія приступило къ открытiю цѣлой сотни казенныхъ еврейскихъ училищъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, кишиневское общественное еврейское училище преобразовано было въ два казенныхъ еврейскихъ училища 1-го и 2-го разрядовъ, а все училищное имущество перешло въ завѣдыванiе министерства Народнаго Просвѣщенiя. Съяше двадцати лѣтъ лучи двухъ казенныхъ источниковъ свѣта не слишкомъ-то ярко освѣщали мрачный горизонтъ еврейскаго юношества, и оно училооь чему нибудь и какъ нибудь. Хотя кишиневцы окончателно рѣшили, что для практическихъ головокъ ихъ любимыхъ чадъ эти двѣ школы предостаточны на цѣлый вѣкъ, но къ счастью не того мнѣнiя былъ ученый еврей при попечителѣ одесскаго учебнаго округа, г. Геникесъ. Геникесъ, прiѣхавшiй для обревизованiя казенныхъ еврейскихъ училищъ, успѣлъ убѣдить еврейское общество въ необходимости открыть еще правильно-организованную Т.-Тору. Результатъ его старанiя увѣнчался успѣхомъ—и кишиневскiе евреи составили мирской приговоръ, въ которомъ просили правительство утвердить ассигнованные ими въ пользу проектируемой Т.-Торы, 3000 р. ежегодно изъ суммъ мѣстнаго еврейскаго коробочнаго сбора. Изъ отчета кишиневской Т.-Торы за 1886 г. видно, что отпускъ денегъ въ 3000 р. въ годъ для кишиневской Талмудъ-Торы начался еще съ 1869 г., хотя училищный уставъ утвержденъ былъ учебнымъ начальствомъ на исходѣ 1870 г., и Талмудъ-Тора открылась лишь въ 1872 г. Подъ названiемъ Талмудъ-Торы, законъ разумѣетъ не простое училище грамотности, а благотворительное учрежденiе для беспомощныхъ дѣтей неимущаго класса, которое обязано доставлять имъ не только духовную пищу, но заботиться о нихъ въ матеріальномъ отношенiи. Смотрѣлъ-ли первый составъ попечительнаго совѣта съ этой законной точки зрѣнiя на Талмудъ-Тору, это—вопросъ, разборомъ котораго теперь излишне заниматься.

Въ 1873 г., по распоряженiю Министерства Народнаго Просвѣщенiя, закрыто было кишиневское казенное еврейское училище 2-го разряда по малочисленности въ немъ учениковъ, и тогда все казенное имущество закрытаго училища перешло въ пользу оставшагося еще казеннаго еврейскаго училища 1-го

но становится при чтеніи выписки изъ кишиневской корреспонденціи, помѣщенной въ первомъ номерѣ «Недѣльн. Хрон. Восх.», за 1887 г., слѣдующаго содержанія: «Недавно, по распоряженію г. инспектора народныхъ училищъ, закрыта наша Талмудъ-Тора (неофициальная), и — нѣсколько сотъ дѣтей остаются безъ элементарнаго обученія. Сердце надрывается, когда по улицамъ встрѣчаешь оборванныхъ дѣтей, шляющихся безъ цѣли. По общему согласію можно составить планъ реорганизациіи вышепомянутаго училища на новыхъ, болѣе разумныхъ началахъ». Но какъ иронически звучатъ слова: «по общему согласію» въ ушахъ человѣка, знающаго хорошо наши нравы и обычаи. Слѣдующій фактъ, происшедшій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Кишиневѣ, можетъ подтвердить мой пессимистическій взглядъ. Переселившійся годъ тому назадъ изъ Кишинева въ Одессу еврейскій банкиръ Абрамъ Давыдовичъ Дынинъ пожертвовалъ, между прочимъ, и одну тысячу рублей въ пользу открытія въ Кишиневѣ еврейскаго сиротскаго дома. У нѣкоторыхъ изъ нашихъ еврейскихъ представителей замѣтно было какое-то движеніе — составили проектъ дѣтскаго приюта, но дѣло не выгорѣло и заглохло, можетъ быть, на долго. Удивительно-ли будетъ послѣ всего изложеннаго мною, что и нынѣшняя коммисія смѣтосоставителей, собранныхъ въ первый разъ 12-го іюля сего 1888 г. на засѣданіе для обсужденія смѣты прихода-расхода кишиневскаго еврейскаго коробочнаго сбора для наступающаго четырехлѣтія, пойдетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, и въ своемъ великодушіи опять броситъ кость и народно-еврейскому образованію, кость, которая, понятно, достанется кишиневскому льготнику 1-го разряда — кишиневской Талмудъ-Торѣ, достигшей уже въ настоящемъ году совершеннолѣтія. Везетъ ей счастье, и даже раньше ея появленія въ божій міръ, начало везти: отпускъ денегъ для нея въ 3,000 рублей въ годъ начался еще въ 1869 г., какъ мы уже замѣтили, — годомъ раньше утвержденія окружнымъ начальствомъ его перваго устава и тремя годами раньше открытія его. Но вѣдь времена перемѣнились, и не разъ уже кишиневцы, неудачники, предлагали себѣ вопросъ: когда, наконецъ, мы выйдемъ изъ смѣшнаго положенія того татарина, который, видя во снѣ кисель, ложки не имѣлъ, а запасшись ложкой, киселя не видалъ. Наши руководители сегодня, положимъ, увѣряютъ наивнаго Мошко, что губернская администрація ни-

какъ не можетъ утвердить ассигнованіе денегъ для второй талмудъ-торы, пока не убѣдится, что училищный уставъ утвержденъ кѣмъ слѣдуетъ; на другой-же день, самымъ серьезнымъ образомъ вопрошаютъ другаго защитника еврейско-народнаго образованія: возможно-ли сочинять училищный уставъ, пока фонда нѣтъ? У насъ никому о себѣ заботиться. Право, придется въ сотый разъ обратиться къ наннимъ единовѣрцамъ въ *Одессѣ* съ слѣдующей просьбой: вы, молъ, любезные сосѣди, 50 л. тому назадъ послали намъ изъ вашей среды покойнаго директора вашей народной школы, г. *Штерна*, двадцать два года тому назадъ вашъ согражданинъ г. Геннессъ явился инициаторомъ открытія у насъ болѣе или менѣе благоустроенной талмудъ-торы. Помните-же и теперь намъ одного или двухъ вашихъ достойныхъ общественныхъ дѣятелей, чтобы они вывали насъ изъ нашей апатіи и расшевелили нашу Обломовку. Лучшаго не придумаемъ.

II.

Да, придется обратиться намъ снова съ молитвой о насущномъ духовномъ хлѣбѣ къ Одессѣ. И не намъ однимъ есть чему позавидовать и поучиться у одесскаго еврейскаго общества, которое внушаетъ всѣмъ друзьямъ еврейскаго племени глубокое уваженіе къ себѣ своею нешумящей, но неутомимой работой въ пользу еврейско-народной школы. Я сейчасъ это докажу фактами и цифрами. Изъ отчета одесской Талмудъ-Торы за 1887 г. видно, что въ 1887 г. число учениковъ возросло до 285 ч. Всѣ эти ученики пользовались даровымъ обѣдомъ въ кухнѣ, устроенной дамскимъ комитетомъ, который оказываетъ весьма существенную услугу введенію своею усердною дѣятельностью и заботливостью о доставленіи ученикамъ свѣжей и здоровой пищи. Сверхъ того на обувь и платье ученикамъ употреблены въ отчетномъ году 786 р. 32 к., изъ которыхъ 100 руб. пожертвованы тѣмъ-же дамскимъ комитетомъ. Этого мало; попечительный совѣтъ этого училища задался цѣлью удовлетворить въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ потребности въ народномъ образованіи, и для достиженія сей благородной цѣли возбудилъ вопросъ о необходимости открыть, кромѣ нынѣ существующей Талмудъ-Торы, какъ центральной, еще два отдѣленія на окраинахъ города.

Правленіе общества «Трудъ» возило въ одесскую городскую управу съ ходатайствомъ объ отпускѣ ему единовременнаго пособия изъ остатковъ суммы коробочнаго сбора 4142 р. 65 к. для правильной постановки общеобразовательнаго и ремесленнаго училища въ виду тѣхъ обстоятельствъ, что въ то время, какъ обыкновенный комплектъ учениковъ ремесленнаго училища составляетъ 110—115 мальчиковъ, онъ нынѣ достигъ до 209 человекъ. Изъ отчета же о дѣятельности общественнаго еврейско-народнаго двухкласснаго училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ за 1886 и 1887 годы, изданнаго училищной администраціею, видно, что къ январю 1888 г., во всѣхъ четырехъ отдѣленіяхъ училища состояло 193 ученика, изъ которыхъ въ тому же времени въ мастерскихъ работало 36 человекъ: въ столярной—21 и въ сапожной—15. Правленіе «дешевой кухни для бѣдныхъ» принимало дѣятельное участіе въ снабженіи учениковъ этого училища даровой пищей. Такъ въ одномъ 1887 г. собрано было правленіемъ кухни для училища отъ разныхъ благотворителей 1765 билетовъ. Кромѣ билетовъ, отпускаемыхъ правленіемъ кухни, пожертвовано разными лицами 1882 билета. Въ настоящемъ году ученики снабжаются также пищей изъ дешевой кухни, но уже въ стѣнахъ самаго училищнаго зданія.

Еще болыней славой и въполнѣ заслуженной популярностью пользуется среди всего населенія города Одессы еврейскій сиротскій домъ, коего инициаторомъ былъ покойный Абрамъ Марковичъ Бродскій и интересамъ котораго онъ искренно служилъ въ продолженіе 16 л. Въ настоящее время у меня въ рукахъ отчетъ этого заведенія только за 1884 г..

Занимствую для читателя нѣсколько интересныхъ данныхъ. Къ 1-му января 1885 г. состояло въ сиротскомъ домѣ 107 душъ: мальчиковъ 70, дѣвочекъ 37. Въ 1883 г. устроены были при сиротскомъ домѣ двѣ мастерскія: переплетная и башмачная, гдѣ уже на второмъ году обучалось 16 воспитанниковъ, кромѣ 5 воспитанниковъ въ обществѣ «Трудъ». Къ 1-му января 1885 г. неприкосновенный капиталъ заведенія составлялъ сумму въ 80,400 р., изъ котораго получено процентныхъ денегъ въ годъ 4,369 р. Въ отчетномъ году въ приходѣ училища было 26,900 р. 79 к., а въ расходѣ 20,905 р. 47 коп., такъ, что оказался остатокъ на слѣдующій годъ на сумму въ 5,995 р. 32 коп. Однѣ скромныя мастерскія дали

заведенію, уже на второмъ году своего существованія, чистой прибыли: 869 р. 03 коп.

Въ 1883 г. заведеніе посѣтили и. д. гредоначальника, князь Горчаковъ и членъ Высочайше утвержденной комисіи для пересмотра законовъ о евреяхъ, профессоръ харьковскаго университета Бевсоновъ, которые дали самый лестный отзывъ о найденномъ въ заведеніи образцовомъ порядкѣ. Еврейскимъ читателямъ мѣстныхъ журналовъ и специально еврейскихъ органовъ печати извѣстанъ весьма теплый отзывъ, данный въ прошломъ году о еврейскомъ сиротскомъ домѣ въ Одессѣ директоромъ народныхъ училищъ херсонской губерніи В. И. Фармаковскимъ.

Я думаю не ошибиться, если скажу, что многіе изъ представителей консервативнаго еврейства въ Россіи въ своемъ невѣдѣніи полагаютъ, что одесскіе евреи совсѣмъ отказались отъ озмакочленія своего юношества, съ талмудической и раввинской письменности. Но они жестоко ошибаются: единственный во всемъ Новороссійскомъ краѣ Ешиботъ, существующій въ эпикурейскомъ городѣ Одессѣ, уже много лѣтъ гласно протестуетъ противъ такого предположенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось случайно натолкнуться на вывѣску одесскаго Ешибота, и это захотило меня зайти внутрь и посмотрѣть, чтѣ творится въ стѣнахъ этого талмудическаго храма. Я переходилъ изъ класса въ классъ, внимательно прислушивался къ преподаванію учителей и отвѣтамъ учениковъ и вынесъ оттуда самое отрадное впечатлѣніе. Контингентъ преподавателей, какъ общихъ, такъ и специально еврейскихъ, довольно удачно подобранъ, а число учащихся доходило тогда до 200 человѣкъ. А что консервативный элементъ общества не перестаетъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ дѣтей—объ этомъ и нечего говорить.

Извѣстная поговорка: какъ поживешь, такъ и прослынешь, какъ нельзя лучше оправдалась мнѣніемъ высшаго правительства объ умственномъ развитіи самыхъ двухъ большихъ еврейскихъ обществъ Новороссійскаго края. Въ 1874 г. въ рубрикѣ казенныхъ еврейскихъ училищъ, назначенныхъ тогда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ закрытію, очутилось и кишиневское казенное еврейское училище 1-го разряда, и только благодаря просвѣщенному убѣжденію и усердному ходатайству директора народныхъ училищъ бессарабской области, Феодора Феодоровича

Соковьева, оно уцѣлѣло, и преобразованное въ первоначальное одноклассное еврейское училище, воспитываетъ нынѣ въ своихъ стѣнахъ 107 мальчиковъ; одесское же казенное еврейское училище, тоже 1-го разряда, никогда не считалось лишнимъ въ глазахъ правительства и, когда дошла очередь до его преобразования, оно не только преобразовано было въ двухклассное училище на современныхъ началахъ педагогики, но правительствомъ снисходило къ ходатайству лучшихъ людей одесскаго еврейскаго общества и открыло второе двухклассное еврейское училище съ нѣсколькими приготовительными классами. Эти два правительственные учрежденія, при отборномъ штатѣ преподавателей, воспитываютъ около 400 дѣтей, слѣдовательно, широкой струей разливаютъ свѣтъ и любовь къ труду въ лачуги темной и убогой еврейской массы и такимъ образомъ, въ циклѣ одесско-еврейскихъ народныхъ школъ занимаютъ чуть-ли не первое мѣсто. Сдѣлаемъ теперь маленькую диверсію и заглянемъ въ женскую половину: посмотримъ, что сдѣлано нашими двумя большими еврейскими обществами южнаго края на пользу просвѣтлѣнія ума и облагораживанія сердца еврейской женщины. Устремляя любопытный взоръ на шестнадцативерстную площадь, на которой красуется надменно главный городъ Бессарабіи, мы замѣчаемъ одинъ горящій терновый кустъ, какъ будто стоимъ на библейской горѣ Хоривѣ. Вотъ вкратцѣ исторія этой горящей купины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна еврейская дѣвица, имѣющая званіе домашней учительницы, возымѣла планъ просвѣщать еврейскихъ дѣвицъ нашихъ кишиневцевъ. Но сія весталка для достиженія своей цѣли не брезгала средствами и при помощи своихъ достойныхъ сподвижниковъ соорудила свой храмикъ науки на развалинахъ дома ближняго. Но уйдемъ поскорѣе отъ затхлой атмосферы и подышемъ болѣе свѣжимъ воздухомъ нашей приморской любознательности. Въ удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ еврейскаго населенія Одессы, правительство еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ открыло дѣвичье казенное еврейское училище, въ которомъ нынѣ обучаются свыше двухсотъ дѣвочекъ. Одесское дѣвичье училище пользуется вполне заслуженной репутаціею, благодаря удачному выбору своихъ начальницъ и штата преподавателей. Еще почти большей популярностью пользуется среди одесскаго еврейскаго населенія частная профессиональная школа госпожи Сигаль,

успѣвшая въ короткое время своего существованія приобрести симпатію одесской еврейской интеллигенціи, которая не платонически только, а фактически доказываетъ этой полезной школѣ свою поддержку въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ поощряетъ и другихъ благородныхъ труженницъ на тернистомъ ихъ поприщѣ. Можно, не грѣша противъ истины, сказать, что почти съ началомъ каждаго учебнаго года на умственномъ горизонтѣ одесскихъ евреевъ восходитъ новая звѣзда, обильно разливающая свѣтъ знанія въ тѣ пункты, гдѣ нынѣ только царствовало умственное убежество. Такъ, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», 1888 г. № 184, на дняхъ подлежащимъ начальствомъ утверждены выработанный уставъ общественнаго 4-хъ класснаго еврейскаго женскаго профессиональнаго училища съ приготовительнымъ при немъ отдѣленіемъ. Цѣль училища состоитъ въ обученіи дѣтей женскаго пола еврейскаго населенія ремесламъ и доставленіи имъ, какъ религіозныхъ познаній, такъ и элементарныхъ свѣдѣній по общеобразовательнымъ предметамъ. Училище будетъ открыто тотчасъ послѣ того, какъ послѣдуетъ ожидаемое на дняхъ утвержденіе дополнительной смѣты коробочнаго сбора. Болѣе достоинъ удивленія тотъ фактъ, что еще раньше открытія проектируемаго учебнаго заведенія нашелся уже великодушный жертвователь, въ лицѣ г. Бродскаго, пожертвовавшаго 15.000 рублей на приобретеніе зданія для этого училища.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ, считаемъ не лишнимъ подвести итоги еврейскимъ учащимся мужскаго пола Одессы и Кишинева въ общественныхъ и казенныхъ еврейскихъ училищахъ за 1887 годъ.

Собранныя нами по сему предмету данныя заключаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Одесса:

Въ Талмудъ-Торѣ	285 чел.
» обществен. евр. народн. 2-хъ клас. учил. съ ремесл. отдѣленіемъ	192 »
» училищѣ общества «Трудъ»	209 »
» сиротскомъ домѣ	107 »
» ешиботѣ (приблизительно)	200 »
» двухъ казенныхъ еврейск. училищ. (приблизительно)	400 «

Итого 1,393 чел.

Кишиневъ:

Въ талмудъ-торѣ	176 чел.
» казен. евр. училищѣ	107 »

Итого 283 чел.

Считая еврейское населеніе г. Одессы въ 70.000 человекъ и кишиневское — въ 50.000 чел., окажется, что количество учащихся мальчиковъ въ г. Одессѣ въ отношеніи ко всему еврейскому населенію ея дойдетъ до 2%, а въ Кишиневѣ — до 0.57%, почти въ 4 раза меньше, чѣмъ въ Одессѣ.

Въ 11-ти общихъ народныхъ училищахъ г. Кишинева въ 1887 г. обучалось еврейскихъ мальчиковъ 46 и дѣвочекъ 58; въ Одессѣ-же существуетъ 42 народныхъ училища въ составѣ 81 класса съ 7728 учащ. (2751 муж. и 1977 жен.). Если принять норму мѣстной статистики, что число евреевъ, учащихся мужскаго пола въ общихъ народныхъ школахъ Одессы доходить минимумъ до 10%, то выйдетъ, что въ общихъ одесскихъ школахъ обучалось въ 1887 г. еврейскихъ мальчиковъ 275 душъ, слѣдовательно больше, чѣмъ въ Кишиневѣ на 229 душъ. Картина дѣйствительно поразительна для непосвященныхъ во всѣ мѣстныя обстоятельства.

Смотритель Бендерской Талмудъ-торы

А. Лионъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ВЪРРЕЕВЪ ПО РЕНАНУ.

(Histoire du peuple d'Israël par *Ernest Renan*. Tome premier, deuxième édition, Paris, Calmann Levy, 1887).

Статья первая.

Новое крупное сочиненіе Ренана по библейской исторіи ожидалось давно—и ожидалось многими съ нетерпѣніемъ. Давно уже стали ходить слухи о томъ, что прославленный французскій мыслитель готовитъ обширный трудъ по древней исторіи евреевъ: въ послѣдніе годы эти слухи настойчиво повторялись въ газетахъ,—и вотъ теперь, наконецъ, они оправдались. Въ концѣ прошлаго года вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Исторіи израильскаго народа» Ренана, а въ не очень продолжительномъ времени—въ теченіе одного года или двухъ—имѣютъ быть опубликованы и оставшіеся два тома этого сочиненія.

Въ предисловіи авторъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о планѣ своего новаго произведенія. Видя главную задачу своей жизни въ томъ, чтобы разъяснить происхожденіе и развитіе важнѣйшей мировой религіи, Ренанъ признается, что по настоящему ему слѣдовало бы начать свое литературное поприще не съ исторіи христіанства, а съ исторіи древняго Израиля и іуданзма, на конѣ котораго родилось христіанство. Если же онъ не слѣдовалъ этому логическому порядку и началъ какъ бы съ середины, опубликовавъ раньше свои «*Origines du christianisme*», то лишь потому, что заранѣе не могъ знать, какова будетъ продолжительность его жизни, и не хотѣлъ взяться за трудъ, который могъ быть доведенъ до конца лишь въ случаѣ долголѣтія. Обстоятельства, однако, сложились благоприятно—и вотъ Ренанъ на склонѣ жизни получалъ возможность осуществить завѣтную мечту своей юности. Онъ ревностно взялся

за разработку библейской исторіи—и нынѣ уже почти достигъ своей цѣли. «Вотъ уже лѣтъ шесть,—разсказываетъ онъ,—какъ я весь отдался этому большому труду. Въ настоящее время редакція его доведена до эпохи Эздры, т. е. до окончательнаго установленія іудазма. Въ случаѣ, если я скоро умру, съумѣютъ и безъ меня опубликовать весь этотъ трудъ, который составитъ три тома. Только два послѣдніе тома едва-ли будутъ имѣть ту степень зрѣлости, какую имѣетъ настоящій, первый томъ. Если я еще проживу, то второй томъ выйдетъ черезъ годъ, а третій—черезъ два года. Въ случаѣ если я и послѣ этого буду еще имѣть силы, я составлю въ одномъ томѣ исторію времени Маккавеевъ. Такимъ образомъ я сдѣлаю исторію древняго Израиля съ исторіей возникновенія христіанства, т. е. сдѣлаю весь кругъ, который имѣлъ въ виду пройти».

Таковъ вышній планъ новой замѣчательной книги Ренана. Намъ теперь предстоитъ ознакомиться съ ея внутреннимъ содержаніемъ, а покажемъ—съ содержаніемъ напечатаннаго перваго тома. Нужно-ли сказать, что лежащая передъ нами книга заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и тщательнаго разбора? Давно ужъ за столь великую задачу не брался столь достойный умъ. Давно ужъ къ библейской исторіи—этой праматери всемірной исторіи—не прилагалась такая необычайная умственная энергія, такая могучая сила синтеза, такая гениальная творческая мысль. До сихъ поръ за этотъ предметъ брались преимущественно ученые—спеціалисты; теперь за него взялся человѣкъ, соединяющій въ себѣ съ специальною ученостію необыкновенную широту міросозерцанія, рѣдкую силу философскаго творчества. Соглашаемся-ли мы, или нѣтъ, съ обобщеніями Ренана (въ предстоящемъ разборѣ найдутся примѣры и того, и другого), мы не должны во всякомъ случаѣ забывать, что имѣемъ дѣло не съ эфемернымъ явленіемъ, а съ произведеніемъ, которому суждено еще долго, очень долго жить и вліять на умы цѣлаго ряда поколѣній.

I.

Замѣчательное введеніе предпослано разсматриваемой книгѣ. Тутъ говорится о имѣтѣ древне-еврейской исторіи въ исторіи всемірной, о способахъ изслѣдованія библейской эпохи, о стадіяхъ религіознаго развитія человѣчества. Обо всемъ этомъ высказываются мысли, хотя и не всегда новыя, но глубокія, всеобъемлющія, обновленныя живымъ творческимъ умомъ автора.

Ренанъ начинается съ известнаго, ставшаго уже популярнымъ, положенія о тройной роли Греціи, Іудеи и Рима въ духовномъ прогрессѣ человечества. Ни Греція, родина гуманизма и философіи, ни Римъ, съ его образцовымъ государственнымъ строемъ и сильною внѣшней культурою, не имѣли понятія объ одной всеобщей, универсальной религіи. Возвѣстать міру эту великую идею выпало на долю израильскаго народа. Постепенное развитіе этой идеи идетъ отъ древнѣйшихъ израильскихъ патріарховъ до пророковъ и отъ пророковъ до основателей христіанства. Задача историка состоитъ въ изслѣдованіи пути, которымъ шло развитіе мировой религіозной идеи, въ описаніи среды, гдѣ она зародилась и вѣками росла, то усиливаясь отъ благоприятныхъ обстоятельствъ, то ослабѣвая отъ встрѣчавшихся препятствій и противоположныхъ идейныхъ теченій. Исторія древнихъ евреевъ имѣетъ въ этомъ отношеніи двойное значеніе: какъ интереснѣйшая часть всемірной исторіи и, сверхъ того, какъ единственный источникъ познанія религіознаго развитія человечества.

Мы знаемъ, какого рода матеріаломъ располагаетъ историкъ для подобныхъ изслѣдованій. Будучи сама по себѣ, по своему идейному содержанию и вліянію на человечество, величайшею книгою міра, Библія въ качествѣ матеріала *историческаго* является сфинксомъ, надъ разгадкою котораго трудились и трудятся цѣлыя поколѣнія мыслителей. Книга, составляющая основу мировой религіи и мировой поэзіи, можетъ служить основой всемірной исторіи, не ввече, какъ носитель тщательной научной критики.

Такая критика существуетъ уже издавна; но въ послѣдніа десятилѣтія она достигла наибольшаго своего развитія. Ученые въ родѣ Рейсса, Графа, Вальгаузена, Кюнена, Нѣльдеке, Штаде, довели библейскую критику до высокой степени совершенства. Ренанъ также принимаетъ къ этой нѣмецкой экзегетической школѣ и принимаетъ общіе ея выводы почти цѣлкомъ. Выводы эти относятся главнымъ образомъ ко времени составленія той или другой книги Библии, къ опредѣленію авторства различныхъ ея частей, къ отдѣленію въ самомъ текстѣ библейскомъ первоначальныхъ документовъ, основанныхъ на народныхъ сказаніяхъ, отъ позднѣйшихъ прибавокъ и толкованій. Сущность теоріи нѣмецкой школы, а также и Ренана, состоитъ въ слѣдующемъ. До царствованія Давида (приблизительно до 1050 г. до Р. Х.) израильскій народъ не имѣлъ никакой письменности, и исторія существовала лишь въ формѣ устныхъ сказаній и пѣсенъ, содержащихъ въ себѣ скудные, по существенныа данныя о важ-

нѣйшихъ событіяхъ изъ прошлой жизни народа. Съ возникновеніемъ письменности, около времени Давида и Соломона, начинается составленіе *мтотисей* о современныхъ событіяхъ — съ одной стороны, и *собрание пророкскихъ устныхъ сказаній* и преданій — съ другой. Старинныя сказанія и эпопей записываются и включаются въ особые сборники, изъ коихъ намъ извѣстны по названію только два, вполнѣ утерянные, сборники, а именно: «Книга браней господнихъ» и «Книга Ямаръ», упоминаемые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «шестикнижія». Еще позже эти древніе письменные документы, составленные около X вѣка до Р. Х., перерабатываются, редактируются и включаются въ составъ бѣлѣе полнаго и систематическаго сборника, заключающаго въ себѣ историческую часть первыхъ шести книгъ внѣшней Библии. При этомъ новый сборникъ составилъ не сразу, но прошелъ черезъ три послѣдовательныя редакціи. Первая редакція принадлежала *исовисту*¹ изъ царства израильскаго или эфранискаго, вторая — *элоисту* изъ царства іудейскаго (обѣ редакціи имѣли мѣсто около 800 г. до Р. Х.), а третья состояла въ объединеніи и дополненіи предыдущихъ двухъ и могла быть окончена въ царствѣ Эзакін, приблизительно въ 700 году. Эта позднѣйшая и совѣтальная обработка старинныхъ матеріаловъ внесла въ библейскую исторію тотъ рѣзкій религіозный элементъ, который въ первоначальныхъ документахъ или совсѣмъ отсутствовалъ, или былъ весьма незначителенъ. Что же касается законодательной части Библии (книги Второзаконіе, Левитъ etc.), то она составлена, по мнѣнію критики, еще позже, около эпохи вавилонскаго плѣненія. Библия, такимъ образомъ, — по мнѣнію упомянутыхъ новѣйшихъ критиковъ и исследователей, — является продуктомъ вѣковыхъ наслоеній, постепенно накопившихся формаций, а къ научной ея критикѣ приходится прилагать геологическій методъ, состоящій въ опредѣленіи древности различныхъ слоевъ и пластовъ. Нужна необыкновенная проицательность для того, чтобы о какой либо эпохѣ судить вѣрно, на основаніи данныхъ, безспорно относящихся къ этой эпохѣ, а не такихъ дан-

¹ Подобно всей внѣшней шкелѣ, Ренахъ принимаетъ извѣстную дуалистическую теорію, впервые открытую въ прошломъ столѣтіи, и состоящую въ томъ, что въ составленіи шестикнижія участвовало два автора, изъ коихъ одинъ постоянно употребляетъ для названія Бога нарицательное имя «Элогимъ», а другой — собственное имя «Іегова» или, точнѣе *Явс*. См. объ этомъ подробнѣе «Литер. Лѣтопись» въ сентябрьской книгѣ «Восхода» за 1886 г.

ныхъ, которыя составились о ней въслѣдствіи, при иныхъ обстоятельствахъ и при иныхъ повятіяхъ¹.

Но видъ все это — лишь подготовительныя работы для исторіи въ собственномъ смыслѣ, то, что на ученомъ языкѣ называется «критикой источниковъ». Гдѣ же, однако, сама исторія — главная цѣль всѣхъ критическихъ изысканій? Чтобы написать исторію, т. е. полную картину жизни древнѣйшей эпохи, недостаточно одной проникающей или силы *анализа*, необходимыхъ для научной критики источниковъ, а нужна сверхъ того большая сила *синтеза*, нужно необыкновенное умѣніе изъ сохранившихся незначительныхъ обломковъ реставрировать въ настоящемъ видѣ древнее зданіе, необходима даже способность художественнаго творчества, дающаго возможность чутьень угадывать недостающее въ документахъ и воссоздавать, одухотворять прошлое. Эти-то рѣдкія способности, которыми обладаютъ въ весьма малой мѣрѣ нѣмецкіе библейскіе историки, составляютъ отличительную черту ума Ренана, — и тамъ, гдѣ онъ ихъ приѣмляетъ, онъ достигаетъ блестящихъ результатовъ. Ренанъ, болѣе чѣмъ кто либо, постигъ тайну историческаго творчества и тотъ методъ, который необходимъ для изображенія исторіи легендарныхъ временъ. Онъ приѣмилъ этотъ методъ въ первомъ знаменитомъ своемъ произведеніи; онъ развиваетъ его и въ послѣднемъ, разсматриваемомъ нами, сочиненіи. Во «введеніи» есть прекрасная страница, гдѣ авторъ изображаетъ свою манеру историческаго бытописанія.

Существуютъ два взгляда на исторію древняго израиля: *догматиче-*

---

¹ По плану сочиненія Ренана, всѣ дѣянія, относящіяся къ библейской критикѣ, должны войти въ составъ второго и третьяго томовъ «Исторіи Израильскаго Народа», такъ какъ первый томъ повѣствуетъ о древнѣйшей безписьменной стѣ своимъ взглядомъ на источники библейской исторіи, Ренанъ помѣстилъ въ журналѣ «Revue des deux Mondes» 1886 г. четыре статьи, составляющія извлеченіе изъ названныхъ томовъ и резюмирующія его критическіе взгляды (Двѣ первыя статьи были въ томъ же году переведены въ «Восходѣ», подъ заглавіемъ „Ренанъ о происхожденіи Вѣблин“, кн. 8—11). Довольствуясь пока короткимъ обобщеніемъ критическихъ воззрѣній Ренана, мы болѣе подробно разсмотримъ ихъ при разборѣ послѣдующихъ томовъ «Исторіи Израильскаго народа», гдѣ они будутъ изложены во всей полнотѣ. Считаемъ только нужнымъ замѣтить пока, что мы далеки отъ безусловнаго принатія экзегетическихъ теорій Ренана и нѣмецкой школы и что именно по этому пункту намъ чаще всего придется не соглашаться съ мнѣніемъ, излагаемымъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи.

скій, приписывающій безусловную достоверность всѣмъ, даже легендарнымъ документамъ, и *скептическій*, отрицающій фактичность всѣхъ такихъ документовъ. Считая излишнимъ возражать на первый взглядъ, Ренанъ вооружается противъ втораго воззрѣнія, въ настоящее время, къ сожалѣнію, очень распространеннаго. «Настоящій трудъ, — говоритъ онъ, — вѣроятно не понравится тѣмъ ограниченнымъ на французскій ладъ умамъ, которые не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы можно было составить исторію такихъ временъ, о которыхъ нельзя сообщить ряда достоверныхъ матеріальныхъ фактовъ. Такого рода фактовъ нѣтъ въ исторіи Израиля до царствованія Давида. Чтобы удовлетворить историковъ этой школы, настоящій томъ долженъ былъ бы представить собою бѣлую страницу. Такой методъ, однако, какъ я думаю, есть полнѣйшее отрицаніе научнаго изслѣдованія. Онъ имѣетъ двоякое неудобство. Онъ приведетъ или къ грубому легковѣрію, или къ не менѣе слѣпому сомнѣнію: однихъ онъ заставляетъ допускать самыя невозможныя преданія, другихъ — отбрасывать вмѣстѣ съ преданіями заключающіяся въ нихъ драгоценныя истины. На самомъ же дѣлѣ вѣрно то, что даже объ эпохахъ, предшествовавшихъ исторіи въ собственномъ смыслѣ, мы можемъ еще знать много вещей. Пѣсны Гомера не суть историческія книги, а между тѣмъ есть-ли болѣе блестящая страница, чѣмъ картина греческой жизни, за тысячу лѣтъ до нашей эры, изображенная въ этихъ пѣнахъ? Арабскіе рассказы до-исламскаго времени также не составляютъ исторіи — и тѣмъ не менѣе заолгѣ возможно нарисовать на основаніи этихъ рассказовъ картины поразительной точности. Средневѣковые Артуровы романы не заключаютъ въ себѣ ни слова правды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть истинныя сокровища, дающія намъ свѣдѣнія объ общественной жизни той эпохи, когда они были писаны. Легенды о святыхъ по большей части не составляютъ историческихъ документовъ — и всетаки онѣ крайнѣ поучительны для опредѣленія колорита времени и нравовъ. Тѣ критики съ ограниченнымъ умомъ, которые исключаютъ изъ исторіи темные періоды, о которыхъ не имѣется строго фактическихъ данныхъ, лишаютъ себя самой правдивой и самой важной части исторіи. Даже романъ можетъ служить въ своемъ родѣ документомъ, когда намъ извѣстно, въ какомъ отношеніи стоитъ онъ съ вѣкомъ, въ который былъ написанъ. Историческія обобщенія, извлекаемыя нами изъ древнихъ текстовъ, суть истины выводныя и тѣмъ не менѣе глубоко вѣрныя. Да и сколько подобныхъ случаевъ мы замѣчаемъ въ другихъ областяхъ! Система міра, напри- мѣръ, выведена индуктивнымъ путемъ изъ наблюденій, произведенныхъ

далеко не непосредственно.. При составленіи подобныхъ исторій, вовсе не важно знать, какъ *совершились* событія, а важно представить себѣ тѣ различные способы какими они *могли* совершаться. То, что не вѣрно въ одномъ случаѣ, будетъ вѣрно въ другомъ. Правда, сужденія о личностяхъ въ такихъ условіяхъ нѣвѣютъ много шансовъ быть ошибочными; но это затрудненіе вовсе не присуще исключительно легендарнымъ временамъ. Сужденія о личности за рѣдкими исключеніями, возможны лишь въ историческія времена, несоблюдающія многими документами или очень ужъ близкія къ намъ—и то сколько вѣроятностей ошибокъ! Въ подобныхъ случаяхъ, всякая фраза должна была бы сопровождаться словами: *можетъ быть*. Если читатель не найдетъ у меня этихъ словъ въ достаточномъ количествѣ, то пусть представитъ себѣ, что поля всѣхъ страницъ усѣяны ими. Тогда онъ будетъ имѣть точную мѣру моей мысли.

Въ этихъ словахъ заключается цѣлая программа историческаго бытописанія,—программа, богатая великими послѣдствіями, особенно для исторіи отдаленныхъ или темныхъ эпохъ.

Во «введеніи» встрѣчается еще одно замѣчаніе особенно интересное для евреевъ. Ренанъ опасается, что кромѣ скептиковъ, совсѣмъ отрицающихъ возможность построенія древней исторіи Израиля, его трудъ не поправится ниому разряду читателей, а именно—«восторженными израильтянамъ, которые хотятъ все или ничего и могутъ остаться довольными лишь въ томъ случаѣ, если имъ представить характеръ и роль Израиля въ формѣ непрерывной аналогіи». Какъ безпристрастный исследователь, Ренанъ признаетъ себя неспособнымъ къ панегирику. Онъ ссылается на слова, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ публично, по такому же поводу. «Незапятнанныхъ исторій не бываетъ. Исторія еврейскаго народа — одна изъ прекраснѣйшихъ исторій міра, и я не жалѣю о томъ, что посвятилъ ей свою жизнь. Однако, я не скажу, чтобъ это была-бы внѣчеловѣческая исторія, *une histoire en dehors de l'humanité*. Если-бъ я могъ жить вторично, я бы вторую свою жизнь посвятилъ исторіи греческой, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще прекраснѣе еврейской—и трѣть не менѣе даже въ этой чудной исторіи я не пренебрегъ-бы отгнать дурныя стороны.—Можно благоговѣть передъ Греціей, не восхищаясь въ то-же время Клеоновъ и печальными страницами изъ лѣтописей аѳинской демагогіи». Даже величайшія міровыя событія, какъ напримѣръ водвореніе христіанства, реформація, революція совершались среди ужасовъ и насилій; величайшіе люди, славнѣйшіе герои соединяли въ себѣ не рѣдко съ хорошими

качествами самыя дурныя наклонности. Такъ и благодѣтельная историческая миссія Израиля достигалась средствами, весьма часто предсудительными. Безпристрастной исторіи приходится развѣчивать многихъ героевъ, представлять факты безъ обычныхъ прикрасъ; но отъ этого нисколько не умаляется ни достоинство народа, совершившаго великую миссію, ни значеніе самой миссіи.

Намъ кажется, что всѣ эти объясненія Ренана излишни для трезвой, здравомыслящей части еврейскихъ его читателей. Какъ-бы ни былъ строгъ его отзывъ о томъ или другомъ историческомъ лицѣ, о томъ или другомъ событіи или направленіи, но если только такой отзывъ вытекаетъ не изъ предвзятаго мнѣнія, а изъ правильно освѣщенныхъ фактовъ — мы не должны и не можемъ этия оскорбляться. Слѣшн было-бы требовать отъ серьезнаго историка, чтобъ онъ всегда давалъ noblesse нашему національному самолюбію. На такое требованіе способны лишь тѣ столь-же горячія, сколь и пустыя головы, которыя вздумали выступить съ глухими протестомъ противъ историческихъ взглядовъ Ренана¹. Мы имѣемъ право требовать отъ Ренана безусловной добросовѣстности и многосторонности при освѣщеніи фактовъ; мы можемъ отвергать въ его системѣ то, что нами, послѣ тщательнаго изслѣдованія и зрѣлаго обдумыванія, признано неправильнымъ, можемъ пезатно доказывать несправедливость его мнѣній; другія требованія мы къ историкъ предъявлять не можемъ. И приступая къ обстоятельному излеженію и разбору книги Ренана, мы напередъ заявляемъ, что отказываемся отъ всякихъ узкихъ національныхъ тенденцій, и въ нашихъ сужденіяхъ будемъ руководиться исключительно историческою точностью разсматриваемыхъ мнѣній, но сколько обсужденіе такого важнаго, многообъемлющаго предмета намъ по силамъ.

II.

Первый томъ «Исторіи израильскаго народа» Ренана распадается на

¹ Подъ конецъ прошлаго года, какъ помнится, въ газетахъ сообщалось, что нѣкоторые руско-еврейскіе слушатели въ Collège de France, въ Парижѣ, гдѣ Ренанъ читаетъ свои лекціи, устроили ему враждебную демонстрацію, вскорѣ послѣ выхода перваго тома его „Исторіи израильскаго народа“. Мы не сомнѣваемся, что герои этой недостойной и прискорбной выходки принадлежать къ числу тѣхъ obscurorum virorum, къ которыхъ высшее образованіе не въ состояніи искоренить самыхъ грубыхъ предрассудковъ и которые всякое явленіе оцѣниваютъ съ своею ограниченной, партиейной точки зрѣнія. Читали-ли эти господа съ должнымъ вниманіемъ книгу Ренана, а если читали, то повѣрили?

двѣ части. Въ первой описывается состояніе израильскаго племени (Beni-Jugaï) въ кочевой періодъ до его поселенія въ Ханаанѣ; во второй части излагается исторія Израиля отъ его поселенія въ Ханаанѣ до воцаренія Давида. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ самою темною эпохою еврейской исторіи — и, для разъясненія этой эпохи, Ренауъ пользуется, кромѣ проверенныхъ данныхъ Библии, составляющихъ главный матеріалъ, и тѣми существенными данными, которые доставляются современной наукою о языкѣ, а также ассиріологіей и египтологіей.

Въ тѣ отдаленныя, первобытныя времена, когда постепенно, путемъ долгой эволюціи, совершался переходъ животности къ человѣчности, когда человѣческое сознаніе медленно прояснилось и усвоивало тѣ мысли и качества, которые составляютъ необходимѣйшую основу общезитія, — въ такія времена языкъ былъ главнымъ дѣтелемъ духовнаго развитія. Онъ собиралъ и хранилъ пріобрѣтенныя идеи, онъ, такъ сказать, капитализировалъ умственное богатство людей. Съ другой стороны, онъ способствовалъ объединенію различныхъ человѣческихъ единицъ, разбитію ихъ по группамъ — племенамъ или расамъ. Люди, говорившіе однимъ и тѣмъ-же языкомъ, объединялись въ группу, даже вопреки различію ихъ происхожденія; въ дѣлѣ образованія расъ языки, въ связи съ нравами, обычаями и вѣрованіями, имѣли большее значеніе, чѣмъ кровь или происхожденіе. Двѣ большія человѣческія группы, появившіяся лѣтъ за двѣ тысячи до христіанской эры и извѣстныя подъ именемъ арійцевъ и семитовъ, различались между собою гораздо больше по языкамъ, нежели по происхожденію.

Первоначальнымъ средоточіемъ семитической расы была, какъ показываютъ данныя языковѣднн, Аравія. Люди долго не могли жить въ этой каменистой, безводной странѣ и стали переселяться въ болѣе благоприятныя мѣстности. Семитическая раса разлилась потокомъ по всей передней Азіи, завоевала древнюю Вавилонію, расселилась по берегамъ Средиземнаго моря (финикіане или ханаанеяне), наполнила всю Сирію. Не смотря на переселеніе и сосѣдство могущественной цивилизаціи — Египта, большая часть семитовъ не стало осѣдлою, но продолжала вести кочевой образъ жизни, къ которому привыкла на своей родинѣ, въ Аравіи. Этотъ образъ жизни не мало способствовалъ подготовленію одной отрасли семитовъ — израильскаго племени — къ той великой роли, которую оно впоследствии призвано было играть. «Жизнь шатра всегда даетъ много простору для размышленія и страстнаго исканія. При такомъ образѣ жизни, суровомъ и величавомъ, складывается тотъ общечеловѣческій умъ, та форма, подѣ ко-

торую дукъ, берущій начало въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, получаетъ самостоятельную жизнь, Иуданъ (котораго христіанство есть лишь продолженіе) и исламъ имѣютъ свои корни къ этой древней почвѣ. Дѣйствительными отцами вѣры были тѣ начальники кочевыхъ племенъ, бродившихъ по пустынѣ, которые предстаютъ передъ нами серьезными, но своему честиныи, ограниченными, если хотите, но пуритански твердыми, полными отвращенія къ земскои поганн, вѣрующими въ справедливость и въ бдительное око на небѣ».

Многія главы книги Бытія изображаютъ намъ въ подробностяхъ древній бытъ семитовъ, и сравнивая этотъ бытъ съ жизнью нынѣшнихъ кочевыхъ племенъ Аравіи, поражаешься сходствомъ между ними и еще сильнѣе убѣждаешься въ живенности и правдивости библейскихъ картинъ. Существенныя черты этого древняго быта сводились къ слѣдующему. Племя дробилось на различныя группы или колѣна (tribus), въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые объединялись тѣсною солидарностью и общими главою, игравшимъ роль отца многочисленнаго семейства. Глава такой группы или большаго семейства, по справедливости называемый «патріархомъ», былъ самъ олицетвореніемъ общественныхъ учрежденій. Его авторитетъ былъ закономъ, поддерживавшимся согласною волею группы. Тяжбы совершались предъ собраніемъ старѣйшинъ. Наказаніе сводилось исключительно къ возмездію, кровавому ищению, или въ крайнемъ случаѣ—къ исключенію изъ племени, что составляло высшую мѣру наказанія, равносильную смертной казни¹. Патріархъ достигалъ своего положенія отнюдь не силою, а исключительно расположеніемъ къ нему массы. Многоженство было распространено очень слабо; патріархамъ позволялось имѣть одну или двухъ законныхъ женъ и нѣсколькихъ наложницъ, причеиъ дѣти послѣднихъ не имѣли тѣхъ же правъ, что дѣти отъ законныхъ женъ. Право старшинства въ дѣлѣ наслѣдства господствовало во всей силѣ; старшій сынъ патріарха наслѣдовалъ и его званіе. Рабство существовало, но въ очень смягченной формѣ, ибо рабы считались какъ бы членами семейства, хотя и набирались преимущественно изъ иноземцевъ (прикѣръ Элиэзера, раба Авраамова). Главнымъ занятіемъ семитовъ въ это время было, конечно, скотоводство (Авраамъ и Лотъ etc). Не надо, однако, думать, что кочевая

¹ Въ этомъ именно смыслѣ Ренаиъ толкуетъ библейское наказаніе *אֶרֶץ לָזָן* *лу*, — предположеніе которому нельзя отказать въ остроуміи и значительной долѣ вѣроятности.

жизнь семитовъ выражалась въ непрерывныхъ скитаціяхъ отъ одного пастбища къ другому. Весьма часто они надолго останавливались въ какомъ нибудь мѣстѣ, устраивались въ шатрахъ или наскоро возведенныхъ долахъ, и только послѣ продолжительнаго пребыванія снимались и переселялись въ другія мѣста, гдѣ жизнь казалась болѣе заманчивою и пастбища болѣе тучными. Укитвенная жизнь была, конечно, очень ограничена, ибо письменности не было, но кочевой бытъ располагалъ къ поэзіи, къ творчеству, и нѣтъ сомнѣнія, что уже въ это время стали складываться въ народѣ тѣ пѣсни и поэтическія, съ рѣзкимъ историческимъ оттѣнкомъ, сказанія, которыя впоследствии послужили основой для первобытной исторіи человѣчества, какъ она изложена въ книгѣ Бытія.

Какимъ же путемъ шло религиозное развитіе древнихъ семитовъ? Мы имѣемъ массу свѣдѣній о развитіи вѣроваій первобытнаго человѣчества вообще. Мы знаемъ, что люди начали съ грубаго фетишизма, съ одухотворенія неодушевленныхъ предметовъ, съ олицетворенія силъ природы, съ поклоненія мертвецамъ, какъ богамъ (такъ-называемый «анимизмъ»); мы знаемъ, что въ болѣе близкія къ намъ историческія эпохи и вѣрованія большинства людей заключались въ многобожіе, составляющемъ высшую ступень въ сравненіи съ фетишизмомъ дикарей; наконецъ, на глазахъ нашихъ предковъ произошелъ переходъ культурной части человѣчества отъ многобожія къ единобожію. Можно сказать, что религиозное развитіе *арійцевъ* шло именно этимъ путемъ, т. е. отъ первобытныхъ вѣрованій, въ родѣ фетишизма или анимизма, къ политеизму и отъ политеизма къ монотеизму. Политеизмъ былъ у этихъ народовъ необходимою переходною ступенію отъ религиознаго дѣтства къ религиозной зрѣлости. Можно-ли то же самое сказать о семитахъ, по крайней мѣрѣ о той отрасли семитской, которая впервые возвѣстила міру идею одного Бога?

Решать не отвѣчаетъ рѣшительно на этотъ вопросъ. Онъ только съ одной стороны указываетъ на слабые слѣды первобытныхъ вѣрованій въ библейскихъ рассказахъ, а съ другой — на поразительный фактъ весьма ранняго проявленія монотеизма среди семитовъ. Существовали, вѣроятно, и у семитовъ, въ отдаленнѣйшія времена, суевѣрія первобытныхъ народовъ, колдовство, вызываніе мертвыхъ, наклонность къ олицетворенію силъ природы; встрѣчались даже и домашніе идолы (teraphim); можетъ быть, первоначально слово Богъ («Элогимъ») оттого употреблялось во множественномъ числѣ, что идея единобожія не была еще крѣпка въ народѣ и подѣ «элогимами» подразумѣвали множество незримыхъ духовъ, посвя-

шихся въ воздушныхъ пространствахъ. Но съ другой стороны уже съ незапамятныхъ временъ *преобладала* среди семитовъ идея строгаго монотеизма, и форма множественнаго числа существительнаго «Элогинъ» не имѣла ему употребляться въ соединеніи съ глаголомъ всегда въ единственномъ числѣ (עָלַם מָרַב, а не עָלַם מָרַב). Авраамъ представляется намъ живымъ воплощеніемъ этой идеи, и Ренавъ справедливо замѣчаетъ, что «обѣщанія, данныя Аврааму, множины только по формѣ, ибо Авраамъ, этотъ киннии праотецъ семитовъ, на самомъ дѣлѣ сталъ религіознымъ отцомъ всѣхъ народовъ». Неодолимая склонность къ монотеизму является какъ-бы характернымъ свойствомъ семитической расы, подобно тому какъ олицетвореніе стихій и силъ природы составляло впродолженіе многихъ вѣковъ характерное свойство аріидцевъ и даже культурнѣйшей ихъ части, какъ напримѣръ грековъ. Семитъ чуждъ былъ и того инстинктивнаго, который тунанилъ умъ аріидца; вѣрованія въ нематеріальность души и въ бессмертіе, эти остатки первобытнаго анимизма, были въ гораздо большей степени присущи аріидцамъ, нежели древнимъ семитамъ.

Нельзя-ли на основаніи всѣхъ этихъ указаній Ренава и того поразительнаго факта, что въ древнѣйшей исторіи Израиля не встрѣчается никакихъ намековъ на политеизмъ, хотя и имѣются смутныя указанія на первобытныя вѣрованія, обыкновенно предшествующія политеизму,—нельзя-ли на основаніи всего этого построить теорему, что *въ то время какъ аріидцы перешли отъ первобытныхъ суевѣрій къ единобожію только черезъ политеизмъ, семиты минули эту переходную ступень и перешли отъ первобытной дѣтской религіозности прямо къ монотеизму?* Конечно, надо допустить известныя ограниченія, какъ напримѣръ то, что самый монотеизмъ среди семитовъ развивался лишь постепенно и шелъ отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ бессознательнаго къ сознательному,—но намъ кажется, что съ такими ограниченіями и на основаніи имѣющихся данныхъ можно смѣло принять означенную теорему.

Что семиты, даже въ древнѣйшій свой періодъ, не знали политеизма, доказывается уже тѣмъ, что у нихъ не существовало никакой *миологии*,—этого существеннаго признака политеистическихъ вѣрованій. Суть миологии заключается въ олицетвореніи понятій и названій, а между тѣмъ даже самый языкъ семитовъ не допускаетъ никакихъ таинственныхъ метафоръ или олицетвореній. Это—языкъ ясный, сухой, не допускающій двусмысленностей и трудно поддающійся отвлеченнымъ выраженіямъ. Для первобытнаго аріидца всякое слово заключало въ себѣ мнѣ in potentia. Каждая

вещь или классъ вещей казался ему самопроизвольнымъ, дѣйствующимъ по собственному побужденію. «Гроизъ гремитъ», «смерть подтигла», «солнце вышло» — всѣ такіа выраженія онъ склоненъ былъ понимать въ смыслѣ живыхъ реальностей, совершающихъ данныя дѣйствія. Семитъ же, напротивъ, склоненъ былъ всѣ факты, причиною коихъ онъ не зналъ, всѣ явленія сводить къ одной причинѣ. Для него гроизъ былъ гнѣвный гомезъ Бога, молнія — блескъ Лика Господня, бурное облако — Иго масла и т. п. Словомъ, и выраженія, и самый складъ ума у древнихъ семитовъ — все носило на себѣ рваный неототетическій отпечатокъ. Этотъ ясный и простой складъ ума дѣлалъ семитовъ равнодушными къ искусственнымъ изображеніямъ, къ художественнымъ картинамъ, къ статуямъ, слѣдствіемъ чего явилась неспособность къ живописи и скульптурѣ, игравшимъ столь важную роль въ системѣ греческаго политеизма.

Какъ уже сказано выше, этой ясности воззрѣній и неототетической склонности больше всего способствовалъ кочевой образъ жизни извѣстной отрасли семитовъ. Ренанъ обращаетъ вниманіе на тотъ важный фактъ, что осѣдлые семиты, жившіе въ городахъ, не отличались той чистотою религиозныхъ воззрѣній, какая свойственна была семитамъ-кочевникамъ,номадамъ. Такъ, въ то время какъ осѣдлые финикійцы приносили своему Молоху (который, какъ боги прочихъ семитическихъ племенъ, считался у нихъ единственнымъ истиннымъ Богомъ) человѣческія жертвы, кочевые семиты, въ составъ которыхъ входили древніе евреи, давно отказались отъ человѣческихъ жертвъ и замѣнили ихъ жертвами животныхъ (принибрь Авраама, заклавшаго овна вмѣсто сына). Равнымъ образомъ не замѣчаемъ мы у послѣднихъ тѣхъ дикихъ суевѣрій, которыя такъ сильно вліяли на бытъ сосѣднихъ съ ними осѣдлыхъ племенъ.

Простота культа у семитскихъ пастушескихъ племенъ доходила до крайности. У нихъ не было опредѣленныхъ святыхъ мѣстъ или алтарей; «Мацева», т. е. простой столбикъ, вбитый въ землю, служилъ имъ иногда своего рода алтаремъ, и возліаніе масла на вершину такого алтаря считалось въ древности особенною религиозною церемоніей (Бытіе, XXVIII, 18; XXXI, 13 и пр.). Жертвоприношенія совершались главами семействъ, чаще всего предъ какою-нибудь торжественнымъ пиромъ, причемъ вся церемонія заключалась въ сожиганіи нѣкоторыхъ частей животнаго (разсказъ объ Авраамѣ и трехъ посѣтителяхъ, и др.). Профессиональнаго духовенства для совершенія религиозныхъ требъ не существовало, и незатѣйливыя предписанія племеннаго культа исполнялись патриархомъ. Типа пророка не

могло существовать въ этой простой средѣ; вѣрили, что Богъ обыкновенно вѣщаетъ свою волю людямъ въ снахъ и видѣніяхъ — и толкованіе такихъ снахъ и видѣній считалось даромъ свыше.

Вообще, въ религіи древнихъ патриарховъ Ренанъ видитъ образецъ возвышенной и простой вѣры, граничащей почти съ деизмомъ. Патриархи еще не имѣли понятія объ особеннѣй національностѣ Бога; они знали Бога универсальнаго, творца неба и земли, рѣшителя судебъ человѣческихъ. Впоследствии это высокое представленіе о Богѣ сдѣлалось нѣмнѣе, гораздо болѣе узкимъ, — и въ дальнѣйшей исторіи Израиля придется еще не разъ отмѣчать стремленіе лучшихъ людей вернуться къ возвышенному патриархальному понятію о Богѣ и сущности вѣры.

Критикусь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ БЕЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Л. О. ЛЕВАНДЫ.

II¹.

Не трудно предвидѣть, какими красками Леванда будетъ изображать вамъ бытъ отживающаго поколѣнія. Двѣ отмѣченныя статейки не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Пробныя шары были пущены съ успѣхомъ — оставалось только вѣяться за дѣло серьезно. Панаей совершенно правильно предлежавшую историческую задачу, еврейскій писатель, какъ бы заручившись массою невѣдомыхъ, «анонимныхъ» сотрудниковъ, приступаетъ къ изображенію, въ формѣ легкаго и завитаго повѣствованія, болѣе или менѣе подробной картины еврейскаго бита. «Депю бакалейныхъ товаровъ» — первый беллетристическій опытъ Леванды. Съ художественной, эстетической стороны — это очень слабое, неудовлетворительно скомпонованное произведеніе. Еще старое поколѣніе изображено въ немъ съ грѣхомъ пополамъ. Ной какой юморъ, кой какая выравительность и простота позволяютъ вамъ видѣть этихъ отжившихъ героев пренѣлаго; но что касается представителей молодого, «прогрессивнаго» поколѣнія, сна которыхъ пріятно отдыхаетъ глазъ истиннаго патриота», то всѣ они, увы! вовсе на живыхъ людей не похожи: это маневены, облаченные въ «нѣмецкій» костюмъ, фигурально и *наглядно* представляющіе тенденціи писателя, но не трогающіе васъ совершенно. Леванда вообще не былъ значительнымъ худож-

¹ См. «Восходъ» кн. VII.

никомъ, и потому едва ли удивительно, что первое его беллетристическое произведеніе такъ мало отвѣчаетъ строгому и избалованному вкусу современнаго читателя. Поэзія—есть область искусственнаго воспроизведенія *типической* дѣйствительности. Надо умѣть уловить основную идею предмета, то его *опредѣляющее* качество, съ которымъ всѣ прочія особенности и качества, какъ второстепенныя, производныя, связаны отношеніемъ безусловной причинности. Миръ душевный сложень изъ различныхъ силъ. Чувство, умъ, воля—это, говоря словами Льюиса, тотъ психологической спектръ, который даетъ намъ отчетливое представленіе о всемъ душевномъ строѣ человѣка вообще. Всѣ люди чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ. И тѣмъ не менѣе, ни одинъ человѣкъ не тождественъ съ другимъ. У одного преобладаетъ чувствительность, у другого преимущественно волевой механизмъ, у третьяго господствуютъ разсудочныя, мозговныя стремленія. Одинъ рожденъ поэтомъ, другой—практическимъ дѣльцомъ, политическимъ агитаторомъ, третій—мыслителемъ, или философомъ. У поэта легко возбуждаются и воспаменяются чувствительные центры, у человѣка съ практической жизнью воля постоянно и непрерывно развиваетъ свои силы по всѣмъ направленіямъ центральнаго, двигательнаго пути, у философа мысль неутомимо работаетъ во всѣхъ углахъ и закоулкахъ сознанія. Каждый чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ, но одинъ лучше чувствуетъ, тѣмъ мыслить и дѣйствуетъ, а другой, наоборотъ, думаетъ превосходно, на точномъ основаніи философіи и логики, но изъ рукъ вонъ плохо подвизается на аренѣ простыхъ, жизненныхъ интересовъ и чувствуетъ тоже недостаточно сильно и глубоко, какъ бы между дѣломъ, походя. Художникъ долженъ уловить *основную черту* изображаемаго героя. Когда ему это удастся, онъ даетъ намъ *типъ, идею, художественное обобщеніе* цѣлой массы однородныхъ явленій. Пусть этотъ типъ не будетъ похожъ ни на одно нѣтъ явленій окружающей дѣйствительности—быда не велика. *Типическая; художественная правда* выше правды ваурядной, повседневной, случайной, какъ мигалетная туча, какъ малая вишь на поверхности рѣкъ. Вѣщи и непреодолимы только *типы, характеры*. Подойдите къ лучшей картинѣ Рубенса, этого гениальнаго представителя фламандской живописи. Вы говорите: нѣтъ, *такая* страсть, *такой* животный разгулъ—видума художника,

а не действительность. Обыкновенная, чисто человеческая страсть, даже въ минуты сильнѣйшаго напряженія, нигдѣ и никогда не облекается въ такую экспрессию, нигдѣ и никогда не достигаетъ такой поражающей выразительности. Можетъ быть. Но Рубенсъ, какъ и Микель-Анджело, какъ и Тицианъ и другіе, рисуетъ вамъ не жизнь, а *осмысленныя мимы, осмысленныя характеры*. Рубенсъ дѣлаетъ то-же, что и Шекспиръ и Данте, что всегда дѣлали и будутъ дѣлать величайшія шпаты всего міра. Гдѣ вы встрѣчали людей, подобнахъ Отелло? Гдѣ вы видѣли такую всеобъемлющую, всеножирную, чисто породистую ревность? Гдѣ встрѣчали вы человека, въ которомъ мольба и воля скаты до нуля и въ которомъ страсть, простая, живая страсть, влохотала бы, какъ въ кипящему котлѣ?

Въ живой действительности нѣтъ ни Отелло, ни Макбета, ни Гамлета—это все созданія творческой *идеи*, это художественные *типы и характеры*.

Какъ мы уже сказали, Леванда не обладала выдающимся художественнымъ дарованіемъ. Даже въ лучшихъ его произведеніяхъ, на которыхъ мы сосредоточимся впоследствии, нѣтъ той типичности, той творческой оригинальности, безъ которой не обходится ни одна истинно повѣстическая талантливость. *Характеры* давались Левандѣ съ большимъ трудомъ и очень рѣдко. Довго копая явленія, медвяющей действительности, еврейскій бытописатель какъ будто и не задается никакими серьезными психологическими цѣлями. Въ большинствѣ его романовъ и повѣстей нѣтъ ничего потрясающаго, но и нѣтъ того комизма, который рвалъ бы душу... Да и было бы несправедливо требовать отъ одного изъ *мерзавъ* еврейскихъ беллетристовъ того, что дается только многолѣтнею культурою. Не слѣдуетъ забывать, что Леванда нишесть лѣтъ, который въ шестидесяткѣ годахъ еще не думѣе среди евреевъ особенно широкаго распространенія. Кому приходится одолевать многочисленныя трудности литературной рѣчи, тому не угнаться за истинными и глубокими художественными эффектами. И надо отдать справедливость покойному писателю. Игривое, всегда бойкое перо его никогда не попадало ни въ какія комическія положенія. Чтобы имѣть на своихъ читателей одно только нравственное вліяніе, достаточно того искренняго увлеченія, достаточно той твер-

дости и того никогда неоскудѣвавшего мужества, которыми Леванда владѣть въ такомъ изобиліи. Прибавьте къ этимъ чертамъ характера Леванды еще легкое, подвижное остроуміе, отличную наблюдательность и превосходное пониманіе жизни, и вы поймете, что на первыхъ-же порахъ окружило автора «Дено бакалейныхъ товаровъ» ореоломъ талантливѣйшаго еврейскаго рассказчика.

Но позвольте приблизить къ вамъ первый «Картины еврейскаго быта». Время, легшее между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что было, да не помѣшаетъ намъ понять волненіе пионеровъ русско-еврейскаго просвѣщенія, чувства и мысли героевъ мнувшаго.

По грязному и ухабистому бѣлорусскому тракту, въ одно дождливое іюньское утро 1845 года, еле передвигала свои несмазаннныя колеса кибитка средней величины, запряженная тройной скелетообразныхъ клячъ. Это «традиціонная» еврейская извозчичья карета («балагула»). На козлахъ ея не обыкновенный возница, а неизмѣнный *рижесбородый* еврей въ взорванномъ балахонѣ—созданіе кощичное и резонерствующее. Извозчикъ—резонеръ: да какъ же иначе? Кому же, какъ не извозчику, глубокомысленно и философически разсуждать тогда, когда требуется молодецкій и рѣшительный ударъ клытомъ? Ужь разъ небесами уютно было, чтобы у еврейскаго извозчика, вмѣсто лошадей, «кибитка» запрягалась *клячами*, да еще скелетообразными, то отсюда само собою должно быть понятно, что... что съ еврейскимъ извозчикомъ не далеко уѣдешь.

— Что съ тобой, Авремль, кричитъ одинъ изъ пассажировъ—ты никакъ хочешь, чтобы мы шабашовали подъ N.

— Сегодня вторникъ, мы посѣдемъ на субботу въ N, отвѣчаетъ Авремль прехладнокровно.

— Ахъ ты, дуракъ! опять кричитъ пассажиръ, высовываясь изъ углубленія кибитки въ нажѣреніи поднести кулакъ извозчику.—Двадцать четыре мили мы будемъ тащиться три мѣсяца?

— Что-же мнѣ дѣлать, ребъ такой-то. Я бы сажъ впрягся въ кибитку, если-бы сегодня не была годовщина по моей матерѣ; но щусь, дядюшка, нѣтъ силъ.

И такъ далѣе. Въ концѣ концовъ извозчикъ убѣждаетъ пассажировъ, что торопиться нельзя, да и нѣтъ никакого резона,

что до субботы еще далеко и что, вообще говоря, все на свѣтѣ тринь-трава, суета-суеть. А главное, влечи торопиться не въ силахъ, ибо онѣ — несчастныя, слабыя, скелетообразныя. И кибитка медленно продолжаетъ свое ритмическое громыханье по грязному заколустному шоссе. А въ углубленіи ея двое пассажировъ «съ чемоданомъ подъ ногами, съ чемоданомъ подъ сидѣньемъ, и опять таки съ чемоданомъ за спиной» заняты каждый своими планами и надеждами. Особенный интересъ представляетъ для насъ тотъ изъ пассажировъ, что помоложе. Это — юноша дѣтъ двадцати двухъ «съ прекраснымъ, выразительнымъ лицомъ, которое иногда покрывалось задумчивостью, свидѣтельствовавшюю, что онъ, этотъ юноша, хотя немного еще пежилъ на свѣтѣ, успѣлъ однакоже о многомъ передумать, что внутренній міръ его дѣйствовалъ (бодрствовалъ?), а не спалъ въ мягкой колыбели внѣшеской беззаботности, не смотря на то, что житейскія дразги еще не разбудили его къ трудной борьбѣ, называемой жизнью». У него — широкій и гладкій лобъ, второгій нерѣдко покрывается старческими морщинами, «свидѣтельствующими, опять таки, что онъ смотритъ на явленія жизни не какъ безстрастный, равнодушный зритель, но какъ наблюдатель, исследователь, старающійся разъяснить себѣ причины и слѣдствія этихъ явленій». Ясное дѣло: предъ нами прогрессивный герой обличительно-прогрессивнаго романа. Это *выразительное* (непрѣменно выразительное) лицо, этотъ *широкій лобъ*, по второму уже прощлась морщинистая борозда — что все это, какъ не краснорѣчивые символы «высокихъ» мыслей и выдающихся душевныхъ качествъ? Если же вы хотите вполне убѣдиться въ этомъ, посмотрите на костюмъ молодого пассажира. Прекрасный юноша «съ ногъ до головы одѣтъ по европейски». Въ началѣ сороковыхъ годовъ быть одѣтымъ по европейски — о, это убѣдительнѣйшее свидѣтельство истиннаго либерализма! «Въ внѣшнемъ молодомъ еврейскомъ поколѣніи, говорить Леванда, много такихъ мыслящихъ юношей. Переходное время, въ которое они живутъ, перемены, совершающіяся во внутреннемъ и внѣшнемъ быту евреевъ, представляютъ имъ много, очень много предметовъ для серьезнаго размышленія. *Новыя идеи находятъ теперь въ такомъ сильномъ броженіи, борьба тысячелѣтней рутины со вчерашнимъ (?) прогрессомъ такъ неистова*

и отчаянны, нахмуры, саватки). Ормуздъ съ Ариманомъ такъ поучительны, что современный еврейскій юноша, если онъ только не идиотъ, не можетъ оставаться безомысленнымъ зрителемъ драмъ, разыгрывающихся теперь на еброевской почве». (Стр. 163). Вотъ, что покрывало задумчивостью лицо еврейскаго юноши серокожныхъ годовъ, вотъ что бороздило все широкій и большой лобъ: тяжёлое переходное время, полное внутренникъ и внѣшнихъ переибытъ. Молодой писатель и въскозько преувеличиваетъ, уподобляетъ этотъ моментъ въ русско-еврейской жизни тому легендарному времени, когда свѣтъ боролся съ тьмой, когда Ормуздъ боролся съ Ариманомъ... Но посмотрите на другого пассажира. Онъ лѣтъ сорока пяти, то же «съ выразительнымъ лицомъ» (непоследовательно по отношенію къ юношѣ) съ *горбатыми, монголо-еврейскими* носомъ, съ округленными, чтобъ не сказать слишкомъ полными, формами во всей своей «фигурѣ». Платье на немъ — не то вѣнецкаго, не то старо-польскаго покроя. Это — новомодный поеврей, имѣющій двоякое назначеніе: исполненіе воли правительства и вмѣстѣ сохраненіе въ неприкосновенности стараго костюма, «на который евреи смотрѣли, отчасти и теперь смотрять, какъ на останки, завѣщанные имъ ихъ предками и едва-ли не самими патриархами». Конечно, предъ нами одинъ изъ служителей Аримана, нѣкто ребъ Айзикъ. Юношу зовуть Арономъ, или, вѣрнѣе, Ариольдомъ — да, Ариольдомъ: ради его *нѣмецкаго* либерализма и свободомыслия. Вы думаете, что переибытъ еврейское имя на вѣнецкое — пустое, ничего незначащее дѣло. Ошибаетесь. Въ *переходныхъ* эпохи, когда Ормуздъ борется съ Ариманомъ, все имѣетъ важное значеніе! И внѣшній покроя, и имя, и многое другое, при-звѣстныхъ условійхъ, дѣлаются символическими знаками, по которымъ оразу отличите «своего» отъ «чужого». Контрастъ въ костюмахъ (*разительный* контрастъ въ костюмахъ обикъ пассажировъ) отмѣняетъ, какъ мы видѣли, Левандою съ полною серьёзностью) *свидѣтельствуетъ* о различіи въ убѣжденіяхъ, а сіе послѣднее каждый человѣкъ долженъ постоянно рѣзко и отчетливо выставлять на видъ. Переложеніе именъ, говорить намъ авторъ «Депю бакалейныхъ товаровъ», — обстоятельство, очень часто встрѣчающееся въ исторіи «вѣчностранствующаго народа». «Это обстоятельство тѣмъ знаменательнѣе, что оно всегда совпадаетъ съ эпохами, въ которыя

евреи, понуждаемые историческими событиями къ выходу изъ своего замкнутого, изолированнаго положенія, вступаютъ въ болѣе живыя сношенія съ окружающими ихъ народами. Тамъ, во время существованія второго Иерусалимскаго храма, когда сперва греческій, потомъ римскій міръ электризировали своими побѣдами всѣ царства ослабѣвшаго востока, въ томъ числѣ и царство иудейское, въ еврейскомъ народѣ, и именно въ высшемъ классѣ, встрѣчаются имена Язвовъ, Меделавъ, Оній, Гиркадовъ, Адкинвъ, Аристовудовъ и другихъ—яныческаго происхожденія. Слѣдовательно, нѣтъ ничего смѣшнаго въ томъ, что вы теперь, встрѣтите евреевъ, называющихъ себя Адольфами, Альбертами, Морицами, Григоріями, Венедиктами и Павлами вмѣсто Абрамавъ, Абелевъ, Мордуховъ, Гиршовъ, Баруховъ и Сауловъ. Это тоже шагъ къ цивилизаціи и къ сближенію съ прочими племенами не-еврейскаго исповѣданія» (стр. 164). Право, это очень трогательная справка. Она не только объясняетъ, по мысли автора, явленіе, но какъ-бы утѣшаетъ его. Вступая въ дружескія, сношенія съ тою, или другою національностью, необходимо усвоить ея костюмъ, ея манеры вмѣстѣ съ ея нравственными и умственными убѣжденіями. Въ процессѣ ассимиляціи есть, конечно, своя постепенность: отъ уравненія внѣшнихъ покрововъ до полнаго духовнаго отождествленія. Начать съ костюма представляется, поэтому, дѣломъ совершенно понятнымъ и слѣдовательнымъ, но тѣмъ не менѣе, читая приведенныя только что строки, нельзя не чувствовать всей ихъ наивной трогательности. Молодость постоянно склонна громоздить Осу на Педіонъ, чтобы только «доказать» и «обосновать» то, что въ сущности слишкомъ просто и обыкновенно, и рѣшительно ни въ какихъ поясненіяхъ не нуждается. «Эпохи, въ которыя евреи, понуждаемые историческими событиями къ выходу изъ своего замкнутого, изолированнаго положенія» и проч.—каждъ въ этикъ искреннихъ и до азбучности вѣрныхъ словахъ сказываются характерныя особенности юношескаго наоса въ стилѣ либеральнаго обличенія! Тутъ, съ одной стороны, наносится сильный ударъ старому костюму; историческая справка, точно острый ножъ, разрываетъ его на куски и, съ другой стороны, выражается явное сочувствіе новому, «европейскому» костюму, сочувствіе даже нѣсколько повелительное, если принять во вниманіе выше-

приведенныя слова, что только *юноша-идиотъ* можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ явленій, разягрывающихся «на его родной почвѣ».

И такъ, Арнольдъ (онъ-же Аронъ)—представитель молодого поколѣнія 40-хъ годовъ. Уже изъ краткаго разговора его съ ребъ-Айзикомъ вы узнаете, что у него есть опредѣленныя убѣжденія по важнѣйшимъ вопросамъ жизни, которыми онъ не поступаетъ на практикѣ. По обычаю всѣхъ еврейскихъ простолюдиновъ, ребъ Айзикъ считаетъ себя вправѣ узнать всю подноготную Арнольда: кто онъ такой, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Н., какою торговлю ведетъ въ Одессѣ его отецъ, его дядя, компаніонъ его дяди, шуринъ этого компаніона, тестъ этого шурна. Арнольдъ, человекъ *толерантный* и *безпредразсудчивый*, смотритъ на фамиллярность ребъ Айзика, какъ на простительную и безвредную слабость, нисколько не подозревая, что въ этихъ вопросахъ играетъ роль не одно правдное любопытство. Не успѣли оба пассажира обмѣняться нѣсколькими словами, какъ ребъ Айзикъ уже готовъ поженить Арнольда, «не глупаго молодаго человека и, при томъ, почетнаго гражданина» на «единственной» дочери одного стараго купца изъ очень «знатной» фамиліи. Этотъ старшій купецъ, оказывается, *ищетъ* молодаго человека изъ хорошей фамиліи, съ состояніемъ, который былъ бы способенъ управлять его сахарнымъ заводомъ. А его сахарный заводъ былъ бы истиннымъ кладомъ въ рукахъ именно такого человека, какъ Арнольдъ. Вѣдому старшину уже пора на покой, и всевозможныя управляющіе и техники кругомъ обманываютъ его. «А жаль, ой Богу, жаль почтеннаго старика, котораго ни за что, ни про что раззоряютъ въ прахъ. При вашихъ соединенныхъ капиталахъ, при вашей дѣятельности и его опытности, вы можете въ какіе нибудь десять, пятнадцать лѣтъ сдѣлаться, боюсь сказать, милліонщиками, понимаете вы меня, сударь, милліонщиками! А я за рекомендацію—буду вашимъ управляющимъ, или комиссіонеромъ. А что, не отличная-ли это партія, какъ для васъ, такъ и для него? Что вы на это скажете?» (стр. 165).

Арнольдъ, конечно, вѣжливо отклоняетъ предложеніе скоропалительнаго и наскокомъ дѣйствующаго свата. Онъ «подумаетъ»,

онъ не знаетъ «главнаго предмета» — ни наружныхъ, ни внутреннихъ его качествъ.

— Ва, ба, ба! Такъ вы, стало быть, хотите быть умнѣ насъ всѣхъ и нашихъ предковъ, царствіе имъ небесное. Гд, го! *Это вамъ все христіанскія книжки набили голову.* Помните же слова моя, молодой человекъ, на этихъ книжкахъ, вы недалеко уйдете». Почему, повятно. Еврей долженъ жить, какъ Богъ велитъ, т. е. такъ, какъ жили его предки, которые были набожнѣ его; умнѣ, здоровѣе, богаче и счастливѣе.

Леванда съумѣлъ въ небольшомъ діалогѣ отъвѣтить полное разногласіе ребъ Айзика и Арнольда. Въ быстрой, запанибратской, навязчивой рѣчи одного чувствуется человекъ стараго закала, въ сдержанныхъ, отрывочныхъ словахъ другого — представитель молодого поколѣнія. Въ словахъ Арнольда не сквозитъ «характеръ», но безъ сомнѣнія видно *убыжденіе*. Этотъ юноша воспитанъ въ либеральной обстановкѣ. Онъ ведетъ дневникъ своимъ ощущеніямъ, — у него есть трогательныя воспоминанія, въ которыхъ мы можемъ почерпнуть кой какія интересныя свѣдѣнія о той средѣ, которую онъ только что покинулъ. У него есть «непремѣнный другъ» Маркъ, читающій «Allgemeine Zeitung d. Judenthum's» и умѣющій высвистывать различныя арии изъ различныхъ итальянскихъ оперъ; у него есть сестра, Машенька, умѣющая одна и въ четыре руки разыгрывать интересныя музыкальныя вещи, у него, наконецъ, есть и батюшка и матушка, выкроенные, по всѣмъ видимостямъ, то же на нѣсколько новыи ладъ. Воспоминанія Арнольда пронизаны дидактическими правдоученіями и обличительными навиданіями. Свое дѣтство Арнольдъ называетъ «пародіей на дѣтство», ибо оно лишено было невинной рѣзвости, бѣгавья, смаканья, смѣха — «этихъ естественныхъ атрибутовъ первыхъ весеннихъ дней жизни, атрибутовъ, такъ-же необходимыхъ юному, развивающемуся существу, какъ солнце и воздухъ, какъ луна и роса распускающейся былинкѣ». «Грозная ферула длиннаго, худощаваго, робкаго, мрачнаго, голоднаго и отвратительно-неопытнаго меламеда (вспоминаетъ Арнольдъ) отравила всю эту здоровую атмосферу, въ которой я жилъ, рѣзвась и хорошѣя, какъ рыба въ кристалльномъ ручейкѣ, и окружила меня какой-то душной, не-естественной, скверной температурой,

которая легла на мое юное существо, какими-то страшнымъ, давящимъ кошмаромъ». Родители отдали Арнольда въ хедеръ только потому, что «принуждены были обстоятельствами» заплатить дань «тысячелѣтней рутинѣ», продавъ которой и законъ, и здравый раскладъ—мертвыми слова. «Хедеръ—это еврейскій миръ въ миниатюрѣ: та же боязнь, та же замкнутость, тотъ-же аскетизмъ, та же лихорадочная и безплодная дѣятельность внутри; тѣ же ограниченія, жалкій видъ, незавидное мѣстоположеніе и своеобразная архитектура извиѣ». Однако, были и лучи свѣта въ дѣтскомъ прошломъ Арнольда. Среди «безвыходнаго» мрака и «страшнаго» хаоса юныхъ дней явился ома—добрый свѣтлый, незабвенный Вульфъ. Онъ читалъ Арнольду Библію, но ужъ не ту, изъ которой прежній меламадъ извлекалъ громы и молвіи для немыхъ ругъ; онъ читалъ ему Мишну—но опять таки не ту, что раздѣляла все существующее на чистое и нечистое, дозволенное и запрещенное; онъ читалъ ему, наконецъ, Талмудъ—но совсѣмъ, совсѣмъ не тотъ, что образилъ еврейскую вѣру въ жиданую цѣль, связанную потомка Авраама по ногамъ и рукамъ, «дѣль, прогрышур» его кожу и добравшюся уже до его костей», цѣль, «тяжесть которой постоянно увеличивается отъ новыхъ цѣлонокъ, замковъ, задвижекъ, врычковъ, постоянно къ ней прикладываемыхъ прилежными руками ревностныхъ раввиновъ, этихъ кумаравъ народа пераньскаго». Эту Вульфъ постигалъ въ молодой душѣ Арнольда сѣмена гуманности и терпимости. Онъ объяснялъ ему, что раньше всего надо быть человекомъ, что надо жить не по *предписаніямъ*, а такъ, какъ это угодно Богу, онъ научилъ его дѣлать различіе между *предписаніями* религіи и желаніями сморгонскаго раввина, который, какъ человекъ, можетъ дѣлать грубыя ошибки. Вульфъ не щадилъ самыхъ почетныхъ и авторитетнѣйшихъ «учителей». Онъ говорилъ: сморгонскій раввинъ основываетъ свои желанія на книгахъ древнѣйшихъ раввиновъ—хорошо! Но *древнѣйшія* раввины писали для *древнѣйшихъ* временъ. «Всѣ законодатели пишутъ свои кодексы не для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ до преставленія свѣта», но для своего времени. Что годилось прежде, то теперь устарѣло. Еслибъ сморгонскій раввинъ ясно понималъ лежащую на немъ миссію, онъ не только не изобрѣталъ бы и не прибавлялъ бы новыхъ запрещеній

и ограниченій къ тѣмъ, что были вызваны известными историческими обстоятельствами, а сталъ бы, напротивъ того, создавать постановленія, сообразныя съ современными требованіями, «чтобы народъ не кричѣлъ, не пыталъ, не выбивался изъ силъ отъ ихъ исполненія» (стр. 197). Когда Вульфъ распространился въ такомъ духѣ, лицо его «преображалось» и «пылало божественнымъ огнемъ вдохновенія», а юный Арнольдъ стоялъ, «какъ вползанный столбъ, отданный на произволъ неустово бушующимъ вьюгамъ, дующимъ равно съ сѣвера и съ юга». Въ то время другъ Марка, читающаго «Allgemeine Zeitung des Judenthums», и братъ Машеньки, ужъющій разыгрывать дуэты, не понималъ своего возвышеннаго учителя, но теперь онъ все постигъ, теперь онъ смотритъ на жиръ Вожій не сквозь закоптившаго стекла хедера, а вполне «нормальными, здоровыми глазами». Теперь Арнольдъ сталъ горячимъ приверженцемъ юдаизма Мендельсоновской школы, вызванной «высшимъ предопредѣленіемъ» для спасенія страждущаго народа отъ странныхъ понятій и идей, *доканчивающихъ* (!) его за одно съ виѣшними невзгодами, его окружающими». Въ сравненіе съ этими новымъ юдаизмомъ, юдаизмъ старый, ортодоксальный—только дряхлое, несостоятельное начало, которое должно уступить новымъ понятіямъ, сообразнымъ уже не съ требованіями одного только еврейства, но и всего человѣчества. «Я началъ вкушать наслажденіе согрѣвающего сердце чувства терпимости, *которая своимъ божественнымъ принципомъ превращаетъ сердца людей на земномъ шарѣ, какой бы страны и нации они не были, въ нашихъ братьевъ, въ детей! Одною Отца; я пересталъ чувствовать себя изолированнымъ. О, чѣмъ вознаградить тебя за такой Божественный подарокъ? Ты подарилъ мнѣ все человѣчество! Я могу только восклицать съ восторгомъ: я счастливъ, и тебѣ одному я обязанъ своимъ счастьемъ. Добрый, несравненный наставникъ!» (стр. 198).*

Мы теперь вполне поняли Арнольда. Разговоръ съ ребѣмъ Айзикомъ, выписки изъ дневника какъ нельзя удовлетворительнѣе обрисовываютъ намъ этого молодого человѣка. Мы получили свѣдѣнія, кромѣ того, и о челоѣкѣ, давшимъ Арнольду первый толчокъ: Арнольдъ ученикъ Вульфа, а сей послѣдній—свободный и независимый критикъ стараго, отжившаго строя.

Какъ челоѣкъ, «согрѣваемый чувствомъ терпимости», Ар-

польдъ ко всѣмъ относится съ полнымъ уваженіемъ и щедрою рукою творить добро направо и налѣво. Сынъ богатыхъ родителей, онъ явился въ городъ N., чтобы вмѣстѣ съ купцомъ Израилемъ Дрейдлинымъ учредить депо бакалейныхъ товаровъ для всего мѣстнаго края, на сумму въ восемьдесятъ тысячъ рублей. Къ великому несчастью, этотъ Дрейдлинь до пріѣзда успѣлъ уже обанкрутиться, иди, говоря его же словами, съѣхать съ жирнаго кугеля на овсянку съ картофелемъ. Бываютъ случаи, когда обанкрутившійся купецъ только начинаетъ еще входить въ силу, ибо извѣстно (свидѣтельствуемъ это словами Леванды), что многія предпріятія затѣваются съ единственною цѣлью—обанкрутиться, но увы! Израиль Дрейдлинь принадлежалъ къ породѣ несчастныхъ во всѣхъ отношеніяхъ промышленниковъ. Вмѣстѣ съ потерей капиталовъ онъ долженъ былъ испытать еще одно, худшее горе. Двѣ недѣли спустя послѣ катастрофы онъ получалъ письмо отъ родителей жениха его дочери, въ которомъ объявлялось ему, что партія разстроена, что Ханкѣ и Іосифу не пожениться никогда. Какое несчастье! Молодые люди любили другъ друга «со всею пылкостью юности и со всею чистотою и вѣрностью первой любви». Они любили другъ друга лучше, «нежели свѣтскіе любовники, употребляющіе на свои галантерейныя признанія и двусмысленныя объясненія цѣлыя часы, дни и мѣсяцы». Они питали такія свѣтлыя надежды: вѣдь Іосифъ не обидновенный, еврейскій бахуръ, а «самостоятельный молодой человѣкъ», знающій нѣмецкій и русскій языки и оставившій «талмудическое цоприще» своимъ «хедернымъ» сотоварищамъ, вѣдь Ханка тоже далеко не заурядная невѣста. Развѣ всякая еврейская дѣвушка (того времени) рѣшится любить и быть любимой? Къ счастью, у Ханки нашлась утѣшительница въ трудную минуту: жена разнощика Файтла, честная и добрая женщина Голда. Она много видѣла на своемъ вѣку, она знаетъ людское сердце—Ханкѣ нечего горевать: Іосифъ пріѣдетъ, непременно пріѣдетъ и свадьба будетъ сыграна на славу. А ужъ она, Голда, пропляшетъ на свадьбѣ этой и казачка, и разбойника, и тигрую думу, и щитай лину, и мертвую коломаску, и итальянскій танецъ...

Однако, Арнольдъ, руководимый чувствомъ сожалѣнія, виру-

чилъ Израиля Дрейлина изъ его странно нищеземаго положенія. Открывъ дашо бакалейникъ товаровъ, онъ сдѣлалъ недавно еще богатаго коммерсанта своимъ комисіонеромъ. Кромѣ того, судьбѣ угодно, чтобъ именно въ то время, когда молодой представитель торговаго дома Моше Бремена п К^о въ Одессѣ предлагалъ Дрейлину комисіонерскую службу, сбѣдись и утѣшительныя слова доброй Голды: мимо окна квартиры Израиля быстро промчалась почтовая тройка и завернула на дворъ. Въ экипажѣ сидѣлъ молодой человекъ въ салменной дорожной одеждѣ, а на козлахъ, придерживаясь за кушакъ ямника, торчалъ разнощикъ Файтель съ своею котомкою, голоса во всю ночь, и звалъ Ханку. Дѣвушка, какъ птичка, вылетѣла на дворъ и, увидѣвъ идущаго къ ней на встрѣчу молодого человека, «съ крикомъ: «Іосифъ», пала безъ чувствъ въ его объятія» (стр. 457). Ханка, конечно, скоро очнулась, но замѣтивъ вокругъ себя лишніе свидѣтели и зардѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ, она «бросила страстный взглядъ на своего возлюбленнаго и выбѣжала въ другую комнату». Іосифъ билъ въ Ромшакъ и ничего не зналъ, что случалось съ Дрейлинымъ. Но пріѣхавъ домой и узнавъ о посланномъ его родителями «отвазѣ», онъ, не желая быть «шаншой», распорядился такъ, какъ «подсказало» ему его «сердце».

— Bravo, Іосифъ! — воскликнуть Дрейлицъ, хлопая въ ладоши. — Вотъ молодецъ! Какъ вамъ нравится женихъ, котораго я выбралъ для моей Ханочки? — спросилъ онъ, обращаясь къ Арнольду.

— Изъѣдите всѣ еврейскіе города, — продолжалъ Дрейлицъ, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ: — и, честное слово, не найдете другого такого молодца. Но за то, какъ она его любитъ... Когда вы поближе познакомитесь съ Ханкою, такъ она сама расскажетъ вамъ про свою любовь. Это уже невозможно во вашему, т. е., я хотѣлъ сказать, *по новой модѣ. Они переписывались между собою, были суетниры разные, обманялись даже колѣнами: вотъ что!* Онъ, позвольте доложить, грамотный человекъ, даже ученый. Я вамъ когда нибудь покажу его разныя почерки, просто чудо: пишутъ будто печатають.

Но Іосифъ прерываетъ лестную аттестацію Дрейлина. Онъ горько востергнѣнемъ ушать, согласенъ-ли Дрейлицъ устроить свадьбу.

Онъ готовъ отказаться отъ обѣщаннаго ему родителями приданнаго, лишь бы только оставить на своемъ. При томъ же: не въ деньгахъ счастья. «Въ отвѣтъ на эти слова ребѣ Израиль заключилъ благороднаго юношу въ свои объятія, а Дел (жена Дрейлина) поцѣловала его въ лобъ». «Возвратившаяся Ханна стояла въ нѣмомъ восторгѣ, не спуская глазъ съ прекраснаго лица своего жениха, и видимо таяла отъ избытка радости».

— Позвольте мнѣ позать вашу руку, — произнесъ Арнольдъ, бывшій до сихъ поръ безмолвнымъ свидѣтелемъ этой семейной сцены. Ванъ благородный поступокъ, правда, очень рѣдкій, доказываетъ, что холодный расчетъ оставляетъ еще мѣсто въ нашихъ сердцахъ и для чувствъ болѣе нѣжныхъ. Вотъ вамъ моя рука! Прощу, будемъте друзьями!

Это одна изъ трогательныхъ въ романѣ сценъ. Авторъ подчеркиваетъ отличительными прикѣты *молодое* поколѣнiе. *Дѣвушка* влюблена и не скрываетъ своего чувства. Мало того. При встрѣчѣ съ возлюбленнымъ, она падаетъ безъ чувствъ въ его объятія. *Влюбленные перетомкаются* между собою, обмѣниваются *субтилами* и *колѣцалами*! Въ присутствіи постороннихъ людей молодая дѣвушка бросаетъ, хотя и зардѣвшись, какъ макъ цвѣтъ, *страстные* взгляды на своего жениха! Это-ли не всѣ атрибуты полнаго и свободнаго либерализма! «Дѣвушки грамотѣ знаютъ! Къ дѣвушкамъ письма нинуть!» Но что говорить о молодежи, когда даже самъ прѣстарѣлый Дрейлингъ, повидному, мнѣрболеть «новой модѣ»? Отецъ Ханнъ, какъ мы видѣли сейчасъ, гордится Иосифомъ именно за его «ученость», за его «любовь» къ невѣстѣ. Файтель и Голда въ отдаленіи радостно перешептываются о томъ, что несчастная дѣвушка ужъ больше не будетъ «тосковать по своему милому»... Какое полное поражение: «старого» консерватизма! Арнольдъ не одинокъ въ своихъ протестантскихъ замыслахъ. На его сторонѣ— все подростящее поколѣнiе, все, что нѣтъ жизни и свѣта, да и вся та огромная, инертная масса, которая только въ силу привычной рутины не поступаетъ своими, съ дѣтства усвоенными, идеями. «*Берийссіи мѣмецъ изъ Одедам*» (такъ называли свеп города Н. Арнольда) не только не одинокъ, не только не единый воинъ въ полку, но нѣмѣетъ на своей сторонѣ *тадевѣфа*, «какогого силы и твердѣе давно уже испитаны», «какогого мужествомъ нѣ

образъ мыслей «исовѣдѣтельствовавъ» многочисленными доказательствами и рѣшительными *experimenta crucis*. Это—Мееръ Фальдъ, или, вѣрнѣе, Мееръ «сумасшедшій»—отважный и воинственный герой свободомыслия... «Сумасшедшимъ» онъ прозванъ за свой акибиноско-вольтерьянскій образъ мыслей. Начать съ того, что Мееръ одѣвается истиннѣ «комедантомъ»: въ короткія курточки и въ длинныя панталоны («Ну, скажите, будетъ-ли умный еврей одѣваться комедантомъ на смѣхъ уличнымъ мальчишкамъ?»), не смотря на свои пожилые годы и на свое «знатное» происхожденіе. Когда пришелъ извѣстный указъ о еврейскомъ костюмѣ, вѣдь, въ кофѣ только билось еврейское сердце, плакали, постились, раздавали милостыню, ходили на могилы раввиновъ («Шутка-ли: оставить платье нашихъ предковъ, обстричь виски и одѣваться, чортъ знаетъ какъ, въ сунвинныя шафтанчики, въ фуражки съ козырьками, престо, какъ *шармакцики*.—Ну, на что это похоче?» стр. 502), а этотъ Мееръ среди общаго плача и суматохи хотѣ бы слезинку впронять. Вѣсто того, чтобы воспитывать своихъ дѣтей, какъ Богъ велѣлъ, какъ подобаетъ богобоязненному сыну Израиля, сумасшедшій вольнодумецъ посылаетъ ихъ въ «классы», гдѣ они учатся по *христіанскимъ книжкамъ* и носятъ восточныя съ красными воротниками и мѣдными пуговицами, «какъ *шварташи*».

Таковы тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя Арнольдъ удамось собрать о Меерѣ Фальдѣ. Ясно, что Мееръ «европеецъ» и что, отправляясь къ нему въ первый разъ, надо соблюсти законы *свѣтскаго приличія*. И действительно въ одно прекрасное утро Арнольдъ «во фракѣ, шляпѣ и палевыхъ перчаткахъ позвонилъ у входа квартиры сумасшедшаго» (стр. 503) (Вамъ вѣтъ: позвонилъ!). Ему отворилъ слуга, «спрятано одѣтый, который, хороши зная свою лакейскую должность, не въ притворъ многимъ еврейскимъ *мешуресамъ*, съелъ съ него шмель, такливо попросилъ въ залъ и пошелъ докладывать своему господину... Тутъ каждое слово назидательно и, такъ сказать, просится въ историческую перспективу. Люди, придерживающіеся староего режима, живутъ на распаху. Какіе тамъ звонки? Какіе тамъ лавы? Выла-бы къ дверямъ прибита «мезуза», а все прочее гиль, суга! Но Леванда столько-же бытописатель, сколько и провидѣнныи новизнѣ

новѣйшій и идеаловъ. Еврейскій интеллигентъ долженъ жить въ квартирѣ, обставленной европейскими аксессуарами и сомнѣвающей въ себѣ удобства хорошаго «сандъ-суи» со всѣми принадлежностями домашняго очага. И вотъ прогрессивный писатель съ истиннымъ увлеченіемъ набрасываетъ картину домашней обстановки такого интеллигента. Прежде, чѣмъ увидѣть хозяина, Арнольдъ попадаетъ въ обширный, роскошно убранный залъ, въ которомъ одни только портреты Ангела Ротшильда и Моисея Моутебюре напоминаютъ, что здѣсь живетъ потомокъ Авраама. «Картины, развѣшенные по стѣнамъ, герники съ цвѣтами, прекрасныя занавѣски у оконъ и дверей, большой родъ, стоявшій у стѣны, зеркало, канделябры, бронза и фарфоръ,—словомъ, вся мебель, находившаяся въ залѣ, будто знакомая, родная, привѣтствовала Арнольда, возвратившагося точно изъ далекаго, утомительнаго путешествія, которое было ознаменовано грустными впечатлѣніями». Здѣсь, въ этой залѣ, грустныя впечатлѣнія утомительнаго путешествія смѣняются другими, отъ которыхъ лицо «проясняется», глаза «сверкаютъ свѣтлыми лучами радости», а сердце, «внезапно облитое какою-то благотворною теплотою», начинаетъ биться живо, какъ «у человѣка, внимающаго невыразимое духовное наслажденіе» (стр. 508). И такъ, Арнольдъ попалъ въ жилище «довольства и порядка». Мееръ, конечно, принялъ его съ раскрытыми объятіями, со всюю возможною европейскою любезностью. Оказалось, что обоихъ соединяетъ имя Вульфа—ихъ общаго наставника и учителя. Мееръ ведетъ рѣшительную борьбу со своими оппонентами, «идетъ всегда противъ теченія» и безпощадно хлопаетъ фанатамъ «своими откровенными объясненіями». Онъ посѣщаетъ театръ, концерты, выписываетъ газеты, журналы, поддерживаетъ дружеское знакомство съ образованными христіанами, и, тѣмъ не менѣе, не забываетъ, что онъ еврей, что онъ, такъ или иначе, принадлежитъ своему народу. Къ несчастію, онъ ничего не можетъ сдѣлать для своихъ темныхъ братьевъ. «Эти братья отъ меня отвернулись, и я ни въ чемъ не могу быть имъ полезнымъ. Вотъ въ чемъ мое сумашествіе! Вижу своими глазами, какъ беспутный кагалъ, полудикіе фанатики и безсовѣстные ханжи, движимые кто корыстолюбіемъ, кто честолюбіемъ, гнутъ моихъ безответныхъ братьевъ, а все это вижу, все это бѣситъ меня, и

а ничего не могу сдѣлать для утравленія всего этого. Попробуйте образумить ихъ, открыть имъ глаза,—они тебя камнями забросаютъ». (508 стр.)—«О, дай Господь нашему народу побольше такихъ сумасшедшихъ, какъ Мееръ Фейльдъ! воочиюность Левада устанетъ главнаго героя своего разсказа.

Въ послѣдникъ главѣ «Депю» молодой писатель мимоходомъ показываетъ вамъ и самого Вульфа и одного изъ дѣтскихъ товарищей Меера, теперь именующагося *Данилой Ивановичемъ*. Вульфъ умираетъ, оставляя по себѣ черныя ларецы, въ которыхъ друзья и ученики его находятъ многочисленныя доказательства високаго образованія того, кто владѣлъ ими при жизни: еврейскій дипломъ на званіе раввина, дипломъ отъ виленискаго университета на степень доктора медицины, толстую тетрадь записокъ и, наконецъ, нѣкоторыя сочиненія Спинозы, Лютера, Канта и Мендальсона. Не смотря на предшедшія значительныя перемены, Мееръ и Данила Ивановичъ клянутся врагомъ незабвеннаго наставника, что навсегда останутся братьями.

Вотъ и весь кругъ пресѣщеныхъ дѣятелей, изображенный Левадомъ въ разбираемомъ романѣ. Другихъ носителей либеральнаго еврейскаго знамени авторъ «Депю» не изображаетъ. Вульфъ, Мееръ, Арнольдъ, Иосифъ и умершій для Израиля, но не умершій для человечества Данила Ивановичъ—таковы активныя, положительныя «типич» романа. Езъ нимъ примыкаютъ мало дѣятельныя, но сочувствующія отчасти инстинктивно, отчасти сознательно—Ханка, Реввека (дочь Меера) и Марьяна-Двошка (дочь ребъ Шлейзеле, видѣнншаго представителя кагальнаго ретроградства). Всѣ эти люди, по очевиднымъ намѣреніямъ Левады, должны служить живымъ и краснорѣчивымъ обличеніемъ стараго, сверху до низу сгнившаго порядка. Это, такъ сказать, рядъ *малозначащихъ* данныхъ, имѣющихъ обосновать основную теорему либерализма, ради которой писанъ весь романъ. Левада ведетъ свою аргументацію по длинному, и утомительному способу *modus ropens*: вотъ вамъ рядъ слѣдствій, положительныхъ и живыхъ документовъ, блестяще оправдывающихъ то основное положеніе, изъ котораго всѣ они выведены. Но какъ художественная вещь, «Депю» бьется и самой снисходительной критикой. Не ищите въ этомъ первомъ опытѣ юного писателя ни отчетливаго языка, ни

стройнаго и правильнаго развитія основной фабулы—ничего этого здѣсь нѣтъ. Личнй разсказъ нигдѣ не сплещается въ интересный узелъ, сантиментальная, никольничья манливецъ бьетъ въ глаза, а до комизма, несовершенство архитектуръ поражаетъ уже на первыхъ порахъ какое-то недоумѣе къ члсто художническимъ словамъ нашего бытописателя. Вы не только не *оказаете*, не *видите* всѣхъ этихъ Арнольдовъ, Вульфовъ, Мееровъ и другихъ, но даже не *чувствуете* ихъ. Предъ вами однѣ только напыщенныя тирады о возвыщеннхъ предметахъ, не содрѣтныя чувствомъ, и не всегда глубоко продуманныя. Эти яростныя обличенія во чтобы то ни стало, эти вѣрды совершенно легкомысленныя и чрезмѣрно утрированныя нападеныя на «нагаль», «фанатизмъ», «баскетъство» и проч., въ сущности, очень характеристичны для самого Леванды. Прослѣдите внимательно всѣ «картинки еврейскаго быта» вмѣстѣ съ тѣми корреспонденціями, о которыхъ мы говорили выше, и у васъ противъ воли возникнетъ подозрѣе: умѣлъ-ли этотъ отважный юноша, краснорѣчивый и талантливый для своего времени, вникнуть во всю глубь еврейской жизни, понять существеннѣйшя особенности еврейскаго характера? Въ обличительныхъ монологахъ Арнольда, Меера Фельда и другихъ мы не находимъ еще оснований для положительнаго отвѣта: въ нихъ не слышится ни страстной сатиры, ни *горячаго плача*. Юноша Леванда силенъ своимъ холоднымъ, до несправедливости рѣзкимъ резонерствомъ, своею твердью, хотя и далеко не глубокою натурою, своею мѣткостью и никогда не дрожащею рукою. Онъ достаточно крѣпокъ духомъ, чтобы пойти на улекательные поприще общественной дѣятельности, но слишкомъ мало серьезекъ, вдумчивъ и глубокъ, чтобы стать безпристрастнымъ, строго объективнымъ живописцемъ еврейской жизни, какъ она есть, безъ тенденціознаго подчеркиванья, безъ нарочито яркихъ и раздражающихъ красокъ глубочнаго мастерства.

Въ «Дѣло бакалейныхъ товаровъ» вы не видите умѣнья вести разговоръ, отгнѣять мысль, разнообразить и оживлять положенія. Въ романи нѣтъ движенія, и мысли въ немъ *доказываются* не поступками, дѣйствіями, душевными волненіями, а словами и фразами. Для романиста—нѣтъ *худшаго* доказательства. Будь Леванда истиннымъ художникомъ, онъ придумалъ бы для своихъ мелодыхъ

героевъ цѣлый рядъ *положеній, событій*, въ которыхъ далъ бы имъ возможность раскрыть и развернуть всѣ свои нравственныя и умственныя качества. Чѣмъ сложнѣе характеръ задуманнаго лица, тѣмъ серьезнѣе должны быть и придумываемыя «положенія». Тяжело нагруженное судно трогается только при сильномъ вѣтрѣ; богатоодаренныя душевныя организациі могутъ только въ опасныхъ схваткахъ съ «препятствіями», въ клочущемъ водоворотѣ «событій»: въ мелкаго струякъ повседневной жизни сильныя, одухотворенныя натуры идутъ ко дну.

Никакихъ такихъ интересныхъ «событій» и «положеній» въ «Дѣпо бакалейныхъ товаровъ» нѣтъ. Эпизоды романа нанизаны другъ на другъ искусственно, герои точно заключены въ безвоздушномъ пространствѣ—на ихъ мертвенно блѣдныхъ лицахъ ни кровинки жизни, въ ихъ словахъ не слышно человеческой души.

Маленькое исключеніе мы сдѣлаемъ для вводныхъ фигуръ «старого» закупа. Ребѣ Шлеймеле нѣрѣдко смѣхиваетъ на живаго человека,—но только «сверѣко». Куна, старая нянька въ домѣ Шлеймеле, да красивая Марьяша-Двоша, влюбленная въ Арнольда, были бы очень недурны, если бы не были испорчены приторною сентиментальностью:

А. ВОЛЫНСКІЙ.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

публ. т. 6 *Триумфратъ*. Рассказъ съ приложеніемъ двухъ сатирическихъ статей, Сочиненіе Н. Вейсмана. Бердичевъ, 1887 (92 стр. 16).

«Рассказомъ» произведеніемъ г. Вейсмана можно называться только въ переносномъ смыслѣ; на самомъ же дѣлѣ это—рядъ наивысшихъ, доводимо живо написанныхъ фельетоновъ, въ которыхъ равны публицистическія соображенія доверяются призракамъ изъ жизни, лицамъ и положеніямъ, взятыхъ авторомъ, повидимому, изъ личныхъ воспоминаній. Такъ въ первой главѣ «рассказа», озаглавленной «Воспоминанія былыхъ дней», авторъ рассуждаетъ о старинныхъ порядкахъ воспитанія, объ отрицательныхъ сторонахъ меламедскаго преподаванія, о различныхъ типахъ «меламедовъ», объ общественныхъ дразгахъ и безурядицахъ. Въ слѣдующихъ главахъ идетъ рассказъ о трехъ типическихъ представителяхъ отживающаго прошлаго—о меламедѣ *Трайтель*, о «батлехѣ» (синагогальномъ завсегдатаѣ, живущемъ на общественный счетъ) *Грейномъ*, и о «ногелѣ» (операторѣ при обрѣзаніи) *Хайкель*. Всѣ трое представлены въ качествѣ ханжы, обманщиковъ и безобразниковъ, при чемъ у cadaго изъ нихъ эти непохвальные свойства выражались особенныхъ нутенъ. Учитель Трайтель былъ настоящимъ Тартюфомъ, и авторъ рассказываетъ пикантную исторію о томъ, какъ этотъ ханжа и строгій по наружности набожникъ затѣялъ скандальный романъ съ одною кухаркою, причѣмъ герой очень осрамился и вынужденъ былъ бѣжать изъ города. Второй членъ «триумфрата», Хайкель является ревностнымъ фанатикомъ, преслѣдующимъ посвященіе въ лицѣ литвака-учителя Вейсмана, но не стѣсняющагося вѣстѣ съ тѣмъ ограбить и пустить по міру человѣка, довѣрившаго ему деньги, и оболстать чужую жену. Третій представитель, Грейномъ, своей собственной «исторіи» не имѣетъ, но играетъ въ триумфратѣ роль тайнаго

пособника чужить грѣшамъ, подстрекателя и сводника. Мимотомъ изображены и жена Хайкала, Врайндель Козакъ;—тишь еврейской бол-бабы. Все это изображено хотя очень поверхностно, безъ всякихъ претензій на художественность, но довольно живо и занимательно.

Вслѣдъ за «разсказомъ» идетъ статья «Еврейскій вопросъ», въ которой авторъ рассматриваетъ различныя эпохи въ духовной жизни русскіихъ евреевъ настоящаго вѣка, опять жалуется на дурной порядокъ воспитанія, предлагаетъ свои методы обученія, рекомендуетъ раздѣленіе труда между желамеданіи и спеціальной подготовку послѣднихъ etc. Кромя годичихъ мѣнѣй, мы, впрочемъ, въ этой статьѣ ничего не находимъ.

Къ концу книжки приложены двѣ коротенькія сатирическія статьи, въ которыхъ бичуются нѣкоторыя нравы и встрѣчаются намеки на нѣкоторыя современныя событія. Всей книжкѣ предпослано «Письмо» г. Калмансона, въ которомъ онъ полемизируетъ съ авторомъ по поводу разпредѣленія нѣхъ эпохъ новѣйшаго просвѣтительнаго періода (въ статьѣ «Еврейскій вопросъ») и высказываетъ нѣкоторыя свои публицистическія соображенія. Тѣсныя рамки библиографической рецензій не даютъ намъ возможности подробно рассмотреть этотъ споръ, а потому отсылаемъ любителей къ самой книжкѣ г. Вейлина, которую можно признать сочиненіемъ «безъ особенныхъ претензій», но заслуживающимъ вниманія.

Das Wort, welches I. Rabinowitsch hat gepredigt in Gottshaus «Beth Lechem» in Kischinew, den 17 Oktober 1887. (Слово, произнесенное I. Рабиновичемъ въ молельѣ «Вилеенъ», въ Кишиневѣ, 17 октября 1887 г. Кишиневъ, 16 стр. in 16).

Г. Рабиновичъ вновь обогатилъ нашу литературу образцомъ духовнаго краснорѣчія, въ образѣ лежащей передъ нами жаргонной книжицы. Если устная проповѣдь кишиневскаго сектатора также хороша, какъ печатная его проповѣдь, то все его «дѣло» навѣрняка можно назвать проиграннымъ. И дѣйствительно, вы напрасно станете искать въ книжкѣ новыхъ и оригинальныхъ идей, сколько нибудь сильныхъ доводовъ въ пользу того страннаго винигрета изъ еврейства и христіанства, который предлагается г. Рабиновичемъ; вы ничего не найдете, кромя избитыхъ, надозвѣшихъ толкованій извѣстныхъ мѣстъ св. писанія, неспособныхъ произвести никакого впечатлѣнія на еврейскую массу. Нѣтъ въ проповѣди г. Рабиновича силы, нѣтъ идеи, не видно даже искренняго увлеченія: все казенно, вяло и скучно,

и порой кажется глупо, что и самъ проповѣдникъ невольно воздымаетъ пера къ своей аудиторіи. Это обстоятельство, впрочемъ, вполнѣ объясняется недавно сообщеннымъ въ газетѣ фактомъ, согласно которому г. Рабиновичъ представляетъ собою пастыря безъ пастыри, проповѣдника безъ аудиторіи. Само собою разувѣется, что «нехорошо некогда бытъ одному» — нехорошо, да и дѣлотно, очень скучно. И вѣдь бѣдный «пастырь безъ стада» дѣлится своею скукою съ читающею публикою, памятуя, что «раздѣленное горе — половина утѣшенія». Вполнѣ сочувствуемъ горю г. Рабиновича, хотя, въ прискорбію, увѣрены, что его «литературная аудиторія» будетъ также пуста, какъ и его аудиторія въ кинишевскомъ «Взлесе».

С. М.

ЗАМѢТКИ.

По поводу одной статьи въ «Русской Мысли».

J. Lippert: «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau», «Новая попытка органическаго построения исторіи всеобщаго культурнаго», Статья П. Ф. Н., «Русская Мысль», май 1888 г.

Позваніе еврей и еврейка и еврейскій библейскій исторіи составляет далеко не рѣдкое явленіе въ современномъ обществѣ. Любовь, а иногда и къ изученію Ветхаго Завета привисаетъ чуть-ли не къ дисципличнымъ особенностямъ славянъ Альбиона. Но если это явленіе и не составляетъ самого крупнаго недостатка современнаго средне-интеллигентнаго педагога, то оно совершенно неприемлемо для серьезнаго, умнаго, наслѣдовавшаго котораго такъ или иначе соприсасуются съ ученіемъ юдеизма и фактами библейскій исторіи.

Принимая такое небрежнаго отношенія къ Святии Исторіи, видятъ рѣшительнѣе ученыхъ Юлія Липперта въ своемъ сочиненіи «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau».

Но касаясь главныхъ основныхъ положеній и конечныхъ выводовъ почтеннаго исследователя, мы отбѣдимъ лишь рядъ неточностей, допущенныхъ имъ въ изложеніи и характеристикѣ, нѣкоторыхъ библейскихъ данныхъ, признавъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы цитируемъ названное сочиненіе по конизаціи, напечатанной въ «Русской Мысли».

Расширившая обычай обрѣзанія у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, Липпертъ говорить:

«Смыслъ въ томъ числѣ иудей, несомнѣнно заключався обрѣзаніе у еврействъ. Любопытенъ мотивъ замѣствованія, высказанный въ библейскихъ разсказахъ: этотъ мотивъ — освобожденіе отъ насильства египтянъ».

Мнѣніе о заимствованіи іудейна обряда обрѣзанія у египтянъ совершенно опровергается гл. XVII кн. Бытія, въ которой повѣствуется объ обрѣзаніи Авраама, какъ извѣстно, нечуждаго ничего общаго съ Египтянами. Вѣстѣ съ этимъ отпадаетъ самъ-собой и *мотивъ* обрѣзанія у іудеевъ, приводимый Липпертономъ на основаніи какихъ-то невѣдомыхъ «библейскихъ разсказовъ». Въ единственномъ, общезвѣстномъ библейскомъ разсказѣ объ обрѣзаніи праотца Авраама и его семьи прямо объясняется этотъ мотивъ: обрѣзаніемъ заключается обѣтъ вѣчнаго союза между человекомъ и Богомъ. «Обрѣжьте плоть вашу, и это будетъ знакомъ вѣчнаго союза между Мною и вами» — говорится въ вышеозначенной главѣ, стихъ XI.

«У іудеевъ — говоритъ далѣе Липпертъ — приниженныя въ семью рабаго тоже (какъ у никовъ) прокалывали уши. Тогда рабъ присоединялся къ божеству семьи какъ-бы кровинный родственникъ».

И это невѣрно. Уши прокалывались только тому рабу, который, по истеченіи шестилѣтняго срока его подневольнаго служенія господину, не *пожелалъ* выйти на свободу — согласно библейскому закону о рабовладѣніи (Исходъ, XXI). Не въ смыслѣ кроваваго родства, какъ говоритъ Липпертъ, а на оборотъ, какъ наказаніе продиралывалось ухо у этого, свободны ненавидимаго раба. Почему именно ухо, а не другой членъ либо членъ подвергался этому позорному приговору къ вѣчной двери — библейскіе комментаторы резеио объясняютъ тѣмъ, что «ухо, которое слышало на горѣ Синаѣ слова Предвѣщаго: Мнѣ, Господу Вашему, будьте рабами, а не рабами людей — рабами рабовъ — оно и должно быть наказано». Совершенно непонятно выраженіе Липперта... «тогда (т. е. послѣ прокалыванія уха) рабъ присоединяется къ божеству семьи какъ-бы кровинный родственникъ». Какое это божество семьи у іудеевъ? Продиралываніе уха раба было установлено Моисеемъ, пророкомъ и учителемъ *абсолютнаго единобожія*, и, стало быть, культъ *семейнаго божества* у іудеевъ существовать не могло.

Далѣе у Липперта читаемъ:

«Если бы сравнить отношенія іудеевъ къ ясу осла и свиньи, то ясно видно характерное отличие. Свинья древнему семиту нечистота. Она — нечистое животное и не приносится въ жертву. Оселъ тоже не приносится въ жертву, но онъ не принадлежитъ къ нечистымъ животнымъ и, также какъ и самъ человекъ, подлежитъ искупленію. Стало быть, раньше, до того времени, когда онъ сталъ рабочимъ скотомъ, его приносили въ жертву, а стало быть и ял...»

Это положеніе опровергается прямымъ смысломъ XI главы книги Левитъ. Оселъ, какъ животное «не жуящее жвачку и копыта въбичное нераздвоенныя», іудеями не могъ быть ни употребленъ въ пищу, ни приносимъ въ жертву, и именно въ этомъ смыслѣ считался животнымъ «нечистымъ», какъ свинья, верблюдъ и проч. животные, исключенныя въ вышеприведенной главѣ Забѣта. Объ ослѣ, какъ о животномъ въ вѣрблѣномъ смыслѣ низшаго порядка, къ которому существовало отношеніе презрительное, говорить приводимое у пророковъ выраженіе «*kwisath shano*» — ослиное погребеніе, т. е. лишеніе покойника воздаваемыхъ обильно при погребеніи почестей и проч.

Останавливаясь на исторіи прирученія нѣкоторыхъ животныхъ, и сравнивъ видную роль въ культурѣ человѣчества, Липпертъ говоритъ:

«О лошади іудейскій законъ совсѣмъ не упоминаетъ, потому что древніе іудеи ея не знали». «Іудеи не знали ея, египтяне древняго и средняго царствованія тоже. Только въ «новомъ» царствованіи — съ 18 и 19 династій — лошадь появляется». «По іудейской традиціи, только Давидъ начинаетъ употреблять лошадей». «Поэтому въ культѣ этихъ народовъ (между прочимъ и іудеевъ) лошадь не играетъ никакой роли».

На существованіе лошади у египтянъ еще до 18 и 19 династій указываютъ слѣдующіе тексты.

«И привели они (египтяне) свой скотъ къ Іосифу, и далъ ему Іосифъ хлѣба взаменъ лошадей и овецъ и рогатаго скота... (Бытiе, гл. 47). Здѣсь о лошади говорится, какъ о животномъ, которымъ древніе египтяне еще до фараона Ранзеса II пользовались въ хозяйственномъ быту. У египтянъ эпохи Исхода также существовала лошадь: «И вотъ рука (т. е. взра) Господня будетъ на скотѣ твоёмъ, что на-полѣ, на лошадаяхъ, ослахъ, верблюдахъ». (Исходъ, IX). Что конь служилъ египтянамъ и для военныхъ цѣлей, доказывается главою XIV кн. Исхода, въ которой упоминается о «колесницахъ, запряженныхъ лошадами» (стихъ IX) и о «лошади верховой (стихъ XXIII). Въ торжественныхъ пѣсняхъ Моисея и Миріамы, по поводу перехода черезъ Черное море, говорится: «*коня и всадника низвергнулъ Огъ въ море*»; и далѣе — «*попалъ конь фараона съ колесницей въ море*» (гл. XV). А вѣдъ Ранзесъ II, при которомъ совершился исходъ, принадлежалъ къ 16 династіи.

Можно было-бы, пожалуй, отиѣтить, какъ нѣкоторое указаніе на существованіе лошади у іудеевъ еще давнѣе до вцаренія Давида, — на статьѣ въ пѣснѣ пророка Давыда. Воспѣвая воинскую доблесть израильскихъ

друзьям, одержавшим победу над полководцем Сисарей, пророчица говорит: «лошадь конная трескала от бѣга, бѣга бѣлтырскаго». Но, допуская эту, въ крайнемъ случаѣ, незначительную неточность относительно существованія лошади у древнихъ иудеевъ, гѣмоний ученый впадаетъ въ еще большую ошибку, объясняя отсутствіе лошади въ обиходѣ иудеевъ отсутствіе ея въ культурѣ иудейскомъ. Эта ошибка состоитъ уже непростительна для серьезнаго исследователя, которому должно же быть известно, что культура иудейская исключаетъ возможность такого отношенія къ животному: бы то не было животному, — и, следовательно, была или отсутствовала лошадь въ то время, она, во всякомъ случаѣ въ культурѣ иудейскаго народа никакой роли играть не могла.

Если отбросимъ наши неточности и не можемъ имѣть прямого вліянія на *конечные* выводы капитальнаго труда Ляпперта, то, тѣмъ не менѣе, ихъ слѣдовало извѣстовать серьезному исследователю. Мы далеки отъ мысли о возможности построения серьезнаго научнаго исследования на основаніи *однихъ* только библейскихъ данныхъ, но совершенно ихъ игнорировать, а тѣмъ болѣе вскапывать, по нашему мнѣнію, непростительно. Автору «Kulturgeschichte der Menschheit» пришлось, несомнѣнно, изучить обширную научную литературу для его труда и отъ напрасно не продлить своихъ предварительныхъ трудовъ еще на нѣсколько часовъ, чтобы оживить въ памяти данныя столь простой, удобопонятной книги, какъ Библия.

На обнаруженіи, конечно, я въ свою очередь особенно близкаго знакомства съ этой книгой вид. г. П. Ф. Н., составитель юбилейнаго, ни почтенная редація, напечатавшая ее.

С. Ф.

II.

По поводу рецензии сочиненія «Евреи и Славяне».

По поводу появившейся въ январской книжкѣ Восхода рецензіи моего сочиненія «Евреи и славяне» я не могу не высказать сожалѣнія о томъ, что рецензентъ не соблюдалъ главную задачу и тенденцію сказаннаго труда, заключающуюся въ лингвистическомъ «антисемитизмѣ» всякой научной поэмы. Книжка моя не могла бы высказать сожалѣнія: «достигъ ли я главной своей цѣли», по той причинѣ, что лингвистическія сраженія въ главѣ ея не имѣютъ достаточно убѣдительнои силы, чтобы доказать «сходство между семитами и индоевропейцами, вообще, и между русскими и евреями въ особенности», такъ какъ для обнаруженія ничтожности основной идеи ан-

тиселитвона вполне достаточны: несомнѣнные результаты моихъ собраній, ясно резюмированныя мною въ концѣ 3-я главы моего сочиненія, именно, что «двѣнадцатая наука о языкахъ не только не доказываетъ, что такъ называемые племена семитическія и психо-интродуцированное отъ нихъ составляютъ одно отдѣльное плѣно въ противоположность языкамъ индо-европейскимъ, а наоборотъ, приводитъ къ тому убѣжденію, что всѣ народы кавказской расы одного происхожденія и болѣе или менѣе тѣсно связаны между собою узамъ психическаго и интеллектуальнаго родства, смотря по свойствамъ ихъ характеровъ, образованныхъ и развившихся подъ влияніемъ многосложныхъ историческихъ, климатическихъ и бытовыхъ условий въ періодъ ихъ развѣтвленія и сформированія, но отнюдь не по принятой, на основаніи вѣшнихъ, несущественныхъ признаковъ, схемѣ раздѣленія на семитовъ и индо-европейцевъ (стр. 26—27).

Что всѣ племена кавказской расы одного происхожденія—это подтверждается, помимо моихъ лингвистическихъ сравненій, указанными мною (стр. 18) результатами изслѣдованій ориенталистовъ новѣйшаго времени, доказывающихъ, что всѣ языки кавказской расы сходны въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніяхъ и очевидно происходятъ отъ одного первоязыка, и что степени различія ихъ *народныхъ характеровъ* не соответствуютъ схемѣ раздѣленія на семитовъ и индо-европейцевъ—это во всякомъ случаѣ доказано мною *негативною* силою моихъ лингвистическихъ сравненій: Если мои доводы недостаточны, чтобы доказать особое сходство между русско-славянскимъ и еврейско-семитическимъ племенами, то, по крайней мѣрѣ, они доказываютъ, что первое, относительно народнаго характера, ближе къ послѣднему, чѣмъ къ инымъ индо-европейскимъ племенамъ, въ языкахъ которыхъ, указанныя мною характеристическія свойства не оказываются. А это уже вполне достаточно, чтобы опровергнуть раздѣленіе на семитовъ и индо-европейцевъ въ духовно-антропологическомъ отношеніи и лишитъ «антисемитизмъ» всякаго научнаго базиса, что составляетъ «главную цѣль» моего труда.

Это же обстоятельство оправдываетъ меня и относительно остальныхъ замѣчаній рецензента: 1) Имѣя въ виду противодѣйствіе антисемитизму, я старался сдѣлать мое сочиненіе по возможности болѣе доступнымъ и удобнымъ для нееврейскихъ читателей, чуждающихся еврейскаго шрифта. Подобно сему принято у русскихъ филологовъ передать санскритскія и даже греческія слова болѣе доступными и общезвѣстными латинскими буквами. 2) По той же причинѣ попали въ мое сочиненіе нѣкоторыя цифровыя

указанія главъ и стиховъ: (въ особенности изъ псалтира), не согласныя съ принятыми въ еврейскихъ изданияхъ распредѣленіемъ (извѣстно, что это распредѣленіе не имѣетъ никакого историческаго авторитета, а установлено издателемъ конкорданція въ XV столѣтіи), а соответствующія издания Библии на европейскихъ языкахъ. Такъ извѣсто приведенныя рецензентомъ указанія Пс. 32, 9 и 115, 1 по еврейскимъ изданиямъ слѣдуетъ указать Пс. 33, 9 и 116, 1.

Н. Варшавскій.

По поводу замѣтки г. Варшавскаго. Въ своемъ отзывѣ о книжкѣ г. Варшавскаго мы замѣтили, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ книжка эта не лишняя и можетъ имѣть нѣкоторое значеніе въ качествѣ, скромнаго матеріала для сравнительнаго языковѣднія. Не то мы должны сказать о помѣщенной выше замѣткѣ г. Варшавскаго: это ужь совершенно лишняя вещь, и авторъ, по вашему мнѣнію, не имѣлъ никакой надобности написать ее. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣетъ жалоба автора, что мы «не сообразили главной *тенденціи* его труда, заключающейся въ лишеніи антисемитизма научной почвы?» Вѣдь задача добросовѣстнаго рецензента заключается не въ разглагольствованіяхъ о тенденціи автора, а въ разборѣ тѣхъ фактовъ, которые приводятся въ доказательство этой тенденціи. Мы это и сдѣлали и нашли въ общемъ, что факты приводимые авторомъ, хотя и интересны сами по себѣ, но для доказательства основной мысли не безусловно убѣдительны. Да и самую основную мысль автора мы, кажется, достаточно ясно очертили въ началѣ отзыва (тамъ сказано: «Авторъ имѣетъ въ виду доказать неосновательность мнѣнія объ антропологическомъ различіи между семитами и индо-европейцами» etc). А вѣдь «лишеніе антисемитизма научной почвы» входитъ въ составъ этой мысли,—такъ изъ-за чего же тутъ спорить?

О силѣ доказательности лингвистическихъ сравненій вообще для выводовъ социальна-психологическихъ мы высказались нерѣшительно и признали, что это—сложный вопросъ, остающійся еще открытымъ. Слѣдовательно, ссылка на авторитетныя изслѣдованія ориенталистовъ въ замѣткѣ г. Варшавскаго по меньшей мѣрѣ неуцѣбно.

Единственное, что имѣетъ нѣкоторый *raison d'être* въ замѣткѣ г. Варшавскаго, это—его оправданіе по поводу отсутствія въ его книжкѣ еврейскихъ текстовъ и встрѣчающихся въ ней неточныхъ цифровыхъ указаній,—но для такихъ мелочей стоило-ли огородъ городать?

С. И.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ХАСИДИЗМА. Жизнь и дѣятельность Израаля Беш-та С. М. Дубнова 3
- II. ПОЦѢЛУЙ. Разсказъ. (Продолженіе). С. Ф. Яромшевскаго. 22
- III. ЕВРЕИ ВЪ ЕВРОПѢ. Лекція, читанная въ мюнхенской академіи наукъ. Профессора І. Фольд-Деллингера 49
- IV. ДИСПУТЪ. Фантастическая поэма въ стихахъ. (Окончаніе). С. Г. Фруга. 67
- V. СТАРАЯ МОШКОВА. Очеркъ Михаила Балуцкаго. Переводъ А. Н. Онуфровича. 75
- VI. КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕКВЪ ВЪ РОССИИ. По поводу второго изданія изслѣдованія Н. Д. Градовскаго: «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ иврѣ». П. М. Лякуба. 94
- VII. СЪМЯ ВРАЖДЫ. (Фантазія). Стихотвореніе. Павла Попова 104
- VIII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Петра Вейнберга. Съ призываніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).
- СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.
- IX. ЕВРЕЙСКО-НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КИШИНЕВѢ И ОДЕССѢ. (Къ 50-ти лѣтнему юбилею 1-й еврейской школы въ Кишиневѣ). А. Люна. 1
- X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ ПО РЕНАНУ. (Histoire du peuple d'Israël par Ernest Renan. Tome

premier, deuxième édition, Paris, Calmann Levy, 1887). КРИТИКУСА. 11

XI. ВЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА. Критический обзоръ беллетристическихъ произведений Л. О. Леванды. А. Волынского. 25

XII. БИБЛИОГРАФІЯ:

1) תולדות ארץ ישראל, т. в. *Триумирайтъ*, Разсказъ съ приложеніемъ двухъ сатирическихъ статей Сочиненіе *Н. Бейлина*. Бердичевъ, 1887. 44

2) *Das Wort, welches I. Rabinowitsch hat gepredigt in Gottshaus «Beth Lechem» in Kischinew, den 17 Oktober 1887.* (Слово, произнесенное I. Рабиновичемъ въ молельнѣ «Вилексъ», въ Кишиневѣ, 17 октября 1887 г. С. М. 45

XIII. ЗАМѢТКИ;

I. По поводу одной статьи въ «Русской Мысли». I. *Lippert*: «*Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau*». «Новая попытка органическаго построения исторіи человѣческой культуры». Статья П. О. Н., «Русская Мысль», май 1888 г. С. 6. 46

II. По поводу рецензій сочиненія «Еврей и Славяне». И. Варшавскаго. 50

ученыхъ Испаніи, и онъ такой, какой получается изъ Торы и Талмуда. Вашихъ свѣтскихъ наукъ я не знаю. Слава и хвала Господу за то, что онѣ мнѣ чужды, что Онъ сохранилъ меня отъ нихъ». Сила Ашера заключалась въ Талмудѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которому была также посвящена вся его дѣятельность. Кромѣ тосафистическихъ глоссъ почти во всѣхъ трактатахъ Талмуда и недошедшихъ до насъ библейскихъ коментаріевъ, Ашеръ составилъ также обширный сборникъ отвѣтовъ; главный же его трудъ—компендіумъ Талмуда, обыкновенно называемый по имени автора «Ascheri»,—сочиненіе, которое совершенно основательно можетъ считаться заключительнымъ сводомъ религіознаго законодѣнія по порядку талмудическихъ трактатовъ, и руководствомъ для котораго, при принятіи въ соображеніе всѣхъ предшествующихъ работъ, точно также какъ и тосафистическихъ, служатъ преимущественно рѣшенія Алфаси. Но этотъ гордый человѣкъ, говорившій о себѣ: «Слава Богу! пока я живу, не погибло еще св. ученіе во Иранѣ!»—этотъ самый человѣкъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось этого же ученія, очень смиреннымъ и въ завѣщаніи сыну оставилъ ему цѣлое сокровище этическихъ указаній, которое и по прошествіи значительнаго количества времени могло приводиться въ образецъ. Тутъ говорится между прочимъ: «Не спи подобно лѣнливому, вставай съ солнцемъ и съ первой пѣсней птицы... Не возвышайся гордо надъ людьми, оставайся лучше прахомъ, который поизрается всѣмъ. Не говори съ жестокою надменностью, будь не упрягъ, а богобоязненъ... Не стремись къ суетной славѣ одерживанія верхъ надъ мудрецовъ... Оставайся благодаренъ всякому, помогшему тебѣ заработать хлѣбъ; будь искрененъ и правдивъ относительно всякаго, хотя и не еврея; всякому, безъ различія вѣры, кланяйся первый... Молитва есть внутреннее богослуженіе; будь при ней набоженъ, но высказывай въ слухъ слова ея, чтобы ты самъ слышалъ себя молящаго».

Что касается до борьбы, интересовавшей общины Испаніи и южной Франціи, то Ашеръ б. Іехіель, какъ уже замѣчено, былъ желаннымъ союзникомъ набожной партіи, отъ котораго она нигдѣ основаніе ожидать значительнаго вліянія на еще колебавшагося бенъ Адерета, но который внесъ также въ движеніе, сперва направленное собственно только противъ рационалистическихъ увлеченій отдѣльныхъ лицъ, новый элементъ—осужденія вообще философіи и наукъ. «Особенно благоприятно то обстоятельство—воскликаетъ Абба Марі—что именно теперь заключили между со-

бою союзъ обѣ свѣтлыя звѣзды: Ашеръ б. Іехиель и Соломонъ б. Адереть; ихъ совѣстная дѣятельность должна привести къ чуднымъ результатамъ!»

Но первое предложеніе, сдѣланное Ашеромъ въ этомъ случаѣ, оказалось къ удивленію посреднической попыткой. Онъ предложилъ именно созвать синодъ, на которомъ представители обонхъ направленій посоветовались бы, какими образомъ дѣлесообразно примирить свои взаимныя воззрѣнія и требованія. Предложеніе это конечно не имѣло успѣха въ этомъ періодѣ борьбы, когда умы были уже разгорячены и раздражены. Въ напротивъ того требовали окончательнаго рѣшенія, и оно казалось неотложнымъ. По всей странѣ разбѣжжали посланные, призывавшіе общины къ принятію участія и дѣйствительно склонившіе къ тому многія изъ нихъ; одинъ изъ самыхъ видныхъ провансальскихъ дѣятелей, *Наси Калонимъ б. Тодросъ* въ Нарбоннѣ, былъ тоже привлеченъ въ эту партію; Абба Мари принималъ все болѣе и болѣе вызывающій тонъ и даже устроилъ въ синагогѣ Монпелье демонстрацію. Наконецъ престарѣлый бенъ Адереть, еще до послѣдней минуты увѣрявшій въ одномъ письмѣ къ Іакову б. Махиру—что онъ чтитъ и любитъ Маймуни и его семью, не могъ далѣе сопротивляться обращающимся къ нему со всѣхъ сторонъ настояніямъ его партіи. Не дожидаясь разрѣшенія провансальскихъ риввиновъ, онъ въ одну изъ субботъ 1305 г. произнесъ въ барселонской синагогѣ отлученія противъ всѣхъ, которые раньше достиженія двадцатипятилѣтняго возраста изучаютъ физику и метафизику по греческимъ сочиненіямъ, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ. Только медицину пощадилъ этотъ приговоръ, выданный на пятьдесятъ лѣтъ и дѣйствіе котораго простиралось такимъ образомъ не только на писанія Абба Маре, Леви б. Авраама и т. п., но и на философскія сочиненія Маймуни. Постановленіе бенъ Адерета было разослано, съ присодиненіемъ торжественныхъ увѣщаній, въ общины Испаніи, Франціи и Германіи, но не имѣло желаннаго успѣха. Противная партія въ Монпелье какъ-то провѣдала во-время объ этомъ рѣшительномъ ударѣ и съумѣла искусно отпарировать его, распространивъ повсюду слухъ, что отлученіе направлено преимущественно противъ Маймуни, и вѣсть съ тѣмъ выхлопотавъ себѣ дозволеніе начальства произнести и съ своей стороны отлученіе. Этому послѣднему подвергались всѣ тѣ, которые по религіознымъ соображеніямъ удерживали своихъ сыновей отъ изученія наукъ, или относились непочтительно къ Маймуни и призывали религіознаго писателя еретикомъ только вслѣдствіе его философскаго мышленія.

Такъ враждовали между собой обѣ партіи, дѣйствуя одна противъ другой отлученіями, и помнятъ, что каждая старалась вербовать себѣ какъ можно больше приверженцевъ. Все живленіе и страстиѣ становилась перемика, особенно между Барселоню и Монпелье; Амьеръ б. Іезиль даже заявляетъ изъ Толедо, что бенъ-Адеретовскоѣ отлученіе представляется ему недостаточнымъ въ той формѣ, въ какой оно постановлено, ибо по его личному убѣжденію и установленіе границы возраста для изученія философіи рѣшительно неумѣстно, такъ какъ занятіе «свѣтскими науками» слѣдуетъ запретить вообще и во всякомъ возрастѣ. Напротивъ того, одинъ молодой поэтъ, о которомъ еще будетъ у насъ рѣчь, *Исаид Пеннини*, въ блистательной защитительной статьѣ высказывается безусловно за философское направленіе, и это пламенное, аналогическое посланіе, повидному, произвело въ общинахъ южной Франціи глубокое впечатлѣніе. «Мы не можемъ расстаться съ наукой, — страстно восклицаетъ молодой поэтъ, — она дыханіе нашей жизни. Если бы даже самъ Іисусъ Наванъ запретилъ намъ заниматься ею, мы не могли бы послушаться его. Ибо мы имѣемъ человека, стоящаго выше всѣхъ насъ — Маймунн, который открылъ намъ науку и поселилъ въ насъ любовь къ ней. Да, мы готовы пожертвовать за нее нашею жизнью, нашими дѣтьми и нашими ниществомъ!»

Но среди этой борьбы партій внезапно, точно громовой ударъ, разразилось событіе, прашедшее навѣтъ и быстро положившее конецъ волненію внутри: постановленіе Филиппа IV объ изгнаніи евреевъ изъ Франціи. Въ 1306 г. имъ пришлось покинуть эту прекрасную страну. Абба Мари отправился въ Арль, потомъ въ Пераньянъ, — но о возобновленіи спора уже не было и рѣчи, тѣмъ болѣе, что четыре года спустя, умеръ Саломонъ б. Адеретъ.

Если объ исходѣ борьбы слѣдуетъ судить по результатамъ ея, то надо признать, что талмудическое направленіе, съ этихъ поръ удерживавшее за собою перевѣсъ, вышло побѣдителемъ. Склонность къ занятію философіей все болѣе и болѣе ослабѣвала; во временахъ видны были еще послѣдніе проблески стараго духа въ Испаніи, но скоро и тамъ все смолкло и стѣнѣло. Въ другихъ странахъ Діаспоры борьба прекратилась уже раньше, какъ, напр., на востокъ и въ Италиі, въ нынѣ даже совѣтъ не проникла, напр., въ сѣверную Францію, Германію и славянскія страны, насколько эти послѣднія вообще могутъ быть принимаемы въ соображеніе въ этомъ періодѣ.

Отдѣльные фазисы борьбы были почти всѣдѣ одни и тѣ же, и въ то самое время, когда въ Испаніи и южной Франціи сражались противъ философіи и ея представителей, въ сущности же главнымъ образомъ противъ направленія Маймуни, на востокѣ также агитировалъ посланный нѣмецкими тамудистами *Саломонъ Петитъ*, выступившій съ циркулярнымъ посланіемъ противъ «Mogeh», и тамъ также признавали необходимымъ произнести отлученіе всѣмъ, занимающимся этики науками.

Но движеніе на востокѣ было сдержано и остановлено преимущественно въ самихъ общинахъ внукомъ Маймуни, равно какъ и экзиларіонъ дамаскинъ, Ишан б. Хискіа, и поддержкою, оказанною испанскими и итальянскими учеными. Изъ итальянцевъ главное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ *Гиллель б. Самуилъ* (1250 г.). Онъ выступаетъ первымъ представителемъ привнесенныхъ имъ въ Испанію идей въ Италію, гдѣ въ XIII столѣтіи начала развиваться болѣе свѣжая умственная жизнь. Онъ пламенный поклонникъ Маймуни, и сдѣланное имъ объясненіе 25 предварительныхъ вопросовъ во второй части «Mogeh» свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о мыслящемъ и вѣрующемъ философѣ, который очень бы жалалъ согласить традицію съ наукою. Кромѣ того онъ врачъ и медицинскій писатель, переведшій съ латинскаго на еврейскій языкъ Хирургію Вруно ди Лунгобурго и другія сочиненія, написавшій, кромѣ книги «De causis», труды Фома Аквинскаго и Эджидіо делье Колонне. Но только въ позднѣйшее время, послѣ того какъ сдѣлалось болѣе извѣстнымъ его главное сочиненіе «Tagmule Hanefesch» (Вознагражденіе Души) по вопросу о человеческой душѣ и вознесдіи, оцѣнили значеніе этого ученаго, какъ бойца за научныя идеи и какъ изслѣдователя въ области философіи, который первый обнаружилъ близкое знакомство съ христіанскими источниками и первый перевелъ съ латинскаго на итальянскій одно философское сочиненіе. Вышеупомянутый трудъ о вознесдіи раздѣляется на двѣ части, въ которыхъ первая разсуждаетъ о существованіи и сущности души, вторая же мнѣетъ предметомъ награду и наказаніе въ загробной жизни, рай и адъ по философскому воззрѣнію того времени, какъ символы идей.

Особенный интересъ для характеристики борьбы между философіею и традиціею представляетъ переписка Гиллеля б. Самуила съ папскимъ лейб-медикомъ *Мазетро Исаакомъ Гаіо* и жившимъ также въ Римѣ еврейскимъ философомъ *Зерахіа б. Исаакомъ б. Шеальтіелемъ* изъ Барцелоны,—переписка, которая также сдѣлалась извѣстною только въ новое

время. Зерахія б. Исаакъ былъ хорошо знакомъ съ философією Аристотеля и энергически, не допуская никакихъ компромиссовъ съ Гаггадо, боролся за рационалистическое направленіе. Его экзегетическіе труды, — изъ которыхъ, къ сожалѣнію, сохранились только комментаріи къ «Іову» и «Притчамъ», — стоятъ рѣшительно на сторонѣ того либеральнаго воззрѣнія, которое старалось объяснять чудеса Библии естественнымъ путемъ. Вслѣдствіе этого авторъ былъ вовлеченъ въ ученый споръ съ набожнымъ Гиллелемъ. На попытки этого послѣдняго кое-какъ согласить свободное изслѣдованіе съ вѣрою въ чудеса, Зерахія иронически замѣчаетъ ему: «Если такъ, то возвратись въ страну отцовъ; укутайся въ молитвенный плащъ, читай истинныя сочиненія «Sefer Iezirah», «Schiur Komah» и т. п. и чуждайся трудовъ по естественнымъ наукамъ и философіи!»

Такая насмѣшка подѣйствовала на Гиллеля тѣмъ тягостнѣе, что ему и безъ того уже не легко было выдерживать борьбу съ нападавшими на Маймуни. Поэтому онъ обратился съ письмомъ къ другому видному члену, котораго хотѣлъ склонить на сторону маймуновскаго ученія, и къ Давиду Маймуни, которому онъ предложилъ созвать синодъ, гдѣ устроился бы диспутъ самыхъ выдающихся ученыхъ востока съ противниками философіи. Но и это предложеніе, какъ всѣ посредническія попытки въ этомъ ожесточенномъ спорѣ, не нашло себѣ отклика, и на востокѣ, точно также какъ это было на западѣ, дѣло ограничилось борьбою посредствомъ взаимныхъ отлученій, съ тою только разницею, что на востокѣ одержала и сохранила за собою на послѣдующее время побѣду партія маймуновская.

Въ самой Италіи споръ, повидному, не переходилъ за предѣлы литературныхъ диспутовъ, въ родѣ вышеупомянутыхъ. Религіозная жизнь и научная не достигли еще тамъ достаточнаго развитія для того, чтобы вызвать страстный обмѣвъ мнѣній, а ужъ подавно и борьбу. Кромя вышеупомянутыхъ двухъ философовъ, Гиллеля и Зерахія, работали въ Италіи всего нѣсколько переводчиковъ, имена которыхъ намъ придется еще называть въ связи съ другими родственными этимъ стремленіями.

Представителемъ талмудизма въ Италіи былъ въ эту пору *Исаія-де-Мали Старшій*, изъ Трани (1250 г.), котораго тосафистическія глоссы и новеллы къ различнымъ трактатамъ Талмуда свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о выдающемся изслѣдователѣ закона. Для Италіи онъ имѣлъ такое же руководящее значеніе, какимъ пользовались первые талмудическіе учителя Діаспоры. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ одинъ изъ плодovitѣйшихъ талмудическихъ

писателей средневековой эпохи, съ рѣдкою ясностью распоряжающійся своимъ матеріаломъ, избѣгающій всякой безусловной вѣры въ авторитеты, обнаруживающій рѣдкое вниманіе критики текста и не чуждающійся при этомъ наукъ. Ему или одновременному внуку его приписываются также различные экзегетическіе комментаріи къ книгамъ Судей, Самуила, Іова, къ Притчамъ, которые получили нѣвѣстность какъ первое итальянско-еврейское объясненіе Библии. Въ книгѣ видно стараніе подражать Рамби, котораго и Исаія-де-Мали, и внуку ставятъ особенно высоко и почитаютъ больше, чѣмъ всѣхъ французскихъ и испанскихъ ученыхъ, съ которыми, впрочемъ, они близко знакомы. Младшій современникъ послѣдняго—*Цидкиа б. Авраамъ*, тоже жившій во второй половинѣ XIII столѣтія въ Римѣ; его талмудическіе компендіумы о ритуальныхъ законахъ, «*Schibbole Haleketh*» (Снятые колосы) частью напечатаны и перешелъ въ позднѣйшее анонимное сочиненіе «*Taniah*» (учили, преподавалъ). Но значительнѣе этого, многими эксплуатировавшагося сочиненія, слѣдуетъ признать «*Sefer Hategumoth*» (Книга начатковъ) *Самуила б. Исаака*, прозваннаго Гасарди, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Сардиніи. Какъ ученникъ Намани, онъ составилъ въ его духѣ кодексъ талмудическаго гражданского права въ полномъ его объемѣ, трудъ, который между систематическими сочиненіями о Талмудѣ занимаетъ почетное мѣсто и сдѣлался основаніемъ для позднѣйшихъ, получившихъ большое значеніе кодексовъ.

Четвертый компендіумъ, относящійся приблизительно къ тому же времени, заслуживаетъ особаго упоминанія еще потому, что въ немъ справедливо признали «первое еврейское собраніе проповѣдей». Это книга «*Natadir*» (Постоянный), сочиненіе *Моисея б. Якушиелла де Россси*, собственно сводъ обрядовыхъ законовъ, но заключающій также въ себѣ нравственные правила, поученія, философскія изслѣдованія, а равно и относящіяся къ уходу за здоровьемъ, напр., поминаніе дней, пригодныхъ для кровопусканія, при этомъ еще, сообразно духу времени, свѣдѣнія астрономическія, астрологическія, предсказанія погоды» и т. п. Въ этотъ же сборникъ включено другое моральное сочиненіе валерискаго врача *Ахитуба* подъ заглавіемъ «*Корзина*». «Лежащая въ основаніи этого сочиненія и упоминающая Божественную Комедію Данта идея придумана ве душно, но выполненіе неудовлетворительно». Значительною производительностью отличался и братъ Цидкии б. Авраама, *Веніаминъ б. Авраамъ* (1300) г. изъ фамиліи Анавимъ (*degli Mansi*), авторъ религиозныхъ пѣ-

сень, морально-дидактическаго стихотворенія «Scha'are Ez Haehajjim» (Врата древа жизни), состоящаго изъ 63 строфъ, каждая изъ которыхъ оканчивается словомъ Chajjim (жизнь) и воспѣваетъ какую нибудь добродѣтель или какой нибудь порокъ, а также книги «Massah Gei Chisajjon» (Предсказаніе о долині Отверженія), одного изъ лучшихъ сатирическихъ произведеній среднихъ вѣковъ. Одноименный съ нимъ писатель, *Веніаминъ б. Исуда*, изъ той же фамиліи въ Римѣ, пользовался значеніемъ, какъ толкователь Библии. Его комментаріи къ агиографамъ имѣютъ въ виду исключительно простой смыслъ словъ, въ противоположность экзегетическихъ работамъ его современниковъ, которыя всѣ отличаются почти исключительно гомилетическимъ характеромъ. Веніамана (Бодеко) современники прославляютъ сверхъ того, какъ «отца всѣхъ ученыхъ въ области математики». Въ Римѣ жилъ въ это же время *Iehielъ б. Iekutiель*, также принадлежавшій къ фамиліи Аनावитъ, авторъ прекрасной моральной книги «Ma'aloth Hamiddoth» (Преимущества прекрасныхъ качествъ), въ которой уроки морали искусно подкрѣпляются доказательствами, взятыми изъ гагадической письменности. Изложеніе здѣсь «теплое, занимательное и оживленное многочисленными иѣткими изреченіями». Важнѣйшимъ пунктомъ своей этики Iehielъ признаетъ «хорошій образъ жизни».

За предѣлы талмудическихъ изслѣдованій съ одной стороны, а съ другой—переводческой дѣятельности вѣстѣ съ рационалистическимъ объясненіемъ Библии, какимъ оно самымъ явственнымъ образомъ выражается въ трудахъ Іакова б. Аббамаре,—за эти предѣлы умственная жизнь Италіи того времени едва-ли переходила. Конецъ тринадцатаго столѣтія и начало четырнадцатаго ознаменовались здѣсь, какъ и во всей Европѣ, общими упадкомъ силъ—результатомъ долговременнои борьбы, умственною ампатіей, какъ необходимою снѣною усиленнаго оживленія, которое поддерживало эта же борьба въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Всѣ эти явленія сдѣлали почву пригодною для того теченія, которое уже также столѣтіе назадъ вышло изъ своего узкаго русла и разлилось на огромное пространство,—теченія, которое потомъ всюду, гдѣ высоко вѣдѣвавшіе умы возвращались усталые въ область мышленія, предлагало себя къ ихъ услугамъ, чтобы съ высоты мысли низвести ихъ въ глубину чувства,—для *мистики!*

К а б б а л а .

Если мы прослѣдимъ путь того мощнаго теченія, которое несетъ съ собою мистику, начиная отъ самаго перваго источника его, то этииъ пер-

вытъ источникомъ окажутся тѣ двѣ главы Вибліи, которыя повѣствуютъ о сотвореніи міра и величіи Бога. Въ нихъ обнѣтъ изъ рамокъ неизмѣнной закону и исторіи Вибліи восходится къ происхожденію самихъ вещей. Вотъ почему, когда въ Александріи встѣрилиса между собою греческая философія, халдейское или египетское суевѣріе и еврейское богословіе, обнѣ сдѣлались предметомъ философскаго обсужденія, а затѣмъ и остались таковыми, когда мыслительная работа Талмуда закончилась, и въ русло еврейской литературы вошло новое теченіе,—остались въ Палестинѣ, гдѣ эссеены практиковали свое мистическое ученіе, а равно и въ Вавилонѣ. Въ это-то время возникло сочиненіе, выработавшее космополитическую философію еврейства въ систему «Sefer Iezirah», въ которую тайна мирового порядка изображена числами и буквами.

Эта книга сдѣлалась основаніемъ цѣлой литературы. Въ позднѣйшихъ Мидрашахъ, псевдо-эпиграфическихъ писаніяхъ и многочисленныхъ комментаріяхъ къ «Sefer Iezirah», мысли этой послѣдней развивались, толковались и принимали болѣе грубый характеръ. Во многихъ изъ этихъ сочиненій къ теозофіи присоединяются уже суевѣріе, хиромантия, магія и демонологія, нашедшія себѣ оному даже и въ Талмудѣ. Этотъ родъ мистической теозофіи имѣлъ постоянно своихъ приверженцевъ и дѣятелей. Къ ней обращались иногда и значительные мыслители, наприкуръ Саломонъ Габриоль, а соверщательная набожность Вахія ибнъ Пакуды, Исуды Галови и т. н., равно какъ астрологическое суевѣріе людей въ родѣ ибнъ Ээри, давали ей новую пищу. Только Маймуни стоятъ совершенно вдали отъ нея и относятся къ ней рѣшительно враждебно *. Мистическому погруженію въ космогоническія и теозофическія теоріи, астрологической игрѣ числами, набожной соверщательности, этому всему, находившему себѣ оному въ неоплатонизмѣ, Маймуни противопоставилъ въ еврействѣ аналитическую систему чистаго мышленія, которую однако его ученики превратили въ плоскій раціонализмъ.

Рѣзкою противоположностью этому раціонализму, дѣлавшему изъ образовъ Вибліи философію слепны и чистыя отвлеченности, выступила мистика. Не во всѣхъ столѣтіяхъ подъ рядъ можно прослѣдить ея теченіе. Отъ первыхъ временъ ея возникновенія до времени Маймуни оно скрывается въ

* Въ новѣйшее время доказано, что и до Маймуни вавилонскіе гаоны были противниками мистики и что Маймуни слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру гаоновъ и опирался на ихъ авторитетъ.

глубокой тьмѣ; только въ началѣ тринадцатаго столѣтія снова выходитъ оно наружу, и затѣмъ разрастается все больше и больше въ громадный потокъ, который скоро наводняетъ всѣ области литературы и производитъ въ нихъ величайшія опустошенія. Какъ повсюду, такъ и въ еврействѣ, мистика приняла наслѣдіе великой поры и составила основную черту эпохи, въ которую образованіе понизилось, умственная дѣятельность ослабѣла. Въ такое время мистика должна была встрѣтить дружественный пріемъ, какъ рѣзкая реакція противъ односторонняго философскаго направленія разума. Этимиъ объясняется пріобрѣтенная мистикою сила и въ христіанскомъ мірѣ тринадцатаго столѣтія, гдѣ она обваружилась въ явленіяхъ, аналогическихъ съ еврейскими, и точно съ такими же симптомами. Имѣютъ ли всѣ эти направленія одинъ и тотъ же источникъ, или источники ихъ различны—это до сихъ поръ остается неразрѣшенной загадкой. Одни приписываютъ рѣшающее вліяніе на развитіе мистики восточной теозофій, другіе—парсизму, третіе—халдеямъ и грекамъ. Одни находятъ ея колыбель въ Египтѣ, другіе переносятъ время ея рожденія даже въ патріархальный вѣкъ и доказываютъ, что она рядомъ съ монсеевскою традиціею идетъ путемъ устной передачи, какъ активное тайное ученіе. Но всѣ эти мѣтнія лишены достаточнаго историческаго основанія, и ни одному изъ нихъ не удалось объяснить происхожденіе мистическаго ученія—каббалы, которая внезапно и разомъ выступила на сцену, какъ умственная сила. И совершилось это именно въ Провансѣ, гдѣ въ противоположность христіанской схоластикѣ выработалось одновременно съ нею направленіе, поставившее на первый планъ непосредственную вѣру и создавшееся въ вѣрѣ и любви общеніе Бога съ человѣкомъ, и гдѣ также и въ еврействѣ впервые зашла рѣчь объ ученіи каббалы, ученіи, которое далеко зашло за предѣлы мистики гаонскаго періода, находившей даже въ «Книгѣ Сотворенія» рационалистическую подкладку, и должно быть строго отъ нея отличаемо.

Авраамъ б. Давидъ, воинствующій и ученый раввинъ Нима, главныя же образованія его сынъ, слѣпой *Исаакъ*, считаются первыми дѣятелями или воскресителями этого ученія. Учителемъ Авраама б. Давида называютъ какого-то *Іакова Назира*, жившаго въ двѣнадцатомъ столѣтіи, и отсюда нить мистической традиціи тянется все вверхъ, доходя до пророка Ілии и патріарха Авраама. Слепота Исаака уже въ слѣдующемъ столѣтіи славятъ какъ творца каббалы, первымъ поводомъ къ созданію которой была повидному потребность толковать антропоморфическую Гаггаду бук-

важно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы это объясненіе было допускаемо. Ученіе Исаака называютъ «глубокимъ и чистымъ»; онъ разработалъ числовую систему Сефирота, впервые нашедшую себѣ мѣсто въ *Sefer Iezirah*, и провозгласилъ идею метемпсихозы. Главѣйшими его учениками и представителями каббалистическаго ученія въ первомъ помануйновскомъ столѣтіи считаются *Эзра* и *Азріель*, которыхъ тоже признаютъ за одно лицо и которые также, по мнѣнію нѣмцъ, были учителями Нахмани въ Каббалѣ. Одному изъ этихъ двухъ приписывается комментарий къ десяти Сефиротъ, гдѣ каббалистическія идеи впервые были изложены въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ.

По его объясненію, главные пункты каббалы составляютъ понятія о *En Sof* (безконечномъ) и *Sefiroth*—понятія, которыя до тѣхъ поръ въ этомъ видѣ были чужды еврейской письменности. Первое изъ нихъ, заимствованное изъ неоплатонизма, хотя и сильно настаиваетъ на атрибутахъ отрицательныхъ, но все таки предполагаетъ существованіе трехъ свойствъ: абсолютнаго совершенства, всеединичности и неизмѣнимости, изъ которыхъ среднее, заключающееся въ томъ, что нѣтъ ничего внѣ Бога, т. е. что все въ немъ, ведетъ къ заключенію, что такимъ образомъ и міръ долженъ необходимо быть въ немъ. Но такъ какъ міръ съ одной стороны имѣетъ много недостатковъ, съ другой же—устроенъ руководимою разумомъ творческою волею, то въ немъ нельзя видѣть непосредственное созданіе *En Sof* (т. е. безконечнаго). Должно допустить—и такъ какъ развитая Габирелемъ неоплатоническая идея—существованіе разумныхъ субстанцій между Богомъ и міромъ—*Sefiroth*, существъ, занимающихъ средину между совершеннымъ Богомъ и несовершеннымъ міромъ, отдѣлившись отъ *En Sof* посредствомъ эманации. Число этихъ сефиротъ по Азріелю, а также и позднѣйшей каббалѣ, десять; но имена ихъ у различныхъ писателей различны. Толкованіе этихъ именъ терзается уже въ глубокихъ безднахъ каббалы, куда глазъ изслѣдователя не можетъ слѣдовать за ними.

Но рядомъ съ этимъ каббалистическимъ теченіемъ, по еврейской литературѣ той эпохи—подобно тому, какъ весной рѣка раздѣляется на двѣ крупныя струи—проходитъ еще одно мистическое теченіе, которое можно скорѣе признать продолженіемъ гаонской мистики и которое родилось, быть можетъ, въ Германіи, но своимъ происхожденіемъ обязано страданіямъ и преслѣдованіямъ евреевъ въ этой странѣ.

Еще были живы въ Германіи, Вогеміи и Австріи послѣдніе тоссафисты

или изъ ученики, и талмудизмъ находилъ себѣ въ этихъ мѣстностяхъ ревностныхъ приверженцовъ и дѣятелей. Но плачевное политическое и общественное положеніе евреевъ въ Германіи не позволяло имъ работать и учить въ духѣ ихъ собратьевъ въ романскихъ земляхъ. Единственное утѣшеніе находили они поэтому въ самой суровой строгости и въ погруженіи себя въ слово Божье. Религіозная строгость германскихъ евреевъ вошла въ Діаспорѣ въ половицу, и они часто выставлялись, какъ образецъ, менѣе набожными единовѣрцамъ Испаніи и Прованса. Но глубокое погруженіе въ духъ первобытныхъ временъ съ другой стороны вызвало мистическое направленіе, которое оказывается поразительно родственнымъ съ аналогическими явленіями въ христіанской церкви, такъ что нельзя не признавать справедливымъ мнѣніе, что умственными направленіями послѣдователей той и другой религіи никогда, быть можетъ, не были такъ родственны между собою и такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ въ тринадцатомъ столѣтіи,—тогда именно, въ которомъ они въ практической жизни наиболѣе враждовали между собою и были отдѣлены одно отъ другаго глубочайшею бездной.

Это родство обнаруживается въ личности и воззрѣніяхъ человѣка, возвеличеніемъ котораго съ особенною любовью занималась легенда—*Иегуда Гахасида* (Благочестиваго), жившаго въ Регенсбургѣ къ концу двѣнадцатаго и началу тринадцатаго столѣтія. Онъ вѣроятно первый вывелъ теософію въ Германіи на новый путь, мало похожій на тотъ, по которому каббала пошла въ Испаніи. Мистическое направленіе его имѣло источникомъ не оппозицію противъ философіи, которая вѣдь была почти чужда вѣмечамъ евреевъ, а личную житейскую скорбь и страданіи, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя. Таинств. образомъ Іегуда Благочестивый выработалъ себѣ собственное мировоззрѣніе, въ которомъ нельзя даже не видѣть нѣкотораго рода оппозиціи противъ преобладавшаго талмудизма. «Преданный своему идеалу познанія и набожности, онъ въ жизни и мышленіи далеко превосшелъ своихъ современниковъ». Его изреченія и взгляды были въ послѣдствіи собраны и изданы подъ его именемъ; на сколько при этомъ пострадала первоначальная редакція, рѣшить трудно. Несомнѣнно то, что взгляды, составляющіе фундаментъ его мировоззрѣнія, отличны отъ взглядовъ его современниковъ, которыхъ онъ не боится порицать за слишкомъ ревностное занятіе Талмудомъ и съ которыми рѣшительно расходится во многихъ вещахъ, даже въ тѣхъ, что входятъ въ область религіозной практики. Выше опирающейся на галахическіе источники строгой ортодоксальности

онъ ставить любовь къ Богу и погруженіе человѣка въ Его святія тайны— «страстную любовь къ Богу христіанской мистики»,—признавая ихъ несравненно важнѣе практической набожности. «Обнаруживать самое благородное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, самое высшее въ дѣйствіяхъ еврея, отыскивать въ намекахъ и указаніяхъ священныхъ книгъ самую глубокую истину»—въ этомъ находятъ цѣль стремленій его глубокаго и чистаго ума, въ которомъ представляются слитыми воедино «поэтическое, нравственное и божественное». Изъ сочиненій его, которыя, какъ уже сказано, сохранились только въ обломкахъ, упоминаются преимущественно «Sefer Hakabod» (Книга о небесной славѣ) и главнымъ образомъ — въ послѣдствіи цѣнившаяся очень высоко «Sefer Nachassidim» (Книга благочестивыхъ). «Возвышенное и мелочное, прекрасное и отталкивающее переищено здѣсь одно съ другимъ; драгоценныя камни, сверкающіе чудными блесками, лежатъ засыпанные пылью, зерна золота разсыпаны въ грязи и пещѣ, благоухающіе цвѣты, вырастаютъ изъ мусора и гнили, картина самой свѣжей жизни является рядомъ съ образомъ тлѣнія и смерти». Но основную черту книги составляетъ любовь къ Богу и людямъ; и потому-то къ ней совершенно идетъ заглавіе «Книга благочестивыхъ». Ея авторъ—ибо таковыми мы должны безусловно признавать Іегуду Гахасидъ—самъ до такой степени проникнутъ и восторженно охваченъ этой любовью, что придаетъ ей первенствующее значеніе во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ и во всѣхъ вопросахъ вѣры. Отъ всего этого сочиненіе его производитъ странное впечатлѣніе: рядомъ съ нѣжнѣйшими аккордами чистой любви и благородной человѣчности раздаются глухіе звуки глубочайшаго суевѣрія и съ отчаяніемъ смотрящей на міръ мистики, которой Іегуда Гахасидъ отдаетъ тѣло и душу. Принирить эти два, столь рѣзко противоположныя одно другому направленія, можетъ только этическое мировоззрѣніе автора. На счетъ отношеній человѣка къ Богу и людямъ, еврея къ христіанину, дѣтей къ родителямъ, «Книга благочестивыхъ» даетъ совѣты, полныя чистѣйшей нравственности и идеальности,—изъ коихъ мы приведемъ нѣсколько для характеристики всего сочиненія:

„И самый набожный не можетъ имѣть притязанія на награду Божью, и хотя бы онъ прожилъ тысячи лѣтъ, не въ его силахъ воздать даже за мельчайшее изъ многихъ благодѣній, оказываемыхъ ему Господомъ. Поэтому пусть всѣ служатъ своему Создателю не ради надежды на рай, а изъ чистой любви къ Нему и Его завітамъ.—Не обманывай никого, также и не-еврея, умышленно своими дѣйствіями; не злобствуй на людей, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали. Поступай честно въ своихъ дѣлахъ.—Не должно ни съ кѣмъ,

равно и съ иноуѣрцами, дѣйствовать несправедливо. Въ споменіяхъ съ евреями старайся быть такимъ же добросовѣстнымъ, какъ и съ евреями; не давай не-еврею замѣчать его заблужденія, и лучше тебѣ жить милостивѣе, чѣмъ къ позору еврейства и еврейскаго имени убѣгать съ чужими деньгами. Впрочемъ, поведеніе евреевъ въ большинствѣ мѣстъ сообразуется съ поведеніемъ христіанъ. Гдѣ безправственнымъ христіане, тамъ пороки и еврей.—На деньгахъ людей, которые обрѣзываютъ монету, занимаются ростовщичествомъ, употребляютъ фальшивыя мѣры и вѣсы и безчестно ведутъ торговлю, нѣтъ благословенія Божьяго; дѣти и помощники этихъ людей оканчиваютъ тѣмъ, что дѣлаются нищими.—Кто имѣетъ состраданіе къ людямъ, того падеть Богъ.—Величайшій порокъ—неблагодарность; она недовольтельна и относительно животныхъ.—Не говори: „Я воздамъ злою за зло!“ Надѣйся на Бога, и Онъ поможетъ тебѣ.—Зависть и ненависть отстраняй отъ себя; когда тебя бранятъ, молчи.—Когда твоя жена огорчаетъ тебя, и ты ненавидишь ее, то проси Бога не о томъ, чтобы онъ далъ тебѣ другую жену, но чтобы поселилъ въ этой любви къ тебѣ.—Древніе писали сочиненія, но не выставляли на нихъ своихъ именъ; они хотѣли наслаждаться плодами своей дѣятельности не въ этой земной жизни.—Кто оставляетъ себя постами, грѣшитъ. Если бы Богу были удобны посты, Онъ потребовалъ бы ихъ.—Должно молиться только на томъ языкѣ, который понимаешь. Молитва требуетъ набожности, а она невозможна безъ пониманія того, что произносишь въ молитвѣ.—О набожныхъ, дѣлающихъ добро, еврейки или христіане, должно говорить: память ихъ къ добру!—Неправильное мнѣніе набожнаго человѣка не должно быть распространяемо, ибо сказано: Люби ближняго, какъ самого себя,—и притомъ человѣкъ вѣдь не желаетъ, чтобы распространялись его собственные заблужденія.—Въ день страшнаго суда будутъ воедино собраны всѣ, равные между собою по заслугамъ. Но отецъ не будетъ тогда скорбѣть объ отсутствующемъ сынѣ, ибо радости рай и наслажденіе отблескомъ божества преобладаютъ всякую печаль!“

Такимъ образомъ этика Іегуды Благочестиваго вошла въ гавань мистики. Но если идеалы, какъ и его сочиненія, остались только развалинами, то все-таки этическая сторона его ученія—хотя, къ сожалѣнію, и мистическая—получила дальнѣйшую разработку трудами его учениковъ и преемниковъ. Напротивъ того, зародыши той робкой оппозиціи исключительно галахическому направленію, которая безспорно имѣетъ мѣсто въ его міровоззрѣніи, не достигли зрѣлости.

Нѣсколько капель философскаго масла, быть можетъ, помогли бы этой робкой оппозиціи разгорѣться яркимъ пламенемъ; но и этихъ капель не было у нѣмецкихъ евреевъ того времени, которымъ въ заботѣ о существованіи, каждый день висѣвшемъ у нихъ на волоскѣ, было вовсе не до зачатія науки. Когда же, можетъ быть, къ нимъ проникли смутныя вѣсти

объ умственномъ движеніи въ южныхъ странахъ и о находившейся съ этимъ въ связи борьбѣ за и противъ Маймуни, то это пренебреженіе наукъ ввели даже въ обязанность, поучали ему, какъ дѣлу, составляющему заслугу человѣка. Только въ области Талмуда производили они кое-что значительное, если и не самостоятельное. Изъ учениковъ Іегуды Хасида занимаетъ первое мѣсто, какъ главный представитель этого мистическаго хасидизма, *Элеазаръ б. Іегуда* въ Ворисѣ (1280 г.), известный подъ именемъ своего галахически-этического сочиненія «Rokeach». Онъ былъ талмудистъ и мистикъ, авторъ покаянныхъ пѣсень и моральныхъ сочиненій, изучалъ астрономію и писалъ комментаріи къ Сиблейскимъ книгамъ, молитвамъ и вездѣшной «Sefer Iezirah». Но ему не были чужды и выдающіеся мыслители испанско-арабской школы, какъ Саадія, Ибнъ Эзра и др. Въ сочиненіяхъ его, обнимающихъ всѣ области знанія, находимъ пеструю смѣсь ученія объ ангелахъ и Мидраша, философіи и каббалы, суевѣрія и этики. Напротивъ того, его покаянныя пѣсни — числомъ около шестидесяти — просты и безпритязательны, безъ всякихъ мистическихъ добавленій. Главными сочиненіями его считаются «Rokeach» (по числовому значенію его имени) и книга противъ еврейскихъ антропоморфистовъ «Scha'are Sod Hajjichud we Haémunah» (Врата тайны единичности и вѣры), гдѣ рѣзко настаивается на духовности понятія о Богѣ и стрижется вѣратѣхъ, которые принимаютъ Гаггаду буквально. Но ясное положеніе относительно этой Гаггады не удалось, конечно, занять и Элеазеру б. Іегудѣ, и его представленія о небесномъ тронѣ Вождемъ съ его сонми ангеловъ едва-ли достигаютъ высоты тогдашней еврейско-философской школы Испаніи. Онъ наполняетъ весь міръ ангелами, даетъ каждому человѣку ангел-хранителя или ангела судьбы и отыскиваетъ въ словахъ Писанія скрытый «внутренній смыслъ», чѣмъ повятно открывается широкій просторъ фантастическимъ призракамъ того времени. Научнымъ основаніемъ для его теоріи строенія міра служить космогонія «Ворайта Элеазара», которая буквами и числовой акзетикой выработана у него въ какую-то причудливую космографію. Крімъ того онъ, во всей вѣроятности, былъ первый, привѣннившій въ самой широкой степени — въ своемъ большомъ сочиненіи «Sode Raze», о тайнахъ каббалы — мистическую игру числами, состоящую именно въ томъ, чтобы переставлять буквы имени божьяго и стиховъ Писанія, переводить ихъ на числовые звуки, или смотрѣть на нихъ, какъ на сокращеніе знаменательныхъ словъ (Ziruf, Gematria, Notarikon) — игру, которую позднѣйшая каббала сильно эксплуатировала для своихъ цѣлей.

Но что съ другой стороны ставить Элеазара б. Йегуда выше его современниковъ, такъ это его этическое мировоззрѣніе. Любовь къ Богу и смиреніе суть путеводныя звѣзды его жизни, любовь къ человѣку и добродѣтель—его высочайшіе идеалы. Но всѣ добродѣтели—смиреніе и набожность, раскаяніе и цѣломудріе, честность и вѣрность, по его убѣжденію, ничто иное, какъ лучи сознательнаго представленія человѣка о Богѣ, и Элеазаръ славить ихъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, слѣдуя въ этомъ благородному образцу—«Обязанностями Сердца» Бахи, и выставляя ихъ идеалами чистаго состоянія ума и сердца. Въ иное время и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ этотъ человѣкъ несомнѣнно обнаружилъ бы необыкновенную дѣятельность и могъ бы создать значительныя вещи. Его вліяніе на современниковъ было не заурядное, и созданное имъ направленіе разработали менѣе даровитые, но такіе же ревностные ученики его, въ духѣ своего учителя. Оданъ изъ этихъ учениковъ, *Менахемъ* изъ Аквиден, быть можетъ, возстановилъ связь между нѣмецкою мистикой, для которой однако Еп-Sof и десять сефиротъ были еще незнакомыя понятія, и испанско-провансальскою каббалою, которая въ свою очередь не знала игры числами. Онъ сдѣлалъ это посредствомъ различныхъ своихъ сочиненій; главнымъ же образомъ—посредствомъ комментарія на десять сефиротъ и касавшейся того же предмета книги «Kether Schem Tob» (Вѣнецъ добраго имени). Не всѣ однако ученики Йегуды Благочестиваго и Элеазара б. Иакова, которые могутъ считаться отцами нѣмецкой мистики, пошли по указанному въ ихъ сочиненіяхъ пути. Есть даже основаніе думать, что уже младшіе современники и ученики предчувствовали опасность, какая могла быть вызвана этими мистическими стремленіемъ къ Богу, этимъ мечтательнымъ смиреніемъ, въ ихъ скрытой оппозиціи традиціонному ученію. По крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, *Моисей б. Хисдаи* изъ Тахау, называвшійся поэтому также *Моисей Таху*, авторъ различныхъ рѣшеній, комментарий къ Талмуду, ритуальныхъ объясненій и одного сочиненія по религіозно-философскимъ вопросамъ, полемизируетъ очень рѣшительно съ направленіемъ Йегуды, при этомъ правда не менѣе рѣзко выступая противъ представителей философіи, противъ Саадіи, Маймуни, Ибнъ Эзры. Онъ требуетъ буквальнаго пониманія гаггадическихъ изреченій о Богѣ, но тѣмъ не менѣе отвергаетъ мистическія сочиненія съ ихъ грубыми антропоморфизмами, доказывая, что они выдуманы и контрабандно пущены въ ходъ караимами. Моисей Таху есть такимъ образомъ повидимому представитель третьяго направленія въ средѣ тогдашняго еврейства—направленія Галахи,

въ противоположность философіи и мистикѣ. И дѣйствительно, въ галахической области его цитировали, какъ авторитетъ, и къ нему обращались за рѣшеніями по юридическимъ вопросамъ.

Своимъ знакомствомъ съ караимской литературой онъ обязанъ несомнѣнно * старшему современнику, *Петахіи изъ Регенсбурга*, извѣстному какъ писатель-путешественникъ и рассказы котораго были записаны его землякомъ Іегудю Галасидомъ. Они въ настоящее время носятъ заглавіе «Sibbub schel Rabbi Petachia» (Путешествіе рабби Петахіи) и сообщаютъ подробности о путешествіи, предпринятомъ около 1170—1180 г. изъ Праги, по Польшѣ, Россіи, татарскимъ землямъ, странѣ туркменомъ, оттуда на востокъ и потомъ черезъ Грецію обратно въ Регенсбургъ. Записки эти не лишены общаго интереса, хотя и далеко уступаютъ достоинствомъ запискамъ Веніаміана Тудельскаго; подобно этимъ послѣднимъ, и они распространены въ различныхъ переводахъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ направлений, побѣда въ концѣ концовъ осталась въ этомъ періодѣ—первой половинѣ тринадцатаго столѣтія—въ Германіи и Австріи, за галахическимъ и талмудическимъ. Умные и ученые изслѣдователи сдѣлали то и другое господствующимъ въ предѣлахъ тогдашняго еврейства, и какъ односторонній рационализмъ, такъ и чувствительная мечтательность уступили первсе мѣсто серьезному изученію закона божьяго, поднятому на значительную высоту такими людьми, какъ *Меуръ* изъ Ротенбурга и его учитель *Исаакъ б. Моисей* изъ Вѣны. Послѣдній—въ сокращеніи *Ріазъ*, обыкновенно же называвшійся по его главному сочиненію *Исаакъ «Ог сагуаһ»* (Разсвѣтанный свѣтъ)—былъ ученикъ сэра Леона въ Парижѣ и повидному перенесъ его тосафистическій способъ ученія въ Германію. Сочиненіе его, появившееся въ полномъ видѣ только въ новое время, объясняетъ Талмудъ въ порядкѣ его отдѣленій и серій такимъ образомъ, что все содержаніе переработано въ самостоятельныя главы по отдѣльнымъ предметамъ—галахотъ—при чемъ однако авторъ не держится послѣдовательнаго порядка самаго Талмуда. Для исторіи пониманія и обсужденія многихъ, относящихся къ этимъ областямъ Талмуда предметовъ, трудъ Исаака весьма важенъ.

* Это далеко не несомнѣнно: Моисей Тахау говоритъ только, что онъ читалъ караимскія книги, привезенныя изъ Россіи, и нигдѣ нѣтъ указаній, что въ именно Петахіи ихъ привезъ.

Но первымъ равнинскимъ авторитетомъ того времени былъ безспорно *Меиръ б. Барухъ* въ Ротенбургѣ на Тауберѣ (ок. 1225—ок. 1293 г.), прославившійся кромѣ того удивительными обстоятельствами своей жизни. Можно даже сказать, что его личное значеніе почти больше значенія литературнаго, такъ какъ изъ трудовъ его сохранились только галахическія писанія, рѣшенія по юридическимъ вопросамъ—числомъ около 1300—и нѣсколько синагогальныхъ стихотвореній. Но есть историческое основаніе признавать въ его дѣятельности замѣтную противоположность съ направлениемъ *Иегуды Благочестиваго*. Не подчиняясь суевѣрью и преувеличенной чувствительности, онъ признавалъ только одно—изученіе Талмуда, практикуя его заимствованною у французскихъ тосафистовъ методомъ, и славился, какъ первый авторитетъ Германіи и Сѣверной Франціи. Слава эта была такъ велика, что и современники и потомки не называли его «Хасидъ», а придавали титулъ «Великій Свѣтъ»—какимъ до тѣхъ поръ удостоивали только Герцога, Раши, и подобныхъ знаменитостей.

Въ синагогальныхъ стихотвореніяхъ *Меиръ б. Барухъ* подражаетъ возвышенному образцу—*Иегудѣ Галеви*,—*Сіонская Пѣснь* котораго вызвала у него цѣлый рядъ подобныхъ скорбныхъ пѣсенъ, по стихосложенію и постройкѣ очень близкихъ къ образцу, но достоинствомъ конечно ниже его. Полетомъ фантазій и глубиною чувства *Меиръ Ротенбургскій* правда не очень уступаетъ *Иудѣ*, но рѣшительно не можетъ сравниться съ нимъ чистотой языка. Его *Сіонская пѣснь*, принятая также и въ нѣмецкомъ синагогальномъ богослуженіи, оплакиваетъ сожженіе Тора — въ римскія времена, или во время французской инквизиціи въ Парижѣ, объ этомъ трудно догадаться*,—и начинается слѣдующими строфами:

Дошла-ли до тебя, Тора, вѣсть о скорби учениковъ,
Которые, увы, такъ любили пребывать въ твоей тѣни?
Теперь они тяжело стонуть, раненые въ сердце,
Раненые тѣмъ, что ты сдѣлалась жертвою огня.

Они радостно ожидали, что твой яркій блескъ
Сдѣлается свѣточемъ, который озаритъ весь міръ;
И вотъ міръ погруженъ въ тьму, такую ужасную, такую густую,
И нѣтъ ни одного луча, который освѣтилъ-бы эту темноту.

Оттого такъ горько скорбь твоихъ вѣрныхъ,
Оттого рана горитъ какъ палачій огонь,

* Далеко вѣроятнѣе однако второе предположеніе.

Барнапольск., Ист. оар. Литературы, т. I.

Оттого разбитое сердце стонетъ и плачетъ,
Подобно жалобному завыванью совѣ.

Сбрось, Синай, роскошное одѣяніе твое,
Одѣйся, какъ вдова, въ печальный трауръ,
И слезы, текущія изъ мощъ глазъ,
Пусть сольются въ великій и мощный потокъ;

И пусть доведется онъ къ гробницѣ Моисея,
И постучится въ двери его и спросить:
Развѣ есть у него какое нибудь новое ученіе,
Если онъ допуститъ съездъ твои свитки?

Трагическая судьба Менра Ретенбургскаго, бывшаго, — по мнѣнію нѣкоторыхъ — первымъ «великимъ раввиномъ нѣмецкой имперіи», извѣстно. Онъ сдѣлался жертвою хищническихъ склонностей тогдашнихъ властителей и умеръ въ тюремномъ заточеніи въ Энзисгеймѣ. Высокое почтеніе, которымъ окружали этого твердаго человѣка при жизни его, еще усилилось его трагическою судьбою, и она конечно была также причиною того, что нѣкоторые изъ его синагогальныхъ стихотвореній приобрѣли и удержали за собою прочное мѣсто въ богослуженіи — честь, выпадавшая большею частью на долю только произведеній стараго времени. Но даже строго галахическое направленіе, принятое Менромъ въ противоположность Іегудѣ Гахасиду, впоследствии не осталось вполне чуждо мистическимъ заблужденіямъ. Скоро послѣ того, какъ возстановилась связь между хасидизмомъ и Каббалой, мистика овладѣла всей областью Діаспоры и стала находить себѣ тѣмъ болѣе ревностныхъ приверженцевъ, чѣмъ плачевнѣе дѣлалась судьба евреевъ и чѣмъ чаще взоры ихъ подымались изъ юдоли земной скорби къ наслажденіямъ неба и рая.

Въ Испаніи, гдѣ противоположности сталкивались между собою рѣзче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, Каббалѣ пришлось еще выдержать сильную схватку съ философіею. Тамъ не позабылись еще традиціи Маймуни, который энергически отвергалъ всякое таинственное ученіе и о мистической литературѣ говорилъ, что она заслуживаетъ сожженія. Но для приверженцевъ Каббалы это обстоятельство служило только новымъ побужденіемъ подробно заняться тѣми писаніями, которыя богохульно изображали божество по его тѣлеснымъ свойствамъ. Очень характернично, что большинство этихъ приверженцевъ вышли изъ философской школы и что только недо-

вольство крайностями рационалистов заставило их кинуться въ другую крайность.

Что *Назмани* былъ одинъ изъ ревностныхъ распространителей мистическаго ученія, объ этомъ мы уже говорили. На его авторитетъ опирались всѣ послѣдующіе мистики. Каббала для Назмана «божественная мудрость», и весь библейскій текстъ въ его пониманіи растворяется по большей части въ буквенныя стихія, изъ которыхъ можно составлять мистическія названія Бога. Въ этомъ духѣ писалъ и неизвѣстный авторъ несправедливо приписывавшагося *Перему б. Исааку* въ Геронѣ большого сочиненія «Maarecheth Hašlohuth» (Божественный Порядокъ), гдѣ находить стараніе установить полную систему мистическаго ученія. Авторъ идетъ даже дальше, утверждая, что отдѣльныя ученія Каббалы, наприѣръ объ *Ein Sof*, не находятся ни въ Пятикнижьи, ни у Пророковъ и агиографовъ, ни въ Мишнаѣ и Талмудѣ, и дошли до насъ посредствомъ тайной передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но въ еще болѣе вѣскихъ авторитетахъ нуждалась молодая мистика, чтобы доказать свою глубокую древность и найти себѣ доступъ въ общины. Такимъ путемъ и содалась обширная всегдо-эпиграфическая литература, въ которой появилось въ ту пору книга «*Bahir*» (Влескъ), приписанная ни болѣе, ни менѣе, какъ таинству *Нехуніи б. Гакама* и отъ этого получившая заглавіе «*Мидрашъ рабби Нехуніи б. Гакама*». Вымыслу охотно повѣрили, и книга была пущена въ ходъ, какъ священное преданіе.

При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ Каббала распространилась быстро, чѣмъ распространялись когда либо до того времени новыя умственныя теченія въ Испаніи. Изъ Героны, бывшей повидимому мѣстомъ ея рожденія, она въ короткое время прошла всю Испанію въ Толедо, и здѣсь также воспламенила сердце и поработила себѣ умы. Толпы полужнаекъ наводняли страну самыми мудренными идеями и сочиненіями, всѣ точно пьянѣли отъ религіознаго бреда, и люди, воспитанные въ традиціяхъ чистаго мышленія, теперь съ какииъ-то сладострастіемъ предавались новымъ мистическимъ откровеніямъ. Въ пророкахъ и чудотворцахъ въ такое время конечно не было недостатка, за теоретическою Каббалю послѣдовала скоро практическая (*Kabbalah mâasiyth*), занимавшая совершеніемъ чудеса и изготовленіемъ талисмановъ и объявившая войну всякой философіи.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей въ области мистики былъ въ

этотъ періодъ *Тодроса* б. Иосифъ Абулафія* (1280 г.), занимавшій въ Севильѣ, при дворѣ короля Санчо IV, важную должность и доставившій мистическому ученію много приверженцевъ, благодаря своему общественному положенію и своимъ сочиненіямъ, полнилъ таинственнаго экстаза. Будучи потомкомъ того Мемра б. Абулафія, который некогда пошелъ войною на Маймунъ, Тодросъ натурально также выступилъ противъ философіи: онъ сражается съ нею въ каббалистическомъ сочиненіи «*Озаръ Накаводъ*» (Сокровище Чести)—и сражался также страстно, какъ и его предокъ. Такъ какъ—говорилъ онъ— философія отрицаетъ существованіе злыхъ духовъ, то она должна отвергать иду и въ ангеловъ, а потому заслуживаетъ полнаго осужденія. «Они (т. е. философы) бродягъ во тьмѣ и не могутъ понять существованіе веземныхъ духовъ, а ужъ и подавно—высочайшаго Духа, который человѣческому разуму совершенно недоступенъ». Напротивъ того Каббалу и Тодросъ выставилъ какъ божественную мудрость, глубокія тайны которой должны однако оставаться скрытыми отъ непосвященныхъ, и ученію которой онъ находилъ вполне согласными съ талмудическою Гаггадой.

Вокругъ такой выдающейся личности естественно сгруппировались всѣ представители мистическаго ученія въ Испаніи. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія по своему литературному значенію наиболѣе слѣдующіе: *Бахія б. Ашеръ, Авраамъ Абулафія, Иосифъ Генатилія, Исаакъ ибнъ Латифъ, Яковъ б. Шешетъ Герумди*, особенно же *Моисей де Леонъ*. Они привели Каббалу въ опредѣленную, законченную систему и служатъ представителями различныхъ направленій ея, — направленій, характеристическія отличія которыхъ выступаютъ болѣе или менѣе явственно въ ихъ сочиненіяхъ. Если же иные исследователи пытались комбинаваніемъ этихъ различныхъ направленій создать опредѣленные каббалистическія школы, то подобныя попытки, какъ ни остроумны и тонки, быть можетъ, онѣ, остаются все-таки только комбинаціями, которыя въ мало исследованной до сихъ поръ области Каббалы легко могутъ быть вытѣснены другими.

Первый изъ вышеупомянутыхъ писателей, *Бахія б. Ашеръ* (1291 г.) въ Сарагосѣ, правда не принадлежитъ безусловно къ каббалистическому направленію, но и онъ не можетъ освободиться отъ чаръ Каббалы и наконецъ совсѣмъ запутывается въ ея сѣти. Его комментарий къ Пятикни-

* Собственно: *Теодоросъ, Теодорусъ* (Θεόδωρος).

жю, въ которомъ разумная библейская экзегетика перемѣшана съ каббалистическими толкованіями, въ прежнее время много читался и объяснялся. Онъ комментировалъ слово Писавія четырьмя путями—философскимъ и каббалистическимъ, рациональнымъ и гагадическимъ. Будучи ученикомъ бенъ Адерета и современникомъ Нахмани, онъ слѣдовалъ методу того и другаго; главнымъ же образцомъ изъ этихъ двухъ учителей служилъ для него Нахмани, вследствие чего конечно его комментарий къ Вибинъ пользовался большою популярностью и въ народной массѣ. Отому же писателю принадлежатъ сочиненіе по религіи и морали—«Kad Hakemach» (Кружка съ мукой) въ пятидесяти главахъ; не надо замѣтить, что этическое мировоззрѣніе автора крайне ограничено и эгоистично. Въ противеначужность своимъ пресвѣданнымъ предшественникамъ за цѣлое тысячелѣтіе съ лишнимъ онъ настоятельно внушаетъ своимъ читателямъ, что воскресеніе изъ мертвыхъ и рай предназначены на долю исключительно евреевъ—извѣніе, котораго впрочемъ даже въ тѣ чуждые всякой терпимости время, не раздѣлялъ съ ними никто. Сверхъ того Баинъ б. Ашеру приписываются еще комментарий къ книгѣ Іова и сочиненіе «Schulchan Arbah» — правила, какъ держать себя въ нравственномъ отношеніи при четырехъ трапезахъ.

Болѣе значительное вліяніе на развитіе Каббалы имѣлъ писатель, который, самъ будучи продуктомъ философскаго образованія своего времени, сталъ потомъ все глубже и глубже погружаться въ мистику и сдѣлался наконецъ самымъ яркимъ противникомъ философіи. Это—*Исаиъ б. Авраамъ Шикитица* или *Ганатмала*. Уже двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ написалъ свое главное сочиненіе «Ginnath Egoz» (Ореховый Садъ) — орѣхъ этотъ употреблялся въ мистической литературѣ символомъ тайной, скрытой подъ скорлупою мудрости. Здѣсь авторъ самъ заявляетъ, что при екологическомъ процесѣ мышленія у него оставались неудовлетворенными потребности чувства, стремленіе сердца къ высшему откровенію, и что поэтому онъ перешелъ отъ философскихъ воззрѣній къ мистическимъ. Первая часть этого сочиненія занимается въ пяти «стратахъ» экзегетикою имени Нога; вторая—буквами алфавита, причемъ тутъ же нагромождено нѣчто въ родѣ энциклопедіи всѣхъ философскихъ, естественнонаучныхъ и астрономическихъ знаній каббалистовъ; третья трактуетъ о гласныхъ; все это конечно только же отношенію къ мистическому ученію. Много еще различныхъ сочиненій того же автора написаны въ томъ же направленіи; стили ихъ таинувъ, часто поднимашійся на поэтическую вы-

сету, и всюду Гезатилія изучаетъ тайнамъ Каббалы, которой пророкомъ онъ, какъ говоритъ, провозглашалъ себя впоследствии.

Однаковое съ Гезатиліемъ положеніе занимаетъ *Исаакъ б. Авраамъ ибнъ Латифъ* (1250 г.), который однако выступаетъ выѣсть съ тѣмъ и какъ писатель-философъ для того, чтобы бороться съ ученіемъ Аристотеля. Въ Каббалѣ онъ, по ивѣнне поддѣйшнхъ исследователей, дѣйствуетъ съ умысломъ нѣсколько двусмысленно: «одной ногой онъ стоитъ въ философіи, другою въ мистикѣ». Если философія и не представляется ему «истиннымъ путемъ къ святинѣ», то онъ все таки пользуется ею для того, чтобы изъ нея объяснять свои идеи о Богѣ, мірѣ и созданіи. Эзанацію объясняетъ онъ математическими формулами: тутъ происходитъ тоже самое, что въ процессѣ расширенія точки въ линію, линіи въ плоскость и плоскости въ распространенное тѣло. Изъ его сочиненій напечатаны: комментарий къ «Kohelet» и каббалистическія писанія «Scha'are Haschamajim» (Врата Неба), «Zurath Haarez» (форма Земли)—космологія въ 27 главахъ, и «Zegor Hamor» (Миртовая Вѣтвь). Вліяніе, на развитіе самого мистическаго ученія онъ не оказалъ.

Послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи былъ жившій приблизительно за четверть столѣтія до того *Иакобъ б. Шешетъ* изъ Героны, который сильно противопоставлялъ Каббалу философіи и слышать не хотѣлъ о какомъ бы то ни было примиреніи между ними. Обычною рифмованною прозой того времени онъ написалъ свое сочиненіе «Scha'ar Haschamajim» (Врата Неба), въ которомъ выступилъ войномъ противъ «еретиковъ и философовъ» и утверждалъ, что они «повертаютъ на землю истину». Особенно дурно отзывался онъ о школѣ Майнуви, ибо она доказывала, что молитва имѣетъ лишь внутреннюю цѣну и не должна быть дѣломъ только движенія губъ.

Но всѣхъ представителей этого направленія превзошелъ умомъ и знаніемъ *Авраамъ б. Самуилъ Абулабѣя* изъ Сарагоссы (ок. 1240—1292 г.), любитель приключеній и бродяжнической жизни, человекъ, полный необузданной фантазіи, сперва вошедшій чрезъ посредство Гиллея б. Самуила въ наймуновскую философію, потомъ, благодаря «Sefer Iezirah», знакомящійся съ Каббалой, но, не найдя и здѣсь удовлетворенія, отыскивающій все болѣе и болѣе высшее откровеніе въ видѣннхъ и чудесахъ. Чрездѣрнымъ аскетизмомъ онъ доходитъ наконецъ до средства получать высшее пророческое откровеніе,—не это средство ничто иное, какъ уже упомянутая игра числами, игра буквами, замѣна однихъ буквъ другими (No-

tarikon, Ziruf, Gematria); операціи эти Абулафіа производить на всевозможные кудреватые манеры, и онъ представляется ему единственнымъ путемъ для того, чтобы войти въ общеніе съ міромъ духовъ. Онъ лишаетъ Каббалу всякихъ связей съ философіею и отводитъ для нея исключительно одну область—чудснаго. Въ своемъ мистическомъ экстазѣ онъ творилъ также чудеса и этимъ понятнo производилъ пагубное вліяніе на легковѣрный народъ, такъ что даже бенъ Адеретъ, собственно къ Каббалѣ не относящійся враждебно, считалъ долгомъ возстать своимъ авторитетомъ противъ этого фантазера. Абулафіа отъ этого не обратился на путь истины, а напротивъ того, сталъ болѣе и болѣе впадать въ восторженномистическое состояніе и наконецъ выдалъ себя въ Мессіи за пророка, а потомъ и за жадно ожидаемаго Мессію. Высказанное бенъ Адеретомъ осужденіе возмекло Абулафію въ странную оппозицію талмудическому направленію, и онъ не затруднился заявить, что «Мишна — мотла закона» и что тѣ, которые занимаются исключительно изученіемъ Талмуда, страдают неизлечимомъ болѣзнью и стоятъ неизгѣримо ниже знатоковъ Каббалы! Но ученіе современннхъ ему каббалистовъ о сефиротъ онъ рѣшительно не принималъ и даже во временахъ носилъ на себѣ надъ опраделеннымъ для этихъ существъ числомъ десятью. Воссоздать его теорію по сохранившимся большей частью только въ рукописи сочиненіямъ его очень трудно, ибо эти сочиненія принадлежать двумъ различнымъ періодамъ. Въ пору своего перехода отъ философій къ мистикѣ онъ написалъ около двадцати шести различныхъ трудовъ, въ томъ числѣ нѣсколько грамматическихъ разсужденій, комментарий къ «Mogeh», но вѣстѣ съ тѣмъ и къ «Sefer Iezirah». Къ періоду пророческаго откровенія относится двадцать два сочиненія, въ которыхъ и совершаются до безконечности вышеупомянутыя мудренныя операціи съ числами и буквами; между ними особенно выдается «Книга Жизни», явственно обнаруживающая вліяніе, которое оказывала на Абулафію нѣмецкая мистика, главнымъ же образомъ — «Rokeach» Элазара б. Іегуды. Возвѣрнія Абулафіа можно скорѣе прировнять къ христіанской мистикѣ того времени: какъ эта послѣдняя стремится къ непосредственному созерцанію и переживанію божественнаго, какъ она пользуется словомъ Писанія только въ качествѣ переходнаго пункта для того, чтобы этимъ путемъ достигнуть непосредственнаго сношенія съ божествомъ и добыть отъ Него новыя откровенія, такъ и Абулафіа въ своемъ экстазѣ усматриваетъ соединеніе божества съ человѣческой душой «въ ноцѣлау», естественнымъ послѣдствіемъ котораго онъ признаетъ высшее откровеніе, послѣ чего объ-

являеть это послѣднее посредствомъ числовыхъ комбинацій изъ слова Писанія. Подобно своему современнику, христіанскому мистичу Бенавентурѣ, онъ тоже считаетъ мистическую созерцательность за высочайшее на землѣ, за предвкусеніе будущаго блаженства. Какъ «doctos vegetaricia» принималъ «семь ступеней созерцательности», такъ Абулафія сочинилъ семь мистическихъ методовъ толкованія Св. Писанія. Въ сочиненіи «О чудесахъ» онъ заявляетъ сверхъ того, что Христосъ былъ пророкъ, оставшійся непризнаннымъ евреями; такое же итібіе высказалъ уже за полтора ста лѣтъ до того варанитъ Іегуда Гадаси.

Мистическое направленіе свое Абулафія самъ называетъ пророческимъ, и намъ почти повѣтна высказанная имъ однажды жалоба на то, что «между тѣмъ какъ христіане вѣрили его словамъ, евреи, которыхъ было неизвѣстно вычисленіе буквъ имени божьяго, оставались невѣрующими». Онъ пошелъ еще дальше, онъ старался обратить и папу Мартина IV, но эта попытка обошлась ему дорого. Только съ большимъ трудомъ,—какъ рассказываетъ онъ самъ въ описаніи своихъ приключеній и странствій,—избѣгнулъ онъ кестра, благодаря тому, что Богъ далъ ему «двойныя ута». Вѣроятно его не казнили оттого, что ученіе его близко подходило къ известнымъ католическимъ догматамъ. Что такой фантазеръ находилъ приверженцевъ, это крайне характеристично для того времени, въ которое даже такой высокоавторитетный человекъ, какъ бенъ Адоретъ, напрасно обращался къ общинамъ со словами: «въ томъ состоитъ преимущество Израили, что онъ повсюду основательно ислѣдуетъ истину». Дѣло въ томъ, что Каббала уже приобрѣла господство надъ умами и приняла наслѣдіе философіи. Тутъ о приниженіи уже не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что и тѣ, которые могли бы являться посредниками въ этомъ дѣлѣ, сами чувствовали себя уже не совсѣмъ свободными отъ мистическихъ увлеченій.

Такое время было за то крайне благоприятно для пророковъ, мессій и чудотворцевъ, и они дѣйствительно стали являться въ различныя мѣста, возвѣщая конецъ нечестія и зарю освобожденія. Не иначе, которая лучше всего другого характеризуетъ этотъ періодъ, его вѣрившимъ зеркаломъ и виѣстѣ съ тѣмъ источникомъ, гдѣ складается всѣ струи мистическаго ученія, служатъ «Sohar» (Влескъ).

Авторомъ этого важнаго сочиненія наука въ настоящее время признаетъ *Моисея б. Шемтоба де Леонъ* (1287 г.), жившаго въ Гвадалакарѣ во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія. Долго сочинителемъ его считали вышеупомянутаго Авраама Абулафію, а еще дольше—таннанта блестящаго

таинственного вѣра, Симону 6. Юзан *. При жизни дѣйствительнаго автора возникши на этотъ счетъ легкія сомнѣнія; но впоследствии этотъ трудъ, написанный на торжественномъ, если не всегда правильномъ арамейскомъ языкѣ, приобрѣлъ самое высокое значеніе, такъ что онъ можетъ считаться почти канономъ Каббалы. Рѣдко кто въ теченіе послѣдующихъ столѣтій позволялъ себѣ мало-мальски сомнѣваться въ подлинности «Зогара». Только въ прошедшемъ столѣтіи началась борьба противъ поддѣлки, борьба, окончившаяся въ нынѣшнемъ вѣкѣ такою блистательною побѣдой, что теперь едва-ли кто серьезно вѣритъ въ принадлежность перу Симона 6. Юзан сочиненія, дѣйствительный авторъ котораго несомнѣнно зналъ труды Габриэля, Іегуды Галеви, Маймуни, и далъ мѣсто въ своей арамейской рѣчи испанскимъ словамъ, которыя онъ считалъ собственностью еврейскаго языка. Утвержденіе, что «Sohag» дѣйствительно состоитъ изъ отрывковъ старыхъ преданій, которыя въ тринадцатомъ столѣтіи были собраны и дополнены, приводится только за неимѣніемъ чегонибудь болѣе убѣдительнаго: вѣдь нельзя представить себѣ, чтобы подобныя преданія могли оставаться въ теченіе почти тысячелѣтія неизвѣстными людямъ науки; да это сомнѣніе и высказалъ, скоро послѣ появленія книги, одинъ каббалистъ, *Исаакъ Акко*. Но Моисей 6. Леонъ успокоилъ совѣсть ограниченнаго чловека торжественною клятвой, что въ его домѣ въ Авиньѣ сохранилась старая рукопись работы Симона 6. Юзан. Скоро послѣ того Моисей 6. Леонъ умеръ, и благодаря его клятвѣ, «Sohag» считался съ тѣхъ поръ подлиннымъ, не смотря на то, что семья поддѣлвателя послѣ его смерти охотно созналась, что такой рукописи никогда не существовало. Вѣра въ эту книгу обратилась формально въ догматъ, и вредъ, причинявшійся ею всюду, гдѣ господствовала эта вѣра, былъ совсѣмъ немаловажнымъ.

Если имъ теперь познакомятся съ самою книгой, то станутъ понятнымъ, почему она въ то время могла приобрести такое вліяніе. Чары таинственности лежатъ на всѣхъ сочиненіяхъ; онѣ разлиты на каждой страницѣ и очень усиливаются суровою торжественностью арамейской рѣчи, фантастическими фразами и метастическими словами. Съ видной стороны книга «Зогаръ» представляется непрерывнымъ комментариемъ Вибліи, который, однако, отнюдь не вложенъ въ систематическомъ порядкѣ, но составленъ изъ пестрой смеси экзегетики, Каббалы, Галуты, неоплатонической, гно-

* Слѣдуетъ прибавить: за твореніе котораго само сочиненіе себя выдаетъ.

стической и даже Аристотелевой философии. Она состоит из трех главных частей, к которой, однако, присоединяется большое количество побочных. Кроме самого «Зогара» здесь помещены: «Книга Тайн», «Большое Собрание», «Малое Собрание», «Старец», отрывки «Midrasch Rut», «Книга Свѣта» съ добавленіемъ, «Вѣрный Пастырь», «Дворцы», «Тайнство Ученія», «Открытый Мидрашъ», «Тайны Тайнъ», Мидрашъ къ «Пѣснь Пѣсней», разсужденіе «Правды и снотри!», «Мальчикъ» и разныя поученія.

Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ составныхъ частей свѣдующіе исследователи соорудили однако систему Каббалы, систему, которая можетъ быть приблизительно резюмирована слѣдующими основными положеніями. Богъ, вѣчный дѣньми, въ своей сущности неослазаетъ, Его нельзя опредѣлительно обозначить никакимъ образомъ, никакимъ атрибутомъ и никакимъ именемъ. А поэтому онъ Ein Sof или Ajin. Но изъ этой неослазности Богъ, въ своей благодати, выходитъ настолько, насколько это необходимо для того, чтобы дать познать Его величіе, силу и красоту. Это сдѣлалъ Онъ тѣмъ, что принялъ образъ, который дѣлаетъ Его видимымъ для насъ. Образъ этотъ — міръ сефиротъ или первая ступень созданія. Означенный образъ Богъ покрылъ пышною и блестящею одеждою — это вселенная. Сначала Богъ создалъ чисто духовную субстанцію, которую, такъ какъ она была первымъ актомъ созданія, назвали „первоначальною точкою“ или первую сефирю, Kether (Вѣнецъ). Эту субстанцію, въ которой міръ уже лежалъ въ зародышѣ, Богъ надѣлилъ силою производить остальныхъ сефиротъ, которыя такимъ образомъ составляютъ отдѣльные моменты развитія субстанціи. Эманация слѣдовательно происходила въ такомъ порядкѣ: Первая сефира приняла двойное направленіе, такъ что изъ нея произошли два начала — мужское и женское, которыя и на языкѣ Каббалы называются „отецъ“ и „мать“; при этомъ есть еще у нихъ названія Chesed (мудрость) и Binah (Разумъ). Посредникомъ между этими двумя направленіями служитъ медіумъ, въ которомъ они соединяются, такъ что оба эти сефиротъ остаются „неразлучными друзьями“. Посредствующій принципъ носитъ названіе Da'ath (Неопознаніе), но онъ не есть отдѣльная сефира, какъ три предшествующія, представляющія собою первую ступень развитія и которыхъ священное число три есть символъ „познаваемого міра“. Развитіе вступаетъ затѣмъ въ новый фазисъ; за высшею триничностью слѣдуетъ другая триничность, которая тоже состоитъ изъ противоположныхъ началъ — мужскаго Chesed (Благодать), женскаго Din (Право) и по-

средствующаго Tifereth (Красота, Кротость). Эта вторая ступень развитія получила въслѣдствіи названіе „освязаемаго міра“. Слѣдуетъ затѣмъ послѣдняя троицность, мужское начало которой называется Nezach (Сила), а женское Hod (Влестіи), посредствующее же — Iesod (Основаніе). Эта троицность носить названіе „естественнаго міра“. Гармонія всѣхъ сефиротъ обозначается десятою сефирю — Malkuth (Царство). Всѣ эти три фазисы развитія составляютъ съ десятою сефирю одинъ міръ, — міръ сефиротъ или эманация. Изъ него возникли затѣмъ міръ чистыхъ дузовъ или „Троица“, міръ ангеловъ или „Образованіе“, наконецъ міръ демоновъ, который заключаетъ въ себѣ какъ сферы, такъ и матерію, и называется „Дѣйствіе“. Каждый изъ этихъ четырехъ міровъ имѣетъ своихъ сефиротъ, которые всѣ находятся между собою въ связи и втекаютъ одинъ въ другаго. Вліаніе этихъ сефиротъ на міръ совершается естественно только при содѣйствіи Бога; оно и есть именно божественное управленіе міромъ, котораго „органами“ и „каналами“ служатъ сефиротъ. Каждая отдѣльная сефира можетъ быть разсматриваема тройко: сама по себѣ, воспринимающею свыше, сообщающею внизъ. Поэтому сефиротъ называются также «тронною колесницею Бога» (Merkabah), ибо онѣ одніе даютъ намъ возможность и средство познавать Всевышняго. Такъ какъ низшіе міры служатъ только истокомъ высшихъ, то самый нижній нѣтъ конечно самую незначительную долю во всеблагости Божіей; но нѣтъ того, какъ созданіе отдѣлялось отъ своего первоначальнаго источника, этотъ низшій міръ оплотнялся и матеріализировался, въстѣ съ тѣмъ ухудшаясь въ очень значительной степени. Такимъ образомъ, по Каббалѣ, возникли матерія и злое. Но съ возникновеніемъ злаго, созданный Богомъ порядокъ въ природѣ уничтожился бы, если бы Онъ не распространялъ Своего управленія на самыя низшія ступени творенія. Только въ человѣкѣ борьба добра и зла есть не слѣпая игра, а сознательная дѣятельность. Отсюда его высокое положеніе въ цѣли творенія, и такъ какъ высшіе міры постоянно вліяютъ на низшіе, то человѣкъ, соединяющій въ себѣ духъ и матерію, есть собственно связующее звено всѣхъ міровъ, и въслѣдствіе этого стоитъ ближе всѣмъ къ божеству и болѣе всѣмъ похожъ на него. Каббала видитъ, стало быть, въ человѣческой жизни образъ макроkozма, въ который она, какъ уже выше упомянуто, вноситъ половое различіе и побужденіе къ соединенію. Человѣческая душа есть плодъ союза двухъ сефиратъ: Tifereth съ Malkuth; сообразно этому и возвращеніе души къ ея первобытному источнику совершается посредствомъ новаго соединенія обѣихъ

этакъ сефиротъ. Въ связи съ этимъ высокимъ назначеніемъ человѣка, какъ образа и подобія божества, находится и достоинствѣ его „особеннаго Провидѣнія“; онъ — цѣль созданія.

Таковы основные принципы Каббалы. Но въ «Sohar» они распространены еще очень широко и приращены всевозможными мистическими добавленіями, въ которыхъ часто таинственность заступаетъ мѣсто мысли, и тьма — свѣта. Непосвященному почти невозможно представить картину этого умствованія, какъ бы ни близко и точно старались изобразить ее. Зогаръ въ своей совокупности идетъ въ разрѣзъ со всякой логичной и всякою системою. Тутъ идутъ рядомъ уроки высшей набожности и глубочайшее суавѣріе; чистѣйшей истинѣ поучаютъ одновременно съ самой темной мистикою; сочиненіе стоитъ на почвѣ еврейства, а нацѣляетъ собственно на воплощенную въ Мишнахъ и Талмудѣ традицію, которую онъ называетъ „плодомъ древа познанія“, тогда какъ мистическое ученіе есть „плодъ древа жизни“; между нимъ обоняи однако такая же противоположность, какъ между тьмою и свѣтомъ.

Но чтобы дать хотя нѣкоторое наглядное понятіе о своеобразной одеждѣ, въ которую Зогаръ облачаетъ свое ученіе и которой онъ въ сущности и обязанъ свонѣ успѣхомъ, приведемъ нѣсколько характеристическихъ мѣстъ изъ этого сочиненія, одинаково важнаго для исторіи, какъ религіи, такъ и литературы. Въ этихъ мѣстахъ рѣчь идетъ о совершеніи человѣкомъ Бога, и Зогаръ представляетъ это въ слѣдующемъ видѣ, сравнивая божество съ моремъ:

„Источникъ морской воды и водяная струя, исходящая изъ него и потомъ растекающаяся все шире и шире — два отдѣльных предмета. Затѣмъ образуется большой бассейнъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вырываютъ глубокую яму; этотъ бассейнъ получаетъ названіе моря и составляетъ третій предметъ. Незамѣримая глубина раздѣляется на семь теченій, похожихъ на семь длинныхъ сосудовъ“. И когда мастеръ, сдѣлавшій эти сосуды, разбиваетъ ихъ, тогда воды возвращаются къ источнику; и остаются только обломки сосудовъ, высохшіе и безъ воды. Такимъ способомъ Причина Причинъ сотворила десять сефиротъ. *Вилецъ* есть источникъ, откуда истекаетъ безконечный свѣтъ, и потому Высочайшая Причина назвала самое себя „безконечное“, ибо тутъ нѣтъ у нея ни формы, ни образа; тутъ и не существуетъ ни средства познать ее, ни способа познакомиться съ нею. Оттого-то и сказано: не размышляй о томъ, что скрыто отъ тебя. Вслѣдъ за тѣмъ Господь создалъ сосудъ, величинною съ точку, который наполнился изъ этого источника. Это — источникъ *Мудрости*, самой мудрости, по которой Высочайшая Причина назвала себя „мудростию Богомъ“. Потомъ создалъ Онъ сосудъ, равный величинною морю;

этому дали названіе *Разумъ*; онъуда — „разумный Богъ“. Но слѣдуетъ замѣтить, что Богъ мудръ и разуменъ самъ собою, ибо Мудрость и Разумъ обязаны этимъ названіемъ не самимъ себѣ, а Мудрому и Разумному, который наполнилъ ихъ изъ вышеупомянутыхъ источниковъ. Богу стоило только двинуть обратно воду — и все осталось-бы сухимъ. Наконецъ — море раздѣлилось на семь теченій, и оттуда выходятъ наружу семь драгоценныхъ сосудовъ, которыхъ названія: *Благость* или *Величіе*, *Право* или *Сила*, *Красота*, *Трумфъ*, *Слава*, *Фундаментъ* и *Царство*. Оттого Бога называютъ великимъ или благимъ, сильнымъ, великолѣпнымъ, Богомъ побѣдъ, преславнымъ, основаніемъ или фундаментомъ всѣхъ вещей и Царемъ вселенной“.

Такъ рассказываетъ Зогаръ о созданіи сефиротъ, такъ смѣшиваетъ онъ возвышенное и низкое, значительное и ничтожное, нѣжнѣйшую поэзію и темнѣйшую прозу, глубочайшія мысли и самое грубое суевѣріе. Но система, которая стронется здѣсь при всемъ этомъ беспорядкѣ, осталась осеованіемъ Каббалы и оказывала рѣшительное вліяніе на развитіе духовной жизни евреевъ въ продолженіе трехъ столѣтій.

Если мы еще разъ взглянемъ на быстро обозрѣнную нами область, то усмотримъ въ Каббалѣ пеструю смѣсь восточной и греческой философіи, гагадической и послѣдующей мистики, но не найдемъ никакой оригинальной системы. Правда, на мѣсто дуализма Бога и природы она поставила безусловное единство причины и субстанціи, правда и то, что олицетворенія реальнаго свойства она вытѣснила идеями, слѣдовательно миеологию — метафизикой; но за то въ свою очередь игрою идеями и понятіями, словами и числами, равно какъ и ученіемъ объ эманации она затемнила умы, изгнала науку и была причиною того, что за свѣтлою порою свободного развитія мысли послѣдовали мрачныя столѣтія суевѣрія, во время которыхъ мистика пользовалась въ еврействѣ неограниченнымъ господствомъ.

ЭПИГОНЫ.

I.

Тринадцатое столѣтіе представляетъ въ еврейской литературѣ начало упадка. Эпоха эпигоновъ начинается тотчасъ-же послѣ смерти Маймуни, а въ области поэзіи — даже раньше, ибо поэты — современники Маймуни, уже выступаютъ съ робостью эпигоновъ и славятъ своихъ предшественниковъ, какъ «отцевъ пѣснопѣвца». Философы вытѣснили поэзію, и прекрасныя слова Іегуды Галеви о силѣ и священномъ характерѣ поэзіи давно уже утратили всякое значеніе въ еврейскомъ литературномъ кругу. Самъ Май-

муни не обращали на поэзию никакого внимания, или относились неодобрительно къ ея «образамъ и загадкамъ», тайный языкъ которыхъ оставался для него, по его словамъ, непонятнымъ. Онъ находилъ, что забота о рѣчи и развѣрѣ наноситъ ущербъ истинному чувству, и даже религіозное стихотворство порицалъ съ этой точки зрѣнія. Для опредѣленія значенія поэзии въ этотъ періодъ упадка, для точки опоры того сухого размышленія, которое опиралось на авторитетъ Маймуни, въ высшей степени характеристичны слова, влагаемая *Шемтобомъ ибнъ Палкверю* въ уста своему «Ищущему», при встрѣчѣ этого послѣдняго съ поэтомъ:

„Ты, мастеръ пѣнія, — чья художественная пѣсня пробуждаетъ умъ спящихъ — передъ стихотвореніями котораго убѣгаютъ заботы и печали — какъ чиста твои рѣчи, — какъ сладко и нѣжно твои пѣніе! — Я слушалъ твои пѣсни — и знакомился съ твоими стихотвореніями; — въ нихъ блескъ солнца, они утреннее небо безъ малѣйшаго облачка, — сладостью превосходятъ они медъ, — они достойны воспѣвать хороше хвалу Владыкѣ Неба... — Всѣ твои слова очень нѣтко выбираемыя — даютъ умъ и пониманіе тому, кто этихъ способностей лишенъ. — Но такъ какъ Богъ надѣлалъ тебя разумомъ, — то твоя обязанность стремиться къ дѣйствительной истинѣ, — познавать ее, которая есть истинный образъ человека. — Ибо вѣда духъ отличаетъ человека отъ животнаго. — Поэтому и не слѣдуетъ убивать духъ ничтожными выдворами постова — уста которыхъ распространяютъ ложь и обманъ — у которыхъ зло обыкновенно обозначаетъ добро, а добро — зло. — Они строятъ свои пѣсни на живомъ фундаментѣ, — и истинны нѣтъ въ ихъ устахъ. — Мудрецъ говоритъ, что счастливъ тотъ, который съ самой юности не предавался искусству стихотворства, — а посвящалъ себя строгому и серьезному знанію. — Всю жизнь свою стремись къ достиженію глубокихъ основаній мудрости — и бѣги отъ бесполезнаго стихотворства. — Старайся приобретать высшее знаніе — и на него серьезно обращай твой умъ“.

Такая ограниченно-сухая точка зрѣнія характеризуетъ вѣкъ, для котораго не только иссякнулъ источникъ вѣснопѣнія, но въ которомъ исчезло даже пониманіе значенія поэзии. Этотъ взглядъ сдѣлался возможнымъ только тогда, когда миновало время процвѣтанія поэзии, когда мѣсто философской науки заступила «ученость въ философскихъ предметахъ, а искусство поэзии замѣнила ловкость въ выраженіи, большею частью лишенная самостоятельной силы, не производящая никакихъ типовъ, никакихъ образцовыхъ формъ».

Въ эту пору первымъ изъ поколѣнія эпигоновъ представляется *Иуда б. Саломонъ Харизи*, годъ рожденія и смерти котораго покрытъ непроходимымъ мракомъ. Вѣрно только то, что онъ жилъ — но не «про-

цѣталъ»—въ первой четверти тринадцатаго столѣтія. Причина этой неизвѣстности заключается въ томъ, что счастье никогда не благоприятствовало ему, и его репутація, какъ поэта, не была распространена въ такой степени, какъ онъ того заслуживалъ. Когда онъ выступилъ на поприще своей дѣятельности, золотой вѣкъ поэзіи уже миновалъ, и ему первому выпала задача сдѣлаться поэтическимъ критикомъ эпохи свободнаго и радостнаго творчества. Въ способѣ рѣшенія имъ этой трудной задачи заключается его значеніе. Какъ ни интересенъ Харизи въ качествѣ самостоятельнаго поэта—поэта природы, или автора религиозныхъ стихотвореній, или даже юмористическаго дярника—но во всемъ, что онъ создавалъ, нѣтъ той задушевности и яркости красокъ, той силы и того вдохновенія, которыми отличаются поэты золотого вѣка.

Во время перваго изъ многочисленныхъ странствій его кочевой жизни онъ принялся по порученію еврейскихъ вельможъ одного испанскаго города за переводъ знаменитыхъ уже въ ту пору арабскихъ макамъ *Харизи* изъ Басры; за это дѣло онъ взялся очень охотно и исполнилъ его въ своемъ «*Machberoth Ithiel*». Затѣмъ Харизи отправляется дальше и прѣзжаетъ въ Марсель, гдѣ—опять по порученію—дѣлаетъ переводъ на еврейскій языкъ арабскаго коментарія Маймуни къ Мишиѣ, переводъ, отъ котораго однако сохранились только отрывки. Благодаря этому труду, Харизи также былъ впоследствии неоднократно объявленъ еретикомъ, и въ стихотворныхъ сатирахъ на Маймуни дѣлались презрительные намеки и на него. Изъ Франціи этотъ поэтъ-странникъ направляется на востокъ, сперва въ Александрію, потомъ въ Египетъ*, Палестину, Сирію, Грецію, Месопотамію и такъ далѣе, и всюду сочиняетъ стихи и переводитъ. Не особенно разборчивый на матеріалъ, онъ съ большою легкостью, хотя конечно не съ точностью и добросовѣстностью Іуды ибнъ Тиббона, дѣлаетъ переводъ на еврейскій языкъ «*Mogeh Nebuchim*»**, затѣмъ многихъ этическихъ, медицинскихъ, философскихъ и религиозныхъ сочиненій арабовъ и евреевъ, однимъ словомъ всего, съ чѣмъ желали ознакомиться всюду его единовѣрцы, не знавшіе арабскаго языка.

Но самымъ значительнымъ плодомъ его дѣятельности былъ *Диванъ*,

* Слѣдуетъ быть: *остальной Египетъ*, или же: *въ столицу Египта* (Каиръ).

Ред.

** Опіска автора: означенное соч. Маймуни перевелъ какъ казистно, не Іуда ибнъ Тиббонъ, а сынъ его Самуилъ; см. выше стр. 534.

Ред.

«Ташкетоні» — свидѣтельство какъ его поэтическаго юмора, такъ и большого умѣнья распорядиться еврейскимъ языкомъ. Поезія его народа находилась въ упадкѣ; посади себя онъ видѣлъ весну поэтическаго творчества, полную рѣдкой красоты, рядомъ съ собою — суровую осень, убивашую всякій цвѣтъ. И вотъ тутъ созрѣло въ Харизи рѣшеніе создать такой трудъ, который относительно формы стоялъ бы совершенно на ряду съ макамаи Харизи, по отношенію же къ содержанію и тенденціи сохранялъ бы полную самостоятельность. Это и осуществилось въ «Ташкетоні».

Макамой называется по арабски собственно мѣсто, гдѣ собираются для бесѣды о различныхъ предметахъ общественной жизни, а затѣмъ въ переносномъ смыслѣ — видъ поэзіи, занимающій средину между эпосомъ и драмой. Герой макамы обыкновенно своего рода Донъ-Кихотъ, съ которымъ сопоставлена другая личность, моральнаго характера, натурально скрывающая подъ собою самого автора и которая наблюдаетъ за всѣми дѣйствіями этого героя и затѣмъ пересказываетъ ихъ въ макамѣ. *Геманъ Газзрахи* и *Хеберъ Гакени* играютъ эти роли у Харизи въ пятидесяти макамахъ его очень объемистой книги, гдѣ онъ говоритъ обо всемъ — Богѣ и природѣ, человѣческой жизни и страданіяхъ, всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, всѣхъ личныхъ приключеніяхъ и связяхъ, путевныхъ впечатлѣніяхъ, главнымъ же образомъ — о культурномъ состояніи своего народа и еврейской поэзіи. Еврейскій языкъ былъ для него инструментомъ, которымъ онъ владѣлъ такъ, какъ едва ли кто нибудь другой. Правда, соврѣщница языка была до такой значительной степени обогащена нотами и писателями предшествовавшаго періода, что преемникамъ не трудно было принять ее въ свое владѣніе со всѣми правами законнаго наследника; тѣмъ не менѣе, удивительное искусство, съ которымъ Харизи подчинялъ своимъ цѣлямъ неподатливый матеріалъ еврейскаго языка, заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Онъ не былъ ни первымъ по времени авторомъ макамы, ни первымъ юмористомъ въ еврейской литературѣ. Однако его макамы остались образцемъ всѣхъ остальныхъ, и его кипучій юморъ блеститъ точно звѣзда въ темной ночи. То обстоятельство, что Харизи, въ видѣ масштаба для оцѣнки достоинства своихъ стихотвореній, устанавливалъ за нихъ плату, и притомъ значительную — не должно быть вѣняемо ему въ особенно большую вину въ это время трубадуровъ и майстерзингеровъ. Наше время судить на этотъ счетъ строже: оно не хочетъ признавать занятіе поэзіею за ремесло. Но отнюдь не слѣдуетъ ставить Харизи въ одну категорію съ его великими образцами. Онъ самъ

- 2) *Das Wort*, welches *I. Rabinowitsch* hat gepredigt in Gottshaus «Beth Lechem» in Kischinew, den 17 Oktober 1887. (Слово, произнесенное *I. Рабиновичемъ* въ молельнѣ «Велеемъ», въ Кишиневѣ, 17 октября 1887 г. С. М. 45

XIII. ЗАМѢТКИ:

- I. По поводу одной статьи въ «Русской Мысли». *I. Lippert*: «*Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau*». «Новая попытка органическаго построения исторіи человѣческой культуры». Статья *П. О. Н.*, «Русская Мысль», май 1888 г. С. Ф. 64
- II. По поводу рецензій сочиненія «Евреи и Славяне». **И. Варшавскаго**. 50

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой
Восхода“

	въ Россіи:	за границу.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца.	3 ” — ”	3 ” 50 ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя №№ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

3 2044 019 660 729

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
5668060
JUL 25 1984
JUN 7 '77 HP

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 26 1984
6368031

WIDENER
SEP 10 1993

